

КЛИФФОРД САЙМАК

ЗАПОВЕДНИК ГОБЛИНОВ

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Заповедник гоблинов. Романы

Клиффорд Саймак

Аннотация
Клиффорд Дональд Саймак. Заповедник гоблинов
БРАТСТВО ТАЛИСМАНА
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18

Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
ЗАЧАРОВАННОЕ ПАЛОМНИЧЕСТВО
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11

Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37

Глава 38
ТАМ, ГДЕ ОБИТАЕТ ЗЛО
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24

Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
НАСЛЕДИЕ ЗВЕЗД
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19

Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
ЗАПОВЕДНИК ГОБЛИНОВ
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18

Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25

Аннотация

Как и пришельцы, места во Вселенной тоже бывают разные. На иных сделаешь шаг — как окажешься на мертвой земле, где властвует нечистая сила, и, будь ты трижды праведником, надеяться приходится только на собственные смекалку и силу. В причудливом мире Рыцаря фантастики Клиффорда Саймака тесно переплетаются НФ и фэнтези. Мы оказываемся в мире, где летают драконы, творят чудеса великие маги и, самое главное, Добро по-прежнему побеждает Зло.

Клиффорд Дональд Саймак
Заповедник гоблинов

КЛИФФОРД САЙМАК

БРАТСТВО ТАЛИСМАНА

ЗАЧАРОВАННОЕ ПАЛОМНИЧЕСТВО

ТАМ, ГДЕ ОБИТАЕТ ЗЛО

НАСЛЕДИЕ ЗВЕЗД

ЗАПОВЕДНИК ГОБЛИНОВ

«ЭЛЕКТРОКНИГА»

БРАТСТВО ТАЛИСМАНА

Перевод: Кирилл Михайлович Королев

БРАТСТВО

ТАЛИСМАНА

Глава 1

Замок был первым неповрежденным зданием, увиденным ими за два дня путешествия по району, который был опустошен с невероятной и ужасающей тщательностью.

За эти два дня они видели волков, следивших за ними с вершины холмов, лис с волочившимися хвостами, скрывавшихся под кустами, канюков, сидевших на мертвых деревьях или на почерневших балках сожженных ферм и поглядывавших на них со спекулятивным интересом. Они не встретили ни души, только в чаще заметили человеческие скелеты.

Погода была хорошей до середины второго дня, а затем осеннее небо стало затягиваться тучами, подул холодный северный ветер. Временами он хлестал по их спинам ледяным дождем, а то и дождем со снегом.

Вечером, поднявшись на низкий гребень, Дункан Стендиш увидел замок — строение грубой формы, укрепленное палисадами и узким рвом. За палисадами против подъемного моста находился двор, куда загонялись лошади, рогатый скот, овцы и свиньи. По двору ходило несколько

человек, из труб шел дым. Множество мелких строений с отдельными следами пожаров располагалось снаружи палисадов. В целом место выглядело бедным и неряшливым.

Дэниел, крупный боевой конь, который ходил за Дунканом, как собака, встал позади хозяина. Стуча копытцами, за Дэниелом подошла маленькая серая ослица Бьюти нагруженная вьюками. Дэниел поднял голову и подтолкнул хозяина в спину.

— Все в порядке, Дэниел, — сказал ему Дункан. — Мы нашли убежище на ночь.

Конрад поднялся по склону и остановился рядом с Дунканом. Это был массивный человек почти семи футов ростом, и даже для своего роста он выглядел тяжелым. С его плеч свисала до колен одежда из овечьих шкур. В правой руке он держал тяжелую дубину из дубовой ветви. Он молча смотрел на замок.

— Что будем делать? — Спросил Дункан.

— Они видели нас, — ответил Конрад. — Над палисадами высовывались головы.

— Твои глаза острее моих, — заметил Дункан. — Ты уверен?

— Уверен, милорд.

— Перестань называть меня лордом! Я не лорд,

лорд — мой отец.

— Я считаю вас таковым, — сказал Конрад. — Когда ваш отец умрет, вы станете лордом.

— Разрушителей нет?

— Нет, только люди, — ответил Конрад.

— Непохоже, чтобы разрушители прошли мимо такого места.

— Может хозяева отбились? Или разрушители спешили?

— Вряд ли, — возразил Дункан. Судя по всему, что мы видели, они не проходят мимо, даже хижину сжигают.

— Сюда идет Тайни, — сказал Конрад.

— Сейчас он на них посмотрит.

По склону поднимался мастиф. Он остановился возле Конрада. Конрад погладил по голове собаку, и та замахала хвостом. Дункан снова отметил сходство между собакой и человеком. Тайни был великолепным животным. Он почти достигал талии Конрада. На нем был широкий ошейник с металлическими бляхами.

Поглядев на замок, пес насторожил уши и негромко зарычал.

— Ему это не нравится, — сказал Конрад.

— Но это единственный кров, который мы встретили, — возразил Дункан. — Ночь сырая и

холодная.

— Тут наверное есть клопы. И вши тоже.

Ослик прижимался к Дэниелу, чтобы укрыться от ветра. Дункан поправил перевязь меча.

— Мне это нравится не больше, чем тебе и Тайни, но очень уж плохая ночь.

— Будем держаться вместе, — сказал Конрад. — Не дадим им разделить нас.

— Правильно, — согласился Дункан. — В случае чего — уйдем.

Они стали спускаться с холма. Дункан бессознательно сунул руку под плащ — ощупать мешочек на поясе. Когда его пальцы коснулись мешочка, он услышал шелест пергамента и рассердился на себя за это действие. В течении этих двух дней он то и дело совершал дурацкую процедуру — проверял, тут ли манускрипт. Точь-в-точь местный парень, едущий на ярмарку и все время щупающий карман — не потерялся ли его драгоценный пенни.

Коснувшись пергамента, Дункан как бы вновь услышал голос его преосвященства: «На этих нескольких страницах, возможно, находится будущая надежда человечества.»

Хотя, если подумать, его преосвященство мог и преувеличивать, и не все его утверждения сле-

довало принимать всерьез. Но в данном случае Дункан считал, что старый церковнослужитель вполне может быть прав. Узнают они это, конечно, только в Оксенфорде.

Именно из-за этого, из-за этих исписанных мелким почерком листов пергамента он, Дункан, здесь, а не в удобном и безопасном Стендиш Хаузе, и собирается искать убежище в таком месте, где, по мнению Конрада, могут быть только клопы.

— Меня одно беспокоит, — сказал Конрад, поравнявшись с Дунканом.

— Разве тебя может что-нибудь беспокоить?

— Маленький народ, — пояснил Конрад. — Мы никого из них не видели. Кто-нибудь другой мог бежать от разрушителей, но гоблины, гномы и прочие вряд ли побегут.

— Может испугались и спрятались? — Предположил Дункан. — Они умеют прятаться.

Конрад подумал.

— Да, может, и так.

Подойдя к замку, они увидели, что правильно оценили его. Он был весьма нерасполагающим. Одно слово — ветхий. Тут и там из-за палисадников показывались головы, следившие за их появлением.

Мост все еще был поднят, когда они подошли к

вонючему рву. Зловоние было просто непереносимым, и в зеленоватой воде плавало что-то, что вполне могло быть разложившимися человеческими телами.

Конрад закричал головам, торчавшим над палисадами:

— Открывайте! Путники просят крова!

Ничего не произошло, и Конрад заревел снова. Наконец, мост начал рывками опускаться, скрипя и скрежеща. Когда они прошли по мосту, их встретила пестрая толпа бродяг, только бродяги эти были вооружены копьями, а у некоторых были самодельные мечи.

Конрад взмахнул дубиной.

— Разойдись! — Крикнул он. — Дорогу моему господину!

Те попятились, но копий не опустили, и мечи остались обнаженными. Сгорбленный человечек, волоча ногу, отделился от толпы и подошел к прибывшим.

— Мой господин приветствует вас, — проскулил он. — Он просит вас к столу.

— Сначала, — сказал Конрад, — место для животных.

— Здесь есть навес, — ответил скулящий хромой. — Он, правда, открытый, но у него есть

крыша и стена. Для лошади и осла будет сено, а собаке я принесу костей.

— Не костей, — возразил Конрад, — а мяса. Большой кусок, соответствующий ее размерам.

— Я найду немного мяса, — сказал хромой.

— Дай ему монетку, — обратился Дункан к Конраду.

Конрад запустил пальцы в поясной кошелек, достал монету и бросил человеку. Тот проворно подхватил ее и коснулся пальцами лба, правда, немного насмешливо.

Навес был неважным убежищем, но все-таки давал некоторую защиту от дождя и ветра. Дункан расседлал Дэниела и повесил седло на стену палисада. Конрад снял с ослика тюки и положил их поверх седла.

— Разве вы не возьмете седло и мешки с собой? — Спросил хромой. — Целее будут.

— И здесь уцелеют, — ответил Конрад. — Если кто коснется их — переломаю ребра, а то и горло вырву.

Беспутная толпа, встречавшая их у моста, теперь рассеялась. Мост поднялся с протестующим скрипом.

— А теперь, — сказал хромой, — благоволите следовать за мной. Хозяин сидит за ужином.

Главный холл замка был плохо освещен и отвратительно вонял. По стенам его торчали дымящиеся факелы. Тростник, устилавший пол, не менялся несколько месяцев, если не лет.

Он был усеян костями, притащенными собаками или просто брошенными на пол после обгладывания. Тут же лежали собаки, и комната провоняла мочей — собачьей, а может статься, и — человечьей. В дальнем конце холла находился камин, где горели чурбаки. Труба тянула плохо, и дым просачивался в холл. В центре холла стоял длинный стол на козлах, вокруг него сидела разношерстная компания. Мальчики-подростки бегали кругом, подавая блюда и кувшины эля.

Когда Дункан и Конрад вошли в холл, разговор оборвался, и неясные белые лица повернулись к прибывшим. Собаки бросили кости и оскалили зубы. В дальнем конце стола поднялся человек и радостным голосом заревел:

— Добро пожаловать, путники! Подходите и разделите стол с Гарольдом Ривером.

Он повернул голову к прислуживавшим юношам:

— Отгоните с дороги этих проклятых собак, чтобы наши гости могли подойти, не боясь, что их укусят.

Мальчики охотно принялись за дело, разгоняя пинками огрызавшихся, рычавших и визжавших собак.

Дункан выступил вперед:

— Благодарю вас, сэр, за вашу любезность.

Гарольд Ривер был костляв, волосат и неопрятен. В его волосах и бороде, казалось, могли жить мыши. На нем был плащ, когда-то пурпурный, но теперь до того грязный, что цвет был почти неразличим. Меховые обшлага и воротник были поедены молью.

Ривер показал на сиденье рядом с собой

— Прошу садиться, сэр.

— Меня зовут Дункан Стендиш, а человек со мной — Конрад.

— Он ваш слуга?

— Нет, товарищ.

Ривер некоторое время обдумывал этот ответ, а потом сказал:

— В таком случае он сядет с вами.

Он обратился к человеку, сидевшему на соседнем месте:

— Эйнер, убирайся к чертям отсюда. Найди другое место и возьми доску для резки мяса с собой.

Эйнер недовольно встал, взял свою доску и пошел искать другое место.

— Теперь, когда все устроено, — обратился Ривер к Дункану, — благоволите садиться. У нас есть мясо и эль. Эль отличный, насчет мяса — не сказал бы. Есть также хлеб неважного сорта, но зато у нас самый лучший мед, какой только бывает. Когда разрушители напали на нас, старый Седрик, пчелиный мастер, рискуя жизнью, унес ульи и тем спас их для нас.

— Давно это было? — Спросил Дункан. — Когда приходили разрушители?

— Поздней весной. Сначала пришли разведчики орды, их было немного, поэтому и удалось спасти скот и пчел. Когда, наконец, пришла настоящая орда, мы были готовы. Вы, сэр, когда-нибудь видели разрушителей?

— Нет. Я только слышал о них.

— Скверная компания, — сказал Ривер. — Всяких форм и размеров. Бесенята, демоны, дьяволы и множество других, от вида которых скручивает кишки и выворачивает желудок, и у всех свой особый вред. Хуже всего безволосые. Люди, но не люди. Вроде безмозглых идиотов, но крепких и сильных идиотов. Они не знают страха, и у них вечная потребность убивать. На них нет ни единого волоска, они белые, как черви в гнилом полене. Тяжелые, жирные, как черви. На самом-то

деле они не жирные. Мускулистые. Вы в жизни не видели такой мускулатуры. И силы непомерной. Безволосые и другие бегут все вместе и сметают перед собой все. Убивают, жгут, пощады от них не жди. Злоба и магия — это главное в их деле. Сказать не могу, как трудно нам было держать их на расстоянии. Магии мы сопротивлялись, а ярости у нас хватает, хотя один их вид может испугать человека до смерти.

— Но вы, вроде, не испугались.

— Мы не пугались, — подтвердил Ривер. — Мои люди — народ крепкий. Мы наносили им удар за ударом. Мы не хуже их. Мы не собирались отдать им это место, которое мы нашли.

— Нашли?

— Ну, да. Вы сами понимаете, конечно, что мы не из тех, кто обычно живет в таких домах. Видите ли, Ривер — это кличка, просто так, для смеха. Мы — честные рабочие, не могущие найти работу. Здесь таких много. Зная, что работы для нас нет, мы объединились и стали искать спокойный уголок, где мы могли бы вести хозяйство и кормить себя и свои семьи. И вот мы набрели на этот покинутый уголок.

— Вы хотите сказать, что тут никто не жил?

— Ни души. Никого вокруг. Мы посоветовались

и решили войти, конечно, если не придут настоящие хозяева.

— В таком случае вы все вернете им?

— Ну, ясное дело, — сказал Ривер. — Отдадим и пойдем снова искать спокойный угол.

— С вашей стороны это прекрасно, сказал Дункан.

— Спасибо, сэр. Ну, довольно об этом. Расскажите о себе. Вы сказали — путешествуете. В этих краях не часто видишь путешественников. Слишком опасные места.

— Мы идем на юг, — пояснил Дункан, — в Оксенфорд, а затем, возможно, в Лондон-Сити.

— И вы не боитесь?

— Боимся, конечно. Но мы вооружены и будем осторожны.

— Да, осторожность вам понадобится, — согласился Ривер, — вы поедете через самое сердце разоренной земли. Там встретится множество опасностей. Трудно будет с пропитанием. Здесь, скажу, ничего не осталось. Даже воронам, летящим через эту местность, нужно брать провиант.

— Вы, однако, обходитесь.

— Нам удалось спасти скот. Сеяли мы поздно, когда разрушители ушли, и из-за этого урожай

получился бедным. Пшеницы вполовину меньше, ржи и ячменя — вполовину, овса совсем мало. Гречиха полностью погибла. Зато у нас запасы сена. Но наш скот страдает от ящура, и на овец нападают волки.

Перед Дунканом и Конрадом были поставлены доски и огромное блюдо с бычьей ляжкой на одном его конце и бараньим седлом на другом. Второй мальчик принес каравай хлеба и блюдо сотового меда.

За едой Дункан оглядывал стол. Что бы ни говорил Ривер, сидевшие здесь отнюдь не были честными рабочими. У них был волчий взгляд. Видимо, разбойничий отряд во время набега был застигнут разрушителями. Отогнав разрушителей, отряд не нашел ничего лучшего, как осесть здесь, хотя бы на время. Это место было неплохим укрытием. Никто не появится здесь, даже люди закона.

— А где сейчас разрушители? — Спросил он.

— Кто знает? — Ответил Ривер. — Они могут быть где угодно.

— Но здесь почти граница разоренной земли. А был слух, что они в глубине Северной Британии.

— Может быть. Мы не слышали слухов, они сюда не доходят. Вы единственные, кого мы увидели.

Очевидно, вас привело сюда очень важное дело.

— Мы везем сообщения. Больше ничего.

— Вы сказали — в Оксенфорд или Лондон-Сити?

— Именно.

— В Оксенфорде ничего нет.

— Возможно, — сказал Дункан. — Я там никогда не был.

Он обратил внимание, что здесь не было женщин. Ни одной леди за столом, как полагалось бы во всяком порядочном замке. Если здесь и были женщины, то к столу их не допускали.

Один из юношей принес кувшин и налил в чаши путников. Дункан попробовал эль — он был отличный. Он сказал об этом Риверу.

— Следующая партия не будет таковой, — ответил Ривер, — в этом году зерно гораздо хуже и сено тоже. Мы чертовски потрудились с заготовкой сена, пусть даже неважного. Нашей бедной скотине зимой придется туговато.

Большинство сидящих за столом покончило с едой. Многие тут же уснули, положив голову на руки. «Немногим лучше животных, — подумал Дункан, — постелей нет у них, что ли?» Ривер покачивался на стуле, закрыв глаза. Разговоры в холле умолкли.

Дункан отрезал два ломтя хлеба и протянул один Конраду. Свой ломоть он намазал медом. Как и говорил Ривер, мед был великолепный: чистый, сладкий, цветочный, не то что темный и грубый на вкус продукт северных мест.

Дрова в камине прогорели. Некоторые факелы на стенах погасли, но еще распространяли жирный чад. Две собаки разодрались из-за кости. Вонь в холле, казалось, стала еще сильнее.

Приглушенный крик заставил Дункана вскочить. Секунду он постоял, прислушиваясь. Крик повторился. Боевой крик — крик ярости, а не боли. Конрад тоже вскочил.

— Это Дэниел! — Крикнул он.

Они бросились к дверям. Какой-то человек, очнувшись от пьяного сна, преградил Дункану дорогу. Дункан отшвырнул его в сторону. Конрад обогнал Дункана и стал дубиной расчищать путь. Те, кто вошел в контакт с этой дубиной, злобно выли сзади. Собаки с визгом разбегались. Дункан выхватил меч, и металл свистнул в воздухе.

Конрад распахнул дверь, и оба выскочили во двор. Там был разложен большой костер. Перед навесом, где размещались животные, собралась группа людей.

Увидев на дворе Дункана и Конрада, кое-кто

бросился наутек. Дэниел, яростно визжа, стоял на задних ногах, а передними колотил людей перед собой. Один человек неподвижно лежал на земле, другой отползал. Пока Дункан с Конрадом бежали через двор, конь ударил тяжелым подкованным копытом еще одного. В нескольких футах от Дэниела разъяренный Тайни держал человека за горло и свирепо тряс его. Ослик возбужденно молотил копытцами по воздуху.

При виде бежавших через двор мужчин те, кто еще оставался под навесом, сочли за благо дать тягу. Дункан остановился около коня и сказал ему:

— Все в порядке, Дэниел. Мы здесь.

Дэниел обнюхал хозяина.

— Оставь его, — сказал Конрад Тайни. — Он мертв.

Собака презрительно отошла, облизывая окровавленную морду. У человека, которого она выпустила, не было горла.

Двое лежащих перед Дэниелом не шевелились, третий кое-как тащился по двору со сломанной спиной. Кто-то хромал, кто-то согнулся вдвое.

Из двери главного холла высыпали люди. Они собирались в группы и глазели. Ривер пробился сквозь них и подошел к Дункану и Конраду.

— Это что такое? — Загрохотал он. — Я оказал вам гостеприимство, а вы убиваете моих людей!

— Они пытались украсть наше добро, — ответил Дункан. — Скорее всего, они хотели спереть наших животных. А нашим животным, как вы сами видите, это не понравилось.

Ривер прикинулся разъяренным.

— Вранье! Мои люди никогда не унизятся до такой гнусной шутки!

— Ваши люди — гнусный сброд, — сказал Дункан.

— Досадно, — проговорил Ривер, — я не ссорюсь с гостями.

— И не нужно ссориться, — резко ответил Дункан. — Спустите мост, и мы уйдем. Я настаиваю на этом.

Конрад, покачивая дубиной, подошел к Риверу.

— Вы слышали? — Спросил он. — Милорд настаивает.

Ривер хотел отступить, но Конрад схватил его за плечо и повернул кругом.

— Дубина голодная, — предупредил он. — Она уже несколько месяцев не разбивала черепов.

— Спустите мост, — не слишком вежливым тоном потребовал Дункан.

— Ладно, — сдался Ривер. Он крикнул своим:

— Спустите мост, чтобы наши гости могли нас оставить!

— Остальные пусть отойдут подальше, — посоветовал Конрад. — Дайте нам дорогу. Иначе ваша черепушка треснет.

— Остальные отойдите! — Пронзительно завопил Ривер. — Не толпитесь, дайте им проход. Нам не нужны неприятности.

— Если будут неприятности, — заметил Конрад, — вы пострадаете первым.

Он повернулся к Дункану.

— Оседлайте Дэниела и навьючьте Бьюти, а я управлюсь с этим типом.

Мост уже начал опускаться. Он еще не успел удариться о землю за рвом, а они уже были готовы в путь.

— Я подержу Ривера, — сказал Конрад, — пока мы не перейдем мост.

Он дернул Ривера за собой. Люди во дворе стояли далеко позади. Тайни приглядывал за ними. Перейдя мост, они остановились. Конрад выпустил Ривера. Дункан сказал их бывшему хозяину:

— Когда вернетесь, поднимете мост. Не вздумайте посылать своих людей вдогонку за нами. Если вы это сделаете, мы спустим на них лошадь

и собаку. Это боевые животные, и они умеют сражаться, как вы уже видели. Они разнесут ваших людей на куски.

Ривер не ответил и пошел через мост обратно. Очутившись во дворе, он рявкнул:

— Поднимайте!

Завизжали колеса, лязгнули цепи, заскрипело дерево. Мост начал медленно подниматься.

— Пошли, — сказал Дункан, когда мост поднялся наполовину.

Они спустились с холма и пошли по едва заметной тропинке. Тайни шел впереди.

— Куда мы идем? — Спросил Конрад.

— Не знаю, — ответил Дункан, — лишь бы подальше отсюда.

Тайни предупреждающе зарычал. На тропинке стоял человек. Дункан подошел к остановившемуся Тайни, и они вместе двинулись к человеку.

Тот сказал дрожащим голосом:

— Не бойтесь, сэр. Я всего лишь старый Седрик, пчелиный мастер.

— Что ты делаешь здесь? — Спросил Дункан.

— Я пришел проводить вас, сэр. Кроме того я принес вам пищи.

Он поднял мешок, стоявший у его ног.

— Бекон, — сказал он, — ветчина, сыр, каравай

хлеба и немного меду. И я могу показать вам самый удобный и самый скорый путь. Я живу здесь всю жизнь и знаю местность.

— Чего ради ты помогаешь нам? Ты же человек Ривера. Он сказал нам, как ты спасал пчел от разрушителей.

— Я не человек Ривера, — ответил пчелиный мастер. — Я был здесь задолго до того, как он появился. Хорошая была тогда жизнь, для всех хорошая — и для мастера и для его народа. Но когда пришел Ривер, мы не смогли ничего сделать. Мы не умели драться. Ривер и его хулиганы пришли два года назад в Михайлов день, и…

— Но ты остался у Ривера.

— Не остался. Я был оставлен в живых. Меня пощадили, потому что я единственный умел обращаться с пчелами. Мало кто знает пчел, а Ривер, похоже, любит хороший мед.

— Значит я не ошибся, когда подумал, что Ривер и его люди захватили замок и убили всех, кто жил в нем, — проговорил Дункан.

— Ох, — сказал Седрик, — эта несчастная местность пережила тяжелые времена. Сначала Ривер и ему подобные, потом разрушители.

— И ты покажешь, как кратчайшим путем уйти подальше от Ривера?

— Покажу. Я знаю самые короткие тропы. Я их найду в темноте. Когда я увидел, что произошло, я пошел на кухню и собрал провизию, затем прошел над палисадами и стал ждать вас.

— Но если Ривер узнает, он отомстит тебе.

Седрик покачал головой.

— Меня не хватятся. Я всегда с пчелами, даже ночую возле них. Сегодня вечером я пришел, потому что холодно. Если и заметят, что меня нет, подумают, что я с пчелами. И знаете, сэр, для меня честь послужить человеку, который осадил Ривера.

— Вы его не любите?

— Ненавижу. Но что я могу сделать? Слегка цапнуть то тут, то там, вроде, как сейчас. Каждый делает то, что в его силах.

Конрад взял мешок из рук старика.

— Я понесу его. А потом мы переложим этот вьюк на Бьюти.

— Как ты думаешь, Ривер с людьми гонится за нами? — Спросил Дункан.

— Не знаю, — ответил старик. — Думаю, что нет, но кто знает.

— Ты сказал, что ненавидишь его. Так почему бы тебе не уйти с нами? Конечно если тебе не хочется оставаться у него.

— У него — нет. Я охотно бы пошел с вами, но я не могу оставить пчел.

— Пчел?

— Сэр, вы что-нибудь знаете о пчелах?

— Очень мало.

— Это самые удивительные создания. В одном улье их столько, что и не сосчитать. Но они нуждаются в человеческой помощи. Каждый год у них должна быть одна сильная королева, чтобы отложить много яиц. Одна королева, только одна, представьте, и улей будет сильным. Если будет не одна, а больше, пчелы станут роиться, часть их уйдет куда-нибудь, численность в улье уменьшится. И их силу хранит пчелиный мастер, умеющий ухаживать за ними. Он осматривает соты, находит лишних королев и уничтожает их. Он должен также уничтожить слишком старую королеву и проследить, чтобы выросла сильная новая…

— Из-за этого ты и остаешься с Ривером?

Старик выпрямился.

— Я люблю моих пчел, и я им нужен.

— К черту пчел, — сказал Конрад. — Мы так и помрем здесь, болтая о пчелах.

— Я слишком много говорю о пчелах, — согласился старик. — Идите за мной и не отставайте.

Он заскользил как дух перед ними. Шел он то медленно, то бежал, то опять ступал осторожно и медленно, нащупывая нить.

Они спустились в маленькую долину, поднявшись на гребень, опять спустились в долину побольше, снова поднялись. Звезды медленно кружились над ними, луна клонилась к западу. С севера все еще дул холодный ветер, но дождя не было.

Дункан устал. Его тело требовало сна и возмущалось каждым шагом. Один раз он споткнулся, и Конрад сказал ему:

— Садитесь на лошадь.

— Дэниел тоже устал.

Мозг Дункана не участвовал в движении. Ноги сами шли вперед в темноте, в слабом лунном свете, по темным холмам и долинам. Мысли его были далеко. Они вернулись к тому дню, с которого все началось.

Глава 2

Первое предупреждение об избрании Дункана для определенной миссии пришло к нему, когда он спускался по спиральной лестнице к библиотеке, где, как сказал Уэлс, его ждали отец и его преосвященство.

В том, что отец хотел его видеть, не было ничего необычного. Дункан привык, что его звали, но какое дело могло привести в замок архиепископа? Его преосвященство был стар и растолстел от хорошей пищи и недостатка работы. Он редко покидал аббатство. Только что-то очень важное могло заставить его приехать на старом сером муле, который шел медленно, но мягко, что облегчало путешествие человеку, не любившему движение.

Дункан вошел в библиотеку с ее книжными полками до потолка, цветными стеклами в окнах, с оленьей головой над горящим камином. Его отец и архиепископ сидели в креслах у огня. Когда Дункан вошел, оба встали, приветствуя его. Архиепископу это удалось не без труда.

— Дункан, — сказал отец, — у нас гость, которого ты, конечно, помнишь.

— Ваше преосвященство, — проговорил Дункан, торопясь подойти под благословение — как приятно снова увидеть вас!

Он опустился на одно колено. Благословив его, архиепископ сделал символический жест, поднимая Дункана.

— Он должен помнить меня, — сказал архиепископ отцу, — я довольно часто имел причины выговаривать ему. Добрым отцам пришлось немало потрудиться, чтобы вложить латынь или греческий в его сопротивляющуюся голову.

— Но, ваше преосвященство, — возразил Дункан, — все это было так скучно! Зачем нужен грамматический разбор латинских глаголов…

— Чтобы говорить, как подобает джентельмену, — ответил его преосвященство. — Когда они приходят в аббатство и встречаются с латынью, они всегда недовольны. Но ты, несмотря на некоторые отступления, учился лучше, чем большинство остальных.

— С парнем все в порядке, — проворчал отец. — Я и сам-то не слишком знаю латынь. Ваши люди в аббатстве придают ей слишком большое значение.

— Может, и так, — согласился архиепископ, — но это единственное, что у нас есть. Мы не можем

обучать их ездить верхом, орудовать мечом или ухаживать за девушками.

— Давайте оставим шутки и перейдем к делу, — предложил отец. — Садись поближе, сынок. Дело касается тебя.

— Хорошо, сэр, — ответил Дункан. Он сел. Архиепископ глянул на его отца.

— Я буду рассказывать, Дуглас?

— Да, — ответил отец. — Вы знаете об этом больше меня и говорите вы лучше. У вас есть слова для этого.

Архиепископ сложил пухлые пальцы на объемистом животе.

— Два года назад, — сказал он Дункану, — твой отец принес мне манускрипт, который он нашел при разборе семейных бумаг.

— Эту работу, — вмешался отец, — надо было сделать столетия назад. Документы и записи были перемешаны без всякого смысла. Старые письма, дарственные, старинные инструменты — все в беспорядке валялось в ящиках. Разборка всего этого и сейчас не закончена. Я занимаюсь ею от случая к случаю. И не всегда легко понять, что к чему.

— Он принес мне манускрипт, — продолжал архиепископ, — потому что тот был на незнакомом

языке, на таком, который не только твой отец, но и вообще мало кто видел.

— Вроде бы арамейский, — заметил отец. — Кажется, на нем говорил Иисус.

Дункан переводил взгляд с одного на другого. К чему они ведут? Что все это значит, и при чем тут он, Дункан?

— Ты удивляешься, почему это касается тебя? — Спросил архиепископ.

— Да.

— Со временем дойдем и до этого. Так вот, наши добрые отцы разбирали манускрипт. Только двое из них имеют некоторое знакомство с этим языком. Один с трудом сумел прочитать слова, а другой частично перевел. Но я подозреваю, что сделано очень мало. Мы не знаем главного: подлинный это отчет или мистификация. По-видимому, это дневник, отчет о деяниях Иисуса. Не обязательно ежедневный. Есть части, где запись велась ежедневно, и есть пропуски в несколько дней, но тогда ведущий дневник снова возвращается к предыдущей дате и записывает все, что случилось в эти пропущенные дни. Выглядит это так, будто автор дневника жил в то время и был свидетелем того, что записывал. Вроде бы он не был в числе товарищей Иисуса, но каким-то

образом был поблизости. Ну, вроде прихлебателя. Нет никакого намека на то, кем он был.

Архиепископ помолчал, по-совиному глядя на Дункана.

— Ты понимаешь, конечно, какое значение может иметь этот документ, если он подлинный?

— Да, конечно, — ответил Дункан. — Он может дать нам детальный, день за днем, отчет о деяниях господа.

— Не только это, сын, — вмешался отец. — Это был бы отчет очевидца. Это явилось бы доказательством, что человек по имени Иисус действительно существовал.

— Но я не могу…

— Твой отец говорит правду, — перебил архиепископ. — Если не считать этих нескольких листов манускрипта, у нас нет ничего, что могло бы служить доказательством историчности Иисуса. Существует несколько отрывочных записей, показывающих, что такой человек был, но все они сомнительны. Может, явная подделка, может, интерполяция, а может, искажения при переписке монахами, чья набожность иной раз оказывалась выше человечности. Мы верим без доказательств. Святая церковь не сомневается в существовании Христа, но наша религия осно-

вана на вере, а не на доказательствах. Мы о них не думаем. Однако перед нами такое множество неверных и язычников, что о доказательствах приходится подумать. Если этот манускрипт является доказательством, наша мать-церковь сможет с его помощью убедить тех, кто не разделяет нашей веры.

— А также, — добавил отец, — устранит сомнения и скептицизм внутри самой церкви.

— Но вы сказали, что это может быть мистификацией.

— Может, — согласился архиепископ. — Мы склонны думать, что нет. Но отец Джонатан из нашего аббатства не может произвести экспертизу. Нам нужен ученый, знающий арамейский язык, изменения, происшедшие в нем. За прошедшие столетия в этом языке появилось множество диалектов. Современный диалект, на котором еще говорят в некоторых уголках восточного мира, конечно, очень отличается от того, на каком говорили во времена Христа, и даже тогда в разных частях страны были разные диалекты.

— Я счастлив, — сказал Дункан, — что такая вещь вышла из этого дома, но я не понимаю… Вы сказали, что я…

— Во всем мире есть только один человек, кото-

рый может сказать, подлинный это манускрипт или нет. Этот человек живет в Оксенфорде.

— Оксенфорд? На юге?

— Именно. Он живет в маленькой общине ученых, которая за последнее столетие…

— Между нами и Оксенфордом лежат разоренные земли, — сказал отец.

— Мы думаем, — подхватил архиепископ, — что маленький отряд мужественных и преданных людей может проскользнуть через них. Мы с твоим отцом подумывали, не послать ли рукопись морем, но у тех берегов столько пиратов, что честное судно едва ли осмелится бросить там якорь.

— Насколько мал должен быть отряд?

— Как можно меньше, — ответил отец. — Мы не можем послать полк вооруженных людей через половину Британии. Такие силы привлекут к себе слишком много внимания. А маленький отряд, идущий тихо и незаметно, может иметь больше шансов. Конечно, скверно, что отряду придется идти через разоренные земли, но окружного пути нет. Экспедиция была бы много легче, если бы мы знали, где сейчас находятся разрушители, но по нашим сведениям, они могут быть в любом месте на севере. Правда, на прошлой неделе мы получили более новые сообщения: похоже, что

разрушители двигаются в восточном направлении.

Его преосвященство торжественно кивнул.

— Прямо на нас, — отметил он.

— Вы имеете в виду Стендиш Хауз?

Отец Дункана слегка улыбнулся.

— За нас здесь не бойся, сынок. Этот старый замок стоит почти тысячу лет, и кто только на него не кидался. Но если отряд хочет добраться до Оксенфорда, ему надо выступить как можно скорее, пока орда разрушителей не подошла к нашим дверям.

— Вы думаете, что я…

— Да, — ответил отец. — Мы думали об этом.

— Мы не знаем лучшего человека для этого дела, — сказал его преосвященство. — Но ты будешь решать сам. Путешествие будет отягощено большой опасностью.

— Если ты решишь поехать, — сказал отец, — у тебя будет больше шансов на успех, чем у кого-либо другого. Если бы я думал иначе, мы бы не подняли этого вопроса.

— Он отлично тренирован в военном искусстве, — обратился архиепископ к хозяину замка. — Я бы сказал, хотя лично в этом не разбираюсь, что ваш сын — лучший меченосец на

севере. Он очень много читал об исторических войнах…

— Но я ни разу не поднимал меча во гневе, — запротестовал Дункан. — Я больше знаком с фехтованием. Мы столько лет жили мирно, столько лет не было войн…

— Так тебя не посылают в сражение, — мягко заметил отец. — Чем меньше ты будешь сражаться, тем лучше. Твое дело — пройти незамеченным через разоренные земли.

— Но ведь вполне возможно, что мы наткнемся на разрушителей. Полагаю, что я каким-нибудь образом выкручусь, хотя это совсем не та роль, в которой я представлял себя. Мои интересы, как у моего отца и деда, лежат в поместье, в людях, в земле…

— В этом ты не одинок, — отозвался отец. — Многие Стендиши жили на этой земле, но, если было нужно, уходили за нее сражаться, и никто из них не опозорил свой род. Так что перед тобой длинная цепь воинов.

— Кровь скажется, — важно произнес архиепископ. — Кровь всегда сказывается. Хорошие старые фамилии вроде Стендишей — оплот Британии и господа нашего.

— Ладно, — сказал Дункан. — Раз уж вы так

решили, раз хотите, чтобы я участвовал в этой вылазке на юг, то хоть расскажите мне все, что вы знаете о разрушителях и разоренных землях.

— Известно только, что это цикличный феномен, — сказал архиепископ. — Цикл начинается в разных местах примерно каждые пять столетий. Мы знаем, что около пятисот лет назад это произошло в Иберии. За пятьсот лет до этого — в Македонии. Есть указания, что еще раньше то же самое было в Сирии. В область вторгается рой демонов и различных духов. Они сметают перед собой все. Жителей убивают, дома сжигают. Местность остается в полном запустении. Такая ситуация существует неопределенное число лет — от двух-трех до десяти, а то и больше. Затем злые силы вроде бы уходят, народ снова заселяет страну, хотя требуется не меньше ста лет, чтобы восстановить ее. Демоны и их когорты назывались по разному. В этом последнем великом вторжении их зовут разрушителями. Когда-то они звались ордой. Но главное, конечно, сущность этого феномена. Многие ученые ломали себе голову над причинами его возникновения, дошли чуть ли не до сказочных теорий, но ничего реального не придумали. Ясное дело, никто из них, в сущности, не пытался исследовать постра-

давший район, и я их за это не порицаю…

— А теперь, — перебил отец, — вы предполагаете, что мой сын…

— Я не предполагаю, что он будет исследовать. Он должен только постараться пройти через пострадавшую область. Не будь этот Вайс из Оксенфорда так стар, мы могли бы и подождать, но он очень стар и, по последним сведениям, сильно слабеет. Из него уже песок сыплется. Того и гляди, он отойдет к небесным наградам. А он единственная наша надежда. Я не знаю больше никого, кто мог судить о манускрипте.

— А если манускрипт пропадет до того, как будет доставлен в Оксенфорд? — Спросил Дункан.

— Такое может случиться, хотя я знаю, что ты будешь беречь его, как свою жизнь.

— Любой так сделает, — ответил Дункан.

— Это драгоценная вещь, — проговорил его преосвященство, — возможно, самая драгоценная во всем христианском мире. В этих нескольких листах, быть может, заключена будущая надежда человечества.

— Вы можете послать копию.

— Нет, — сказал архиепископ, — посылать надо оригинал. Как бы тщательно ни скопировали — а у нас в аббатстве есть копиисты великого

ума — они могут нечаянно пропустить какую-нибудь характерную деталь, которая окажется существенной при определении подлинности. Мы сняли две копии, они будут храниться в аббатстве под семью замками. Если оригинал будет потерян, у нас останется хотя бы текст, но потеря оригинала будет катастрофой.

— А если Вайс установит подлинность текста, но поднимет вопрос о пергаменте и чернилах? Вдруг он не настолько в них разбирается?

— Сомневаюсь, — возразил архиепископ, — что он поднимет этот вопрос. Со своими товарищами — учеными он решит все вопросы, если признает рукопись подлинной по тексту. Но если все же возникнут такие вопросы, ты найдешь другого ученого. Там должны быть и такие, кто понимает толк в чернилах и пергаменте.

— Ваше преосвященство, — сказал отец, — вы говорили, что были теории насчет разоренных земель, насчет причин этого разорения. Нет ли среди этих теорий приемлемой для нас?

— Трудно выбрать. Все они весьма изобретательны, некоторые обманчивы и логически ненадежны. Только одна, пожалуй, кажется мне более разумной — что разоренные земли используются для восстановления мировых сил зла

— возможно, они иногда нуждаются в покое для обсуждения своих целей, для самоукрепления и восстановления своих сил. Вот они и опустошают местность, превращают ее в место ужаса и отчаяния, что служит им защитным барьером против вмешательства, пока они выполняют какие-нибудь нечестивые ритуалы, необходимые для усиления их на следующие пятьсот лет деятельности зла. Тот, кто предложил эту теорию, хотел доказать, что ослабление зла происходит за несколько лет до разрушения земель и некоторое время после этого великого прироста зла, но я сомневаюсь, что ученому это удастся. Для такого изучения слишком мало данных.

— Если это правда, — сказал Дункан, — тогда наш маленький отряд, идя очень осторожно и избегая столкновений, сможет, пожалуй, пройти незамеченным. Силы зла, убежденные, что опустошение защищает их, будут менее настороженны, чем при других обстоятельствах, и будут заниматься своими делами.

— Пожалуй, ты прав, — согласился отец.

Архиепископ молча слушал разговор отца и сына, сложив руки на животе и полузакрыв глаза, будто боролся с какой-то мыслью. Наконец он зашевелился и сказал:

— Мне кажется, надо серьезно изучать эти великие силы зла, выпущенные в мир за бесчисленные столетия. Мы все время отвечали на это ужасом, объясняли бессмысленным суеверием. Нельзя сказать, что те рассказы, которые мы слышали, безосновательны. Некоторые из них правдивы, другие даже документальны, но немало среди них и вранья, глупых крестьянских сказок, придуманных от безделья. В сущности, у крестьян мало развлечений, только шутки да блуд, вот их и привлекают всякие глупые россказни. Россказни эти только затемняют дело, а мы должны сосредоточиться на понимании этого зла. И у нас ведь хватает глупостей: есть чары и заклинания, чтобы отогнать дьявола, рассказы о людях, превращенных в собак или во что-нибудь худшее. Мы верим, что вулканы могут быть вратами ада. Не так давно мы слышали, что какие-то глупые монахи спустились в шахту и обнаружили там чистилище. Такого рода вещи нам не нужны. Нам нужно понять зло, потому что только понимание окажется для нас почвой, на которой мы сможем сражаться со злом. Мы должны начать эффективную борьбу не только за мир в наших мыслях, за какую-то меру свободы от оскорблений, несправедливости и боли, которые

зло посылает на нас, но и за рост нашей цивилизации. Подумать только, мы столетиями были застойным обществом, мы не прогрессировали. То, что делается каждый день в этом поместье и во всем мире, ни на йоту не изменилось за тысячу лет. Сеют семена и собирают урожай, молотят, как молотили всегда, поля вспахивают теми же малопригодными орудиями, крестьяне так же голодают…

— В этом поместье они не голодают, — возразил отец Дункана. — Здесь никто не голодает. Мы смотрим за своими людьми, а они смотрят за нами. Мы делаем запасы на черный день, и когда такой день приходит, хотя это редко бывает, у нас есть пища для всех и…

— Милорд, — сказал архиепископ, — простите меня, но я говорил вообще. То, что я сказал, не относится к вашему поместью. Я прекрасно знаю это, но в целом, дело обстоит так, как я сказал.

— Наша семья, — продолжал лорд Стендиш, — управляет этими землями почти десять столетий. И, как управляющие страной, мы принимаем на себя безусловную ответственность…

— Простите, но я не имел в виду ваш дом. Я могу продолжать?

— Сожалею, что прервал вас, но я обязан был

разъяснить, что в Стендиш Хаузе никто не голодает.

— Я понял, — сказал архиепископ. — Вернемся к тому, о чем я говорил. Я считаю, что великий груз зла, который лег на наши плечи, работал против любого прогресса. Так было всегда: в древние времена люди изобрели колесо, сделали глиняную посуду, приручили животных, окультурили растения, стали добывать руду. Но после этих первичных начинаний мало что было сделано. Было время — если верить истории — когда появлялись искры надежды. Такая искра зажглась в Греции, но Греция сошла на нет. Казалось, что Рим представляет определенную величину и что-то обещает, но и Рим превратился в пыль. Казалось, что теперь, в двадцатом веке, должны быть какие-то признаки прогресса. Лучшие повозки, лучшие дороги, лучшие плуги и лучшее понимание, как использовать землю, лучшие способы постройки домов, чтобы крестьяне не жили больше в скверных хижинах, лучшие корабли. Иной раз я размышлял над альтернативной историей, над дублем нашего мира, где зло не существует. Мир, где столетия прогресса открыли возможности, о которых мы даже не можем гадать. Это мог быть наш мир, наш двадца-

тый век. Но это всего лишь мечта, конечно. Мы знаем, что где-то на западе, через Атлантику, есть новые земли, как говорят, пустынные. Моряки с юга Британии и с западных берегов Гала ходят туда ловить треску, но немногие, потому что мало достаточно надежных кораблей. А может, и нет большого желания, потому что нам не достает предприимчивости. Мы порабощены злом и такими останемся, пока не сделаем что-нибудь с этим злом. Наше общество больно недостатком прогресса и многого другого. Я часто думаю, что зло питается нашей нищетой, становится от нее сильнее и, чтобы обеспечить себя хорошей пищей, делает все, чтобы эта нищета продолжалась. Мне кажется также, что это великое зло не всегда было с нами. В прежние дни люди шли к некоторому прогрессу, создавая те немногие вещи, которые делали даже такое бедное общество, как наше, теперь возможным. Было время, когда человек работал ради более безопасной и удобной жизни, и это показывает, что он не был придавлен злом, от которого мы страдаем, или, по крайней мере, не так сильно придавлен. Возникает вопрос: откуда же пришло зло? Конечно, сейчас мы не можем ответить. Но одно, по-моему, ясно: зло остановило нас на нашем пути. То

немногое, что у нас есть, мы унаследовали от наших далеких предков, чуточку от греков, самую малость от Рима. Когда я читаю нашу историю, мне кажется, я замечаю обдуманное намерение зла отстранить нас от развития и прогресса. В конце одиннадцатого века наш святой отец Урбан предпринял крестовый поход против язычников, подвергавших гонениям христиан и осквернявших святыни Иерусалима. Великое множество людей собралось под знаменами креста, и, дай им время, они, без сомнения, пробили бы дорогу в Новый Свет и освободили бы Иерусалим. Но этого не случилось, потому что как раз в это время зло напало на Македонию, а позже распространилось на центральную Европу, опустошив ее, создало панику среди участников крестового похода и блокировало их путь. Крестовый поход окончился, не начавшись, и другие не предпринимались, поскольку понадобились столетия, чтобы выйти из хаоса, причиненного этим нападением зла. Из-за этого даже в наши дни святая земля, наша по праву, все еще в руках язычников.

Он смахнул слезы, катившиеся по его полным щекам. Когда он снова заговорил, в его голосе слышалось подавленное рыдание.

— С провалом крестового похода, хотя даль-

нейшие исследования показывали, что это было не по нашей вине, мы лишились последней надежды найти какое-нибудь свидетельство подлинности Иисуса, какое, возможно, еще существовало в те времена, но теперь, без сомнения, исчезло и недостижимо для смертного. Из всего тебе, конечно, ясно, почему мы придаем столь большое значение манускрипту, найденному в этих стенах.

— Время от времени, — заметил лорд, — возникали слухи о крестовых походах.

— Это правда, — ответил его преосвященство, — но никогда ничего не получалось. Сфера действия зла распространялась, и злоба, о которой писали наши историки, вытеснила из нас мужество. Вырвавшись из круга зла, люди скучивались на своих акрах, неся в себе несказанный страх, и, может быть, такая напряженность вновь призывала зло во всей его ярости. Зло снова возникло на Иберийском полуострове и все наши планы были заброшены и забыты, так как полуостров был опустошен и в страну вполз ужас. Два таких свидетельства не могут не вызвать мысли, что зло действительно держит нас на одном и том же уровне, в нищете, чтобы иметь возможность питаться и расти за счет нашей нищеты. Мы

— скот зла, мы пасемся на наших пастбищах и предлагаем злу нашу нищету, когда оно в ней нуждается.

Архиепископ вытер лицо.

— Я думаю об этом ночами, пока не усну. Меня это мучит. Мне кажется, что свет ушел от нас и мы погружаемся в древнюю тьму. Мне кажется, что это конец всему.

— Вы высказывали кому-нибудь эти свои мнения? — Спросил лорд Стендиш.

— Не многим, — ответил архиепископ. — Их это не интересует. Им плевать на то, что я говорю.

В дверь тихо постучали.

— Да, — отозвался хозяин. — Кто там?

— Это я, — послышался ответ Уэлса. — Я подумал, что, может быть, бренди…

— Да, действительно, — воскликнул архиепископ. Он оживился. — Немного бренди было бы неплохо. У вас чудный бренди. Куда лучше, чем в аббатстве.

— Завтра утром, — сквозь зубы сказал лорд, — я пришлю вам бочонок бренди.

— Черезвычайно любезно с вашей стороны, — сладко отозвался архиепископ.

— Давай сюда, — приказал лорд Уэлсу.

Старик принес поднос со стаканчиками и

бутылкой. Осторожно передвигаясь в своих ковровых шлепанцах, он разлил бренди и вручил всем по стаканчику.

Когда он вышел, архиепископ откинулся на спинку кресла и посмотрел бренди на свет.

— Замечательно! — Проговорил он. — Какой чудесный свет!

— Какой отряд вы предполагаете? — Обратился Дункан к отцу.

— Ты намерен идти?

— Собираюсь.

— Так и должно быть, — поддержал архиепископ. — Риск — в высокой традиции вашей семьи и этого дома.

— Традиции, — резко возразил отец, — тут не причем.

Он обернулся к сыну.

— Я полагаю, человек двенадцать.

— Слишком много, — ответил Дункан.

— Возможно. А по-твоему, сколько?

— Два. Я и Конрад.

Архиепископ подавился бренди и выпрямился.

— Двое? А кто этот Конрад?

— Конрад, — ответил отец Дункана, — амбарный рабочий. И он умеет обращаться со свиньями.

— Я не понимаю.

— Конрад и мой сын — друзья с детства. Когда Дункан ходит на охоту или рыбалку, он берет с собой Конрада.

— Он хорошо знает леса, — добавил Дункан. — Он всю жизнь ходит по ним. Когда у него есть время, а это иной раз бывает, поскольку он не перегружен обязанностями, он всегда уходит в лес.

— Мне кажется, — заметил архиепископ, — что хождение по лесам не требует высокой квалификации.

— Может пригодиться, — возразил Дункан. — Мы ведь пойдем по диким местам.

— Этот Конрад, — пояснил отец, — сильный парень семи футов ростом и почти двадцать стоунов весом. Быстрый, как кошка. Полуживотное. Он предан Дункану, готов умереть за него, я в этом уверен. Он носит дубину, здоровую дубину.

— Дубину! — Простонал архиепископ.

— Он ловко управляется с ней, — сказал Дункан. — Если он выступит с ней против десятка меченосцев, я поставлю на Конрада и его дубину.

— Пожалуй, это неплохой выбор, — согласился отец двое пойдут быстро и незаметно. Если придется, они сумеют защититься.

— С нами пойдут Дэниел и Тайни, — сказал

Дункан.

Архиепископ поднял брови, и отец пояснил:

— Дэниел — боевой конь, приученный сражаться. Он заменит троих людей. Тайни — крупный мастиф. Он тоже тренирован для боя.

Глава 3

Седрик ушел задолго до света, после того как вывел их на тропу в густой чаще, где они расположились на отдых. На заре Конрад разбудил Дункана, они позавтракали хлебом и сыром, не желая разводить костер, и снова двинулись в путь.

Погода улучшилась. Ветер стих, тучи ушли, пригревало солнце.

Они шли по пустой лесистой стране с глубокими долинами и феерическими лесными ложбинками. Им пришлось пройти мимо небольшой фермы. Строения были сожжены, урожай остался неубранным. Не было ни одной живой души, если не считать нескольких воронов, пролетевших молча, будто напуганных тишиной местности, да двух кроликов. В целом местность казалась мирной и благополучной, что было страшно, поскольку это были разоренные земли.

Через несколько часов лесная дорога начала круто подниматься. Деревья стали редеть, лес кончился. Перед путешественниками лежал голый скалистый гребень.

— Постойте здесь, — сказал Конрад, — я схожу

на разведку.

Дункан остановился рядом с Дэниелом и смотрел вслед Конраду. Дэниел потерся мягкой мордой о плечо Дункана и тихо заржал.

— Тихо, Дэниел, — сказал Дункан.

Тайни сидел в нескольких шагах от них, наклонившись вперед и насторожив уши.

Бьюти подошла к Дункану с другой стороны, и он потрепал ее по шее.

Тишина вот-вот готова была нарушиться, но так и не нарушилась. Не было ни звука, ни движения. Даже листья не шумели. Конрад исчез среди скал.

Близился вечер. Дэниел запрядал ушами и снова прикоснулся мордой к плечу Дункана, но уже молча.

Появился Конрад, по-змеиному скользя по камням, и быстро спустился с холма.

— Я видел две вещи, — сообщил он.

Дункан молча ждал продолжения. Конрада иной раз приходилось ждать.

— Внизу под нами деревня, — сказал, наконец, Конрад. — Черная, сгоревшая. Кроме церкви. Она каменная, а камень не горит. Никакого движения.

Он помолчал и добавил:

— Мне это не нравится. Я думаю, не обойти ли ее стороной.

— Ты сказал, что видел две вещи.

— Есть долина. Далеко за деревней. По долине спускаются всадники.

— Всадники?

— По-моему, во главе их Ривер. Далеко, но, мне кажется, я его узнал. Их человек тридцать, если не больше.

— Ты думаешь, они ищут нас?

— А зачем им иначе тут быть?

— По крайней мере, мы знаем, где они, — сказал Дункан, — а они не знают, где мы. Странно. Я не думал, что они поедут за нами. Месть может дорого обойтись им в таком месте, как это.

— Не месть, — поправил Конрад. — Им нужны Дэниел и Тайни.

— И поэтому они здесь?

— Очень неплохо иметь боевого коня и боевую собаку.

— Полагаю. Но взять их непросто. Эти животные по доброй воле не сменят хозяев.

— Так что будем делать?

— Будь я проклят, если я знаю, — сказал Дункан. — Они направляются к югу?

— К югу и чуть к западу. Как идет долина.

— Тогда нам лучше свернуть к востоку, обойти деревню и расширить дистанцию между нами.

— Они и так довольно далеко, но чем дальше, тем лучше.

Тайни встал, метнулся влево и зарычал.

— Собака что-то учуяла, — сказал Дункан.

— Человека, — уточнил Конрад, — судя по рычанию.

— А ты откуда знаешь?

— Я понимаю все, что он говорит.

Дункан повернулся посмотреть, что увидел Тайни, но ничего не заметил. Не было никаких признаков человека.

— Дружище, — сказал Дункан в пространство, — я бы на твоем месте вышел. Мне не хотелось бы посылать за тобой собаку.

Некоторое время ничего не происходило, затем кусты зашевелились, и из них вылез человек. Тайни шагнул вперед.

— Оставь его, — сказал собаке Конрад.

Человек был высок и костляв. На нем была рваная коричневая ряса, доходившая ему до лодыжек. На плечах горбился капюшон. В правой руке он держал длинный узловатый посох, в левой — пучок растений.

— Я Эндрю, отшельник, — сказал он. — Я не

собираюсь мешать вам и поэтому, увидев вас, спрятался. Я искал зелень для супа. Может, у вас найдется немного сыра?

— Есть, — проворчал Конрад.

— Я просто мечтаю о сыре, — проговорил отшельник. — Я просыпаюсь ночью и тоскую о кусочке сыра. Я так давно не пробовал его!

— В таком случае, — ответил Дункан, — мы дадим тебе немного. Конрад, может, ты снимешь мешок с Бьюти?

— Подождите минутку, — Сказал Эндрю. — Не обязательно делать это сейчас. Вы ведь путешественники, не так ли?

— Сам видишь, — не очень любезно сказал Конрад.

— В таком случае почему бы вам не переночевать у меня? Я страшно изголодался по человеческим лицам и звукам человеческого голоса. Здесь, правда, есть дух, но разговаривать с ним не то, что с человеком во плоти.

— Дух? — Удивился Дункан.

— Ага, дух. Очень порядочный дух и вполне приличный. Никакого звяканья цепей или стонов по ночам. Он живет в моей келье с того дня, как его повесили разрушители.

— Ясно, что разрушители. А не скажешь ли ты

нам, каким образом ты сам избежал разрушителей? — Спросил Дункан.

— Я прятался в своей келье, — ответил Эндрю. — В сущности, пещера, и она не так тесна, мала и убога, какой должна быть настоящая келья. Боюсь, что я не настоящий отшельник. Я так и не дошел до умерщвления плоти, как делает большинство отшельников. Сначала я вырыл пещеру величиной с келью, но с годами расширял, пока она не стала просторной. Там для вас полно места, она спрятана, так что вы будете в безопасности от всякого наблюдения, а мне думается, что большинство путешественников по таким местам желает этого. Наступает вечер, вам надо искать место для лагеря, а лучшего места, чем моя келья, вам не найти.

Дункан посмотрел на Конрада.

— Как ты думаешь? Подойдет?

— Вы мало спали в прошлую ночь, — ответил Конрад, — я еще меньше. По-моему, этот тип — честный парень.

— Там дух, — предупредил Дункан.

Конрад пожал плечами.

— Духи меня не беспокоят.

— Ну, тогда все в порядке. Веди нас, брат Эндрю.

Пещера находилась в миле от деревни. Они прошли через кладбище, которым, судя по разнородности и состоянию каменных плит, пользовались не одно столетие. Почти в центре его находилась маленькая гробница из местного камня. Когда-то давно, видимо, во время грозы, большой дуб упал поперек могилы, разбил скульптуру на вершине надгробия и сдвинул покрывавшую могилу плиту.

Чуть подальше кладбища находилась пещера отшельника, вырытая в крутом склоне холма. Вход в нее был замаскирован деревьями и густым кустарником, а прямо перед ним болтливый ручей торопился спуститься в глубокий овраг.

— Идите внутрь, — сказал Конрад Дункану, — а я расседлаю Дэниела и сниму поклажу с Бьюти.

Пещера была темной, но даже в темноте чувствовалось пространство. В камине горел небольшой огонь. Отшельник ощупью нашел свечу, зажег ее и поставил на стол. Свеча, разгоревшись, показала толстый тростниковый ковер на полу, грубый стол, такие же скамейки и стул, ящики у земляных стен, в одном углу соломенный матрац, в другом — шкафчик с несколькими свитками пергамента. Заметив, что Дункан взглянул на свитки, отшельник сказал:

— Да, я умею читать, но плохо. В свободное время я сижу здесь при свече, разбираю слова и стараюсь понять древних отцов церкви. Сомневаюсь, чтобы у меня это получилось, потому что у меня простая душа и временами глупая, как сапог, а древние отцы, похоже, больше увлекались словами, чем смыслом. Как я вам уже говорил, я, в сущности, плохой отшельник, но я прилагаю старания, хотя иной раз и сам задумываюсь над истинной профессией отшельника. Я думаю, что отшельники — самые глупые и бесполезные члены общества.

— Однако, — заметил Дункан, — это призвание считается весьма высоким.

— Когда я глубоко задумывался, — продолжал отшельник, — мне приходило на ум, что люди становятся отшельниками лишь для того, чтобы избежать работы, неизбежной в другого рода жизни. Конечно, быть отшельником легче, чем копать землю или выполнять другую физическую работу, которой зарабатывают хлеб. Я спрашивал себя, не из тех ли я отшельников и, по совести сказать, так и не решил этот вопрос.

— Ты говоришь, что прятался здесь, когда пришли разрушители, и что они не нашли тебя. Похоже, это не совсем так. За все наше путеше-

ствие мы не видели ни одного выжившего, если не считать группы бандитов, которые захватили замок и были достаточно ловки и удачливы, чтобы защитить его.

— Вы говорите о Гарольде Ривере?

— Да. Откуда ты знаешь о нем?

— Слово путешествует и по разоренным землям. Здесь есть переносчики слухов.

— Не понимаю.

— Маленький народ. Эльфы, тролли, гномы, феи, домовые…

— Но они…

— Это местный народ. Они живут здесь с незапамятных времен. Иной раз они бывают вредными и неприятными соседями, и доверять им не стоит. Они озорники, но злыми бывают очень редко. Они не связаны с разрушителями, сами прячутся от них и предупреждают многих других.

— И тебя предупредили?

— Да. Пришел гном и предупредил. Я не считал его своим другом, потому что он, бывало, играл со мной жестокие шутки, но, к своему удивлению, я обнаружил, что он самый настоящий друг.

Его предупреждение дало мне время загасить камин, чтобы дым не выдал меня, хотя я сомневаюсь, что такой небольшой дымок может вообще

кого-нибудь выдать: в общем пожарище его просто не увидят. Ведь разрушители жгут все: хижины, амбары, солому, даже уборные. Можете представить?

— Нет, не могу, — ответил Дункан.

В пещеру вошел Конрад и положил у двери седло и вьюки.

— Ты, кажется, говорил о духе? — Прогромыхал он. — Здесь нет никаких духов.

— Дух очень застенчив, — пояснил Эндрю, — и прячется от посетителей. Он думает, что никто не хочет смотреть на него. Для пугливых людей он неприятен, хотя в нем, в сущности, нет ничего пугающего. Как я вам говорил, он очень порядочный и тактичный дух. Он возвысил голос:

— Дух, иди сюда, покажись. У нас гости.

Усик белого пара неохотно вытек из-за шкафчика.

— Иди, иди, — нетерпеливо позвал отшельник. — Можешь показаться. Эти джентльмены не испугаются тебя, и ты хотя бы из вежливости должен поздороваться с ними. — Он тихо сказал Дункану:

— У меня с ним куча беспокойства. Он считает, что быть духом позорно.

Дух медленно сформировался над шкафом и

опустился на пол. Это был классический дух — весь белый. Единственной отметкой была веревочная петля вокруг шеи с болтающимся концом длиною в фут.

— Я дух, — сказал он гулким голосом, — и у меня нет места, которое я обязан посещать. Обычно духи являются на место своей кончины, но что это за место — дуб? Разрушители вытащили мое бедное тело из густой чащи, где я прятался, и незамедлительно вздернули. Я считаю, что они могли бы оказать мне любезность и повесить меня на хорошем дубе, одном из лесных патриархов, которых так много в наших лесах — три человека едва могут обхватить такой дуб. Однако разрушители не подумали об этом и повесили меня на чахлом малорослом дубке. Даже смерть надо мной подшутила. При жизни я просил милостыню у церковных дверей и жил бедно, так как люди считали, что у меня нет оснований нищенствовать, что я могу работать как всякий другой, и что я только прикидываюсь калекой.

— Он был обманщиком, — подтвердил отшельник. — Он мог бы работать, как все.

— Вы слышите? — Возмутился дух. — Даже в смерти на мне клеймо обманщика! С ума сойти!

— Я бы сказал, что ему доставляет удоволь-

ствие обманывать, — добавил отшельник. — Он не силен в тех штуках, что делают другие духи, надоедая самим себе.

— По правде сказать, — заметил дух, — у меня только одна небольшая неприятность: я пария, иначе я не был бы здесь. У меня нет своего места для появления.

— Ну, ты встретился с этими джентльменами и в приличной манере поговорил с ними, — прервал отшельник. — Теперь мы можем вернуться к другим делам, — он повернулся к Конраду. — Вы говорили, что у вас есть сыр.

— Да, и еще бекон, ветчина, хлеб и мед, — подтвердил Дункан.

— И всем этим вы поделитесь со мной?

— Мы не можем есть сами и не поделиться с тобой.

— Тогда я разведу огонь побольше, и мы устроим пир. Я выброшу зелень, которую собрал — конечно, если вы не любите ее. Но может быть с кусочком бекона…

— Я не люблю зелень, — сказал Конрад.

Глава 4

Дункан проснулся ночью и в первую минуту запаниковал, не зная, где он.

Не было никаких ориентиров — кругом тьма и какое-то мерцанье, будто он в тюрьме и ожидает смерти.

Затем он увидел дверь, вернее, отверстие, откуда лился мягкий лунный свет, и Тайни, вытянувшегося у отверстия.

Дункан повернул голову и увидел, что мерцание исходило от камина с горящими углями. В нескольких шагах лежал, раскинув руки, Конрад. Его широкая грудь спокойно поднималась и опускалась.

Отшельника не было видно. Вероятно, он спал в углу на своем матраце. В воздухе слегка пахло дымом, а над головой Дункана висели пучки травы, которые отшельник повесил сушиться. С другой стороны доносился легкий перестук ног — очевидно, там был Дэниел.

Дункан закрыл глаза. Осталось еще несколько часов до рассвета, можно поспать.

Но сон не приходил. События последних дней выстраивались в мозгу Дункана, и этот парад

снова показывал трудность путешествия, в которое пустился Дункан. В этой пещере отшельника было довольно уютно, но за дверью лежала разоренная земля с ее грузом зла. «Не только зло, — думал Дункан, — выслеживает наш маленький отряд, но и банда злых людей, ведомых Ривером. Правда, Ривер исчез где-то впереди, так что можно сейчас забыть о нем.»

Дункан снова вспомнил последние дни в Стендиш Хаузе. Он сидел с отцом в библиотеке.

— Как этот манускрипт оказался в Стендиш Хаузе? — Спросил он отца.

— Кто знает, — ответил старик. — Семейная история длинна и не очень хорошо документирована. Многое вообще пропущено. Есть, конечно, кое-какие сведения, некоторые записи, но большая часть их — легенды из столь давних времен, что теперь не представляется возможным судить, что здесь правда, что — нет. Теперь мы твердо обосновались здесь, но было и другое время. В семейных записях и легендах говорится, что среди нас были бродяги и бессовестные авантюристы. Кто-нибудь из них мог привезти из своих странствий этот манускрипт. Скорее всего, откуда-нибудь с Востока. Может быть это была часть добычи из взятого города, может, он украден из

монастыря или, что менее вероятно, честно куплен за гроши как диковинка. Вероятно, большой ценности в нем не видели, и это понятно, потому что никто не понимал, что это такое, пока документ не попал в руки отцов аббатства. Я нашел его в старом полусгнившем ящике с заплесневелыми бумагами. Манускрипт лежал между другими разрозненными листами пергамента, в основном, не представляющими ценности.

— Но вы увидели или почувствовали в нем какую-то значимость, иначе вы не отправили бы его в аббатство.

— Нет, — признался отец, — я и не думал о его значимости, просто заинтересовался. Я немного читаю по-гречески, как тебе известно, в какой-то степени разбираюсь и в нескольких других языках, правда, слабо, но подобной рукописи я никогда не видел. Я удивился, и меня взяло любопытство, вот я и подумал, не привлечь ли к этому делу кого-нибудь из этих жирных ленивых отцов в конце концов, должны же они иногда что-то делать для нас, хотя бы потому, что мы даем им кров.

Когда в аббатстве надо ремонтировать крышу, они идут к нам за мастерами. Когда им нужно сено, они знают, где его взять, хотя могли бы

накосить и у себя.

— Вы, вероятно, сказали им об этом, вот они и поработали с манускриптом.

— Все-таки это полезная работа, пусть лучше делают ее, чем чваниться, что могут разбирать по складам всякую ерунду. Все скрипториумы — а я подозреваю, что их в нашем аббатстве много — набиты артистическими дураками, которые чересчур высокого мнения о себе. Стендиши владеют этой местностью почти тысячу лет и всегда помогали аббатству. Но аббатство становится все жаднее и требовательнее. Взять хотя бы этот бочонок бренди. Его преосвященство не просил его, но подошел к просьбе так близко, насколько позволяло его высокое звание.

— Этот бренди — ваше больное место, милорд, — улыбнулся Дункан.

Отец раздул усы.

— В этом доме столетиями делался хороший бренди, и мы этим гордились, потому что здешний климат не для винограда. Но мы подрезали, прививали и ухаживали за черенками, пока не получили вино, могущее поспорить с Гальским. И скажу тебе, сын, этот бочонок нелегко достался нам. Его преосвященство хорошо сделает, если будет расходовать его экономно, потому что дру-

гой он получит нескоро.

Некоторое время они молчали, наслаждаясь жаром камина. Наконец, старый лорд зашевелился в кресле.

— То, что мы делаем с виноградом, мы делали и с другими вещами. Наш скот на несколько центнеров тяжелее, чем в других частях Британии. Мы вывели хорошую породу лошадей. Наша шерсть одна из лучших. Наша пшеница холодоустойчива, в то время как многие из наших соседей вынуждены ограничиться рожью. С нашим народом происходит то же, что с урожаем и скотом. Семьи многих крестьян и рабов, работающих на нашей земле, живут здесь почти столько же лет, сколько и наша семья. Стендиш Хауз, хотя тогда он так не назывался, появился во времена смуты и неуверенности, когда жизнь человека была в постоянной опасности. Он начинался как деревянный форт на насыпи, защищенный палисадом и рвом, как защищены многие замки даже в наши дни. Мы, конечно, сохранили наш ров, но теперь он стал привлекательным, в нем водяные лилии и другие декоративные растения, его края засажены цветами и ягодным кустарником, а рыба в нем служит как спортом, так и пищей для любого, кто хочет забросить удочку в его воду.

Подъемный мост через ров остался на месте. По обычаю, мы каждый год поднимаем и опускаем его — удостовериться, что он все еще работает. Конечно, жить стало сейчас чуть более безопасно, но еще не достаточно. Все еще бродят банды грабителей. Но с годами наш дом стал сильнее, и о нашей силе известно повсюду. Но и триста лет назад никакой бандит и грабитель не осмеливался нападать на наши стены. Случалось, что украдут корову или пару овец — только и всего. Такое бывает и теперь. Правда, я не думаю, что мы обязаны своей безопасностью только прочности наших стен. Всем известно, что наш народ еще воинственный, хотя это всего лишь крестьяне и рабы. Мы не держим армию вооруженных бездельников, в этом нет нужды. Если нагрянет опасность, каждый человек в поместье возьмется за оружие, потому что каждый рассматривает эту землю как свою, хотя она принадлежит нам. Таким образом, в неустойчивом и беспокойном обществе мы создали здесь безопасность и мир.

— Я люблю этот дом, — сказал Дункан, — и мне нелегко оставить его.

— Мне тоже нелегко, сын мой, отпускать тебя, потому что ты пойдешь в опаснейшие места, однако я не испытываю большой тревоги, так как

ты умеешь управлять собой. И Конрад — сильный спутник.

— Да. Дэниел и Тайни — тоже.

— Его преосвященство в ту ночь сетовал на недостаток прогресса. Он назвал наше общество застойным. Может, оно и так, но я все-таки вижу в этом кое-что хорошее. Будь здесь прогресс, он обязательно проявился бы в вооружении. А всякий прогресс в армии ведет к постоянной войне, потому что любой вождь или занюханный королишка, получив новое оружие, стремится испробовать его на соседе, полагая, что оно даст ему преимущество.

— Все наше оружие, — сказал Дункан, — исторически личное оружие. Каждый человек должен стоять лицом к врагу на расстоянии вытянутой руки. Лишь немного служит на более дальнюю дистанцию — копья и дротики, но они неудобны, так как их нельзя вернуть назад и бросить второй раз. Они, как и праща — дистанционный фактор. Да, пращой трудно пользоваться: оружие неточное, издалека малоопасное.

— Ты прав, — согласился отец. — Такие, как его преосвященство, оплакивают наше положение, но, по моему мнению, нам очень повезло. Мы достигли такой социальной структуры, кото-

рая служит нашим целям, и всякая попытка ее изменения может вывести нас из равновесия и принести множество бед, о большей части которых мы и не подозреваем.

Неожиданный холод и дыхание мороза отвлекли Дункана от воспоминаний. Он открыл глаза и увидел лицо духа, если это можно было назвать лицом. Оно больше походило на темный овал крутящегося дыма в белизне капюшона. Никаких черт лица не было, просто дымный водоворот, однако у Дункана было впечатление, что он смотрит прямо в лицо.

— Сэр дух, — резко сказал он, — в ваши намерения входило разбудить меня так неожиданно?

Дух согнулся, и было странно, что он мог согнуться.

— Я хотел спросить вашу светлость. Я сначала спросил отшельника, и он рассердился, потому что не знал, как ответить, хотя как человек святой он мог бы знать. Я спросил вашего высокого спутника, так он только заворчал в ответ. Он был оскорблен, что дух смеет с ним разговаривать. Если бы он думал, что во мне есть какая-нибудь субстанция, он, наверное, протянул бы свои окорокообразные руки и задушил меня. Но меня уже больше не задушишь. Я был вполне достаточно

задушен, шея, я думаю, сломалась. Так что теперь я, к счастью, недоступен для подобной низости.

Дункан откинул одеяло и сел.

— Судя по твоему длительному вступлению, твои вопросы необыкновенно важны?

— Для меня — да, — ответил дух.

— Может, и я не смогу на них ответить.

— В таком случае, вы будете не хуже всякого другого.

— Ладно, давай спрашивай.

— Как по вашему, милорд, почему я ношу такой наряд? Я, конечно, знаю, что все духи ходят в таком виде, полагаю, что дух какой-нибудь королевы должен быть одет в черное. Ведь я не был в такой белоснежной мантии, когда меня повесили на дубу. Я был в грязных лохмотьях и страшно боялся, что, повиснув, испачкаю их еще больше.

— Ну, — сказал Дункан, — на этот вопрос я не могу ответить.

— По крайней мере, вы оказали мне любезность, дав честный ответ. Вы не ворчали и не огрызались.

— Может быть, кто-нибудь изучавший такие материи мог бы ответить тебе. Кто-нибудь из служителей церкви, например.

— Ну, я вряд ли скоро встречу служителя церк-

ви, так что я ничего не узнаю. Это не так уж важно, но иной раз беспокоит меня, и я долго размышляю над этим.

— Мне очень жаль.

— У меня есть еще один вопрос.

— Давай. Но ответа обещать не могу.

— Я хотел бы знать, почему это случилось именно со мной. Не все умершие, даже те, кто кончил насильственной или позорной смертью, получают облик духа. Если бы так было со всеми, мир был бы полон духов, и им пришлось бы перейти в другие плоскости. Для живых не осталось бы места.

— На это я тоже не могу ответить.

— В сущности, — сказал дух, — я не был по-настоящему грешной личностью. Я был презренным, но мне никто не говорил, что это грех. Конечно, у меня были грехи, как у каждого, но, насколько я понимаю, это все были небольшие грехи.

— Когда мы впервые встретились, ты жаловался, что у тебя нет собственного места, где ты бы мог являться.

— Я думаю, если бы такое место у меня было, я был бы счастливее, хотя, может быть, духу не полагается быть счастливым. Ну, хотя бы до-

вольным. Наверное это правильно, чтобы дух чувствовал удовлетворение. Будь у меня такое место, я имел бы определенное задание и мог бы его выполнять. Но если в это задание входит бренчание цепями и завывания, то это мне не по вкусу. Если это делать с оглядкой и лишь чуть-чуть показываться людям, тогда еще ничего. Если у меня нет места, где являться, и нет работы, то, может, это возмездие за мой образ жизни, как вы думаете? Я скажу вам то, что не говорил никому и не хотел бы, чтобы вы пустили об этом слух: если бы я хотел, я мог бы делать какую-нибудь работу и жить честно, а не просить милостыню на паперти. Легкую работу, конечно. Я никогда не был сильным человеком, я был слаб, как ребенок. Удивительно, что родители сумели вырастить меня.

— Ты поднимаешь так много философских вопросов, что я не могу с ними справиться.

— Вы говорили, что идете в Оксенфорд. Наверное, посоветоваться с каким-нибудь великим ученым — иначе что там делать? Я слышал, что там много великих ученых церкви и что там происходят ученые диспуты.

— Когда мы туда прибудем, — согласился Дункан, — мы, без сомнения, увидимся с кем-нибудь

из великих ученых.

— Как вы думаете, кто-нибудь из них сможет ответить на мои вопросы?

— Не могу сказать с уверенностью.

— Простите мою дерзость, но я не могу пойти с вами?

— Послушай, — с некоторым раздражением произнес Дункан, — если ты хочешь попасть в Оксенфорд, ты можешь спокойно идти и один. Ты же свободный дух, ты не связан ни с каким местом, куда тебе полагалось бы являться, и никто тебя не может тронуть.

Дух поежился.

— Один я буду бояться смерти.

— Так ведь ты умер. Никто не умирает дважды.

— Правильно, — согласился дух. — Я как-то не подумал об этом. Тогда — скука. Я буду в одиночестве, мне будет очень тоскливо.

— Если ты хочешь идти с нами, — сказал Дункан, — мы вряд ли сможем помешать тебе. Но приглашения ты не получишь.

— Тогда я пойду с вами, — решил дух.

Глава 5

Они завтракали большими ломтями ветчины, овсяным хлебом и медом. Конрад сообщил, что Дэниел и Бьюти нашли себе хорошее пастбище неподалеку, а Тайни добыл себе кролика.

— В таком случае, — заметил Дункан, — мы можем со спокойной совестью продолжать путь: животы у всех полные.

— Если вы не слишком торопитесь, — отозвался отшельник, — я попросил бы вас оказать мне очень большую услугу.

— Если это не займет много времени, — сказал Дункан. — Мы тебе обязаны. Ты дал нам кров и приятную компанию.

— Это недолго, — пояснил Эндрю, — и не трудно для многих рук и крепкой спины ослика. Речь идет об урожае капусты.

— Что за капуста? — Поинтересовался Конрад.

— У кого-то был огород до прихода разрушителей хотя летом за ним никто не ухаживал, но он рос, и я обнаружил его. Огород этот недалеко от церкви, в двух шагах отсюда. Однако там тайна…

— Тайна капусты? — Улыбнулся Дункан.

— Не капусты. Ничего общего с капустой. Де-

ло в других овощах — моркови, горохе, бобах и брюкве. Кто-то их ворует.

— А ты, значит, не воровал.

— Я нашел огород, — упрямо возразил Эндрю. — Я выслеживал того человека, но, как вы понимаете, не слишком храбро, потому что я не воин и вряд ли буду знать, что делать, если поймаю его. Правда, я часто думал, что, если тот человек не драчлив, то даже удобно было бы иметь кого-то, с кем можно приятно провести время. Но там много хорошей капусты, и будет жаль, если она пропадет или вор всю ее утащит. Конечно, я могу собрать и сам, но придется ходить много раз.

— Мы можем потратить время во имя христианского милосердия, — согласился Дункан.

— Милорд, — возразил Конрад, — нам далеко идти.

— Перестань звать меня милордом. Если мы сделаем эту работу, мы пойдем в путь с более чистыми сердцами.

— Если вы настаиваете, я приведу Бьюти.

Огород за церковью продемонстрировал роскошные овощи, росшие среди сорняков, местами достигавших талии высокого человека.

— Ты, конечно, не ломал спину, чтобы очи-

стить огород от сорняков, — заметил Дункан отшельнику.

— Когда я нашел его, было уже поздно, — запротестовал Эндрю, — все уже здорово заросло.

Там были три грядки капусты. Кочаны были крупные, твердые. Конрад развернул мешок, и все принялись за дело — срезать кочаны, очищать их от земли и складывать в мешок.

— Джентльмены, — послышался голос позади.

Он звучал резко и неодобрительно.

Все трое быстро обернулись. Тайни угрожающе поднял морду и зарычал.

Сначала Тайни увидел грифона, а уж потом — женщину, сидевшую на нем. Он замер в изумлении. Женщина была в кожаных брюках и кожаном жакете, с белым шарфом на шее. В руке ее был боевой топор, его лезвие горело на солнце.

— Не одну неделю, — сказала она, — я слежу, как этот шелудивый отшельник ворует, но мне не жаль, пусть берет, вон он какой, кожа да кости. Но я никак не предполагала, что знатные джентльмены станут помогать ему красть.

Дункан поклонился.

— Миледи, мы просто помогаем нашему другу собрать урожай капусты. Мы не знали, что вы

или кто-нибудь еще имеет больше прав на этот огород.

— Я очень старалась, чтобы никто не знал о моем присутствии здесь. В этих местах не следует давать знать о себе.

— Однако, миледи, сейчас вы дали о себе знать.

— Только для того, чтобы защитить то немногое, что у меня есть для пропитания. Я могу позволить вашему другу время от времени брать немного моркови или капусты, но я возражаю против разграбления огорода.

Грифон повернул свою большую орлиную голову к Дункану и оценивающе взглянул на него блестящими золотистыми глазами.

Передние его лапы оканчивались орлиными когтями, задняя половина тела была львиной, за исключением того, что вместо львиного хвоста у него было что-то более длинное и оканчивающееся опасным жалом. Громадные крылья грифона были сложены назад и вверх, прикрывая наездницу. Он защелкал клювом, длинный хвост нервно раскачивался.

— Не бойтесь его, — сказала женщина. — В нем есть что-то от кошки, и к старости он стал добрее. Конечно, вид у него величественный и злобный,

но он не причинит вреда никому до тех пор, пока я не прикажу.

— Мадам, — сказал Дункан несколько смущенно, — меня зовут Дункан Стендиш. Я со своим спутником, тем высоким, путешествую на юг Британии. Мы только прошлой ночью познакомились с Эндрю, отшельником.

— Дункан Стендиш из Стендиш Хауза?

— Да, но я думаю…

— Репутация вашего дома и вашей семьи известна по всей Британии. Однако, я должна сказать, что вы выбрали странное время для путешествия по этим землям.

— Еще более странно найти знатную леди в тех же землях.

— Меня зовут Диана, и я не знатная леди. Я нечто совсем другое.

Эндрю выступил вперед.

— Простите меня, милорд, но я очень сомневаюсь, чтобы леди Диана имела законные или этические права на этот клочок огорода. Он был засажен одним из деревенских жителей до прихода разрушителей, так что она хозяйка этого огорода ничуть не больше, чем я. Если вы думаете иначе, я не стану настаивать.

— Не подобает нам, — сказал Дункан, — стоять

здесь и ссориться из-за этого.

— Правильно, — согласилась Диана, — он совершенно прав. Это не мой огород, но и не его. Мы оба пользовались им. Я не подумала об этом, а просто разозлилась, когда увидела посторонних, также заявляющих права на огород.

— Тогда я хотел бы, — сказал Эндрю, — разделить урожай. Половина капусты ей, половина мне.

— Это мне нравится, — ответил Дункан, — хотя это как-то не по-рыцарски.

— А я не рыцарь, — быстро отпарировал Эндрю.

— Если этот отшельник сможет дать мне некоторую информацию, — сказала Диана, — то пусть забирает всю капусту, потому что тогда она мне не понадобится.

Она слезла с грифона и подошла к ним.

— А почему вы думаете, что у меня есть эта информация? — Спросил Эндрю.

— Вы местный?

— Да.

— Тогда вы можете знать. Был человек по имени Вольферт. Предполагают, что он жил одно время здесь. Когда я приехала сюда после ухода разрушителей, я устроилась в церкви. Она един-

ственная уцелела. Я искала церковные записи и кое-что нашла, но ничего ценного. Ваши приходские священники, сэр отшельник, плохо хранили записи.

— Вольферт, вы сказали? Давно это было?

— Лет сто тому назад, если не больше. Вы что-нибудь слышали о нем?

— Мудрец? Святой человек?

— Он мог прослыть им. Он был колдуном.

Отшельник ахнул и схватился за голову.

— Колдун! — Простонал он. — Вы в этом уверены?

— Вполне уверена. Самый настоящий колдун.

— И не от святой церкви?

— Совершенно точно не от святой церкви.

— В чем дело? — Спросил Дункан. — Что с тобой?

— В святой земле! — Стонал Эндрю, — ох какой стыд! Его похоронили в святой земле, и ему, языческому колдуну — ведь все колдуны язычники, не так ли? — Построили гробницу! Тогда нет ничего удивительного, что дуб упал на могилу!

— Минуточку, — сказал Дункан. — Ты имеешь в виду тот самый дуб, что мы видели на кладбище?

— Расскажите мне, пожалуйста, насчет дуба и

могилы, — попросила Диана.

— Мы шли через кладбище, — пояснил Дункан. — Там есть гробница и упавшее на нее дерево. Похоже, это случилось довольно давно, но оно так и лежит поперек могилы. Плита сдвинулась и треснула. Я еще удивился, почему ее никто не поправил.

— Это старинное кладбище, — сказал Эндрю. — На нем много лет никого не хоронили, поэтому никто и не побеспокоился. Да наверное, очень немногие знают, кто там похоронен.

— Вы думаете, что это могила Вольферта? — Спросила Диана.

— Какой позор! — Плакался отшельник. — Колдун вдруг похоронен в святой земле. Но люди не знали. Откуда им знать? Я слышал об этом Вольферте. Его называли святым, ушедшим от мира в это уединенное место.

— Это и есть та информация, которую вы… — Начал Дункан.

Он замолчал, потому что что-то изменилось. Наступила внезапная тишина.

Собственно, и так было тихо, если не считать звуков насекомых и птиц, но к этим звукам привыкаешь и не обращаешь на них внимания. А сейчас наступила полная тишина, потому что эти

звуки прекратились.

Тишина и странное ощущение ожидания — будто ждешь чего-то неизвестного и подаешься вперед, чтобы быть готовым встретить это.

Остальные тоже заметили тишину, а может быть, и чувство ожидания. Потому что застыли на месте, чутко и напряженно прислушиваясь.

Дункан медленно положил пальцы на рукоятку меча, но не стал вынимать его из ножен, поскольку явной опасности еще не было, хотя ее ощущение тяжело повисло в воздухе. Диана чуть приподняла свой боевой топор. Грифон изменил позу, его орлиная голова стала медленно поворачиваться то в одну, то в другую сторону.

В дальнем конце огорода зашевелились кусты. Оттуда выглянула крупная голова, по виду человеческая, но без шеи, сидевшая прямо на массивных плечах. Голова была лысая и выглядела так, будто волосы на ней вообще никогда не росли.

«Безволосый», — подумал Дункан. Ривер говорил ему о безволосых в ту ночь, когда они остановились в его замке. Высокий белый безволосый слизняк, не доросший до человека.

Меч со свистом вылетел из ножен, и солнце заиграло на нем, когда Дункан сделал символи-

ческий взмах.

— Сейчас увидим, — сказал Дункан то ли себе, то ли Риверу.

Безволосый поднялся во весь рост. Он был чуть выше обычного человека, но вовсе не так высок, как уверял Ривер. Он стоял на кривых полусогнутых ногах, на нем не было никакой одежды, белое, как рыбье брюхо, тело блестело на солнце. В руке небрежно висела громадная суковатая дубина.

Из-за деревьев и кустов появились другие безволосые и выстроились рядом с первым. Они стояли неровной линией, выставив головы вперед, крошечные глазки под выступами лысых бровей смотрели с презрительным интересом. Затем они медленно заковыляли вперед и вдруг стали совершать большие прыжки через сорняки. Их дубины поднялись вверх.

Они шли в атаку молча. Не было ни восклицаний, ни крика, и в этом молчаливом нападении было что-то смертоносное.

Дункан инстинктивно шагнул навстречу.

Главарь оказался прямо перед ним, как будто видел в Дункане особо важную добычу. Дубина безволосого взлетела вверх и быстро опустилась. Дункан отскочил, отвел меч назад и взмахнул им изо всей силы. Меч вонзился в горло безволосого,

и тот упал. Дункан подался в сторону, освобождая меч. Затем он снова замахнулся и ударил другого безволосого. Лезвие попало между головой и плечом и прошло насквозь, отделив голову и второе плечо от туловища.

Краем глаза Дункан увидел, что Диана лежит на земле, выбиваясь из-под тела безволосого. Лезвие топора было в крови, и не было сомнений, что безволосый, упавший на Диану, был мертв. Рядом с ней стоял на задних лапах грифон. В передней когтистой лапе качался безволосый.

Откуда-то донесся крик Конрада:

— Берегитесь, милорд!

Дункан отскочил в сторону, повернувшись в прыжке. Дубина ударила его по плечу. Он покатился по земле и снова вскочил. Безволосый замахнулся вторично.

Дункан взмахнул мечом, но в это время Тайни метнулся к безволосому, и его мощные челюсти впились в руку, державшую дубину.

Безволосый упал. Тайни выпустил руку и схватил упавшего за горло.

Дункан, довольный вмешательством Тайни — о том, кого Тайни держит за горло, можно было уже не беспокоиться — огляделся.

Диана выбралась из-под трупа и бежала к гри-

фону, который когтями и клювом отбивался от трех атакующих, и они уже начали отступать. Позади грифона Конрад дрался с двумя безволосыми. Дубины всех троих сталкивались со страшным грохотом, трещали и сыпали щепками. Чуть подальше безволосый уронил дубину в безнадежной битве с Дэниелом. Конь наступал на него, вытянув шею и оскалив зубы. Затем Дункан увидел, как Дэниел запустил зубы в плечо жертвы и, взмахнув головой, подкинул безволосого высоко в воздух. Отшельника не было и в помине. С подбадривающим криком Дункан бросился на помощь Конраду в его неравном матче, но на бегу споткнулся и упал. В голове вспыхнула пульсирующая боль, казалось, голова вот-вот взорвется. За секунду до взрыва боль отступила, но затем вернулась снова.

Он даже не знал, коснулся ли он земли: он не чувствовал соприкосновения с нею при падении. Позже — он не знал, насколько позже — он обнаружил, что ползет на животе, цепляясь за землю. Такая глупость — ему казалось, что у него нет головы, а на ее месте свалявшийся пух, не видящий и не слышащий. Еще позже — кто знает, когда — кто-то плескал водой ему в лицо и говорил:

— Все в порядке, милорд.

Затем его подняли, взвалили на чьё-то плечо, он хотел протестовать, но не мог произнести ни слова, не мог двигаться, лишь болтался на чужом плече.

Глава 6

Наконец, пришло существование. Но только существование, больше ничего. Бесцельное существование, плывшее куда-то без всяких ориентиров. Оно плыло в пустоте, ни с чем не связанное. Пустота была приятна, и уходить из нее не было необходимости.

Звук. Слабый, идущий издалека. Пустота существования старалась оттолкнуть его, закрыться, потому что даже такой щебечущий звук мог разрушить пустоту, войдя в нее. Но звук не уходил, наоборот, он приближался и усиливался, и стало казаться, что он исходит из множества источников. Сознание плыло в пустоте и терпеливо слушало звук. Щебетанье принесло с собой слово: птицы. Сознание недовольно оттоняло слово, потому что слово не имело значения. Но вдруг пришло понимание этого слова и пришли другие слова.

— Я Дункан Стендиш, — сказала пустота. — Я лежу где-то и слушаю птиц.

Этого было вполне достаточно, даже больше, чем нужно. Лучше бы ничего вообще не было. Раз пришло это, значит, придет и еще, что совсем не

желательно. Пустота хотела вернуться, но не удалось. Раз уж пришло что-то, оно должно войти.

Дункан Стендиш уже не плавал в пустоте, он был чем-то. Или кем-то? Человеком? А что такое человек?

Он медленно начал понимать, кто он, что он, что у него есть голова, в которой бьется тупая боль, и что ощущение комфорта ушло.

Дункан Стендиш лежал в каком-то замкнутом пространстве, лежал спокойно, собираясь с мыслями о всех тех обычных вещах, которые он знал и сейчас открывал заново. Но открывать глаза ему не хотелось. Если он не будет смотреть, может, он вернется назад, в пустоту и комфорт.

Нет, ничего не получилось. Знание сначала вползало в него потихоньку, а теперь хлынуло потоком. Он открыл глаза и через навес из листьев увидел полуденное небо. Он протянул руку и ушиб пальцы о грубый камень. Опустив глаза, он увидел каменную плиту, покрывавшую его почти до плеч. На плите лежал ствол дерева с облупившейся корой.

«Гробница, — испуганно подумал Дункан, — гробница Вольферта, колдуна.» И он, Дункан, лежит в ней. Это Конрад затолкал его сюда, решил Дункан. Конрад мог сделать такую глупость

в убеждении, что делает, как лучше, что это абсолютно логично и что любой поступил бы так.

Да, наверняка Конрад. Кто-то разговаривал с ним, называя милордом, брызгал водой ему в лицо. И кто-то нес его на плече без особых усилий, как мешок с зерном. Это мог сделать только Конрад. Затем Конрад засунул его в гробницу, и у него, конечно, были на то причины.

Первой реакцией Дункана было выбраться, но осторожность удержала его. Там была опасность, и она может оставаться еще там.

Его ударили по голове, вероятно, дубиной, но теперь он вроде бы в порядке, хотя голова побаливала и немного кружилась.

Кроме чириканья птиц, других звуков не было. Дункан прислушивался, не шуршит ли опавшая листва, не хрустнет ли веточка, выдавая чье-то присутствие, но таких звуков не было.

Он пошевелился, проверяя, на чем он лежит. Под ним были сухие листья, напавшие в гробницу за столько лет, и еще что-то. Может, кости колдуна. Он пошарил рядом с собой. Он не видел того, что нащупали его пальцы — мешала каменная плита но понял: сухие листья и какие-то крошки, которые вполне могли быть остатками костей, и было что-то, воткнувшееся ему под

лопатку. Череп, наверное. «Но разве, — подумал Дункан, — череп хранит свою форму и крепость дольше, чем кости?»

Он вздрогнул. Пальцы суеверного страха коснулись его, но он отогнал их: не хватало еще паниковать и завывать в гробнице. Он остается здесь ради безопасности и может разделить это пространство с мертвым. Он чуть изогнулся, желая выкатить череп или что там, давившее на ребра, но эта штука не выкатилась. Похоже, она была тверже, чем череп. Может кто-то из глупой бравады бросил в могилу камень, а потом бежал со всех ног?

Дункан нащупал ножны и убедился, что меч на месте. Конрад, пунктуальный до мелочей в любом деле, нашел-таки время проверить, чтобы оружие было в безопасности и под рукой.

Дункан осторожно поднял голову и выглянул. Под солнцем дремали памятники, больше ничего не было. Он вылез и присел у гробницы, обросшей лишайником.

С холма, с другой стороны гробницы, раздался хруст сломанной ветки.

Кто-то шел. Дункан спокойно вытащил меч из ножен, наклонился ниже, чтобы гробница скрывала его, и пополз вдоль нее к углу — посмотреть,

кто идет.

Он приготовился к быстрым действиям, если они понадобятся, но, увидев шедшего, опустил меч и выпрямился, приветственно помахав Конраду. Тот подошел и остановился против Дункана.

— Слава богу, — сказал он, — вы в порядке.

— А ты?

— Отлично. Несколько синяков, вот и все. Безволосые бежали. Никого нет. Надо было удостовериться, а потом уж возвращаться за вами.

Он положил свою громадную лапищу на плечо Дункана и любовно потряс его.

— Вы уверены, что все в порядке? Вы ведь были как мертвый. Вот я и искал место, где вас спрятать.

— Господи, но зачем в гробницу?

— Необычное место. Никто не подумает заглянуть туда.

— Это правильно. Хитер ты, Конрад. Спасибо тебе.

— Старый лорд велел мне заботиться о вас.

— Я так и думал. А как остальные?

— Дэниел и Тайни очень хорошо. Они стоят на страже позади меня. Бьюти убежала, но Дэниел нашел ее. У Дэниела здоровый синяк на плече.

Мы поколотили безволосых, милорд, здорово поколотили.

— А Диана?

— Она улетела на драконе.

— Это не дракон, Конрад, а грифон.

— Пусть грифон. Она улетела на нем.

— Она не ранена?

— Кровь на ней была, но думаю, что это кровь безволосых, которых она убила. Отшельник удрал, ни волоска не оставил.

— С ним просто, — заметил Дункан. — Он вернется в свою пещеру.

— А мы что будем делать?

— Подумаем и решим.

— Разрушители теперь знают о нас и будут выслеживать.

— Видно, глупо было думать, что нам удастся проскользнуть мимо них, — сказал Дункан.

Когда они говорили об этом в Стендиш Хаузе, это казалось вполне возможным. Опустошенный район велик, и как-то не думалось, что разрушители могут уследить за всем. Но они, видимо, выработали какую-то систему охраны по окружности разоренного места. Скорее всего, они поставили безволосых в качестве пикета, чтобы следить за каждым, кто там появится. Видимо,

поэтому они и встретили только безволосых, а не других членов орды.

— Вернемся обратно в пещеру отшельника? — Спросил Конрад. — Может, переночуем здесь?

— Пожалуй, вернемся. Надеюсь, что отшельник появится. Я хотел бы поговорить с ним.

Конрад пошел было, но Дункан остановил его.

— Подожди, я хочу посмотреть на одну вещь.

Он обошел гробницу и заглянул внутрь.

— Я думал, что кто-то бросил камень, но похоже, это что-то другое, блестящее. Камень так не блестит.

Дункан вытащил это.

— Безделушка, — фыркнул Конрад.

— Да, пожалуй. Но зачем она здесь?

Вещь была грушевидной формы, размером с мужской кулак. Ее покрывал кружевной золотой орнамент. В промежутке узора были вставлены крохотные сверкающие камешки. Сам предмет под орнаментом был из серебра. С шейки груши свисала цепочка, видимо, тоже золотая, но не такая блестящая, как сетка орнамента. Дункан передал безделушку Конраду, а сам еще раз нагнулся над могилой. Из одного угла на него оскалился череп.

— Покойся с богом, — сказал ему Дункан.

Оба мужчины направились к пещере отшельника.

Глава 7

— Я уж думал, — сказал отшельник, — что мне так и не удастся сказать вам, что я не только набожный человек, но и отчаянный трус. Мое сердце кричало, чтобы я помогал вам, а ноги приказывали удирать. В конце концов, они победили и унесли меня со всей скоростью, на какую способны.

— Мы справились и без тебя, — сказал Конрад.

— Но я обманул ваши надежды. У меня только посох, но и им бы я мог нанести пару хороших ударов.

— Ты не боец, — возразил Дункан, — и мы не порицаем тебя за то, что ты удрал. Но есть одно дело, в котором ты мог бы нам помочь.

Отшельник покончил с ветчиной и потянулся к куску сыра.

— Если я могу, то буду рад помочь.

— Эту безделушку мы нашли в гробнице Вольферта. Не скажешь ли ты, что это такое? Может, женщина на грифоне как раз ее и искала?

— Ох уж эта женщина! — Вскричал отшельник. — Умоляю, поверьте мне, я понятия не имел, что она здесь. Она пряталась от меня, я уверен, и

следила, как я брал с огорода свою жалкую пищу. Наверное, у нее были причины скрываться.

— Не сомневаюсь. Мы постараемся узнать, каковы эти причины.

— Она пряталась в церкви. Разве это подходящее место? Так делать — святотатство. Жить в церкви — не дело. Она не для того выстроена. Ни одному порядочному человеку не придет в голову жить в церкви.

— Но ведь это единственное место в деревне, где она могла найти крышу над головой, — возразил Дункан. — Где-то надо укрыться от непогоды.

— А зачем она осталась здесь?

— Ты же слышал. Она искала какие-то сведения о Вольферте. Она знает, что он когда-то жил здесь. Может, она думала, что он ушел отсюда, и искала сведения насчет этого. Откуда ей знать, что он тут похоронен.

— Все это я знаю. Но зачем ей разыскивать его?

Дункан покачал безделушкой перед отшельником, который в ужасе отскочил.

— Я думаю, она искала это. Ты не знаешь, что это? В деревне ничего не говорили?

— Это была реликвия. По крайней мере, деревенские считали так, судя по старым рассказам. Реликвия, но какая, откуда — я не слышал. На-

верное, никто не знал. В деревне считали, что Вольферт — святой, и он никогда не оспаривал этого. Это было для него спокойнее, чем если бы узнали, что он колдун. Ах, какой позор, какой стыд… Он — колдун!

— Да, я знаю, — без всякого сочувствия сказал Дункан. — Его похоронили в святой земле.

— Дело не только в этом! — Закричал Эндрю. — Ведь ему построили гробницу! Для себя деревенские ограничивались грубо вырезанными камнями, а для него потратили уйму времени, добывая отборный камень для больших плит и устанавливая их на место. А самое главное — громадный расход вина!

— А при чем тут вино?

— Ну, маркировать его, конечно. Говорят, он умер летом, и чтобы сохранить его…

— Понятно. Но не обязательно же в вине. Обычный рассол — то же самое, да даже лучше.

— Вы правы, лучше. Рассказывали, что он сильно попахивал, когда его клали в гробницу. Но некоторые считали, что простой рассол — вульгарно. И вот они положили этого колдуна в гробницу, столько поработав и с такими церемониями, потому что были уверены, что святой, и с ним положили его реликвию. Наверное, повеси-

ли ему на шею.

Эндрю печально закивал.

— Я думаю, вы понимаете, милорд.

— Не называй меня милордом. Лорд — мой отец, а не я.

— Простите, милорд, больше не буду.

— Как ты думаешь, почему рассказы о Вольферте так долго держались? По крайней мере, сто лет, а то и больше. Не знаешь, когда это было?

— Никто не знает, — ответил Эндрю. — Дата его смерти была указана на маленькой статуэтке, венчающей гробницу, но она разбилась, когда дерево упало. А что рассказы живут долго — ничего удивительного. В деревне целыми месяцами ничего не происходит, абсолютно ничего, и уж когда что-то случается, это производит большое впечатление, долго помнится, и об этом много говорят. Кроме того, иметь в деревне святого — много значит. Это дает деревне особые отличия перед другими деревнями.

— Да, — согласился Дункан, — это я понимаю. А что насчет реликвии?

Эндрю отошел подальше.

— Это не реликвия, а адская машина.

— Но она ничего не делает, — возразил Конрад. — Просто висит.

— Вероятно, она не активизирована, — предположил Дункан. — Не работает. Может, надо определенное слово, и механизм включится.

— По моему мнению, — сказал Эндрю, — ее надо закопать поглубже или бросить в текучую воду. Ничего хорошего от нее не будет. Нам и так хватает опасностей и бед, зачем искать еще? А почему вы так заинтересовались ею? Вы сказали, что идете в Оксенфорд. Я не понимаю — вы говорите, что у вас в Оксенфорде важное дело, а сами увлеклись этой противной вещью из могилы колдуна.

— Мы идем в Оксенфорд по делу господа, — произнес Конрад. — По святому делу.

— Конрад! — Резко оборвал Дункан.

Эндрю повернулся к Дункану.

— Он верно говорит? На вас возложено дело господне? Святое дело?

— Можно сказать и так.

— Конечно, это дело важное, — сказал Эндрю. — Путь далекий, трудный, жестокий. Однако, вы имеете нечто, говорящее вам, что путешествие должно быть сделано.

— Теперь будет труднее, — вздохнул Дункан. — Мы надеялись пройти незаметно, но теперь разрушители знают. Мы разбили их пикетчиков,

и теперь нас будут выслеживать. И нет другого пути. Дело не только в безволосых. Меня беспокоит самая суть. Если здесь были пикетчики, значит, есть что-то, на что никто не должен наткнуться.

— Как же мы пойдем? — Спросил Конрад.

— Прямо вперед. Это единственно возможное. Куда бы мы не пошли, везде можно встретить разрушителей, так что пойдем прямо как можно быстрее и будем остерегаться.

Пока они разговаривали, дух висел в углу, а теперь перелетел к ним.

— Я буду вашим разведчиком, — заявил он. — Я могу лететь впереди и смотреть. Страх будет сжимать мою душу, если она у меня есть, но из признательности за то, что вы позволили мне идти с вами, и ради святой цели я могу это сделать.

— Я не просил тебя сопровождать нас, — возразил Дункан. — Я сказал, что не могу помешать тебе идти с нами.

— Вы не принимаете меня, — запричитал дух. — Хоть я и сам дух, я не могу сказать вам. Вы спрашиваете об одном определении, а я спрошу о другом: можете ли вы сказать, что такое человек?

— Нет, не могу.

— Я бы сказал, что быть духом хуже. Дух не зна-

ет, что он такое и как он должен действовать, в особенности такой дух, который не имеет своего места для явления.

— Ты мог бы являться в церкви, — посоветовал Эндрю. — При жизни ты был близко знаком с ней.

— Я никогда не был внутри, — возразил дух. — Только снаружи. Я сидел на ступеньках и просил подаяния. И скажу тебе, отшельник, это была вовсе не такая хорошая жизнь, какой могла быть. Деревенский люд очень скуп.

— Они бедны. Нищие даже. У некоторых и медяка лишнего не было, а иной раз и нелишнего — вообще ничего. Так что твоя участь была нелегка, — добавил Эндрю безжалостным тоном. — Всякая участь тяжела.

— Зато есть вознаграждение. Быть духом лучше, чем быть мертвым, в особенности если мертвые попадают в ад. Очень многие живые знают, что, как только умрут, то прямехонько отправятся в ад.

— А ты?

— Не знаю. Я не был злым, только лентяем.

— Но для тебя все складывается хорошо. Ты идешь с этими людьми в Оксенфорд, и, может, тебе там понравится.

— Они говорят, что не могут помешать мне идти, я им явно неприятен, но все равно пойду.

— И я тоже, — заявил Эндрю, — если они возьмут меня. Я всю жизнь мечтал стать солдатом господа. Из-за этого я стал отшельником. Святое рвение, возможно, недостаточно ярко горело в моей душе, но все-таки горело. Я всячески старался доказать свою преданность господу: годами я смотрел на пламя свечи, отрываясь только для принятия пищи и заботы о телесных нуждах. Я ложился спать только тогда, когда у меня не оставалось сил бодрствовать. Случалось, что я клевал носом и спаливал брови на свече. А свечи — дорогое удовольствие, нелегко было добывать их. И я так ни к чему и не пришел. Свечное бдение ничего не дало. Я даже не почувствовал ничего хорошего в этом. Я смотрел на пламя и думал, что сольюсь воедино с падающим листом, с пением птицы, с солнечным лучом, с паутиной и приобрету мудрость всего мира, но ничего такого не случилось. Мне плевать на падение листа, и меня мало беспокоят птицы и их пение. Чего-то не хватало, или сама идея была неправильной, а те, кто обещал в этом деле успех, были первоклассными лгунами. В конце концов я понял, что меня обманули. Теперь же у меня есть шанс

стать настоящим солдатом господа. Хоть я и трус, и крепости во мне не больше, чем в тростнике, но своим посохом, надеюсь, я смогу нанести парочку здоровых ударов, если понадобится. Я приложу все старания, чтобы не убегать, как сегодня, когда нам угрожала опасность.

— Не ты один убежал сегодня, — глухо сказал Дункан. — Леди Диана с боевым топором и всем прочим тоже удрала.

— Только после того как все кончилось, — поправил Конрад.

— Но ты мне сказал…

— Вы неправильно поняли мои слова. Когда началось сражение, она спешилась, но потом снова села на грифона, и они оба сражались, она — топором, а грифон — когтями и клювом. И только когда безволосые были разбиты и бежали, она улетела.

— Это мне больше нравится, — обрадовался Дункан. — Она не похожа на тех, кто спасается бегством. Значит, уклонился только один я.

— Вам не повезло, что вас треснули дубиной, — оправдал его Конрад. — Я встал над вами и отогнал тех, кто подбирался к вам. Наибольший урон безволосые понесли от миледи и дракона.

— Грифона.

— Правильно, милорд. Грифон. Я путаю их.

Дункан встал.

— Нужно пойти в церковь, пока еще светло. Может быть, леди там.

— Как ваша голова? — Спросил Конрад.

— Сбоку шишка с гусиное яйцо, болит, но, в основном, все в порядке.

Глава 8

Церковь была небольшая, но производила сильное впечатление, куда большее, чем можно было ожидать от деревенской церкви. Столетия назад деревенские каменщики трудились для нее, добывали и обрабатывали камень, привозили его на место, укладывали тяжелые плиты фундамента, вырезали скамьи, алтарь и прочую фурнитуру из местного дуба, ткали гобелены для украшения стен. Дункан подумал, что вся грубая простота как раз и придает церкви очарование, столь редкое в других, больших по размеру и тщательно отделанных сооружениях.

Гобелены были содраны со стен и валялись на каменных плитах пола, рваные и затоптанные. Некоторые из них были подожжены, но не сгорели. Скамьи были изрублены, алтарь уничтожен.

Дианы и грифона там не было, но были признаки их недавнего прибывания: навоз грифона, овечья шкура на полу в маленьком приделе, где спала Диана, грубо сложенный из камня очаг и полдюжины кухонных принадлежностей.

Во втором приделе стоял длинный стол, каким-то чудом оставшийся неповрежденным. На

нем лежали груды пергамента. Там же стояла чернильница с воткнутым в нее пером.

Дункан взял один из листов. Почерк был неразборчивый, слова написаны безграмотно, с ошибками. Такой-то родился, такой-то умер, такие-то поженились, таинственная болезнь унесла десяток овец. В этом году было много волков, ранние морозы погубили огороды, но снега не было почти до рождества.

Он поднял другие листы. В них было то же самое. Отчеты о мелочах деревенской жизни. Рождения, смерти, свадьбы, незначительные местные катастрофы, бабьи сплетни, мелкие триумфы, лунное затмение и вызванный им ужас, падучие звезды и удивление по этому поводу, раннее цветение лесных цветов, жестокие летние грозы, праздники, хороший или плохой урожай — тривиальная местная история, составляемая деревенским пастором, не имевшим других интересов.

— Она просматривала все эти записи, — сказал Дункан отшельнику. — Она искала какое-нибудь упоминание о Вольферте, какой-нибудь ключ к отысканию его следа, но, по-видимому, ничего не нашла.

— Но она должна была знать, что он давно

умер.

— Она искала не его, не самого человека, а реликвию, или, как ты назвал ее, адскую машину.

— Я этого не понял.

— Ты слеп, — сказал Дункан, — со своей горящей свечой, со всем твоим благочестием. А было оно, благочестие-то?

— Не знаю. Я всегда думал, что было. Милорд, я искренний отшельник или стараюсь быть таковым.

— Ты не видишь дальше своего носа. До тебя не доходит, что вещь, которую ты назвал адской машиной, может иметь большую ценность. Ты не отдаешь должного колдуну. Есть много стран, таких же христианских, как наша, где колдуны, как ни странно, пользуются большим почетом.

— Это попахивает язычеством.

— Древние истины, древние идеи, древние методы нельзя отбросить только потому, что они предшествовали христианству. Миледи желает иметь то, что было у колдуна.

— Вы не понимаете одного, — мягко возразил Эндрю. — Вы не подумали о том, что она, может, сама колдунья.

— Чародейка, ты хочешь сказать. Утонченная ведьма.

— Полагаю, что так. Но, каково бы ни было точное ее название, вы об этом не подумали.

— Не подумал, — согласился Дункан. — Но это вполне может быть правдой.

Лучи солнца проникали сквозь высокие узкие окна и очень походили на нимб, какой библейские художники изображали на святых. Стекла, там, где они еще оставались, были цветными. Глядя на них, Дункан удивлялся, как деревня, даже при ее набожности, могла позволить себе такую роскошь. Возможно, несколько богатых жителей, которых здесь было, конечно, очень мало, сложились, чтобы уплатить за изготовление и установку этих стекол, надеясь, без сомнения, получить отпущение грехов в вознаграждение на небесах.

В углу вдруг что-то зашевелилось.

Дункан схватил Эндрю за руку.

— Там что-то есть, — сказал он.

Эндрю, прищурясь, посмотрел в указанном направлении и хихикнул.

— Это только Снупи.

— Это еще что за черт?

— Это я его так прозвал, потому что он всегда все вынюхивает и выслеживает, не пригодится ли ему. Он любит соваться не в свое дело. Конечно, у

него есть свое имя, но на нем язык сломаешь, и он, похоже, не имеет ничего против имени Снупи.

— В один прекрасный день твое многословие обернется для тебя смертью, — предупредил Дункан. — Все это хорошо, но не скажешь ли ты, кто это.

— Я думал, вы знаете. Мне казалось, что я уже упоминал о нем. Снупи — гоблин. Местный парень. Он страшно надоедлив, и я не очень люблю его, но вообще-то он парень неплохой.

Гоблин подошел к ним. Он был маленький — едва до пояса взрослому мужчине. На нем была коричневая одежда: остроконечная шапочка, камзол, штаны, туго обтягивающие веретенообразные ноги, сапожки со смешно задранными вверх носами. У него были большие острые уши и напоминающая лисью мордочка.

Без всяких предисловий он сказал: — Теперь это жилое место. Оно потеряло часть своего фальшивого запаха святости, который я и мои собратья не переносим. Наверное, этому сильно помогло стойло грифона. Нет ничего лучше грифоньего навоза для уничтожения и дезинфекции запаха святости.

— Ты совсем обнаглел! — Возмущенно воскликнул Эндрю.

— В таком случае, — ответствовал Снупи, — я повернусь и уйду. Простите меня, я просто хотел быть хорошим соседом.

— Нет, — остановил его Дункан, — подожди, пожалуйста, минуточку. Не обращай внимания на резкость этого доброго отшельника. Его взгляды испорчены попытками стать святым и, возможно, не сходятся с его собственным мнением.

— Вы так думаете? — Спросил Снупи, глядя на Дункана.

— Это же ясно. Он говорил, что потратил уйму времени, глядя на пламя свечи, а я не уверен, что это подходящий путь для того, кто стремится к святости. Хотя, как ты понимаешь, я не знаток таких вещей.

— По-моему, вы куда более разумны, чем этот высохший отшельник, — констатировал гоблин. — Если вы дадите мне слово, что удержите его подальше от меня и принудите его держать вонючую пасть закрытой, я продолжу то дело, за которым пришел.

— Я сделаю все возможное, чтобы удержать его, — пообещал Дункан. — А ты за это расскажешь мне, что ты собираешься делать.

— Я пришел оказать вам небольшую помощь.

— Не слушайте его, — посоветовал Эндрю. —

Никакой помощи вы от него не получите, кроме щелчка в нос.

— Пожалуйста, дай мне самому разобраться. Что случится, если я выслушаю его?

— Вот видите, какой он? — Сказал Снупи. — Человек не понимает приличий.

— Давай оставим наши разногласия. Если у тебя есть информация, мы будем рады выслушать ее. Мне кажется, мы в какой-то степени нуждаемся в ней. Но меня тревожит один вопрос, и в этом ты можешь удовлетворить нас.

— Что вас тревожит?

— Ты, наверное, знаешь, что мы идем далеко в разоренные земли, которые сейчас заняты разрушителями.

— Знаю, — ответил Снупи. — Поэтому я здесь. Я могу показать вам лучшую дорогу и буду за вами приглядывать.

— Именно это меня и тревожит. С какой стати ты будешь помогать нам против разрушителей? Мне кажется, ты скорее сродни им, чем нам.

— В какой-то степени вы, может быть, и правы, — согласился Снупи, — но ваши рассуждения недостаточно проницательны. По-видимому, вы не вполне знакомы с ситуацией. У нас нет причин любить человечество. Мой народ, который

вы пренебрежительно называете маленьким народом, обосновался в этой стране, во всем мире, коль на то пошло, задолго до появления человека. Вы, люди, появились и стали жестоко прокладывать свой путь, даже не соблаговолив признать нас. Вы не считали нас разумной формой жизни, вы игнорировали наши права, вы сметали нас со своей дороги, как червей, у вас не было ни вежливости, ни понимания. Вы рубили наши священные деревья, силой занимали наши священные места. Мы охотно бы приспособили свой образ жизни к вашему и жили бы с вами в согласии. У нас была эта готовность даже когда вы проходили мимо нас, как надменные завоеватели. У нас есть силы, которыми мы хотели бы поделиться с вами, и вы, возможно, могли бы взамен дать нам что-нибудь ценное для нас. Но вы не хотели останавливаться для общения с нами. Вы шагали через нас, сталкивали с дороги, заставили нас жить в потаенных местах. И в конце концов мы повернули против вас, хотя мы мало что могли сделать против вашей злобы и жестокости. Мы никогда не были равными вам в этом отношении. Я мог бы продолжать список жалоб на вас. Вот, дорогой сэр, почему мы не можем любить вас.

— Ты выдвинул хороший довод. Даже если считать, что он правдив не во всех отношениях, в твоих словах есть одно достоинство — они подтверждают мою точку зрения. Вы ненавидите нас, так почему же вы предлагаете нам помощь? Зная ваше отношение к нам, как мы можем доверять вам?

— Потому что мы ненавидим разрушителей еще сильнее, чем вас, — последовал ответ. — Что бы ни думало ваше глупое человечество, разрушители — не наш народ. Мы очень далеко отстоим от них. Для этого есть несколько причин. Они — зло в чистом виде, а мы — нет. Они живут только ради зла, а мы — нет. Но поскольку вы, люди, валите нас с ними в одну кучу, через столетия они дали нам скверное имя. Большую часть того, что они делают, сваливают на нас. Есть некоторые места, куда мы могли бы перебраться и приспособиться к людям, но разрушители лишили нас этой возможности, потому что их действия и ваше тупоумие создали нам такую же дурную славу, что и им. Когда вы осуждаете их, вы осуждаете и нас заодно с ними. Более разумные сострадательные люди, давшие себе труд познакомиться с нами поближе, не присоединяются к этому суждению, но их, к сожалению, мало, и их

голоса тонут в потоке ненависти, направленной против нас. В этом вторжении разрушителей мы страдаем вместе с людьми, может, чуть меньше, потому что у нас есть своя маленькая магия, которой мы поделились бы с человечеством, если бы оно захотело принять нас. Итак, мы ненавидим разрушителей больше, чем людей, и именно поэтому хотим помочь вам.

— Вы будете сумасшедшим, если доверитесь ему, — предупредил Эндрю. — Он заведет вас в засаду. Не очень-то я верю в их ненависть к разрушителям, хотя он и помог мне однажды против них. И все-таки я не верю этой породе.

Дункан, не глядя на Эндрю, спросил Снупи:
— Откуда же взялись разрушители? Каково их происхождение?

— Впервые они появились двадцать тысяч лет назад, а может, и раньше. Так говорится в наших легендах, а наш народ заботится о том, чтобы они переходили от поколения к поколению без всяких изменений. Сначала разрушителей было очень мало, и в то время у нас была возможность узнать, что это за народ. Видя, какое в них зло, мы могли защищаться.

— Но каким образом они появились? Откуда они пришли?

— Говорили, что разрушители пришли с неба. Другие считали, что они из-под земли, где были заключены, но то ли разбили оковы, то ли вышел срок их наказания.

— Но ведь они не могут принадлежать к одной расе. Я слышал, что все они разных форм и размеров.

— Правильно. Это не раса. Это рой.

— Не понял.

— Рой, — нетерпеливо повторил Снупи. — Вы не знаете, что такое рой?

— Он говорит на своем языке, — вмешался Эндрю. — У него много таких слов и понятий, что человеку и не разобраться.

— Ладно, оставим это. Важно то, что он сказал нам.

— И вы собираетесь поверить ему?

— Я склонен к этому. Во всяком случае, для нас важно то, что он скажет.

— Я могу показать вам наиболее безопасную дорогу, — предложил Снупи. — Я могу нарисовать вам карту. В одном из приделов есть пергамент и чернила.

— Да, знаем.

Снупи пошел к приделу. Дункан за ним, Конрад занял свое место рядом с Дунканом, а Эндрю

недовольно тащился в арьергарде.

Снупи взобрался на стол и перебирал неуклюжими пальцами листы пергамента, пока не нашел такой, где оставалось чистое место. Он аккуратно разложил пергамент на столе, сунул перо в чернила и вывел букву «х».

— Мы здесь, — пояснил он. — Это путь на север, — он сделал стрелку. — Вы идете отсюда прямо на юг, вниз по долине, чуть-чуть к западу. Вы пойдете под хорошим укрытием. Не спускайте глаз с холмов — там могут быть часовые, но они вряд ли нападут на вас, скорее просто сообщат о вашем пути. Милях в сорока отсюда поток, впадающий в топь. Заболоченная почва, болото, тяжелая растительность…

— Мне это не нравится, — сказал Конрад.

— Вы обойдете по левому краю топи. Слева от вас будут высокие утесы, между ними и болотом — узкая полоса.

— Мы можем попасть в болото, — возразил Конрад. — Там, может, нет места и встать.

— Они не пойдут через болото на вас, — сказал Снупи, — а утесы высокие и неприступные. На них вы, конечно, не взберетесь, но и никто другой не может перевалить через них.

— Там могут быть драконы, гарпии и прочие

летающие твари.

Снупи пожал плечами.

— Их немного, и вы их перебьете. Если они сделают вылазку на земле, то это будет либо спереди, либо сзади, и на узком фронте. Обойти вас сбоку они не смогут.

— Мне это тоже не нравится, — проговорил Дункан. — Мастер гоблин, нет ли другого пути?

— Есть — на много миль длиннее, а главное — тяжелый путь: вверх и вниз по холмам. Легко заблудиться.

— Но здесь очень уж опасно.

— Опасно, да, но они не предполагают, что вы пойдете этой дорогой. Если вы пойдете ночью и держась под прикрытием…

Дункан покачал головой.

— Здесь нет безопасных мест, — сказал гоблин. — Во всей разоренной земле.

— Если ты там бывал, — предложил Конрад, — может, ты пойдешь с нами?

— Я принимаю опасность и пойду с вами, — ответил Снупи. — Рискну своей шеей, как и вашей.

— Спаси нас, христос, — усмехнулся Дункан. — Отшельник, дух, гоблин. Мы становимся армией.

— Идя с вами, я только показываю свою веру.

— Правильно, — согласился Дункан. — Я при-

нимаю твое слово.

— Ниже этой дороги между топью и утесами вы найдете глубокое ущелье, пролом в утесах, идущий через холмы. Расстояние небольшое, миль пять.

— Это ловушка, — сказал Конрад. — Я чую.

— Как только вы выйдете из ущелья, вам покажется, что вы в красивой открытой местности. Но там стоит замок.

— Я буду рядом с тобой, — предупредил Конрад если это обернется западней, я сверну тебе шею.

Гоблин пожал плечами.

— Пожимаешь плечами? Может, тебе хочется ходить со свернутой шеей?

Снупи раздраженно сунул перо в чернильницу. На пергаменте появилась клякса.

— Мне трудно понять, — заметил Дункан, — почему ты сначала нарисовал нам карту, а потом решил идти с нами. Зачем тогда карта? Ты бы сразу сказал, что пойдешь с нами и покажешь дорогу.

— Сначала я не собирался идти с вами, а просто подумал о карте. А когда зашла речь о моей искренности, я решил, что должен пойти с вами, потому что иначе вы мне не поверите.

— Мы спрашивали о правде, а не о доверии, —

сказал Конрад.

— Одно без другого не бывает, — ответил гоблин.

— Ладно, — продолжил Дункан, — давай дальше. Ты говорил, что там замок.

— Древний замок, заплесневелый, вот-вот рассыплется. Постройка шатается. Очень старый. Предупреждаю вас против него. Не подходите близко и ни в коем случае не входите. Это тоже зло. Не зло разрушителей — другого рода зло.

— Выкиньте все это из головы, — вмешался отшельник. — Он выдаст нас убийцам или кому похуже. Ему нельзя верить.

— Запомните это, — проговорил Снупи. — Я сказал все, что мог. Я пытался помочь. Если вы пойдете завтра утром, вы найдете меня здесь.

Он соскочил со стола и ушел.

В придел вошел Тайни, осторожно и быстро ступая, подошел к Конраду и дружески прижался к нему. Из церкви доносилось тихое посапывание Дэниела и перестук его копыт.

— Ну? — Спросил Эндрю. — Не знаю, — ответил Дункан. — Подумаем. Что-то надо делать. Не оставаться же нам здесь!

Он обернулся к Конраду.

— Я удивляюсь тебе. Я думал, что ты первый по-

веришь ему. Дома ты много общался с маленьким народом. Ты ходил по лесам, и маленький народ приходил поговорить с тобой. Мне кажется, у тебя с ними было взаимопонимание. Ты сам на днях огорчался, что мы не видели их здесь, и боялся, что разрушители выгнали их.

— Это правда, — согласился Конрад, — у меня много друзей среди них. Но в этом гоблине мы должны быть уверены.

— И поэтому ты обещал свернуть ему шею, если мы по его вине попадем в беду?

— Это образное выражение. Он наверняка понял.

— Ну, так что же ты думаешь?

— Я думаю, милорд, что мы можем ему верить. Я просто хотел, чтобы он помнил: тут дело серьезное, не игрушки. Маленький народ любит шутки шутить, даже с друзьями. Я хотел быть уверенным, что тут никаких шуток не будет.

— В такой ситуации он не станет разыгрывать глупые шутки.

— Ошибаетесь, — возразил Эндрю. — У них всегда шутки, иной раз и злые. Во всяком случае, я с него глаз не спущу. Если Конрад не свернет ему шею, то я, если понадобится, вышибу из него мозги своим посохом!

Глава 9

«Да, — подумал Дункан, вернувшись из церкви, — оставаться здесь больше нельзя. Мы тратим дорогое время».

Он сидел, опираясь о стену. Тяжелое одеяло до половины покрывало его тело.

Тайни лежал поперек входа. Снаружи за стеной паслись Дэниел и Бьюти. В углу громко храпел Конрад. Эндрю завернулся в одеяло на своем матраце и что-то бормотал во сне. Дух исчез.

Дункан думал, что, конечно, они с Конрадом могут вернуться обратно в Стэндиш Хауз, и никто их за это не упрекнет. Предполагалось, что они могут пройти быстро и незаметно, но оказалось, что это невозможно. Так уж сложились обстоятельства.

Их столкновение с безволосыми показало, что о них знают. Ривер, пустившийся по их следам, вероятно, насторожил разрушителей.

Дункану хотелось бы знать, где теперь Ривер и его люди. Все это Дункану не нравилось. Не нравилась ситуация. Все пошло наперекосяк.

Подумав, он пришел к выводу, что больше всего недоволен добровольцами, которых они подо-

брали. Дух, конечно, достаточно плох, но что с ним сделаешь? Отшельник хуже. Старый ворчун с манерой соваться не в свое дело и трус. Говорит, что хочет быть солдатом господа, и против этого нечего возразить, но если он пойдет с ними, он будет путаться под ногами при каждом повороте. Но что делать?

Сказать ему, чтобы он не ходил, что для него нет места, после того, как они приняли его гостеприимство?

Может Дункан зря беспокоится? Десять против одного, что отшельник сам отступится, и в последний момент у него окажутся важные причины не уходить отсюда.

А Снупи, гоблин? Вполне возможно, что он и ненадежен, хотя создал впечатление, что дело касается и его самого.

Придется за ним следить. Этим займется Конрад, которого Снупи, кажется, побаивается, и не без оснований. Конрад не шутил, когда обещал свернуть ему шею. Конрад вообще никогда не шутит.

Так что же делать? Идти вперед или вернуться? На них не возлагали обязанности стать перед великой опасностью, совать голову в петлю. Но ставка очень велика. Важно, чтобы старый

ученый из Оксенфорда посмотрел манускрипт. Если же они вернутся, он никогда его не увидит, он стар.

Думая обо всем этом, Дункан вспомнил еще кое-что из слов его преосвященства.

— Свет уходит, — говорил он, — уходит из всей Европы. Я чувствую, что мы погружаемся снова в древнюю тьму.

В архиепископе иногда бывало что-то ханжески-болтливое, но он вовсе не был глуп.

Если он торжественно заявил, что свет уходит, значит, можно предположить, что это так и есть: свет уйдет и вползет древняя тьма.

Церковнослужитель не сказал, почему доказательство подлинности манускрипта может сдержать приход тьмы, но теперь Дункан сам понял: если будет точно доказано, что человек по имени Иисус действительно жил две тысячи лет назад и говорил то, что передано нам как его слова, и умер так, как говорит евангелие, тогда церковь снова станет сильной, а у сильной церкви будет власть отогнать тьму.

Ведь две тысячи лет она была великой силой, говорила о порядочности и сострадании, твердо стояла среди хаоса, давала людям тонкий тростник надежд, за который они могут уцепиться

перед лицом кажущейся безнадежности.

«А что, — думал Дункан, — если человек в Оксенфорде посмотрит манускрипт и скажет, что это подделка, грубый обман человечества?» Дункан зажмурился и потряс головой: о таком нельзя и думать, какая-то вера должна сохраняться. Честно говоря, дело с манускриптом было азартной игрой, но сыграть ее надо.

Дункан лег, повернувшись к стене.

Он не был чересчур набожным, но все-таки принадлежал к церкви, хотя бы по наследству. Почти сорок поколений его предков были христианами того или иного толка.

Одни были набожны, другие не очень, но все были христианами, народом, который устоял против насмешек и издевательств языческого мира. И теперь, наконец, появился шанс нанести удар за Христа, шанс, которого не имел ни один Стендиш. Подумав об этом, Дункан понял, что просто не может уклониться от возложенной на него обязанности. Он должен идти вперед. Вера, пусть и слабая, была частью Дункана, в крови и в плоти его, и отказаться от нее невозможно.

Глава 10

Снупи в церкви не оказалось. Они искали его, звали, подождали, но он так и не появился, и они ушли без него.

Тайни шел впереди, за ним Конрад, потом отшельник с Бьюти, а Дункан с Дэниелом замыкали шествие.

Эндрю все еще возмущался гоблином.

— Радуйтесь, что он скрылся, — говорил он Дункану. — Я говорил, что ему нельзя верить. Ни в ком из них нет правды. Ненадежный народ.

— Если бы он был с нами, мы бы с него глаз не спускали.

— С него-то да. Но он хитрый чертенок. Он может уйти и прийти так, что вы и не заметите. А что вы станете делать с другими?

— С кем?

— С другими гоблинами. Разными гномами, чертенятами, баньши, троллями, эльфами и прочими.

— Будто их так много?

— Их полно, как шерсти на собаке, и все вредные. И все ненавидят нас.

— Но Снупи сказал, что разрушителей они

ненавидят больше.

— На вашем месте, — сказал отшельник, — я бы не прозакладывал голову, что это правда, а мы сейчас как раз это делаем.

— Однако Снупи сказал, что это самый легкий и короткий путь, и тогда ты не спорил.

— Гоблин был прав. Это самый легкий путь, но будет ли он самым безопасным — это еще посмотрим.

Они шли по долине, поросшей лесом. Ручей, берущий свое начало из источника вблизи пещеры Эндрю, журчал по камням. Духа не было видно, хотя Дункан иногда улавливал мерцание между деревьями на холмах.

— Ты видел духа? — Спросил он Эндрю. — Он с нами?

— Откуда я знаю, — проворчал отшельник. — Кто может знать, что сделает дух?

— Если тебе тут не нравится, почему бы тебе не вернуться? — Спросил Дункан.

— Мне, может, это и не нравится, но это единственная возможность для меня стать солдатом господа. Если я не схвачусь за эту возможность, другой никогда не будет.

— Как хочешь.

В полдень они остановились немного передох-

нуть и закусить.

— Почему вы не едете на лошади? — Спросил Эндрю. — Если бы у меня была лошадь, я поберег бы ноги.

— Я поеду, когда настанет время.

— А когда это будет?

— Когда мы с Дэниелом объединимся для боя. Это не верховая лошадь, а боевой конь, умеющий сражаться. Он будет сражаться со мной и без меня.

Эндрю заворчал. Он ворчал с самого начала, с тех пор, как они вышли в путь.

— Мне не нравится, что слишком тихо, — заметил Конрад.

— Тайни даст нам знать, если кто-нибудь появится, — ответил Дункан.

— Они знают, что мы здесь, и где-то ждут нас, — заявил Конрад.

Когда они снова пошли, Дункан обнаружил, что стал менее бдительным, чем был утром. Несмотря на сгоревшие усадьбы и полное отсутствие жизни, долина выглядела красивой и мирной. Он укорял себя за недостаток настороженности, потому что в любую минуту можно было встретиться с неожиданным. Но ведь Тайни впереди, на разведке, и в случае чего известит их.

Затем он заметил, что чаще поглядывает на небо, чем на окружающие холмы, и тут только сообразил, что выглядывает Диану и ее грифона. Куда она исчезла и, что более важно, почему? Кто она? Было что-то непонятное в ее интересе к Вольферту, колдуну, умершему сто лет назад.

Скорее всего, дело не в Вольферте, а в этой игрушке, и Диана искала именно эту вещь, хотя и не признавалась в этом. Он чувствовал грань этой штуки, лежащей в его поясном кармане. Да, она наверняка искала ее. Кости Вольферта никому не нужны. Может, если бы он, Дункан, как следует осмотрел эту безделушку, он смог бы понять, для чего она сделана.

Хотя — кто знает — могло быть и хуже, если бы он ее разглядывал. Эндрю назвал ее адской машиной, но с этим вряд ли стоило соглашаться, потому что от отшельника можно было ожидать такого рода реакции.

Если это действительно машина — адская или нет, — то Дункан Стендиш ничего в машинах не понимал и утешал себя тем, что он не один.

Все остановились: к ним шла, спотыкаясь, прихрамывая и громко жалуясь, старуха. Ее подгонял Тайни.

— Тайни кого-то поймал, — гордо сказал Ко-

нрад.

Дункан подошел к Конраду.

Старая женщина подошла и села перед ним на земле, разметав свои лохмотья.

По виду это была сущая ведьма: из острого крючковатого носа росли волосы, похожие на паучьи лапы, еще больше волос торчало на подбородке, во рту было не больше пяти зубов, седые лохмы падали на глаза.

— Отзовите собаку, — верещала она. — Она гнала меня, как корову. Правда, вежливо, ничего не скажешь: она не вырывала мяса из моего бедного тела, а я полагаю, что могла бы. Но она выставила меня из грязного гнезда, которое я звала своим домом, и погнала по долине. Мне это не нравится. Я не хочу, чтобы меня пасли. Если бы у меня осталась хоть десятая часть былой власти, я бы разодрала эту собаку в клочки. Но теперь у меня нет власти. У меня отняли все, что я собрала — совиную кровь, мозг летучей мыши, глаза тритона, жабью кожу, пепел от сожженой ведьмы, зуб собаки, которая укусила священника…

— Стоп, бабушка, — остановил ее Дункан. — Кто отнял у тебя этот богатый запас?

— Разрушители, ясное дело. Не только отняли, но еще отвратительно насмехались надо мной.

Да, отвратительно! А затем выкинули меня и подожгли мою хижину.

— Тебе повезло, — заметил Эндрю, — что тебя не повесили и не бросили в огонь.

Она с отвращением плюнула на землю.

— Скоты! Негодяи! Ведь я почти одна из них. Почти ихняя. И еще опозорили меня, вот что! Сказали, что я не стою веревки и того беспокойства, которое я причиню огню.

— Ну и радуйся, что тебя только опозорили, — посоветовал Эндрю. — Позор предпочтительнее смерти.

— Я так тяжело работала, — причитала она, — и столько лет. Я пыталась создать себе репутацию профессиональной ведьмы, на которую мои клиенты могли бы надеяться. Я изучала каббалу и практиковалась, бесконечно практиковалась, чтобы улучшить свое мастерство. Я тяжело работала и без устали собирала нужные мне материалы. Подумать страшно, сколько ночей я провела на кладбищах, разыскивая разрушенные могилы…

— Ты твердо хотела стать ведьмой? — Спросил Конрад.

— Я и была ею, мальчик. Я была честной ведьмой, а честных ведьм не так много. Злых

— сколько хочешь. Правда, ведьма должна иметь в себе немного зла, иначе она не будет ведьмой. Так что я злая, но честная.

Она посмотрела на Дункана.

— А теперь, сэр, не собираетесь ли вы разрубить меня этим большим мечом?

— Не думал об этом. Другую ведьму, может, и разрубил бы, но честную — нет.

— А что вы сделаете со мной? Раз ваша собака привела меня сюда, что вы со мной сделаете?

— Сначала накормлю, — ответил Дункан. — В этом ты, наверное, здорово нуждаешься. Почему бы не быть вежливым с честной ведьмой, для которой настали тяжелые времена?

— Вы пожалеете о своей вежливости, — сказал Дункану Эндрю. — Возиться с ведьмой — значит, навлечь на себя беду.

— Ну, эта вряд ли останется ведьмой, — запротестовал Дункан. — Ты же слышал, что она потеряла все свои принадлежности. Ей не с чем работать.

Тайни сел и насмешливо посмотрел на ведьму.

— Возьмите от меня этого страшного зверя, — взмолилась она. — Хоть он и прикидывается, что смотрит с юмором, но глаз у него злой.

— Тайни не злой пес, — возразил Конрад. — В

нем нет вредности. Иначе ты была бы без руки или без ноги.

Женщина оперлась руками о землю и попыталась встать.

— Давай, — сказал Конрад.

Он протянул руку. Ведьма ухватилась за нее, и Конрад поставил женщину на ноги. Она встряхнулась, поправляя лохмотья.

— Вы оба настоящие джентльмены, — сказала она. — Один не стал рубить меня мечом, а другой помог встать. Старая Мег благодарит вас.

Она быстро взглянула на Эндрю.

— А вот насчет него я еще не знаю. В лучшем случае у него раздражительный характер.

— Не обращай на него внимания, — сказал Дункан. — Он угрюмый старый отшельник, и у него был нелегкий день.

— Не люблю ведьм, откровенно говоря, — проворчал Эндрю. — Ведьм, гоблинов, колдунов и прочих. В этом мире, где мы живем, их слишком много. Без них было бы куда лучше.

— Вы говорили что-то насчет еды, — напомнила ведьма.

— Нам осталось идти часа два, пока не кончился день, — ответил Дункан. — Если ты можешь подождать…

— У меня есть кусочек сыра, — предложил Эндрю. — Я взял его на случай, если ослабею. Если она хочет, то пожалуйста.

— Но, Эндрю, я думал…

— Женщине, — сказал Эндрю, — а не ведьме. Всякому голодному.

Он достал кусок сыра, и она скромно приняла его, если ведьма могла быть вообще скромной.

— Да будет на тебя благословение.

— Не надо мне твоих благословений, — резко ответил Эндрю.

Глава 11

Перед заходом солнца они остановились, собрали хворост, развели костер и принесли воды.

— Нет причин отказываться от огня, — решил Дункан. — Если поблизости кто-нибудь есть, он и так знает о нас.

Мег ехала на Дэниеле, который склонен был встать на дыбы, когда ее подняли в седло, но потом успокоился и пошел ровным шагом, удобным для мешка с костями, что ехал на его спине.

Конрад, присев у костра, разгреб горячие угли и испек овсяные лепешки и ломтики бекона. Они расположились лагерем у рощицы. Прямо перед ними бежал ручей. Они ели, когда стало уже совсем темно. Вскоре появился дух.

— Вот ты где, — встретил его Эндрю. — А мы-то думали, не случилось ли чего с тобой.

— Я работал, — ответил дух. — Я обследовал местность при дневном свете, который мне неприятен.

— Далеко ты был? — Спросил Дункан.

— Там, где начинается топь. Дальше я не был. Там самое место для привидений.

— Ты и сам привидение, — сказал Конрад.

— Я дух, а не привидение. Это разные вещи.

— Ты, конечно, ничего не видел. Тайни тоже весь день был в разведке.

— Я видел тех, кого вы называете безволосыми, — сообщил дух. — Их очень немного. В нескольких милях к востоку несколько небольших отрядов. Они идут с той же скоростью, что и вы, и в том же направлении.

— Как же Тайни их не видел?

— Я двигаюсь быстрее собаки, над холмами и долинами. Только мне страшно, очень страшно. Духу не полагается быть на открытой местности.

— Может, они не знают, что мы здесь, — предположил Эндрю.

Дункан покачал головой.

— Боюсь, что знают. Иначе они шли бы по той же восточной дороге, а не лазали бы вверх и вниз по холмам. У меня впечатление, что они гонят нас, как стадо, только не так явно, как, скажем, Тайни пригнал ведьму. Они знают, что мы не можем идти на запад из-за болот, и уверены, что мы никуда не свернем.

Мег дернула Дункана за рукав.

— Сэр, другие.

— Что за другие, бабушка?

— Другие, не безволосые. Они близко. Те, кто

мерзко хохочет, замышляя вашу гибель.

— Если бы кто-то был поблизости, — возразил Конрад, — Тайни знал бы и предупредил бы нас.

Тайни лежал у костра, положив морду на лапы, и не подавал виду, что знает о чем-нибудь.

— Собака может и не знать, — сказала Мег. — Вы имеете здесь дело с чем-то более неуловимым и с большей способностью ко злу и обману, чем такие злые существа, с которыми вы встречались в обычных случаях. Они…

— Ривер говорил о демонах и чертях, — перебил Конрад. — Он должен знать, поскольку сражался с ними.

— Он просто пользовался знакомыми названиями, — пояснила Мег. — У него нет названий для тех, кого видишь не так часто, как демонов и чертей. Конечно, возможно, там были как раз демоны и черти, потому что орда привлекает многих последователей. Все зло обычного вида соединяется с ордой, как народ собирается и следует за армией.

— Но ты не присоединилась к ним, — заметил Дункан, — а говорила, что в тебе есть зло. Немного зла, как ты сказала, иначе ты вообще не была бы ведьмой.

— Ты разгадал меня. Я только пыталась быть

злой. Если бы я могла, я была бы злой. Если бы я была злой, у меня было бы больше силы. Но я только пыталась. Временами я считала себя более злой, чем была на самом деле, и я не испугалась, когда пришла орда. Я думала, что они признают меня и либо оставят в покое, либо научат большему злу, но они не сделали ни того, ни другого. Они украли все амулеты, сожгли мою хижину, а меня выгнали пинками самым невежливым образом.

— А ты не стыдилась этих поисков зла? Тебе казалось подходящим сделаться злым существом?

— Только для того, чтобы лучше выполнять мою работу, — ответила Мег.

Она нимало не смутилась:

— Если человек берется за дело, он должен делать его как можно лучше, куда бы не завела его опытность.

— Не уверен, что полностью согласен с тобой, — сказал Дункан.

— Я знал, что ты не злая, — вмешался Конрад, — как только взглянул на тебя. В твоих глазах нет зла. Его в тебе не больше, чем в гоблине или гноме.

— Многие считают, — возразил Эндрю, — что у гоблина и гнома есть налет зла.

— Нет, — настаивал Конрад. — Это маленький

народ, они отличаются от нас и у них есть кое-какая магия, а у нас почти никакой.

— Я жил бы спокойнее без их маленькой магии, — проворчал Эндрю. — Они мне до смерти надоели этой своей магией.

— Ты сказала, — обратился Дукан к Мег, — что члены великого зла находятся поблизости. Значит, собака не может почуять их?

— Насчет собаки не знаю. Она может их почуять, и это смутит ее настолько мало, что она не обратит на них внимания, не зная, что это. Но старая Мег их чует, хоть и слабо, и знает, что они такое.

— Ты в этом уверена?

— Уверена.

— В таком случае мы не можем рассчитывать на Тайни и, как обычно, оставить на страже его одного. Придется нам самим дежурить. Я возьму первую вахту, Конрад — вторую.

— А меня вы не считаете? — Сердито спросил Эндрю. — Я требую права участвовать в дежурстве. Я же, в конце концов, солдат господа и делю опасность с вами.

— Ты будешь отдыхать, — распорядился Дункан. — День был тяжелый.

— Не тяжелее, чем для вас с Конрадом.

— И все-таки ты пойдешь спать. Мы не можем задерживать свой поход из-за тебя. Твоя голова должна быть ясной, чтобы показывать путь, если понадобится.

— Да, — согласился Эндрю, — я знаю дорогу, потому что я много раз ходил по ней, когда был помоложе. Но теперь нет проблем. Никакой дурак тут не пойдет.

— Тем не менее ты будешь отдыхать.

Эндрю больше не спорил и сел у костра, что-то бормоча. Уснул он последним. Конрад натянул на себя одеяло и почти сразу же захрапел. Мег свернулась клубочком рядом с седлом и вьюками и уснула младенческим сном. По другую сторону лег Дэниел. Бьюти спала стоя, опустив голову чуть не до земли. Тайни дремал у костра и время от времени прохаживался вокруг лагеря, разминаясь и слегка ворча, но ничто, казалось, не привлекало его внимания.

Дункан сидел у огня рядом с Тайни.

Спать ему не хотелось. Он был предельно напряжен, и сбросить это напряжение ему не удавалось. «Ничего удивительного, — думал он, — после сообщения Мег о близком пребывании зла.» Но сам Дункан не ощущал его. Во всяком случае, это зло не шелестело в кустах и вообще

не шумело. Он внимательно прислушивался, не ничего не слышал. Единственным звуком было журчание воды в ручье. Раз или два Дункан слышал совиный крик, но где-то далеко.

Дункан прикоснулся к мешочку на поясе и услышал легкий шелест пергамента.

Ради этой хрупкой вещи он и другие хотя никто, кроме Конрада, не знал о пергаменте — зашли в глубь разоренной земли, где только бог один знает, что их ждет.

Хрупкая и магическая вещь. Магическая в том случае, если будет доказана ее подлинность. Церковь усилится, больше будет веры, и мир, может быть, улучшится.

У орды злая магия, у маленького народа — маленькая магия. Но эти листы пергамента в конечном счете могут стать величайшей магией. Дункан склонил голову и помолился, чтобы так было.

Во время молитвы он услышал звук, но не сразу понял, что это. Звук был далекий, приглушенный. Топот копыт, явно конских, и собачий лай. Звуки были негромкие, но отчетливо различимые. Иногда вроде бы слышался окрик человека.

Но странная вещь: звуки эти доносились как будто с неба. Дункан посмотрел вверх, на усы-

панное звездами, смоченное луной небо, но там ничего не было. Однако звук шел явно оттуда.

Прошло несколько минут, все исчезло, тишина снова сомкнулась над Дунканом. Дункан, вставший было, снова сел.

Тайни тихонько ворчал, подняв морду. Дункан погладил собаку.

— Ты тоже слышал, — сказал он.

Тайни перестал ворчать и снова лег.

Немного погодя, Дункан встал и пошел к ручью напиться. Когда он наклонился, в ручье плеснула рыба. Он подумал, что это форель. Если у них утром будет время, надо попробовать наловить на завтрак рыбы. Но стоит ли тратить время? Чем скорее они пройдут разоренные земли, тем лучше.

Когда луна заметно склонилась к западу, он разбудил Конрада. Тот проворно вскочил, будто и не спал вовсе.

— Все в порядке, милорд?

— Все хорошо. Ничего не шевелилось.

Дункан не стал говорить о стуке копыт и лае собак, так как решил, что это прозвучит глупо.

— Разбуди меня пораньше, — сказал он. — Я постараюсь наловить форели.

Он положил под голову свернутый плащ, на-

крылся одеялом, закрыл глаза и постарался уснуть, но в мозгу возникла сцена, которую он сначала не понял, только потом осознал, что это подсказывает ему воображение. Внутреннее зрение увидело крадущегося человечка, который старался увидеть и услышать все, что можно, от маленького отряда, собравшегося вокруг высокой фигуры святого. Все эти люди были молоды, но слишком мрачны для своего возраста, слишком торжественны, со странным светом в глазах. Они были из простого народа, так как были одеты в поношенную рваную одежду. Некоторые были в сандалиях, остальные босы.

Иногда отряд был один, в другой раз вокруг собиралась толпа, глядевшая на святого и слушавшая, что он говорит.

И всегда у края толпы или в нескольких шагах от маленькой группы была эта крадущаяся фигура, мелькая повсюду, не среди группы, но поблизости, настораживая уши, ловя каждое слово, и его светлые, острые, как у ласки, глаза, следили за каждым движением.

Затем, скорчившись за валуном или у маленького костра в ночи, он записывал все, что видел и слышал. Писал он мелко, чтобы хватило пергамента, сжимал маленький рот, стараясь

вспомнить и записать точно те слова, которые он слышал.

Дункан, как ни старался, не мог разглядеть этого человечка, заглянуть ему в лицо: оно все время было в тени или отворачивалось как раз тогда, когда Дункану казалось, что он вот-вот увидит его.

Человек был маленького роста, довольно коренастый, босые ноги покрыты синяками и ссадинами, одет в пыльные лохмотья, едва прикрывавшие худое тело, длинные нечесаные волосы, запущенная борода. Он был не из тех, кто привлекает внимание. Он был никаким, он терялся в толпе. Дункан шел за ним, как собака по следу, обходил его кругом, чтобы встретиться с ним лицом к лицу, но тот каждый раз отворачивался, будто зная о преследовании.

Затем кто-то потряс Дункана и тихим шепотом порекомендовал соблюдать тишину.

Дункан открыл глаза и сел. Перед ним сидел на корточках Конрад и показывал пальцем через угасавший костер. Тайни стоял, напряженно вытянувшись, как на поводке, и негромко рычал, оскалив клыки.

Из темноты сверкали два широко расставленных шара зеленого огня, а между ними — лягу-

шачий рот, обсаженный по краям блестящими зубами, а вокруг всего этого — шаров и пасти — впечатление лица, столь отвратительного, что мозг отказывался принять его, не в силах поверить, что такое может существовать. Рот был, как у лягушки, но морда совсем другая: вся в углах и острых гранях, а наверху что-то вроде гребня. Изо рта капала слюна.

Существо явно было голодно и желало подойти к костру, но его удерживало то ли рычание Тайни, то ли что-то еще.

Дункан увидел существо на одну секунду, затем оно исчезло, стерлось. Сначала исчезли зеленые шары и зубы, на секунду дольше задержался общий контур морды, вернее, намек на контур, затем исчез и он.

Тайни быстро шагнул вперед, продолжая рычать.

— Нет, Тайни, — тихо сказал Конрад. — Не надо.

Дункан вскочил.

— Они появились за последний час, — объяснил Конрад, — подкрались в темноте. Но этого я увидел впервые.

— Почему ты не разбудил меня?

— Не было необходимости, милорд. Мы с Тайни

следили. Они только смотрели на нас, больше ничего.

— Много их, кроме этого?

— Не один, я думаю, но немного.

Дункан подбросил хвороста в огонь. Тайни обошел костер кругом.

— Иди сюда и успокойся, — подозвал Конрад собаку. — Сегодня их больше не будет.

— Откуда ты знаешь, что больше не будет?

— Они просто смотрели на нас, но решили не браться за нас сегодня. Может потом…

— Откуда ты знаешь?

— Не знаю, просто догадываюсь. Костями чувствую.

— Они что-то замышляют.

— Возможно.

— Конрад, ты не хотел бы вернуться обратно?

Конрад зло ухмыльнулся.

— Как раз, когда они ушли по-хорошему?

— Я хотел сказать, — пояснил Дункан, — что здесь опасно. Мне вовсе не хочется вести всех вас на смерть.

— А вы, милорд?

— Я, конечно, пойду дальше. Я должен это сделать, хотя бы в одиночку. Но я не требую, чтобы остальные…

— Старый лорд велел мне заботиться о вас, — прервал Конрад. — Он с меня шкуру спустит, если я вернусь один.

— Знаю. Так было с тех пор, как я был мальчиком.

— Отшельник, может, и захочет вернуться. Он с самого начала скулит.

— Отшельник, — сказал Дункан, — провозгласил себя солдатом господа. Это ему необходимо для восстановления самоуважения. Он чувствует, что провалился как отшельник. Он хоть и трусливый дурак, но не вернется без нас.

— Значит, идем вперед. Трое товарищей по оружию. А как насчет ведьмы?

— Пусть сама решает. Ей нечего терять, куда бы она ни пошла. Когда мы ее нашли, у нее не было ничего.

Итак, что бы ни говорил дух, за ними следят и идут по их следу не только безволосые. Мег была права: поблизости были и другие. Видимо, они были тут и во время вахты Дункана, только он не знал об этом. Больше того — и Тайни не знал. А вот ведьма знала. Странно, что ее это не очень встревожило: свернулась у вьюков и спит себе. Может, она чувствовала, что нападения не будет? Но как она могла знать? Дункан удивлялся этому.

И почему они действительно не напали? Все люди сгрудились у костра, выскочить из темноты — и все. Такому маленькому отряду не выстоять.

А как они выстоят другой раз? Ясно, что придет время, когда разрушители перебьют их. Они будут бдительны, но одной бдительности мало. Часть разрушителей встретит свою смерть, но остальные закончат работу.

И все-таки он не повернет назад. У него есть некий талисман, в котором, может быть, заключены все горящие молнии, и они разобьют древнюю тьму. А если он не повернет назад, не повернут ни Конрад, ни отшельник.

Близился рассвет. Темнота рассеивалась, уже можно было видеть тропинки в лесу. Над лагерем пролетели утки.

— Конрад, ты не замечаешь ничего странного? — Спросил Дункан.

— А именно?

— Как выглядит это место. Как-то все искажено, не так, как было вечером.

— Освещение, — предположил Конрад. — На рассвете все выглядит по-другому.

«Нет, — подумал Дункан, — дело не в освещении.» Он пытался установить, что именно не так, но не мог. Не было ничего определенного, на что

можно было бы указать пальцем. Тем не менее все было не так, даже ручей не такой, будто взяли местность и слегка повернули, не сильно, но достаточно заметно, и наблюдатель видел, что все перекошено.

Эндрю сел.

— Что неправильно? — Спросил он.

— Все неправильно, — ответил Конрад.

— Нет. Я знаю. Это в воздухе.

— Ночью у нас был гость, — сообщил Дункан. — Он выглядывал из кустов.

— Не один, — поправил Конрад. — Но выглянул только один.

Эндрю проворно вскочил и схватился за посох.

— Значит, ведьма была права.

— Конечно, права, — отозвалась Мег со своего места. — Старая Мег всегда права.

Дэниел встал, сделал несколько шагов к костру, остановился, сердито фыркнул и стукнул копытом по земле.

— Дэниел тоже знает, — сказал Конрад.

— Мы все знаем, — ответил Эндрю. — Что будем делать?

— Мы пойдем дальше, — сказал Конрад. — А ты как хочешь.

— Почему ты думаешь, что я не пойду?

— Я думаю, что пойдешь.

Мег откинула одеяло и встала.

— Они ушли, — проговорила она. — Я их больше не чувствую. Но они навели на нас чары. Здесь прямо воняет ловушкой.

— Я не вижу никакой ловушки, — возразил Конрад.

— Чары не на нас, — заметил Эндрю, — а на всем этом месте.

— Откуда ты знаешь? — Поинтересовался Дункан.

— Ну, как же, тут все странное. Посмотрите вон туда, прямо над ручьем. В воздухе дрожит радуга.

Дункан посмотрел, но никакой радуги не увидел.

— Маленький народ иной раз пытается сделать такое, — продолжал Эндрю, — но у них плохо получается. Неумехи.

— А разрушители — нет?

— Разрушители — нет, — ответила Мег. — У них сила. Они знают свое дело.

«Безумие, — подумал Дункан, — стоять и рассуждать в заколдованном месте. Но похоже, что так оно и есть. Все странно сдвинулось, все как бы не в фокусе.»

— Может, пойдем? — Предложил он. — Позавтракаем позже. Если мы немедленно двинемся, мы выйдем из этой странности, которую вы называете чарами. Вряд ли они идут на большое расстояние.

— Дальше может быть еще хуже, — возразил Эндрю. — Наверняка впереди чары более сильные. Если мы пойдем обратно, то наверняка скоро выйдем из них.

— Как раз этого они и хотят, — сказал Конрад. — Иначе зачем чары? Но мы не пойдем обратно. Милорд решил идти вперед.

Он взял седло и положил его на ожидающего Дэниела.

— Иди сюда, — обратился он к Бьюти. — Пора тебя навьючивать.

Бьюти взмахнула ушами и быстро подбежала к Конраду.

— Никто не обязан идти с нами, — сказал Дункан. — Мы с Конрадом пойдем, а остальные как хотят.

— Я вам сказал, что пойду, — буркнул Эндрю.

— Я тоже пойду, — поддержала Мег. — Эта воющая куча мало доверяет такой старой девке, как я. А я видела и худшие чары.

— Мы ведь не знаем, что будет впереди, — пре-

дупредил Дункан.

— По крайней мере, у вас есть пища, — сказала она. — Она маячит перед глазами бедной старой души, которая сызмальства перебивалась кое-как, ела орехи и корни, как свинья. И здесь товарищество, в каком я никогда не бывала.

— Не будем тратить время, — угрюмо произнес Конрад.

Он схватил Мег за талию и посадил в седло.

— Держись.

Дэниел слегка загарцевал, как бы приветствуя свою наездницу.

— Тайни, вперед! — Приказал Конрад.

Собака затрусила по тропе, Конрад пошел за ней почти вплотную. Бьюти заняла свое место, Эндрю тащился рядом с ней, энергично упираясь посохом. Позади шел Дэниел и Дункан.

Чары усиливались. Местность сделалась еще более фантастичной. В рощах выросли чудовищные дубы, кустарник стал еще гуще, и во всем было что-то нереальное.

Человек сомневался, были ли тут дубы и камни или только чудились. И это было не все: что-то мрачное нависло над всем.

«Если бы дубы были просто громадными дубами, а кусты — кустами, — думал Дункан, — чело-

век мог бы принять их.» Но здесь эти обычные вещи были искажены и перекошены, будто не всегда росли тут, а были посажены временно. Вся картина колыхалась, как отражение в текучей воде.

Временами вспыхивали кусочки радуги, они то появлялись, то исчезали, но ни разу не сложились в полную дугу.

Долина все еще оставалась, и холмы поднимались по обе ее стороны, но чуть заметная тропа, по которой они шли, исчезла, и теперь они с трудом продирались через лес. Конрад держал Тайни прямо перед собой и не позволял собаке широких обходов. Дэниел нервничал и, опустив голову, обнюхивал все на пути.

Перед Дунканом ковылял Эндрю, с необычной силой ударяя посохом. Бьюти топотала рядом, близко придвинувшись к Эндрю. Похоже, она чувствовала склонность к этому необычному компаньону.

«Может, она считает, — подумал Дункан, смеясь этой мысли, — что теперь у нее тоже есть собственный человек, как у Тайни — Конрад и у Дэниела — я.

Конрад и Тайни остановились. Остальные подтянулись к ним.

— Впереди перегораживает путь болото, — сообщил Конрад. — Может оно тут быть?

— Это не болото, — ответил Эндрю. — Болота не перегораживают дорогу. Они с одной стороны. Открытая вода.

Сквозь деревья виднелось болото, раскинувшееся так широко, что свободной земли не было.

— Может, оно неглубокое, — предположил Дункан. — Попробуем перейти через него, держась ближе к холму.

Он пошел вперед, Конрад нагнал его, остальные шли сзади. У края воды Конрад и Дункан остановились.

— Похоже, глубокое, — сказал Конрад. — Несколько глубоких омутов. А про какой холм вы говорили? Здесь нет никакого холма.

Он был прав. Цепь холмов, вдоль которой они шли, теперь переместилась влево, а прямо перед ними лежало заросшее болото.

— Стой здесь, — сказал Дункан.

Он шагнул в воду. С каждым шагом вода поднималась, и он чувствовал под ногами топкую грязь. Перед ним был один из омутов, на которые обратил его внимание Конрад — что-то черное, маслянистое на вид, более тяжелое и предательское, чем вода. Дункан повернулся,

чтобы пройти по краю. Чернильно-черная вода забурлила, что-то яростно выбивалось из нее. Показалась горбатая спина. Дункан схватился за меч. Горб осел, вода снова покрылась маслянистым налетом, но в другом омуте, чуть подальше, поверхность взорвалась пеной, оттуда показалась злобная голова на змеином теле и метнулась вперед над уровнем воды. Голова была чешуйчатая, треугольная, небольшая по сравнению с величиной тела, увенчанная двумя рогами. Щеки напоминали пластины доспехов.

Голова разинула широченную пасть, из которой торчали кривые клыки.

Дункан держал меч наготове, ожидая нападения, но его не последовало. Медленно, как бы неохотно тело снова опустилось, голова исчезла под водой. Болото снова было спокойным, черным и угрожающим.

— По-моему, вам лучше вернуться, — посоветовал Конрад.

Дункан осторожно выбрался из болота.

— Перейти не удастся, — сказал Конрад.

К ним подошел Эндрю. За ним топотала копытами Бьюти.

— Это не болото, — заявил он. — Тут его никогда не было. Это чары.

— Болото или не болото, — проговорила Мег со спины Дэниела, — но такое колдовство может вас убить.

— Что же делать? — Спросил Дункан.

— Поищем другую дорогу, — ответил Эндрю. — Обойдем заколдованное место. Какой бы силой не обладали те, кто навел это колдовство, они не могут растянуть его повсюду. Они знали, где мы идем, и на этой дороге навели чары.

— Ты надеешься на холмы? — Спросил Дункан. — Хорошо ли ты знаешь те места?

— Не так, как эту долину, но знаю. В нескольких милях отсюда к востоку есть другая тропа. Скверная, очень извилистая, вверх и вниз по холмам. Тяжело идти. Но она поведет нас на юг, она выведет нас за пределы этих холмов, что загораживают нам юг.

— Я думаю, — подтвердила Мег, — что нам лучше поискать ту тропу.

Глава 12

Они нашли эту тропу, но она оказалась неверной. Они не поднялись и до половины холма, как тропа исчезла. Однако из околдованного места они ушли.

Здесь уже не было ни радуги, ни ощущения искажения, скошенности. Местность как местность, какой ей и полагается быть. Честные дубы, честные камни, с честным лишайником на них, обычный нормальный кустарник. Мрачные ощущения исчезли, предчувствия тоже. Но идти было тяжело. Они то лезли вверх, то осторожно сползали вниз.

Дункан взглянул на небо. Солнце было почти в зените.

— Давайте остановимся, отдохнем и закусим, — предложил он, — а затем повернем к востоку и постараемся найти правильный след. Ты ведь уверен, что он есть? — Обратился он к Эндрю.

Тот кивнул:

— Я ходил здесь, но не часто и уже давно, много лет назад.

Конрад развел костер. Дэниел и Бьюти стояли, свесив головы — отдыхали от тяжелого пути.

Тайни растянулся на земле.

— Мы могли бы использовать духа, — промолвил Конрад, — но он где-то далеко оглядывает местность впереди.

— Я бы сказал, — заметил Эндрю, — что теперь у меня куда больше уважения к нему, чем раньше. Он расхрабрился, летает средь бела дня и выполняет работу, чего от роду не делал.

Среди деревьев мелькнула серая тень.

— Волк, — отметил Дункан.

— Здесь куча волков, — подтвердил Эндрю. — Больше, чем было раньше.

За первой шмыгнула вторая тень, а дальше на склоне показался еще один.

— Вот уже трое, — сказал Дункан. — Их может быть и больше. Не пойдут ли они за нами?

— Насчет этого можно не беспокоиться, — уверил Конрад. — Волк труслив. Встань перед ним, и он убежит.

Мег слегка вздрогнула.

— Они чуют кровь, — сообщила она. — Они чуют ее заранее.

— Бабьи сказки, — буркнул Конрад.

— Нет, не сказки, — возразила Мег. — Я знаю. Они знают, куда идет смерть.

— Не наша кровь, — сказал Конрад, — и не

наша смерть.

— Если бы здесь был Снупи, — вздохнул Эндрю, — он бы, наверное, нашел тропу. Но о нем нечего и думать. У него нет чести. Даже когда он разговаривал с вами и давал вам слово, он не собирался помогать нам.

— Обойдемся и без него, — резко ответил Дункан.

— Во всяком случае, — добавил Конрад, — мы ушли от колдовства, приготовленного для нас.

— От колдовства — да, — согласился Эндрю, — но здесь будут и другие вещи.

Они закусили и снова двинулись, направляясь к востоку, вернее сказать старались держаться восточнее, потому что на этой запутанной извилистой местности нельзя было идти в каком-то одном направлении. Было много препятствий: то осыпавшаяся почва на подеме, так что приходилось обходить холм, то завал упавших деревьев, который тоже приходилось обходить, но все-таки они пробирались к востоку.

Солнце близилось к закату, а они еще не нашли никакой тропы. В этом районе вообще не было человеческих следов.

Не было ни сгоревших ферм, ни вырубок, которые когда-то могли быть полями. Древние

деревья, поседевшие от старости, стояли непотревоженными.

Время от времени они видели волков, но всегда издали.

«Пропали мы», — думал Дункан, но вслух этого не высказывал. Что бы не говорил Эндрю, но тропы так и не было. Может, они так и будут углубляться в чащу и ничего не найдут? А вдруг чары все еще действуют, только на другой лад?

Солнце уже почти зашло, когда они спустились в узкую долину, тенистое и спокойное место, вызывавшее меланхолические чувства. Здесь человек обязательно пойдет тихо и не повысит голоса. Солнечный свет еще захватывал вершины холмов и золотил осеннюю листву, но к долине уже приближалась ночь. Дункан прибавил шагу и поравнялся с Конрадом.

— В этом месте пахнет злом, — сказал тот.

— Возможно, но оно подходит для лагеря. Укрыто от ветра, и, наверное, есть вода. Это лучше, чем быть на продуваемых ветром холмах.

— Мне кажется, что я вижу что-то впереди. Белое. Может, церковь.

— Странное место для церкви.

— Я не вполне уверен. В темноте не разглядишь.

— По-моему, я тоже вижу. Прямо перед нами что-то белеет.

Подойдя ближе, они увидели здание, похожее на крошечную церковь. Высокий тонкий шпиль поднимался к небу. Дверь была открыта. Перед ней было расчищенное пространство — ни куста, ни деревьев, и они прошли через него с великим удивлением, потому что здесь не должно было быть церкви, даже маленькой — ведь вокруг не было никакого жилья. Кто же ходил в эту церковь? Однако здание стояло.

«Часовня, — подумал Дункан. — Одна из тех тайных часовен, которые по каким-то причинам ставят в местах, далеких от какой-либо дороги.»

Дункан и Конрад почти подошли к часовне, когда их догнал Эндрю.

— Это часовня Иисуса-на-Холмах, — проговорил он. — Я слышал о ней, но никогда не видел и не думал, что когда-нибудь найду ее, тем более, что те, кто говорил, сами не очень-то верили в ее существование.

— Однако, она здесь, — заметил Конрад.

Эндрю был заметно потрясен. Рука, державшая посох, дрожала.

— Священное место, — огляделся Дункан. — Может, место паломничества.

— Но недавнее, — добавил Эндрю. — Не больше, чем несколько сотен лет. Оно на очень не святой земле. В древние времена здесь была языческая гробница.

— Очень много святых мест воздвигнуто на бывших языческих, — возразил Дункан. — Наверное, предполагалось, что язычники скорее примут христианство, если церкви будут построены на знакомых им местах.

— Да, я знаю. Когда я читал святых отцов, я встречал упоминания о таких местах. Но эта часовня была чем-то еще.

— Языческой гробницей, ты сказал. Место друидов скорее всего.

— Нет, не друидов, — покачал головой Эндрю. — И не гробницей человека, а местом, где собиралось зло и в определенные дни устраивало вакханалии.

— Но если так, зачем же здесь построили часовню? Мне кажется, церковь должна избегать таких мест, тем более в старые времена.

— Не знаю. В старые времена были воинствующие священники, которые волей неволей должны были встречаться с дьяволом лицом к лицу.

— И что тогда случалось?

— Не знаю. Рассказывали многое, но, может быть, все неправда.

— Но часовня есть, — проговорил Конрад, — значит, разрешено было ее поставить.

Дункан поднялся по трем темным ступеням к дверям часовни и вошел внутрь. Часовня была крошечная, вроде домашней, всего по одному окну с каждой стороны, с низкосортными цветными стеклами, шесть скамей, по три с каждой стороны узкого прохода. А на алтаре…

Дункан в ужасе остановился. Во рту стало горько и сердце сжалось при виде распятия, висевшего за алтарем. Оно было вырезано из целого куска дуба, и сам крест, и фигура Христа, но оно было перевернуто. Фигура Христа стояла на голове. Она была запачкана, а над ней было написано по латыни непристойное выражение.

Дункану показалось, что его ударили по лицу. Он с трудом держался на ногах, колени подгибались. Он сам удивился реакции на это надругательство и кощунство: ведь он не был ревностным христианином, не был ни набожным, ни благочестивым. Но теперь он, рискуя своей головой и головами других, выполнял дело церкви.

Распятие было предметом издевательства,

взрывом языческого хохота, насмешки над верой, зубоскальства и, вероятно, ненависти. Враг насмехался над тем, что не мог победить.

Конрад говорил, что часовню, видимо, разрешили построить на языческой земле, но при виде этого возник вопрос: почему разрешили? Тогда перевернутое распятие имело причины.

Много лет назад пришли люди от имени Христа, воинствующие люди, намеревавшиеся вбить христианство язычникам в глотку, и построили часовню. И вот теперь шутка обернулась против них, и часовня стала посмешищем.

Он услышал за спиной хриплый вздох: вошли Конрад и Эндрю, увидели распятие и на мгновение задохнулись от ужаса.

— Насмешка, — прошептал Дункан, — живое издевательство. Но господь выдержит это, сочтет пустяком.

Часовня была чистой и ухоженной. Не было никаких признаков разрушения временем. Ее недавно подметали, и все было в хорошем состоянии.

Они медленно пятились к двери. На ступеньках, съежившись, сидела Мег.

— Вы видели? — Спросила она.

Дункан молча кивнул.

— Я не знала, что мы идем к этому месту. Кабы знала — сказала бы вам, остановила бы.

— Ты знала, что здесь?

— Только слышала.

— И ты не одобряешь этого?

— Зачем мне одобрять или не одобрять? Я ни с кем не ссорилась. Но я не хотела бы, чтобы вы это видели. Я ем ваш хлеб, еду на вашей лошади, ваша большая собака не рвала на куски моего тела. Вы не рубили меня мечом, высокий человек помог мне встать и подсадил на лошадь, даже этот прокисший отшельник угостил меня сыром. Могу ли я желать вам вреда?

Дункан наклонился и погладил ее по голове.

— Ладно, бабушка, переживем.

— Что будем делать? — Спросил Эндрю.

— Проведем здесь ночь. Мы устали за день и дальше идти не можем. Нам нужно поесть и отдохнуть.

— В этом месте я куска не проглочу, — сказал Эндрю.

— А что делать? Идти на холмы? Продираться в темноте через лес? Мы не пройдем и мили.

Говоря это, он про себя думал, что они с Конрадом ушли бы, оставили бы это проклятое место позади. Могли бы идти всю ночь, если понадо-

бится, лишь бы уйти подальше от часовни Иисуса-на-Холмах. Но ноги Эндрю подкашивались от сурового обращения, какому они подвергались, а Мег, хотя она наверняка станет отрицать, умирает от усталости. Тогда, в пещере отшельника, он сожалел, что ему навязались добровольцы, и теперь ясно, что он был прав.

— Я схожу наберу топлива для костра, — сказал Конрад. — И я слышу, как справа журчит ручей.

— А я принесу воды, — вызвался Эндрю.

Дункан посмотрел на него, зная, сколько храбрости нужно отшельнику, чтобы идти одному в темноте. Он подозвал Дэниела и Бьюти, расседлал и развьючил их. Бьюти прижалась боком к Дэниелу, и тот, казалось, был рад, что она рядом.

«Они оба, — подумал Дункан, — знают, как и мы, что здесь неладно.» Тайни без отдыха сновал вокруг, подняв голову, чтобы уловить запах опасности.

Конрад развел костер, и они с Мег готовили еду. Свет костра падал на белые стены часовни.

На западном холме завыл волк, другой ответил ему с севера.

— Кто-то из тех, кого мы видели днем, — пробормотал Эндрю.

Узкая долина ночью стала влажной, навевала

чувство страха. Опасность шла по ней на мягких лапах. Дункан подумал, что предчувствие опасности, возможно, вызвано зрелищем поруганного распятия, но, может, появилось само по себе.

— Мы с Конрадом будем нести сегодня двойную вахту, — решил он.

— Вы опять забываете про меня, — обиделся Эндрю. Но в его голосе Дункану послышалось облегчение.

— Мы хотим, чтобы ты и Мег отдохнули, — пояснил он, — потому что завтра предстоит долгий путь. Мы выйдем как можно раньше, еще до окончательного рассвета.

Он стоял у костра и глядел в темноту. Два раза ему показалось, что он видит какое-то движение за кругом света, но каждый раз он думал, что это воображение, обостренное страхом, который он скрывал от других, но не мог скрыть от себя.

Изредка выли волки, причем со всех четырех сторон, но все еще издалека. Волки, похоже, не двигались. «Они могут прийти позже, — думал Дункан, — когда наберутся храбрости и когда вокруг костра все успокоится.» Впрочем, что им бояться волков: Дэниел и Тайни живо разгромят их.

Дункану снова вспомнились зубастая пасть,

горящие глаза, намек на лицо, которые он видел прошлой ночью. И злобная змея, возникшая из черного болота.

Мег позвала его ужинать, и они уселись вокруг костра. Эндрю, хоть он и утверждал, что не проглотит ни кусочка, отдал должное ужину. Немного поговорили, но никто не заикнулся о том, что они видели в часовне. Все как будто старались об этом забыть.

«Но, — думал Дункан, — это не та вещь, которую легко выкинуть из памяти. Насмешка, но не только. Ненависть.» Ненависти было столько же, сколько насмешки. И это было непонятно.

В древние времена языческие боги имели право ненавидеть новую веру. Стоп: он вроде бы допускает, что языческие боги существовали и теперь существуют. Христианину негоже так думать, укорял себя Дункан. Истинный христианин приписал бы их всех к аду и отрицал бы, что они когда-нибудь были здесь, на земле.

Но с такой точкой зрения Дункан не мог согласиться: их надо рассматривать, как всегда присутствующих врагов, тем более здесь, в разоренных землях.

Он дотронулся до мешочка с пергаментом. И подумал, что там лежит его вера, а здесь, в этом

месте — другая вера. Может, ошибочная, но все-таки вера, которую человек в своем неведении принимал для своей защиты. Она была жестока и ужасна, но человек, вероятно, считал, что в этих двух качествах заложены власть и сила, а именно в этом он нуждался, чтобы защититься от внешнего мира.

В этой часовне, наверное, проводились некие тайные ритуалы, которых он не знал и не хотел знать, может быть приносились человеческие жертвы, чудовищное зло шло со злыми намерениями — и не только недавно, но и в далекие времена, возможно, еще до появления человека.

Подошел Дэниел, понюхал хозяина. Дункан оттолкнул лошадиную голову, и Дэниел тихо зафыркал.

На западе завыл волк, и на этот раз ближе. Подошел Конрад.

— Придется всю ночь подкладывать дров в костер. Волки боятся огня.

— Что нам волки? — Пожал плечами Дункан. — Они не голодные. Здесь, в лесу для них полно еды.

— Они приближаются. Я видел блеск их глаз.

— Они просто любопытны.

— Мы заблудились, — перевел разговор Ко-

нрад. — Мы не знаем, где находимся, и, я думаю, Эндрю тоже не знает.

У края светового круга блеснули два глаза и тут же исчезли.

— Я только что видел одного из наших волков сообщил Дункан. — Вернее, его глаза.

— Тайни следит. Он чует их.

В темноте справа вспыхнули два глаза. Тайни рванулся к ним, но Конрад отозвал его.

— Погоди, Тайни, не торопись.

Дункан встал.

— Мы готовы, — спокойно сказал Конрад. — Они собираются на нас.

Дэниел повернулся мордой к волкам, опустил голову и злобно фыркнул. Тайни встал рядом с Конрадом и зарычал.

Волк выступил вперед. В свете костра его серый мех казался почти белым. Волк был крупный и страшно худой — ходячая смерть. Он качнулся, тощая голова запрокинулась, губы поднялись над клыками, глаза горели отраженным пламенем.

Второй волк шел чуть позади и сбоку, положив голову на плечо товарища.

Дункан вытащил меч. Скрип металла о ножны показался резким в тишине. Дункан приказал стоявшему рядом коню:

— Готовься, Дэниел.

Торопливые шаги заставили его оглянуться, и он увидел Эндрю, державшего посох на весу. Капюшон его упал на плечи, седые волосы сверкали нимбом.

Из темноты за светлым кругом послышался голос, произносивший громко и отчетливо непонятные Дункану слова. Это был не английский, не латынь и не греческий и, судя по интонации, не галльский. Слова были резкие, гортанные, рычащие.

При этих словах волки перешли к действиям. Оба волка разошлись в стороны, к ним подскочили другие, сжались для прыжка и кинулись из темноты по сигналу говорившего.

Дэниел встал на дыбы и забил передними копытами. Тайни бросился на зверей, как вспышка выпущенной ненависти. Большой волк без заметных усилий взвился в воздух к горлу Дункана. Меч свистнул, ударил волка по вытянутой шее и отшвырнул его в сторону. Второй волк был смят в прыжке дубиной Конрада. Тайни уже схватил за горло третьего и, подняв голову, закрутил его в воздухе.

На Дункана прыгнул еще один, разинув пасть с блестящими клыками. Дункан поднял меч, но

сбоку появилось что-то вроде копья, попало в открытую пасть зверя и вошло глубоко в глотку. Волк сложился пополам, но сила прыжка вынесла его вперед вместе с копьем. Конец копья ударил Дункана по ногам, и Дункан упал. В это время подскочил Дэниел и поднятым копытом ударил волка под лопатку. Волк покатился с переломанными костями.

Дункан вскочил и увидел, что Тайни катается по земле, сцепившись с одним из зверей, другой нападает сверху, а рядом разъяренный Конрад поднял дубину, готовясь ударить нападавшего волка. Позади них Бьюти бешено отбивалась от волка, схватившего ее за переднюю ногу, а два других готовились напасть на нее. Дункан бросился на помощь Бьюти, но не успел сделать и двух шагов, как к ослице кинулась разъяренная ведьма, размахивая двумя горящими ветками. Одна из веток полетела, крутясь и перевертываясь, и оба волка отскочили.

— Мег! — Закричал Дункан. — Мег, ради бога, осторожнее!

Но она не обращала на него внимания, неслась, как ветер. Ее старое тело раскачивалось на дрожащих ногах, и это раскачивание, казалось, удваивало ее скорость. Она подняла оставшуюся

ветку и ударила ею волка, державшего ногу Бьюти. Волк взвыл и с визгом бросился в темноту.

Из темноты снова раздался громкий ясный голос, говоривший на незнакомом языке. Волки быстро повернулись и убежали.

Дункан медленно оглянулся. Дэниел стоял у костра, а неподалеку от него Эндрю отчаянно пытался вытащить из волчьей глотки свой посох.

Конрад и Мег шли к костру, за ними Тайни, позади хромала Бьюти. Тут и там лежали тела волков. Один еще пытался ползти на передних лапах, волоча зад.

Когда Дункан подошел к костру, Эндрю внезапно закричал, выпустил посох и попятился от мертвого волка, закрыв лицо руками.

— Нет! Не может быть! — Вопил он.

Дункан подбежал к нему и круто остановился, не веря своим глазам.

Тело волка медленно изменялось и превратилось, наконец, в нагое женское тело.

Посох отшельника все еще торчал у нее изо рта. Мег, стоя рядом с Дунканом, заговорила скрипучим голосом.

— Я хотела сказать вам, но не успела. Все это произошло слишком быстро.

Подошел Конрад, взялся за посох отшельника

и выдернул его. Тело волка, лежащего позади женщины, обернулось мужчиной, а волк, что волочил перебитый зад, вдруг закричал человеческим голосом, криком боли и страха.

— Я позабочусь о нем, — угрюмо сказал Конрад.

— Нет, — сказал Дункан, — оставь его пока.

— Оборотни, — Конрад плюнул. — Их только убивать.

— Мне кое-что не понятно, — возразил Дункан. — Здесь была куча волков, а напали только немногие. Если бы они бросились все…

— Кто-то отозвал их.

— Дело не только в этом. Тут что-то еще.

— На, — сказал Конрад, протягивая отшельнику посох.

Эндрю отпрянул.

— Нет, — жалобно проговорил он. — Я не могу до него дотронуться. Я убил им женщину.

— Не женщину, а оборотня. Возьми посох и держи его крепче. У тебя никогда не будет другого такого посоха.

Отшельник взял посох и ткнул им в землю.

— Век буду помнить, — пожаловался он.

— Хорошие вещи стоит запомнить, — подтвердил Конрад. — Удар нанесен ради нашего

господа.

Дункан подошел к краю освещенного места, постоял над плачущим мужчиной и медленно опустился на колени возле него.

Человек был стар. Руки и ноги тонкие, как соломинки, колени и локти узловатые, ребра выпирали под кожей. Снежно-белые волосы курчавились на шее, а на лбу слиплись от пота. Он смотрел на Дункана со страхом и ненавистью.

— Скажи мне, — спросил Дункан, — кто говорил из темноты?

Человек обнажил желтые зубы, зарычал и плюнул.

Дункан схватил его за плечо. Он завизжал. Голова его откинулась назад, в углах рта показалась пена. Он стонал, вопил и слабо царапал землю.

Протянулась рука, схватила Дункана за плечо поставила на ноги.

— Пустите-ка, — сказал Конрад.

Дубина с отвратительным хрустом ударила по черепу оборотня. Дункан сердито посмотрел на Конрада.

— Я же тебе сказал…

— Убивать змею, так убивать, а не ухаживать за ней.

— Но я хотел спросить…

— Вы спрашивали, он не ответил.

— Может, ответил бы.

— Нет. Он слишком боялся вас.

«А ведь это правда, — подумал Дункан. — Оборотень был вне себя от страха, он визжал и пытался отползти.»

Конрад тронул его за плечо.

— Пошли к костру. Я посмотрю, как там Бьюти.

— Она хромает, только и всего. Мег спасла ее.

— Да, я видел.

— А как Тайни?

— Ухо разорвано, кое-где следы зубов, но ничего серьезного.

Они вернулись к костру. Эндрю и Мег стояли рядом. Конрад пошел к Бьюти.

— А ты храбрая. Смотри, как бросилась на помощь сказал Дункан Мег.

— У меня был огонь. Волки-оборотни боятся огня, — ответила Мег.

Она обернулась.

— Вы, наверное, удивляетесь, зачем ведьма стала помогать? Ну, так я вам скажу. Мелкая магия и чуть-чуть чар для меня в порядке вещей. В свое время я делала немало такого. Тут нет ничего плохого и часто помогает. Но я вам уже говорила, что настоящего зла во мне нет. А оборотни — это

зло, и я не могу его терпеть. Подлое, низкое, порочное зло. Для такого зла просто нет названия.

— Их здесь была целая куча, — заметил Дункан. — Я никогда не думал, что оборотни ходят стаями. Ты говорила о тех, кто идет за разрушителями. Может, это и объясняет такую стаю?

— Вполне возможно. Они, наверное, сошлись со всей Британии.

— А ты слышала голос?

Она вздрогнула.

— Ты поняла слова, узнала язык?

— Слова — нет, но язык узнала. Это очень древний язык, из глубины времен, до людей.

— Слова первобытного, изначального зла?

— Не знаю.

Ему очень хотелось спросить, как она узнала язык, но он воздержался. Зачем ее расстраивать? Она честно ответила на его вопрос, этого было достаточно.

Вернулся Конрад.

— Бьюти в порядке. Нога повреждена очень немного. Нам повезло.

На поляне стояла тишина. Тела мертвых оборотней лежали на границе света и тени.

— Не похоронить ли их? — Спросил Эндрю.

— Оборотней не хоронят, — отрезал Конрад. —

Кол в сердце — это да. Да у нас и лопаты нет.

— Ничего делать не будем, — сказал Дункан. — Оставим их как есть.

— Я не усну сегодня, — сказал Эндрю.

— Постарайся, — резко возразил Конрад. — Впереди у нас долгий и трудный путь. Как ты думаешь, найдешь ты ту тропу?

Эндрю смущенно покачал головой.

— Не знаю. Мне кажется, все вокруг перевернулось. Все выглядит не так.

Жалобный визг прорезал ночь. Он шел откуда-то сверху.

— Боже мой! — Тявкнул Эндрю. — Неужели опять?

Визг повторился. В нем слышались стон и всхлипывание. Звук царапал по сердцу и леденил кровь.

С другой стороны костра раздался спокойный голос:

— Не бойтесь. Это Нэн, баньши.

Дункан повернулся на голос. Он не сразу узнал существо. Маленькая фигурка с откинутым капюшоном, пара веретенообразных ног, большие уши.

— Снупи! Что ты здесь делаешь?

— Выслеживаю вас. Мы уже давно вас ждем, с

тех пор как дух сказал, что потерял ваш след.

Дух слетел вниз, а за ним другая фигура, контрастирующая своим черным цветом с белизной духа.

— Чистая случайность, — подтвердил дух, — что я их встретил. — Это не случайность, — сказал Снупи, — но тебе этого не понять, а объяснять у нас нет времени.

Нэн, баньши, скорчилась у костра. Выглядела она отталкивающе. Глубоко сидевшие под косматыми бровями глаза сверкали. Черные волосы падали на спину почти до талии. Лицо было узкое и твердое.

— Ну, — сказала она, — и здорово же вы прячетесь. Мы долго искали вас.

— Мадам, — ответил Дункан, — мы и не думали прятаться. Мы просто пришли и остановились на ночлег.

— Хорошенькое место вы выбрали, — фыркнул Снупи.

Он подошел к ним.

— Разве вы не знаете, что здесь нельзя останавливаться?

— Предполагали, — ответил Конрад. — Мы отбились от стаи волков-оборотней.

— Мы надеялись на тебя, гоблин, — упрекнул

Эндрю. — Почему ты не пришел в церковь, как обещал?

— Я высказывался в том смысле, что вам понадобится некоторая помощь, а судя по тому, как идете ощупью, вам нужна вся помощь, какую мы можем оказать.

— Уж ты поможешь! — Раздраженно буркнул Эндрю. — Завербовал заезженную старую баньши…

— Я давно знаю, что ты хам, — сказала Нэн.

— Позже придут другие, — спокойно возразил Снупи.

— Они придут, когда будут вам очень нужны. Но вам не здесь оставаться, и что бы вы там ни говорили в своем невежестве и высокомерии, мы собираемся увести вас отсюда.

— Мы знаем, — сказал Дункан, — что это языческое капище.

— Не только. Гораздо больше, чем это. Это место было посвящено злу еще до того, как появились язычники, поклонявшиеся дьяволу. Здесь с самого начала собирались существа, от одного вида которых съежились бы ваши душонки. Вы осквернили их землю, вы запачкали место. Они не позволят вам оставаться здесь. Оборотни — это только начало. Придут другие, с которыми вы так

легко не справитесь.

— Но здесь часовня…

— Они допустили, чтобы часовня была построена. Они следили, как ее строят надменные невежественные люди, глупые церковники, которым полагалось бы знать побольше. Они прятались в тени, следили и ждали своего времени, и когда это время пришло…

— Ты нас не запугаешь, — предупредил Конрад.

— Может, мы и испугались бы, — добавил Дункан если бы хорошо понимали, что с нами будет.

— Это верно, — вмешалась Мег, — но вы должны были знать…

— Ты же была с нами и не возражала, когда мы…

— А куда деваться старой больной ведьме?

— Улетела бы на своей метле, — сказал Конрад.

— У меня ее отроду не было и у других тоже. Это только в дурацких сказках…

— Мы не можем идти, пока не отдохнем как следует, — прервал Дункан. — Мы с Конрадом пошли бы, но ведьма слаба, а Эндрю шел целый день и вымотался.

— Однако у меня хватило силы убить оборотня, — уточнил отшельник.

— Эндрю можно посадить на Дэниела, — предложил Конрад, — а Мег пусть едет на Бьюти. Мег легкая, как перо. Бьюти, даже хромая, может ее везти. А вьюки мы понесем сами.

— Тогда, — сказал Снупи, — давайте пошли.

— Я тоже умоляю, — добавил дух, — уходите. Если вы останетесь здесь, вы к утру соединитесь со мной в смерти, а вам может так не повезти, как мне, и вы не станете духами.

Глава 13

Через некоторое время глаза Дункана привыкли к темноте и он не натыкался на деревья, но зато под ногами не видел ничего и время от времени спотыкался о сломанные ветви или падал, попав ногой в яму. Чтобы не заблудиться, он не спускал глаз с белого вьюка на спине Конрада.

Снупи шел впереди, а дух витал над ними и был чем-то вроде маяка для идущих. Дэниел шел за Снупи и духом, а Бьюти — за своим другом Дэниелом. Конрад и Дункан были в тылу. Нэн летала где-то над ними, но от нее было мало толку: ее не было видно, и у нее была неприятная привычка испускать время от времени жалобные стоны.

Эндрю возражал против того, чтобы ехать на Дэниеле, но когда Конрад поднял его и посадил в седло, он не пытался слезть. Он ехал и думал, качая головой.

Мег улеглась вдоль спины маленькой ослицы, крепко обхватив руками ее шею. Седла на Бьюти не было, и на ее круглом, как бочонок, теле нелегко было удержаться.

Время шло. Луна склонялась к западу. Иногда кричали ночные птицы, видимо, в ответ на

вопли Нэн.

Дункану хотелось, чтобы она заткнулась, но заставить ее он не мог, да и не хватало дыхания кричать ей. Дорога была сущим наказанием: то вверх, то вниз. У Дункана было впечатление, что они возвращаются туда, откуда пришли, но уверенности в этом, конечно, не было. Все спуталось.

Будь это чары, они пришли бы к болоту, но на этот раз они, кажется, подходили к открытому месту. Так сказал им Снупи, перевалив через последний из этих проклятых холмов.

Странное дело, подумал Дункан, разрушители сделали три попытки остановить их или заставить свернуть в сторону: встреча в огороде у церкви, чары на следующий день, нападение обортней. Но каждая атака была слабее, чем можно было ожидать. Безволосые были разбиты без особо тяжелых усилий. Колдовство провалилось, хотя, может, и выполнило свою роль. Их заставили свернуть с пути. И у часовни — если бы оборотни вели согласованную атаку, они стерли бы в порошок маленькую группу людей. Однако они повернулись хвостами и бежали на звон голоса из темноты. Что-то здесь было не так. Все было бессмысленно.

Разрушители шли по этой земле, убивая жителей, сжигая деревни и усадьбы, превращая страну в пустыню. Где же их отряду выстоять против такой силы?

Если не считать страшной лягушачьей пасти, которую они видели в темноте, здесь не было и признака разрушителей.

Дункан не мог знать, но предполагал, что морда имела отношение к разрушителям.

Нет ли у него и у его отряда сильного покровителя? Может, бог протянул над ними руку? Нет, это глупая мысль. Не часто случается, чтобы бог действовал таким манером.

Он подумал и почти поверил, что, может быть, дело в амулете, который он нашел в могиле Вольферта. Это наверняка не просто безделушка, а мощный инструмент магии. Эндрю назвал его адской машиной.

Если это машина, то должен быть какой-то способ заставить ее действовать. Если же это магия, а похоже, что так оно и есть, то заводить ее не надо. Видимо, она действует сама, когда этого требуют обстоятельства. Он сунул вещицу в мешочек с рукописью и почти забыл о ней, но вполне возможно, что эта магия защищает их от полной злобы разрушителей.

Но разве разрушителей нет? Разве безволосые не разрушители или, по крайней мере, не оружие разрушителей? Ривер говорил, что безволосые тоже участвовали в нападении на замок. Может, это отряды для защиты настоящих разрушителей, пока те собираются на свои таинственные ритуалы омоложения, если, конечно, они и в самом деле это делают. Кто знает?

Это ведь только теория, о которой упоминал его преосвященство.

«Господи, — думал Дункан, — если бы я знал только одну вещь с определенностью! Если бы я был уверен хотя бы в одном аспекте всей этой неразберихи!»

Он даже в Вольферте не был уверен. Деревня, где тот поселился, считала его святым, и он не спорил. А не спорил, потому, что такое положение давало ему безопасность. Колдун скрывался здесь. А зачем колдуну скрываться? И как насчет Дианы?

Она знала, что Вольферт был колдуном, и искала сведения о нем, но улетела, не завершив дела. Если бы он мог поговорить с ней, она, наверное, объяснила бы кое-что из того, что произошло.

Луна была уже низко над западным горизонтом, но утреннего света не было и в помине.

Дойдут ли они когда-нибудь до остановки? Какое расстояние между ними и часовней должно быть, чтобы спасти их от ревнивого зла, покровительствовавшего этой часовне?

Дункан посмотрел вверх и увидел Нэн, черную летучую мышь в образе женщины, летящую в небе.

Ветер стих. Это был признак скорой зари. Повсюду царила тяжелая тишина, только изредка подкованные копыта Дэниела и Бьюти звенели, задев о камень.

С освещенного луной неба снова пришел звук, который Дункан слышал прошлой ночью: стук копыт, далекий человеческий крик и лай собак.

Конрад остановился. Дункан увидел, что и остальные впереди остановились тоже. Снупи стоял на скалистом выступе и смотрел в небо. Мег села и уставилась туда же. Эндрю спал, согнувшись в седле.

Голос стал глубже, лай громче и отчетливее, копыта стучали, как гром, прокатывающийся по небу. Над вершинами деревьев с севера появилось что-то темное. Приглядевшись, Дункан увидел всадника, ехавшего по небу: он выпрямился в седле, размахивая охотничьим рогом и криком погоняя собак, бежавших перед ним

— злых охотничьих собак, вынюхивающих след невидимой добычи.

Большая черная лошадь скакала прямо по воздуху. Лошадь, всадник и собаки пронеслись над группой, стоявшей на вершине холма. Рассмотреть их детально не удавалось, все они были лишь черными силуэтами в небе. Стук копыт эхом отдавался в холмах, лай казался громовым. Всадник поднял рог к губам. Звук, казалось, заполнил все небо. Затем всадник и свора исчезли на юге. Звук постепенно замер.

Нэн скатилась с неба и встала перед Дунканом, дрожа от возбуждения.

— Вы знаете, кто это? — Спросила она.

— Нет. А ты?

— Это дикий охотник. Я видела его однажды много лет назад в Германии.

Мег соскользнула с Бьюти и приковыляла к ним.

— Он всегда был в Германии и нигде больше. Я говорила вам насчет всякой нечисти, собирающейся вокруг разрушителей.

— Значит он ищет их? — Спросил Конрад.

— Сомневаюсь. Он, в сущности, ни на кого не охотится, просто ездит по небу, а его собаки поднимают такой шум, что человек может на-

пугаться до смерти. Но он не думает ни о чем плохом.

— Но кто он? — Спросил Дункан.

— Никто не знает. Имя его давно забыто. Он очень давно ездит по небу.

Снупи торопливо сбежал с холма.

— Давайте пойдем, — сказал он, — уже недалеко. С первыми лучами солнца мы будем там.

— Куда ты ведешь нас? — Спросил Дункан. — Должны же мы знать.

— Туда, где вы должны были бы быть. Обратно на дорогу.

— Туда, где мы попали в чары? Они же будут ждать нас там.

— Нет, — возразил Снупи, — сейчас там нет никого. Они не думают, что вы вернетесь.

Дух плясал над их головами.

— Правильно! Нет и признака их. Я бы сказал — путь чистый.

— Нам надо отдохнуть, — сказал Дункан. — Мы все буквально умираем от усталости.

— Эндрю спит, — заметил Конрад.

— Только он один. Он за это заплатит: когда мы будем отдыхать, он будет на страже.

Глава 14

Скользкое чудовище выбросилось из болота. Чешуйчатая треугольная рогатая голова с зубастыми челюстями и острым языком поднялась над Дунканом, в то время как он стоял по бедра в воде, а болотная тина засасывала его ноги. Он яростно орал на чудовище, нависшее над ним и неторопливо раскачивающееся, и ждал гибели. В руке его был меч, но слишком мало было это оружие, чтобы нанести хотя бы царапину этому чешуйчатому монстру.

Голова опустилась, тело выгнулось, свернулось кольцами и бросилось на Дункана. Оно откинуло его руку с мечом, связало колени, обвилось вокруг тела, сдавив ребра и плечи, и голос сказал громко:

— Будь осторожен с собакой. Свяжи ее покрепче, но чтобы ни одной царапины! Она стоит дороже вас всех, вместе взятых. Если кто-нибудь вздумает ее ударить, я повешу его за большие пальцы!

Во рту Дункана песок, а вовсе не вода, и держат его руки, а не змеиное тело. Он борется, пытается отбиваться, но ничего не может сделать. В его

поясницу уперлось чье-то колено, руки давят на плечи. Его лицо прижато к земле. Он открывает глаза и видит опавшие листья.

— Свяжи большого покрепче, — сказал голос, — и следи за лошадью. Она может выбить тебе кишки.

Где-то яростно рычал Тайни, где-то сражался, пытался сражаться Дэниел, и повсюду топот и хрюканье толпившихся людей.

Дункан почувствовал, как толстая веревка больно врезалась в его запястья, затем кто-то рывком перевернул его на спину. Он смотрел в небо, а углом глаза видел неуклюжих людей, маячивших над ним.

Кто-то дернул вверх его связанные за спиной руки так, что он сел. В нескольких шагах от него лежал Конрад, увязанный, как рождественский гусь, но все еще пытавшийся освободиться.

— Если я когда-нибудь доберусь до вас, — ревел он, обращаясь к людям, стоявшим поодаль, — я вырву ваши печенки!

— Дружище Конрад, — ответил один из людей, — я премного сомневаюсь, что тебе представится такой случай.

В этом человеке было что-то знакомое, но лица его Дункан не видел. Человек повернулся, и Дун-

кан узнал Гарольда Ривера.

Мозг Дункана силился понять реальность, но это было трудным делом, поскольку переход от сна к пробуждению произошел слишком резко. Он спал, это ясно, видел во сне столкновение со змееподобным чудовищем из болота, и внезапно оказалось, что он уже не спит, а захвачен и связан злобной шайкой оборванцев. Дункан огляделся, оценивая ситуацию.

Эндрю был привязан к дереву. Мэг не было видно, Дэниела тоже, но маленькая терпеливая Бьюти также была привязана к дереву петлей-удавкой за шею.

Скосив глаза, он увидел Тайни со связанными лапами и челюстями. Тайни яростно извивался, но освободиться, конечно, не мог.

Они лежали на опушке небольшой рощицы у начала дороги, там, где они остановились ранним утром, не думая ни о завтраке, ни о костре, желая только нескольких часов сна, оставив Эндрю на страже.

Не было ни Снупи, ни Нэн, ни духа. Так и должно было быть: Снупи вывел их на дорогу и ушел вместе с Нэн собирать свой маленький народ. Дух, скорее всего, сбежал, встревоженный какой-нибудь опасностью. В прошлую ночь он

говорил, что в течении всего дня никого не видел, и Дункан удивлялся, где же, к дьяволу, прятались Ривер и его банда.

Ривер шел к нему. Дункан смотрел на него, смущенный эмоциями, которые этот человек вызывал в нем: немного страха, наверняка ненависть, но и то, и другое смывалось презрением. Ривер был подонком, злобным искателем удобного случая, не имевшим никаких принципов — ничтожество, даже того меньше.

Ривер остановился в нескольких шагах от Дункана.

— Ну, милорд, как вам это нравится? Все перевернулось. Может, теперь вы скажете правду о себе?

— Я сказал ее тебе в ту ночь в замке. Мы идем в Оксенфорд.

— Но не сказали, зачем.

— Сказал. Несем сообщение.

— И все?

— Все.

— Сейчас посмотрим, — сказал Ривер.

Он шагнул вперед и сорвал мешочек с пояса Дункана. Не торопясь, отстегнул он пряжки, открыл мешочек, сунул в него руку и вытащил амулет Вольферта. Он покачал его на цепочке.

Блестящие камни отразили солнечный свет.

— Прямо скажем, хорошенькая штучка. И, возможно, ценная. Что это такое?

— Просто безделушка. Сделано для красоты.

Про себя Дункан молился: «Боже, только бы он не взял манускрипт!»

Ривер положил амулет себе в карман, снова полез в мешочек и вынул манускрипт.

— А это что?

— Несколько листов пергамента. Мои любимые. Взял, чтобы иногда читать.

— Ба! — С отвращением сказал Ривер.

Он смял листы и отбросил их в сторону. Ветер подхватил их и протащил несколько шагов по песку. Затем они зацепились за кустик и остались там, а ветер дергал их.

Рука Ривера снова нырнула в мешочек, достала четки, крест из слоновой кости, еще одни четки — янтарные. Он внимательно оглядел последние.

— Благословленные? — Спросил он. — Освященные каким-нибудь святым?

— Его преосвященством архиепископом аббатства Стендиша, так что они только частично освященные.

— Главное — работа хорошая, — заметил Ривер. Он положил четки в карман. — Уж медяк-то мне

за них дадут.

— Они стоят гораздо больше, — возразил Дункан. — Дураком будешь, если отдашь за медяк.

Ривер извлек замшевый кошелек.

— Теперь осмотрим это, — сказал он.

Оскалив острые зубы, он высыпал монеты на ладонь.

— Неплохо. Для человека в стесненных обстоятельствах, вроде меня, большая удача найти столько.

Он ссыпал монеты обратно в кошелек, сунул его в карман куртки и еще раз заглянул в опустевший мешочек, затем отбросил его в сторону.

— А теперь меч. Лезвие, подходящее для джентльмена, это будет получше нашего несчастного железа.

Он вытащил меч и осмотрел его опытным взглядом.

— Хорошая сталь, прочная. Но где золото, драгоценные камни? Я полагал, что дворяне носят вещи получше.

— Золото и камни для церемоний, а это боевое оружие, — ответил Дункан.

Ривер кивнул.

— В этом ты прав. Кончик острый, как игла. Действительно, очень хороший меч.

Он опустил меч, так что острие касалось горла Дункана.

— А теперь скажи, куда ты идешь на самом деле? Где то сокровище, которое ты ищешь? И какого рода сокровище?

Дункан не ответил. Он сидел спокойно, хотя инстинкт кричал ему, чтобы он откинулся назад от лезвия. «Ведь меч не отклонится, — говорил он себе.

— Ривер снова приставит его к горлу.»

— Я проткну тебе глотку, — пригрозил Ривер.

— Если ты это сделаешь, то ничего от меня не услышишь.

— Ты опять-таки прав. Может снять с тебя заживо кожу — лучший путь? Ты видел когда-нибудь, как с человека сдирают кожу?

— Нет.

— Неприятное зрелище. Делается это медленно, по кусочку. Иногда начинают с пальцев, но для мастера это скучная и утомительная работа, потому что надо быть очень осторожным и внимательным — это деликатная техника. Будь я мастером, я бы предпочел начинать с живота или с промежности. Пожалуй, именно с промежности. Очень нежная область, и результаты получаются быстрее. Если мы станем делать это

с тобой, как ты считаешь, откуда начинать? Мы люди вежливые и согласимся с твоим выбором.

Дункан не ответил. На лбу его выступил пот, но он надеялся, что Ривер этого не заметит. «Это не пустая болтовня, — подумал он. — Этот палач так и сделает.»

Ривер, казалось, обдумывал ситуацию.

— Наверное, лучше начать с кого-нибудь другого, — решил он, — а ты посмотришь, пока подойдет твоя очередь. Этот большой дурень, кажется, моложе тебя. С ним будет хорошо работать. У него шикарная шкура. Если ее хорошо снять, можно сделать из нее куртку. Или взять этого занюханного отшельника, что привязан к дереву. Он будет визжать громче, чем дурень. Визжать и просить пощады или жалобно взывать к богу. Он все расскажет. Только я думаю, кожа отшельника такая сморщенная, что не будет стоить затраченных усилий.

Дункан по-прежнему молчал. Ривер махнул рукой.

— Сегодня уже поздно. Для такой работы нужно хорошее освещение, а сейчас солнце уже заходит. Лучше начнем с утра, так что у нас в запасе будет весь день.

Он сунул меч Дункана под мышку, погладил

оттопырившийся карман куртки и хотел уже отойти, но снова повернулся к Дункану.

— У тебя будет целая ночь, чтобы подумать обо всем. Утром поговорим.

Он крикнул своим людям:

— Эйнер и Робин, ваша первая вахта над нашей драгоценной добычей. Не спускайте с них глаз. И чтобы никаких отметок на них! Я желаю иметь их шкуры неповрежденными. Если вы упустите их каким-нибудь образом или оскорбите их неумелым обращением, я вырву вам глаза!

— Ривер, — сказал Дункан, — ты ошибаешься. Нет никакого сокровища. Мы путешествуем не для каких-либо поисков.

— Ладно, — сказал Ривер, — мы это обсудим позже. Хотя я опасаюсь, что, если ты убедишь меня в том, что я ошибся, трудно будет снова приклеить тебе шкуру.

Он сделал несколько шагов к дороге и снова закричал:

— Седрик, черт побери, зачем так далеко? Я же велел разбить лагерь поблизости!

Откуда-то донесся тонкий голос старого Седрика:

— Здесь небольшая лужайка, чтобы пасти коней, а мы хотели присматривать за ними, и

хороший запас хвороста для костра.

Ривер проворчал что-то, потом сказал:

— Ладно, это, в сущности, не имеет значения. Милорд с компанией надежно связаны. За ними будут внимательно смотреть, а мы можем и отойти на два шага.

Эйнер, тот самый, кого согнали со стула в ту ночь в замке, сказал:

— Мы можем перенести их в лагерь для интереса.

Ривер подумал и ответил:

— Нет. Два человека все время будут наблюдать за ними. Зачем тратить силы? К тому же здесь, в тишине, они соберутся с мыслями и решат, как вести себя дальше.

Он спустился вниз по дороге. Остальные пошли за ним. Эйнер и Робин, два здоровых увальня, остались.

Эйнер сказал Дункану:

— Ты слышал, что он говорил? Мне приказано не делать тебе отметок, но в случае каких либо фокусов я накормлю тебя песком.

— Вы в порядке, милорд? — Спросил Конрад.

— Не разговаривать! — Прикрикнул Робин. — Держите рот на замке.

— Со мной все в порядке, — ответил Дункан. —

И с Эндрю тоже. А Мэг я не вижу.

— Она налево, недалеко от Дэниела, привязана между двумя деревьями.

— Сказано, не разговаривать! — Закричал Робин. Он шагнул вперед, размахивая грубо сделанным палашом.

— Полегче, — остановил его Эйнер. — Ривер сказал — никаких отметок.

Робин опустил палаш и отступил.

— Милорд, — сказал Конрад, — похоже, что мы перед лицом великой опасности.

— Я уверен в этом, — ответил Дункан.

Манускрипт все еще оставался там, куда его отнесло. Он запутался в кустиках и ветер прижал его к ним.

Глава 15

Что-то зашевелилось между ивами по другую сторону рощицы. Дункан сидел и смотрел на пятно, которое, как ему показалось, двигалось. «Может, лиса, — подумал он, — хотя сомнительно, чтобы лисица подобралась так близко к людям.»

Ивы закрывали лагерь Ривера, но в просветах между ветвями Дункан видел свет костра. Вечером слышались крики, хохот и песни, но потом все затихло.

Плач, который Дункан слышал и раньше, время от времени возобновлялся, и Дункан был уверен, что этот звук шел откуда-то с болота. Его запястья болели от усилий хотя бы ослабить веревки и теперь он не напрягал больше рук, так как убедился в бесполезности этого.

«Наверное, есть способ убежать, — думал он. — Должен быть.» Долгие часы он ломал голову, чтобы найти этот способ. Например, острый камень, о который можно перепилить веревки. Но здесь не было камней, только песок да глина. Руки были связаны за спиной, на крестце. Хитро извернувшись, можно перетащить их под ноги,

а затем поверх ног и перегрызть веревки, но при двух стражниках это немыслимо. К тому же он не был уверен, что это вообще возможно. Он мог бы подкатиться к Конраду, и они бы перегрызли путы друг другу, но и это невозможно под внимательными взглядами Робина и Эйнера.

Дункан продолжал строить фантастические планы спасения: вдруг вернется Снупи, подкрадется, незаметно перережет веревки у одного, тот кинется на стражника, пока Снупи освобождает другого. Может, появится дух и тут же полетит искать помощь. Спустится с неба Диана верхом на грифоне с боевым топором в руках. Может, дикий охотник забудет о своей вечной охоте на небе и придет им на помощь. Но все это мечты. Дункан знал, что ничего такого не произойдет.

А утром… Дункан запрещал себе думать об этом. Вряд ли он сумеет сколько-нибудь достойно принять пытки. Он ничего не мог сказать Риверу и тем остановить мучения. Ведь никакого сокровища не было.

Откуда у Ривера такая идея? Хотя у человека его склада подобные мысли появляются автоматически. Приписывая людям свои надежды и мотивы, он был уверен, что каждый ищет богатства.

Тайни, долгое время боровшийся, теперь затих

и спокойно лежал на боку.

Конрад тоже давно не шевелился. Зная его, Дункан решил, что он заснул. Эндрю бессильно свисал, прикрученный к дереву.

В лагере Ривера возобновились звуки, но более приглушенные.

Манускрипт все еще был на месте.

Дункан умирал от желания подкатиться и спрятать его, но боялся привлечь внимание к этим листам.

Стражники были недоверчивы и неутомимы. Они расхаживали и громко удивлялись, почему Ривер до сих пор не послал им смену.

С некоторым удивлением Дункан осознал, что хочет есть и пить. Жажду он мог еще понять, но чувство голода удивило его. Человеку в его положении явно должно быть не до еды.

Сколько же времени прошло с тех пор, как они вышли из Стендиш Хауза? Кажется, прошла целая вечность, но нет — всего пять или шесть дней. Точно он не знал, все эти дни спутались. И за такое короткое время столько тревог, а за такой большой срок они прошли такое малое расстояние.

Дункан услышал, как Робин сказал Эйнеру:

— Давно должны были послать кого-нибудь.

Небось, упиваются там вином, которое вчера было выдано на всех нас. А нам и попробовать не удастся.

— Я бы не прочь хлебнуть, — согласился Эйнер. — У нас редко бывает вино. Помню, месяцами не было выпивки, кроме эля, а он тяжел для желудка.

— Я думаю, стоит пойти и взять флягу для нас с тобой. Я через минуту вернусь, — сказал Робин.

— Ривер оторвет тебе уши, если ты оставишь пост.

— Чтобы ты не говорил о Ривере, — возразил Робин, — он человек разумный и не заставляет своих людей чрезмерно страдать. Если я приду и скажу ему, он пошлет кого-нибудь сменить нас. Он просто забыл, что мы уже давно торчим здесь.

— А пленники?

— За последнее время никто из них не пошевелился. За них нечего опасаться.

— И все-таки мне это не очень нравится, — сказал Эйнер.

— Я схожу и принесу вина, — настаивал Робин, — просто некрасиво держать нас здесь, пока они там пьянствуют. Ягненок не успеет хвостиком махнуть, как я уже вернусь. Они там ведь под

парами, меня никто и не заметит.

— Осталось ли еще вино-то?

— Должно остаться. Там было три бочонка.

— Ну ладно, раз уж ты решил. Но торопись. Все-таки я думаю, что ты делаешь глупость.

— Я тут же вернусь, — пообещал Робин, повернулся и изчез.

«Откуда у них вино?» — Подумал Дункан.

Со стороны ив донесся слабый шелест. Может лиса все еще там? Эйнер, видимо, тоже услышавший шорох, хотел повернуться, но фигура, появившаяся оттуда, уже кинулась на него. Рука схватила его за горло, блеснул металл и погрузился в грудь стражника. Эйнер упал на песок.

Человек, вышедший из ивняка, подбежал к Дункану, опустился на колени. При свете луны Дункан увидел его лицо.

— Седрик! — Прошептал он.

— Я же вам говорил однажды, — так же шепотом ответил Седрик. — Мелкие уколы то здесь, то там.

В его руке был нож, которым он разрезал веревки, стягивающие руки Дункана, затем освободил его ноги и протянул ему нож.

— Возьмите, — сказал он. — Вам пригодится.

Старый пчелиный мастер встал и подошел к

ивняку.

— Подожди! — Дункан удержал его. — Пойдем с нами. Если Ривер узнает…

— Нет. Пчелы. Я еще нужен пчелам. Они без меня погибнут. А узнать — не узнают. Они все мертвецки пьяны.

Дункан встал. Ноги одеревенели и почти не держали его. Старый Седрик уже изчез, растворился в ивняке. Дункан подошел к Конраду.

— Что случилось, милорд?

— Тихо! — Прошептал Дункан. Он быстро освободил руки Конрада и подал ему нож.

— Режь веревки на ногах и освобождай остальных. Сейчас вернется второй стражник, и я займусь им.

Конрад схватился за нож.

— Господи, благодарю тебя! — Прошептал он.

Подбежав к ивам, Дункан услышал, как Робин неторопливо тащится по песку. Дункан держал палаш Эйнера. Грубое тяжелое оружие плохо ложилось в ладонь, онемевшие пальцы с трудом держали его.

Робин еще издали закричал Эйнеру:

— Я взял непочатый бочонок! Никто не заметил! Они все в лежку!

Он крякнул, перекладывая бочонок с одного

плеча на другое.

— Нам с тобой тут хватит до утра и еще останется, хоть ноги мой, коли пожелаешь.

Он обогнул группу переплетеных ив, и Дункан быстро шагнул вперед. Удару не хватало изящества, фантазии и мастерства, что должны быть у меченосца: Дункан просто ударил ребром палаша по темени Робина.

Череп разлетелся, как спелая дыня, и сила удара больно отозвалась в плече Дункана. Робин упал без единого звука.

Бочонок, подпрыгивая, покатился по земле. Дункан взял оружие Робина и побежал к манускрипту. Подобрав его, он сложил листы и сунул под рубашку.

Освобожденный Эндрю покачивался на нетвердых ногах. Тут же стояла и Мэг. Конрад наклонился над Тайни, осторожно разрезал веревки на его морде, а Дункан подбежал к Дэниелу, привязанному между двумя деревьями. Услышав его шаги, конь попятился. Дункан шепотом сказал ему:

— Все хорошо, Дэниел. Легче, мальчик!

Он разрезал веревки. Лошадь бросилась вперед, затем остановилась, вздрагивая. К ней подбежала Бьюти, волоча за собой веревку.

Подошел Конрад. Дункан протянул ему один из

палашей, но Конрад показал свою дубину.

— Они оставили ее рядом со мной.

— Что, черт побери, делается с Эндрю? — Спросил Дункан.

Отшельник спотыкался, оглядоваясь вокруг. Дункан схватил его за руку.

— Пошли. Нам надо уходить отсюда.

— Я должен найти свой посох, — ответил Эндрю. Вдруг он бросился вперед.

— Ах, вот он!

— Куда пойдем, милорд? — Спросил Конрад.

— Назад в холмы. Это надежнее.

Конрад обхватил Мэг и бросил ее на спину Дэниела.

— Держись крепче и наклонись пониже, чтобы ветки тебя не били. Цепляйся изо всех сил, потому что седла нет и я не знаю, куда оно девалось.

Глава 16

Они остановились на вершине скалистой гряды, где в прошлую ночь видели несущегося по небу дикого охотника. Луна висела низко на западе, птицы уже начали шевелиться в деревьях. Мэг сползла с Дэниела, радуясь остановке, а Эндрю сел на камень.

— Они оба измучены, — сказал Дункан Конраду. — Может найти какую-нибудь нору и переждать? Посмотрим, что произойдет.

Конрад огляделся.

— Место хорошее, — кивнул он. — Мы можем стать спиной к тем скалам и отбиваться, если они снова нападут. Это лучше, чем быть схваченными в лесу.

Он показал руки Дункану.

— Все еще есть кровавые полосы от веревок. И у вас, я заметил, тоже.

— Туго связали. Если бы не Седрик…

— Надо было ему идти с нами. Если Ривер узнает…

— Вряд ли он узнает. Они же все были мертвецки пьяные. Кто-то дал им три бочонка вина, и они, конечно, пытались выпить все. Но кто мог

дать им вино?

— Может, нашли в какой-нибудь сгоревшей усадьбе.

— Нет. Стражники говорили, что кто-то дал.

— Вы приглашали Седрика идти с нами?

— Конечно, но он отказался. Сказал, что он нужен пчелам.

— Дух в последнюю ночь не показывался.

— Может, он был тут, увидел, что случилось, и со слезами отправился искать Снупи.

— Ему бы спуститься! Стражники до смерти перепугались бы и удрали.

Дункан покачал головой.

— А что бы это дало нам? Ведь дух не мог освободить нас.

— Да, это верно. Но что нам теперь делать, милорд?

— Подумаем. Пока не знаю. Может, найдем нору, пока ситуация не прояснится.

— Если прояснится.

— Что-то надо делать. У нас нет ни еды, ни одеял, ничего. И Ривер взял амулет.

— Невелика потеря, — отмахнулся Конрад, — просто приятная безделушка.

— Может, и больше. Может, это могучий талисман, и он защищал нас. Нам удалось уйти от

чар, мы легко победили безволосых, оборотни бежали. Возможно, все это произошло благодаря амулету.

— Он не защитил нас от Ривера.

— Это да, против Ривера он нам не помог. Но я уверен, что в других случаях он помогал.

Эндрю встал с камня и подошел к ним.

— Я знаю, что вы думаете обо мне, — заявил он. — Тогда не было времени, а сейчас мы на свободе, и вы, наверное, хотели бы наказать меня за пренебрежение долгом. Вы оставили меня на страже, а я задремал. Я клевал носом вместо того, чтобы нести вахту, как положено, и вот они на нас и напали.

— Именно так и случилось! — Рявкнул Конрад. — Я сначала было удивился, а потом уже не было времени думать. Значит, ты спал. Но почему тебе хотелось спать? Ты спал всю прошлую ночь, согнувшись в седле Дэниела.

— Это правда, — согласился Эндрю, — но ведь это был не настоящий сон. Я просто дремал. А тут в тишине заснул. Я даже не предполагал, что так устал. Все это от слабости тела. Мозг приказывает телу действовать, а оно падает. Я не такой крепкий, какими, вероятно, были мученики.

— Ну, вот, а ты еще разеваешь рот, чтобы тя-

нуться за ними.

— Бросьте об этом, — сказал Дункан. — В конце концов, у каждого из нас свои слабости. Все обошлось.

— Я постараюсь расплатиться за свою слабость, — обещал Эндрю, — и быть как можно тверже в исполнении обязанностей солдата господа. Отныне клянусь, вы можете надеяться на меня.

— Если хочешь, — предложил Конрад, — я с удовольствием пну тебя в копчик. Это облегчит твою совесть, которая, как мне кажется, сильно омрачена.

— Если вы действительно хотите, сэр, дайте мне хорошего пинка и не сдерживайте силу из-за того, что я ваш компаньон по путешествию.

Он повернулся, наклонился и поднял рясу, выставив тощий зад.

— Прекратите буффонаду! — Сердито прикрикнул Дункан. — Хорошенькие манеры у солдата господа — показывать своим добрым спутникам костлявую задницу. Оправь рясу и встань как мужчина. Сэр отшельник, надеюсь, впредь вы будете вести себя более прилично.

Эндрю опустил рясу и выпрямился.

— Милорд, лучше бы вы позволили мне

несколько укрепить его позвоночник, дабы он стал лучшим солдатом. А хороший пинок в корму всегда помогал виновному, — сказал Конрад.

Дункан поднял руку, призывая к молчанию.

— Заткнитесь все и слушайте.

Откуда-то издалека слышались крики и вопли. Иногда они становились громче, потом совсем затихли.

— Это со стороны дороги, — прошептал Конрад. Крики продолжались, затихали и начинались снова, но, наконец, затихли окончательно.

— Это люди Ривера, — сказал Конрад. — Они с кем-то встретились.

— Может, с безволосыми? — Предположил Эндрю.

Они некоторое время прислушивались, но все было тихо. Показались первые лучи солнца.

— Надо узнать, — сказал Конрад. — Если было сражение и их убрали с дороги, мы можем спокойно идти по ней, а не лазать по этим проклятым холмам.

— Давайте я схожу, — предложил Эндрю. — Я буду осторожен и не покажусь им. Пожалуйста, пустите меня, чтобы я доказал свое решение стать полезным членом вашей компании.

— Нет, — решил Дункан. — Мы останемся здесь.

Мы не знаем, что там случилось. А если нападут и на нас, здесь у нас больше возможностей защищаться.

Мэг тронула Дункана за локоть.

— Тогда, дорогой сэр, пустите меня. Конечно, если на нас нападут, вы будете щадить мои слабые силы. Но я могу сходить и принести вам сведения о случившемся.

— Ты? — Фыркнул Конрад. — Едва ли ты доползешь туда. За это время, пока ты с нами, ты только и делала, что берегла свои слабые силы.

— Я могу, — запротестовала Мэг. — Я проползу под кустами, как спешащий паук. Я могу пользоваться маленькой магией, которая у меня осталась. Я схожу и вернусь с известием.

Конрад вопросительно глянул на Дункана.

— Пожалуй, она сможет, — согласился тот. — Тебе хочется это сделать, Мэг?

— Я ничего не делала, — пояснила она, — и так долго была для вас обузой.

— Узнать нужно. Не сидеть же нам тут бесконечно. Надо узнать, мы не можем расщеплять наши малые силы и послать на разведку кого-то из нас.

— Кабы дух был здесь, — вздохнул Конрад.

— Но духа нет.

— Значит пойду я, — сказала Мэг.

Дункан кивнул. Она быстро спустилась с холма и исчезла среди деревьев.

Дункан подошел к одному из камней и сел. Эндрю и Конрад сели по бокам. Тайни разлегся рядом с Конрадом. Дэниел и Бьюти паслись на пятачке скудной травы.

«Итак, мы здесь, — думал Дункан, — в этой забытой богом дикой местности нас всего трое, вокруг куча всяких неприятностей.»

У него сводило живот от голода, а вряд ли раньше завтрашнего дня они найдут какую-нибудь пищу. Тайни может поймать кролика для собственного пропитания, но едва ли найдет столько, чтобы хватило и им. Придется питаться корнями и ягодами, но он не знал, какие из них съедобные. Мэг, наверное, поможет в этом, она должна знать, что можно есть в лесу.

Он думал о предстоящем пути, и его пробирала дрожь. Они так мало прошли, а уже имели кучу забот и опасностей. А теперь они пойдут без амулета.

А действительно ли амулет помогал им, сейчас Дункан задумался. Он вспомнил, что с безволосыми они справились до того, как нашли амулет.

Но это могло быть и случайностью. А против

чар и оборотней амулет явно дал какую-то защиту. Победа над безволосыми могла иметь и еще одно объяснение: безволосые не ожидали встречи с Дианой и грифоном. Да, наверное, этим все и объяснялось. Однако с талисманом или без него, но они должны идти в любом случае, при любых обстоятельствах. Выбора не было. Долгая линия наследственности не давала ему другого решения. А пойдет он, пойдут и другие. Собственно, у Мэг не было никаких причин идти с ними, но он был уверен, что она пойдет.

Дункан заметил, что клюет носом. Он встал, глубоко вздохнул, прогоняя сон, но через некоторое время снова задремал.

Все его тело болело, желудок был пуст, и хотелось спать. Но спать было не время.

Конрад встал, поглядел вниз, на подножие холма и сообщил:

— Она идет.

Дункан с трудом поднялся и увидел внизу что-то движущееся. Приглядевшись, он узнал Мэг. Она почти ползла по склону, соскальзывала и снова поднималась.

Конрад сбежал вниз, поднял ее на руки, внес наверх и осторожно посадил перед Дунканом.

Она посмотрела на них бусинками глаз и резко

сказала:

— Мертвые.

— Мертвые? — Переспросил Дункан. — Люди Ривера?

— Все, — прошептала она. — Они лежат на дороге мертвые и окровавленные.

Глава 17

Ветер с болота трепал лохмотья фигур, лежавших на песке — не у всех, потому что часть мертвых была безволосыми, у которых не было лохмотьев. Крупные птицы сидели на телах и прыгали между ними.

Тела лежали на небольшом пространстве. Видимо, банда Ривера собралась в кучу, чтобы отразить атаку, шедшую, похоже, с трех сторон, так что отступать они могли только в болото, а оно само было смертью.

Вещи — седельные сумки, горшки и сковороды, одеяла, одежда, пивные кружки и оружие — все было разбросано вокруг.

Костер еще слабо тлел, давая тонкую струйку дыма. Далеко на дороге стояли, повесив головы, несколько лошадей. Остальные лошади, вероятно, разбежались.

У кучи хвороста валялись седла, покрышки и прочая сбруя.

Дункан остановился, глядя на сцену резни. Он чувствовал горький вкус во рту и боялся, что его вырвет. Хотя он читал в исторических свитках Стендиш Хауза страшные, вызывающие дрожь

отчеты о сражениях и мрачные описания их последствий, он впервые видел своими глазами такую бойню.

Он подумал, что странно такое воздействие на него этого зрелища: ничего похожего он не испытывал при битве с безволосыми и вервольфами. Всего несколько часов часов назад он развалил череп ничего не подозревающего Робина, но это была работа, необходимая для того, чтобы выжить самому.

А здесь — другое дело. Здесь не было ничего личного, он в этом не участвовал.

Тут лежали люди, грозившие насилием и муками самому Дункану и его товарищам, и он пытался уверить себя, что рад случившемуся с ними, что это освободило его от них, но, к своему удивлению, обнаружил, что в нем нет ненависти к мертвым.

Не то, чтобы он никогда не видел мертвых. Ему было десять лет, когда старый Уэлс пришел в его комнату и взял его в большой холл, где лежал умерший дедушка Дункана. Там собралась вся семья, но Дункан не видел ни одного лица, кроме ястребиного лица, лежавшего на ложе.

Толстые высокие свечи горели по четырем углам кровати, будто могли своим светом отогнать

мрак смерти от уже умершего старика. Его преосвященство стоял рядом с кроватью, одетый в блестящую сутану, и бормотал латинские молитвы для утешения и благословения покойника. Но Дункан смотрел только на деда и видел его одного, его хрупкое старое тело, увенчанное сильной головой с ястребиным профилем.

Однако, несмотря на всю силу лица, человек казался восковым. Ушедшего человека заменила восковая фигура.

Конрад коснулся руки Дункана.

— Милорд!

— Да? Извини, я задумался.

Они медленно, тяжело ступая, пошли вперед. При их приближении черные стервятники недовольно закричали, взмахнули крыльями и подняли вверх свои тяжелые тела.

Белые пустые лица непонимающе глядели на пришедших.

— Нам остается сделать только одно, — сказал Конрад. — Найти то, что они у нас взяли: меч, амулет, о котором вы так печалитесь, седло Дэниела и немного пищи. А затем спокойно уйдем.

Дункан остановился, а Конрад легко пошел, обходя по кругу место смерти.

Мег торопливо шла, наклонившись, и в ка-

кой-то мере напоминала стервятников, которые снова слетели вниз. Эндрю остановился несколько позади и задумчиво оперся о посох. Тайни трусил за Конрадом, порыкивая на мертвецов.

— Милорд, — позвал Конрад, — идите-ка сюда.

Дункан поспешно поравнялся с Конрадом. Тот показал пальцем на одно из тел. Глаза тела были открыты и смотрели на него.

— Ривер, — сказал Конрад. — Этот сучий сын еще жив. Покончить с ним?

— Не нужно, — ответил Дункан. — Он не уйдет отсюда. Пришел его последний час.

Ривер с трудом заговорил:

— Стендиш! Значит, еще раз встретились…

— При несколько иных обстоятельствах, чем в прошлый раз. Ты ведь собирался снять с меня кожу.

— Они предали меня, Стендиш…

Ривер закрыл глаза.

— Они велели мне убить тебя, а я не убил.

— Не должен ли я благодарить тебя за это?

— Они использовали меня, Стендиш, чтобы убить тебя. У них самих кишка тонка для такой работы.

— Кто это «они»?

Глаза Ривера снова открылись.

— Скажешь ли ты мне правду? Поклянешься ли на кресте?

— Для умирающего — да, поклянусь.

— Есть здесь сокровище или было когда-нибудь?

— Нет сокровища и никогда не было.

Ривер закрыл глаза.

— Ну и ладно. Я просто хотел знать. Теперь можешь позволить своему самому большому увальню…

Конрад поднял дубину, но Дункан покачал головой.

— Не нужно. Это ничего не даст.

— Кроме удовлетворения.

— В этом нет удовлетворения, — возразил Дункан.

Эндрю подошел и встал рядом.

— Надо бы сказать несколько напутственных слов. Последний ритуал для умирающего. Я не облечен властью делать это, но просто несколько слов.

Ривер снова хотел открыть глаза, но не смог.

— Отгони этого ханжеского недоноска, — прошептал он чуть слышно.

— Ты ему не нужен, — сказал Конрад Эндрю.

— Последнюю милость, — прошептал Ривер.

— Что тебе?

— Разбей мою проклятую голову.

— И не подумаю, — сказал Конрад.

— Я лежу среди своих мертвых. Помоги мне умереть тоже.

— Ты и так скоро умрешь, — ответил Конрад.

Эндрю уронил посох и выхватил у Конрада дубину. Она взлетела вверх и опустилась. Оторопевший Конрад смотрел на свою пустую руку.

— Это напутственное слово? — Спросил Дункан. — Таков твой последний ритуал?

— Я оказал ему милосердие, — сказал Эндрю, выпуская дубину из рук.

Глава 18

Отойдя подальше от мертвых, они сделали привал. Уже близилась ночь. Со стороны болота доносились далекие причитания.

Порывистый ветер раздувал костер и уносил искры далеко к болоту.

«Болото — страшное место, — думал Дункан, сидя у костра, — страшное в своей протяженности, уединенности и дикости. Это не озеро, но и не болото, место многих медленных потоков, разделенных болотной тиной и камышами, с пятнами окон и ивняка. Попади в него — не выберешься.»

Конрад, сидевший по другую сторону костра, нарушил молчание.

— Удачно вышло, милорд. Мы не только спасли наши шкуры, но и вернули все наше имущество — меч, амулет и прочее.

— Мне очень жаль старого Седрика, — сказал Дункан.

— Надо было похоронить его, — отозвался Эндрю. — Он не то, что другие. Он много сделал для нас.

— Большой услуги мы ему все равно не оказали бы, — заметил Конрад. — Какую могилу не вырой,

через день-два волки до него доберутся.

— И нельзя было задерживаться, — добавил Дункан. — У нас было всего два часа до темноты, а мне хотелось успеть подняться на дорогу.

Появился дух.

— Явился, наконец, — раздраженно сказал Эндрю. — Где ты шлялся все это время? Мы попали в такую беду…

— Я знаю, — ответил дух. — Я вернулся ночью и видел все. Я не показался, потому что я нематериален и помочь вам не мог, а немедленно полетел искать Снупи или кого-нибудь из его народа, чтобы позвать их на помощь. Но я никого не нашел.

— Ох уж этот Снупи, — проворчал Эндрю. — Ничего не стоит и такой же безответственный, как и ты. Верить ему нельзя, и не стоило труда искать его.

— Он помог нам однажды, — вступился Дункан. — С Иисусом-на-Холмах. Он предупредил нас, чтобы мы ушли оттуда и показал нам дорогу.

— Ну, иной раз он может чуть-чуть и помочь, — согласился отшельник, — когда захочет. Но надеяться на него нельзя. Положись на него — сломаешь шею. В нем глубоко заложено озорство.

— Счастлив сообщить, — сказал дух, — что сей-

час опасности нет. Однако за теми холмами все еще могут быть безволосые.

— Они были здесь утром, — сказал Конрад, — и напали на Ривера.

— Знаю. Но они не задерживались.

— Ривер и его люди прятались, видимо, в расщелине, — предположил Дункан, — вот почему их никто не видел. Ты уверен, что безволосые не прячутся там?

— Уверен, — ответил дух. — Я как раз оттуда. Мне пришла та же самая мысль, и я пролетел по всей длине щели.

Он вздрогнул:

— Страшное место!

— За ней должен быть замок, по словам Снупи, — проговорил Дункан.

— Когда-то был замок, а теперь развалины, больше ничего. Груда камней, не лучше могилы. Стоят деревья, заросшие мхом.

Мег, скорчившись на своем месте у костра, в стороне от других, что-то бормотала про себя. Она подобрала несколько камешков и будто играла с ними.

— Ты бросаешь руны? — С отвращением в голосе произнес Эндрю. — Что они тебе говорят? Что ты в них видишь?

— Новую беду, — ответила ведьма. — Большие неприятности.

— У всех свои неприятности, бабушка, — сказал Дункан. — Такова уж человеческая доля.

— Не все имеют долю в неприятностях, — возразила Мег. — Беды не поровну делятся. У одних только дорога да беды, а у других ничего нет.

— Ты не можешь сказать, какого рода беда? — Спросил Конрад. — Мы бы подготовились отразить ее.

— Руны не говорят. Только то, что беда лежит на дороге впереди.

— Это все обман, — сплюнул Эндрю. — Жульничество. У тебя же не руны, а простые камешки. На каменных рунах магические знаки.

— Нехорошо ты говоришь, — сказал отшельнику Дункан. — Надо думать, женщина знает свое дело.

— Хорошо сказано, — одобрила Мег. — Я благодарю вас, сэр. Тот, кто знает это искусство, может взять любой камень, и он будет служить как надо. Секрет вовсе не в камне, а в знании того, кто их кидает.

— Скажи мне одно, — попросил Дункан, — я думаю, ты это знаешь. Что за плач мы слышали с болота? Печальные такие звуки.

— Это и есть печаль. Оплакивание мира, всех живущих на земле, людей и всего остального, что есть или было на свете до людей.

— Это кощунство, — возмутился Эндрю. — Я слышал это как-то, но ничего не сказал, а сейчас скажу. Библия говорит нам, что до человека никакой жизни не было, что вся жизнь была сотворена в один день. Так написано в книге бытия.

— Полегче, друг, — перебил его Дункан. — Есть крупные ученые, изучающие горные породы. Они думают по другому. Они находили отпечатки на камнях…

— Об этом я тоже слышал, — сердито возразил Эндрю. — Но я этому не верю. Все это софистика.

— У каждого свои убеждения, — согласился Дункан. — Не будем спорить. Мег, ты говоришь — печаль. От кого же исходит эта печаль?

— Не знаю. Знаю только, что таких мест, откуда идет плач, на земле много. Печальные места, покинутые, забытые. Там оплакивают мир.

Дункан сидел и слушал плач за весь мир. Звук шел издалека, не обязательно с болота, но откуда-то рядом с ним. «Есть какое-то тайное место, — думал он, — бедность и отчаяние собираются, как в фокусе. Плач о всех событиях, которые могли быть, но не произошли, потому

что крестовый поход так и не состоялся и Иерусалим до сих пор в руках неверных; об Иберийских кораблях, которым не пришлось рассекать океанские волны чужих портов, и неизвестные страны все еще ждут их; о Европе, что все еще лежит в застое, пашет землю плугами, какими пользовались столетия назад, а крестьянство живет в темных нездоровых лачугах; все еще существует язычество, и даже чуть ли не рядом с великолепием церквей, воздвигнутых трудами и молитвами христиан для прославления господа.»

Силы зла, как говорил его преосвященство, кормятся и жиреют на человеческих несчастьях и делают упор на продолжение нищеты. Это зло в прошлом возникало во многих местах, в стратегических точках. Теперь оно появилось в Британии.

Какие факторы сделали Британию стратегическим пунктом для его возникновения? Британия за всю историю была местом спокойствия, захолустьем мира, где бывали местные раздоры и иной раз бряцание оружия, но это никогда не распространялось далеко.

— Дорогой сэр, — произнес дух, витая над Дунканом, — я думаю, что сделал не так уж плохо. Я верю в свою разведку и всегда говорю вам

правду.

— Ты лоялен, — ответил ему Дункан, — хотя это меня удивляет. У тебя нет никаких оснований быть лояльным по отношению ко мне.

— Вы однажды сказали, что не приглашаете меня с вами, но не имеете возможности помешать мне в этом. Я знаю, это не означало, что вы ко мне плохо относитесь, но все-таки с тех пор у меня давит в груди.

— Послушай, ну что я еще мог сказать? Что я мог дать тебе, пригласив тебя с собой? Но зато теперь я могу сказать: я очень рад, что ты пошел с нами.

— Вы и вправду так думаете, сэр?

— Совершенно искренне, дух.

— Тогда я буду продолжать с легким сердцем. Когда, по вашему мнению, мы придем в Оксенфорд? Я очень хочу найти там достойного ученого и поговорить с ним о моем деле.

— С такими темпами, как у нас, мы, пожалуй, никогда не дойдем.

— Но вы же не думаете так, сэр?

— Нет, пожалуй, не думаю. Рано или поздно, но мы придем в Оксенфорд.

Говоря это Дункан сомневался.

Они прошли не так уж много, и если слишком задержаться, Бишоп Вайс может умереть до того,

как увидит манускрипт. Другого знающего человека так же может не оказаться, и их путешествие в лучшем случае будет глупой ошибкой.

Где же сейчас разрушители? Возможно, на севере. Сейчас явно пора начинать процедуру омоложения, потому что они как раз очистили этот район. Может быть, разрушители расставили заграждения на своих тропах только потому, что он, Дункан, неосмотрительно шел прямо к их сборищу?

Если бы он знал, где разрушители, он со своим отрядом обошел бы их стороной, и те, возможно, оставили бы его в покое.

Он мысленно вернулся обратно по пройденному пути, надеясь отыскать какой-то ключ к дальнейшему продвижению, и снова вспомнил о Диане и ее грифоне. Как он ни пытался рассматривать эту встречу в качестве случайного дорожного инцидента, его мозг крепко держался за память о ней, и выкинуть Диану из памяти Дункан не мог. Он понял, что все время думал о ней, о их встрече, которая была несколько дней назад, а кажется почему-то, что страшно давно.

— Милорд, — сказал Конрад, — начинается туман. Нам придется зорко следить ночью.

Конрад был прав. За последние несколько ми-

нут из болота поднялся туман и теперь подползал к ним. И все еще раздавался приглушенный туманом и расстоянием плач по миру.

Глава 19

Они дошли до конца дороги, когда солнце уже сильно склонилось к западу, и вошли в узкую щель между двумя высокими утесами. Казалось, какой-то гигант в далекие времена разрубил гору одним ударом тяжелого топора. С дороги в щель надуло песку, и он лежал там низкими дюнами, весь в оспинах следов людей и лошадей скорее всего, банды Ривера. Но метров через сорок-пятьдесят песок кончился, и под ногами остался голый камень.

На небольшом расстоянии он был ровным, как пол, затем стал местами ребристым, а иной раз путь почти перегораживался обломками осыпавшегося со стен камня. Здесь ничего не росло, не было ни травинки, ни кустика. Неутихающий ветер с болота свистел в расселине, то жалобно завывая, то спускаясь до шепота и снова поднимаясь до визга.

Они шли в том же порядке: впереди Тайни, но гораздо ближе к группе, чем в открытых местах, за ним Конрад потом Бьюти и отшельник и, наконец, Дункан с Дэниелом по пятам. На спине лошади сидела Мэг крепко держась за седло.

В расселине было полутемно. Дункану казалось, что они идут по дну колодца, изолированные от внешнего мира, отрезанные от всего, что там происходило, но отрезанные не ради защиты, а скорее попавшие в западню.

Они просто по привычке пошли обычной цепью. Это было хорошо для открытых мест, но здесь, подумал Дункан, могло оказаться ошибкой. На открытом пространстве Дэниел, находясь в тылу, мог быстро повернуться к любой опасности позади, здесь же места для маневрирования не было. Дункан прижался к стене и пропустил Дэниела вперед. Осторожно ступая, конь прошел мимо хозяина, прижав его к стене большим телом.

Идя за Дэниелом, Дункан положил руку на снова обретенный поясной мешочек и ощупал пергамент и амулет, вернувшийся из кармана Ривера. Что-то помогало им пройти через все опасности, с которыми они встречались. Это явно не было случайностью. Амулет? Наверное. Годы, которые амулет пролежал в могиле Вольферта, могли усилить его магию, как улучшается вкус и букет хорошего бренди. Как бы то ни было, думал Дункан, хорошо, что амулет снова у него.

Время шло. Тьма медленно наползала слева.

Конца щели не предвиделось. Кажется, Снупи говорил, что здесь всего миль пять? Если гоблин был хоть сколько-нибудь близок к правде, то и при медленном темпе они давно должны были пройти это расстояние. Не наложены ли здесь чары?

Дункану уже давно казалось, что ветер стал больше напоминать голоса, как будто хор проклятых душ выкрикивает непонятные слова.

Наконец, ветер утих, и довольно долго стояла мертвая тишина. Дункану казалось, что тишина эта еще страшней чем завывания и визг.

Снова завыл ветер, снова пришли голоса — если они не были только в воображении Дункана. И теперь над воплями агонии поднялся голос, отчетливо произносивший одно слово: «святой!»

Слово повторялось с жаром, с восторгом, как если бы осужденная душа неожиданно поднялась от мук чистилища прямо к воротам рая.

Дункан заткнул уши, чтобы не слышать этой победной песни, и когда несколько минут спустя опустил руки, услышал голос Конрада:

— Свет! Я вижу свет! Мы подходим к концу!

Дункан не видел света, но это было не так уж удивительно, потому что дорога очень узкой и тело Дэниела заполняло ее почти целиком,

блокируя видимость. Однако он заметил, что стены немного посветлели. Экстатический голос все еще кричал: «святой!», Но с увеличением света слабел и, наконец, увял совсем. Вопли ветра превратились в бормотание, погибшие души замолчали, и Дункан увидел впереди приятную зеленую местность, о которой говорил ему Снупи.

Это и в самом деле было приятное место: широко раскинувшаяся долина с холмами на заднем плане. Перед ним лежали развалины замка, о котором предупреждал их гоблин.

Замок был чуть больше могильного холма. Две осыпавшиеся башенки все еще стояли на страже по обеим сторонам его, а между башенками лежала беспорядочная груда камней. Края упавших камней были сглажены ветром и дождями. Внимание Дункана привлекли широко расставленные стоячие камни. Правда, стояли они не прямо, а под разными углами. Когда-то, видимо, замок был окружен оградой из массивных камней, вроде того, как по слухам, было в Стоунхендже и кое-где в других местах.

Но этот круг был шире, чем в Стоунхендже — если верить словам путешественников — потому что он включал в себя много акров земли. Вероят-

но, в прежние времена это было величественное зрелище, но теперь замок был основательно демонтирован.

Позади замка текла спокойная река. Над ней летела стайка уток.

Дункан подошел к Конраду. Тайни бежал впереди, обнюхивая все.

— Я думаю, мы спустимся к реке и разобьем там лагерь, — сказал Дункан, — а утром пораньше двинемся.

Конрад кивнул.

— По открытому месту мы пойдем быстрее.

— Нам это необходимо. Мы потеряли массу времени.

— Жаль, что мы не могли взять часть лошадей Ривера. Но все равно мы покажем хорошее время. Ноги у нас неплохие.

— Нас может задержать отшельник.

— Сунем его на Дэниела вместе с Мэг. Конь снесет их обоих и даже не заметит.

— Посмотрим, — сказал Дункан. — Отшельник может поднять дьявольский шум. Он хочет быть таким же, как ты и я.

Они спускались с холма и пошли через долину, когда Мэг завизжала. Оба круто обернулись.

С лесистого холма на восток от расселины спус-

кался длинный ряд безволосых, а позади них тянулся туман. Он колыхался и дергался, словно внутри него было какое-то смятение. Из щелей крутящегося тумана временами показывались отвратительные вещи: впечатление зубов, рогов, копыт, горящих глаз.

Конрад свистнул.

— Магия!

Остальные члены отряда добежали до Дункана и Конрада и выстроились в линию лицом к подходящим безволосым, которых сзади прикрывало облако дымного тумана.

— Останемся здесь? — Спросил Конрад.

— Отступать некуда, — ответил Дункан. — Если мы побежим, они нас догонят.

— А развалины? Если мы встанем спиной к этому могильному холму, безволосые могут напасть только спереди или сбоку. Они кинутся, как волки.

— Мы не успеем добежать. К тому же Снупи предупреждал нас насчет этого замка.

Дэниел стоял справа от Дункана, Эндрю слева, Бьюти и Мэг в следующем ряду, Конрад и Тайни замыкали левую сторону.

— Мэг, ты-то что тут делаешь? — Спросил Дункан. — Беги отсюда, спасайся.

Она хихикнула.

— Я могу кусаться и царапаться. Я могу пинаться. Я могу призвать немного магии.

— На фига твоя магия! — Буркнул Эндрю. — Те, что идут на нас, сами с магией.

Безволосые шли медленно, подняв дубины. За ними шел туман, казавшийся теперь простреленным вспыхивавшими искрами.

Внутри ворочались устрашающие фигуры, появлявшиеся при вспышках и снова изчезавшие за витком дымного облака.

Дункан держал меч наготове и радовался, что не боится, хотя надежды устоять перед такой силой не было вовсе. Безволосые нападут, произойдет быстрая схватка, затем вступят в бой чудовища, и все будет кончено. Но что делать? Бежать, чтобы за ними охотились, как за животными?

Упасть на колени и просить пощады, хотя известно, что ее не будет? Просто стоять и ждать смерти? Нет, он будет сражаться и, по крайней мере, не уронит чести Стендиш Хауза. На минуту всплыло воспоминание, как стоял перед стариком — отцом, смотрел на его прямую фигуру, на суровое лицо с коротко подстриженными усами, седыми волосами и ясными, честными серыми глазами.

Может ли он опозорить такого человека?

Дункан поднял меч, когда подходил первый безволосый. «Еще шаг», — подумал он.

Безволосый сделал этот шаг, поднял дубину, но Дункан ударил мечом и скорее почувствовал, чем увидел, что лезвие вошло в тело.

На место упавшего безволосого встал другой. Меч влетел снова. Удар был отклонен дубиной, однако рука, державшая дубину, оказалась отрубленной выше локтя. Рядом закричал в дикой битве Дэниел, как кричат только боевые кони. Он стоял на задних ногах, разбивал черепа и топтал упавших безволосых. Эндрю вытаскивал свой посох из живота нападавшего.

Другой взмахнул над ним дубиной, но Дункан тут же перерубил безволосому глотку.

Счет времени был потерян. Не было ни прошлого, ни будущего, только залитое кровью настоящее. Безволосые, как в дурацкой игре, выстроились в одну линию, чтобы можно было убивать их по одному.

Дункану казалось невероятным, что он еще держится, но он держался.

Перед ним вдруг не стало безволосых, а появилось что-то черное, омерзительное, все в когтях и зубах, изрыгавшее адскую злобу, и Дункан во

вспышке слепой ненависти, которой он не испытывал к безволосым, бросился на это нечто и разрубил его пополам.

Что-то толкнуло его в бок и он упал.

Поднявшись, он увидел, кто его толкнул: разъяренный грифон бил крыльями по крутящемуся облаку, рвал его когтями и острым клювом, раздирая то, что находилось внутри облака. На спине грифона сидела Диана в кожаном костюме. Красно-золотые волосы трепал ветер, в руках ее сверкал боевой топор, испачканный красной кровью и черными чернилами, которые вытекали из злобной твари, убитой Дунканом.

Дункан услышал гром копыт в небе, звук охотничьего рога, лай собак, шагнул вперед и споткнулся о лежащего отшельника. Впереди ковылял на кривых ногах безволосый, направляясь к Тайни, который систематически раздирал на части воющий и визжащий ужас. Дункан бросился на безволосого. Острие меча вонзилось в горло врага, и его дубина ударилась о землю, чуть не задев Тайни.

Стук копыт и хриплый лай, казалось, заполняли всю долину, и сквозь дымный туман, все еще имевший какую-то субстанцию, люди увидели черные силуэты всадника и собак. От них

несся такой ветер, что Дункан еле удерживался на ногах.

Дикий охотник и его свора внезапно устремились через свернутый край туманного облака, содержавшего отвратительных чудовищ, снова возникли в небе и снова повернули к облаку.

Высоко подняв топор, Диана крикнула Дункану:

— Бегите к замку! Спасайте жизнь!

Дункан повернулся, чтобы поднять Эндрю, но тот уже встал, опираясь на посох. На щеке его была ссадина, кровь капала с бороды на разорванную рясу.

— К замку! — Крикнул ему Дункан. — Беги как можно быстрее!

— Бегите все к замку! Это ваш единственный шанс! — Кричала Диана.

Дункан подбежал к Дэниелу и схватил его за гриву.

— Пошли, Дэниел.

Безволосых больше не было. Край тумана был в лохмотьях, светящиеся стрелы исчезли, а масса темных фигур выскакивала и бежала, ползла, извиваясь по холму.

Дункан огляделся, ища Конрада. Тот бежал к развалинам замка, таща за ошейник разъяренно-

го Тайни. Мэг и Бьюти со всех ног бежали туда же. Эндрю ковылял за ними, злобно ударяя посохом в землю.

— Пошли, Дэниел, — повторил Дункан.

Он побежал широким шагом. Конь поскакал за ним.

Оглянувшись через плечо, Дункан увидел, что дикий охотник и собаки резко набирают высоту. Он услышал свист крыльев, увидел Диану и грифона, также направлявшихся к замку.

Наклонившиеся стоячие камни были уже близко. Дункан бежал к ним, недоумевая, какую защиту можно тут найти. Если силы зла и оставшиеся безволосые нападут снова, а они, вероятно, так и сделают, как только соберутся вместе, он и его отряд снова будут сражаться. На этот раз их спины будут защищены могильным холмом, но и в этом случае им долго не продержаться.

Им и так удивительно повезло, что они еще живы. Если бы не вмешательство Дианы и дикого охотника, они все уже погибли бы.

«Кстати, — подумал Дункан, — а почему дикий охотник ввязался в это дело? Ему-то какой интерес?» Дункан быстро огляделся и увидел мертвых безволосых. Другие тоже лежали — и то, что разрубил Дункан, и та визжащая тварь, которую

рвал Тайни, и прочие.

Дункан и Дэниел прошли между двумя стоячими камнями, и вдруг обычная луговая трава под их ногами превратилась в ухоженную бархатистую лужайку. Дункан ошеломленно поднял глаза и чуть не задохнулся от изумления: развалины исчезли, вместо них стоял роскошный замок в прекрасной местности, новенький, сияющий. К высоким входным дверям вели каменные ступени, вход был освещен свечами, из некоторых окон также лился свет.

На лужайке сгорбился грифон, а Диана, все еще держа топор, шла к Дункану. В нескольких шагах от него она остановилась и сделала глубокий реверанс.

— Добро пожаловать в замок колдунов, — сказала она.

Остальные тоже собрались на лужайке и, как видно, были так же ошеломлены увиденным, как и Дункан.

Дункан все еще держал обнаженный меч. Он машинально стал вкладывать его в ножны, но Диана остановила его.

— Сначала вытрите его как следует вот этим.

Она поднесла руку к шее и сняла белый шарф.

— Но…

— Давайте вытирайте, — сказала она. — У меня полно их. А этот уже старый.

Он взял из ее рук длинную полосу тонкой шелковистой ткани.

— С вашего разрешения, мадам…

Он тщательно протер лезвие, пока оно не заблестело.

— Дайте и мне кусок, — сказала она.

Он нерешительно разорвал шарф, и она стала вытирать топор.

— Хороший спорт, — проговорила она. — Добрая охота.

Он смущенно пожал плечами.

— Да, дело обернулось хорошо. Но нам приходилось туго, пока не появились вы и охотник. Скажите, ему-то зачем все это? А вам? И еще этот замок?…

— Я же говорю, это замок колдунов. Как только вы переступили магический круг, вы оказались в очарованной местности.

Конрад, прихрамывая, подошел к ним. Следом шел Тайни.

— Что с тобой? — Спросил Дункан.

Конрад медленно повернулся и показал кровавую рану на бедре.

— Кто-то хватанул меня. Наверное, та тварь,

которую рвал Тайни. А с вами все в порядке, милорд?

— Сбит с ног грифоньим крылом, вот и все.

Он вытер со лба подсохшую кровь.

— Простите, — сказала Диана, — Хуберт иной раз бывает неловок, но это, по правде говоря, не его вина: он очень стар.

Она обернулась к Конраду.

— Вам лучше пройти в замок, потому что ваша рана…

— Пройдет, — отмахнулся Конрад. — Хуже бывало.

— В рану мог попасть яд. У нас есть обеззараживающая мазь. Я училась составлять лекарства.

— Спасибо, — сказал Конрад, — но не стоит того.

Оглянувшись на круг стоячих камней, Дункан увидел, что все они стоят прямо, новые, белые, поблескивающие в слабом свете, будто их вытесали только вчера.

— Не понимаю, — сказал он Диане. — Все камни стоят, как полагается, новехонький замок, лужайка, каменные скамейки на ней, кусты и деревья — все так живописно.

— Это очарованное место, особое. С той стороны все кажется развалинами, как это и должно

быть, потому что замок построен много столетий назад, но внутри круга он всегда будто только что создан. Когда-то здесь жило много сильных колдунов, обладавших великими знаниями. Они могли править временем и миром…

— Вы сказали — когда-то. А теперь?

— Один колдун все еще живет здесь. Последний.

Дункан чуть было не задал еще один вопрос, но вовремя закрыл рот.

Она засмеялась.

— Вы собирались спросить насчет меня?

— Я не имею права, миледи.

— А я скажу. Во мне есть кровь колдунов.

— Вы колдунья?

Она покачала головой.

— Нет. Я пыталась стать ею. Я очень хотела, но обнаружила, что не могу. Помните, я спрашивала о Вольферте?

— Помню.

— Вольферт был моим прадедом. Но мы стоим и болтаем, а нам нужно войти в замок. Вашему другу нужна помощь. У вас тоже царапина на лбу. И вы все, я полагаю, умираете с голоду.

Конрад просиял.

— Я был бы непрочь поесть и чуточку выпить,

если у вас есть. Сражение вызывает жажду.

— Простите его, — попросил Дункан. — У него нет никакой совести.

— У нас нет обслуживающего персонала, — сказала Диана. — Когда-то здесь было множество слуг, но теперь они, в сущности, не нужны, да и трудно найти верных людей. Дела здесь немного: приготовить еду, постелить постели, немного прибрать. Все остальное делает магия места.

— На худой конец, — сказал Конрад, — мы с милордом можем готовить. Думаю, и Мэг тоже. Насчет отшельника не знаю.

— Ну, пошли, — позвала Диана. — В кладовой достаточно припасов, она всегда полна, так что голодать вам не придется.

Они пошли по широким ступеням к входу в замок.

— Для собаки мясо найдется, — заметила Диана, — лошадь и ослик могут пастись на лужайке.

— Спасибо от всех нас, миледи, — поблагодарил Дункан. — Ваше гостеприимство выше всяких похвал. Да вы еще так помогли нам сегодня…

— Помощь была взаимной. Вы сделали для нас с Хубертом не меньше, чем мы для вас: вы отвлекли зло и нанесли ему хороший удар. Кутберт будет рад. Кое-что он мог бы сделать и сам, не будь он

так стар, слаб и одинок. У него никого нет, кроме меня. Все его бывшие товарищи уже умерли.

— Кто это — Кутберт?

— Колдун, о котором я говорила, последний из могущественной группы колдунов. Он растерял большую часть своей силы из-за недостатка компаньонов, хотя он станет это отрицать, если ему скажешь. Я уже стараюсь не упоминать об этом.

— Вы сказали, что он стар и болен. Я не знал…

— Колдуны — не сверхестественные существа. Это просто люди большого знания определенных тайн и поэтому могущие сделать много удивительных вещей, но им так-же свойственны болезни и горести, как и всему человеческому роду. Я предполагала еще раз побывать в той деревенской церкви, где мы с вами познакомились, но когда прибыла сюда, увидела, что Кутберт очень плох, и осталась заботиться о нем.

— А как он сейчас?

— Спасибо, ему много лучше. Он заболел, скорее всего, по собственной вине. Когда я уехала, он забыл о еде, погрузившись в работу. Он очень стар и нуждается в уходе.

Они стали подниматься по высокой лестнице. На полпути Дункан оглянулся и увидел за кругом стоящих камней рощу.

— Этих деревьев раньше не было.

— Каких деревьев? — Спросила Диана.

— За оградой.

— Вы не понимаете: отсюда вы видите все таким, как было во времена постройки замка.

Наконец, они вошли в большой холл. Пол был сделан из хорошо пригнанных цветных каменных плит. Несколько коротких лестниц вели из холла в другие части замка.

В канделябрах по стенам горели толстые восковые свечи, давая холлу мягкое освещение.

В центре холла стояла шестифунтовая колонна трех футов в диаметре. Увидев то, что скорчилось на ее вершине, Дункан и все трое остановились в изумлении.

— Пошли, — нетерпеливо сказала Диана. — Это Скрач. Не бойтесь его, он ручной и совершенно безвредный.

Они медленно двинулись дальше, а создание на колонне их внимательно разглядывало. Затем оно сказало:

— Она говорит — только Скрач. Презрительно говорит. Она всегда говорит правду, потому что она правдивая и даже благожелательная особа. Вы видите перед собой демона из колодцев ада и можете либо жалеть, либо презирать его.

— Он всегда драматизирует, — проговорила Диана. — Он останавливает каждого, кто придет в гости и рассказывает свою историю. Конечно, здесь никто не знает, правдива она или нет, но он все равно рассказывает. Дайте ему возможность, и он совсем заговорит вас.

— А что он такое? — Спросил Дункан.

— Он же сказал вам: он демон из ада. Он был здесь привратником почти столько же времени, сколько стоит замок.

— Они назвали меня привратником, — возразил Скрач, — но я не при входе. Я прикован к этой колонне, чтобы смешить людей, но не все они смеются. Мне кажется, чаще я внушаю им глубокую жалость как самое несчастное создание, беглец с места своего рождения, а не настоящий жилец этого пышного и славного дворца. Посмотрите на меня, пожалуйста, и вы увидете, вру ли я. Посмотрите на мои помятые рога, на горб на спине, на изуродованную ступню, покалеченные руки, скрученные артритом — результат грязи, сырости и холодного климата этой самой что ни на есть варварской страны.

— Скрач, заткнись! — Резко приказала Диана.

— И пожалуйста, — продолжал Скрач, — взгляните на мой хвост, который, как и рога, составляет

гордость всякого демона. Посмотрите и скажите, можно ли им гордиться. Он сломан в трех местах и не исправлен как следует, хотя поправить его — пустяк для любого хирурга.

— Скрач, — сказала Диана, — я велела тебе замолчать. Прекрати болтовню. Нашим гостям ты вовсе не интересен.

Дункан видел, что все сказанное Скрачем — правда. Последняя часть хвоста выглядела удивительным зигзагом, как будто перелом не пытались укрепить для срастания, а если и укрепляли, то очень плохо. Левая нога была перебита по меньшей мере трижды, копыто приросло неправильно. К этой ноге была прикреплена цепь, другой конец которой крепился к тяжелой металлической скобе, утопленной в камень. Уродливый горб поднимал его острые плечи. Левый рог был в порядке — короткий, но крепкий. Зато правый искривился, потрескался и склонился к самому лбу. Руки с полусведенными пальцами болтались.

Конрад подошел поближе и дотронулся до искалеченной руки демона.

— Ах ты, несчастный сукин сын! — Сказал он сочувственно.

— Давайте пойдем, — холодно заметила Диа-

на. — Не стоит он вашей жалости.

Глава 20

Первым делом Диана осмотрела раны. Она смазала целебной мазью рану Конрада, очистила ободранное лицо Эндрю, смазав его смягчающей мазью, промыла ранки на лбу Дункана. Мег, не получившая ни одной царапины, села на стул, слишком высокий для нее и с хихиканьем рассказывала о своем участии в битве.

— Поверьте, старая девка знала, что делала. Я легла на землю в стороне от вредного пути. Я никого не могла убить, потому что у меня нет для этого силы, но мешала я им здорово. Я нашла крепкую ветку от колючего дерева и издали хлопала безволосых по голым ногам. Они не видели, кто их бьет, а я щелкала их изо всей силы, сколько ее есть в моих тощих руках. Они подпрыгивали и отступали, а милорд в это время рубил их мечом, отшельник пронзал посохом.

— Всегда в брюхо, — гордо добавил Эндрю. — Брюхо мягкое и легко протыкается при точном ударе.

— Прямо не знаю, как вы справились, — покачала головой Диана. — Я неслась туда со всей возможной скоростью, но…

— Наше оружие крепко, — ханжеским тоном произнес Конрад, — потому что наше дело правое.

После лечения они исследовали длину и толщину хорошо прожаренного бычьего бедра, большой каравай хлеба, круг сыра, блюдо жареной птицы, оставшейся со вчерашнего дня, и корзинку сочных груш.

— Когда Кутберт не забывает о еде, — сказала Диана, — он первоклассный едок. Он любит хорошую птицу, причем почаще и побольше, и понимает в ней толк.

Они сидели за столом в кухне, там же, где Диана их лечила. Лекарства были отодвинуты в один конец стола, а еда поставлена на другой.

— Я прошу извинения, что подаю вам в таком неблагородном месте, но столовая наша чересчур пышна. Мне в ней как-то неловко. По-моему, она излишне роскошна, и вы, я думаю, сказали бы то же самое. После еды там нужно перемыть, высушить и поставить на место кучу фарфора и серебра. Слишком много работы.

— Когда мы сможем поговорить с Кутбертом? — Спросил Дункан. — И сможем ли?

— Конечно сможете, но только не сегодня. Было время, когда он засиживался за письменным

столом до полуночи, но в последние годы он привык ложиться спать с петухами. Старику нужен отдых. А теперь расскажите, что случилось с вами после нашей первой встречи. Правда, сюда доходили слухи о ваших делах, но вы сами знаете, как верить слухам.

— Ничего особенного не было, — ответил Дункан. — Мы, похоже, попадали из одной беды в другую, но каждый раз нам удавалось унести свои шкуры.

Они рассказывали, а она внимательно слушала, наклонив голову, и пламя свечей играло на ее блестящих волосах.

Об одном только не сказал ей Дункан, а другие то ли забыли, то ли не обратили внимания на то, что он умолчал о находке амулета в могиле Вольферта. Глядя на Диану, Дункан думал, не вернуться ли в рассказе назад и не сказать ли об амулете, но в конце концов удержался. Он, конечно, понимал, что эта вещь ее очень заинтересует, и она, собственно, имеет право знать, если Вольферт приходился ей родней.

Когда рассказ кончился, она сама заговорила о Вольферте.

— Вы помните, что я искала записи о нем. Вы, сэр, отшельник, кажется, говорили, что слышали

о нем, но наш разговор был прерван безволосыми. Вы ничего не объяснили, но, кажется, расстроились.

Эндрю поднял голову и поглядел в строгое лицо Дианы.

— Я слышал только одно, миледи, — мягко сказал он, — что он был похоронен на деревенском кладбище. А огорчен я был тем, что в деревне его считали святым, и для меня оказалось прямо-таки ударом узнать, что он колдун.

— Для вас это было оскорблением?

— Миледи, мы в деревне люди простые, невежественные. Мы ничего не знали о колдунах. Мы думали…

— Я догадываюсь, что вы думали, — прервала Диана. — Вы, кажется, говорили, что ему построили гробницу, потому что считали его святым.

— Правильно. Но упал дуб и разбил гробницу. Наверное, в сильную грозу.

— Говорили — может, это просто легенда — что он унес с собой удивительную магическую вещь. Вы не слышали об этом?

— Нет, мэм, не припомню такого.

— Он, наверное, хранил ее в тайне от всех. И теперь она пропала. Ах, какая жалость!

— А почему жалость, мэм? — Спросил Конрад.

— Легенда говорит, что она была предназначена против орды дьявола, известной здесь под названием разрушителей.

— И вы, — сказал Дункан, — надеялись найти ее?

— Да, надеялась. Она нужна здесь теперь.

Дункан чувствовал, что остальные смотрят на него.

— Даже если бы вы ее нашли, — сказал он, — она вряд ли имела бы ценность. Надо знать, как ею пользоваться.

— Не думаю. Я считаю, что одно обладание ею уже вполне достаточно. Магия в самом талисмане, а не в использовании его.

— Может, вам следовало обыскать могилу, — сказал Конрад, идя по тонкому льду.

— Вероятно, — согласилась Диана. — Я думаю об этом. Я собиралась туда еще раз, но после инцидента с безволосыми почувствовала вдруг, как я нужна Кутберту, и бросилась прямо сюда. Он и в самом деле очень нуждался в уходе. И с тех пор я здесь. И то сказать, я сомневаюсь, что поиски в гробнице дадут какие-нибудь результаты. Когда гробница разрушилась от падения дерева, могила, наверное, оказалась открытой для каждого, кто хотел ее осмотреть. А в деревне могли быть

люди с такими дьявольскими мыслями. Если талисман и был там, его давным-давно украли.

— Может и так, — согласился Эндрю, — но я никогда не слышал ни о каком талисмане.

— Тот, кто грабит могилы, — сказала Диана, — не станет выдавать себя и болтать об этом.

— Думаю, да, — согласился Эндрю.

Дункан заметил, что никто на него больше не смотрит. Дело было сделано.

Правильно или нет, но ложь была сказана. Людьми, которые защищали его тайны.

Только Мег ничего не сказала, но Дункан был уверен, что она не пойдет против всех.

Тайни, проглотивший здоровый кусок жаркого, лег спать в углу кухни, но сейчас Дункан обратил внимание, что собаки нет.

По всей вероятности, Тайни отправился на разведку. В замке было множество укромных уголков и закоулков, которые следовало обнюхать.

— Меня заинтересовала еще одна вещь, — обратился Дункан к Диане. — Я вас спрашивал, но вы не ответили. Насчет охотника. Зачем он ввязался в это дело?

— Он ненавидит зло, как многие из нас. Из маленького народа очень мало, кто симпатизирует злу. В своей основе маленький народ не злой: они

просто другие. Конечно, есть естественные злые существа, как, например, вервольфы, вампиры и прочие, охотно идущие с разрушителями. Они смотрят на разрушителей с почтением и считают себя близкими им. Но маленький народ — люди порядочные, и охотник тоже.

— Я подумал, — сказал Дункан, — не следил ли он все время за нами? Мы видели его несколько дней назад, и я уверен, что слышал и раньше, как он ехал по небу.

— Возможно.

— Но какое ему дело до нас?

— Охотник — свободный дух. Я мало о нем знаю, но несколько лет назад у нас была короткая встреча. Он, кажется, родом из Германии. Может быть, когда-то в прошлом был свидетелем опустошения, произведенного разрушителями, и с тех пор следит за ними.

— Крестовый поход за справедливость?

— Нет, я бы так не сказала.

— Во всяком случае, — заметил Эндрю, — мы оценили его сегодняшнее участие.

— Хотел бы я знать, — проговорил Дункан, — насчет этого зла… Что оно, в сущности, такое?

— Если вы спросите Кутберта, он ответит вам лучше, чем я, — отозвалась Диана.

— Наш архиепископ считает, что некоторые создания питаются нищетой мира и будут распространяться во все стороны, чтобы сохранить эту нищету.

— Я слышала такое, но Кутберт — знаток зла. Он потратил много лет на его изучение, и у него большая документация по этому вопросу. Вот его и надо спросить.

— Но захочет ли он разговаривать с нами? Многие эксперты испытывают какую-то ревность к своим знаниям и не делятся ими.

— Думаю, что захочет.

Издалека данесся страшный лай. Конрад вскочил.

— Это Тайни. Я пойду к нему. Иной раз он теряет здравый смысл.

Он бросился к двери. Остальные поспешили за ним.

— Ату его, парень! — Завизжала Мег.

— Нет! — Рыкнул Конрад. — Не поощряй его!

Они спустились вниз и через великолепную столовую вышли в большой холл и там увидели Тайни. Он стоял против колонны демона, припав на передние лапы и высоко подняв зад и полушутя, полузлобно облаивал Скрача.

Конрад сбежал по лестнице в холл.

— Тайни, проклятый дурак, прекрати! — Крикнул он. — Оставь дьявола в покое.

— Я не дьявол, — запротестовал Скрач. — Дьявол — это совсем другой демон, вполне развившийся бес. Меня назвали Скрачем для смеха. Те, кто поймал меня, катались по полу от хохота, когда называли меня Скрачем. Я так и не понял, почему их так смешило это. Правда, они называли меня Юнг Скрач, чтобы отличить, понимаете ли, от Олд Скрача (SCRATCH — царапина, закорючка, небрежная подпись. OLD SCRATCH Старый Скрач — дьявол, сатана. YOUNG SCRATCH — Молодой Скрач.) Но потом я стал просто Скрач и таким остался. Я не в восторге от этого имени, но привык к нему за те годы, что вынужден был жить здесь.

Конрад схватил Тайни за ошейник и поставил пса на ноги.

— Стыдись! — Упрекнул он. — Этот бедняга прикован к камню, а ты бегаешь на свободе. Постыдился бы лаять.

Тайни помахал хвостом, но пристыженным не выглядел.

Подошел Дункан.

— Он пытался укусить тебя? С тобой все в порядке?

— Ничуть не пытался, — ответил демон. — Он

просто разыгрывал какую-то собачью шутку. Я на него не в обиде. Он даже, как я полагаю, не собирался напугать меня, а только играл со мной по-своему, по-собачьи.

— Ты великодушен.

— Спасибо, сэр. Очень благородно с вашей стороны сказать так.

— Так, значит, ты демон из настоящего ада? Как же ты попал сюда?

— Это долгая и печальная история, — ответил Скрач. — Как-нибудь, когда у вас будет время, я вам расскажу ее полностью. Я был учеником демона, назначен в передние адских районов учиться своему ремеслу, но боюсь, что делал я это весьма плохо. Я, так сказать, неудачник. Я никогда ничего не делал по-настоящему правильно. Видимо, я так и не вник в суть работы. Я всегда был в немилости. Меня вечно ругали за недостаток рвения.

— Видимо, ты не создан для роли демона.

— Вполне возможно. Но стать демоном было выгодно. Открылось бы несколько других занятий. Могу вас заверить, что я всегда старался быть мужественным.

— Так что же случилось?

— Я убежал. Я не мог больше терпеть, взял и

сразу отрезал. А вы знаете, сэр, это самое плохое дело — обрезать все. Я не думаю, чтобы они стали утруждаться ловить меня и водворять обратно.

— Здесь с тобой хорошо обращаются, если не считать цепи?

— Если не считать цепи, то я сказал бы — да. Во всяком случае, мне здесь несколько лучше, чем человеку, попавшему в ад.

Глава 21

Кутберт лежал в постели на высоко поднятых подушках. На нем был пронзительно-красный ночной колпак и ночная сорочка с кружевными манжетами и воротничком. Он был очень худ. Глаза под белыми кустистыми бровями глубоко ввалились. Очень худое лицо было туго обтянуто сухой кожей. Крючковатый нос походил на клюв, щелка рта пряталась между носом и загнутым вверх подбородком. Тощие плечи поднимались узловатыми костями. Живот под простыней был таким впалым, что вырисовывались тазовые кости.

Он улыбнулся Дункану и скрипучим голосом произнес:

— Так. Диана говорила, что ты расколотил их вдрызг. Это единственный язык, который они понимают.

— Не я один. Со своим отрядом.

— Позже вы увидите и других, — пообещала колдуну Диана. — У них очень пестрая группа.

Она повернулась к Дункану.

— Вы не обижаетесь, что я назвала их пестрой группой?

— Полагаю, вы можете так назвать ее, — ответил Дункан не слишком любезным тоном.

— Ты говорила мне о них, — сказал Кутберт Диане. — Собака, лошадь и ослик. Я бы хотел увидеть и их тоже.

— Собаку можно, — заметила Диана, — но не лошадь.

— Я хочу видеть все племя, — настаивал Кутберт. — Я хочу посмотреть на этот маленький отряд, который переломал кости этим злыдням. Ей-богу приятно узнать, что есть еще в стране такие люди, которые не бегут с визгом, а сражаются и побеждают.

— Лошади и ослику трудно подняться сюда по лестницам.

— Тогда я спущусь вниз.

— Вы знаете, сэр, что вам нельзя напрягаться.

Кутберт что-то проворчал и повернулся к Дункану.

— Вот что бывает, когда человек стареет. Вам нельзя напрягаться, вам нельзя пойти в сортир, вы должны садиться на горшок. Вы должны есть мягкую пищу, потому что ваше брюхо не переваривает честного мяса. Вы должны быть в ссоре с вином. Вы не должны делать ничего, что вам приятно, делайте только то, что вам не нравится.

— Ненадолго, — утешил Дункан. — Надеюсь, что вы снова будете делать то, что доставит вам радость. Но вы должны беречься…

— Ну, вот, ты в один голос с ней, — обвинил его Кутберт. — Все с ней в сговоре. Она может обвести вокруг пальчика самого сильного мужчину. Посмотри на нахальную девку, на ее золотые волосы, на то, как она стреляет глазами.

— Вы знаете, сэр, что я никогда не стреляю глазами. И если ваше поведение не изменится к лучшему, я наварю вам на ужин зелени и прослежу, чтобы вы ее сели.

— Вот видишь, — сказал Кутберт Дункану. — У мужчины никаких шансов. Особенно если он стар. Старайся не переходить за тридцать лет. А теперь расскажи-ка мне о своем маленьком отряде и большой битве.

— Мы не выжили бы в битве, если бы не Диана и не дикий охотник…

— О, дикий охотник — крепкий парень. Я помню…

Он остро глянул на Дункана.

— Не говори мне, что ты охотник. Какой-нибудь его родственник — возможно, но, конечно, не охотник. Ты мне сказок не рассказывай. Я знаю охотника. И не вкручивай…

— Сэр, — перебила Диана, — я говорила вам об этом джентльмене. Он не охотник, и не выдает себя за него. Вы спутали. Дункан Стендиш — отпрыск великого дома на севере.

— Да, — сказал Кутберт, — теперь я вспомнил. Стендиш. Да, я слышал о Стэндишах. Но если ты из того дома, что ты делаешь здесь? Почему ты не сидишь у себя на севере за крепкими стенами?

— Я иду с поручением в Оксенфорд, — ответил Дункан.

— Оксенфорд? Да, я знаю Оксенфорд. Большая группа известных ученых. У меня там есть друзья.

Он опустил голову на подушки и закрыл глаза. Дункан вопросительно взглянул на Диану. Она сделала ему знак подождать.

Через некоторое время колдун зашевелился, открыл глаза, приподнялся и посмотрел на Дункана.

— Ты здесь, — сказал он. — Я думал, что ты мог уйти. Я чуточку вздремнул. Ты уж прости меня. Иной раз со мной случается.

— Теперь вы чувствуете себя лучше, сэр?

— Да, гораздо лучше. Диана говорила мне, что у тебя есть вопросы.

— Да. Насчет орды зла. Наш архиепископ го-

ворил…

— Какой архиепископ?

— Его преосвященство аббатства Стендиш.

— Ретрограды. Пустая болтовня. Ты не согласен?

— Иногда я тоже так думаю.

— И что же он знает об орде?

— Очень мало, сэр. Он не знает, что это такое. Он считает, что зло питается человеческими несчастьями и что разрушения, которые производятся через правильные интервалы времени, являются, возможно, периодами омоложения злых сил.

— Ты хочешь, чтобы я сказал тебе, что есть зло?

— Если вы знаете, сэр.

— Конечно, знаю. Как ты думаешь, что я и моя группа ныне умерших собратьев делала все эти годы? Конечно, мы решали множество других задач и докапывались до истины. В рамках своей работы мы не игнорировали зло. Что ты хочешь о нем знать?

— Что это такое, сэр, откуда оно взялось и куда направляется?

— Оно пришло со звезд, — ответил колдун. — Это мы знаем. Зачем? Не ясно. Может, его выгнала

со звезд более мощная сила, с которой оно не могло бороться. Может, из-за его неукротимой жадности там не осталось больше пищи, и им пришлось искать другой мир, чтобы не умереть с голоду. Случайно — а может, и не случайно — оно появилось в нашем несчастном мире, где нашло изобилие жизни и смогло обеспечить нищету, нужную ему для питания и роста. Здесь ему, по-видимому, хорошо. С увеличением бедности в этом мире зло растет в силе и количестве за каждое столетие. Если в ближайшее время не случится чего-нибудь, зло поглотит всю жизнь на земле и тогда, вероятно вынуждено будет снова уйти к звездам искать другой мир. Оно пришло сюда в незапамятные времена. Когда появился человек со своей великой способностью к нищете — куда большей способностью, чем у наших друзей — животных, хотя и те могут страдать от нищеты — зло начало собирать богатый урожай и, следовательно, росло и жирело, и теперь, похоже, почти нет надежды остановить его или противостоять ему. Вот почему я так рад, что ты боролся с силами зла. Это означает, что есть еще люди, которые твердо встанут против зла, в сердцах которых нет страха.

— Но вы ошибаетесь, — возразил Дункан, — я

очень боялся.

— Однако ты устоял.

— Сэр, ничего другого не оставалось. Нам некуда было бежать.

— Ты правдивый и храбрый человек. Только правдивый и храбрый признается в том, что он чувствовал страх. Но тогда ты могучий воин.

— Нет. Конечно, меня учили управляться с оружием, но до этого путешествия я ни разу не поднимал меча всерьез, в гневе. Я скорее фермер, меня гораздо больше интересовало, как вырастить лучших быков и овец, собрать лучший урожай…

— Это хорошо, — поддержал Кутберт. — Британия и весь мир нуждаются в таких фермерах больше, чем в тех, кто может размахивать мечом. А ты к тому же искусен в обращении с мечом.

Он повернулся к Диане.

— Зелень, говоришь? Не стану я ее есть. Зеленый супчик, кашица — вот и все, чем ты меня кормишь. Как ты считаешь, может мужчина сохранить свою силу на таких свиных помоях? — Спросил он Дункана.

— Может быть ваш желудок…

— Что такая кокетка понимает в мужском желудке? Мне нужно мясо. Не хрустящее, пере-

жаренное, а розовое, с кровью в разрезе!

— Я давала вам мясо, а вы его выкинули.

— Плохо приготовлено, очень плохо. Дай мне как следует приготовленную бычью ляжку или баранье седло и я…

Его мозг как бы сделал скачок, и он обратился к Дункану:

— Ты, кажется, спрашивал еще о чем-то…

— У меня несколько вопросов, но я еще не задавал их вам. Наш архиепископ…

— Ну, вот, опять мы вернулись к этой старой бабе церковнику.

— Он говорил, что опустошения, производимые силами зла, возможно, служат целям омоложения, что силы эти останавливаются в разоренных областях, чтобы никто не мог помешать процедуре этого омоложения.

— Я слышал об этой теории, — ответил колдун. — В какой-то степени она, вероятно, справедлива, но более вероятно, что опустошение служит другой цели — блокировать развитие, которое может в конце концов улучшить судьбу человечества. Теперешнее опустошение, я уверен, предназначено не для омоложения, если вообще этот факт имеет место. На этот раз силы зла очень испуганы. Они боятся того, что должно

случиться. Они собираются вместе, чтобы предупредить эту случайность. По какой-то причине зло в смущении, в неуверенности в себе, словно какое-то непредвиденное событие сведет на нет все их планы. Скажу по совести, я обрадовался, когда опустошение дошло до этих мест, потому что, как я думал, легче будет изучать зло, видя его своими глазами, а не читая старые сведения и наблюдения других, тем более, что неизвестно, насколько те наблюдатели были аккуратны в своих записях. Для меня это было бы самой великой удачей в жизни, но мне очень мешала нехватка моих верных товарищей по работе. Я сказал себе, что могу работать и один, поскольку много лет занимался этой работой. И я работал…

— Вы слишком много работали, — добавила Диана, — поэтому вы теперь и больны.

— Мы говорили насчет охотника. Ты знаешь, однажды он провел у нас неделю. Нас тогда было несколько человек, и у нас иной раз бывали гости на уик-энд и дольше. Но охотник явился незваным. Он приехал вечером на своей лошади и со сворой собак. Они ввалились в большую столовую, где мы как раз приканчивали отличное жаркое. Собаки бросились в буфетную, вытащили оттуда блюдо с куропатками, ветчину и

горшок жареной оленины и тут же разодрались между собой, потому что каждая хотела урвать свою долю добычи. Мы за столом окаменели, а охотник тем временем поднял бочонок пива и вылил содержимое прямо в глотку. Клянусь, я слышал, как пиво булькало в его желудке. Но после первого нападения все выправилось, и мы провели веселую неделю с собаками, объедавшими нас, и охотником, выпившим все, что у нас было. Но мы не обижались, потому что охотник рассказывал нам всевозможные выдумки, и мы впоследствии пересказывали их другим и снова радовались им.

— У вас, как видно, были хорошие времена.

— О, да. Ты, наверное, хочешь спросить насчет той ночи, когда банда пьяниц привела к нам демона. Он им надоел, и они решили подшутить над нами, принеся его нам в подарок. Ты видел его, когда шел сюда?

— Видел.

— Как демон он неплохой парень. Он уверяет, что в нем нет ни крошки злобы. Не знаю, так ли это, но…

— Сэр, — ласково сказала Диана. — Вы говорили насчет орды зла.

Кутберт удивился.

— Разве? Мы говорили о них?

— Думаю, да, сэр, — подтвердил Дункан.

— А что я говорил? Не помню. Во всяком случае, думаю, что большинство людей не представляет, как живет конгресс колдунов. Наверное, люди считают, что замок колдунов — все равно что монастырь, где монахи идут себе потихоньку через лабиринт теологических доктрин, от которых сжимаются их душонки, и боятся дохнуть, чтобы не впустить в легкие дымок ереси. А может, люди думают, что в таком замке, как этот, куча тайных ходов, зловещие фигуры в черных мантиях прячутся в углах и за оконными драпировками, в коридорах страшно завывает ветер, а из колдовских лабораторий волнами исходит зловоние. Ничего похожего, конечно, нет. Сейчас замок тих из-за недостатка жильцов, а в былые времена здесь царили веселье и смех. Мы составляли веселую группу, когда откладывали работу в сторону. Работали мы крепко, потому что ставили перед собой нелегкие задачи, но мы умели и отдыхать. Как сейчас вижу своих старых товарищей. Кейлин и Артур, Эдельберт и Редвальд, Эдвин и Вольферт — мы все были друзьями, но по отношению к Вольферту меня мучит совесть, потому что мы, правда, по необходимости, поступили с

ним плохо. Мы выгнали его.

— Сэр, — заметила Диана, — вы забываете, что Вольферт — мой родственник.

— Да, — согласился Кутберт, — я опять забыл и заболтался. Похоже, я многое стал забывать.

Он показал большим пальцем на Диану и сказал Дункану:

— Все правильно. Она из племени колдунов, хотя ты, наверное, об этом уже знаешь. Она наверняка сказала.

— Да, говорила, — ответил Дункан.

Колдун притих на подушках и, казалось, кончил разговор, но вдруг снова зашевелился.

— Да, Вольферт. Он был мне как брат, но когда выносилось решение, я принял сторону других.

Он помолчал и продолжал:

— Высокомерие. Да, это его высокомерие. Он противопоставил себя всем нам. Он считал, что его знания и умения выше наших. Мы говорили, что он зря тратит время, что его талисман не имеет силы, но он плевал на наше мнение и на нашу дружбу и настаивал, что в его талисмане великая сила. Он сказал, что мы говорим так из зависти. Мы пытались урезонить его, говорили, что он для нас — любимый брат, но он не слушал нас и упрямо встал против всех. Согласен, талис-

ман этот был красивой вещицей, больше чем красивой, потому что Вольферт был искусным мастером и знал многие таинства, и он создал не только красоту…

— Вы в этом уверены? — Спросила Диана.

— Уверен, милая. Вероятно, небольшая сила в нем была. Он уверял, что с этим дурацким талисманом он может выступить против орды зла, и это, конечно, было чистым безумием. Ограниченная сила была, но и только, и уж конечно она была ничто против зла.

— Почему вы никогда не говорили мне об этом? — Спросила Диана.

— Вы же знали, что я искала сведения о Вольферте и надеялась найти талисман.

— Зачем было причинять тебе боль? Я и сейчас не собирался говорить об этом, просто это вылетело у меня из-за моей глупости и слабости. Я бы не стал говорить, потому что знаю, как ты предана ему, вернее, его памяти, потому что он наверняка уже умер. Надо думать, ты говорила мне об этом.

— Сто раз говорила. Я нашла место, где он похоронен. В деревне за холмами… В последние годы жизни он слыл там святым. Если бы в деревне узнали, что он колдун, они выгнали бы его.

Старческие глаза затуманились. По щекам по-

катились слезы. Колдун махнул рукой.

— Оставьте меня теперь. Идите. Оставьте меня с моей скорбью.

Глава 22

Дункан задумался над своей проблемой, которая была для него очень неприятна.

Таких проблем у него еще не бывало, потому что он по своей натуре не следовал курсу, ведущему к ним. Всю жизнь он был искренен и правдив, говорил только то, что действительно думал, не утаивал правды, не говорил лжи. А то, что он сделал сейчас, было хуже, чем ложь. Это было бесчестно.

Амулет не принадлежал ему. Он принадлежал Диане, и все фибры души Дункана кричали, что он должен вернуть талисман ей. А он, Дункан, ничего не сказал о том, что талисман у него, и, глядя на него, члены его отряда тоже ничего не сказали.

Кутберт говорил, что талисман почти не имеет силы. Однако Вольферт, прапрадед Дианы, предпочел быть изгнанным с конгресса колдунов, но не признать талисман бессильным.

Именно из-за навязчивого чувства, почти уверенности в потенциальной мощи талисмана Дункан и сделал то, что сделал.

Даже если в талисмане есть какая-нибудь сила,

дающая минимальную защиту, он нужнее Дункану, чем кому-либо другому, не для себя, конечно, а ради манускрипта. Дункан должен доставить рукопись в Оксенофорд, и нет ничего, что могло бы помочь ему в этом деле.

Не ради себя он стал бесчестным. Там, в Стендиш Хаузе, его преосвященство говорил, что в этом манускрипте заложена величайшая — и, может быть, единственная надежда человечества. Если это правда, а Дункан в этом не сомневался, тогда бесчестие — небольшая цена за то, что записи неизвестного последователя Иисуса будут переданы в руки ученого.

Но все-таки Дункану было неприятно. Он чувствовал себя замаранным грязью обмана, укрывательства, воровства.

Правильно ли он поступил? Граница между правильным и неправильным была затенена, запятнана, и он не видел ее. Он всегда инстинктивно знал, что правильно, а что — нет, и все было чисто и отчетливо видно. Но тогда он имел дело с простыми решениями, не имевшими осложняющих обстоятельств, а здесь они были.

Он сидел внизу каменной лестницы, ведущей к дверям замка. Перед ним расстилалась зелень парка. Вокруг были каменные скамьи, фонтаны,

розовые кусты, цветущие клумбы, деревья с пышными кронами.

«Красивое место, — подумал Дункан, — но не природной, а искусственной красотой, созданной не обычными людьми, как в других замках и парках, а колдовством конгресса знающих и умелых.» Здесь был мир и покой, какие, казалось бы, не свойственны колдовству. Впрочем, почему?

Ведь колдуны не обязательно должны быть злыми, хотя бывали такие, что поворачивали свои знания во зло. «Искушение делать зло, — думал Дункан, — всегда преследовало людей, обладавших такой большой силой, однако зло не было им присуще. Лишь очень немногие поворачивали ко злу. Может, колдунов считали злыми только из-за их громадных знаний. Люди, как правило, смотрят с подозрением и недоверием на тех, кто имеет великую силу и знание, на все то, чего не понимают, а знания колдунов были, конечно, за пределами понимания остального человечества.»

У ограды из стоячих камней Конрад играл с Тайни, бросая палку, и Тайни с восторгом бежал за ней и приносил обратно.

Это как-то даже не вязалось с характером боевого пса. Дэниел и Бьюти стояли в стороне и

наблюдали за игрой. Дункану казалось, что Дэниел смотрит неодобрительно, а Бьюти вроде и сама охотно побежала бы за палкой, если бы Конрад играл с нею.

Недалеко от Дэниела и Бьюти лежал грифон, по кошачьи обернув вокруг тела длинный шиповатый хвост и подняв голову.

Дункан услышал шорох позади и оглянулся. С лестницы спускалась Диана, но какая Диана! На ней было тонкое облегающее платье до пят, с поясом. Ее огненные волосы резко выделялись на светло-зеленой ткани.

Дункан вскочил.

— Миледи, вы прекрасны и очаровательны.

Она улыбнулась.

— Благодарю вас, сэр. Кто, я вас спрашиваю, может быть красив в кожаных штанах?

— Даже в них вы излучали очарование. Но в этом платье… У меня нет слов.

— Не часто бывает, чтобы я одевалась таким образом или имела причины для этого. Но раз в доме гости…

Она села на ступеньку, и он сел рядом с ней.

— Я смотрел, как Конрад играет с Тайни.

— Они хорошая пара. Вы давно их знаете?

— С Конрадом мы неразлучны с детства, а Тай-

ни я знал щеночком, когда он был в самом деле крошкой.

— Мэг на кухне, — сказала Диана, — готовит свиные ножки с кислой капустой. Она говорит, что много лет не ела этого блюда. Понравится ли вам?

— Конечно. А что отшельник? Я весь день не видел его.

— Он ошалел. Стоит, опершись о посох, и смотрит в пространство. Беспокойный человек.

— Одурманенный. Неуверенный в себе, раздираемый вопросами. Он сам не знает, что ему нужно. Много лет он пытался различными способами стать святым, теперь решил стать солдатом господа, а эта профессия нелегка для него.

— Бедняга, — вздохнула Диана. — Сам по себе он очень хороший человек, но не показывает этого. А как насчет Кутберта? Понравился он вам?

— Исключительно. Только иной раз его трудно понять, трудно следить за его мыслью.

— Он одряхлел, и его разум тоже.

Дункан с удивлением взглянул на нее.

— Вы так думаете?

— Разве вы не видите? Острый блестящий разум его отупел от возраста и болезней. Он не может довести до конца свою мысль и иной раз

бывает нелогичным. Я слежу, чтобы он не повредил самому себе.

— Похоже, что он чем-то расстроен.

— Он последний из длинной цепи, которая держалась столетиями. Все уже умерли, кроме него. Они пытались сохранить конгресс, набрав молодых учеников, но ничего не получилось. Здесь было мало сколько-нибудь известных колдунов. Не каждый может им быть. Нужна способность глубоко погружаться в тайные знания и работать с ними. Возможно, и еще что-то. Инстинкт колдовства, наверное. Особая направленность. С таким складом ума во всем мире наберется лишь горсточка людей.

— А как насчет вас?

Она покачала головой.

— Женщины редко могут заниматься колдовством. Не тот склад ума, наверное. Мозг мужчины, возможно, сформирован и наведен чуточку в другом направлении, чем женский. Я, конечно, старалась, и они позволяли мне это, потому что они хоть и выгнали Вольферта, но питали глубокое уважение к нему. Он был самым знающим колдуном среди них. Я ухватывала некоторые концепции, могла выполнять кое-какую мелкую магию, комбинировать простые манипуляции,

но я не создана для колдовства. Они мне этого не говорили. Со временем сказали бы, но я поняла и сама, без их слов, что никогда не пойду дальше жалкой ученицы. А для несостоявшихся учеников во всем мире нет крова.

— Но вы живете в колдовском замке.

— Из милости. Из искренной и сердечной милости. Потому что я из рода Вольферта. Когда мои родители умерли от чумы, пролетевшей по сельской местности, Кутберт в первый и единственный раз вышел из замка и взял меня как потомка своего лучшего друга, которого, как я теперь знаю, в то время уже не было в живых. Все это мне потом рассказал Кутберт, потому что тогда я была слишком мала, чтобы что-нибудь помнить. Он привез меня сюда. Я любила их всех и пыталась научиться их мастерству, но не смогла. Они не только взяли меня сюда и заботились обо мне, но и отдали мне старого Хуберта, грифона, который принадлежал Вольферту. Мой прадед оставил его здесь, поскольку не мог взять с собой.

— Настанет день, когда Кутберт умрет, — тихо сказал Дункан. — Что будет тогда с вами? Вы так и останетесь здесь?

— Не знаю. Я стараюсь не думать об этом. Без

Кутберта мне здесь будет очень одиноко. Не знаю, что я буду делать. Для меня нет места в мире, я не привыкла к миру и не знаю, что мне в нем делать. И я не смогу долго скрывать, что во мне кровь колдунов, и боюсь, что внешний мир не будет дружелюбен ко мне, когда узнает, кто я.

— Да, мир бывает жестоким, — согласился Дункан. — Хотел бы я сказать обратное, но не могу.

Она наклонилась к нему и быстро поцеловала его щеку.

— Мир может быть и добрым. Вот вы были добры ко мне. Вы с таким чувством говорили о моих проблемах.

— Спасибо, миледи, — серьезно сказал Дункан, — за ваши слова и за поцелуй. Он был очень милым.

— Вы смеетесь надо мной!

— Ничуть, Диана. Искренняя благодарность за то, чего я вовсе не заслужил.

— Кутберт выразил желание увидеть вас, — сказала она, переводя разговор в другое русло.

— Только поскорее. Мы слишком задержались здесь. Нам надо продолжать путь.

Она почему-то заволновалась.

— Зачем так скоро? Отдохните несколько дней. У вас были нелегкие минуты, вам нужен отдых.

— Нас и так задерживали многие неприятности, а мы должны добраться до Оксенфорда.

— Оксенфорд подождет.

— Простите, миледи, но я думаю иначе.

Она быстро встала.

— Надо посмотреть, как там Кутберт. Его нельзя надолго оставлять одного.

— Я пойду с вами. Вы говорили, что он хотел меня видеть.

— Не сейчас. Я позову вас, когда он будет готов встретиться с вами.

Глава 23

Когда Дункан шел по большому холлу, его окликнул Скрач.

— Вы не торопитесь, сэр? Не уделите ли мне немного времени? С вашей стороны было бы благодеянием, если бы вы поболтали со мной.

Дункан изменил курс и подошел к колонне демона.

— Леди Диана пошла посмотреть, как поживает колдун, а мои товарищи, видимо, заняты своими делами, так что я могу потратить немного времени на тебя.

— Вот и прекрасно, — обрадовался демон. — Но вам вовсе не обязательно стоять и вытягивать шею, чтобы смотреть на меня. Если вы поможете мне спуститься, мы сядем на каменную скамью в двух шагах отсюда. Моя цепь достаточно длинна.

Дункан протянул руки. Демон наклонился, Дункан взял его за талию и помог опуститься.

— Кабы не искалеченная нога, я бы сам спустился, — сказал Скрач. — Вообще-то я часто это делаю, но как — смотреть противно.

Он показал сведенные артритом руки.

— Они тоже не держат.

Они уселись рядом на скамью. Скрач дергал копытом, и цепь звякала.

— Я вам обяснял однажды, что меня зовут Скрач — официально юнг Скрач, но ни в коем случае не олд Скрач, поскольку это вульгарное наименование его милости, ведающего адскими операциями. Имя мое мне не нравится. Собачье какое-то. Даже грифон получил честное имя Хуберта, это вам не Скрач. Много лет сидя на своей колонне, я думал, какое имя я хотел бы носить, и в конце концов нашел такое, которым мог бы гордиться: Вальтер. Отличное имя и звучит так округло. Солидное честное имя, подходящее для солидного существа.

— Вот, значит, как ты проводишь время: придумываешь себе новое имя. Неплохой способ.

— Я думаю не только об этом, — возразил Скрач. — Я думаю о том, что было бы, если бы события пошли иначе. Отработал бы я учеником и был теперь старшим демоном, а может быть, и младшим дьяволом. Может, стал бы потолще, но вот в росте вряд ли прибавил бы. Я, знаете, коротышка, наверное, от этого все мои беды. Что путного может сделать коротышка? Ему предопределен провал.

— Ты, похоже, философски относишься к своему

положению. Ты не накопил горечи, а многие накопили бы. И ты не скулишь, чтобы тебя жалели.

— А что изменится, если я стану злиться и скулить? Меня и так не очень любят, а хнычущих совсем уж не терпят. Впрочем, что говорить о любви? Кто станет любить демона? Некоторые жалеют, но жалость — это не любовь. А большинство смеются над моим сломанным хвостом и прочими уродствами. А смех, милорд, тяжело переносить. Если бы они чувствовали страх или даже отвращение, мне было бы легче.

— Я не смеюсь над тобой, — сказал Дункан, — и не испытываю чрезмерной жалости, но и не уверяю, что люблю тебя.

— Я этого и не ожидаю, — отозвался демон. — Если бы человек говорил, что любит меня, я подозревал бы какую-то тайную причину.

— Поскольку я признаюсь, что не испытываю любви к тебе, и ты не ставишь мне этого в вину, могу я задать тебе один честный вопрос?

— Буду рад.

— Что ты можешь сказать мне об орде зла? Я думаю, что ты кое-что слышал от колдунов.

— Слышал. Мне кажется, вы кое-что знаете и сами. Вы же не так давно сражались с ордой.

— Лишь с небольшой частью, в основном, с

безволосыми, хотя там были и другие. Я не знаю, много ли их и сколько видов.

— Безволосые, если я правильно понял суть вашего выражения, — пояснил Скрач, — это пехота, стражники для грязной работы. В каком-то смысле они не подлинное зло, не члены орды. Это кости и мышцы, в них очень мало, а может быть и вовсе нет магии.

— А остальные? Я говорил с одним типом, который видел их. Он рассказывал о бесах и демонах, но думаю, он пользовался знакомыми названиями, общими для злых сил. В нашей схватке по ту сторону стены я убил одного из таких, а Тайни убил другого. Они не были ни бесами, ни демонами, но я не знаю, кто они.

— Вы совершенно правы, — подтвердил Скрач, — они не бесы и не демоны. Бесы и демоны из нашего мира, а эти пришли со звезд. Это отродье других миров, которые как я подозреваю, не похожи на наш. Отсюда вывод, что зло, которое они сеют, не похоже на земное зло. У них немыслимое количество форм. Самые чуждые — просто сгустки живой крови. Их мотивы, привычки и образ действий тоже, я полагаю, не соответствует земным злым существам. Вы столкнулись с таким созданием, какого не могли вообразить, да и

вряд ли возможно вообразить такое.

— Мне сказали, что это не орда, а улей. Что это значит?

— Не знаю. Я, как вы понимаете, знаю о них только по слухам.

— Понимаю. Но вот насчет улья. Как-то я разговаривал с почтенным пчелиным мастером, и он рассказал мне, как роятся пчелы. Есть тут что-то похожее?

— Мне посчастливилось слышать один разговор, правда, очень короткий. Вполне возможно, что он относится к этому делу о роении.

— Расскажи, пожалуйста.

— В то время, когда орда опустошала этот район и собиралась разорять Северную Британию, члены орды иной раз складывались как бы в одну живую массу. Вроде как пчелы. Те, кто говорил, слышали об этом от различных наблюдателей и были в большом недоумении относительно этих действий орды. А в другое время отдельные члены орды, когда не занимались разрушением, держались по отдельности или очень небольшой группой. Но перед разрушением, как говорили наблюдатели, они обязательно собираются в большой рой…

— Постой, погоди минутку. Мне говорили, что

орда, опустошая местность, создает себе условия для процесса омоложения.

— Знаете, — возбужденно сказал Скрач, — пожалуй, в этом что-то есть. Я никогда не слышал о ритуалах омоложения, но они вполне возможны. Общий сбор всего зла, личный контакт каждого с каждым, и из этих контактов может возникать неизвестная сила, обновляющая их. Как вы считаете? По-моему, звучит резонно.

— Я тоже так думал и рад, что ты разделяешь мое мнение.

— Это объясняет роение.

— Пожалуй. Хотя тут так много факторов, так много того, чего мы не понимаем и вряд ли поймем.

— Правильно, — согласился Скрач, — но все-таки это хорошая гипотеза. Ее стоит разработать. Вы говорили с Кутбертом. Что он думает об этом?

— Мы не говорили о роении. Я высказал теорию омоложения, но он, кажется, мало об этом думал. Он сказал, что орда боится чего-то и, возможно, собиралась воедино, чтобы ударить, но по каким-то причинам не решилась. Скажи мне вот что, Скрач: если бы тебе пришлось принимать чью-то сторону в этом деле и нельзя было бы уклониться, чьей стороны ты стал бы держаться?

Демон подергал копытом.

— Вам покажется странным, но если бы я был вынужден выбирать, я стал бы на сторону людей. Может, я унаследовал зло, но зло человеческое или, по крайней мере, земное. Объединиться с чужим злом я просто не в силах. Я их не знаю, они меня не знают, мне было бы неуютно с ними. Зло есть зло, но у него разные варианты, которые не всегда можно совместить.

Послышались шаги. Дункан обернулся.

Диана, все еще в зеленом платье, как бы плыла по ступеням лестницы.

Дункан встал. Скрач тоже поднялся

— Скрач, — осведомилась Диана, — зачем ты сошел со своего столба?

— Миледи, — обяснил Дункан, — я просил его спуститься и посидеть со мной. Для меня это удобней, иначе я должен был бы стоять, задрав голову, чтобы видеть его.

— Он не надоел вам?

— Отнюдь нет. Мы приятно побеседовали.

— Полагаю, что мне лучше вернуться обратно, — заметил Скрач.

— Подожди, — повернулся к нему Дункан, — я тебе помогу.

Он поднял демона, чтобы он мог держаться

своими искривленными руками и забираться наверх.

— Мы с тобой хорошо поговорили, — сказал Дункан, — спасибо.

— Вам спасибо, милорд. Мы еще поговорим?

— Почти наверняка, — ответил Дункан.

Он повернулся к Диане. Она стояла у входной двери, ожидая его.

— Я подумала, не пройтись ли нам. Я показала бы вам окрестности.

— С наслаждением. Очень мило с вашей стороны.

Он предложил ей руку, и они стали спускаться по ступеням высокого крыльца.

— Как чувствует себя Кутберт? — Спросил Дункан.

— Хуже, чем вчера. Я беспокоюсь о нем. Он кажется каким-то неразумным. Сейчас он уснул.

— Может быть, мой визит…

— Нет, вы тут ни при чем. Его нездоровье усиливается с каждым днем. Случаются хорошие дни, но не часто. По-видимому, ему стало плохо, когда я уезжала. Я бы не оставила его, но он сказал, что с ним все в порядке и он обойдется без меня.

— Вы его очень любите?

— Он был для меня отцом с тех пор, как я была

младенцем. Нас только двое.

Они шли по тропинке парка позади замка.

— Вы, конечно, считаете, что я груба со Скрачем, — сказала Диана.

— Мне кажется, чуточку грубы. Неужели он не имеет права спуститься со столба и посидеть на скамейке?

— Он всем надоедает. Теперь посетители у нас редки, но в былые времена в замок приезжали многие, и он всегда приставал ко всем, чтобы они слушали его глупую болтовню. Кутберт считал — да, наверное, и не он один — что Скрач не в себе.

— Понятно. Но он, в сущности, в полном порядке. Конечно, я не знаток в демонах…

— Дункан…

— Да?

— Давайте бросим этот дурацкий разговор. Мне надо кое-что сказать вам, и если я не скажу сейчас, потом у меня не будет сил.

Она остановилась у поворота тропинки.

Он встал перед ней и увидел бледное и осунувшееся лицо.

— Надеюсь, ничего плохого?

Он был испуган ее видом.

— Как сказать. Помните, час тому назад вы собирались скоро уходить, а я ответила — не

торопитесь, отдохните.

— Да, помню.

— Я должна была сказать вам тогда, но не смогла и ушла, чтобы собраться с духом.

Он хотел что-то спросить, но она жестом остановила его.

— Я не могу ждать. Я должна сказать сейчас. Дункан, дело в том, что вы не можете уйти. Вы никогда не выйдете из замка.

Он слушал, но слова не доходили до него, он не мог им поверить.

— Этого не может быть, — проговорил он. — Я не могу…

— Я не могу объяснить. Но вы не сможете уйти. И никто не может вам помочь. Это часть колдовства, и его нельзя разрушить…

— Но вы же говорили, что у вас бывали гости. И вы сами…

— С помощью магии, личной магии, а не чьей-нибудь другой. Это тайное знание, которое каждый держит в себе. Наши гости имели это знание, эту магию, и у меня есть немного этого личного знания…

— А поскольку ни у кого из нас этой магии нет…

Она кивнула. На глазах ее выступили слезы.

— И вы не можете помочь нам? И колдун не поможет?

— Никто не может помочь. Только ваши личные способности.

В нем внезапно вспыхнула злоба и ослепила его. Он закричал:

— Какого черта вы тогда зазвали нас в замок? Вы знали, что случится. Вы знали, что мы попадем в западню. Вы знали…

Он остановился, потому что усомнился, слышит ли она его. Она открыто плакала, опустив голову, одиноко стояла и плакала.

Затем она подняла заплаканное лицо и, рыдая, закричала:

— Вы были бы убиты! Вы разбили строй разрушителей, но они собрались бы снова. Это было только минутное затишье. Они снова стали бы охотиться на вас, как на диких зверей! Понимаете? Пожалуйста, поймите!

Она сделала шаг к нему. Он обнял ее и прижал к себе. Она опустила голову на его грудь, все ее тело тряслось от рыданий.

— Я не спала прошлую ночь, все думала об этом и не знала, как я скажу вам. Я хотела просить Кутберта, чтобы он вам сказал, но потом решила — это не дело. Я виновата, и должна сказать вам.

И вот я...

Глава 24

Выслушав Дункана, все долго сидели молча. Мэг заговорила первая, пытаясь подбодрить остальных.

— Ну, не знаю, это не так уж плохо. Есть куча куда более скверных мест, где старый мешок вроде меня мог прожить остаток своих дней.

Никто не взглянул на нее. Конрад зашевелился и сказал:

— Вы говорили, что она кое-что понимает в тайном искусстве. Может, и мы можем научиться?

— Я не очень хорошо понял, — ответил Дункан, — но, кажется, это специфическое знание. Не каждый из нас может научиться этому искусству, а возможно, и никто. И кто будет нас учить? Кутберт стар и чуть жив. Диана сама знает слишком мало. Я бы даже сказал, что у нее не знания, а врожденные способности, позволяющие ей приходить и уходить.

— Наверное, так, — согласился Конрад. — Да и в любом случае это заняло бы слишком много времени, а у нас его нет.

— Да, у нас его нет. Двое умирающих — один здесь, другой в Оксенфорде.

— А как насчет Тайни, Дэниела и Бьюти? Они же не могут научиться, а мы не оставим их здесь. Они — часть нас.

— Мы, вероятно, могли бы взять их с собой, — ответил Дункан. — Не знаю, конечно, но ведь грифон может улетать и возвращаться, а он тоже не знает искусства.

— Если здесь некому учить нас, — сказал Эндрю, — то есть книги. Я сегодня обнаружил библиотеку. Громадная комната, и уйма написанного.

— Это слишком долго, — возразил Дункан. — Мы будем рыться в куче свитков, не зная что искать. И вести нас некому. И еще проблема языка. Я подозреваю, что многие книги написаны на древних языках, которые теперь мало кто знает.

— Для меня лично, — проговорил Эндрю, — такой поворот событий не великая трагедия. Если не будет другой возможности, я охотно останусь тут. Место приятное, и я могу заниматься своим делом, как и в любом другом месте. Но вот у вас, я знаю, дело великой важности, и вам надо идти в Оксенфорд.

Конрад ударил дубиной об землю.

— Мы должны уйти. Должен быть какой-то способ, только я его не вижу.

— И я тоже, — отозвался Дункан.

— У меня было предчувствие, — сказал Эндрю, — не точно этого события, но того, что дело неладно. Когда я увидел птиц и бабочек…

— При чем тут, к дьяволу, птицы и бабочки?

— В лесу, сразу за стоячими камнями, птицы на ветвях не шевелятся, сидят, как мертвые, а с виду живые. И бабочки сидят и не двигаются. А потом я заметил, что на них тонкая пленка пыли. Значит, они здесь очень давно. Я подумал, что лес — часть очарованного мира и время здесь остановилось для всех, кроме людей и Хуберта. Все здесь точно такое, как было, когда замок был построен с помощью колдовства.

— Остановка времени, — пробормотал Дункан. — Да, это может быть. Замок новенький, стоячие камни тоже.

— Но снаружи, — возразил Конрад, — из того мира, который мы оставили, замок весь разрушен, камни повалены. Что вы думаете об этом, милорд?

— Колдовство, — отозвалась Мэг. — Очень сильные чары.

— Но мы разбили чары, наведенные на нас у болота, — сказал Конрад.

— То были слабые чары, — пояснила Мэг, —

предназначенные только для того, чтобы смутить нас, сбить с дороги. А здесь настоящее крепкое колдовство, тщательно, мастерски сделанное.

Дункан понимал, что она права. Такие чары им не разбить. Они сидели на нижней ступени крыльца. Перед ними тянулся бархат лужайки.

Дэниел и Бьюти недалеко от стоячих камней набивали животы сочной травой.

Грифон все еще лежал на том же месте, где и раньше. Отяжелев с годами, он старался не двигаться зря.

— Где Тайни? — Спросил Дункан.

— Где-то здесь. Я недавно видел его, он выкапывал мышь, — ответил Конрад.

«Вот и мы в мышеловке, — подумал Дункан. — Манускрипт не только не попадет в Оксенфорд, но и пропадет для человечества. Только и останется, что две копии, сделанные в аббатстве.» Его отец и архиепископ будут ждать известий о нем и о Конраде, но никогда не получат их. Хотя нет, есть способ доставить им известие, Диана может отвезти словечко в Стендиш Хауз, может отвезти и манускрипт.

Может, кто-нибудь еще успеет съездить с ним в Оксенфорд. Не через разоренные земли, этот путь чересчур опасен и мало надежды по нему

пройти, а морем, хоть там и пираты.

Может быть, еще хватит времени собрать флотилию боевых кораблей, набрать воинственных матросов и пройти через пиратские заставы.

— Милорд! — Позвал Конрад.

— Да?

— Не знаю, как и сказать…

— Какие церемонии между нами? Говори, в чем дело.

— Орда не хочет пустить нас в Оксенфорд. Ну, может быть, не именно в Оксенфорд, а вообще куда бы то ни было. Они пытались задержать нас на каждом повороте, и вот мы задержаны всерьез и больше им не мешаем.

— Это правда. И что ты думаешь?

— Леди Диана.

— Что леди Диана?

— Может, она связана с ними и это был всего лишь хитрый трюк?

Дункан вспыхнул, открыл было рот, но вовремя прикусил язык.

— Не думаю, — быстро сказал Эндрю. — Не может этого быть. Она дважды помогала нам в сражении. Она не стала бы этого делать, будь она в сговоре с ордой.

— Пожалуй, ты прав, — согласился Конрад, —

но это надо рассмотреть со всех сторон.

В наступившем молчании Дункан опять вернулся мыслями к плану отправить манускрипт в Оксенфорд какой-нибудь другой дорогой. Да, Диана без лишних вопросов отвезет манускрипт в Стендиш Хауз, расскажет там, что случилось с Дунканом и Конрадом, но как насчет отправки манускрипта морем? Отец и архиепископ рассматривали этот вопрос и, похоже, признали это дело невыполнимым. «Постой, — сказал он себе, — если Диана может отвезти манускрипт в Стендиш Хауз, она точно так же может слетать в Оксенфорд, передать манускрипт Вайсу и привезти ответ.»

Нет, это все фантастические попытки найти решение проблемы. Он не может отдать манускрипт Диане и никому вообще, кроме Конрада.

Кому, кроме Конрада, он мог здесь доверять? Диана заманила его и его отряд в этот колдовской круг, а теперь уверяет, что ей очень жаль, даже плачет. Но выражение печали легко изобразить, слезы тоже.

Но дело не только в этом. Манускрипт был отдан на хранение ему и должен у него оставаться. Он один несет ответственность за документ и ни с кем не может делить ее. В поисках выхода он

на минуту забыл о священной клятве, которую он дал его преосвященству, получая из его рук пергамент.

— Вот еще что — сказал Конрад. — Не поможет ли нам демон? Может, у него за пазухой есть пара трюков? Если обратиться к нему и обещать в уплату освобождение…

— Я не стану иметь дело с демоном, — отказался Эндрю. — Мерзкая скотина.

— А по-моему, — возразил Дункан, — он вполне приличный малый.

— Ему нельзя верить, — настаивал Эндрю. — Он обманет вас.

— Ты говорил, что и Снупи нельзя верить, — напомнил ему Конрад, — однако если бы мы обратили больше внимания на слова Снупи, мы не были бы здесь. Он предупреждал нас насчет замка, говорил, чтобы мы и близко не подходили к нему.

— Делайте, как хотите. А меня увольте. Я не стану сговариваться с демоном из ада.

— Но, может, он знает способ, как помочь нам.

— Он потребует плату. Помяните мое слово, придется платить.

— Я готов заплатить, — сказал Конрад.

— Но не ту цену, которую он спросит, — возра-

зил Эндрю.

«Плохо дело, — подумал Дункан. — Скрач вроде бы приличный парень, хотя кто его знает. Но вряд ли он сможет помочь.»

Никто не сможет. Диана, если бы могла, открыла бы им путь. А если она не может, то не может никто. Колдовство такого рода наверняка имеет «защиту от дурака».

Дело закрыто, все предприятие рухнуло. Они не выйдут из замка, последняя надежда человечества, как выразился архиепископ, угаснет.

Дункан тяжело поднялся и пошел наверх.

— Куда вы, милорд? — Спросил Конрад.

Дункан не ответил, потому что ответа не было. Он сам не знал, куда идет и зачем. Он об этом не думал, знал только, что должен от чего-то уйти.

Он медленно поднимался и почти дошел до двери, когда услышал вопль непереносимого ужаса, полукрик, полувой осужденной души, смешанный с визгом дикого страха. Испуганный Дункан остановился.

Крик шел откуда-то из замка. Первая мысль Дункана была о Диане, но это кричала не она: слишком низкий и горловой звук для женщины. «Значит, это Кутберт», — подумал Дункан и, преодолевая ужас, бросился к дверям. Вбежав в холл,

он увидел Кутберта.

Старик бежал вдоль балкона над холлом. Он был в своем ночном одеянии. Руки его были подняты вверх как бы от ужасного страха, а лицо так искажено, что почти не походило на человеческое. С покрытых пеной губ срывались вопли. Он вдруг вскочил на балюстраду, окружавшую балкон, и бросился вниз, крутясь в пустоте. Его вопли слились в один непрерывный визг, кончившийся только тогда, когда тело ударилось о плиты пола.

Дункан подбежал, опустился на колени и хотел поднять тело, но остановился, увидев ручеек крови. Он осторожно повернул тело, увидел, что стало с головой, и снова перевернул его лицом вверх.

С лестницы бежала Диана, но Дункан вскочил на ноги и быстро загородил ей дорогу.

— Не смотрите, — резко сказал он. — Вам не надо смотреть.

— Но Кутберт…

— Он умер, — сказал Дункан.

Он поднял голову, услышав наверху треск. Часть балюстрады закачалась и обрушилась. Осколки камня разлетелись по полу. Откуда-то изнутри замка раздался стонущий звук.

Затем один из столбов, поддерживавших балкон, сам собой отделился от стены и стал медленно падать по дуге, будто решил лечь одохнуть. Он со страшным грохотом ударился о пол и покатился, давя осколки балюстрады.

— Уходите отсюда! — Раздался крик Конрада. — Этот проклятый замок разваливается!

Из глубины замка слышались стоны надвигавшегося камня. Стоны указывали на невидимые трещины.

Каменные блоки стен холла расшатывались и двигались, стены корчились.

— Милорд! — Кричал Конрад. — Уходите!

Дункан, как во сне, пошел к выходу, таща за собой Диану. Позади раздался громовой треск: замок продолжал рушиться.

Мэг бежала к выходу, за ней Эндрю. Конрад подскочил к Дункану, намереваясь схватить его и побыстрее вытащить, но тут по холлу пронесся крик:

— Помогите! Не оставляйте меня здесь!

Дункан круто повернулся, не выпуская Диану.

Скрач спрыгнул со своего пьедестала и стоял спиной к ним. Он держал руками цепь и пятился, тщетно пытаясь выдернуть ее из камня.

Дункан повернул Диану к выходу и закричал:

— Бегите и не оглядывайтесь!

Он бросился к демону, но Конрад опередил его, оттолкнул демона в сторону и, взявшись обеими руками за цепь, откинулся назад, чтобы всем весом своего массивного тела воздействовать на вделанную в камень скобу. Звенья цепи визжали от напряжения, но не поддавались.

Дункан тоже взялся за цепь.

— Давай! — Сказал он.

Но и от их двойных усилий скоба не шевельнулась.

— Не получается… — Конрад задыхался. — Мы ее не вытащим.

— Натяни-ка цепь потуже, — сказал Дункан.

Он взмахнул мечом и со всей силы ударил по цепи. Но меч скользнул по звеньям без результата. Дункан бил, сыпались искры, но цепь оставалась целехонькой.

Одна стена холла уже упала, камни сыпались с потолка и отскакивали от пола. В воздухе носилась каменная пыль, весь пол был усеян мелкими осколками.

Дункан подумал, что еще минута — и все сооружение обрушится на них.

— Оставьте эту проклятую цепь, — причитал демон, — рубите мне копыто, что-бы освободить

меня.

— Он прав, — буркнул Конрад. — Это единственный способ. Срубите к чертям ему ногу.

Дункан повернулся к демону.

— Ложись и вытягивай ногу.

Скрач растянулся на полу и вытянул ногу. Дункан поднял меч, но кто-то толкнул его. Это был Эндрю.

— Уйди с дороги! — Крикнул Дункан. — Дай мне место!

Но Эндрю не отошел. Он занес над головой посох и с размаха опустил его на натянутую цепь. Она распалась на мельчайшие кусочки металла. Держа посох в правой руке, Эндрю схватил демона за руку другой и потащил к дверям.

— Бежим! — Крикнул Конрад.

Дункан и он помчались за Эндрю, который бежал вприпрыжку с удивительной скоростью, волоча за собой демона. Скрач умолял отпустить его, уверяя, что он может бежать и сам.

Едва они успели проскочить к двери и стали спускаться по лестнице, как холл обрушился с громовым ревом. Облако пыли и мелких осколков вырвалось из дверей.

Эндрю выпустил Скрача. Демон, несмотря на искалеченную ногу, быстро ковылял вниз. На

лужайке стояла на коленях Мэг и крепко держала Диану, чтобы помешать ей броситься в замок. А тот продолжал разрушаться. Центральная башня уже упала, стены дрожали. Дункан подбежал к Диане и схватил ее за руки.

— Вы не можете вернутся туда.

— Кутберт! — Кричала она.

— Она хотела бежать туда, — сказала Мэг, — но я держала ее изо всех сил. Она чуть не вырвалась.

— Теперь все в порядке, — сказал Дункан. — Мы все вышли.

Он взял Диану за плечо и потряс.

— Все кончено. Мы не можем и не могли ничем помочь ему. Он умер, когда упал.

Дэниел и Бьюти стояли рядышком у парка и смотрели, как рушится замок. Тайни, прижав уши и вытянув хвост, выбежал из парка. Грифона нигде не было.

Скрач стоял перед Эндрю и кланялся.

— Благодарю вас, преподобный отец, за мое освобождение. У вас поистине чудотворный посох.

Эндрю поперхнулся, будто проглотил что-то очень противное. На лице его выразилось отвращение, и он выглядел так, словно вот-вот упадет

замертво.

— Я боялся не смерти, — продолжал Скрач, — я сомневаюсь, что могу умереть. По-моему, я бессмертен, я боялся худшего чем смерть. Замок обрушился бы на меня, и я остался бы под этими камнями до тех пор, пока время не обратило бы их в пыль…

Эндрю квакнул и замахал руками, отгоняя демона.

— Оставь меня, — умолял он. — Отыди, дьявольский дух. Я не хочу тебя видеть.

— Вы даже не хотите моей благодарности?

— Меньше всего я хочу твоей благодарности. Я ничего не хочу от тебя. Прошу только — забудь все.

— Послушай, Эндрю, — подошел к нему Конрад, — этот бедняга пытается выразить тебе свою благодарность, и тебе не подобает держаться так по отношению к нему. Пусть он демон, но ты должен признать, что чувство благодарности делает ему честь. И он правильно говорит: посох у тебя — чудо. Почему ты раньше не говорил, что он обладает такой властью?

— Убирайся! — Взвыл Эндрю. — Все убирайтесь! Я не хочу, чтобы вы на меня глазели, чтобы вы были свидетелями моего позора!

Он повернулся и убежал в парк. Конрад хотел пойти за ним, но Дункан удержал его.

— С ним что-то неладно! — Запротестовал Конрад.

— Со временем он сам скажет, а сейчас он хочет остаться один. Дайте человеку время.

Диана отодвинулась от Дункана и взглянула на него уже спокойными глазами.

— Теперь я в порядке. Теперь всему конец. Я понимаю, что случилось. Со смертью последнего колдуна кончились чары.

Ярко сиявшее солнце было еще на полпути к западу, а здесь было темно, как ночью. Замок трещал, и в глубокой темноте он был уже не замком, а грудой щебня, еще стояли только две башни. Туман белой каменной пыли затянул обломки.

Конрад дернул Дункана за рукав.

— Посмотрите на стоячие камни.

Дункан взглянул. Камни уже не стояли, часть их упала, некоторые сильно покосились. Он снова оглянулся на замок и в лунном — лунном! — Свете увидел курган таким, каким они увидели его, когда вышли из расселины, где голос ветра кричал: «святой!»

— Все кончено, — повторила Диана. — Умер последний колдун, чары исчезли, и замок стал мо-

гильным холмом, каким он был целые столетия.

— Огни! — Сказал Конрад.

Действительно, множество костров горело в темноте между бывшим замком и холмами.

— Орда? — Спросил демон. — Она ожидает нас?

— Вряд ли, — отозвался Дункан. — Орде не нужны костры.

— Вполне может быть, — продолжил Конрад, — что это Снупи и его парни.

— Тебе не обязательно оставаться с нами, — сказал Дункан Скрачу. — Мы не требуем платы за твое освобождение и ничего не ждем от тебя. Если ты хочешь идти куда-нибудь…

— Вы хотите сказать, что не желаете моего общества?

— Нет, этого я не имел в виду. Если хочешь оставаться с нами — добро пожаловать.

— Я сомневаюсь насчет отшельника. Он будет несчастен, если я останусь, хотя я не понимаю…

— Он драматизирует, — заметил Конрад. — Подождем немного, и он придет в себя.

— Мне некуда идти, — вздохнул Скрач. — У меня нет друзей. А вам я, может быть, пригожусь. Я могу прислуживать.

— Ну и оставайся, — решил Дункан. — Наша

компания становится все более разнообразной, так что мы можем принять и демона.

Тут Дункан почувствовал, что под его ногами грубая земля, а не мягкая лужайка. Где-то далеко кричала сова, а в холмах за курганом раздавался волчий вой.

«Спасены, — думал Дункан, — выскочили из пасти бедствия благодаря столь неожиданным событиям. Кутберт совершил самоубийство то ли непреднамерено, то ли в припадке безумия — теперь не узнаешь. Но это было самоубийство. Он сам бросился с балкона вниз.»

Диана подошла к Дункану, крепко взяла его за руку и прислонилась головой к его плечу.

— Мне очень жаль, — проговорил он, — что все произошло именно так.

— Я должна была знать, что дни Кутберта сочтены, а вместе с ним уйдет и замок. Это знание было где-то в глубине моего мозга, но я не позволяла себе думать об этом.

Он крепче прижал ее к себе, стараясь как-то успокоить, и смотрел на покосившиеся стоячие камни и на костры вдоль склона.

— Видимо, их тут много, — сказал он. — Снупи говорил, что соберет армию.

— Дункан, вы не видели Хуберта? — Спросила

Диана.

— Нет. Наверное, он где-нибудь здесь. Может, он ушел с Дэниелом и Бьюти.

— Едва ли. Я думаю, что я потеряла его. Он был грифоном замка и так долго жил здесь.

— Когда рассветет, мы поищем его. Может, он заблудился в темноте.

— Кто-то идет, — предупредил Конрад.

— Я никого не вижу.

— За стоячими камнями. Наверное, Снупи. Я думаю, надо пойти им навстречу. Они не захотят обойти камни. Они знают, что что-то случилось, но не знают, что именно.

— Теперь здесь нет опасности, — сказала Диана.

— Но они этого не знают, — возразил Конрад.

Он пошел по склону. Дункан с Дианой последовали за ним. Пройдя между стоячими камнями, они увидели несколько маленьких фигурок, которые стояли и ждали их.

Одна фигура шагнула вперед и голос Снупи сказал с упреком:

— Я предупреждал вас. Почему вы не послушались? Я говорил вам, чтобы вы остерегались этого замка.

Глава 25

Снупи стоял на коленях у костра и очищал рукой пространство на земле.

— Смотрите, — сказал он, — я нарисую карту.

Дункан стоял рядом, смотрел на гладкий участок земли и вспоминал, как гоблин рисовал им карту в приделе церкви.

Снупи взял прутик и изобразил на земле кружок.

— Мы здесь.

Он нарисовал ломаную линию по северному краю карты.

— Это холмы.

На юге он изобразил извилистую линию.

— Это река.

Он провел размашистую полосу, идущую к югу, а затем поворачивающую на запад с петлей к северу.

— Топь, — узнал Конрад.

Снупи кивнул, пробежал рукой с прутом по линии холмов, изогнул ее к востоку, сделал петлю и продолжал к югу волнистую линию реки.

— Орда, — сказал он, — вытянулась вдоль этой линии. Они окружили нас с севера, с востока и

юга. В основном, там безволосые, но есть и другие члены орды. Прижимают нас к топи.

— Есть ли какой-нибудь шанс прорваться? — Спросил Конрад.

Снупи пожал плечами.

— Мы не пытались. Если захотим — сможем. Мы просочимся понемногу в разных местах, и они даже не подумают задерживать нас. Мы им не нужны. Они хотят взять вас. Они потеряли вас здесь, но знают, что вы не можете перебраться через болота. Они думают, что вы прячетесь в кургане, но рано или поздно оттуда выйдете, и тогда они вас поймают. А просочиться, как мы, вы не можете.

— Ты имеешь в виду, — сказал Дункан, — что они сидят там, а мы будем сидеть здесь?

— Не совсем так, — ответил Снупи. — Я не считаю что мы будем сидеть тут. У нас есть для них немного магии, глупые ловушки, которые, конечно, не остановят но помешают, смутят, замедлят их скорость. Некоторые ловушки вроде греха. Они знают, что ловушки есть, и стараются избежать их, пока можно. Если вдоль их линии начнется движение, мы будем об этом знать.

— Но вы рискуете своими головами ради нас, — сказал Дункан, — а мы не хотим этого. Конечно,

мы рады вашей помощи, но не рассчитываем на нее.

— Я вам сказал, что мы можем уйти в любое время. Для нас здесь нет непреодолимой опасности, а для вас есть.

— Много ли здесь ваших?

— Несколько сотен. Может быть, тысяча.

— Я даже представить себе не мог, что вас соберется так много. Ты говорил, что маленький народ не питает любви к человечеству.

— Я говорил также, если вы помните, что орду мы любим еще меньше. Стоило только сказать, что маленькая группа людей выступает против орды, как новость разнеслась повсюду со скоростью лесного пожара. День за днем наш народ собирался и по одному и группами. Я не буду обманывать вас: мой народ не станет сражаться за вас до смерти. У них для битвы кишка тонка. Они никогда не были воинственными. Но они сделают все, что могут.

— И мы им за это очень признательны, — поблагодарил Дункан.

— Если бы вы обратили внимание на то, что мы вам говорили, вы были бы в лучшем положении. Я специально предупреждал вас насчет замка. Из того, что вы мне рассказали, явствует, что вы

освободились только благодаря невероятному человеческому везению.

Он покачал головой.

— Не понимаю, почему человеку так везет. Наш народ никогда не имел удачи такого масштаба.

— У нас был слишком малый выбор, — уточнил Конрад. — Если бы мы не укрылись в замке, мы были бы убиты.

— А если бы вы перебрались через реку…

— У нас не было возможности, — возразил Дункан. — Орда догнала бы нас. Они уже переформировывались, когда мы бежали.

— Из того, что мы обнаружили на поле битвы, — заметил Снупи, — явствует, что вы нанесли им немалый урон.

— Так-то так, — согласился Конрад, — но мы не продержались бы. Да и то нас спасли Диана и охотник. Неожиданная сила их атаки…

Снупи кивнул.

— Да, я знаю.

— Теперь мы будем больше прислушиваться к твоим советам, — пообещал Дункан. — Что ты посоветуешь нам?

— Ничего, — ответил гоблин.

— Совсем ничего? Вообще никакого плана?

— Я много думал, — сказал Снупи, — и все наши

тоже. Мы держали совет, говорили долго, думали очень упорно, но ничего предложить не можем. Мы здорово боимся, что вы погибнете.

Дункан повернул голову и взглянул на Конрада.

— Мы найдем способ, милорд, — ответил тот.

— Да, конечно, — согласился Дункан.

Он подумал, что, может быть, это была одна из страшных шуток маленького народа. Шутка или жестокая правда?

— Тем не менее, — продолжал Снупи, — мы сделаем для вас все, что можем. Мы уже нашли одеяло для леди Дианы, потому что ее легкое платье не защита от холода.

Вокруг костра сидело много членов маленького народа — гоблины, гномы, эльфы, духи и феи, но Дункан знал только одну, Нэн, баньши. Она сидела у самого огня, обернув себя крыльями. Ее глаза, такие черные, казались полированными драгоценными камнями, и блестели при свете костра под копной растрепанных угольно-черных волос.

Дункан пытался понять выражение их лиц, но не мог. Дружелюбия он не видел, но и ненависти тоже. Все просто сидели и ждали. Может, наблюдали за тем, что делают люди.

— Эти линии, что окружают нас, — сказал Конрад, — конечно, не вся орда.

— Нет, — подтвердил Снупи, — основная орда за топью, к западу от нее, движется по берегу на север.

— Чтобы запереть нас с запада?

— Вероятно, нет. Дух следил за ними.

— Разве дух с вами? Где он сейчас?

Снупи махнул рукой.

— Где-нибудь следит. Он и Нэн — наши глаза. Они стараются хорошо информировать нас. Я надеялся, что придут и другие баньши. Они были бы очень полезны. Но пришла только Нэн.

— Ты говоришь, что основная орда не станет блокировать нас с запада. Почему ты так считаешь?

— Дух думает, что они завтра или послезавтра пойдут дальше на север, оставив западный берег, прямо через нас. А почему ты заинтересовался? Ведь через топь вам не пройти. Там ил, глубокие омуты, зыбучие пески. Никто в здравом уме не полезет туда. Там есть бездонные места, и вы узнаете об этом, только когда попадете в них и вас засосет. Нет ни одного шанса выбраться из топи живым.

— Посмотрим, — сказал Конрад. — Если это

будет единственная возможность — рискнем.

— Если бы Хуберт был здесь, — вздохнул Дункан. — Диана могла бы патрулировать вместе с духом и Нэн. Лишняя пара глаз.

— Кто это — Хуберт?

— Грифон Дианы. Он куда-то исчез, когда замок рухнул.

— Боюсь, его уже не найти, — покачала головой Диана.

— Мы все-таки посмотрим, — обещал Снупи. — Мы постараемся восстановить все, что вы потеряли.

— Мы потеряли абсолютно все, — уточнил Конрад. — Одеяла, посуду, пищу.

— Это не проблема, — сказал гоблин. — Кое-кто из наших уже работает над кожаной одеждой для миледи. То платье, которое на ней, не годится для такого образа жизни.

— Это очень великодушно с вашей стороны, — поблагодарила Диана. — Я просила бы вас еще об одной вещи: об оружии. Мой боевой топор пропал.

— Насчет боевого топора не знаю, — ответил Снупи, — но что-нибудь другое можно. Меч, например. Я знаю, где его взять.

— Это было бы просто замечательно.

— Не знаю, какая вам польза от всего этого. Вы в западне. Я считаю, выбраться из нее невозможно. Когда орда решит двинуться, она раздавит вас, как кисть винограда.

Дункан оглядел сидевших у костра. Они кивали головами в знак согласия со Снупи.

— За всю свою жизнь не видел такой кучи трусов, — презрительно фыркнул Конрад. — Черт побери, вы готовы сдаться, даже не пытаясь что-нибудь сделать. Почему же вы не уходите? Мы обойдемся и без вас!

Он повернулся и ушел в темноту.

— Извините моего друга, — сказал Дункан сидящим у костра. — Он не из тех, кто спокойно принимает поражение.

За костром из-за дерева выглянула чья-то фигура, постояла и снова нырнула обратно. Дункан поспешил туда.

— Эндрю, что с тобой? Что случилось?

— Что вам нужно? — Жалобно спросил Эндрю.

— Я хочу поговорить с тобой. Ты ведешь себя, как капризный ребенок. Пора кончать с этим.

Эндрю вышел из-за дерева. Дункан подошел к нему.

— Ну? Что тебя гложет?

— Вы знаете.

— Да, пожалуй. Давай поговорим об этом.

Свет костра не доходил до них, и Дункан не мог видеть выражения лица отшельника.

— Вы помните, как ночью мы разговаривали в моей келье? Я рассказывал вам, как пытался стать отшельником, как читал отцов церкви, смотрел на пламя свечи, и все это оказалось напрасным. Я говорил вам, что провалился как отшельник и явно не стану хоть сколько-нибудь святым. Я много чего говорил вам, потому что был очень опечален. Нелегко человеку потратить большую часть жизни на какую-нибудь профессию, и в конце концов убедиться, что все было зря, что все надежды и мечты унесены ветром.

— Да, я помню. Думаю, что сейчас ты чуточку приукрашиваешь. Провалившийся как отшельник, ты ухватился за идею стать солдатом господа. И если уж ты стал им, ты действовал хорошо и у тебя нет причин дуться.

— Вы не понимаете.

— Обясни.

— Разве вы не видите, что все это бдение в конце концов окупилось? И это, и, возможно, все остальное, что я делал. И тот факт, что я добровольно пустился в путь как солдат господа. Я не уверен, что я святой — я не настолько нахален,

чтобы утверждать это. Даже думать так — святотатство. Но у меня оказалась сила, какой не было раньше, о которой я не подозревал. Мой посох…

— Ну да, твой посох разбил цепь демона, хотя я бил по ней мечом и ничего не было, только искры сыпались.

— Но согласитесь, что посох сам по себе не мог бы разбить цепь. То ли в посохе внезапно появилась магия, то ли в человеке, который его держал…

— Согласен. Значит в тебе есть какая-то святая сила. Так и радуйся этому!

— Но неужели вы не видите, в какую неприятность я попал?

— Боюсь, что ничего такого я не вижу.

— Первым проявлением моей силы было освобождение демона. Как вы не можете понять, что это меня мучает? Я, святой — если я святой — воспользовался этой силой впервые, понимаете ли, и для чего? Для освобождения злейшего врага святой матери церкви!

— Насчет этого не знаю, но Скрач явно не плохой парень. Он демон, конечно, но он неудачник, он не мог выполнять самые простые задачи, когда учился у черта. Потому он и удрал из ада. И доказательством тому, как мало в нем нужда-

лись, служит то, что сатана и его приближенные даже пальцем не шевельнули, чтобы вернуть его обратно.

— Вы стараетесь найти в этом хорошую сторону, милорд, — сказал Эндрю, — и я благодарен вам за внимание. Вы необыкновенный человек. Но факт остается фактом: теперь на мне черная отметка.

— Какая еще черная отметка? — Спросил Дункан с некоторым раздражением.

— Клеймо на моей душе. Никто его не видит, а я знаю. И стереть его нельзя. Я буду носить его до смерти, а может и после смерти.

— Скажи-ка ты мне вот что: почему ты ударил посохом, когда увидел, что мой меч не может разбить цепь? У тебя что, предчувствие было, какое-нибудь внутреннее озарение?

— Нет, — ответил Эндрю. — Просто мне почему-то захотелось участвовать в действии. Вы с Конрадом делали, что могли, вот и я, наверное, почувствовал, что тоже должен делать, что могу.

— Как ты думаешь, когда ты нанес столь мощный удар посохом, ты хотел помочь демону?

— Не знаю. Я не думал об этом. Но полагаю, что хотел помочь ему. Когда я осознал это, душа моя сжалась. Зачем я помогал демону? Как я мог?

Дункан схватил отшельника за плечо и крепко сжал.

— Ты хороший человек, Эндрю, лучше, чем я думал.

— Как это? Каким образом помощь демону делает меня хорошим человеком? Я думаю, что стал хуже. Это ужасно: я помог приспешнику ада, от которого все еще воняет серой.

— Тому, кто отказался от ада, — поправил Дункан. — Он отвернулся от ада, отказался от него, может, не из благих намерений, но отказался, как отказываемся ты и я. Он на нашей стороне, разве ты не понимаешь? Теперь он с нами. Пусть на нем все еще клеймо зла, но он с нами.

— Не знаю, — проговорил с сомнением Эндрю. — Я подумаю. С этим надо поработать.

— Пойдем со мной к костру, сядем у огня и с удобством поработаем над этим. Немного тепла для твоих продрогших костей и немного пищи для твоего брюха, наверное, будут нелишними.

— Да, пожалуй, я голоден. Мэг готовила кислую капусту со свиными ножками. Я мог бы их попробовать, если бы вовремя подумал об этом. Сколько лет я не ел этого кушанья!

— Маленький народ не может предложить тебе капусты и свиных ножек, но зато есть тушеная

оленина, страшно вкусная. Ее много осталось, больше, я думаю, чем вместит твое брюхо.

— Если вы думаете, что все в порядке и если они дадут мне место…

— Они будут рады, — уверил его Дункан. — Они спрашивали о тебе.

«Может это не совсем точно, но небольшая ложь не повредит», — подумал он.

— Ну, пошли.

Он обнял отшельника за плечи и повел к костру.

— Вот голодный, — сказал он Нэн. — Не осталось ли мисочки тушеного мяса?

— Больше миски, — ответила Нэн. — Больше, чем он может сесть, как бы он ни был голоден.

Затем она обратилась к Эндрю:

— Садись к огню. Сейчас я тебе подам.

— Спасибо, мэм, — сказал Эндрю.

Дункан огляделся, ища Конрада, но не увидел его. Не было также и Снупи. «Похоже, что время близко к полуночи, — подумал он. — Надо бы всем немного поспать.» Он не представлял себе, что они будут делать утром, но надо было как можно быстрее продумать план действий. Конрад, по всей вероятности, получил какую-то информацию, и было очень важно увидеться с

ним поскорее. Наверное, Конрад отошел к другому костру. Дункан пошел туда, но из темноты кустов кто-то свистнул. Дункан быстро обернулся, хватаясь за меч.

— Кто там? Покажись!

От кустов отделилась тень. Лунный свет упал на кривой рог.

— Скрач? Что ты там делаешь?

— Жду вас, — ответил демон. — Я хочу кое-что сказать. Потихоньку. Давайте присядем и поговорим.

Дункан присел на корточки против Скрача. Демон тяжело наклонился:

— Я слушал, — сказал он. — Мы в опасности.

— Это не ново. Мы все время в опасности.

— Но на этот раз мощные силы окружили нас со всех сторон.

— Это правда.

— И нет возможности вырваться?

— Маленький народ говорит, что нет. Но мы не вполне согласны с этим.

— Есть путь через топь.

«Но как? — Подумал Дункан. — Чем может помочь демон? Что он знает о топи, пробыв целые столетия в замке.»

— Вы мне не верите, — понял демон.

— Трудно верить. Откуда тебе знать?

— Я говорил вам, что когда-нибудь расскажу о своих приключениях, и сделать это так и не пришлось.

— Говорил. Я буду рад выслушать твой рассказ, но не сейчас. Я иду искать Конрада.

— Сейчас я расскажу только часть. Когда я удрал из ада, в человеческих кругах прошел слух, что здесь есть беглый демон, на которого защита старого Скрача не распространяется, так что его может поймать любой желающий. За мной начали охотиться. Вот тогда я и познакомился с этой топью. Я прятался тут несколько лет, пока не решил, что я спасен, что все про меня забыли, что след мой остыл. Я вышел из топи и почти немедленно был схвачен.

— Но топь — это смерть, как я слышал.

— Если знать дорогу…

— А ты знаешь?

— Мне показал ее водяной эльф, ворчливый маленький эльф. Он пожалел меня. Пройти можно, но с большой осторожностью. Есть определенные ориентиры.

— Но ведь ты был здесь очень давно. Отметки могли измениться.

— Только не эти. Там есть острова.

— Острова тоже меняются. Они могут всплывать и погружаться.

— В топь спускались холмы и остановились. Но более древняя их часть, разрушившаяся, стала островами. Острова крепкие, целиком скалистые, они не могут осесть. Между ними под водой идет каменный гребень, соединяющий их. По этому гребню вы можете перейти топь. Но его под водой не видно, надо знать.

— Глубоко?

— В самых глубоких местах мне по шею.

— Через всю топь? К западному берегу?

— Именно, милорд. Часть древних холмов, скрытый гребень. Но есть и обманчивые места.

— И ты их узнаешь?

— Убежден. У меня хорошая память.

— Ты поведешь нас?

— Уважаемый сэр, я должен вам и даже не надеялся когда-нибудь расплатиться. Я покажу вам дорогу через болото, и это будет лишь малой частью оплаты. Но если вы примете…

— Конечно, примем. Если события потребуют…

— Какие события?

— Может случиться, что основная орда разрушителей заблокирует наш путь. Они идут по западному берегу топи. Если они пойдут дальше

к северу, как они, похоже намереваются, мы с твоей помощью перейдем топь и избавимся от них.

— Еще одно.

— Да?

— У западного края топи есть большой остров, больше других. Он охраняется драконами.

— Почему?

— Этот остров — место плача, место оплакивания мира.

Глава 26

Диана, Мэг и Нэн сидели у костра чуть в стороне от остальных, когда Дункан вернулся, ведя за собой хромавшего Скрача.

Неподалеку спал, растянувшись на земле, Эндрю. На коленях Дианы лежал длинный узкий сверток черного бархата.

Мэг окликнула Дункана.

— Вы только посмотрите, что у Дианы! Посмотрите, что дал ей Снупи!

Дункан повернулся к Диане. Она улыбалась, глаза ее сияли. Она осторожно развернула бархат.

Обнаженный меч сиял сотнями огней.

Его рукоять была усыпана драгоценными камнями.

— Я ему говорила, что для меня это чересчур великолепно, но он настаивал, чтобы я взяла.

— Роскошный, — оценил Дункан.

— Гоблины хранили его много лет, — заметила Нэн, — как священное сокровище. Им и во сне не снилось, что найдется человек, которому они захотят отдать его.

Она пожала плечами.

— И то сказать, он слишком тяжел для гоблина или для кого-нибудь из наших.

Дункан протянул руку к мечу.

— Можно?

Диана кивнула.

Сталь была холодной и гладкой. Он погладил меч почти ласково.

— Дункан, — тихо сказала Диана, — я боюсь.

— Боитесь?

— Мне кажется, я знаю, что это за меч. Снупи не сказал мне.

— Тогда я не думаю, что вы станете спрашивать.

Он потянул конец бархата и накинул его на меч.

— Закройте его. Это драгоценная вещь, ее не нужно выставлять на ночную сырость. Заверните его как следует.

Он повернулся к Мэг.

— Я хочу спросить тебя насчет одной вещи. Ты как-то говорила о плаче за мир, но вскользь. Ты не можешь рассказать подробнее?

— Ничего, кроме того, что уже сказала, милорд.

— Ты говорила, что есть несколько таких мест, вероятно, широко раскиданных. Ты, кажется, думаешь, что одно из них в топи.

— Так говорят.

— А кто оплакивает?

— Женщины, милорд. Кому же еще оплакивать наш мир? Только у женщины есть причина для плача.

— Ты знаешь имена этих женщин?

Мэг нахмурилась, пытаясь вспомнить.

— Конечно, имена у них есть, милорд, но не думаю, чтобы я слышала их.

— А ты? — Спросил он Нэн. — Вы, баньши, тоже плакальщицы.

— Плакальщицы, но не за весь мир, — ответила Нэн. — У нас достаточно хлопот, чтобы оплакивать тех, кто больше в этом нуждается.

— А может, весь мир нуждается в оплакивании его нищеты.

— Наверное, вы правы, — согласилась баньши, — но мы плачем дома, в знакомой нам местности, за одинокую вдову, за голодных детей, за нужды стариков. Так много тех, кого нужно оплакивать, так что мы заботимся лишь о тех, кого мы знаем. Мы садимся у одинокого коттеджа, из которого идет скорбь и нужда, и плачем о тех, кто скорбит и нуждается, и…

— Да, я понял, — прервал Дункан. — Но ты ничего не знаешь о тех, кто оплакивает весь мир?

— Только то, что вам уже сказала ведьма.

За Дунканом послышались мягкие шаги.

— Что это насчет оплакивания? — Прозвучал голос Снупи.

Дункан обернулся к гоблину.

— Демон сказал, что плач в болоте.

— Он прав. Я часто его слышу. Но зачем это вам?

— Скрач сказал, что топь можно перейти. Он знает путь.

Снупи сморщился.

— Сомневаюсь. Топь всегда считалась непроходимой.

— Но с достоверностью ты этого не знаешь?

— Нет. Не было такого дурака, чтобы проверить. Никто даже лодку не спускал в эту воду, потому что там скрываются опасности. Что-то может выплыть и схватить лодку.

— Ну, что ж, — сказал Дункан, — вот он, дурак, смотри на него. Я собираюсь рискнуть.

— Вас съедят.

— Нас съедят в любом случае. Ты сам сказал, что орда сгоняет нас, как скот. Единственный путь — через болото.

— Но основная орда на западном берегу.

— Ты со слов духа говорил, что орда идет на

север. Если они продолжат свой путь к северу, для нас дорога будет свободной.

— Но те, кто окружает нас, идут сюда, сообщил Снупи. — Они стягивают сеть. На востоке уже есть какое-то движение. Мы поставили там кое-какие ловушки.

— Тем больше оснований попытаться перейти топь как можно скорее.

— Если окружающие нас силы знают, что вы здесь, а они, конечно, знают, иначе не было бы движения, то основная орда тоже знает.

— Но орда на западном берегу не может предполагать, что мы пойдем через топь.

Снупи с досадой махнул рукой.

— Идите, коли хотите. Вы не слушаете меня. Вы никогда меня не слушали.

— Прости, но ты не предлагаешь никакой альтернативы, топь — единственный путь. И я решил идти. Демон пойдет со мной и покажет дорогу. Конрад наверняка пойдет тоже.

— И я, — добавила Диана.

Она обратилась к Снупи:

— Ты говорил насчет кожаного костюма для меня. Когда он будет готов? Я не могу шагать по болоту в этом платье.

— С первыми лучами солнца, — ответил Сну-

пи. — Наш народ будет работать всю ночь.

— С первыми лучами солнца мы не можем уйти, — сказал Дункан, — хотя я и хотел бы. Сначала надо поискать грифона.

— Ночью искали, — сообщил Снупи, — но не нашли. При первом намеке на рассвет мы снова обыщем всю округу. Но мы почти не надеемся найти его. Он был слишком близко и слишком долго связан с колдунами и замком. Он стар и устал от долгой службы и, возможно, не пожелал пережить замок. Для него непросто пережить последнего колдуна. Миледи, наверно, согласна со мной.

— Да, — ответила Диана. — Но и без Хуберта я все равно пойду.

— Вы можете сесть на Дэниела, — предложил Дункан.

— Нет. Это ваш конь. И он боевой конь и не должен иметь всадника, исключая тот случай, когда он и всадник сражаются как одно целое. За все время путешествия вы ни разу не садились на него. Вы сражались бок о бок. Так и должно быть.

— Я пойду с вами, — заявила Нэн. — Топь меня не страшит, поскольку я полечу над ней, но с остановками и неизящно, как петух. Может быть,

я смогу помочь, оглядывая местность сверху.

— А поскольку я начал эту авантюру с вами, — добавил Снупи, — вы не можете оставить меня.

— Не нужно, — возразил Дункан. — Ты не веришь в это дело и, конечно, останешься здесь управлять своим народом.

— Он не нуждается в моем управлении. По правде сказать, я никогда им и не управлял. Я просто послал клич, чтобы собрать его. И они пришли, как на пикник, искать приключения. Но они не хотят встретиться с великой опасностью. Это мудрый народ, он бежит от опасности. Честно говоря, они уже начали разбегаться. Как только вы уйдете, уйдут и остальные.

— Так почему бы и тебе не уйти с ними? Спасибо за намерение отправиться с нами, но с точки зрения здравого смысла…

Снупи прервал его с наигранной яростью:

— Вы хотите лишить меня подвига, о котором я стал бы рассказывать в течении многих лет, а мои люди сидели бы вокруг и ловили бы каждое слово? Жизнь маленького народа, как вы его покровительственно именуете, скучна! У нас мало случаев совершать подвиги. Мало кто имеет шанс стать хоть каким-нибудь героем. Раньше — до того, как появились вы, люди, и выгнали

нас из наших мест — было по-другому. Земля была наша, и мы разыгрывали на ней маленькие драмы и глупые комедии, но теперь мы этого не делаем, потому что у нас нет места, и на каждом шагу того и гляди встретится какой-нибудь дурак, который напомнит нам о нашем бедственном положении и тем самым отнимет у нас то малое веселье, что у нас еще осталось.

— Ну, тогда ладно, — согласился Дункан. — Мы ценим вашу компанию. Но я должен предупредить, что где-то по дороге мы можем встретиться с драконами.

— Мы им устроим! — Крикнул Снупи, щелкнув пальцами.

Из темноты появился Конрад и указал наверх.

— Посмотрите, кого я нашел.

Они увидели спускавшегося духа.

— Я потерял вас, милорд, — сказал тот. — Я искал, но вас и след простыл. Но пока я вас искал, я выполнял порученное мне задание. Я следил за ордой в разных ее частях и, поскольку вас не было, передал свой рапорт Снупи. Он, как и я, недоумевал, что могло с вами случиться, но он подозревал, что ваше отсутствие каким-то образом связано с курганом, и вот сейчас Конрад сказал мне…

— Постой, — прервал его Дункан. — Я хочу кое-что узнать от тебя.

— И у меня, милорд, есть что сообщить вам. Но сначала я спрошу для собственного успокоения, намерены ли вы, несмотря на всяческие помехи, идти в Оксенфорд? Я все еще питаю надежду попасть туда, поскольку у меня множество трудных вопросов к тамошним мудрецам. Трудных для меня, разумеется, но, надеюсь, не для них. Моя заветная мечта — получить ответы.

— Да, — ответил Дункан, — мы намерены продолжать путь в Оксенфорд. Теперь мой вопрос: что ты можешь сказать о той части орды, что идет по западному берегу болота?

— Они идут к северу, — ответил дух, — и идут быстро.

— Не похоже, что хотят остановиться?

— Никаких признаков замедления хода. Они продолжают стремиться вперед.

— Значит, решено, — с некоторым удовлетворением сказал Дункан. — Выходим завтра как можно раньше.

Глава 27

Едва небо на востоке побледнело, стали искать Хуберта. Обыскали все вокруг развалин замка, на лугах вдоль реки, но нигде не было и следа грифона. Искали тщательнее, чем ночью, потому что сейчас помогать в поисках остались добровольцы.

Как только поиски были закончены, они исчезли бесследно, оставив после себя лишь погасшие костры.

Дункан и Конрад собрали свою маленькую армию и направились к топи. С утра начали собираться тяжелые тучи с запада и почти закрыли солнце.

Меньше чем через час после старта они услышали первый слабый плач. Далекая жалоба одиночества и безнадежности, как будто причина плача никогда не уйдет, а будет длиться вечно. Диана вздрогнула, услышав этот звук.

— Этот плач режет, как ножом.

— Вы никогда не слышали его?

— Слышала, конечно, но издалека и не обращала внимания. С топи всегда шли странные звуки. Я не знала, что это, и…

— Но колдуны, наверное, знали.

— Знали, но мне не говорили. Я редко выходила из замка, если не считать моей вылазки по поводу Вольферта. В общем-то, я жила под защитой, хотя и не знала об этом.

— Под защитой? Вы, девушка-воин?

— Не заблуждайтесь на мой счет. Я не покинутый ребенок, не бездомная девица. Я участвовала в некоторых набегах, училась владеть оружием. Да, кстати, я хочу поблагодарить вас: вы вместе со мной поверили в меч.

Она держала его в руке, потому что ножен не было.

— Добрая сталь, — сказал Дункан.

— Но что он все-таки?

— Снупи не сказал вам, а вы так и не спросили?

— Но этот меч потерян много лет назад…

— Здесь было много мечей, и многие из них потеряны…

— Ну ладно. Значит, оставляем?

— Думаю, что он пригодится, — ответил Дункан.

Они поднялись на вершину длинного пологого холма и посмотрели на запад, где синела топь. Под холмом лежала узкая полоска леса, шедшая

от северной гряды холмов далеко на юг.

Скрач дернул Дункана за куртку.

— Что тебе, Скрач?

— Лес, — указал демон.

— Ну и что?

— Его не было раньше. Я помню, как я был тут. Никакого леса не было, гладкая земля да топи.

— Но ведь это было давно, — возразил Конрад.

— Он сидел на цепи в замке несколько столетий, — добавила Диана. — За это время мог вырасти лес.

— Может, он плохо помнит? — Предположил Конрад.

Эндрю подошел к ним, стуча посохом.

— Не обращайте внимания на это детище сатаны. Он все путает.

— Мег, ты ничего не знаешь об этом лесе? — Спросил Дункан.

— Откуда? Я тут никогда не была.

— Мне он кажется правильным, — сообщил Конрад. — Я всегда первый чую неладное. А это лес как лес.

— Я тоже не нахожу в нем ничего неправильного, — поддержал Снупи.

— Я же говорю, — взвизгнул Скрач, — что раньше его не было!

— Пойдем осторожно, — сказал Конрад, — и будем следить. Раз мы идем к топи, значит, придется пройти через лес.

Дункан взглянул на Скрача, все еще державшего его за куртку. В другой руке демона был трезубец на длинной ручке. Зубцы были острые и зазубренные.

— Где ты его взял?

— Я дал, — ответил Снупи. — Он принадлежит одному гоблину, но слишком тяжел и неудобен для нас.

— Отдавая его мне, — пояснил Скрач, — он сказал, что трезубец предназначен для меня.

— Предназначен?

— Ну, конечно, — ответил Снупи. — Вы, милорд, не знаток в своей теологии.

— При чем тут наша теология?

— Может, я ошибаюсь, — пожал плечами Снупи, — но мне кажется, что была древняя традиция. Не так давно я наткнулся на свиток, который, насколько я понял, содержал библейские истории. Я не стал тратить время, чтобы путаться в ваших варварских написаниях, а посмотрел картинки. Там я нашел грубое изображение демонов, похожих на этого нашего друга, кидающих множество несчастных людей в адское пламя.

Инструменты, которыми пользовались демоны, чтобы подхватывать и кидать, весьма напоминали этот трезубец. Вот это я и имел в виду, когда намекнул, что такое оружие — самое подходящее для нашего демона.

— Пошли, — сказал Дункан.

Слабо заметная тропа изгибалась от подножия холма к лесу, и вблизи опушка леса казалась самой обыкновенной. Никаких других тропинок, похоже, не было.

Деревья были древние, седые, толстые, как бочки, с переплетенными ветвями. Тропа, по которой они шли, вела в чащу леса и была достаточно заметна, чтобы идти без труда.

— Ты твердо уверен, что этого леса не было? — Спросил Дункан Скрача. — Ты уверен, что был именно в этом месте?

— Уверен, — ответил демон. — Не может быть, чтобы я ошибся.

— В любом случае нам придется идти, — проговорил Конрад.

— Правильно, — согласился Дункан. — Конрад, иди с Тайни вперед, как всегда. Тропа узкая, так что мы все равно не можем идти все вместе. Мы с Дианой будем охранять тыл. Не отпускай Тайни далеко от себя.

Мег сползла со спины Дэниела.

— Лезь обратно, — сказал Конрад. — Нас могут остановить.

— Тем больше у меня оснований не путаться под ногами сражающейся лошади. По лесной тропинке я могу ковылять и сама.

— Я пойду рядом с ней, — предложил Эндрю, — и помогу ей.

— Ну, спасибо, добрый сэр, — поблагодарила Мег. — Такому старому мешку как я, не часто предлагают эскорт.

— Мег, что-нибудь неладно? — Спросил Дункан. — Ты сказала, что не хочешь мешать Дэниелу. Разве…

Мег покачала головой.

— Ничего неладного нет, милорд. Но деревья стоят очень плотно.

Они шли цепочкой. Дункан и Диана шли позади всех, а перед ними тяжело хромал демон, опираясь на трезубец, как на посох.

Лес выглядел мрачно, как всякий лес осенью: опадающие листья, дрожащая от холода мелкая поросль. Но, кроме этого, не чувствовалось ничего такого, что могло показаться необычным. Только повсюду стояла удивительная тишина, и Дункан удивился: даже в самый тихий и без-

ветренный день в лесу что-нибудь да шуршит. Тишина леса требовала тишины и от людей. Они шли молча, опавшие листья приглушали их шаги. Тропа изгибалась, как это всегда бывает с лесными тропами. Она шла между деревьями, огибала упавшие гиганты, обходила покрытые мхом валуны.

Дункан замыкал цепочку. Время от времени он останавливался и оглядывался, потому что чувствовал зуд в спине, словно что-то следило за ним. Но ничего не было. Тропа была пуста, и вообще не было признаков чьего-либо присутствия поблизости.

Он подумал, что это ощущение могло исходить из сознания, что очень скоро вся область, охраняемая маленьким народом, будет кишеть безволосыми и другими членами орды. Маленький народ, скорее всего, теперь уже ушел оттуда, рассеялся за ночь, и когда Дункан со своим отрядом уходил, там уже, наверное, никого не осталось, кроме Снупи, который теперь шел впереди с Конрадом, и Нэн, которая летала наверху и смотрела, не случится ли чего-нибудь. Магические ловушки маленького народа могли задержать орду на время, но вряд ли больше, чем на несколько часов. Как бы ни были вредны эти

ловушки, они не могли долго выдержать против более мощной магии орды.

Дункан положил руку на поясной мешочек, ощупал твердую округлость талисмана, услышал мягкий шелест пергамента и прижал к нему пальцы.

Если Скрач прав и они перейдут через топь, если главные силы орды отошли к северу, то у них есть шанс дойти до Оксенфорда. Всего один шанс. Не было альтернативы, не было выбора.

Оглянувшись в последний раз на тропу позади, он быстро повернулся и поспешил догнать Диану. В это время он услышал слабый звук плача — первый с тех пор, как они вошли в лес.

Внезапно тяжелая растительность кончилась и Дункан очутился на небольшой поляне, почти круглой, будто нарочно вырубленной. Отряд уже сгрудился в центре поляны. Подойдя, Дункан увидел, что поляна окружена еще более гигантскими деревьями. Массивные ветви тянулись над землей всего в нескольких футах от поверхности и создавали непроницаемый барьер.

Дункан бросился к Конраду.

— Почему вы остановились? Почему не идете дальше?

— Нет тропы. Она привела нас на поляну и

кончилась. И отсюда не выйти.

— Но и сюда тоже никто не придет, — заявил Эндрю. Он стучал посохом с раздражением, за которым скрывался страх.

Дункан оглянулся и увидел, что Эндрю прав: деревья каким-то образом сдвинулись и загородили тропу, по которой они только что прошли.

— С большими усилиями мы можем пролезть, — сказал Конрад, — но как быть с Дэниелом? Он не может ползти на коленях. Придется прорубать для него дорогу. Но даже без рубки мы будем продвигаться очень медленно.

— Колдовство, — сказала Мег. — Самое настоящее колдовство, и очень хитрое, иначе я бы учуяла бы его.

Снупи бегал взад и вперед, размахивая руками.

— Это все гномы и их двойное заклятие! Я говорил им — не ставьте ловушек возле топи, поскольку там нет никого из орды! Я говорил, чтобы они сконцентрировали их на севере, по речному лугу. Так нет, не послушались! Гномы надменны и никогда не слушают советов. Они поставили эту хитрую ловушку для орды, а вместо орды в нее попались мы. А теперь гномы ушли, рассыпались, как все остальное, и не подумают прийти и снять ловушку.

— Ты в этом уверен? — Спросил Дункан.

— Конечно, уверен. Я же знаю гномов. Упрямый народ. И ловки очень насчет сложной магии. Никто из наших не может сделать такую работу, чтобы положить пояс из леса и…

Его прервал звук хлопающих крыльев. Это спускалась Нэн, неуклюже ныряя и отчаянно взмахивая крыльями, чтобы снизить скорость и удержать равновесие.

Она приземлилась, упала, но быстро вскочила и метнулась к ним.

— Орда идет сюда! — Верещала она. — Они спускаются с холма в лесу!

— Что будем делать? — Взвыл Эндрю.

— Прекратим плакать и вспомним, что мы солдаты господа, — грубовато ответил Конрад.

— Я не солдат господа! — Пронзительно закричал Скрач. — Но если будет сражение, я буду драться на стороне солдат господа. При необходимости я могу делать грязную работу.

— Уверена, что можешь, — поддержала Мег.

— Будем надеяться, — сказал Дункан, — что магия гномов сработает так же эффективно против орды, как против…

Он остановился на полуслове и уставился на деревья.

— Боже мой! Взгляните!

Ему вспомнилось, как много лет назад бродячий художник остановился в Стендиш Хаузе ради пищи и крова и прожил там несколько месяцев, а затем перешел в аббатство, где, надо полагать, живет и сейчас, занимаясь перепиской рукописей, делая эскизы и цветные миниатюры, которыми монахи любили украшать свои манускрипты.

Дункан был тогда еще мальчиком и много времени проводил возле маленького письменного стола, за которым работал художник, с восхищением глядя на магические движения карандаша, воспроизводившего сцены и людей совершенно не похожих на тех, кого он когда-либо видел.

Один набросок особенно заинтересовал его, и художник отдал ему рисунок. На нем была изображена группа деревьев, каким-то образом превратившихся в сражающийся народ — грубые воинственные лица-стволы, хватающие руки ветвей с множеством пальцев. Деревья обращались в чудовищ.

И вот теперь, в этом магическом лесу гномов, деревья приняли образ чудовищ, точно таких же, как рисовал художник.

На стволах слабо заметные лица с хищными

полуоткрытыми ртами, в основном, беззубыми, хотя у некоторых были клыки, с шишковатыми носами в пол-лица, с дьявольскими злобными глазами. Теперь листья шуршат, когда сучья и ветви стали руками чудовищ — одни с пальцами, другие с когтями, третьи с щупальцами, и все яростно махали и тянулись, чтобы схватить и умертвить.

— Ну, вонючие гномы!

Снупи бесновался.

— Никакой порядочности! Их магия не отличает друзей от врагов!

Издалека, видимо, с опушки леса, донесся приглушенный вопль.

— Это безволосые, — сказал Конрад. — Они дошли до леса и встретились с деревьями.

— Я сомневаюсь, что безволосые будут так орать, — возразил Эндрю. — Может, это деревья?

— Мег, ты ничего не можешь сделать? — Крикнул Дункан. — Нет ли у тебя чар, которые переплюнули бы эту магию?

Эндрю шагнул к деревьям, размахивая посохом и произнося латинские фразы — самую ужасную латынь, которую когда-либо слышал Дункан.

— Заткнись! — Взвыл он. — Мег, так ты не можешь помочь?

— Попробую, — ответила она. — Только моя сила очень слаба. Все мои ведьмины приспособления отняты.

— Да, знаю. Кровь летучей мыши, навоз хорька и прочее. Но та сила и власть, что заложены в тебе, не нуждаются в этих приманках.

Он снова закричал отшельнику:

— Прекрати этот дурацкий треп! Здесь не то место, где церковные фразы могут помочь!

— Может быть, мы вместе с ним? — Тихо сказала Мег.

Слабый усик тумана просочился в том месте, где они вышли на поляну.

— Это туман орды, — сказал Конрад. — Помните, когда мы сражались перед замком? Тот же запах.

— Я не помню никакого запаха, — отозвался Дункан.

— А я помню, у меня нос острее вашего.

— Орда пытается пройти через лес, — сказала Диана. — Вероятно, лес задержит их на какое-то время, но едва ли надолго. Снупи говорил, что нет такой магической ловушки, которая действительно остановит орду.

— Эта задержит их чуточку дольше, чем другие, — сказал Снупи.

— Эти чокнутые гномы поистине вложили здесь сердце. Все их усилия заключены в одном месте, где это вовсе не нужно. Если бы не это, мы уже добрались бы до топи.

— Может, Мег наколдует для нас тропу? — Спросил Конрад.

— Нет, пока Эндрю бормочет свою латынь. Пусть заткнется.

Что-то поисходило в том месте, откуда они пришли: деревья яростно раскачивались, ветви хлестали вокруг. Рты на стволах широко раскрылись, как в крике, но крика не было, зато слышались другие звуки — хруст ломающихся ветвей, внезапные вопли.

— Это безволосые, — буркнул Конрад. — Проламываются.

Он поднял дубину и быстро шагнул вперед. Над вершинами деревьев проплыл рваный черный ковер. Он яростно хлопал, снижаясь. К людям тянулась двойная голова, иглы зубов торчали из открытых ртов, крылья с зазубренными когтями хлопали по воздуху.

— Берегись! — Крикнул Конрад.

Диана отскочила в сторону, когда этот ковер навис над ней. Ее меч взлетел и опустился с быстротой молнии, ударил по крылу и отсек его.

Двухголовое создание накренилось и встретилось с мечом Дункана. Одна из голов отлетела.

Конрад ударил дубиной по второй голове, и тварь обрушилась на поляну, крутясь, извиваясь и подпрыгивая в воздухе, как цыпленок с отрубленной головой.

Меч Дункана был испачкан вонючей черной жидкостью вроде той, что текла из убитой им твари в сражении у замка. Он быстро взглянул вверх и увидел, что над поляной появился другой такой же ковер, но изменил направление и полетел обратно за деревья.

Мег и Эндрю стояли рядом у другого края поляны. Эндрю размахивал посохом и бормотал что-то по латыни, а Мег делала руками каббалистические жесты и выкрикивала нараспев слова, такие искаженные и перекрученные, что они показались Дункану далеко выходящими за ряд человеческих языков.

Туман накатился на поляну. Между деревьями у самой земли показалось извивающееся тело с остроконечной головой и хищным клювом и побежало вперед на маленьких ящерочьих лапках. Диана взмахнула мечом, голова отлетела, но змеиное тело, быстро перебирая лапками, убежало обратно.

Деревья качались, как под яростным ураганом, рты оставались разинутыми в безмолвном крике, ветви тряслись, как хватающие руки. Оборвавшиеся вопли снова зазвучали в глубине леса. Гигантская ветвь с десятком прикрепленных к ней рук поднялась в воздух, держа извивающееся тело безволосого. Другой безволосый продрался между деревьями и бросился на людей. Дункан метнулся вперед, но Конрад опередил его и, прежде чем безволосый успел поднять дубину, нанес удар.

Безволосый упал с расколотым черепом, но на поляну лезли еще и еще. Безволосые пробились через лес и теперь хлынули потоком.

Дункан увидел занесенную над ним руку с дубиной и взмахнул мечом. Рука отлетела от тела, дубина при падении задела плечо Дункана. Углом глаза он увидел Диану и ее быстро мелькающий меч.

Подбежал безволосый. Дункан отскочил, уклоняясь от дубины, и вонзил меч в горло врага. Но тут же появился другой, и на этот раз дубина могла поразить Дункана раньше, чем он поднимет меч. Но не успел он об этом подумать, как над его плечами вытянулись две ноги с копытами. Одно из них ударило безволосого в лицо.

Тело Дэниела толкнуло Дункана, и он упал на колени, а лошадь качалась над ним, злобно фыркая и орудуя копытами и зубами.

Он увидел, что Конрад тоже ползет, правая рука его бессильно мотается. Над ним уже поднялась дубина безволосого.

Дункан метнулся к нему, боясь, что опоздает, но внезапно крепкое тело встало между Конрадом и безволосым, и трезубец, направленный сильными руками Скрача, вонзился безволосому в горло.

— Тропа! Мы добились тропы! — Закричал Эндрю.

Дункан был уже на ногах, и его внимание делилось между Эндрю и загарпуненным безволосым, который медленно оседал, выронив дубину, а Скрач дергал древко, стараясь освободить зубья. Позади Конрада Тайни сбил безволосого и пригнулся для новой атаки.

Но атаковать было некого. Безволосых больше не было. Крутящийся туман все еще лился из леса, деревья еще качались, но отряд безволосых, пробившийся через заслон деревьев, лежал теперь мертвый.

— Есть тропа! — Вопил Эндрю.

— Идите к тропе! — Закричал Дункан.

— Все к тропе! Уходите отсюда!

Он обхватил Конрада и стал поднимать. Тот, нашарив свою упавшую дубину, поднялся и пошатнулся. Правая рука его висела, как плеть. Дункан поддержал его и повернул кругом.

— Эндрю нашел тропу. Пошли туда.

Прибежал Тайни и прижался к Конраду, пытаясь помочь ему идти. Скрач тоже подошел, размахивая трезубцем, протиснулся между Тайни и Конрадом.

— Давай, — сказал он. — Навались на мое плечо.

Дункан взял дубину из руки Конрада.

— Я понесу ее, а ты прислонись к демону. Он сильный и поможет тебе.

— Не надо мне помогать, — проворчал Конрад.

— Черта с два не надо, — фыркнул Дункан.

Конрад положил левую руку на плечо Скрача и, спотыкаясь, пошел. Дункан обернулся. Диана держала Дэниела за гриву и вела его к тропе Эндрю. С другой стороны к тропе шагал Снупи, подгоняя Бьюти.

Дункан понимал, что им надо уходить отсюда как можно скорее. Магия гномов может кончиться, и откроется путь для орды. «Господи, дай нам время, — молился он, — выйти из леса и дойти

до топи.»

Там они, вероятно, будут в безопасности. Даже если безволосые и орда пойдут за ними через болота, там будет относительно легко защищаться.

Тропа была узкая, только-только протиснуться одному человеку. Дункан подумал, что Дэниелу придется нелегко.

Все остальные уже спускались вниз.

Дункан вспомнил горькие сетования Снупи, что ловушка глупых гномов не отличает друзей от врагов. В этом Снупи ошибся: ловушка не поддалась магии орды, но откликнулась на колдовство Мег и латинские завывания Эндрю.

Он медленно спускался, оглядываясь назад. Тропа смыкалась за ним. Деревья материализовывались или смыкались, закрывая путь.

— Бежим отсюда, — сказал он Диане.

Через минуту они выскочили из леса. Другие уже бежали вниз по склону. Впереди всех бежал Скрач, держа путь к топи.

У ее края он остановился и огляделся, ища ориентиры, затем побежал по берегу до маленькой тропки и бросился в воду. Остальные последовали за ним.

Дункан и Диана, дойдя до берега, тоже вошли в воду, которая едва доставала им до щиколоток,

дальше стало глубже, но не выше колен. Перед ними лежал скалистый островок. Шедшие впереди выбрались на него и исчезли. Через несколько минут Диана и Дункан тоже достигли островка, перелезли через кучу камней и нашли остальных, скрытых за скалами. Дэниел стоял в воде с другой стороны островка, тоже совершенно закрытый нагромождением скал.

Скрач подошел к ним и потянул вниз.

— Мы спрячемся здесь, — сказал он. — Если орда не увидит нас с берега, то она, скорее всего, и не полезет в воду. Они ведь не знают, что через топь можно перейти.

Они легли за скалами и ждали. Снова послышался плач, то чистый и громкий, то слабый. Снупи прополз по камням и растянулся рядом с Дунканом.

— Эти чокнутые гномы строят лучше, чем можно предположить. Даже ведьма не заметила в лесу магии. И ловушка все еще держится.

Не успел он это сказать, как лес исчез, полностью пропал. По голому склону спускался отряд безволосых, за ними шли другие твари, полускрытые туманом.

Безволосые остановились у края топи и забегали взад и вперед по берегу, как собаки,

потерявшие след. Через некоторое время они пошли обратно по склону, сопровождаемые туманом, поднялись и скрылись из виду.

Конрад сидел у края островка, прижимая к себе больную руку. Дункан подполз к нему.

— Покажи-ка руку.

— Болит, проклятая, — поморщился Конрад, — но, кажется, не сломана. Я могу двигать ею, только очень больно. Дубина ударила как раз под плечом.

Верхняя часть руки так вспухла, что кожа блестела. Болезненный кровоподтек из красного стал пурпурным и распространялся от плеча до локтя. Дункан слегка надавил. Конрад вздрогнул.

— Ой, полегче!

Дункан взялся за локоть, согнул и разогнул его.

— Не сломан. Тебе повезло.

— Надо подвесить руку, — предложила Диана. — Будет легче.

Она достала из кармана нового жакета тонкое зеленое платье.

— Подойдет.

Конрад посмотрел на платье.

— Не надо, я не могу, — жалобно застонал он. — Если дома узнают…

— Чепуха. Можете.

Дункан положил дубину рядом с Конрадом.

— Спасибо, — поблагодарил Конрад. — Мне было бы очень жаль потерять ее. Она взята из хорошего дерева в подходящий сезон. Я потратил немало часов, пока обработал ее.

Диана быстро соорудила повязку, осторожно обернула руку Конрада, завязала на плече и засмеялась.

— Излишне много материала, он будет висеть на вас, как плащ. Но вы не смущайтесь. Мне не хотелось рвать платье. Может, оно мне еще пригодится.

Конрад усмехнулся.

— Вы, наверное, голодные, — сказал он. — Бюти внизу с Дэниелом. Пусть кто-нибудь снимет с нее вьюки. Там есть немного пищи.

— К сожалению, не горячей, — добавил Дункан. — Мы не можем разводить костер.

— Тут и дерева нет, — буркнул Конрад. — Во вьюках есть то, что можно есть и холодным.

Вечером Дункан и Диана сидели на камне у воды. Они долго молчали. Наконец, Диана сказала:

— Дункан, я хотела рассказать вам насчет меча, который дал мне Снупи.

— С ним что-нибудь неладно?

— Ничуть. Но он странный.

— Вы к нему не привыкли.

— Не в этом дело. Он — как бы это сказать — будто помогает мне, будто им управляет чья-то другая рука и действует мне в помощь. Не то, чтобы я не сама им действую — я могу управлять им, но кто-то помогает.

— Это ваше воображение.

— Не думаю. Этот меч был брошен в озеро…

— Хватит фантазий, — сурово прервал Дункан. — Не надо.

— Но мне страшно, Дункан.

Он обнял ее за плечи и прижал к себе.

— Все в порядке, — сказал он. — Все в полном порядке.

Глава 28

Не один час они шли по воде, точно держа линию. Они шли почти по пятам друг за другом, и каждый следил за малейшим поворотом переднего, чтобы повторить этот поворот и не сойти с узкого подводного гребня, по которому вел их Скрач.

Светила луна, несколько звезд сияло в небе, хотя легкие облака временами закрывали их. Но плоская гладкая поверхность топи отражала, как зеркало, малейшую искру света. Глаза уже настолько привыкли к темноте, что людям казалось, будто они идут не среди ночи, а в густых сумерках.

Диана шла в начале колонны, сразу за Скрачем, а Дункан замыкал шествие. Непосредственно перед ним шел Эндрю, и Дункану казалось, что отшельник очень устал: он спотыкался и поднимал посохом больше брызг, чем это было необходимо. Им всем уже давно следовало отдохнуть.

Дункан надеялся, что они вскоре дойдут до следующего островка. Эндрю необходим был отдых, да и другим, наверное, тоже. Даже Конраду, несмотря на всю его силу, наверняка трудно идти

из-за больной руки.

Вода была неглубокой, редко выше колен, но шли они медленно, ощупывая ногой гребень перед каждым шагом.

Никто не мешал им. Дважды крупные тела выныривали из топи, но не приближались к скалистому гребню из-за мелководья.

Всю ночь они слышали далекий плач.

Теперь он стал громче и не замирал, как раньше. Дункан даже начал привыкать к этим звукам.

Эндрю споткнулся и упал. Дункан быстро схватил его и поставил на ноги.

— Ты устал, — сказал он.

— Устал, — жалобно признался отшельник. — И телом, и духом.

— Насчет тела я могу понять, — заметил Дункан. — Но почему духом?

— Господь показал мне, что за все годы неустанных трудов я получил чуточку святости. И как же я использовал ее? Освободил демона из цепей, преодолел или помог преодолеть злобную языческую магию, но с помощью ведьмы. Это же грех — сотрудничать с ведьмой, милорд! И хуже всего, что я не знаю, есть ли моя доля в открытии тропы, которая вывела нас из леса, или все сделано одним ведьмовством.

— В один прекрасный день, — сказал Дункан, — эта жалость к себе, переполняющая тебя, станет причиной твоей смерти. Вспомни, человече, что ты солдат господа, самозванный, возможно, но в сердце своем — солдат господа.

— Да, — согласился Эндрю, — но очень плохой солдат. Глупый и неумелый, трясущийся от страха, не видящий радости от своей службы и тщетно пытающийся стать тем, кем должен быть.

— Как только у тебя будет возможность отдохнуть, ты почувствуешь себя лучше. Дни у нас были тяжелые, а ты не молод, однако ты переносил все очень хорошо. И показал истинный солдатский дух.

— Может, лучше бы мне оставаться в своей келье и не лезть в приключения. Это путешествие показало мне меня самого не с лучшей стороны. Я ничего не делал и…

— Постой, ты сделал кучу дел! Если бы ты не освободил демона, кто повел бы нас через топь?

Эндрю оживился.

— Я не подумал об этом. Но все равно я оказал помощь приспешнику сатаны.

— Он уже давно не принадлежит сатане. Помни это. Он убежал из ада.

— Все равно он из нечистой силы. В нем нет

благодати и нет возможности…

— Если ты имеешь в виду, что он не примет христианство, то это совершенно верно. Но то, что он сделал для нас, сделало его нашим другом и союзником.

— Милорд, мне иногда кажется, что у вас странные оценки.

— Каждый должен решать по собственным оценкам. Ну, шагай. Если оступишься еще раз, я буду здесь и выужу тебя.

Наконец, перед Дунканом показались камни — еще один островок. Те, кто шел впереди, уже выбрались на него. Дункан прибавил шагу, схватил Эндрю за руку и помог перебраться через камни. Он нашел плоский камень и усадил на него отшельника.

— Сиди и отдыхай. Не двигайся, пока я не приду за тобой. Мы все устали до изнеможения.

Эндрю не ответил. Он изогнулся и опустил голову на сложенные на коленях руки.

Дункан пробрался по скалам и нашел всю компанию отдыхающей. Он сказал Снупи:

— Я думаю, мы на некоторое время задержимся здесь. Все страшно устали. Эндрю совсем измотался.

— И другие тоже, — ответил Снупи. — Конрад,

хоть и силен, тоже чуть жив. Рука ему здорово мешает. Вы поговорите со Скрачем, урезоньте его. Он одержим желанием идти вперед. Этот демон весь продубленный. Он не знает что такое усталость. Он не дает нам отдохнуть.

— Почему он так спешит?

— Не знаю. Мы, вероятно, прошли более половины пути, но судить трудно — здесь все выглядит одинаково. Никаких ориентиров.

— Я поговорю с ним. Может, у него есть причины торопиться. От Нэн никаких известий?

Снупи скорчил гримасу.

— Я думаю, она исчезла.

— Ты хочешь сказать — бросила нас?

— Не скажу с уверенностью, но — возможно. Она плохо летает, вы знаете. Она порхает, а не летит. Над землей, где она может опуститься когда и где угодно, это она — пожалуйста. А здесь не опустишься, одна вода кругом, а баньши ненавидят воду. Да и опасно тут.

— Ты имеешь ввиду тех, что выскакивали из воды?

— Ну, да. Мы в безопасности, пока идем по гребню, они не могут добраться до нас: вода слишком мелка, а они такие крупные. Иначе они давно сожрали бы нас.

— А другие опасности есть?

Снупи пожал плечами.

— Не знаю. О топи много чего рассказывают, но неизвестно, откуда взялись эти рассказы, ведь никто не рисковал здесь идти.

— Значит, ты считаешь, что Нэн удрала?

— Может быть. Она ничего мне не говорила.

Дункан пошел к краю островка. Скрач сидел на валуне. Дункан присел рядом.

— Люди страшно измучены, — сказал он. — Можем мы остаться здесь до рассвета и немного отдохнуть?

— Мы должны идти как можно скорее, — ответил Скрач. — Взгляните: видите три пика? Это пики острова плача за мир.

— Где драконы?

— Именно. Может, в темноте они нас не увидят? Хотя кто знает… Но все-таки лучше подойти к острову до зари. Если они увидят нас в воде издалека, они заклюют нас насмерть.

— А разве у нас будет лучший шанс на острове, который они охраняют?

— Да. Там они не могут лететь на нас: там скалы, а у них слишком большой размах крыльев. Они, конечно, могут напасть на земле, но с ними легче справиться — убить одного-двух, а остальные

удерут. Драконы, как правило, трусливы.

— Значит, надо идти?

— А что нас тут держит?

— Эндрю совсем с ног валится. Конрад ранен, ему тоже трудно.

— Посадите одного из них на лошадь.

— На ней уже едет Мег. Она легка, как перышко, и наваливать на Дэниела более тяжелый груз и утомлять его я не хочу, потому что он лучший боец, чем мы. Когда мы встретим драконов, он должен сражаться как можно лучше.

— Милорд, я считаю очень важным добраться до острова до зари.

— А после острова далеко еще идти через топь?

— Нет, примерно с милю. Западный берег близко.

— И мы сможем уйти с острова, несмотря на драконов?

— Если они увидят, что мы покидаем остров, они, возможно, не станут нас преследовать. Их дело — охранять остров. Когда мы уйдем, мы не будем больше представлять угрозы. Думаю, что это сработает.

Наверху что-то зашелестело. Дункан поднял голову и увидел духа.

— Я принес печальные известия, — сказал дух.

Он сделал драматическую позу.

— Ладно, — отозвался Дункан. — Брось ненужное позирование, отдышись и вываливай на нас все беды кучей.

— Я, как вы знаете, не дышу, — возразил дух, — и не намереваюсь вываливать кучу бедствий на кого бы то ни было. Я только скажу правду.

— Давай, — с нетерпением поторопил Дункан, — выкладывай свою великую правду.

— Орда остановила свое продвижение на север и повернула обратно, — доложил дух. — Она стоит лагерем на западном берегу против острова плача, и члены ее начали собираться в массивный шар.

— Боже мой, рой!

Дункан охнул и обернулся к Скрачу.

— Ты говорил об этой их привычке!

— Я передал то, что слышал, — ответил демон.

— Оборонное роение, ты говорил. Контакт между всеми членами орды, увеличение личной силы каждого. Сбор перед лицом опасности. Против нас!

— Если то, что я тогда говорил вам, правда, — сказал Скрач, — то я согласен, что защита против нас. Мы — единственная возможная опасность для них.

— Кутберт говорил, что орда напугана, — припомнил Дункан. — Он не имел представления, что могло ее напугать. Но с чего бы им бояться нас? Они запросто побьют нас. Мы не один раз удирали от них. Какую опасность мы представляем?

— Но ведь совершенно ясно, что они боятся вас, — сказал дух. — Они ни разу по-настоящему не выступали против вас — я имею ввиду членов орды. Они посылали против вас безволосых, но это, по-видимому, не члены орды, а существа, созданные их магией, пехота действующая по приказу и не знающая страха.

— Дух прав, — согласился демон. — Если бы орда не боялась вас, вы давно были бы убиты.

— Что вы будете делать? — Спросил дух. — Они ждут вас.

— Отступать мы не можем, — ответил Дункан. — Мы зашли уже слишком далеко, чтобы повернуть назад. Может нам удастся прошмыгнуть мимо них. Но нельзя дать им время полностью сформироваться в рой.

— Но что вы можете против них? — Спросил дух. — Моя душа — если она у меня есть — содрогается при одной мысли об этом.

— Сделаем, что можем. Окажемся перед ними,

тогда и видно будет.

Он встал.

— Скрач, будь готов показывать дорогу. Мы выступаем прямо сейчас.

Глава 29

Плач стал громче и тяжелее. Он как бы давил на землю и воду и на все живое, будто невидимая ладонь прижимала все, что лежало под ней.

Конрад споткнулся. Дункан метнулся вперед в надежде подхватить его, но подскользнулся сам, и оба упали в воду.

Конрад оступился уже третий раз с тех пор, как они снова вышли в путь к острову плача, но в первых двух случаях Дункан успевал поддержать его и не давал упасть. Теперь Дункан выбирался из воды, таща Конрада, который фыркал и кашлял, наглотавшись воды.

— Милорд, — прохрипел он, — идите без меня.

— Мы начали вместе и, бог даст, закончим вместе.

Наконец Конрад встал на ноги.

— Рука виновата, — сказал он. — Боль отняла у меня силу. Меня всего бьет. Идите вперед, я пойду сзади. Хоть на коленях, но поползу.

— Я понесу тебя, если смогу.

— Не сможете. Это все равно, что нести лошадь.

— Ну, потащу за ноги.

— Где моя дубина?

— Ее несет Снупи.

— Она слишком тяжела для него. Он может ее уронить, и она уплывет.

— Смотри, прямо перед нами остров плача. В полумиле. И признаков зари пока нет. Так что — вперед. Пусти ноги в ход, переставляй. Обопрись на меня.

— Мне не полагается наваливаться на вас, милорд.

— К чертям это! Навались!

Конрад качнулся вперед, тяжело опираясь на Дункана. Он тяжело дышал и весь дрожал. Шаг за шагом они медленно двигались вперед и не слишком отставали от остальных. Вся цепочка шла медленно, поскольку все были измучены ужасной дорогой. Где-то впереди Диана пасла Эндрю, подталкивая его, оберегая от падения, не давая уснуть на ходу.

Драконов не было видно. «Может, их и нет? — Подумал Дункан. — Но хоть бы плач прекратился на минуту, дал бы вздохнуть свободно. Плач и давление, ощущение веса этого плача.» В Дункане вдруг вспыхнуло, как неоспоримая истина, понимание, что на него влияли не только плач и давление, но и несчастья всего мира — нищета

и ненависть, страх, боль и вина, извлеченные каким-то образом из всех людей на земле и сконцентрированные здесь, на этом острове, будто все люди мира исповедовались здесь, ища утешения и покоя, которые, возможно, и давались им в какой-то мере благодаря этому плачу. Может, вина и нищета, боль и страх превращались здесь в плач, и ветер разносил его миру?

Это было удивительное знание, но Дункан отказывался от него, считая его невозможным. «Удивительно, — думал он, — что этот остров не корчится в агонии, топь не кипит и не испаряется от соприкосновения с этим потоком несчастий.»

Как ни отталкивал он это знание, он был уверен, что оно правильно.

Перед ним был маленький островок. За ним Дункан снова увидел три пика, вырисовывающиеся на бледной синеве неба.

Близился рассвет.

Неуклюжая темная фигура демона выбралась на скалистый островок и исчезла за камнями. Тайни вернулся посмотреть, как выйдут Дункан и Конрад, и ласково обнюхал Конрада. Тот сказал ему сквозь стиснутые зубы:

— Все в порядке, иди теперь вперед, к остальным.

Тайни удовлетворенно повернулся и зашлепал по воде. Дункан и Конрад выбрались и подошли к группе камней.

— Держись за меня крепче, — сказал Дункан. — Я могу выдержать твой вес.

Они медленно и осторожно перебрались через скалы и снова очутились в воде. Другие уже были на полпути к острову плача.

«Слава богу, драконов нет, — подумал Дункан. — Наверное, никогда и не было.»

— Еще чуть-чуть, — сказал он Конраду, — и сможем отдохнуть и даже поспать.

Он считал, что им понадобится двое суток на переход через топь, а они прошли за одну ночь.

Шедшие впереди остановились и уставились в небо. Диана выпустила Эндрю, тот упал и барахтался в воде. Дэниел бил задними ногами. Мег сползла с его спины в воду. Прямо над ними в воздухе реяла черная фигура с громадными крыльями, изогнутым хвостом и злобной головой.

— Стой на месте! — Крикнул Дункан Конраду. — Дракон!

Он прыгнул вперед, выхватывая меч, поскользнулся, попытался выпрямиться, поскользнулся другой ногой и упал на спину.

Вода сомкнулась над ним. Он попытался встать

и снова упал. Резкий крик пронзил тишину: дракон схватил когтями Бьюти и замахал крыльями, чтобы взлететь. Дэниел, подпрыгнув, схватил дракона зубами за шею и повис на нем. Дракон поднял Дэниела в воздух, но снова опустил. Дункан увидел блеск меча Дианы: она била по второму дракону, но он уклонился и почти обрушился в воду, сбив Диану с ног.

Конрад подбежал к Дэниелу и тоже схватил дракона за шею здоровой рукой. Не выдержав дополнительной тяжести, дракон растянулся на воде. Бьюти больше не кричала. Ее вялое тело, выпущенное драконом, упало в воду. Дракон яростно сражался, но в него вцепился Тайни, и дракон, наконец, затих. Дракон, который сбил Диану, улетел. Диана снова встала на ноги.

Взглянув вверх, Дункан увидел, что небо заполнили драконы. Они быстро снижались. «Это конец, — подумал он. — Путешествие кончено.» Он и его товарищи, замученные долгой ночной дорогой стояли на открытом месте в ста футах от острова. Как им устоять против такой атаки? В нем вспыхнула ярость, и он с ревом поднял меч и побежал вперед.

Наверху над кружившими драконами внезапно послышался грохот копыт и дикий лай сотни

охотничьих собак.

Драконы бросились врассыпную, а дикий охотник разгонял их. Копыта его коня выбивали в небе искры. Лошадь и охотник спустились так низко, что Дункан на мгновение увидел его лицо, дико горящие глаза под густыми бровями, длинную бороду, закинутую ветром за плечо.

Затем конь стал подниматься вверх. Охотник затрубил в рог. Драконы отчаянно улепетывали от собак.

Отряд направился к острову. Дункан подошел к Бьюти. Она была мертва. Он отбуксировал ее к берегу, сел, положил ей голову к себе на колени и тихонько погладил длинные шелковистые уши. Он подумал о том, что не будет больше легкого перестука ног, танцующих перед ним на дороге. Самый маленький и самый скромный член их отряда ушел от них.

Мягкий нос коснулся его плеча.

Дункан повернул голову. Его осторожно обнюхивал Дэниел. Дункан погладил лошадь.

— Мы потеряли ее, мальчик. Нет больше нашей Бьюти.

Глава 30

Дункан шел по лесной тропинке и встретил великана. Была ранняя весна, листья на деревьях едва показывались из почек, и было множество цветов — земля под деревьями была вся покрыта мелкими цветочками, они кивали Дункану, смотрели на него и ждали приветственного слова.

Дункан не знал, откуда он шел и куда, он просто был здесь.

И вот на узкой тропинке он встретил великана. Кому-то из них надо было уступить дорогу, но ни тот, ни другой этого не делали, а стояли и смотрели друг на друга. Наконец, великан протянул огромную ручищу, поднял Дункана и стал трясти. Голова Дункана качалась, ноги дергались, а руки не могли двигаться, так как были крепко зажаты в кулаке великана.

Великан тряс его и говорил:

— Проснитесь, милорд, вам надо кое-кого увидеть.

Дункану хотелось спать.

— Оставьте меня, — бормотал он.

Но гигант продолжал:

— Проснитесь! Проснитесь!

Странное дело, это говорил уже не великан, а кто-то другой, и голос был вроде бы Скрача. Кто-то продолжал трясти Дункана. Наконец, он открыл глаза и увидел, что лежит под нависшей скалой, а над ним склонился Скрач.

— Проснулись, — сказал Скрач. — Пожалуйста, не засыпайте снова.

Демон присел на корточки и явно не собирался уходить.

Дункан сел и протер глаза. Сияло яркое солнце. Неподалеку спал Конрад и прижавшийся к нему Тайни. В стороне похрапывал Эндрю. Дункан встал и снова сел, охваченный страхом. Все спали, и не было принято никаких предосторожностей.

Он сам спал, и никто не стоял на страже.

Для него, как для лидера это было непростительно. Он слабым голосом спросил:

— Все в порядке?

— Все в порядке, — ответил Скрач. — Я стоял на вахте, пока мои компаньоны спали.

— Но ты тоже устал.

Скрач покачал головой.

— Нет. Демоны не устают. Но тут ждут люди, сэр, иначе я не стал бы вас будить.

— Кто ждет?

— Старые женщины, довольно приятные ста-

рушки.

Дункан встал.

— Спасибо, Скрач.

Выйдя из-под защиты нависшей скалы, Дункан вновь ощутил давление и груз плача, хотя самого плача сейчас не было.

«Откуда же тогда давление? — Спросил он себя и тут же ответил: — давление не от плача, а от нищеты мира, стекающейся сюда.»

На тропинке, шедшей от края топи к возвышенности острова, стояли три женщины в длинных, очень простых платьях без всякой отделки, когда-то белых, а теперь посеревших. В руках у них были корзинки. Они стояли рядом и ждали его, а он шел, расправив плечи, чтобы противостоять давлению несчастий мира.

Они встретились лицом к лицу и некоторое время смотрели друг на друга.

Женщины были стары, уже давно стары и выглядели так, будто никогда и не были молодыми, но ведьмами они не выглядели. Морщины даже придавали им достоинство, и их окружало спокойствие, что было странно в таком месте, где собирались несчастья.

— Молодой человек, — заговорила одна, — не вы ли совершили жестокость по отношению к

нашим драконам?

Вопрос был настолько неожиданным и неуместным, что Дункан невольно засмеялся.

— Вы страшно напугали их, — продолжала женщина. — Они еще не вернулись, и мы очень беспокоимся о них. И я считаю, что вы убили одного из них.

— Не раньше, чем они сделали все возможное, чтобы убить нас, — резко возразил Дункан, — после того, как они убили маленькую Бьюти.

— Кто это — Бьюти?

— Ослик, мэм.

— Только ослик?

— Член нашей группы, — пояснил Дункан. — У нас еще и лошадь, и собака, и они тоже члены нашей компании. Не просто любимцы, не просто животные, а члены отряда.

— И еще демон, — добавила женщина. — Безобразный хромой демон, который окликнул нас, когда мы шли по тропинке, и угрожал нам своим оружием.

— И демон тоже, — согласился Дункан, — он также один из нас. И, если хотите знать, с нами ведьма, гоблин и отшельник, который считает себя солдатом господа.

Женщина покачала головой.

— Никогда не слышала ни о чем подобном. А могу ли я спросить, кто вы?

— Я, мэм, Дункан из Стендиш Хауза.

— Из Стендиш Хауза? Тогда почему вы не в Стендиш Хаузе, а беспокоите безобидных драконов?

— Мадам, — спокойно сказал Дункан, — я даже представить себе не мог, что вы не знаете, но раз так — я скажу. Ваши безобидные драконы — самые кровожадные хищники, каких я только видел. Более того, я скажу вам, что, хотя мы имели все основания побеспокоить их, эту работу сделали, в сущности, не мы. Мы были слишком измотаны переходом через топь, чтобы сделать это как следует. Их обратил в бегство дикий охотник.

Старухи переглянулись.

— Я вам говорила, — сказала вторая, — что слышала охотника и лай его собак, но вы мне не поверили. Вы сказали, что у охотника не хватит нахальства приближаться к этому острову и мешать нам в нашей работе.

— Кстати, меня кое-что интересует в вашей работе, — сказал Дункан. — Вы — плакальщицы за мир?

— Молодой Стендиш, — ответила первая, — это вас не касается. Наши тайны не предмет для об-

суждения со смертными. Достаточно плохо уже то, что ваши земные ноги топчут эту священную землю.

— Однако, — добавила другая, — мы прощаем вам ваше святотатство и даже символически распространяем на вас наше гостеприимство: мы принесли вам еды.

Она шагнула вперед и поставила корзинку на тропу. Две другие женщины сделали то же.

— Можете есть без опаски: здесь нет отравы. Полноценная, основательная пища. Здесь хватает естественных бед, и мы не желаем увеличивать их.

— Кроме вас, никто бы и не узнал, — сказал Дункан.

Он тут же спохватился, что его слова прозвучали весьма невежливо. Они не ответили и собрались уходить, но он сделал движение к ним.

— Скажите только одно: не видели ли вы случайно с высокой точки вашего острова каких-либо признаков орды разрушителей?

Они изумленно посмотрели на него, затем одна из них сказала:

— Это глупо, сестры. Конечно, он должен знать о разрушителях. Он зашел глубоко в разоренные

земли, как ему не знать? Так почему бы и не ответить ему?

— Это не принесет вреда, — согласилась первая женщина. — Ни он, ни кто другой не повредят. Орда, сэр Дункан, находится на западном берегу недалеко отсюда. Видимо, они знают, что вы идете, потому что собираются в рой, хотя зачем рой для таких как вы, — это выше моего понимания.

— Защитный рой, — сказал Дункан.

— Откуда вы знаете о защитном рое? — Резко спросила она.

Дункан улыбнулся.

— Берегите вашу улыбку, молодой человек, — сказала она. — Если вы перейдете эту полосу воды и встретитесь с ними, ваша улыбка перекосится.

— А если мы пойдем в обратную сторону, — сказал Дункан, — ваши драгоценные драконы принесут нам смерть.

— Вы неприятны и невежливы, — сказала одна из старух, — раз говорите так о наших друзьях.

— Друзья?

— Конечно. Драконы — щеночки, а без орды в мире было бы меньше несчастий.

«Меньше несчастий.» Вдруг Дункан понял. Не исповедальня, облегчающая боль и дающая утешение, не изгнание нечистой силы страха и

ужаса, а наслаждение нищетой мира, радостное купание в бедствиях и несчастиях, как собака катается по падали.

— Грифы! — Сказал он. — Стервятницы!

Сердце его сжалось. Господи, неужели не осталось ничего порядочного?

Нэн, баньши, плачет за вдову в скромном домике, за мать, потерявшую ребенка, за старого и дряхлого, за больного. Помогает этот плач или нет — другой вопрос, но предназначается он для облегчения. Нэн и ее сестры-баньши горевали с теми, у кого не было близких, могущих горевать с ними.

Но эти плакальщицы за мир, плачут ли они сами или широко разветвленной общиной, или с помощью какой-либо адской машины — Дункан представил себе сложный механизм, где кто-то крутит тяжелую рукоятку и производит плачущие звуки — они живут нищетой мира, они пьют ее и радуются и желают, чтобы ее было побольше, и выкатываются в ней, и сами выпачканы, как свиньи, что роются в отвратительных отбросах.

Три женщины повернулись и пошли по тропинке. Он злобно помахал им вслед.

— Мерзкие суки! — Сказал он негромко, почти себе под нос, потому что кричать — вреда, веро-

ятно, не будет, но и пользы никакой.

Они его не интересовали. Они — мерзость, мимо которой проходят, через которую перешагивают и стараются не обращать внимания. Его интересовало то, что было за этим островом.

Он быстро поднял корзинки и швырнул их одну за другой в болото.

— Плевать нам на ваше гостеприимство, — сказал он сквозь зубы.

— Не нужны нам ваши корзинки. Провалитесь вы в ад!

Он повернулся и ушел обратно. Скрач и Конрад сидели рядом на гребне.

— Где остальные? — Спросил он.

— Отшельник и ведьма пошли за вьюками Бьюти, — ответил Скрач. — Вьюки здорово подмокли. Они плыли по воде и пристали к берегу. Но, может быть, кое-что из еды еще сохранилось.

— Как ты себя чувствуешь? — Спросил Дункан Конрада.

Тот ухмыльнулся.

— Лихорадка прошла. Рука получше. Опухоль немного спала, боль не такая жестокая.

— Миледи пошла в том направлении, — сказал Скрач.

Он показал большим пальцем.

— Она говорила что-то насчет осмотра местности. Это было еще до того, как я разбудил вас.

Дункан взглянул на небо. Солнце прошло уже полпути от зенита. Они проспали большую часть дня.

— Оставайтесь здесь, — сказал он. — Когда придут другие, пусть тоже останутся здесь, а я пойду за Дианой.

Демон с усмешкой кивнул.

— Если есть какая-нибудь еда, — добавил он, — ешьте, не теряйте времени. Пора в путь.

— Милорд, — сказал Конрад. — Вы собираетесь выступить против орды?

— А что делать? У нас нет выбора. Вернуться мы не можем, оставаться здесь — тоже. Этот остров отвратителен.

Конрад оскалился по-волчьи.

— Я буду рядом с вами, когда мы выступим. Мне хватит одной руки, чтобы махать дубиной.

— И я тоже, — сказал Скрач. — Снупи верно говорил, когда дал мне вилы. Принадлежность, он сказал. Они подходят к моим рукам, будто для меня сделаны.

— Ну, до скорого, — кивнул Дункан.

Он нашел Диану на маленькой скале. Она повернула голову, когда услышала его шаги.

— Пора идти?

— Почти, — сказал он. — Очень скоро.

— Перед ордой…

— Я должен кое-что сказать вам, — перебил он, — и кое-что показать. Я давно должен был это сделать.

Он достал талисман и протянул ей. Она глубоко вздохнула, протянула руку, но тут же ее отдернула.

— Вольферта?

Он кивнул.

— Откуда он у вас? Почему вы мне не сказали?

— Я боялся, что вы потребуете талисман себе. А мне он был нужен.

— Зачем?

— Против орды. Для этого Вольферт его и сделал.

— Но Кутберт говорил…

— Кутберт ошибался. Талисман защищал нас от орды с того дня, как я его нашел. Орда посылала против нас своих ставленников, но сама, за некоторыми исключениями, не выступала. Она держится от нас подальше.

Диана взяла талисман обеими руками и медленно поворачивала, подставляя сияющие камни под лучи солнца.

— Какая красота! Где вы его нашли?

— В могиле Вольферта. Конрад спрятал меня там, когда меня оглушили дубиной в том огороде, где мы с вами впервые встретились.

— Странная идея — спрятать человека в могилу.

— У Конрада иной раз бывают странные идеи и, как правило, всегда эффективные.

— И вы нашли его там случайно?

— Когда я пришел в себя, я лежал на нем, и это было очень неудобно. Я думал, что это камень. Сначала я собирался отдать его вам, если мы снова встретимся, но когда стало очевидным…

— Понятно, — сказала она. — И теперь вы хотите использовать его против орды. Может, он уничтожит ее?

— Я делаю ставку на это. Нас явно что-то защищало. Конечно, талисман. И я думаю, орда боится именно его, иначе зачем бы ей собираться в рой против нас?

— Значит, Вольферт был прав, а все остальные ошибались, — сказала Диана. — Они выгнали его, а он был прав.

— Даже колдуны могут ошибаться, — сказал Дункан.

— Еще одно: скажите, зачем вы здесь? Что при-

вело вас сюда? Почему так важно для вас попасть в Оксенфорд? Вы ничего не говорили ни мне, ни Кутберту. Ему было бы очень интересно. У него было много друзей в Оксенфорде, он переписывался с ними много лет.

— Так вот, — начал Дункан, — есть манускрипт. Это долгая история, но я постараюсь передать ее в нескольких словах.

Он быстро рассказал ей суть дела.

— Как зовут того ученого?

— Вайс. Бишоп Вайс. Он стар и болен, поэтому мы и спешим. Он может умереть.

— Дункан, — тихо сказала она.

— Да? Вам знакомо это имя?

Она кивнула.

— Он был старым другом Кутберта, большим другом.

— Ну и прекрасно.

— Нет, Дункан. Бишоп Вайс умер.

— Умер?

— Несколько недель назад Кутберт получил известие о его кончине. Наверное, это было еще до того, как вы покинули Стендиш Хауз.

— Боже мой!

«Бесцельное путешествие, — думал он. — Все зря. Подлинность манускрипта не будет установ-

лена, вероятно, никогда. Может, лет через сто появится другой человек, такой же, как Бишоп Вайс. Его преосвященство будет ждать, святая церковь, весь христианский мир будут ждать этого человека, а будет ли он когда-нибудь?»

Диана придвинулась к нему, положила его голову себе на колени и держала, как мать ребенка.

— Поплачьте, — сказала она. — Никто не увидит, кроме меня. Слезы облегчают.

Но он не плакал, не мог. Горечь взметнулась в нем, сдавила, скрутила, терзала душу. До этой минуты он не знал, как много значил для него этот манускрипт — не как абстрактная вещь, содержащая потенциальное благо для всего мира, а для него лично, для Дункана Стендиша, христианской души, которая верит, что человек по имени Иисус ходил по земле, говорил слова, переданные потом нам, творил чудеса, улыбался на свадьбе, пил вино со своими братьями и в конце концов умер на римском кресте.

— Дункан, — тихо сказала Диана, — я горюю вместе с вами.

Он поднял голову и посмотрел на нее.

— Талисман, — сказал он.

— Вы хотите воспользоваться им, как предла-

гал Вольферт?

— Это единственное, что остается. По крайней мере, хоть какая-то польза от нашего путешествия.

— Вы не сомневаетесь в талисмане?

— Сомнение есть, но что еще можно сделать?

— Ничего.

— Мы можем погибнуть. Талисмана может оказаться недостаточно.

— Я буду рядом с вами, — сказала она.

— И умрете со мной?

— Если так случится. Но я не хочу об этом думать. Вольферт…

— Вы верите в него?

— Так же, как вы в свой манускрипт.

— А что потом, когда все кончится?

— Что вы имеете в виду?

— Я, например, вернусь обратно в Стендиш Хауз. А вы?

— Найду место. Есть другие замки колдунов. Там меня примут.

— Поедемте со мной.

— Как ваша подопечная или как ваша любовница?

— Как моя жена.

— Дункан, милый, во мне же кровь колдунов!

— А в моих жилах кровь бессовестных авантюристов, грабителей, пиратов и бог знает кого еще.

— Но что скажет ваш отец? Ведь он лорд.

Дункан представил себе отца, прямого, как дерево, раздувающего усы, его серые, как гранит, глаза с теплым блеском.

— Да, он лорд, но и джентельмен. Он будет любить вас, как дочь. У него не было дочери. У него только я. Моя мать умерла много лет назад. Стендиш Хауз давно ждет женских рук.

— Надо подумать, — сказала она. — Но одно могу сказать сразу: я очень люблю вас.

Глава 31

Рой находился на вершине небольшого гребня. Это было страшное зрелище: чернота, по которой пробегали странные искры, как далекие зарницы. Временами рой казался монолитным черным шаром, потом вдруг он становился рыхлым, как моток пряжи, как мыльный пузырь, готовый лопнуть. Он находился в непрерывном движении, как будто то, что его составляло, все время меняло место, ища более выгодного положения, перестраиваясь для достижения идеальной конфигурации роя.

Последив за ним некоторое время, Дункан замечал отдельных членов роя, но настолько мимолетно, что даже не был уверен, что действительно видел их.

Он сказал собравшимся вокруг него:

— Вы все знаете, что мы сделаем. Я возьму талисман, подниму вверх, чтобы его было видно, и медленно пойду к рою. В последних лучах заходящего солнца камни в талисмане засияют мистическими огнями всех цветов радуги, но много ярче радуги.

— А если не сработает? — проворчал Конрад.

— Должно сработать, — холодно ответила Диана.

— Должно сработать, — спокойно согласился Дункан. — Но если, на мой грех, не сработает — удирайте отсюда ко всем чертям, возвращайтесь к топи и держите путь к острову.

— Я не побегу, — заявил Конрад. — К чертям бегство!

Вдруг протянулась рука и выхватила у Дункана талисман.

— Эндрю! — Заорал Дункан.

Но отшельник уже бежал к рою, высоко подняв талисман, а другой рукой держа посох. Рот его был открыт, и он выкрикивал что-то.

— Дурак, похвальбишка, сукин сын! — Ругался Конрад.

Дункан бросился вперед, чтобы схватить Эндрю.

Впереди ударила молния. Полуослепленный Дункан увидел Эндрю, вспыхнувшего ярким пламенем. Через секунду пламя погасло, и отшельник стал дымящим факелом, который задуло порывом ветра. Тонкие усики жирного дыма вылетели из его поднятых рук. Талисман исчез, а Эндрю медленно сминался и упал кучей сгоревшей, дымящейся плоти.

Дункан бросился ничком на землю.

Дикая мысль пробежала в его мозгу: талисман Вольферта не был талисманом, не его боялась орда, не он защищал их в долгом странствии по разоренным землям. Должен был понять, — думал Дункан. — На побережье орда использовала Гарольда Ривера чтобы получить то, чего она боялась, но чего не смела взять сама. Она получила талисман, но оставила его как ненужную вещь.»

Единственной вещью, которую они не получили, был манускрипт.

«Манускрипт! — Думал он. — Боже мой, манускрипт! Именно его орда стремилась уничтожить. Для того и была опустошена северная часть Британии. Орда собиралась двинуться на аббатство Стендиш, где хранился манускрипт, но в то время манускрипта там уже не было. Кутберт говорил, что орда в смущении и растерянности. Конечно, так оно и было. Манускрипт, о котором орда знала и который как-то чувствовала, был унесен через опустошенную ими землю.»

Маленький, щуплый, прячущийся человечек, который так долго следил за компанией Иисуса, но сам не был в этой компании и не стремился в нее, записывал все, что видел и слышал, записывал точно, без вариаций и парафраз, каждое

слово, каждый жест, даже выражение лица Иисуса.

Это было правдой, это был точный отчет, и он пронес через столетия славу и силу, полную мощь Иисуса.

«Но почему ты всегда скрывал от меня свое лицо? — Спросил Дункан маленького человечка. — Да потому, — сам себе ответил он, — что это было частью всего дела. Человек этот не искал славы для себя. Все обратилось бы в ничто, если бы он думал о славе. Он и впредь должен остаться безликим.»

Дункан достал пергамент, вскочил на ноги и, подняв его высоко над головой, с торжествующим ревом бросился к качающемуся рою.

Громадный черный шар вспыхнул множеством молний. С каждым шагом Дункана вспышки становились все ярче, но оставались внутри роя. Такие же вспышки бежали по крутящемуся туману в битве у развалин замка, такая же молния превратила Эндрю в горящий и дымящийся факел, но теперь они не вырывались наружу.

Внезапно все вспышки слились, и шар взорвался. Множество тлеющих фрагментов взлетело в воздух. Они падали вокруг Дункана, дымились и съеживались на земле, некоторое время корчи-

лись, а затем умирали.

Орда погибла, и в наползавших сумерках растянулось, как туман, страшное зловоние.

Дункан опустил руку, сжимавшую помятый пергамент.

Раздался громкий плач, но не плач за мир, а другой, рядом. Дункан оглянулся и увидел Мег, скорчившуюся над вонючей кучкой того, что было Эндрю. Она плакала.

— Почему? — Спросила Диана, подходя к Дункану. — Отшельник и ведьма…

— Он дал ей кусок сыра, когда мы впервые встретили ее, — сказал Дункан. — Он помогал ей идти по лесной тропе. Он вместе с ней колдовал тропу на поляне. Разве этого мало?

Глава 32

Итак, подлинность манускрипта не будет подтверждена. Со смертью Бишопа Вайса не осталось никого, кто мог бы поставить на нем печать истины. Документ вернется в аббатство Стендиш и будет лежать там в богато украшенном сундучке, и мир не узнает о нем, потому что некому сказать, настоящий он или фальшивый.

Однако Дункан уже знал, что это подлинный документ, потому что только подлинные слова Христа могли уничтожить орду. «Ничто другое, — подумал Дункан, — не могло на нее воздействовать.» Он коснулся пальцами мешочка и снова услышал хруст. Сколько раз он делал этот жест и слушал шелест пергамента, но никогда не чувствовал такой благодати и безопасности.

Рядом зашевелилась Диана. Он обнял ее за плечи, и она придвинулась к нему.

Костер ярко пылал. С одной стороны его Скрач сгребал угли, чтобы испечь рыбу, пойманную им и Конрадом в ручье с помощью рубашки Дункана вместо сети.

— Где дух? — Спросил Дункан. — Он был тут, а теперь исчез.

— Вы его больше не увидите, — ответила Диана. — Он будет являться в замке.

— В каком замке? Где он его нашел?

— На развалинах замка, — пояснила Диана. — Он пришел ко мне и просил разрешения.

— И вы дали?

— Я ему сказала, что замок не мой и я не могу дать позволения, но пусть идет, потому что помешать ему я тоже не могу.

— Я ему сказал то же самое, когда он хотел идти с нами в Оксенфорд. Я удивлен, что он хочет поселиться в развалинах. Он же так хотел попасть в Оксенфорд.

— Он сказал, что жаждет иметь дом, место, где являться. Он сказал, что его повесили на хилом деревце, и он не хочет являться на дереве, тем более на осине.

— Я тоже слышал эту жалобу. А что бы подумал об этом Кутберт?

— Думаю, если бы Кутберт знал его, он был бы рад. И дух, бедняга, так хотел иметь дом.

— Если бы вы побольше послушали его, он бы вам в печенки въелся. Я рад, что избавился от него. Он вообще-то ничего парень, но надоедлив.

— А как насчет Скрача? — Спросила Диана.

— Он спас жизнь Конраду на поляне, и Конрад

никогда не забудет этого.

— И Конрад был мил с ним в замке, — заметила Диана. — Как вы. А все остальные в то время считали отвратительным.

Мэг принесла им рыбы на куске коры и села напротив.

— Не торопитесь есть, — предупредила она, — пусть немного остынет.

— А ты куда пойдешь после всех этих приключений? — Спросила Диана. — Скрач пойдет с нами.

— Стендиш Хауз, — сказал Дункан, — вполне может служить резиденцией ведьме. У нас их давным-давно не было.

Мэг покачала головой.

— Я уже придумала и хотела поговорить с вами насчет этого. У меня нет хижины, нет никаких вещей. Но у Эндрю была келья. Как вы думаете, он не обидится? По-моему, я знаю, где она. Если я не найду, Снупи обещал показать.

— Если ты этого хочешь, — сказал Дункан, — то, я думаю, Эндрю был бы рад, что ты будешь там жить.

— Я думаю, — сказала Мэг, — что он все-таки любил меня. Когда мы встретились, он дал мне кусок сыру, и на сыре были следы его зубов, а он

мне его отдал, и он…

Ее голос прервался. Она закрыла лицо руками, быстро встала и ушла в темноту.

— У них с Эндрю была любовь, — сказала Диана. — Удивительно: ведьма и отшельник…

— Мы все любили его, — сказал Дункан, — каким бы упрямцем он ни был.

«Упрямец и солдат господа. Самый неподходящий, но настаивающий на этом звании, хотя он по-прежнему оставался отшельником. Но бросился на смерть, как солдат господа. Эндрю и Бьюти — солдат и маленький терпеливый ослик. Я потерял их обоих», — подумал Дункан.

«Теперь, — думал Дункан, — пройдут годы, и плача за мир будет меньше. Какие-то несчастия в мире будут, но их будет все меньше и меньше, поскольку орды нет на земле. Меньше пищи для стервятниц на острове, меньше грязи на них.»

Диана дернула Дункана за руку.

— Пойдемте со мной. Я не могу сделать это одна. Я хочу, чтобы вы стояли рядом.

Они обогнули костер и подошли к Снупи, который ел рыбу. Диана остановилась против Снупи, обеими руками прижимая к себе меч.

— Этот меч слишком драгоценен, чтобы принадлежать человеку, — сказала она. — Не возьмешь

ли ты его обратно под охрану маленького народа? Храните его, пока он не понадобится вновь.

Снупи протянул руки и осторожно принял меч. В его глазах стояли слезы.

— Значит, вы знаете, миледи, кому он принадлежал когда-то?

Она молча кивнула.

— Тогда мы охотно возьмем его обратно. Мы будем хорошо хранить его и почитать. Когда-нибудь он может оказаться в других руках, и тот человек должен быть героем. Но никто не будет более достойным его, чем вы, миледи.

— Скажи маленькому народу, что он оказал мне великую честь.

— Это потому, что мы доверяем вам, — пояснил Снупи. — Мы знаем вас. Вы будете жить в Стендиш Хаузе?

— Да, — сказала Диана. — Мы уйдем утром.

— Когда-нибудь мы придем к вам с визитом, — обещал Снупи.

— Мы будем ждать вас, — сказала Диана. — Будут кексы, и эль, и танцы на лужайке.

Она повернулась и подошла к Дункану.

— Ну, вот, теперь я готова к завтрашнему дню…

ЗАЧАРОВАННОЕ

ПАЛОМНИЧЕСТВО

ЗАЧАРОВАННОЕ ПАЛОМНИЧЕСТВО

Глава 1

Гоблин со стропил следил за прячущимся монахом, который шпионил за ученым. Гоблин ненавидел монаха и имел для этого все основания. Монах никого не ненавидел и не любил: он был фанатичен и честолюбив. Ученый тайком спрятал рукопись, найденную им в переплете книги.

Был поздний час, в библиотеке затихало. Где-то украдкой скреблась мышь. Свеча, стоявшая на столе, над которым согнулся ученый, почти догорела.

Ученый сунул рукопись под рубашку. Он закрыл книгу, поставил ее на полку и пальцами погасил огонек свечи. Бледный лунный свет сквозь высокие окна, доходящие почти до стропил, залил библиотеку призрачным светом.

Ученый, пробираясь между столиками, направился в фойе. Монах еще больше вжался в тень и позволил ему пройти. Он не пытался остановить ученого. Гоблин, полный ненависти к монаху, в задумчивости поскреб голову.

Глава 2

Марк Корнуэлл ел хлеб с сыром, когда раздался стук в дверь. Комната была маленькой и холодной: горстка горевших прутьев в маленьком камине не согревала ее.

Марк встал и, прежде чем подойти к двери, стряхнул крошки сыра с одежды. Он открыл дверь: перед ним стояло маленькое сморщенное существо, едва ли трех футов ростом, одетое в изорванные кожаные брюки. Ноги у него были голые и волосатые, на теле — изношенная куртка алого бархата, а на голове красовался колпачок.

— Я гоблин со стропил, — сказало существо. — Можно войти?

— Конечно, — ответил Корнуэлл. — Я о вас слышал. Но я думал, что вы миф.

Гоблин вошел и устремился к камину. Присев на корточки, он протянул руки к огню.

— Почему вы считали меня мифом? — обиженно спросил он. — Вы знаете, что существуют и гоблины, и эльфы, и другие из Братства. Почему же вы усомнились в моем существовании?

— Не знаю, может быть потому, что я вас никогда не видел.

— Я прячусь. Остаюсь на стропилах, там много укромных мест, и меня трудно увидеть. Некоторые читатели очень пугливы. У них нет чувства юмора.

— Хотите сыра? — спросил Корнуэлл.

— Конечно, хочу. Что за глупый вопрос?

Он отошел от огня и примостился на грубой скамейке у стола. Осмотрелся.

— У вас не очень легкая жизнь. В комнате нет мягкости. Все жесткое и суровое.

— Я доволен, — сказал Корнуэлл. Он достал из ножен кинжал, отрезал сыра, потом хлеба и протянул их гоблину.

— Грубая еда, — заметил гоблин.

— Все, что имею. Но вы ведь пришли не за хлебом и сыром.

— Нет. Я видел вас вчера вечером. Видел, как вы стащили рукопись.

— Ага. И что же вам нужно?

— Ничего, — ответил гоблин. Он откусил сыра. — Я пришел сказать, что монах, Освальд, тоже следил за вами.

— Если бы он следил, то задержал бы.

— Мне кажется, — заметил гоблин, — что вас совершенно не мучают угрызения совести. Вы даже не пытаетесь скрыть это.

— Вы видели меня, — сказал Корнуэлл, — и тоже не остановили. Тут дело гораздо серьезнее, чем кажется.

— Возможно. Вы долго здесь были студентом?

— Почти шесть лет.

— Больше вы не студент. Ученый.

— Особой разницы нет.

— Конечно, — согласился гоблин, — но вы больше не стыдливый школьник. Вы переросли простого студента.

— Возможно, но я не совсем понимаю…

— Дело в том, что Освальд видел, как вы крадете документ, и все же позволил вам уйти. Мог он знать, что вы украли?

— Сомневаюсь. Я сам не знал, пока не увидел. Я не искал его. Я даже не знал, что он существует. Снимая книгу с полки, я заметил в переплете что-то странное. Он был слишком толстый. Похоже было, что в нем что-то спрятано.

— Если это было так заметно, почему же его до сих пор никто не нашел? Можно еще сыра?

Корнуэлл отрезал еще сыра.

— На ваш вопрос ответить очень легко. Вероятно, уже сто лет книги не трогали.

— Затерянный том, — сказал гоблин. — Таких много. Не расскажете ли, о чем он?

— Рассказ путешественника. Написан несколько столетий назад. Очень древний почерк. Какой-то монах давным-давно прекрасно переписал его, со сложными разноцветными буквами и рисунками на полях. Но все — пустая трата времени. В основном это собрание небылиц.

— Зачем же вы его искали?

— В небылицах иногда скрываются зерна истины. Я искал упоминание об одном обстоятельстве.

— И нашли?

— Не в книге. В спрятанной рукописи. Я склонен считать, что книга копия с оригинала. Вероятно, единственная копия. Такие рассказы не часто переписываются. Должно быть, монах работал с рукописью путешественника. Он изготовил великолепную книгу, которой вправе был гордиться.

— Вы думаете, что его мучила совесть, и он пошел на компромисс: не переписал страницу, а спрятал ее под переплет?

— Что-то в этом роде, — сказал Корнуэлл. — Ну, а теперь поговорим, зачем вы пришли сюда.

— Монах, — сказал гоблин. — Вы не знаете этого Освальда, как я его знаю. Из всех подонков он самый худший. Для него нет святынь. Ни один человек не может считать себя в безопасности

рядом с ним. Вы, должно быть, догадались, что он не зря позволил вам уйти.

— Мое воровство, похоже, вас не беспокоит, — заметил Корнуэлл.

— Вовсе нет. Я на вашей стороне. Много лет этот проклятый монах отравлял мне жизнь. Он пытался поймать меня, пытался стащить вниз. Я громко говорил о его грехах, старался так или иначе отплатить ему, но он продолжал меня преследовать. Вероятно, вы поняли, что я не желаю ему добра.

— Вы думаете, что он хочет донести на меня?

— Если я его хорошо знаю, — ответил гоблин, — то он продаст информацию.

— Кому? Кто в ней заинтересован?

— Подумайте сами, — сказал гоблин, — рукопись, спрятанная в древней книге, украдена. Значит, она достаточно важна, чтобы быть спрятанной и украденной. Интересно?

— Вероятно, вы правы.

— В городе и в университете найдется немало беспринципных авантюристов, которые заинтересуются этой информацией.

— Вы думаете, рукопись у меня украдут?

— Не сомневаюсь. Да и жизнь ваша в опасности.

Корнуэлл отрезал еще сыра и протянул гоблину.

— Спасибо, — поблагодарил гоблин. — И хлеба, пожалуйста.

Корнуэлл отрезал и хлеба.

— Я вам признателен, — сказал он. — А что вам в этой истории интересно?

— Я думаю, что это очевидно, — ответил гоблин. — Я хочу, чтобы этому проклятому монаху прищемили нос.

Он положил хлеб с сыром на стол, сунул руку под куртку и извлек несколько листочков пергамента.

— Я думаю, сэр, вы владеете пером?

— Мне кажется, да, — ответил Корнуэлл.

— Это старый пергамент, прежние надписи на нем стерты. Я предлагаю снять копию с украденной рукописи и положить в таком месте, где бы ее смогли бы найти.

— Но я…

— Копия, но с некоторыми изменениями… Маленькими изменениями, которые собьют со следа.

— Это легко сделать, — сказал Корнуэлл. — Но чернила будут свежими, будут отличия в почерке и…

— Кто сейчас разбирается в разных почерках? Кроме вас, никто не видел рукописи. Никто и не догадается, если стиль немного изменится. Пергамент старый, а что касается старой записи, то в древние времена, когда пергамента не хватало, часто использовали исписанный.

— Ну, не знаю, — заметил Корнуэлл.

— Ученый смог бы распознать подделку, но вероятность того, что рукопись попадет к ученому, очень мала, во всяком случае, вы к тому времени будете далеко…

— Далеко?

— Конечно, — сказал гоблин. — Не можете же вы оставаться здесь после происшедшего.

— Вероятно, вы правы. Я сам думал об этом.

— Надеюсь, сведения в рукописи стоят всех этих беспокойств. Но если даже и нет…

— Я думаю, они стоят, — заметил Корнуэлл.

Гоблин слез со скамьи и направился к двери.

— Секунду, — сказал Корнуэлл. — Как вас зовут? И увидимся ли мы снова?

— Меня зовут Оливер, по крайней мере так я себя называю. И вряд ли мы еще встретимся. Хотя… погодите. Сколько времени вам нужно для изготовления подделки?

— Немного.

— Тогда я подожду. Моя власть невелика, но кое-чем я могу помочь. Я знаю небольшое заклинание, от которого чернила поблекнут, а пергамент будет выглядеть древним.

— Я в долгу перед вами, — сказал Корнуэлл. — Но вы не спросили, о чем идет речь в рукописи.

— Вы сможете рассказать за работой.

Глава 3

Лоуренс Беккет со своими людьми засиделся за выпивкой. Ужинали рано, но они все еще сидели за столами, на которых валялись кости и куски хлеба. Горожане, завсегдатаи таверны, уже разошлись, и хозяин, отослав слуг, сам остался у прилавка. Он хотел спать, и часто зевал, но не торопил гостей: не так уж часто в «Кабаньей голове» появлялись посетители с таким количеством денег. Студенты заглядывали редко и приносили больше беспокойства, чем прибыли, а горожане прекрасно умели растягивать один стакан на целый вечер. «Кабанья голова» стояла не на главной дороге, а на боковой улице, и купцы не часто находили сюда дорогу.

Дверь открылась, и вошел монах. Он постоял, вглядываясь в полутьму таверны. Хозяин за прилавком напрягся; какое-то шестое чувство подсказало ему, что этот визит не принесет ему ничего хорошего. Уже много лет люди в рясах не переступали порога его таверны.

После недолгого колебания монах натянул капюшон на голову, как бы не желая смешиваться с посетителями, и направился к столу, где

сидел Беккет и его люди. Он остановился перед Беккетом.

Беккет вопросительно взглянул на него, монах молчал.

— Альберт, — сказал Беккет, — налей этой ночной птице вина. Редко приходится пить с людьми в такой одежде.

Альберт налил вина и протянул монаху.

— Мистер Беккет, — сказал монах, — я слышал, что вы в городе. Хочу поговорить с вами наедине.

— Конечно, — сердечно отозвался Беккет, — поговорим. Но только не наедине. Эти люди все равно, что я. То, что могу услышать я, годится и для их ушей. Альберт, стул сэру монаху.

— Разговор должен быть наедине, — настаивал монах.

— Ладно, — сказал наконец Беккет. — Пересядьте за другой стол, сказал он собутыльникам. — Можете взять с собой свечку.

— Вы смеетесь надо мной, — сказал монах.

— Смеюсь. Не могу представить себе, чтобы вы сказали что-нибудь важное.

Монах сел рядом с Беккетом, осторожно поставил на стол кружку с вином и подождал, пока остальные не отойдут.

— Ну, что за тайну вы хотите мне рассказать? — спросил Беккет.

— Прежде всего, я знаю, кто вы такой на самом деле. Не просто торговец, как думают некоторые.

Беккет ничего не сказал, просто взглянул на монаха. Но выражение лица у него не изменилось.

— Я знаю, что у вас есть доступ к церкви, — продолжал монах. — За то одолжение, что я вам сделаю, вы замолвите за меня словечко.

— А что за одолжение?

— Час назад в университетской библиотеке украдена рукопись.

— Пустяки.

— Возможно, но рукопись была спрятана в древней и почти неизвестной книге.

— Вы знали об этой рукописи? О чем она?

— Не знал, пока вор не отыскал ее. И о чем она, я не знаю.

— А книга древняя?

— Написана очень давно путешественником по имени Тейлор. Он путешествовал по Диким землям.

Беккет нахмурился.

— Я знаю о Тейлоре. Вернее, слухи о его находках, но я не знал, что он написал книгу.

— Почти никто не знает о ней. Ее переписали

только раз. Это копия в нашей библиотеке.

— Вы читали ее, сэр монах?

— До сих пор она меня не интересовала. На свете так много книг. И рассказы путешественников обычно лживы.

— Вы думаете, что рукопись имеет какую-либо ценность?

— Да. Уж очень хорошо она была спрятана. Зачем иначе ее было прятать?

— Интересно, — негромко сказал Беккет. — Очень интересно. Но ценность ее не доказана.

— Если у нее нет ценности, вы мне ничего не должны.

— Джентльменское соглашение.

— Да, — согласился монах, — джентльменское соглашение. Рукопись нашел ученый, Марк Корнуэлл. Он живет в самой верхней мансарде наемного дома на углу улиц Короля и Доски.

Беккет нахмурился.

— Корнуэлл?

— Несносный человек откуда-то с Запада. Неплохой студент, но слишком замкнутый. Не имеет друзей. Живет бедно. Почти все его товарищи по учебе разъехались, довольные тем, что получили. Он же остался. Думаю, главным образом из-за того, что интересуется древними.

— Как это «интересуется древними»?

— Он считает, что они еще существуют. Он изучил их язык, или, вернее то, что считает языком древних. Об этом есть несколько книг. Он изучил их.

— Почему он интересуется древними?

Монах покачал головой.

— Не знаю, я не знаю этого человека. Я говорил с ним один или два раза. Интеллектуальное любопытство, может быть. А может, что-нибудь другое.

— Может, он думает, что Тейлор писал о древних?

— Может быть. Тейлор мог о них писать. Я не читал эту книгу.

— Рукопись сейчас у Корнуэлла? Он спрячет ее?

— Сомневаюсь. Если спрячет, то не очень далеко. Он считает, что его воровство никому не известно. Я видел, как он украл ее, но позволил ему уйти. Я не пытался остановить его. Он не мог знать обо мне.

— Не кажется ли вам, сэр монах, что этот студиозус, ваш друг с легкими пальцами, стоит на краю ереси?

— Это, мистер Беккет, предстоит решить вам.

Вокруг нас множество знаков ереси, но лишь мудрец может дать точное определение.

— Как вы думаете, бывает политическая ересь?

— Я никогда не думал об этом.

— Это хорошо, — сказал Беккет, — потому что при определенных, точно указанных условиях, сам университет, а особенно его библиотека, могут оказаться под подозрением в ереси из-за того, что стоит на ее полках.

— Могу заверить вас, что книги не используются со злыми намерениями. Только для того, чтобы выработать инструкцию по борьбе с ересью.

— Ну, если вы ручаетесь, то мы можем оставить это, — сказал Беккет. Что касается другого дела, то я могу считать, что вы не готовы раздобыть рукопись и отдать ее нам.

Монах пожал плечами.

— У меня нет возможностей для такой операции. Я сообщил вам, этого достаточно.

— Вы считаете, что я больше подхожу для этого?

— Поэтому я и пришел к вам.

— Откуда вы узнали, что я в городе?

— В городе повсюду уши. Мало что в нем остается неизвестным.

— И вы слушаете внимательно?

— Такова моя привычка.

— Хорошо, — сказал Беккет. — Договорились. Если документ будет найден и окажется ценным, я замолвлю за вас слово. Этого вы хотите?

Монах молча встал.

— Говоря о вас, я должен знать и ваше имя.

— Я брат Освальд.

— Запомню, — сказал Беккет. — Кончайте же вино, и примемся за работу. Король и Доска?

Монах кивнул и потянулся к вину. Беккет встал, подошел к своим людям, потом вернулся.

— Вы не пожалеете, что пришли ко мне, — закончил он.

— Надеюсь, — ответил брат Освальд.

Он допил вино и поставил кружку на стол.

— Я увижу вас снова? — сказал он.

— Если будете искать меня.

Монах завернулся в плащ и пошел к двери. Снаружи луна скрылась за деревьями, и в узком переулке было темно. Монах шел осторожно, нащупывая путь по скользким булыжникам.

К нему скользнула тень. В темноте тускло сверкнула сталь. Монах захрипел и упал, из его горла хлынула кровь. Потом он затих. Его тело нашли утром.

Глава 4

Джиб из Болот встал до восхода солнца. Он всегда вставал рано, а сегодня у него было очень много дел. Именно сегодня гномы велели ему прийти за новым топором: лезвие старого, изношенное и стершееся, уже невозможно было наточить как следует.

Обычно по утрам в это время года болото затягивал низкий туман, но сегодня утро было ясное. Несколько клочьев слоистого тумана висело над островом, где добывались дрова, но в целом тумана не было. На восток и на юг тянулось плоское болото, коричневое и серебряное, поросшее тростником и травами. Утки плескались в прудах поблизости, мускусная крыса плыла по полоске воды, оставляя за собой аккуратный разбегающийся след в виде буквы «V». Где-то далеко крикнула цапля. К западу и северу на фоне неба поднимались холмы, заросшие лесом — дубами и кленами, и некоторые из них уже были тронуты огненными красками осени.

Джиб стоял и смотрел на холмы. Где-то там, в густом лесу, был дом его лучшего друга — Хола из Дуплистого Дерева. Почти каждое утро, если не

было тумана, он пытался различить это дерево, но никогда не мог: на таком расстоянии деревья не отличались друг от друга. Он знал, что сегодня у него не будет времени навестить Хола: взяв топор, он должен проведать одинокого отшельника, который жил в известковой пещере одного из отдаленных холмов. Уже целый месяц он не навещал отшельника.

Он скатал коврик из гусиного пуха и шерстяное одеяло и спрятал их в хижине в центре плота. Если было не холодно и не шел дождь, он всегда спал под открытым небом. На металлической пластине на передней части плота он разжег костер, используя сухую траву и прутья, которые у него хранились под навесом для дров, так же, как и фитиль, кремень и огниво.

Когда костер разгорелся, Джиб сунул руку в прикрепленный к плоту садок и вытащил рыбу. Он убил ее ударом ножа и быстро выпотрошил. Потом бросил филе в котел, который поставил на решетку над огнем, а сам присел на корточки, чтобы присматривать.

В болотах было тихо. Лишь негромко крякали утки, да изредка слышался плеск рыбы. Впрочем, подумал Джиб, в это время всегда тихо. Позже в камышах начнут ссориться птицы, над головой

со свистом пронесется дичь, станут слышны резкие крики чаек.

Восток посветлел, и болота, раньше бывшие неразличимыми, коричнево-серебристыми, стали приобретать новые очертания. Показалась в отдалении линия ив; они росли на узкой полоске земли, отделявшей отдаленную речку от болота. Стала видна полоска тростника у лесистого холма; видно было даже, как покачиваются на бродячем ветру его метелки.

Джиб ел из котелка, не заботясь о тарелке, а плот мягко покачивался на воде. Джиб попытался представить, какой же должна быть жизнь на прочной земле без этого постоянного покачивания. Всю жизнь он провел на плоту, который замирал лишь тогда, когда болота замерзали.

Думая о холодах, он перебрал в уме все необходимые приготовления к зиме. Нужно закоптить побольше рыбы, собрать корни и семена, постараться добыть несколько мускусных крыс для зимней одежды. И приготовить дрова. Но это дело пойдет быстрее, когда у него будет новый топор.

Он вымыл котелок, потом отнес в привязанную к плоту лодку узелки, которые связал перед сном. В них была сушеная рыба и дикий рис — подарки для гномов и отшельника. В последний момент

он положил в лодку и старый топор: гномам металл пригодится.

Джиб тихо греб вниз по протоке, не желая нарушать утреннюю тишину. На востоке вставало солнце, и на противоположных холмах ранние осенние краски вспыхнули ярким сиянием.

Приближаясь к берегу, за поворотом протоки Джиб увидел плот. Частично он скрывался в воде, но задняя часть выдавалась в канал. Старый болотник сидел на корме плота и плел сеть. Когда появился Джиб, старик, вглядываясь, принялся приветливо махать руками. Это был старый Друд, и Джиб удивился, что это он тут делает? Когда он в последний раз слышал о Друде, его плот был поблизости от ивового берега у реки.

Джиб причалил свою лодку к плоту и веслом удерживал ее.

— Давненько не виделись, — сказал он, — а когда вы переплыли сюда?

— Несколько дней назад, — ответил Друд. Он оставил сеть и присел на корточки рядом с лодкой. Джиб видел, что Друд постарел. Насколько он мог вспомнить, его всегда звали старым Друдом, даже когда он не был старым, но теперь годы начали оправдывать прозвище. Друд поседел.

— Подумал, что смогу раздобыть здесь дров, —

сказал он. — На той стороне, у реки, осталось не так уж много ив, да и горит ива плохо.

Переваливаясь, из-за хижины вышла миссис Друд. Она заговорила высоким, писклявым голосом:

— Мне показалось, что слышу кого-то. Это молодой Джиб? — она прищурила свои слабые глаза.

— Здравствуйте, миссис Друд, — ответил Джиб. — Рад, что вы теперь мои соседи.

— Мы вряд ли останемся здесь надолго, — сказал Друд. — Вот только наберем дров.

— А у вас есть дрова?

— Немного. Дело идет медленно. Никто не помогает. Дети разошлись и ведут теперь свою жизнь. А я не могу работать, как раньше.

— Мне тут не нравится, — сказала миссис Друд. — Здесь волки.

— А у меня топор, — сказал Друд. — Ни один волк не подойдет ко мне, пока со мной топор.

— Все дети разошлись, — повторил Джиб. — Когда я в последний раз вас видел, с вами были Дэйв и Алиса.

— Алиса вышла замуж три месяца назад. За парня с южного конца болот. Дэйв построил себе плот. Хорошая работа. Не позволил мне помогать. Сказал, что должен сделать сам. Прекрасный

плот. И передвинулся на восток. Мы время от времени видимся с ним и Алисой.

— У нас есть эль, — сказала миссис Друд. — Хотите кружку эля? Я и позабыла спросить у вас, вы завтракали? Я приготовлю за минуту.

— Спасибо, миссис Друд, я завтракал. А вот эля бы выпил.

— Принеси и мне тоже, — сказал Друд. — Нельзя позволить Джибу пить одному.

Миссис Друд побрела в хижину.

— Да, сэр, — сказал Друд, — не так-то просто заготовить дрова. Но со временем я справлюсь. Здесь хорошие дрова: большей частью дуб и клен. Сухие, хорошо горят, и много упавших деревьев. Их годами никто не трогает. Пройдет иногда караван, разведет костер, но это никак не сказывается. А выше по холму растут гикори с лохматой корой — это же вообще лучший сорт дров. Их внизу не часто найдешь. Но тащить их оттуда…

— Сегодня я занят, — сказал Джиб, — но завтра и послезавтра могу вам помочь.

— Не нужно, Джиб. Я и сам управлюсь.

— Мне самому нужны дрова гикори.

— Тогда другое дело. Буду рад вместе поработать. И спасибо.

Вернулась миссис Друд с тремя кружками эля.

— Еще одну я принесла для себя, — пискнула она. — У нас не часто бывают гости. Немного посижу с вами, пока мы пьем эль.

— Джиб поможет мне завтра с дровами, — сказал Друд. — Мы пойдем за большим гикори.

— Гикори хорошие дрова, — отозвалась миссис Друд.

— Я иду за новым топором, — сказал Джиб и добавил, — старый почти весь стерся, мне его дал еще отец.

— Я слышала, твои родители вблизи Енотовой отмели, — сказала миссис Друд.

Джиб кивнул.

— Да, последнее время жили там. Хорошее место. Много дров, отличная рыбалка, множество мускусных крыс, полоска с диким рисом поблизости, я думаю, что они там останутся.

— Вы получите новый топор у гномов? — спросил Друд.

— Да, пришлось немного подождать. Я говорил с ними об этом прошлым летом.

— Прекрасные работники, эти гномы, — рассудительно сказал Друд. — И железо хорошее. У них сейчас жила отличной руды. Все время приходят караваны и забирают у них товар. У них прекрасная репутация, и им легко все продавать. Иногда

приходится слышать про гномов ужасные вещи. Но сами гномы не такие. Не знаю, что мы без них бы делали. Они здесь давно, никто уж и не помнит, как давно.

— Если сердце доброе, — сказала миссис Друд, — всегда можно ужиться.

— Гномы не нашего племени, мать, — напомнил Друд.

— Ну и что? Они живые существа и не многим отличаются от нас. Во многих отношениях к нам они ближе, чем люди. А народ холмов еще ближе к нам.

— Главное то, — заключил Друд, — что мы все живем мирно. Возьми нас и людей. Люди вдвое выше нас, и у них гладкая кожа, а мы покрыты шерстью. Люди умеют писать, а мы не умеем. У людей есть много такого, чего у нас нет, но мы не завидуем, а они не смотрят на нас свысока. Пока мы живем мирно, все в порядке.

Джиб прикончил свой эль.

— Мне пора, — сказал он, — впереди долгий путь. Я должен получить топор и навестить отшельника.

— Я слышал, что отшельник болен, — заметил Друд. — Он очень стар. Погодите минуточку, я кое-что хочу послать ему. Кусочек дикого меда,

который мне дал народ холмов.

— Ему это понравится, — заметил Джиб.

Миссис Друд торопливо ушла.

— Я часто думаю, — сказал Друд, — как живет отшельник. Он сидит на своем холме, в своей пещере, никогда никуда не ходит и ничего не делает.

— К нему многие приходят, — ответил Джиб. — Он знает лекарства от всех болезней. От живота, от горла, от зубов. Но не все приходят только лечиться. Некоторые просто хотят поговорить.

— Да, он, наверное, со многими видится.

Вернулась миссис Друд с пакетом и отдала его Джибу.

— Приходите ужинать, — сказала она. — Если задержитесь, я сберегу для вас ужин.

— Спасибо, миссис Друд. — Джиб оттолкнулся от плота и поплыл по извилистой протоке; перед ним взлетали птицы, пролетали над головой, возмущенно кричали.

Джиб добрался до берега. Здесь земля круто поднималась от болота. Огромные деревья далеко над водой и над травой вытягивали свои ветви. Большой дуб рос так низко, что вода смыла землю с его корней, и они теперь, как когти, торчали над берегом.

Джиб привязал лодку к корню, взвалил на спину узлы, старый топор и начал забираться вверх. Он шел по еле заметной тропинке, извивающейся между двумя холмами. Он миновал дорогу, которой пользовались редкие торговые караваны.

Болота теперь были полны шума, но по мере того, как Джиб углублялся в лес, тишина смыкалась над ним. Шумела на ветру листва, время от времени раздавался глухой удар: это желудь падал на землю. Ранним утром трещали белки, приветствуя восход солнца, но теперь они неслышно занимались своими делами, как темные тени скользя в листве.

Подъем был крутой, и Джиб прислонился к поросшему мхом валуну, чтобы передохнуть. Лес ему не нравился. Попадая в него даже на короткое время, он всегда тосковал по болоту. Леса угрюмы и скрытны, а болото открыто. В болоте всегда знаешь, где находишься, а тут так легко заблудиться.

Глава 5

Гном Снивли спросил:

— Вы пришли за своим топором?

— Если он готов, — ответил Джиб.

— О, он был готов еще вчера, — ответил Снивли. — Но входите и садитесь. Сюда нелегко забраться даже молодому.

Вход в пещеру находился на склоне холма, и перед ним, наполовину заполняя глубокое ущелье, была груда земли и шлака, выглядевшая как спина огромного кабана, вдоль которой шла дорожка для тачек из шахты. Куча земли и шлака была такой старой, что по ее склонам росли деревья, некоторые из них свисали в ущелье под острым углом. В глубине пещеры, уходящей глубоко в гору, виднелись отблески пламени и слышались удары молота.

Снивли направился в маленькую боковую пещеру, соединяющуюся с главной, которая уходила в шахту.

— Тут можно спокойно посидеть и спастись от шума, — сказал он. — К тому же, мы не будем стоять на пути тачек, когда их будут вывозить из шахты.

Джиб положил один из свертков на полку, тянущуюся вдоль стены.

— Копченая рыба и кое-что еще, — пояснил он. — Другой мой сверток для отшельника.

— Я много лет уже не видел отшельника, — сказал Снивли. — Садитесь на этот стул. Я недавно заново обил его. Он очень удобен.

Джиб сел, а гном взял другой стул и повернул его так, чтобы сидеть лицом к гостю.

— В сущности, я только раз был у отшельника, — продолжил он. — Зашел по-соседски, принес ему пару серебряных подсвечников. И больше не был. Боюсь, я затруднил его. Я чувствовал в нем какое-то беспокойство. Он ничего не сказал, конечно…

— Да и не мог. Он очень добрый человек.

— Не следовало мне так делать. Все дело в том, что я очень долго живу в стране людей и начал уже утрачивать чувство различия между собой и людьми. Но для отшельника и, наверное, для многих других людей я напоминание о другом мире, к которому люди все еще чувствуют отвращение и неприязнь, и, вероятно, не без основания. Веками люди и мой народ жестоко боролись друг с другом без милосердия и, как предполагаю, без чести. В результате отшельник, который, как вы говорите,

самый добрый из людей, не знал, как себя со мной вести. Он, должно быть, знал, что я безвреден и не представляю никакой угрозы ни для него, ни для его расы, и все же чувствовал беспокойство. Если я был бы дьяволом или каким-нибудь демоном, он знал бы, как действовать, брызнул бы святой водой и произнес бы заклинание. Хоть я не дьявол, но, однако, каким-то неведомым путем мысли обо мне связываются с дьяволом. Все эти годы я сожалел, что навестил его.

— И, однако, он взял подсвечники?

— Да, взял, и поблагодарил за них. Он слишком джентльмен, чтобы бросить их мне в лицо. Взамен он дал мне кусочек золотой ткани. Вероятно, какой-то знатный посетитель дал ее ему, потому что у отшельника не было денег, чтобы купить такую дорогую вещь.

Все эти годы я думаю, что мне делать с этой тканью. Держу ее в сундуке и время от времени ее вынимаю, чтобы взглянуть. Вероятно, я мог бы ее обменять на что-нибудь полезное, но мне не хочется этого делать: все-таки это подарок и с ним связаны какие-то чувства. Подарки не продают, особенно подарки такого хорошего человека.

— Я думаю, что все это вы вообразили себе — замешательство отшельника, я имею в виду, —

сказал Джиб. — Я, например, не испытываю к вам таких чувств. Хотя, должен признать, что я тоже не человек.

— Вы ближе ко мне, — сказал гном, — и вот в этом вся разница. — Он встал. — Пойду-ка принесу топор. — Он похлопал по узлу, который Джиб положил на полку. — А за это я открою вам кредит. Без этого ваш кредит кончился.

— Я давно хочу спросить, — сказал Джиб, — но до сих пор не хватало духа. Народ Болот, народ Холмов, даже многие люди приносят вам добро, и вы открываете им кредит. Значит вы умеете писать?

— Нет, — ответил гном, — не умею. Мало кто из гномов умеет. Может, кто-нибудь из гоблинов. Особенно те, что живут в университете. Но мы ведем счет. И ведем его честно.

— Да, — согласился Джиб, — очень честно, щепетильно.

Снивли вышел и стал рыться где-то на полках. Вскоре он вернулся с топором, насаженным на топорище из древесины гикори.

— Мне кажется, — сказал он, — у него хорошее равновесие. Если нет, то принесите его назад, мы поправим.

Джиб с восторгом взвесил топор на руке.

— Прекрасно, — сказал он. — Если будут нужны небольшие изменения, то я справлюсь сам.

Он провел пальцем по лезвию.

— Отличный топор, если его беречь, он будет служить весь мой век.

Снивли был польщен.

— Нравится?

— Мастерская работа. Я заранее знал, что так и будет.

— Он хорошо заточен и не скоро затупится. Но осторожнее с камнем.

— Я буду осторожен, — ответил Джиб. — Это слишком хороший инструмент, чтобы с ним плохо обращаться.

— А теперь я хочу еще кое-что показать вам, — сказал гном.

Он сел и положил на колени предмет, тщательно завернутый в шкуру. С почтением он развернул сверток. Предмет заблестел. Джиб, очарованный, наклонился вперед.

— Меч! — воскликнул он.

— Человеческий меч, — сказал Снивли. — Он слишком большой, слишком тяжелый и длинный для таких, как вы и я. Меч бойца. Никаких украшений, никакого фальшивого блеска. Орудие, как и ваш топор. Честное лезвие. За все

время, что я здесь, мечи, сделанные нами, можно пересчитать по пальцам одной руки. И этот — лучший из всех.

Джиб протянул руку и коснулся лезвия.

— Такое оружие должно иметь имя, — сказал он. — Рассказывают, что в старину люди часто давали имена своим мечам, как лошадям.

— Мы нашли небольшое гнездо замечательной руды, — сказал Снивли. Осторожно добыли ее, переплавили. Такая руда встречается не часто. Ее используют для особых случаев, таких, как этот меч и ваш топор.

— Значит, мой топор…

— Ваш топор и этот меч — братья.

— Будем надеяться, что меч попадет в надежные руки, — сказал Джиб.

— Мы постараемся, чтобы так и было.

— Я принес вам старый топор. Его металл хорош, но лезвие так сточилось, что его невозможно как следует заточить. Но ржавчины нет. Я, подумал, может вы используете металл. Кредит мне за это не нужен.

Он взял топор с пола и протянул гному.

— Хороший топор, — сказал Снивли. — Топор вашего отца?

Джиб кивнул.

— Отец дал его мне, когда я построил свой плот.

— Да, мы сделали его для него. Хороший был топор, но ваш все же лучше.

— Отец шлет вам привет. И мать тоже. Я говорил им, что увижусь с вами.

— Хорошо вы живете, — сказал гном. — Все вы, в Болотах. Много лет. У вас нет истории? Вы не знаете, как долго живете там?

— Мы не умеем записывать события, — ответил Джиб. — У нас есть только предания, переходящие от отца к сыну. В них, наверное, немало истины, но сколько — я не знаю.

— Сколько тут живут гномы, — сказал Снивли, — ваш народ все это время населяет Болота. Он жил тут и до нашего прихода. У нас тоже есть свои легенды. О том, кто открыл здесь руду и начал строить шахту. И как вы, мы тоже не знаем, что в легендах правда, а что нет.

Джиб взвалил на плечо узел для отшельника.

— Я должен идти, — сказал он. — До пещеры отшельника далеко. А мне до наступления ночи нужно быть дома.

Снивли кивнул.

— И правильно. В этом году много волков. Больше, чем когда-либо. Если задержитесь, можете

заночевать здесь, мы будем всегда вам рады.

Глава 6

Вначале Джиб подумал, что отшельника нет дома, хотя это было странно. В последние годы, состарившись, отшельник почти никогда не покидал пещеры, лишь изредка он выходил чтобы собрать кореньев, травы, листьев и коры, необходимых ему для приготовления лекарств.

Костер в пещере не горел и дымом не пахло. Значит, огня здесь давно не было. К грубому тростниковому столу прилипла яичная скорлупа.

Джиб вгляделся в темноту.

— Отшельник, — негромко позвал он, одерживаемый внезапным предчувствием, которого не понимал. — Отшельник, где вы?

В углу послышался слабый звук. Может, мышь?

— Отшельник? — повторил Джиб.

Звук повторился.

Джиб осторожно пошел в угол.

— Сюда, — слабо произнес отшельник. Его голос звучал не громче шелеста листвы.

Глаза Джиба привыкли к темноте, и он разглядел низкое темное возвышение в углу и бледное лицо на нем.

— Отшельник, что случилось?

Джиб склонился над тюфяком и увидел одеяло, натянутое на подбородок.

— Наклонись ниже, — произнес отшельник. — Мне трудно говорить.

— Вы больны? — спросил Джиб.

Бледные губы чуть шевельнулись.

— Я умираю. Слава богу, что ты пришел.

— Вам нужно чего-нибудь? Воды? Супа? Я сварю суп.

— Слушай, — сказал отшельник. — Не разговаривай, слушай.

— Слушаю.

— Шкаф у стены.

— Вижу.

— Ключ у меня на шее. На шнурке.

Джиб протянул руку.

— Нет, подожди…

— Да?

— В шкафу… в шкафу… — отшельник питался говорить. — Книга в коже. Ручной топор. Из камня. Отнеси к епископу…

— Какому епископу?

— Епископу Башни. Ниже по реке, на северо-запад. Спрашивай, тебе покажут.

Джиб ждал. Но отшельник молчал. Он больше

не пытался говорить.

Джиб осторожно протянул руку и нащупал шнурок, затем, приподнял голову отшельника, он снял шнурок. На шее висел маленький ключ.

Он отпустил голову отшельника на подушку.

Подождал немного, но отшельник не шевелился. Джиб направился к шкафу. Книга была там, маленькая книга в кожаном переплете. Рядом лежал топор. Таких топоров Джиб никогда не видел. Он был сделан из камня и заострен с одного конца. Но даже сделанный из камня, он был таким гладким, словно металлический. Только внимательно приглядевшись, можно было различить сколы, которые ему придавали нужную форму.

В шкафу были и другие предметы: бритва, ножницы, расческа, маленький пузырек, наполовину заполненный голубоватой жидкостью.

Джиб взял книгу и топор и вернулся к отшельнику.

Отшельник открыл блеклые глаза и взглянул на него.

— Взял? Хорошо.

— Я отнесу их к епископу.

— Ты Джиб? Ты был здесь раньше?

Джиб кивнул.

— Подождешь?

— Да. Могу я что-нибудь сделать? Воды?

Отшельник чуть повернул голову.

— Ничего.

Джиб ждал, стоя на коленях у постели умирающего. Дыхание отшельника было таким слабым, что грудь его едва двигалась и между вдохами наступали долгие промежутки. Изредка волосы на верхней губе отшельника слегка шевелились, когда он выдыхал через нос.

Один раз отшельник заговорил.

— Я стар, — сказал он. — Мое время прошло.

И снова замолчал. Слабое дыхание продолжалось. Дважды Джиб был почти уверен, что оно прекратилось совсем, но оно все же возобновлялось.

— Джиб?

— Да.

— Оставь меня здесь. Когда все будет кончено, оставь меня здесь.

Джиб не ответил. Тишина сгущалась. Слабое дыхание продолжалось.

Потом:

— Загороди вход в пещеру. Сделаешь?

— Да.

— Не хочу, чтобы волки…

Он не кончил предложения. Джиб продолжал

сидеть у постели. Один раз он подошел ко входу и выглянул. Солнце уже прошло зенит и начало склоняться к западу. Отсюда, с высоты, была видна та часть Болот, откуда он сегодня пришел. Было видно пространство почти до реки.

Джиб повернулся и продолжил свое бдение. Он пытался думать о чем-нибудь и обнаружил, что не может. Слишком о многом нужно было думать. Он не мог разобраться в своих мыслях.

Некоторое время он просто сидел, не следя за отшельником. Взглянув вновь на старика, он не обнаружил дыхания. Джиб подождал, помня, что так уже было несколько раз. Но время шло, а волосы на губе не шевелились, не было никаких признаков жизни. Джиб прижал ухо к груди отшельника и не услышал биения сердца. Он поднял веко старика: на него смотрел остекленевший взгляд.

Отшельник умер. Но Джиб продолжал сидеть рядом с ним, как будто его присутствие могло отменить смерть. Теперь он мог думать. Мог ли он что-либо сделать? Он с ужасом понимал, что не дал умирающему даже воды. Он предлагал, но отшельник отказался. Может быть, следовало все же принести воды? Оказать какую-нибудь помощь? Но к кому можно было обратиться за

помощью? Кто смог бы помочь? К тому же, он не мог оставить умирающего в одиночестве.

Отшельник был стар и не боялся смерти. Может, смерть была для него желанной. Еще сегодня утром Друд удивлялся, что же получает отшельник от жизни? На этот вопрос так и нет ответа. Но, подумал, Джиб, что-то должно быть, иначе он бы не встретил смерть так просто.

Он вспомнил, что должен сделать многое, а уже вторая половина дня. Джиб сложил руки мертвеца на груди, закрыл одеялом лицо, потом отправился на поиски камней, которыми можно было бы завалить вход в пещеру.

Глава 7

Хол из Дуплистого Дерева перебрался через изгородь и оказался на поле. Он знал, что находится в безопасности. Самогонщик со своими сыновьями находился по другую сторону поля, а его собаки спали под накренившимся амбаром после ночной охоты.

Охота была долгой и, по-видимому, неудачной. Хол и Енот все это время просидели у своего дерева, прислушиваясь к ее звукам. Однажды собаки лаем обозначили, что загнали добычу на дерево, но енот, должно быть сумел уйти, потому что они скоро снова пошли по следу. Несколько раз слушатели видели огоньки: это самогонщик и его сыновья шли за собаками.

Урожай в этом году был хороший. Самогонщик и его семья не очень-то о нем заботились. Кукурузу боронили один только раз, и то лишь в самом начале роста, и в результате между рядами густо росли сорняки. Но початки висели тяжело, и их было больше, чем обычно.

Хол прошел пять или шесть рядов. Хотя особых признаков этого не было, он знал, что наружные ряды подверглись нападению енотов и белок.

Потому-то Самогонщик и охотился на енотов, вернее он говорил, что охотится потому, чтобы защитить свое поле от набегов. Но шкуры енотов имели определенную ценность, их можно было продать. Самогон, шкуры енотов и свинина продавая эти товары, семья умудрялась жить.

Хол быстро начал быстро обрывать початки, не желая задерживаться долго, выбирая лучшие, и бросал их в свой мешок.

На краю поля в солнечных лучах пели дрозды. В роще ореховых деревьев, в их золотистой листве, щебетали белки, занятые сбором урожая. Хол любил осень больше всех времен года. В эти тихие, рыжевато-золотистые дни, дни тепла и туманной дымки, земля давала плоды, и можно било ощутить в природе чувство глубокого удовлетворения после периода роста. Это была передышка между холодом и теплом. Он знал, что в этом году у него будут хорошие запасы на зиму. Зерно, сушеные ягоды, хороший запас орехов, кореньев и семян. В ближайшие дни нужно будет сходить к Болотам, выменять немного продуктов на сушеную рыбу у его старого друга Джиба, или у Друда, или у кого-нибудь еще из болотников. Думая об этом, он вдруг вспомнил, что давно уже не видел Джиба и теперь с удовольствием встретился бы и

поговорил с ним.

Хол взвесил мешок: тяжелее, чем он думал. Слишком много початков он нарвал. Взвалив мешок на плечо, он рассудил, что сумеет унести его. Добравшись до края поля, он остановился, вглядываясь и вслушиваясь. Казалось, вокруг никого нет. Перебросив тяжелый мешок через изгородь, Хол перебрался сам, подхватил мешок и заторопился в лес.

Теперь он был в безопасности. В лесу-то поймать его невозможно. В лесу он дома. Он знал этот лес на мили вокруг, знал каждое дерево. Обогнув холм, он направился к большому дуплистому дереву. На ходу он смотрел по сторонам и безо всяких усилий подмечал многое: небольшие кусты боярышника, усеянные плодами, которые станут съедобными после первого же мороза; вьющиеся растения, почти целиком покрывавшие деревья; сброшенную змеиную кожу, полускрытую опавшей листвой.

Спустя полчаса он добрался до дуба-гиганта более десяти футов диаметром у основания. В двадцати футах выше по стволу виднелось дупло. Линия колышков, воткнутых в ствол, образовывала лестницу, по которой можно было добраться до дупла.

Ни следа Енота. Вероятно, бродит где-то. Вероятно, подумал Хол, в это время дня он спит в дупле.

Хол прислонил к стволу мешок, поднялся по колышкам, пролез в дупло и опустился внутрь по еще одному ряду колышков.

Внутри ствол был пуст. Древесина не более фута толщины окружала эту пустоту, и когда-нибудь, Хол знал это, ветер опрокинет дерево, и ему придется искать себе новое жилище. Но здесь, в глубине леса, ветер задерживался множеством деревьев, к тому же дуб защищал холм, преграждавший дорогу постоянным западным ветрам. Пустота тянулась вверх над отверстием более чем на двадцать футов, виднелись небольшие щели, пропускавшие дневной свет. Пол был покрыт сухим деревом — обломками, что в течении столетий опадали с боков дуба.

В одном углу дупла был очаг. Стоял стол и стулья. У стен — шкафы и ящики.

— Привет, — послышалось сзади.

Хол повернулся, рука его потянулась к ножу. На краешке постели сидело сморщенное существо с большими ушами. На нем были поношенные кожаные брюки и старый бутылочно-зеленый жакет поверх алой рубашки. На голове заостренная шапочка.

— Кто вы такой? — спросил Хол. — Какого дьявола вы здесь делаете?

— Я гоблин, живу в стропилах Вайлусингского университета, — ответило существо. — И меня зовут Оливер.

— Ну, ладно, — сказал Хол, успокаиваясь, — но скажите, что вы здесь делаете?

— Я пришел повидаться с вами, — сказал гоблин. — Вас не было дома. Открытое же пространство действует мне на нервы. Видите ли, гоблин, живущий в стропилах…

— И вы решили подождать внутри. Счастье ваше, что тут не оказалось Енота.

— Енота?

— Это большой енот! Мой друг. Он живет со мной.

— А, домашнее животное.

— Вовсе нет. Друг.

— Вы хотите выгнать меня.

— Нет, вы только в начале испугали меня. Есть хотите?

— Немного, — ответил гоблин. — Есть у вас сыр?

— Сыра нет, — сказал Хол. — А как насчет пшенной каши? Или яблок, запеченных в тесте?

— Пшенная каша — это хорошо.

— Ладно, этим и поужинаем. Мне кажется, осталось еще молоко. Я беру молоко у Дровосека. Далековато нести, но ближе нет никого с коровой. А на сладкое кленовый сок.

Гоблин облизнулся.

— Звучит великолепно.

— Я разожгу огонь, там еще должны быть угли. Вы далеко ушли от дома, мастер гоблин?

— Я шел долго и далеко, — ответил гоблин, — ноги у меня сбиты, а дух смущен. Так много пространства, а я к нему не привык.

Хол подошел к очагу и пошевелил пепел. Сверкнул красный уголек. Хол подложил прутиков и, наклонившись, подул. Мгновенно вспыхнул крошечный огонек. Хол подложил к нему веток.

— Ну, вот и огонь, — сказал он. — Надо принести мешок, но это можно сделать позже. Возможно, вы мне поможете.

— С удовольствием, — сказал Оливер.

Хол подошел к шкафу, достал чашку и деревянную ложку. Из мешка насыпал в чашку пшена.

— Вы говорите, что пришли повидаться со мной.

— Да, мне посоветовали повидать Хола из Дуплистого Дерева. Он знает обо всем, что происходит, так мне сказали. Знает леса и все, что

в них происходит. Дровосек объяснил, как мне найти это дерево. Может, тот самый, с коровой, хотя никакой коровы я не видел.

— О чем вы хотите меня спросить?

— Я ищу человека. Ученого, по имени Корнуэлл. Я слышал, что он ушел с караваном на север. Очень важно его найти.

— Почему?

— Потому что он в опасности. В гораздо большей опасности, чем я думал.

Глава 8

Солнце село, но даже здесь, среди деревьев, тьма не наступила, Небо на западе ярко светилось. Тьма приближалась, но было еще достаточно светло.

Джиб торопился. Ему оставалось пройти не менее мили, а в это время года ночь наступает быстро. Тропа вела вниз по склону, но идти приходилось осторожно, чтобы не споткнуться о камень или выступающий корень. Он остановился у шахты гномов, чтобы сообщить Снивли о смерти отшельника, но отказался там остаться на ночь: ему хотелось попасть домой. Он знал, что гномы повсюду разнесут известие о смерти отшельника и добавят, чтобы никто не трогал стену, которая, закрыв вход в пещеру, превратила ее в склеп.

Тьма сгущалась, когда Джиб начал спуск, который выведет его к караванной дороге. Тут он услышал рычание. Этот звук испугал его. Джиб остановился, настороженно прислушиваясь. Но звук исчез, и теперь Джиб не был уверен, что слышал рычание. Но тут же послышался другой звук полурычание, полувой, а так же странные

звуки, с которыми зубы рвут мясо.

Волки! — подумал он. Волки, занятые убийством. Почти инстинктивно Джиб закричал, яростно и громко, и, подняв топор, бросился вниз по тропе. Позже, думая об этом, он понял, что это был единственный выход. А попытка отступить, обойти их, как бы он не старался быть незамеченным, послужила бы для волков приглашением к нападению. Теперь же он совсем не думал: просто кричал и бежал вперед.

Вырвавшись из густого подлеска, росшего по обе стороны тропы, он увидел, что произошло на дороге. Для этого было достаточно одного взгляда. На дороге лежали тела — тела людей и лошадей. А над ними — стая волков, огромных зверей, которые оторвались от своего пиршества и повернули к нему головы.

И еще кое-что: один-единственный в живых остался человек. Стоя на коленях, он вцепился в горло волка и пытался удержать его.

С яростным криком Джиб устремился на этого волка, высоко подняв топор. Волк попытался отскочить. Но человек держал его мертвой хваткой, и топор ударил прямо по черепу волка, глубоко пробив его. Человек тоже упал лицом вниз.

Джиб повернулся к остальным волкам. Они

отступили на шаг-два, но не уходили. Волки рычали, а некоторые из них начали приближаться. Джиб быстро шагнул к ним, размахивая топором. Волки отступили. Их было восемь или десять. Впрочем, Джиб их не считал. Ростом они были с него, головы их находились на одном уровне с его головой.

Джиб знал, что равновесие продлится недолго. Сейчас волки оценивают положение, еще немного — и они накинутся на него и собьют с ног. Убегать бесполезно: они все равно его нагонят.

И он сделал единственно возможное: с диким криком устремился вперед, направляясь к большому старому волку, которого он принял за вожака. Волк, испуганный, повернулся, пытаясь убежать, но топор угодил ему в плечо и свали с ног. Другой волк прыгнул на Джиба, но Джиб быстро повернулся. Его топор описал короткую дугу и встретился с мордой нападавшего волка. Зверь упал и покатился по земле.

И тут же стая исчезла. Растаяла в густом подлеске без следа.

Сжимая топор, Джиб повернулся к человеку, который сражался с волком. Схватил его за плечи, поднял и потащил по тропе, ведущей к Болотам. Человек был тяжел, но худшее позади. Тропа спус-

калась круто вниз, и Джиб был способен тащить человека, если только волки не вернутся. Он знал, что они вернутся, но не сразу. Джиб пятился по склону, таща за собой человека. Добравшись до откоса, он столкнул его вниз. Тело человека покатилось и упало в воду. Джиб быстро спустился и посадил человека. Он знал, что сейчас они в безопасности. Добычи для волков хватит, и вряд ли они пойдут еще и по их следу. И даже в таком случае, они не полезут в воду.

Человек поднял руку и схватил Джиба, как будто собираясь бороться с ним, Джиб потряс его за плечо.

— Старайтесь сидеть, — сказал он. — Не падайте, не двигайтесь. Я иду за лодкой.

Он знал, что лодка где-то рядом. Она, конечно, не выдержит тяжести человека, но если использовать ее как опору, она не даст ему утонуть. Если Друд еще не уплыл, то до него должно быть совсем близко.

Глава 9

Небо над головой глубокого синего цвета и совершенно чистое. И он его видит. Он лежит на чем-то мягком и слегка покачивается. Слышен звук, похожий на слабый, монотонный плеск воды.

Он хотел повернуть голову, поднять руку и попытаться узнать, где он, но что-то говорило ему, что не нужно подавать признаков жизни и привлекать к себе внимание.

Он вспомнил рычащую морду, оскаленные клыки. Ощутил грубую жесткую шерсть в руках, которыми удерживал чудовище. Воспоминание было смутным, и он не смог вспомнить, в действительности это происходило или в кошмаре.

Он лежал тихо, борясь с желанием пошевельнуться, и пытался думать. Несомненно, он не в том месте, где — в действительности или в грезах сражался с волком. Там над дорогой нависали деревья, здесь же никаких деревьев не было.

Что-то зашумело рядом с ним и выше. Он медленно повернул голову и увидел птицу, раскачивающуюся на стебле камыша. Птица цеплялась коготками за стебель, пытаясь сохранить

равновесие. Глядя на него глазами-бусинками, она крикнула и расправила крылья.

Послышались шаги. Он слегка приподнял голову и увидел маленькую женщину, коренастую и полную, в пестром платье — как маленький человек, но с волосатым лицом.

Она подошла и остановилась над ним. Он опустил голову на подушку и смотрел на нее.

— У меня есть суп, — сказала женщина. — Вы пришли в себя, и я вам принесу суп.

— Мадам, я не знаю…

— Я миссис Друд. Вы должны поесть супа. Вы потеряли много сил.

— Где я?

— На плоту в середине болота. Здесь вы в безопасности. Никто не доберется сюда. Вы среди Народа Болот. Знаете о Народе Болот?

— Я слышал о вас, — сказал Корнуэлл. — Я помню, что были волки…

— Вас спас от волков Джиб. У него новый топор. Только что взял у гномов.

— Джиб здесь?

— Нет, пошел собирать моллюсков. Я хочу сварить для вас плов с моллюсками. А сейчас у меня суп с уткой. Будете есть? В нем много мяса.

И она ушла, переваливаясь.

Корнуэлл приподнялся на правом локте и увидел, что левая рука у него перевязана. Он с трудом сел и протянул руку к голове. Рука коснулась повязки.

Прошлое возвращалось к нему, и он знал, что скоро сможет восстановить всю картину.

Он смотрел на болото. Судя по положению солнца, сейчас позднее утро. Болото тянулось во все стороны, кое-где, должно быть на островках, росли деревья. Где-то вдалеке из тростника вырвалась стая птиц, взлетела в небо, развернулась с военной точностью и вернулась на прежнее место.

Из-за поворота показалась лодка и направилась по протоке к плоту. Седой болотник сидел на корме. Толчком весла он причалил лодку к плоту.

— Я Друд, — сказал он Корнуэллу. — А вы выглядите лучше, чем вчера.

— Я себя хорошо чувствую, — ответил Корнуэлл.

— Вас сильно ударили по голове. А руку порвал волк.

Друд привязал лодку к плоту, подошел к Корнуэллу и присел рядом с ним на корточки.

— Повезло вам, — сказал он. — Все остальные мертвы. Мы утром обыскали лес. Ни один не

ушел. Бандиты, вероятно. Но издалека. В этих холмах бродили бандиты, но это давно. Уже много лет о них не слышали. Что вы везли?

Корнуэлл покачал головой.

— Не знаю. Разные товары. Вероятно, что большей частью ткани. Я пристал к каравану.

Из хижины с чашкой показалась мисс Друд.

— А вот и ма, — сказал Друд. — Несет вам суп. Ешьте, сколько сможете. Вам нужно поесть.

Женщина держа перед Корнуэллом чашку с супом, протянула ему ложку.

— Ну, давайте. С одной рукой вы не сможете есть и держать чашку.

Суп оказался горячим и вкусным. Проглотив одну ложку, Корнуэлл почувствовал сильный голод. Он постарался припомнить, когда ел в последний раз, и не мог.

— Приятно смотреть, когда хорошо едят, — заметил Друд.

Корнуэлл кончил суп.

— Хотите еще? — спросила ма. — Его в котле много.

Корнуэлл покачал головой.

— Нет, спасибо. Вы очень добры.

— Ложитесь, — сказала она. — Вы слишком долго сидели. Можете лежать и разговаривать с па.

— Не хочу быть обузой. Я и так уж многим обязан вам. Я уйду, как только увижу Джиба и поблагодарю его.

— Никуда вы не пойдете, — сказал па. — Вы еще не совсем оправились. Мы рады, что вы у нас. И никакая вы не обуза.

Корнуэлл лег на бок, лицом к болотнику.

— Как тут хорошо, — сказал он. — Все давно здесь живете?

— Всю жизнь. И отец мой тут жил, и его отец, и далекие предки. Мы болотный народ, и много не путешествуем. А как вы? Далеко ли ваш дом?

— Далеко. Я пришел с запада.

— Там дикая страна, — заметил Друд.

— Да, дикая.

— И вы возвращаетесь туда?

— Можно сказать и так.

— А вы не очень разговорчивы, — сказал Друд.

— Может, мне просто нечего сказать.

— Да я не в обиде. Отдыхайте. Джиб может вернуться в любую минуту.

Он встал и повернулся, собираясь уходить.

— Минутку, мистер Друд, — сказал Корнуэлл. — Спасибо вам за все.

Друд кивнул, улыбаясь.

— Все в порядке, молодой человек. Будьте как

дома.

Солнце поднималось все выше и приятно грело. Корнуэлл закрыл глаза и тут же все вспомнил: неожиданное нападение из леса, туча стрел, сверкание лезвий. Все это было сделано тихо, без крика и рева. Большинство умерли сразу, так как стрелы нападавших попадали им прямо в сердце.

Может, он упал в густой подлесок? У дороги заросли были очень густые. Его, видимо, сочли мертвым или вообще не заметили.

Услышав какой-то звук, он открыл глаза.

Еще одна лодка приближалась к плоту. В ней сидел молодой болотник, а перед ним в середине лодки стояла полная корзина моллюсков.

Корнуэлл сел.

— Вы, должно быть, Джиб? — спросил он.

— Верно, — ответил Джиб. — Рад, что вы в порядке.

— Меня зовут Марк Корнуэлл. Мне сказали, что вы спасли меня.

— Рад, что мог это сделать. Я поспел как раз вовремя. Вы голыми руками сражались с волком. Помните это?

— Очень смутно.

Джиб выбрался из лодки и перенес корзину

на плот.

— Прекрасная еда, — сказал он. — Любите?

— Да.

— Такую, как у миссис Друд, вы нигде больше не попробуете.

Он подошел и остановился рядом с Корнуэллом.

— Мы с Друдом ходили туда утром и нашли семь тел. Снято все ценное. Ни ножа, ни кошелька. И товары все исчезли. Даже седла с лошадей. Работа бандитов.

— Вы уверены? — возразил Корнуэлл.

— Как это?

— Послушайте, вы спасли мне жизнь. Я в долгу перед вами. Все что я могу вам дать — это правда. Друд расспрашивал меня, но я ему ничего не сказал.

— Можете верить Друду, — сказал Джиб, — и любому болотнику тоже. И не нужно мне ничего рассказывать.

— Мне кажется, что нужно. Я не торговец. Я студент университета. Я украл из университетской библиотеки документ, и один гоблин предупредил меня, что мне лучше бежать, так как этот документ у меня захотят забрать. Поэтому я заплатил торговцам и отправился с их караваном.

— Вы думаете, что на караван напали, чтобы избавиться от вас или получить документ? Они его забрали у вас?

— Не думаю, — сказал Корнуэлл. — Снимите с меня правый ботинок.

Джиб повиновался.

— Там что-то есть.

— Вот он, — сказал Корнуэлл.

Он с трудом развернул пергамент и повернул его к Джибу.

— Я не умею читать, — сказал Джиб. — Ни один болотник не умеет.

— Это латынь, — пояснил Корнуэлл.

— Не пойму, как он остался у вас. Ведь вас должны были обыскать.

— Нет, не должны были. Они думали, что документ и так у них. Я спрятал копию у себя в комнате, но так, чтобы ее можно легко было найти.

— Но если вы оставили копию…

— Неточную копию, слегка измененную, но зато в самом важном. Если бы я изменил очень сильно, они могли бы заподозрить неладное и догадаться о подлоге. Вряд ли это могло бы произойти, но все-таки… Им был нужен не документ, а я. Кому-то нужно было меня убить.

— Вам не следовало бы доверять мне, — сказал Джиб.

— Нет, следовало. Ведь если бы не вы, я бы уже был мертв. Если же я останусь у вас, то и вы тоже можете оказаться в опасности. Поэтому подвезите меня к берегу и я исчезну. Если же про меня будут расспрашивать, то скажите, что вы меня никогда не видели.

— Нет.

— Что «нет»?

— Я не отвезу вас на берег. Никто не знает, что вы здесь. Никто вас тут не видел, а я никому не говорил, что вы тут. Во всяком случае, сейчас они считают вас мертвым.

— Вероятно.

— Вы останетесь с нами, пока не поправитесь, а потом можете идти, куда захотите.

— Я не могу ждать долго. Передо мной далекий путь.

— И передо мной тоже, — сказал Джиб.

— И вы? Я думал, что ваш народ никогда не покидает болот. Друд говорил мне…

— Обычно так и есть. Но в горах жил старик-отшельник. Перед смертью он дал мне книгу и ручной топор и попросил отнести их некоему епископу из Башни…

— На северо-запад отсюда?

— Так сказал отшельник. Вверх по реке на северо-запад. Вы знаете об епископе из Башни?

— Слышал. Это на границе с Дикими Землями.

— Дикие Земли? Не знаю. Может, Зачарованные?

— Верно, — сказал Корнуэлл. — Я иду туда.

— Значит, мы можем идти вместе?

Корнуэлл кивнул.

— До Башни, да. Но я пойду дальше.

— Вы знаете дорогу? — спросил Джиб.

— К Башне? Нет, только общее направление. Есть карты, но не очень надежные.

— У меня есть друг, — сказал Джиб, — Хол из Дуплистого Дерева. Он много путешествует. Может быть, согласится пойти с нами и показать дорогу.

— Хорошенько подумайте, прежде чем принять решение, — сказал Корнуэлл. — Меня уже пытались убить, могут попытаться еще.

— Но ведь вас считают мертвым!

— Да, конечно, сейчас это так. Но на пути будет много глаз и много языков. Нас заметят и о нас будут говорить.

— Если Хол пойдет с нами, то мы будем пробираться без дорог, пойдем лесом. Мало кто нас

сможет увидеть.

— Похоже, что вы хотите идти со мной, даже зная…

— Мы, болотники, народ робкий, — сказал Джиб. — Вне болот мы не чувствуем себя в безопасности. Мне хочется идти с вам и с Холом…

— Вы хорошие друзья с Холом?

— Он мой лучший друг. Мы часто бываем друг с другом. Он моего возраста, но сильнее меня и знает лес. Он ничего не боится, ходит на поля и огороды…

— Похоже он подходящий попутчик.

— Да, — сказал Джиб.

— Вы думаете, что он пойдет с нами?

— Пойдет. Он не из тех, кто уходит от приключений.

Глава 10

Гном Снивли сказал:

— Значит, вы хотите купить меч? Зачем он вам? Он не для таких, как вы. Вы вряд ли сумеете его поднять. Он для человека. Это не игрушка, а оружие бойца.

— Мы с вами давно знакомы, — сказал Джиб в ответ. — Вы знаете нас, болотников, и народ Холмов. Могу ли я с вами говорить по секрету?

Снивли дернул ушами и почесал затылок.

— Могли бы и не спрашивать. Мы, гномы, не болтуны. Мы деловые создания, а не сплетники. Мы слышим многое, но никому не говорим об этом. Болтун создает плохую репутацию, а нам не нужны неприятности. Вы хорошо знаете, что мы из Братства — гномы, гоблины, эльфы и все остальные — живем в мире людей, с их молчаливого согласия, лишь потому, что занимаемся лишь своими делами и не суемся в другие. Инквизиция рыщет вокруг, но редко действует против нас, как будто мы невидимки. Но стоит нам стать немного заметнее — обязательно найдутся доносчики, и тогда начнется ад. Может, вам и не следует мне ничего рассказывать, если это

связано с опасностью для нас?

— Не думаю, — ответил Джиб. — Если бы я так думал, то не пришел бы. Мы, болотники, в вас нуждаемся, и вот уже много лет вы честно ведете дела с нами. Вы, конечно, слышали о нападении на торговый караван два дня назад?

Снивли кивнул.

— Грязное дело. Наш народ похоронил их.

— Вы похоронили то, что осталось от них, сравняли могилы с землей, а мертвых животных оттащили далеко в болото. Не осталось следов случившегося.

Снивли снова кивнул.

— Это хорошо. Конечно, пропажу каравана обнаружат, и власти начнут расследование. Но, я думаю, не очень тщательное, потому что здесь, на границе, чиновники чувствуют себя неуютно… Если найдутся явные доказательства случившегося, то они начнут искать виновных, а это плохо. Никто из живущих здесь — ни люди, ни мы, гномы, ни вы, болотники, ни народ Холмов или Братства — никто не хочет, чтобы здесь рыскали кровавые псы ищейки инквизиции.

— Мне не нравится, что мы не смогли произнести нужные слова над их могилами, — добавил Джиб. — Мы не знаем этих слов. Даже если бы мы

их знали, у нас некому было их произносить. Мы похоронили их неисповеданными.

— Они и умерли неисповеданными, — отозвался Снивли. — Но в любом случае все это глупость.

— Возможно, — согласился Джиб, — но не большая глупость, чем наши обычаи.

— Это возвращает нас к вопросу о мече.

— Не все были убиты, — сказал Джиб. — Я наткнулся на караван сразу после нападения и нашел одного живого. Это ему нужен меч.

— Понятно. У него был, видимо, меч, но его отобрали нападавшие.

— И меч, и нож, и кошелек. Убийцы забрали товары и ограбили тела. Но мне кажется, что у него был не очень хороший меч, хотя и достался он ему от его предков. И теперь ему нужен другой меч.

— У меня есть и другие мечи, кроме этого, — сказал Снивли.

Джиб покачал головой.

— Ему нужен лучший. Он отправляется в Дикие Земли на поиски древних.

— Это безумие, — сказал Снивли. — Может быть, никаких древних уже не осталось. Мы, гномы, слышали старые легенды о них, но и всего лишь. Кроме легенд мы ничего не знаем больше

о древних. Но даже если он их найдет, то какая ему от этого польза?

— Он хочет поговорить с ними. Он ученый…

— Никто не может разговаривать с ними, — прервал Джиба Снивли, никто не знает их языка.

— Много лет назад, может быть тысячу, а может и больше, один человек жил с ними некоторое время и записал их язык. Во всяком случае, сообщил некоторые слова их языка.

— Еще одна сказка, — заявил Снивли. — Древние, если бы они встретили человека, разорвали бы его на части.

— Не знаю, — ответил Джиб. — Я знаю лишь то, что мне говорил Марк.

— Марк? Это ваш человек?

— Да. Марк Корнуэлл. Он пришел с запада. Последние шесть лет он провел в университете. Он украл там документ…

— Значит, он вор?

— Не столько вор, сколько открыватель — документ был спрятан и в течении долгих столетий о нем никто не знал. Так бы и продолжалось, если бы не Марк.

— Вот что пришло мне в голову, — сказал Снивли. — Вы показывали мне топор и книгу, которые вам дал умиравший отшельник для передачи

их некоему епископу. Нельзя ли вам с Марком совершить совместное путешествие?

— Таково и наше намерение, — ответил Джиб. — Мы решили вместе идти к епископу, потом он один отправится в Дикие Земли.

— А вы не хотите пойти с ним туда?

— Я думал об этом. Но вряд ли Марк позволит мне это сделать.

— Надеюсь на это, — сказал Снивли. — Вы знаете, что такое Дикие Земли?

— Зачарованная земля, — ответил Джиб.

— Это последняя крепость Братства.

— Но вы…

— Да, мы тоже из Братства. Мы существуем здесь только потому, что это пограничные земли. Конечно, тут живут и люди, отдельные люди — мельники, мелкие фермеры, самогонщики. Но правительство и церковь не занимается нами. Вы никогда не видели земли к югу и востоку?

Джиб покачал головой.

— Там вы нас с трудом найдете, — сказал Снивли. — Возможно, там и живут некоторые из Братства, но в укрытиях, а не так открыто как мы. Те кто когда-то там жил, теперь изгнаны оттуда. Они просто отступили в Дикие Земли. Как вы можете догадаться, они ненавидят человечество.

В Диких Землях сейчас живут те, кто никогда не покидает их и кто придерживается древнего образа жизни.

— Но вы ушли.

— Бесчисленными тысячелетиями гномы были кузнецами и шахтерами. Несколько столетий назад группа гномов нашла перспективный выход руды в этом холме. И вот мы маленькой группой переселились сюда и ни разу не пожалели об этом. Но если так называемая человеческая цивилизация надвинется полной силой на пограничные земли, мы будем вынуждены уйти.

— Однако, люди путешествовали в Диких Землях, — сказал Джиб. — Один старый путешественник написал об этом книгу, которую читал Марк.

— У него, должно быть, был мощный талисман. А у Марка есть талисман?

— Не думаю. Он никогда не говорил об этом.

— Тогда он в самом деле безумец. Его нельзя изменить поисками сокровища… Все что он ищет, это древние. А что он будет с ними делать?

— Древний путешественник тоже не искал сокровищ. Он просто шел, чтобы посмотреть новые места.

— Значит, и он был безумец. Вы уверены, что

вашего друга нельзя отговорить?

— Да, его не остановишь.

— Тогда ему действительно нужен меч.

— Значит, вы продадите его мне? — обрадовался Джиб.

— Продать? А вы знаете, сколько он может стоить?

— Я имею у вас кредит, — сказал Джиб. — И Друд имеет. И другие в болотах захотят…

— Возьмите три таких болота, как это внизу, и то у них не найдется достаточно кредита, чтобы купить этот меч. Знаете ли вы, какое мастерство и какая магия потребовались для изготовления этого меча?

— Магия.

— Да, магия. Вы думали, что такое оружие можно изготовить лишь при помощи огня, молота и рук?

— Но мой топор…

— Ваш топор сделан лишь с большим искусством. В нем нет магии.

— Мне жаль, что я побеспокоил вас, — извинился Джиб.

Снивли фыркнул и шевельнул ушами.

— Вы меня не побеспокоили. Вы мой старый друг, и поэтому я не стану вам продавать меч. Я

отдам его вам. Понимаете? ОТДАМ. И добавлю еще пояс с ножнами для него. Полагаю, что этот ваш человек не имеет ни того, ни другого. И еще щит. Щит ему тоже понадобится. У него ведь нет щита?

— Нет. Я уже говорил вам, что у него ничего нет. Но я не понимаю…

— Вы недооцениваете мою дружбу с народом Болот. Вы недооцениваете мою гордость тем, что оружие моего изготовления будет противостоять ужасу Диких Земель. Вы недооцениваете моего восхищения маленьким слабым человеком, который по роду своих занятий знает, что такое Дикие Земли, и все же готов встретиться с их обитателями.

— Я все-таки не понимаю вас, — сказал Джиб. — Но спасибо вам.

— Я принесу меч, — сказал Снивли.

Он встал, но в этот момент другой гном, в кожаном переднике, с лицом и руками вымазанными в саже, бесцеремонно вбежал в комнату.

— У нас посетители, — закричал он.

— Почему такой шум из-за посетителей? — несколько раздраженно спросил Снивли. — У нас часто бывают посетители.

— Но один из них гоблин, — сказал гном.

— Гоблин? Но ближайшие гоблины живут у Кошачьей Берлоги, а это в двадцати милях отсюда.

— Здравствуйте, — сказал, входя, Хол из Дуплистого дерева. — Из-за чего шум?

— Здорово, Хол! — обрадовался Джиб. — А я собирался к тебе.

— Можешь вернуться со мной, — сказал Хол. — Как поживаете, Снивли? Я привел путешественника. Его зовут Оливер. Он гоблин со стропил.

— Добрый день, Оливер, — сказал Снивли. — Не скажете ли, что такое гоблин со стропил? Я слыхал о разных гоблинах…

— Я живу в стропилах под крышей в университете, в библиотеке Вайлусинга, — ответил Оливер. — А сюда пришел по делу.

Енот, которого до тех пор не было видно, спокойно вышел из-за Хола, и направился прямиком к Джибу, вспрыгнул ему на колени.

Затем он ткнулся носом в его шею и осторожно пожевал губами его ухо. Джиб похлопал его.

— Перестань, — сказал он. — Усы щекочут, а зубы у тебя острые.

Енот продолжал жевать.

— Он тебя любит, — сказал Хол. — Он тебя всегда любил.

— Мы слышали о гибели торгового каравана, —

сказал Оливер. — Это известие вселило в меня страх и мы пришли расспросить о подробностях.

Снивли ткнул пальцем в Джиба.

— Он может рассказать вам. Одного человека он нашел живым.

Оливер повернулся к Джибу.

— Один жив? Он до сих пор жив? Как его зовут?

— Он все еще жив и зовут его Марк Корнуэлл, — ответил Джиб.

Оливер медленно сел на пол.

— Слава всем силам! — пробормотал он. — А он здоров?

— Его ударили по голове и ранили в руку, но голова и рука заживают. А вы тот гоблин, о котором он мне рассказывал?

— Да. Я посоветовал ему отыскать караван и уходить с ним. Правда, ему это не принесло никакой пользы: утром его нашли с перерезанным горлом — я говорю о монахе, который продал информацию.

— Что происходит? — пропищал Снивли. — Что это за разговор? Мне все это не нравится.

Оливер быстро ему пересказал все происшедшее до этого.

— Я чувствую ответственность за этого парня, —

сказал он. — В конце концов, я сам вмешался в это дело…

— Вы говорили о человеке, которому монах продал информацию, напомнил Джиб.

— В этом-то все и дело, — сказал Оливер. — Он называет себя Лоуренсом Беккетом и выдает себя за торговца. Я не знаю, как его настоящее имя, да это не имеет значения. Но я знаю, что он не торговец. Он агент инквизиции и самый гнусный негодяй во всех пограничных землях.

— Но инквизиция, — сказал Снивли, — это…

— Конечно, — прервал его Оливер. — Вы знаете, что это такое. Считается, что это вооруженная рука церкви, направленная против ереси. Впрочем, точного определения ереси еще никто не дал. Когда агенты инквизиции дурные люди, а они все такие, они сами себя делают законом. Никто не может считать себя от них в безопасности, ни одно самое низкое коварство…

— Вы думаете, что этот Беккет и его люди вырезали караван? — спросил Джиб.

— Вряд ли они сами. Но я уверен, что это организовано Беккетом. Он отдал приказ.

— В надежде убить Марка?

— С единственной целью — убить Марка. Предполагалось, что должны быть убиты все.

Вы говорите, что они ограбили при этом Марка, сняли с него все ценное? Значит они сочли его мертвым. Хотя вряд ли им было известно, что цель всего нападения — убийство одного человека.

— Они не нашли документ. Марк спрятал его в башмак.

— А они не искали документ. Беккет считает, что документ у него. Он украл его из комнаты Марка.

— Подделка, — сказал Хол. — Копия.

— Верно, — ответил Оливер.

— И вы пришли предупредить Марка, пока не поздно? — спросил Джиб.

— Я чувствую ответственность. Но я опоздал. Это не благодаря мне он остался жив.

— Мне кажется, — серьезно сказал Снивли, — что ключ ко всему лежит в содержании копии, которая у Беккета. Не перескажете ли вы нам его?

— Охотно, — согласился Оливер. — Мы писали вместе, и я хорошо все запомнил. Мы еще радовались, как аккуратно все получилось. Кое-что мы оставили, как было. Ведь монах наверняка рассказал, как был найден пергамент, в какой книге он был спрятан — в книге Тейлора о его

путешествиях по Диким Землям. Я убежден, что большая часть его рассказов небылицы. Сомневаюсь даже, был ли он когда-либо в Диких Землях. Но как бы то ни было, мы оставили почти все, убрав только упоминание о древних, а на их место поместили легенду, найденную Марком в одном из забытых томов. Это легенда о тайном университете, где множество невероятных древних книг и сокровищ, и лишь намек, что находится этот университет в Диких Землях. Будто Тейлор слышал об этом от…

— Вы с ума сошли! — взвыл Снивли. — Да знали ли вы, что делали? Из всех дурацких затей это…

— В чем дело? — спросил Оливер. — Что это значит?

— Вы слабоумный, — закричал Снивли. — Вы кретин! Вы должны были знать! Такой университет есть!

Он остановился и посмотрел сначала на Хола, а потом на Джиба.

— Вы двое не знаете. Вне пределов Братства никто не знает. Это древняя тайна и она священная для нас.

Он схватил Оливера за плечи и поставил на ноги.

— Как это вы не знали?

Оливер высвободился.

— Я никогда не знал. Никогда не слышал об этом. Я всего лишь гоблин со стропил. Кто мог сказать мне об этом? Мы с Марком думали, что это выдумка!

Снивли выпустил Оливера. Енот заскулил на коленях у Джиба.

— Никогда я не видел вас таким расстроенным, — сказал Хол, обращаясь к Снивли.

— Я имею право быть расстроенным, — сказал Снивли. — Толпа дураков, сборище глупцов, которое наткнулось на тайну, от которой надо было держаться подальше. Но что хуже всего — об этом узнал агент инквизиции. Ему подсунули выдумку, которая оказалась правдой. И что же он будет делать? Я знаю что — он прямиком направится в Дикие Земли. Не за сокровищами, которые там якобы находятся, а за древними книгами. Разве вы не понимаете, какая слава ожидает набожного человека, если он найдет древние языческие книги и предаст их огню?

— Может, он не найдет их? — с надеждой сказал Джиб. — Может ему это не удастся.

— Конечно, не удастся, — сказал Снивли. — У него нет ни единого шанса. Все церберы Диких Земель пойдут по его следу, и если он выжи-

вет, то лишь при исключительном везении. Но много столетий здесь был мир между людьми и Братством, а это происшествие разожжет огонь. Пограничные земли перестанут быть безопасными. Снова начнется война.

— Меня одно удивляет, — сказал Джиб. — У вас не было возражений против путешествия Корнуэлла в Дикие Земли. Вы считали, конечно, это глупостью, но и только. Вы даже восхищались его храбростью, хотели отдать ему меч…

— Послушайте, друг мой, — сказал Снивли. — Существует огромная разница между одиноким ученым, идущим в Дикие Земли из-за интеллектуального любопытства, и агентурой церкви, вторгающейся туда с огнем и мечом. У ученого, возможно, был бы даже шанс вернуться живым. Конечно, он не был бы там в полной безопасности. В Диких Землях водятся такие обитатели, от которых лучше держаться подальше, но ученого терпели бы, так как он не нес бы с собой опасности для тамошних жителей, не нес с собой войну. Если бы его и убили, то убили бы тихо. И никто даже не знал бы, когда и как это произошло. Вы видите теперь разницу?

— Я думаю, да, — сказал Джиб.

— И что же теперь? — продолжал Снивли. — Вы

собираетесь в путь, чтобы отнести книгу и топор, данные вам отшельником. Ваш драгоценный ученый будет сопровождать вас и затем пойдет дальше в Дикие Земли. Я вас верно понял?

— Да, — согласился Джиб.

— И вы не собираетесь идти с ним в Дикие Земли?

— Не собираюсь.

— Но я собираюсь, — заявил гоблин. — Я был в самом начале этого дела и хочу видеть, каким будет конец. Не для того я зашел так далеко, чтобы повернуть назад.

— Но вы говорили, что боитесь открытого пространства, — сказал Хол. У вас есть даже специальное слово для этого…

— Агорафобия. У меня она по-прежнему есть. Я дрожу на открытом пространстве и небо над головой угнетает меня. Но я все равно пойду. Я начал это дело в Вайлусинге и не могу повернуть назад на полпути.

— Вы там будете чудаком, — сказал Снивли, — наполовину из Братства, наполовину нет. Опасность для вас будет реальной, почти такой же, как и для человека.

— Я знаю это, — сказал Оливер. — И все же я пойду.

— А что это ты должен отнести епископу Башни? — спросил Хол у Джиба. — Я еще ничего не слышал об этом.

— Я как раз хотел попросить тебя показать дорогу к Башне, — ответил Джиб. — Я боюсь, одни мы заблудимся. А ты должен знать туда дорогу.

— Я никогда там не был, — сказал Хол, — но знаю те холмы. Так как агент инквизиции направился туда же, то нам придется идти без дорог и троп. О Беккете пока ничего не было слышно?

— Если бы они проходили здесь, — ответил Снивли, — я бы знал об этом.

— Если я пойду с вами, то когда мне быть готовым?

— Через несколько дней, — ответил Джиб. — Марк еще должен поправиться, да и я обещал помочь Друду с дровами.

Снивли покачал головой.

— Мне это не нравится, очень не нравится. Я предчувствую неприятности. Но если парень пойдет, то у него должен быть меч. Я уже пообещал ему его, и жалок будет тот день, когда гном не сдержит своего обещания.

Глава 11

Первые пять дней пути держалась прекрасная осенняя погода. Листва медленно окрашивалась в горячий золотой, глубокий кроваво-красный, роскошный коричневый и розовый цвета такой красоты, что перехватывало дыхание.

Марк Корнуэлл время от времени признавался себе, что за последние шесть лет он утратил кое-что в жизни. Замуровавшись в холодных стенах университета, он утратил ощущение цвета и запаха осеннего леса и, что хуже всего, не подозревал о своей утрате.

Хол вел их большей частью по вершинам холмистых возвышенностей, но иногда приходилось переходить от одного хребта до другого, чтобы не попасть на глаза дровосеку или фермеру. Опасности не было, наоборот, их скорее ждало бы радушие и гостеприимство, но все же они решили, пока возможно, никому не показываться. Известие о такой пестрой компании разнеслось бы быстро, а это уже было бы опасно.

Спустившись с холмов в глубокие долины, они попали в другой мир. Здесь деревья росли тесно, были больше, на крутых склонах проступали

каменистые обнажения, в руслах быстрых ручьев лежали массивные булыжники. Высоко над головой на вершинах холмов ветер шумел листвой, но внизу ветра не было. В тишине густого леса оглушительно звучал шорох обеспокоенной ими белки или взрыв крыльев вспугнутой куропатки, которая как призрак стремительно поднималась в воздух.

В конце дня они спустились в глубокую лощину в поисках места для лагеря. Хол, ушедший вперед, отыскал место, где расщелина в известняковом склоне давала относительное убежище. Костер был небольшой, но он давал тепло среди холода ночи и отгонял тьму, создавая маленький участок безопасности и удобства в лесу, который с наступлением ночи становился враждебным.

У них всегда было мясо. Хол, отлично знавший лес и прекрасно стрелявший из лука, приносил то белку, то кролика, то куропатку, а однажды добыл и оленя. Поэтому они не тратили свои запасы продовольствия: дикий рис, копченую рыбу.

Сидя у костра, Корнуэлл вспомнил разочарование миссис Друд, когда она поняла, что не будет прощального пира с приглашением болотников, гномов и жителей холмов. Это был бы отличный пир, но он разгласил бы их уход, и все согласи-

лись, что об этом лучше молчать.

Пять дней держалась солнечная погода, но утром шестого дня пошел дождь, вначале мелкий, потом туман, потом все более сильный. Подул ветер с запада, и к ночи дождь совсем разошелся.

Хол тщетно искал убежище. Ничего не давало защиты от бури. Корнуэлл шел последним, вслед за Енотом, который печально трусил, насквозь промокший. Его хвост с кисточкой волочился по земле.

Перед Енотом шли рядом Джиб и гоблин. Шерсть болотника блестела в тусклом вечернем свете. Гоблин, усталый и промокший, шел с усилием. Корнуэлл понял, что для гоблина дорога была наиболее тяжела. На нем сказался переход от Вайлусинга до дерева Хола и последние шесть дней пути. Жизнь в стропилах университета не подготовила его к этому пути.

Корнуэлл пошел быстрее и обогнал Енота. Он тронул гоблина за плечо.

— Ко мне за спину. Вы заслужили отдых.

Гоблин взглянул на него.

— Добрый сэр, в этом нет необходимости.

— Я настаиваю, — сказал Корнуэлл.

Он присел, и гоблин забрался к нему на плечи и обхватил руками за шею.

— Я устал, — признался он.

— Вы много путешествовали с того дня, как впервые пришли ко мне, сказал Корнуэлл.

Гоблин негромко рассмеялся.

— Мы начали длинную цепь событий, и она еще не кончилась. Вы, конечно, знаете, что я иду с вами в Дикие Земли.

— Я ожидал этого. Добро пожаловать со мной, малыш.

— Страх медленно покидает меня, — сказал Оливер. — Небо больше не пугает, как было вначале. Боюсь, что я даже привыкну к открытому пространству. Это было бы ужасно для гоблина.

Они брели, а Хола все не было видно.

В лесу начала сгущаться тьма, «Неужели нам придется идти всю ночь? — думал Корнуэлл. — Будет ли этому конец?» Буря не прекращалась. Косой дождь бил ему в лицо. Ветер становился холоднее и резче.

Впереди, как привидение, появился Хол. Все остановились и ждали, когда он подойдет.

— Я почуял дым, — сказал Хол, — и пошел к нему. Там могли остановиться на ночь Беккет и его люди, мог быть отряд фермеров. Когда почуешь дым, нужно установить, откуда он.

— Теперь, когда вы на нас произвели впечатле-

ние, скажите, что это за дым, — сказал Джиб.

— Это гостиница.

— Для нас тут нет ничего хорошего, — заметил Джиб. — Нас не впустят, ни болотника, ни жителя Холмов, ни гоблина.

— Но впустят Марка, — сказал Хол. — До рассвета можно переждать там. Никто не узнает.

— Другого убежища нет? — спросил Корнуэлл с надеждой. — Нет ли пещеры?

— Ничего. Придется идти к конюшне.

Глава 12

В конюшне была только одна лошадь. Она негромко заржала при их появлении.

— Это лошадь хозяина, — пояснил Хол. — Старый мешок с костями.

— Значит, посетителей нет, — пояснил Корнуэлл.

— Нет, — подтвердил Хол. — Я заглядывал в окно. Хозяин пьян, швыряет стулья и посуду. У него злобный характер. Никого нет, а он вымещает зло на мебели и посуде.

— В таком случае, вероятно, нам все-таки лучше устроиться в конюшне, — сказал Джиб.

— Я тоже так думаю, — сказал Корнуэлл. — Сеновал. Может, там есть сено. Зароемся в него от холода.

Он протянул руку и коснулся лестницы, ведущей на сеновал.

— Она кажется прочной.

Енот уже начал взбираться.

— Он знает, куда идти, — обрадованно заметил Хол.

— Я иду за ним, — сказал Корнуэлл.

Он поднимался, пока его голова не просунулась

в отверстие сеновала. Помещение оказалось небольшим. Тут и там лежали охапки сена. Впереди через одну из груд пробирался Енот. Вдруг сено перед ним взметнулось в воздух и раздался резкий крик.

Корнуэлл одним прыжком оказался на сеновале, ощутив, как грубые доски ходят у него под ногами. Перед ним стояла обсыпанная сеном фигура, размахивала руками и продолжала кричать.

Он бросился к кричавшей. Ведь мог выбежать хозяин и добавить свой голос к общему шуму, так что поднимется вся округа. Если конечно, есть, кого поднимать.

Кричавшая попыталась улыбнуться, но Корнуэлл схватил ее и крепко сжал. Подняв свободную руку, он зажал рот незнакомки. Крики прекратились. Зубы впились в его палец, он вырвал руку, шлепнул пленницу и снова зажал ей рот. Больше она не кусалась.

— Тихо, — сказал он. — Я уберу руку. Я не собираюсь вас обижать.

Она была такой маленькой.

— Будете молчать? — снова спросил он.

Она кивнула. Корнуэлл услышал, как остальные поднимаются по лестнице.

— Тут есть и другие, — заметил он. — Они вас тоже не обидят. Не кричите.

Он отнял руку.

— В чем дело, Марк? — спросил Оливер.

— Женщина. Она здесь пряталась. Правильно, мисс?

— Да, я пряталась.

На сеновале было совсем темно. На улице еще были сумерки, и сквозь окно с жалюзи пробивалось немного света.

Женщина отошла от Корнуэлла, но увидев Оливера, снова бросилась к нему. От испуга у нее перехватило горло.

— Не бойтесь, — сказал Корнуэлл. — Оливер — добрый гоблин. Он со стропил. Вы знаете, что такое гоблин со стропил?

Она покачала головой.

— Тут было животное.

— Это Енот. Он тоже хороший.

— Он не обидит и мухи, — заметил Хол. — Такой ласковый, что даже противно.

— Мы беженцы, — сказал Корнуэлл. — Или почти беженцы. Но мы не опасные. Это Хол, а там Джиб. Джиб — болотник, а Хол — с Холмов.

Она, все еще дрожа от страха, отступила он него.

— А вы? — спросила она. — Кто вы такой?

— Можете звать меня Марком. Я студент.

— Ученый, — вмешался Оливер. — Не студент, а ученый. Шесть лет в Вайлусинге.

— Мы ищем убежища от бури, — сказал Корнуэлл. — Мы бы пошли в гостиницу, но нас туда не пустят. К тому же у нас нет денег.

— Он пьян, — сказала девушка, — и ломает мебель. Хозяйка прячется в погребе, а я убежала. Я боюсь его, я всегда его боялась.

— Вы служите в гостинице?

— Да, — с горечью ответила она. — Я посудомойка, уборщица, девушка для побоев.

Неожиданно она села на сено.

— Мне безразлично, что будет. Я не вернусь, я убегу. Не знаю, что со мной будет, но я больше не останусь в гостинице. Он всегда пьян, а хозяйка, чуть что, хватается за полено. Не хочу больше.

— Можете идти с нами, — сказал Оливер. — Какая разница, если нас станет больше на одного?

— Мы идем далеко, — сказал Хол, — и путь наш будет труден.

— Не труднее, чем в гостинице, — возразила она.

— Кто-нибудь еще есть в гостинице? — поинтересовался Корнуэлл.

— Никого. Здесь никогда не бывает многолюдно. Время от времени несколько путешественников. Дровосеки и углежоги заходят выпить, да и то не часто, так как у них редко бывают деньги.

— Тогда мы спокойно можем спать до утра, — констатировал Джиб.

Енот, обследовавший дальние углы сеновала, вернулся и сел, обернув хвост вокруг лап.

— Один из нас будет дежурить, — сказал Корнуэлл, потом разбудит другого. Если остальные согласны, то я буду дежурить первым.

Джиб спросил у девушки:

— Вы пойдете с нами?

— Не думаю, чтобы это было разумно, — сказал Корнуэлл.

— Разумно или нет, — сказала она, — но я уйду, как только рассветет. С вами или без вас. Для меня это безразлично. Здесь я не останусь.

— Лучше, если она пойдет с нами, — сказал Хол. — Лес — не место для одинокой девушки.

— Если вы пойдете с нами, — сказал Оливер, — то мы должны знать ваше имя.

— Меня зовут Мери.

— Кто-нибудь хочет есть? — спросил Джиб. — У меня в мешке холодное мясо и орехи. Немного, но пожевать можно.

Хол тихо зашипел.

— Что такое?

— Мне показалось, что я что-то слышу.

Они прислушались. Но слышался лишь звук дождя и ветра.

— Я ничего не слышу, — признался Марк.

— Подождите, вот опять.

Все прислушались. На этот раз был ясно слышен странный звон.

— Подкованная лошадь, — сказал Хол. — Металл ударяется о камень.

Звук повторился, послышались отдаленные голоса. Скрипнула дверь конюшни, топот лошадей и звуки голосов раздались отчетливо.

— Здесь грязно.

— Лучше, чем снаружи.

— Хозяин пьян.

— Мы сами найдем еду и постели.

Ввели еще несколько лошадей. Заскрипела кожа — это снимали седла. Лошади переступали ногами. Одна из них заржала.

— Найди вилы и поднимись по лестнице, — сказал кто-то. — Там должно быть сено.

Корнуэлл быстро огляделся. Спрятаться было негде. Конечно можно было зарыться в сене, но только, чтобы сено не ворошили вилами.

— Все сразу, — прошептал он. — Нужно прорваться. Как только он покажется на лестнице.

Он повернулся к девушке.

— Поняли? Как можно быстрее. И бегите.

Она кивнула.

Лестница заскрипела, и Корнуэлл потянулся к рукоятке меча. Вихрь сена пронесся мимо. Краем глаза он увидел, как Енот с выпущенными когтями прыгнул на голову, показавшуюся в отверстии сеновала. Енот опустился на эту голову, и послышался приглушенный крик. Корнуэлл прыгнул к лестнице и начал быстро спускаться. На полпути он уловил блеск вил, но увернулся. У основания лестницы человек, поднимавшийся по ней, пытался освободиться от Енота, который вцепился в голову и лицо своей жертвы. Свободной левой рукой Корнуэлл вырвал вилы у этого человека.

Три кричащие фигуры устремились на него, и одна из них выхватила меч. Корнуэлл отвел назад левую руку с вилами, а потом с силой бросил их вперед. Держа перед собой меч, он побежал навстречу врагам. Щит все еще висел у него за спиной, ему некогда было взять его в руки.

«Это хорошо, — подумал он. — С рукой, занятой щитом, я не сумел бы выхватить вилы и кого-нибудь спускавшегося по лестнице они обязательно

пронзили бы».

Одна из фигур перед ним с криком удивления и боли упала, схватившись за вилы, торчавшие из его груди. Корнуэлл увидел блеск направленного на него меча и инстинктивно увернулся, подняв над головой свой меч. Он почувствовал сильный удар по плечу. Одновременно его меч попал в чье-то тело. Он рывком вывернул меч, и повернувшись, прижался к лошади.

Лошадь лягнула его в живот. Согнувшись, он опустился на четвереньки, не в силах вздохнуть. Кто-то подхватил его под руки и поднял. Он с удивлением увидел, что меч все еще в руке.

— Прочь отсюда! — крикнул кто-то еще. — Они все сейчас набросятся на нас.

Все еще сгибаясь от удара в живот, он заставил свои ноги двигаться в направлении к двери. Дождь ударил ему в лицо, и он понял, что выбрался из конюшни. На фоне освещенных окон гостиницы он увидел бежавших к нему людей, а немного справа опустившуюся на колени фигуру лучника, который спокойно выпускал стрелу за стрелой. Крики и проклятия звучали во тьме. Некоторые из бежавших падали, пронзенные стрелами.

— Пошли, — послышался голос Джиба. — Мы

все здесь. Хол задержит их.

Джиб схватил за руку, повернул и подтолкнул. Он снова побежал, выпрямившись, дыша легче, лишь с тупой болью в том месте, куда ударила лошадь.

— Достаточно, — сказал Джиб. — Надо собраться. Нам нельзя разделяться. Вы здесь, Мери?

— Здесь, — ответил испуганный голос.

— Оливер?

— Здесь.

— Енот, где ты?

Другой голос ответил:

— Не беспокойтесь о старине Еноте. Он найдет нас.

— Это ты, Хол?

— Я. Они не погонятся за нами. С них достаточно.

Корнуэлл неожиданно сел. Он почувствовал, как сырость проникает сквозь брюки. С трудом он попытался вложить меч в ножны.

— Вы, парни, хороши были в конюшне, — объявил Хол. — Одного Марк уложил вилами, другого — мечом, третьего — Джиб своим топором. У меня не было возможности, пока мы не выбрались наружу.

— Но зато там ты поработал хорошо, — сказал

Джиб.

— Не забудьте Енота, — подхватил Корнуэлл. — Он первым начал нападение.

— Не объясните ли вы мне, как это все получилось? — умоляюще спросил Джиб. — Я ведь не борец…

— Мы все не борцы, — сказал Корнуэлл. — За всю жизнь я не разу не сражался. Несколько ссор в университетских тавернах, но боев — никогда.

— Пойдемте отсюда, — сказал Хол. — Нужно отойти от гостиницы подальше. Все беритесь за руки, чтобы не потеряться. Я пойду впереди. Нельзя идти слишком быстро, иначе можно упасть в ущелье или налететь на дерево. Если кто-то разожмет руки, то все должны остановиться.

Глава 13

Хол, съежившись, сидел в березовой роще и смотрел, как медленно занимается рассвет. Конюшня и гостиница исчезли, на их месте лежала груда углей, и дым наполнял воздух одной горечью, поднимаясь вверх тонкими щупальцами. Дождь прекратился и небо прояснилось, но с ветвей берез все еще капала вода.

«Будет еще один прекрасный осенний день», — сказал себе Хол.

Но пока было холодно. Он скрестил руки и сунул их подмышки, чтобы согреться. Не двигаясь, прислушиваясь к малейшему звуку, который мог бы означать опасность, он всматривался в сцену перед собой.

Похоже было, что опасность миновала. Люди, выполнившие эту работу, ушли.

Далеко где-то вскрикнул дрозд, выше по холму с шорохом пробежала по опавшей листве белка. Больше ничего не шевелилось. Не слышно было никаких других звуков.

Хол дюйм за дюймом осматривал местность в поисках чего-либо неожиданного. Ничего не было. Единственное необычное — это угли на

месте гостиницы и конюшни.

Хол осторожно вышел из рощи и пошел по холму вверх. Остановившись за огромным дубом, он выглянул из-за ствола. Отсюда, с более высокого места, виден был ранее скрытый холм за гостиницей. Там происходило что-то необычайное. Огромный серый волк яростно рыл землю, а еще два волка сидели невдалеке, глядя, как он роет. Волк рылся на участке сырой земли, слегка возвышающейся.

Хол инстинктивно потянулся за стрелой, но потом опустил руку и продолжал наблюдать. Не было смысла убивать волков, и без них хватало убитых. К тому же волки, занимались вполне приличным для них делом. Под землей лежало мясо, и они добирались до него.

Хол пересчитал могилы. Их было пять, а может шесть — он не был уверен.

«Трое в конюшне, — подумал он. — А может четверо? Значит мои стрелы поразили от одного до трех. Борьба же была односторонней», — решил он про себя.

Им просто повезло. Если бы они не нападали, удалось ли им выбраться из конюшни без сражения? Но все уже было в прошлом и ничего нельзя было вернуть.

Жребий был брошен, когда Енот орлом набросился на голову человека, поднимавшегося по лестнице. Обдумывая случившееся, можно было прийти к выводу, что они вышли из этой переделки гораздо благополучнее, чем могли. Пострадал лишь Марк: удар копытом в живот и царапина на плече, по которому его плашмя ударили мечом.

Хол сидел за деревом и смотрел на волков. Их поведение свидетельствовало, что поблизости никого нет. Хол встал и зашуршал листвой. Волки повернули к нему головы и вскочили. Он снова зашуршал, и волки, как серые тени, исчезли в лесу.

Хол спустился по холму, огибая две группы углей. Они все еще излучали жар, такой приятный в это холодное утро. Он постоял немного, впитывая тепло.

Хол отыскал на влажной земле следы лошадей и людей, и подумал о судьбе хозяина и его жены. Он вспомнил слова девушки о том, что хозяйка пряталась в погребе от своего пьяного мужа. Была ли она там, когда гостиница запылала? Если так, то ее сгоревшее тело должно было находиться там, среди углей: деревянная гостиница вспыхнула как спичка, а выбраться оттуда было невозможно.

Хол прошел по следу до дороги и обнаружил, что отряд ушел на северо-запад. Он снова поднялся по холму, постоял у могил, раздумывая, что за люди могли так поступить.

В нерешительности и беспокойстве Хол остановился, потом повернулся и пошел по следу, держась в стороне от дороги, прислушиваясь к малейшим звукам, осматривая каждый участок земли, прежде чем ступить на него.

Через несколько миль он нашел хозяина гостиницы, человека, которого мельком видел в окне гостиницы предыдущей ночью. Тот висел на короткой веревке, привязанной к ветке огромного дуба, руки его были связаны сзади, голова свисала под небольшим углом. Он слегка раскачивался на ветру. На плече у него сидела синица, крошечная невинная серо-белая птичка, и подбирала кровь и слизь, тянувшуюся из уголка рта.

Хол знал, что позднее появятся и другие птицы. Он стоял, смотрел на повешенного и чувствовал, как в душе у него поднимается чувство ужаса.

Осмотрев следы, он понял, что отряд заспешил. Следы копыт стали глубже, лошади пошли галопом. Хол оставил след и напрямик вернулся к холму, изучая по дороге местность.

Наконец, скользя меж деревьями и кустов,

он вернулся к тому месту под скалой, где после долгого ночного пути, промокшие и уставшие, они остановились на отдых за несколько часов до рассвета.

Оливер и Енот спали в расщелине, прижавшись друг к другу, чтобы сберечь тепло. Остальные трое сидели в расщелине, прижавшись и завернувшись в одеяла. Хол почти наткнулся на них, прежде чем они его заметили.

— Ты вернулся, — заметил Джиб. — А мы гадали, что случилось. Теперь можно разжечь костер.

Хол покачал головой.

— Нужно немедленно уходить, — сказал он. — Немедленно и побыстрее. Нужно убраться отсюда.

— Но я набрал сухих дров, — возразил Джиб. — Они дадут мало дыма. Мы промокли и проголодались.

— Нет. Вся местность вскоре поднимется. Гостиница и конюшня сожжены. Ни следа хозяйки, притаившейся в погребе, а хозяин висит на дереве. Вскоре все узнают об этом, а до этого мы должны быть далеко отсюда.

— Сейчас я разбужу гоблина и Енота, — сказал Джиб.

Глава 14

День был мучительный. Они почти не останавливались и шли, как могли быстро. На пути встретился лишь дом дровосека. Они обошли его. Они не останавливались для еды и отдыха. Корнуэлл беспокоился о девушке, но она держалась наравне с остальными, без усилий и жалоб.

— Вы можете пожалеть, что пошли с нами, Мери, — сказал он.

Она молчала.

Наконец с наступлением темноты они остановились на отдых. На этот раз не в убежище, а в сухом русле маленького ручья, где весенние водопады вырыли углубление, защищенное с обоих сторон крутыми берегами. Оставалась открытой только та сторона, где ручей выбегал из омута. Но вокруг был сухой песок. За столетия вода смыла всю почву и мягкую породу, так что обнажилась твердая порода. В центре углубления был небольшой бассейн с водой, вокруг было сухо.

Под невысокой стеной развели костер. До еды разговоров было мало. Но, поев, они сели вокруг костра и разговорились.

— Вы уверены, что это был отряд Беккета? —

спросил Корнуэлл у Хола.

— А кто еще мог быть? Лошади подкованы, а торговцы своих лошадей не подковывают, да и используют они преимущественно мулов. А в том отряде совсем нет мулов, только лошади. Да кто еще мог так ужасно отомстить невинным?

— Они знали, что хозяева не виноваты, — заметил Корнуэлл.

— Конечно, но не наверняка, — сказал Хол. — Но они и не доказывали их вину. Они, вероятно, пытали хозяина, а когда он ничего не смог им сказать, они повесили его. Хозяйка погибла в погребе.

Он взглянул на Мери.

— Простите, мисс.

Она провела пальцами по волосам.

— Ничего, я жалею их, как жалела бы любого человека. Плохо умирать так. Но они значили для меня меньше, чем ничего. Если бы это не было так жестоко, я бы сказала даже, что они заслужили такую участь. Хозяина я боялась. Все время, пока я жила в гостинице, я боялась его. А хозяйка была не лучше. Без всякой причины, только из-за дурного характера, она швыряла в меня поленом. Я могу показать синяки.

— Почему же вы оставались там? — спросил

Джиб.

— Потому что мне не было куда идти. Мне повезло, что встретила вас.

— Вы говорите, что Беккет направился на северо-запад, — сказал Корнуэлл, обращаясь к Холу. — Что, если мы доберемся до Епископа Башни и найдем там людей Беккета? Даже если он оттуда уйдет, то предупредит Епископа, и мы встретим дурной прием, если вообще не закуют в железо.

— Марк, — сказал Хол, — я думаю, этого не стоит опасаться. В нескольких милях от того места, где повешен хозяин гостиницы, дорога разветвляется. Левое ответвление ведет к Башне, правое в Дикие Земли. Я уверен, что Беккет направился по правому. Я мог бы пойти проверить, но мне казалось, что важнее как можно быстрее уйти отсюда.

— Дикие Земли? — спросила Мери. — Он направился в Дикие Земли?

Хол кивнул.

Она обвела всех взглядом.

— А вы тоже идете в Дикие Земли?

— А почему вы спрашиваете? — спросил Оливер.

— Потому что я сама в детстве пришла из Диких

Земель.

— Вы?

— Я точно не знаю. Я была маленькой и почти ничего не помню. Правда, у меня сохранились кое-какие воспоминания детства. Большой дом на вершине холма. Люди, возможно, мои родители. Странные товарищи по игре. Но было ли это в Диких Землях, я не знаю. Родители — ну, не родители, а та пара, которая подобрала меня и вырастила — рассказывали, что нашли меня, когда я брела по тропе, ведущей из Диких Земель. Они жили рядом с Дикими Землями, эти бездетные старики. Я любила их, как своих родителей.

Все сидели молча, глядя на нее. Наконец она снова заговорила.

— Они много работали, но у них почти ничего не было. Соседи поблизости отсутствовали — слишком близко от Диких Земель. Но нас это не смущало. Никто нас не беспокоил. Мы выращивали рожь и пшеницу. У нас был домик и огород. В лесу было много дров.

Была и корова, но однажды зимой она сдохла, а получить другую было невозможно. Были у нас и свиньи. Отец — я всегда звала его отцом — убивал медведей, оленей и других животных из-за шкур. Шкуры мы обменивали на поросят. Такие хоро-

шенькие поросята. Мы держали их в доме, чтобы их не унесли волки. Я помню, как отец входил в дом, держа под мышкой маленьких поросят. Он нес их много миль.

— Но вы не остались с ними, хотя и были счастливы, — сказал Корнуэлл.

— Прошлая зима была очень суровая. Выпал глубокий снег и стояли сильные холода, а они были старые и слабые. Они простудились и умерли. Я делала все, что могла. Но вначале умерла она, потом он. Я развела костер, чтобы оттаяла земля, и выкопала могилу, одну на двоих. Боюсь, что могила получилась мелкая — слишком промерзла земля. После этого я не могла там оставаться. Понимаете, почему не могла?

Корнуэлл кивнул.

— И вы пошли в гостиницу?

— Верно. Хозяева обрадовались мне, хотя это и не улучшило их отношений. Я молода и вынослива, и охотно работала. Но все равно они меня били.

— Когда мы доберемся до Башни, вы сможете отдохнуть, — сказал Корнуэлл, — и спокойно решить, что делать дальше. Кто-нибудь знает, что такое Башня?

— Я немного знаю, — ответил Хол. — Это старый

защитный пост против Диких Земель, теперь покинутый. Когда-то был военный пост, но теперь на нем не осталось военных. Там живет только Епископ, хотя никто не знает, зачем он там и что там делает. С ним живут несколько слуг, а в окрестностях Башни есть одна или две фермы. И все.

— Вы мне не ответили, — сказала Мери. — Вы идете в Дикие Земли?

— Некоторые из нас, — сказал Корнуэлл. — Я иду. И Оливер тоже. Его не удержишь. Я бы удержал, если бы мог.

— Я в этом деле с самого начала, — сказал Оливер, — и буду в нем до конца.

— Долго ли идти до Башни? — спросил Джиб.

— Три дня, — сказал Хол. — Мы будем там через три дня.

Глава 15

Епископ Башни был стар. «Не так, как отшельник, — подумал Джиб, — но все же стар».

Одежда, когда-то богатая, расшитая золотом, после длительного ношения износилась. Но глядя на него, вы забывали об изношенной одежде. В нем было не только глубокое сочувствие, но и большая внутренняя сила, какое-то беспокойство за всех. Это был епископ-воин, состарившийся в этом мире. Лицо у него было плоское, с выделяющимся носом, с жесткими чертами лица.

Его голову покрывали седые волосы, такие редкие, что казалось, ветер, дувший в щели Башни, поднимет и унесет их.

Огонь, горевший в очаге, почти не разгонял холода. Комната была обставлена по-нищенски: грубый стол, за которым на шатавшемся стуле сидел Епископ. На холодном каменном полу никаких ковриков. На импровизированной полке несколько десятков книг и свитков, изъеденных мышами.

Епископ взял со стола изъеденную и переплетенную в кожу книгу и начал медленно листать ее. Наклонившись, он всматривался в страни-

цы. Наконец он закрыл книгу и отложил ее в сторону.

— Вы говорите, что мой брат во Христе отошел с миром? — спросил он у Джиба.

— Он знал, что умирает, — ответил Джиб, — но не боялся. Просто он был очень стар и слаб.

— Да, стар, — согласился Епископ. — Я его помню с того времени, когда сам еще был мальчишкой. Он уже тогда был взрослый, лет тридцати. Вероятно, уже тогда он шел по стопам господа. Я в его возрасте был военным, капитаном гарнизона этого самого места, которое противостояло ордам Диких Земель. Только много лет спустя, уже состарившись, я стал человеком бога. Так вы говорите, что моего друга любили?

— Я не знаю ни одного, кто не любил бы его, — сказал Джиб. — Он был другом для всех: и для болотников, и для жителей Холмов, и для гномов.

— А ведь вы не его веры, — сказал Епископ. — Может быть, у вас вообще нет веры?

— Это верно, ваша милость, у большинства из вас нет веры. Если я только правильно вас понял, что вы имеете в виду, говоря о вере…

Епископ покачал головой.

— Это так похоже на него. Он никогда не

спрашивал о вере. Думаю, что его это и не интересовало. Возможно, он и ошибался, но ошибался блистательно. И я поражен. Вас так много. Вы принесли мне посланное им. Не в том дело, что я вам не рад. Посетители в таком отдаленном месте — всегда радость. У нас почти нет связи с миром.

— Ваша милость, — сказал Корнуэлл, — болотник Джиб единственный из нас, кто должен был принести вам наследие отшельника. Хол из Дуплистого Дерева согласился проводить нас сюда.

— А миледи?

— Она под нашей защитой, — ответил Корнуэлл.

— Но вы ничего не сказали о себе.

— У меня и у этого гоблина, — сказал Корнуэлл, — есть дело в Диких Землях. Ну а что касается Енота, то он просто друг Хола.

— Меня не интересует Енот, — сказал Епископ, — хотя я не возражаю против его присутствия. Хитрое создание. Хорошее животное.

— Он мой друг, ваша милость, — сказал Хол.

Епископ не обратил внимания на его слова. Он сказал, обращаясь к Корнуэллу:

— Дикие Земли? Мало кто в наши дни осмеливается идти в Дикие Земли. Поверьте мне, там не безопасно. У вас, должно быть, очень веская

причина.

Он имел в виду Корнуэлла.

— Он ищет истину.

— Это хорошо. Не погоня за мирскими сокровищами. Искать знания полезно для души, хотя, боюсь, это не поможет вам при опасности.

— Ваша милость, — сказал Корнуэлл, — вы смотрели книгу…

— Да, — ответил Епископ. — Хорошая книга и очень ценная. Это работа целой жизни. Сотни рецептов и способов лечения от всех болезней. Я уверен, что многие из болезней этих были известны только отшельнику. Теперь пора о них узнать всем.

— Есть еще один предмет, — напомнил Корнуэлл.

— Да, я совсем забыл. Что-то я стал забывчив. Годы не улучшают память.

Он взял топор, закутанный в ткань, и осторожно развернул. Молча осмотрел топор, поворачивая его в руках, потом отложил в сторону.

Подняв голову, он обвел всех взглядом, и остановил его на Джибе.

— Вы знаете, что это? Отшельник говорил Вам?

— Он сказал, что это ручной топор.

— Вы знаете, что такое ручной топор?

— Нет, ваша милость, не знаю.

— А вы? — спросил Епископ у Корнуэлла.

— Да, ваша милость. Это древнее оружие. Говорят…

— Да, я знаю. Всегда есть такое, о чем говорят, и есть такое, о чем спрашивают. Интересно, откуда он у отшельника и почему он послал его мне? Святой человек не может ценить такие вещи. Топор принадлежит Древним.

— Древним? — спросил Корнуэлл.

— Да, древним. Вы слышали о них?

— Конечно, слышал, — ответил Корнуэлл. — Именно их я и ищу. Поэтому я иду в Дикие Земли. Существуют ли они, или это только миф?

— Они существуют. И топор нужно вернуть им. Кто-то, должно быть, украл его.

— Я могу взять его, — сказал Корнуэлл, — и проследить, чтобы он вернулся к своим хозяевам.

— Нет, — возразил Джиб. — Отшельник вручил его мне. Если его надо вернуть, то именно я должен это сделать.

— Вам не нужно идти, — сказал Корнуэлл.

— Нужно. Вы позволите идти мне с вами?

— Если пойдет Джиб, то пойду и я, — вмешался Хол. — Мы слишком долго были с ним друзьями,

чтобы я позволил ему одному идти навстречу опасности.

— Похоже, что вы все решили идти навстречу смерти, — сказал Епископ, — за исключением миледи.

— Я тоже пойду, — сказала она.

— И я, — послышалось от двери.

Джиб обернулся.

— Снивли! — закричал он. — Что вы здесь делаете?

Глава 16

Епископ обычно ел мало: кашу, немного свинины. Он понимал, что таким образом спасет свою душу и подаст пример пастве.

Но, едок по натуре, он был рад гостям, которые давали ему возможность попировать и поддержать гостеприимством доброе имя церкви.

На столе был молочный поросенок с яблоками во рту, задняя нога оленя, ветчина, седло барашка, пара куропаток и вишневый пирог. И еще торты и сладкие пироги, огромные блюда фруктов и орехов, сливовый пудинг и четыре сорта вина.

Наконец, Епископ оторвался от трапезы и вытер рот льняным платком.

— Вы уверены, что больше ничего не хотите? — спросил он у гостей. Мне кажется, что повара…

— Ваша милость, — сказал Снивли, — вы закормили нас. Мы не привыкли ни к такой разнообразной пище, ни к такому ее количеству.

— Что же, у нас мало посетителей, — сказал Епископ, — и когда они появляются, нам следует принимать их как можно лучше.

Он откинулся в кресле и похлопал себя по животу.

— Когда-нибудь ненасытный аппетит прикончит меня. Я так и не привык к роли священника, хотя и стараюсь умерщвлять плоть и смирять дух, но голод во мне растет и годы не смягчают его. И хотя я понимаю, что вы делаете глупость, что-то внутри меня кричит, чтобы я тоже шел. Это будет поход воинов и храбрых дел.

Хотя сейчас мир, но в течение столетия это место было оплотом Империи против народов Диких Земель. Башня подразрушилась, но когда-то она была мощной крепостью. Вокруг нее, ближе к реке, шла стена, которая сейчас почти исчезла. Камни ее растащили местные жители для своих построек, но когда-то Башню и стену обороняли люди, ограждая Империю от вторжения несчетных орд Диких Земель.

— Ваша милость, — мягко сказал Снивли, — хотя вы и говорите о столетиях, ваша история еще коротка. Были времена, когда люди и члены Братства жили как соседи и товарищи. Лишь когда люди начали рубить и уничтожать леса, уничтожать священные деревья и зачарованные поляны, когда они начали строить дороги и города, между нами началась вражда. Вы не можете с чистой совестью говорить о вторжении, потому что именно люди…

— Люди имеют право делать с землей, что захотят, — прервал его Епископ. — У них священное право использовать землю наилучшим образом. Безбожные создания, такие, как…

— Вовсе не безбожные, — возразил Снивли. — У нас были священные рощи, пока вы не вырубили их, и феи танцевали на полянах, пока вы их не превратили в поля. И теперь даже такие простодушные существа как феи…

— Ваша милость, — сказал Корнуэлл, — боюсь, что вы в меньшинстве. Лишь двое из нас могут считать себя истинными христианами, хотя все остальные истинные и благородные друзья. Я рад, что они решили идти со мной в Дикие Земли.

— Вы правы, — сказал Епископ, более добродушно, чем можно было ожидать. — Не следует за этим веселым столом спорить друг с другом. Есть другие дела, которые мы должны обсудить. Я понял, сэр ученый, что вы ищете древних из интеллектуального любопытства. Вероятно, это идет от ваших ученых знаний?

— Да, и они были трудными, — сказал Оливер. — Я много ночей смотрел, как он сидел за столом в библиотеке, брал книги, которые не снимались с полок столетиями и вобрали в себя горы пыли, читал при слабом свете огарков, потому

что из-за бедности вынужден был пользоваться огарками. Зимой он дрожал в библиотеке от холода, потому что университет — древнее здание, во все щели которого проникает ветер.

— Прошу вас, расскажите, что вы обнаружили, — сказал Епископ.

— Не очень много, — ответил Корнуэлл. — Предложение здесь, предложение там. Но достаточно, чтобы убедить меня, что древние — это не миф. Есть книга, очень тонкая и совершенно неудовлетворительная, которая излагает сведения о языке древних. Я могу немного говорить на этом языке, никаких подробностей, оттенков и полутонов. Но я не верю, что такая работа была проделана без всякого основания. Конечно, человек, написавший эту книгу, считал, что у древних был язык.

— Но почему он так думал? Он не рассказал, как изучил этот язык?

— Нет. Я иду, основываясь на одной вере.

— Если подумать, это не самая плохая из причин, — сказал Епископ.

— Для меня она хороша, — сказал Корнуэлл. — Для других, может, и нет.

— Для меня она тоже хороша, — сказал Оливер. — Для меня это лишь повод. Я не хочу провести всю жизнь гоблином со стропил.

— Я понимаю вас, Оливер, — сказал Корнуэлл. — В университете есть нечто такое, что проникает в кровь. Это место не от мира сего, оно развивает фантазию. Во многих отношениях оно не вполне разумно. Поиски знаний становятся целью, уже не связанной с реальностью. Но я беспокоюсь о Джибе и Холе. Я мог бы сам отнести топор древним.

— Вы так думаете, потому что плохо знаете отшельника, — сказал Джиб. — Он так много сделал для нас, а мы для него так мало. Когда мы смотрели на утес, где находилась его пещера, и знали, что он там, мир казался правильным. Не могу сказать, почему так было, но это было. Я укрыл его одеялом, когда жизнь его покинула. Я построил каменную стену, чтобы защитить его тело от волков. И еще одно я должен для него сделать. Никто другой, понимаете, только я. Он дал мне топор в руки, и я понесу его.

Епископ зашевелился.

— Я вижу, вас не остановить. Все вы собираетесь разбить свои головы, и вам еще повезет, если вы это сделаете сразу, без страданий. Но я не понимаю, почему этот ребенок, Мери, так настаивает…

— Ваша милость, — сказала Мери, — вы не зна-

ете, потому что я не говорила вам… Когда я была маленькой, я пришла по тропе, и двое стариков подобрали меня и вырастили. Я всегда старалась вспомнить, откуда я пришла. Дело в том, что тропа эта вела из Диких Земель…

— Вы не должны думать, что пришли из Диких Земель, — сказал Епископ в раздражении, — это бессмысленно.

— Иногда мне кажется что я что-то вспоминаю: старый дом на вершине холма, странные товарищи по играм, которых я никак не могу узнать. Не знаю, кто они были.

— Вам и не нужно знать, — сказал Епископ.

— Мне кажется, Епископ, нужно, — возразила Мери. — Ведь если я не найду их, то никогда не узнаю.

— Пусть идет, — сказал Снивли. — Не нужно опекать ее. Она идет в хорошей компании и имеет все права идти. Может быть, больше прав, чем у любого из нас.

— А вы, Снивли, — сказал Хол, стараясь говорить как можно мягче, вы-то лучше проживете дома.

Снивли фыркнул.

— Я не могу спать по ночам, думая о своем участии в этом деле, о том, как судьба безошибочно

направила мою руку. Я выковал меч для этого ученого, и это было предопределено заранее, иначе почему было только одно гнездо чистой руды? Единственное, и не более того? Эта руда оказалась здесь не без цели. Я думаю, что целью этой был меч.

— Если это и так, — заметил Корнуэлл, — то он попал явно не в те руки. Мне не следовало брать этот меч. Я не воин.

Хол сказал:

— Ночью в конюшне вы прекрасно управились с ним.

— О чем это вы? — спросил Епископ. — Какая конюшня? У вас была стычка в конюшне?

— Мы не рассказали вам, — ответил Корнуэлл. — Похоже, что у нас сильный враг — человек по имени Беккет. Вы, наверно, слышали о нем?

Епископ скорчил гримасу.

— Слышал, что если бы вы заранее захотели выбрать себе лучшего друга, то никого не нашли бы хуже Беккета. Я, правда, никогда его не встречал, но репутация у него известна. Это безжалостное чудовище. Если вы столкнулись с ним, то, можно считать, что это даже хорошо, что вы уходите в Дикие Земли.

— Но он тоже идет туда, — сказал Джиб.

Епископ выпрямился.

— Вы не говорили мне об этом? Почему?

— Наверное потому, что он из инквизиции, — ответил Корнуэлл.

— И поэтому вы решили, что он высоко ценится всеми в Святой Матери Церкви?

— Мы так подумали, — согласился Марк.

— Церковь велика, — сказал Епископ, — и в ней есть место для самых разных людей. Место для таких святых, как оплакиваемый нами отшельник и, к сожалению, место для разных мошенников и негодяев. Мы слишком велики, чтобы управлять собой как следует. Есть в церкви люди, без которых ей было бы гораздо легче, а среди них главный — это Беккет. Он использует плащ инквизиции для своих кровавых дел. Вы говорите, что он тоже направляется в Дикие Земли?

— Мы так думаем, — заметил Хол.

— Много лет здесь царит мир, — сказал Епископ. — Много лет назад военный гарнизон был удален из этого места. В нем отпала необходимость. Десятилетиями здесь не было никаких неприятностей. Но сейчас — не знаю. Следует опасаться самого худшего. Достаточно искры, чтобы вспыхнуло все пограничье. И этот Беккет может оказаться этой самой искрой. Со всей убе-

дительностью говорю вам, что сейчас не время идти в Дикие Земли.

— Тем не менее, мы пойдем, — сказал Джиб.

— Вы все пустоголовые, и не стоит мне тратить время на убеждения. Несколько лет назад я и сам бы участвовал в вашем глупом походе. Но хотя возраст и занятие запрещают мне это, я все же помогу вам. Вам не следует пешком идти навстречу смерти. Поэтому я дам вам лошадей и все необходимые.

Глава 17

Снивли и Оливер были недовольны. Им пришлось ехать вдвоем на одной лошади.

— Посмотрите на меня, — сказал Хол. — Я тоже делю свою лошадь с Енотом.

— Енот — домашнее животное, — пробормотал Оливер.

— Вовсе нет, — возразил Хол. — Он мой друг. Мы живем в одном дереве.

— Его нужно будет только поднять, чтобы он не промок при переходе через речку, — сказал Снивли. — Он не будет ехать с вами все время. Ему это не понравится.

— Лошадь столько же его, сколько моя, — сказал Хол.

— Не думаю, чтобы лошадь разделяла это мнение, — сказал Джиб. — Она кажется пугливой. Никогда раньше на ней не ездил енот.

Они пересекли реку вброд. Это был старый, исторический брод, некогда служивший охраной Башни. Когда они обернулись на другом берегу, Башня и примыкавшая к ней стена показались жалкими строениями. Кое-где на вершине стены росли растения и деревья, а массивное основание

Башни было покрыто ползучими растениями. Крошечные фигурки, неузнаваемые на расстоянии, стояли у стены, поднимая руки в знак прощания.

— Еще есть время вернуться, — сказал Корнуэлл Мери. — Это не место для вас. Нас ждут трудные дни.

Она упрямо покачала головой.

— И кем я буду? Снова служанкой? Не хочу!

Корнуэлл развернул лошадь и двинулся по едва заметной тропе, огибавшей низкий холм. За рекой характер местности изменился. К югу от реки крутые склоны холмов заросли густым лесом, но здесь леса поредели и холмы стали ниже.

Рощи и здесь занимали много акров. Но все время попадались открытые пространства и, глядя на восток, Корнуэлл видел голые холмы.

«Хорошо бы иметь карту, — подумал он. — Любую карту, даже плохую, чтобы знать, где мы находимся».

Он говорил об этом Епископу, но насколько тот знал, такой карты никогда и не было. Солдаты, охранявшие крепость, о составлении карт и не помышляли. Они даже ни разу не переправлялись через реку. Жители же Диких Земель проникали на эту землю, но очень редко.

Единственными людьми, побывавшими в Диких Землях, были, по-видимому, одинокие путешественники вроде Тейлора, чью книгу читал Корнуэлл в университете. Но очень сомнительно, что все описанное этим путешественником — правда.

Корнуэлл наморщил лоб, думая об этом. Он понял, что нет ничего, что говорило бы, что Тейлор более правдив, чем все остальные. Этот человек лишь слышал о древних, а для этого даже не нужно было путешествовать по Диким Землям.

Древний ручной топор — более веское доказательство существования древних, чем слова Тейлора. «Странно, — подумал Корнуэлл, — что Епископ сразу определил, что топор принадлежит древним». Следовало бы поподробней расспросить об этом Епископа, но времени было мало, а поговорить надо было о многом.

Стоял прекрасный осенний день. Они выступили поздно, и солнце уже поднялось высоко. Облаков не было и погода была теплая. Когда они поднимались на холм, перед ними открылась панорама на долину.

— Там что-то на вершине, — сказала Мери. — Следит за нами.

Корнуэлл осмотрел горизонт.

— Я ничего не вижу.

— Я видела лишь мгновение, и не само что-то, а движение. И все. Я видела что-то движущееся.

— За нами наблюдают, — сказал Снивли, когда вместе с Оливером подъехал к голове колонны. — И этого следовало ожидать. Теперь не будет ни одного мгновения, когда за нами не будут наблюдать. Они будут знать о нас все.

— Кто это — они? — спросил Корнуэлл.

Снивли пожал плечами.

— Откуда мне знать? Нас множество живет в Диких Землях: гоблины, гномы, баньши, и может даже домовые и феи. И еще другие. Множество других, более или менее опасных.

— Мы их не заденем, — сказал Корнуэлл. — Мы не поднимем на них оружие.

— Но, однако, мы вторглись на эти земли.

— Даже вы? — спросила Мери.

— Даже мы, — подтвердил Снивли, — даже Оливер и я. Мы тоже чужаки, изменники, дезертиры, потому что наши предки покинули родину и стали жить в пограничье, рядом со своими врагами.

— Посмотрим, — сказал Корнуэлл.

Лошади, двигаясь по тропе, наконец доставили путешественников на вершину холма. Но впереди раскинулось не плато, как можно

было ожидать, а цепь других хребтов, каждый последующий выше предыдущего. Они уходили к горизонту, как правильные застывшие волны.

Тропа опускалась вниз по голому склону, поросшему выгоревшей травой. У подножия холма густой лес закрывал промежуток между хребтами. Не было видно ни одного живого существа, даже птицы. Странное чувство одиночества охватило путников. Но в то же время Корнуэлл спиной ощущал на себе чей-то взгляд.

Медленно и неохотно шли лошади по тропе, которая огибала огромный дуб, одиноко возвышавшийся в траве. Это было хотя и толстое, но высокое дерево, с огромным стволом и огромными, далеко раскинувшимися ветками. Самые низкие ветки находились не более чем в двадцати футах от земли.

Корнуэлл увидел что-то, глубоко вонзившееся в ствол. Предмет этот примерно на два фута выступал из ствола. Он был несколько футов в диаметре, изогнутый, цвета слоновой кости.

Сзади Снивли затаил дыхание.

— Что это? — спросила Мери.

— Рог единорога, — ответил Снивли. — Таких осталось мало, и я никогда не слышал, чтобы единороги оставляли свои рога в дереве.

— Это знак, — торжественно сказал Оливер.

Корнуэлл подъехал поближе и схватил рог. Он потянул его, но тот не поддался. Корнуэлл потянул снова, но с тем же результатом. Похоже было, что с тем же успехом он мог бы попытаться вытащить и ветвь дерева.

— Надо срубить его, — сказал он.

— Позвольте мне попробовать, — предложила Мери.

Она взялась за рог и легко, от первого же рывка, он вышел.

Длиной он оказался в три фута, с заостренным концом, совершенно целый и невредимый.

Все с благоговением смотрели на него.

— Я никогда ничего такого не видела, — сказала Мери. — В старых сказках пограничья говорится, конечно, о таких вещах, но…

— Это хороший знак, — сказал Снивли, — и это хорошее начало.

Глава 18

Перед наступлением темноты они остановились в начале ущелья, разделявшего холмы. У подножия холма бил небольшой ключ, дававший начало ручью, бежавшему по ущелью. Джиб нарубил для костра сучьев с упавшей сосны. Погода продолжала оставаться прекрасной. Травы для лошадей было достаточно, а густой лес, окружавший выбранную ими поляну, защищал от ветра.

Хол сказал:

— Они вокруг нас. Следят.

— Откуда вы знаете? — спросила Мери.

— Я знаю. И Енот тоже знает. Посмотрите на него. Кажется, что его ничего не тревожит, но на самом деле он их и слышит, и чувствует.

— Не нужно обращать на них внимания, — сказал Снивли. — Ведите себя так, как будто ничего нет. К ним нужно привыкнуть. Они следят все время за нами. Но бояться нечего. Это всего лишь эльфы, тролли, домовые. Ничего опасного, ничего злобного.

Корнуэлл пошевелил угли в костре и поставил на них кастрюлю с кашей.

— А что будет, когда появится кто-то большой

и злобный? — спросил он.

Снивли пожал плечами. Он сидел напротив Корнуэлла.

— Не знаю. Но кое-что сейчас в нашу пользу. Во-первых, рог единорога, который вытащила из дуба Мери. Это мощное средство, и рассказ о том, что он находится у нас, уже распространился в окрестностях. А через день-два все Дикие Земли будут знать о нем. Во-вторых, это ваш волшебный меч.

— Я рад, что вы упомянули об этом, — заметил Корнуэлл. — Я все собираюсь спросить вас, почему вы дали его Джибу? Конечно, он рассказал мне о ваших намерениях. Но тут вы ошиблись, мастер гном. Следовало бы сначала проверить мои способности. Если бы вы их знали, то вряд ли сделали бы мне такой подарок. Ведь хоть весь мир обыщи, не найдешь худшего воина, чем я. Конечно у меня, как и у большинства мужчин, был меч. Старый, тупой меч, семейное наследие, но очень никчемный даже в сентиментальном плане. В течение многих лет я не обнажал его.

— Однако, — улыбаясь, заметил Снивли, — мне говорили, что вы прекрасно проявили себя во время битвы в конюшне.

Корнуэлл с возмущением фыркнул.

— Лошадь лягнула меня в живот, и на том все кончилось. Джиб с его топором и Хол с луком — вот кто истинные герои схватки.

— Но мне говорили, что вы убили вашего противника.

— Случайность. Могу уверить вас, что это была случайность. Этот дурак сам налетел на лезвие.

— Неважно, как это получилось. Важно, что вы справились.

— Справился, но с трудом и без всякой славы.

— Мне иногда кажется, — сказал Снивли, — что большая часть славы великих деяний связана с оглядкой назад. Простое убийство со временем может превратиться в рыцарский поступок.

К костру подошел Енот и положил голову на колени Корнуэлла. Он прижался и усы его зашевелились.

— Подожди немного, — сказал ему Корнуэлл. — Будет и тебе доля.

— Я часто думаю, — сказал Снивли, — а много ли он понимает. Умное животное. Хол все время с ним разговаривает и клянется, что тот отвечает.

— Не сомневаюсь, что так оно и есть, — сказал Корнуэлл.

— Они связаны друг с другом как братья, — сказал Снивли. — Однажды ночью собаки погнались

за Енотом, который тогда еще был щенком. Хол спас его и взял к себе. С тех пор они все время вместе. И теперь ни одна собака не захочет с ним связываться.

Мери сказала:

— Собаки, должно быть, теперь хорошо его знают. Хол говорит, что Самогонщик почти каждую ночь охотится на енотов. Но его собаки никогда не тронут Енота. Даже если во время охоты натыкаются на его след, то в азарте идут некоторое время по его следу, но затем сворачивают.

— О, эти собаки достаточно умны, — сказал Джиб. — Умнее их только сам старина Енот.

— Они по-прежнему здесь, — сказал Джиб. — Видно их движение в темноте.

— Они с нами с того самого времени, как мы перешли реку, — сказал Снивли. — Мы их, конечно, не видим. Но они все время следят за нами.

Кто-то потянул Мери за рукав. Повернув голову, она увидела маленькое существо со сморщенным лицом.

— Один из них здесь, — сказала она. — Он вышел на открытое место. Не делайте резких движений, чтобы не испугать его.

Маленькое существо сказало:

— Я Бромли, тролль. Ты меня помнишь?

— Не уверена, — сказала она с сомнением. — Ты один из тех, с кем я играла?

— Ты была маленькой девочкой, — сказал Бромли, — не больше нас. Там был домовой Скрипичные Пальцы, а иногда Соломенная фея или эльф. Ты никогда не считала нас другими, чем сама. Ты была слишком мала, чтобы думать иначе. Мы делали пироги из грязи в ручье, и хотя я и Скрипичные Пальцы считали пироги из грязи пустым занятием, нам было весело с тобой. Если ты хотела стряпать пироги, мы шли и стряпали их.

— Теперь я вспомнила, — сказала Мери. — Ты жил под мостом, и я всегда считала это очень странным местом жительства.

— Теперь ты уже знаешь, — с некоторым высокомерием сказал Бромли, что настоящие тролли всегда живут под мостами. Никакое другое место для них не пригодно.

— Да, конечно, я знаю об этом.

— Мы часто ходили дразнить людоеда-великана: бросали камни, комья грязи, обломки дерева и другие предметы в его берлогу, а потом побыстрее убегали, чтобы он нас не поймал. Сейчас я думаю, что людоед вряд ли нас замечал. Мы были робкими и боялись даже тени.

Корнуэлл хотел заговорить, но Мери покачала

головой.

— Зачем остальные следят за нами? — спросила она. — Почему они не показываются? Мы посидели бы вокруг костра и поговорили, могли бы даже потанцевать. У нас есть еда. Можно сварить больше каши, так что хватит на всех.

— Они не придут, — сказал Бромли, — даже за кашей. Они были против моего прихода к вам, хотели задержать меня, но я пришел. Я знаю тебя очень давно. Ты была в пограничье.

— Меня увели туда.

— Я искал тебя и не мог понять, почему ты ушла. Если не считать пирогов из грязи — это скучное и противное занятие — мы отлично проводили время.

— А где сейчас Скрипичные Пальцы?

— Не знаю, он ушел. Домовые все бродяги. Всегда бродят. А мы, тролли, остаемся на месте: находим мост, селимся под ним и живем.

Неожиданно послышалось гудение. Позже, вспоминая, все согласились, что оно не было таким уж неожиданным. Оно раздавалось некоторое время, пока тролль разговаривал с Мери, звучало, как писк насекомого, но теперь оно стало громче, перешло в вой, висящий в воздухе: дикая, ужасная музыка, частично похожая на

бормотание сумасшедшего.

Мери, испуганная, вскочила. Корнуэлл тоже и его быстрое движение перевернуло кастрюлю с кашей. Лошади в ужасе заржали.

Снивли попытался крикнуть, но издал какой-то писк.

— Темный Трубач? — пропищал он, и потом повторил еще несколько раз. Темный Трубач, Темный Трубач…

Что-то круглое покатилось по склону к лагерю. Оно катилось подпрыгивая и издавая глухой звук, когда касалось земли. Подкатившись к освещенному кругу, оно остановилось и осталось лежать, оскалив рот, как в усмешке.

Это была отрубленная человеческая голова.

Глава 19

На следующий день, в полдень, они нашли место, где была отрублена голова. Сама голова осталась погребенной после торопливой молитвы у подножия большого гранитного камня у прежнего лагеря. Над ней поставили грубый крест.

Оливер возражал против установки креста.

— Они не трогают нас, — говорил он. — Зачем же оскорблять их? Ваши глупые скрещенные палки для них — проклятье!

Но Корнуэлл не уступил.

— А как насчет швыряния в нас человеческими головами? — сказал он. Это значит, нас не трогают? Крест — это не оскорбление. Голова принадлежит человеку и, по всей вероятности, христианину. Мы просто обязаны прочитать над ней последнюю молитву и поставить крест. И мы сделаем это.

— Вы думаете, что это один из людей Беккета? — спросил Джиб.

— Возможно, — ответил Корнуэлл. — От самой гостиницы у нас нет сведений о Беккете. Мы не знаем, пересек ли он границу. Но если здесь есть

люди, то это вполне могут быть люди Беккета. Этот вполне мог отстать от остальных, заблудиться и встретиться с кем-то, кто не любит людей.

— Вы упрощаете, — заметил Снивли, — в Диких Землях нет никого, кто бы любил людей.

— Но если не считать этой головы, против нас не было предпринято ничего, — заметил Корнуэлл.

— Дайте им время, — заметил Снивли.

— Вы также должны принять во внимание, — сказал Оливер, — что среди нас вы единственный человек. Возможно, и нас они не очень любят, но все же…

— А Мери?

— Мери жила здесь ребенком. К тому же, у нее рог, который какой-то пустоголовый единорог оставил в дереве.

— Мы же не армия вторжения, — сказал Джиб. — Мы иммигранты, если хотите. Им нет причин бояться нас.

— Но нам нужно считаться не с их страхами, — сказал Снивли, — а скорее с их ненавистью к нам. Эта ненависть, существующая уже не одно столетие, глубоко вошла в них.

Корнуэлл спал мало. Как только он засыпал, его преследовал кошмар. Он снова видел голову, а,

вернее, дикую, искаженную карикатуру на нее, вселяющую ужас.

Он просыпался в холодном поту. Подавив страх, вызванный кошмаром, он снова вспоминал голову, но не во сне, а наяву, как она лежала у костра. Искры поджигали ей волосы и бороду, глаза были открыты и, казалось, смотрели на них. Они были похожи скорее на камни, чем на глаза. Рот и лицо были искажены, как будто кто-то взял голову в сильные руки и сжал. Оскаленные зубы сверкали, отражая пламя костра, а из угла рта тянулась нить высохшей слюны.

Наконец, к утру он погрузился в сон, настолько истощенный, что даже видение головы не могло разбудить его. Когда он проснулся, завтрак уже был готов. Корнуэлл поел, стараясь, правда, не совсем успешно, не смотреть в ту сторону, где стоял крест. Разговаривали мало, торопливо оседлали лошадей и тронулись в путь.

Они двигались по тропе, которая не расширялась и не превращалась в дорогу. Местность становилась все более дикой и неровной, пересеченной глубокими ущельями. Тропа то опускалась вниз, то поднималась на вершины, чтобы снова углубиться в ущелье. Страшновато было даже разговаривать, так как, казалось, зву-

ки могли разбудить кого-нибудь, притаившегося в тишине. Не было ни жилища, ни следа чего-либо живого.

По общему согласию, без обсуждений, путники решили днем не останавливаться.

Вскоре после полудня Хол догнал Корнуэлла, ехавшего впереди.

— Взгляните туда, — сказал он.

Он указал на узкую полоску неба, видимую между кронами больших деревьев, росших по обе стороны тропы.

Корнуэлл посмотрел.

— Я ничего не вижу. Только одну или две точки. Это, наверно, птицы.

— Я давно слежу за ними, — сказал Хол. — Их становиться все больше. Это канюки. Там что-то мертвое.

— Корова, вероятно.

— Здесь нет ферм, и, следовательно, нет коров.

— Тогда олень или лось.

— Не просто олень или лось. Канюков много, значит, много и падали.

Корнуэлл натянул поводья.

— К чему вы клоните?

— Голова, — сказал Хол, — она ведь откуда-то взялась. Тропа впереди опускается в очередное

ущелье. Там прекрасное место для засады. Если нас захватят здесь, ни одному не уйти.

— Но мы уверены, что Беккет здесь не проходил. Ведь он не показывался у Башни, и мы ни разу не встретили никаких следов его отряда: ни отпечатков копыт лошадей, ни остатков костра, ни человеческих следов. Если бы здесь была засада…

— Не знаю, — сказал Хол. — Но там канюки, и их много.

Подъехали Оливер и Снивли.

— Что происходит? — спросил Оливер. — Что-нибудь случилось?

— Канюки, — сказал Хол.

— Я не вижу никаких канюков.

— Точки в небе.

— Неважно, — сказал Корнуэлл. — Они здесь — ну и что? Там просто что-то мертвое. Прошлым вечером, перед тем, как кто-то швырнул в нас голову, слышалось гудение…

— Темный Трубач, — сказал Снивли, — я же говорил…

— Теперь я вспомнил. Но с тех пор так много всего произошло. Кто такой Темный Трубач?

— Никто не знает этого, — ответил Снивли. — Никто никогда его не видел. Его слышат не часто,

иногда он молчит годами. Он — предвестник бедствий, и играет всегда перед тем, как происходит что-то ужасное.

— Не говорите загадками. Что именно? Голова — это и есть ужасное? — спросил Хол.

— Не голова, — возразил Снивли. — Что-то гораздо худшее.

— Ужасное для кого? — спросил Корнуэлл.

— Не знаю, — ответил Снивли. — И никто не знает.

— Что-то в этом гудении мне знакомо, — сказал Оливер. — Я думаю об этом все время и не могу вспомнить. Это так ужасно, что я испугался. Но сегодня я вспомнил, частично, одну или две фразы. Это часть древней песни. Я отыскал ее ноты в одном древнем свитке в Вайлусинге. Там была эта фраза. В свитке говорилось, что она дошла до нас от очень далеких столетий. Возможно, это самая древняя песня на Земле. Не знаю, откуда человек, написавший этот древний свиток, мог знать…

Корнуэлл хмыкнул и двинул лошадь вперед. Хол последовал за ним. Тропа неожиданно пошла вниз, как бы уходя под землю, и по обе стороны от нее появились крутые стены. По склонам текли ручейки, кое-где за камни цеплялись мхи, из трещин росли кедры, настолько изогнутые,

что казалось, они вот-вот упадут. Отрезанное от солнца, ущелье, по мере того как они в него углублялись, становилось все темнее.

Меж стен ущелья подул ветер и принес запах. И от этого запаха, тошнотворного и сладковатого, у путников пересохло горло.

— Я был прав, — сказал Хол. — Там внизу смерть.

Перед ними был поворот. А за поворотом ущелье кончалось. Впереди располагался амфитеатр — кольцо, окруженное крутыми утесами. Взрыв крыльев — и стая больших птиц оторвалась от пиршества и взмыла в воздух. Несколько отвратительных птиц, слишком объевшихся для того чтобы взлететь, неуклюже отпрыгнули в сторону.

Запах стал резким, как удар кулака в лицо.

— Боже! — воскликнул Корнуэлл.

Он боролся с тошнотой, вызванной видом того, что лежало на каменистом берегу ручья, протекавшего посреди амфитеатра.

Из общей массы мяса и костей выступали отдельные детали — лошади с застывшими ногами, люди. Среди травы скалились черепа, торчали грудные клетки, мягкие животы, как наиболее доступные для еды, были разорваны, видне-

лись ягодицы. На ветках колючих кустарников развевались клочья одежды. Копье с острием, вонзившееся в землю, торчало наклонившись, как пьяный восклицательный знак. Тусклое солнце отражалось во всех мечах и щитах.

Среди растерзанных лошадиных и человеческих тел лежали и другие, покрытые черной шерстью, скалившие огромные клыки, с короткими хвостами с кисточками, с большими тяжелыми плечами, тонкой талией, огромными лапами, вооруженными изогнутыми когтями.

— Вот где проходил Беккет, — сказал Джиб.

На противоположном конце амфитеатра виднелась уже не тропа, а дорога, которая вела в новое ущелье.

Корнуэлл приподнялся на стременах и оглянулся. Все сидели на лошадях неподвижно, с восковыми от ужаса лицами.

— Мы ничего не сможем тут сделать, — сказал Джиб. — Уедем лучше отсюда поскорее.

— Христианское слово, — сказал Корнуэлл, — чтобы дать им мир и…

— Нет слов, которые помогли бы, — ответил Джиб хрипло. — И нет для них мира.

Корнуэлл кивнул, соглашаясь, и пустил лошадь рысью в направлении дороги. По обе стороны от

них били крыльями птицы, которым помешали пировать. Промелькнул хвост вспугнутой ими лисицы.

Выбравшись на дорогу, они оставили бойню за собой. На дороге тел уже не было. А позади них черные птицы начали возвращаться к прерванному пиршеству.

Глава 20

Человек находился на вершине хребта, находившегося за амфитеатром, где они наткнулись на последствия битвы. Было совершенно очевидно, что он ждал их. Он удобно сидел у подножия большого дуба, упираясь в ствол, и с интересом смотрел, как они приближаются к нему по дороге.

Рядом с деревом стояло странное сооружение, раскрашенное красной и белой красками, оно стояло на двух колесах, как будто с трудом удерживалось на них в равновесии. Эти колеса были какие-то необычные — не из дерева, а из железа, черного цвета, и обод их был не плоский, каким он должен быть, а какой-то закругленный. Спиц в колесе было не слишком много, и были они не из дерева, а из тонких полосок металла. Любой человек в здравом уме сразу же понял, что такие тонкие спицы ни на что не годятся.

Когда они приблизились, человек встал и отряхнул с брюк листья и грязь. Брюки на нем были белыми, плотно облегающими. Кроме них, на нем была красная рубашка, а поверх нее была одета белая куртка. Ботинки у него были очень

аккуратного изготовления.

— Значит, вы пришли, — сказал человек. — Я был уверен, что вы сумеете это сделать.

Корнуэлл кивнул, указывая назад.

— Вы имеете в виду вот это?

— Точно, — сказал человек. — Вся страна в возбуждении. Это случилось два дня назад. Вы могли попасть головой в петлю.

— Мы ничего не знали, — сказал Корнуэлл. — Мы идем от Башни, а те люди внизу шли другой дорогой.

— Что ж, вы прошли благополучно, а это главное. Я вас ждал.

— Вы знали, что мы идем?

— Я слышал о вас вчера. Пестрая компания, как мне сказали, И действительно, они были правы.

— Они?

— О, мои разнообразные друзья, пробирающиеся сквозь чащу, бегущие среди травы. Глаза и уши. Мало что происходит без их внимания. Я знаю и о роге, и о голове, подброшенной к лагерному костру. Я с нетерпением ожидал вас.

— Вы знаете, кто мы?

— Только ваши имена. Прошу прощения, но я не представился. Меня зовут Александр Джоунз. Я приготовил для вас…

— Простите, мистер Джоунз, — перебила его Мери, — мне это не нравится. Мы вполне можем сами…

— Мисс Мери, если я обидел вас, я прошу прощения. Я только хотел предложить вам свое гостеприимство. Убежище от надвигающейся ночи, тепло, горячая пища, место для сна.

— Что касается меня, — заметил Оливер, — то все это будет принято с радостью. И еще хорошо бы кружку пива или стакан вина. Запах все еще стоит у меня в горле. Надо чем-нибудь смыть его.

— Пиво, конечно, — сказал Джоунз. — Целый бочонок ждет вашего прихода. Вы согласны, сэр Марк?

— Да, согласен. Я не вижу здесь ничего плохого. Но не зовите меня «сэр», я всего лишь ученый.

— В таком случае держите покрепче своих лошадей, — сказал Джоунз. Эта моя кобылка — очень шумное животное.

Он подошел к сооружению на двух колесах, перебросил через него одну ногу, и сев на то, что называется седло, взялся за два выступа впереди.

— Минутку, — сказал Джиб. — Вы нам не сказали бы об одном обстоятельстве. Как вам удается оставаться в живых? Ведь вы человек — не так ли?

— Хочется так думать, — ответил Джоунз. — А ответ на ваш вопрос прост. Здесь меня считают колдуном. Хотя на самом деле это не так.

Он, держась на одной ноге, пнул что-то другой. Двухколесное сооружение с гневным ревом ожило, выпустив облако дыма. Лошади в испуге попятились. Оливер, сидевший за Снивли, упал с лошади, но тут же на четвереньках отбежал в сторону, чтобы уйти из-под копыт лошади. Рев двухколесного чудовища перешел в ровное гудение.

— Простите, — крикнул Джоунз Оливеру, — но я вас предупреждал.

— Это дракон, — сказал Снивли, — двухколесный дракон, хотя я до этого и понятия не имел, что бывают драконы на колесах. Но кто же, кроме дракона, может испускать такой рев и изрыгать пламя и дым.

Он протянул руку и помог Оливеру взобраться на лошадь. Джоунз верхом на драконе покатил вниз по дороге.

— Все же, я думаю, следует двигаться за ним, — сказал Хол. — Горячая еда. Мне бы хотелось горячей еды.

— Мне это не нравится, — пожаловался Снивли. — Совсем не нравится. Не люблю драконов,

даже прирученных.

Дракон двигался быстро, и им пришлось подгонять лошадей, чтобы не отставать. Дорога стала гораздо лучше. Она пролегала по плато, мимо березовых и сосновых рощ, где лишь изредка попадались дубы. Потом дорога пошла вниз, но не резко, а постепенно. Они очутились в прелестной долине, где находились три палатки, ярко раскрашенные, с развевающимися вымпелами.

Дракон остановился возле самой большой палатки, и Джоунз спешился. Рядом с палаткой находился стол, сколоченный из досок, была яма для костра с решеткой для приготовления пищи и большой пивной бочонок.

Вокруг огня, горевшего в яме, толпились оборванные домовые, тролли, гоблины. При виде лошадей с путешественниками некоторые из них бросили работу и разбежались.

— Посидим, поболтаем, — сказал Джоунз. — У нас найдется, о чем поговорить.

С полдюжины троллей наполнили кружки пивом и поставили на стол.

— Прекрасно, — сказал Джоунз. — Можно выпить перед едой. Еда, как обычно, никогда не готова вовремя. Мои маленькие друзья работают неохотно, неорганизованно. Садитесь и пого-

ворим.

Оливер схватил кружку, погрузил в нее мордочку и с удовольствием начал пить. Напившись, он вытер пену с усов.

— Хорошее пиво. Гораздо лучше, чем в тавернах Вайлусинга.

— Снивли называет вашего коня драконом, — сказал Хол Джоунзу. — Но хотя он изрыгает огонь и дым, убедительно ревет, я знаю, что это не дракон. Я никогда не видел драконов, но слышал о них, и ни одно описание драконов не похоже на эту штуку, на которой вы ездите. У нее нет ни головы, ни крыльев, а у драконов должно быть все это, да и хвост.

— Вы правы, — обрадованно сказал Джоунз. — Это не дракон, хотя многие думают так же, как и Снивли. Это вообще не живое существо, а машина. Она называется «моторный велосипед».

— Моторный велосипед, — повторил Джиб. — Я ничего подобного никогда не слышал.

— Конечно, не слышали, — сказал Джоунз. — Он единственный в этом мире.

— Вы говорите, что это машина, — сказал Корнуэлл. — У нас есть, конечно, машины, но все они не похожи на вашу. Военные машины, осадные машины, бросающие камни, стрелы и горючие

материалы в осаждаемый город.

— Или мельничное колесо, — сказал Джиб. — Это тоже машина.

— Но мельничное колесо движется силой воды, — сказала Мери, — а военные машины натяжением веревок. А как работает ваша машина?

— Я не могу вам объяснить, — сказал Джоунз. — Я бы рассказал, но для вас это не имеет смысла.

— Значит, вы не знаете, как она действует?

— Точно, не знаю.

— Тогда это магия.

— Могу заверить вас, что это не магия. В моем мире не существует магии. Чтобы ее отыскать, нужно явиться в ваш мир.

— Не может быть, — сказала Мери. — Магия должна быть. Она часть жизни.

— В моем мире магия уничтожена, — сказал Джоунз. — Люди, конечно, вспоминают о магии, но как о чем-то исчезнувшем. Когда-то она была, но потом исчезла. Я же явился сюда, чтобы отыскать утраченную магию. Я изучаю ее.

— Странно, — сказал Корнуэлл. — Все это очень странно. В вас, должно быть, есть какая-то магия, хотя вы ее и отрицаете. Ведь этот маленький народ охотно работает на вас, смотрит за огнем,

готовит еду, приносит вино, заботится о лошадях. А за нами они следили, но не помогали. Только прятались и следили.

— Дайте им время, — сказал Джоунз. — Так же вначале было и со мной. Они прятались и следили за мной, а я занимался своими делами, не обращал на них внимания. Через некоторое время они стали приходить и разговаривать со мной. Из моего поведения и слов они решили, что я колдун и могу быть им полезен.

— У вас преимущество перед нами, — сказал Корнуэлл. — В нас нет колдовства.

— Я слышал другое, — сказал Джоунз. — Эти малыши мне все рассказали. Среди вас есть тот, кто смог выдернуть рог единорога из дуба, и есть другой, с магическим мечом, и третий, у которого особый камень.

— Откуда они узнали? — спросил Джиб. — О камне? Камень укутан, и я несу его тайно. Мы о нем не говорили.

— О, они все отлично знают, — сказал Джоунз. — И не спрашивайте меня, откуда, так как я этого все равно не знаю. Просто скажите, если они в чем-то ошибались. Этот камень изготовлен давным-давно древними и вы хотите вернуть его им.

Корнуэлл порывисто повернулся к Джоунзу и наклонился к нему:

— Что вы знаете о древних? Где их можно найти?

— Только то, что мне рассказывали. Сначала нужно идти к Ведьминому дому, потом через Сожженную Равнину, обогнуть замок Зверя Хаоса и дойти до Туманных гор. Там, если повезет, вы сможете найти древних. Мне говорили, что они постепенно вымирают и их осталось совсем немного, да и те скрываются в труднопроходимых местах. Впрочем, если столкнуться с ними неожиданно, то придется спасать свою жизнь.

— Ведьмин Дом? — с беспокойством спросила Мери. — Вы говорили о Ведьмином Доме? Это старый-старый дом, который как будто вот-вот развалится? Он стоит на небольшом холме над ручьем? И через ручей переброшен старый каменный мост? Старый двухэтажный дом со множеством труб и галерей вдоль сада?

— Очень точное описание. Как будто вы его уже видели.

— Я его видела, — сказала Мери. — В этом доме я жила ребенком. Под мостом жил тролль Бромли. И еще там был домовой Скрипичные Пальцы…

— Бромли приходил к вам вчера вечером, —

сказал Джоунз.

— Да, он приходил повидаться со мной. Остальные притаились, а он пришел. Он меня помнит. Если бы не бросили эту ужасную голову…

— Я беспокоился, что произойдет, когда вы достигните поля боя, сказал Джоунз. — Я трусил. Мне бы следовало выйти вам навстречу, но я боялся вызвать нежелательные последствия. Сначала я все же вышел вам навстречу, но потом вернулся…

— Но нам ничего не повредило, — сказал Корнуэлл. — Это, конечно, было ужасно, но не так уж опасно. Ведь поблизости были лишь тролли, гоблины и другой народец.

— Они мои друзья, — сказал Джоунз. — Я рад, что вы верили в их доброжелательность. Возможно, эта вера и помогла вам. Я не хочу вас пугать, но должен сказать, что тут есть и другие.

— Какие другие? — резко спросил Снивли.

— Церберы, — ответил Джоунз. — Стая кровожадных церберов. Они следуют за вами с того момента, как вы пересекли реку.

— Церберы? — спросил Корнуэлл. — Там были тела на поле битвы, с хвостами и клыками.

— Да, вы правы, это они.

— Я знал о них, — спокойно сказал Снивли. —

Они часть нашей традиции. Но я их никогда не видел и не встречал тех, кто видел. — Он объяснил Корнуэллу: — Они палачи, профессиональные убийцы. Они наказывают…

— Но пока они позволили нам пройти, — заметил Корнуэлл.

— И позволят идти дальше, — сказал Джоунз. — Они не настроены против вас. Но сделайте хоть один неверный шаг, и они набросятся на вас.

— А как они к вам относятся? — спросил Корнуэлл. — Они и за вами следят?

— Может быть, вначале, и следили, а может и сейчас еще следят. Но видите ли, у меня сложилась репутация колдуна, и, кроме того, они, должно быть, считают меня безумцем.

— И это вас защищает?

— Надеюсь. Я ничего не делаю, чтобы разуверить их.

— Кто-то идет по дороге, — сказал Снивли.

Все повернулись к дороге.

— Это Сплетник, — сказал Джоунз. — Чертов паразит. Он чувствует еду за семь миль, а выпивку вдвое дальше.

Сплетник ковылял по дороге, высокий, в грязном балахоне, концы которого волочились по дорожной пыли. На плече у него сидел ворон.

С другого плеча у него свешивался на веревке какой-то продолговатый предмет в овечьей шкуре. В левой руке он держал длинный посох, при каждом шаге энергично ударяя им по дороге. За ним, прихрамывая, бежала маленькая собачка. Собачка была белая, за исключением черных пятен около глаз, похожих на очки.

Сплетник подошел к столу и остановился перед Корнуэллом, который повернулся к нему лицом. Теперь, когда Сплетник был рядом, стало видно, что его одежда изношена и изорвана, со множеством дыр, сквозь которые виднелось голое тело. Некоторые дыры били залатаны тканью разных цветов, но солнце и грязь привели к тому, что их цвет стал неотличим от цвета балахона. Ворон линял, на его хвосте торчали перья и вся птица выглядела как поеденная молью. Собачка тут же уселась и принялась ловить блох.

Если Сплетник и был человеком, то все же не совсем похожим. Уши у него были большие и заостренные, глаза странно скошены, нос приплюснут, а зубы похожи на клыки. Всклокоченные волосы походили на крысиное гнездо. Ногти на его руке, державшей посох, были длинными, неровными и грязными.

Он сказал, обращаясь к Корнуэллу:

— Вы Корнуэлл, ученый из Вайлусинга?

— Да.

— Вы предводитель этого отряда пилигримов?

— Не предводитель. Мы все равны.

— Тем не менее, у меня для вас есть слово мудрости. Или, вернее, дружеское предупреждение. Не ходите дальше Ведьминого Дома. До этого места пилигримам ходить разрешается.

— Беккету не позволили дойти и туда.

— Беккет не был пилигримом.

— А вы уверены, что мы пилигримы?

— А дело не во мне, сэр ученый. Это они так думают. Я лишь передаю их слова.

— А кто это — они?

— Прекрасный сэр, неужели вы так невежественны? Если вы это не знаете, то в вашем отряде есть такие, которые знают.

— Вы говорите об Оливере или обо мне, — тут же вмешался Снивли. Советую вам выбирать слова. Я, как гном, и Оливер, как гоблин, мы здесь дома и можем идти куда захотим.

— Вы уверены, что имеет на это право? — сказал Сплетник. — Вы предали Братство.

— Но вы не ответили мне, — сказал Корнуэлл. — Кто такие «они», о которых вы говорили?

— Вы слышали о церберах?

— Я о них знаю.

— А о Звере Хаоса? И о Том, Кто Размышляет В Горах?

— И о них слышал. Это старые басни путешественников. Я встречал лишь беглое упоминание о них.

— Тогда вы должны молиться, чтобы ваше знакомство с ними не стало более тесным.

Корнуэлл взглянул на Джоунза. Тот кивнул.

— Он мне говорил то же самое. Но, как вы уже догадались, я трус. Я не пошел за Ведьмин Дом. — И спросил у Сплетника: — Как насчет пива?

— С удовольствием. И кусочек мяса. Я проделал долгий путь, и меня мучит голод и жажда.

Глава 21

Полная луна встала над горизонтом, гася звезды и заливая поляну светом. Неярко горели костры, а на траве между лагерем и дорогой танцевали маленькие существа под резкие звуки скрипки.

После еды Сплетник развернул свой сверток и достал оттуда скрипку и смычок. Теперь он стоял, зажав под подбородком скрипку, держал левой рукой лады, а правой работал смычком. Поеденная молью ворона по-прежнему умудрялась сидеть у него на плече, подпрыгивая, чтобы удержать равновесие, и издавая при этом протестующие крики.

Под столом спала маленькая хромая собачка, объевшаяся мясом, которое ей бросали пирующие. Ее лапы вздрагивали, как будто она гонялась во сне за кроликом.

— Их так много, — сказала Мери.

— Когда мы появились, их не было так много.

Джоунз захихикал.

— Тут все мои и большинство ваших.

— И наши тут? Они вышли из укрытий?

— Да. Их привлекла еда и пиво. Ведь не станут же они прятаться, когда остальные едят.

— Тогда среди них должен быть и Бромли. Почему же он не подходит ко мне?

— Ему и так весело, — сказал Корнуэлл.

Среди танцующих показался Енот. Подойдя, он потерся о ноги Хола. Хол посадил его на колени. Енот обернул хвост вокруг лап и носа.

— Он слишком много съел, — констатировал Джиб.

— Он всегда так, — сказал Хол.

Скрипка пела и визжала. Рука Сплетника бешено работала, а ворон протестующе кричал.

— Я не совсем вас понял, — сказал Корнуэлл Джоунзу. — Вы сказали, что не бывали за Ведьминым Домом. Почему? И что вы здесь делаете?

Джоунз заулыбался.

— Странно, что вы у меня это спрашиваете. У нас много общего. Видите ли, сэр ученый, я тоже студент, как и вы.

— Но почему вы не учитесь?

— Я учусь. Здесь достаточно материала для обучения и изучения. Даже более, чем достаточно. Когда изучаешь что-нибудь, нужно все тщательно исследовать перед тем как делать следующий шаг. Придет время, и я пойду за Ведьмин Дом.

— Изучаете, вы говорите?

— Да, заметки, записи, картины. У меня груды

записей, километры лент…

— Ленты, картины. Вы имеете в виду картины?

— Нет, — ответил Джоунз. — Я использую фотоаппарат.

— Вы говорите загадками, — сказал Корнуэлл. — Я такого слова не знаю.

— Не хотите ли взглянуть? Не нужно беспокоить остальных.

Он встал и пошел к палатке. Корнуэлл последовал за ним. У входа в палатку Джоунз остановил его.

— Вы человек без предрассудков? — спросил он. — Как ученый, вы должны им быть, но…

— Я шесть лет занимался в Вайлусинге, — ответил Корнуэлл. — Я стараюсь ко всему относиться без предрассудков, иначе трудно узнать что-либо новое.

— Хорошо. Какая у вас тут дата?

— Октябрь, — сказал Корнуэлл. — Год господа нашего 1975-й. Но какое точное число не знаю, так как потерял счет дням.

— Прекрасно, — сказал Джоунз. — Я только хотел удостовериться; к вашему сведению, сегодня семнадцатое.

— Причем тут дата?

— Может и не причем, а может понадобиться. У

вас первого я смог узнать об этом. Здесь, в Диких Землях, никто не следит за календарем.

Он поднял входной клапан палатки и поманил за собой Корнуэлла. Внутри палатка оказалась больше, чем можно было представить снаружи. Она была уставлена множеством приборов. В углу стояла походная койка, рядом с ней стол и стул. В центре стола находился подсвечник с толстой свечей, пламя которой дрожало от сквозняка. В углу лежала груда книг в кожаных переплетах. Рядом с книгами были открытые ящики. На столе, кроме подсвечника, не оставляя места для письма, находился какой-то странный предмет. На столе, как заметил Корнуэлл, не было ни пера, ни чернильницы, ни песочницы, и это показалось ему странным. В противоположном углу стоял большой металлический шкаф, а рядом с ним у восточной стены часть помещения была отгорожена плотной черной тканью.

— Здесь я готовлю свой фильм, — пояснил Джоунз.

— Не понимаю, — напряженно сказал Корнуэлл.

— Взгляните.

Джоунз подошел к столу и взял из одного ящика пригоршню квадратных листов.

— Вот это фотографии, о которых я говорил. Не рисунки — фотографии. Давайте берите и смотрите.

Корнуэлл склонился над столом, не дотрагиваясь до так называемых фотографий. На него смотрели цветные рисунки, изображавшие домовых, гоблинов, троллей, фей, танцующих на поляне, воплощенный ужас — церберов, двухэтажный дом на холме с каменным мостом через ручей. Корнуэлл осторожно поднял рисунок дома и поднес его ближе к глазам.

— Ведьмин Дом, — пояснил Джоунз.

— Но это ведь рисунки, — заявил Корнуэлл. — Миниатюры. При дворе многие художники делают их для книг и других целей. Но они заключают их в рамку с изображением цветов, птиц, насекомых, что, по-моему, делает их привлекательными. Они работают долгие часы.

— Посмотрите внимательней. Вы видите следы кисти?

— Это ничего не доказывает, — упрямо ответил Корнуэлл. — На миниатюрах тоже не видны следы кисти. Художники работают так тщательно, что никаких следов не видно. И все же какая-то разница здесь есть.

— Вы чертовски правы, какая-то разница есть.

Я использую эту машину.

Джоунз положил руку на странный черный предмет на столе.

— Я также использую и другие предметы, чтобы получить фото. Я нацеливаю машину, смотрю в это окошко, щелкаю и получаю снимок точно таким же, каким видит аппарат. А он видит лучше, чем глаз.

— Магия, — сказал Корнуэлл.

— Опять! Говорю вам, что здесь не больше магии, чем в моем велосипеде. Это наука, технология, способ делать вещи.

— Наука — это философия, — сказал Корнуэлл, — и не больше. Приведение вселенной в порядок, попытка найти во всем смысл. При помощи философии вы не можете делать все это. Тут должна быть магия.

— А где ваше отсутствие предрассудков?

Корнуэлл выронил фото и гневно выпрямился.

— Вы привели меня сюда, чтобы издеваться? Вы разыгрываете меня своей магией, уверяя, что это не магия. Почему вы хотите представить меня глупым и ничтожным?

— Вовсе нет, — сказал Джоунз. — Уверяю вас, вовсе нет. Я ищу вашего понимания. Впервые появившись здесь, я пытался объяснить кое-что

этому маленькому народцу, даже Сплетнику, несмотря на его невежество и репутацию. Я говорил, что в этом нет магии и, я не колдун, но они меня не поняли. Потом я нашел, что слыть колдуном даже выгодно и больше не пытался им объяснить. Но по причине, которой сам не могу понять, мне нужен кто-нибудь, кто бы меня выслушал. Я думаю, что вы, как ученый, меня поймете. Ну что ж, по крайней мере я сделал честную попытку объяснить.

— Кто же вы такой? — спросил Корнуэлл. — Если вы не колдун, то кто же вы?

— Я такой же человек, как и вы, но живу в другом мире.

— Вы уже говорили об этом мире, о вашем мире. Но ведь мир только один, который есть у вас и у меня. Впрочем, может быть, вы говорите о Небесном Царстве? Это другой мир. Но мне трудно поверить, что вы оттуда.

— О, дьявол, — сказал Джоунз. — Все бесполезно! Я должен был это понять. Вы упрямы и тупоголовы, как и все остальные.

— Тогда объясните. Вы сказали, кем вы не являетесь. Теперь скажите, кто вы есть?

— Слушайте. Когда-то, как вы сами говорили, существовал лишь один мир. Не знаю, как давно

это было — десять тысяч или сто тысяч лет назад. Это невозможно теперь установить. И вот что-то случилось, не знаю, что именно. Мы, наверно, никогда и не узнаем, как это произошло и почему, но, наверно, какой-то человек совершил поступок. Поступок этот совершил только один человек. Он что-то сделал, или выговорил, или подумал. Не знаю, что именно он сделал, но с того момента стало существовать два мира, не один, а два. В самом начале различие было ничтожным, миры еще не разошлись, они проникали друг в друга. Можно было подумать, что это по-прежнему один мир. Но различий становилось все больше, и стало очевидно, что мира два, а не один. Миры все больше расходились, так как были несовместимы. Люди, жившие в них, пошли по разным дорогам. Вот как один мир раскололся надвое. Не спрашивайте меня как это случилось, какие физические и метафизические законы ответственны за этот раскол. Я об этом не знаю, да и никто, наверно, не знает. В моем мире только горстка людей знает, что это вообще произошло. Остальные люди не знают, а если бы узнали, то все равно бы не поверили.

— Магия, — упрямо сказал Корнуэлл. — Вот как это случилось.

— Черт возьми! Вы опять! Как дойдешь до чего-нибудь непонятного, так опять выскакивает это слово. Вы ведь образованный человек. Вы учились много лет…

— Шесть нищих, голодных лет.

— Тогда вы должны знать, что магия…

— Я знаю о магии больше, сэр. Я изучал магию. В Вайлусинге приходится изучать магию. Это обязательный предмет.

— Но церковь…

— Церковь не спорит с магией. Только с неправильным использованием магии…

— Нам с вами бесполезно разговаривать, — сказал Джоунз. — Я говорю вам о технологии, а вы отвечаете, что это магия. Велосипед — дракон, фотоаппарат — злой глаз, ну, Джоунз, почему ты такой упрямый?

— Я не знаю, о чем вы говорите, — сказал Корнуэлл.

— Конечно, не знаете.

— Вы говорите, что мир разделился, что был один мир, но потом он раскололся и их стало два.

Джоунз кивнул.

— Да, так должно быть. Другим способом этого не объяснить. Вот ваш мир. В нем нет техно-

логии, нет машин. О, я знаю о ваших машинах — об осадных механизмах, о водяных мельницах. Это, конечно, машины, но у моего мира другие машины. За последние 500 лет, а может и за тысячу, вы совершенно не продвинулись вперед в смысле технологии. Вы даже не знаете этого слова. Конечно, были события, например подъем христианства. Но главное — не имею представления, как это могло произойти — у вас не было Возрождения, не было Реформации, не было промышленной революции…

— Вы используете термины, которые я не понимаю.

— Простите, я увлекся. События, о которых я упоминаю, у вас не произошли. Не было ни единого поворотного пункта в истории, и еще кое-чего. Вы здесь сохранили магию и героев древнего фольклора. Здесь они живут, а в моем мире их нет, и они просто герои старых легенд. В моем мире утратили магию и всех этих малышей, и наш мир стал беднее.

Корнуэлл сел на постель рядом с Джоунзом.

— Вы хотите понять, как раскололся мир, — сказал он. — Я ни на минуту не допускаю, что вы говорите правду, хотя должен признать, что ваши машины меня поразили.

— Не будем о них говорить, — сказал Джоунз. — Сейчас мы просто два человека, отличающихся по подходу к некоторым фактам и философским проблемам. Конечно, я бы приветствовал выяснение причины раскола наших миров, но я явился сюда не за этим. И я сомневаюсь, что эту причину можно было выяснить, так как, вероятно, она давно исчезла.

— Она может еще существовать, — сказал Корнуэлл. — Какая-то вероятность есть, пусть безумная…

— О чем вы говорите?

— Вы сказали, что мы два честных человека, отличающихся друг от друга. Но ведь мы оба ученые.

— Вероятно. И что же?

— В моем мире ученые состоят членами особой гильдии, традиционного братства.

Джоунз покачал головой.

— За некоторым исключением, я согласен, что примерное существует и в моем мире. Ученые обычно честны друг с другом.

— Тогда, возможно, я открою вам тайну, не свою…

— Мы из различных культур, — сказал Джоунз. — Наши взгляды могут различаться. Мне

было бы неприятно, если бы вы открыли мне тайну, которую мне не следует знать. Я не хотел бы затруднять вас ни сейчас, ни позже.

— Но ведь мы оба ученые, у нас общая этика.

— Ладно, — согласился Джоунз. — О чем же вы хотите мне рассказать?

— Где-то в дальних Диких Землях есть университет. Я слышал о нем и считал, что это легенда. Но оказывается, что он действительно существует. Есть древние летописи.

Внезапно снаружи прекратилась музыка и наступила полная тишина. Джоунз замер, а Корнуэлл сделал шаг к выходу и остановился, прислушиваясь. Послышался новый звук — далекий, но отчетливый крик, отчаянный и безнадежный.

— О, боже! — прошептал Джоунз. — Еще не все кончено. Они не позволили ему уйти.

Корнуэлл выскочил из палатки, Джоунз за ним. Танцующие отступили от дороги и столпились у стола. Они все смотрели на дорогу. Никто не разговаривал, и все, казалось, затаили дыхание. Костры по-прежнему поднимали к небу столбы дыма.

По дороге, спотыкаясь, шел обнаженный человек. Он шел и кричал. Его бессмысленный и

жуткий крик поднимался и падал, но не прекращался. Откинув голову, он кричал прямо в небо. За ним и по обе стороны от него двигались церберы, зловеще черные во тьме ночи. Некоторые из них шли на четвереньках, другие, выпрямившись, на задних лапах, наклонившись вперед и размахивая передними лапами. Их короткие мясистые хвосты двигались в возбуждении, а ужасные клыки белели в черноте рта.

Оливер выбрался из толпы и подошел к Корнуэллу.

— Это Беккет, — сказал он. — Они его поймали.

Человек и свора церберов приближались. Крик человека не смолкал, но теперь стали слышны и другие звуки: басистый аккомпанемент ужасного крика — ворчание церберов.

Корнуэлл прошел вперед и встал впереди толпы, рядом с Джибом и Холом. Он попытался заговорить, но не смог. Холодная дрожь охватила его: он не мог унять стук зубов. Оливер оказался рядом с ним.

— Это Беккет, — повторил он. — Я узнал его. Я его часто видел.

Подойдя к лагерю, Беккет неожиданно перестал кричать и, пошатнувшись, повернулся лицом к толпе. Он протянул вперед свои руки.

— Убейте меня! — завопил он. — Ради любви девы Марии, убейте меня. Если среди вас есть человек, пусть он, ради любви Господней, убьет меня.

Хол поднял лук и потянулся за стрелой. Снивли перехватил лук и потянул его вниз.

— Вы сошли с ума! — закричал он. — Только попробуйте — и они набросятся на нас. Вы не успеете пустить стрелу, как они вцепятся вам в горло.

Корнуэлл, вытаскивая меч, пошел вперед. Джоунз преградил ему дорогу.

— Прочь с дороги! — проревел Корнуэлл.

Джоунз ничего не ответил. Его правая рука поднялась снизу вверх, и кулак ударил Корнуэлла в подбородок. От этого удара Корнуэлл упал, как подрубленное дерево.

На дороге церберы набросились на Беккета. Они не уронили его, оставили стоять, но рвали клыками его тело и отскакивали. Половина его лица исчезла, кровь струилась по щеке, зубы показались из-под нее, язык двигался в агонии, крик застрял в горле. Снова сверкнули клыки и внутренности человека вывалились наружу. Рефлекторно Беккет наклонился вперед, сжимая руками разорвавшийся живот. Острые клыки

оторвали ему половину ягодицы, и он выпрямился, размахивая руками и дико крича. Потом он упал и задергался в пыли с воем и стонами.

Церберы отошли и сели кружком, рассматривая свою жертву с благожелательным интересом. Постепенно стоны стихли. Беккет медленно поднялся на колени, а потом встал. Он снова казался целым. Лицо и ягодицы не разорваны, внутренности на месте. Церберы лениво встали. Один из них подтолкнул Беккета носом, и тот пошел дальше по дороге, возобновив свой бесконечный крик.

Корнуэлл сел, тряся головой и держась за меч. Из тумана перед ним показалось лицо Джоунза.

— Вы ударили меня кулаком. Честный способ борьбы?

— Держите руки подальше от своей железной палки, — сказал Джоунз. Или я опять вас ударю. Мой друг, ведь я спас вас, вернее, спас вашу драгоценную жизнь.

Глава 22

Корнуэлл постучал, и ведьма открыла дверь.

— Ага, — сказала она Мери, — вот ты и вернулась. Я всегда знала, что ты вернешься. С того дня, как я рассталась с тобой, я знала, что ты придешь обратно ко мне. Тогда я поставила тебя на дорогу, ведущую в Пограничье, хлопнула по маленькой попке и велела тебе идти. Ты пошла не оглядываясь, но я знала, что ты вернешься, когда подрастешь. В тебе всегда было что-то странное. Ты не подходила для мира людей, и ты не обманула надежды старой бабки…

— Мне было тогда три года, может меньше, — сказала Мери, — но вы не моя бабушка и никогда ей не были. Я никогда не видела вас.

— Ты была слишком мала, чтобы помнить. Я бы оставила тебя у себя, но времена наступили опасные и неустойчивые, и мне казалось, что тебе лучше уйти с зачарованной земли. Хотя это и разбило мое сердце, потому что я тебя любила, моя девочка.

— Это все ложь, — сказала Мери Корнуэллу. — Я ее не помню, она не моя бабушка.

— Но это я поставила тебя на дорогу, ведущую

в Пограничье, — сказала ведьма. — Я взяла тебя за маленькую ручку и побрела, согнувшись, так как меня тогда мучил артрит. Ты шла рядом со мной и щебетала.

— Я не могла щебетать, — возразила Мери, — я никогда не была болтуньей.

Дом оказался точно таким, каким описала его Мери. Старый, полуразрушенный дом на холме, а под холмом ручей, со смехом бегущий по равнине, с каменным мостом над сверкающей водой. Группа берез росла у одного из углов дома, а ниже по холму была живая изгородь, которая ничего не ограждала. За ней виднелась груда булыжников, а дальше, у ручья, был болотистый бассейн.

Остальные члены отряда стояли у каменного моста и ждали, глядя на дом, где перед открытой дверью стояли Мери и Корнуэлл.

— Ты всегда была извращенным ребенком, — говорила ведьма, — и всегда устраивала нехорошие шутки. Впрочем, это не было свойством твоего характера. Так ведут себя многие дети. Ты невыносимо дразнила бедного людоеда, бросая камни в его нору, так что бедняга едва мог спать. Ты наверно удивишься, узнав, что он вспоминает о тебе лучше, чем ты этого заслуживаешь. Услышав о том, что ты идешь сюда, он сказал, что

надеется тебя увидеть. Хотя, будучи людоедом с большим чувством собственного достоинства, он не может сам выйти к тебе. По крайней мере, сразу. Так что, если ты хочешь увидеться с ним, то тебе придется подождать.

— Я помню людоеда, — сказала Мери, — и как мы бросали камни в его нору. Не думаю, что я когда-либо видела его. Я часто вспоминала о нем и гадала, был ли он на самом деле. Мне говорили, что он существует, но я сама его никогда не видела.

— Конечно, людоед есть, и очень милый. Но я совсем забылась. Я так рада увидеть тебя, дорогая, что боюсь оказаться невежливой. Вы стоите здесь, а мне давно бы следовало пригласить вас к чаю. И я еще ни слова приветствия не сказала рыцарю, который сопровождает тебя. Я не знаю, кто вы такой, — сказала она Корнуэллу, — но рассказывают чудеса о вас и вашей компании. И о тебе тоже, — добавила она, обращаясь к Мери, — я вижу, рог единорога больше не с тобой. Не говори, что потеряла его.

— Нет, не потеряла, — сказала Мери. — Просто его надоело нести. Я его оставила с теми, кто ждет у моста.

— Ну, хорошо, — сказала ведьма, — я погляжу

на него попозже. Услышав о нем, я очень рассчитывала, что увижу его. Ты ведь покажешь мне его?

— Конечно, покажу.

Старая карга захихикала.

— Я никогда не видела рог единорога, и, хотя это кажется странным, самого единорога тоже. Даже в этой земле единорог очень редок. Но идемте пить чай, но только втроем, так будет уютней. А тем, у моста, я вышлю корзину печенья, моя дорогая. Ты всегда любила это печенье с семечками…

Она шире открыла дверь и сделала жест рукой, приглашая их войти. В прихожей было темно. Мери остановилась.

— Тут что-то не так. Я помню другое. Дом был яркий, полный смеха и света.

— Это воображение, — резко сказала ведьма. — У тебя всегда было сильное воображение. Ты выдумывала игры и играла с этим глупым троллем, который жил под мостом, и со Скрипичными Пальцами.

Она захихикала, вспоминая.

— Ты могла вовлечь их во что угодно. Они ненавидели те пироги из глины, но делали их для тебя. Они страшно боялись людоеда, но когда ты бросала камни в его нору, они шли и тоже

бросали. Ты говоришь, что я ведьма, моя дорогая, с моей горбатой спиной, с моим артритом и с длинным изогнутым носом, но ты сама ведьма, и еще получше меня.

— Потише, — сказал Корнуэлл, берясь за меч. — Миледи не ведьма.

Старая карга протянула свою костлявую руку и легко положила ее ему на ладонь.

— Я ей сказала комплимент, благородный сэр. Нельзя больше похвалить женщину, чем сказать ей, что она ведьма.

Корнуэлл отбросил ее руку.

— Следите за своим языком.

Ведьма улыбнулась, показав обломки зубов, и повела их по темному, сырому коридору, в маленькую комнату, устланную старым ковром. У одной стены был камин. Через широкое окно лился солнечный свет, подчеркивая убогость обстановки. На узкой полке у окна — разбитые тарелки. В центре комнаты находился резной стол, покрытый скатертью, а на ней — серебряный чайный сервиз.

Ведьма указала им на стулья, а сама села перед дымящимся чайником. Потянувшись за чайником, она сказала:

— Теперь мы можем поговорить о старых вре-

менах, о том, что изменилось в мире, и что вы здесь делаете.

— Я хочу поговорить о своих родителях, — сказала Мери. — Я о них ничего не знаю. Мне нужно знать, кто они, что они здесь делали и что с ними случилось.

— Это были хорошие люди, — сказала ведьма, — но очень странные, не похожие на других. Они не смотрели сверху вниз на жителей Диких Земель. В них не было зла, а было глубокое понимание. Они разговаривали со всеми встречными. И вопросы, которые они задавали — о, какие они задавали вопросы! Я часто задавала себе вопрос: что они тут делают? Они ни чем не занимались. Говорили, что у них отпуск. Противно думать, что такие умные люди могут проводить свой отпуск здесь. И если у них был отпуск, то очень долгий. Они были здесь почти год, ничего не делали, просто ходили вокруг и были добры со всеми встречными. Я помню день, когда они пришли ко мне. Они шли вдвоем, дорогая, а между ними — ты. Они держали тебя за руки, как будто ты нуждалась в помощи, хотя она тебе никогда не требовалась. Подумать только! Люди спокойно идут по дороге в Диких Землях и ведут с собой ребенка, как будто вышли на прогулку. Помню,

как они подошли к этому дому и постучали в дверь. Они спросили, не смогут ли они пожить тут, и я, конечно, сказала, что это можно. Я так добра, что никому не могу отказать.

— Я думаю, что вы лжете, — сказала Мери колдунье. — Я не верю, что это ваш дом. Мои родители не могли быть вашими гостями.

— Не будем спорить, — сказал Корнуэлл. — Правда или нет, пойдем дальше. Что с ними случилось?

— Они ушли к Сожженной равнине. Я не знаю, зачем они туда пошли. Конечно, они были приятными людьми, но мне ничего об этом не сказали. Они оставили со мной этого ребенка, а сами ушли к Сожженной равнине. С тех пор никто о них не слышал.

— И тогда вы отвели Мери в Пограничье?

— Ходили разные толки. Я боялась оставлять ее здесь.

— Какие толки?

— Не помню.

— Видите, — сказала Мери, — она лжет.

— Конечно, лжет, — сказал Корнуэлл, — но мы не знаем, насколько.

— Как печально, — сказала ведьма, — что они сидят за моим столом, пьют мой чай и не верят

моим словам.

Она закрыла лицо руками.

— Они оставили после себя какие-либо бумаги? — спросила Мери. Письма или еще что-нибудь?

— Как странно, что ты спросила об этом, — сказала ведьма. — Об этом меня спрашивал другой человек. Его зовут Джоунз. Я сказала, что ничего не знаю. Я не подглядывала за ними. Я ему сказала, что, может быть, что-нибудь осталось на втором этаже. Я стара и не могу подниматься по ступенькам. О, я знаю, вы думаете, что ведьма может взять метлу и лететь куда угодно. Но вы, люди, не понимаете, есть определенные правила…

— Джоунз поднимался наверх?

— Конечно. Он сказал, что ничего не нашел. Но глаза у него бегали. Я помню, как спросила его…

Дверь дома распахнулась, и что-то влетело в прихожую. Ворвавшись в их комнату, Джиб с трудом затормозил.

— Марк, — сказала он. — Снова неприятности. Опять появился Беккет.

Корнуэлл вскочил.

— Беккет? Вот как? А церберы?

— Он бежал от них.

— Невозможно, — сказал Корнуэлл. — Как от них убежать? Где он?

— Он у моста. Прибежал к нам голый, но Бромли принес ему полотенце.

Дверь снова хлопнула. Тяжело вбежал Снивли.

— Это ловушка! — закричал он. — Мы не можем его оставить здесь. Церберы позволили ему убежать специально. Теперь они скажут, что мы ему предоставили убежище, и набросятся на нас.

— А, эти маленькие жалкие песики, — сказала ведьма. — Где моя метла? Ни один цербер не подойдет ко мне. Дам им разок как следует…

— Мы не можем его вернуть им, — сказал Корнуэлл. — После того, что мы вчера видели, он имеет право просить у нас защиты. В конце концов, он христианин, хотя и весьма плохой.

Корнуэлл быстро вышел наружу, а за ним последовали остальные.

Снаружи по склону холма к дому поднималась пестрая процессия. Посреди, обвязанный по талии полотенцем, шел Беккет, а за ним, обернув тетиву лука вокруг его шеи, шел Хол. Еще дальше, во главе толпы троллей, домовых, гномов и фей, шел Оливер.

Хол указал пальцем через плечо.

— Мы не одни, — сказал он Корнуэллу, не отво-

дя взгляда от Беккета.

Корнуэлл посмотрел в указанном направлении. На вершине соседнего холма за ручьем сидела стая церберов, ничего не делая. Они кротко сидели и ждали, что произойдет.

С этого же холма, направляясь к мосту, спускался весьма неуклюжий гигант, примерно двадцати футов ростом, но с очень маленькой головой. Корнуэлл понял, что его голова не больше человеческой, а может, даже и меньше. Огромное тело гиганта не было мускулистым, это было мягкое, дряблое тело безо всякой силы. Двигался он медленно, и его большие ступни гулко ударялись о землю. Длинные вялые руки свисали, но не раскачивались, как у человека при ходьбе, а просто свисали и дергались при каждом шаге.

Корнуэлл пошел ему навстречу.

— Оставайтесь с Беккетом, — сказал он Холу. — Я с ним справлюсь.

Гигант остановился у моста. Он широко расставил ноги, и голос его загремел так гулко, что все могли его услышать.

— Я посланник церберов, — ревел он, — и я говорю с теми, у кого нет права находиться здесь. Я принес вам последнее предупреждение. Поворачивайте назад, возвращайтесь туда, откуда

пришли. Но сначала выдайте того, который бежал.

Он замолчал и стал ждать ответа.

Корнуэлл услышал сзади шум и поспешил обернуться. Беккет вырвался от Хола и бежал к груде булыжников. Лук по-прежнему висел у него на шее. Хол гнался за ним. Неожиданно Беккет куда-то провалился. Он исчез, как-будто земля поглотила его.

Ведьма, ковылявшая сзади, испустила громкий крик.

— Вот сейчас начнется! — закричала она. — Он провалился прямо в нору к людоеду.

— Отвечайте! — взревел гигант. — Дайте же ответ!

Корнуэлл повернулся к нему лицом.

— Мы простые пилигримы, — сказал он. — И не хотим ни с кем ссориться. Мы лишь ищем древних.

Вестник загоготал.

— Древние, если вы их найдете, разрежут вас на куски, — ревел он. Вы сошли с ума, если их ищите. Никто не пройдет через Сожженную равнину, это запретное место, дальше вы не пойдете. Отдавайте пленника и поворачивайте назад. Если вы это сделаете, то мы вас не тронем и вы благополучно

доберетесь до Пограничья. Даем вам обещание.

— Мы не повернем, — ответил Корнуэлл. — Не для того мы прошли так много, чтобы поджать хвост и бежать назад. И мы не отдадим пленника. Он уже ответил перед вами, и теперь должен ответить нам.

— Да будет так, — заревел гигант. — И да падет ваша кровь на ваши руки, а не на наши.

— Кровь совершенно не нужна, — закричал Корнуэлл. — Ни на чьих руках. Пропустите нас. Найдя древних, мы вернемся в свои земли.

— А пленник? Ему бежать еще много миль. И еще долго он должен кричать. Конец агонии — это не для него. Он осквернил нашу священную землю своим отрядом, и отныне, сэр ученый, это означает войну против чужаков. Но к вам мы пока мягки и добры. Будьте рады и этому, и отдайте нам нашу игрушку.

— Мы его отдадим, но только если вы его убьете, можно ужасно, но быстро.

— Зачем? Вы ведь не хотите лишить нас забавы?

— Если вы не убьете его быстро, тогда лишим.

— Поступите так, — загремел гигант, — и вы займете его место.

— Посмотрим, — сказал Корнуэлл.

— Значит, вы отказываетесь вернуть его?

— Отказываюсь.

Гигант повернулся и неуклюже пошел назад. Церберы не шевельнулись.

Сзади снова началось смятение и Корнуэлл обернулся. Тролли, гоблины и другие маленькие существа разбегались во всех направлениях. Из-под земли за булыжниками поднимался живой ужас.

Ведьма кричала, колотя метлой по земле:

— Я вам говорила, что сейчас начнется. Он провалился в нору к людоеду, а с людоедом шутки плохи.

Было видно, как людоед, что-то таща, пятился из норы. Подбежав ближе, Корнуэлл увидел, что он тащит. Это был Беккет, яростно вопящий, цеплявшийся за землю и упирающийся изо всех сил.

Людоед сильно дернул Беккета, и тот выскочил из норы, как пробка из бутылки. Лук Хола каким-то образом все еще держался на шее. Людоед презрительно отбросил его в сторону.

— Есть у вас уважение к чему-нибудь? — закричал он, обращаясь не только к Беккету, но и ко всем присутствующим. — Разве жилище не священно? И что тут происходит? Зачем вы тут все стоите?

— Сэр Людоед, — сказал Корнуэлл. — Мы чрезвычайно сожалеем, но мы не думали вас беспокоить.

Людоед оказался приземистым животным, похожим на жабу. Глаза у него были как блюдца, а рот ужасал острыми зубами. Тело его было сплошь покрыто грязью, которая отпадала кусочками, когда он двигался.

— Такого никогда не случалось, — сказал людоед, — все местные жители знают меня. Только чужак мог поступить так, как этот. Хотя, была когда-то девочка, которая швыряла в мою нору землю, камни и другие предметы. До сих пор не понимаю, какое удовольствие она находила в этом.

Его глаза-блюдца остановились на Мери.

— Если я не ошибаюсь, — сказал он, — вот она и есть, эта девочка. Немного подросла, правда, но это она.

Ведьма подняла метлу.

— Назад! — закричала она. — И не вздумай класть на нее свои грязные лапы. Она была живым ребенком и не хотела тебе вреда. Она играла и веселилась, ведь в нашей земле так мало веселья.

Мери сказала:

— Мне очень жаль. Я не понимала, что беспокою вас. Видите ли, мы делали вид, что боимся, бросая камни и палки — очень небольшие, как я помню — и тут же поворачивались и убегали.

— И ты, и этот домовой Скрипичные Пальцы, и сумасшедший тролль Бромли — впрочем, и этот домовой и все тролли сумасшедшие — вы думали, что я не знаю о вас, а я знал и хихикал над вами. Вероятно, вам трудно представить себе, как я могу хихикать.

— Не знаю, — сказала Мери. — Если бы я знала тогда об этом, то пришла бы к вам и представилась.

— Ну что ж, — сказал людоед, усаживаясь на землю. — Теперь ты знаешь, давай приходи.

Он хлопнул по земле рядом с собой.

— Иди сюда и садись.

Ведьма радостно взвизгнула.

— Иди, — сказала она Мери, — я принесу чайник и мы будем пить чай.

Она повернулась и заторопилась домой. Корнуэлл увидел, что Хол и Джиб крепко держат Беккета, который пассивно лежал на земле.

— Что с ним делать? — спросил Хол.

— Он заслуживает того, чтобы отрубить ему голову, — сказал Корнуэлл. — Правда, мы можем

возвратить его церберам, но это кажется мне отвратительным.

— Умоляю о милосердии, — взвыл Беккет. — Как один христианин другого, прошу о милости. Вы не должны отдавать христианина на растерзание языческой орде.

— Вы зверь, — ответил Корнуэлл, — и очень плохой христианин. Я предпочел бы десять язычников подобному христианину, как вы. У меня нет сочувствия к человеку, который пытался меня убить.

— Но я никогда не старался вас убить, — воскликнул Беккет, пытаясь сесть. — Я вас никогда не видел. Ради любви, ради господа нашего, мессир…

— Меня зовут Марк Корнуэлл, и вы наняли людей, чтобы убить меня.

Оливер, сидевший за Корнуэллом, крикнул:

— Вы пытались убить его из-за рукописи, найденной в библиотеке Вайлусинга. И меня бы вы убили, если бы смогли. Вам донес монах Освальд. Его на следующее утро нашли в переулке с перерезанным горлом.

— Но это было так давно, — выл Беккет. — Я раскаиваюсь…

— Раскаяние ничего вам не даст, — сказал Кор-

нуэлл. — Выбирайте: церберы или меч. Такой негодяй не имеет права на жизнь.

— Дозвольте мне, — сказал Джиб, — нехорошо пачкать меч кровью этого подлеца. Один удар моего топора…

Костлявая рука вцепилась в Корнуэлла.

— Прекратите говорить об убийстве, — завизжала ведьма, — я заявляю свои права на него. Жаль терять такой образчик мужчины. Он мне нужен. Много холодных ночей прошло с тех пор, как мужчина в последний раз согревал мою постель.

Она нагнулась, рассматривая Беккета, затем протянула руку и подняла его голову за подбородок. При виде ее глаза у Беккета остекленели.

— Стоит ли беспокоиться? — сказал ведьме Оливер. — Он убежит, как только будет возможность, и еще эти церберы…

— Ха! — возмущенно сказала ведьма. — Эти щенки знают, что со мной лучше не связываться. Я им покажу свою метлу, а что касается бегства, то я наложу на него заклятие, и он не убежит. Я его хорошо использую. Я покажу ему такую любовь, какой он и не видывал.

— Мне кажется, — сказал Корнуэлл Беккету, — теперь у вас три возможности: церберы, меч

или…

— Что за ерунда! — завопила ведьма. — Нет у него выхода. Вы слышали я его забираю.

Стоя перед Беккетом, она начала руками делать жесты, и из ее рта полилась тарабарщина. При этом она приплясывала и пристукивала пятками.

— А теперь освободите его.

Корнуэлл на всякий случай попятился. Хол и Джиб освободили Беккета, и тот, повернувшись, встал на четвереньки и стал ласкаться к ведьме.

— Как пес, — изумленно сказал Корнуэлл.

— Посмотрите, какой он милый, — обрадовано сказала ведьма, — и он меня любит.

Она потрепала его по голове. Беккет в экстазе заизвивался.

— Идем, мой дорогой, — сказала ведьма.

Она повернулась и пошла к дому, а Беккет, по-прежнему на четвереньках, побежал за ней.

После этого все занялись чаепитием. Ведьма, которой помогли множество добровольцев, принесла чай и печенье. Все это поставили на столе рядом с норой людоеда.

Корнуэлл осмотрелся, но ни неуклюжего гиганта, ни церберов, не было видно. Совершенно неожиданно место приобрело счастливый и

безмятежный вид. Мягкое осеннее солнце клонилось к горизонту, снизу доносилось бормотание ручья.

— Где лошади? — спросил Корнуэлл.

— Они ниже по ручью, — ответил Хол, — на маленьком лугу по колено в траве и наслаждаются ею. За ними присматривает Снивли.

Прискакал на трех лапах Енот, сжимая в четвертой печенье. Хол подобрал его, и Енот, удобно устроившись у него на коленях, начал жевать печенье.

— Я думаю, все кончилось, — сказал Корнуэлл. — Присоединимся к остальным.

— Интересно, как будут действовать церберы, когда поймут, что до Беккета им не добраться? — сказал Джиб.

Людоед сунул в рот печенье и искоса взглянул на Корнуэлла.

— А кто эта «тряпка», что тебя сопровождает? — спросил он у Мери.

— Он не «тряпка», — ответила девушка, — и если вы не прекратите говорить гадости, то на себе испытаете его силу.

Она сказала Корнуэллу:

— Он вовсе неплохой, просто так привык.

— Ну что ты стоишь? — проворчал людоед. —

Садись рядом и бери чай. Я бы предложил и печенье, но его уже нет. Никогда не видел таких прожорливых гостей: набросились на печенье так, как будто умирают с голоду.

— После вчерашнего пира, — сказала Мери, — они не могут умирать с голоду.

— Они прожорливы, — заявил людоед. — Такова их природа. Несмотря на хорошие лица, они всего лишь утробы, прикрепленные к большим кишкам.

Корнуэлл сел рядом с людоедом, и одна из фей налила ему чай. Чашка была полна наполовину: чаю тоже осталось мало.

— Людоед хочет рассказать мне о родителях, — сказала Мери. — Он как будто хорошо их знал.

— Особенно твоего отца, — сказал людоед. — У нас с ним оказалось очень много общих интересов. Мы часто по вечерам сидели здесь, где сидим сейчас втроем, и разговаривали. Он был разумным и проницательным человеком, и разговаривать с ним было приятно. Он был ученым и джентльменом, уважал нашу землю и ее жителей и не боялся их, а это не часто встретишь у людей. Хотя леди я видел меньше, мне она тоже очень нравилась. А их девчонку я любил, как свою дочь. Я лежал в норе, когда она в нее бросала камни

и грязь, и представлял себе, как она дрожит в диком ужасе, трясся от хохота.

— Трудно представить вас трясущимся от хохота, — сказал Корнуэлл.

— Мой дорогой сэр, это лишь потому, что вы меня не знаете. У меня есть качества, которые не сразу обнаруживаются.

— Я со вчерашнего дня думаю: может, мои родители пришли из того же мира, что и мистер Джоунз? — сказала Мери.

— Может быть, — ответил людоед. — В них было что-то общее с этим вашим Джоунзом. Но это выражалось не в словах и поступках, а в том, как они смотрели на мир, в какой-то их самоуверенности, которая временами перерастала в высокомерие. Они не явились с теми магическими машинами, которых так много у Джоунза, напротив, они пришли как скромные пилигримы, с мешками за спиной. Я как раз сидел на солнышке, когда вы втроем спустились по склону холма и перешли мост. Это было прекрасное зрелище, лучше которого мои старые глаза ничего не видели. У них было с собой очень мало вещей, только самое необходимое.

— И они вам нравились? — спросила Мери.

— Очень. Печален был тот день, когда они ушли

на запад к Сожженной равнине. Они собирались взять тебя с собой, но я отговорил их. Я знал, что их самих бесполезно отговаривать идти. Я уже говорил, что в них не было страха: они верили, что если идут с миром, то им позволят пройти. У них была детская вера в доброту. Я думаю, что единственная причина, по которой они оставили тебя, была в том, что они ни на минуту не сомневалась в своем возвращении. Они успокаивали себя тем, что думали, что избавят тебя от трудностей пути. Не от опасности, как они считали, так как им ничего не грозит, а от трудностей.

— Значит, они ушли на запад, — сказал Корнуэлл. — Что они там искали?

— Не знаю, — ответил людоед. — Они ничего не говорили мне об этом. Когда-то мне казалось, что я знаю, но теперь я не уверен. Они что-то искали. У меня сложилось впечатление, что они хорошо знали, что ищут.

— Вы думаете, что теперь они мертвы? — спросила Мери.

— Вовсе нет. Я сижу здесь у входа в свою нору, год за годом, и смотрю на холм. Честно говоря, я не жду их, но если бы они вернулись, я бы не удивился. В них было, несмотря на свою внешнюю мягкость, что-то несгибаемое. Они казались

бессмертными, как будто смерть существовала не для них. Я знаю, что все это звучит странно, и я, несомненно, ошибаюсь, но временами испытываешь чувства, которые сильнее логики. Я смотрел, как они уходили, до тех пор, пока они не скрылись из виду. Теперь я увижу, как уходите вы. Ведь вы собираетесь идти за ними? Мери тоже пойдет с вами, и ее, кажется, не остановить.

— Я хотел бы ее оставить, — сказал Корнуэлл.

— Это невозможно, — сказала Мери, — пока у меня есть надежда найти их.

— Что я могу на это сказать? — констатировал Корнуэлл.

— Ничего не скажешь, — ответил людоед. — Надеюсь, что вы лучше владеете мечем, чем кажется на первый взгляд. Вы, честно говоря, не похожи на бойца. От вас пахнет книгами и чернилами.

— Вы правы, — сказал Корнуэлл. — Но я иду в хорошей компании. У меня добрые товарищи, а меч у меня сделан из волшебного металла. Я бы только хотел побольше потренироваться с мечом.

— Я думаю, — сказал людоед, — что с присоединением еще одного спутника ваша компания станет сильнее.

— Вы имеете в виду Джоунза?

Людоед кивнул.

— Он объявляет себя трусом, но в его трусости великое достоинство. Храбрость — это болезнь, часто смертельная. От нее нередко умирают. Джоунз этого не допустит. Он не предпримет действий, которые сочтет рискованными. Я думаю, что у него есть, кроме всего прочего, еще и могущественное оружие, хотя и не знаю, какое именно. У него есть магия, но не такая как у нас, более слабая, и в тоже время более сильная. Его хорошо иметь рядом.

— Не знаю, — нерешительно сказал Корнуэлл. — Что-то в нем меня беспокоит.

— Власть его магии, — сказал людоед. — Не власть, а ее необычность.

— Может быть вы и правы. А, впрочем, все равно мне нужно с ним переговорить.

— Возможно, он этого хочет, — сказала Мери. — Хочет идти глубже в Дикие Земли, но боится идти один.

— А как вы? — спросил Корнуэлл у людоеда. — Вы не хотите присоединиться к нам?

— Нет, — ответил людоед. — Я давно покончил с такими глупостями. Спать в норе и смотреть на окружающий мир — вот и все, что мне нужно.

— Но вы расскажете, чего нам ожидать?

— Только слухи, — сказал людоед, — а слухов у нас достаточно. Их вам перескажет любой, и вы будете дураками, если поверите.

Он пристально взглянул на Корнуэлла.

— Я думаю, что вы не дурак.

Глава 23

Лагерь Джоунза казался покинутым. Три палатки стояли по-прежнему, но около них никого не было видно. Виден был грубый столик, следы костров, на которых готовили пищу. Тут и там были разбросаны кости и пивные кружки, а на козлах лежали две пивные бочки. Бродячий ветер чуть шевелил листвой и поднимал пыль на дороге, ведущей к полю битвы.

Мери вздрогнула.

— Как здесь одиноко. Есть ли тут кто-нибудь?

Лошади, на которых они приехали, нетерпеливо переступали ногами — им хотелось вернуться на пастбище с густой травой. Они трясли головами, позвякивая уздечками.

— Джоунз! — позвал Корнуэлл.

Он хотел крикнуть, но какое-то чувство заставило произнести это имя негромко.

— Посмотрим, — сказал он.

И он направился к самой большой палатке. Мери последовала за ним.

Палатка была пуста. На месте были и военная койка, и стол, и стул. Противоположный угол по-прежнему был завешен темной тканью, и ря-

дом стоял большой металлический шкаф. То, что Джоунз называл своим фотоаппаратом, исчезло. Точно так же исчез и ящик, в котором он держал свои маленькие цветные миниатюры. Исчезло и множество других удивительных предметов.

— Он ушел, — сказал Корнуэлл. — Он оставил этот мир и вернулся в свой.

Корнуэлл сел на койку, сжимая руки.

— Он так много мог сказать нам. Он начал говорить об удивительных вещах прошлым вечером, перед тем, как появились церберы.

Он осмотрел палатку и впервые ощутил в ней какую-то чуждость, иномирность — не самой палатки и не предметов в ней, потому что в них различия были не так велики, но какое-то загадочное чувство, какую-то странность, запах происхождения в другом мире и в другом месте. Впервые с начала путешествия он ощутил страх и одиночество.

Он посмотрел на стоявшую рядом Мери, и в этот волшебный момент ее лицо стало для него всем миром — ее лицо и глаза, глядевшие на него.

— Мери, — сказал он.

Корнуэлл, едва сознавая, что говорит, протянул руки, и она очутилась в его объятиях. Ее руки обвились вокруг него, и он прижал ее к себе,

ощутив мягкие податливые линии ее тела. В ее тепле, в ее запахе было успокоение и в то же время экзальтация.

Она шептала ему на ухо: «Марк, Марк», как будто одновременно и молила его о чем-то и молилась ему.

Напрягая руки, он положил ее на койку, и сам лег рядом. Она подняла голову и стала целовать его. Он просунул руку под ее платье и ощутил ее обнаженное тело, полноту грудей, упругость живота, нежный пушок волос.

Мир загремел вокруг них, и Марк закрыл глаза. Он, казалось, очутился в мире, где были лишь Мери и он. Никого, кроме них. И все, кроме них, не имело значение.

Зашуршал клапан палатки, и напряженный голос проговорил:

— Марк, где ты?

Он вынырнул из тесного мира, где были лишь только он и Мери, мигая, он сел и свирепо взглянул на фигуру у входа.

— Простите, — сказал Хол. — Мне, право, очень жаль, что помешал вашему развлечению.

Корнуэлл вскочил на ноги.

— Черт бы вас побрал! — закричал он. — Это не развлечение.

Он сделал шаг вперед, но Мери схватила его за руку.

— Марк, все хорошо, — сказала она. — Все в порядке.

— Извиняюсь перед вами обоими, — сказал Хол, — но я должен вас предупредить. Появились церберы.

Во входе появился Джиб.

— Почему вы ушли одни, без остальных? — гневно спросил он.

— Все было спокойно, — ответил Корнуэлл. — Никакой опасности не было.

— Опасность есть всегда, пока мы в этих землях.

— Я хотел отыскать Джоунза и спросить его о том, присоединится ли он к нам. Но похоже, что он ушел и не вернется.

— Нам не нужен Джоунз, — сказал Хол. — Нас четверо, с Оливером и Снивли, и этого вполне достаточно.

Глава 24

Маленький народец покинул их, и теперь они шли одни. Приближался вечер, и местность слегка изменилась. Через пять миль от холма, на котором стоял Ведьмин Дом, началась Сожженная равнина. До самого горизонта простиралась пустыня. Тут и там лежали песчаные дюны, а между ними земля была высохшей и пустой. Трава, превратившаяся в сено, лежала в низких местах, где когда-то была вода, но теперь воды здесь не было. Изредка мертвые деревья поднимали свои высохшие стволы над землей, цепляясь за небо изогнутыми скрюченными пальцами ветвей.

Три лошади везли воду, а на двух оставшихся ехали члены отряда. На следующее утро Мери восстала против бессловесного согласия, по которому ей позволялось все время ехать верхом. За исключением песчаных участков, идти были не трудно, но конечно, если бы все они ехали верхом, то продвигались бы значительно быстрее.

Хол и Корнуэлл шли впереди. Хол, щурясь, взглянул на солнце.

— Скоро нужно будет остановиться, — сказал он. — Все мы устали, и нужно разбить лагерь до

наступления темноты. Как насчет того хребта слева? Он высокий, и все вокруг будет видно. И там есть сухое дерево для костра.

— Но костер будет видно за много миль, — возразил Корнуэлл.

Хол пожал плечами.

— Нам нет смысла прятаться, и вы это знаете. Может сейчас за нами и не следят, но они знают, что мы выступили, и знают, где нас найти.

— Церберы?

— Кто знает, может и церберы, а может еще кто-нибудь.

— Вы, похоже, беспокоитесь?

— Конечно, я беспокоюсь. Глупо было бы не беспокоиться. Я даже боюсь. Лучший из советов мы получили у людоеда. Он советовал нам не идти, но мы должны идти. Нет смысла зайти так далеко и вернуться назад.

— Совершенно согласен с вами, — сказал Корнуэлл.

— Во всяком случае, вы с Джибом все равно пошли бы. Остальных мучила бы совесть, если бы они оставили нас.

Некоторое время они шли молча, и лишь песок и камни поскрипывали под ногами. Хребет, на который указывал Хол, приближался.

— Согласны? — спросил Хол. — Хребет?

Корнуэлл кивнул.

— Вы у нас лесовик.

— Здесь нет леса.

— Тем не менее, вы ориентируетесь лучше меня. Я горожанин, и мало что знаю о дикой природе.

Когда они поднялись на хребет, Хол указал на ущелье сбоку.

— Там есть сухая трава, — сказал он, — и лошади еще успеют попастись до темноты. Потом мы приведем их в лагерь на ночь.

Когда на хребет поднялись все, Хол начал распоряжаться.

— Марк, напоите лошадей, не больше полведра на лошадь. После этого пустите их пастись. До темноты приведите их обратно и присматривайте за ними. Мери, вы на страже. Смотрите во всех направлениях. Если что-нибудь увидите, крикните. Остальные за дровами. Их нужно будет много.

Когда Корнуэлл вернулся с лошадьми, уже ярко горел костер. Угли отгребли в сторону, и Мери готовила на них ужин, а Снивли и Оливер стояли на страже.

Хол занялся лошадьми.

— Идите поешьте, — сказал Корнуэллу. — Остальные уже ели.

— А где Джиб? — спросил Корнуэлл.

— Он ушел на разведку.

Солнце село, но хотя все вокруг заполнилось тенями, было еще светло.

— Через час взойдет луна, — сказал Хол.

Корнуэлл сел у костра на землю.

— Голоден? — спросила Мери.

— Ужасно, — признался он. — И устал. А ты как?

— Все в порядке.

Она наполнила тарелку.

— Кукуруза, немного мяса, но зато вдоволь подливки. Подливка очень жирная, но, может, тебе понравится. Нет свежего мяса. Хол видел только кроликов, но не смог их подстрелить.

Мери села рядом с ним и подняла свое лицо, чтобы он смог ее поцеловать.

— Мне нужно с тобой поговорить прежде, чем вернутся остальные, сказала она. — Со мной говорил Оливер, собирался разговаривать с тобой, но я сказала, что лучше сама.

Он удивленно спросил:

— Что же такое сказал Оливер?

— Ты помнишь там, в палатке?

— Я никогда не забуду. А ты? Как ты, Мери?

— Я тоже не забуду, но нам нельзя. Оливер говорит, что нельзя.

— При чем здесь Оливер? Какого дьявола ему нужно? Это касается только тебя и меня. Если ты чувствуешь то же, что и я…

Она взяла его руку и прижала к себе.

— Я чувствую. Все эти дни ты не замечал меня, а потом вдруг заметил. Я чуть не заплакала. Ты первый, понимаешь? Первый! Я прислуга в таверне, но я никогда…

— Я никогда не думал о тебе, как о прислуге в таверне. И в палатке не думал.

— Но Оливер…

— При чем тут Оливер?

Она выпустила руку и повернулась к нему лицом.

— Он объяснил. Он очень смутился, но все же объяснил. Он сказал, что поговорит об этом с тобой, но я сказала…

Корнуэлл хотел вскочить. Он отбросил в сторону тарелку, так что она покатилась по земле, но Мери удержала его, схватив за пояс.

— Проклятый Оливер! Я сверну ему шею как цыпленку. Какой он…

— Рог единорога, — сказала Мери. — Как ты не

понимаешь? Волшебство рога!

— О Боже!

— Я взяла его из дерева. Только я и могла взять, потому что я никогда не знала мужчину. Рог обладает могучей силой, но только в руках девственницы. Оливер говорит, что нам очень может понадобиться его магия, и ею нельзя рисковать. Поэтому я сказала ему, что сама поговорю с тобой об этом. Ведь я знала, что может произойти, если он сам начнет говорить с тобой об этом. Нельзя было допустить, чтобы это случилось. Нам нужно быть заодно, и поэтому нельзя ссориться.

— Прости, — сказал Корнуэлл. — Прости за то, что тебе пришлось говорить мне об этом. Я сам должен был все понять. Сам должен был догадаться.

— Мы оба не подумали о последствиях. Все произошло так быстро, что у нас не было времени подумать. Неужели это всегда происходит так быстро?

Она прижалась к нему, и он обнял ее.

— Нет, не думаю, но я ничего не мог с собой поделать.

— Я тоже. Я так хотела тебя. В каждой женщине сидит самка. Только определенный мужчина может разбудить ее.

— Но это не будет продолжаться вечно, — сказал он. — Наступит время, когда магия рога нам больше не понадобится. Мы можем подождать.

— Но если наступит момент, когда мы не сможем сдержаться — тогда забудем о магии.

В костре ярко вспыхнула сухая ветка. На востоке небо начало светлеть. Вскоре на небе появились звезды.

Послышались чьи-то шаги, и Мери встала.

— Я принесу тебе еще тарелку… Еды осталось много.

Глава 25

На четвертый день, в полдень, они увидели замок Зверя Хаоса. Впервые они увидели его, когда одолели крутой подъем.

Дальше начиналась сильно изрезанная долина. Тут когда-то была вода, но теперь все вокруг высохло, и обнажилась многоцветная почва — красная, желтая, розовая.

Замок выглядел величественно. Когда-то это была могучая крепость, но теперь она наполовину разрушилась, башенки обвалились, у стены лежали груды камней. Сама стена была иссечена большими зигзагообразными трещинами. На укреплениях росли небольшие деревья.

Путники остановились, глядя на замок через пустынное ущелье.

— Такое странное название, и всего лишь груда развалин, — удивился Снивли.

— Но все же это угроза, — заметил Оливер. — Он может представлять большую угрозу.

— Вокруг нет следов жизни, — сказал Джиб. — Замок вполне может быть покинутым. Мне кажется, что там никто не живет. Четыре дня мы видим вокруг только кроликов, да изредка

сусликов.

— Может быть, обойдем его? — спросила Мери.

— Если там кто-то есть, то он уже знает о нас, — сказал Хол.

— А ты как думаешь, Марк? — спросила Мери.

— Хол прав, — ответил он. — К тому же, единственная тропа через долину ведет к замку. Видно, это единственное место, где можно пересечь долину. Может быть, Джиб и прав. То есть, замок может оказаться покинутым.

— Но ведь все нам говорили о Звере Хаоса так, будто он все еще находится в этом замке, — сказала Мери.

— Легенды умирают с трудом, — сказал Снивли, — когда-то рассказанная, легенда остается. Я думаю, что мало кто бывает в этой местности. Недавних сведений нет.

Хол, ведя лошадей на поводу, начал спуск, остальные последовали за ним. Спускались медленно и осторожно, так как дорога была крутой и опасной.

Идя вслед за Холом, Корнуэлл обратил внимание на Енота. Тот устроился на лошади среди мехов с водой и при сильных толчках крепче вцеплялся в них когтями.

«Какой-то он стал встрепанный, не похожий на

то гладкое животное, каким был когда-то, — подумал Корнуэлл. — Но ведь и со всеми остальными то же самое, дни и мили взяли свое. Дорога была трудной, и никто не знает, когда она кончится».

География Диких Земель в лучшем случае основывалась на догадках и опиралась на ориентиры, но эти ориентиры определялись неточно, а иногда их вовсе не оказывалось на месте.

«Сначала Ведьмин Дом, — подумал Корнуэлл, вспоминая важнейшие ориентиры. — Потом Сожженная равнина, затем замок Зверя Хаоса, и наконец, Туманные Горы».

Он вспоминал рассказы о Том, Кто Размышляет В Горах, и спросил себя, не та же ли это гора. Но как только они достигнут Туманных Гор, то древние окажутся поблизости. Так, во всяком случае, говорил Джоунз, хотя он тоже передавал только слухи.

«Нет точных фактов, — подумал Корнуэлл, — нет реальной информации. Выбираешь направление и идешь, надеясь в конце концов отыскать то, что нужно».

Они достигли дна ущелья и начали подниматься на противоположный склон. Лошади шли быстро, так как и им, видимо, хотелось побыстрее выбраться из этой мрачной местности.

Корнуэлл не оглядывался назад, чтобы определить, сколько они уже прошли. Он не отрывал глаз от тропы, стараясь лишь не подходить близко к шедшей впереди лошади. Поэтому конец подъема наступил неожиданно и быстрее, чем он ожидал.

Тропа кончилась и под ногами оказалась ровная поверхность. Корнуэлл распрямился и посмотрел на замок. Он увидел, что местность перед ним уже не безжизненна, как раньше. Впереди было черно от церберов.

Они все еще находились на некотором расстоянии, но быстро приближались. Впереди бежал гигант, который вел с ними переговоры у Ведьминого Дома. Гигант бежал косолапо, его клинообразные ступни гулко ударялись о землю, поднимая облачка пыли, но двигался он быстро и заметно опередил свору.

Хол положил стрелу на тетиву лука. В нем не чувствовалось волнения. Он стоял спокойно и прямо, ожидая, как будто предстояло обычное состязание в меткости стрельбы.

«Он знает, — подумал Корнуэлл, — что мы не устоим перед нападением, что это конец, что свора церберов сбросит нас в ущелье и там уничтожит по одиночке».

Корнуэлл на мгновение поддался панике.

«Откуда появились церберы? До сих пор не было видно следов их присутствия. Может, они скрывались в замке?»

Рука Корнуэлла потянулась к рукоятке меча. Он рывком выдернул оружие из ножен. С удовольствием и радостью он отметил, как ярко сверкает на солнце обнаженное лезвие. И этот блеск, видимо, толкнул его на поступок, на который он ранее считал себя неспособным.

Быстро выйдя вперед, Корнуэлл, сам не зная зачем, высоко поднял меч, взмахнул им над головой, как будто огненным кольцом, из его горла вырвался боевой клич, упрямый вызов без слов, просто рык, какой испускает разъяренный бык, удивленный вторжением на его пастбище.

Корнуэлл взмахнул мечом раз, другой, по-прежнему издавая воинственный клич. Но при втором взмахе рукоятка меча вырвалась из его рук, колени подогнулись. Он все же остался на ногах — глупый, невооруженный, беззащитный.

«Иисус, — подумал он, — я все испортил. Мне не следовало покидать Вайлусинг. Я не должен был быть здесь. Что подумают обо мне остальные? Разиня, даже не сумел удержать в руке меч».

Он хотел побежать за мечом, надеясь, что тот

упадет не очень далеко.

Но меч, по-прежнему кружась, огненным кольцом полетел прямо к гиганту. Бежавший гигант попытался увернуться, но оказался слишком неуклюжим и медлительным. Меч угодил ему точно в горло, и гигант начал падать, как будто споткнулся на бегу. Кровь огромным фонтаном ударила из его горла, заливая грудь, голову и землю. Гигант ударился оземь, а меч повернул и полетел к Корнуэллу, который поймал его за рукоять.

— Я же говорил, — послышался рядом голос Снивли, — что это волшебный меч. Но мне такое и не снилось. Возможно, все дело в воине. Вы, Марк, прекрасно им владеете…

Свора церберов моментально рассеялась.

— Стойте на месте, — сказал Хол. — Они вернутся.

— Не уверен, — отозвался Джиб. — Меч им не понравился. Они испуганы. Хотел бы я, чтобы мой топор был таким же волшебным, как и меч. Тогда бы мы с ними покончили.

— Что-то происходит, — сказала Мери. — Посмотрите на замок.

Из ворот замка показалась полоса тумана. Она быстро приближалась.

— Что теперь? — спросил Хол. — Как будто мало нам неприятностей.

— Быстрей, — крикнул Снивли, — в туман! В замок! Оставайтесь в тумане! Церберы не посмеют войти в него. Там мы в безопасности.

— Но замок! — сказал Корнуэлл. — Там Зверь Хаоса!

— Оставаться здесь — верная смерть, — ответил Снивли. — Что касается меня, то я предпочитаю Зверя Хаоса.

— Я согласен со Снивли, — сказал Оливер.

— Хорошо, — согласился Корнуэлл. — Идемте.

Туман уже почти достиг их.

— Все к замку! — крикнул Корнуэлл. — Я пойду последним.

Они побежали по коридору из тумана, сопровождаемые яростным лаем обманутых церберов. Достигнув замка, путники через приоткрытые ворота вошли внутрь. Тяжелые створки закрылись за ними. Двор замка был тоже заполнен туманом. Но вот туман начал подниматься и рассеиваться.

Посреди двора в ряд стояли чудовища.

Никто не двигался. Все стояли на месте, рассматривая друг друга.

Ни одно из чудовищ не было похоже на другое, а все вместе они были неописуемы. Одни были

приземистые, с опущенными крыльями, которые волочились по земле. Другие были похожи на человекообразных жаб — из их широких пастей отвратительно тянулась струйка слюны. Третьи были покрыты чешуей, которая на некоторых участках тела отпала. Было также чудище с лицом на огромном животе, и многие другие, все ужасней и ужасней.

Мери спрятала свое лицо на груди у Корнуэлла.

Большой Живот вышел из ряда и, переваливаясь, направился к ним. Маленький рот на животе заговорил. Он произнес:

— Нам нужна ваша помощь. Зверь Хаоса умер.

Глава 26

Им предложили занять помещение в замке, но они отказались и разбили лагерь прямо во дворе. Тут было много дров для костра, и вскоре в котелке над огнем уже варилось с полдюжины цыплят.

— Только так их и можно приготовить, — сказала Мери. — Они такие жесткие, что иначе их не съесть.

Хозяева принесли так же три буханки свежеиспеченного хлеба и корзину овощей — моркови, бобов и кабачков. После этого они исчезли.

Из дальнего конца двора донеслось испуганное кудахтанье.

— Это опять Енот, — сказал Хол. — Гоняется за курами. Я ему сказал, что здесь и для него будет доля, но он хочет сам поймать цыпленка.

Солнце садилось и начал сгущаться мрак.

Они, в ожидании ужина, собрались вокруг костра. Замок возвышался над ними — груда камней, поросших мхом. Тощие цыплята бродили по двору, безуспешно копаясь в земле. Такие же тощие свиньи копались в груде мусора. Половину двора занимал огород. Овощи с него были убраны, и

лишь несколько початков капусты и ряд репы остались на грядках.

— Откуда вы узнали, что в тумане безопасно? — спросил Марк.

— Вероятно, инстинктивно, — ответил Снивли. — В сущности, я ничего не знал. Назовем это, если хотите, намеком на знание. Что-то щелкнуло во мне, и я все понял. Вы не могли знать этого намека. И ни один человек этого не может, а я могу.

— И что теперь? — спросил Хол.

— Не знаю, — ответил Снивли. — Пока мы в безопасности. Признаюсь, что я не понимаю. Они говорят, что Зверь Хаоса мертв, и в то же время им нужна наша помощь. Но я не могу представить, какая им нужна помощь и почему именно от нас. Меня они беспокоят. Они похожи на отбросы нашего мира. Ни маленький народец, ни местные чудовища, а что-то совсем иное. До нас доходили слухи о таких существах. Но их никто не видел. Это были не рассказы видевших их, а скорее легенды о них… И если вы у меня спросите о Звере Хаоса, то я отвечу, что знаю о нем не больше вашего.

— По крайней мере, хорошо, что они пока оставили нас в покое, сказал Джиб, — принесли нам

пищу и ушли. Может быть, они дают нам время привыкнуть. Я рад этому. При виде их меня начинает тошнить.

— Придется к ним привыкнуть, — сказал Корнуэлл. — Им что-то нужно от нас, и поэтому они вернутся.

— Надеюсь, что они дадут сначала нам поесть, — сказал Хол.

Им дали такую возможность. К тому времени, как они закончили ужин, наступила ночь. Хол расшевелил костер так, что освещалась большая часть двора.

Их было только трое: Большой Живот, Жабье Лицо и третий, похожий на лиса, который начал превращаться в человека, но остановился на полпути. Они подошли к костру и сели. Лис улыбнулся, обнажив острые зубы. Остальные не улыбались.

— Удобно ли вы устроились и хорошо ли вы поели? — спросил Жабье Лицо.

— Да, спасибо, — сказал Корнуэлл.

— Мы приготовили для вас помещение.

— Нам лучше здесь, у ворот.

— Двое из вас люди, — сказал Лис, снова улыбаясь, чтобы показать свое дружелюбие, — а люди бывают здесь редко.

— Вы настроены против людей? — спросил Хол.

— Вовсе нет, — ответил Лис. — Нам нужен кто-нибудь, кто бы не испугался.

— Мы тоже, как и вы, можем пугаться, — ответил Корнуэлл.

— Может быть, — ответил Лис, — но вы будете бояться не того, чего мы. Вы не так боитесь Зверя Хаоса.

— Но Зверь Хаоса мертв?

— Бояться можно даже мертвого, если боялись, пока он был жив.

— Если вы боитесь, то почему не уходите?

— Потому что нам кое-что нужно сделать, — сказал Жабье Лицо.

— Зверь Хаоса велел нам кое-что сделать после его смерти. Мы знаем, что должны это сделать, но боимся.

— Вы хотите, чтобы мы это сделали для вас?

— Для вас это не будет трудно, — сказал Большой Живот. — Вы никогда не знали Зверя Хаоса, не знали, что он может сделать.

— Мертвый, он ничего не может сделать, — заметил Джиб.

— Мы сами говорим себе это, но страх сильнее нас, — признался Лис.

— Расскажите об этом Звере, — попросил Корнуэлл.

Они в нерешительности посмотрели друг на друга.

— Расскажите, — повторил Корнуэлл. — Если вы не расскажете, нам не о чем говорить. А ведь надо еще договориться. Мы делаем для вас работу, а что вы делаете для нас?

— Ну, мы думали…

— Вы думали, что так как вы помогли нам днем…

— Да, — подтвердил Большой Живот, — примерно так.

— Не думаю, чтобы вы уж очень нам помогли, — сказал Хол. — Мы бы и сами справились. Волшебный меч Марка и мой колчан, полный стрел, плюс Джиб с его топором…

— Они помогли нам, — возразила Мери.

— Не позволяйте этим фиглярам дурачить нас, — сказал Снивли. — У них какая-то грязная работа.

— Я согласен, что днем вы были нам полезны, — признался Корнуэлл. Но то, что вы просите, гораздо больше.

— Вы с нами торгуетесь? — спросил Лис.

— Скажем так: мы с вами обсуждаем план даль-

нейших действий.

— Может, мешок цыплят? — спросил Лис. — Или одну или две свиньи.

Корнуэлл не отвечал.

— Может подковать ваших лошадей? — спросил Жабье Лицо. — У нас есть кузница.

— Мы движемся не в том направлении, — сказал Джиб. — Сначала нужно узнать, что за работа нас ожидает. Может мы вообще не захотим ее делать?

— Работа легкая, — сказал Большой Живот, — если вы только не боитесь Зверя. Мы же дрожим даже от звука его имени.

Все трое вздрогнули.

— Вы говорите об этом вашем Звере и дрожите, — резко сказал Снивли, расскажите, что делает его таким страшным? Что за ужас? И не пытайтесь нас обмануть. У нас крепкие желудки.

— Он не с Земли, — сказал Лис. — Он упал с неба.

— Дьявол, — сказал Корнуэлл с отвращением. — Половина языческих богов спустилась с неба. Расскажите что-нибудь новое.

— Легенды совершенно серьезно утверждают, что он спустился с неба, сказал Большой Живот. — Легенды говорят, что он упал на это самое

место и лежал во всей своей отвратительности. Люди, жившие здесь, бежали, спасаясь. Говорят, что здесь тогда были хорошие дни, почва была плодородной, и множество людей жило в довольстве и счастье, но вот на землю напала болезнь, гнилость. Не стало дождей, почва утратила свое плодородие, начался голод, и люди стали говорить, что это несчастье принес Зверь. Они посоветовались и решили, что Зверь должен быть огражден. Много лет они таскали большие камни и оградили Зверя не только с боков, но и сверху, оставив только маленькое отверстие, чтобы можно было проникнуть в случае необходимости. Хотя зачем кому-то понадобилось бы туда пробираться — непонятно. Люди построили для Зверя сводчатый склеп, верхнее отверстие которого закрыли вставным камнем. Сделав это, они стали ждать дождь, но его не было. Болезнь поразила на земле. Все начало заносить песком, но люди по-прежнему цеплялись за землю, потому что она раньше была хорошей. Они надеялись, что земля снова станет хорошей, и поэтому не могли отказаться от нее. Среди людей нашлись такие, которые утверждали, что научились говорить с заключенным в склепе Зверем, и что тот хочет, чтобы ему поклонялись. «Если мы станем

поклоняться ему, может, он снимет болезнь с земли». И вот они стали поклоняться ему, но это не принесло им пользы, и они сказали: «Построим для него дом, очень хороший дом. Может, когда мы сделаем это, то он будет доволен и снимет болезнь с земли». И они много лет работали, чтобы построить этот замок. Люди, которые научились говорить со Зверем, переселились в замок, чтобы слушать его повеления и выполнять его волю. Я содрогаюсь, когда вспоминаю о то он потребовал.

— Но ведь это не принесло ничего хорошего, — сказал Корнуэлл.

— Откуда вы знаете? — спросил Лис.

— Земля продолжала болеть.

— Вы правы. Это не принесло ничего хорошего.

— И все же, после постройки Замка вы остались здесь, — сказала Мери. — Ведь вы те, кто научился говорить со Зверем.

— То, что осталось от них, — ответил Жабье Лицо. — Некоторые из нас умерли, хотя все мы прожили намного больше, чем обычные люди. Мы жили и менялись. Кажется, мы и жили так долго лишь для того, чтобы измениться. Какими мы стали, вы сами видите.

— Не знаю, верить ли этому, — сказал Оливер. — Мне кажется невозможным, чтобы обычные люди стали такими как вы.

— Это сделал Зверь, — сказал Большой Живот. — Мы чувствовали, как он изменяет нас, но зачем он это делал, мы не знаем.

— Вы могли уйти, — сказал Корнуэлл.

— Вы не понимаете, — сказал Лис. — Мы дали клятву, что останемся со Зверем. Спустя какое-то время люди ушли, но мы остались. Мы боялись, что если Зверь останется один, то он разрушит свод и выберется. Мы не могли допустить этого. Мы должны были стоять между Дикими Землями и нашим Зверем.

— А спустя некоторое время нам уже некуда было идти, — добавил Жабье Лицо. — Мы настолько изменились, что для нас нигде не было места.

— Не склонен верить ни одному слову, — сказал Снивли. — Они рассказывают, как сформировалось жречество — группа самодовольных паразитов, присосавшихся к людям. Они использовали Зверя, чтобы получить легкую жизнь. Сейчас, после ухода людей, жизнь у них, может быть, уже не такая легкая, но раньше она была такой, и именно для этого они говорили, что могут разговаривать со Зверем. Даже сейчас они пы-

таются убедить нас, что у них была благородная цель, что они стояли между Дикими Землями и Зверем. Но они лишь банда ловких обманщиков, особенно этот, с лисьей мордой.

— Может, и так, — сказал Корнуэлл. — Может вы и правы, но давайте их выслушаем до конца.

— Это все, — сказал Большой Живот. — И каждое слово — правда.

— Но Зверь мертв, — сказал Хол. — Вам не о чем беспокоиться. Если он и велел вам что-то сделать после его смерти, вы можете этого не делать. Он вам уже не страшен.

— Может, вам он и не страшен, — возразил Лис, — вам и вашему отряду. Но нам он страшен. Мы так долго жили с ним, что стали его частью, он живет в нас, и даже после смерти может дотянуться до нас.

— Да, это возможно, — сказал Корнуэлл.

— Мы знаем, что он мертв, — сказал Большой Живот. — Его тело разлагается в склепе. Он умирал долго, и мы умирали вместе с ним. Мы чувствовали, как он умирает. Теперь он мертв. Но по ночам, в тишине, мы знаем, что он еще здесь. Может, для других это не так, но для нас это правда.

— Ладно, — сказал Хол. — Допустим, мы вам

верим. Вы рассказывали долго и с определенной целью. Пора сказать нам, что это за цель. Вы говорите, что есть работа, которую мы можем сделать, потому что не так боимся Зверя, как вы.

— Требуется войти под свод склепа, — пояснил Лис.

— В склеп с мертвым чудовищем? — воскликнула Мери.

— Но зачем? — с ужасом спросил Корнуэлл. — Зачем?

— Потому что оттуда надо кое-что достать, — ответил Лис. — Зверь сказал, что нужно что-то извлечь оттуда.

— Вы знаете — что?

— Нет, не знаем. Мы спрашивали, но он не сказал. Но мы знаем, что оно там. Мы сняли крышку с отверстия и посмотрели. Нам потребовалась вся ваша храбрость, но мы сделали это. Мы только бросили взгляд, но увидели предмет, который надо вытащить. Мы бросили взгляд и бежали.

— И вы хотите, чтобы мы вытащили это?

— Да.

— Что же это такое? — спросила Мери.

— Мы видели только часть его, вернее, я предполагаю, что мы видели только часть. Мы не можем догадаться, то это такое. Оно похоже на

круглую клетку. Полоски металла образуют клетку примерно такой величины.

Лис раздвинул руки на фут.

— Это погружено в тело Зверя?

— Да.

— Грязная работа, — сказал Джиб.

— Мне это не нравится, — сказал Снивли. — В этом есть что-то злое. Они знают больше, чем рассказывают нам.

— Возможно, — сказал Корнуэлл. — Но перед нами проблема, а значит, существует цена за ее решение. И цена эта не цыплята или свинья, — добавил он, обращаясь к Лису.

— Добродетельность поступка? — предположил Лис. — Во имя рыцарства?

— Не говорите о рыцарстве! — выпалил Оливер. — Рыцарство умерло. Оно долго не продержалось, сгнило на корню. Нам нужно что-то прочное. Если мы ничего не получим, то утром уходим.

— Вы не посмеете уйти, — нагло возразил Лис. — По развалинам ходят церберы. Не пройдете вы и мили, как они разорвут вас на кусочки. Церберы вас никогда не любили, а теперь, после того, как вы убили гиганта, любят еще меньше.

— Вы полагаете, что мы в ловушке? — спросил

Хол.

— Может и нет, — ответил Большой Живот. — Возможно, мы вам поможем.

— Они действуют заодно, эти фигуры и церберы! — закричал Снивли. Они хотят нас шантажировать.

— Если вы думаете, что мы дружны с церберами и с их помощью хотим заставить вас выполнить работу, то вы глубоко ошибаетесь, — заявил Жабье Лицо.

— Но до прихода к замку мы не видели церберов, — сказал Джиб. — Мы ждали их, но они не появлялись. Они могли захватить нас в любом месте, но ждали именно здесь.

— Много лет церберы бродят вокруг замка Зверя, — сказал Лис. — Они надеются застать нас врасплох. С самого начала между нами идет война. В последние годы они стали осторожнее. Мы их проучили и теперь они знают, на что мы способны. Мы регулярно поражаем их различными видами магии, но они не уходят. По-прежнему не сдаются. Но сейчас при виде нас они поджимают хвосты и уходят. Они нас боятся.

— Видимо, им нужен замок? — спросил Джиб. — Не вы, а замок?

— Верно, — ответил Лис. — Для них это вопрос

гордости. Они хотят владеть замком Зверя Хаоса. Они никогда ничем не владели, эти хулиганы и скандалисты Диких Земель. Их, конечно боятся, но не уважают. Завладев замком, они надеются приобрести уважение.

— Но вы их проучили?

— Да. Они теперь не осмелятся приблизиться, но все же надеются когда-нибудь перехитрить нас.

— Вы думаете, что сможете помочь нам благополучно выбраться из замка? — поинтересовался Корнуэлл.

— Да.

— Если мы войдем в склеп и вытащим этот предмет, то вы снабдите нас охраной до того места, где церберы не будут угрожать нам?

— Они нам лгут, — сказал Снивли. — Они сами боятся церберов точно также, как Зверя Хаоса.

— Какая разница? — спросила Мери. — Ведь вы уже все равно решили вытащить эту штуку из склепа. Вам же интересно, что это такое.

— Но вы обещаете нам охрану? — спросил Корнуэлл у Лиса.

— Да, — подтвердил Лис.

— Если вы нас обманете, — сказал Хол, — мы вернемся и разорим ваше гнездо.

Глава 27

Зловоние было тяжелым. Оно било в живот, затыкало ноздри, обжигало горло, выжимало слезы из глаз. От него кружилась голова. В нем была какая-то грозная чуждость, оно как будто пришло не с Земли, а из недр ада.

Им пришлось проработать несколько часов, расширяя отверстие в своде, устанавливая блок, чтобы пропустить через него веревку.

Когда все было готово, Корнуэлл заглянул в отверстие и увидел гниющую массу, не совсем жидкую и не твердую, а желеобразную. В виде этой массе было что-то отвратительное, выворачивающее наизнанку желудок — то же свойство, что и в запахе. Сам по себе запах был отвратителен, но в комбинации с видом этой массы он был просто невыносим. Корнуэлл согнулся вдвое, сотрясаемый приступом рвоты. Но содержимое его желудка было уже давно извергнуто.

— Почему вы не пустите меня, Марк? — спросил Джиб. — Мне это не так страшно…

— Вам это не так страшно, — ответил Корнуэлл, — потому что у вас уже внутренности чуть не выдавились из горла.

— Но я легче, — не сдавался Джиб. — Я втрое легче вас. Мне легче справиться с веревкой.

— Перестаньте, Джиб, — гневно сказал Снивли, — мы уже все обговорили. Конечно, Марк тяжелее вас, но он и втрое сильнее вас.

— Может, сила тут и не нужна.

— Эту штуку внизу будет трудно вытащить, — сказал Хол. — Она растет из тела Зверя, и может оказаться еще и прикрепленной к нему.

— Теперь его тело — масса слизи, — возразил Джиб. — Это только грязь.

— В этом случае клетка или шар, или что бы это ни было, утонуло бы. Мы бы не увидели его.

— Но, может, оно плавает.

— Давайте прекратим разговоры, — сказал Корнуэлл. — Как сказал Снивли, мы уже все решили, мы все обдумали и приняли логичное решение. Я сильнее любого из вас, а сила там понадобится. Я ухвачу эту штуку, а вы вытащите меня вместе с ней. Мне может даже не хватить силы. Все остальные, вместе с Мери, будут тащить веревку. А где же Мери?

— Он пошла разводить костер, — ответил Снивли. — Нам понадобится горячая вода, когда мы выберемся отсюда.

— Если горячая вода сможет отмыть нас, — ска-

зал Оливер.

— Большой Живот дал нам мыла, — заметил Снивли.

— Зачем им мыло? — спросил Оливер. — Судя по запаху, они никогда не моются.

Корнуэлл прикрикнул на него и остальных:

— Прекратите болтовню! При чем тут мыло, если нужна здесь Мери чтобы тянуть веревку!

Он замолчал, устыдившись. Почему он на них кричит? Это все запах. Он грызет мозг, дергает нервы, выворачивает внутренности. Со временем он может превратить человека в кричащего маньяка.

— Давайте начнем, — сказал он.

— Я позову Мери, — сказал Оливер, — а сам посмотрю за костром.

— Забудьте об огне, — сказал Хол. — Возвращайтесь вместе с ней. Нам будет нужна ваша помощь.

— Если бы у нас был крюк, — сказал Джиб, — мы могли бы поднять эту штуку, подцепив ее.

— Но у нас нет крюка, — сказал Хол, — и нет металла, чтобы его изготовить. У них есть кузница, но нет металла.

— Они спрятали металл, — сказал Снивли, — и спрятались сами. Их не видно.

— Мы можем использовать металл одного из наших котлов, — сказал Джиб.

— Это долго, — возразил Корнуэлл. — Поэтому обвяжите вокруг меня веревку и начинайте. Так будет легче и проще.

— Вы задохнетесь, — сказал Снивли.

— Нет. Я обвяжу нос и рот шарфом.

— Проверьте, чтобы узел был хорошо завязан, — предупредил Снивли Хола, — нельзя ничего упускать, если Марк туда упадет, мы не сможем его вытащить.

— Я разбираюсь в узлах, — заметил Хол. — Хорошая петля, затянется крепко.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он Корнуэлла.

— Хорошо, давайте шарф.

Корнуэлл обернул шарфом лицо, закрыв им рот и нос.

— Стойте спокойно, — сказал Джиб. — Я завязываю.

По лестнице торопливо поднялся Оливер в сопровождении Мери.

— Вы, все, — сказал Хол. — Всем взяться за веревку. Держите ее так, как будто речь идет о вашей жизни. Опускать будем медленно.

Корнуэлл перегнулся через край отверстия и его

сразу затошнило. Подействовал не запах — шарф задерживал его в какой-то мере — а зрелище: масса гниющей ткани мертвого разлагающегося существа, лужа гниения, заключенная в склепе. Она была зеленая, местами желтая, с красными и черными пятнами. Что-то похожее на слабое течение медленно поворачивалось в этой массе, так медленно, что трудно уловить это движение, хотя чувство движения, чувство чего-то живого все время оставалось.

Корнуэлл сжал челюсти. Внутренности у него выворачивались наизнанку. Глаза слезились.

Он знал, что не сможет продержаться долго внизу. Там нужно будет действовать быстро и еще быстрее выбираться оттуда. Корнуэлл согнул правую руку, как бы желая убедиться, что она подействует, когда ему нужно будет схватить клетку.

Веревка вокруг его пояса натянулась.

— Осторожнее! Опускайте медленнее!

Запах ударил его, проглотил, раздавил. Шарфа было недостаточно. Запах пробивался сквозь ткань, и Марк захлебывался в нем.

Желудок взбунтовался в очередной раз и ударил в горло, потом упал на место, где не было дна. Рот заполнился рвотой, которую нельзя бы-

ло выплюнуть из-за шарфа. Он ослеп и потерял ориентацию. Он попытался закричать, но слова не шли из горла.

Внизу под собой он видел отвратительную поверхность гниения. В ней началось яростное движение. Разлагающаяся материя поднялась волной и потянулась к нему, обхватила, а потом рухнула назад. На ощупь она была отвратительно маслянистой, и к тому же зловонной. Другая волна пробежала по поверхности, ударила в противоположную сторону склепа и завихрилась, но не как вода, а медленно и громоздко. В этом движении чувствовалась ужасная мощь. Потом эта масса хлынула назад, поднялась и дотянулась до него. Она начала подниматься по его телу, пропитывая слизью, покрывая его. Он поднял руки и в ужасе закрыл лицо, защищаясь от этого разложения. Желудок его снова перевернулся. Его непрерывно рвало. Но рвота была сухой: в желудке было пусто.

Он почти ничего не видел, и у него появилось ужасное чувство, будто он заключен в чем-то чуждом всему живому. Он не чувствовал давления веревки, когда его поднимали. Только ощутив, что его перехватили чьи-то руки, он понял что его вытаскивают из отверстия.

Колени его подогнулись. Он лежал, а рвота все продолжалась. Кто-то вытер ему лицо. Кто-то сказал:

— Все в порядке, Марк, мы вас вытащили.

Кто-то другой говорил:

— Оно не мертвое, говорю вам. Оно все еще живое. Не удивительно, что эти проходимцы боятся спускаться туда. Вас провели, говорю вам.

Корнуэлл с трудом поднялся на колени. Кто-то протянул ему воды. Он пытался что-то сказать, но грязный, покрытый рвотой шарф по-прежнему закрывал ему рот. К нему протянулись руки, и рот его освободился.

Он увидел лицо Джиба. Рот на нем шевелился:

— Снимайте одежду. Вниз по лестнице — там лохань. Вода горячая и у нас есть мыло.

Глава 28

Енот и Оливер сидели на краю лохани.

— Я советую сдаться, — говорил Оливер. — Жители замка знали, что случится, если они спустятся в склеп. Они знали, что это существо не умерло.

— Оно умерло, — возразил Снивли, — и гниет там, перед нашими глазами. Это магия, вот что это такое. Склеп заколдован.

— Нельзя заколдовать склеп, — заявил Оливер. — Нельзя заколдовать предмет, живое существо можно, но не каменный предмет.

— Надо найти другой путь, — сказал Джиб. — Я осмотрел решетку для жарения. Если разогнуть один прут, то можно сделать крюк.

— Если спускаться туда, вниз, с крюком, то получится то же самое, сказал Хол. — Зверь, мертвый он или нет, не позволит нам подцепить этот предмет.

— Показывались Большой Живот и другие? — спросил Корнуэлл.

— Нет, — ответил Хол. — Мы обыскали замок, но они где-то прячутся.

— Если понадобится, мы разберем замок по

камням и найдем их, — сказал Корнуэлл. — Мы не позволим играть с нами.

— Но нам надо извлечь оттуда эту штуку, — сказала Мери. — Мы заключили договор с жителями замка. Равнина снаружи кишит церберами. Сами мы никогда не выберемся.

— Почему вы думаете, что они будут соблюдать договор? — спросил Снивли. — Они же попытались использовать нас. Они почему-то обязательно хотят достать эту штуку из склепа.

— Мы можем снести склеп, — сказал Джиб, — но на это потребуется какое-то время.

— Я думаю, что уже отмылся, — констатировал Корнуэлл. — Мне лучше выбраться из лохани. Дайте мне брюки.

— Они еще не высохли, — сказала Мери.

— Неважно, я надену влажные. Надо что-то делать. Джиб прав. Надо снести склеп.

— О чем беспокоиться? — спросил Джиб. — Мы можем прорваться через церберов. Гигант мертв, и дух из них выпущен. Они больше не такие свирепые.

— У нас только дюжина стрел, — сказал Джиб. — Когда они кончатся, других уже не будет. Тогда останется только мой топор. Топор и меч Марка.

— И меч и топор хороши, — сказал Снивли, —

лучших не найти.

— Вот они, твои брюки, — сказала подошедшая Мери, — как я и говорила, они еще не высохли. Ты простудишься.

— Спасибо. Они скоро высохнут.

— Хорошая чистая шерсть, — сказал Хол. — Никто еще не пострадал от влажной шерсти.

Корнуэлл выбрался из лохани и натянул брюки.

— Я думаю, что нам надо все обсудить, — проговорил он. — Жители замка хотят что-то получить из склепа, если оно так важно для них, то оно может оказаться важным и для нас. Во всяком случае, я считаю, что нам нужно извлечь его оттуда и посмотреть. А когда мы сделаем это, то найдем Большой Живот и других и поговорим с ними. Но раньше надо проникнуть в склеп.

— Возможен другой способ, — сказал Оливер, — рог единорога. Тот, что у Мери. Магия против магии.

Снивли покачал головой:

— Я не уверен, что это подействует.

— Мне не хотелось говорить об этом, — извиняющимся тоном сказал Оливер. — Посылать туда такую милую леди…

— Черт возьми! — взорвался Корнуэлл. — Если

вы думаете, что есть такая возможность, дайте мне рог и пойду снова.

— Но в ваших руках он не подействует, — сказал Оливер. — Он подействует только в руках Мери. Нужно спускаться ей.

— Тогда снесем склеп, — сказал Корнуэлл, — если ничего другого не придумаем, а Мери не будем спускать в склеп.

— Ты не имеешь права так говорить, — сказала Мери. — Ты не должен указывать, что мне делать. Я член отряда и имею право поступать, как хочу. Я много миль несла этот рог, а его ужасно неудобно нести. И если от него может быть толк…

— Откуда и знаешь, что от него будет толк, — закричал Корнуэлл. — А если он не подействует? Если ты опустишься туда и…

— Я попробую, — сказала Мери, — если Оливер думает, что это подействует, то я попробую.

— Позвольте мне попробовать первому, — сказал Корнуэлл.

— Марк, вы говорите неразумно, — ответил Хол. — Мы спустим Мери, и если там будет движение, мы немедленно вытащим ее.

— Там ужасно, — сказал Корнуэлл. — Этот запах…

— Если подействует рог, то понадобится только

одна минута.

— Но она не сможет вытащить эту штуку, — сказал Корнуэлл. — Наверняка она тяжелая. Она не сможет схватить ее, а если и схватит, то не вытащит.

— Мы прикрепим крюк, — сказал Хол. — Привяжем его к веревке. Она подденет крюком, а мы вытащим.

— Ты действительно этого хочешь? — спросил Корнуэлл Мери.

— Конечно, не хочу. Но и ты не хотел, но делал. Теперь я готова сделать то же. Пожалуйста, Марк, позволь мне попробовать.

— Надеюсь, рог подействует, — сказал Снивли. — Но мне страшно подумать, как мала вероятность этого.

Глава 29

На этот раз они действовали по-другому. Для Мери они подготовили сиденье, как на детских качелях, крепко привязали веревку к нему и пропустили ее через блок. К рогу привязали веревку и подвесили его через плечо Мери, так что ей не нужно было его держать. Руки у Мери были свободны, и она могла держать крюк, привязанный к другой веревке. Эта веревка проходила через второй блок.

Наконец все было готово.

— Мое платье, — сказала Мери, — оно у меня единственное. Там оно испачкается.

— Подогните его, — посоветовал Хол. — Мы его подвяжем.

— Но оно не отмоется, — жаловалась Мери.

— Снимите его, — сказал Снивли. — Спускайтесь нагишом. Нам все равно.

— Нет! — сказал Корнуэлл. — Клянусь Господом, я не допущу этого!

— Снивли, — резко сказал Хол. — Ты зашел слишком далеко. Ты, конечно, знаешь, что такое скромность.

Джиб сказал Мери:

— Вы должны простить его, он не знал…

— Ничего, — сказала Мери. — Это мое единственное платье. Если вам все равно…

— Нет, — сказал Корнуэлл.

Мери мягко и негромко сказала ему:

— Ты ощущал мою наготу…

— Нет! — напряженно повторил Корнуэлл.

— Я выстираю платье, пока вы будете купаться в лохани, — предложил Оливер. — Я возьму побольше мыла и отстираю его.

— Все это глупости, — сказал Снивли. — Она плюхнется туда, и грязная масса обволочет ее. А рог не подействует, вот увидите.

Они подвязали Мери и обвязали ее лицо куском ткани. Оливер нашел кухню замка и обнаружил там уксус. Ткань была вымочена в уксусе, в надежде, что это поможет преодолеть запах.

Потом они начали опускать Мери в отверстие склепа. Разлагающаяся грязь мгновенно вскипела, а потом опустилась. Отвратительная яма беспокойно шевелилась, как больное животное, дрожащее в агонии. Но оставалось относительно спокойной.

— Действует, — произнес Джиб сквозь сжатые зубы. — Рог действует.

Корнуэлл окликнул Мери:

— Осторожней. Протяни крюк и будь наготове. Мы опустим тебя еще на фут.

Мери вытянула руку с крюком наготове.

— Опускайте, — сказала Мери.

Крюк скользнул между металлическими полосами и закрепился. Джиб потянул веревку.

— Получилось! — закричал он.

Корнуэлл быстро вытащил Мери. Несколько рук помогли ей выбраться из отверстия. Она пошатнулась, когда ноги ее оказались на земле, и Корнуэлл подхватил ее, сорвав ткань с ее лица. Она смотрела на него полными слез глазами. Он вытер ей слезы.

— Ужасно, — сказала она. — Но ты и так это знаешь. Ты ведь был внизу. Тебе должно было быть еще хуже.

— Как ты?

— Все в порядке. Запах…

— Сейчас уйдем отсюда. Только вытащим эту штуку.

Корнуэлл повернулся к Джибу.

— Что там?

— Не знаю, — ответил Джиб. — Не разглядел еще.

— Давайте вытащим, пока ничего не случилось.

— Зверь беспокоится, — сказал Хол.

— Вот оно! — крикнул Оливер.

Оно висело на конце веревки, с него капала слизь. Но это был не шар и не клетка. Шар оказался лишь верхней частью.

— Быстрей, — предупредил Хол. — Тяните все. Зверь внизу поднимает бурю.

Волна содержимого склепа поднялась к отверстию и брызнула наружу.

Корнуэлл протянул руку и схватил предмет, висевший на крюке.

Он был похож на человека. Клетка образовала голову, тело было цилиндрическое, примерно в два фута толщиной и в четыре длиной, снизу торчали три металлических стержня, которые могли служить ногами. Рук не было. Хол схватился за один из стержней, а Корнуэлл за другой. Вдвоем они вытянули этот предмет из отверстия. Новая волна из склепа ударила в края отверстия и забрызгала землю вокруг.

Они сбежали по ступеням во двор. Джиб с Холом, вытащив предмет во двор, поставили его на стержни-ноги и отступили. Мгновение тот стоял неподвижно, потом шагнул, постоял, потом сделал еще шаг, повернулся, как бы оглядываясь, хотя никаких глаз у него не было видно.

— Он живой, — сказала Мери.

Все смотрели, как зачарованные.

— Вы знаете, что это? — спросил Хол у Снивли.

Тот покачал головой.

— Он на нас не сердится? — спросил Джиб.

— Подождем, — сказал Хол.

Корзинообразная сфера служила головой, и в этой корзине вращался шар, временами искрящийся. Корзина возвышалась на цилиндрическом теле, в котором виднелось множество маленьких отверстий, как будто кто-то истыкал его гвоздем. Передней или задней части у этого создания не было: оно могло легко двигаться в любом направлении. Оно казалось металлическим, но уверенности в этом не было.

— Сын Зверя Хаоса, — задумчиво сказал Корнуэлл.

— Может быть, — подхватил Хол. — Сын… или дух? Кто знает?

— Жители замка должны это знать, — предположила Мери.

Но их по-прежнему не было видно.

Глава 30

Они вымылись, выстирали одежду, приготовили и съели ужин. Со стороны склепа временами доносился слабый запах, но в остальном все было спокойно. Лошади меланхолично жевали сено, грудой сваленное в углу двора. Тут и там продолжали рыться свиньи, но куры перестали кудахтать и отправились на насест.

Жители замка все еще не показывались.

— Я начинаю беспокоиться о них, — сказал Корнуэлл. — С ними, видимо, что-то случилось.

— Они просто прячутся, — сказал Снивли. — Они заключили договор, хотя заранее знали, что не сумеют его выполнить. Теперь они ждут, пока мы уйдем. Они хотят перехитрить нас.

— Вы думаете, что они не помогут нам против церберов? — спросила Мери.

— И никогда так не думал, — сказал Снивли.

— Вокруг по-прежнему полно церберов, — сказал Джиб. — Я перед самым заходом поднялся на укрепление. Они ждут.

— Что же нам делать? — спросил Снивли. — Нельзя же оставаться здесь навсегда.

— Подождем — увидим, — сказал Корнуэлл. —

Что-нибудь может произойти. По крайней мере, ночевать будем здесь.

Взошла луна и наступила ночь. Хол подбросил в костер дров, и пламя взметнулось высоко вверх. Создание, извлеченное ими из склепа, без устали ходило по двору. Все остальные собрались у костра.

— Интересно, что у Жестянки на уме? — сказал Хол. — Похоже он нервничает.

— Он осматривается, — предположил Джиб, — его вытащили в новый мир, и он еще не уверен в себе.

— Нет, здесь что-то не то, — возразил Хол. — Его действия беспокоят меня. Может, он знает что-нибудь, чего не знаем мы?

— Если и так, то надеюсь, что он будет держать это при себе, — сказал Снивли. — Нам хватит своих неприятностей. Мы сидим тут, в этой груде развалин, и не знаем, что делать. Хозяева где-то прячутся, а вокруг замка бродят церберы. Они знают, что мы должны выйти, и будут наготове тут же со своими зубами.

Корнуэлл тяжело вздохнул.

— Я пойду на стену.

— Слева есть лестница, — сказал ему Джиб. — Ступайте осторожней. Камни ступенек изношены

и скользки.

Подъем был долгим и трудным, но наконец он добрался до укрепления. Парапет достигал трех футов высоты, но многие камни обрушились. Когда Корнуэлл протянул руку, чтобы опереться на стену, небольшой камень выпал из стены и упал в ров.

Местность вокруг замка была вся — сплошные тени, и Корнуэлл понял, что если там и есть церберы, то рассмотреть их трудно. Несколько раз ему казалось, что он заметил какое-то движение, но он не был уверен.

С севера подул холодный ветер. Корнуэлл вздрогнул, но тут же сказал себе, что не только ветер вызвал эту дрожь. Внизу у костра он не сознавался в своей озабоченности, но теперь, на верху стены он мог быть честным с собой. Он знал, что они в ловушке, и что выхода нет. Будет глупостью пытаться прорваться. Все их вооружение — это меч, топор и лук с дюжиной стрел. Конечно, меч волшебный, но уж очень он неуклюжий воин. Лучник — но что может сделать один лук? Мохнатый владелец топора очень уж маленький. Первый же натиск церберов опрокинет их.

Где-то в темноте равнины раздался крик ноч-

ной птицы и послышалось отчаянное хлопанье крыльев. Что-то напугало птицу. Вероятно, на равнине и сейчас полно церберов.

Потревоженная птица полетела, видимо, прочь от замка, так как крик ее звучал все слабее. Затем послышался какой-то звук, но настолько слабый, что Корнуэлл вынужден был напрягаться, чтобы слышать его.

Тревожное чувство появилось у Корнуэлла: он уже где-то слышал этот звук.

Звук усилился, и вдруг Корнуэлл вспомнил: он слышал этот звук перед тем, как к их костру скатилась мертвая голова.

Звук превратился в вой — как будто какое-то испуганное существо отчаянно плакало. Звук поднимался и падал, в нем было какое-то безумие дикая ужасная музыка, от которой леденела кровь.

«Темный Трубач, — сказал себе Корнуэлл. — Снова Темный Трубач».

Сзади послышался шум: небольшой камень сорвался со стены. Корнуэлл резко повернулся и увидел, как небольшой, странно светящийся шар поднимался снизу. Марк во внезапном испуге отступил и схватился за меч, но затем все понял: по ступеням лестницы медленно и осторожно

поднимался Жестянка.

И вот, наконец он на верху укрепления. Его металлическое тело блестело в свете поднимающейся луны, а шар в голове дружески поблескивал. Корнуэлл заметил, что Жестянка вырастил себе руки, хотя это слово и не совсем подходило. Просто у него появилось несколько веревкообразных щупальцев. Они выступали из отверстий на его теле.

Жестянка медленно приближался к Корнуэллу, который продолжал пятиться, пока не оказался прижатым к парапету. Одно щупальце протянулось и коснулось плеча, другое указывало на равнину за спиной, а затем сложилось в форме буквы «зет». Это «зет» нетерпеливо раскачивалось.

Звук прекратился, его сменила ужасная тишина. «Зет» продолжало раскачиваться и указывать на равнину.

— Ты с ума сошел, — возразил Корнуэлл. — Туда нам идти нельзя.

«Зет» настаивало.

Корнуэлл покачал головой.

— Может я тебя неправильно понял?

Показалось еще одно щупальце и протянулось по направлению ступеней, ведущих во двор.

— Ладно, — сказал Корнуэлл. — Давай спустимся и попробуем разобраться.

Он отошел от парапета и начал осторожно спускаться. Жестянка последовал за ним. Сидевшие у костра, заметив их спуск, вскочили на ноги. Хол подбежал к подножию лестницы и ждал там.

— Что происходит? — спросил он. — У вас неприятности с нашим другом?

— Не думаю, — ответил Корнуэлл. — Он пытается убедить нас покинуть замок. К тому же, я слышал Темного Трубача.

— Темного Трубача?

— Да. Помните его? Ночь перед тем, как мы вышли на поле битвы.

Хол вздрогнул.

— Не будем остальным говорить о Трубаче. Но вы уверены, что слышали его? Ведь мы здесь ничего не слышали.

— Уверен. Да и Жестянка настаивает, чтобы мы сделали что-то. Мне кажется, он хочет, чтобы мы ушли.

— Мы не можем, — сказал Хол. — Мы не знаем, что там снаружи. Может быть утром…

Тяжело ступая, подошел Жестянка. Дюжина щупальцев выскочила из его тела и застыла, указывая на ворота.

— Он определенно хочет, чтобы мы ушли, — сказал Хол.

— Почему? — спросил подошедший Джиб.

— Может он знает что-то, чего не знаем мы, — ответил Хол. — Помните, я совсем недавно говорил об этом.

— Но там церберы! — воскликнула Мери.

— Вряд ли он хочет нам зла, — сказал Оливер. — Мы вытащили его из склепа и он должен быть нам благодарен.

— Откуда вы знаете, что он хотел, чтобы его вытащили оттуда? — спросил Снивли. — Может, мы этим повредили ему? Может, он недоволен.

— Думаю, что на всякий случай, — сказал Корнуэлл, — нам надо навьючить лошадей и быть готовыми к подъему ворот. Если что-нибудь случится, мы сможем уйти.

— А что может случиться? — спросил Снивли.

— Откуда мне знать? — выпалил Корнуэлл. — Может быть, ничего, но все же лучше приготовиться к отъезду.

Джиб и Оливер тем временем уже ловили лошадей, а остальные готовили седла, тюки и мешки с поклажей.

Время шло, но ничего не происходило. Оседланные и навьюченные лошади, недовольные

тем, что их оторвали от сена, топтались и трясли головами. Жестянка как ни в чем не бывало спокойно стоял у ворот.

— Посмотрите на него, — с отвращением сказал Снивли. — Начал всю эту шумиху, а теперь не обращает на нас никакого внимания и созерцает огонь. Не говорите мне, что он чего-то ждет. Все это сплошное недоразумение.

— Может быть, время еще есть, — спокойно сказал Джиб. — Время уходить еще не настало.

И вдруг это время наступило.

Огненное кольцо появилось на восточном крае неба. Оно свистело и ревело. Когда оно достигло зенита, рев его сменился воем. Оно наклонилось и направилось к замку. Своим блеском оно затмило луну и ярким светом залило двор. На каменных стенах стали видны все трещины и неровности, ставшие черными на фоне этого ослепительного блеска. Казалось, что весь замок окрашен только черно-белыми красками.

Корнуэлл и Джиб бросились к механизму подъема, Хол поспешил им на помощь, и ворота начали медленно подниматься.

Огненное кольцо летело на замок сверху, заполняя все вокруг своим воем и сиянием. Перед ним летела волна жара. Немного не долетев до

земли, кольцо скользнуло над замком, едва не задев при этом самую высокую башенку, поднялось наверх и снова начало спуск. Лошади с диким ржанием в ужасе носились по двору. Одна из них споткнулась и покатилась через костер, раскидывая горящие головешки.

— Ворота уже достаточно подняты, — закричал Корнуэлл. — Ловите лошадей!

Но лошади не стали дожидаться, когда их поймают, и в панике бросились к воротам, Корнуэлл схватил одну из них за узду. Он попытался задержать ее, но узда выскользнула из его пальцев. Копыто ударил о его по ребру, и он покатился по земле. Испытывая бессильную ярость и разочарование, он поднялся на ноги. Обезумевшие лошади неслись по мосту и разбегались по равнине прочь от замка. У одной лошади оторвалось седло и мешки с тюками полетели все в разные стороны, а лошадь брыкалась, чтобы быстрее избавиться от них.

— Пошли отсюда! — закричал Хол и, схватив Корнуэлла за руку, потащил его за собой.

Остальные уже были на мосту, впереди, низко опустив хвост, бежал Енот.

— Только взгляните на него, — сказал с отвращением Хол. — Енот всегда был трусом.

Равнина была освещена так ярко, как будто взошло солнце. Но свет огненного кольца давал какие-то странные тени, превращавшие окружающую их местность в кошмар.

Корнуэлл обнаружил, что бежит, даже не решив еще бежать, бежит потому, что бегут остальные, потому что только бегство имело смысл. Прямо перед ним тяжело бежал Жестянка, и Корнуэлл поймал себя на том, что даже в такой момент он старается понять, как это металлическое существо может передвигаться на трех ногах. «Ведь три, — говорил он себе, — ужасно неуклюжее число».

Не было видно ни лошадей, ни церберов. Церберов, конечно, и не должно быть. Они разбежались при первом же появлении огненного кольца. Корнуэлл усмехнулся, подумав, что церберы теперь три дня не остановятся.

Вокруг перед ним бегущие начали падать, исчезая из вида. «Мы попали в ловушку», — сказал себе Корнуэлл. Он попытался остановиться, но земля у него под ногами исчезла и он полетел куда-то. Пролетев лишь несколько футов, он ударился спиной о землю и остался лежать, лишившись дыхания от толчка.

Где-то рядом кричал Снивли:

— Этот неуклюжий Жестянка упал прямо на меня!

— Марк, где ты? — позвала Мери.

Корнуэлл увидел ее встревоженное лицо.

— Все в порядке, — сказал он. — Что случилось?

Подполз на четвереньках Хол.

— Лучше оставаться пока тут и не высовываться, — сказал он. — Тут пока безопасно.

— Там наверху с полдюжины колец, — сказала Мери.

— Вряд ли они охотятся за нами, — сказал Хол. — Все их внимание сосредоточено на замке.

— Лошади исчезли, — откуда-то из темноты донесся голос Джиба, — и с ними все наши припасы. Мы остались безо всего в самом сердце пустыни.

— Они разбросали тюки, — заметил Оливер, — поэтому кое-что из припасов мы сможем найти.

Послышался сердитый голос Снивли:

— Прочь с меня, кусок железа! Я хочу встать!

— Лучше взглянуть, что там с ним, — сказал Хол.

Корнуэлл огляделся. Стены канавы или ямы поднимались футов на пять, защищая их от яркого блеска кружившихся над замком колец.

Корнуэлл подполз к стенке, обращенной в сто-

рону замка, приподнялся и осторожно выглянул. Как и сказала Мери, колец стало больше. Они кружились над замком, который стоял ярко освещенный на фоне местности.

Их рев сменился глухим гудением, которое пробирало тело и глубоко вонзалось в голову. Вдруг одна из башенок замка обрушилась, и сквозь гудение колец послышался грохот падающих камней.

— Их пять, — сказала Мери. — Ты знаешь что это такое?

Он не ответил. Да и откуда он мог это знать? «Магия», — подумал он. Потом он вспомнил слова, сказанные Джоунзом: «Как только встречается непонятное, тут же возникает это слово». Но эти кольца, несомненно, что-то такое, с чем еще не встречался человек.

Он прочитал множество древних рукописей, но ни в одной из них не было упоминания о кольцах.

Хотя, минутку… Что-то такое было и в самом неожиданном месте… Это было в книге Экклезиаста, глава первая. Он постарался припомнить точно, что там было написано, но не смог, хотя знал, что там было написано не только про огненные кольца, но и о многом другом. «Надо

было меньше времени проводить за древними рукописями, — подумал он, — и больше читать Библию».

Кольца кругом разместились над замком и быстро закружились одно за другим, опускаясь все ниже, пока над древним зданием не образовался один общий круг.

Глубокий гул поднялся до сверхъестественного воя. Набирая скорость и постепенно смыкаясь, огненное кольцо стало спускаться на замок. Синие молнии вырвались из кольца и ударили в замок. Его башни начали рушиться, и даже сквозь вой кольца слышалось падение камней. Гулкий гром ударил так, что земля содрогнулась и пошла волнами.

Корнуэлл инстинктивно поднял руки, защищая голову, но, очарованный зрелищем, продолжал смотреть. Мери в страхе прижалась к нему, а справа кто-то — вероятней всего, Снивли — завыл от ужаса.

Воздух наполнился раскаленными обломками, земля дрожала, а шум стоял такой, что перехватывало дыхание. Из центра огненного кольца поднимался столб дыма. Корнуэлл понял, что это через кольцо, как по трубе камина, поднимается огонь и дым пожара. Неожиданно все кончилось.

Огненное кольцо стало быстро подниматься вверх и разделилось на пять меньших колец. Эти кольца поднялись еще выше, понеслись на восток и через секунду скрылись из вида.

Стало тихо. Лишь треск оседавших камней доносился от груды обломков, которая указывала бывшее местонахождение замка Зверя Хаоса.

Глава 31

На третий день они нашли воду. Характер местности изменился. Мрачная пустыня Сожженной равнины постепенно уступала место тоже сухому, но менее мрачному плоскогорью.

В первый день, вечером, они увидели вдалеке голубые вершины Туманных Гор. А теперь, когда они остановились у маленького ручья, горы находились не более чем в дневном переходе от них. Грандиозный хребет вздымался в небо прямо с равнины, без всякого предгорья или холмов.

На второй день в полдень кончилась вода: у них оставался только один мех с водой.

Несколько часов они потеряли напрасно, пытаясь добраться до колодца во дворе замка. Доступ к нему был прегражден огромной грудой камней.

Они разожгли костер и приготовили ужин.

— Еды осталось только на завтра, — сказала Мери. — Завтра съедим последнее зернышко.

— Впереди будет дичь, — сказал Хол. — Идти будет трудно, но с голоду мы не умрем.

С ближайшего холма спустился Снивли и присел у огня.

— Я осмотрел все вокруг, — сказал он. — Ника-

кого движения. Ничего не видно, ни одного следа, даже старого, вообще никаких следов. Нам не следовало идти сюда, нам надо было вернуться.

— Назад идти столько же, сколько и вперед, — заметил Джиб. — Может, даже больше. Кроме того, существует топор, который мы должны отнести древним.

— Древние, если мы их найдем, возьмут у нас топор и разобьют им наши головы, — сказал Снивли.

— Перестань хныкать, Снивли, — сказал Хол. — Конечно, нам пришлось нелегко. Мы потеряли лошадей и почти все запасы, но из замка мы выбрались без одной царапины, а это больше, чем можно было ожидать.

— Да, это так. Но вы и тогда будете утверждать, что нам повезло, когда тот, Кто Размышляет В Горах, отберет у нас последнее и так пнет, что следы его башмаков останутся на наших спинах.

— Прекратите! — воскликнула Мери. — Перестаньте болтать! Мы уже здесь и еще живы. Мы обнаружили воду прежде, чем начали серьезно страдать, и…

— Уж не знаю, как остальные, — сказал Оливер, — но я хотел пить так, что готов был глотать пыль.

К огню подошел Жестянка и замер неподвижно.

— Хотел бы я знать, кто он такой, — сказал Джиб. — Он ничего не делает, не говорит, и я даже не уверен, что он слышит.

— Не забывайте, что именно он предупредил нас в замке, — сказал Корнуэлл, — если бы не он, нам бы пришлось туго.

— Не забудьте также, что он нес большую часть наших припасов, подхватил Хол. — Выпустил эти веревки, которые служат ему руками, и подхватил ими тюки…

— Не забывайте, что если бы не он, мы никогда бы не попали в эту заваруху, — возразил Снивли. — Говорю вам, кольцо охотилось за ним. Ни из-за нас, ни из-за этих уродцев в замке они не побеспокоились бы, для них важны не мы, а либо Зверь Хаоса, либо Жестянка.

— Но если бы не кольца, — заметил Джиб, — мы и сейчас все еще сидели в замке. Кольца напугали церберов и, хотя и нам тоже досталось, кончилось все хорошо.

— Забавно, как легко мы теперь говорим о кольцах, — сказал Оливер. А ведь в тот момент мы страшно испугались. Это что-то непонятное, что-то пугающее, выходящее за рамки нашего

понимания, а теперь все мы забыли о загадочности и говорим о кольцах, как будто это обычное явление и может встретиться на каждом углу.

— Дело в том, что произошло слишком многое, — сказал Хол. — И было так много странного, что мы просто привыкли. Постепенно приходишь к тому, что перестаешь удивляться и воспринимаешь все, как совсем обычное. В том мире, откуда мы пришли, все мы жили самой обычной жизнью. День шел за днем, и ничего необычного не случалось. В путешествии мы привыкли к необычному и больше не находим его слишком значительным. Мы не задаем себе вопросов. Может быть, потому, что у нас нет на это времени.

— Я много думал об этих кольцах, — сказал Корнуэлл, — и склонен согласиться со Снивли, что их целью был либо Зверь, либо Жестянка.

— Они могли заранее знать о Жестянке, — сказал Снивли. — Если они знали кое-что о Звере, то могли рассчитать и время, когда должен был появиться Жестянка.

— Что возвращает нас к вопросу, кто такой Зверь Хаоса и кто такой Жестянка, — заметил Корнуэлл. — Может быть Жестянка — это второй Зверь Хаоса?

— Мы не знаем на что был похож Зверь Хаоса, —

сказал Джиб. — Может, Жестянка — молодой Зверь Хаоса, и изменится, когда подрастет.

— Возможно, — согласился Корнуэлл. — В Освальде есть один человек, очень известный ученый. Он недавно объявил, что разработал метод, благодаря которому, после ряда странных метаморфоз червяк превращается в бабочку. Невероятно, конечно, но что, если он прав? Из-за своего объявления он стал предметом насмешек. Но, может, он все-таки прав? Мы еще многое не понимаем. Может, Жестянка — тот самый червь, из которого в свое время появится Зверь Хаоса.

— Я не хочу, чтобы вы так разговаривали при нем, — сказала Мери. Так, как будто он вещь, а не существо, просто вещь, о которой можно поговорить. А может он слышит и понимает все, что вы говорите? Если это так, то вы обижаете его этим.

Хол привстал, но Корнуэлл удержал его за руку.

— Не мешайте.

— Но Енот…

— Все в порядке. Это игра.

Конец одного из щупалец Жестянки лежал на земле и слегка вздрагивал. Именно к нему и подкрадывался Енот. Вот он неожиданно прыгнул, но в самый последний момент Жестянка отдер-

нул щупальце. Енот извернулся, протянул лапу и все-таки схватил его, затем упал, все еще держа его. Второе щупальце потянулось к хвосту Енота. Тот выпустил первое, потянулся за вторым.

— Жестянка играет с ним, — выдохнула Мери, — как мы играем с котенком. Он даже позволил ему схватить щупальце.

Хол медленно опустился на место.

— Будь я проклят! — выговорил он.

— Он человек, — сказала Мери.

— Нет, он не человек, — возразил Корнуэлл, — но у него есть инстинкт к игре, и это делает его похожим на человека.

— Ужин готов, — сказала Мери, — ешьте. Продуктов осталось только на завтрак.

Енот и Жестянка продолжали играть.

Глава 32

Завтра, подумал Корнуэлл, мы придем в Горы и постараемся отыскать древних. А что потом? Конечно, никто не захочет возвращаться через Сожженную равнину без лошадей, где, вероятно, будут ожидать церберы. Конечно, нельзя быть уверенными, что их ждут церберы, но игнорировать такую возможность тоже нельзя.

Он сидел на песчаном берегу ручья, опираясь на камень. Слева в темноте блестел лагерный костер, и он видел фигуры, сидевшие около него. Он надеялся, что они не станут его искать. Почему-то, по неясной ему самому причине, он хотел побыть в одиночестве. Может быть, хотелось подумать, хотя и знал, что время размышлений миновало. Думать надо было раньше, до того, как он пустился в эту немыслимую авантюру. Он действовал импульсивно. Он убежал из университета, как только узнал, что стало известно о краже рукописи, хотя, если подумать, бежать не было необходимости. В университетском городке были сотни мест, где он мог бы спрятаться.

Воображаемая необходимость бежать была для него лишь предлогом для того, чтобы отпра-

виться на поиски древних. И с этого момента экспедиция превратилась в цепь невероятных происшествий.

Услышав сзади слабый шум шагов, он поднялся. Это была Мери.

— Я увидела, что тебя нет, и пошла искать. Ничего?

Он протянул руку, чтобы помочь ей сесть рядом.

— Что ты делаешь здесь?

— Думаю, размышляю. Есть ли у нас право находиться здесь, и что нам делать дальше? Конечно, прежде всего мы попытаемся найти древних. А после? А что, если мы их не найдем? Так и пойдем дальше от приключения к приключению, просто чтобы идти и находить новое? Это будет своего рода самоубийство. До сих пор нам просто везло.

— Все будет в порядке, — сказала она. — Мы найдем древних, Джиб отдаст им топор, и все будет как надо.

— Мы далеко от дома и пути назад, может быть, нет, — сказал он, — во всяком случае, легкого пути. Что касается меня, то это неважно. У меня никогда не было дома, если не считать университет, а какой это дом? Университет — всего лишь временная стоянка. Хотя для Оливера это не так.

Он много лет прожил на стропилах библиотеки. У Джиба есть его Болото, а у Хола и Енота — Дуплистое Дерево. Даже у Снивли есть его шахта и кузница. А у тебя?…

— После смерти моих приемных родителей у меня не было дома. Мне безразлично, где теперь жить.

— Это был импульсивный поступок, — сказал он. — Опрометчивый, безрассудный план, появившийся из ничего. Я интересовался древними — не более чем академический интерес, но он оказался для меня важным. Не знаю, чем он меня привлекал. Я изучал их язык, вернее, то, что выдавали за него. Никто, по-видимому, не был уверен, что древние существуют. И тут я наткнулся на рукопись древнего путешественника…

— И решил сам пойти посмотреть, — подхватила Мери. — Я не вижу здесь ничего опрометчивого.

— Конечно, ничего, если бы это касалось меня, если бы не умер отшельник и не передал топор Джибу, если бы Джиб не спас меня от волков, если бы Хол не был лесным жителем и другом Джиба, если бы Снивли не выковал волшебный меч, если бы ничего этого не случилось.

— Но это случилось, — сказала Мери, — и имен-

но это привело нас друг к другу. Ты не имеешь права винить себя, потому что никакой вины тут нет. Когда ты так поступаешь, ты унижаешь других. Никто из нас не оказался тут вопреки воле, и никто из нас не сожалеет об этом.

— А Снивли?

— Ты имеешь в виду его жалобы? Это у него такая привычка. Так он живет.

Она положила голову ему на плечо.

— Забудь это, Марк, мы пойдем дальше и найдем древних и все кончится хорошо. Может, даже найдем моих родителей или их следы.

— Пока никаких следов не было. Надо было расспросить в замке, но произошло так много событий, что мы не нашли время об этом спросить. Я виню себя в том, что забыл об этом.

— Я спрашивала о них у существа с лисьей мордой, — сказала она.

— И?

— Они останавливались в замке, отдыхали несколько дней. Вокруг было много церберов. Но они, мои родители, без опаски гуляли вокруг замка, и церберы их не трогали. Подумай об этом, Марк! Они прошли в мире всю Сожженную равнину, через стаи церберов.

— И ты не рассказала мне об этом.

— Как ты сам сказал, произошло так много событий.

— Они шли в мире, — сказал Корнуэлл. — Они, должно быть, удивительные люди. Что-то в них было. Ты их помнишь, Мери?

— Вряд ли. Только красоту моей матери. Красоту и нежность.

— И вот ты здесь, — сказал Корнуэлл. — Позади долгий путь и долгий путь впереди. Пища кончилась и есть только одно платье.

Она подняла лицо и он нежно поцеловал ее.

— Рог единорога, вернее его волшебство, в замке подействовало, сказал он. — Оливер был прав.

— Ты думал об этом?

— Да. Этот рог все еще у тебя? А нельзя ли его потерять?

— Посмотрим, — сказала она счастливым голосом.

Глава 33

Углубившись в горы, они почти сразу наткнулись на древних. Поднявшись на крутой отрог, разделявший две долины, они оказались лицом к лицу с древними. Обе группы, которые разделяло не более чем триста футов, остановились, с удивлением глядя друг на друга. Небольшая группа древних, по-видимому, была охотничьим отрядом. Это были низкорослые приземистые мужчины, одетые в меха и вооруженные копьями с каменными наконечниками. Большинство было стариками с седыми волосами и бородами, но было и несколько молодых, еще не отрастивших ни усов, ни бороды. В целом их было не больше дюжины. Двое несли на плечах палку, с которой свисала туша, напоминавшая человеческое тело.

Несколько мгновений все молчали, а потом Корнуэлл сказал:

— Что ж, наконец мы их нашли. А то я уже начал сомневаться, существуют ли они вообще.

— Вы уверены, что это древние? — спросил Хол. — Как вы можете быть уверены в этом? Никто ведь не знает, как выглядят древние. Это все время беспокоило меня. Кого мы собственно

ищем?

— В рукописи древнего путешественника были намеки, — сказал Корнуэлл, — но не больше. Там было свидетельство очевидцев, ничего определенного, а только слухи, информация из вторых рук, без точных данных, просто смутные намеки, что древние человекообразны. Даже человек, записавший словарь и грамматику языка древних, никогда на утверждал, что видел их сам. Хотя он, может быть, и видел их: часть рукописи утеряна или уничтожена каким-то церковником столетия назад. Я подозревал, что они человекообразны, но не был в этом уверен. Да и топор, который Джиб получил от Отшельника, тоже предназначен для человекообразного существа.

— Ну, а теперь, когда мы нашли их, — спросил Снивли, — что нам делать? Джиб должен отдать топор. Но для этого нужно подойти к ним. А на вашем бы месте, Джиб, я не стал бы этого делать! Мне не нравится вид их добычи.

— Я пойду вперед и поговорю с ними, — сказал Корнуэлл. — Все оставайтесь на месте и никаких неожиданных действий. Не нужно их пугать.

— Они не похожи на пугливых, — заметил Снивли.

— Я вас прикрою, — сказал Хол, — и если они

настроены враждебно, не стройте из себя героя.

Корнуэлл расстегнул пояс, на котором висел меч, и протянул его Мери.

— Можно считать, что вы уже мертвы, — сказал Снивли. — К ночи они обожгут ваши кости.

Корнуэлл вытянул руки ладонями вверх и начал медленно приближаться к древним.

— Мы пришли с миром, — крикнул он на языке древних.

Он надеялся, что правильно произносит слова, и что его поймут.

— Нет борьбы. Нет убийства.

Они ждали, внимательно следя за его приближением. Двое, несшие тушу, бросили ее и присоединились к остальным. Они не отвечали на его слова и стояли неподвижно. Выражение лиц скрывали густые бороды. Они ждали, не делая угрожающих жестов, но Корнуэлл знал, что этого можно ждать в любую минуту.

В шести футах от них он остановился и опустил руки.

— Мы вас искали. Мы принесли вам дар.

Они молчали. Выражение их глаз не менялось. Корнуэлл мимолетно подумал, поняли ли они хоть слово.

— Мы друзья, — сказал он.

Он стал ждать.

Наконец один из них произнес:

— Откуда нам это знать, что вы друзья? Может, вы демоны? Демоны принимают много обличий. Мы знаем демонов. Мы охотимся за ними.

Он указал на тушу на палке. Древние расступились, и Корнуэлл смог рассмотреть ее. Форма туши была человеческой, но кожа темная и почти синяя, длинный тонкий хвост, короткие рожки на лбу, и копыта на ногах.

— Мы его поймали, — сказал тот же древний. — Мы часто ловим их в ловушки. Этот маленький, молодой и глупый. Но мы ловим и старых.

Он облизал губы.

— Хорошая еда.

— Еда?

— Мы жарим их на огне и едим.

Он изобразил, как что-то кладет в рот и жует.

— Вы тоже любите есть?

— Да, — согласился Корнуэлл. — Но только не демонов и не людей.

— Людей мы ели давно, — сказал древний, — не теперь. Теперь только демонов. Люди все исчезли, больше некого есть. Зато много демонов. В старых сказках говорится о съедении людей, но люди не нужны, пока есть демоны. Это очень

нежная еда.

Он указал на тушу.

— Очень нежная, но очень мало. Маленький кусочек на каждого.

При мысли о том, какая нежная еда его ждет, он широко улыбнулся.

Корнуэлл чувствовал, как спадает напряжение. Древний оказался разговорчивым, и это был хороший знак. Не станет же он болтать с человеком, которого собирается убить. Корнуэлл быстро взглянул на лица остальных древних. Дружелюбия не было. Но не было и вражды.

— Вы уверены, что вы не демоны? — спросил древний.

— Уверены. Я человек. Все остальные мои друзья.

— Демоны хитры, — сказал древний. — Они ненавидят нас. Ведь мы их так много поймали. Они все делают, чтобы повредить нам. Вы говорите, что у вас есть дар для нас?

— Да.

Древний пожал плечами.

— Нам дар давать не надо, только Старейшине. Таков закон. Чтобы доказать, что вы не демоны, вы должны убить демона.

Он покачал головой.

— Да, мы с радостью убьем демона.

— Тогда идите с нами.

— С радостью.

— Мы осмотрим еще одну ловушку. Вы убьете демона, которого мы там найдем. Тогда мы будем знать, что вы не демоны. Демоны не убивают демонов.

— А если там не будет демона?

— Будет. Мы оставили там хорошую приманку. Ни один демон не пройдет мимо. Это особая приманка. Демон будет. Идемте. Вы убиваете демона, и мы идем домой. Хорошая еда. Еда и танцы. Вы отдадите дар Старику. Мы будем сидеть и разговаривать. Вы будете говорить нам, мы будем говорить вам, мы хорошо проведем время.

— Мне это нравится, — сказал Корнуэлл.

Остальные древние заулыбались. Двое, которые несли тушу, подняли палку. Демон свисал с нее, его хвост волочился по земле.

— Все в порядке. Мы идем с ними.

Его спутники быстро присоединись к нему. Разговорчивый древний остался с Корнуэллом, а остальные уже двинулись на север.

— Что происходит? — спросил Хол.

— Они приглашают нас с собой. Они охотятся на демонов.

— Вы имеете в виду ту штуку, которую они несут?

Корнуэлл кивнул.

— Надо осмотреть еще одну ловушку. Они хотят, чтобы мы убили демона и доказали этим, что мы не демоны.

— Это ничего не докажет, — заметил Снивли. — Люди убивают людей. Почему бы демонам не убивать демонов?

— Может, древние имеют в виду что-нибудь другое? — спросил Оливер.

— Они подозревают, что мы демоны? — спросила Мери. — Но как это может быть? Ведь у нас нет рогов и хвостов?

— Они говорят, что демоны могут изменять свою внешность.

Корнуэлл, обращаясь к древнему, сказал:

— Мои друзья не умеют говорить на вашем языке. Они сказали мне, что счастливы идти с вами.

— Скажи им, — заявил древний, — что вечером мы съедим большого демона.

— Скажу, — пообещал Корнуэлл.

Мери протянула Корнуэллу его меч, но прежде, чем он его взял, древний сказал:

— Нужно торопиться, остальные уже далеко. Если мы не будем с ними, они могут сами убить

демона, а его должны убить вы.

— Я знаю, что мы должны это сделать, — сказал Корнуэлл.

Затем он обратился к своим спутникам:

— Идемте, нельзя задерживаться.

— Когда я смогу отдать им топор? — спросил Джиб.

Он торопливо шел рядом с Корнуэллом.

— Позже. Вы должны отдать его старейшине племени. Племенной закон, вероятно. Предстоит важное событие: большой пир и танцы.

— Пир? — спросил Снивли.

Он с подозрением стал разглядывать демона.

— Если на пиру будут подавать этого, то я не съем ни кусочка. Умру с голода, но не съем.

Древний быстро шел впереди.

— Надеюсь там большой и жирный демон, — сказал он. — Этот маленький и костлявый, а нам нужен большой и жирный.

Они пересекли хребет и теперь спускались в крутое ущелье. Охотничий отряд двигался намного впереди. Ущелье резко поворачивало, и когда охотники скрылись за поворотом, послышался громкий крик. Путники торопливо обогнули поворот. Впереди охотники прыгали, размахивали копьями и кричали.

— Подождите! — закричал древний. — Не убивайте его! Подождите нас!

Услышав его крик, охотники замолчали, но кто-то другой продолжал кричать:

— Выпустите меня отсюда, черт побери! Что это вы задумали? Банда грязных дикарей…

Корнуэлл пробился сквозь толпу охотников и резко остановился.

— Это не демон, — сказал Джиб. — Это наш старый друг Джоунз.

— Джоунз! — крикнул Корнуэлл. — Что вы здесь делаете? Что с вами случилось? И как вы сюда попали?

Джоунз стоял в центе небольшой поляны, на которой рос большой дуб. Широкие свисающие полосы образовали яркий треугольник между тремя металлическими столбиками, поставленными так, что они занимали всю поляну. Джоунз стоял возле одной из полос. В руке у него было какое-то устройство из металла и дерева. В центре поляны к стволу дуба прижалась обнаженная девушка. Она не казалась испуганной.

— Слава богу, это вы, — сказал Джоунз. — Откуда вы взялись? Похоже, что вы прошли через Сожженную равнину. Никогда бы не подумал, что вы это сможете сделать. Я собирался вас разыс-

кивать, но мой велосипед сломался. Выпустите меня отсюда.

Он взмахнул своим странным приспособлением.

— Жаль было бы убивать всех этих бедняг.

Древний возбужденно подпрыгивал.

— Ты можешь разговаривать с ним! — вопил он. — Ты можешь разговаривать с демоном!

— Он не демон, — сказал Корнуэлл. — Он такой же, как и мы. Освободите его.

Древний быстро попятился.

— Демон! — заорал он. — Вы все демоны!

Рука Корнуэлла легла на рукоять меча.

— Стойте на месте! — крикнул он.

Он неуклюже достал меч. Оглянувшись, он увидел, что остальные древние подняли копья и осторожно приближаются к ним.

— Держите их! — крикнул Джоунз.

Тут же послышался громкий треск. Клубы пыли и комья вырванной земли прочертили перед охотниками линию. Конец Джоунзова приспособления покраснел, послышался запах горелого.

Охотники замерли. Они стояли, окаменев, по-прежнему подняв копья.

— В следующий раз, — спокойно сказал Джоунз, — я выжгу вам кишки.

Древний, который было попятился, остановился. Очарованно глядя на меч в руке Корнуэлла, он медленно опустился на колени.

— Бросайте копья! — крикнул Корнуэлл.

Охотники бросили оружие.

— Следите за ними, Хол, — сказал Корнуэлл. — Если они двинутся.

— Нам всем надо отойти в сторону, — заметил Хол. — У Джоунза какое-то оружие, и ему нужно поле действия.

Древний, опустившийся на колени, теперь полз по земле и стонал. Корнуэлл, по-прежнему с мечом в руке, подошел к нему и рывком поднял на ноги. Тот пошатнулся.

— Как тебя зовут? — спросил Корнуэлл.

Тот попытался ответить, но зубы у него стучали, и он не смог говорить.

— Говори, как тебя зовут?

— Сверкающее лезвие, — сказал древний. — Есть сказание о Сверкающем лезвии.

Он с испугом смотрел на обнаженный меч Корнуэлла.

— Хорошо, — сказал Корнуэлл, — значит, это Сверкающее лезвие. А теперь скажи мне свое имя. Мне кажется, мы должны знать имена друг друга.

— Заломанный Медведь, — сказал древний.

— Заломанный Медведь? А меня зовут Корнуэлл. Повтори его.

— Корнуэлл, — повторил Заломанный Медведь.

— Выпустите меня отсюда, — повторил Джоунз.

Жестянка подошел к сверкающей ограде и ухватился щупальцами за один из столбов. По его щупальцам пробежали искры, сверкающие полосы задрожали. С видимым усилием Жестянка вытащил столбик и отбросил его в сторону. Сверкающие полосы исчезли.

— Ничего бы не имел против, — сказал Корнуэлл, — но лучше этого не делать. Мы хотим быть с ними в дружбе.

Джоунз подошел к Корнуэллу, осторожно держа свое оружие. Он протянул руку и Корнуэлл пожал ее.

— Что он бормотал? — спросил Джоунз, указывая на Заломанного Медведя. — Я не понял ни слова.

— Я говорил с ним на языке древних.

— Значит, это и есть ваши древние? Черт возьми, это самые настоящие неандертальцы. Хотя должен признать, что ловушка у них хитрая и

наживка подходящая. Эта девушка, неплохая на вид и голая как новорожденная, была привязана к дереву и кричала, а поблизости бродили волки, и я…

— Неандр… что?

— Неандертальцы. Первобытные люди. В моем мире их нет. Они вымерли свыше тридцати тысяч лет назад.

— Но вы говорили, что наши миры раскололись не так давно.

— Не знаю. Я вообще ничего не знаю. Мне раньше казалось, что я кое-что понимаю, а теперь я понимаю все меньше и меньше.

— Вы говорили, что собирались искать нас. Откуда вы знали, где нас искать и что с нами случилось? Мы были в вашем лагере, но вы исчезли из него.

— Ну, вы говорили о древних, и у меня сложилось впечатление, что вы обязательно постараетесь их найти. Я знал, что для этого вам обязательно придется пересечь Сожженную равнину. Я решил опередить вас. Вы также говорили об университете…

— Значит вы отправились на поиски университета?

— Да. И я нашел его. Погодите, я расскажу

вам…

— Но если вы нашли его…

— Корнуэлл, будьте разумным. Там есть все: рукописи, книги. Но очень странный язык, на котором все это написано. Я не прочел ни слова.

— И вы подумали, что я смогу сделать это для вас. Но…

— Какая разница, Корнуэлл? Да, наши два мира разъединены и мы принадлежим каждый своему. Ну и что? Мы можем вести себя разумно? Вы делаете кое-что для меня, а я для вас, и это заставляет мир вращаться.

— Мне кажется, что нам лучше двинуться, — вмешался Хол. — Туземцы слишком возбуждены.

— Они все еще не убеждены в том, что мы не демоны, — сказал Корнуэлл. — Придется проглотить немного мяса демона, чтобы доказать им, что это не так. Если им в голову западет глупая мысль, что мы…

Он повернулся к Заломанному Медведю.

— Идем. Мы друзья. Мы будем есть и танцевать. Мы будем разговаривать. Мы будем как братья.

Заломанный Медведь продолжал вопить:

— Сверкающее лезвие!

— О, боже, — сказал Корнуэлл, — да он просто помешан на этом лезвии. Какой-то древний миф,

столетиями пересказываемый у костра. Хорошо, я уберу его.

Он сунул меч в ножны, потом сказал:

— Пойдем, забирайте вашу приманку.

— Хорошо, что у нас есть еще кое-что, кроме этого демона, — сказал Заломанный Медведь, — иначе бы случился голодный пир. Но дома нас ждет медведь, олень, лось. Мяса много. Мы съедим его.

Корнуэлл обнял его рукой за плечи.

— Это хорошо. Наши лица будут измазаны в жире. Мы будем есть, пока сможем.

Заломанный Медведь улыбнулся.

— Вы не демоны, вы боги Сверкающего лезвия. Костры вечером поднимутся высоко и все будут счастливы, потому что к нам пришли боги.

— Разговор у вас идет о пире? — спросил Джоунз. — Смотрите туда, вниз по холму. Запах хорошей еды он чует за тысячу миль.

К ним навстречу спешил Сплетник. Лохмотья его развевались на ветру, посох громко стучал о камни. Ворон, сидевший у него на плече, выглядел еще более побитым молью. За Сплетником прихрамывала маленькая белая очкастая собачка.

Глава 34

Старейшина выглядел неважно. У него был только один глаз, и от пустой глазницы до шеи по щеке шел уродливый шрам.

Старейшина смотрел на Корнуэлла единственным блестевшим глазом. Коснувшись пальцами пустой глазницы, он провел ими по шраму. На руке не хватало трех пальцев, остались лишь большой и указательный.

— Рука к руке, — сказал он. — Я и он. Старый медведь был такой же злой, как и я. И после этой встречи уцелел только я, а не медведь. Он изувечил меня, но я уцелел. Мы его съели: притащили домой и зажарили. Ну и жесткое же было у него мясо. Трудно разжевать. Но я никогда не ел мяса слаще.

Он захихикал от своей шутки. Зубов у него не было.

— Сейчас бы я не смог его съесть.

Он указал на свой открытый рот.

— Зубы выпали. Ты знаешь, почему выпадают зубы?

— Нет, не знаю, — ответил Корнуэлл.

— Я теперь уже не тот, — продолжал старик. —

Суставы не гнутся. Осталась только одна добрая рука. Не стало глаза. Но эти парни не могут спорить со мной.

Он указал на группу древних, которые присели сзади, по обе стороны от него.

— Они знают, что я злобен и хитер. Я всегда был злобным и хитрым, иначе не прожил так долго. Я слышал, что ты бог, и что у тебя есть Сверкающее лезвие.

— Сверкающее лезвие у меня есть, — ответил Корнуэлл. — Но я не говорил, что я бог. Это Заломанный Медведь…

Старик презрительно фыркнул.

— Заломанный Медведь полон ветра, — сказал он.

Острым локтем он ударил Заломанного Медведя в ребро.

— Верно, Заломанный Медведь?

— Не больше тебя, заломанный человек, — ответил Заломанный Медведь. В тебе больше ветра, чем во всех нас. Ветер исходит из твоего рта.

— Он хочет занять мое место, — сказал старейшина, — но не займет. Я задушу его одной рукой, хорошей рукой, а не плохой. Я позабочусь, чтобы это была хорошая рука.

Он беззубо захихикал.

— Ты говоришь о хорошей битве, — заявил Медведь, — но даже встать на ноги ты сам не можешь. Тебе должен кто-то помогать.

— О чем это они бормочут? — поинтересовался Джоунз.

— Он хвастается своей силой, — сказал Корнуэлл.

Поблизости на каменном выступе, отходившем от пещеры, горели три больших костра. Над кострами были расположены решетки из сырого дерева, на которых жарилось мясо. Царила страшная суматоха: бегали женщины, возбужденные сознанием важности момента, путались под ногами дети, крутились собаки, следя за ногами, готовыми их пнуть, и в то же время не сводили глаз с аппетитных туш.

Енот, устроившись между Холом и Мери, выглянул и посмотрел на собак. Мери прижала его к себе.

— Сиди спокойно, — сказала она. — Я знаю, что ты стоишь десятка их, но их здесь слишком много.

Хол улыбнулся.

— Вы когда-нибудь видели, как он дерется? Загоните его в угол, и он покажет, на что способен. Им даже не удастся коснуться его зубами.

— Тем не менее, пусть он останется здесь, — ответила Мери. — Ему нечего доказывать. Может, он и справится с теми, что первыми бросятся на него, но, как я уже говорила, их слишком много.

Джиб кивнул в сторону Старейшины.

— Пора бы уже, — заметил Джоунз, — перейти к вручению топора. Заломанный Медведь должен был сказать о даре, так что он знает о нем. Но есть определенный порядок, так сказать, племенной протокол, и очень строгий протокол. Он не должен нарушаться. Старейшина должен беречь свое достоинство.

Заговорил старейшина:

— Вы долго шли. Вы пришли из неведомых земель, пересекли Сожженную равнину, опередили церберов. Но как вы миновали Замок Зверя Хаоса?

— Мы не опередили церберов, — ответил Корнуэлл. — Церберы бежали от нас. Мы останавливались в замке, но он теперь груда развалин. Зверь Хаоса мертв.

Старейшина поднес руку ко рту, выражая этим свое изумление.

— Должно быть, вы на самом деле боги. И тот, кто пришел с вами, тот, кто ходит на трех ногах…

— Он тоже волшебный, как мое Сверкающее лезвие.

— А рог, который несет женщина? Он тоже волшебный? Это рог единорога?

— Ты знаешь о единорогах? Есть ли здесь единороги?

— В Месте Знаний есть единороги.

Он указал рукой во тьму.

— За горами. Люди туда не ходят. Место охраняется теми, Кто Размышляют В Горах.

Корнуэлл повернулся к Джоунзу.

— Он говорит о Месте Знаний. Должно быть, так он называет университет. Он говорит, что дорога к нему охраняется Теми, Кто Размышляют В Горах. Заметьте — не Тот, Кто Размышляет В Горах.

Джоунз кивнул.

— Несомненно, он прав. Он тут живет, ему лучше знать. Нам нужно пересечь тот хребет. Я знаю, я переходил через него, когда шел из университета.

— А вы не видели Тех, Кто Размышляет В Горах?

— Ни одного. Но ведь я ехал на мотоцикле, а он, как вы могли заметить, производит дьявольский шум. Может, я их этим распугал. К тому же, я

двигался в противоположном направлении. От университета, а не к нему. Но я хочу кое о чем с вами поговорить. Этот ваш робот…

— А что такое робот?

— Металлический человек, который пришел с вами.

— Позже. Поговорим об этом позже.

Корнуэлл снова повернулся к старейшине.

— Насчет Места Знаний. Сможем ли мы туда пройти?

— Это значит идти на смерть!

— Но ведь были другие, которые прошли туда несколько лет назад. Мужчина и женщина.

— Они были совсем другие, — сказал старейшина.

— Что значит другие?

— Они шли в мире. Они шли туда рука об руку. У них не было оружия, а была лишь одна доброта.

— Они останавливались здесь? Ты их видел?

— Они немного пробыли с нами. Они не могли разговаривать с нами, но это им и не было нужно. Мы знали, что в них одна лишь доброта.

— Вы пробовали предупредить их?

— В этом не было нужды. Они могли без опаски идти туда куда пожелают. Им никто не мог повредить.

Корнуэлл негромко сказал Мери:

— Он говорит, что здесь были твои родители, а потом они ушли к университету. Он утверждает, что они были в безопасности, так как им никто не мог повредить.

— Если кто-то смог пройти, значит, и мы сможем, — сказал Джоунз.

— Нет, — ответил Корнуэлл. — Родители Мери — совсем особые люди. Я не очень понимаю…

— Заломанный Медведь, — вмешался старейшина, — сказал мне, что вы кое-что принесли для нас.

— Верно, — сказал Корнуэлл. — Но это не подарок, и не от нас. Это принадлежит вам.

Он кивнул Джибу и сказал:

— Отдайте ему топор.

Джиб протянул старейшине сверток. Тот схватил его одной рукой, положил на землю перед собой. Развернув сверток, он замер, глядя на топор. Наконец он поднял голову и внимательно взглянул на Корнуэлла своим единственным блестящим глазом.

— Вы смеетесь над нами, — сказал он.

— Смеемся? — воскликнул Корнуэлл. — Все что мы делаем…

— Слушай меня внимательно, — перебил его

старейшина.

— Что происходит? — спросил Джиб. — Я что-то неправильно сделал?

— В преданиях рассказывается, — начал старейшина, — что этот топор был отдан нами в знак дружбы одному человеку из другого места, который встречался с нами. Вы принесли его назад, и дружба кончилась.

— Ничего этого я не знаю, — сказал Корнуэлл.

Старейшина закричал на него.

— Наша голова в пыли. Наш дар бросили нам в лицо. Дружбы больше нет.

Он вскочил и пнул топор. Остальные древние схватились за оружие.

Корнуэлл тоже вскочил, доставая меч. За ним послышался щелчок.

— Я смету их, — сказал Джоунз. — Встаньте-ка в сторону.

— Еще нет, — сказал Корнуэлл, — быть может, мы еще уговорим их.

— Уговорить дьявола, — с отвращением сказал Джоунз.

— Мы не боимся богов, — сказал старейшина. — Мы не позволим, чтобы боги смеялись над нами. Умрем, но не позволим.

— Мы не смеемся над вами, — объявил Кор-

нуэлл, — но если ты хочешь умереть, то сейчас самое время.

Старейшина шагнул вперед и поднял руку, как бы предупреждая невидимого врага. И вдруг что-то пронзило его грудь, и кровь побежала по его животу. Корнуэлл, изумленный, отступил, давая ему возможность упасть. Когда старейшина упал, стало видно, что из его спины торчит копье. Позади него стоял Заломанный Медведь с пустыми руками.

— Старый мешок с ветром мертв, — сказал он. — Теперь мы можем поговорить.

Наступила мертвая тишина. Женщины прекратили болтовню, дети перестали бегать, собаки мгновенно улизнули. Мужчины, стоявшие рядом со Заломанным Медведем, ничего не говорили. Они стояли неподвижно, с напряженными лицами, подняв копья.

Заломанный Медведь кивнул в сторону вождя.

— Из-за него были бы убиты, — сказал он уверено, — некоторые из нас и вы все. Вы ведь этого не хотели?

— Не хотели, — сказал Корнуэлл.

— Я по-прежнему не знаю, боги вы или демоны, — продолжал Заломанный Медведь. — Мне иногда кажется так, а иногда по-другому. Но

одно я знаю точно, — я не хочу, чтобы вы здесь оставались.

— Мы с радостью уйдем.

— Но сначала сторгуемся о ваших жизнях.

— Не думаю, чтобы стоило об этом торговаться. Я поправлю тебя, друг мой: не некоторые из вас умрут, а большинство. И ты будешь первым.

— Мы не станем жадничать, — сказал Заломанный Медведь. — Нам нужна только дымящаяся палка.

— Что происходит? — спросил Джоунз.

— Ему нужна дымящаяся палка, он имеет в виду ваше оружие.

— Оно не принесет этому дураку добра. Он, вероятно, просто застрелит себя. Нужно знать, как им пользоваться. Я не отдам его.

— Он говорит, что им опасно пользоваться, — сказал Корнуэлл. — Это сильное волшебство и повинуется не каждому. Только великий колдун может владеть им.

— Мы хотим его, — настаивал Заломанный медведь, — и рог, который несет женщина, и Сверкающее лезвие.

— Нет, — сказал Корнуэлл.

— Будем говорить мудро, — сказал Заломанный Медведь. — Вы даете нам палку, рог и лезвие. Мы

даем вам ваши жизни.

Он ткнул пальцем в сторону убитого старейшины.

— Это лучше, чем то, что предлагал он.

— Вы торгуетесь с этим мерзавцем? — возмутился Джоунз.

Корнуэлл рукой отвел руку Джоунза.

— Они окружили нас, — констатировал Хол. — Мы в самой середине. Даже женщины и дети подхватили дубины и камни.

Кто-то сзади грубо отбросил Корнуэлла в сторону.

— Эй, что происходит? — воскликнул Джоунз.

Веревкообразное щупальце вырвало меч у Корнуэлла.

— Что ты делаешь, Жестянка? — воскликнул Корнуэлл.

Другое щупальце обвилось вокруг его груди и толкнуло на землю. Когда он встал, то увидел множество других щупальцев. Казалось, что весь воздух был заполнен ими. Они протянулись к толпе древних и выхватили из их рук копья.

— Что происходит? — кричал Джоунз. — Жестянка отобрал все оружие.

— Жестянка! — взревел Корнуэлл. — Какого дьявола…

Мужчины-охотники были прижаты к стене, женщины и дети с дикими криками разбегались, выли собаки с поджатыми хвостами. Жестянка швырял отобранное оружие в пропасть. Он также подбирал дубины и камни, брошенные женщинами и детьми, и тоже швырял их в пропасть.

— Он сошел с ума, — крикнула Мери. — Он даже рог у меня отобрал.

— Если он повредил оружие, то я его разберу на части.

Жестянка, действующий щупальцами, напоминал паука, ткущего паутину. Щупальца выступали, казалось, из каждого отверстия на его теле.

Расправившись с оружием, щупальца стали подталкивать путников туда, где от пещеры отходила тропа.

— Это правильная мысль, — сказал Джиб. — Пойдемте отсюда.

Снизу доносился плач и вой. Должно быть в темноте некоторые женщины и дети свалились с уступа. Древние, жавшиеся к стене, видя, что они уходят, двинулись вперед, но очень осторожно.

Когда путники добрались до тропы, Жестянка вернул Мери рог, Джибу топор, Холу — лук, а Корнуэллу — меч. И только ружье Джоунза от

отбросил далеко в сторону.

— Черт тебя побери, — вскричал Джоунз. — Я просверлю тебя насквозь.

— Пошли отсюда, — сказал Корнуэлл. — Он знает, что делает.

Когда они проходили мимо костров, щупальца Жестянки обвились вокруг туши медведя, целиком жарившейся на одном из них и поднял его в воздух. Капли жира упали на лицо Корнуэлла.

— Ужин у нас есть, — сказал Оливер.

— И нам не придется есть мясо демона, — с облегчением вздохнул Снивли.

Глава 35

— Здесь мы в безопасности, — сказал Хол. — Они не пойдут за нами в темноте. К тому же, они боятся этого хребта.

— Вы уверены, что они говорили об этом месте? — спросил Корнуэлл у Джоунза.

Тот кивнул.

— Именно тут я шел по дороге из университета. Я, должно быть, прошел рядом с лагерем древних, даже не заметив его. А теперь расскажите мне о вашем роботе. Ух, если бы у меня только был молот, я с удовольствием разбил бы его на части. Хотя, признаюсь, он весьма эффектно вывел нас из затруднительного положения. Хотелось бы только, чтобы он предупреждал об этом заранее.

— Он не мог предупредить нас, — ответил Хол. — Он не умеет говорить.

— Такое хорошее ружье, — плакался Джоунз. — Почему он так сделал, как вы думаете?

— Не знаю, — ответил Корнуэлл. — Он с нами недавно. Нужно знать его годы, наверное, чтобы его понимать. Очевидно, он решил, что нельзя возвращать вам в руки ружье. Не могу с ним, конечно, в этом согласиться, но, должно быть, у

него были для этого основания.

— Может быть потому, что эта штука, которую вы зовете ружьем, не нашего мира, — вступил Оливер, — может быть, он почувствовал, что она не имеет права находиться здесь. Есть слово для таких вещей. Кажется, анахронизм.

— Хотя я очень о нем сожалею, — сказал Джоунз, — мне все же не хочется возвращаться за ним. Я не хочу снова встречаться с древними. К тому же, оно, вероятно, сломано. Этот ваш Железка швырнул его с такой силой, что оно, ударившись, даже подпрыгнуло.

Пройдя еще несколько миль при свете ущербной луны, они наконец остановились на привал под прикрытием каменной стены. Путники развели костер, потом поужинали медведем, и лишь после этого начали разговор.

— Я умру от желания узнать, что с вами было, — сказал Джоунз.

Прислонившись к камню, Корнуэлл с помощью остальных, а особенно Снивли, рассказал, что с ними произошло после Ведьминого Дома.

— Огненные кольца, — сказал Джоунз. — Весьма интересно. Похоже на летающие блюдца, которые поражали воображение моего мира. Вы говорите, что они разрушили замок?

— Совершенно верно, — ответил Корнуэлл. — Они снесли замок с лица земли.

— После смерти Зверя Хаоса?

— Мы знаем, что он умер до нашего прихода, — сказал Хол. — У нас была возможность убедиться в этом. Но мы не знаем точно, почему появились огненные кольца. Скорее всего, цель их нападения — Жестянка. Вероятно, они рассчитывали уничтожить замок в момент его выхода из склепа. Но мы помогли Жестянке сделать это на несколько часов раньше.

— Зверь Хаоса, должно быть, знал об опасности, — сказал Джоунз. Именно поэтому он и приказал жителям замка вытащить Жестянку сразу после своей смерти.

— Жестянка, видимо, тоже знал об опасности, — сказал Джиб. — Он настаивал на том, чтобы мы покинули замок.

— Вы успели уже изучить этого робота? — спросил Джоунз. — У вас есть уже какие-нибудь данные?

Корнуэлл нахмурился.

— Если под данными вы имеете в виду факты и наблюдения, тщательно отобранные и рассклассифицированные, то нет. Ваш мир, вероятно, больше нашего интересуется данными. Мы же

знаем о нем немногое: сделан он как будто из металла, глаз у него нет, но, тем не менее, он видит. Он ничего не ест и не говорит, но все же, мне кажется…

— Он предупредил нас, чтобы мы бежали из замка, — сказал Джиб. — А когда мы пересекали Сожженную равнину, он превратился в носильщика и нес намного больше, чем составляла его доля. Он разрушил магию ловушки для демонов, а сегодня вытащил нас из затруднений, которые могли стоить нам жизни.

— И он играет с Енотом, — сказала Мери. — Енот любит его. Мне кажется, мы не должны так говорить о нем, когда он стоит рядом. Он, возможно, понимает, о чем мы говорим, и это его обижает.

Жестянка не выглядел обиженным. Он стоял по другую сторону костра. Все щупальца его были втянуты, за исключением одного. Это щупальце выступало наполовину и было сложено на том, что можно было принять за грудь.

— Любопытные у него щупальца, — сказал Оливер. — Может, то, как он сложил это щупальце, имеет какое-то значение?

— Просто ритуал, — предположил Снивли. — Бессмысленный ритуальный жест.

Джоунз посмотрел, щурясь, в небо.

— Я думаю, он не с Земли. И Зверь Хаоса тоже не с Земли, так же, как и огненные кольца. Здесь мы имеем дело с чуждыми существами из глубин космоса. Все они прилетели с далеких звезд.

— Как это может быть? — спросил Корнуэлл. — Ведь звезды — это небесные огни, зажженные по божьей милости. Из волшебного мира, может быть из какого-то места, запретного для нас, но не со звезд.

— Я отказываюсь обсуждать с вами открытия астрономов моего мира, холодно сказал Джоунз. — Это напрасная трата времени. Вы слепы ко всему, кроме магии. Достаточно встретится с чем-то непонятным и тут же выскакивает эта все объясняющая концепция.

— В таком случае, не будем обсуждать это вообще, — успокаивающе сказала Мери, — мы вам рассказали о себе, почему вы теперь нам не расскажете о себе? У Ведьминого Дома мы пошли искать вас, чтобы узнать, не присоединитесь ли вы к нам в походе через Сожженную равнину, но вас уже не было.

— Виноват Корнуэлл, — сказал Джоунз. — Он намекнул мне на существование университета. Он не особенно подчеркивал это, но на самом деле он был очень заинтересован. И хотя он это-

го не говорил, я решил, что его истинная цель — университет. И решил опередить его.

— Но откуда вы узнали, где он расположен? — спросил Корнуэлл. — И как вы туда добрались?

— Я изучил карту, — ответил Джоунз, — и догадался.

— Но здесь нет никаких карт.

— В моем мире есть. Там нет таких названий как Сожженная равнина или Туманные горы, но рельеф тоже есть. В моем мире это обычная местность, населенная обычными людьми. Местность изучена, нанесена на карту. Она вся покрыта дорогами. Итак, я использовал машину, соединяющую миры, и вернулся в свой мир. Там я изучил карту, взял грузовик — это другая машина, погрузил на него машину, соединяющую миры, и добрался до того пункта, где по моим предположениям, должен быть университет. Если все это звучит для вас непонятно…

— Именно так, — сказал Снивли.

— Потом я вернулся в этот мир и увидел, что моя догадка подтвердилась. Я высадился всего лишь в нескольких милях от университета. Провел там несколько дней, нашел книги и документы. Но не смог их прочесть. Тогда я понял, что нуждаюсь в помощи, и вспомнил о вашем отряде, кото-

рый собирался пересечь Сожженную равнину. Я подумал, что Корнуэлл, с его годами занятий в Вайлусинге, сумеет прочесть эти книги. К тому же, возможно, вам тоже нужна была помощь.

— А университет? — спросил Корнуэлл. — Что он из себя представляет?

— Я никогда не видел ничего подобного. Это одно огромное здание, хотя издалека кажется, что там много зданий. Можно подумать, что оно построено феями. Это здание, сэр Марк, не иначе как создание вашей магии, похоже на пену и кружева и выглядит так, как будто рука человека к нему не прикасалась.

— Может, так оно и есть? — сказал Снивли.

— Вокруг ухоженные поля и сады, урожай с которых уже убран, полно свиней, кур и уток. Там достаточно скота и дичи, чтобы прокормить значительное население. Но я никого не видел, хотя иногда мне казалось, что за мной следят, что кто-то сопровождает меня. Они, кто бы это не были, прятались от меня.

— Мы были рады вашему рассказу, — сказал Снивли. — Конечно, он очень интересен, но вопрос в том, что нам теперь делать?

— Надо идти вперед, — сказал Корнуэлл. — Мы не можем возвратится через Сожженную равни-

ну: без лошадей мы не дойдем.

— К тому же, там церберы, — напомнил Джиб.

— Вы говорите, что мы не можем вернуться, — сказал Снивли. — Но это потому, что вам смертельно хочется увидеть университет. Но дело в том, что вы не должны его видеть. И никто из вас не должен. У вас есть ваши священные места, а у нас свои. И многие наши святыни осквернены. Университет — это одна из немногих оставшихся святынь, и он остался только потому, что знание о нем строго охранялось.

— Не знаю, как остальные, — сказала Мери, — а я пойду искать родителей. Родители прошли здесь и, если они еще живы, я намерена их найти.

— О ваших родителях, — сказал Джоунз, — я очень мало знаю. Я перерыл весь Ведьмин Дом в поисках свидетельств, но ничего не нашел. Я думаю, что если бы подвесить эту ведьму за пятки и развести под ней костер, то эти свидетельства нашлись бы очень быстро. Но на это мне не хватает пороху. В моем мире о них нет упоминаний, то есть о тех, кто, кроме меня, тоже побывал в вашем мире. Но судя по тому немногому, что я знаю, мне все же кажется, что они из моего мира. Может, они родились через несколько столетий

после меня? Я для передвижения использую металлическую конструкцию, а они — нет. Но, может, в будущем исследователи из моего мира смогут путешествовать без машин?

— В том, что Снивли сказал об университете, много правильного, — с глубокомысленным видом заявил Корнуэлл. — Нам не следовало бы вторгаться туда, куда нас не звали, но дело в том, что нам некуда идти. Я думаю, все согласны, что возвращаться назад мы не можем. И дело не только в церберах на Сожженной равнине. Есть еще и древние. Утром они подберут свои копья, и к ним вернутся отвага и храбрость. Но сомневаюсь, чтобы они пошли за нами через хребет. Они его искренне боятся. Но пытаться пройти мимо них для нас опасно. Мы можем только обещать Снивли, что будем держать рот на замке и не допускать осквернения святынь.

Снивли хмыкнул.

— Я бы не стал на это полагаться. Большинство людей при случае становятся болтунами. Но, видно, нам придется идти вперед. Я согласен, что мы не можем возвращаться тем путем, каким пришли.

— Все это с самого начала было опрометчиво и глупо, и я чувствую свою ответственность за

это, — сказал Корнуэлл.

— Вина главным образом на мне, — возразил Джиб. — Это я настаивал, что должен собственными руками отдать топор древним.

— Ничья это не вина, — сказала Мери. — Ну кто мог знать, что древние себя так поведут?

— Итак, мы идем вперед, — сказал Хол. — Интересно, что мы так обнаружим?

Где-то вдалеке завыл волк. Вслушиваясь в далекий вой, они ожидали ответного, но его не было. Костер горел слабо, и Хол подбросил в него дров. Выше по склону гулко треснула ветка, и все вскочили на ноги.

По склону спускалась оборванная фигура, опираясь на посох. Изъеденный молью, отчаянно цеплялся за плечо ворон, сзади прихрамывала белая собачка.

— Боже, — воскликнул Корнуэлл. — Это же Сплетник. Мы совсем забыли о нем.

— Он этого и добивался, — сказал Снивли. — Проскользнет в сознание и выскользнет из него. Такова его природа. Ты его сейчас видишь, а в следующее мгновение его уже нет. А когда ты его не видишь, то и не думаешь о нем. Его легко забываешь, потому что он хочет, чтобы о нем забывали. Скользкий тип.

— Эй, — закричал Джоунз, — где вы были? Куда вы исчезли?

— Если нос меня не обманывает, — сказал Сплетник, — тут есть доброе жаренное мясо. Отличное мясо. Я ужасно голоден.

— Вы вечно голодны, — сказал Джоунз.

Глава 36

К полудню они почти миновали хребет, когда в небе появилась первая точка, потом к ней присоединилась другая.

— Это всего лишь птицы, — сказал Джиб. — Мы становимся пионерами. Мы уже почти на месте, но древние внушили нам, что что-то обязательно должно было случиться. Вы говорите, мистер Джоунз, что мы уже почти перевалили через хребет?

Джоунз кивнул.

— Меня в этих точках беспокоит одно обстоятельство, — заметил Хол. Древние говорили о Тех, Кто Размышляет В Горах, а ведь птицы высиживают там яйца.

— Вы проходили через хребет? С вами что-нибудь случилось? Что-нибудь угрожало вам? Ведь ничего же не угрожало? — спросил Корнуэлл, обращаясь к Джоунзу.

— Я убежден, — ответил Джоунз, — что это лишь потому, что я шел в обратном направлении. Те, кто здесь скрываются, охраняют университет. Они не обращают внимание на уходящих.

Точек стало множество. Они кружились в

воздухе и постепенно снижались. Стены узкого ущелья круто взмывали вверх, закрывая солнце. Только в полдень оно могло осветить дно ущелья. Тут и там росли деревья, главным образом кедры, упрямо карабкаясь на стены, используя трещины и карманы земли на уступах. Зловеще выл ветер.

— Мне не нравится это место, — пожаловался Снивли. — У меня от него холодно внутри.

— А я совершенно безоружный, если не считать дубины, — пожаловался Джоунз. — Если бы только иметь ружье…

Робот стоял, не обращая внимания на слова Джоунза. Все его щупальца, кроме одного, были втянуты. Точки продолжали спускаться, и теперь стало ясно, что это большие птицы с огромным размахом крыльев.

— Если бы у меня был бинокль, то я бы рассмотрел их, — сказал Джоунз. — Но у меня, конечно, нет бинокля. Я убедил себя, что должен путешествовать налегке. Удивительно, что я вообще что-то захватил. Мне было достаточно ружья и мотовелосипеда, но теперь у меня нет ни того, ни другого.

— Я могу сказать, кто это, — сказал Хол.

— У вас острое зрение, мой друг?

— У него глаза лесного жителя, — сказал

Джиб. — Глаза охотника.

— Это гарпии, — сказал Хол.

— Это самые злобные существа в Диких Землях, — заявил Снивли. — Более того, они опаснее церберов. А мы на открытом месте.

Корнуэлл извлек меч.

— Вы уже хорошо овладели им, — небрежно заметил Хол. — Еще бы немного практики.

Гарпии пикировали, наполовину сложив крылья, вытянув вперед жестокие человекообразные головы, вооруженные смертоносными клювами.

Щелкнула тетива Хола. Одна из гарпий, прервав свое пикирование, перевернулась и, неуклюже растопырив крылья, полетела вниз. Снова щелчок тетивы, и вторая гарпия последовала за первой. Остальные путники, ожидая приближения гарпий, стояли наготове.

Сплетник, прижавшись спиной к стене, поднял свой посох. Маленькая хромая собачка скалилась у его ног, ворон громко кричал.

— Мне бы только добраться до них, — сказал Сплетник, — я поломаю их глупые шеи. Я ненавижу этих мерзких существ. Мне не следовало бы оставаться здесь, но я не могу уйти просто так. Я пировал с этой компанией не один раз, а мой Фидо подружился с их Енотом.

— Ложитесь на землю, — сказал Корнуэлл. — Прижмитесь ко мне, Мери, и оставайтесь со мной.

Снивли и Оливер торопливо собрали вокруг себя камни покрупнее и теперь стояли, сжимая их в руках.

Гарпии, изменив направление полета, повернулись в воздухе так, что теперь к путникам были обращены не клювастые головы, а массивные когти.

Корнуэлл взмахнул мечом и отсек лапы нападавшей гарпии. Тяжелое ее тело ударилось о землю и покатилось. Злобный клюв раненого чудовища нацелился было на ногу Хола, но промахнулся.

Стоявший рядом со Сплетником Жестянка превратился в центр бьющейся сети щупалец. Он хватал щупальцами гарпий и швырял их на скалы.

Джоунз, размахивая дубиной, сбил двух нападавших гарпий. Но третья сумела пробиться и вцепилась одной лапой ему в руку, а другой нацеливалась ему в лицо. Хол, услышав крик Джоунза, повернулся и послал стрелу в тело чудовища. Гарпия и Джоунз тяжело упали. Джоунз высвободился и дубиной добил гарпию. Его

окровавленная левая рука бессильно повисла. Сплетник отбивал нападение посохом, ворон торжествующе кричал. Оливер и Снивли продолжали швырять камни. Джиб топором сшиб двух гарпий, а Корнуэлл размахивал мечом, сбивая их одну за другой. С полдюжины гарпий прыгали или лежали на дне ущелья. Воздух был полон перьев.

Одна из гарпий вцепилась в пояс гнома и начала подниматься с ним в воздух. Снивли в ужасе закричал, и Хол, увидев, что происходит, пронзил чудовище стрелой. Гарпия, не выпуская Снивли, тяжело упала.

Строй гарпий сломался, и внезапно все они, мощно работая крыльями, поднялись в небо — перестроиться для атаки.

Корнуэлл опустил меч. У его ног, скорчившись, лежала невредимая Мери. Снивли, выкрикивая проклятья, высвобождался из когтей мертвой гарпии. Хол опустил лук и глядел вслед отступающим гарпиям.

— Они вернутся, — сказал он. — Им нужно лишь перестроиться. А у меня осталось только три стрелы. Конечно, можно извлечь несколько из тел гарпий, но на это потребуется время.

Снивли, разгоряченный, подошел хромая к

Холу.

— Ваша стрела чуть не проткнула меня. Я ощутил ветер, когда она пролетала мимо меня.

— Вы предпочли бы, чтобы гарпия утащила вас? — спросил Хол.

— Нужно быть осторожнее! — воскликнул обидчиво Снивли.

Корнуэлл спросил Джоунза:

— Вы тяжело ранены?

— Глубокий порез на руке. Боюсь, что попала инфекция.

Затем он сказал, обращаясь к Холу:

— Благодарю за выстрел.

— В следующий раз нам придется хуже, — заметил Корнуэлл. — Тут нам просто повезло. Думаю, что наше сопротивление удивило их.

Ущелье затянулось густой тенью, солнце больше не освещало его дно, а лишь верхние края стен.

— Есть один способ получить помощь, — сказал Сплетник. — Я не уверен, что он подействует, но попробовать можно.

Жестянка неподвижно стоял на месте, втянув щупальца, за исключением одного, которое было сложено у него на груди. Сплетник протянул посох и коснулся этого щупальца, одновременно

вытянув другую руку.

— Дай это мне, пожалуйста, — сказал он, — может, именно эта вещь спасет нас.

Жестянка шевельнулся и развернул щупальце. Тут все увидели, что он держит ручной топор древних.

— Он очистил всю пещеру древних от дубин и корней, — предположил Джиб. — Тогда-то он и подобрал его.

Жестянка протянул топор Сплетнику.

Сплетник начал петь дикую, но мелодичную песню, одновременно высоко подбрасывая топор. Звуки песни отражались от стен ущелья, и вскоре все пространство заполнилось множеством голосов. Пение продолжалось, и тени все углублялись и в этой тени вдруг что-то зашевелилось и послышался топот множества ног.

Мери закричала. Корнуэлл поднял меч, но потом медленно опустил его.

— Боже, спаси нас, — прошептал он.

Их было сотни, но что это такое — огромного роста грубые мускулистые люди, большей частью обнаженные, но некоторые с поясами на бедрах? Ноги их не распрямлялись, и они шли полусогнувшись. Они несли грубые каменные топоры, глаза их сверкали во тьме.

Высоко в небе гарпии прекратили выписывать спирали и начали пикировать. Они неслись к земле, и Корнуэлл понял, что в этот раз их не остановить. Он обнял Мери свободной рукой и прижал к себе.

Свирепые крики заглушили пение Сплетника. Мускулистые люди просто кричали и потрясали копьями навстречу гарпиям. Теневые люди придвинулись ближе, казалось, все ущелье заполнилось ими.

Гарпии ринулись вниз меж узких стен, но вдруг их нападение прервалось. Они забили в воздухе крыльями, чтобы остановить падение, сталкиваясь друг с другом.

Сплетник прекратил петь и громким голосом крикнул:

— Берегите, спасайте свои жизни!

Корнуэлл подтолкнул Мери:

— Иди за мной, не отставай. Я пойду первым.

Он опустил голову и шагнул вперед, ожидая встретить сопротивление теснившихся тел. Но сопротивления ее было. Он двигался сквозь мускулистых людей, как будто их и не было. Перед ним оступился и упал Джоунз. Ударившись раненой рукой, он вскрикнул. Корнуэлл наклонился, подхватил его и взвалил себе на плечи. Теперь

все остальные, включая Мери, шли перед ним, проходя сквозь толпу мускулистых людей. Они вырвались из узкого ущелья под залитое солнцем небо.

Впереди ущелье кончалось и начиналась равнина. Мускулистые люди исчезли. Корнуэлл обогнал Сплетника, который торопился изо всех сил, кряхтя от усилий. Перед Сплетником бежала, прихрамывая, собака, а рядом с ней Енот.

Вырвавшись из ущелья, они замедлили скорость. Перед ними на небольшой равнине, окруженной со всех сторон горами, возвышалось причудливое здание. Как и говорил Джоунз, оно казалось построенным из пены и кружев, но даже в своей неестественности оно производило грандиозное впечатление.

— Опустите меня, — сказал Джоунз. — Спасибо за все. — Он указал на раненую руку. — Проклятая, вся в огне и гудит, как колокол.

Он пошел в ногу с Корнуэллом.

— Моя машина впереди, можете увидеть ее там, справа. У меня там есть шприц. О, дьявол, не просите меня объяснять, что такое шприц. Это такая волшебная игла. Вы можете посмотреть на нее, а заодно и помочь мне с ней. Я покажу, как именно.

На лугу, между ними и прекрасным зданием, двигалась толпа существ. Они были еще далеко, чтобы можно было разглядеть подробности. Видно было только, что одно из них выше остальных.

— Будь я проклят! — сказал Джоунз. — Когда здесь бродил я, никто не вышел мне навстречу, а теперь только поглядите на эту делегацию.

Впереди всех с криками радости бежала крошечная фигура; выражая свой восторг, она кувыркалась.

— Мери! — вопила она.

— Да ведь это Скрипичные Пальцы! — удивленно воскликнула Мери. — А я все гадала, куда подевался этот маленький мошенник.

— Это тот, который с тобой делал пироги из грязи? — спросил Корнуэлл.

— Он самый, — ответила Мери.

Она наклонилась, и малыш с криком радости бросился ей в объятия.

— Мне сказали, что ты меня ищешь, — кричал он радостно, — но я не мог поверить.

Он освободился и попятился, чтобы взглянуть на нее.

— Ты выросла, — обвиняюще сказал он. — А я все такой же.

— Я спрашивала о тебе в Ведьмином Доме, и мне сказали, что ты исчез.

— Я здесь уже много лет, — сказал маленький домовой. — Мне столько нужно показать тебе.

Тем временем остальная группа приблизилась настолько, что можно было разглядеть их всех. В остальном это был маленький народец — танцующие и подпрыгивающие домовые, тролли, эльфы и феи. Среди них двигалась человекоподобная фигура, одетая в длинное черное платье с черным капюшоном, надвинутым на голову и лицо. Казалось, что у этого существа совсем нет лица. Да и вся фигура его была покрыта какой-то дымкой, каким-то туманом, скрывающим его очертания.

Подойдя ближе, фигура остановилась, и произнесла таким же мрачным голосом, как и ее одежда:

— Я Сторож. Добро пожаловать. У вас, наверное, были неприятности с гарпиями, иногда они слишком агрессивны.

— Неприятности были, но не очень значительные, — сказал Корнуэлл. Мы им слегка всыпали.

— Мы не очень следим за ними, — сказал Сторож, — потому что у нас редко бывают посетители. Мне кажется, моя дорогая, — продолжал

он, обращаясь к Мери, — что это ваши родители жили здесь много лет назад. С тех пор у нас не было гостей.

— Я был здесь несколько дней назад, — заявил Джоунз. — Но вы не обратили на меня внимания, вы даже постарались сделать вид, что это место покинуто.

— Мы заметили вас, сэр, — проговорил Сторож, — но прежде, чем показаться, мы хотели выяснить, кто вы такой, а вы ушли несколько торопливо…

Мери прервала его:

— Вы говорите, что они были здесь, мои родители? Значит, их здесь больше нет?

— Они ушли в другое место, — ответил ей Сторож. — Немного позже я вам расскажу об этом и о многом другом. А теперь пора за стол.

— Услышав ваши слова, — сказал уверенным тоном Сплетник. — Я вспомнил, что ужасно голоден.

Глава 37

Сторож сидел во главе стола, и теперь стало очевидно, что у него действительно нет лица. На том месте под капюшоном, где должно было находиться лицо, виднелось нечто туманное, в котором изредка мерцали две искорки вместо глаз.

Сторож ничего не ел. Он просто сидел и разговаривал, расспрашивал их о путешествии, говорил об урожае, обсуждал капризы погоды или просто говорил какие-то пустяки, чтобы не молчать.

«Туманность и неясность охватывает у него не только лицо, — подумал Корнуэлл, — но и всю фигуру, как будто он привидение. Ничего удивительного не было бы, если бы он вдруг растаял от порыва ветра».

— Не знаю, что и думать о нем, — шепотом сказал Снивли Корнуэллу. Он не подходит ни подо что из моих сведений о Диких Землях. Можно подумать, что он дух. Но он не дух, в этом я убежден. Мне эта туманность не нравится.

Пища была простая, но хорошая, и ее было много. Сторож уговаривал их не стесняться.

— У нас много еды, хватит на всех.

Когда стало ясно, что все наелись, тогда Сторож сказал:

— Ну, теперь, когда вы поели, можно и объясниться. Вероятно, у вас есть немало вопросов?

Снивли торопливо прошептал:

— Мы задумались…

Но Сторож остановил его:

— Не вы одни задумывались, кто я такой, и я отвечу всем вам, но в должное время. Я сказал вам, что я Сторож, и так оно и есть. Но вообще меня можно назвать философом, хотя это слово не совсем точно подходит ко мне. В вашем мире нет слова, которое точно бы соответствовало моему занятию. Может быть лучше всего подойдет определение «философский инженер». Но если вы, мистер Джоунз, и вы, сэр Марк, хотите обсудить этот вопрос, я попрошу вас немного подождать.

— Мы подождем с вопросом, — сказал Корнуэлл, — но одно я все же хотел узнать. Вы знаете наши имена, хотя мы вам их не называли.

— Вам не понравится то, что я вам скажу, — ответил Сторож, — но честный ответ таков: я читаю ваши мысли. При желании я могу заглянуть в ваш мозг очень глубоко, но это было бы невежливо, поэтому я лишь скольжу по поверхности. Только поверхностная информация: кто вы и откуда.

Но даже если бы я заглянул глубже и проник в ваши сокровенные мысли, вам не следовало бы смущаться. Я не с вашей планеты и мои ценности совсем не такие, как у вас, даже если бы они совпадали, я не стал бы судить вас, потому что по многовековому опыту знаю о великом расхождении разумов.

— Я хотела бы знать, что с моими родителями, — торопливо спросила Мери.

— Они вернулись домой, — ответил Сторож.

— Без меня? Они не подумали вернуться за мной?

— Возможно, вы возненавидите меня за это, — сказал Сторож. — И будете иметь на это право. Это я убедил их и даже представил доказательства, что вы умерли.

— Какая низость! — презрительно сказала Мери. — Надеюсь, у вас были на это причины…

— Были, моя дорогая. И я утешил себя тем, что в конце концов все будет хорошо.

— Значит, вы к тому же еще и ясновидец, — заметил Джоунз. — Это вдобавок ко всем прочим вашим вызывающим мурашки качествам.

— Не вполне, — ответил слегка польщенный Сторож. — У меня есть некоторое чувство судьбы. Я чувствую, что необходимо сделать, и…

— Давайте забудем о судьбе, — холодно сказала Мери. — Расскажите нам о действительно важном.

— Если вы прекратите кричать и дадите мне возможность…

— Я не кричала…

— Мы даем вам эту возможность, — сказал Корнуэлл. — Но предупреждаю вас, сэр, что причины ваших действий должны быть основательными.

— Вероятно, мне следует начать с самого начала, — сказал Сторож. Это нужно было сделать сразу. Моя раса очень древняя и возникла на планете в центре галактики. Задолго до появления человека, может быть, задолго до того, как живое существо на вашей планете выползло из моря, мы создали великую цивилизацию. Я знаю, сэр Марк, что вы в растерянности.

— Он будет в порядке, — сказал Джоунз. — Свои вопросы он еще сможет задать позже. Он уже понял, что здесь нечто большее.

— Хорошо, — согласился Сторож. — Мы могли бы создать величественную культуру, единственную в Галактике, а может и во всей Вселенной. Потому что у нас у первых появился разум и мы начали намного раньше остальных. Мы могли бы создать образ жизни, превосходящий всякое

воображение, но среди нас в древние времена нашлись мудрецы, которые поняли, что если мы пойдем таким путем, то окажемся в одиночестве, в изоляции от остальных разумных существ. Мы должны были принять решение, и оно было принято. Мы решили жить не для себя, а для других разумов, которые могли возникнуть в Галактике.

— Мистер, — хрипло сказал Джоунз, — знаком я с вашим племенем. В моем мире мы по горло сыты вами, добротворцы, которые вмешиваются в дела других народов, хотя эти народы не хотят никакого вмешательства.

— Вы ошибаетесь, — сказал Сторож. — Мы только наблюдатели. Мы стараемся не вмешиваться, и только в критичных пунктах мы…

— И вы считаете, что сейчас именно такой момент?

— Мне кажется, что это именно так. Не потому, что грозит катастрофа, а потому, что может не произойти то, что должно произойти. Здесь, на этом маленьком клочке земли, существует возможность величия. Если этого не произойдет, уникальная культура будет потеряна для галактики, а может и для всей Вселенной. И если это принесет вам утешение, мистер Джоунз, я

озабочен скорее не из-за вашего народа, а из-за остальных разумных существ в Галактике. Я не хотел бы, чтобы все думали о нас как о миссионерах. Мы только наблюдатели, а не создатели всеобщего благополучия. Мы лишь следим и надеемся. Мы обнаруживаем себя лишь тогда, когда для нас нет альтернативы и необходимо вмешательство.

— Все это хорошо, — сказал Корнуэлл, — но я все же не понимаю ситуацию. В чем вы видите величие этого места? Конечно, это хранилище преданий Диких Земель и его нужно сохранить, но…

— Тут не только предания Диких Земель, мой друг. Здесь предания, надежды и возможности трех великих цивилизаций, происходящих от одного источника, трех различных философий, которые, если их совместить…

— Трех, вы говорите? — прервал его Джоунз. — Кажется я понимаю, к чему вы ведете, но их только два, а не три. Культура мира Корнуэлла и культура моего мира. Культуры магии и технологии. Они, я в этом с вами согласен, могут работать вместе.

— Есть еще один мир, — сказал Сторож. — Мир родителей Мери. Ваш мир раскололся не один

раз, а два. У вас три мира в одном.

— С меня хватило двух миров, а тут целых три, — сказал Корнуэлл. — Мы ведь думали, что родители Мери, пришли из того же мира, что и Джоунз, только на несколько столетий позже.

— Я не мог упустить такой шанс, — начал было Сторож.

Но Мери перебила его:

— И в этот третий мир вернулись мои родители? Но почему это было нужно?

— Я не мог их упустить, — повторил Сторож. — Если бы с ними что-нибудь случилось, то не было бы никакой гарантии, что появится еще кто-нибудь из этого мира. Я убедил их вернуться в свой мир и принести сюда описания и элементы их культуры.

— У вас все предусмотрено, — сказал Джоунз, — все разложено аккуратно и просто.

— Я надеюсь, что это так. Это место сделается хранилищем знаний трех миров. Из вашего мира, мистер Джоунз, тут будет технология. Из мира родителей Мери гуманистическая концепция, которую по-видимому, оба ваших мира утратили, и магия мира Корнуэлла. Возьмите все это, сплавьте воедино, создайте культурную концепцию, которой нет ни в одном мире, но которая вопло-

щает все лучшее из них… Пригласите ученых из других областей Галактики, представителей наук, о которых вы даже не слышали.

— Я понял, что здесь у вас большое количество древних рукописей, сказал Корнуэлл. — Я не могу дождаться, когда будет можно взглянуть на них. У меня есть некоторые познания в древних языках. Хотя, мне кажется, у моего друга гоблина их гораздо больше. Он провел много лет в библиотеке Вайлусинга.

— Это прекрасно, — сказал Джиб, — но как же остальные? У вас есть цель, вы будете заниматься древними рукописями, но у Хола с Енотом и у меня тут нет цели, мы завершили то, зачем шли сюда. Мы отдали топор древним, хотя можно было сберечь время и не делать этого.

— Мы даже не умеем читать, — подхватил Хол. — Нас никогда этому не учили. Ни болотников, ни жителей Холмов…

— И меня тоже, — сказал Снивли. — Хотя я хочу вернуться не из-за этого. Меня ждет шахта, и там остались мои друзья. Но возвращаться тем же путем мне не хочется.

— Я могу отвезти вас назад, — сказал Джоунз. — Я должен вернуться в свой мир, чтобы вылечить руку. С инъекцией, которую мне сделал Марк,

и с перевязкой Мери рука меня не очень беспокоит, но…

— Я уверен, — сказал Корнуэлл, — что если бы мне дали возможность покопаться в старых томах, то я нашел бы определенную магию…

Джоунз застонал.

— Я сыт по горло вашей магией. Предпочитаю вернуться к антибиотикам. Но я могу взять с собой остальных, перевезу их в соответствующее место и аккуратно вернуться обратно в этот мир. Только им придется прятаться. Нельзя, чтобы их увидели в моем мире.

— С удовольствием, — пообещал Джиб. — Мы будем сидеть тихо, как мыши.

— Но вы вернетесь? — спросил Сторож у Джоунза.

— О, боже, конечно же! — воскликнул Джоунз. — Ни за что на свете я не упущу такую возможность. Не ради вашей драгоценной Галактики, понимаете? И не ради создания величественной культуры, о которой вы здесь размышляли. Просто для меня это все интересно.

— И вы захватите с собой основные документы вашей технологии, труды ваших философов, работы ваших великих художников…

— Вы, должно быть, шутите, — сказал Джоу-

нз. — Вы же знаете, о чем говорите. Даже если я привезу с собой несколько тонн, то это все равно будет каплей в море. О, дьявол! Что вам нужно — технические руководства, чертежи, теории, научные журналы? Я постараюсь привезти все лучшее, а потом буду стоять и смеяться, пока вы будете разбираться в этом.

— Я рад, что вы найдете себе развлечение, — сказал Сторож.

— Итак, трое из нас, несомненно, решили остаться, — сказал Корнуэлл. — И, вероятно, Жестянка тоже. Вы говорите, что умеете читать наши мысли. А его? Он не умеет разговаривать с нами, хотя, кажется, он понимает. Не скажете ли вы нам, что вы думаете о нем?

— Он расположен к вам, — ответил Сторож, — если это вас интересует. Он вам благодарен и он вам друг. Вы можете полностью доверять ему. Но вот кто он такой, я не знаю, потому что он сам не знает. Возможно, со временем он это узнает, но пока он еще слишком молод. В нем заложено какое-то знание его родителя, который был беглецом из далекого космоса. Он не повторение своего родителя, вы знаете это. Их раса, вероятно, может изменять генетику своего потомства и придавать ему по желанию любую форму. Роди-

тель Жестянки сформировал его таким, чтобы он обладал идеальным выживанием и мог спастись от преследователей, которые свою ненависть перенесли с его родителя на потомство. Я знаю, что Жестянка еще не осознает пока все способности, которые в него заложил родитель. Вероятно, он обнаруживает их тогда, когда в них возникает необходимость. Пока мы должны его признать неопределенным фактором.

— Чертовски забавно, — сказал Джоунз.

— Возможно, мистер Джоунз, но вы, наверно, согласитесь, что именно в неизвестных факторах заключается надежда.

— Надеюсь, — согласился Джоунз, — что этот неизвестный фактор не разнесет нас на куски. После случая с ружьем…

— Тише, мистер Джоунз, — сказал Сторож. — Среди нас есть один, который еще не говорил. Мистер Сплетник, есть ли у вас, что сказать?

— Я всегда лишь посыльный, — ответил Сплетник, — я вестник, исполнитель мелких поручений, следящий, чтобы все было на месте и ничего не было забыто.

— Вы ничего не хотите сказать нам?

— Мне нужно пройти еще много миль и сделать еще много дел, так что я начну.

Он вытащил руку из кармана и извлек топор.

— Поскольку древние отказались от него, его следует вернуть тому, кто нес его и сберег в опасном пути. Может, это слишком незначительная компенсация за пережитые неприятности, но как память о происшедшем он пригодится.

Он бросил топор Джибу, и тот, улыбаясь, поймал его.

— Будет, что показать, когда я стану рассказывать о нашем путешествии. Спасибо, Сплетник.

Сплетник протянул костлявую руку к Мери.

— А теперь, пожалуйста, рог единорога. Он вам больше не нужен. Дайте его мне.

— Охотно, — ответила Мери. — Но я не понимаю…

— Его нужно снова поместить в ствол дуба. Там он снова будет ждать очередных пилигримов. Рогов единорога осталось очень мало, и использовать их нужно с толком.

Глава 38

И вот они ушли, добрые товарищи по паломничеству, исчезли вместе с машиной Джоунза.

Корнуэлл, тяжело ступая, пошел вслед за остальными по ночному лугу к прекрасному зданию, сверкавшему в лунном свете. Суетились маленькие существа, среди которых не шел, а как бы плыл Сторож. Немного в стороне своей неровной походкой ковылял Жестянка.

«Вот и пришел конец, — подумал Корнуэлл, — конец долгого пути, который начался в Вайлусинге, когда я нашел спрятанную книгу».

Такого конца он не мог себе вообразить. Он искал древних, но теперь древние его уже не интересовали: они оказались совсем не такими, как он думал.

Он вспомнил вечер, когда они впервые после Сожженной равнины нашли воду. Он тогда винил себя за то, что увлек всех в паломничество. Он знал, что возвращение той же дорогой сулит верную гибель. Теперь же все кончено, и нет необходимости возвращаться. Перед ним работа на целую жизнь и даже больше, чем на одну жизнь.

Здесь, если прав Сторож, есть возможность

слить три великие культуры в одну еще более великую, возможно, с помощью ученых из других миров, вооруженных неизвестными знаниями и философиями. К тому же тут есть и неизвестный фактор — этот Жестянка. И даже намека нет на то, к чему все это может привести.

Сзади Мери сказала:

— Не печалься, Марк. Они возвращаются домой.

Он покачал головой.

— Я ничего не смог им сказать. В конце пути мне нечего было сказать им. И они тоже ничего не могли сказать мне. Они так много сделали для меня…

— Но и ты для них. Ты наполнил их жизни. Много зимних ночей они проведут, рассказывая об этом паломничестве: Снивли в шахте, Хол и Енот в Дуплистом Дереве, а Джиб — на своем болоте.

— Спасибо, Мери. Ты всегда знаешь, что сказать. Ты сняла с меня тяжесть.

Некоторое время они шли молча, а потом Мери сказала:

— Скрипичные Пальцы сказал, что для нас готова новая одежда. Она нам необходима. У тебя дыры на коленях, а мое платье годится только на половую тряпку. И он говорит, что если у меня по-

явится желание иметь золотое платье, то я смогу получить его. Ты можешь представить меня одетой в золото? Я буду выглядеть, как принцесса.

Он остановил ее.

— Ты и без золотой одежды принцесса. Я люблю тебя в этом платье которое еще пахнет Зверем Хаоса, изношенном и изорванном, запачканном жиром и сажей. Обещай, что ты никогда не станешь использовать его, как половую тряпку.

Она обняла его, и он прижал ее к себе.

— Это будет хорошая жизнь, Марк, — прошептала она. — Золотым будет платье или нет, но нас ждет хорошая жизнь.

ТАМ, ГДЕ

ОБИТАЕТ ЗЛО

ТАМ, ГДЕ ОБИТАЕТ ЗЛО

Перевод с Английского: Алексей Дмитриевич Иорданский

Глава 1

Возвращаясь домой с утренней охоты, Харкорт увидел дракона. Похожий на грязную кухонную тряпку, дракон летел над рекой вниз по течению, изо всех сил вытянув вперед змеиную шею, за которой тащилась в воздухе тяжелая туша с болтающимся позади длинным гибким хвостом.

Харкорт показал на дракона Шишковатому, который ехал рядом, ведя в поводу третьего коня, нагруженного сегодняшней добычей — кабаном и оленем.

— Первый дракон в этом году, — заметил Харкорт.

— Теперь они редко попадаются, — сказал Шишковатый. — Мало их осталось.

Он прав, подумал Харкорт. На нашей стороне реки их осталось немного. Почти все за последние годы перебрались на север. Там они, говорят, служат Нечисти — следят за передвижениями варваров, голодные орды которых наседают на окраины Брошенных Земель.

— Совсем рядом, чуть выше по реке, у них когда-то было целое гнездилище, — сказал Харкорт. — Может быть, сколько-то еще там живет.

Шишковатый усмехнулся:

— Это там вы с Хью как-то попробовали поймать дракона?

— Он был совсем еще птенец, — сказал Харкорт.

— Птенец или взрослый, неважно, — сказал Шишковатый. — С драконами всегда шутки плохи. Вы, наверное, и сами в этом убедились. Интересно, где сейчас Хью?

— Толком не знаю, — ответил Харкорт — Может быть, Гай знает. В последний раз я слышал, что он где-то в дебрях Македонии, заведует торговой факторией. Давай оставим оленя в аббатстве у Гая — нам хватит и кабана. Этим бестолковым монахам редко доводится как следует поесть. Сам-то Гай — дело другое. По-моему, он и в замок так часто наведывается не столько ради общества, сколько для того, чтобы посидеть у нас за столом. Я спрошу его, что слышно про Хью.

— Аббат Гай, конечно, изрядный болтун, — заметил Шишковатый, — но мне он нравится.

— Он мой старый бесценный друг, — сказал Харкорт. — Не помню уж, сколько раз он выручал нас с Хью из разных переделок, в которые мы вечно попадали. Я тогда думал — это потому, что он старший брат Хью, но теперь знаю: вляпайся

я в какую-нибудь историю один, он бы и меня выручил.

Они выехали из леса на пашню, покрытую густой зеленью всходов, и продолжали свой путь по узкой наезженной колее, разделявшей два поля. Из зеленей вспорхнул жаворонок и стрелой взмыл в небо. Над полями разнеслась его звонкая трель.

Впереди, еще довольно далеко, показались две круглые башни замка. Замок, конечно, не ахти какой, подумал Харкорт. Не то что роскошные дворцы, какие несколькими столетиями раньше строили себе богатые лорды. Но для него это родной дом, а чем еще должен быть замок? Он выстоял семь лет назад, когда из-за реки нахлынули несметные полчища Нечисти. Разграбив аббатство, они три дня и три ночи держали замок в осаде. Но это им дорого обошлось, и в конце концов они вновь отступили за реку, на Брошенные Земли. Харкорт был тогда еще юнцом, но хорошо запомнил, как бились защитники замка на его стенах и какими торжествующими криками провожали Нечисть, когда та сняла осаду.

Справа, у верховьев оврага, спускавшегося к реке, возвышались стройные шпили аббатства. Больше ничего за пригорком видно не было,

только эти шпили высоко поднимались над макушками густого леса, который покрывал холмы вдоль реки.

— Твой дед говорил вчера: что-то давно не появлялся твой дядя Рауль, — сказал Шишковатый. — Похоже, он уже и не надеется больше его увидеть. Слишком долго его нет на этот раз. Нелегко приходится старику с таким неугомонным сыном. Он о нем очень беспокоится.

— Знаю, — ответил Харкорт. — Дядя Рауль уехал почти сразу после набега.

— Я сказал твоему деду, что Рауль еще вернется. В один прекрасный день возьмет и появится на пороге. Только сам я не очень-то в этом уверен.

— Мало в чем можно быть уверенным на этом свете, — согласился Харкорт.

Глядя издали на парные шпили аббатства, такие стройные и воздушные, можно было предположить, что они венчают грандиозное, величественное сооружение. Однако вблизи все выглядело совсем иначе. Шпили оставались столь же хрупкими и изящными, но здание, над которым они возвышались, хоть и добротно построенное, несло на себе следы времени и плохого ухода. Копоть от костров, зеленая ржавчина от медных кровель, грязные потеки от опавших ли-

стьев, скопившихся в сотнях укромных уголков, которые никто никогда не чистил, разукрасили каменную кладку неопрятными пятнами и полосами, да и сами камни кое-где потрескались от мороза и солнца. Повсюду сквозила ветхость. Во дворе куры с кудахтаньем разгребали мусор. Среди них с важностью расхаживал тощий павлин, время от времени распуская хвост, в котором не хватало половины перьев. Тут же, переваливаясь, бродили добродушные утки, за ними с шипением гонялись гуси. Поросенок, энергично крутя хвостиком, изо всех сил пытался подрыть куст бурьяна.

Появление Харкорта и Шишковатого вызвало большую суматоху. Отовсюду выбежало множество монахов, которые кинулись навстречу. Один из них схватил под уздцы коня, на котором ехал Харкорт, другой подбежал к Шишковатому.

— Не надо, — сказал тот. — Я не остаюсь. Только заброшу оленя на кухню и поеду в замок. Этот кабан — нам на ужин, а его еще нужно зажарить.

Монах, державший коня Харкорта, сказал:

— Ну хоть горсть овса и немного воды для твоего коня?

— Ладно, — согласился Харкорт. — Спасибо за любезность.

Он спешился, и монах повел коня за собой. Из-за угла к ним поспешно направлялся аббат Гай, крупный мужчина, на голову выше остальных. Черная борода, покрывавшая все его лицо, оттеняла наголо выбритую тонзуру на макушке. Ясные, сверкающие голубые глаза выглядывали из густых зарослей, как из засады. Сутана его была подвернута кверху, и из-под нее виднелись босые ноги. Харкорт заметил, что ноги грязные, хотя и не мог понять, почему обратил на это внимание: мало кому, даже из священников, по душе вода и мыло.

— Рад тебя видеть, Чарлз! — крикнул аббат.

Харкорт пожал ему руку.

— Аббат, ты к нам не заглядывал уже целую неделю. Ты же знаешь, замок всегда к твоим услугам, когда бы ты ни пришел.

— Заботы, — ответил аббат гулким басом. — Вечные заботы. То одно, то другое, и больше ни на что времени не остается. Постоянно приходится растолковывать моим дурням, что они должны делать, — и не только что, но и как, а иногда даже зачем. Если они за что-то возьмутся, то сделают, однако сначала надо им все растолковать. Не могут, чтобы кто-то не водил их за ручку и не утирал им нос. Все они такие.

Монахи, стоявшие вокруг, только добродушно усмехались.

— Ну, пошли, — сказал аббат. — Найдем какой-нибудь уютный уголок, где можно посидеть и рассказать друг другу парочку неприличных историй, чтобы всякие оболтусы не пялились на нас и не подвергали опасности свои души, слушая наши греховные разговоры. И не отлынивали от дел, которые им поручены. Я вижу, вы привезли оленины?

— В замке кончилось свежее мясо, а у меня выдалось свободное утро.

— Да, понимаю. Прекрасно понимаю. Солонина и копченые окорока приедаются быстро. У нас тут есть свежая зелень с огорода, мы вам дадим.

Он потянул Харкорта за руку, и они, обогнув угол аббатства, направились к крохотному домику. Там их ждала тесная комнатка аббата с выцветшими, рваными гобеленами на стенах.

— Вот сюда, в это кресло. Оно тут специально для старых друзей. Ну и для почетных гостей, только у нас таких не было уже много лет. Мы живем, Чарлз, в захолустном уголке Империи. Никто здесь не бывает, даже мимоходом.

Он принялся шарить в шкафу.

— Тут у меня припасена специальная бутылоч-

ка, — сказал он. — Я точно помню, что спрятал ее сюда. Что-то не вижу, где она.

В конце концов поиски увенчались успехом, и он вернулся с бутылкой и двумя бокалами. Один он протянул Харкорту и уселся в другое кресло, вытянув ноги и пытаясь вытащить пробку.

— Хорошо у вас хлеба взошли, — сказал Харкорт. — Мы только что ехали мимо поля.

— Да, мне говорили, — отозвался аббат, — Я сам еще не видел. Все не до того, такая уж у меня работа.

— Это не просто работа, — сказал Харкорт. — Это почетное и благочестивое призвание, и тебе оно вполне по плечу.

— Было бы это так, — возразил аббат, — тогда Церковь давно должна была бы утвердить меня в сане, как ты полагаешь? Вот уже шесть лет как я здесь временно исправляю службу, а все еще не утвержден. И если так пойдет дальше, боюсь, мне этого вообще не дождаться, вот что я тебе скажу.

— Время такое, — сказал Харкорт. — Все кругом зыбко и ненадежно. Нам по-прежнему постоянно угрожают варвары из Ближней Азии. За рекой все еще гнездится Нечисть. А может быть, есть и еще что-нибудь, чего мы не знаем.

— Но ведь это мы тут, на границе, защищаем и

Церковь, и Империю, — возразил аббат. — Можно бы время от времени и про нас вспоминать. Рим должен бы о нас хоть немного заботиться.

— Империи сейчас нелегко, — сказал Харкорт. — Но такое бывало и раньше, а Рим все стоит. Стоит уже больше двух тысяч лет, если считать с основания Республики, — так, по крайней мере, говорит история. Видел он и лучшие времена, и худшие. Бывало, что слабел, как сейчас, когда границы рушатся, экономика в упадке, а внешняя политика стала совсем беспомощной…

— Против этого я не спорю, — сказал аббат. — Бывало, что Рим слабел, а раз-другой даже казалось, что он вот-вот рухнет, но ты прав — он все еще стоит. Есть в нем что-то долговечное. Я тоже верю, что он снова станет могучим и великим, и вместе с ним укрепится Церковь. Меня беспокоит другое — не слишком ли много времени пройдет до той поры. Успеют ли на нашем веку Рим и Церковь собраться с силами, чтобы меня наконец утвердили в сане, а эта граница, да и другие тоже, оказались под защитой легионов? Конечно, когда-нибудь, может быть, несколько столетий спустя, и появится какой-то великий вождь, который сможет все изменить, как это всегда бывало до сих пор…

— Дело не только в великих вождях, — возразил Харкорт. — Иногда все решает чистая случайность. В четвертом веке Империя чуть было не распалась на Запад и Восток. Историки, правда, пишут об этом разное, но, по-моему, совершенно очевидно, что тогда Империю спасла Нечисть. Конечно, она существовала и раньше, об этом все знали, но до тех пор она была всего лишь досадной помехой, не больше. А вот когда Нечисть неожиданно обрушилась на нас всеми силами, на всем протяжении границы, потому что ее начали теснить на юг и на восток орды варваров, — тогда она перестала быть просто помехой. Чтобы отбить наступление, Империи пришлось напрячь все силы. О разделе и думать было нечего: чтобы выжить, надо было держаться вместе. И от этого мощь и величие Рима только укрепились.

Пробка с громким хлопком вылетела из бутылки.

— Ну вот, наконец-то! — воскликнул аббат. — Давай свой бокал. Не могу понять, почему мне всегда приходится столько возиться с пробкой. Другим стоит только чуть ее качнуть, и она вылетает сама.

— Потому что ты неуклюжий, — сказал Харкорт. — И всегда был неуклюжий.

Аббат наполнил бокал гостя, налил себе, поставил бутылку на стол поближе, чтобы далеко не тянуться, и откинулся в кресле.

— Пожалуйста, воздай ему должное, — сказал он, поднимая бокал. — От того удивительного урожая уже почти ничего не осталось. Может, всего несколько бутылок, никак не больше чем полдюжины. А ведь подумать только когда-то у нас его было целых пять бочек!

Харкорт кивнул:

— Да, помню. Ты уже рассказывал мне эту печальную историю, и не раз. Оно пропало во время набега.

— Правильно. Мы лишились тогда почти всего, что у нас было. Нашего возлюбленного аббата зверски убили, множество достойных братьев погибло, а остальные разбежались и прятались по лесам. Все службы сожгли, аббатство разграбили, все, что было ценного, унесли. Скот и птицу или перебили, или угнали с собой, амбары и погреба опустошили — нам оставалось только умереть с голоду. Если бы не милосердная помощь замка…

— Да, нам повезло, — прервал его Харкорт, понесенные аббатством потери Гай мог перечислять без конца. — Мы смогли их отогнать.

— Да не просто отогнать, — возразил аббат. —

Вы вселили в них страх Божий. С тех пор вот уже семь лет не было ни одного набега. Вы дали им урок, который они помнят и сейчас. Конечно, время от времени случаются мелкие вылазки, но их отбить нетрудно. Большей частью это маленький народец, они ведь вообще ничего не соображают. Эльфы, домовые, особенно феи — эти хуже всех. Вреда от них немного, но они всегда готовы сыграть какую-нибудь скверную шутку. Я убежден, что это из-за них у нас прошлой осенью прокис весь октябрьский эль. У нас хороший пивовар, он варит его уже много лет. Никогда не поверю, что это его вина́. Феи всегда норовят нагадить исподтишка. Вчера я их видел, целую стаю, но они пролетели мимо.

— Кстати, — сказал Харкорт, — мы всего час назад, или около того, когда возвращались с охоты, видели дракона.

— Когда я слышу что-то о драконах, — сказал аббат, — я всякий раз вспоминаю, как вы с Хью пробовали одного поймать.

— Ну, конечно, — ответил Харкорт. — К моему постоянному стыду, это помнят все, кого я знаю. Только никто не помнит, что нам с Хью тогда было всего-навсего по двенадцать лет и мы еще просто ничего не понимали. Этого драконенка

мы нашли у подножья Драконова хребта — он выпал из гнезда и ковылял по земле. Взрослые драконы знали, что он выпал, и очень суетились вокруг, но не могли до него добраться, лес там слишком густой. Когда мы с Хью увидели этого птенца, у нас была только одна мысль — как здорово будет завести себе маленького ручного дракончика. Нам, конечно, и в голову не пришло подумать о том, что мы будем с ним делать, когда он подрастет.

— Вы, кажется, попробовали его связать?

— Ну да. Мы сбегали в замок, взяли две веревки и вернулись. Драконенок был еще там. Мы решили накинуть ему на шею две петли и таким способом его удерживать. Я свою петлю на него накинул, но склон был очень каменистый, Хью поскользнулся и упал, а петлю так и не накинул. Драконенок кинулся на нас, и тут мы поняли, что надо удирать. Веревки, конечно, побросали и все равно едва унесли ноги. Если бы не милость Господня, Хью ни за что бы не убежать от этого разъяренного дракончика.

— Мой отец, да упокоится его душа в мире, чуть шкуру с Хью не спустил, когда об этом услышал. Я пытался его отговорить, твердил, что это просто шалость, что такое случается со всеми мальчиш-

ками, но он и слушать не хотел. Одной рукой сгреб Хью за шиворот, другой схватил палку…

— Я думаю, больше всего деда разозлило то, что мы бросили веревки, — сказал Харкорт. — Он долго внушал мне, как трудно сейчас достать веревку, какой я бестолковый и как мало шансов, что из меня получится что-нибудь путное. К тому времени, как он выдохся, я уже чувствовал себя совершенным ничтожеством. По-моему, он хотел и меня высечь, но передумал. Лучше бы высек: это мне было бы легче, чем выслушивать все, что он наговорил.

— Кстати, — заметил аббат, — я частенько подумывал, не летает ли до сих пор где-нибудь поблизости дракон с твоей веревкой на шее.

— Я тоже об этом думал, — сказал Харкорт.

— Давно уж я не видел драконов, — продолжал аббат. — Не могу сказать, чтобы я об этом жалел. Гнусные создания. И никакой управы на них нет. Свалится с неба, как камень на голову, ударит с лету — и тут же снова вверх, так что и оглянуться не успеешь. Сколько раз бывало — прилетит дракон, схватит корову и тащит. Мне всегда было так жалко бедное животное. Ведь драконы их не убивают, а уносят живыми. Помню, как-то один схватил сразу двух свиней, по одной в каждую

лапу — это непростое дело, даже для дракона. Никогда не забуду, как они визжали. Свиньи вообще здоровы визжать, а эти две, когда болтались у дракона в когтях, должно быть, поставили рекорд — громче, наверное, никто никогда не визжал во всем крещеном мире. Я бежал за этим драконом, грозил ему кулаком и кричал всякие слова, которые теперь как духовное лицо и повторить не могу, потому что должен думать о душе. Но теперь драконов стало куда меньше. И вся Нечисть, что покрупнее, — тролли, великаны-людоеды и прочие — на нашем берегу тоже не показывается. Через реку перебираются разве что феи, да эльфы, да те из гоблинов, кто помельче, а с ними управиться легко. Только мороки много, а опасности на самом деле никакой.

— Нечисть сейчас между двух огней, — сказал Харкорт. — К востоку и к северу от них — варвары, а к югу — наши легионы. Хотя не понимаю, чем страшны ей легионы, когда их отвели так далеко от границы — и здесь, и в других местах. Отвели, наверное, из каких-нибудь дурацких политических соображений. Я думаю, Нечисть боится нас, хоть это и трудно себе представить. Не только нас с вами, конечно, а всех, кто живет в укрепленных постах и замках вдоль реки.

— Может быть, и так, — согласился аббат. — Семь лет назад они захватили наше аббатство — должен сказать, без особого труда, ведь редко кто из монахов умеет драться, — и еще несколько монастырей, и множество поместий, что были вовсе не укреплены или укреплены плохо, но замки — и те, что вверх по реке, и ниже — почти все устояли и задали им жару. Правда, Фонтен они все-таки взяли…

Аббат внезапно умолк, и наступило неловкое молчание. Потом он сказал:

— Прости меня, Чарлз. Мне не надо было это говорить. Такой уж у меня длинный язык, никак с ним не сладишь.

— Ничего, — ответил Харкорт. — Воспоминания с годами тускнеют. Мне уже не больно. Свыкся.

Хотя на самом деле это неправда, подумал он про себя. Это воспоминание с годами не потускнело, оно все еще причиняло ему боль, и свыкнуться с этим он не мог.

Он все еще явственно представлял себе ее такой, какой видел в последний раз, в то майское утро, — пряди золотистых волос, падавшие ей на лицо от порыва весеннего ветерка, ее стройную фигурку на фоне голубого неба, когда она прощалась с ним, садясь на коня. Из-за того, что волосы,

развевавшиеся по ветру, закрыли тогда ее лицо, он теперь не мог его припомнить. Когда-то он готов был поклясться, что никогда его не забудет, что для этого ему даже не нужно ее видеть, ведь ее черты навечно врезались ему в память. И все же с годами он их забыл. Может быть, время хочет таким способом помочь мне, подумал он. Но лучше бы оно не пыталось.

«Элоиза! — сказал он про себя. — Если бы только я мог припомнить, если бы я мог снова представить себе твое лицо!..» Он знал, что это было смеющееся, радостное лицо, но не мог теперь вспомнить ни веселых морщинок, которые появлялись у нее вокруг глаз, когда она смеялась, ни очертаний ее улыбающихся губ.

Аббат протянул бутылку, и Харкорт машинально подставил свой бокал. Аббат наполнил его, плеснул немного себе и снова откинулся в кресле.

— Может быть, так оно и лучше, — продолжал он. — Это длится уже не одно столетие — ты сам говоришь, что начиная с четвертого века. На востоке и севере варвары, на западе и юге мы, а Нечисть посередине. И все качается туда-сюда, как маятник. Пятьсот с чем-то лет назад нечисть отступила может быть, потому, что давление

варваров ослабло, а Рим наступал. Рим тогда был силен, как никогда, это было время нашего недолгого Возрождения. Потом его слабые ростки погибли — может быть, причиной и стал новый натиск Нечисти, трудно сказать: возможно, они в любом случае не смогли бы выжить. Еще позже, без малого лет двести назад, варвары снова начали теснить Нечисть, и она, нуждаясь в жизненном пространстве, снова обрушилась на нас. Рим в это время был в упадке, его легионы откатились назад, а вместе с ними множество беженцев. После этого граница прошла по нашей реке, она и до сих пор здесь. Но я хочу сказать вот что — Нечисть все еще служит буфером между нами и варварами. И из двух зол Нечисть, возможно, меньшее. Мы ее знаем, поведение ее более или менее можем предвидеть. Пожалуй, для нас лучше, что на той стороне реки — Нечисть, а не варвары.

— Ну, не знаю, — сказал Харкорт. — Варвары все-таки люди, и мы воевали бы с ними как с людьми — сталь против стали. А Нечисть — совсем другое дело. Она дерется зубами и когтями, она обдает тебя своим гнусным дыханием, она не признает никаких правил. И перебить ее не так просто: лезет и лезет. Я уже по горло сыт и

Нечистью, и ее манерой драться.

Аббат наклонился вперед.

— В тот набег мы лишились многих достойнейших братьев и почти всего, что у нас было. Но есть очень странная вещь, она не дает мне покоя, когда я припоминаю все, что мы потеряли. Там была одна вещь, которая ничего особенного собой, конечно, не представляла. Может быть, ты ее помнишь. Маленькая стеклянная призма, в которой спрятана радуга.

— Помню, — сказал Харкорт. — Мне ее показывали в детстве. По-моему, при этом был и ты с Хью.

— Да, теперь и я вспомнил. Мы при этом были.

— Кто-то из монахов, не помню кто, привел нас в святилище и показал эту призму. Из окна под самым потолком падал луч света, и когда монах поднял призму, чтобы луч упал на нее, она вдруг засияла всеми цветами радуги.

— Пустячок, конечно, — продолжал аббат. — Просто забавная игрушка. Хотя, если подумать, может быть, и не просто игрушка. А, например, произведение искусства. Ее сделал какой-то древний мастер. Одни говорили в Риме, другие — в Галлии. Вырезал из куска чистейшего хрусталя и отшлифовал по всем правилам. Скорее всего, это

было много сотен лет назад — возможно, в тот краткий миг Возрождения.

— Я часто думаю, — заметил Харкорт, — каким стал бы мир сейчас, если бы Возрождение тогда не заглохло под гнетом обстоятельств. Ведь именно тогда было построено это аббатство, тогда было возведено и создано множество вещей, которыми мы теперь заслуженно гордимся. Элоиза подарила мне часослов того времени — сейчас такую книгу никто бы не мог изготовить.

— Знаю, и мне тоже очень жаль. Призма — всего лишь один маленький пример. Прежний аббат, тот, кого убили во время набега, как то сказал мне, что в ней воплощена точнейшая математика. Не буду делать вид, будто понял, о чем он говорил. Но это неважно. Все дело в том, что во время набега призма исчезла. Первое время я надеялся, что ее могли не заметить. Ну, может быть, кто-то из них и подобрал призму, но не догадался поднести к лучу света, чтобы увидеть ее во всем великолепии, и отшвырнул в сторону, как никому не нужную стекляшку. Однако сколько я ни искал, найти ее так и не смог. Теперь я убежден, что призму унесли.

— Очень жаль. Она была такая красивая.

— Легенда гласит, — продолжал аббат, — что

существовала еще одна призма. Гораздо больше той, какая была у нас. Может быть, сделанная тем же древним мастером. И если верить легенде, одно время она принадлежала волшебнику по имени Лазандра.

— Я слышал эту легенду, — подтвердил Харкорт.

— Тогда ты знаешь и все остальное.

— Только то, что в ту призму Лазандра будто бы заключил душу святого. Больше никаких подробностей я не знаю.

— Остальные подробности, — сказал аббат, — если только это действительно подробности, а не просто перепутанные обрывки разных легенд, очень туманны. По-моему, в любой легенде всегда хватает всякой чепухи. Но эта история гласит, будто некий святой — имя его, к сожалению, затерялось во тьме веков — попытался изгнать Нечисть из мира сего. Но он что-то сделал не так, и сколько-то Нечисти здесь осталось. Кое-кого он не заметил. И те, кого он не заметил, сговорившись с волшебником Лазандрой, заманили его в ловушку и убили. Но прежде они заключили его душу в ту призму. Я пересказываю тебе только то, что читал в древних рукописях.

— Ты хочешь сказать, что занимался изучени-

ем этой легенды?

— Да там почти нечего изучать. Может быть, есть и еще что-то, но мне об этом ничего не известно. А на то, чтобы ею заинтересоваться, у меня была причина.

— И что за причина?

— Один слух. Даже меньше, чем слух, всего лишь намек. Будто бы Церковь каким-то образом сумела вырвать из рук Нечисти призму Лазандры и бережно хранила ее, окружив почитанием, но потом призма снова исчезла. Как исчезла — об этом ничего не сказано.

— Скорее всего, это тоже не больше чем легенда. Их такое множество, что нельзя верить всему, что в них говорится. Очень может быть, что почти все они — всего лишь пустые россказни, которые кто-то с богатой фантазией сочинял от нечего делать.

— Может быть, и так, — согласился аббат. — Ты прав. Но там есть еще и продолжение. Хочешь его услышать?

— Конечно, хочу.

— Наше аббатство построили твои предки, это ты, разумеется, знаешь. Но знаешь ли ты, что оно возведено на месте другого аббатства, куда более древнего, которое было заброшено задолго до то-

го, как здесь поселился ваш род? В стенах нашего нынешнего здания все еще есть разрозненные камни из той постройки.

— Я знал, что на этом месте раньше что-то стояло. Я только не знал, что это было аббатство. Не хочешь ли ты сказать…

— Хочу. Это все тот же слух, вернее, намек. Там есть еще одна подробность. Будто бы призма Лазандры хранилась, окруженная почитанием, в том самом древнем и потом заброшенном аббатстве, на месте которого построено наше.

— И ты этому веришь?

— Стараюсь не верить. Убеждаю себя, что скорее всего почти все в этой истории выдумано. Но мне очень хочется поверить. Очень хочется, Чарлз.

Кто-то громко постучал в дверь.

— Войдите, — крикнул аббат.

В дверях показался монах. Он сказал Харкорту:

— Мой господин, тут пришла сирота, что живет в приемышах у мельника.

— Иоланда, что ли? — спросил аббат.

— Ну да, она самая, — ответил монах, пренебрежительно сморщив нос. — Она говорит, мой господин, что вернулся твой дядя Рауль.

Глава 2

Харкорт вместе с аббатом, выбежавшим вслед за ним, поспешно обогнули здание аббатства и увидели в переднем дворе Иоланду — сироту, что жила в приемышах у мельника. Она стояла, окруженная толпой монахов, один из которых держал под уздцы коня Харкорта.

— Что случилось? — спросил Харкорт Иоланду. — Ты говоришь, мой дядя вернулся? А почему эту весть принесла ты? Если мой дядя дома…

— Он не дома, — ответила она. — Пока еще не дома. Он лежит в доме моего отца.

— Лежит в доме твоего отца?

— Он болен и слаб. Когда я уходила, он спал. Мать попробовала его покормить, но он заснул, не успев съесть ни кусочка. Тогда я побежала в замок — вместо отца, ты же знаешь, мой господин, что он хромой.

— Знаю.

— В замке мне сказали, что ты здесь. Я знала, что ты хотел бы как можно скорее услышать…

— Да, да, — нетерпеливо прервал он. — Ты очень хорошо сделала.

— Понадобится несколько человек, чтобы пе-

ренести его в замок, — продолжала она. — Твой дед сказал, что соберет их сколько нужно, чтобы тащить носилки вверх, на обрыв. Когда я уходила, он ужасно ругался, потому что все люди, оказывается, разошлись кто куда по разным делам и быстро собрать их невозможно.

Монах, державший коня, подвел его к Харкорту.

— Если ты собираешься спуститься оврагом к дому мельника, будь как можно осторожнее, — предупредил аббат. — Там есть тропа, но очень крутая и опасная.

— Я знаю дорогу, — сказала Иоланда. — Я тебе покажу. Я могу сесть на коня сзади тебя.

Харкорт впервые внимательно вгляделся в нее. На девушке был рваный плащ с капюшоном, накинутым на голову. Из-под капюшона выбивались льняные волосы и падали на худое, изможденное лицо с глазами василькового цента. Харкорт заметил, что руки у нее загрубевшие от тяжелого труда. Он и раньше мельком ее видел, знал, при каких загадочных обстоятельствах она здесь появилась, но до сих пор ему ни разу не представился случай разглядеть ее вблизи.

— Ну ладно, — сказал Харкорт. — Садись сзади.

Он прыгнул в седло, взял в одну руку пово-

дья, а другую протянул Иоланде. Она крепко схватилась за нее, и он удивился, какая сильная хватка у девушки. Он потянул Иоланду вверх, она подпрыгнула и уселась верхом на круп коня. У стоявших вокруг монахов вырвался судорожный вздох.

Харкорт причмокнул, понукая коня, и натянул поводья, готовясь спускаться по оврагу, который начинался сразу за аббатством. Повернувшись в седле, он помахал рукой аббату Гаю. Иоланда плотнее обхватила руками его талию.

— Как тебе нравятся эти противные монахи? — спросила она. — Только чуть покажи им ногу…

Харкорт усмехнулся.

— Им такое в диковинку. Не нужно их за это осуждать.

Тропа, которая вела к реке и к дому мельника, была крута и извилиста — она то и дело огибала огромные камни, которые в незапамятные времена отвалились от скал, стоявших по обе стороны. Местами она следовала по каменистому руслу ручья, где вода едва покрывала копыта коня, местами спускалась по крутому склону, где коню приходилось сползать, вытянув ноги. Кое-где тропа вообще исчезала, и Иоланде приходилось показывать, куда ехать.

— Ты сказала, что мой дядя добрался до вашего дома, — сказал Харкорт. — Откуда он пришел?

— Он пришел по мосту.

— Ты хочешь сказать, что он пришел с Брошенных Земель?

— Похоже, что так, — ответила она. — Когда я его увидела, он шел по мосту к нашему берегу, с той стороны. Шел с трудом, я сначала подумала, что он пьяный. Раза два падал, но каждый раз вставал и, шатаясь, шел дальше. Как не стыдно так напиваться, подумала я. А потом мне пришло в голову, а что если он не пьяный? Что если он ранен или болен? Я позвала Жана, моего отца, и он прибежал, вернее приковылял, как мог. Мы вместе довели его до дома. Сначала отец даже его не узнал. Отец говорит, он очень постарел. Как только мы поняли, кто он, я сразу побежала с этой вестью в замок.

— Он что-нибудь вам сказал? Он вообще что-нибудь говорил?

— Только бормотал что-то, и все. Он был едва жив, держался только силой воли. Но он цел и невредим. Ран на нем нет, крови тоже. Я посмотрела.

— Ты говоришь — он что-то бормотал. Значит, он пытался что-то сказать?

— Не думаю. Просто бормотал что-то про себя.

— И Жан сначала его не узнал?

— У него седые волосы, — сказала она. — Когда Жан видел его в последний раз, они были черные, только чуть-чуть с проседью. Мне он показался совсем стариком.

Да, дядя Рауль должен был постареть, подумал Харкорт. Уж очень долго он отсутствовал. Но Харкорт все еще помнил его необыкновенно моложавым, хотя и тогда он был уже не молод. Высокий, широкоплечий, стройный, он казался человеком совсем из другого мира, из далеких чужих краев. Сколько раз за это время он побывал дома? Харкорт попробовал припомнить и не смог. Должно быть, раз пять или шесть.

Были случаи, когда Рауль возвращался побежденным, когда из его затей ничего не выходило. Но он никогда не держался как побежденный. Он всегда откровенно сознавался, что потерпел неудачу, хотя в чем именно, толком и не говорил. Но вел он себя так, будто эта неудача не имеет для него никакого значения. Наверное, временами этот странный непоседливый человек должен был испытывать разочарование или даже отчаяние, но он никогда в этом не сознавался, и не было случая, чтобы очередная неудача его остановила.

Проходило несколько недель, самое большее — несколько месяцев, и он исчезал снова. Харкорт припомнил, что всегда можно было предсказать, когда дядя исчезнет. За несколько дней до этого его начинало одолевать беспокойство, он словно рвался с привязи, ему явно не терпелось пуститься в какую-нибудь новую авантюру, которую подсказывала его изобретательная фантазия.

Были и такие случаи, когда он возвращался победителем — на великолепном коне в дорогой сбруе, пышно разряженным, с роскошными подарками всем и каждому. Но возвращался ли он с победой или с поражением, он никогда не говорил, что именно делал за время своего отсутствия. Он много о чем рассказывал, и по его рассказам нередко можно было догадаться, где он побывал, — во всяком случае, в какой части света, потому что в них никогда не было ни намека ни на какое определенное место. Родственники, конечно, не могли не размышлять о том, чего он не хотел говорить, но спрашивать его об этом никто не решался — может быть, потому, что все боялись услышать что-то позорное, чего им лучше не знать.

Харкорт вспомнил, что был один многозначительный случай, когда дядя отвел его в сторону,

чтобы никто не слышал, и заговорил с ним, совсем еще мальчишкой, как со взрослым.

— Чарли, — сказал он, — нельзя ли мне взять на время в услужение твои глаза? Как ты думаешь, не мог бы ты по моей просьбе некоторое время присматривать, что происходит вокруг? Я, конечно, тоже буду настороже, но лучше, если нас будет двое.

Все это напоминало какой-то заговор, в котором Харкорту предлагалось принять участие. От волнения у него перехватило дыхание, и мир показался ему намного интереснее.

— Я, наверное, недолго здесь пробуду, — сказал дядя. — Но пока я здесь, я буду хорошо тебе платить — по золотому безанту за каждый день, когда ты будешь меня охранять. Ты должен смотреть, не появятся ли здесь два человека, которые будут путешествовать вместе. Возможно, они придут пешком. Их легко будет узнать, потому что один из них хромает. Скорее всего, они придут по верхней дороге.

— Дядя Рауль, эти два человека гонятся за тобой?

— Вполне возможно.

— А если я их увижу, я должен скорее сказать тебе?

— Именно так. Согласен?

— Конечно, согласен.

— И еще одно. Никому об этом не говори. Ни деду, ни матери, ни Шишковатому, никому. Согласен?

Харкорт до сих пор помнил, с каким жаром он согласился и как они ударили по рукам. Он находился как раз в таком возрасте, когда нет ничего интереснее и увлекательнее, чем какая-нибудь тайна, а это была самая настоящая тайна, не то что мелкие, ничтожные секреты, которыми обычно ему приходилось довольствоваться.

— Тогда вот тебе первая монета, — сказал ему дядя. — Смотри не потеряй. За каждый день, когда ты будешь держать ухо востро, тебе будет еще по такой же.

Харкорт помнил, каким богачом себя вдруг почувствовал, — золотой безант был царской наградой, такие монеты здесь вообще мало кто видел.

Он самым добросовестным образом держал ухо востро на протяжении пяти дней, после чего в этом уже не было необходимости, потому что на пятый день, глубокой ночью, дядя Рауль уехал, ни с кем не попрощавшись. Но все эти пять дней он давал Харкорту по безанту. Его отъезд в се-

мье не обсуждался, потому что он всегда уезжал именно так.

После того как дядя Рауль уехал, Харкорт больше не следил за тем, что происходит вокруг, хотя время от времени и присматривался. Но те два человека, к его большому разочарованию, так и не появились.

Крутые склоны холмов вдоль реки заросли густым лесом, огромные деревья подступали вплотную к тропе, по которой ехали Харкорт с Иоландой. Их массивные корни цеплялись за самые незаметные трещины, лишь бы в них было немного земли. Все выступы скал покрывали заросли корявого можжевельника и карликовой березы.

Иоланда показала на одно из деревьев, стоящих рядом с тропой.

— Это мое дерево, — сказала она. — Жан обещал мне, что, когда у него будет время, он его срубит и спустит вниз, к мельнице. Это вишня.

Харкорт усмехнулся — ему показалось забавным, какое значение она придает одному этому дереву из множества других и как уверенно утверждает, что оно принадлежит ей.

— А зачем тебе эта вишня? — спросил он.

— Вишневая древесина — самая лучшая для

резных работ, — объяснила она. — Волокно у нее тонкое, она легко поддается резцу, но очень прочная, хорошо держит резьбу и прекрасно шлифуется. Я вырежу из нее что-нибудь для аббата Гая. Он говорил, что ему нужна фигура какого-то святого, я ее вырежу.

— Какого святого? — спросил Харкорт.

— Все святые на вид одинаковые, — сказала она. — У них суровые, торжественные лица и просторные одежды. Я сделаю ему святого, а уж он пусть назовет его как хочет.

— Ты знаешь аббата? Тебе приходилось с ним разговаривать?

— Я с ним знакома, но вижусь не очень часто. Как-то прошлой зимой он приходил на мельницу, чтобы договориться с Жаном о каком-то деле, и увидел мои резные фигурки. Тогда он и попросил меня вырезать для него святого.

— Мне давно говорили, что ты занимаешься резьбой. Часто ты это делаешь?

— Почти каждый день. Отец построил сарай, чтобы мне было где работать и чтобы мои фигурки были защищены от непогоды.

— Это замечательный дар, — сказал Харкорт. — Ты где-нибудь училась такому ремеслу?

— Нигде не училась, и никто меня не учил.

Кто станет меня учить? Я просто чувствую, как надо сделать. В куске дерева, там, внутри, я вижу фигурку, которая рвется наружу, и помогаю ей освободиться. Или пытаюсь помочь. Будь у меня инструменты получше, у меня бы лучше и выходило. Но у меня только те инструменты, которые сделал мне Жан.

Странная девушка, подумал Харкорт. Очень странная. Сирота, родителей которой никто не знал, она в один прекрасный день просто явилась на мельницу неизвестно откуда, и мельник с женой решили ее приютить. Ей повезло, что она пришла на мельницу, потому что мельник и его жена давно хотели иметь ребенка. За несколько лет до этого у них родился сын, но он скоро умер от какой-то болезни, а больше детей у них не было, хотя они очень об этом мечтали.

Харкорт припомнил, как однажды, сидя на лавочке у мельницы и глядя, как мимо бежит река, мельник рассказал ему, как это случилось.

— Ты можешь вообразить себе наше удивление, мой господин, — говорил мельник, — когда в одно прекрасное утро, в октябре, мы увидели Иоланду она сидела на пороге дома и играла с нашим котенком. Ей было лет семь или восемь. Мы и представления не имели, откуда она взялась, а

сама она объяснить не могла. Мы были рады, что она у нас появилась, и взяли ее в дом, хотя все время боялись, что кто-нибудь за ней придет. Мы пытались что-нибудь про нее разузнать, но ни у кого как будто дети не пропадали. И с тех пор она живет у нас. Она стала нам дочерью.

Харкорт вспомнил, что он тогда спросил:

— И вы до сих пор не знаете, откуда она?

— Точно не знаем, — ответил ему мельник, — но очень может быть, что с Брошенных Земель. Вы ведь знаете, там еще остались люди, хоть и немного. Должно быть, кто-нибудь перевел ее через мост под покровом ночи. Чтобы вызволить оттуда.

— У вас есть какие-нибудь основания так думать?

— Нет, — ответил мельник. — Просто такая мысль пришла нам в голову.

Тропа понемногу становилась все более отлогой. Оглянувшись назад, Харкорт увидел поднимающийся ввысь голый известковый обрыв, с которого они спустились. Снизу доносился приглушенный шум большой бурной реки.

Впереди, за деревьями, виднелся мост — прочное сооружение из толстых бревен, покоившихся на огромных каменных устоях. Его возвел ка-

кой-то давно забытый легион, стоявший здесь лагерем в те дни, когда вокруг были лишь непроходимые глухие дебри.

При мысли об этом Харкорт, к собственному немалому удивлению, машинально поднял вверх руку, отдавая древним строителям дань молчаливого уважения.

Глава 3

В доме мельника, на кухне, лежал на соломенной подстилке дядя Рауль, укрытый до самого подбородка овчиной. У него были совсем седые волосы и борода и исхудалое лицо, похожее на череп, туго обтянутый кожей. Он спал, и веки его были как тонкие листки пергамента.

— С тех пор как Жан его принес, он так и лежит, — сказала жена мельника. — Никогда еще не видела такого измученного человека. Я хотела было дать ему бульону, велела Жану его подержать, но он так и заснул с ложкой во рту.

— А где сейчас Жан?

— Пошел наверх — посмотреть, не надо ли чем помочь. Я уговаривала его не ходить, уж очень тропа крутая. Разве вы его не встретили?

— Нет, — сказал Харкорт. — Наверное, он пошел другой тропой, что ведет к замку, а мы ехали из аббатства. Иоланда узнала, что я там, и прибежала мне сказать. Дедушка пришлет людей, чтобы перенести его домой.

— Можно и здесь его оставить, — сказала жена мельника. — Хлопот с ним не так уж много, а будить его просто грех. Пусть отдохнет. Бедняга,

ему, видно, сильно досталось.

— Спасибо, — ответил Харкорт, — но там, в замке, его ждет дедушка. Он, наверное, и не надеялся когда-нибудь повидать дядю Рауля: столько времени от него не было вестей. Хотя, если вспомнить, он никогда не давал о себе знать, когда уезжал. Старику, должно быть, не терпится снова его увидеть. И матери тоже. Она сейчас, скорее всего, хлопочет изо всех сил, чтобы приготовить ему комнату и настряпать еды по его вкусу…

— Матушка по-прежнему в добром здравии? — спросила жена мельника. — И старый господин тоже? Вы всегда были так добры к нам. Помню, твой дедушка сразу предупредил нас, когда из-за реки пришла Нечисть. Только потому мы и успели вовремя укрыться в замке…

— Если Жан и был нам чем-то обязан за это предупреждение, он уплатил свой долг сполна, — прервал ее Харкорт. — Он храбро бился на стенах. Там его и ранили. Нам не хватало таких людей, как он.

К ним подошла Иоланда с высокой кружкой в руке.

— Прошу тебя, мой господин, — сказала она, — выпей глоток нашего эля, хоть он и не ахти как хорош.

— Почему не ахти как хорош? — отозвался Харкорт. — Если память мне не изменяет, эль у Жана всегда получается замечательный.

Он взял кружку и поднес к губам. Эль был действительно замечательный. Харкорт внимательно посмотрел на дядю, который спал, что-то бормоча во сне и шевеля пальцами.

— У нас есть время, пока не придут люди из замка, — сказал Харкорт Иоланде. — Ты не покажешь мне свои работы?

— Это будет для меня большая честь, мой господин, — ответила она.

Харкорт допил эль, поставил кружку на стол и вышел вслед за Иоландой.

Солнце, клонившееся к западу, светило тепло и ласково. Его лучи играли на поверхности реки, которая бурным потоком неслась мимо, приговаривая что-то низким, уверенным голосом, какой всегда бывает у больших рек. Едва заметный тонкий аромат диких лесных цветов, которыми были усеяны тенистые места под деревьями, плыл над поляной, где стояла мельница и домик мельника. Приятное место, подумал Харкорт. Хорошо бы побыть здесь некоторое время — полюбоваться на реку, послушать, как она шумит, насладиться этим цветочным ароматом.

Иоланда повела его за мельницу, к сарайчику, который стоял поодаль, ниже по реке. Его стена, обращенная на юг, была доведена только до половины высоты, чтобы внутрь проникало побольше света.

— Вот этот широкий карниз, — сказала Иоланда, — для того, чтобы туда не попадал дождь, а здесь проходит воздух, чтобы дерево лучше сохло.

Она открыла дверь и, отступив в сторону, жестом пригласила Харкорта войти. Он перешагнул через порог и замер от удивления.

Вдоль стены сарая стояло множество прислоненных к ней резных фигур во весь рост — одни были еще недоделаны, другие показались ему вполне законченными. На полках теснились деревянные головы — и человеческие, и изображавшие каких-то неизвестных ему чудищ. Были там и не только головы: вырезанная на доске роза, обвитая виноградной лозой, несколько лошадок, кошка с котятами, вол, запряженный в повозку, и человек, погоняющий вола. Но больше всего было голов.

— Подходящее дерево найти не так просто, — сказала Иоланда. — У каждой породы свои причуды. Лучше всего вишня и орех, только хо-

рошие ореховые деревья попадаются редко. Дуба здесь много, но дуб трудно обрабатывать, и он крошится. Годится и мягкая древесина, но она плохо принимает полировку.

На одной из полок в углу стояла горгулья, такая безобразная и страшная на вид, что казалась почти прекрасной. У нее была огромная клыкастая пасть, занимавшая полморды, дряблые толстые губы, раздутые ноздри и уши, как у нетопыря.

— Одного я не могу понять, — сказал Харкорт. — Как ты ухитряешься выдумывать такие фигуры? Вот эту горгулью, например.

— В аббатстве есть каменные горгульи, — отвечала она. — Аббат Гай позволил мне разглядеть их как следует. Там кое-где есть и другие фигуры, их там много.

— Наверное, есть, — сказал Харкорт. — Я об этом как-то не подумал. Должно быть, просто никогда не обращал на них внимания.

— Я их рассматриваю, — продолжала Иоланда, — и запоминаю. А потом сама кое-что в них меняю. Я хочу, чтобы они были как живые. Как настоящие. Вон та горгулья, на которую вы смотрите, — это ведь чудовище, но я старалась, чтобы оно жило и дышало. Пока я ее вырезала, я разговаривала с ней и воображала, будто она мне

отвечает. И старалась сделать так, чтобы было похоже, будто она может отвечать.

В дверь заглянула жена мельника.

— Твой дядя проснулся, — сказала она. — Пытается что-то сказать. Выговорил несколько слов, только так неразборчиво, что я ничего не поняла.

— Иду, — сказал Харкорт, шагнув к двери.

На кухне он опустился на колени рядом с подстилкой.

— Дядя Рауль, — позвал он.

Тот открыл глаза.

— Чарли? Чарли, это ты?

— Я, дядя. Я пришел, чтобы забрать тебя домой. Дедушка в замке, он тебя ждет.

— Где я, Чарли?

— На мельнице. У Жана-мельника.

— Значит, я на нашем берегу?

— Конечно. Тебе нечего опасаться.

— Я уже не на Брошенных Землях?

Харкорт молча кивнул.

— Хорошо, — сказал дядя. — Очень хорошо. Наконец-то я в безопасности.

— Мы перенесем тебя наверх, в замок.

Рауль схватил Харкорта за руку своими высохшими пальцами, похожими на когти.

— Чарли, — прошептал он. — Чарли, я нашел ее!

Харкорт наклонился к нему.

— Не волнуйся, — сказал он. — Не старайся мне сейчас все рассказать. Потом расскажешь.

— Я нашел ее, только не мог до нее добраться. Слишком их было много. Но я знаю, где она. Я знаю, что она существует. Это не просто легенда. Не просто дурацкие россказни.

— О чем ты, дядя?

— О призме, — прошептал дядя. — О призме Лазандры.

— О той, в которой…

— О той самой, — сказал дядя. — В которой заключена душа святого.

— Но, дядя…

— Говорю тебе, что знаю, где она. Я чуть-чуть до нее не добрался. Я был в том месте, где она лежит. Еще немного, и я бы мог ее…

— Пока забудь об этом, — прервал его Харкорт немного резче, чем хотел. — Не будем об этом сейчас говорить. Сначала нужно доставить тебя домой.

В дверях послышался голос жены мельника:

— Вон идут люди из замка. Они спускаются по тропе.

Глава 4

До верхнего конца тропы было еще далеко, когда Харкорт услышал приглушенное звяканье оружия и громкие голоса. Он выехал из оврага и остановил коня, увидев, что у ворот замка толпится множество вооруженных людей. Это были римские легионеры в своей походной форме. Шлемы, панцири и поножи сверкали в лучах вечернего солнца, за плечами у каждого висел пилум — тяжелое двухметровое метательное копье. Острые наконечники пилумов частоколом торчали над неровными рядами легионеров, которые под окрики офицеров строились в походный порядок.

Навстречу Харкорту выехал на коне центурион в шлеме с развевающимися алыми перьями. Подъехав, он отсалютовал, небрежно подняв руку. Харкорт ответил таким же небрежным приветствием.

— Нам сказали, что вы поднимаетесь по тропе с больным на носилках, — сказал центурион. — Мы ждали, пока тропа не освободится — говорят, она узкая и крутая. Вы ведь Харкорт?

— Чарлз Харкорт к вашим услугам, сэр. А вы

кто?

— Делим Аполлинарий Валентуриан, командир роты в этой когорте. Скажу вам откровенно, у нас большой некомплект. Это называется когорта, но на самом деле половины солдат в ней не хватает. В нашем легионе теперь постоянно так — все делается наполовину.

— Положение везде нелегкое, — сказал Харкорт.

— Что верно, то верно, — отозвался Децим. — Особенно в Риме. Император у нас безмозглый идиот, а вместо папы, если верить слухам, какая-то баба.

— Я об этом ничего не слыхал, — сказал встревоженный Харкорт.

— Это самая свежая новость, — ответил центурион. — К тому времени, как она дойдет до нас по обычным каналам, она может уже устареть: новости безнадежно опаздывают. Коммуникации повсюду разрушены, никто не знает, что происходит.

Харкорт хотел расспросить подробнее про женщину-папу, но не решился, опасаясь, что это окажется просто скверной шуткой. Что до безмозглого идиота на императорском троне, то это сообщение его не особенно взволновало: без-

мозглые идиоты оказывались во главе Империи и раньше, в этом не было ничего нового.

— Вы патрулируете границу? — спросил он центуриона.

— Не просто патрулируем, — ответил тот. — Нас послали провести рекогносцировку на Брошенных Землях. Ходят слухи, что варвары напирают и Нечисть волнуется. Если это правда, то может случиться все что угодно. Мы не знаем, выстоит ли Нечисть против варваров. Если не выстоит, то неизвестно, чем это кончится.

— Маловато у вас сил для такого поручения, — заметил Харкорт. — Вы говорите, неполная когорта?

— Посмотрите сами — похоже это на когорту?

— Не очень. Но люди как будто боевые.

— Отборные мерзавцы, — с гордостью сказал центурион. — самые отъявленные головорезы. Хорошо знают, что такое граница, и спуску никому не дают.

— Ну, в конце концов, это только рекогносцировка. Вы ведь не станете ввязываться в бой.

— Если все сделать как надо, то так и должно быть, — ответил центурион. — Туда и сразу же обратно, как только прояснится ситуация. Только наш трибун ни за что не даст нам сделать все как

надо. Он рвется к славе. Очень может быть, что живыми мы не вернемся.

— Последние несколько лет здесь тихо, — сказал Харкорт. — Со времени последнего большого набега нас не беспокоили. Я все думал… Может быть, вы мне сможете ответить. Когда в тот раз Нечисть навалилась на нас всей своей силой и мы бились с ней не на живот, а на смерть, — где тогда был ваш легион?

Это было больное место Харкорта, которое давно не давало ему покоя.

— Спокойно сидел в лагере, — сказал Децим. — И двинулся бы только в том случае, если бы вы не устояли.

— Мы-то устояли, — заметил Харкорт. — Мы отогнали их за реку по всей границе.

— Вы говорите, что в последнее время здесь тихо. Очень надеюсь, что так оно и есть, — сказал центурион. — Может быть, они на нас не полезут. Но заранее ничего сказать нельзя. А вон, кажется, и ваши люди.

Харкорт повернулся в седле.

— Да, это они, — подтвердил он. — Сейчас освободят тропу, и вы сможете двинуться. Спасибо, что подождали. Если бы мы встретились, неразбериха была бы страшная.

По крутому подъему, которым заканчивалась тропа, поднимались шесть человек с носилками. За ними шли еще шестеро, готовые их сменить.

— Это мой дядя, — сказал Харкорт. — Он заболел.

— Мне уже говорили в замке. Желаю ему скорее поправиться.

Больше ничего Харкорт объяснять не стал, а центурион ни о чем не спрашивал. Очевидно, дед ему ничего не сказал, подумал Харкорт. Узнай центурион, что Рауль вернулся с Брошенных Земель, расспросам не было бы конца. Люди с носилками прошли мимо, направляясь к замку.

— Мы должны переправиться через реку до темноты, — сказал центурион. — Насколько я понимаю, мост в хорошем состоянии?

— В отличном, — ответил Харкорт, стараясь, чтобы в его голосе не слишком явно прозвучала гордость. Поддерживать мост в хорошем состоянии было на протяжении многих лет обязанностью его рода, и она всегда выполнялась свято. Других мостов поблизости не было — ни выше по реке, ни ниже.

Центурион повернул коня, поднял руку и, выкрикнув команду, опустил ее. Первая рота колонной по двое двинулась вперед, мерно бряцая

оружием. За ротой ехали две повозки, запряженные волами и нагруженные припасами, а за ними шла вся когорта.

Децим с Харкортом, сидя на конях, смотрели на проходящих мимо солдат.

— Не слишком четко маршируют, — сказал центурион. — Разгильдяи порядочные. Но необязательно хорошо маршировать, чтобы быть хорошим солдатом. Эти — из лучших. Прирожденные головорезы, им только и нужно что мясо, выпивка и бабы.

Это было видно сразу. Харкорт в жизни еще не встречал такого сброда. «Отборные мерзавцы», — сказал центурион и был совершенно прав. Стая голодных волков.

— Поосторожнее с повозками на спуске, — предупредил Харкорт центуриона. — Там есть очень крутые места.

— Ничего, как-нибудь спустимся, — небрежно ответил центурион.

Харкорт оглянулся через плечо и увидел, что процессия, которая несла его дядю, уже входит по подъемному мосту во двор замка.

Римлянин протянул ему руку.

— Надеюсь, еще увидимся, — сказал он. — Может быть, если на обратном пути мы будем снова

проходить здесь…

— Обязательно сделайте у нас остановку. — Харкорт пожал ему руку. — Выпьем вместе.

Он неподвижно сидел в седле, пока римлянин не скрылся в овраге. Потом повернул коня и медленно поехал к воротам замка.

При виде двух его приземистых башен Харкорт снова вспомнил, как тогда, семь лет назад, они отбивали наседающую Нечисть. И тут же ему почему-то вспомнилось еще кое-что. В то время в замке жил свой чародей, который после того, как все кончилось, объявил, что победа одержана только благодаря ему. Теперь собственного чародея в замке не было. Ну и обойдемся, подумал Харкорт. Того чародея дед после окончания осады выгнал вон. «Терпеть не могу этого мошенника, — заявил он. — Пока мы все, не щадя жизни, бились на стенах, он в своих покоях хныкал, жег какую-то вонючую дрянь и бормотал про себя всякую чушь. Силой наших собственных рук, верностью клинков и меткостью стрел мы прогнали врагов, а как только опасность миновала, этот обманщик выползает из своей конуры и приписывает себе все лавры. Пока я жив, в этом замке не будет никаких чародеев!»

Шишковатый тогда пробовал переубедить деда.

«Согласен, — говорил он, — тот, которого ты прогнал, отъявленный мошенник. Но неужели ты, дружище, считаешь, что это разумно — осуждать всех чародеев сразу? Никогда неизвестно, когда они могут пригодиться. Может быть, теперь, когда ты избавился от этого, и правильно сделал, нам надо поискать другого, получше?» Но старик не унимался. «Все чародеи шарлатаны», — заявил он. На том дело и кончилось, и больше в замке своего чародея не было.

Глава 5

В большом зале замка сидели у огня дед Харкорта и Шишковатый. С ними, развалившись на скамье и прислонившись к стене, сидел и аббат Гай. Его сутана была подвернута, мускулистые грязные ноги вытянуты вперед. В камине весело горел огонь, и в огромном каменном дымоходе слышалось урчанье, словно в горле у спящего пса.

— Как только я увидел легионеров, — рассказывал аббат Харкорту, — я сразу прибежал сюда узнать, не нужно ли чем-нибудь помочь.

Харкорт кивнул, соглашаясь, хотя прекрасно знал, что аббат не думал ни о какой помощи, а прибежал из любопытства, потому что никогда не мог удержаться от того, чтобы не сунуть нос во все, что происходит вокруг.

— А когда твой высокоуважаемый предок, — продолжал аббат елейным тоном, — предложил остаться на ужин, я с радостью принял приглашение. На мой взгляд, нет ничего вкуснее хорошо зажаренного, сочного кабана.

Позади них слуги хлопотали у стола, раскладывая доски для нарезания хлеба и ножи, расставляя

кружки и зажигая свечи.

Шишковатый встал и подошел к камину. Он стоял спиной к огню в одной белой набедренной повязке, плотный, массивный, весь покрытый бурой шерстью, как медведь, у которого только что кончилась весенняя линька. Харкорт вдруг осознал, что это не человек, а совсем иное существо, чуждое всему человеческому. За много лет Харкорт привык к мысли, что Шишковатый друг и неразлучный спутник деда, и хотя всегда знал, что он на самом деле не человек, тем не менее воспринимал его как существо, ничем не уступающее человеку, и больше об этом не задумывался. «Почему же я только сейчас вдруг увидел, кто он такой на самом деле?» — подумал Харкорт.

В том, что его называли Шишковатым, не было ничего удивительного: он действительно был какой-то шишковатый. Его массивные плечи были устроены иначе, чем у человека, голова не возвышалась над ними, а выдавалась вперед, и шеи, можно сказать, не было совсем. Руки у него были куда длиннее человеческих, а ноги — кривые, как будто он сидит верхом на чем-то круглом. Сейчас, когда Харкорт впервые увидел — а вернее, впервые осознал — эти отличия, ему стало не по себе. Потому что он любил Шишковатого, любил уже

теперь, несмотря на эти отличия. Когда он был еще младенцем, Шишковатый качал его у себя на коленке, а когда подрос — гулял с ним, показывая ему всевозможные чудеса природы. Шишковатый выискивал для него птичьи гнезда, которых он сам ни за что бы не смог найти, и объяснял, как их искать. Шишковатый говорил ему, как называются разные дикорастущие травы, которые он до этого считал ничем не примечательными, и объяснял, что вот этот корешок помогает при такой-то болезни, а горький навар из этих вот листьев — при другой. Шишковатый находил для него лисьи норы и барсучьи логовища. И насколько Харкорт мог припомнить, рассказы Шишковатого, как ничьи другие, неизменно оставляли у него ощущение, будто все, что он слышит, необычайно важно. Загулявшись, они усаживались где-нибудь под деревом, и Шишковатый сочинял для него длинные истории, такие складные, что он верил каждому их слову и многие помнил до сих пор.

— Как бы ты ни мечтал приняться за кабана, придется тебе потерпеть, — проворчал дед, обращаясь к аббату. — Смотри, как бы тебе не помереть с голоду, не дождавшись. Сколько живу на свете, не видал здесь такого переполоха.

Женщины уложили моего блудного сына в самую лучшую кровать и теперь только и делают, что бегают пичкать его горячим вином с пряностями, кормить всевозможными лакомствами, подержать его за руку и попричитать над ним. Просто смотреть тошно.

— А как он себя чувствует? — спросил Харкорт.

— Нет у него никакой особой хвори, которую нельзя было бы вылечить двенадцатью часами крепкого сна, но они так пристают к нему со своими заботами, что он не может глаз сомкнуть. Твоя мать — прекрасная женщина, но иногда она бывает уж чересчур усердна.

Видя своего деда в таком настроении, Харкорт понял, что расспрашивать про дядю дальше нет никакого смысла.

— А что нужно было у нас римлянам? — спросил он. — Или просто заглянули мимоходом?

— Римляне никогда не заглядывают просто мимоходом, — сказал дед. — Им много чего было нужно. Для коней — овса, а для людей — окороков, и солонины, и колбас, и вообще всего, на что они только смогли наложить лапу. Они нагрузили свои две повозки до того, что оси стали трещать. И за все дали мне расписку — не знаю, какой от нее толк.

— Может быть, придется ехать в Рим, чтобы по ней получить что полагается, — сказал аббат, — Или, по крайней мере, в ближайший лагерь легиона, где бы он ни был. Слава Господу нашему, что они миновали аббатство.

— Они прекрасно знают, что у аббатов много не выпросить, — сердито возразил старик. — И что мне как верному гражданину Империи некуда будет деться и придется дать им все, что попросят.

— Сдается мне, — заметил Шишковатый, — что уж слишком дорого обходится тебе твое гражданство, а толку от него в конечном счете никакого.

Старик, ничего не ответив, спросил Харкорта:

— Рауль говорил тебе, в чем там было дело?

— Совсем немного, Даже очень мало, Он пытался что-то мне сказать, но я не дал. Он сказал, что нашел призму Лазандры.

Аббат мгновенно сел прямо, словно его подбросило.

— Призму? — воскликнул он. — Ту самую, о которой мы с тобой сегодня говорили?

— Ту самую, — подтвердил Харкорт, — В которой, как говорят, заключена душа святого.

Дед сразу взял быка за рога:

— Он ее привез?

— Нет. Он знает только, где она.

— Вечно он чего-то ищет, — недовольно сказал старик. — Никак не уймется. Не успеет вернуться после одной сумасбродной затеи, как уже задумывает следующую.

— Но ты ведь рад, что он вернулся.

— Конечно, рад. Он мой единственный сын. Он и твоя мать — вот и все мои дети. Во всяком случае, о других мне ничего не известно.

— Если Рауль прав… — начал было аббат.

— Когда речь идет о таких серьезных делах, — сказал старик, — мой сын никогда не врет. Он невозможно привирает в своих рассказах, чтобы они были поинтереснее, но если он говорит, что видел что-то, значит, на самом деле видел, можете быть уверены. Если он говорит, что знает, где призма, значит, она там.

Аббат поспешил исправить свою ошибку.

— Конечно, не всякой легенде можно верить, но если правдивый человек клянется, что видел главный предмет, о котором говорится в легенде, то это, значит, уже не просто легенда.

— Дядя так и сказал, — подтвердил Харкорт — Он сказал, что это уже больше не легенда. Что он знает — призма существует. И знает, где она.

— На Брошенных Землях? — спросил Шишковатый.

— Видимо, да. Он ведь оттуда пришел. Сказал, что не смог до нее добраться, потому что их было слишком много. Только не сказал кого.

— Ну ладно, — сказал дед Харкорта, — он сможет подробнее рассказать нам все потом. Сейчас парню надо дать как следует отдохнуть, а не приставать к нему каждую минуту.

— Но если она действительно существует, — воскликнул аббат. — Если мы знаем, что она существует, то, значит…

— Мы теперь знаем, что она существует, — перебил его дед. — И все тут. Теперь мы можем успокоиться и…

— Но в ней заключена благословенная душа святого, и она находится в лапах у Нечисти.

— По-моему, если уж душа заключена в призме, то ей должно быть довольно-таки безразлично, в чьих лапах находиться.

— Нет, не безразлично, — возразил аббат. — Душа не должна быть в лапах у Нечисти. Она должна находиться среди самых священных для христиан реликвий. Она должна пребывать в лоне Церкви, окруженная благоговейным почитанием, хранимая от всевозможных бед до тех пор, пока в самый последний день она не обретет свободу и не отправится на небо.

— Я полагаю, — сухо заметил Шишковатый, — что ты был бы не прочь приютить ее на освященной земле своего аббатства?

— Разумеется, — ответил аббат, не замечая подвоха.

— И ты не боишься, что аббатство, где хранится такая реликвия, станет самым знаменитым во всей Империи?

— Аларих, — строго сказал Шишковатому дед Харкорта, — это недостойный намек. Я уверен, что аббат…

Он не закончил фразу, потому что в это время на верхней площадке широкой лестницы, которая спускалась в зал, появилась мать Харкорта в сопровождении своих камеристок. Почти в ту же минуту под торжественные звуки труб на стол принесли жареного кабана — во рту у него было яблоко, а на голове венок из молодых побегов падуба.

Глава 6

Было уже поздно, когда Харкорт наконец отправился к себе в спальню. За столом весь вечер бурно веселились. Особенно разговорчива была мать, обрадованная возвращением брата под семейный кров. Дед сидел во главе стола необычно молчаливый, только неразборчиво что-то ворчал, когда к нему обращались, и пил больше, чем всегда. Аббат тоже говорил очень мало, что было на него совсем непохоже. Впрочем, этому удивляться не приходилось: большую часть времени он сидел с набитым ртом и разговаривать просто не мог. Кабан оказался хорош, и аббат отдал ему должное: борода его в отсветах свечей блестела от стекавшего по ней жира. Тем не менее все остальные, следуя примеру хозяйки, оживленно болтали, и вечер прошел необычайно весело.

Добравшись до своей спальни, Харкорт обнаружил, что спать ему совершенно не хочется, и долго расхаживал по комнате, пытаясь понять, что его так обеспокоило. Дело было, конечно, в том, что говорил днем аббат Гай про падение замка Фонтен. Услышав его неосторожные слова, Харкорт был слишком потрясен, чтобы проявить

свои чувства, и еще несколько часов вел себя так, будто ничего не было сказано, но это был для него тяжелый удар. Все прошедшие годы родные старались в его присутствии не упоминать о трагедии, за что он был им от души благодарен: их молчание, конечно, в какой-то степени помогало ему обо всем забыть. И только теперь его друг, увлекшись собственным красноречием, напомнил ему о событии, которое он пытался изгнать из памяти. Временами ему казалось, что все уже почти совсем забыто, но на самом деле воспоминание об Элоизе по-прежнему таилось в глубинах его сознания.

Харкорт перестал шагать по комнате и в нерешительности остановился, глядя на стоящую в углу конторку. Он поднял ее крышку, подвинул стул и поставил на конторку свечу. Потом он присел на стул, выдвинул один из ящиков, достал ключ и отпер другой ящик, нижний слева. Сунув руку в ящик, он нащупал книгу. Он нашел ее сразу, потому что точно знал, где она лежит. Положив книгу на конторку, он раскрыл ее и придвинул поближе свечу.

Свет упал на яркие, четкие рисунки, узоры на полях, замысловатые буквицы. Он глядел на них, затаив дыхание: все это было намного красивее,

чем ему помнилось.

Не сводя глаз со страницы, на которой была раскрыта книга, он пытался вернуть ощущение нежности — той нежности, которую давным-давно, много лет назад, испытывал к Элоизе. Не жалости к самому себе, не печали утраты, не горя, а только нежности и любви. Но нежность не возвращалась. Слишком много прошло времени, подумал он. Все это в далеком прошлом.

Книга была древняя — ее возраст насчитывал, быть может, не одну сотню лет. Она появилась в те забытые теперь времена Возрождения, когда люди после долгих веков мрака вновь обрели способность видеть красоту в своих мыслях и чувствах. На протяжении многих лет книга принадлежала семье Элоизы — к ней она перешла от покойной бабушки. А Элоиза подарила книгу ему. Подарок выглядел довольно неожиданным: кто бы мог подумать, что Чарлз способен оценить прелесть часослова? Никто, кроме Элоизы, — она предвидела это и подарила свое фамильное сокровище тому, кого любила и кто любил ее.

Он попытался припомнить, что сказала она ему, когда сделала этот подарок, что они сказали тогда друг другу, но ничего вспомнить не смог: все ушло в прошлое, все было стерто горем и

отчаянием. Сидя глухой ночью за конторкой, он наконец понял, чего стоило ему это горе.

Когда-то эту книгу держала в руках Элоиза, эти страницы переворачивали ее пальцы, то, что сейчас видит он, видели ее глаза. Она много лет бережно хранила книгу — а как же иначе, ведь книгу много столетий берегла ее семья, — а потом подарила книгу ему. Элоиза, чье лицо он уже не мог вызвать в памяти и помнил только, что вокруг ее глаз набегали веселые морщинки, когда она смеялась.

Он долго сидел, разглядывая книгу. На изящных миниатюрах были изображены крестьяне — одни пасли свиней, другие, забравшись на яблоню, собирали яблоки, третьи укладывали в копны хлеб, который тут же, рядом, убирали косари, а вдали виднелись смутные очертания замка с изящными шпилями, высокими башнями и маленькими башенками на стенах — замка, совсем не похожего на тот, в каком жил его род.

В те времена, когда были сделаны эти рисунки, люди смотрели на мир совсем другими глазами, и сам мир был светлее, а люди в нем — счастливее. Может быть, Элоиза думала, что они двое, если достанутся друг другу, тоже смогут видеть мир таким, каким видел его тот древний художник,

который нарисовал свинопасов и крестьян, собирающих яблоки.

Харкорт еще долго сидел за конторкой при мерцающем свете свечи, глядя в книгу, но не видя ее, а пытаясь увидеть все то, что стояло за ней, снова ощутить все то, что она для него значила. В конце концов он закрыл книгу, положил в ящик, запер и спрятал ключ.

Все не так, подумал он. Ничего не получается. Память изменила ему, он ничего не мог припомнить. Ушло то живое, острое чувство любви, что испытывали они оба. Слишком долго он предавался горю.

Встав из-за конторки, он подошел к шкафу, стоявшему у стены, достал длинный плащ и накинул на плечи.

В большом зале он повстречал мать, которая, как всегда, обходила на ночь дом, проверяя, все ли улеглись, Сколько он мог припомнить, она делала это каждый вечер.

— Чарлз, — сказала она укоризненно, — тебе бы надо быть уже в постели и крепко спать. День выдался нелегкий.

— Я хочу только пройтись, подышать воздухом.

— Ты точь-в-точь как твой отец — он всегда

был такой замкнутый, задумчивый, никто его не мог понять. Даже я хоть и любила его, а не понимала. Не знаю, понимал ли он сам себя. Может быть, я не могла его понять потому, что мы были совсем разные: он родом с сурового севера, а я — из южной Галлии, страны теплой, доброй и, я бы сказала, цивилизованной, не то что эта. Хотя если говорить по совести, то я была счастлива, что он взял меня с собой сюда. Я была готова ехать с ним куда угодно. Куда бы он ни отправился, я последовала бы за ним. Ты совсем как он, Чарлз, и берегись, чтобы тебя тоже не одолела хандра.

В первый раз за многие годы она заговорила с ним об отце, хотя он был убежден, что за это время не прошло и дня, чтобы она о нем не подумала. Харкорт отца совсем не помнил. Меньше чем через год после его рождения отец был убит на охоте — стрела пронзила ему горло. Никто никогда не разговаривал с Харкортом на эту тему, но сам он часто думал, не был ли отец из тех людей, у кого есть враги, способные убить человека стрелой в горло. Но каков бы ни был отец, теперь он покоился в аббатстве, рядом со своим отцом, и с отцом его отца, и со всеми остальными Харкортами, которые умирали здесь с тех пор, как на земле Харкортов и под их покровительством

построили аббатство.

Харкорт вырос под присмотром деда по матери, который приехал с юга, чтобы помочь управлять поместьем. Дед привез с собой Шишковатого, а позже появился и дядя Рауль. Какое положение занимал род его матери в южной Галлии, Харкорт толком так и не знал, хотя у него и создалось впечатление, что это была одна из ветвей богатого купеческого семейства. Он помнил, что одно время мать часто рассказывала о любимой стране, которую покинула, но только о стране, а не о положении, которое занимал там ее род. После смерти отца мать больше не вышла замуж, что, как позже узнал Харкорт, было предметом оживленного обсуждения в замках и поместьях, лежавших вверх и вниз по реке. Временами ему приходило в голову, что она осталась незамужем не только из любви к отцу и из верности его памяти, но, может быть, и ради сына. Она могла опасаться, что, неудачно выйди замуж, поставит под угрозу его права на наследство. Управление поместьем взял на себя переехавший с юга дед, и все эти годы, пока Харкорт подрастал, он вел хозяйство так же хорошо, как если бы это была его собственная земля.

— Не задерживайся долго, — предупредила

мать. — Конечно, по молодости и из упрямства ты с этим, может быть, и не согласишься, но тебе нужно выспаться.

Подъемный мостик был опущен. Теперь его поднимали редко, нужды в этом не было. Однако у ворот постоянно дежурила стража, готовая в случае необходимости быстро его поднять.

Калитку, которая вела на мостик, охранял старый Раймонд.

— Особенно не загуливайтесь, — предостерег он Харкорта. — И далеко не ходите. Я только что слышал волков. По-моему, целую стаю. Если вам надо подышать воздухом, почему бы вам не прогуляться по стенам?

Харкорт покачал головой. В это время года волки на людей не нападают. Им хватает корма в лесу. Они становятся опасными только в разгар зимы.

Раймонд что-то недовольно проворчал. Харкорт не обратил на это внимания: Раймонд всегда был чем-нибудь недоволен. Переходя мостик, Харкорт еще слышал позади его ворчанье.

Ночь была темная. На западе над самым горизонтом стояла луна, но ее закрывала полоска облаков. Остальное небо было чисто, и на нем ярко светились звезды.

Он поднялся по косогору и вышел на дорогу, которая шла через пшеничное поле. Шагая по ней, он вспоминал тот день, когда Нечисть сняла осаду и он с небольшим, но хорошо вооруженным отрядом поехал узнать, как выдержали набег соседи, потому что всем было ясно — нападению должно было подвергнуться не только поместье Харкортов и аббатство, но и широкая населенная полоса вдоль реки.

Все было хорошо, пока они не достигли замка Фонтен. Там Нечисти удалось прорвать оборону, и в живых не осталось никого — были перебиты все до последнего цыпленка. Над замком стоял удушливый смрад, и повсюду валялись трупы. Не только человеческие: среди них попадались и великаны-людоеды, и тролли, даже два дракона и какие-то еще страшные и мерзкие существа, Харкорту неизвестные. Фонтан пал, но Нечисть дорого заплатила за эту свою победу.

Преодолевая отвращение, они подобрали человеческие останки. Опознать почти никого не удалось, и всех поскорее похоронили в общей могиле: тела уже несколько дней пролежали на солнцепеке.

Подошедший Шишковатый сказал тогда Харкорту:

— Это работа не для тебя. Пусть ею займутся другие.

Харкорт помнил, что в ответ упрямо покачал головой:

— Нет, она где-то здесь, мне нужно найти. Нужно похоронить ее отдельно, а не бросать в яму вместе с остальными.

Гай, который присоединился к ним, когда они ехали мимо разоренного аббатства, тоже пытался его отговорить, но он не хотел ничего слышать.

Ее так и не нашли, хотя Харкорт и понимал — это не значит, что ее там не было. Многие тела были так изуродованы, что почти потеряли всякий человеческий облик. А хуже всего были черви, которые кишели на трупах.

Все, что осталось, погребли в общей могиле. Аббат Гай — он тогда был еще не аббат, а простой священник, — стоя у могилы, отслужил заупокойную службу, а остальные, обвязав лица платками, чтобы не чувствовать смрада, засыпали яму землей.

Харкорт дошел до края поля и остановился, глядя назад, в сторону замка. «Зачем я так себя мучаю? — подумал он. — Зачем снова и снова переживаю тот день во всех его жутких подробностях? Зачем сейчас брожу в темноте, вспоминая

его, как будто нарочно стараюсь продлить свои страдания, наказать себя за несуществующую вину?»

Перед ним возвышался черный силуэт замка, лишь кое-где в нем горели огоньки. А за рекой лежали Брошенные Земли — темное пространство ночи под испещренным звездами небосклоном. Там, за рекой, притаилась Нечисть. Где-то там, если прав его дядя, спрятана призма Лазандры. Он знал, что в эту самую минуту Гай в своем аббатстве ворочается в постели без сна, мечтая совершить вылазку на Брошенные Земли, вызволить призму, вернуть ее в аббатство и окружить почитанием. Ему никак не дает покоя мысль, что когда-то она могла храниться в аббатстве, которое стояло здесь в незапамятные времена.

Харкорт поглядел вверх, на звезды. Там, на своем обычном месте, виднелась Повозка — самое первое из созвездий, которые показал ему Шишковатый, и две звезды в задней стенке этой небесной повозки, как всегда, указывали на Большую Звезду Севера, стоявшую над самым горизонтом.

— Она всегда лежит на севере, — говорил ему Шишковатый, — а две звезды в задней стенке Повозки всегда указывают на нее. В любую ночь

отыщи эту яркую звезду, и сразу станет ясно, в каком направлении идти.

Харкорт вдруг почувствовал озноб. До сих пор он не ощущал никакого холода — ни от черноты ночи, ни от ветерка, который тянул с северо-запада. Он понял, что озноб идет изнутри.

Он должен был совершить эту прогулку в ночной тьме, поглотившей землю, чтобы еще раз погрузиться в воспоминания. Теперь с этим покончено.

Он быстро зашагал в сторону замка.

Глава 7

Аббат явился в замок перед самым завтраком и вместе с остальными закусил свининой, а потом все гурьбой отправились проведать дядю Рауля.

Рауль уже встал и сидел в кресле — таких в замке было всего несколько штук, и семья ими гордилась. Он был закутан в просторный халат, когда-то роскошный, а теперь сильно потертый и заношенный, но все еще теплый и удобный. Кто-то попытался причесать Рауля по моде, но его волосы слишком долго не знали гребня и теперь, несмотря ни на что, буйно торчали во все стороны.

— Как ты себя чувствуешь? — ворчливо спросил дед. — Хорошо спал? Немного поживешь здесь на этот раз или опять ударишься в бега?

— Отец, ты же знаешь, я каждый раз ничего не мог с собой поделать, — отвечал Рауль. — Мне незачем было тут оставаться. Это не моя страна — я приезжал сюда, только чтобы повидаться с тобой и с Маргарет — ну и с Чарли, конечно. Мы с Чарли всегда были большие друзья. Мы с ним хорошо ладим. Помнишь, Чарли, как я тогда нанял тебя следить…

— Никто об этом не знает, дядя Рауль, — сказал Харкорт. — Ты же не велел мне никому говорить, я и не говорил. И даже когда ты уехал, я время от времени присматривался, не появятся ли эти два человека. Но они так и не появились. А ты их видел?

— Да, — сказал Рауль. — Я их потом видел. Они меня настигли.

— Ну и?

— Видишь, я ведь здесь, — ответил Рауль. — Сам можешь сообразить.

— Это еще что? — рявкнул дед. — Что тут происходит? Не хочешь ли ты сказать, Рауль, что впутал моего внука в какие-то свои темные делишки?

— Это было давно, — сказал Харкорт. — Я был еще мальчишкой. Он нанял меня, чтобы высматривать двух человек, которые его преследовали. Я ничего не должен был делать — только прибежать и сказать ему.

— Ну, тут ничего плохого как будто нет, — проворчал дед. — Но все равно мне это не нравится, Рауль.

— Я знал, что тебе это не может понравиться, — ответил Рауль. — Поэтому и не велел тебе говорить. Ну ладно, вернемся к моим оправданиям.

— Я не заставляю тебя оправдываться.

— Нет, заставляешь. Ты всегда уговаривал меня остаться и пустить корни. Надо пустить корни в этой земле, говорил ты. Только дело в том, что это не моя земля и не твоя. Если бы не ты и не Маргарет, это была бы для меня совсем чужая земля — такая же чужая, как та, где я странствовал.

— Теперь это моя земля, — заявил Харкорт чуть более высокомерно, чем ему бы хотелось. — И я говорю тебе — добро пожаловать. Я хотел бы, чтобы ты остался. Почему тебе в самом деле не остаться? Для деда это было бы большое утешение, а мы постарались бы, чтобы ты чувствовал себя как дома.

Рауль долго смотрел ему прямо в глаза, а потом сказал:

— Чарли, очень может быть, что я поймаю тебя на слове. Я уже не так молод и, может быть, на некоторое время останусь. Но я ничего не обещаю, — добавил он, обращаясь к отцу. — Если мне снова вздумается уехать, я уеду.

— Знаю, — ответил дед. — Тебя не удержишь. — И он сказал аббату. — Прости уж нас за эту неприличную семейную сцену. Такое у нас бывает нечасто. Извини, что тебе пришлось быть ее свидетелем.

— Это была сцена, преисполненная подлинно родственных чувств, — спокойно отозвался аббат. — На самом деле это мне следовало бы извиниться за то, что я при ней присутствовал. Это я навязался вам самым недостойным образом. Могу сказать одно — я здесь только по одной причине: то, что Рауль нашел на Брошенных Землях, близко касается меня.

— А что ты там нашел? — спросил Рауля дед. — Чарлз говорил, что ты сказал ему, будто нашел призму Лазандры?

— На самом деле я ее не нашел — только узнал, где она. Я ее не видел и не держал в руках, но убежден, что знаю, где она спрятана. Я не смог до нее добраться, потому что ее слишком тщательно охраняют — в одиночку туда не проникнуть.

— А ты уверен, что она там, где ты думаешь? — спросил аббат.

— Даю голову на отсечение.

Дед задумчиво кивнул:

— По мне, этого достаточно. Если мой сын дает голову на отсечение, значит, он в этом убежден. А ты не расскажешь нам, Рауль, как тебе это удалось? Как ты узнал, где она?

— Могу рассказать, только без всяких имен. Имен я называть не буду, потому что даже знать,

что она существует, опасно. Впервые я услышал о ней в Константинополе. Я, конечно, знал эту легенду, ее почти все знают. Но тогда в первый раз один человек поклялся мне, что призма действительно существует. Я спросил его, откуда он знает, и он рассказал мне, хотя, как я подозреваю, далеко не все. Даже в таком виде это была длинная, запутанная история, я и пробовать не буду ее пересказать. Можете себе представить, как она меня заинтересовала, — я чувствовал, что это правда, и с тех пор старался не пропустить мимо ушей ни одного намека, да и сам пытался осторожно кое-что разузнать, когда мне казалось, что это можно сделать, не подвергая себя опасности. До меня, конечно, доходило множество диких слухов, в которых не было ни зернышка истины. А потом я попал в Гирканию, это на южном побережье Каспийского моря, и там, в келье одного отшельника, мне показали пергамент, где значилось название местности. И эта местность, как я узнал позже, расположена у нас, на Брошенных Землях. Но самое главное — то, что говорилось в этом пергаменте, почти во всех подробностях совпадало с тем, что я услышал тогда в Константинополе. А написан этот пергамент был всего лет сорок спустя после того, как

призма попала на Брошенные Земли, — между прочим, в те времена там, за рекой, были вовсе не Брошенные Земли, а римская провинция. Конечно, не исключено, что человек, который это писал, узнал все из вторых рук. Но по некоторым его словам можно было понять, что это не просто слухи, многократно передававшиеся из уст в уста, с каждым разом все больше искажаясь.

— Но даже если так, — сказал дед, — то почему же ты решился отправиться на поиски? И рискнуть ради этого жизнью?

— Мне случалось рисковать жизнью ради вещей куда менее важных. Чаще всего — ради земных благ, которые годятся только на то, чтобы украсить мое бренное существование. А тут наконец представился случай сделать что-то для собственной души. У каждого человека в жизни наступает время, когда он начинает думать не только о кошельке, но и о душе. Только обычно это случается слишком поздно.

— Это я могу понять, — сказал старик.

— Именно так я и сделал, — продолжал Рауль. — И добрался до той местности, которая была названа в пергаменте. Но добравшись туда, я узнал, что призмы там больше нет.

— Откуда ты мог это узнать? — спросил Хар-

корт.

— Мне сказали. Один человек сказал.

— Человек? На Брошенных Землях?

— Там еще живет довольно много людей. Тех, кто не смог или не захотел бежать, когда туда пришла Нечисть, теснимая варварами. Римские легионы покатились назад под натиском ее превосходящих сил, и вместе с ними бежали многие, бросая все, что у них было, и спасая свою жизнь от ужасов, которые преследовали их по пятам. Но бежали не все — остались упрямцы, остались глупцы, остались те, кто сохранил надежду — может быть, всего лишь надежду на милосердие Божье. Многие из тех, кто остался, погибли, но кое кто укрылся в болотах или в других потаенных местах, и эти немногие выжили, хотя, конечно, не все. И их потомки до сих пор живут там. Живут, наверное, и другие — простаки или, быть может, храбрецы, не знаю: те, кто за эти годы по разным причинам вернулся на земли, оставшиеся во власти гоблинов. Люди все еще живут там — терпя угнетение, боясь поднять голову. Нечисть мирится с их присутствием — я думаю, они ее забавляют. И вот один из этих людей, старый священник — по крайней мере, он называл себя священником, хоть я и не уверен, что так оно и

есть, — который скрывался в покинутом, полуразвалившемся храме, сказал мне, что призма не в этом храме, как я полагал, а в другом месте, немного дальше. Мы проговорили целую ночь. Он умолял меня разыскать призму и вернуть ее христианской церкви. Он сделал все, чтобы мне помочь. Временами трудно было разобрать, что он говорит: у него не хватало четырех передних зубов, двух верхних и двух нижних, вместо них была ужасающая брешь, и он не столько говорил, сколько шипел и свистел. Он и сам бы отправился со мной, но он был слишком стар и дряхл, сил на поиски у него не было.

— И вы нашли это другое место? — спросил аббат.

— В конце концов нашел. Я пытался проникнуть туда и чуть было не погиб. Оно слишком хорошо охраняется, чтобы туда можно было проникнуть в одиночку. Я даже не смог толком его рассмотреть. Священник сказал мне, что когда-то это был дворец. Мне кажется, это был не дворец. Скорее римское поместье — из тех роскошных вилл, что возводили для себя богатые и влиятельные землевладельцы. Она стоит посреди большого парка, который окружен стеной и зарос одичавшими деревьями и кустарником. Я убеж-

ден, что призма там. Так сказал мне священник, а он, по-моему, человек искренний, правдивый и сохранил остроту ума, несмотря на возраст. То, как хорошо это место охраняется, подтверждает, что там находится что-то очень ценное.

— А как оно охраняется? — спросил аббат.

— Чарами. Некромантией, волшебством, называйте как хотите. Там полно ловушек, а их стерегут драконы, великаны, тролли…

— И несмотря на все это, ты попытался проникнуть внутрь?

— Попытался, — ответил дядя.

— В одиночку… — сказал аббат. — А двое могли бы туда проникнуть? А трое? Или только целая армия?

— Армия — нет. Только не армия. Если бы через Брошенные Земли попробовала пройти армия, она была бы стерта с лица земли. Она не прошла бы и десяти лиг. Туда может прокрасться тайком только маленький отряд. Так удалось попасть туда мне.

— А маленький отряд из решительных, находчивых людей мог бы надеяться на успех?

— Кое-какие шансы у него могли бы быть. Очень небольшие. Я бы на такие шансы не поставил.

— Уж не собираешься ли ты сделать такую

попытку? — недовольным тоном спросил дед аббата.

— Я думал об этом, — ответил аббат и бросил пристальный взгляд на Харкорта. Тот пожал плечами.

— Не знаю, — сказал он.

— Это благородное дело, — сказал аббат. — Святое дело. Крестовый поход во имя Церкви.

— И ради славы твоего аббатства, — вставил Шишковатый.

— Да, об этом я, может быть, тоже думал, — ответил аббат, — но не только об этом. Ради нашей Святой Церкви. И вот что еще. Есть легенда — ну, не совсем легенда, скорее, пожалуй, слух, но его отчасти подтверждает одна древняя рукопись, которую я нашел. Этот слух гласит, будто когда-то призма Лазандры хранилась в том самом древнем аббатстве, на фундаменте которого стоит нынешнее.

— Ты хочешь сказать, твое аббатство? — переспросил Шишковатый. — То, где ты аббат?

Аббат кивнул.

— Он прав, по крайней мере, в одном, — сказал дед. — В последние годы я от нечего делать просматривал архивы этого поместья. Аббатство, которое построил род Харкортов, в самом деле

возведено на фундаменте другого, более древнего. Камень, из которого оно было сложено, большей частью пошел на строительство нашего замка, а когда было решено построить новое аббатство, его возвели на фундаменте того, прежнего.

— Я этого раньше не знал, — сказал Харкорт. — Аббат сказал мне об этом только вчера.

— Ты редко заглядываешь в старые бумаги, — сказал дед. — У тебя хватает других забот.

— Теперь вы видите, — сказал аббат, — я вроде как лично заинтересован в этом деле. Не то чтобы я был совершенно убежден, что все это правда. Но есть некоторый шанс, что это правда.

— На мой взгляд, пытаться вернуть призму Лазандры — чистое безумие, — сказал дед. — С твоей стороны, аббат, безумие даже думать об этом. А с твоей стороны, Рауль, было безумием пытаться это сделать.

— Да, это было безумием, — ответил дядя Рауль — Теперь я знаю. Но тогда не знал.

— Ты мог бы только рассказать нам, как туда добраться, — сказал аббат. — Может быть, нарисовать план. Зная, что у нас впереди, мы совершили бы этот путь куда быстрее и избежали бы многих опасностей.

— Да, я мог бы это сделать. Но не знаю, сделаю

ли. Мне очень не хочется. Не хочу, чтобы ваша гибель осталась на моей совести.

— Даже во имя Божье?

— Даже во имя Божье, — ответил Рауль.

— Все зависит от того, — сказал Харкорт, — в каком направлении нужно двигаться.

— Прямо на запад, — ответил дядя.

— Римская когорта, которая проходила здесь вчера, — сказал Харкорт, — вероятно, направится к северу. Она отвлечет силы противника. Нечисть последует за ней на север. Может быть, нам и удастся проскользнуть незамеченными.

— А что вы будете делать, когда доберетесь до этого дворца или поместья? — спросил дед.

— Там видно будет.

— Значит, ты всерьез думаешь пуститься в эту дурацкую авантюру?

— Ну, не совсем, — ответил Харкорт. — Я всего лишь оцениваю ситуацию. Мысли вслух, упражнение в тактике.

— Я сказал, что не стану рисовать план и помогать вам, — произнес после некоторого колебания Рауль. — Но тут есть еще одна сторона, о которой я ничего не сказал. Чарли, очень может быть, что это касается лично тебя.

— Лично меня? Каким образом?

На лице Рауля отразилось мучительное сомнение.

— Я не хотел об этом говорить, — сказал он, — потому что это может повлиять на твое решение. Но все же сказать, по-моему, надо. Иначе я никогда бы этого себе не простил. Я просто не мог бы смотреть тебе в глаза.

— Так скажи, ради Христа! — воскликнул Харкорт. — Говори скорее. Это что-то очень страшное?

— Страшного в этом ничего нет, но мне не хотелось…

— Давай выкладывай, — вмешался дед. — Мой внук уже взрослый. Если это действительно его касается…

— Когда в ту ночь я разговаривал в храме со священником, — начал Рауль, — он назвал одно имя. Оно показалось мне знакомым, и потом я вспомнил, где его слышал. Это имя — Элоиза.

Харкорт вскочил со стула.

— Элоиза? — вскричал он. — Что ты слышал про Элоизу?

— Держи себя в руках, Чарлз, — строго приказал ему дед. — От крика толку не будет. Что ты слышал про Элоизу? — продолжал он, обращаясь к Раулю. — Элоизы нет в живых, ее убили семь

лет назад. И ты это прекрасно знаешь. В этом доме не следует легкомысленно поминать ее имя без особых на то причин.

— Есть некоторый шанс, что она жива, — сказал Рауль. — В том месте, где находится призма, живут люди. В доказательство своих слов тот священник, который мне все это рассказал, назвал два имени. Элоиза было одно из них.

Харкорт почувствовал внезапный прилив слабости и, весь дрожа, опустился на стул.

— Ниоткуда не следует, — сказал ему дядя, — что это твоя Элоиза. Я же говорю, что есть только некоторый шанс.

Но Харкорт знал, что упустить такой шанс он не может. Когда речь идет об Элоизе, он не вправе пренебречь даже самым малым шансом. Ничто не может его остановить, нет такой опасности, которая заставила бы его повернуть назад. Если Элоиза еще жива…

— Возможно, она и осталась в живых, — сказал он. — Мы ведь не нашли ее тела.

— Там было множество тел, которые мы не смогли опознать, — напомнил дед.

— Да, я знаю, — сказал Харкорт. — Но если есть хоть какой-то шанс…

Кто-то положил ему на плечо могучую руку

и крепко его обнял. Он оглянулся и увидел, что это аббат.

— Мы отправимся туда, — сказал аббат. — Мы двое отправимся туда и вернемся с Элоизой, а может быть, еще и с призмой.

Харкорт понуро сидел на стуле. В глазах у него все плыло, как будто комнату вдруг заполнила быстро бегущая вода. До него как будто издалека донесся голос дяди:

— Простите меня. Мне не нужно было…

— Нет, нужно, — возразил ему дед. — Если бы ты ничего не сказал, это было бы нечестно. Мальчик горевал о ней много лет.

Очертания комнаты стали уже не такими зыбкими, как будто вода спала, и все вокруг вновь обрело четкость.

Харкорт сказал:

— Я пойду. Никто меня не остановит. И аббат пойдет со мной, потому что теперь у нас обоих есть на то причина.

— В таком деле мы должны быть очень осторожны, — сказал дед. — Если хоть кто-нибудь об этом услышит…

— Сохранить тайну не удастся, — возразил Шишковатый. — Как бы мы ни старались. Даже у этих стен есть уши. К вечеру слухи пойдут не

только по замку, но и по всей округе.

— Слухи, может быть, и пойдут, — сказал дед, — но никто не будет знать, куда вы собрались. По крайней мере, пока вы не отправитесь. — Он взглянул на Харкорта и спросил: — Ты твердо решил идти? Если ты передумаешь…

— Не передумаю, — заверил его Харкорт. — Я пойду.

— Вы, конечно, понимаете, — вмешался Шишковатый, — что я пойду с вами? Не могу же я вас отпустить одних.

— Спасибо, — ответил Харкорт. — Я надеялся, что ты тоже пойдешь, но не мог тебя об этом просить.

— Ну, теперь у меня на душе стало полегче, — сказал дед. — Двоих было бы маловато. Я бы тоже с вами пошел, хоть и считаю это дурацкой затеей, но от меня вам было бы немного толку. Я бы вам только мешал.

«Ну вот, — подумал Харкорт, — все решено, теперь надо действовать. Действовать, но не во имя алчности, которая тоже часто толкает на решительные поступки, а во имя любви и благочестия. Хотя очень может быть, что благочестие — тоже разновидность любви, только не такая бурная».

То, что еще совсем недавно казалось ему из-

рядной глупостью, то, что его дед все еще считал дурацкой затеей, теперь представлялось ему делом простым и заурядным, которое мог бы предпринять кто угодно.

— Троих хватит, — говорил тем временем Шишковатый. — Нам придется передвигаться быстро и скрытно. Мы не будем пользоваться дорогами, мы будем всячески их избегать.

— Там есть древняя римская дорога, — сказал аббат, — она идет прямо на запад. Мы пойдем южнее ее.

— Вы уверены, — спросил дед, — что вам не пригодятся несколько хороших бойцов? Мы могли бы отобрать самых надежных.

— Они не вложат в это свою душу, — сказал Харкорт. — Они будут всего бояться. Они будут всем недовольны.

— В любом случае, — сказал Шишковатый, — мы не будем рваться в бой. Мы будем всеми силами избегать столкновений. Мы будем передвигаться быстро и налегке, неся с собой все припасы. Вполне возможно, что мы вернемся очень скоро.

— А когда вы доберетесь до того места, где находится призма? — спросил дед.

— Там мы наверняка не задержимся, — ответил

Харкорт. — Или мы проникнем туда, или нет, хотя я твердо намерен туда проникнуть. В любом случае засиживаться там нам незачем.

— Рауль еще до вечера нарисует план, — сказал дед, — и все вам по нему объяснит. Раз уж вы собрались идти, нечего мешкать. Через день-два в округе поползут всякие слухи, о которых могут так или иначе узнать за рекой. Вы должны переправиться на ту сторону до того, как Нечисть узнает о вас.

— А это означает, что мы не можем перейти реку по мосту, — сказал аббат. — Кто-нибудь обязательно нас заметит. Что мы куда-то уехали, будут знать все, но если мы сможем незаметно переправиться через реку, никто не узнает, куда мы направляемся.

— У мельника есть лодка, — сказал Харкорт, — и даже в самую темную ночь он чувствует себя на реке как дома. Он мог бы высадить нас на той стороне намного ниже моста.

— Это хорошая мысль, — поддержал его дед. — Жан из тех, кому можно довериться. Он умеет держать язык за зубами. Чарлз, почему бы тебе сейчас не съездить к нему и не договориться?

— Я считаю, мы должны отправиться сегодня же ночью, — сказал Шишковатый. — Чем дольше

будем ждать…

— Верно, — согласился дед. — Отправляйтесь сегодня же ночью.

Глава 8

Мельник Жан и Иоланда сидели на лавочке возле своего домика, когда Харкорт спустился к ним по тропе. Иоланда играла с котенком, а мельник сучил веревку. При виде Харкорта оба поднялись и стоя ждали, пока он подъедет. Он спешился, привязал коня к дереву и подошел к ним.

— Добро пожаловать, мой господин, — сказал мельник, коснувшись рукой лба. — Как чувствует себя сегодня твой дядюшка?

— Прекрасно. Он ничуть не изменился. Жан, я приехал, чтобы попросить тебя об одной услуге.

— Буду рад оказать тебе любую услугу.

— Только это между нами, — сказал Харкорт. — Все должно остаться в тайне.

— Мой господин, — ответил мельник, — ты можешь доверить мне даже свою жизнь.

— Очень может быть, что речь идет именно об этом. Стоит тебе сказать хоть слово… Иоланда, к тебе это тоже относится.

— Это относится ко всем нам, — сказал Жан. — Ко мне, к Иоланде и к моей жене. Можешь на нас положиться.

— Хорошо, — сказал Харкорт. — Да, наверное,

на вас можно положиться.

— Что я могу для тебя сделать, мой господин?

— Я собираюсь на Брошенные Земли. Я и еще двое. Никто не должен знать, что мы туда отправились. Мы не можем ехать по мосту. Кто-нибудь нас увидит, и это станет известно.

— Я могу перевезти вас через реку на лодке и высадить ниже моста, — предложил Жан. — После того как стемнеет. В самое глухое ночное время. Я знаю реку, и мне…

— Об этом я и хотел тебя просить, — сказал Харкорт. — И чтобы ты никому об этом не говорил. Ты должен вернуться задолго до рассвета, чтобы никто тебя не видел.

— Если вы собрались на Брошенные Земли, я иду с вами, — заявила Иоланда.

Харкорт повернулся к ней:

— Нет, ни в коем случае.

— Что ты, Иоланда! — сказал Жан.

Капюшон плаща у Иоланды был откинут, и льняные волосы рассыпались по плечам.

— Это моя лодка, — сказала она упрямо. — Жан мне ее подарил. Я ездила на ней больше, чем он. Он почти никогда ей не пользуется, поэтому и подарил ее мне. И потом, я ведь была на Брошенных Землях. Я их знаю. Вам нужен кто-нибудь,

кто бы их знал.

— Я слышал, что ты бываешь на Брошенных Землях, — сказал Харкорт. — По крайней мере, про тебя ходят такие слухи. Только я никак не мог понять — зачем. И не верил. Жан, зачем ты ее туда отпускаешь?

— Мой господин, — ответил Жан, — я ничего не могу поделать. Ее ведь не остановишь. Мы об этом с ней говорили. Она ничего не хочет нам объяснять, никогда ничего не рассказывает. Мы боялись, что потеряем ее, если станем настаивать на своем. И в то же время мы боялись, что пойдут всякие слухи.

— Этот слух был очень смутный, — успокоил его Харкорт. — Мне его сообщили под строгим секретом. Мало кто об этом слышал.

Он повернулся к Иоланде и сказал:

— Ты же знаешь, я мог бы просто взять лодку. Не спрашивая ни у кого разрешения.

— Да, мог бы, — ответила она невозмутимо. — Но тогда ты не мог бы положиться на то, что мы будем хранить молчание.

У Жана побелело лицо, он сделал шаг к ней и замахнулся.

— Стой! — резко остановил его Харкорт. — Пожалуйста, не надо! Почему ты хочешь идти с

нами? — спросил он Иоланду.

— Наша семья, — отвечала она, — живет здесь почти столько же времени, сколько и род Харкортов. Наши мужчины много столетий принимали участие в ваших войнах, сражались плечом к плечу с вами, помогали защищать эту землю. Теперь настала моя очередь.

— А чем ты могла бы нам помочь, если бы мы тебя взяли?

— Я могла бы ходить в разведку. Я знаю, что может нам грозить там. Я хорошо умею обращаться с луком и могу приносить вам дичь. Я могу собирать фрукты и другую еду. Я не буду вам помехой.

— Ну и нахалка! — возмутился Жан. — Надо же, какое нахальство! Мой господин, я не могу выразить, как я…

— Не извиняйся, — прервал его Харкорт. — Что ты об этом думаешь?

— О чем, мой господин?

— О том, чтобы ей пойти с нами?

Жан постарался взять себя в руки и сказал:

— Все, что она говорит, правда. Она все это может. Она может разведывать дорогу. Она видит такое, чего никто не замечает. Я не считаю, что ей надо идти с вами. Если она пойдет, я буду за

нее переживать. Не знаю, что это ей взбрело в голову. Но вам бы мог быть от нее кое-какой толк. Она стоит любого мужчины. А если вам нужен еще кто-нибудь…

— Больше никто нам не нужен, — сказал Харкорт. — Нас должно быть немного. Мы должны передвигаться быстро и скрытно.

— Я, конечно, хромой и быстро двигаться не могу. Но с правой рукой у меня все в порядке, и я могу натянуть лук не хуже любого другого.

— Нет, спасибо, приятель, — сказал Харкорт. — Очень может быть, что мы оттуда не вернемся. Ты это, конечно, понимаешь? — повернулся он к Иоланде. — Ты подвергнешь себя большой опасности.

— Понимаю, мой господин, — спокойно ответила она.

Харкорт пристально посмотрел на нее.

— Мне это не нравится, — сказал он.

«И все же, — подумал он, — она может быть нам полезна. Она знает местность и выглядит довольно крепкой. Может случиться так, что мы окажемся на волосок от поражения, и именно она решит дело в нашу пользу. Видит Бог, нас слишком мало. Еще один человек может оказаться кстати. А хуже всего, что времени на размышле-

ния у нас нет».

Он еще раз взглянул на нее и решился.

— Будь готова, — сказал он. — Отправляемся сразу, как только стемнеет. Жан, грести будешь ты?

— Грести буду я, — ответил Жан.

Глава 9

Харкорт лежал на животе в кустарнике на опушке леса и смотрел, как резвятся единороги. До них пор он еще никогда не встречал единорогов; он читал о них и слышал множество рассказов, но видеть их воочию ему не приходилось. Они и в самом деле так прекрасны, как говорят, подумал он. Слева от него лежал аббат Гай, справа Иоланда, а за ней Шишковатый — все четверо лежали цепочкой в кустах и любовались единорогами. Харкорт знал, что аббат, как и он, тоже никогда не видел единорога. Иоланде, конечно, доводилось их видеть, в этом он не сомневался, хотя сейчас и она смотрела на них как зачарованная. Насчет Шишковатого он ничего сказать не мог: может быть, тот и видел единорогов, а может, нет, но Шишковатый вообще существо таинственное, про него никто ничего толком не знает.

Единороги резвились на поляне, только один стоял спокойно и два лежали на траве, а остальные весело скакали взад и вперед. Тот, что стоит, подумал Харкорт, и те два, что лежат, — наверное, постарше, они за свою жизнь уже наигрались.

А остальные скакали по траве, гонялись друг за другом и подпрыгивали высоко в воздух, как будто демонстрируя всякому, кто мог их видеть, свою ослепительную красоту. Все они были белой масти, с гладкой шелковистой шерстью, словно старательно вычищенной конюхом не больше чем час назад. Их извитые рога сверкали на полуденном солнце.

Фей поблизости видно не было. Иоланда, уходившая вперед разведать дорогу, прибежала обратно и сообщила, что видела табун единорогов.

— Но если вы хотите на них посмотреть, — сказала она, — постарайтесь, чтобы вас не заметили. Где есть единороги, там обычно держатся и феи. Они просто обожают единорогов. Не знаю почему, и никто этого не знает. Только если видишь единорога, смотри, нет ли поблизости фей, не показывайся на открытом месте и держись начеку. Феи — страшные болтуньи: стоит им нас заметить, как они стрелой помчатся во все стороны, чтобы сообщить об этом всем, кто только захочет слушать.

Следуя совету Иоланды, они подкрались к единорогам со всей возможной осторожностью. Харкорт знал много самых невероятных исто-

рий про единорогов, но никогда не слыхал, что они дружат с феями. Тем не менее он поверил Иоланде, как, очевидно, и остальные, потому что они тоже держались очень осторожно. Он вновь задумался об этой странной девушке. Сирота, которая появилась неизвестно откуда и стала приемной дочерью мельника и его жены; создательница замечательных деревянных фигурок, которая видит в куске дерева заключенную в нем форму и вызывает ее к жизни… Почему она так привязана к Брошенным Землям? Может быть, она пришла оттуда и все еще сохранила с ними какую-то внутреннюю связь, все еще испытывает к ним неодолимую тягу? Может быть, корни ее подсознания глубоко и прочно переплелись с жизнью Брошенных Земель? Может быть, там жили ее предки?

«А чего ради, — спросил он себя вдруг с некоторым смущением, — мы все четверо ползаем по кустам, чтобы поглазеть на единорогов, даже если тут есть еще и феи? Уж на фей-то мы насмотрелись досыта с тех пор, как переправились через реку. Надоедливые создания, однако ничего не поделаешь, приходится терпеть. Но то, чем мы занимаемся сейчас, совсем уж бессмысленно. Зачем нам глазеть на единорогов, если они не

имеют никакого отношения к тому, ради чего мы здесь?» И все-таки, когда Иоланда сказала, что впереди табун единорогов, у него не появилось ни малейшего сомнения, что их нужно увидеть.

До сих пор все шло гладко, без всяких непредвиденных случайностей, если только такой непредвиденной случайностью не окажется эта встреча с единорогами. Жан высадил их ниже по реке, чем собирался, потому что погода стояла тихая и река была спокойна. Ночь выдалась темная, но звезды, усыпавшие небо, и лунный серп над западным горизонтом давали достаточно света. Жан причалил к покрытому галькой берегу в устье глубокого оврага, который рассекал высокие, крутые прибрежные холмы, заросшие густым лесом. Здесь, на северном берегу реки, не было ничего похожего на отвесные скалы, которыми обрывался южный берег, но холмы были такие же высокие, а может быть, даже еще выше. Высадившись, они начали подниматься по оврагу и скоро углубились в густой лес, куда свет от луны и звезд совсем не проникал, и пришлось ждать предрассветных сумерек, чтобы двигаться дальше.

В овраге Харкорт впервые ощутил присутствие какой-то таинственной опасности, почувство-

вал, что знакомые места остались позади, что они в стране призраков, чуждых и враждебных. Выругав себя за то, что позволил так разгуляться своему воображению, он попытался понять, откуда взялось такое ощущение. Местность здесь ничем не отличалась от той, что лежала на другом берегу. И тем не менее что-то изменилось, он это прекрасно чувствовал. В окружавшем мраке, несомненно, таилась какая-то угроза. Как только кроны огромных деревьев закрыли от них бледный свет луны и мерцание звезд и все погрузилось в глубокую тьму, он, как и все остальные, припал к земле и стал ждать первых лучей рассвета. Чутко вслушиваясь, он всматривался в темноту, пытаясь не пропустить появления какой-нибудь движущейся тени, хотя и не мог себе представить, как он, совершенно ничего не видя, может различить эту тень.

Время от времени до него доносились едва слышные шорохи, каждый раз заставлявшие его насторожиться, но больше ничего не происходило. Шорох затихал, ненадолго воцарялась тишина, потом он улавливал новый шорох и снова весь напрягался в ожидании. Никогда еще время не тянулось для него так мучительно долго. Хуже всего было то, что оставалось только

терпеть и ждать, припав к земле. Он не мог ничего сделать, не мог броситься и нанести удар, не мог даже предостеречь остальных, потому что не знал, слышат ли они то же самое, что он, и не напугает ли он их понапрасну. Ему даже пришло в голову — а не может случиться, что из них всех он единственный, кто так трясется от страха?

С первыми проблесками рассвета ощущение страха стало ослабевать. Если бы теперь к ним начало подкрадываться какое-нибудь существо, он уже смог бы его увидеть и встретить лицом к лицу. Но вокруг ничего не было видно, кроме могучих деревьев, которые обступили их, нависая над головами; массивные стволы густо заросли мхом и лишайниками и казались очень древними. Тем не менее чувство таинственной опасности не прошло совсем. И переговаривались они между собой не иначе как шепотом: под кронами деревьев стояла такая тяжелая, гнетущая тишина, что нарушить ее казалось непростительной неосторожностью.

Медленно, с трудом карабкались они в гору. Под ногами шуршала толстая подстилка из листьев, обломков веток и кусочков коры, которые падали с деревьев на протяжении столетий. По дороге Харкорт размышлял о том, ступала ли

здесь когда-нибудь до них человеческая нога. В этих диких местах вдоль берега никто не жил, да и вряд ли они могли кому-то понадобиться, так что скорее всего здесь еще никто не бывал.

Они поднимались уже полчаса, когда густой лес наконец стал редеть, хотя повсюду еще стояли отдельные группы деревьев. Ощущение опасности почти исчезло — почти, но не совсем. Они все еще находились в незнакомой, чужой местности.

И вот теперь все четверо лежали на животе, скрытые густым кустарником, которым заросла опушка леса, и смотрели, как на поляне, напоминавшей парк, резвятся единороги. Гребень прибрежного холма, на который они только что поднялись, остался позади, впереди простирался пологий склон, а дальше, за поляной, напоминавшей парк, снова поднимался густой лес. Харкорт подумал, что это открытое место, наверное, когда-то расчистил под пашню какой-нибудь давно забытый крестьянин, решив поставить здесь свою ферму. На дальнем конце поляны виднелось что-то похожее на развалины постройки, хотя с уверенностью сказать, что это такое, было нельзя. Впрочем, если здесь и находилась заброшенная ферма, ничего необычного в этом не было: в здешних местах попадалось

множество таких полуразвалившихся построек, когда-то принадлежавших людям, которые собирались здесь поселиться и возделывать землю, но вынуждены были все бросить и бежать, когда нагрянула Нечисть.

Единороги все еще скакали и резвились, но что-то в их поведении изменилось. Внезапно часть их, круто повернувшись, понеслась к дальнему краю поляны. Описав широкую дугу, они двинулись обратно, а впереди них бежала со всех ног какая-то темная фигура. Как Харкорт ни напрягал зрение, он не мог разглядеть, кто это — медведь или человек.

Остальные единороги остановились и настороженно смотрели, высоко задрав головы. Солнце сияло на их тонких извитых рогах. Потом, словно по сигналу, все они рысью пустились навстречу, окружая бегущую фигуру. Приблизившись вплотную, они поднялись на дыбы и обрушились на нее, размахивая в воздухе острыми копытами.

Харкорт рывком поднялся на колени, но зацепился своим луком, торчавшим из облучья, за нависшую сверху ветку и потерял равновесие. Чья-то рука крепко схватила его за запястье и дернула с такой силой, что он упал на землю.

— Не вставай! — сказала Иоланда, все еще

крепко стискивая его запястье. — Ради бога, не вставай!

— Но там же человек! — воскликнул Харкорт.

— По-моему, это медведь, — сказал аббат. — Готов поклясться, что медведь.

— Человек там или медведь, — сказала Иоланда, — помочь ему мы ничем не сможем. Они разносят его в клочья. То же самое они сделают и с нами, если мы вздумаем прийти ему на помощь. Мы только зря будем рисковать жизнью.

— Ему уже не поможешь, — сказал аббат. — Вон как они его швыряют.

Что-то то и дело взлетало вверх над вздымающимися рогами, но разглядеть, что это, было невозможно. Какие-то черные лохмотья нелепо болтались в воздухе, с каждым разом распадаясь на все более мелкие клочья. Наконец они упали на землю, и единороги, окружившие их кольцом, встав на дыбы, все разом опустились, разя копытами. Кто бы ни лежал там, на земле, от него теперь уже ничего не могло остаться.

У Харкорта к горлу подступила тошнота. Такие прекрасные животные, подумал он, такая невиданная ослепительная красота, и все это только маска, скрывающая такую злобу! Вот что такое Нечисть. Все, что здесь есть, — Нечисть.

Он перевернулся на бок и высвободил свой лук, зацепившийся за ветку. Что за неуклюжая вещь, подумал он. Луки висели за плечами у всех четверых, но Харкорт взял свой только после долгих колебаний. Он недолюбливал лук, считая его оружием труса. Меткий лучник всегда перебьет множество доблестных бойцов с безопасного расстояния, не дав им подойти, чтобы броситься врукопашную. Харкорту это всегда было не по душе. Но в конце концов он согласился, что лук — вещь полезная, а их слишком мало и все шансы против них, так что будет все-таки правильно взять четыре лука. Меч был у него одного — скорее всего, только он один и умел с ним обращаться. Шишковатый был вооружен боевой секирой на короткой рукоятке, у Иоланды, кроме лука, был кинжал, а этот увалень Гай взял себе булаву, сославшись на то, что он священнослужитель, аббат, и проливать кровь ему не подобает. Такая чрезмерная щепетильность показалась Харкорту смешной, однако священникам действительно не полагалось носить острый клинок, и аббат не хотел об этом и слышать. Впрочем, разница невелика, подумал Харкорт. Булавой можно прикончить кого угодно не хуже, чем мечом, только не так аккуратно.

Отцепив свой лук, он начал, пятясь, выбираться из кустов. Но не успел он проползти ежом и нескольких шагов, как аббат толкнул его локтем. Он, очевидно, хотел толкнуть его в бок, но Харкорт двинулся с места, и локоть пришелся ему по голове, да с такой силой, что у него в ушах зазвенело. Он повернулся к аббату, чтобы посмотреть в чем дело. Тот лежал, задрав голову, глядя куда-то в небо и указывая пальцем вверх. Взглянув в ту сторону, Харкорт разглядел в высоте три болтающиеся грязные тряпки.

Драконы. Эти болтающиеся грязные тряпки нельзя было не узнать. Три дракона, которые направляются к поляне. Вот уже во второй раз за эти два дня Харкорт видел драконов, хотя предпочел век бы их не видеть вообще. Он терпеть не мог этих чешуйчатых существ. Они кидаются на тебя сверху и тут же вновь взмывают в воздух, становясь недосягаемыми, — в том случае, если промахнутся. А если не промахнутся, считай, что ты погиб.

Единороги на поляне заметили драконов и бросились наутек. Харкорт не знал, охотятся ли драконы на единорогов, но, увидев это паническое бегство, он уже не сомневался, что охотятся. Свинья, корова, человек, единорог — дракон не

побрезгует ничем.

Сначала единороги беспорядочно метались по поляне, а потом, сбившись в кучу, понеслись прямо к зарослям кустарника, где притаились Харкорт и его спутники. Застыв неподвижно, Харкорт как зачарованный смотрел на скачущие белые силуэты, сверкающие копыта и мелькающие в воздухе острые рога. Он не мог двинуться с места, но если бы и мог, это было бы бессмысленно. Харкорт понимал, что в таких густых зарослях вовремя убраться с дороги не удастся: единороги настигнут их раньше, чем они выпутаются из кустов.

А драконы камнем падали с неба на табун. Неуклюжие в полете, они всегда молнией кидались на добычу, сложив крылья, вытянув шею и протянув вперед когтистые лапы, готовые схватить жертву.

Харкорт прильнул к земле и обхватил голову руками.

Через мгновение единороги обрушились на них. Прямо перед Харкортом, в нескольких дюймах от его плеча, с силой опустилось копыто, глубоко зарывшись в землю и запорошив ему глаза. Еще одно копыто задело его правую ногу. Еще один единорог вырос перед ним, присел,

готовясь к следующему прыжку, и перескочил через него. С поляны донесся чей-то отчаянный, душераздирающий визг, и вот уже последний единорог пронесся мимо.

Харкорт вскинул голову и увидел, что два дракона с распростертыми крыльями набирают высоту над самыми макушками леса, а третий судорожно колотит крыльями по воздуху, пытаясь взлететь повыше и лавируя между деревьями на поляне. В его когтистых лапах беспомощно бился единорог.

И еще кое-что заметил Харкорт. С вытянутой шеи дракона, который уносил единорога, свисала веревка. Она петлей охватывала шею, а ее растрепанный конец длиной футов в десять болтался в воздухе.

Харкорт протянул руку и схватил аббата за плечо.

— Видишь? — крикнул он. — Веревку видишь?

— Господи помилуй! — отозвался аббат. — Вижу!

— Не может быть, — сказал Харкорт дрожащим от волнения голосом.

— Значит, может, — отвечал аббат. — У кого еще, кроме вас с Хью, хватило бы ума попытаться посадить дракона на привязь?

Дракон с веревкой и единорогом взмыл над деревьями и, хлопая крыльями, полетел прочь. Поляна была пуста. Дракон понемногу набирал скорость, и веревка, свисавшая у него с шеи, вытянулась в воздухе вдоль тела.

— Все целы? — спросил Шишковатый.

— Я — да, — ответила Иоланда. — Меня ни один даже не задел.

Они поспешно выползли из кустов, поднялись на ноги и стояли, глядя друг на друга, все еще не в состоянии поверить, что это действительно произошло.

— Нам повезло, — сказал Шишковатый.

— Господь нас уберег, — заявил аббат. — По-моему, это значит, что мы под его защитой.

— С самого начала мы сделали большую глупость, — сердито сказал Харкорт. — Незачем было ползать по кустам и глазеть на каких-то дурацких единорогов.

Единорогов уже нигде не было видно — наверное, они все еще неслись прочь, углубляясь в лес.

Иоланда стояла как ни в чем не бывало. По ее виду никак нельзя было сказать, что ее только что чуть не затоптали единороги: плащ ее был по-прежнему чист, из прически не выбилось ни волоска.

— А что с тем человеком? — спросил Харкорт.

— По-моему, это был не человек, — сказал Шишковатый. — Я, как и аббат, решил, что это медведь.

— Но если это все-таки человек, — сказал аббат, — нам подобало бы еще немного задержаться и прочитать над ним молитву. Последнее напутствие Церкви…

— Если только от него осталось хоть что-нибудь, над чем можно читать молитву, — заметил Шишковатый.

— Мне очень жаль, аббат, — сказала Иоланда, — но я думаю, что Шишковатый прав. Не надо бы нам больше терять время. Пора двигаться дальше.

— Я убежден, что это был человек, — возразил Харкорт. — Оставить его просто так было бы неблагородно и нечестиво. Пусть он мертв, мы должны что-то для него сделать.

— Чарлз, ты не в своем уме, — сказал Шишковатый. — Сколько раз на твоих глазах погибали люди — ты это видел и шел себе дальше.

— Да, но…

— Я вынужден согласиться, — сказал аббат. — Как это ни прискорбно, нам, наверное, надо двигаться дальше. К тому же я думаю, что это был

все-таки медведь.

Они направились к западу по гребню холма. Идти здесь было довольно легко, и продвигались они быстро. Иоланды не было видно — она шла где-то впереди, разведывая дорогу. Никто не заметил, как она исчезла из вида: только что была тут, и вот ее уже нет.

— Я проголодался, — пожаловался аббат. — Мы ничего не ели со вчерашнего вечера. Как насчет того, чтобы сделать остановку и закусить хлебом с сыром?

— Достань еду из своего мешка и ешь на ходу, — предложил Шишковатый.

— Не могу я есть на ходу, — возразил аббат. — У меня все в животе бултыхается и начинаются колики.

— Часа через два или около того мы сможем остановиться на ночлег, — сказал Харкорт. — Солнце стоит уже низко. Мы прошли порядочное расстояние. И прошли бы еще больше, если бы не задержались из-за этих единорогов.

Аббат что-то недовольно проворчал, но продолжал идти, время от времени ускоряя шаг, чтобы не отставать от остальных.

Прошло еще около часа, и гребень, по которому они шли, начал спускаться в глубокую долину.

Над долиной клочьями висел туман. Сквозь него сверкало множество небольших озер и проток. Далекие белые холмы по ту сторону долины казались голубоватыми в свете уходящего дня.

— Болото, — недовольно сказал Шишковатый. — Надеюсь, нам удастся найти обход. Идти вброд через болото — штука малоприятная.

— Оно не такое уж большое, — заметил аббат. — И мне кажется, оно тут не совсем на месте. Болота бывают большей частью на ровной местности, а не посреди холмов.

— Болота бывают везде, — возразил Шишковатый, — где только может скапливаться вода.

— Может быть, стоит изменить наш план? — сказал аббат. — Не лучше ли нам свернуть на север и отыскать римскую дорогу? Римляне строили хорошие дороги. На них почти нет уклонов. Мы могли бы идти по ровному месту, а не плутать в густом лесу и не брести через болото.

— На римской дороге нас сожрут раньше, чем сядет солнце, — сказал Шишковатый.

Харкорт услышал позади себя шорох листьев и быстро обернулся. В нескольких футах от него стояла Иоланда, низко надвинув на лицо капюшон.

— Господа, — сказала она, — я нашла совсем близко удобное место для привала. Там рядом

ручей с чистой водой, а на дереве подвешен молодой олень.

Аббат мгновенно повернулся к ней.

— Оленина! — произнес он внезапно охрипшим голосом. — Оленина! А я тут мечтаю поесть хоть хлеба с сыром!

— Идите за мной, — сказала Иоланда, и они последовали за ней.

Еще не начинало темнеть, когда они устроились на ночлег. Ярко горел костер, рядом лежал запас дров, а на углях жарились огромные куски оленины.

Аббат сидел, прислонившись спиной к стволу огромного дерева, сцепив могучие руки на животе и положив рядом свою тяжелую булаву, и принюхивался к аромату жареного мяса.

— Я считаю, именно так лучше всего завершить наш день после всего этого лазанья по горам, единорогов и драконов, — сказал он с удовлетворением. — Запах оленины искупает все испытания, через которые мы сегодня прошли.

— Там, впереди, болото, — сказал Шишковатый Иоланде. — Нам нужно будет его пересечь?

— Нет, не нужно, — ответила она. — Мы можем его обойти.

— Слава Богу, — вздохнул аббат и повернулся

к Харкорту: — Нашей проводнице просто цены нет.

Когда мясо изжарилось, они поели, потом поджарили еще и тоже съели. В конце концов аббат уже не мог заставить себя проглотить ни кусочка. Борода его лоснилась от жира.

Сытые и довольные, они удобно расположились вокруг костра. Аббат разыскал у себя в мешке бутылку вина и пустил ее по кругу. Уже окончательно стемнело. Над болотом перекликались ночные птицы, легкий ветерок шелестел в верхушках деревьев. Все чувствовали себя прекрасно. Что-то уж слишком хорошо, подумал Харкорт. Несмотря на наслаждение, доставленное сытным ужином и отдыхом после трудного дня, его одолевали недобрые предчувствия. Слишком тут хорошо, думал он. А ведь это враждебная страна, здесь не должно быть так хорошо.

Он взглянул на Иоланду, которая сидела скрестив ноги на земле по другую сторону костра. В ее лице появилась мягкость, которой он до сих пор не замечал. Может быть, это только так кажется в свете пламени, подумал Харкорт. Но она, очевидно, не испытывала никакого беспокойства. А именно она, наверное, раньше других почувствовала бы, если бы им грозила какая-нибудь

опасность.

Аббат с трудом поднялся и подбросил в костер дров.

— Стоит ли? — спросил Харкорт. — Может быть, теперь, когда мясо зажарено, дать костру догореть? Нам лучше бы сидеть без огня.

— Ты опять за свое, вечно тебе что-то не нравится, — засмеялся аббат. — Отдыхай, как все, и радуйся, что набил брюхо. Мы еще на самом краю Брошенных Земель, едва ли нам здесь что-нибудь грозит.

— Мы уже видели единорогов и драконов.

— Единороги давно ускакали, — сказал аббат, — и драконы тоже улетели. Я не вижу, почему…

Он умолк и насторожился.

Харкорт поднялся с земли.

— Что такое, Гай? — спросил он.

— Я что-то слышал. Какой-то шорох.

И тут же шорох послышался снова. Все вскочили.

Харкорт потянулся к мечу, но не успел выхватить его из ножен, как шорох прекратился. Все четверо стояли, напряженно прислушиваясь.

Может быть, это всего-навсего птица шевельнулась на ветке, подумал Харкорт. Или какое-нибудь маленькое пушистое существо пробежало

по сухим листьям.

Аббат нагнулся и поднял с земли свою булаву.

Харкорт обошел костер и встал рядом с Иоландой.

— Что ты слышала? — спросил он.

— То же, что и все вы. Шорох. Там кто-то есть.

Новая порция дров, подброшенная в костер аббатом, только теперь занялась, внезапно разгорелась ярким пламенем, и Харкорт увидел, откуда шел шорох. У подножья гигантского дуба, стоявшего недалеко от костра, возник из земли какой-то корявый бугор. Он продолжал подниматься на глазах, и с него сыпались вниз сухие листья, сучки, кости мертвых животных, живая трава и клочья мха. Это выросшее из земли порождение леса двигалось, оно было живое. Густой смрад распространялся вокруг, и вместе с ним — непомерная злоба, почти ощутимая физически. Зловоние было так сильно, что от него перехватывало дыхание, как будто горло стискивали длинные цепкие пальцы.

Харкорт отступил на шаг перед этой невероятной злобой и давящим зловонием. Он со скрежетом выхватил меч, и пламя костра окрасило клинок в цвет крови.

Но у этого существа, которое выросло перед

ними у подножья дуба, не могло быть живой красной крови — если его разрубить, из него должен был потечь зеленоватый гной или сукровица, похожая на чернила. Харкорту на мгновение показалось, будто он увидел блеснувшие в свете пламени острые клыки и когти. Но если это действительно клыки и когти, то они располагались в самых неподходящих местах. Может быть, на самом деле это были всего лишь обломки костей или острые каменные осколки, покоившиеся в лесной почве.

Бугор продолжал подниматься, вырастая из лесного мусора и сухих листьев, из отпавшей коры и гнилых сучков, из птичьего помета, истлевших костей и оброненных перьев. Освещенный пляшущими отблесками пламени, он казался наделенным своей, зловещей жизнью. Злоба, источаемая им, становилась все сильнее, а густое зловоние — все удушливее. Харкорт почувствовал, что задыхается — отчасти от смрада, отчасти от ужаса и гнева при мысли, что такое гнусное создание осмеливается существовать, имеет наглость вторгаться в этот сравнительно чистый и уютный мир.

Он шагнул вперед, но его опередил аббат. Одним плавным движением священник обеими

руками поднял высоко над головой тяжелую булаву и обрушил ее на выросший из земли бугор. Бугор просел под ударом, что-то в нем булькнуло, и во все стороны разлетелись какие-то слизистые комки. Распространившееся вокруг зловоние многократно превзошло все, что они ощущали до сих пор. Харкорт, шатаясь, сделал еще два шага вперед, но еще не успел подойти к аббату, как его скрючило пополам и начало рвать. В горле у него стояла горечь, из глаз лились слезы, а от рассевшегося бугра текли навстречу ему густые волны смрада, и он как будто плыл в этом смраде, раздвигая его руками.

Сделав сверхъестественное усилие, он выпрямился и увидел, что бугор исчез, а аббат стоит на том месте, где был бугор, колотя булавой по извивающимся клочьям и торжествующе хохоча. Харкорт хотел окликнуть аббата, но горло его все еще сжимала судорога, и он долго не мог выдавить ни звука. Наконец он крикнул:

— Гай, отойди оттуда!

Аббат продолжал колотить булавой по остаткам бугра, как будто не слышал. Харкорт, шатаясь, шагнул вперед и схватил его за руку.

— Ради бога, остановись! От него уже ничего не осталось.

— Вот когда я с ним покончу, — продолжая раскатисто хохотать, прокричал аббат, — тогда от него в самом деле ничего не останется. Меньше, чем ничего!

— Да приди ты в себя, черт возьми! — рявкнул Харкорт. — Надо убираться отсюда. Нам нельзя здесь оставаться, нужно уходить. Здесь такая вонища, что дышать нечем.

Аббат неохотно повернулся и подошел с ним к костру. Поодаль стояла Иоланда, изо всех сил зажимая рот и нос скомканным платком. Шишковатый собирал вещи.

— Пошли, — сказал он. — Пошли, надо отсюда уходить.

Харкорт поднял два мешка, забросил их на спину и подтолкнул аббата вперед.

— Ну вот, — с упреком сказал Шишковатый аббату, — наделал ты дел.

— Да ведь такая злоба! — оправдывался аббат. — Неужели вы не ощутили эту злобу?

— Когда навстречу попадается хорек, — сказал Шишковатый, — его не убивают. Только поворачивают назад или обходят его сторонкой.

— А я эту штуку убил. Ее нужно было убить.

— Ее нельзя убить. Она не умирает. Можно только надеяться, что она уйдет восвояси.

Они углубились в ночной лес и начали осторожно спускаться к краю болота, То и дело кто-нибудь натыкался на дерево или спотыкался о лежащую на земле ветку, но они шли и шли вперед.

Когда до болота оставалось уже совсем немного, Харкорт услышал какой-то тихий жалостный звук, похожий на плач. Он остановился как вкопанный и прислушался. Звук доносился издалека, и временами его заглушал ветер, но это был плач, он был уверен. Там, посреди болота, раздавался чей-то плач.

— Кто это? — спросил он.

— Потерянные души, — ответила Иоланда. — Одинокие призраки плачут в болоте.

— Призраки? — переспросил он. — Ты хочешь сказать, привидения?

— Здесь повсюду привидения. Множество людей умерло здесь без святого причастия.

— Я никогда об этом не задумывался, — сказал Шишковатый, — но такое вполне возможно. Когда сюда нагрянула Нечисть, многие пытались бежать, но не всем удалось. Часть угодила в засаду. А другие попрятались, или пытались спрятаться.

Плач затих. Они постояли еще несколько минут, но больше ничего не было слышно, и они

продолжали спуск с холма. В бледном, унылом лунном свете болото было похоже на черно-белый набросок пером. Кое-где серебрилась вода, над ней поднимались такие же серебристые, но чуть потемнее, камыши и заросли кустарника, и чернели отбрасываемые ими тени.

Вскоре впереди показался небольшой залив, с обеих сторон которого стеной стояли камыши. Берег поднимался от воды узкой песчаной полоской.

Они остановились, прислушались и вновь услышали плач, тихий и отдаленный. Потом он затих, и наступила зловещая тишина.

— А здесь все еще воняет, — сказал Харкорт. — Правда, уже не так сильно.

— Это мы принесли запах с собой, — сказал Шишковатый. — Через день-два выветрится. Он стал бы немного слабее, если бы мы могли принять ванну и сменить одежду.

— Но что это было? — спросил Харкорт. — Я никогда такого не видел и ни о чем подобном не слышал.

— Было бы странно, если бы ты это видел, — сказал Шишковатый. — Мало кто о таком даже слышал. Они очень древние, это порождение стихий. Их производит на свет сама земля — они

вырастают из мертвой материи. Нечисть тут ни при чем, они существовали задолго до того, как появилась Нечисть. Говорят, когда-то их было много. Я думал, они уже совсем покинули Землю и больше не осталось ни одного. Но в такой местности, как эта…

— Ты сказал, что мало кто о них слышал. Но ты-то слышал. Ты об этом знал.

— Легенды моей расы, — ответил Шишковатый. — Из них я об этом и знаю.

— Твоей расы?

— Ну конечно, — сказал Шишковатый. — Ты, естественно, никогда не говоришь об этом вслух, и никто не говорит, но ты ведь знаешь, что я не человек.

— Прости меня, — сказал Харкорт.

— Ничего, — ответил Шишковатый. — Я ничем не хуже человека.

— Давайте умоемся, — предложил аббат. — А потом попробуем хоть немного поспать. Мы изрядно не выспались.

С этими словами он вошел в воду по пояс, нагнулся, зачерпнул пригоршню воды и начал обмывать лицо и одежду.

— Надо будет по очереди стоять на страже, — сказала Иоланда.

— Я буду сторожить первым, — вызвался Харкорт.

— А я после тебя, — сказал Шишковатый.

Стоя на страже, Харкорт время от времени поглядывал на звезды, чтобы знать, сколько прошло времени. Когда настала пора сменяться, Харкорт разбудил Шишковатого. Тот с ворчаньем поднялся.

— Как дела? — спросил он.

— Все тихо, — ответил Харкорт. — В лесу слышались какие-то шорохи, но не такие, какие мы слышали там, на холме. Наверное, какие-нибудь мелкие животные. В болоте кто-то плакал, а больше ничего не было.

— Хорошо, — сказал Шишковатый. — Залезай под одеяло и попробуй заснуть.

Харкорт улегся и завернулся в одеяло, но ему не спалось. Он долго лежал в раздумье, глядя на звезды. «Я не человек», — сказал Шишковатый, и это было сказано им, да и вообще кем бы то ни было, впервые. «Моя раса», сказал он. Его раса знала об этих порождениях стихий. И он сказал, что когда-то их было много. «Это не Нечисть, — сказал он, — они существовали задолго до Нечисти». Харкорт никогда не слыхал о расе Шишковатых; он знал только одного Шишкова-

того, хотя если подумать, он мог бы сообразить, что когда-то должны были существовать и другие Шишковатые. Значит, эти порождения стихий жили в глубочайшей древности, ведь и Нечисть появилась здесь в незапамятные времена, а эти, как сказал Шишковатый, тогда уже были. «Теперь их осталось немного», — сказал он и намекнул, что вообще не ожидал встретить хоть одного. И если это правда — что эти порождения стихий и Шишковатые жили в этом мире бок о бок, — значит, и те и другие существовали в глубочайшей древности, и очень может быть, что Шишковатых осталось так же мало, как и этих порождений стихий.

Харкорт решил, что когда вернется домой, нужно будет расспросить обо всем деда, хотя это дело, конечно, очень деликатное. Может быть, дед поймет, что вопрос задан от чистого сердца, и ответит, пусть и не слишком обстоятельно; а может быть, и придет от него в ярость. Дед с Шишковатым дружат уже много лет, и они никогда не дадут друг друга в обиду.

Размышляя об этих загадках, он в конце концов заснул. Его разбудил аббат, который без особой деликатности потряс его за плечо.

— Вставай, — сказал он. — Там их множество.

Полный лес. Они нас окружили.

Харкорт сел, пытаясь понять, что происходит.

— Кто нас окружил?

— Вонючие бугры, — ответил аббат. — Я бы пошел и разделался с ними, но Шишковатый в тот раз так раскричался, что я решил этого не делать.

Харкорт увидел, что уже начинает светать. Из-под своего одеяла, разбуженная громким голосом аббата, выползла Иоланда. Шишковатый тоже проснулся и сидел, протирая глаза.

— Что там еще? — спросил он аббата. — Что за шум ты поднял?

— Бугры нас окружили.

Шишковатый вскочил.

— Ты уверен?

— Уверен, — подтвердил аббат. — Они выстроились цепочкой позади нас и спустились к самому болоту по обе стороны. Мы в мешке. На этот раз я их не слышал, они вели себя очень тихо. Первого я увидел, только когда стало светать. Прежде чем вас будить, я проверил.

Шишковатый повернулся к Иоланде:

— Ты сказала, что мы можем обойти болото. А перейти его можно?

— Может быть, и можно. Мне говорили, там

есть тропинка. Это будет нелегко. Придется много брести по воде. Но я думаю, мы сможем перебраться на другую сторону.

— Это безумие! — вскричал аббат. — Мы можем прорваться и обойти болото.

— Возможно, ты бы и прорвался, — сказал Шишковатый, — но я бы рисковать не стал. Ведь ты ничего о них не знаешь.

— Зато ты знаешь, и ты сказал.

— Неважно, что я сказал, — перебил его Шишковатый. — Идем через болото. Если мы это сделаем, не думаю, чтобы они стали нас преследовать.

Глава 10

Харкорта снова одолевали призраки, хотя день был в самом разгаре. Он их не видел, хотя временами ему чудилось, что в воздухе пробегает легкое колыхание, похожее на знойные волны, которые поднимаются в жаркий летний полдень над золотистым полем спелой пшеницы. Но призраки говорили с ним, и говорили не умолкая. Он почти ничего не понимал, хотя временами ему чудилось, что понимает. Однако большей частью это было неразборчивое бормотанье, вроде того невнятного говора, что слышишь, проходя мимо закрытой двери, за которой мать и другие женщины занимаются после обеда шитьем, а больше — болтовней.

Харкорт брел по пояс в воде, с трудом вытаскивая ноги из илистого дна. Остальные следовали за ним. Призраки становились все назойливее. Над головой у него роились тучи насекомых — время от времени он принимался отмахиваться, но они не обращали на это никакого внимания и продолжали кружиться над ним жужжащим вихрем, сверкая на солнце крылышками.

Он приближался к пригорку, который при-

метил издалека. Подойдя вплотную, он уперся руками в землю, вскарабкался на сухой берег и повалился ничком, с трудом переводя дыхание. Следующей шла Иоланда — когда она добралась до пригорка, он протянул руку и вытащил ее на берег рядом с собой. Почти вплотную за Иоландой следовал Шишковатый, а сзади, пыхтя, с багровым лицом, грузно брел сквозь воду и грязь аббат. Один за другим они подошли к пригорку, и Харкорт помог им выбраться на берег. Все уселись в ряд, промокшие, усталые и слишком запыхавшиеся, чтобы разговаривать.

— Ни о чем подобном речи не было, — сказал наконец аббат. — Я знал, конечно, что придется много ходить, против ходьбы я ничего не имею. Но пробираться вброд через такую грязь — не самое увлекательное приключение, на мой взгляд. Это не что иное, как тяжелая работа.

— Нам бы, может быть, не пришлось этого делать, — заметил Шишковатый, — если бы ты оставил в покое тот бугор. Но нет, тебе обязательно нужно было пойти и стереть его в порошок.

— Я убежден, что другие бугры не могли произойти от того, с которым я расправился, — возразил аббат. — Не может быть, чтобы клочья, которые я от него оставил, побежали за нами

вдогонку и превратились каждый в новый бугор.

— Ну, не знаю, — сказал Шишковатый, — хотя от них всего можно ожидать. В свое время мне довелось слышать немало всяких страстей о том, на что они способны. Может, этот холм — их любимое место, и они зарождаются здесь во множестве. Может, жизнь не пробудилась бы в них еще много лет, но когда они узнали…

— Узнали? — переспросил аббат.

— Ну да, узнали, что появился враг и напал на них, они не стали дожидаться своего срока и собрались отомстить.

— Ну уж и отомстить, — презрительно сказал аббат, подняв булаву и стукнув ею по земле. — Вот дали бы мне волю, тогда у них уж точно появился бы повод отомстить.

— Все это уже позади, — прервал его Харкорт. — Забудьте об этом. — И, обращаясь к Иоланде, сказал: — Вон там впереди, на сухом островке, я, по-моему, вижу продолжение тропинки.

— Значит, здесь и вправду есть тропинка, — радостно откликнулась она, — и мы идем правильно. Когда она исчезла, я боялась, что мы пошли не той дорогой, что она скоро кончится и что никакой тропы на самом деле нет. Но, если ты прав, значит, тропа есть. Она только была под водой, а

теперь мы снова на нее вышли.

Харкорт пожал плечами.

— Мы можем еще десять раз ее потерять, такая уж тут местность. Но надо идти дальше. Как ты думаешь, много мы прошли? Полпути уже есть?

— Не думаю. Полпути мы еще не прошли. Хорошо, если мы доберемся до того берега к ночи.

— Вполне можем добраться, — сказал Шишковатый, — если будем идти и идти. И не будем останавливаться отдохнуть и поболтать всякий раз, как увидим сухое место.

— Если мы не будем отдыхать, — возразил аббат, — мы, может быть, вообще не дойдем до того берега. Время от времени нужно делать передышку, чтобы собраться с силами.

— Никогда еще не видел, чтобы такой большой и сильный человек оказался таким слабаком, — с презрением сказал Шишковатый.

— Ты мне всегда нравился, Шишковатый, — отвечал аббат. — Я тебя всегда уважал, хоть ты и нелепо устроен. Но в трудную минуту проявляется твой скверный характер, раньше я этого за тобой не замечал.

— Ну, хватит вам препираться, — прервал их Харкорт, — Перестаньте оба. Мы все в одинаковом положении, и отправились все добровольно.

Никто никого не заставлял.

— Я хочу знать одно, — не унимался аббат. — Зачем нам понадобилось лезть в это болото? Вчетвером мы легко прорвали бы кольцо бугров и пошли бы посуху вокруг. В конце концов, как они могли бы нас остановить? Взять хотя бы того, что был у костра, — я пошел и расколошматил его в клочья.

— Я думаю, это законный вопрос, — поддержал его Харкорт, обращаясь к Шишковатому. — Я сам об этом думал. Мы, конечно, поверили тебе на слово…

— Вопрос законный, и я с удовольствием на него отвечу, — сказал Шишковатый. — Тот, что у костра, просто не знал, с каким сумасшедшим он имеет дело. Он ничего не успел предпринять. Этакий солидный, благообразный христианин ни с того ни с сего кинулся на него с двадцатифунтовой железной булавой и…

— А что я должен был делать? — возмутился аббат. — Он испускал такую вонь и злобу…

— Я пытался тебя предостеречь, — возразил Шишковатый, — но не успел. Я бы тебя остановил, если бы мог, но было уже поздно. А после этого разумнее всего было удирать. Должен сказать, мне и в голову не могло прийти, что другие

бугры прорежутся из-под земли и двинутся за нами, чтобы взять нас в кольцо. Судя по всему, что я знал о природе и истории бугров, такое вообще немыслимо. Я называю их буграми, потому что вы их так называете, но у них есть другое, древнее название…

— Ты много чего говоришь, — сказал аббат, — но ничего путного. Скажи мне коротко и ясно, почему мы не могли прорваться через кольцо бугров.

— Некоторый шанс у нас был, — отвечал Шишковатый, — но шанс весьма сомнительный, и это, скорее всего, обошлось бы нам очень дорого. Вы же почувствовали на себе их злобу.

— Еще бы, — подтвердил Харкорт. — Все почувствовали. И злобу, и вонь. Не знаю, отчего это, от злобы или от вони, только меня всего скрючило. Я хотел подойти…

— Меня ничуть не скрючило, — заявил аббат.

— Это потому, что ты такой нечувствительный, — сказал Шишковатый. Ты много разглагольствуешь о душе, а у тебя самого никакой души нет, и кроме того…

Аббат вскочил и замахнулся на него булавой.

— Не смей мне такое говорить! — вскричал он. — Ты не смеешь…

— Сядь! — приказал Харкорт ледяным голосом. — И положи свою булаву. Мы будем вести себя, как подобает джентльменам, чего бы нам это ни стоило.

Аббат с ворчаньем уселся, но булаву из руки не выпустил.

— А теперь, — сказал Харкорт Шишковатому, — ответь нам на вопрос, и без всяких посторонних рассуждений.

— Ответ состоит в том, — сказал Шишковатый, — что мы имеем дело с существом, у которого нет ничего общего ни с одним обитателем здешнего мира. Оно сродни самым глубинным корням жизни, наименьшему общему знаменателю природы. А природа, если хорошенько подумать, по сути своей жестока. Жестока и безразлична. Природе не свойственна любовь, ей все равно, что случится с кем или чем бы то ни было. Ее нельзя уговорить. Всем приходится жить по ее правилам. Ошибись хоть немного, и она тебя убьет, не задумываясь. Зло — это, по определению, отсутствие любви. Чтобы стать воплощением зла, достаточно одного — не испытывать любви, не подозревать даже, что она существует. Подлинное зло не любит даже само себя. Эти бугры не просили, чтобы их наделили жизнью; жизнь

навязана им некоей неведомой, таинственной алхимией мертвой или умирающей материи. Может, жизнь даже внушает им отвращение, может, они недовольны тем, что их насильно заставили появиться на свет, хотя они об этом никого не просили. До вас понемногу начинает доходить, с чем мы имеем дело?

— Кажется, да, — задумчиво произнес Харкорт.

— Если бы мы напали на те бугры, — продолжал Шишковатый, — очень может быть, что они уничтожили бы нас прежде, чем мы смогли бы вступить с ними в схватку. Они ошеломили бы нас заложенной в них злобой, задушили бы зловонием, отравили бы накопленным в них ядом, покончили бы с нами десятком других способов. Они знали о нас и ждали нас. Лучшего ответа я дать не могу, потому что о буграх никто ничего толком не знает. Специалистов по ним не существует — каждый, кто вздумает стать таким специалистом, умирает раньше. — Он умолк и оглядел остальных. — Вы удовлетворены? Я ответил на ваш вопрос?

Никто ничего не сказал.

— Больше всего они любят выводиться, если это можно так назвать, в нетронутой лесной почве, — продолжал Шишковатый. — Там, где

много лет скапливались гниющие отбросы леса, в которых содержатся неведомые начала, дающие толчок к их появлению. Почва этого леса лежала нетронутой, наверное, несчетные столетия. Я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь попал в такое положение, как мы. Даже в самых невероятных легендах моей расы не говорится, что они могут вылупляться разом в таком множестве. Я думаю, нападение на одного из них заставило остальных появиться на свет раньше времени. Как они узнали об этом нападении, я не знаю и даже представить себе не могу. В наших легендах ничего не говорится о том, что они способны общаться между собой.

— А здесь они до нас не доберутся? — спросила Иоланда.

— Думаю, что нет. Правда, они могут передвигаться, и иногда, боюсь, довольно быстро, но норовят оставаться поблизости от того места, где вывелись. Я полагаю, они не покинут леса, и очень сомневаюсь, чтобы они решились последовать за нами через болото. — Он покачал головой. — Вы должны понять, что меня все это тоже поразило. Они — порождение самых древних времен. Когда-то, гласят легенды, их было много. По мере того как редели леса и рас-

ширялись пашни, их становилось все меньше и меньше: места их обитания понемногу исчезали. Если бы вы меня спросили, я бы сказал, что их больше не осталось вообще, что это просто персонажи древних легенд, что они давно вымерли.

— Кому могло бы прийти в голову тебя об этом спросить, — сказал Харкорт, — если никто ничего о них не знал и ты ничего не говорил?

— Мало ли о чем я ничего не говорил, — ответил Шишковатый и поднялся на ноги. — Двинемся дальше? — предложил он. — Чарлз, ты что-то говорил о тропинке, которую как будто видел впереди.

— Да, — сказал Харкорт. — Я снова пойду первым и поведу вас к ней. Это островок с несколькими деревьями на краю. Из-за камышей его удается увидеть только изредка. По-моему, он немного больше этого пригорка.

— А вам тоже не дает покоя какое-то нашептывание и бормотание? — спросил аббат. — Иоланда, ты, кажется, говорила, что это призраки?

Она кивнула.

— Да, призраки. По крайней мере, так говорят. Не нашедшие покоя души людей, которые умерли вне лона Святой Церкви и теперь блуждают повсюду. Тут, наверное, погибло множество бе-

женцев, когда они спасались от Нечисти.

— А мы ничего не можем для них сделать? Никак нельзя дать им покой?

— Не знаю, — ответила Иоланда. — Я только знаю, что они тут есть. Я ни с кем никогда о них не говорила. Конечно, я скорблю о них, как подобает христианке.

— Попробуй побрызгать на них святой водой, — посоветовал аббату Шишковатый. Тот только презрительно засопел, с трудом поднялся и подоткнул повыше свою сутану, вымазанную до колен грязью и насквозь мокрую.

Они снова отправились в путь. Пригорок, как и подозревал Харкорт, оказался лишь маленьким клочком суши, поднимавшимся над водой. Они пересекли его и опять вошли в воду.

Болото было не очень глубоким — большей частью по щиколотку и только местами по пояс. Дно его покрывал скользкий, липкий ил, в котором кое-где прятались коряги и кучи камней. Идти приходилось медленно и осторожно, чтобы не споткнуться.

Время от времени им попадались открытые водные пространства, но чаще всего они шли по узким, извилистым протокам, по обе стороны которых поднимались болотные травы и ка-

мыш. Кое-где из болота торчали мертвые деревья — скелеты тех деревьев, что стояли здесь давным-давно, еще до того, как все переменилось и появилось болото.

Пока они отдыхали и болтали на пригорке, призраки как будто исчезли или, по крайней мере, угомонились. Теперь, когда они снова шли по болоту, призраки вернулись, и снова постоянно слышался их шепот. Харкорт попытался не слушать, но это было очень трудно — они окружили его со всех сторон и продолжали свою неумолчную болтовню.

На первых порах их невнятное бормотанье заставляло его содрогаться от ужаса. Он этого не стыдился и утешал себя тем, что всякий призрак должен вызывать если не страх, то, по крайней мере, тревогу, и совсем не обращать на них внимания ни один нормальный человек не способен. Но прислушиваясь час за часом к их бормотанью, он почувствовал, как первоначальный ужас уступает место раздражению. Они превратились в досадную помеху, все еще способную вызывать страх, но чаще просто надоедавшую сверх меры. Он попробовал было не вслушиваться, но устоять против них не могла даже самая сильная воля. Они были слишком близко, их голоса зву-

чали слишком настойчиво, чтобы можно было заставить себя их не слышать. Временами ему казалось, будто призрачные пальцы цепляются за его руки, пытаясь задержать его, но он говорил себе, что это всего лишь причуды разгулявшегося воображения.

Иногда ему казалось, что он различает отдельные слова и фразы, хотя он опять-таки не был уверен, расслышал ли их на самом деле или невольно вообразил. «Вернитесь! — говорили они (или это только ему казалось?). Вернитесь, дальше идти опасно». В ушах у него звучали предостережения, слышались мольбы. «Помогите нам! Бога ради, сжальтесь! Будьте милосердны! Мы пребываем здесь, в мире теней, между жизнью и смертью, уже не живые и еще не мертвые. Если никто нам не поможет, мы останемся здесь навсегда». Их речи, конечно, на самом деле не были такими связными — это были лишь отдельные слова и обрывки фраз, в которых звучала мольба и которые складывались в некое подобие целого только в его фантазии.

— Ложитесь! — взревел позади аббат. — Ложитесь все и прячьтесь получше!

Инстинктивно, ни о чем не думая, Харкорт присел на корточки и вжался в перепутанную стену

болотных трав на краю протоки. Оглянувшись, он увидел, что остальные тоже притаились, как цыплята на птичьем дворе, припавшие к земле при появлении ястреба. Аббат, который шел последним, указывал вверх. Харкорт поднял голову и увидел их — три болтающиеся грязные тряпки, которые кругами плавали в голубом небе над болотом, никуда особенно не спеша и высматривая себе жертву. Они были высоко и казались всего лишь движущимися точками на фоне неба.

Драконы, сказал он себе. Три дракона на охоте. Может быть, те самые, что напали на единорогов. Он присмотрелся, пытаясь разглядеть, не болтается ли у одного из них на шее веревка, но драконы были слишком высоко.

Время шло, а драконы все кружили у них над головой. Один раз они начали спускаться ниже, но через некоторое время снова поднялись ввысь. Не сводя с них глаз, Харкорт выругался. Драгоценное время уходит, а из-за драконов они не могут выйти из болота. Им нужно миновать эту коварную трясину до наступления ночи. А если дело и дальше пойдет так же, как до сих пор, и они будут то ползать по кустам, чтобы поглазеть на единорогов, то прятаться в камышах от драконов, — им никогда не добраться до цели.

Там, в замке, им казалось, что они знают, с чем им предстоит встретиться — всего лишь с великанами, троллями, драконами и прочей Нечистью. Теперь он понял, что на Брошенных Землях все не так просто. Уже за это короткое время они повстречали два новых явления, о которых ничего не знали и которых не могли даже вообразить: бугры в лесу и призраки на болоте. Сколько еще сюрпризов ожидало их в дальнем пути? Этого Харкорт не знал и злился, что приходится терять время.

Теперь, когда он стоял неподвижно, призраки одолевали его еще настойчивее и в еще большем числе. Их бормотанье заполнило весь его мозг до того, что больше он ничего не замечал. Но слова их, если это действительно слова, были лишены всякого смысла.

И среди них вдруг прозвучало одно слово, наделенное для него глубочайшим смыслом. Одно-единственное слово, которое он сразу распознал.

«Элоиза»!

На мгновение забыв обо всем, он выпрямился и громко воскликнул:

— Элоиза? Что вы сказали про Элоизу?

— Ложись! — рявкнул аббат. — Ложись, идиот!

Харкорт снова присел в камыши и взглянул в небо. Драконы были еще там — три болтающиеся грязные тряпки на голубом фоне.

Глава 11

В конце концов драконы улетели, направляясь куда-то на восток. Разыскивали ли они людей или просто вылетели на охоту, так и осталось неизвестным.

Харкорт не заметил, как они улетели, он даже не смотрел на них. Он по-прежнему сидел на корточках в протоке, наполовину забившись в окаймлявшие ее болотные травы, и в ушах у него звучало одно слово: «Элоиза! Элоиза! Элоиза!»

И все это время нескончаемые тучи невидимых призраков — невидимых, если не считать возникавшего время от времени легкого колыхания воздуха, которое можно было заметить только уголком глаза, — нескончаемые тучи невидимых призраков осаждали его, с неумолчным бормотаньем кружась над головой. Он пробовал заговаривать с ними, кричать на них — про себя, мысленно. «Расскажите мне! — беззвучно умолял он. — Расскажите мне об Элоизе! Что вы хотели о ней сказать?» В голове его мелькнула мысль, которая потрясла его до глубины души: если он действительно услышит что-то о ней в таком месте, из уст бормочущих болотных призраков,

он в ужасе отшатнется. «Здесь все нечисто и отвратительно, — подумал он. — Здесь не может быть Элоизы! Я не хочу, чтобы она нашлась здесь! Да ее здесь и не может быть — ведь если она умерла, то умерла не здесь, а на том берегу, в замке Фонтен!»

Одолеваемый мучительными раздумьями, он сидел, пригнувшись, на корточках, уйдя в себя, забыв обо всем, что его окружало, — о ярко светившем солнце, о тухлой болотной воде, о шорохе камыша, о кружащих в небе драконах.

Он не хотел, чтобы Элоиза нашлась здесь, в этой зловонной трясине. А хотел он вообще, чтобы она нашлась? Эта непрошеная мысль, возникшая из самых глубин его сознания, заставила его вздрогнуть: ему стало страшно от того, что она могла прийти ему в голову, что она могла зародиться где-то там, в сокровенных глубинах души, о которых он и сам не подозревал.

Он больше не помнил лица Элоизы: оно навсегда осталось для него скрытым прядью волос, упавшей от порыва ветра. И глядя на ее подарок, он больше не помнил слов, которые она сказала ему, даря книгу, не видел, как ее пальцы перелистывают страницы. С годами она уплыла от него, отступила куда-то вдаль. «Боже! — сказал он себе

в ужасе. — Боже мой, ведь я ее забыл!»

«Боже! — взмолился он. — Сделай так, чтобы ее здесь не было. Чтобы я не услышал здесь ее голос. Если она здесь и я ее встречу, я отшатнусь от нее с отвращением, и это разобьет сердце нам обоим. Мы не должны встретиться в таком отвратительном месте. Когда мы встретимся снова… Если нам суждено встретиться, это должно случиться на цветущей поляне, овеваемой легким ветерком. Но не здесь, Боже, не здесь!»

Его заставил очнуться оклик аббата.

— Чарлз, пошли. Веди нас, мой друг. Драконов больше не видно.

Харкорт медленно поднялся, словно пробуждаясь от кошмара. Подняв голову, он взглянул на небо. Драконов не было. Он машинально побрел, пошатываясь, вперед, следуя за извилинами протоки. Скоро она кончилась, влившись в мелкое стоячее озерцо, и там, по другую его сторону, поднимался островок, который Харкорт заметил еще издалека, — с несколькими деревьями на берегу и тропинкой, поднимавшейся от берега мимо деревьев.

Аббат, шлепая по воде, обогнал Иоланду и Шишковатого и поравнялся с ним.

— Из-за этих драконов мы потеряли много

времени, — произнес он, пыхтя от быстрой ходьбы. — Мы не успеем пересечь болото до наступления ночи.

Харкорт поднял глаза и увидел, что солнце уже заметно склонилось к западу.

— Сделаем все, что сможем, — ответил он. — А если придется здесь заночевать, как-нибудь устроимся.

— Плохо дело, — сказал аббат. — Совсем плохо. Мы бы должны быть уже за много лиг отсюда, на суше.

— Дальше пойдет лучше, — сказал Харкорт, — я в этом не сомневаюсь. Как только выберемся на сухое место, идти станет легче.

Они продолжали свой путь. Через некоторое время Харкорт спросил:

— Как ты думаешь, это за нами охотились драконы? Откуда они могли узнать, что мы здесь?

— Не знаю, — отвечал аббат. — Я об этом думал и ничего не мог придумать. Но какая разница? За нами они охотились или нет, стоило им нас заметить, они бы все равно на нас кинулись.

— Ты не разглядел, не было у одного из них веревки на шее?

— Нет, не заметил. Они были слишком высоко. Но я тоже об этом подумал.

— У меня такое предчувствие, — сказал Харкорт, — что рано или поздно мы еще повстречаемся с этим драконом. И очень может быть, что лицом к лицу. Я намерен его убить.

— Ты романтик, Чарлз, — сказал аббат. — Неизлечимый романтик. Хотя характер у тебя тяжелый и угрюмый, ты живешь в мире фантазий. Фантазии окружают тебя даже среди бела дня. Кому кроме тебя могло прийти в голову заарканить дракона?

— Я серьезно, — сказал Харкорт. — Это не пустые слова. Я чувствую, что повстречаюсь с этим драконом лицом к лицу. И сделаю все, чтобы его убить.

— Ты считаешь, что это у тебя на роду написано с того самого дня у подножья Драконова хребта? Что тогда пришло в движение нечто такое, что должно разрешиться здесь, в глубине Брошенных Земель?

— Про это я ничего не знаю, — отвечал Харкорт. — Я не так склонен философствовать, как ты. У меня только есть такое предчувствие, вот и все.

Идти становилось все труднее, и остров, лежащий впереди, казалось, отдалялся, вместо того чтобы приближаться. Харкорт взглянул себе

под ноги и увидел, что вода едва доходит ему до щиколоток. Он по-прежнему шагал вперед, но продвигался как будто медленнее, чем до сих пор. Казалось, вода сделалась густой, как патока. Что-то стало и с воздухом: он был какой-то необычно плотный и не такой прозрачный, как всегда.

— Гай! — позвал он почти шепотом.

— Да, я тоже заметил, — сказал аббат. — Что-то происходит.

Они брели вперед, стараясь идти побыстрее, как шли раньше, но вокруг них все стало каким-то непривычным. Они шагали все так же широко, но расстояние, которое они покрывали с каждым шагом, становилось меньше и меньше. Остров впереди то расплывался в глазах у Харкорта, то снова обретал четкость. В ушах его время от времени еще слышалось бормотанье болотных призраков, но голоса их казались искаженными и гулкими, словно звучали из пустой бочки.

А сбоку, слева — нет, теперь как будто справа — кто-то следил за ними, не сводя глаз. Харкорт вертел головой во все стороны, но ничего не видел, кроме простиравшегося вокруг болота. И несмотря на это, его не покидало ощущение, что кто-то за ними следит. Что там, в стороне, не то слева, не то справа, сидит в грязи какое-то

чудище, которое, злобно ухмыляясь, глумится над ними.

Они шли и шли вперед, хотя и медленно. Остров как будто стал немного ближе. «Может быть, когда мы до него доберемся, — подумал Харкорт, — все опять станет как прежде? Вокруг нас снова будет старый, привычный, безопасный мир, обыкновенный воздух, обыкновенная вода?»

И тут, даже не повернув головы, он заметил уголком глаза некое существо, которое, глумливо ухмыляясь, сидело в стороне. Оно было наполовину погружено в жидкую грязь, но даже та его часть, что оставалась снаружи, была видна как-то искаженно, неотчетливо, словно сквозь плохое стекло, которое делает очертания всех предметов волнистыми и дрожащими. Существо, казалось, почти целиком состояло из огромной пасти и глаз, было покрыто бородавками и чем-то напоминало жабу, хотя это была вовсе не жаба. Харкорт лишь мельком заметил его, и оно тут же исчезло. Он попробовал взглянуть на него снова, но ничего не получилось, — он сам не понимал, как это ему удалось в первый раз. Он толком не отдавал себе отчета в том, зачем ему понадобилось увидеть это существо еще раз, потому что

зрелище было не из приятных. Но он чувствовал, что должен знать, кто напускает на них эти злые чары (если это чары), потому что, не зная этого, нельзя их преодолеть. Правда, ему все равно было не очень понятно, почему он догадался бы, как их преодолеть, если бы увидел это существо снова.

Он ничего не сказал аббату, потому что аббат, скорее всего, просто не поверил бы. Только что аббат сказал, что он романтик и живет в мире фантазий. Хотя где же и жить в мире фантазий, подумал он, как не на Брошенных Землях?

Наконец они достигли островка и поднялись на отлогий берег. Харкорт надеялся, что, когда они доберутся до островка, все это кончится, но ничего не изменилось: идти было не легче, чем по болоту. При обычных обстоятельствах он, выбравшись на сушу, присел бы отдохнуть, но теперь не стал останавливаться. Не остановился и аббат — Харкорт подумал, что он тоже будет идти вперед, пока они не освободятся от чар.

Если не считать нескольких деревьев у берега, островок был гол и невелик размером. Однако по нему шла тропинка — она привела их к противоположному берегу острова, за которым снова простиралась вода. Вдали из нее поднималось что-то вроде холма, сложенного из нагроможден-

ных белых камней.

Снова ступив в воду, они сразу поняли, что наваждение кончилось. Вода была самая обыкновенная, и воздух был чист. Они увидели, что следующий остров, похожий на нагромождение камней, гораздо дальше, чем им показалось сначала.

Аббат шумно вздохнул.

— Слава Создателю! — произнес он с такой горячностью, какой Харкорт в нем никогда еще не замечал. — Наконец-то оно нас отпустило!

Они прошли еще немного, но ничего не менялось — мир вокруг оставался тем же, что и был. Оглянувшись, они увидели, как с берега в воду с плеском входят Иоланда и Шишковатый.

— Ты знаешь, что это было? — спросил аббат Иоланду. Та покачала головой.

— Какое-то мелкое наваждение, и все. Не знаю, откуда оно взялось.

— Кто-то только чуть дотронулся до нашего плеча, — сказал Шишковатый, — чтобы напомнить, что ждет нас впереди.

— Ну, теперь, кажется, все кончилось, — сказал Харкорт. — Надо побыстрее двигаться вперед. Солнце уже слишком низко, боюсь, что засветло нам до берега не добраться. Лучше всего дойти до

того скалистого островка и там заночевать.

— Целых два дня ушло у нас на то, — сказал аббат, — чтобы пройти каких-то две лиги. При таких темпах мы никогда не доберемся.

— Доберемся, — возразил Шишковатый. — Обязаны добраться. И по болоту нам больше идти не придется.

Они направились к каменистому островку, идя уже не гуськом, а рядом. Солнце садилось за голубевшую на западе цепочку холмов, на болоте стало темнеть. Послышались крики ночных птиц, в небе появились стаи уток, подыскивающих себе место для ночлега. Над болотом поднимались клочья тумана, которые ползли над самой поверхностью воды, протягивая во все стороны свои призрачные щупальца. В темнеющем небе на востоке показалась бледная луна.

Снова их окружили призраки. Теперь Харкорту казалось, что время от времени он видит их туманные силуэты, хотя он не знал, действительно ли это призраки или просто клочья тумана. Их бормотанье, как и раньше, было невнятным, но в нем по-прежнему то и дело слышались жалобные мольбы о помощи и едва различимые предостережения. Но имени Элоизы Харкорт больше не слышал, да теперь уже и не был уверен, слышал

ли его раньше: может быть, это был всего лишь плод воображения.

— Я еще никогда в жизни не испытывал на себе чар, — сказал аббат. — Должен сказать, жуткое ощущение. А вы когда-нибудь такое испытывали? Ты-то, Чарлз, нет, это я знаю, а остальные?

— Я — нет, — ответила Иоланда. — Но я сразу поняла, что это такое. Наверное, инстинктивно, потому что ничего такого со мной раньше не случалось.

— Два раза в жизни, — сказал Шишковатый, — я подвергался действию чар, и оба раза наваждение было куда сильнее, чем сейчас. Это очень слабое волшебство. Будто какому-то чародею просто вздумалось немного поразмяться.

— Я тоже поняла, что это не слишком серьезно, — подтвердила Иоланда. — Не чувствовалось, чтобы нам хотели причинить вред.

— Бог мой! — воскликнул аббат. — Уж не хотите ли вы сказать, что тут полным-полно чародеев и они только и ждут, пока не появится какой-нибудь путник, на котором можно попрактиковаться в своем искусстве?

— На Брошенных Землях ничему не следует удивляться, — сказала Иоланда.

— Ты так говоришь, словно тебе не страшно, —

удивился аббат. — Ты это знала и все же решилась пойти с нами проводником?

— Мне страшно, — ответила Иоланда. — Но я немного верю в свои силы и думаю, что вовремя замечу опасность и что-нибудь сделаю, чтобы ее избежать. Вы же знаете, я здесь уже бывала.

— Да, ты мне говорила, — сказал Харкорт. — Только не могу понять, зачем тебе это понадобилось.

— Не знаю, смогу ли это объяснить, — отвечала Иоланда. — Меня сюда словно что-то тянет. Какое-то таинственное животворное ощущение, которое испытывает здесь моя душа.

Они шли по направлению к каменистому островку, который становился все ближе. Наконец они дошли до него и вскарабкались на камни. Издали островок казался белым, и теперь они увидели, что он на самом деле белый — огромные камни, белые, как мрамор, лежали горой, словно кто-то вывалил их посреди болота с гигантской повозки. Часть камней имела угловатую форму, другие были плоские и гладкие, как будто побывали в руках у гранильщика.

Некоторое время они сидели на камнях, глядя назад, на болото, которое только что пересекли. Сумерки сгущались, но еще можно было разгля-

деть островок с несколькими деревьями, темным пятном выделявшийся на фоне освещенного луной болота. Наконец Харкорт встрепенулся и поднялся на ноги.

— Пожалуй, надо залезть на вершину, — сказал он. — Оттуда, может быть, виден тот берег. До края болота должно быть не так уж далеко.

— Я пойду с тобой, — сказал Шишковатый.

«Наверное, лезть вверх по этим камням, — подумал Харкорт, — примерно то же самое, что подниматься на великие египетские пирамиды, о которых рассказывал мне дядя Рауль много лет назад. Пожалуй, даже труднее: в пирамидах плиты уложены аккуратно, а эти камни навалены как попало и порой так неустойчивы, что опасно на них ступать».

Осторожно выбирая дорогу, Харкорт и Шишковатый взбирались по грудам камней. Кое-где приходилось двигаться вбок, отыскивая место, где можно сделать еще шаг наверх. Но мало-помалу они продвигались к вершине.

Наконец Харкорт увидел, что осталось только перелезть через последний гладкий белый камень, который навис у него над головой. Встав на цыпочки, он протянул руки как можно выше и охватил пальцами край камня. Потом подтя-

нулся, нащупал ногой точку опоры и рывком передвинулся выше, так что уже мог положить локти на поверхность камня. Поднатужившись изо всех сил, он перекинул через край сначала ногу, а потом и все тело. Он только собрался повернуться и протянуть руку Шишковатому, как вдруг увидел то, что находилось прямо перед ним.

Там был скелет — сначала Харкорт решил, что человеческий, но тут же понял, что ошибся. Скелет висел на приземистом кресте, нижний конец которого был зажат между двумя каменными глыбами. Крест стоял наклонившись вперед, и Харкорту в первое мгновение показалось, будто скелет бросился на него и застыл в воздухе на полпути.

От неожиданности и ужаса у него перехватило дыхание. В сумеречном свете кости казались еще светлее, чем камни под ногами, а череп злобно ухмылялся сверкающими белыми зубами. Он увидел, что скелет прикручен к кресту цепями так основательно, что большинство костей все еще оставалось на месте. Череп был цел, нижняя челюсть держалась в нем крепко, все ребра тоже были налицо. Только на одной руке отвалились все пальцы, а на другой осталось только два или

три. Немного покривившийся хребет опирался на массивный крестец.

— Чарлз, — раздался снизу голос Шишковатого, — дай мне руку, я никак не могу ухватиться.

Харкорт обернулся, выглянул из-за края камня и протянул руку. Шишковатый уцепился за нее и с помощью Харкорта перевалился через край. Он хотел подняться на ноги, но, увидев скелет на кресте, застыл на четвереньках.

— Это еще что? — спросил он.

— Он не человеческий, — ответил Харкорт. — Сначала мне показалось, что это человек.

— Это великан-людоед, — сказал Шишковатый. — Клянусь чем угодно, это великан. И должен сказать, что тут ему самое место.

Он выпрямился и встал рядом с Харкортом. Они подошли к кресту.

— Как ты думаешь, он был жив?... — спросил Харкорт.

— Жив? — перебил Шишковатый. — Конечно, был жив. Кому пришло бы в голову привязывать мертвого великана к кресту из кедрового дерева? Перед тобой, Чарлз, акт справедливого возмездия. Здесь пришел конец одному из племени Нечисти, который в свое время немало навредил человечеству. С ним счеты сведены, или почти сведены. Он

умер не так, как умер на кресте ваш Христос. Его приковали к кресту цепями, и смерть наступила не от телесных ран, как у других распятых. Этого прикончил голод. Он висел тут, пока не умер от голода и жажды. Скорее всего, от жажды.

— Но как это жестоко, как беспощадно…

— Те, кто это сделал, несомненно, имели все основания быть жестокими и беспощадными.

— Все равно мне это не нравится, — сказал Харкорт. — Одно дело быстрая смерть от удара клинка, совсем другое — вот такая. Это какая-то безумная ненависть.

— Вероятно, люди, обитавшие в этих местах, — сказал Шишковатый, — имели все основания для ненависти. Жизнь их научила.

— Что мы будем с ним делать?

— Ничего не будем делать. Пусть висит. А что ты хотел предложить — христианское погребение?

— Ну нет.

— Так оставим его в покое. Пусть и дальше висит, ухмыляясь.

— Пожалуй, да.

Шишковатый отвернулся от креста со скелетом, поглядел на запад и показал пальцем в том направлении.

— Вот. Мы теперь знаем то, что хотели выяс-

нить. Берег болота совсем недалеко. Смотри!

Глава 12

Проведя кое-как ночь на каменистом островке, они на рассвете пересекли последний участок болота и вышли на сушу. Дальше на западе высились голубые холмы.

Харкорт почти не спал — лишь несколько раз ему удалось ненадолго задремать. С наступлением ночи болото превратилось в средоточие кошмаров: повсюду вокруг стонали и рыдали призраки. Временами Харкорту казалось, что он их видит, хотя каждый раз оставалось сомнение — призрак это в белом саване или просто один из плывущих в воздухе клочьев тумана.

Над болотом то и дело раздавались крики ночных птиц, а совсем недалеко, на востоке, время от времени кто-то как будто бухал в барабан. Харкорт лежал с открытыми глазами, прислушиваясь к странному звуку и пытаясь определить, на что он больше похож — на кваканье или на барабанный бой. Он убеждал себя, — хотя в то же время страшился этой мысли, — что слышит кваканье того бородавчатого, похожего на жабу существа, которое привиделось ему под действием наваждения. Но он так и не смог окончательно

в это поверить, потому что временами готов был поклясться, что это не кваканье, а удары в барабан. Но кто мог глубокой ночью сидеть посреди болота и бить в барабан?

Отправившись утром в путь, Харкорт и его спутники первое время шли по заболоченной местности, но потом земля под ногами стала совсем сухой и идти стало легко. Довольные, что болото наконец осталось позади, они направлялись к цепочке холмов на горизонте. Иоланда ушла вперед и скоро исчезла из вида. Наверное, ищет место, где будет легче подниматься на холмы, подумал Харкорт и еще раз подивился ее подвижности и выносливости.

Время от времени Харкорт задирал голову и смотрел на небо. Вчерашние драконы произвели на него большее впечатление, чем ему показалось сначала. Но теперь в небе виднелось только несколько ястребов — драконов нигде не было видно.

Они шли по высокой траве, испещренной луговыми цветами. Мало-помалу холмы перестали казаться голубыми — стало видно, что они поросли лесом и не так высоки, как те, что поднимались вдоль реки.

Аббат, шедший немного впереди Харкорта и

Шишковатого, замедлил шаг, чтобы дать им поравняться с ним. Он снова был в своем обычном прекрасном настроении.

— Вот теперь мы двигаемся как следует, — сказал он. — Может быть, если повезет, наверстаем время, которое потеряли в этом болоте.

— Это как получится, — сказал Шишковатый. — У меня такое ощущение, что нам еще не раз придется задерживаться.

— Но ничего подобного этому ужасному болоту больше не будет, — сказал аббат.

Часа через два они приблизились к подножью холмов и увидели, что там их поджидает Иоланда.

— Давайте возьмем немного севернее, — сказала она. — Я нашла извилистую долину, по которой можно подняться.

— Скоро нам придется остановиться и перекусить, — сказал аббат. — Перед тем как трогаться в путь утром, мы ничего не ели, если не считать кусочка сыра и горбушки хлеба.

— Ты когда-нибудь думаешь о чем-нибудь кроме своего огромного брюха? — спросил Шишковатый. — Дай тебе волю, и мы останавливались бы перекусить через каждые пол-лиги.

— Для путника главное — сытое брюхо, — сказал

аббат. — О своем я всегда стараюсь позаботиться.

— Как только доберемся до той долины, — пообещала ему Иоланда, — найдем место, где можно будет остановиться и поесть. Там бежит ручеек и много деревьев.

Они отыскали долину и, покинув луг, вошли в уютную рощицу на берегу ручья, который весело бежал по камням в сторону болота. У самой воды, где они устроили привал, рос лишь густой ивняк, но оба склона долины заросли огромными дубами, кленами, буками и березой.

Немного выше по течению склоны долины стали сближаться, образуя узкий овраг, подниматься по которому местами было нелегко. Уходя все дальше в глубь холмов, овраг становился все у́же, а густой лес спускался по его склонам все ниже, пока кроны деревьев не сомкнулись над ручьем, превратившимся к этому времени в крохотный ручеек. Вдоль него шла едва заметная тропинка, которая то и дело перебегала с берега на берег, — идти по ней было лучше, чем по бездорожью, но не намного: тропинка была крутая и извилистая, а посреди нее торчали корни деревьев и каменные глыбы.

В середине дня они увидели развилку: от тропинки, по которой они шли, отходила другая,

поменьше, поднимавшаяся по склону оврага. Иоланда остановилась и вгляделась в глубь леса.

— Стойте и ждите меня, — сказала она. — Я сейчас вернусь.

Довольные, что представился случай передохнуть, они остановились, а Иоланда начала быстро подниматься вверх по склону.

— Эта девчонка не знает усталости, — сказал аббат. — Бегает и скачет, как бешеная коза, и никак не угомонится.

Стоя на тропинке, Харкорт впервые заметил, как угрюм этот лес. Он громоздился над ними со всех сторон, словно пытаясь задушить их в своих объятьях. Если не считать журчанья ручейка на камнях и вздохов ветра в макушках деревьев, в лесу стояла тишина.

Вскоре на тропинке показалась Иоланда, которая бегом спускалась вниз.

— Я нашла место для ночлега, — сказала она. — Пещеру. В ней кто-то жил, но сейчас там его нет. Я думаю, он возражать не станет.

— Откуда ты можешь это знать? — спросил Шишковатый.

— А я не знаю, — ответила она. — Я только предполагаю и надеюсь.

— Возможно, мы уйдем оттуда раньше, чем

кто-нибудь появится, — сказал аббат. — Кто бы он ни был, он ничего не узнает.

Они поднялись по тропинке и подошли к пещере. Она была невелика и не очень глубока. Перед ней простиралась широкая ровная площадка продолжение каменного пола пещеры. На площадке, недалеко от входа, был устроен очаг, полный золы и почерневших головешек. В глубине пещеры стояло на поленьях самодельное подобие кровати. У дальней стены лежали три сковородки и вертел, а у самого входа были аккуратно сложены сухие дрова. Угол пещеры был выложен камнями, на которых валялось несколько кожаных мешков.

Нагнувшись, чтобы не задеть головой за низкую кровлю пещеры, аббат неуклюже вошел внутрь и уселся на кровать.

— Пожалуйста, — сказал ему Шишковатый, — будь как дома.

— А почему бы и нет? — вспылил аббат. — Если наш неизвестный хозяин приличный человек, он ничего не будет иметь против того, чтобы гости чувствовали себя как дома.

— Вопрос только в том, — возразил Шишковатый, — можем ли мы считаться гостями.

— Пусть этот вопрос вас не волнует, — послы-

шался с тропинки чей-то голос. — Вы действительно мои гости, и гости желанные.

Они обернулись и увидели, что на тропинке немного ниже пещеры стоит маленький человечек. Его дочерна загорелое, гладко выбритое лицо украшали щетинистые бакенбарды. Он смотрел на них, привычно щуря глаза, окруженные множеством морщинок: видно было, что он помногу бывает на ярком солнце. Через плечо у него был перекинут пустой мешок, хотя его сгорбленная, сутулая фигура свидетельствовала о том, что ему частенько приходится таскать на спине груз и потяжелее. В руке он держал посох, какие бывают у пилигримов. Ноги у него были босые, штаны рваные, а верхнюю часть тела прикрывала овчинная куртка мехом наружу.

— Я Андре, коробейник, — сказал он. — А это мое скромное жилище. За все годы, что я здесь живу, вы первые оказали мне честь заглянуть ко мне в гости, и я рад, что вы меня посетили.

Он усталой походкой поднялся на площадку перед пещерой, остановился и внимательно посмотрел на них.

— Мы путники, — сказал ему Харкорт, — и остановились здесь совсем ненадолго.

Коробейник утер пот с лица.

— Странно. Мало кто путешествует по этим местам. Они не слишком гостеприимны.

— Меня зовут Чарлз, я из замка Харкортов на той стороне реки. Мы разыскиваем моего дядю, который пропал без вести. У нас есть основания думать, что он на Брошенных Землях. Может быть, ты что-нибудь о нем слышал?

Коробейник покачал головой:

— Ничего не слышал. Ни намека. Ни один разумный человек не станет здесь бродить.

— Мой дядя — человек неразумный, — заметил Харкорт. — Он всегда был такой.

— Ну ладно, пока оставим это, — сказал коробейник. — Вы ночуете здесь. Можете остаться и дольше, если хотите. Я сейчас разведу огонь…

— Нет, — сказал Шишковатый. — Огонь разведу я, а вот этот толстый лентяй, что сидит на кровати, пойдет собирать дрова, чтобы возместить те, которые мы сожжем. А если твоя поленница немного увеличится, это будет всего лишь ничтожной платой за гостеприимство.

— Там, где начинается эта тропа, я заметила небольшой омут, — сказала Иоланда, — и в нем плавали форели. Пойду постараюсь наловить рыбы на ужин.

Коробейник улыбнулся:

— Никогда не видел таких любезных и готовых к услугам гостей. Любой хозяин был бы рад принимать вас. Твои слуги прекрасно вышколены, — сказал он, обращаясь к Харкорту.

— Это не слуги, — ответил Харкорт. — Это мои друзья. Тот, кого назвали лентяем и кто пошел за дровами, — аббат, и, хотя он наверняка станет без конца ворчать, все что надо будет сделано.

— Тебе повезло, — сказал коробейник, — что у тебя такие друзья.

— Мне тоже так кажется, — ответил Харкорт.

Этот человек ему не понравился, и он не испытывал к нему никакого доверия: слишком хитрый у него взгляд и слишком льстивый язык. При нем лучше не говорить лишнего — Харкорт не мог бы объяснить, почему у него появилось такое ощущение, но как он себя ни уговаривал, оно не исчезало.

Коробейник сбросил на кровать мешок, который нес на плече, залез в него, достал горсть каких-то безделушек и высыпал на одеяло.

— Товар у меня недорогой, — сказал он, — и торгую я больше по мелочам. Много не запрашиваю, много не получаю, но в общем кое-как свожу концы с концами.

На одеяле лежали старинная бронзовая монета,

обрывок шейной цепочки, полированный агат, позеленевшее от времени кольцо с красным камнем, бронзовый наконечник копья, тоже позеленевший, и еще много всякой всячины.

— Все считают, что я круглый идиот, — сказал он, — но человек безобидный и правдивый, может быть, только потому, что слишком глуп, чтобы врать. Меня не боятся, а кое-кто мне даже доверяет. И я могу путешествовать без опаски. Мне всякий рад, потому что я приношу с собой свежие новости и иногда даже сплетни, а когда запас новостей у меня иссякает, я тут же по дороге сочиняю их столько, чтобы покупатели остались довольны.

— А кто такие те, с кем ты торгуешь? — спросил Харкорт.

— Как кто? Просто покупатели. А, понимаю, о чем ты. Что ж, скажу тебе правду. Я торгую и с людьми, и с Нечистью тоже, мне все равно. И от тех и от других барыш одинаковый.

— В таком случае, — сказал Харкорт, — ты, вероятно, сможешь оказать нам помощь. Если пожелаешь, конечно.

— Разумеется, пожелаю. Я помогаю всякому, кто меня попросит.

Шишковатый уже развел большой огонь в оча-

ге на площадке перед пещерой, а аббат принес охапку дров и пошел за второй.

— Сначала мы поедим, — сказал коробейник, — а потом можем посидеть у огня и поболтать. Тогда вы и расспросите меня, о чем хотите.

Прекрасно, подумал Харкорт. Только чему из того, что он говорит, можно верить?

— Мы будем тебе благодарны, — торжественно сказал он, — за любую информацию, какую ты сможешь нам сообщить.

Снизу пришла Иоланда со связкой рыбы и, усевшись у огня рядом с Шишковатым, принялась ее чистить. Коробейник принес сковороду с длинной ручкой и банку жира, а аббат принес еще одну охапку дров, свалил ее рядом с поленницей и тяжело уселся у огня.

Посмотрев на форель, он облизнулся.

— Хорошая рыба, жирная, — сказал он. — И свежая, прямо из ручья.

— Здесь отличная рыба, — сказал ему коробейник. — Когда у меня есть время для рыбной ловли, я всегда ее ем. — Он внимательно посмотрел на аббата. — Судя по твоей сутане, — сказал он, — похоже, что вы шли по болоту.

— Мы перешли это чертово болото вброд, — недовольно сказал аббат. — Целого дня не хвати-

ло на то, чтобы его перейти.

— Но вы могли бы его обойти, — сказал коробейник таким тоном, что было ясно: всякий нормальный человек только так бы и поступил.

Аббат хотел было ответить, но Харкорт опередил его.

— Возникли кое-какие обстоятельства, — сказал он, — из-за которых нам показалось разумнее перейти его вброд.

— Ну да, — отозвался коробейник, — могу себе представить. Иногда действительно возникают обстоятельства, как ты это называешь. Особенно в этих местах.

Рыба уже жарилась, все сидели вокруг и смотрели.

— У нас есть сыр и хлеб, — сказала Иоланда, — и немного сала. Может быть, добавить кусочек сала к рыбе для вкуса?

— Если вам не жалко, — ответил коробейник. — Мне иногда удается выторговать сала, но я уже, наверное, целый месяц его не пробовал. Нет ничего вкуснее кусочка сала.

Иоланда отрезала несколько ломтиков и положила их на сковородку рядом с рыбой.

Сидя у огня, они поужинали. Когда с едой было покончено, коробейник сказал:

— Вы говорили, что вам нужна какая-то информация. Что вы хотели бы знать? Наверное, вас интересует, что лежит впереди?

— Верно, — сказал Харкорт. — Мы направляемся на запад. Мы слышали, что где-то в том направлении есть древний храм.

Коробейник задумался.

— Вам еще далеко идти, — сказал он наконец. — Я там никогда не был. Храма, о котором вы говорите, я не видел, но слыхал о нем. Могу сказать только одно — вам нужно идти на запад и расспрашивать всех, кого встретите по пути.

— А кого там расспрашивать? — спросил Шишковатый. — Уж конечно, не Нечисть. А встретим мы там кого-нибудь кроме Нечисти?

— Там есть люди, — отвечал коробейник. — Вы найдете их в потаенных, уединенных местах. Нечисть знает, что они там живут, но не трогает их. Что вы вообще знаете о Нечисти?

— Я много дней сражался с ней на стенах замка семь лет назад, — сказал Харкорт.

— Да, это были трудные времена, — сказал коробейник. — Но обычно у Нечисти нрав не такой уж злобный. У них есть свои циклы. Было время, когда всякий мог пройти по этим местам и остаться невредимым. А иногда даже я не реша-

юсь показаться наружу и отсиживаюсь здесь. У них случаются периоды бешенства, а когда такой период проходит, они снова становятся всего лишь несносными, но не кидаются сразу убивать. Сейчас, мне кажется, время неудачное. Где-то на севере бродит римская когорта, а от этого у них всегда портится характер.

— Ты больше ничего не слышал об этих римлянах? — спросил аббат. — Только то, что они где-то на севере?

— Были одна-две стычки. Случайные столкновения небольших отрядов, и только. Ничего серьезного.

— Тогда вполне возможно, что ничего серьезного и не произойдет, — сказал Харкорт. — Эта когорта отправилась всего лишь на рекогносцировку. Римляне не хотят конфронтации.

— Может быть, так оно и есть. Надеюсь, что так. Почти вся Нечисть собралась у дальних границ на случай вторжения варваров — они, кстати сказать, в последнее время не очень наседают, но по-прежнему опасны. Сюда проникают только небольшие конные отряды, а больших передвижений незаметно.

— Есть здесь какие-нибудь опасные места, о которых нам надо знать? — спросил Шишкова-

тый. — Места, которые нам лучше бы обойти стороной? Все, что ты нам об этом можешь сказать, будет для нас очень ценно.

— В нескольких лигах к западу, за довольно большой рекой, лежит долина, где живут гарпии. Они могут охотиться и в других местах, но обычно держатся неподалеку от своей долины. Когда переправитесь через реку, держите ухо востро. Это очень злобные существа.

— А драконы? — спросил аббат.

— От драконов никогда не знаешь, чего ожидать, — ответил коробейник. — Они могут быть где угодно. Прежде чем выйти на открытое место, обязательно посмотрите на небо. И старайтесь по возможности держаться поближе к деревьям. Среди деревьев им до вас не добраться. Будьте осторожнее на мостах — это излюбленное место троллей. Но это вы, конечно, знаете.

— Знаем, — сказал аббат.

— Раз уж вы туда направляетесь, вы можете при случае порасспросить про один колодец. Древний колодец, говорят, когда-то он служил местом паломничества. Легенда гласит, что, если вы перегнетесь через полуразрушенную каменную стену, которая его окружает, и поглядите вниз, в воду, вы сможете увидеть в воде будущее. Гаран-

тировать вам это я не могу, у меня есть кое-какие сомнения. Однако то, что про него рассказывают, очень любопытно. Я много про него слышал.

— Надо будет расспросить про этот колодец по пути, — небрежно сказал Харкорт.

Огонь догорел. Ночь уже наступила. Легкий ветерок шевелил верхушки растущих ниже по склону деревьев, которые приходились прямо против входа в пещеру. Небо на востоке посветлело, предвещая восход луны.

Коробейник поднялся с места, прошел в глубину пещеры и принялся рыться в мешках, которые лежали в выложенном камнями углу. Потом он вернулся к огню, держа в руках какой-то предмет, блеснувший в свете пламени, когда он протянул его Иоланде. Это было что-то очень красивое по крайней мере, так всем показалось. Радужные отсветы играли на спиральной поверхности, которая заканчивалась широким раструбом.

Иоланда так и сяк поворачивала предмет в руках, пытаясь понять, что это такое.

— Что это? — спросила она. — Вещь прекрасная, но что это может быть?

— Это морская раковина, — ответил коробейник, — которую привезли с берегов далекого океана. В ней все еще шумит море. Приложи к

уху — и услышишь.

Иоланда с недоверчивым видом приложила раковину раструбом к уху и прислушалась. Ее глаза широко раскрылись от удивления, рот приоткрылся. Она долго слушала, а остальные смотрели на нее. Наконец она отняла раковину от уха и протянула ее аббату, который, повертев ее в руках и разглядев как следует, тоже поднес к уху.

— Боже всемогущий, — воскликнул он, — в ней заключено море! Должно быть, это и есть море, ведь я никогда его не видел. Как будто волны шумят.

Коробейник как-то зловеще усмехнулся:

— Я же сказал. А ты не поверил?

— Таким невероятным вещам я никогда не верю, — сказал аббат, — пока не удостоверюсь сам.

Он передал раковину Харкорту, и тот, поднеся ее к уху, тоже услышал шум — как и сказал аббат, он был похож на шум волн. Харкорт опустил раковину.

— Не понимаю, — сказал он. — Как может эта раковина хранить внутри себя шум моря? Даже если ее принесли с берега моря, как она может сохранять его шум?

Шишковатый протянул руку и отобрал у него раковину, но к уху ее прикладывать не стал.

— Все это бабушкины сказки, — заявил он. — Звук, который там слышен, — никакой не шум моря, а что-то еще. Я не могу этого объяснить, да и никто, наверное, не может. Только это не шум моря.

— Тогда скажи, что это, — сказал коробейник.

— Я же говорю, что не знаю, — ответил Шишковатый. — Честнее не скажешь. Но только это не шум моря.

Он протянул раковину коробейнику, но тот покачал головой.

— Нет, не мне, — сказал он, — Отдай ее даме. Это ей подарок.

Глава 13

На следующее утро они тронулись в путь поздно. Казалось, коробейнику не хотелось их отпускать. Он много болтал за завтраком, но не сказал ничего такого, что они хотели бы услышать. Когда его о чем-нибудь спрашивали, он или отговаривался тем, что не знает, или принимался рассказывать какие-то нелепые истории явно мифического свойства.

В конце концов они отделались от него и снова начали нелегкий подъем по извилистой тропинке. Солнце уже миновало зенит, когда они достигли гребня холмистой гряды. Лес здесь был уже не такой густой, как внизу, у ручья. Они сделали короткий привал и, не разжигая костра, перекусили.

— Я надеялся, — сказал Шишковатый, — что этот коробейник будет нам чем-нибудь полезен. Но мы ничего от него не добились, и это странно. Он наверняка исходил эти места вдоль и поперек и должен был много о них узнать.

— Я сразу понял, что нельзя ему доверять, — сказал аббат. — Даже если бы он сообщил нам что-нибудь важное, и то я бы ему не поверил.

— Но он не сообщил нам ничего, — сказал Шишковатый. — Болтал что-то про гарпий, но не сказал ничего толкового. Произнес несколько прописных истин о том, как прятаться от драконов, и посоветовал избегать мостов, потому что под ними живут тролли.

— Я тоже понял, что доверять ему нельзя, — согласился Харкорт. — Сразу видно, что он себе на уме.

— А эти россказни про морскую раковину? — продолжал Шишковатый. — Как будто все чистая правда. Будьте уверены, что это неправда. Я видел море и слышал, как оно шумит. Тот звук в раковине — никакой не шум моря.

— Он, правда, сообщил нам, что храм находится где-то к западу отсюда, — сказал аббат. — Но это мы знаем и без него. Надо было спросить его про тот дворец, или виллу, где спрятана призма.

Харкорт покачал головой:

— Об этом нельзя было спрашивать. Мы раскрыли бы свои карты. И он, и кто бы то ни было другой должны знать только одно — что мы разыскиваем моего пропавшего дядю.

Покончив с едой, они отправились дальше, держась гребня холмов.

— Это заведет нас к северу, — сказала Иолан-

да, — но, наверное, не слишком далеко. А отсюда нам легко будет выбрать дорогу получше.

Незадолго до сумерек они остановились на ночлег. После вечерней трапезы Иоланда уселась одна в сторонке и приложила к уху раковину. Через некоторое время Харкорт поднялся с места и подсел к ней. Она отняла раковину от уха и положила ее на колени.

— Тебе она очень нравится, — сказал он. — И шум моря в ней.

— Не сам шум, — ответила она с улыбкой. — Хотя этот шум как-то странно завораживает. Но дело не только в нем. Когда я слушаю, мне чудится, что там, за шумом моря, слышен чей-то голос, который пытается мне что-то сказать.

— Какое-то волшебство? — спросил он. — Волшебный голос?

Она нахмурила лоб и задумалась.

— Ты знаешь, что такое волшебство? — не унимался он. — Можешь мне это объяснить?

— Мой господин, — отвечала она, — ты задаешь мне загадки.

— Я этого не хотел. Я подумал, что, может быть, ты сумеешь растолковать мне, что такое волшебство. Это слово очень часто приходится слышать, оно само просится на язык, когда надо что-то

объяснить, а никакого объяснения нет.

— И ты решил, что растолковать тебе это сможет простая девчонка. Которая время от времени бродит по Брошенным Землям и не может, или не хочет, объяснить зачем. Которая может увидеть что-то живое в куске дерева…

— Ничего такого я не думал, — сказал он, хотя тут же неохотно признал про себя, что именно таковы были его мысли. — Если я тебя обидел…

— Нет, не обидел, — ответила она и, взяв с колен раковину, вновь поднесла к уху. Харкорт понял, что она не хочет продолжать разговор, вернулся к огню и сел рядом с аббатом.

«Пока что все идет благополучно, — подумал он. — Нам пришлось иметь дело с буграми в лесу и с призраками на болоте, но с настоящими опасностями мы еще не сталкивались». До сих пор они не заметили никаких признаков Нечисти, никаких намеков на то, что Нечисть догадалась об их присутствии. Конечно, именно на это они и надеялись, но он знал, что оснований для подобных надежд у них нет.

— Гай, — спросил он аббата, — у тебя нет такого ощущения, что все идет слишком гладко?

— Да, это мне приходило в голову, — ответил аббат. — Ну и прекрасно. Впрочем, прошло пока

только четыре дня.

— Может быть, я зря беспокоюсь, — сказал Харкорт, — но у меня все время мурашки по спине ползают. Такое чувство, словно кто-то за нами наблюдает. Я какой-то весь взвинченный и постоянно дергаюсь.

— Да, я это тоже чувствую, — сказал аббат, — только стараюсь об этом не думать. Не люблю накликать беду. Пока все идет хорошо — ну и ладно.

— Иоланда думает, что в раковине слышится какой-то голос, только его заглушает шум моря.

— Девичьи фантазии, — сказал аббат.

— Знаю. Может быть, и так. Только я не доверяю коробейнику. И эта раковина мне не нравится.

Аббат положил Харкорту на плечо свою тяжелую руку.

— Успокойся, — сказал он. — Не надо накликать беду.

На следующий день гребень холмистой гряды, по которому они шли, стал заметно ниже, и они оказались на нешироком плато, шедшем вдоль прибрежных гор. Дальше простирались болотистые низины, по которым они снова направились на запад.

— Мы взяли слишком далеко к северу, — сказал

Харкорт. — Наверное, лучше было бы держаться холмов.

Они остановились передохнуть, и Шишковатый достал из сумки, висевшей у него на поясе, карту, которую начертил для них дядя Рауль. Он расстелил ее на земле, и они сгрудились вокруг, глядя ему через плечо.

— Тут нелегко разобраться, — сказал Шишковатый. — Масштаб не соответствует расстояниям. Но я думаю, что мы вот тут, — он ткнул пальцем в карту.

— Если ты прав, — заметил Харкорт, — то мы все еще на безопасном расстоянии к югу от римской дороги.

— От этой карты никакого толку, — сказала Иоланда. — На ней нет того болота.

— Очень может быть, — возразил Харкорт, — что дядя про него не знал. Возможно, он прошел севернее.

— До храма еще далеко, — сказал аббат, — но похоже, что он прямо на запад от нас.

— Вот вам и ответ, — сказал Шишковатый. — Значит, надо идти на запад.

Он сложил карту и сунул ее обратно в сумку.

Плато было не таким лесистым, как холмы, лес здесь был реже и мельче, время от времени

попадались небольшие поляны. На некоторых из них, может быть, когда-то стояли крестьянские усадьбы, теперь давно заброшенные, но никаких признаков построек заметно не было. Такие поляны они старались пересекать как можно быстрее, внимательно глядя на небо, не покажутся ли драконы. Но драконы не появлялись. День стоял ясный, солнечный, но не слишком жаркий, на небе не было ни облачка. Иоланда, как обычно, шла впереди всех, но в пределах видимости. Вскоре после полудня она остановилась, и все подошли к ней.

— Что-нибудь неладно? — спросил Харкорт.

— Я чую дым, — ответила она и показала вперед. — По-моему, это вон в той стороне.

— Может быть, там люди, — сказал Шишковатый. — Нечисти огонь ни к чему. Они едят мясо сырым.

— Нам лучше рассыпаться в цепочку, — сказал Харкорт. — Ради бога, двигайтесь осторожно и смотрите в оба. Если это люди, надо их не спугнуть. Нам нужны любые сведения, какие можно будет от них получить.

— А если это Нечисть, — добавил Шишковатый, — то надо заметить ее прежде, чем она заметит нас.

Они растянулись цепочкой и медленно, осторожно двинулись под гору к оврагу, куда показала Иоланда. На полпути к нему Харкорт ощутил резкий запах дыма. Иоланда была права; там горел огонь. Низко пригнувшись, он продолжал спускаться по склону, то и дело озираясь по сторонам.

Услышав какой-то нечленораздельный звук, он застыл на месте и взглянул направо, откуда донесся звук. Там приник к земле Шишковатый. Увидев, что Харкорт смотрит в его сторону, он ткнул пальцем вперед, и Харкорт, посмотрев в этом направлении, увидел плывущую в воздухе тонкую голубую струйку дыма.

Он поднял руку, дал знак двигаться вперед и, пригибаясь как можно ниже, продолжал медленно спускаться под гору. Взглянув направо, он увидел, что Шишковатый тоже двинулся вперед, а за ним и аббат. Иоланды не было видно. Проклятая девчонка, подумал он, куда она делась? Вечно норовит держаться сама по себе! Но тут же он увидел ее слева от себя и далеко впереди: она перебегала от дерева к дереву, едва заметная на их фоне, лишь что-то смутно мелькало вдали.

Он сделал еще несколько шагов вперед и остановился как вкопанный. Там, на дне оврага, горел

костер. У ручейка, низвергавшегося из расщелины в склоне оврага, стояла жалкая хижина. Над водой возвышалось какое-то деревянное сооружение. «Мельница! — подумал он. — Клянусь Богом, мельница!» Мельничное колесо вертелось, сверкая на солнце, от его лопастей поднималась водяная пыль. А над колесом вращалась, качаясь во все стороны, деревянная клетка. Внутри клетки кто-то был, но кто — он разглядеть не мог. Оттуда доносились какие-то скрипучие звуки, но издавала их сама вращающаяся клетка или существо, сидевшее в ней, понять было невозможно.

Около мельничного колеса стоял на коленях человек, что-то делавший с обрубком дерева. В руках у него были молоток и стамеска. Он был стар: длинные седые волосы падали ему на плечи, седая борода спускалась на грудь. Он колотил молотком по стамеске, не замечая приближения людей.

Харкорт внимательно осмотрелся. Никого больше видно не было, хотя в хижине мог быть еще кто-то. Старик на коленях продолжал колотить по обрубку.

Харкорт выпрямился и направился к старику, стараясь двигаться как можно тише. Но его опередил аббат, который величественно приближался

к старику, огромный и внушительный, по узкому ровному дну оврага.

Старик бросил молоток со стамеской и вскочил на ноги. Он стоял, уставившись на аббата и готовый в любую минуту пуститься наутек. Потом, видимо, сообразил, кто может быть этот человек в сутане и с выстриженной макушкой, и бросился ему навстречу. Едва не поскользнувшись, он остановился и упал на колени, прижав к груди молитвенно сложенные руки.

— Благослови меня, отец! — вскричал он жалобным голосом. — Благослови меня!

Аббат воздел руку, пробормотал что-то по-латыни и осенил его крестным знамением. Потом он нагнулся и поднял старика на ноги.

— Я уже не надеялся, что когда-нибудь дождусь благословения Церкви, — дрожащим голосом сказал старик. — Думал, что безвозвратно погиб. Думал, что Бог обо мне забыл.

— Милосердный Господь никогда не забывает своих детей, — ответил аббат.

— Но я принял меры, — сказал старик. — Пусть я погряз в невежестве, но я кое-что придумал.

— И что же ты придумал, сын мой? — ласково спросил аббат.

— Ну, понимаешь, отец, у меня есть вон тот

попугай.

— Не могу понять, откуда здесь, на Брошенных Землях, мог взяться попугай. Ты ведь сказал — попугай?

— Да, отец, попугай.

— Но скажи мне, ради Бога, какой он из себя — попугай? Я знаю много разных птиц, но никогда не видел попугая.

— Попугай, — сказал Шишковатый, — это птица, которая живет в джунглях на далеком юге. Очень красивая птица, зелено-сине-красного света, и при должном старании ее можно научить передразнивать человеческую речь.

— Да, это правда, — подтвердил старик. — Но это требует большого терпения и не всегда получается. Я пробовал выучить его произносить «Верую», но ему такое не под силу. Я пытался обучить его возносить молитву Божьей Матери, но тоже не преуспел. В конце концов я смог только научить его говорить «Спаси Господь мою душу», но эта глупая птица валит все слова в одну кучу.

— Да благословит меня Господь, — сказал ошеломленный аббат, — ты хочешь сказать, что научил птицу говорить «Спаси Господь мою душу»?

— Отец, — взмолился старик, — ничего лучшего

мне не удалось добиться! Я пробовал и «Верую», и молитву Богоматери…

— А зачем? — спросил аббат.

— Ну как же! — отозвался старик, потрясенный тем, что аббат не может понять, зачем это нужно. — Я считаю, надо, чтобы хоть кто-нибудь мог замолвить за меня словечко перед Господом, и раз уж никого другого у меня нет, я решил, что сойдет и птица. Я сказал себе, что это все-таки лучше, чем ничего. Разве ты не согласен, отец?

— Не уверен, — сказал аббат строго. — Было бы лучше, если бы ты сам…

— Сам-то я молился, отец. Со всем старанием. Бывало, что и до изнеможения.

— Тогда зачем же понадобилась птица?

— Но ты же должен понять, отец! Я считал, что птица даст мне хоть какой-нибудь лишний шанс. А здесь, среди злобной Нечисти, лишний шанс, пусть самый крохотный, не помешает.

— Это вон та птица, что в клетке? — спросил Шишковатый.

— Да, мой добрый господин, она самая.

— А почему она в клетке? Разве она улетела бы, если бы ты выпустил ее на волю? И почему клетка подвешена над мельничным колесом? Неужели ты не мог найти для нее место получше?

— Вы поймете, почему она там, когда я вам кое-что расскажу. Эта глупая птица говорит «Спаси Господь мою душу», только когда она висит вниз головой на жердочке.

— А почему?

— Воистину, господин, это мне неизвестно, я только знаю, что это так. Мне оставалось сделать только одно. Придумать какой-нибудь способ, чтобы то и дело переворачивать птицу вниз головой. Вот я и сколотил эту клетку с одной только жердочкой, построил водяное колесо и приспособил к нему клетку. Колесо вертится, и клетка тоже вертится, так что с каждым поворотом колеса птица переворачивается вниз головой.

— Но сейчас клетка вовсе не вертится, — заметила Иоланда. — Колесо вертится, а клетка нет.

— Увы, это потому, что сломалось зубчатое колесико, что поворачивает клетку. Совсем сломалось, пополам. Я как раз тем сейчас и занят, что делаю новое колесико. Как только я его сделаю, клетка снова будет вертеться.

— Ты давно здесь живешь? — спросила Иоланда.

— Не могу сосчитать, сколько лет. Я был еще молодой, когда здесь поселился.

— И птицу с собой привез?

— И птицу привез. Она живет у меня очень давно.

— Ты хочешь сказать, что все эти годы птица вертится вместе со своей клеткой? Тебе должно быть стыдно.

— Нет, не все эти годы, — отвечал старик. — Много лет ушло на то, чтобы научить ее говорить «Спаси Господь мою душу». А перед этим мне пришлось отучить ее говорить слова, которым ее научили раньше. Я купил ее у одного моряка, а он обучил ее таким словам, от которых даже бывалый человек может упасть в обморок.

— Одного я не могу понять, — сказал Харкорт. — Зачем вообще ты здесь поселился? Всякий человек, если он в здравом уме, старается держаться подальше от Брошенных Земель.

— Я прошу простить меня, господин, — ответил старик, — но ведь и вы тоже здесь, верно?

— Мы совсем другое дело, — сказал аббат. — Мы пришли сюда с определенной целью.

— У меня тоже была цель. Я видел себя миссионером среди живущей здесь Нечисти. Я сказал себе, что моих способностей и силы воли хватит, чтобы стать святым. Я думал, что у меня хватит сил и на то, чтобы стать мучеником, если уж придется.

— Но ты не стал святым. И мучеником тоже не стал.

— Я слаб, — сказал старик. — Мне не хватило мужества. Я с этим не справился. Я хотел вернуться назад, пытался бежать, но меня не пустили, и вот…

— Кто тебя не пустил? — спросил аббат.

— Нечисть. Каждый раз, как я пытался бежать, они загоняли меня обратно. Тогда я отыскал это уединенное место и укрылся здесь. Из благочестия и молитв я хотел возвести стену, которая защитила бы мое недостойное тело и спасла бы мою душу.

— Ты больше не пытался бежать к людям? Только прятался здесь?

— Нет. Много раз пытался я бежать, но они никак меня не пускали. Я думал, мне удалось от них спрятаться, но я ошибался. Они узнали, что я прячусь здесь, и каждый раз, как я пытался убежать, загоняли меня обратно. Иногда меня заставлял вернуться сюда великан или тролль, иногда гарпия, иногда кто-нибудь еще. Меня не трогали, просто заставляли вернуться сюда. Играли со мной, как кошка с мышью. Они хихикают, сидя вон на том холме, ведь они никогда не смеются, а только хихикают. Сюда, в овраг,

они не спускаются, а остаются наверху. Иногда я их вижу, хоть и редко, но я постоянно слышу, как они хихикают. Когда-нибудь они спустятся сюда, и тогда мне придет конец. Когда им надоест играть со мной, как кошка с мышью, и тогда они меня прикончат.

— Ты говорил о стене благочестия, которую пытался воздвигнуть. Твой говорящий попугай — это часть стены?

— Я делал, что мог. Я использовал все средства.

— Ну хорошо, ты обучил попугая говорить «Спаси Господь мою душу». И какая тебе может быть от этого польза? Ты же сам говоришь, что он просит Господа спасти не твою душу, а его. Он говорит «мою душу», а не «душу моего друга», или «моего хозяина», или «этого человека». Даже ты мог бы понять, что это нелепость. Ведь у попугая нет никакой души.

— Я хотел, чтобы он замолвил за меня слово, — отвечал старик. — Но нужно, чтобы слово было попроще. Мне нелегко далось его обучение даже этому, не говоря уж о таких тонкостях. Я думаю, Господь поймет.

— Ну и ну, — сказал потрясенный аббат, — Никогда еще ничего подобного не слышал.

— Он просто сумасшедший, — сказал Шишкова-

тый. — Ни один разумный человек не отправится миссионером к Нечисти. К язычникам — да. Даже к неверным, там еще есть кое-какая надежда. Но не к Нечисти. Ведь Нечисть совсем не то, что люди, будь они христианами, неверными или язычниками.

— Пусть я сумасшедший, — возразил старик, — но всякий сходит с ума по-своему. Я шел своим путем. И оправданий не ищу.

— Ты заблудшая и нераскаянная душа, — заявил аббат. — И заблуждения твои многочисленны и разнообразны. Начиная с того, что ты даже сейчас не понимаешь, что натворил. Сын мой, тебе за многое придется держать ответ, много пролить слез, прежде чем…

— Погоди, Гай, — вмешался Харкорт. — Где же твое христианское милосердие? Этот человек представляет тот самый простой народ, который ты должен быть готов прощать. В нем непременно есть что-то хорошее. Хотя бы просто мужество — ведь он много лет прожил здесь.

— Больше того, — сказал Шишковатый, — он может быть нам кое-чем полезен. Что бы ты сказал, — обратился он к старику, — если бы мы тебе помогли? Ты бы согласился помочь нам?

— От всей души, — отвечал старик. — Только

как могли бы вы помочь такому, как я?

— Ты сказал, что тебе не дают покинуть эти места, что Нечисть тебя не выпускает, а когда ты пытаешься убежать, она неизменно заставляет тебя возвращаться назад. Так вот, ты можешь уйти с нами. Мы беремся защитить тебя и…

— Ты хочешь сказать, чтобы я отсюда ушел?

— Именно это я и хочу сказать. Ты пытался уйти…

— Но это единственное безопасное место, какое я знаю, — возразил старик. — Здесь они меня не трогают. Они следят за мной, издеваются надо мной, глумятся, но пока еще не причинили мне никакого вреда. Если я пойду с вами, я окажусь ничем не защищен. Больше того, если я пойду с вами, я навлеку на вас всю их злобу, и тогда…

— Ну хорошо. Если ты хочешь остаться здесь, мы можем помочь тебе в другом. Вот эта дама искусна в резьбе по дереву. Она может сделать зубчатое колесико, которое нужно тебе, чтобы клетка вертелась. Она может сделать это быстро и искусно.

— Вот это была бы для меня большая помощь, — сказал старик. — Я мог бы сделать его и сам, только с большим трудом и не очень хорошо.

— А за это, — продолжал Шишковатый, — ты

расскажешь нам о стране, что лежит к западу отсюда. Мы направляемся туда, но почти ничего о ней не знаем.

Старик покачал головой:

— Этого я сделать не могу. Я ведь говорил вам, что не выхожу из этого оврага уже много лет, мне не дают отсюда выйти. И об окружающей местности я ничего не знаю.

— Ну вот, опять ничего не вышло, — сказал Харкорт.

— Сначала коробейник, а теперь и этот, — подтвердил аббат. — От обоих нам никакого толку.

— Но все равно я ему вырежу колесико, — сказала Иоланда. — Из милосердия.

И тут что-то произошло. Харкорт не успел заметить, что именно, но он ощутил, что что-то произошло, и остальные тоже это ощутили. Все вокруг как будто мгновенно изменилось. Люди неподвижно застыли на месте, как стояли, всякие звуки внезапно прекратились, и наступила полная тишина, как будто что-то наглухо отделило их от остального мира.

Это длилось всего мгновение — может быть, не дольше, чем один удар сердца, и во всяком случае, не дольше, чем один вздох. Но что-то случилось с временем, и им показалось, что это

длилось гораздо дольше, чем один удар сердца или один вздох.

Первым опомнился старик. С возгласом ужаса он подпрыгнул, повернулся в воздухе и, опустившись на землю, бегом пустился наутек, начав перебирать ногами еще раньше, чем они коснулись земли. Через мгновение он уже скрылся за поворотом оврага.

Словно какое-то шестое чувство заставило Харкорта обернуться — может быть, это и было шестое чувство, хотя потом он не мог ничего припомнить. Обернувшись, он увидел великана, который вышел из леса на поляну. Он шел вперевалку, огромный, заросший черной шерстью, отвратительный и невероятно толстый. Его раздутый живот свисал так низко, что наполовину закрывал болтающиеся гениталии, Он был гол, а сзади тащился унизанный колючками хвост.

Харкорт схватился за рукоятку своего меча, и послышался скрежет стали о ножны.

— Убери свой меч, — сказал ему великан, приближаясь. — Я вас не собираюсь трогать. Нам незачем кидаться друг на друга.

Харкорт вложил меч в ножны, но руку держал на рукоятке. Великан присел на корточки.

— Идите сюда, — сказал он. — Давайте посидим

и потолкуем. Может быть, если мы поговорим начистоту, и вам и мне будет кое-какая польза. И скажите вон тому священнику, чтобы он опустил свою громадную булаву. — Он повернулся к Шишковатому. — Ты один тут разумный человек — ты даже не пытался взяться за секиру. Даже эта прелестная молодая девица — и та приготовила стрелу.

— Досточтимый великан, — ответил Шишковатый, — если бы мне понадобилось прибегнуть к секире, я бы погрузил ее в твое жирное брюхо прежде, чем ты успел бы досчитать до одного.

Великан усмехнулся:

— Не сомневаюсь. Ни минуты не сомневаюсь. Я кое-что слышал про тебя, или про тебе подобных.

Харкорт вышел вперед и сел на корточки напротив великана. Теперь он заметил, что великан уже стар. На первый взгляд казалось, что он весь зарос черной шерстью, однако вблизи было видно, что на груди и плечах у него пробивается седина. Клыки, торчавшие из верхней челюсти, пожелтели, а на одной руке не хватало кисти: вместо нее к тупому обрубку предплечья была привязана металлическая чашка. Пальцы другой руки оканчивались треугольными, острыми,

как бритва, когтями, тоже пожелтевшими от старости.

— Меня зовут Харкорт, — сказал Харкорт, — Я живу южнее у реки.

— Я знаю, кто ты, — ответил великан. — С самого начала узнал. Твоего лица я никогда не забуду. Семь лет назад мы встречались на стенах замка. — Он поднял руку, на которой не хватало кисти. — Этим я обязан тебе.

— Не припоминаю, — сказал Харкорт. — Тогда многое происходило так быстро, что слилось в памяти. Не до того было, чтобы вас разглядывать.

— Нам бы и не пришлось с вами драться, — сказал великан, — если бы мы смогли удержать тех из наших, кто помоложе и погорячее. Мы и сейчас с ними не можем справиться.

— Тебя послушать, так ты совсем миролюбивый человек.

— Ну, не такой уж миролюбивый, — возразил великан. — Вас и всех остальных я ненавижу, как только можно ненавидеть. Я бы с радостью перегрыз тебе горло. Но благоразумие заставляет меня отказаться от этого удовольствия.

— Я и мои друзья для вас не опасны, — сказал Харкорт. — Мы здесь по одному небольшому делу. Как только с ним будет покончено, мы уйдем.

Мы разыскиваем моего дядю, человека крайне неразумного, который, как мы узнали, проник зачем-то на Брошенные Земли. Как только мы его найдем, мы вернемся домой. Мы не стремимся к противостоянию.

— Мы знаем твоего дядю, — сказал великан. — Большой пройдоха. Он сумел улизнуть от нас — не знаю, как это ему удалось. Я думал, он давно уже переправился на ту сторону реки. Он здесь впутался в кое-какие дела, которые его не касаются. Я надеюсь, что у вас нет такого намерения, ради вашего же блага.

— Ни малейшего! — с притворным жаром сказал Харкорт. — Я не знаю, о чем ты говоришь, и знать не хочу.

— Я должен самым серьезным образом тебя предупредить, — продолжал великан, — что если ты сказал это неискренне, то тебе конец. Не только тебе, но и всем вам — и этому святоше-аббату, который за тобой увязался, и этому пережитку древности, которого вы называете Шишковатым, и даже девице, которая, насколько я понимаю, принадлежит наполовину к вашему миру, а наполовину — к нашему. И смерть ваша не будет легкой, могу вас заверить. Ваши потроха будут разбросаны по всей округе.

— Ты начал нам угрожать, — сказал Харкорт, — и я не могу так это оставить. Если тебе так уж хочется разбросать вокруг чьи-нибудь потроха, я буду рад предоставить тебе такую возможность. Только один на один.

— Нет, нет, приятель. Я об этом сейчас и думать не хочу. Почему ты так воинственно настроен?

— Потому что ты сам слишком распускаешь язык на эту тему, — ответил Харкорт.

— Сказать по правде, — сказал великан, — неудачное время вы выбрали, чтобы явиться сюда. Хуже не бывает. По этим местам шастает банда глупых римлян. Сам факт, что они здесь, вызвал сильнейшую волну неприязни ко всему человеческому.

— Я слышал, что здесь появились римляне, — сказал Харкорт. — Я надеялся, что они сюда не пойдут. Но раз уж они здесь, я ничего не могу поделать. Даже знай я их планы, я не мог бы их остановить.

— Ты очень изящно соврал насчет римлян, — заметил великан. — Нет, нет, пусть твой меч остается в ножнах, нам незачем спорить по такому поводу. Но я убежден, что ты знал про римлян прежде, чем они сюда явились. Остановить их или повлиять на их планы ты, конечно, не мог,

но знать знал. И подозреваю, что ты отправился сюда не только на поиски своего беспутного дяди, хотя винить тебя я ни в чем не собираюсь. Только, во имя мира, постарайся не будить спящего зверя. Это все, о чем я тебя прошу.

— Я чувствую, намерения у тебя неплохие, — сказал Харкорт. — И раз уж ты знаешь мое имя, я счел бы за честь узнать твое.

— Мое настоящее имя, — ответил великан, — грандиозно и многосложно до нелепости. А знакомые зовут меня Агардом.

— Спасибо, — сказал Харкорт. — Но, зная имена друзей, хорошо бы еще узнать имена врагов.

— Сказать, что мы с тобой друзья, конечно, нельзя, — сказал великан, — но мы можем хотя бы вести себя, как подобает хорошо воспитанным людям. Я пришел сообщить тебе, что мы про вас знаем и будем за вами следить. Если вы не совершите ничего плохого, мы не причиним вам вреда. Или, быть может, правильнее было бы сказать — я сделаю все возможное, чтобы вам не причинили вреда. В настоящий момент я меньше всего заинтересован в чем-нибудь таком, что могло бы разжечь страсти у нашей молодежи. Если бы удалось без лишней крови выпроводить отсюда этих бестолковых римлян, я был бы очень рад.

С севера и с востока нам угрожают варвары; не хватало еще, чтобы с юга на нас напали римские легионы. Даже небольшой бойни, жертвой которой станете вы четверо, будет достаточно, чтобы раззадорить нашу несдержанную молодежь.

— Насколько я понимаю, ты намекаешь, чтобы мы покинули вашу страну.

— Откровенно говоря, я был бы очень обязан, если бы вы собрали вещички и отправились восвояси. Но, боюсь, убедить вас это сделать мне не удастся.

— Видишь ли, — сказал Харкорт, — не надо забывать про моего дядю. Я его очень люблю.

— Тогда поскорее отыщите его и уходите. И при этом, ради меня и ради себя самих, действуйте как можно осторожнее. У нас хватает забот и без вас. Старайтесь ни во что не впутываться. Держитесь подальше к югу от римской дороги. Не злоупотребляйте своим везением. И не задерживайтесь здесь.

— Именно таковы наши намерения, — заверил его Харкорт. — Задерживаться здесь мы не собираемся. Еще несколько дней — и мы или услышим что-нибудь о моем дяде, или нет. И в любом случае скоро покинем эти места.

— Ну что ж, — сказал великан, — похоже, мы

поняли друг друга, и теперь мне пора. Ты, конечно, понимаешь, что этот мой визит ни в коей мере не свидетельствует о хорошем к вам отношении. Я делаю это исключительно ради собственной выгоды. Я хочу сохранить спокойствие в стране и не допустить поголовного истребления римлян — нам совершенно ни к чему, чтобы Империя навалилась на нас с тыла. Спасением своей шкуры вы обязаны чисто политическим соображениям.

— Я все это понимаю, — ответил Харкорт. — Надеюсь, что больше нам встретиться не придется, хотя было приятно побеседовать с тобой.

— Я тоже, — согласился великан. — И от всей души.

Он поднялся, демонстративно повернулся к ним спиной и начал вразвалку подниматься по склону. Все смотрели ему вслед, пока он не исчез из вида.

— Что все это значит? — спросил аббат.

— Толком не понимаю, — ответил Харкорт. — Зная Нечисть, мы всегда приписываем ей гнусные побуждения. Но в данном случае я наполовину склоняюсь к тому, чтобы отчасти ему поверить. Он уже стар и, наверное, пользуется кое-каким весом среди своих соплеменников. Он в трудном положении. У них слишком много забот на

севере и на востоке, и новые заботы на юге им совершенно не нужны. Я, правда, не уверен, что, если они расправятся с римлянами, это причинит им какие-нибудь новые хлопоты. Видит бог, легионы сейчас уже не те, какими были когда-то. Но кто может сказать, что предпримут римские политики? На мой взгляд, Брошенные Земли нужны Империи только как буфер между нею и варварами, но кто знает…

— Теперь мы знаем: Нечисти известно, что мы здесь, — сказал Шишковатый. — Наверное, они уже не первый день следят за нами. Нас всего четверо. Они бы давно нас перебили, если бы имели такое намерение и не боялись потерь.

— Они играют с нами, как с котятами, — сказала Иоланда. — Глумятся над нами. Как над этим стариком. Если бы они хотели нас убить, они бы пришли сюда и так и сделали. Наверное, они могли бы это сделать в любое время за последние три дня.

— Я думаю, — сказал аббат, — безопаснее всего было бы бросить все и бежать. Только мне что-то не хочется.

— Мне тоже, — согласился Харкорт. — Все мы должны бы перепугаться и поступить именно так, только мне почему-то не страшно. Я никогда

не отличался благоразумием.

— Я тоже, — заявил Шишковатый. — По-моему, надо двигаться дальше.

— Интересно, что случилось с нашим стариком, — сказал Харкорт. — Он убежал со всех ног, как будто за ним гнались все дьяволы ада. — Может быть, он еще чешет вовсю, — сказал Шишковатый. — На этот раз ему, глядишь, удастся улизнуть.

— Оуррк! — визгливо прокричал попугай.

— Мне кажется, нам не надо здесь задерживаться, — сказал аббат. — Нам нужно искать место, где провести ночь и где можно было бы в случае чего обороняться. Что нам делать с этой птицей? Вдруг ее хозяин решит не возвращаться?

— Давайте ее выпустим, — предложила Иоланда. — Нельзя же оставить ее в клетке, она умрет от голода.

С этими словами она направилась к мельнице и вскарабкалась наверх. Повозившись с клеткой, она отыскала шпенек, на который закрывалась дверца, и вытащила его. Попугай вылетел наружу, вспорхнул на верхнюю перекладину мельницы и забегал по ней взад и вперед, что-то бормоча про себя.

Иоланда слезла на землю.

— Как-нибудь выживет, — сказала она. — Он может питаться семенами и плодами.

— Оуррк! — прокричал попугай.

— А красивая птица, — заметил аббат. — Куда эффектнее, чем наши павлины.

Попугай поднялся в воздух и стрелой полетел к аббату. Тот попытался увернуться, но попугай уселся ему на плечо.

— Спасигосподьмоюдушу! — завопил он. — Спасигосподьмоюдушу! Спасигосподьмоюдушу!

Харкорт усмехнулся и сказал:

— Я думал, он это говорит, только когда висит вниз головой.

— Он потрясен святостью нашего друга аббата, — сказал Шишковатый.

Аббат покосился на попугая. Тот игриво щелкнул клювом, едва не достав до его носа.

— А ты ему понравился, аббат, — сказала Иоланда. — Он понял, что ты тут единственный добрый человек.

— Девушка, — строго сказал аббат, — я буду тебе очень благодарен, если ты не станешь меня подначивать.

Харкорт услышал какой-то шорох в густом кустарнике, которым зарос ближний склон оврага. Он оглянулся и увидел, как над кустами взле-

тело вверх чье-то тело, Раскинув руки и болтая ногами, оно на мгновение бессильно повисло в воздухе и с глухим стуком шлепнулось на землю. Харкорт разглядел длинные седые волосы и белую бороду. В том, что старик мертв, сомнений быть не могло.

Харкорт выхватил из ножен меч. Но ни в кустах, ни где-нибудь поблизости никого не было видно. Все в овраге, казалось, дремлет в лучах полуденного солнца. В тишине слышалось жужжание пчелы.

— Не повезло ему, — сказал Шишковатый. — На этот раз они решили не заставлять его вернуться.

Из кустов на склоне оврага донеслось чье-то хриплое хихиканье.

Глава 14

Путники поспешно двинулись на запад, высматривая место, где можно было бы устроиться на ночлег.

— Хорошо бы найти пещеру, — говорил задыхающийся аббат, стараясь не отставать от Харкорта. — Или кучу камней — хоть что-нибудь, к чему можно встать спиной, если придется отбиваться.

— Может быть, и не придется. Может быть, они нас не преследуют, — ответил Харкорт, хотя, если верить мурашкам, которые так и ползали у него по спине, надеяться на это не приходилось.

— Но ведь старика… Старика-то они убили и бросили к нашим ногам!

— Возможно, это просто предупреждение. Чтобы подтвердить все, что говорил старый великан.

— Было бы только к чему встать спиной, — сказал аббат, — и тогда пусть нападают хоть всем скопом.

— Помолчи, — сказал ему Шишковатый. — Береги дыхание, нам еще идти и идти. Иоланда отправилась вперед на разведку, может быть,

найдет что-нибудь подходящее.

Сначала они шли молодым лесом, который понемногу становился все гуще. Кроны огромных, величественных деревьев сомкнулись над их головами в сплошной полог, сквозь который не видно было неба, не видно было ничего. Под пологом стояла тревожная тишина: ни одна птица не пела, ни один зверек не пробегал с шорохом под ногами. На плече у аббата, угрюмо нахохлившись, как будто подавленный этой тишиной, сидел попугай.

Харкорт думал о том, как им не повезло, что Нечисть так скоро о них узнала. Он надеялся, что, держась намного южнее римской дороги, они смогут дойти незамеченными до самого храма, а может быть, и дальше. Но теперь он понял, что надеяться на это было глупо. Он даже не мог припомнить, с чего бы у него вдруг могла появиться такая надежда. Теперь нужно было как-нибудь оторваться от преследователей, если только за ними действительно шли преследователи. До сих пор он не замечал никаких признаков их присутствия, хотя и был убежден, что они близко. Их было множество вокруг оврага, где жил старик, и Харкорт со своими друзьями явились туда, как в западню. Хотя, если старый великан сказал

правду, Нечисть знала об их появлении задолго до того, как они дошли до оврага.

— Мы неправильно сделали, — сказал аббат, — что не задержались еще немного, чтобы похоронить старика, как положено.

— У нас нет времени на всякую ерунду, — возразил Шишковатый. — Он мертв, и для него ничего сделать уже нельзя.

— Я сделал все, что мог, — сказал аббат.

— Ты только зря потратил время, — сказал Шишковатый, — пока бормотал над ним и делал всякие каббалистические жесты…

— Ты прекрасно знаешь, что это никакие не каббалистические жесты!

— Замолчите оба, — сказал Харкорт. — Хватит препираться.

До захода солнца оставалось еще около часа, но в лесу стало темнеть, и хотя до сих пор стояло безветрие, теперь вдруг поднялся сильный ветер. Огромные деревья стонали, сгибаясь под его напором, по воздуху летели листья и всякий мусор.

— Гроза, — пробормотал аббат. — Только грозы нам сейчас не хватало.

— Может быть, обойдется несколькими порывами ветра, — сказал Шишковатый. — Дождя пока нет. А даже если и начнется, нам мокнуть

под дождем не впервой.

Они упорно шли вперед и вперед, пригибаясь, чтобы устоять против ветра, от которого их отчасти защищал лес. В конце концов ветер утих, деревья перестали стонать и гнуться. Сквозь листву начали время от времени сверкать молнии, и откуда-то издалека доносились раскаты грома.

Лес неожиданно кончился, и они вышли на берег реки. Здесь их ждала Иоланда.

— Я не могла найти то, чего вы хотели, — сказала она, — но на реке есть островок. Может быть, он годится.

— Островок — все-таки лучше, чем ничего, — сказал Харкорт. — Если покажутся великаны, мы сможем заметить их издали.

— Это какой-то странный островок, — сказала Иоланда. — Он не похож ни на один остров, какие я видела. Это кипарисовый островок.

— Кипарисовый островок? — переспросил Харкорт.

— Островок, заросший кипарисами. Там еще мрачнее, чем в этом лесу.

— В наших местах кипарисы редкость, — сказал аббат. — Они попадаются лишь кое-где, куда их завезли когда-то из далеких стран.

— Ну, выбора нет, — решил Харкорт. — Как хо-

тите, а ничего другого нам не найти. Спасибо, что ты отыскала этот островок, — сказал он Иоланде.

Река была довольно широкая, хотя и меньше той, что служила границей Брошенных Земель. Она не спеша, величественно текла через густой лес, стоявший на обоих ее берегах. В потемневшем небе на той стороне реки все еще сверкали молнии и гремел гром.

— Ее можно перейти вброд, — сказала Иоланда, — В самых глубоких местах мне всего по пояс.

Шишковатый положил руку на плечо Харкорту.

— Кажется, я знаю это место, — сказал он.

— Откуда? — спросил Харкорт. — Ты же здесь никогда не был.

— Это верно, но оно запечатлено в моей памяти. И островок, и деревья на нем, и, кажется, сама река. Мне все это вспомнилось, а почему, не знаю. Как будто я был здесь давным-давно. Какое-то очень давнее воспоминание. Может быть, даже не я это видел, а кто-то еще.

— Память предков, — сказал аббат. — Одни говорят, что память предков существует, другие — что нет.

— До этой минуты я ни о чем таком не слышал, — сказал Харкорт. — Ты уверен, что не

придумал это только что?

— Уверен, — сердито ответил аббат. — Об этом есть в книгах. Я читал.

— Ну и что нам теперь делать? Укрыться на островке или переправиться через реку и тащиться дальше? На островке мы по крайней мере сможем увидеть или услышать, что приближается Нечисть, прежде чем она на нас навалится.

— На этот счет у меня сомнений нет, — сказал аббат. — Укроемся на островке.

— Что скажешь ты? — спросил Харкорт Шишковатого.

— Я за островок, — ответил тот.

— Иоланда, а почему ты молчишь?

— Я сказала, что это странный островок, странный и пугающий. Но вы правильно говорите, выбора нет.

Харкорт вошел в воду, и течение мягко потянуло его с собой. Темная грозовая туча на западе закрыла почти все небо, и стало еще темнее. Высоко над лесом, покрывавшим дальний берег реки, то и дело сверкали молнии, а раскаты грома сливались в непрерывный грохот. Первые порывы ветра, предвещавшие грозу, уже утихли, но теперь снова начал подниматься ветер, и по реке побежали волны.

Шагая по воде рядом с Харкортом, Иоланда спокойно сказала:

— Когда мы дойдем до островка, там найдется убежище.

— Убежище? — переспросил Харкорт, — Ты об этом ничего не говорила. Что за убежище?

— Там, среди деревьев, стоит какое-то здание. Не знаю, что это такое. Я не хотела говорить, оно такое древнее и зловещее.

— Какое бы оно ни было древнее и зловещее, — сказал Харкорт, — это все-таки защита от грозы.

В мрачном кипарисовом лесу, подумал он, всякое здание, даже самое обыкновенное, может показаться зловещим.

Посередине реки вода дошла ему почти до пояса, но потом дно стало подниматься. Он посмотрел назад и увидел, что аббат и Шишковатый следуют за ним. Попугай все еще сидел на плече у аббата, нахохлившись и глубоко запустив когти, чтобы его не сдуло ветром.

Харкорт с Иоландой вышли на берег островка и остановились, чтобы подождать остальных.

— А тебе не кажется, — спросил ее Харкорт, — что эти деревья саженые? Они стоят рядами.

— Да, мне тоже так показалось. Но я сказала себе, что это просто воображение.

— Не думаю. По-моему, они саженые. А где то убежище, о котором ты говорила?

— Вон там.

Она показала на что-то вроде аллеи, уходившей вдоль между правильными рядами деревьев.

— Тогда пойдем разыщем его, — сказал Харкорт. — Гроза вот-вот начнется.

Он повернулся и помахал рукой аббату и Шишковатому.

— Идите сюда! — крикнул он, стараясь перекричать шум ветра. — Убежище вон там!

Не дожидаясь их, он зашагал по аллее между деревьями. Иоланда поспешила за ним.

Под деревьями стало еще темнее. Их путь освещали только вспышки молний, которые становились все чаще. В их мерцающем свете Харкорт заметил убежище. Он ожидал, что это будет всего лишь какая-нибудь жалкая маленькая хижина, но он ошибся. Здание было не маленькое и не жалкое. Это была массивная постройка из огромных каменных блоков, казавшихся черными в свете молний. Верхняя часть ее терялась среди деревьев. Два громадных каменных монолита, перекрытые третьим, столь же громадным, обрамляли портал. В мерцающем свете молний Харкорту показалось, что на камнях вырезаны

какие-то иероглифические надписи, но вспышки света были слишком кратковременны, чтобы разглядеть подробности.

Харкорт пересек вымощенную камнем площадку перед зияющим дверным проемом и вошел под арку. Вместе с ним вошла Иоланда, и тут же подошли остальные. Они стояли в дверях, глядя назад. Кипарисы, уступая жестоким порывам ветра, беспомощно клонились то в одну, то в другую сторону, как водоросли, увлекаемые бурным потоком. Внезапно обрушился ливень — сплошные завесы воды волнами двигались среди деревьев, рассыпаясь брызгами на камнях перед входом.

Сверкнула молния, осветив колыхавшиеся кипарисы, и в это краткое мгновение Харкорт увидел темный силуэт чудовищной змеи с поднятой головой, который возвышался над деревьями. Змея раскачивалась на ветру, но не следуя его порывам, а словно в такт какой-то неслышной музыке.

— Вы видели? — крикнул он, пытаясь перекрыть рев ветра и раскаты грома.

— Я ничего не видел, — крикнул в ответ аббат.

— Зайдем внутрь, — крикнул Харкорт. — Здесь мы промокнем.

Он не был уверен, что они его расслышали, но

тем не менее двинулся в глубь здания и сразу же увидел слева от себя тонкую полоску света. Удивленный, он осторожно пошел вперед, нащупывая ногами дорогу. Полоска света понемногу становилась все шире. Свет был тусклый, даже в окружавшей их тьме — источником его не могла быть ни свеча, ни костер. Мягкий зеленоватый оттенок придавал ему сходство с неярким свечением гнилушки. Полоса света продолжала расширяться, и, глядя на нее, Харкорт понял, что проход, по которому он шел, ведет не в здание: совсем близко он круто изменял направление.

Харкорт остановился, глядя на полосу света и тщетно пытаясь разглядеть, что лежит за ней. Там виднелись какие-то смутные тени, расплывчатые и почти неразличимые в этом неярком свете. Его спутники молча стояли у него за спиной. В конце концов аббат сделал шаг вперед и встал рядом.

— Что это, Чарлз? — спросил он.

Шум грозы остался позади, и хотя снаружи еще доносились раскаты грома, они были не такими громкими, чтобы нельзя было расслышать слова, произнесенные обычным голосом.

— Не знаю, — сказал Харкорт. — Пойду посмотрю.

Он вытащил меч из ножен и, держа его нагото-

ве, шагнул вперед.

— Вот чудеса-то, — пробормотал аббат, следуя за ним. Харкорт ничего не ответил, но подумал про себя: «И в самом деле чудеса».

Они дошли до конца извилистого прохода, и перед ними открылось обширное пространство, которому ни с какой стороны не было видно конца. Оно было слишком велико, чтобы быть комнатой или залом. Казалось, это целый замкнутый внутри себя мир. Мир, по-видимому, мертвый: в нем не было заметно ни малейшего движения, никаких признаков жизни, ни одного живого существа. Он производил впечатление заброшенности и пустоты, хотя кое-где и стояло что-то похожее на мебель. Прямо перед ними на некотором расстоянии возвышалось некое подобие алтаря — правда, он был совсем непохож на тот алтарь, что стоял в церкви аббатства. «Почему тогда я решил, что это алтарь?» — удивился Харкорт.

Охваченный ужасом при виде этой огромной пустоты, он, как зачарованный, сделал несколько шагов вперед и остановился. Обернувшись посмотреть, идут ли за ним остальные, он увидел, что двери позади нет. Они вошли сюда через дверь, но теперь она бесследно исчезла. Там, где

она была, поднималась сплошная каменная кладка, верх которой терялся в безмерной пустоте. Лицевую сторону камней покрывали какие-то иероглифические письмена, похожие на те, что он заметил в неверном свете молний на каменных монолитах у входа.

Теперь ужас захлестнул его с головой, он как будто ощутил прикосновение чьих-то ледяных пальцев. Но это просто нелепость, сказал он себе. Ведь тут ничего нет. Зал — если только это зал, а не целый мир, пуст. Все здесь умерло, превратилось в пыль, ничего не осталось. Он присмотрелся к иероглифам, пытаясь понять, что они изображают, — не уловить их смысл, а только разглядеть очертания, — но от этого ужас только усилился, потому что если они что-то и изображали, то ничего подобного он никогда не видел. В них было какое-то первобытное бесстыдство, от которого у него зашевелились волосы на голове.

Позади него послышался шорох. Харкорт мгновенно повернулся, держа наготове меч, но ничего не увидел.

— И не пытайся их разглядеть, — сказал Шишковатый. — Они все еще здесь, но разглядеть их не пытайся. Так будет лучше.

— Их? — воскликнул Харкорт, и его голос гулко

раскатился под невидимым далеким сводом. — Кого их? Кто они? Покажи мне, где они!

Он увидел, что аббат судорожно сжимает в поднятой руке распятие, висевшее у него на поясе, лицо его напряжено, губы беззвучно шевелятся. Харкорт подумал, что, судя по движениям губ, аббат что-то говорит по-латыни.

— Убери к дьяволу свое распятие! — крикнул аббату Шишковатый.

Где-то в глубине необъятного зала чей-то голос прокричал что-то на неведомом языке, и со всех сторон донеслось эхо, повторившее возглас.

— Это Нечисть, — сказала Иоланда. — Только не та Нечисть, которую мы знаем.

— Нечисть — всегда Нечисть, — решительно сказал Харкорт. — Вся Нечисть одинакова. Нечисть есть Нечисть, и все тут.

Он взглянул на Иоланду и увидел, что ее лицо спокойно и невозмутимо. Ему показалось, что на нем появилось какое-то неземное выражение. Аббат выпустил из руки распятие, и оно раскачивалось вместе с четками у него на поясе.

Снова послышался чей-то возглас на неведомом языке, а потом откуда-то сверху донесся шелест огромных крыльев, которые бились в воздухе, не двигаясь с места, как будто кто-то никак не мог

взлететь. В дальнем углу пустоты, такой необъятной, что у нее не могло быть никаких углов, вспыхнули чьи-то огромные глаза, затмив своим сиянием зеленоватый свет, заполнявший зал, и раздалось бормотанье, от которого у них по спине побежали мурашки.

— Это та Нечисть, — произнесла Иоланда, — которая пришла сюда, когда только начался мир, — еще совсем не тот мир, какой мы знаем. Когда еще вечность была молода.

Шишковатый направился к алтарю. Он шел не своей обычной походкой, не тем широким шагом, каким ходил по лесным тропам, а медленно и как-то неуклюже. И что-то еще в нем изменилось — это был уже не привычный Шишковатый с несуразным телом и кривыми ногами, а другой Шишковатый, как будто выше ростом, и шагал он хотя и неуклюже, но уверенно.

— Чарлз, мы попали в западню, — сказал аббат. — Дверь исчезла, и мы в ловушке.

Послышался свистящий шорох, словно где-то ползла большая и длинная змея, такая длинная, что шороху не было конца. Тень мелькнула на стене — а может быть, и не на стене, потому что никаких стен здесь не было, а на фоне всепроникающего зеленоватого света, — и эта тень очень

напомнила Харкорту тот огромный силуэт, который поднимался над кипарисами, раскачиваясь в такт безмолвной музыке, перед тем как гроза достигла своего апогея.

Харкорт шагнул навстречу тени. Уголком глаза он заметил, что аббат тоже шагнул вперед, стиснув в могучей руке булаву. «Все правильно, подумал он. Мы должны быть мужественными и решительными. Только как могут меч и булава одолеть эту танцующую змею, чья тень лежит на стене?»

Послышался гулкий, хриплый голос, который начал что-то невнятно выкрикивать, — голос повелительный и надменный, бросавший вызов всему этому залу-миру и всем, кто в нем скрывался:

— Эгонг аул дунаг… эгхолу аму аутх д-бо… тор агнас унхл анк…

— Боже всемогущий, — сказал аббат, — ведь это Шишковатый орет!

Какое-то невидимое существо слева от них разразилось диким мяуканьем, другое бросилось наутек, топоча бесчисленными ногами, а Шишковатый, стоя перед алтарем и широко раскинув руки, продолжал выкрикивать что-то на неведомом языке.

— Она прячется здесь, ожидая, когда придет ее время, — сказала Иоланда, и голос ее был по-прежнему тих и спокоен. — Ждет, может быть, конца этого мира. Или конца самого времени, когда снова наступит хаос.

Охвативший всех ужас стал еще сильнее, он стиснул их в своих объятьях, словно стараясь задушить, — ужас перед тем существом, которое издавало шорох и виднелось тенью на фоне тусклого света, и перед тем, которое мяукало рядом, и перед тем, которое что-то бормотало в углу. Самое ужасное, подумал Харкорт, то, что не с кем сразиться, некому нанести удар мечом или булавой. Сам воздух, который они вдыхали, вызывал омерзение. По спине у них как будто ползали миллионы холодных тысяченогих гусениц. А где-то в глубине души, на гребне волны отвращения, на пределе бессильного ужаса, с глумливой усмешкой подняло свою устрашающую голову безумие. Харкорт испытывал непреодолимое желание задрать лицо кверху и заголосить, раздирая легкие бессмысленным воем, какой издает животное, попавшее в западню и не находящее выхода.

И все это время Шишковатый не умолкая выкрикивал звучные, непонятные слова на неведомом языке.

Харкорт услышал, как аббат, стараясь взять себя в руки, срывающимся голосом спросил:

— Иоланда, откуда ты все это знаешь?

— А я не знаю, — отвечала Иоланда. — Я только слушала ночами шорохи, которые слышатся в печной трубе. Я слушала древние легенды, сказки, что передаются испокон веков. Сказки о Древних, о тех, кто пришел из самых дальних пределов потустороннего мира. Я только слышала это, а вот он знает. — Она указала на Шишковатого. — Он знает и может их сдержать. Услышав его, они отступают в свои тайные убежища. Потому что они сейчас не такие, какие были когда-то. Сейчас они слабы — они только ждут и копят силы к тому дню, когда выйдут на волю и снова овладеют миром.

Спаси нас Господь, подумал Харкорт. Если сейчас они слабы, то какие же они были, когда были сильны?

Неведомых существ становилось все больше — он наполовину это видел, наполовину чувствовал обнаженными кончиками нервов. В ноздрях у него стоял запах ужаса, уши улавливали смутные звуки, говорившие о том, что они собираются в толпу, готовятся к нападению, внезапному и решительному, устоять перед которым не будет

никакой возможности. Да и перед чем тут можно устоять, подумал он, если не видно, куда наносить удар?

Он направился к Шишковатому, в три длинных шага оказался с ним рядом и, подняв меч, с размаху прорезал воздух. Клинок, описав дугу, блеснул в зеленоватом свете. По другую сторону Шишковатого встала Иоланда, откинув назад голову и воздев руки. Из ее уст полилась жуткая песнь-заклинание, такая же пугающая, как и сами столпившиеся вокруг неведомые существа, песнь, которая как будто не имела слов, а вторила тем словам, что выкрикивал Шишковатый.

Далеко в глубине простиравшегося перед ними огромного пространства загорелось ослепительным золотистым огнем множество глаз — куда больше, чем раньше. Раздалось какое-то чудовищное урчание, словно замурлыкал миллион котов, и раскаты этого шелковистого урчания сотрясли воздух. А на фоне его, сплетаясь с ним, слышался свистящий шорох щупалец, которые, извиваясь, скребли по земле, и тревожный писк невидимых во тьме гадов, и цокот скачущих копыт, и жадное сопение чудовищ, застывших в ожидании пира, сидящих, повязав салфетками шеи, похожие на ножки поганок, и хлюпая слю-

ной, струями стекающей по подбородкам.

Напряжение росло, ощущение опасности усиливалось. Харкорт услышал рядом с собой какое-то движение, покосился вбок и увидел, что аббат стоит с распятием в одной руке и булавой в другой. Из перекошенного рта аббата вырвалось:

— Может быть, мы и не унесем отсюда ног, но это дорого обойдется гадам.

— Они идут, — сказал Харкорт, заметив уголком глаза, как ринулся вперед весь окружавший их ужас. Несмотря на выкрики Шишковатого и заклинания Иоланды, чудища, набравшись сил, кинулись в атаку, и ничто не могло их остановить. Харкорт перехватил поудобнее рукоятку меча и сделал шаг им навстречу. Ненависть — ошеломляющая, всепожирающая ненависть — была написана на множестве кошмарных морд, которые мелькали в первых рядах наступающего ужаса, появляясь, исчезая и сменяясь новыми, еще более жуткими и гнусными.

Волна нападающих подступила к ним, вздымаясь все выше, как огромный водяной вал, — его гребень загнулся вперед над головой у людей, словно гигантская жидкая рука тянулась к ним, чтобы схватить и растерзать. И тут в воздухе прозвучал еще один голос, который перекрыл и

выкрики Шишковатого, и заклинания Иоланды. Слова, которые он произносил, отличались от тех, что выкрикивал Шишковатый, хотя для Харкорта были такими же непостижимыми. Но они, видимо, оказались понятными наступающей волне чудовищ: те застыли на месте, а потом покатились назад, как отступает волна, истощившая силы в борьбе со скалами и отброшенная ими назад.

Наступила тишина. Шишковатый умолк, Иоланда прекратила свои заклинания, и неизвестный голос тоже затих. Харкорт поспешно огляделся, пытаясь увидеть того, кому принадлежал голос, но никого вокруг не было, кроме них четверых. Что-то хрипло прокричал попугай, сидевший на плече аббата.

Зеленоватый свет померк, ослепительные глаза исчезли. Не было больше слышно ни урчанья, ни шороха, ни писка. Зеленоватый свет сменился каким-то другим. Подняв голову, Харкорт увидел почти прямо над собой луну, которая светила из-за тонкой пелены быстро бегущих облаков.

Но как могла луна светить здесь, внутри здания, сквозь каменную кладку? И тут Харкорт увидел, что каменная кладка исчезла. Не было и самого здания, в которое они вошли, — вместо

него вокруг лежали развалины, груды наваленных друг на друга каменных плит. Между ними росли огромные деревья, а поверхность камней покрывали вьющиеся растения и заросли кустарника, мокрые листья которого блестели в лунном свете.

— Дождь кончился, — произнес аббат без всякого выражения. — Гроза прошла на восток.

— Давайте выбираться отсюда, — сказал подошедший к ним Шишковатый голосом, хриплым от крика.

— Я хочу знать одно, — сказал Харкорт. — Откуда ты знаешь…

— Сейчас не до того, — ответил Шишковатый.

Иоланда обеими руками взяла Харкорта за руку и повела его прочь из развалин. Аббат шел рядом, то и дело спотыкаясь о камни.

Харкорт вырвал у нее руку.

— Скажи мне, — начал он, — что это был за голос? Я смотрел, но никого не видел. Там были только мы четверо.

— Я тоже смотрела, — ответила Иоланда, — и тоже никого не видела. Но голос я, кажется, узнала. По-моему, это был коробейник.

— Коробейник? Но ведь он просто…

— Коробейник — чародей, — сказала Иолан-

да. — Только у него очень плохая слава.

— Плохая слава?

— Потому что он старается не проявлять свое могущество, — сказала Иоланда. — Он тайный чародей.

— Значит, ты его знала. Или о нем слышала. Ты знала, где его найти. Ты привела нас к нему в пещеру, сделав вид, что нашла ее случайно.

— Я знаю его уже несколько лет, — сказала Иоланда как ни в чем не бывало.

Они уже выбрались из развалин, и Харкорт обернулся, чтобы еще раз на них взглянуть. Развалины как развалины, подумал он. Точно так же выглядел бы любой разрушенный храм, любая развалившаяся крепость. Только над этими развалинами все еще стоял запах Нечисти. Бывает, что развалины выглядят чистыми и невинными, но эти казались запятнанными.

Аббат, стоявший поодаль, крикнул им:

— Идите-ка сюда, посмотрите, что я нашел.

Он явно старался, чтобы в его голосе не слышалось волнение, но это не очень ему удалось. Харкорт подошел и увидел, что на вымощенной камнем площадке лежат какие-то темные туши.

— Великаны, — сказал аббат. — Прорва великанов.

Они лежали мертвые, судорожно скорчившись, как будто пытаясь бороться с настигшей их смертью.

— Я насчитал их чертову дюжину, — сообщил аббат. — Может быть, и еще есть, которых я не заметил.

— Значит, они шли за нами, — сказал Шишковатый. — Может быть, даже по пятам. И уже почти догнали. Они навалились бы на нас сразу, как только мы остановились бы на ночлег. Вот вам и вся цена болтовне того сладкоречивого старика-великана.

— Тут был еще один из этих — как вы их называете? — Древних, — вспомнил Харкорт. — Перед тем как мы вошли, я его успел заметить — вроде огромной змеи, танцующей на хвосте.

— Это не обязательно тот самый, — возразил Шишковатый. — Тут все перепуталось — время, пространство и все остальное. Никто не мог знать, что произойдет. Все встало вверх тормашками, ничего подобного не должно было случиться.

— Но ты-то знал, — сказал аббат. — Ты кое-что знал. Ты встал перед этой штукой вроде алтаря и начал на них орать, и это их удержало. И еще ты велел мне бросить распятие. Ты крикнул: «Убери к дьяволу свое распятие!» Я тебе этого никогда

не прощу. Никогда нельзя в таком тоне говорить о распятии.

— Не будем об этом, — повелительно произнес Харкорт. — У нас еще будет время попрекать друг друга алтарями, и распятиями, и тем, что надо было говорить и чего не надо было. Сейчас я вижу у наших ног мертвых великанов, и мне кажется, что надо уносить отсюда ноги как можно скорее.

— Луна встала, небо очистилось, — сказала Иоланда. — Мы можем переправиться через реку и до рассвета пройти на запад лигу-другую. Лорд Харкорт прав, мы должны сделать то, что он говорит.

— А мне наплевать! — крикнул аббат. — Нельзя богохульствовать, говоря про распятие!

Смерть, настигшая великанов, была ужасна. В полутьме трудно было толком разглядеть, что с ними случилось, но Харкорту показалось, что они изуродованы так, будто кто-то хотел вывернуть их наизнанку, но не успел.

Небо быстро расчищалось — последние бегущие по нему облачка становились все реже. Воздух был промыт и свеж, кипарисы стояли прямо и неподвижно, и кругом было совсем тихо — ветер больше не шумел в их кронах. Гроза прошла, наступило затишье.

— Ты знаешь, куда идти? — спросил Харкорт Иоланду. — Можешь показывать нам дорогу? Нам надо перейти реку и направиться прямо на запад.

— Могу, — ответила она. — Прошу следовать за мной.

Глава 15

Первые лучи рассвета застигли их у подножья высокого холма, до половины заросшего лесом, а выше покрытого каменистой россыпью.

Ночной переход дался им тяжело. Перейдя реку, они брели в темноте по широкой долине. Местами приходилось продираться через лес, а на открытых местах в высокой траве скрывались ямы с водой и трясины. Смертельно усталый и невыспавшийся, Харкорт из последних сил продвигался вперед, с трудом заставляя себя передвигать ноги. Временами он оказывался впереди аббата и Шишковатого, временами отставал от них, и приходилось делать усилие, чтобы их догнать. Иоланда порхала где-то впереди — она, казалось, не чувствовала усталости.

Они почти не разговаривали между собой: слишком велико было утомление и одолевала сонливость, так что на разговоры не хватало ни дыхания, ни сил. Поговорить было о чем, у Харкорта накопилось множество вопросов, но пришлось отложить их на более подходящее время. Он пытался размышлять про себя обо всем, что произошло, но голова у него была слишком

тяжелой от усталости, и мысли путались.

Возвышающийся впереди крутой холм они увидали, как только небо чуть посветлело. Когда они наконец достигли его подножья, до восхода солнца было еще далеко, и только утренняя заря освещала местность.

Харкорт посмотрел вверх, на лысую вершину холма.

— Надо бы подняться туда, — сказал он. — На самую макушку. Оттуда мы сможем оглядеться, увидеть, не гонится ли кто-нибудь за нами и что вообще происходит вокруг.

— Никто за нами не гонится, — сказал аббат. — Те, кто за нами гнался, лежат мертвые на острове.

— Я в этом не так уверен, — возразил Шишковатый. — Кое-кто из них мог уцелеть и отправиться за нами вдогонку.

— У них на это духу не хватит, — сказал аббат. — После того, что там было, им в голову не придет за кем-нибудь гнаться.

— Мне не дает покоя одна мысль, — сказал Шишковатый. — Великаны — либо те, кто остался в живых там, на острове, либо те, которые их там найдут, — могут толком не понять, что произошло. Они могут решить, что это мы пере-

били великанов на острове, и возжаждать нашей крови. Я бы предложил поступить так, как сказал Чарлз, и подняться на холм.

— Но там совсем голое место, — возразил аббат. — Нам негде будет укрыться.

— Будем скрываться между камнями, — сказал Харкорт. — Отсюда они кажутся небольшими, но я думаю, там найдутся и валуны приличного размера.

— Ну, ладно, — сдался аббат. — У меня, правда, ужасно болят все мышцы, но давайте поднимемся.

Они забрались на холм, низко наклоняясь вперед, помогая себе руками, а иногда и просто становясь на четвереньки. Валуны на вершине, как и ожидал Харкорт, оказались громадными, некоторые были величиной с амбар или конюшню. Холм был выше, чем им сначала показалось, и когда они достигли вершины, перед ними открылась вся окружающая местность. Солнце стояло уже на ладонь над горизонтом, и день после вчерашней грозы обещал быть ясным.

Аббат без сил плюхнулся на землю, прислонившись спиной к валуну.

— Присаживайся, — позвал он Харкорта, похлопав по земле рядом с собой. — Посмотреть на

тебя, так ты вымотался не хуже моего.

— Ты всегда слишком быстро выдыхаешься, — сказал Харкорт.

Он был бы рад усесться рядом со своим другом аббатом, но боялся, что если сядет, то тут же заснет.

— Я смотрел в оба, — сказал Шишковатый. — Драконов не видно. По крайней мере, до сих пор не было видно. Если бы Нечисть разыскивала нас, она выслала бы на разведку драконов. Или гарпий. Или еще каких-нибудь летающих существ.

— Должно быть, как раз про эти места говорил коробейник — что за большой рекой мы повстречаемся с гарпиями, — сказала Иоланда. — Драконов они, скорее всего, посылать не станут, это ленивые создания и далеко летать не любят. А гарпий послать могут.

— Пойдем посмотрим, — сказал Шишковатый Харкорту. — До макушки осталось всего несколько шагов. А потом будем по очереди стоять на страже, а остальные смогут поспать.

Аббат развязал свой мешок и принялся доставать оттуда еду, уже жуя что-то с аппетитом.

— Никогда не ложусь спать на пустой желудок, — едва выговорил он: так у него был набит рот, — если только могу его чем-нибудь напол-

нить.

— Я буду сторожить первая, — предложила Иоланда.

— Нет, — ответил Харкорт. — Первый буду я. До полудня продержусь, а потом разбужу кого-нибудь еще.

Слишком большой риск, подумал он, доверить Иоланде стоять на страже. Ему тут же стало стыдно от этой мысли — ведь Иоланда с самого начала верно им служила. Однако это она, ни о чем не предупредив, привела их туда, где обитают Древние; она встала рядом с Шишковатым перед алтарем; она много раз бывала на Брошенных Землях и знала, что коробейник — чародей. Помня обо всем этом, Харкорт решил, что довериться ей было бы глупо.

— Нет, — повторил он. — Я буду первый, а Шишковатый — второй.

— Очень тебе признателен, — сказал аббат. — Хотя, может быть, все равно этим бы кончилось. Если уж я сейчас засну, все фурии ада не смогут меня разбудить до самого вечера.

Попугай, сидевший на плече у аббата, издал пронзительный крик и, потянувшись, отщипнул кусочек от ломтя хлеба, который аббат поднес ко рту. Он зажал его в когтистой лапе и принялся

клевать.

— Эта птица, кажется, собирается прирасти ко мне навеки, — проворчал аббат. — Он вроде как избрал меня своим хозяином. Не скажу, чтобы я был в восторге. Мне-то от него какая выгода, если не считать клещей, или блох, или что там на них водится. Может быть, кто-нибудь согласится его со мной поделить?

— Нет уж, спасибо, — ответил Шишковатый.

Попугай проглотил последнюю крошку хлеба и выговорил:

— Берегитесь великанов! Остерегайтесь проклятых великанов!

— Это его первые слова с тех пор, как мы покинули то место, где его нашли, — сказала Иоланда. — Может быть, это что-то значит?

— Он не сказал ничего особенного, — возразил Харкорт. — Про великанов мы и сами знаем. И без него остерегаемся.

— Он просто передразнивает человеческую речь, — сказал Шишковатый. — Сам не понимает, что говорит.

— И все же, все же… — сказал аббат. — Устами младенца…

— Ты совсем уже спятил, — огрызнулся Шишковатый и сказал Харкорту: — Давай поднимемся

на макушку и оглядимся вокруг.

Лежа рядом на вершине холма, они принялись осматривать окрестности.

Река шла сначала на север, потом сворачивала к западу. На севере и западе оба берега ее занимали луга, посреди которых лишь кое-где стояли группы деревьев. На юге и юго-западе вдоль реки тянулись невысокие пологие холмы, покрытые редким лесом. На востоке стоял густой лес, через который они только что прошли, чтобы выйти к реке.

— Вон там, прямо на север от нас, пасется табунок единорогов, — сказал Шишковатый. — Больше никого не видно.

— А, теперь вижу, — сказал Харкорт. — Сначала я их не заметил. А вон там, немного восточнее, небольшая стая волков.

Они лежали неподвижно, только время от времени поворачивая головы. Наконец Харкорт сказал:

— Всё как будто в порядке, беспокоиться нечего. Я останусь здесь, а ты бы вернулся вниз и немного отдохнул. Я тебя разбужу около полудня.

— Чарлз, у тебя, наверное, есть вопросы. По поводу этой ночи. Я пока не хотел бы говорить на эту тему с остальными, но ты имеешь право

знать.

— Никакого права я не имею, — сказал Харкорт. — Мне, конечно, любопытно, но права я не имею. Я только очень рад, что ты смог сделать то, что сделал. Ты удержал их от нападения.

— Я полагаю, тебе необходимо это знать, и ты имеешь на это право, — сказал Шишковатый. — Мы с тобой одна семья. С твоим дедом мы дружим уже много лет, а с тобой — с тех пор, когда ты только еще учился ходить.

— Я знаю, — отвечал Харкорт. — Ты показывал мне, как птицы строят гнезда, и мы часами следили за ними, а ты объяснял мне, как они это делают, и мы размышляли о том, что они при этом могут думать. Чувствуют ли они то же самое, что чувствует человек, когда строит себе дом, чтобы защититься от стихий? Ты разыскивал для меня лисьи норы, и мы, спрятавшись, смотрели, как вылезают поиграть лисята и возятся друг с другом не хуже, чем компания деревенских детей, которая шалит и возится под деревом, пока их матери работают в поле. Ты говорил мне, как называются все деревья и травы, рассказывал, какие из них полезны, а какие опасны.

— Значит, ты помнишь, — сказал Шишковатый.

— Я рос без отца, — сказал Харкорт. — Вы с дедом были мне вместо отца.

— Твой дед знает кое-что из того, что я собираюсь тебе рассказать, — сказал Шишковатый. — Он знает, что я не человек, и все-таки он удостоил меня своего знакомства, дружбы и, я бы сказал, даже любви, будто я человек.

— Я всегда считал тебя человеком, — сказал Харкорт. — До недавнего времени мне и в голову не приходило в этом сомневаться. Потом, в один прекрасный день, я все узнал, и мне стало от этого нехорошо. Но хоть я и знаю, я все равно отношусь к тебе как к человеку. Это не изменилось. И никогда не изменится.

— Я почти человек, — сказал Шишковатый. — Может быть, в конечном счете я все-таки человек, но не совсем такой, как вы. Моя раса предшествовала вашей — на сколько времени, я не знаю. Мы долго живем на свете, во много раз дольше, чем вы. Почему это так, не знаю. Я живу так долго, что давно потерял счет годам. Да и не считал никогда — для таких, как я, годы не имеют значения. Когда я говорю, что существа моей расы живут дольше вас, это значит — намного дольше. Может быть, тысячу лет, а иногда, может быть, и еще больше. Есть у нас и еще одна особенность.

Мы взрослеем и долгое время остаемся взрослыми, но не стареем. Не становимся старыми и дряхлыми — просто уходим из жизни, когда наступает время. Мне кажется, это не так уж плохо. Не приходится страдать от того, что твое тело превращается в жалкое подобие того, чем оно когда-то было, не испытываешь унижения, видя, как наступает старческое слабоумие. У нас до самого конца прекрасная память. Я много чего помню, хоть и не говорю об этом, потому что это могло бы показаться странным. Это не только мои воспоминания, а общая память нашей расы. Когда мы разговаривали там, на острове, аббат нашел для этого подходящее слово. Помнишь, я говорил, что кое-что помню об этом острове, только это не мои воспоминания? Аббат сказал, что это память предков.

— Ты хочешь сказать, что хранишь в своей памяти воспоминания своих предков — своего отца и деда?

— Гораздо более давние, — ответил Шишковатый. — Потому что и мой отец, и мой дед тоже были наделены памятью предков, и как далеко она простирается, я просто представить себе не могу. И кое-что из этих воспоминаний перешло ко мне. В том числе, может быть, и очень древ-

ние. Очень важные, те, что нужно знать, чтобы выжить или понять…

— Значит, те слова, что ты произносил там, на острове, — те, что остановили и удержали от нападения Древних…

— Я и не подозревал, что их знаю, — сказал Шишковатый. — Они сами пришли мне в голову. Как только я оказался в таком положении, когда они понадобились, они поднялись из каких-то бездонных глубин памяти предков. Они помогли мне понять, помогли выжить.

— Я таких слов никогда не слышал, — сказал Харкорт. — Ты припомнил только, как они звучат, не понимая смысла?

— Смысл их я тоже понимал. Мне кажется, я на время перестал быть самим собой и превратился в кого-то из своих предков, кому довелось сражаться с Древними, кто бросал им в лицо те самые слова, что говорил я.

— Превратился в другого? В своего предка?

— Толком не знаю. Временами у меня было именно такое чувство. Мне еще предстоит об этом поразмыслить.

— Иоланда первая сказала мне, с кем мы повстречались. Она названа их Древними. Она говорила, что они пришли в этот мир, когда он

был еще совсем молод.

— Откуда она может это знать? — спросил Шишковатый.

— Похоже, она причастна ко многому из того, что происходит здесь, на Брошенных Землях, и нигде больше. Она сказала мне, например, что наш драгоценный коробейник — чародей. Она утверждает, что это его голос тогда присоединился к вашим.

— Значит, там в самом деле был кто-то еще, — сказал Шишковатый. — Мне показалось, что кто-то нам помогал. Я не слышал никакого голоса, но почувствовал какой-то прилив сил, когда мои уже иссякали.

— Значит, ты получил от кого-то помощь? Неважно, от кого или от чего — был ли это коробейник…

— Да, я получил помощь.

— Немного помочь могла Иоланда. Когда ты обращался к Древним, она распевала какие-то заклинания.

— Я знал, что она рядом. Я подумал — откуда она может знать эту песнь? Ведь мне почудилось, что я ее узнаю — она смутно припомнилась мне из далеких-далеких времен.

— Надо как следует за ней присматривать, —

сказал Харкорт. — Слишком много она знает.

— Обо всем этом мы еще поговорим, — сказал Шишковатый. — Я ведь понимаю, что ты не мог не задуматься. Я хотел, чтобы ты это узнал.

— Есть еще одна вещь, — сказал Харкорт. — Ты знал о буграх. Ты кое-что нам про них рассказал…

— В давние времена, — ответил Шишковатый, — мы звали их Земляным Отродьем. Лучшего имени они не заслуживали. Они вырастали из почвы, как ядовитые травы, хотя они совсем не травы. Мы старались обходить их подальше. Когда я говорю «мы», это значит — не я, а мои предки, которые жили тысячи лет назад. Отродье всегда могло выкинуть какую-нибудь скверную шутку. Я думаю, это была самая первая Нечисть, какая появилась на свете. Ведь разной Нечисти было много, целая длинная цепь. Древние пришли позже, хотя тоже очень давно. Они не дети Земли — они пришли из Пустоты. Они процветали много тысячелетий, а потом сошли на нет. Сегодня они затаились в ожидании того дня, который, как мы надеемся, не придет никогда, — дня, когда они смогут снова выйти на волю, чтобы опустошить этот мир и уничтожить все в нем живущее. То, что мы видели на острове, — лишь

слабый отблеск того, чем они когда-то были. Хоть сейчас они сравнительно беспомощны, они хотели оградить от нашего вторжения свое убежище. Но Древние были не первыми — первым было Земляное Отродье. Его погубили плуг и топор, лишившие его мест, где оно выводилось на свет. Что погубило Древних, я не знаю, а может быть, и никто не знает. Но они тоже сошли на нет.

— А теперь мы имеем дело с той Нечистью, которую знаем, — сказал Харкорт. — И думаем, что никакой другой Нечисти не существует.

— Есть обрывки старинных легенд, на которые не следует особенно полагаться, — сказал Шишковатый, — и в них говорится, что поначалу наша Нечисть была совсем не той Нечистью, какую мы знаем. Вполне возможно, что, когда человечество только еще появилось на свет, было такое время, когда они могли стать нашими добрыми соседями — пусть у них свои странные обычаи, но они были занятны и иногда даже симпатичны. Но с течением времени им пришлось понемногу превратиться в Нечисть, чтобы выжить. Они могли научиться этому у Древних, которые видели в них средство продолжить древнюю традицию злой воли, завещав им хранить эту традицию, когда сами Древние погрузятся в подступавшее

забвение. Но даже при этом наша Нечисть могла и не стать такой, какой мы ее знаем, если бы ее не заставил ход событий. Возможно, они были просто вынуждены это сделать, когда оказались зажатыми между варварами и римлянами. Может быть, им пришлось научиться внушать ужас, чтобы защищаться. А нынешняя их ненависть к человечеству могла зародиться — и я полагаю, что так оно и было, — тогда, когда этот бестолковый святой, который, говорят, заключен в призме, что мы ищем, попытался изгнать их из этого мира в Пустоту. Трудно осуждать их за ненависть, которую вызвали его действия. И с тех пор…

— Но наш коробейник-чародей говорил, что их ненависть и злобность то усиливаются, то ослабевают…

Шишковатый покачал головой:

— Может быть, этот чародей знает, что говорит, а может быть, и нет. Очень возможно, что нет. А возможно, что Древние, которые еще не совсем сошли на нет, время от времени начинают как-то на них влиять, внушают им приступы ярости…

— Но на острове Древние перебили великанов, которые гнались за нами.

— Не исключено, что они просто попались под горячую руку, — сказал Шишковатый. — Нечисть

понять невозможно. Нам это не дано. Мы никогда не сможем представить себе ход ее мыслей.

— Но мы растревожили Древних, — сказал Харкорт. — И если все, что ты говоришь, верно, то человечеству предстоит новый кровавый цикл.

— Об этом можешь не беспокоиться, — сказал Шишковатый. — У нас вполне достаточно собственных забот, чтобы думать еще и о чужих.

И он быстро зашагал вниз по склону, туда, где отдыхали остальные, а Харкорт остался сторожить.

Он взглянул вверх, но драконов по-прежнему не было. На западе, над самым горизонтом, виднелось какое-то смутное пятнышко, но оно было слишком далеко, и что это такое, Харкорт разглядеть не мог. Видно было только, что там что-то летит. Впрочем, он был уверен, что это не дракон: неровный полет дракона он узнал бы сразу.

Примерно час спустя у подножья холма, над самым лесом, пролетела стайка фей. Солнце разноцветными радугами играло в их прозрачных крыльях. Они долетели до реки и свернули вдоль нее на запад.

Харкорт еще раз взглянул туда, где паслись единороги, но они перешли на другое место, и отыскать их он не мог. Куда-то делась и стая

волков.

После того как скрылись из виду феи, никакого движения не было заметно. Если бы на севере, западе или юго-западе появилось что-то движущееся, он бы обязательно это заметил. Наблюдать за другими направлениями не было большого смысла: на востоке и юге тянулся густой лес, в котором он все равно никого бы не увидел. Тем не менее время от времени он поглядывал и в ту сторону — не появится ли там кто-нибудь в воздухе.

Ему пришло в голову, что, может быть, вообще нет никакой нужды сторожить. Вполне возможно, что за ними никто не гнался. К этому времени убитых великанов на острове наверняка уже обнаружили и, несомненно, решили, что кучка людей погибла вместе с ними.

Правда, их тела не были найдены, и это могло дать повод к некоторым сомнениям, но уж очень малой казалась вероятность, чтобы они могли уцелеть. Сначала Харкорт опасался, что, когда великанов найдут, Нечисть решит, будто они погибли в сражении с людьми. Но теперь, подумав, он отказался от этой мысли. Всякий поймет, что великаны погибли не от руки человека. Смерть их была ужасна и отвратительна. Нечисть, наверное, сразу догадается, как и кто мог их убить.

Может быть, впервые с тех пор, как Харкорт и его спутники вступили на Брошенные Земли, Нечисть не знала, где они. Если они будут вести себя осторожно, их присутствие и передвижения могут остаться ей неизвестными.

До сих пор им везло больше, чем они могли ожидать. Если бы они не набрели на убежище Древних, их бы, вероятно, выследили и убили шедшие за ними по пятам великаны. А во время столкновения с Древними они остались в живых только благодаря редчайшему стечению обстоятельств. Не извлеки Шишковатый из глубин памяти предков слова, сдержавшие Древних, не вмешайся вовремя коробейник (если только это был коробейник), — и их постигла бы такая же участь, как и великанов. А Иоланда — насколько помогла им ее песнь-заклинание?

Он нахмурился. Иоланда оставалась для него сплошным вопросительным знаком. Жан, ее приемный отец, всю свою жизнь был верным слугой рода Харкортов, а перед тем Харкортам служили его предки — больше сотни лет, а может быть, и несколько сотен, припомнить точнее он не мог. Жан поручился за свою приемную дочь и сказал, что она кое-что знает о Брошенных Землях. Он не скрывал, что она имела дело с Брошенными Зем-

лями. Харкорт знал, что Жану можно доверять. А его дочери?

Эта стройная, гибкая, как тростинка, девушка, похожая скорее на мальчишку, постоянно шла впереди, разведывая местность, находя места для ночлега, отыскивая тропы. Она выполняла все, что обещала, приносила им большую пользу, служила верно и преданно.

Однако при всем том она привела их в пещеру коробейника, не предупредив, что он чародей. Она посоветовала им переправиться на остров, где стоят развалины убежища Древних, не сказав, какие опасности их там подстерегают. Конечно, она могла и не догадываться, что из-за каких-то злых чар они столкнутся с Древними. Он долго размышлял об этом, но прийти к какому-нибудь определенному выводу так и не смог.

Солнце уже высоко стояло в безоблачном небе и безжалостно припекало землю, над которой поднимались дрожащие волны горячего воздуха. Он заметил вдали на севере какое-то движение: что-то двигалось, поднимая густую пыль. Харкорт заслонил глаза от яркого солнечного света и попытался разглядеть, что это такое. Судя по облаку пыли, это мог быть скорее всего табун единорогов, но единороги белого цвета, а там

виднелось что-то темное. Он потряс головой, чтобы прогнать сонливость, и протер глаза, но так и не мог понять, что там движется, и решил, что это, может быть, не так уж и важно: движение было далеко на севере и направлялось на северо-запад. На западе показалась еще одна стая фей — заметить их можно было только по радужным отблескам на прозрачных крыльях. Кроме этого, ничто больше не двигалось ни на земле, ни, если не считать фей, в воздухе.

Харкорт перевернулся на спину, чтобы дать отдых усталым мышцам, и поглядел в небо. Синее и высокое, оно, казалось, простиралось в бесконечность. «Где кончается небо? — подумал он. — Ведь должно же оно где-нибудь кончаться, все рано или поздно кончается...» Как ни приятно было лежать на спине, он снова перевернулся на живот и продолжал смотреть вокруг.

Солнце уже приближалось к зениту, когда рядом с ним улегся подошедший незаметно Шишковатый.

— Ты пришел рано, — сказал Харкорт. — Я бы продержался еще немного и дал бы тебе поспать.

— Я уже поспал, — сказал Шишковатый, — и прекрасно отдохнул. Иоланда отыскала немного сухого хвороста, который горит без дыма, и сва-

рила чай. Попей, когда спустишься вниз, — он поможет тебе заснуть.

— Тут у меня ничего не происходит, — сказал Харкорт. — Время от времени летают феи, и что-то движется далеко на севере, а что — не могу разглядеть. Больше ничего не видно.

— Теперь буду сторожить я, — сказал Шишковатый. — Иди вниз и поспи. Скажи Иоланде, чтобы разбудила аббата задолго до вечера, пусть тоже сторожит. Все это время он лежит кверху брюхом и храпит, разинув рот, так что туда набилось полно мух.

Харкорт соскользнул по склону вниз, где Иоланда сидела на корточках у костра, который совсем не дымил. Она протянула ему кружку с чаем.

— Выпей-ка это, — сказала она. — Очень помогает. Я сейчас поджарю тебе сыр и мясо на ломтиках хлеба. Это все, что я могу сделать. Хоть что-то горячее.

Он поблагодарил ее, взял кружку и уселся, прислонившись к большому валуну. Аббат, как и сказал Шишковатый, лежал на спине с открытым ртом и раскатисто храпел. Рядом с ним, как часовой, расхаживал взад и вперед попугай, что-то бормоча про себя. Отхлебывая обжигающий чай, Харкорт смотрел, как Иоланда держит над огнем

ломтики хлеба с сыром и мясом, надетые на две длинные вилки. Хлеб понемногу подрумянивался, расплавленный сыр стекал по нему и капал в костер.

— Выглядит аппетитно, — сказал он. — Ни разу такого не пробовал.

— Я думаю, тебе понравится, — сказала она. — Шишковатый сказал, что это вкусно. По-моему, уже почти готово.

Она сняла с вилок хлеб и протянула ему.

— Смотри, они горячие, — предупредила она.

Он осторожно взял хлеб и откусил кусочек. Оказалось очень вкусно. Он и не догадывался, что так проголодался, но после первого же куска почувствовал, что просто умирает от голода, и набросился на еду.

Иоланда подошла к нему и села рядом, подобрав под себя ноги. Капюшон ее плаща был откинут на спину, и роскошные золотистые волосы рассыпались по плечам. Она сидела, не сводя с него кротких васильковых глаз. Но несмотря на красоту волос и кротость взгляда, в лице ее была заметна какая-то суровость — может быть, это выражение придавали худоба и резкие очертания губ, как будто прорезанных ножом. Харкорт подумал, что на самом деле она не красива. Но

в ее лице было что-то притягательное — в него хотелось вглядываться снова и снова. «Почему это так?» — спросил он себя, но ответить не мог.

— Мой господин, ты мне не доверяешь, — сказала она вдруг, едва шевельнув губами.

— Почему ты так говоришь? — спросил он, немного озадаченный ее прямотой.

— Ты не позволил мне стоять на страже, — ответила она.

— Но ведь ты не сказала нам, что знакома с коробейником. Ты привела нас к нему, сделав вид, будто случайно наткнулась на его пещеру. Ты не предупредила нас, что он чародей.

Она сама начала этот разговор, подумал он. Давно пора все выяснить.

— Тогда я не могла вам это сказать, — ответила она. — Я не уверена, что вообще стоило это говорить. Он тайный чародей. Его никто не знает и никто не признает. Он не осмеливается раскрыть свой секрет. Все эти годы он втайне оказывает всяческое противодействие Нечисти. Если бы она узнала, кто он такой, он больше не смог бы приносить пользу людям. Ему пришлось бы бежать. Иначе Нечисть напала бы на него, и даже его могучие чары не спасли бы его.

— Но ведь в конце концов он вмешался. Он

явился на остров…

— Но ведь иначе мы бы все погибли, — сказала она. — Я уверена, что он все взвесил, зная, что рискует раскрыть свою тайну. Хотя риск, может быть, был не так уж велик…

— Ты хочешь сказать — он знал, что великаны будут перебиты?

— Не знаю. Возможно. Я знаю одно — что Древние, может быть, ненавидят Нечисть еще сильнее, чем людей. Они всех ненавидят, но, должно быть, не всех одинаково. Ведь Нечисть обманом узнала немало секретов, которые хранили Древние. Это было в очень давние времена, когда Древние понемногу слабели, а молодая еще Нечисть только появилась и хотела занять их место. Если бы Нечисть осмелилась ступить ногой на тот остров, Древние, как бы крепко они ни спали, поднялись бы против нее.

— Кажется, понимаю, — сказал Харкорт. — Иоланда, ты знала, что великаны гонятся за нами? И поэтому привела нас на остров, заманив туда великанов?

Ее лицо исказилось. Она хотела что-то сказать, но с усилием удержалась.

— Ну говори же, — настаивал Харкорт.

— Прости меня, мой господин! — воскликнула

она умоляющим голосом. — Я не знала, я и помыслить не могла, что произойдет то, что было.

— Это был риск?

— Я чуть нас всех не погубила. Я думала, великаны не пойдут за нами на остров. Можно было найти и другие места для ночлега, где мы были бы защищены на случай нападения. Но я миновала их и привела вас на остров…

— Ты сделала это, потому что знала, что за нами гонятся великаны. Откуда ты знала, что они за нами гонятся?

— Раковина, — ответила она. — Морская раковина.

— Так вот почему ты ее слушаешь! А что она говорит тебе сейчас? Что нам делать дальше?

— Сейчас я слышу только шум моря, — сказала она.

— Значит, она не всегда с тобой разговаривает?

— Может быть, сейчас ей просто нечего мне сказать.

Харкорт доел все, что она для него приготовила, и погрузился в раздумье. Теперь он знал ответ на некоторые вопросы и был склонен верить большей части того, что она говорила. Кое-что, правда, расходилось с тем, что рассказал ему

Шишковатый. Он ни слова не говорил о ненависти, которую Древние могут питать к Нечисти. Однако в этом случае он мог оказаться не прав, а Иоланда права. Его версия никак не объясняла, почему Древние перебили великанов.

Но оставался еще один вопрос, который Харкорт не мог ей задать. Кто такая эта худощавая девушка, похожая на мальчишку, которая сидит перед ним? Он чувствовал, что, если он и спросит, она может не ответить, а может быть, и сама не знает, кто она такая на самом деле.

— Ну что ж, спасибо, — сказал он. — Теперь я лучше тебя понимаю.

— Тебе надо бы поспать, — сказала она, одним легким движением встала и вновь пересела к костру.

— Да, надо поспать, — согласился он.

Следующим, что он почувствовал, было как кто-то трясет его за плечи. Он попытался отмахнуться.

— Чарлз! — позвал кто-то. — Чарлз, проснись!

Он с трудом сел и принялся обеими руками тереть глаза. Бросив вокруг затуманенный взгляд, он увидел, что трясет его Шишковатый. Иоланда и аббат сидели у костра. Попугай снова взгромоздился аббату на плечо, спрятав голову под

крыло.

— Кто на страже? — спросил Харкорт.

— Я только спустился. Аббат сейчас пойдет на пост. Я хочу поговорить с вами всеми.

— Что-нибудь неладно?

— Думаю, пока нет. Но что-то назревает. Там все в движении. Целые банды Нечисти — великаны, тролли, гномы, гоблины. И все направляются на северо-запад. В воздухе полно гарпий и баньши, целые стаи фей, даже несколько драконов. Видимо-невидимо Нечисти. Но от нас они далеко. Скорее всего, не знают, что мы здесь.

Харкорт быстро поднялся. Аббат и Иоланда подошли поближе.

— Может быть, они думают, что мы погибли там, на острове? — предположил аббат.

— Возможно, — сказал Шишковатый. — Тем не менее нам нельзя здесь оставаться. Рано или поздно отсюда все равно нужно будет уходить. Судя по тому, что видно на севере и на западе, в этих местах скоро совсем не останется Нечисти. Мне кажется, мы должны попробовать прорваться. Может быть, нам удастся уйти довольно далеко, прежде чем они снова нас почуют.

— Может быть, отправимся прямо сейчас? — предложил аббат. — К тому времени, как мы

спустимся с холма…

— Нет, — сказала Иоланда. — Тогда нам придется идти в темноте, и мы окажемся в невыгодном положении. Почти вся Нечисть в темноте видит лучше, чем мы. А кое-кто даже лучше, чем днем.

— Дело не только в этом, — сказал Шишковатый. — Они все еще тут, поблизости, а к утру их, возможно, уже не будет. Я думаю, нам нужно направиться прямо на запад. И попробуем идти как можно быстрее. Мы уже и так потратили куда больше времени, чем предполагали.

— Это римляне? — спросил Харкорт. — Ты думаешь, это римляне?

— Очень может быть, — ответил Шишковатый.

— Единственное, что для нас сейчас крайне нежелательно, — это открытая стычка между Нечистью и римлянами, — сказал Харкорт. — Тогда пламя охватит весь мир. Великан, с которым мы говорили…

— Мы не можем ему верить, — перебил его аббат. — Он уверял, что мы будем в безопасности, если будем вести себя тихо. А за нами гнались великаны.

— Не могу утверждать, что это его вина, — возразил Шишковатый. — Он мог говорить вполне

искренне. Вы же помните — он объяснил, что они не могут держать в узде молодые горячие головы. Он сказал, что если бы не они, не случился бы и тот набег семь лет назад.

— Все дело в том, — сказал Харкорт, — что кроме самих себя мы не можем доверять никому. Нас всего четверо во враждебной стране.

Глава 16

На следующее утро все пространство к северу и западу от их наблюдательного пункта на вершине холма казалось совершенно безжизненным. На земле не было заметно ни малейшего движения, никто не показывался и в небе. Как только окончательно рассвело, они двинулись вниз по склону.

Они шли без остановки весь день и расположились на ночлег в укромном уголке на берегу ручья, в котором удалось поймать немного рыбы на ужин. Ночь прошла спокойно, и на следующий день задолго до восхода солнца они уже тронулись в путь.

Погода выдалась отменная, и преодолевать горы больше не приходилось. Время от времени на пути попадались холмы, но Иоланде, которая постоянно держалась немного впереди, каждый раз удавалось отыскать между ними какую-нибудь пологую долину, где идти было легко. Высокий холм позади, который послужил им наблюдательным пунктом, опускался все ниже за горизонт, пока во второй половине дня совсем не исчез из вида. По расчетам Харкорта получалось,

что они двигаются большей частью прямо на запад, лишь немного отклоняясь к северу. Заметив это, он подумал, что Иоланда, наверное, знает, куда их ведет.

Примерно через час она остановилась и подождала, пока они поравняются с ней. Когда они подошли, она показала на какой-то столб, стоявший у самой тропы и наполовину скрытый зарослями бурьяна. На нем, держась на одном-единственном гвозде — остальные давно съела ржавчина, — висели остатки деревянной доски. Половина ее сгнила и отвалилась, но другая, с заостренным в виде стрелки концом, еще оставалась на месте, хотя и заметно покосилась. Стрелка указывала в ту сторону, куда они шли. На доске когда-то, очень давно, были вырезаны буквы, ставшие теперь едва заметными. Кроме того, уцелела только часть надписи — лишь самое начало. Харкорт сошел с тропы и присмотрелся к доске. Ему удалось разобрать три буквы — «КОЛ»: остальное безнадежно стерлось от времени.

— «КОЛ», — сказал он. — Не слишком вразумительно. Впрочем, это неважно. Все равно того места, куда показывает стрелка, наверное, уже давно не существует.

— Может быть, это Колодец Желаний? — пред-

положил аббат. — Кажется, коробейник что-то говорил о нем.

— Конечно, — подтвердила Иоланда. — Должно быть, это тот самый и есть. Он говорил, что, если заглянуть в него, увидишь будущее.

— Все это чепуха, — сказал аббат. — Нельзя увидеть будущее, глядя в колодец.

— Возможно, стоило бы попробовать, — возразил Шишковатый. — Не было еще на свете людей, которым нужнее было бы знать будущее, чем нам сейчас.

— Могу тебе сказать, что ты там увидишь, — стоял на своем аббат. — Собственную физиономию, и больше ничего.

— Но ведь мы все равно направляемся в ту сторону, — сказал Харкорт. — Так что идем дальше. Если найдем Колодец Желаний, можно будет посмотреть, что в нем видно. А если не найдем, ничего не потеряем.

Не пройдя и лиги, они увидели Колодец Желаний. Он находился посреди обширной поляны. Его окружала каменная стенка по пояс высотой. Стенка прекрасно сохранилась: камни, аккуратно уложенные на известковом растворе, были все на месте. Рядом стоял колодезный журавль, который покосился, как пьяный, и грозил вот-вот

упасть. На том его конце, где когда-то была привязана веревка с ведром, теперь ничего не осталось. По другую сторону колодца рос могучий древний дуб, а на одной из его ветвей, которая свешивалась над колодцем, стоял, с трудом удерживая равновесие, тролль необыкновенно неказистого и жалкого вида. На нем были драные короткие штаны, а из его куртки мехом наружу во все стороны торчали какие-то клочья, она была покрыта грязью и вся в репьях. Увидев людей, он от удивления разинул толстогубый рот с поломанными клыками. На шее у него болталась веревочная петля, а конец веревки был привязан к ветке, на которой он стоял.

— Это еще что такое? — буркнул аббат. — Помилуй Бог, этот тролль определенно собирается повеситься.

— Я пальцем не шевельну, чтобы его остановить, — заявил Шишковатый. Валяй действуй, — сказал он троллю. — Не обращай на нас внимания. Прыгай!

— Если он отвязал свою веревку от журавля, — заметил Харкорт, — то можно не беспокоиться: она должна быть совсем гнилая и наверняка лопнет от его веса.

— Отойдите! — пронзительно завопил

тролль. — Не пытайтесь меня остановить! Я не хочу, чтобы меня спасали!

— И не подумаем, — сказал Шишковатый. — Мы таких, как ты, не спасаем. А если надо, можем даже потянуть тебя за ноги, когда ты уже будешь висеть, чтобы ускорить дело. Это все, что я готов для тебя сделать.

— Но это грех! — возразил аббат. — Грешно обрывать свою жизнь собственной рукой. Наша жизнь принадлежит не нам, а Господу Богу.

— Если речь идет о тролле, — заметил Шишковатый, — то я в этом сильно сомневаюсь.

— Я не желаю жить! — вопил тролль. — Мне больше незачем жить! Мой мост…

— Я не совсем согласен с моим другом Шишковатым, — сказал Харкорт, — и не настаиваю, чтобы ты поскорее прыгнул, но ради Христа сделай хоть что-нибудь. Или прыгай, или слезай с дерева. Пора как-то кончать.

Тролль прыгнул. Высоко подскочив над веткой, он полетел вниз, волоча за собой веревку, и тяжело плюхнулся на землю, перевернувшись на спину. Рядом с ним лежат изрядный кусок веревки. Все четверо подошли к нему.

— Ничего не получилось, — сказал Харкорт с досадой. — Он не рассчитал длину веревки.

— Он с самого начала только притворялся, — сказал Шишковатый. — У него и в мыслях не было вешаться.

Аббат покачал головой.

— Нет, не думаю. По-моему, он просто глуп.

Харкорт шагнул вперед, взялся обеими руками за свисавшую с ветки веревку и дернул. Веревка лопнула.

— Я так и думал, — сказал он. — Это веревка с журавля, она бы его все равно не выдержала.

Он швырнул конец веревки троллю, который пытался сесть.

— Можешь попробовать еще раз, — сказал он, — если уж ты так решил, только смысла в этом я не вижу.

И тут Иоланда крикнула:

— Дракон!

Харкорт резко повернулся, выхватил меч из ножен и увидел, что сверху на них камнем падает чудище. Оно летело с огромной скоростью, вытянув вперед когтистые лапы и злобно разинув клюв. Чтобы не задеть за дерево, под которым они стояли, дракон так круто накренился, что почти коснулся крылом земли.

Харкорт изо всех сил взмахнул мечом, держа его в обеих руках и целясь в хищную голову. Сталь

звякнула о твердую чешую, и что-то ударило его в бок. Он упал и покатился в сторону, пытаясь избежать нацеленных на него когтей.

В следующее мгновение дракон скрылся из вида, и Харкорт вскочил. Он увидел, что аббат бежит куда-то из-под дерева.

— Не выходи! — крикнул Харкорт. — Не выходи на открытое место!

Услышав его голос, аббат обернулся и махнул рукой. Ругаясь про себя, Харкорт кинулся к аббату — надо же защитить этого старого осла.

— Смотри! — крикнул аббат, показывая рукой вперед.

Харкорт посмотрел в ту сторону, куда показывал аббат, и увидел дракона — но не в воздухе, а на земле: он изо всех сил хлопал крыльями, пытаясь подняться.

— Он зацепился за дерево! — кричал аббат. — И свалился! Теперь он от нас не уйдет!

Харкорт бросился вперед, к дракону. Краем глаза он увидел сбоку от себя Шишковатого, который бежал в том же направлении, подняв секиру. За спиной у Харкорта пыхтел аббат, стараясь не отставать, Иоланды видно не было.

Теперь дракон уже был на ногах и развернулся им навстречу. По-видимому, он остался

невредим. Но чтобы взлететь, ему нужно было разбежаться. Харкорт увидел, что с шеи у него свисает веревка.

— Он мой! — воскликнул он. — Я сам с ним управлюсь. Он принадлежит мне!

— Как бы не так! — рявкнул аббат. — Он принадлежит нам обоим. Я тоже имею на него право.

Дракон поднялся на дыбы, вытянув длинную шею и высоко задрав голову, и сделал выпад клювом в сторону Харкорта. Тот услышал, как что-то просвистело у него над головой. Сразу же вслед за этим послышался тупой удар, и Харкорт увидел, что из шеи дракона торчит стрела.

Дракон пришел в ярость. Голова его метнулась вверх и снова опустилась, едва не достав до Харкорта. Хвост с шипом на конце со свистом дергался в воздухе из стороны в сторону, когти глубоко вонзались в землю, отбрасывая комья дерна.

Харкорт еле увернулся от удара клювом и нанес удар мечом, целясь в вытянутую шею дракона. Клинок плашмя скользнул по чешуе на его затылке и отскочил от нее с такой силой, что меч чуть не вылетел из рук у Харкорта. Голова дракона повернулась к нему, и последовал новый выпад. Клюв задел ногу Харкорта, он покачнулся и сде-

лал шаг назад. На голову чудища обрушилась тяжелая железная булава. Голова дернулась назад, сделала новый выпад и угодила аббату прямо в грудь, отшвырнув его в сторону. Лежа на земле, аббат пытался дотянуться до булавы, выбитой у него из руки. Попугай, нашедший безопасное убежище на дереве, испускал пронзительные крики.

Собравшись с силами, Харкорт снова бросился вперед и встал над своим другом, высоко подняв меч. Голова дракона метнулась в его сторону. Клинок попал по клюву и снес его долой. Обезоруженная голова обрушилась на грудь Харкорта, сбила его с ног, и он свалился на аббата. В воздухе снова просвистела стрела, которая вонзилась дракону в глаз. Из него что-то брызнуло и потекло по драконьей морде. Голова снова взметнулась вверх, но на шее у дракона уже сидел верхом Шишковатый, прочно обхватив ее ногами и занося секиру. Секира опустилась, поднялась и снова опустилась. Дракон осел на землю.

Харкорт с трудом поднялся на ноги. Вся левая сторона у него болела от удара массивной головы. Дракон, дергая хвостом из стороны в сторону, лежал на земле с наполовину перерубленной шеей, придавив собой Шишковатого. Харкорт протянул

ему руку и помог высвободиться.

— Это было отчаянное безрассудство, — сказал он.

Шишковатый ничего не ответил и отошел в сторону, все еще сжимая в руке окровавленную секиру.

Аббат встал, поднял с земли свою булаву и замахнулся.

— Уже все, — сказал ему Харкорт. — Кончено.

— Мне здорово досталось, — сказал аббат.

Из-под дерева вышла Иоланда, держа в руке лук со стрелой наготове. Харкорт встал на одно колено, чтобы вытереть о траву клинок. Правда, крови на нем почти не было. Он с трудом поднялся на ноги.

— Мой господин, ты ранен, — сказала Иоланда.

— Да нет, это просто ушиб, — ответил он.

По телу дракона еще пробегали судороги, но торчавшие вверх когтистые лапы уже не шевелились, а хвост с шипом на конце был неподвижен. Веревка, привязанная к его шее, спокойно лежала на земле.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Харкорт Шишковатого.

— Только оглушен немного, — ответил тот. — Когда падал.

— Почему никто не спросит, как я себя чувствую? — воскликнул аббат.

— Ну хорошо, как ты себя чувствуешь? — спросил Харкорт.

— Прекрасно, — ответил аббат. — Немного помят, но чувствую себя прекрасно. Но ты мог бы и поинтересоваться.

— Я поинтересовался, — сказал Харкорт.

— Только после того, как я тебе напомнил.

— Нам всем изрядно повезло, — сказала Иоланда.

— Ничуть не повезло, — возразил аббат. — Это все дело наших рук.

— Не наших, — заметил Харкорт. — Все сделал Шишковатый.

— Всякий делает, что может, — отозвался Шишковатый. — И как может.

— Теперь этой истории конец, — сказал аббат. — Той, что началась много лет назад, когда двое двенадцатилетних мальчишек вздумали поймать дракона.

— Как ты думаешь, помнил он об этом все эти годы?

— Кто знает? — ответил аббат.

Попугай слетел с дерева, опустился на неподвижную тушу дракона и принялся расхаживать

по ней взад и вперед, издавая громкие крики и хлопая крыльями.

— Мы можем уже не праздновать победу, — сказал Шишковатый. — Птица нашего аббата делает это за нас.

— Это не моя птица, — недовольно отозвался аббат. — Скорее я ей принадлежу, чем она мне. Я аббат этой птицы. Она ездит на мне, как на лошади. Она требует, чтобы я ее кормил, и нахально гадит мне на сутану. Никакого уважения.

— Надо двигаться дальше, — сказала Иоланда. — Если мы задержимся здесь, мы можем привлечь к себе внимание.

— Это верно, — согласился Харкорт. — Надо идти дальше.

— Ты хромаешь, — сказал Шишковатый. — Тебе под силу будет дальняя дорога?

— Я же говорю, что это только ушиб, — ответил Харкорт. — Кажется, это была голова дракона, но точно сказать я не могу. Слишком быстро все произошло.

— А где наш приятель тролль? — спросил аббат.

— Исчез, — ответила Иоланда. — Как только началась битва. Последний раз, когда я его видела, он во все лопатки улепетывал в лес. На шее у

него все еще была веревка, а конец ее он держал в руке.

— Будем надеяться, — сказал Шишковатый, — что он еще найдет себе хороший, крепкий сук и что на этот раз веревка выдержит.

Иоланда двинулась в сторону леса, окружавшего Колодец Желаний. Дойдя до опушки, она остановилась и подождала их.

— До сих пор мы шли точно на запад, и Нечисть это знает, — сказала она. — Если кто-нибудь из них набредет на дракона — а это наверняка случится очень скоро, — они подумают, что мы все еще идем на запад, и будут искать нас там.

— Ты хочешь сказать, что нам нужно изменить направление? — спросил Шишковатый.

— Не совсем, — ответила она. — Ненадолго. Но я думаю, что некоторое время мы должны идти к северу.

— Но там может быть опасно, — возразил аббат. — Когда мы смотрели с верхушки холма, было видно, как толпы Нечисти движутся на север и на запад. Нам с ними встречаться ни к чему.

— Я пойду впереди и буду смотреть в оба, — пообещала она. — Если поблизости окажется Нечисть, я ее почую. И потом, нам не придется долго идти на север. День-другой, и все.

— Но, прежде чем мы отправимся в путь, — сказал Шишковатый, — нужно еще кое-что сделать. Мы же у Колодца Желаний. Надо в него заглянуть. Хотя бы попробуем узнать наше будущее.

— Загляни, если тебе так хочется, — сказал аббат. — Что до меня, то я отказываюсь. Все эти гадания по колодцам — сплошные глупости.

— Пока ты будешь глядеть в колодец, — сказал Шишковатому Харкорт, — я отвяжу веревку с шеи дракона. Он долго ее носил. Она моя.

Он повернулся и зашагал назад, туда, где лежал дракон. Как давно это было, подумал он. И какой маленький был тогда этот дракон — ничуть не больше двенадцатилетнего мальчишки, который попробовал его поймать. Но даже тогда он злобно шипел и кидался — видно было, что шутить с ним не стоит.

Харкорт подошел к дракону и отвязал у него с шеи веревку. Петля уже совсем истерлась и только благодаря какой-то случайности еще держалась на шее. Очень скоро веревка должна была лопнуть и свалиться.

Харкорт постоял минуту в раздумье, потом бросил веревку и пошел прочь. Пусть остается дракону, сказал он себе. Он долго ее носил, теперь она принадлежит ему по праву. Когда-то, пусть и

не намеренно, я сам отдал ее дракону в подарок. А то, что дарят, обратно не берут. И грабить мертвое тело нехорошо.

Шишковатый вернулся от Колодца.

— Что же ты видел? — спросил Харкорт.

Шишковатый поморщился.

— Самого себя, — ответил он.

Глава 17

Разводить на ночь огонь они не стали, а перекусили тем, что взяли с собой, и запили водой, которую черпали пригоршнями из крохотного родника. На ночлег они устроились в глухом лесу между двух пологих холмов. Огромные деревья теснились вокруг, и где-то поблизости всю ночь ухала сова.

Харкорту приснилась Элоиза. Он стоял на усыпанной цветами весенней лужайке, рядом с лошадью, на которой сидела она, и смотрел на нее снизу вверх. Вокруг были другие всадники, все они собирались в какое-то долгое путешествие и спешили тронуться. Но он решил, что не даст им уехать, пока не разглядит как следует ее лицо. Легкий весенний ветерок растрепал ей волосы, и прядь их закрыла ее черты. Каждый раз, когда ему казалось, что он вот-вот их разглядит, новый порыв ветра опять бросал прядь волос ей на лицо, и снова он не мог его разглядеть. Элоиза сидела молча, без улыбки, не пытаясь поднять руку, чтобы отвести с лица эту прядь и помочь ему.

— Элоиза! — воскликнул он. — Элоиза!

Но не успел он произнести ее имя, как всадники

тронулись с места и поехали прочь, и она вместе с ними. Он побежал рядом с ее лошадью, но та шла быстрым шагом, а у Харкорта что-то случилось с ногами: они не двигались как обычно — казалось, он идет по колено в быстро бегущей воде. Он умолял Элоизу подождать, но она ждать не стала, и он все больше отставал. Наконец он остановился и, посмотрев вслед всадникам, увидел, что они пустили лошадей вскачь и быстро удаляются. Он пытался следить глазами за Элоизой, но тут же потерял ее из виду, хотел ее найти, но не мог — она затерялась среди всадников. Он стоял неподвижно, пока они не скрылись из вида и лужайка не опустела. А когда он повернулся, чтобы направиться домой, то увидел, что оказался в какой-то незнакомой стране.

Неподалеку виднелся замок, но не такой, какие ему доводилось видеть. Этот замок был похож на сонное видение, он как будто висел в воздухе, и все его шпили и стройные башни тоже висели в воздухе над ним, между небом и землей, как будто не были его частью. Слева от Харкорта простиралось поле спелой пшеницы, по которому мерно двигались цепочкой, сверкая косами, косари, а женщины укладывали снопы в копны. За полем начинался фруктовый сад, где множество

людей карабкалось по деревьям, собирая плоды, а под деревьями валялись ведра и корзины, которые им предстояло наполнить и отнести домой. Откуда-то справа до него донеслись крики; он обернулся и увидел свинопасов, которые, размахивая палками и перекликаясь, загоняли свиней.

Теперь Харкорт как будто начал припоминать это место, показавшееся ему сначала незнакомым. Когда-то он его уже видел. И тут он вспомнил: он видел его на миниатюре, украшавшей одну из страниц часослова, который подарила ему Элоиза. Это был тот самый рисунок, только оживший. Его сердце радостно забилось, и он побежал к замку. Ведь там была Элоиза, там он найдет ее и, найдя, вновь увидит ее лицо. Но как он ни старался, он не мог сдвинуться с места. Замок все так же стоял неподалеку, не приближаясь и не отдаляясь, и по-прежнему казалось, что он висит в воздухе между небом и землей. Харкорту нужно было попасть в замок, ему обязательно нужно было войти в ворота и обойти все шпили и башни в поисках Элоизы, зовя ее, чтобы она знала о его приходе и вышла ему навстречу. Он изо всех сил пытался бежать быстрее, размахивая руками в такт бегу, подавшись всем телом

вперед, задыхаясь от усилий.

Позади послышался чей-то крик. Харкорт оглянулся через плечо и увидел, что компания всадников, вместе с которой уехала Элоиза, поспешно возвращается. Лошади скакали во весь опор, всадники сидели, пригнувшись к их шеям, и погоняли их изо всех сил. Впереди с развевающимися на ветру волосами скакала Элоиза, погоняя лошадь и что-то крича, как и все остальные.

Они неслись прямо на него, и он понял, что они хотят его затоптать. От страха у него захватило дух, он сделал сверхчеловеческое усилие и освободился от чар, которые удерживали его на месте. Он пустился бежать, петляя, как затравленный заяц, а позади, все ближе, раздавался топот копыт, сверкали подковы, скалились зубы. Он задыхался, как будто кто-то огромной рукой стиснул его грудь.

Он споткнулся, упал… и проснулся, все еще задыхаясь от сумасшедшего бега, в той самой позе, в какой упал.

В лесу презрительно кричала сова. Где-то в темноте хихикал про себя попугай аббата. Над головой качались деревья, и сквозь листву время от времени становился виден яркий, холодный блеск звезд. В лесу было темно и страшно.

Он приподнялся на локте. Рядом на земле виднелся какой-то сгусток темноты. Наверное, Шишковатый, подумал он. Не может быть, чтобы это был аббат, попугай наверняка где-то рядом с ним, а его хихиканье доносится совсем с другой стороны.

Харкорт сбросил одеяло и встал. Послышались чьи-то шаги, он обернулся и схватился за меч.

Послышался голос аббата:

— Что случилось, Чарлз?

Попугай что-то проворчал.

— Ничего особенного, — сказал Харкорт. — Мне приснился сон.

— Плохой сон?

— Тревожный сон. Я видел Элоизу.

Аббат придвинулся ближе — бесформенный силуэт в темноте.

— Чарлз, не стоит питать слишком большие надежды. То, что рассказал твой дядя…

— Я знаю. С самого начала знал. Об этих местах много чего рассказывают. Но у меня все-таки появилась надежда.

— Ты должен быть готов испытать разочарование.

— Знаю, Гай. Но я изо всех сил цепляюсь за эту надежду. И все же…

— И все же? Что значит — и все же?

— Во сне Элоиза хотела меня затоптать. Не она одна, и другие тоже, кто был с ней, но она была впереди всех. Они скакали прямо на меня, а я убегал.

— Слишком тяжелым грузом лежит Элоиза на твоей совести, Чарлз. Ты слишком часто о ней думаешь. Ты винишь себя за то, в чем нет ничьей вины. Ты стараешься чаще о ней вспоминать, как будто это какое-то искупление. Может быть, вспоминая ее, ты просто стараешься сохранить надежду.

— Там, в болоте, я слышал множество голосов. И они говорили об Элоизе.

— Я тоже их слышал, — сказал аббат. — Ни о какой Элоизе они не говорили.

— С тобой они и не стали бы о ней говорить.

— И с тобой не говорили. Тебе показалось, что ты слышал ее имя, потому что его подсказали тебе воображение и чувство вины. Чувство, которого ты не должен испытывать, потому что здесь нет никакой твоей вины. Чарлз, долго еще ты будешь себя мучить?

— Я не считаю, что это мучение.

— Ну, конечно, ты считаешь, что это вечное преклонение перед женщиной, черты которой

не сохранились в твоей памяти. Ты живешь, как монах, неся покаяние за то, что не требует покаяния. Попытайся сбросить с себя эту ношу.

— Гай, ты безжалостен. Ты не…

— Мое призвание, — сказал аббат, — временами не допускает жалости.

— Может быть, мы с тобой сделали ошибку? — спросил Харкорт. — Может быть, мы зря дали своим чувствам увлечь нас в это отчаянное предприятие? Я — ради Элоизы, ты — ради своего заколдованного святого?

— Может быть, — ответил аббат. — Очень может быть. Но это не умаляет нашу цель. Все равно мы оказались здесь не зря.

— Ты не задумывался о том, чем все это может кончиться? Ты можешь это предвидеть?

— Я не провидец, — сказал аббат. — Все, что у меня есть, — это непоколебимая вера. Мы не должны спрашивать, почему оказались здесь. Здесь, в ночной тьме, в страхе перед Нечистью, может быть, в окружении Нечисти, наши мысли мрачны и безотрадны. Глухой ночью нельзя давать волю своим мыслям: они всегда будут мрачными, а надежды призрачными.

— Может быть, ты прав, — сказал Харкорт. — Давай-ка я посторожу вместо тебя. Мне больше не

хочется спать. Я боюсь, что снова увижу тот сон.

— Буду тебе очень признателен, — сказал аббат. — Я еле держусь на ногах. У меня слишком тяжелая туша.

— Оуррк! — произнес попугай.

— Вокруг все спокойно, — сказал аббат. — То и дело кричит эта глупая сова, и где-то на севере бродит много волков. Я всю ночь слышал, как они воют, будто собираются в огромную стаю. Но они далеко, нам нечего беспокоиться.

— Тогда лезь под одеяло, — сказал Харкорт. — Возьми и мое тоже, тебе будет теплее.

Аббат завернулся в одеяло, а Харкорт еще долго стоял неподвижно, прислушиваясь к непрерывным стонам совы. С севера до него время от времени доносился волчий вой. Он подумал, что в это время года волки обычно не воют. Они воют глубокой осенью и ранней зимой, а весной или летом это бывает очень редко. Наверное, там случилось что-то такое, из-за чего они забеспокоились.

Его глаза привыкли к темноте, и он уже мог различить на земле все три спящие фигуры. Аббат причмокнул во сне и захрапел. Попугай что-то проворчал в ответ. Сова наконец умолкла. Сквозь листву понемногу начинал пробиваться свет.

Харкорт принялся ходить взад и вперед, чтобы согреться.

Когда еще немного рассвело, он разбудил своих товарищей.

— Еще темно, — недовольно сказал аббат. — Утро еще не наступило.

— Света хватит, чтобы разглядеть дорогу, — сказал Харкорт. — Мы отправимся сразу, без завтрака, и будем идти час или два. Потом, когда встанет солнце, можно будет сделать привал и поесть. Может быть, рискнем развести огонь и что-нибудь приготовить.

Он вопросительно взглянул на Иоланду. Та кивнула:

— Я думаю, это можно. Хотя бы ненадолго. Нам нужно поесть чего-нибудь горячего. Может быть, сварим овсянку.

— И поджарим сала, — с надеждой добавил аббат.

— И поджарим сала, — улыбнулась она.

Аббат повеселел.

— Это другое дело, — сказал он. — Всухомятку есть вредно.

Глава 18

Они шли весь день и все следующее утро. Идти было легко. Местность была большей частью открытая, лишь кое-где попадались небольшие рощи. Много раз они видели заброшенные хозяйства, заросшие бурьяном и сорняками поля, развалины домов. Когда-то эти места изобиловали зажиточными фермами.

Холмов на пути больше не было — повсюду вокруг лежали сырые низины. Путники то и дело посматривали на небо — не покажется ли там дракон или еще кто-нибудь, но никого не было видно, даже феи не появлялись.

В середине первого дня Шишковатый подстрелил из лука молодого кабана, которого они спугнули в кустах. Вечером они поджарили его на костре и устроили пир, предварительно как следует затоптав огонь. Может быть, необходимости в таких предосторожностях и не было, потому что местность была совершенно пустынна, но на этом настояла Иоланда.

— Чтобы привлечь Нечисть, хватит одной струйки дыма, — сказала она. — Не стоит рисковать.

Во время ужина Харкорт присел рядом с Иоландой и спросил:

— Что говорит тебе раковина?

Он знал, что это глупый вопрос. Раковина ничего не может говорить, у нее нет никакого дара предвидения. Но больше им не на что было полагаться, да и Иоланда в это верила. Такой вопрос мог придать ей новые силы, показав, что Харкорт принимает раковину всерьез. Сама Иоланда, похоже, относилась к ней очень серьезно — она утверждала, что там, на острове, раковина предупредила ее о приближении великанов.

— Ничего не говорит, — ответила она. — Наверное, это означает, что у коробейника нет ничего такого, о чем он хотел бы мне сказать.

— Или что он ничего такого не знает, — заметил Харкорт.

— Может быть, хотя он мало чего не знает. Он умелый чародей, очень умелый.

— А он работает на нас? В наших интересах? Ты в этом уверена?

После некоторого колебания она ответила:

— Уверена, насколько это вообще возможно. Я давно его знаю и верю ему.

— Значит, все, что говорит тебе раковина, исходит от коробейника?

— Мой господин, — сказала она, смело взглянув на него, — в этом я не очень уверена. Это его раковина, он мне ее дал, но я не знаю, заключена ли в ней только его мудрость. Может быть, в ней есть и мудрость кого-то или чего-то другого, еще более мудрого, чем он.

Харкорт решил больше ни о чем не расспрашивать: он понял, что дальнейший разговор заведет его в такие метафизические дебри, которые окажутся ему не под силу. Он не имел ни малейшего желания предаваться глубокомысленным рассуждениям о тонкостях чародейства.

— Ну ладно, — сказал он, смирившись, — слушай и дальше, если хочешь.

Ночью, перед самым рассветом, разразился короткий весенний ливень, и они выползли из-под одеял насквозь промокшие и недовольные. Но ливень кончился, и вскоре уже ярко светило солнце, а на голубом весеннем небе плыли лишь последние клочки пронесшейся тучи. Путники быстро обсохли, хотя их одеяла были все еще мокрые.

— Придется остановиться на ночлег задолго до захода солнца, — сказала Иоланда, — чтобы расстелить их и высушить.

Несколько раз они видели, как вдалеке крадут-

ся волки. Потом в небе показались стервятники, летевшие парами и тройками в одном и том же направлении. Вскоре после полудня к путникам подбежала Иоланда.

— Наверное, мы приближаемся к гнездилищу гарпий, о котором предупреждал коробейник, — сказала она. — Я что-то чую в воздухе. Очень может быть, что это и есть гарпии.

— Где они могут быть? — спросил аббат.

— Как будто вон там, — она указала пальцем. — Чуть севернее.

— По-моему, дело пахнет не просто гарпиями, — сказал Шишковатый. — Слишком много волков. Они всю ночь выли и много раз попадались нам по пути. И еще стервятники.

Харкорт пристально посмотрел на него.

— Ты хочешь сказать…

— Очень может быть, — ответил Шишковатый. — С того высокого холма мы видели великое множество Нечисти. Она спешила куда-то на север и на запад. У нее там какой-то сбор.

— Надо проверить, — сказал Харкорт.

— Только осторожно, — предупредил Шишковатый. — Как можно осторожнее.

Прячась, где только возможно, и стараясь не показываться на открытом месте, путники

двинулись в том направлении, куда показала Иоланда. Они еще не успели далеко отойти, когда легкий ветерок донес до них отвратительный смрад разлагающейся плоти. Запах становился все сильнее и сильнее. Впереди возвышался над местностью небольшой пригорок. Они поднялись на него и осторожно подползли к самому гребню. Запах сделался еще сильнее — ясно было, что его источник уже совсем близок. Осторожно заглянув через гребень, они увидели, откуда исходит запах.

Склон пригорка отлого спускался в небольшую низину. В низине и по всему склону неподвижно лежали какие-то темные массы. На одних сидели стервятники, над другими сгрудились волки, то и дело начинавшие грызться между собой из-за добычи. Ветер трепал клочья одежды, которые висели на кустах или еще оставались на трупах. В одном месте валялась мертвая лошадь, задрав вверх все четыре ноги. Многие трупы были неузнаваемы, другие казались человеческими, третьи, несомненно, принадлежали Нечисти. Кое-где они были навалены целыми грудами, в других местах лежали поодиночке. Повсюду блестели на солнце разбросанные щиты и мечи. Волк, угрожающе щелкая зубами, погнался за ли-

сой, которая убегала, лавируя среди трупов. Там и сям белели уже дочиста обглоданные кости. В воздухе над телами тучами летали и дрались стервятники. И над всей низиной поднимался удушливый, тошнотворный запах падали.

— Там, внизу, человек, — с трудом выговорил аббат. — Вон он, вместе с волками потрошит убитых.

— Это не человек, — возразил Шишковатый. — Я давно на него смотрю. Это не человек, а вурдалак.

— Не вижу, — сказал Харкорт.

Иоланда, лежавшая рядом, взяла его за руку.

— Вон он, — сказала она. — Смотри туда, куда я показываю.

Он вгляделся и сначала по-прежнему ничего не увидел, а потом разглядел вурдалака — он склонился над человеческим трупом, разрывая его руками и зубами.

— Он не похож на человека, — сказал Харкорт. — Он похож на…

В этот момент существо подняло голову и посмотрело на верхушку холма, где притаились путники. Харкорту показалось, что оно их заметило, но он тут же понял, что видеть их оно не может.

Черты вурдалака напоминали человеческие. Волосы его мокрыми, сальными прядями падали на лицо и шею. Нижняя губа отвисла, открывая острые белые зубы. Хищные глаза даже на ярком солнечном свете, казалось, горели адским огнем. Все лицо было вымазано чем-то жирным и черным.

Тошнота подступила к горлу Харкорта. Уткнувшись лицом в землю, чтобы не ощущать трупного смрада, он глубоко вдыхал запах травы и почвы, но и сквозь этот запах пробивалась удушливая вонь. Он изо всех сил зажмурил глаза, чтобы не видеть вымазанного в гниющей плоти почти человеческого лица.

Он припомнил, как всего несколько дней назад, сидя на коне, разговаривал с центурионом, на шлеме которого красовались развевающиеся алые перья. «Наш трибун рвется к славе, — сказал тогда центурион. — Он всех нас угробит». Харкорт приподнял голову и, взглянув вниз, попытался разглядеть среди трупов алые перья. Но если они там и были, он их не увидел.

«Децим. Не просто Децим, а как-то еще — римляне любят длинные звучные имена. Децим Аполлон… нет, не так, Децим Аполлинарий Валентуриан, вот как».

Харкорт припомнил, как пригласил римлянина на обратном пути остановиться у него выпить и поболтать.

«Вряд ли он теперь возвратится, не суждено нам с ним выпить. Неизвестно, возвращусь ли и я сам. Но не стоит об этом думать. Так и погибнуть недолго. Нельзя поддаваться сомнениям».

— Теперь начнется, — почему-то шепотом сказал он Шишковатому.

— Да уж, — тоже тихо ответил тот. — Брошенные Земли сейчас не самое подходящее место для людей.

— Похоже, немногим из римлян удалось уйти, — сказал Харкорт.

— Наверное, никому, — сказал Шишковатый. — Нечисти здесь было видимо-невидимо. Они же собирались на наших глазах, а ведь мы видели только тех, что были поблизости от нас. Они, наверное, сходились отовсюду.

— Где они сейчас?

— Этого мы знать не можем. Может быть, собрались где-нибудь, чтобы отпраздновать победу.

— Я больше не могу вдыхать этот запах, — сказал Харкорт. — Он слишком напоминает то, что было семь лет назад. Я пошел назад.

— Нужно идти тихо. И по возможности неза-

метно. Лучше всего ползком.

— Но битва уже кончилась. Здесь никого нет, кроме волков и стервятников.

— Все равно двигайся ползком и тихо, — сказал Шишковатый. — Неизвестно, кто еще тут может быть.

Харкорт начал отползать назад по склону пригорка, стараясь не поднимать головы. Оглянувшись, он увидел, что спутники последовали за ним.

Не повезло, подумал он. До них пор все шло довольно гладко. Но как только Нечисть кончит торжествовать победу, — если только она действительно этим занята, — она вновь рассеется повсюду, неся с собой извечную ненависть ко всему человеческому. Новый прилив ненависти повлечет за собой новые набеги через границу. А уж на самих Брошенных Землях ни один человек больше не может считать себя в безопасности. Если до сих пор Нечисть еще кое-как могла терпеть присутствие людей, то теперь ее терпению пришел конец. Людей будут убивать, как только заметят.

«И за каким дьяволом римлянам понадобилось сунуть сюда нос?» — подумал он. Децим говорил, что это рекогносцировка. Может быть, все

и обошлось бы более или менее мирно, если бы это в самом деле была только рекогносцировка — короткая вылазка, чтобы выяснить ситуацию, и сразу обратно. Но случилось несколько стычек — пусть сами по себе они были и незначительны. И слишком долго легион оставался здесь. В этом все дело — слишком долго они оставались здесь, дав время Нечисти собраться во множестве.

Спустившись к подножию пригорка, все четверо остановились под прикрытием небольшой рощицы. Некоторое время они молча стояли, глядя друг на друга, потрясенные, опечаленные и встревоженные тем, что увидели. Наконец аббат спросил Шишковатого:

— Что нам теперь делать? Идти дальше или повернуть назад? Лично я за то, чтобы идти дальше, но не надо ли предупредить людей по ту сторону границы?

Шишковатый покачал головой.

— Не знаю, аббат. Все зависит от того, что сейчас на уме у Нечисти. А этого тебе, наверное, никто не скажет. Кто может так хорошо знать Нечисть?

— Иоланда, — сказал Харкорт. — Она знает эти места лучше нас всех.

Все посмотрели на Иоланду. Она отрицательно мотнула головой.

— Не мне решать, — сказала она. — Я здесь всего лишь для того, чтобы помогать, чем могу.

— Но у тебя должно быть какое-то собственное мнение, — сказал аббат. — И ты вполне можешь его высказать. Мы все в одинаковом положении, и ты тоже.

— Мы прошли полпути, — сказала она. — Может, немного больше. Нечисть всегда опасна. Сейчас, возможно, опаснее, чем обычно, из-за этой битвы, но она опасна всегда. Каждый шаг, который был здесь нами сделан, грозил нам гибелью.

— Наша первая задача — разыскать храм, — сказал Шишковатый, — и переговорить со священником, о котором мы слышали от дяди Чарлза. Мы не знаем, где этот храм. Знаем, что к западу отсюда, но где? Чтобы его найти, нам, возможно, придется немало бродить наугад. Это увеличит риск. Если бы мы точно знали, где он, мы могли бы быстро туда добраться.

— Тихо! — прервала его Иоланда. — Тихо! Я что-то слышу.

Они замолчали и вслушались. Сначала ничего не было слышно, потом до них донесся стон.

— Это вон там, — сказал аббат. — Кто-то лежит в агонии. Может быть, один из тех, кто остался в

живых после битвы.

Аббат быстро сделал несколько шагов вперед и остановился перед зарослью кустарников.

— Это здесь, — сказал он. — Кто бы это ни был, он здесь, в кустах.

Харкорт бросился к нему, схватил его за плечо и оттащил назад.

— Осторожнее, — предупредил Шишковатый. — Прежде чем подходить, сначала выясните, кто это.

Харкорт нагнулся и стал всматриваться в гущу кустов. Он увидел, что там сверкнули чьи-то глаза. Над глазами нависали всклокоченные брови. Густые черные волосы с запутавшимися в них репьями и сучками свисали по обе стороны худого и злобного лица, похожего на человеческое, с крючковатым носом и оскаленным ртом, где торчали огромные клыки.

Харкорт сделал шаг назад.

— Это гарпия, — сказал он. — Я знаю, это гарпия.

— Но она ранена, — сказал аббат. — Вон торчит стрела. Она страдает.

— И пусть страдает, — сказал Шишковатый. — Она приползла сюда умирать, так дайте ей умереть.

Аббат нагнулся и заглянул в кусты.

— Это не по-христиански, Шишковатый, — сказал он укоризненно. — В тяжелую минуту мы оказываем помощь даже смертельному врагу.

— Ну, окажи ей помощь, — сказал Шишковатый, — и она уж постарается тебя прикончить, пока ты будешь этим занят. Отойди-ка подальше. Бога ради, отойди подальше.

Аббат не шевельнулся, и Харкорт, снова подойдя к нему, протянул руку, чтобы оттащить его назад. Но он еще не успел до него дотянуться, как гарпия выскочила из кустов и кинулась на аббата. Сбив его с ног, она распростерлась на нем, терзая его ноги костистыми лапами, а клыкастой пастью подбираясь к его горлу.

Харкорт выхватил меч, но еще раньше, чем он сделал выпад, на гарпию бросилась Иоланда, высоко подняв свой кинжал. Кинжал опустился, снова поднялся и вновь опустился, из-под него брызнула кровь. Гарпия обмякла и свалилась с лежавшего на земле аббата. Иоланда, стоя на коленях, продолжала наносить удары.

Харкорт осторожно оттащил ее и помог подняться на ноги. Аббат сел, и Харкорт опустился рядом с ним на колени. Сутана аббата была в крови.

— Ох, мои ноги! — задыхаясь, простонал аббат. — Они горят огнем там, где вонзились ее когти. И еще она укусила меня в плечо.

Шишковатый склонился над аббатом.

— Давай-ка посмотрим, что там у тебя, — сказал он.

— Она впилась бы мне прямо в глотку, если бы я ее не оттолкнул, — продолжал аббат. — Если бы она впилась мне в глотку…

— Знаем, знаем, — перебил его Харкорт. — Только ведь она до глотки не достала. Покажи, что она тебе сделала.

Он принялся развязывать на аббате пояс.

— У меня есть мазь, — сказал Шишковатый, — чтобы лечить раны. От нее будет сильно жечь, но тебе придется потерпеть. Гарпии питаются падалью, и ее пасть могла быть ядовита.

Он отошел и вернулся с баночкой мази, которую достал из своего мешка.

— Теперь перестань голосить, — строго сказал он аббату. — Мы будем тебя лечить, а ты своими воплями нам мешаешь.

Сняв с аббата сутану, они увидели, что его ноги изодраны в кровь, а на плече из глубокого укуса сочится кровь.

— Держите его, — сказал Шишковатый. — Эта

мазь жжется, как адское пламя. Держите его как можно крепче. Я должен как следует ее втереть.

Аббат вопил, визжал и бился, но Харкорт с помощью Иоланды держал его, пока Шишковатый втирал свою мазь. Когда аббата наконец отпустили, он сел, скривившись от боли.

— Могли бы быть со мной поласковее, — пожаловался он. — С людьми в моем сане нельзя обращаться так грубо. А ты, — он повернулся к Шишковатому, — мог бы не так стараться, никакой необходимости в этом не было.

— Я хотел покончить с этим побыстрее, — сказал Шишковатый, — Но мазь надо втирать как следует, иначе от нее не будет никакой пользы.

Харкорт натянул на аббата сутану и принялся снова завязывать пояс. Аббат оттолкнул его руку.

— Я прекрасно могу сделать это и сам, — сказал он.

— Сварливый у нас больной, — заметил Шишковатый. — Никакой благодарности за все, что мы для него сделали.

Иоланда подобрала кинжал, который уронила на землю, и вытерла его сначала о траву, а потом о свой плащ, уже давно не белый, а заляпанный грязью и весь в жирных пятнах. Теперь, когда к этому прибавилась еще и кровь с кинжала, он

стал выглядеть особенно живописно. Подойдя к мертвой гарпии, Иоланда ногой перевернула ее на спину. Из тела гарпии торчал обломок стрелы.

— Ничего этого не случилось бы, — сказал Шишковатый, — если бы мы оставили ее в покое. Она бы все равно издохла. И нечего было ее трогать. Когда видишь змею с перебитым хребтом, не надо пытаться ее вылечить. Я ведь тебя предупреждал, — повернулся он к аббату. — Говорил, чтобы ты отошел подальше. Но ты со своей мудреной христианской этикой…

— С самого начала, как только мы отправились в путь, ты позволяешь себе отпускать ехидные замечания по поводу моих христианских чувств, — огрызнулся аббат. — Вот что я тебе скажу — что бы ты ни думал о моей христианской этике, она куда лучше любой другой. И той, которой придерживаешься ты, в том числе.

— Я никакой этики не признаю, — ответил Шишковатый. — С точки зрения любой религии я совершеннейший безбожник, ведь я вообще ни во что не верю. Я только не могу понять, почему так изменились твои взгляды. В первый же день ты со своей огромной булавой набросился как бешеный на тот лесной бугор и сровнял его с

землей, даже не зная, что это такое. А теперь, очертя голову и невзирая ни на какие предупреждения, кидаешься на помощь заклятому врагу, и, больше того…

— Прекрати немедленно, — сказал ему Харкорт повелительным тоном. — Ты уже который день пристаешь к аббату. И без всякого повода, а просто чтобы его позлить. Не понимаю, что за удовольствие это тебе доставляет, но, ради бога, прекрати.

— Все дело в том, что при этом он ничего такого в виду не имеет, — сказал аббат. — Говорит, что не признает никакой этики, но это вовсе не так, хотя его этика временами выглядит довольно забавно. Хвастает, будто он безбожник, но он никакой не безбожник, и, больше того…

— И ты тоже замолчи, — перебил его Харкорт. — Замолчите оба.

— Ну хорошо, — сказала Иоланда, — теперь, когда все помирились, что мы будем делать дальше?

— Пойдем вперед, — ответил Шишковатый. — Здесь оставаться опасно. Как только слухи разнесутся по округе, здесь отбоя не будет от любопытных, которые захотят поглазеть на поле боя. И от мародеров тоже, скорее всего. Там много

чего можно подобрать.

— Сдается мне, — проворчал аббат, — что с той самой минуты, как Жан перевез нас через реку, мы все время спасаемся бегством. То кто-то за нами гонится, то нам кажется, что кто-то за нами гонится.

— Так или иначе, — решительно сказал Харкорт, — я считаю, что Шишковатый прав. Надо двигаться вперед как можно быстрее. Как насчет этого, Гай? Осилишь?

Аббат с трудом поднялся.

— Осилю, — сказал он. — Хуже всего эта проклятая мазь, которой вы меня вымазали. До сих пор еще жжет.

— Раны были довольно глубокие, — сказала Иоланда. — Через некоторое время ты весь одеревенеешь. До тех пор нужно пройти как можно дальше.

— Тогда давайте трогаться, — сказал аббат. — Вопрос в том, в какую сторону.

— По-прежнему на запад, — ответил Харкорт, — надеясь, что не ошибся.

Глава 19

Задолго до того, как село солнце, принялся моросить дождь, мелкий, но равномерный и непрерывный. Судя по всему, он зарядил до утра, а то и на весь следующий день. Путники занялись поисками места, где можно было бы укрыться на ночь, но не могли найти ни пещеры, ни заброшенной крестьянской хижины, ни ветхого амбара или навеса, ни даже густого сосняка, который хоть на самом деле и не защищает от дождя, все же может послужить хоть каким-то укрытием.

После нескольких часов ходьбы аббат начал спотыкаться. Ноги его то и дело подкашивались, он что-то бормотал на ходу и, казалось, временами переставал понимать, что происходит. Иоланда шныряла впереди в поисках хотя бы относительно сухого места, а Харкорт и Шишковатый вели под руки шатавшегося аббата.

— Надо бы ему прилечь, — сказал Шишковатый. — Он весь горячий и раскраснелся. Видно, что горит в лихорадке. Я был прав, у этой гарпии на когтях и зубах был яд.

Но это еще не все, подумал Харкорт. У них так и не было возможности просушить одеяла, вы-

сохшие накануне ночью во время грозы. Теперь они еще больше вымокли, и не во что было завернуть аббата, когда его начинал бить озноб. Можно было, конечно, развести костер, потому что даже в самую дождливую погоду всегда найдется немного сухого хвороста, но им нужен был не просто костер. У них на руках был больной, который нуждался в уходе, а обеспечить ему уход они не могли.

«Все идет не так, как надо, — думал Харкорт. — С самого начала все шло не так, как надо. Мы с аббатом гонимся за несбыточными мечтами. А другие двое отправились помогать нам в этой бессмысленной погоне. Иоланда — потому, что ее приемные родители с незапамятных времен служат Харкортам, а Шишковатый — из любви к старику, который ему больше чем брат, и ко мне, которого ребенком качал на коленях. Гай ищет кристалл Лазандры, в котором, если верить легенде, заключена душа святого, но нет никаких доказательств того, что такой кристалл существует на свете, что в нем заключена какая бы то ни было душа, не говоря уж о душе святого. А я, Чарлз Харкорт, гонюсь за воспоминанием о женщине, которая скорее всего вот уже семь лет как мертва и лица которой я уже не помню».

Не так давно он запретил себе поддаваться сомнениям, но сейчас сомнения его одолели. Наверное, их порождали дождь, моросивший не переставая, промозглая сырость в воздухе, наступавшие сумерки. Но как он ни пытался с помощью логических рассуждений отогнать тоску, сомнения не уходили.

«Я ничего не знаю, — говорил он сам себе. — Я не могу ничего решить. Прав я или нет? Правы мы все или нет? Не лучше ли было нам оставаться дома? Нужно ли было нам, увлеченным эмоциями и надеждами, пускаться в эту авантюру?»

Аббат покачнулся и начал падать. Харкорт попытался удержать его, но рука его соскользнула. Шишковатый, все еще держа аббата под руку, тоже упал на колени, не выдержав его веса. Лежа ничком, аббат продолжал бормотать что-то невнятное. Попугай взлетел с его плеча и кружил над ними, оглашая воздух отчаянными воплями.

Шишковатый поднял голову и взглянул на Харкорта.

— Мы должны что-то сделать. Надо найти место, где можно укрыться от дождя и согреть его. Иначе ему конец.

Дождь по-прежнему падал на них косыми серебристыми струями. Вдруг в серебре мелькнуло

что-то белое, и они увидели, что перед ними стоит Иоланда, промокшая до нитки и еще более тоненькая, чем всегда: пропитанный влагой плащ на ней не драпировался складками, а облепил ее стройную фигурку.

— Я нашла укрытие, — сказала она. — Там, в глубине леса, есть хижина. Из трубы идет дым, а в окне виден свет.

— А кто там живет? — спросил Шишковатый. — Чья она может быть?

— Неважно, — сказал Харкорт. — Чья бы ни была, мы займем ее на эту ночь. Бери его за ноги, а я за плечи. Мы его понесем.

Нести аббата было нелегко — весил он немало. Его свисающий зад то и дело задевал за землю. Но они, согнувшись под его тяжестью, кряхтя и задыхаясь, тащили его дальше и дальше. Время от времени они клали его на землю, чтобы отдохнуть, но ненадолго, а потом снова поднимали, чтобы пронести еще немного.

Наконец они увидели за деревьями огонек и вскоре подошли к двери хижины. Опустив аббата на землю, они остановились, и Иоланда постучала в грубо сколоченную дверь. Хижина была жалкая, кое-как сложенная из неотесанных бревен и жердей, с одним-единственным окошеч-

ком. Когда-то оно было застеклено, но несколько стекол разбилось, и проемы были забиты кусками дубленой кожи. Сбоку торчала грубая глинобитная труба, из которой поднимался дым.

Иоланда постучала еще несколько раз, но никто не выходил. Наконец дверь чуть приоткрылась, и в щели показалось чье-то лицо. Но щель была такая узкая, что разглядеть, кто стоит за дверью, было невозможно.

— Кто там? — послышался шамкающий, дрожащий голос. — Кто стучит ко мне в дверь?

— Путники, которые нуждаются в убежище, — ответила Иоланда. — Один из нас болен.

Дверь приоткрылась шире, и стало видно, что за ней стоит древняя старушка, вся седая и с таким сморщенным лицом, что сразу было видно: зубы у нее давно выпали. Одета она была в какие-то лохмотья.

— Смотри-ка, тут девчонка, — сказала она. — Вот уж не думала, что ко мне может постучаться девчонка. А кто-нибудь еще с тобой есть?

— Нас четверо. Один из нас болен.

Старушка распахнула дверь.

— Тогда входи, дитя мое. И остальные тоже пусть войдут. Старуха Нэн никогда не отказывает в крове тем, кто в нем нуждается. Особенно

больным. Заходите и садитесь поближе к огню, а в скором времени я вас чем-нибудь покормлю, хотя за вкус не ручаюсь.

Харкорт и Шишковатый подняли аббата и внесли его в хижину, а старуха Нэн закрыла за ними дверь. Хижина была крохотная, но все же немного больше, чем она казалась снаружи. В очаге пылал огонь, рядом лежал запас дров. Пол был земляной, и в стенах зияли огромные щели, в которых свистел ветер, но у огня было тепло и сухо. Перед очагом стоял единственный плетеный стул, а у стены — убогая низкая кровать. В углу был большой, прочный стол, на котором валялись миски, кружки и несколько ложек; там, где стол упирался в стену, лежали стопкой несколько свитков пергамента.

Старуха, что-то приговаривая про себя, семенила впереди Харкорта и Шишковатого.

— Положите его вон туда, — сказала она, указав на кровать, — и снимите с него мокрую одежду. Я сейчас найду овчины, чтобы его укрыть. Бедный человек, что это с ним?

— Мадам, его укусила и поцарапала гарпия, — ответил Шишковатый.

— Ох уж эти злобные твари. — воскликнула старуха Нэн. — Они хуже всех. Такие грязные, что

даже дотронуться до них смертельно опасно, и воняют за версту.

Харкорт и Шишковатый уложили аббата на кровать, и старуха Нэн, разглядев его; удивленно сказала:

— Да он из духовных! Как же это его сюда занесло? Здесь таким, как он, вовсе не место.

И она поспешно перекрестилась.

— Он здесь по богоугодному делу, — объяснил Харкорт. — Он аббат из аббатства, что на том берегу реки.

— Аббат! — воскликнула она. — Аббат у меня в доме!

— Ты что-то говорила про овчины, — напомнил ей Харкорт.

— И то правда, — спохватилась она. — Сейчас принесу.

Шишковатый раздел аббата, и старуха Нэн, принеся откуда-то несколько овчин, одной из них обтерла его досуха, а остальными укрыла.

— Он или спит, или в бреду, — сказал Шишковатый Харкорту, — Все время что-то бормочет.

Попугай устроился на спинке стула перед очагом, но старуха Нэн, направляясь к очагу, чтобы помешать в горшке, сердито столкнула его оттуда.

— Откуда взялась тут эта птица? — сердито спросила она. — Раньше ее здесь не было.

— Она с нами, — ответил Харкорт. — Это птица аббата.

— Ну, тогда ладно. Только зачем аббату такая нелепая птица?

— По-моему, она ему вовсе не нужна, — сказала Иоланда. — Она сама за ним увязалась.

Старуха, склонившись над огнем, мешала что-то в горшке.

— У меня сегодня большой день. Весь вечер являются незваные гости. А ну-ка, вылезай оттуда! — прикрикнула она, взглянув в угол.

Все повернулись посмотреть, к кому она обращается. В углу лежало что-то похожее на кучу тряпья. Куча нехотя шевельнулась, ожила, разогнулась и встала. В пляшущем свете очага блеснули обломки клыков. Из облезлой меховой куртки во все стороны торчали клочья, а на шее болталась веревочная петля.

— Да это наш тролль! — воскликнул в изумлении Харкорт. — Тот, что хотел повеситься.

— Это несчастное бестолковое существо, — сказала старуха Нэн. — Отвергнутое своим племенем, без единого друга на свете. За неимением лучшего он обратился за помощью ко мне.

Я хотела отвязать у него с шеи веревку, но он не дался. Он носит ее как знак своего позора и снять никак не соглашается.

Аббат на кровати застонал. Попугай из темного угла забормотал что-то в ответ. Старуха взяла со стола миску, налила в нее что-то из горшка, стоявшего на очаге, и протянула Шишковатому.

— Вот, влей немного в рот своему приятелю. Это согреет ему кишки.

— Он весь горит, — сказал Шишковатый. — Лицо раскраснелось, и лоб горячий. Это яд, который попал в раны. Я втер в них мазь, но толку от этого мало.

— Яд нужно обезвреживать изнутри, а не снаружи, — сказала старуха Нэн. — Возьмите-ка все по миске и поешьте похлебки, что стоит на огне. И ты тоже, — сказала она троллю. — Тебе тоже надо подкрепиться. А пока вы будете есть, я приготовлю для вашего аббата питье, которое поможет ему бороться с ядом. Подвинь-ка стул вот сюда, — сказала она Харкорту, — залезь на него и достань из-под крыши то, что я скажу.

Харкорт поднял глаза и увидел, что под самой кровлей висят аккуратные пучки трав и кореньев.

— Я всё туда вешаю, чтобы уберечь от мышей,

они тут кишмя кишат, — пояснила старуха.

Харкорт пододвинул стул, залез на него и принялся подавать ей травы, на которые она указывала.

— Ну вот, — сказала она наконец, — думаю, этого хватит. Я тут буду кое-что напевать про себя, пока питье варится, так вы не обращайте внимания. Не думайте, пожалуйста, что это просто старушечья блажь. Так сказано в рецепте, и хоть я подозреваю, что все это совсем лишнее, все-таки никогда не пропускаю ни единого слова — а вдруг и в самом деле так надо?

Опустившись на колени перед очагом, она принялась толочь и растирать разнообразные травы, которые подавал ей Харкорт, и перемешивать их в большом горшке, куда время от времени добавляла какие то жидкости из маленьких пузырьков и порошки из причудливо расписанных коробочек. При этом она не переставая приговаривала что-то нараспев — не то заклинания, не то молитвы. Путники во все глаза смотрели на это странное зрелище, продолжая в то же время уписывать похлебку, потому что изрядно проголодались, хотя нельзя сказать, чтобы она отличалась изысканным вкусом. Глотая ложку за ложкой, Харкорт старался не думать о том, из

чего она сварена — из крыс, мышей, головастиков или жаб.

Наконец питье было готово, и старуха Нэн сказала Харкорту:

— Подержи-ка своего приятеля, пока я буду в него это вливать.

Аббат все еще что-то бормотал и, казалось, не понимал, где находится, но когда Харкорт подошел к нему, крепко схватил его за руку и не хотел отпускать. Когда старуха подносила к его губам ложку с питьем, он делал слабые попытки сопротивляться, но в конце концов ему приходилось глотать понемногу, хотя гораздо больше стекало ему на бороду.

— Ну, наверное, хватит, — сказала наконец старуха. — Кое-что он все-таки проглотил. Через некоторое время попробуем еще раз. К утру ему должно полегчать.

Она и Харкорт вернулись к очагу, где сидели остальные. Шишковатый подбросил дров, и пламя разгорелось ярче. Иоланда пыталась поддерживать разговор с троллем, но без особого успеха. Он сидел съежившись и крутил в руках конец веревки, свисавшей с его шеи.

— Он рассказал мне кое-что про себя, — сказала старуха Нэн. — Это грустная история. Вы знаете,

что тролли могут жить только под мостами. Не знаю почему, на мой взгляд, это какая-то нелепость. Но это факт: единственное подобающее для них место — под мостом. У этого бедняги был свой мостик, очень скверно построенный — может быть, даже временный, всего-навсего несколько бревен, перекинутых через овраг. По оврагу бежал крохотный ручеек, а в жаркое лето, в засуху, он вообще пересыхал. Конечно, этот мостик ни в какое сравнение не шел с большими, настоящими каменными мостами через ревущие потоки, которые никогда не пересыхают. Наш тролль очень переживал по этому поводу. Рядом со всеми остальными троллями он чувствовал себя бедным родственником. Они смотрели на него сверху вниз из-за того, что у него такой скверный мостик. Или, может быть, ему это только казалось, так тоже бывает. Он изо всех сил старался поддерживать свой мостик в приличном виде и даже пробовал его перестроить. Чтобы можно было им гордиться. Но выйти из этого, похоже, все равно ничего не могло, да и строитель из него, по-моему, никудышный. Понимаете, тролли вообще туповаты, но этот особенно. Намного ниже среднего. И что бы он ни делал, о чем бы ни мечтал, его мост становился все хуже и хуже.

Ветшал с каждым годом, а бревенчатые сваи, на которых он держался, все больше подмывала вода. К тому же они начали гнить — ведь даже добрые дубовые бревна со временем подгнивают. А недавно случился сильный ливень, вода в овраге поднялась выше обычного, и мост совсем снесло. Так что вот этот наш приятель, что сидит такой несчастный у очага, лишился своего моста и остался бездомным. Будь он человеком, он бы знал, что делать. Срубил бы несколько дубов, если бы, конечно, мог где-то достать топор, подтащил бы их к оврагу и перекинул бы через него. Потом устроил бы поверх настил, и получился бы мост, который мог бы простоять еще несколько столетий. Но у троллей это не принято. Тролль не должен сам строить себе мост. Такой поступок у них считается — как бы это сказать? — наверное, аморальным. Тролли не должны строить мосты, они должны жить под мостами, которые построены кем-то еще. И вот наш приятель остался бездомным и бесприютным. Как он мог поступить? Ну, во-первых, обратиться к себе подобным и воззвать к их милосердию. В минуту слабости он так и сделал. Он обошел несколько других мостов, хороших, крепких мостов, каждый из которых был куда лучше, чем его жалкий мостик,

и говорил тем, кто под ними жил: «Прошу вас, дайте мне пожить у вас. Пустите меня под свой мост хотя бы на день-два, дайте мне время прийти в себя и подумать, что теперь делать. Всего несколько дней передышки, больше я не прошу. Всего несколько дней, чтобы собраться с мыслями и решить, что делать дальше. Чтобы залечить свою рану и немного оправиться». А они подняли его на смех и прогнали. Они не сжалились над ним, не проявили милосердия. Как будто он не такой же, как они. Вот почему вы нашли его на дереве у Колодца Желаний с петлей на шее. И вот почему этот бедный дурачок прыгнул с дерева, не рассчитав длины веревки. Кто вы такие, я уже знаю. Молва о вас идет здесь уже много дней, а рано или поздно всякая молва доходит и до меня. Я не догадалась, кто вы, когда вы постучались ко мне, но теперь знаю. Как только вы вошли в мою жалкую хижину, мне все стало ясно. Вы — те, кто убил дракона, того самого, у которого тоже была веревка на шее.

— Что-то я ничего такого не заметил, — сказал Шишковатый. — Чарлз, ты не видел, была у того дракона веревка на шее?

— Точно не знаю, — ответил Харкорт. — Может, и была.

— Кое-кто говорит, что я колдунья, — сказала старуха Нэн. — Но я не колдунья. Во мне нет ничего сверхъестественного, хоть я и интересуюсь этим немного. Я умею готовить кое-какие целебные снадобья, — так, ничего особенного, просто знаю кое-что о свойствах кореньев, древесной коры, листьев и плодов разных растений. Никакого чародейства тут нет, хоть я и приговариваю всякие древние заклинания. На мой взгляд, ничего не надо упускать, даже если иногда это и сущая чепуха. Вот почему я на всякий случай произношу кое-какие заклинания, хоть и убеждена, что от них нет никакой пользы и придумали их только для того, чтобы морочить голову непосвященным.

Стояла глухая ночь, и ветер бушевал вовсю. Его порывы сквозь зияющие щели проникали и в хижину, но жар от очага согревал ее. Снаружи шумел лес, обступивший хижину, а когда ветер на мгновение ослабевал, издалека слышались завывания волков.

— Несколько дней назад в лиге с небольшим отсюда произошла битва, — сказала Нэн. — Нечисть перебила римский легион. Как же в такое время могли решиться бродить здесь четверо людей? Это верх безрассудства.

— А жить прямо здесь — не большее безрассудство? — возразил Харкорт.

— Ну, мне-то мало что грозит, — ответила старуха Нэн. — Я совершенно безобидна, и это все знают. Кроме того, иногда я приношу им пользу своими снадобьями. Не будь здесь меня, кто бы их лечил? Вы ведь знаете, что у Нечисти нет своих докторов. Если они и пытаются как-то помочь своим больным или раненым, то только чародейством, а чародейство, если не знаешь толком, как им пользоваться, обычно никакой пользы не приносит. Вот они и приходят ко мне — не все и не всегда, но кое-кто приходит, и я зашиваю им раны, перевязываю, даю им очистительного и вообще делаю все что надо. Поймите меня правильно — я не такой уж им друг. Они меня не любят и не слишком уважают, но иногда не могут без меня обойтись. Вот почему они оставляют меня в живых. После той битвы, о которой я говорила, у меня побывало несколько раненых. Одна была фея с крылом, изодранным в клочья. Я попыталась зашить его, кое-как привела в порядок. После этого она снова смогла летать, правда, немного накренившись набок. А потом пришел великан отвратительного вида, у которого отрубили хвост. Он нес этот отрубленный

хвост в руках и был уверен, бедняга, что я смогу снова прирастить его на место. Мне пришлось долго ему объяснять, почему это невозможно, он ушел очень недовольный. И хвост унес с собой. Я ему говорила, что мы постигли далеко не все тайны чародейства и владеем только самыми примитивными чарами, но он, по-моему, не поверил, потому что принялся ругаться и угрожать. Я, конечно, знала, что все это пустые угрозы, и не обратила на них никакого внимания. Хотя то, что я ему сказала, — чистая правда. В чародействе, может быть, и есть много истинного, и если бы это как следует понять, наверняка можно найти способ надежно им пользоваться. Но мало кто этим занимался, и как следует разобраться в этом никто не пытался. Почти для всех, включая и большую часть чародеев, все сводится к заклинаниям. Они, конечно, иногда оказывают действие, но только потому, что на протяжении веков кое-кто случайно наткнулся на те слова, которые оказывают действие, а потом они добросовестно передавались из поколения в поколение. Но хотя они действуют, никто не знает — почему. А чтобы использовать все возможности магии, нужно знать, почему она действует. Кое-что мне, может быть, удастся узнать. Я уже много лет занимаюсь

этим здесь — чтобы никто мне не мешал. Если бы я работала в мире людей и они узнали бы, что я делаю, — а они наверняка узнали бы, — они целыми толпами стучались бы ко мне в дверь, умоляя о помощи, стремясь поделиться своими советами, желая помочь или возмущаясь тем, что я делаю. Это затруднило и замедлило бы мои исследования, а мне и так не хватает времени на то, чтобы проникнуть хотя бы в какие-то начатки, которые можно было бы передать другим. Вы видите там, на столе, свитки…

— Да, я их заметил, — сказал Шишковатый. — И подумал, что это может быть.

— Это коллекция самых обстоятельных трактатов и трудов, которую я собрала за эти годы. Кое-что в них, разумеется, сущая чепуха. Но среди них на удивление много знаний, добытых самоотверженным трудом тех, кто на протяжении столетий исследовал магию всерьез. Я надеюсь, что, изучив их труды, смогу сделать те первые шаги, о которых говорила, — приблизиться к пониманию сущности магии, найти некоторые основополагающие начала, которые покажут путь к овладению ею.

— И как идут у тебя дела? — спросил Харкорт. — Успешно?

— Более или менее, — ответила она. — Я, кажется, начинаю видеть первые проблески смысла. Не то чтобы я надеялась дожить до того времени, когда все тайны будут раскрыты, но, по крайней мере, кое-что я уже могу передать другим.

Шишковатый встал. У очага все еще сидел съежившись тролль.

— Поглядите на этого дурачка, — сказала старуха Нэн. — Даже когда я о нем говорила, даже когда рассказывала его историю, он и слова не промолвил. Мне в первый раз попадается такой недоумок.

Из темного угла хижины донесся пронзительный голос попугая.

— Недоумок! — прокричал он. — Недоумок! Дурачок! Недоумок!

Никто не обратил на него внимания. Тролль все сидел съежившись и крутил в руках свою веревку. Шишковатый подошел к столу, взял несколько свитков и вернулся к очагу. Он присел на корточки поближе к огню и принялся осторожно разворачивать их один за другим, низко склонившись и придвинувшись поближе к свету. Через некоторое время он удивленно поднял глаза.

— Да это труды величайших умов прошло-

го! — сказал он. — Я не читал этих книг, но имена авторов мне знакомы. Как все это к тебе попало?

— Собрала понемногу, — ответила Нэн. — Много переписывалась со своими друзьями. Я потратила на это много лет. А когда у меня собралось все, что я могла заполучить, я уединилась здесь, где обо мне никто ничего не знает и не может мне помешать, где я могу работать спокойно. Вот уже много лет я подолгу сижу за этим столом, перечитывая рукописи, пытаясь их понять, делая свои записи и размышляя. Время от времени я брожу по лесу, продолжая думать, разговаривая сама с собой, сопоставляя мысли этих ученых, размышляя о том, что ими написано. Кое-что я принимаю, но куда больше отбрасываю. Я стараюсь как можно лучше разобраться, отсеять мякину заблуждений и выделить зерно истины. Нечисть подглядывает за мной — я уверена, что она следит за каждым моим шагом. Видя, как я брожу по лесам, разговаривая сама с собой, они, наверное, думают, что я сумасшедшая. Это, может быть, отчасти спасает меня от их злобы, потому что они по своему неразумию не трогают сумасшедших. Но я, кажется, слишком много говорю о своих делах. Нельзя так увлекаться. Расскажите мне лучше о себе. Когда ваш спутник поправится,

вы думаете двигаться дальше?

— Мы ищем древний храм, — сказал Харкорт. — Он где-то на западе отсюда, хотя неизвестно, где именно и сколько до него еще идти. И как он называется, нам тоже неизвестно. Мы почти ничего о нем не знаем, кроме того, что он существует.

— Это паломничество, в которое мы отправились исключительно из благочестия, — поспешно вставил Шишковатый.

— Погодите! — воскликнула старуха. — Да ведь это, наверное, то самое место, куда я хожу за своими целебными травами!

— Ты хочешь сказать, что знаешь это место? — спросила Иоланда.

— Кажется, да. Никакого другого храма я здесь не знаю, это единственное здание, достаточно большое и величественное, чтобы так называться. Хотя я не знала, что это храм, — я вообще не знала, что это такое. Я знала только одно: что это давно заброшенное место, где когда-то христиане поклонялись Богу. Там есть кресты, и могилы, и древнее кладбище…

— Ты часто туда ходишь, — сказал Шишковатый. — Значит, ты знаешь дорогу?

— Не так уж часто я туда хожу. Только когда у меня кончаются запасы, и еще в определенное

время года, когда кое-какие травы созревают или их легче собирать. Мне много чего удается найти на том кладбище и в саду — когда-то, наверное, это был прекрасный сад, только теперь он весь зарос сорняками и бурьяном, хотя там еще попадаются кое-какие травы, которые остались с прежних времен.

Она поднялась с пола, где сидела, и сняла с огня горшок с питьем, в котором время от времени помешивала.

— Пора дать аббату еще немного, — сказала она.

Шишковатый подошел вместе с ней к кровати, встал на колени и приподнял аббата, чтобы она могла поить его с ложки.

— Он как будто не такой горячий, — сказал Шишковатый, — и лицо у него все в поту.

Нэн склонилась над аббатом и положила руку ему на лоб.

— Ты прав. Жар проходит.

Она приподняла овчины, которыми был накрыт аббат, и осмотрела раны у него на ногах.

— Начинают понемногу затягиваться. На вид совсем неплохо. Должно быть, та мазь, которой ты его мазал, имеет большую силу.

— Это очень древняя мазь, — сказал Шишкова-

тый. — Это — мазь моего племени. Она известна нам с незапамятных времен.

— Конечно, мое питье тоже помогло, — сказала старуха, — но я склонна думать, что главное целебное действие оказала мазь. В ней есть какая-нибудь магическая сила?

— Никакой магии. Просто нужно смешать кое-какие составные части, которые, правда, не так легко раздобыть, и тщательно соблюдать все правила при ее приготовлении.

— Он крепко спит, — сказала Нэн, — и это хорошо: сон восстановит его силы и поможет действию лекарств. Утром он проснется другим человеком, хотя раны все еще будут побаливать. Ну-ка, подними его немного повыше.

Она влила в рот аббату ложку питья, тот поперхнулся и закашлялся, но очнулся только на мгновение и сразу же снова погрузился в сон.

Вернувшись к огню, Шишковатый сказал Харкорту:

— Нэн говорит, что ему гораздо лучше и что утром он проснется другим человеком.

— Как быстро, — сказал Харкорт. — Я не думал, что он так быстро оправится.

— Наш аббат здоров, как лошадь.

— Мы явились к тебе незваными, — сказал

Харкорт старухе Нэн, — и, возможно, подвергаем тебя опасности. Как ты думаешь, сможем мы двинуться дальше через несколько часов? Скажем, на рассвете? Мы с Шишковатым поможем аббату идти, если понадобится.

— Вам совсем незачем уходить, — ответила Нэн.

— Но стоит Нечисти узнать, что ты дала нам приют…

— Я вот о чем думаю, — перебила его Нэн. — Может быть, когда вы будете уходить, и я пойду с вами. Сейчас как раз подходящее время года, чтобы поискать в саду храма травы, которые мне нужны.

— Ты хочешь сказать, что покажешь нам дорогу?

— Вы могли бы и сами ее найти. Найти ее не так уж трудно. Но если я пойду с вами, то, конечно, доведу вас до храма. Так вам, может быть, будет легче.

— Я думаю, если аббату это под силу, нам надо бы отправляться в путь как можно скорее, — сказала Иоланда. — Я развесила наши одеяла у огня, они уже совсем высохли. Мне станет гораздо спокойнее, когда мы доберемся до храма.

— Мне тоже, — поддержал ее Шишковатый.

— Гроза прошла, — продолжала Иоланда, — и небо почти чистое. Светит луна. Завтра будет хорошая погода.

— Все зависит от того, как чувствует себя аббат, — сказал Шишковатый.

Тролль все еще сидел съежившись в дальнем углу у очага. С шеи у него по-прежнему свисала веревка, и он был занят тем, что пересчитывал пальцы то на одной, то на другой руке, низко наклонив голову и распустив слюнявые губы. Заметив, что Харкорт смотрит на него, он еще ниже опустил голову, но перестал считать пальцы.

Харкорт оглядел крохотную полутемную комнатку. В углу спал аббат. Он уже не метался во сне и не стонал, как прежде. Он глубоко дышал, и грудь его равномерно вздымалась и опускалась.

Слава Богу, прошептал про себя Харкорт. Во время грозы, до того, как они вышли к избушке, он начал серьезно опасаться за жизнь аббата. Если бы Иоланда не разыскала хижину и в ней не оказалось бы Нэн с ее знанием целебных трав, сейчас дело могло быть совсем плохо.

Он спросил Нэн:

— Когда ты бывала в храме, тебе не доводилось встречать там священника?

— Один раз, — ответила она. — Такой малень-

кий суетливый человечек, очень добрый. Но совсем дряхлый, его ветром может унести.

— Ты разговаривала с ним? Не говорил он тебе, что он там делает?

— Только однажды. Мы обменялись несколькими словами, пока я копалась в саду. Он сказал, что когда-то это, наверное, был прекрасный сад. Что очень жалко, когда за таким садом некому ухаживать. И тут же куда-то исчез. — После некоторого колебания она продолжала: — А как он там оказался и что делает, я не имею ни малейшего понятия. Он, конечно, не назначен туда официально Церковью. Это место — вы называете его храмом, и, должно быть, так оно и есть, — заброшено уже много лет. Однако в том, что он там живет, нет ничего особенного. По всем Брошенным Землям попадаются такие, как он, — перебравшиеся сюда священники или самозваные миссионеры, которые считают, будто само их присутствие означает, что эти места не покинуты Церковью. Кое-кто из них, может быть, думает, что сумеет обратить Нечисть в истинную веру. Это, конечно, глупость, потому что ни у кого из Нечисти нет души, обратить ее можно только формально.

— Да, я знаю, — сказал Харкорт, вспомнив уби-

того старика и его водяное колесо.

Кто-то потянул его за рукав, он обернулся и увидел, что это тролль.

— Прошу тебя, господин, — сказал тролль, жалобно пришепетывая, — не слышал ли ты, нет ли где хоть какого мостика.

— Поди прочь! — крикнул Харкорт. — Не трогай меня своими грязными руками!

Тролль снова забился в угол.

— Что случилось? — спросила Иоланда.

— Да это все тот окаянный тролль. Он спросил, не слыхал ли я о каком-нибудь мостике.

— Бедняга, — вздохнула Иоланда. — Ему так нужен мостик…

Глава 20

Отправиться в путь на следующий день, как было решено ночью, они не смогли, а остались, чтобы дать аббату восстановить силы. К вечеру он уже встал с постели и отдал должное жаркому из оленя, которого подстрелил утром Шишковатый. Нэн жаркое понравилось не меньше, чем аббату.

— Мне редко удается поесть мяса, — сказала она. — Охотник из меня никудышный, а те из Нечисти, кто ходит ко мне лечиться, или на перевязку, или еще за какой-нибудь помощью в этом роде, никогда не приносят мне ни еды, ни других даров. Они считают, что и без этого имеют право на мои услуги. Они редко разговаривают вежливо, и ни один еще ни разу меня не поблагодарил.

— Ничего другого и нельзя ждать от этих существ, лишенных души, — сказал аббат. — Они иначе устроены. Они хуже животных. Даже лошадь, собака или кошка могут привязаться к человеку и испытывать благодарность за пищу и заботу.

— Время от времени они приносят мне свитки, — сказала она. — Они находят их в развалинах человеческих построек. По-моему, они думают,

что свои познания в медицине и магии я черпаю из книг и что, принося мне книги, они действуют на благо самим себе. Хотя на самом деле от этих свитков мне обычно толку мало. Это по большей части стишки, или древние рыцарские повести, или еще какие-нибудь никчемные писания в том же роде.

Путники с большим удовольствием провели день у старухи Нэн, а вечером, выставив дозорного, рано улеглись спать, чтобы получше отдохнуть и утром пораньше тронуться в дорогу. Правда, аббат все время жаловался на ужасный зуд в заживающих ранах, проклиная Шишковатого с его мазью, но похоже было, что он снова полон сил и рвется возобновить путешествие.

— Сколько еще идти до храма? — спросил он Нэн. — Чарлз сказал, что ты разговаривала со священником, который там живет.

— Самое большее два дня, — ответила она. — И дорога хорошая. Да, я говорила со священником, но только один раз, да и то очень мало. А почему ты о нем заговорил?

— Мы надеемся, — сказал аббат, — что он располагает кое-какой информацией, которая нам необходима.

— Я не спрашивала вас о цели вашего опасного

паломничества, — сказала она, — и не хочу совать нос в ваши дела. Но это, наверное, какая-то важная для вас цель.

— Она для нас жизненно важна, — подтвердил аббат. — Может быть, она жизненно важна для самой Церкви.

На следующее утро они двинулись в путь. Старуха Нэн отправилась с ними, а сзади робко плелся тролль.

День выдался погожий. Лес был одет в мягкую, нежную весеннюю зелень, а землю под деревьями сплошь покрывал ковер диких цветов. Никаких троп в лесу не было. Нэн шла впереди, остальные следовали за ней, благодарные за то, что она взялась их вести, потому что никаких ориентиров в лесу не было.

Нечисть не показывалась. «Неужели мы наконец от нее оторвались?» — думал Харкорт, но старался отгонять от себя эту мысль и держаться постоянно настороже. Однако за весь день они никого не повстречали.

Аббат держался на удивление хорошо. Харкорт и Шишковатый постоянно поглядывали на него и то и дело устраивали привалы, чтобы он мог отдохнуть, а он ворчал: «Знаю я вас. Нечего со мной нянчиться», — но более категорических

протестов не высказывал, и Харкорт подозревал, что он только благодарен им за эти привалы.

На ночлег они остановились под деревьями у родника, который бил из земли у самого подножья небольшого пригорка. Нэн и Шишковатый принялись готовить еду. Харкорт немного поднялся по склону пригорка и сел, прислонившись спиной к огромному дубу и внимательно поглядывая по сторонам, не покажется ли Нечисть.

Через некоторое время он услышал шорох сухих листьев, обернулся и увидел, что это Иоланда. Она подошла и села рядом.

— Мой господин, — сказала она, — ты чем-то озабочен. Ты был озабочен весь день. Могу ли я чем-нибудь помочь?

Он покачал головой:

— Нет, я ничем не озабочен. То есть ничем особенным. Сегодня все шло слишком хорошо, это-то мне и не нравится.

— Тебе не нравится, когда все идет хорошо?

— До сих пор мы с боем пробивали себе дорогу в этих местах, — сказал он. — Ну, может быть, не совсем с боем, потому что большую часть времени от кого-нибудь убегали. Убегали и попадали из огня да в полымя. Мы постоянно чувствовали, что за нами кто-то гонится. А сегодня это была

просто какая-то прогулка.

— У тебя слишком много забот, — сказала она. — Ты ни на минуту не даешь себе о них забыть. Все время носишь в себе. Ни с кем не хочешь делиться. Расскажи мне хоть об одной из своих забот. Освободись от нее, раздели со мной.

Он рассмеялся.

— Только об одной, и больше ты не будешь ко мне приставать?

Она кивнула.

— Ну, хорошо, — сказал он. — Только об одной, не больше.

Сразу же, как только он произнес эти слова, в голове у него всплыла мысль, которая постоянно его грызла, хоть он и не отдавал себе в этом отчета. Мысль, которую он отгонял всеми силами и которая только сейчас возникла из глубин его подсознания.

— Помнишь ту ночь, что мы просидели в болоте на куче камней? — спросил он. — Когда мы с Шишковатым забрались на самую верхушку, чтобы оглядеться?

— Помню. Это было неосторожно, вы рисковали жизнью. Туда подниматься было опасно.

— Когда мы снова спустились, — продолжал он, — Шишковатый рассказал вам, что мы там на-

шли. Скелет великана, распятого на сколоченном наспех кресте из кедрового дерева и прикованного к нему цепями. Вы с аббатом слушали, но не слишком внимательно, как будто это пустяк, всего лишь еще один случай в пути. Да и Шишковатый не придал этому особого значения.

— И правильно. Никакого особого значения это не имеет.

— Но как ты не понимаешь? Ведь тот великан умер на кресте.

— Я помню, ты сидел ужасно мрачный, когда Шишковатый об этом рассказывал.

— Тогда, может быть, я не прав?

— А может быть, и прав, только я не понимаю. Скажи мне, что тебя так беспокоит? Не мог же ты пожалеть великана. Ты их не жалеешь. Мой отец рассказывал, как тогда, на стенах замка, ты осыпал их ударами и выкрикивал проклятья, убивая одного за другим.

— Нет, дело не в великане, — сказал Харкорт, — хотя он, наверное, умер мучительной смертью. Должно быть, от жажды. Его приковали там и бросили, и он высох, как лист, упавший с дерева.

— Но если дело не в великане, то в чем же?

— В кресте! — выкрикнул он.

— В кресте?

— На кресте умер наш Спаситель.

— Ну и что? С тех пор еще многие умерли на кресте.

— Крест для нас священен, — сказал он. — Мы молимся перед ним. Мы носим его на шее. Мы венчаем им наши четки. Это святое орудие смерти. Очень плохо, что и другие, как ты говоришь, тоже умирали на кресте. Но великан? Чтобы Нечисть умирала на кресте?!

Она обняла его за плечи и прижала к себе.

— И ты страдал из-за этого? — сказала она. — И никому ничего не говорил?

— Кому мне было об этом рассказать?

— Сейчас ты рассказал об этом мне.

— Да, — ответил он. — Я рассказал об этом тебе.

Она убрала руку с его плеч.

— Прости меня, мой господин. Я только хотела тебя утешить.

Он повернулся к ней, охватил ее лицо руками и поцеловал.

— Ты меня утешила, — сказал он. — Я так нуждался в утешении. Наверное, я глупец, что так расстраиваюсь…

— Ты не глупец, — сказала она. — В тебе есть какая-то неожиданная доброта, и за это все долж-

ны тебя любить.

— Имей в виду, — сказал он, — что я смог рассказать об этом только тебе.

Он сам не знал, зачем это сказал. Ему пришло в голову, что это неправда. Он мог бы рассказать аббату. Нет ничего такого, о чем он не мог бы рассказать аббату. Однако об этом он аббату все же не рассказал.

— Я должна кое о чем с тобой поговорить, — сказала она. — Нэн все время присматривалась ко мне, и очень внимательно. И пыталась меня расспрашивать. Конечно, исподволь, чтобы это не бросалось в глаза. Но в том, что она говорила, таились вопросы.

— Ты ей ничего не сказала?

— Ничего. Ты же сам мне ничего не говорил. Но из того, о чем разговариваете вы трое, из случайно оброненных слов, я поняла.

— Я не собирался ничего от тебя скрывать, — сказал Харкорт. — Я просто…

— Да нет, ничего страшного.

— Как ты думаешь, Нэн хотела расспросить тебя о нашей цели?

— Мне так показалось. И вот еще что. Она не та, за кого себя выдает.

— Что ты хочешь сказать?

— Она одевается в лохмотья, ходит босая, у нее всклокоченные волосы, к которым она не притрагивается гребнем. Она хочет, чтобы мы считали ее просто старой каргой. Но все равно видно, кто она на самом деле.

Харкорт заинтересовался.

— А кто она, по-твоему, на самом деле?

— Когда-то она была благородной дамой. Очень благородной. Такой благородной, что теперь не может этого скрыть. Кое-какие обороты речи, когда она не следит за собой, отдельные движения, манеры. На пальце у нее перстень с камнем, и она хотела бы, чтобы мы считали камень дешевой стекляшкой. Но я знаю, что это не так. Могу поклясться, что это рубин чистейшей воды.

— Откуда ты знаешь?

— Любая женщина тебе сразу скажет. Не мужчина — мужчины на такие вещи не обращают внимания.

— Надо будет взглянуть, — заметил Харкорт. — Хорошо, что ты мне об этом рассказала. А теперь пойдем, пора ужинать.

Ужин был готов, и аббат уже приступил к еде.

— Я слишком проголодался, чтобы дожидаться вас, — сказал он. — Садитесь и скажите, как вам понравится угощение. Наша приятельница Нэн

необыкновенно искусная повариха. Кому еще могло бы прийти в голову поджарить нарезанное мясо с натертым сыром, кусочками сала и травами, собранными в лесу, и все это как следует перемешать? Получилось очень вкусно.

И он снова набил полный рот.

— Этот старый козел уже почти такой же, как раньше, — сказал Шишковатый.

— Если не считать того, что у меня по всему телу зуд от твоей гнусной мази, — проворчал аббат.

— Завтра мы дойдем до храма, — сказала Нэн. — Не рассчитывайте, что после этого я смогу вас кормить, — мне будет некогда, буду собирать коренья и травы.

К вечеру следующего дня, поднявшись на вершину холма, они увидели храм.

— Вот он, — сказал аббат. — Вот наконец этот храм, куда мы столько времени пробиваемся по этой нечестивой стране.

Храм стоял в небольшой долине, по которой извивался прозрачный ручеек. Он был окружен вековыми деревьями, почти скрывавшими его от глаз.

— Мы устроим здесь привал, — сказал Харкорт, — а туда пойдем утром. Я не хочу блуждать в темноте.

Глава 21

Храм был огромен — Харкорт еще никогда не видел такого величественного здания. Каменные стены колоссальной высоты были увенчаны уходящими ввысь башнями, и даже башни казались столь же массивными, как и несущие их устои. Над стенами возвышались крутые скаты крыш, причудливо пересекавшиеся под всевозможными углами по прихоти неведомого зодчего. Утреннее солнце отражалось в красных, зеленых и синих витражах. Все здание дышало былой роскошью и неумирающим величием. Глядя на него, Харкорт не мог не подивиться тому, как могли такое выстроить обыкновенные люди.

Вокруг храма шла невысокая каменная ограда, кладка которой казалась грубой и примитивной рядом с великолепно выложенными стенами самого храма. Кое-где она обвалилась, и видно было, что за ней растет множество плодовых деревьев, многие из которых стоят в полном цвету.

Торжественной цепочкой путники двинулись вдоль южной части ограды к западу. Немного не доходя до места, где ограда поворачивала на север, оказался пролом, через который можно

было подойти к храму. Они обошли западный угол здания и вышли на мощеный двор, откуда поднимались ко входу в храм широкие каменные ступени. Одна из створок тяжелых дубовых дверей сорвалась с петель и лежала на камнях, другая, косо висевшая на месте, была полуоткрыта. С карниза над дверью на путников смотрели оскаленные морды горгулий.

Взглянув на них, Харкорт не то чтобы заметил, а скорее почувствовал, что в них есть нечто странное. Часть их выглядела как-то не так, как другие, — они казались более гладкими и округлыми. Он присмотрелся внимательнее, но не мог понять, есть между ними разница или это ему только почудилось.

— Иоланда, — сказал он девушке, стоявшей рядом, — по-моему, с этими горгульями что-то не так. Они как будто разные.

— Они и не должны быть одинаковые, — ответила она. — Горгульи всегда непохожи друг на друга. Скульптор всегда дает волю фантазии и придает им разное выражение.

— Я не о том, — сказал он. — Дело не в выражении, а в самом материале. Как будто они сделаны из разного камня.

— Это возможно, — ответила она, — но все

же… Погоди, я, кажется, поняла, что ты хочешь сказать.

— Некоторые из них, — сказал он, — напоминают мне ту горгулью, что ты показывала мне у себя в мастерской.

У нее перехватило дыхание.

— Может быть, ты и прав. Похоже, некоторые сделаны из дерева. Не из камня, а из дерева. Если так…

— Но какой в этом может быть смысл? Почему одни высечены из камня, а другие вырезаны из дерева?

— Не знаю. Может, в этом и нет никакого смысла. Может, из тех, что стояли здесь с самого начала, некоторые обрушились, и их на время заменили деревянными, пока не найдется кто-нибудь, кто мог бы снова высечь их из камня.

— Временная замена?

— Да, и никакого особого смысла в этом нет.

— Хватит болтать о каких-то там горгульях, — грубо перебил их аббат. — Мы здесь не для того, чтобы обсуждать архитектурные прелести храма. Давайте-ка поищем этого вашего священника.

— Его не так просто найти, — сказала Нэн. — Он не любит показываться на виду. Как будто боится гостей. Чаще всего он шныряет по углам.

— Странно, — сказал Шишковатый. — Ему здесь должно быть довольно одиноко. Другой на его месте был бы рад гостям и вышел бы им навстречу.

Нэн покачала головой.

— Он странный человечек. Всего один раз он говорил со мной. Я видела его и до этого, но всегда только мельком.

— Он живет здесь уже много лет?

— Думаю, что да.

— Но Нечисть наверняка знает, что он живет здесь. Как ты думаешь, может быть, он от нее прячется? А может быть, просто всего боится?

— Нечисть старается держаться отсюда подальше. Благочестивая атмосфера ее отпугивает.

— Что-то не очень она ее отпугнула, когда они напали на наше аббатство, — возразил аббат. — Они перебили всех, кого нашли, и разграбили все, что только можно.

— А что если в вашем аббатстве благочестивую атмосферу малость подпортили те бочонки вина и женщины, которых вы там у себя прятали? — предположил Шишковатый.

— Давайте не будем опять затевать споры, — вмешался Харкорт.

— Я пренебрегаю этим выпадом, — с видом

оскорбленного достоинства произнес аббат. — И оставляю его без ответа.

Сказав это, он широким шагом направился к дверям храма. Остальные после секундного колебания последовали за ним. Однако, войдя в дверь, все остановились.

Остановился и аббат, шедший впереди. Перед ними простирался погруженный в полумрак главный неф. Лишь несколько солнечных лучей пробивались сквозь стекла витражей, и эти разноцветные лучи усиливали впечатление нереальности происходящего. В огромном пустынном пространстве храма звучали равномерно повторяющиеся низкие, глухие звуки. Харкорт затаил дыхание, пытаясь понять, откуда доносятся эти звуки, похожие на мерное дыхание какого-то чудовища. Аббат сделал несколько шагов вперед, и его шаги гулко отозвались под гигантским куполом, вновь и вновь повторяемые эхом.

По обе стороны главного нефа двумя рядами стояли могучие колонны; между ними призрачно белели надгробия — и самые простые, и увенчанные возлежащими каменными фигурами. Одно из них изображало коленопреклоненного ангела. Справа и слева аркады вели в боковые приделы.

Понемногу глаза Харкорта привыкли к полу-

мраку, и он уже мог разглядеть больше подробностей, хотя смотреть было особенно не на что, кроме колонн, надгробий, богато разукрашенной купели, а поодаль — высокого алтаря с хорами над ним. Все это создавало ощущение огромной пустоты, простиравшейся в бесконечную даль. Если священнику, которого мы ищем, подумал он, вздумается от нас спрятаться, в этом здании есть где прятаться. Стены покрывала роспись, когда-то яркая, но теперь выцветшая и плохо различимая в тусклом свете.

Нэн говорила о благочестивой атмосфере, но здесь никакого благочестия не ощущалось. Запах благовоний давно улетучился бесследно. Остались только какие-то таинственные гулкие раскаты и пустота, царящая здесь уже много столетий.

Аббат снова двинулся вперед, остальные последовали за ним, разбудив эхо, наполнившее воздух звуками сотен шагов.

Они обошли весь храм, тщательно обыскав даже самые укромные уголки часовни и ризницу, крытые аркады и крипты, кухню и трапезную, внутренние дворики и библиотеку со шкафами, доверху набитыми рукописными свитками. На всем лежал толстый слой пыли, которая под-

нималась в воздух, потревоженная их шагами. Они не могли удержаться от чихания, которое эхо повторяло множество раз, как будто вокруг чихали миллионы призраков. Они попробовали позвать священника, хоть и не знали толком, как это сделать, не зная его имени, но скоро были вынуждены отказаться от своих попыток: повторяемые эхом, крики порождали такие громкие и многократные отклики, что они ничего не смогли бы услышать, даже если бы священник был здесь и захотел отозваться.

Повсюду они натыкались на надгробия, разбросанные без всякого порядка, даже в самых неожиданных и уединенных уголках. Каменная крышка одного из них свалилась или была сброшена и лежала расколотая на полу, и в саркофаге были видны истлевшие останки его обитателя. У фигуры ангела на другом надгробии была отбита голова, и ее белые, как снег, осколки валялись вокруг. Купель оказалась перевернута, покрывавшая ее тонкая резьба местами сбита.

Если не считать рукописей, найденных в библиотеке, ничего ценного в храме не осталось. Алтарь был гол, шкафы, где должны были храниться ризы, драгоценные сосуды и другие принадлежности богослужения, стояли пустые.

— Основательно здесь все разграблено, — заметил Шишковатый.

— Может быть, и нет, — сказал аббат. — Благочестивые отцы могли все унести с собой, чтобы ничего не попало в лапы Нечисти.

В конце концов, когда они уже начали отчаиваться в успехе своих поисков, в крохотной часовенке, которая притаилась в укромном углу восточного крыла и была замечена ими только случайно, они нашли того, кого искали. Во всяком случае, то, что от него осталось.

На полу лежали разбросанные в беспорядке человеческие кости. Кое-где среди них валялись клочки черной ткани — по всей вероятности, остатки сутаны. На костях виднелись остатки мяса и хрящей. Шишковатый поднял с пола череп и показал остальным. Нижняя челюсть еще держалась на месте, и видно было, что в черепе не хватает четырех передних зубов — двух сверху и двух снизу.

— Вот он, наш священник, — сказал Шишковатый.

Харкорт кивнул:

— Дядя говорил, что у него не было зубов. Из-за этого он говорил так невнятно, что трудно было разобрать слова.

— Вурдалаки, — сказал Шишковатый.

— Вурдалаки, — согласился Харкорт. — Вурдалаки или гарпии.

— Ты, кажется, говорила, что Нечисть старается держаться подальше от таких мест? — спросил аббат, обращаясь к Нэн.

— Про вурдалаков никогда ничего наверняка не скажешь, — ответила та. — Вся остальная Нечисть — это одно, а вурдалаки — другое. Им бы только набить брюхо мясом, неважно чьим.

В углу часовни, на полу, лежала куча одеял и овчин, служившая ложем. Рядом, у примитивного очага, стояли сковородка и котелок. Стена над очагом, когда-то украшенная росписью, была сплошь покрыта копотью.

— Тут он и жил, — сказал аббат. — Тут проводил свои дни в благочестивых раздумьях.

— И тут умер, — добавил Шишковатый. — Наверное, они подкрались к нему, когда он спал. Судя по всему, это случилось не так уж давно, всего несколько дней назад.

— А мы оказались в тупике, — сказал Харкорт. — Теперь некому объяснить нам, как добраться до того поместья.

— Надо идти на запад, — сказал Шишковатый. — Это-то мы знаем точно.

— Мы найдем его, — сказала Иоланда. — Найдем, я уверена.

— Нам надо придумать какой-то план, — сказал Харкорт. — Нельзя кидаться во все стороны сразу.

Они собрали кости, завернули их в одно из одеял и вынесли в сад. Там они выкопали неглубокую могилу и предали кости земле под заупокойную молитву аббата.

— Я не знаю, как его звали, — сказал потом огорченный аббат. — Пришлось называть его дорогим усопшим братом, и мне все казалось, что этого недостаточно.

— Ничего, по-моему, всё сошло хорошо, — успокоил его Шишковатый. — Ты молился с большим чувством, держался достойно и был трогательно печален.

Аббат сердито взглянул на него:

— Опять надо мной насмехаешься?

— Мой дорогой аббат, ты же знаешь, я никогда ни над кем не насмехаюсь. Мне бы это и в голову не пришло.

Харкорт сделал вид, что не замечает их перебранки, и двинулся назад, к храму. Иоланда шла рядом, остальные следовали сзади.

— У меня почему-то не выходит из головы эти

горгульи, вырезанные из дерева, — сказал ей Харкорт. — Они очень похожи на ту, что я видел у тебя в мастерской. Можно, я выскажу одну догадку?

— Если ты это сделаешь, мой господин, ты ошибешься, — ответила она.

— Но ведь ты бывала здесь.

— Нет, здесь я не была. Так далеко я никогда не забиралась. И ни разу не провела здесь столько времени, чтобы успеть вырезать горгулий, если это то, о чем ты подумал.

— Я об этом и подумал. Ты должна понять, почему я так подумал. Сходство между твоей горгульей и теми, что мы видели здесь над входом…

Она покачала головой.

— Я бы не могла их сделать. Здесь видна рука гения. Они вырезаны так, что на первый взгляд кажутся каменными. Нужно как следует вглядеться, чтобы понять, что они из дерева. Может быть, когда-нибудь я достигну такого же мастерства и вдохновения. Но это будет еще не скоро. К тому же у меня нет инструментов, какие нужны для такой работы. У меня есть только то, что сделал для меня Жан.

— Я только хотел выразить свое искреннее восхищение твоей работой, — сказал Харкорт.

— Благодарю тебя, мой господин, — ответила она.

Они дошли до западных дверей храма и остановились, поджидая остальных. Подошел аббат и грузно плюхнулся на ступени. Опустив голову на руки, он проворчал:

— Ну и что мы теперь будем делать?

— Пойдем на запах — сказал Шишковатый. — На поиски того, что мы ищем.

Аббат поднял голову.

— Но ведь мы идем вслепую, сами не зная куда. Мы можем просто пройти мимо того, что ищем. Может быть, наша цель лежит за холмом, который мы только что миновали, или в укромной долине, а мы даже ничего не заметим. Младенцы, заблудившиеся в дремучем лесу, — вот кто мы такие.

— А что вы ищете? — спросила Нэн.

— Поместье, — ответил Харкорт. — Древнее римское поместье. Иногда его называют дворцом, но скорее всего это поместье.

— Здесь я не могу вам помочь, — сказала она. — Я такого места не знаю.

— Мы двинемся дальше, — сказал Харкорт, — а ты вернешься домой.

— Мне нужно набрать трав и кореньев, — отве-

тила она, — и после этого я пойду обратно, к себе в хижину. Хотя должна признаться, что чувствую большое искушение отправиться дальше с вами. Я не знаю, что за паломничество вы предприняли, только у меня давно не было случая побыть с себе подобными, да еще в такой приятной компании. — Она взглянула на Иоланду. — Это милое дитя напоминает мне о моем собственном девичестве. По-моему, в ее возрасте я была очень похожа на нее.

— Ты очень добра, — отозвалась Иоланда.

— Мне не дает покоя одна мысль, — сказал аббат. — Почему они убили старого священника? Он жил здесь много лет, и Нечисть его не трогала. Не могло это быть потому, что они как-то узнали о его встрече с Раулем?

— Возможно, — согласился Шишковатый.

— Вурдалаки убивают только потому, что они голодны, никакой другой причины им не требуется, — возразила Нэн. — Уж их-то я прекрасно знаю. Мерзость ужасная.

Харкорт оставил их сидеть на ступенях и не спеша зашагал через мощеный двор. Дойдя до ворот в стене, окружавшей сад, он остановился и долго стоял, разглядывая незнакомую местность, простиравшуюся вокруг. Очень скоро они дви-

нутся дальше, на запад, чтобы продолжать свои поиски. Но на этот раз, как сказал аббат, придется идти вслепую. Они знали только одно: нужно направляться на запад. Но пространства, лежащие к западу, слишком обширны, чтобы можно было тщательно обыскать их в поисках поместья. Конечно, они могли повстречать кого-нибудь по пути: какого-нибудь человека, который поможет им в поисках. Но он знал, что шансы на это невелики. До сих пор за все время странствий им повстречались лишь три человека: коробейник-чародей, старик с попугаем и Нэн.

Приходилось признать, что надежды на успех почти нет. И все же раз уж они зашли так далеко, добрались до самого храма, — о том, чтобы повернуть назад, не могло быть и речи.

Кто-то потянул его за рукав. Он обернулся и увидел, что рядом стоит тролль.

— Господин, ты на меня гневаешься, — сказал он.

— Я просто не люблю троллей, — ответил Харкорт. — А тебя особенно. Ты не только зол, но еще и глуп.

— Я не зол, — сказал тролль. — Я самый ничтожный из троллей. Меня отвергли даже мои соплеменники. Они прогнали меня прочь, когда

я пришел просить у них помощи. А еще раньше они презирали меня за то, что у меня такой маленький и скверный мостик.

— А теперь и никакого нет. Но у меня нет для тебя мостика. Хотя постой. Может быть, мостик будет.

— Ты хочешь сказать…

— Дослушай до конца, — сказал Харкорт. — Если я скажу тебе, где найти мостик, ты от меня отстанешь?

Тролль жалобно закивал головой.

— Есть один мост через полноводную реку, который ведет из Брошенных Земель в мое поместье на южном ее берегу. Его давным-давно построили римляне. Я подозреваю, что под его северным пролетом живут тролли, хоть я ничего о них и не слышал. Но под той частью, что упирается в южный берег, никаких троллей нет. Правда, этот мост лежит не на Брошенных Землях, а за их пределами, и местность там будет тебе чужой, а временами даже враждебной.

— Враждебностью меня не испугать, — произнес тролль дрогнувшим голосом, — если только она не будет слишком сильной. От моих соплеменников в этой стране я тоже не вижу ничего, кроме враждебности. Но тот мост, о котором ты

говоришь, наверное, очень большой.

— Это огромный мост через полноводную реку.

Тролль покачал головой.

— Мне там будет неуютно. Я не буду себя чувствовать как дома. Он слишком большой для меня. Всю свою жизнь я прожил под маленьким мостиком, и поэтому…

— Ну тогда проваливай от меня к дьяволу, — сказал Харкорт. — Я рассказал тебе про мост — не хочешь, не бери, только не приставай ко мне больше.

— Но мне так нужен мост, мой господин! Маленький, крохотный мостик, который я мог бы считать своим домом.

— Ничем не могу помочь, — ответил Харкорт. — Если мой мост для тебя слишком велик…

— В этой стране, — сказал тролль, — все мосты захвачены и поделены между моими соплеменниками. Они меня к себе не пустят, а я всего лишь маленький тролль, мне много не надо, и я такой несчастный…

— Ну хорошо, — сказал Харкорт. — Похоже, придется мне что-нибудь сделать, чтобы ты от меня отстал. Я устрою так, чтобы больше никогда тебя не видеть и не слышать. Я придумаю какой-нибудь способ тебе помочь, чтобы от тебя

избавиться. Тащись с нами, только не попадайся мне под ноги. И не хнычь больше.

— Хорошо, господин, — сказал тролль. — Не буду больше хныкать.

— Если ты вернешься вместе с нами, — сказал Харкорт, — если мы сами вернемся, то я выстрою тебе где-нибудь мостик. Крохотный мостик, жалкий мостик, скверный мостик — как раз такой, какой тебе нужен.

— Мой господин! — вскричал тролль. — Что я могу для тебя сделать, чтобы…

— Отвязаться от меня к дьяволу, — ответил Харкорт. — И держаться от меня подальше. И больше со мной не заговаривать.

— Спасибо тебе, — воскликнул тролль. — Спасибо!

И он убежал.

«Проклятый тролль, — подумал Харкорт. — Как мне надоело его хныканье, и нытье, и шнырянье вокруг, и его несчастный вид, и бесконечные мольбы найти ему этот дурацкий мостик! Когда он потянул меня за рукав, надо было стукнуть его как следует и пинками прогнать прочь. И что это меня дернуло пообещать ему мост — даже пообещать построить мост для него? Наверное, я это сделал, только чтобы избавиться от него. Хотя

нет, не только. Как там говорила Нэн: “Бедняга, ему так нужен мост!” Но не одному троллю тут что-то нужно. Нам тоже кое-что нужно. Нужно найти виллу, нужно…»

Вдруг он заметил в глубине леса какое-то движение — сначала что-то будто метнулось от одного дерева к другому, потом что-то еще мелькнуло рядом. Харкорт насторожился и вгляделся в лес, пытаясь разглядеть, что это было. «Наверное, просто птицы перелетают с дерева на дерево, — сказал он себе. — Я слишком возбужден. Целые дни напролет напряженно жду, не покажется ли Нечисть. Уже дошел до того, что Нечисть чудится мне за каждым кустом». Он постоял еще, вглядываясь, но ничего больше видно не было, среди деревьев ничего не мелькало. Он решил, что у него просто разыгралось воображение — ничего там нет. Сад вокруг храма и окружающие леса тихо нежились в теплых лучах послеобеденного солнца.

Он не спеша зашагал назад, к лестнице, где сидели все остальные. Ему пришло в голову, что зря рассиживаться нечего, надо трогаться в путь. Конечно, приятно после обеда посидеть на солнышке, но времени на это нет. Вот когда все будет позади, когда их путешествие окончится и

они вернутся домой, — тогда можно будет после обеда сколько угодно сидеть на солнце, предаваясь праздности.

Не успел он дойти до нижней ступени лестницы, как аббат внезапно вскочил, подняв над головой булаву.

Вскочили и остальные.

— Нечисть! — взревел аббат.

Харкорт мгновенно повернулся, выхватив меч, и увидел, что через ворота хлынула Нечисть. Великаны и тролли, баньши и вурдалаки, гарпии и гоблины — вся Нечисть, какая только бывает на свете, неисчислимой ордой рвалась к ним, теснясь в узких воротах.

Над головой у него просвистела стрела, выросший прямо перед ним великан пошатнулся и схватился за горло, из которого торчало еще дрожащее древко. Но сзади, через тушу упавшего великана, лезли новые и новые чудища, оскалив клыки и протягивая вперед когти. Они надвигались в молчании, совершенно беззвучно, если не считать шороха лап по камням. Харкорт подумал, что это еще страшнее, чем даже самый яростный рев. В их молчании ощущалась жуткая целеустремленность, словно они получили задание и намерены выполнить его без лишней

затраты сил.

Харкорт быстро шагнул вперед. Кто-то толкнул его слева. Мельком он увидел, что это аббат, огромный и могучий, с поднятой булавой, несется на врага, как будто нет такой силы, которая могла бы его остановить. Впереди наступал Шишковатый, размахивая над головой сверкающей на солнце секирой.

Перед Харкортом, немного правее, покатился на землю тролль со стрелой в груди. Не поворачивая головы, Харкорт понял, чьи это стрелы. Там на ступенях стояла Иоланда, подняв смертоносный лук и методично, не спеша, посылая точно в цель стрелу за стрелой.

«Значит, в лесу действительно что-то было, — мелькнуло в голове у Харкорта. — Я действительно там что-то видел. Что-то там пряталось, это была не игра воображения. Надо было постоять еще, посмотреть повнимательнее…»

Он изо всех сил ударил мечом надвигавшегося великана. Острая сталь обрушилась великану на макушку. Лицо его развалилось надвое, из разрубленной головы хлынули кровь и мозг, и Харкорт снова взмахнул мечом, готовый разить снова и снова. Распустив по подбородку слюни, к нему потянулся тролль, но прежде чем Харкорт

успел нанести удар, на голову тролля опустился массивный железный шар, размозжив ее вместе со слюнями. Аббат с ревом расчищал себе путь булавой в самую гущу Нечисти, которая лезла и лезла, как будто ей нет конца.

«Слишком их много, — подумал Харкорт. — Сколько мы ни перебьем, их натиск будет продолжаться, и в конце концов они нас просто сомнут».

Гарсия подпрыгнула высоко в воздух, расправив крылья, и ринулась на него сверху. Но она еще не успела дотянуться до него, как стрела угодила ей прямо в разинутую пасть, пронзив насквозь. Гарпия рухнула на Харкорта. Левой рукой он отшвырнул ее прямо в лицо великану, приближавшемуся слева. Великан потерял равновесие и начал падать. Булава аббата угодила ему в голову, и он свалился на землю, под ноги наседавшей Нечисти.

В глазах у Харкорта все заволокла багровая пелена ярости и отчаяния. Больше отчаяния, хотя он этого еще не сознавал. Справа от него возвышался Шишковатый с секирой, столь же багровой, как и пелена, стоявшая перед глазами Харкорта. Острое лезвие секиры раз за разом погружалось в толпу наседавших врагов.

И вдруг Харкорт увидел, что справа от него, между ним и Шишковатым, стоит еще один человек — воин с мечом, разящим точно и насмерть. «Не может быть, — подумал Харкорт. — Из всех нас меч есть у меня одного». Он успел мельком увидеть только силуэт этого человека, лишь ощутил его присутствие, потому что не мог ни на секунду повернуть голову и посмотреть в ту сторону. «Если рядом появился еще кто-то с мечом и бьется вместе с нами, спасибо ему». Но ни на что кроме благодарности времени у Харкорта не оставалось.

Кто-то из Нечисти наскочил на него с разинутой пастью, и он нанес удар прямо в глотку. Он не успел заметить, кто это был — великан или тролль, сейчас все они казались на одно лицо. Они превратились в одного безликого врага, которого нужно колоть и рубить. У этой чудовищной безликой тени были только сверкающие клыки и безжалостные когти, и нужно было одно — разить и разить ее, как можно чаще и как можно сильнее.

Он утратил всякое чувство времени. Не осталось ни прошлого, ни будущего, а одно только жгучее настоящее. Он спотыкался о лежащие на земле извивающиеся туши, стараясь не упасть.

Ноги скользили по залитым кровью камням. Казалось невероятным, что битва все продолжается, что он и его товарищи еще держатся, а ряды наступающих не редеют. Нечисти не было конца, как будто новые и новые массы ее сыплются в гущу боя по какой-то невидимой трубе, чтобы встать на место убитых.

Снова и снова под звон тетивы у него над головой пролетали стрелы, чтобы повергнуть на землю какое-нибудь истекающее пеной от ярости чудище, которое приблизилось слишком близко. Это значило, что Иоланда еще там, сзади, на ступенях храма. Прорваться к ней Нечисти пока не удалось, а тех, кто пытался это сделать, она валила стрелой, не давая им подойти близко.

Справа от него все еще виднелся аббат, а слева должен быть Шишковатый, хотя его что-то давно не видно. Может, Шишковатый уже сражен, а он об этом ничего не знает? Но тут же справа все еще продолжал сражаться кто-то другой с мечом.

И вдруг между Харкортом и аббатом врезалось в гущу врагов что-то очень массивное. Оно обрушилось на Нечисть, раздавая удары направо и налево. Передние ряды Нечисти качнулись назад по всему фронту, потому что массивная фигура оказалась не одна — их было несколько. Теперь,

когда атака начала выдыхаться, Харкорт смог бросить взгляд в ту сторону и увидел, что это приземистые, угловатые горгульи. Продвигаясь вперед на крепких кривых ногах, они молотили могучими кулаками, похожими на дубины, повергая на землю Нечисть, которая оказывалась у них на пути. Трещали черепа, ломались кости, а горгульи все дальше вклинивались в толпы Нечисти, передние ряды которой уже не двигались вперед, а пятились назад, пытаясь отбиваться и преодолевая натиск тех, кто напирал сзади.

Горгульи?! Откуда взялись горгульи и почему они пришли на помощь людям против Нечисти? Харкорт не видел здесь никаких других горгулий, кроме тех, что смотрели на них со стены над входом в храм. Неужели это те самые горгульи? Наверное, потому что никаких других здесь нет. Харкорт бросил быстрый взгляд через плечо и увидел, что над входом в храм сидит как будто меньше горгулий, чем раньше: часть мест, которые они раньше занимали, теперь пустует. Перед входом в храм стояли на ступенях Иоланда и Нэн, обе с луками в руках. Где Нэн могла найти лук и стрелы? До сих пор у нее их не было, да она и сама говорила, что охотник из нее плохой. Но она стояла там, на ступенях, рядом с Иоландой, держа

в руках лук.

Бросив назад только один взгляд, Харкорт снова повернулся, чтобы встретить Нечисть лицом к лицу. Но Нечисти перед ним не оказалось — во всяком случае, в пределах досягаемости. Нечисть удирала через ворота, а за ней двигались горгульи, повергая на землю всех, до кого могли дотянуться. Они не издавали ни звука — смертоносные, неумолимые, целиком поглощенные истреблением. И тут он увидел, что это те самые деревянные горгульи, что были вырезаны из дерева взамен упавших каменных.

Он обернулся, чтобы еще раз взглянуть на поредевшие ряды горгулий над входом в храм, и в поле его зрения попал незнакомец, который сражался рядом с ним. Он сразу узнал его.

— Децим!

Римлянин поднял свой меч.

— Приветствую тебя, Харкорт, — сказал он. — Мы с тобой неплохо поработали.

Он был в легких доспехах, на шлеме торчало одно-единственное алое перо, помятое и обломанное. Остальные куда-то исчезли.

Увидев, с каким удивлением уставился на него Харкорт, центурион усмехнулся.

— Вид у меня не самый лучший, — сказал он. —

Не слишком похож на того блестящего офицера, какого ты видел там, у реки.

— Я думал, ты погиб, — ответил Харкорт. — Мы нашли поле битвы — то есть мы его видели. Я смотрел, не видно ли там твоих алых перьев.

— Я же тебе говорил, что наш тщеславный трибун всех нас угробит.

— Да, помню.

— Он всех и угробил — кроме меня. Я единственный, кто остался в живых.

К ним, хромая, подошел Шишковатый. Шерсть на левом боку у него была вся в крови.

— Это один великан меня задел, — ответил он на вопросительный взгляд Харкорта. — Ничего страшного, просто несколько царапин. Я немного увлекся и подпустил мерзавца слишком близко.

— Ты хромаешь.

— Получил от кого-то по ноге. Не знаю, от кого. Может быть, от одной из горгулий. Откуда они, кстати, взялись? И что это у нас за новобранец?

— Ты должен был видеть его совсем недавно в замке. Это один из римлян, которые там останавливались по пути.

— А, теперь припоминаю, — сказал Шишковатый. — Кажется, Децим? Не помню, как дальше.

Римлянин поклонился.

— Децим Аполлинарий Валентуриан к вашим услугам.

От ворот вернулся аббат.

— Все разбежались, — объявил он. — Горгульи гоняются за ними по лесу. Мне кажется, это те самые горгульи, что гнездились там над входом.

— Это они, — ответил Харкорт.

— Неисповедимы пути Господни, — отозвался аббат и повернулся к Дециму: — А ты ведь тот римлянин? Я заметил тебя в свалке, только не было времени с тобой поздороваться.

— Всем нам было не до приветствий, — сказал Децим.

К ним по ступеням спустилась Иоланда, за которой следовала Нэн.

— Нечисть ушла? — спросила она. — На самом деле ушла?

— Ушла, моя госпожа, — ответил ей аббат, — и во многом благодаря тебе и твоей меткости. И благодаря Нэн тоже. Я вижу, у нее тоже есть лук.

— Это твой лук, — сказала Нэн. — Когда ты уселся на ступенях, ты снял его с плеча, и он остался там лежать. Я не стрелок и мало что могла сделать. Так, постреливала время от времени, когда мне казалось, что это будет полезно. Я старалась не тратить стрел понапрасну. У Иоланды это

получалось куда лучше.

Повсюду вокруг, до самых ворот, грудами лежали мертвые тела Нечисти, из многих торчали стрелы.

— Стрелы надо собрать, — сказала Иоланда. — Нечисть может вернуться.

— Только не сейчас, — возразил аббат. — Может быть, позже они смогут перегруппироваться и нападут опять. Но только не сейчас. Тем не менее я пойду соберу стрелы, и если в ком-нибудь из них еще остались признаки жизни, я уж постараюсь, чтобы они пересохли окончательно.

— Ты самый кровожадный аббат, какого я видел, — сказал Шишковатый.

— Истории известно много воинствующих священнослужителей, — ответил аббат. — Я и не подозревал, что так к этому склонен.

— Что есть, то есть, — подтвердил Децим. — Мне еще ни разу не приходилось видеть такой смертоносной булавы.

— Ты ранен, — обратилась Нэн к Шишковатому. — Ты весь в крови.

— Ничего страшного, — ответил тот. — Просто царапины.

— Обязательно воспользуйся той своей мазью, — сказал аббат. — Я с удовольствием подер-

жу тебя, пока Чарлз будет ее втирать.

— Мне кажется, не стоит здесь задерживаться, — сказал Харкорт. Немного погодя Нечисть оправится и вернется сюда. Наши вещи лежат у самого входа в храм. Надо забрать их и не мешкая уходить.

— Опять бежать! — недовольно сказал аббат. — С тех пор как мы оказались в этой проклятой Богом стране, мы только и делаем, что от кого-то бежим.

— Иногда бегство — тоже проявление доблести, — возразил Децим.

В воротах появилась горгулья, за ней другая.

— Я видела, как они слезали с фасада, — сказала Иоланда. — И не могла поверить собственным глазам.

Горгулья с топотом поднялась по ступеням, не произнося ни звука и глядя прямо перед собой. Дойдя до фасада, она начала медленно, с трудом карабкаться по стене. Вторая горгулья тоже поднялась по ступеням и вскарабкалась на место.

— Пойду соберу стрелы, — сказал аббат.

— Я тебе помогу, — вызвалась Иоланда.

Харкорт подошел к римлянину и протянул ему руку. Они обменялись крепким рукопожатием.

— Спасибо тебе, Децим, — сказал Харкорт.

— Не за что, — ответил центурион. — Одно удовольствие драться бок о бок с такими, как ты и те двое. А нельзя мне пойти с вами? Я не помешаю?

— Лишний меч может нам пригодиться, — сказал Харкорт. — Ты доблестный боец.

— Вот и хорошо, — ответил Децим. — А то я остался как-то не у дел.

Еще одна горгулья неуклюже прошествовала через ворота. Она подошла к ступеням, но не стала подниматься по ним, а застыла в неподвижности.

Нэн заставила Шишковатого усесться на ступени, сняла с плеч платок и принялась вытирать им кровь с его левого бока. Он скривился от боли.

— Нечего со мной нянчиться, — сказал он. — Мне доставалось и хуже, однако ничего, выжил.

— Замолчи, — строго приказала она, — и дай мне осмотреть твои раны. Попозже я сварю питье, от которого они быстрее заживут. И натру их той мазью, которая так помогла аббату. Ты говоришь, это просто царапины, и похоже, что так оно и есть, но надо посмотреть как следует.

— Ну а ты? — спросил он. — Останешься здесь собирать свои травы и коренья?

Она покачала головой.

— Теперь ничего не выйдет. Нечисть видела,

как я стояла на ступенях и стреляла из лука.

— Но скрыться в своей хижине ты тоже не сможешь. Тебя найдут и убьют.

— Знаю, — сказала она, — Мне остается только отправиться с вами. Я буду идти быстро. Постараюсь вас не задерживать.

— Можешь быть уверена, что медленнее аббата тебе идти не удастся, — сказал Шишковатый. — Он вечно пыхтит, задыхается и умоляет присесть передохнуть.

— Аббат благочестивый человек, — возразила она с упреком, — и к тому же прекрасный боец.

— Что правда, то правда, — согласился Шишковатый.

Одна за другой в воротах появлялись возвращающиеся горгульи. Большинство их снова забиралось на фасад и занимало свои ниши, но две остались внизу и тоже застыли в неподвижности рядом с первой.

Аббат и Иоланда вернулись со стрелами, которые вытащили из поверженных тел, Харкорт и Децим подошли поближе.

— Как он? — спросил Харкорт у Нэн, кивнув в сторону Шишковатого.

— Все так, как он сказал, — ответила она. — Простые царапины. Кровь уже почти не течет.

С лечением можно подождать до вечера, когда остановимся на ночлег.

— Она идет с нами, — сказал Шишковатый.

Харкорт кивнул:

— Я так и думал.

Харкорт огляделся. Если не считать валяющихся повсюду трупов Нечисти, все было точь-в-точь как раньше. Сад по-прежнему нежился на солнце. До заката оставалось еще несколько часов, и, если поспешить, можно было до темноты пройти изрядное расстояние.

Он указал на трех горгулий, все еще неподвижно стоявших у подножья ступеней.

— А что делать с этими? — спросил он.

— Не знаю, — отозвалась Нэн. — Это те, кто не стал подниматься назад, на свое место. Не могу понять, чего они тут ждут.

— Пойдем, помоги мне вынести из храма наши вещи, — сказал Харкорт аббату. — И сразу двинемся в путь.

— Интересно, а где наш тролль? — сбросила Иоланда, — Кто-нибудь его видел?

Выяснилось, что тролля не видел никто.

— Должно быть, смылся при первых признаках заварухи, — сказал Шишковатый. — Лично я его за это не виню.

Еще одна горгулья появилась в воротах и выстроилась в ряд с тремя остальными.

Харкорт и аббат спустились вниз с мешками, и все принялись пристраивать их на плечи.

— Давай я понесу твой, — сказал Децим Шишковатому. — Тебе, наверное, больно.

После некоторого колебания Шишковатый ответил:

— Пожалуйста. А завтра я уж сам.

Они тесной кучкой направились к воротам. А за ними тяжелой поступью зашагали горгульи с фасада храма.

Глава 22

Попугай, который остался снаружи, когда они вошли в храм, а во время битвы либо куда-то улетел, либо где-то затаился, теперь появился снова. Он сидел на плече у аббата, то и дело разражаясь громкими криками. Аббат строгим и раздраженным тоном прочел ему целую проповедь о том, что молчание есть добродетель, но попугай или ничего не понял, или не обратил на его слова ни малейшего внимания.

Четыре горгульи разместились, как сторожевые разъезды, по обе стороны путников — две немного впереди, две сзади.

— С тех пор как мы отправились в путь, наша компания выросла больше чем вдвое, — заметил Шишковатый Харкорту. — Даже если не считать попугая, мы подобрали уже шестерых — Нэн, этого римлянина и четырех горгулий.

— И еще один куда-то запропастился, — ответил Харкорт. — Ты давно не видел тролля?

— Давно, — сказал Шишковатый. — Но я его не считал, он просто увязался за нами.

— Не слишком мне нравится наше положение, — продолжал Харкорт. — Правда, горгульи

разогнали Нечисть, но зато мы вышли на открытую местность, за спиной у нас теперь нет храма. Через день-два, если не раньше, они нападут на нас снова.

— Мы их хорошо отделали, — возразил Шишковатый. — Впредь будут умнее. Пусть теперь зализывают раны.

— Обычно они не тратят много времени на зализывание ран.

— Боюсь, тут ты прав, — согласился Шишковатый. — Мы должны быть готовы. Спасаться бегством нет смысла: если они на нас навалятся, придется принять бой.

— Лучше бы Иоланда шла вместе со всеми, — проворчал Харкорт. — Но нет, ей обязательно надо шнырять впереди. Уходить так далеко в одиночку опасно.

— Я думаю, она где-то поблизости. Вряд ли она уходит так уж далеко. Я только недавно ее видел — вон там, справа.

— Как твои царапины?

— Жгут немного. И весь бок онемел. Когда остановимся на ночь, можешь втереть мне мази — у меня еще много осталось.

— Я могу сделать это прямо сейчас, это займет всего несколько минут.

— Нам нельзя терять время.

— Ну хорошо, тогда вечером. Аббат сказал, что поможет тебя держать.

— Меня держать не придется, — сердито проворчал Шишковатый.

Лес понемногу редел, в нем все чаще попадались открытые поляны. Деревья стали мельче и стояли уже не так тесно. «Это к лучшему, — подумал Харкорт. — Нечисть не сможет подобраться к нам незамеченной».

Шишковатый ушел вперед, а Харкорт замедлил шаг, и его догнал римлянин. Некоторое время они шли молча, потом Децим сказал:

— Не могу выразить, как я рад, что повстречался с вами. Я несколько дней плутал по лесу, не зная, где нахожусь, и каждую минуту ожидая, что на меня кинется какое-нибудь злобное чудище. Продвигался я медленно — то и дело приходилось останавливаться, чтобы оглядеться.

— Я тоже рад, что ты нас нашел, — ответил Харкорт. — Нас до смешного мало. Лишний боец нам очень кстати.

— Я очень удивился, когда вас здесь увидел, — продолжал Децим. — Почему ты не сказал мне там, в замке, что вы собираетесь на Брошенные Земли? Я бы предложил вам идти с нами. Впро-

чем, кончилось бы это плохо.

— Вас было слишком много, и вы слишком долго здесь пробыли, — сказал Харкорт. — Вы привлекли к себе Нечисть со всей округи. Они спешили к вам отовсюду. Наверное, только благодаря этому мы и смогли проникнуть так далеко.

— Я спорил с трибуном, — сказал Децим. — Говорил ему, что пора повернуть назад. За два дня до нападения мы вышли на старую римскую дорогу. Если бы мы тогда же двинулись по ней обратно форсированным маршем, мы бы очень скоро оказались на том берегу реки.

— А он отказался?

— Ему не терпелось прославиться. Ему нужно было одно — громкая победа. Он сам напросился на это сражение, друг мой.

— А ты?

— Я перетрусил, — признался Децим. — И вот я все еще жив, а все наши храбрецы погибли. В том числе и трибун, надеюсь.

— Ты сбежал?

— Ну, не совсем сбежал. В разгар схватки мне от кого-то здорово досталось по голове. Может быть, даже от кого-то из наших — надеюсь, что не нарочно. Я был неплохим командиром. По крайней мере, мне так казалось. Так или иначе, я

получил по голове и свалился на землю. Должно быть, потерял сознание. Очнулся я заваленный грудой тел. Прямо на мне лежал огромный мерзкий тролль, несомненно мертвый. Я осторожно выглянул из-под трупов и увидел, что битва идет к концу. Наши легионеры, рассыпавшись кучками, стояли насмерть, со всех сторон окруженные Нечистью. Кое-кто пытался бежать, но их быстро настигали. Чудища бродили по всему полю боя, добивая раненых.

— И ты остался лежать среди мертвых?

— Долг римлянина требовал, чтобы я вскочил, с криком радости бросился к своим верным солдатам и героически погиб вместе с ними. Но я сказал себе: «Децим, Господь дал тебе возможность отделаться одной только шишкой на голове, ты должен быть ему благодарен». И я остался на месте, притворившись мертвым. Рядом умирал один из наших — так близко, что я мог бы до него рукой достать. Наверное, надо было попытаться ему помочь, хотя бы протянуть ему руку, чтобы он знал, что умирает не в одиночестве. Хотя, говоря по совести, кроме такого довольно бессмысленного знака сочувствия, я для него все равно ничего не смог бы сделать. И если бы даже попробовал, меня бы тут же обнаружили и

прикончили. В конце концов он умер, но длилось это долго, и стонал он временами очень жалостно. Наконец битва окончилась, наступила ночь, кругом было совсем тихо. Я выполз из-под этого грязного вонючего тролля и тихонько смылся с поля боя — большей частью ползком на брюхе. Вот почему я оказался здесь.

Он повернулся к Харкорту.

— Теперь можешь меня осудить. Можешь назвать меня трусом.

— Я никого не берусь осуждать, — ответил Харкорт. — И меньше всего тебя. В таком положении я вполне мог поступить точно так же. Не берусь сказать наверняка, что бы я сделал, но вполне возможно, что то же самое. Поступить так мог бы каждый.

— Приятно знать, что ты меня понял, — сказал римлянин, — пусть даже я не внушаю тебе восхищения.

— Восхищение тут ни при чем. Я же говорю — я рад, что ты с нами. Если бы не твоя помощь, Нечисть, возможно, смяла бы нас еще до того, как горгульи слезли с фасада и вступились за нас.

— А что ты знаешь про этих горгулий?

— Ничего. Меня это приводит в такое же недоумение, как и тебя. Я знаю только одно: те, что

пришли нам на помощь, сделаны не из камня, а из дерева. Очевидно, их вырезали взамен каменных, которые упали и разбились о камни внизу. Но кто их вырезал, зачем он это сделал и почему они спустились, чтобы нас выручить, я не имею ни малейшего представления.

— Здесь пахнет чародейством.

— Мне тоже так кажется. Но что это за чародейство, я и подумать боюсь.

— Во всяком случае, оно пошло нам на пользу. Что в этих местах случается довольно-таки редко.

— Да, ты прав, — согласился Харкорт.

— У меня есть привычка задавать на один вопрос больше, чем нужно, — продолжал Децим. — Вот и сейчас я хочу задать тебе этот лишний вопрос. Не могу понять, что вы вообще здесь делаете.

— Мы выполняем свою миссию.

— О которой ты не хочешь говорить?

— О которой мы не хотим говорить, — подтвердил Харкорт. — Могу только сказать, что миссия опасная — ты это сам видишь.

— Опасности меня не смущают, — ответил римлянин, — если только не считать исключительных обстоятельств. Разве что иногда меня

вдруг осеняет обыкновенный здравый смысл. А в остальном я ничуть не хуже других.

Как только начало темнеть, они остановились на ночевку у родника в верховье небольшой долины. Местность была открытая — со всех сторон возвышались безлесные холмы, на склонах которых лишь кое-где стояли кучки деревьев.

Путники развели костер, чтобы поджарить пшеничных лепешек и сала. Вокруг лагеря стояли, как часовые, горгульи. Харкорт втер Шишковатому мазь в раны. Тот лежал смирно, и помощь аббата не понадобилась, хотя он стоял поблизости наготове с попугаем на плече. Нэн и Иоланда, хлопотавшие у огня, позвали всех есть, и они уселись вокруг костра.

— Приятное местечко для ночевки, — сказал Деций. — Ни деревьев нет слишком близко, ни этого надоедливого болота. И как-то спокойнее себя чувствуешь, когда тебя сторожат горгульи.

— Может быть, нам даже не надо сегодня выставлять своих часовых, — сказал аббат. — Эти горгульи…

— Часовые будут, — решил Харкорт. — Я сторожу первым, Гай вторым, а…

— Поставь следующим меня, — предложил Деций. — Шишковатому надо бы как следует

выспаться.

— Ты весь день нес мой мешок, — возразил Шишковатый, — а теперь ты хочешь еще за меня сторожить. Мне вовсе не нужно столько поблажек.

— Мне кажется, тебе бы лучше согласиться, — сказал Харкорт мягко. — Выспаться тебе не повредит. Тогда, если ты не возражаешь, сторожи первый, — обратился он к Дециму. — Я буду третий, а аббат посередине.

— Мне все равно, — ответил центурион.

— Имей в виду, что у нас есть одно правило, — сказал Харкорт. — Часовой не должен задерживаться на посту, чтобы дать подольше поспать тому, кто его сменяет. Мы тут из себя героев не изображаем.

— Хорошо, я это правило выполню, — не без некоторого высокомерия согласился Децим.

Луна уже спускалась к горизонту, когда аббат растолкал Харкорта.

— Все как будто спокойно, — сказал он. — Я ничего не слышал, горгульи по-прежнему стоят на часах. За все это время они ни разу не шевельнулись. И не произнесли ни единого звука. Я было подошел и попробовал с ними заговорить, но они не отвечают. Как будто не слышат. И не

обращают никакого внимания.

— Они так ведут себя с тех пор, как слезли со стены, — сказал Харкорт. — Нас они не замечают, или делают вид, что не замечают. Как будто вообще не знают о нашем существовании. Но они должны о нем знать, ведь они идут с нами и охраняют нас. А если не говорят, то может быть, просто не умеют.

Аббат понизил голос.

— А что это за фокусы с тем, в каком порядке нам сторожить? Ты не совсем доверяешь нашему другу-римлянину?

— Я не спал, — сказал Харкорт, — и смотрел за ним, пока ты его не сменил.

— Значит, ты ему не доверяешь.

— Послушай, Гай, ведь я его не знаю.

— Но он доблестно дрался вместе с нами.

— Знаю. Но чтобы доверять человеку, нужно его знать. Тому, кто стоит на посту, мы вверяем свои жизни. Может быть, он и есть такой, каким кажется на первый взгляд, но готов ты вверить ему свою жизнь?

Аббат задумался.

— Не уверен, — сказал он и добавил: — Ты мне иногда перестаешь нравиться, Чарлз. Ты нелегкий человек, и у тебя бывают нехорошие мысли.

Харкорт ничего не ответил, и аббат принялся шарить в темноте, разыскивая свое одеяло. На плече у него что-то бормотал попугай.

Заходящая луна заливала все мягким сильным светом. Она освещала четырех горгулий, и они отбрасывали длинные черные тени. Как и сказал аббат, горгульи стояли неподвижно, словно врытые в землю. Поодаль справа темным пятном выделялась небольшая рощица. Харкорт внимательно вгляделся в ту сторону. Стояло полное безветрие, ни одна ветка не шевелилась. Никакого движения в рощице не было заметно. Вокруг стояла полная тишина. Харкорт отошел на некоторое расстояние от костра и присел. «Где-то там, неподалеку, прячется Нечисть, — напомнил он себе. — Та, что напала на нас в храме, а может быть, и еще более многочисленная. Слух о нашем присутствии должен был распространиться, так же как распространился слух о появлении римской когорты. Теперь, когда когорта уничтожена, очередной жертвой должен стать наш маленький отряд. Четверо мужчин, две женщины, четыре горгульи и попугай — не слишком внушительная сила, чтобы устоять перед натиском. Там, у храма, тыл у нас был защищен самим зданием, а внезапная атака горгулий решила судьбу битвы.

Но здесь и, может быть, еще на много лиг вперед, наш тыл будет оставаться ничем не прикрытым, придется обороняться со всех сторон, и в конце концов Нечисть нас одолеет. Может быть, еще не сегодня, может быть, не завтра, но рано или поздно это случится, и тогда придется принять бой. Конечно, было бы очень благородно и мужественно заявить, что нам удастся выстоять, что мы сумеем доблестно отбить атаку или что нас выручит какое-нибудь непредвиденное обстоятельство, что мы уцелеем и сможем продолжать путь. Только рассчитывать на это глупо и бессмысленно».

Он постарался отогнать эти мысли, но не видел никаких доводов, которые могли бы их опровергнуть. «Мы все равно что уже мертвые», — сказал он себе. Прятаться от Нечисти было больше невозможно. Если не сейчас, то в самом скором времени бесчисленные полчища Нечисти должны были окружить их со всех сторон.

«А может быть, наш крохотный отряд не так уж для них и важен?» — подумал он, но тут же отрицательно покачал головой. Пусть он невелик и не представляет большой опасности, не то что целая римская когорта, но это прямой вызов, брошенный в лицо Нечисти. И она удовлетворится

только тогда, когда он будет уничтожен. Каких бы понятий о чести ни придерживалась Нечисть, она должна истребить пришельцев.

Он услышал какой-то шорох и резко повернулся. Это была Иоланда, которая почти беззвучно подошла к нему и присела рядом.

Обрадованный, что шорох не грозил никакой внезапной опасностью, Харкорт протянул руку, обнял ее и привлек к себе.

— Я рад, что это ты, — сказал он.

— Кто же еще это мог быть? — шепнула она, тихо засмеявшись. — Кто еще может так бесшумно к тебе подойти? Это я уже второй раз.

Он припомнил тот, первый раз, когда, обхватив ее лицо, поцеловал ее. Теперь он чувствовал угрызения совести за этот поцелуй. Какое право он имел ее целовать? Если ему и суждено кого-то целовать, то лишь пропавшую бесследно Элоизу.

— Ты думаешь о том, что нехорошо поступил тогда, когда меня поцеловал, — сказала Иоланда.

— Откуда ты знаешь?

— У тебя такой виноватый вид. Ты думаешь об Элоизе.

У него перехватило дыхание.

— Об Элоизе?

— По-твоему, никто не знает об этой навязчивой

мысли, которая порождена горем и отчаянием и не оставляет тебя ни на минуту? Об этой твоей собственной Голгофе? Про это известно всем, кто живет в твоих владениях. И не только им. Как можно так истязать себя из-за женщины, которая уже семь лет как мертва?

Потрясенный, он изо всех сил старался сдержать гнев.

— Это разрывает тебе сердце, — продолжала она. — Все видят, как это разрывает тебе сердце…

— Иоланда! — резко прервал он ее.

— Я знаю, что вмешиваюсь не в свое дело, — сказала она. — Что мне не подобает говорить с тобой о…

— Иоланда, что тебе известно о нашей миссии?

— Только то, что я слушала и о чем могла догадаться. Ты мне никогда ничего не говорил. Никто мне ничего не говорил, но я знаю, что вы ищете призму Лазандры, в которой заключена душа святого…

— Не только призму. Не только душу святого.

— А что еще?

— Элоизу. Есть надежда, что, найдя призму, мы найдем и Элоизу.

Она посмотрела на него широко раскрытыми глазами.

— Разве это возможно? Я была бы так за тебя рада!

— Это возможно, Иоланда. Маловероятно, но возможно. Священник — тот, кого мы нашли мертвым в храме, — рассказывал моему дяде, что слышал имя Элоизы.

— Этому трудно поверить, — сказала Иоланда. — Но я надеюсь…

— Этому почти невозможно поверить, — подтвердил он. — Потому-то я и мучаюсь. Время от времени я говорю себе, что это невозможно, что глупо на это надеяться. А потом у меня снова появляется надежда, и я убеждаю себя, что чудо возможно.

— Тебе нужно спокойнее к этому относиться, — сказала она рассудительно. — Не позволяй себе слишком надеяться. Если тебя постигнет разочарование…

— Я готов испытать разочарование, — сказал он. — Я стараюсь заранее с ним смириться.

Она отстранилась от него.

— Но я пришла поговорить не об этом. Есть еще кое-что.

Она заколебалась. Харкорт молча ждал.

— Я слушала раковину, — сказала она наконец. — Ту морскую раковину…

— Раковина что-то тебе сообщила?

— Да. Она говорит, что для нас есть убежище. Место, где мы будем в безопасности. Мы должны отправиться туда сейчас же. Нечисть собирает силы против нас.

— А она тебе не сказала заодно, где находится это безопасное убежище? — спросил он, усмехнувшись.

— К северо-западу отсюда, — ответила она, не обратив внимания на его усмешку. — В небольшой долине.

— И нам надо трогаться сейчас же?

— Раковина советует отправиться в путь немедленно.

Харкорт встал и протянул руку, чтобы помочь ей подняться.

— Что ж, значит, отправляемся прямо сейчас, — сказал он.

Ниже по склону из рощицы, которую Харкорт так внимательно разглядывал, показалась какая-то фигурка, которая стремглав понеслась в их сторону, пригнувшись, низко опустив голову и нелепо размахивая руками. Харкорт схватился за рукоятку меча, но не вынул его из ножен. Две горгульи, внезапно придя в движение, тяжелой поступью поспешно направились наперерез

фигурке. Однако Харкорт видел, что перехватить ее они не успеют. Он сделал шаг вперед и выхватил меч.

Но Иоланда вцепилась в его руку.

— Не надо, — сказала она. — Разве ты не видишь? Это же наш маленький тролль.

Теперь он и сам видел, что это действительно тролль.

— Я думал, мы от него отделались! — рявкнул он и закричал, обращаясь к горгульям: — Назад! Это свой!

Горгульи застыли неподвижно, потом повернулись и снова заняли свои посты.

— Теперь мы, во всяком случае, знаем, что они нас слышат, — сказала Иоланда. — Пусть и не говорят, но слышат.

Тролль, размахивая руками, подбежал к ним и с разбегу остановился.

— Я очень спешил, — сказал он. — Я спешил вас догнать. — На шее у него все еще болталась петля, а в руке был зажат конец веревки.

— Лучше бы ты не появлялся, — сказал Харкорт. — Ты нам совсем не нужен. Но раз уж ты тут, оставайся. Только не попадайся мне на дороге, понятно? Не вертись под ногами.

— Но я должен был вас догнать, — задыхаясь,

выговорил тролль. — Я должен быть с вами. Ты обещал, что построишь мне мост.

Иоланда удивленно взглянула на Харкорта.

— Ты ему в самом деле обещал?

— Боюсь, что да, — ответил Харкорт, поворачиваясь, чтобы разбудить остальных и отправляться в путь — к тому безопасному убежищу, о котором сказала им раковина.

Глава 23

Они не успели пройти еще и двух лиг, как Нечисть напала снова. Маленький отряд поднимался на холм, возвышавшийся среди волнистой равнины. Прямо за спиной у них всходило солнце. До гребня холма оставалось совсем немного, когда из-за него показалась Нечисть. Хищные чудища огромными прыжками понеслись вниз по склону, спеша вцепиться в добычу.

Шишковатый, заметив их первым, закричал во весь голос. Харкорт, неловко стоя на косогоре, увидел, что к нему устремились сразу три великана. Нечисть усеяла весь склон холма. На этот раз она наступала не сплошной стеной, как у храма, а небольшими группами. Слева от Харкорта, немного позади, находился аббат, справа, чуть впереди, почти рядом друг с другом, — Шишковатый и римлянин. Иоланда с Нэн прикрывали тыл. Тролль со всех ног бежал вниз, к подножью холма. Попугай, слетел с плеча аббата, кружился у него над головой, оглашая воздух резкими криками. Впереди всех на склоне были горгульи.

Сжимая в руке меч и пытаясь найти под ногами опору понадежнее, Харкорт поджидал нападения

великанов. Он понимал, что позиция крайне неудачна для боя: под ногами был неровный косогор. Но ничего не поделаешь, придется биться так. «Не повезло, — подумал он. — Надо же было им застать нас врасплох на голом склоне!»

Бежавший первым великан был уже совсем близко, и Харкорт сделал выпад мечом, целясь ему в шею. Сзади слышались торжествующие вопли аббата, но обернуться и посмотреть не было времени.

Великан с наполовину перерубленной шеей, из которой хлестала кровь, обрушился на Харкорта. Он попытался увернуться, но его правая нога соскользнула с камня, на котором он стоял. Он покачнулся и упал под тяжестью великана. Однако он успел заметить, как одна из горгулий, размахивая своими похожими на дубины лапами, столкнулась с двумя другими великанами, и те повалились на землю.

Падая, Харкорт выронил меч, шепотом выругался и на четвереньках метнулся за ним, ожидая нападения. Но нападения не последовало. Он схватил меч, вскочил и, не увидев перед собой ни одного чудища, обернулся. Вся нападавшая Нечисть была уже там, ниже по склону. «Вот идиоты! — мелькнуло у него в голове. — Хотели

опрокинуть и раздавить нас, налетев сверху. Могли бы догадаться, что ничего не выйдет: они разогнались под гору и проскочили мимо, а мы остались целы».

Иоланда стояла на одном колене с луком в руке, готовя стрелу. Рядом с ней стояла пригнувшись Нэн. Аббат, оказавшийся немного выше по склону, бросил свою булаву и тоже доставал лук. Нечисть повернула назад и начала вновь подниматься на холм, приближаясь к ним.

«Теперь мы им покажем!» — сказал себе Харкорт.

Он с грохотом бросил меч в ножны и схватил висевший за спиной лук. «Оружие трусов? — подумал он. — Ничего, сойдет и оно». Кидаться вниз по склону с мечом было бы безумием, а из лука Нечисть можно было перестрелять сверху, как кроликов.

У подножья холма упал тролль со стрелой в груди. Еще один тролль с трудом карабкался вверх. Харкорт поднял лук и начал понемногу опускать его. Оттянув тетиву почти до самого уха, он пустил стрелу и тут же схватил другую. Тролль растянулся на земле, между лопатками у него, дрожа, торчала стрела. Великан, поднимавшийся рядом с ним, взмахнул руками и упал со стрелой

в горле.

Одна из горгулий спустилась ниже по склону и встала рядом с Харкортом. Другая заняла позицию позади Иоланды. Они тут на всякий случай, подумал Харкорт, если Нечисть подойдет слишком близко. Пока же горгульи ограничивались тем, что наблюдали, как стрелы косят нападающих.

Нечисть помельче, большей частью бесенята и гоблины, уже удирали врассыпную: похоже, такой способ ведения боя был им не по душе. Но те, кто покрупнее, — тролли, великаны и гарпии — все еще наступали. Одна из гарпий, изо всех сил работая крыльями, тяжело поднялась в воздух.

Харкорт бросил взгляд влево. Там стоял Шишковатый, держа наготове лук. Рядом с ним был Децим с мечом в руках.

Гарпия, беспорядочно махая крыльями, перекувырнулась в воздухе, упала и покатилась вниз. Следом свалились два великана, потом тролль. Ряды наступавших дрогнули. Стрелы одна за другой свистели в воздухе, и все новые тела катились на землю. Наконец Нечисть повернула и бросилась наутек.

Харкорт перевел дух и сунул лук в налучье. Отступающий противник был уже вне досягаемости.

К нему подошел Децим.

— Опять одолели, — сказал он.

Харкорт пожал плечами:

— Их была всего горстка. Совсем молодые — хотели отличиться.

Децим кивнул:

— И наделали глупостей. Неудачная тактика — сразу проскочили вниз. Не могли остановиться. А когда смогли, оказались ниже нас.

— В следующий раз они такой ошибки не сделают, — сказал Харкорт.

— Следующего раза может не быть.

— Будет, — уверенно ответил Харкорт. — Там их еще много, и они твердо намерены нас перебить.

— Иоланда говорила, что есть какое-то безопасное убежище.

— Рассчитывать на это нельзя. Может быть, это неправда. А если такое убежище и есть, мы можем его не найти.

Две горгульи бродили по склону среди убитых, собирая стрелы. Подошли аббат и Шишковатый. Иоланда с Нэн тоже поднялись к ним.

— Все целы? — спросил Харкорт.

Все оказались целы. Децим получил рваную рану в плечо — какой-то тролль, падая, задел его когтями, но не очень сильно. У Нэн на левой руке

был кровоподтек — она упала, поскользнувшись на камнях. Остальные были невредимы.

— Дай-ка я посмотрю на этот кровоподтек, — сказал Харкорт Нэн.

— Это пустяк, мой господин. Я просто упала.

Она протянула руку и с благодарностью сжала ему запястье. Он взглянул на ее руку и увидел на пальце перстень с ярко-алым камнем. Иоланда говорила, что это рубин. Не дешевая стекляшка, а рубин чистейшей воды. Камень светился на солнце, словно где-то в глубине его пылало пламя. В стекляшке такого пламени не бывает, подумал он.

— Ну хорошо, — сказал он, — значит, можно двигаться дальше.

Они принялись снова подниматься на холм. Нэн семенила рядом с Харкортом.

— Что думаешь ты о наших друзьях горгульях? — спросила она.

— Ничего не думаю, — ответил он. — Но я рад, что они с нами. А раздумывать о них у меня пока не было времени.

— Это могущественные союзники, — сказала она.

— Да, — согласился Харкорт. — Там, у храма, они спасли нам жизнь.

— Тут не обошлось без чародейства, — сказала она. — Наверное, тот, кто их вырезал, вложил в них какие-то чары.

— А ты не знаешь, кто их вырезал?

— Нет, не знаю, — ответила она. — Одно время я думала…

Она умолкла.

— Одно время? — переспросил он.

Она отрицательно покачала головой.

— Неважно, — сказала она. — Это давние надежды, они уже умерли. И пусть остаются мертвыми.

Он ускорил шаг и догнал Иоланду.

— Что говорит тебе раковина? — спросил он.

— Некоторое время она молчала, — ответила та. — В последний раз она говорила со мной перед тем, как мы начали подниматься на холм, и сказала, что то безопасное убежище лежит как раз впереди.

— Далеко?

— Этого она не сказала.

— Надеюсь, что не очень, — сказал Харкорт. — Я могу ошибиться, но мне сдается, что Нечисти вокруг видимо-невидимо. И в следующий раз она нападет на нас бóльшими силами.

Сверху к ним неуклюже подошла горгулья, схва-

тила Харкорта за руку и показала вниз. Харкорт обернулся и увидел, что по склону поднимается огромное скопище Нечисти. Расстояние было слишком большое, чтобы разглядеть подробности, — видна была лишь сплошная тесная масса, медленно продвигавшаяся вперед. Она излучала целеустремленность и смертоносную мощь.

— Они все еще ниже нас по склону, — тихо сказала Иоланда.

— На этот раз несколько стрел их не остановят, — отозвался Харкорт. — Может быть, немного замедлят атаку, но не остановят.

Подошел Децим.

— Этот дурацкий наскок, — сказал он, — для того и был сделан, чтобы нас задержать. Чтобы дать время подойти остальным.

Харкорт кивнул:

— Очень возможно. Может быть, по ту сторону гребня сейчас тоже поднимается Нечисть. Они взяли нас в клещи.

Аббат, подошедший вслед за Децимом, сказал:

— Во всяком случае, давайте займем позицию на макушке холма. Бежать уже нет смысла. Они перебьют нас поодиночке.

— Верно, — поддержал его Децим. — Надо добраться до вершины, чтобы было время выбрать

место поудобнее.

До гребня холма было совсем недалеко.

«Аббат прав, — подумал Харкорт. — Только это нам и осталось. Вот, значит, как все кончится. Наш маленький отряд не может устоять против такого множества Нечисти. На этот раз в тылу у нас не будет храма, придется сражаться на открытом месте, и нападать Нечисть будет сразу со всех сторон. Ей это, конечно, недешево обойдется, но ничто не поможет нам избежать гибели». Сверху донесся крик. Харкорт обернулся и увидел, что на вершине холма стоит человек с мешком за плечами — небольшого роста, с гладко выбритым, дочерна загоревшим лицом. Он размахивал посохом. На нем были изодранные в клочья штаны и овчинная куртка мехом наружу.

Аббат, стоявший рядом с Харкортом, ахнул.

— Коробейник! — воскликнул он. — Клянусь Богом, коробейник!

— Поднимайтесь вверх! — крикнул им коробейник. — Вверх, если вам дорога жизнь!

— Коробейник! — вскричала Иоланда. — Как ты здесь оказался?

— Ну как же, дитя, — отозвался он. — Я пришел спасти тебя. Спасти вас всех, не дать вам глупо погибнуть.

Они принялись поспешно карабкаться вверх по склону, а коробейник, размахивая посохом, кричал во весь голос:

— Скорее! Скорее!

Достигнув гребня, Харкорт увидел внизу глубокую долину, заполненную кипящим туманом, — как будто утренний туман почему-то не исчез с восходом солнца.

— Еще одно проклятое болото, — задыхаясь, проворчал аббат рядом с ним. — Ни в какое болото я больше не полезу.

— Уверяю тебя, это не болото, — сказал коробейник. — Скорее спускайтесь по той стороне холма и прямо в туман. Там вы будете в безопасности. Только скорее!

Харкорт застыл на месте, собираясь возразить. Здесь, на голой вершине холма, они могли, по крайней мере, дорого продать свою жизнь. Если же Нечисть настигнет их, когда они будут спускаться по склону или в туманной глубине этой долины…

— Скорее, идиот! — заорал на него коробейник. — Ты что, не слышал, что я сказал аббату?

— Я туда не побегу, — ответил Харкорт. — Я останусь здесь и буду сражаться.

— Один? — спросил коробейник, и Харкорт уви-

дел, что в самом деле остался один: все остальные уже бежали вниз, в долину.

— Да, один. Если понадобится, я могу сражаться и один.

— Ты мне не веришь, — сказал коробейник.

— Ничуть не верю, — подтвердил Харкорт. — Я верю только в свою правую руку и во Всемогущего Господа.

— Ты ненормальный! — в ярости накинулся на него коробейник. — Неужели ты ничего не понял? Там, внизу, безопасное убежище! Нечисти вход туда закрыт, там вам ничто не будет угрожать.

Харкорт поглядел назад, в ту сторону, откуда они только что пришли. Нечисть приближалась, она была уже на полпути к вершине и стремительно поднималась. Снизу доносился яростный рев, от которого кровь стыла в жилах.

Аббат и все остальные уже почти добежали до края тумана, заполнявшего долину.

— Я ухожу, — заявил коробейник. — Умоляю, пойдем со мной. Это бессмысленный жест — остаться здесь и принять бой в одиночку.

Харкорт пожал плечами:

— Наверное, ты прав. Но если окажется, что эта долина — не то безопасное убежище, о котором

ты говорил…

Он зловеще усмехнулся.

— Не окажется. Говорю тебе, это оно.

— Ну смотри, — пригрозил Харкорт.

Коробейник пустился бежать вниз по склону, Харкорт за ним.

Погрузившись в первые полупрозрачные волны тумана вслед за бегущим во весь дух коробейником, Харкорт остановился и обернулся. Нечисть неслась за ними густой толпой, с ревом, брызгая пеной, спеша вцепиться в добычу.

Но это ей не удалось. Как только чудища достигали самого краешка тумана, они мгновенно останавливались, упираясь всеми конечностями. Некоторые падали и катились по земле, цепляясь за нее, чтобы задержаться. Они налетали друг на друга и валились целыми грудами, пытаясь остановиться на этой непроходимой границе, рыча и ревя от ярости. Те, что стояли выше по склону, приплясывали в бессильной злобе, издавая леденящие кровь вопли, размахивая стиснутыми кулаками, рассекая воздух сверкающими когтями.

Глядя на них, Харкорт почувствовал непреодолимый ужас. Вот с кем он в своей непомерной гордыне собирался принять бой. Ни один смерт-

ный не мог бы и секунды устоять против этого сгустка злобы. При первом же натиске он был бы смят, раздавлен, разорван в мелкие клочья. Во мгновение ока от него не осталось бы и следа.

Нечисть остановил туман. Туман и чары: он понял, что сам туман ничего не значит, что он не более чем внешнее проявление чар. Кто и зачем наложил такие могучие чары на это место в самом сердце Брошенных Земель?

Нечисть начала понемногу отходить вверх по склону — нехотя, волоча ноги. Первый порыв злобы и ярости оставил их, и теперь они отступали, поняв, что добыча ушла у них из-под носа и отомстить не удалось.

Харкорт снова повернулся и посмотрел вниз, в глубь долины. Это было узкое ущелье, усеянное скатившимися вниз валунами и заросшее угрюмыми вековыми деревьями. Над ним, как растянутое одеяло, висела тяжелая тишина.

Снизу, пыхтя и задыхаясь, поднимался аббат. Он подошел и остановился прямо перед ним.

— Идиот проклятый! — выкрикнул он. — Ты собирался сражаться с ними? Принять бой, чтобы прикрыть наше отступление? Неужели ты не поверил коробейнику?

— Нет, не поверил, — ответил Харкорт. — С ка-

кой стати я должен ему верить? С его дурацкими раковинами, со всеми этими разговорами про Колодец Желаний, про то, что надо опасаться драконов…

— Раковина сообщила нам про это место, — возразил аббат. — А там, в обители Древних, коробейник стоял плечом к плечу с Шишковатым и Иоландой.

— Да, как будто, — сказал Харкорт. — Но даже Иоланда не была в этом уверена.

— Оурррк! — прокричал попугай.

— Пойдем, мой друг, — сказал аббат Харкорту. — Оставь пока всякую мысль о том, чтобы сражаться с Нечистью. Сейчас, во всяком случае, нет нужды с ней сражаться. Будь благодарен за то, что мы еще живы.

— Я благодарен за это, — ответил Харкорт.

— Тогда пойдем со мной.

Они вместе спустились вниз, обходя валуны и деревья, и увидели, что остальные уселись в кружок между скатившимися вниз валунами.

Иоланда подбежала к Харкорту.

— Значит, ты в безопасности! — воскликнула она. — Я так беспокоилась! Когда я оглянулась, ты все еще стоял на вершине. И как будто спорил с коробейником. О чем ты с ним спорил?

— Он не спорил, — сказал аббат. — Он остался наверху только для того, чтобы прикрыть наше отступление.

— Это неправда, — заявил Харкорт. — Я просто не поверил ни одному его слову.

— Ты не веришь ничему, что не можешь потрогать руками, — сказал ему аббат. — Чарлз, ты полон противоречий. Ты романтик, ты циник…

— Господин аббат, — перебила его Иоланда, — сейчас не время философствовать. Мы наконец в безопасности, это самое главное.

Она взяла Харкорта под руку и подвела его к остальным, сидевшим посреди круга, образованного валунами.

— Я хотел бы знать, что нам делать дальше? — спросил Харкорт. — Теперь, когда мы укрылись в этом безопасном убежище, нам придется сидеть здесь? Мы не сможем выйти отсюда из страха перед вездесущей Нечистью?

— Об этом можно будет поговорить потом, — сказала Иоланда.

К ним подошел Децим.

— Ты когда-нибудь слышал о таком месте? — спросил он.

— Я все еще не могу поверить, — ответил Харкорт. — В любой момент чары могут рассеяться,

и Нечисть набросится на нас.

— Можешь не бояться, — сказал коробейник. — Это место существует уже много столетий. Я сам здесь прятался, когда Нечисть начинала особенно свирепствовать и от нее больше негде было укрыться.

— Но что это? — спросил Харкорт.

— Здесь, — ответил коробейник, — похоронен тот неведомый легендарный святой, чья душа, говорят, заключена в призме. Пусть его душа была украдена, все равно его нужно было где-то похоронить. Вы ведь знаете легенду?

— Значит, призма спрятана где-то поблизости? — выпалил аббат.

Коробейник удивленно взглянул на него.

— Нет, об этом я ничего не слыхал, — сказал он.

— Гай, сейчас не время, — остановил аббата Харкорт.

Глава 24

Уже совсем стемнело, с ужином было покончено, в костер подбросили побольше дров, чтобы он ярче горел, и все расположились у огня. Четыре горгульи стояли на часах между валунами, окружавшими привал, вглядываясь в темноту.

Харкорт сидел в задумчивости рядом с остальными, не вслушиваясь в их разговоры. Днем они успели осмотреть зачарованную долину. В том месте, где они в нее вошли, она была похожа на узкое ущелье, но потом становилась шире, окаймлявшие ее холмы понемногу отступали все дальше и обрывались у реки, куда впадал ручеек, бежавший по дну долины. У подножья холмов по обе стороны долины тянулись ряды валунов, которые в незапамятные времена скатились со склонов или отделились от возвышавшихся повсюду скал. Ближе к середине долины валунов было меньше, но вся она заросла вековым лесом; местами могучие деревья теснились почти вплотную друг к другу. Подлеска под ними почти не было, но кое-где землю ковром покрывали цветы.

Над долиной постоянно висел туман, в котором

скрывались окружающие холмы. Там, где находилось солнце, в сером пологе тумана проступало светлое пятно, но самого солнца видно не было. Вокруг стояла глубокая тишина, все звуки казались смягченными и глухими. Даже сухие листья на земле были постоянно влажны и не шуршали под ногами.

Несколько раз Шишковатый и Харкорт поднимались по склонам холмов до тех пор, пока туман не начинал редеть, и смотрели, нет ли поблизости Нечисти. Но никого не было видно.

— Все равно они здесь, — сказал Шишковатый. — Никуда они не ушли. Подстерегают нас.

— Скоро они не уйдут, — сказал Харкорт. — Они знают, что мы в ловушке.

— Можно попробовать пересидеть их, — сказал Шишковатый. — Рано или поздно им надоест.

— Рано или поздно у нас кончатся запасы еды, — возразил Харкорт. — С самого начала у нас их было не так уж много, а теперь прибавилось еще три едока.

— В ручье есть рыба, — сказал Шишковатый. — Тут, пожалуй, найдется и дичь. Я видел несколько кроликов. Время от времени сюда могут забредать олени.

Харкорт покачал головой.

— Наступит день, когда нам придется прорываться отсюда с боем.

— Об этом нужно будет как следует подумать, — сказал Шишковатый. — Может быть, общими усилиями что-нибудь придумаем.

— Я не совсем понимаю, что происходит, — признался Харкорт. — Коробейник дал нам понять, что это место зачаровано, потому что здесь похоронен святой, который пытался изгнать Нечисть. Как по-твоему, может захоронение само по себе стать источником чар?

— Должен сказать, — ответил Шишковатый, — что я не так уж хорошо разбираюсь в чародействе. Но мне кажется, что одно только захоронение вряд ли может быть источником таких могучих чар, какие, по всей видимости, дают знать о себе здесь.

— Значит, чтобы навеки сохранить бренное тело нашего святого, это место должны были заколдовать несколько чародеев, — сказал Харкорт. — Или один, но необыкновенно одаренный.

— В свое время, — сказал Шишковатый, — в этой стране, наверное, было немало чародеев — и достойных уважения, и злонамеренных. И, может быть, здесь все они объединили свои чары, чтобы

воздать должное тому, кто был могущественнее их всех.

— Ты хочешь сказать, что этот святой мог быть чародеем?

— Нет, ничего подобного я не хочу сказать. Скорее всего, он был поистине святым. Только иногда мне кажется, что разница между святым и чародеем не так уж и велика.

— Иоланда сказала мне одну странную вещь, — заметил Харкорт. — Она сказала, что коробейник — чародей с очень скверной репутацией. Намекнула, что он гораздо могущественнее, чем старается казаться, и вынужден притворяться ничтожным, чтобы не привлекать лишнего внимания.

— На мой взгляд, этот чародей и впрямь не такая уж важная персона.

— Возможно, так он только маскируется, — возразил Харкорт.

— Может быть, но я бы на него много не поставил.

Сейчас, сидя у костра, Харкорт припомнил, что, когда они ходили по долине, он испытывал какое-то странное чувство. Вся эта местность казалась не вполне реальной. Там, за завесой тумана, где поджидала Нечисть, все было ясно и просто. Сюда

Нечисть вступить не решалась, а под ногами даже не шуршали лежащие толстым ковром сухие листья. Пламя костра отчасти ослабляло ощущение нереальности, а освещенные им валуны и неподвижные фигуры горгулий, стоявших на часах, выглядели вполне реальными, так что странный мир этой долины как будто немного отступил, но отступил совсем недалеко, на какие-нибудь несколько шагов.

— Мне кажется, у нас две проблемы, — говорил тем временем Децим. — Точнее, одна проблема и один вопрос. Проблема в том, как нам отсюда выбраться. А вопрос в том, как мы вообще здесь оказались и куда намерены отсюда двигаться.

— По справедливости, Чарлз, — сказал аббат, — теперь, пожалуй, пора им все сказать. Иоланда, я уверен, кое-что уже поняла, но ни Нэн, ни Децим…

— Да, ты прав, — согласился Харкорт. — Давай расскажи им все.

В самом деле, какой теперь смысл хранить тайну дальше? Иоланде, наверное, следовало бы знать ее с самого начала. А теперь, когда все они связаны круговой порукой, оказались в одной и той же ловушке, окруженные Нечистью, об их замысле должны знать и Нэн, и Децим, и, пожалуй,

даже коробейник.

Аббат уселся поудобнее и приготовился рассказывать.

— Это длинная история, — заговорил он. — Я начну с самого начала, а вы понемногу поймете, в чем дело.

Как это похоже на Гая, подумал Харкорт. Начать с самого начала и раскручивать историю не спеша, чтобы ничего не упустить. Сам он, конечно, рассказал бы ту же историю совсем иначе. Впрочем, он не исключал, что у аббата получится лучше.

Все слушали аббата с большим вниманием, не шевелясь и не задавая вопросов. Рассказ велся невероятно долго — аббат не пренебрег ни одной мельчайшей подробностью.

— Вот как было дело, — сказал он в конце концов. — Теперь я рассказал вам все.

Некоторое время все сидели молча, потом Децим сказал:

— Насколько я понимаю, вы точно не знаете, где находится это поместье, в котором надеетесь найти призму, а возможно, и Элоизу.

— Мы знаем только одно, — ответил аббат. — Оно лежит где-то к западу отсюда, и, видимо, не так уж далеко. Думаю, что совсем рядом.

— Да, в этом вся суть, — подтвердил Харкорт. — Оно не может быть далеко отсюда, но где именно, мы не знаем. А ты? — обратился он к коробейнику. — Ты не знаешь? Там, в своей пещере, ты рассказал нам очень мало, и почти всё мы знали раньше…

— Ничем не могу вам помочь, — ответил коробейник. — Но возможно, кое-кто из присутствующих может.

— Кое-кто? Это ты про Нэн?

Нэн вскочила.

— Я ничего не знаю, — заявила она. — Я слушала про эту призму, но все, что сегодня рассказал нам аббат, для меня совершенная новость. Я и понятия не имела…

— Леди Маргарет, — тихо сказал коробейник, — не хотите ли вы покончить со своим маскарадом? Я уже несколько часов как понял, кто вы на самом деле. Ведь когда-то, давным-давно, я был с вами знаком. Вы помните, как мы познакомились?

— Помню, — ответила Нэн. — Это было на празднестве.

— Мы тогда говорили о чародействе. Уже тогда вы им очень интересовались. Все хотели обнаружить в нем какую-то логику.

— Верно, — подтвердила Нэн. — Но ты мне

ничем не помог. Насколько я помню, ты только смеялся надо мной.

— Время от времени до меня доходили слухи, — сказал коробейник, — о полоумной ведьме, которая живет в лесу и лечит Нечисть. Мне и в голову не приходило, что это можете быть вы — прекрасная, обворожительная дама, с которой я давным-давно был слегка знаком. Я подумывал разыскать эту ведьму, потому что нам есть о чем поговорить, но всякий раз что-то мешало.

— Все это очень мило, — сказала Нэн, — только я ведь уже не та. Совсем не та. Я уже не прекрасна и не обворожительна, даже если когда-то такой и была. Я старуха. Ты, конечно, опытный чародей, но даже ты не должен был ни о чем догадаться.

— Я увидел перстень у вас на пальце, — сказал коробейник. — Рубин, горящий ярким пламенем. Такой камень не скоро забудешь. В тот единственный раз, когда я вас видел, у вас на пальце был этот же перстень. И теперь, заметив его, я стал присматриваться, нет ли других примет, которые говорили бы о вашем высоком происхождении. Ваша горделивая осанка — когда никто на вас не смотрит. Некоторые изысканные обороты речи…

— Можешь не продолжать, чародей. Я ничего не буду отрицать. Но я не могу понять, зачем тебе

понадобилось сорвать с меня маску. Не вижу, какая тебе от этого польза. Тебе не станет лучше, а мне — хуже, да и зачем бы тебе желать мне зла? Будь моя воля, я бы так и осталась полоумной старой ведьмой.

— Довольно, — сказал Харкорт коробейнику ледяным тоном. — Не могу понять, зачем ты это сделал. Она была довольна тем, как живет, и…

Коробейник поднял руку и сказал, обращаясь к Нэн:

— В тот день, когда я с вами познакомился, вы были с дочерью. С прелестной крошкой…

— Она умерла, — сказала Нэн. Голос ее был совершенно бесстрастен, в нем не слышалось ни надежды, ни веры. — Я убеждена, что она умерла. Она убежала с трубадуром, которому взбрело в голову, что своими чудодейственными песнями он способен околдовать Нечисть.

— Вы искали ее?

— Искала. Я расспрашивала всех, кого могла. Даже Нечисть. Но Нечисть только глумилась надо мной. Я убеждена, что она со своим трубадуром убежала на Брошенные Земли. С этим пустоголовым повесой, который надеялся околдовать Нечисть. Я убеждена, что она здесь побывала.

— Она все еще здесь, — сказал коробейник. — И

она, и ее трубадур, которому почти удалось околдовать Нечисть. Она лежит здесь рядом со своим трубадуром, и с нашим таинственным святым, и с множеством древних чародеев, с которыми нынешние и сравниться не могут. Которым я в подметки не гожусь. Им, чьи кости истлели, но дух могуществен, вечен и неподвластен смерти, под силу преодолеть барьер между смертью и жизнью, протянуть руку и коснуться нас с вами…

Он на мгновение умолк, потом воздел руки над головой, и из его растопыренных пальцев с легким потрескиванием посыпались маленькие молнии.

— Им, — провозгласил он, — и только им, известен ответ, который мы ищем.

И ответ прозвучал. Откуда-то из тьмы, окружавшей костер, донеслась стройная мелодия. В воздухе разлилось ослепительное сияние, из которого сыпались молнии и раздавались раскаты грома, и все, кто его увидел, упали замертво.

Глава 25

Костер погас, и в темноте слышался чей-то плач. Сияние исчезло вместе со вспышками молний и раскатами грома.

В темноте Харкорт мог различить только темные силуэты деревьев на фоне усыпанного звездами неба. Он почему-то сразу понял, что это совсем не те деревья, которые росли среди валунов в зачарованном месте, укрывшем их от Нечисти.

Харкорт приподнялся на локте. Плач не умолкал. Он встал на четвереньки и пополз в ту сторону, откуда он доносился. Плакала женщина. Иоланда? Что с ней могло случиться? Но он тут же понял, что это не Иоланда, Значит, Нэн. Он увидел рядом какую-то смутную тень на земле, подполз к ней, протянул в темноте руки, приподнял ее и прижал ее голову к груди. Крепко держа ее в объятьях, он укачивал ее, как маленькое дитя.

— Тссс, — шепнул он. — Тссс, все хорошо.

Послышались еще чьи-то голоса, среди которых он различил резкий голос коробейника:

— Замолчите все. Ничего не говорите. Лежите тихо. Молчите!

Чьи-то руки нащупали Харкорта, и он услышал хриплый шепот аббата:

— Чарлз, это ты?

— Я, — отозвался Харкорт.

— Где мы, Чарлз?

— Один Бог знает, — ответил Харкорт.

Какая-то волшебная сила перенесла их далеко от этого безопасного убежища. Он чувствовал, что они где-то совсем в другом месте. Здесь было так же тихо, как в зачарованной долине, но не было того безмолвия, того ощущения нереальности. «Где же мы? — подумал он. — В лиге оттуда, в десяти или в сотне лиг? А может быть, еще дальше от цели, чем тогда, когда отправились в путь? В безопасности, вне досягаемости Нечисти? Кто может это знать?»

— Марджори, Марджори, Марджори… — тихо причитала Нэн.

Из темноты показалась какая-то белая фигура.

— Пустите меня к ней, — прозвучал голос Иоланды. — Пустите меня. Она оплакивает свою дочь.

Иоланда придвинулась, оттеснила Харкорта и прижала к себе Нэн.

— Ну ничего. Ничего… — тихо приговаривала она.

Глаза Харкорта начали привыкать к темноте, и он различил вокруг еще несколько движущихся темных силуэтов.

— Оурррк! — прокричал попугай почти над самым его ухом.

— Удавить чертову птицу! — сказал коробейник. — Свернуть ей шею, иначе ее замолчать не заставишь.

— По правде говоря, я бы лучше свернул шею тебе, — сказал аббат. — В какую немыслимую историю ты нас втянул?

Харкорт окинул взглядом склоны холмов, окружавших долину, где они оказались. На них можно было различить силуэты деревьев и еще какие-то бесформенные темные пятна. Одно из них он узнал — это был неуклюжий, сгорбленный силуэт горгульи.

«Значит, они все еще с нами, — подумал он. — И по-прежнему стоят на страже. А какая судьба постигла еще одного из наших — тролля с петлей на шее?»

Харкорт припомнил, что в последний раз видел его удирающим вниз по склону во время битвы. Наверное, у него было достаточно оснований удирать. Он пошел с людьми, и попади он в лапы Нечисти, это, конечно, стоило бы ему жизни.

Даже если бы он и знал об очарованном убежище за холмом, он должен был сообразить, что ему туда входа нет.

А Нечисть — знала она об этом убежище? Непременно должна была знать. А если так, то почему она не позаботилась о том, чтобы отрезать от него людей? И тут Харкорт понял, что именно это она и сделала. Кучка Нечисти, что кинулась на них с вершины холма, и была тем отрядом, который послали, чтобы их отрезать. Но что-то у них не получилось. Подумав еще немного, Харкорт догадался в чем дело. Тот отряд не послушался приказа и кинулся в атаку, вместо того чтобы сидеть в засаде и встретить людей лишь тогда, когда у подножья холма покажутся главные силы Нечисти. В своем чрезмерном усердии они надеялись одержать победу самостоятельно, одним ударом, а не ждать, пока подойдут главные силы. Наверное, это были те самые горячие головы из молодых, что рвались к славе. Но их действия были ошибкой — они могли бы и сами это предвидеть, если бы дали себе труд подумать. Впрочем, молодежь склонна отдаваться минутному порыву, не задумываясь о последствиях. Харкорт мрачно усмехнулся — исхода, более удачного для их отряда, он и сам бы придумать не мог.

— Соберитесь вместе, — послышался хриплый шепот коробейника. — Идите сюда поближе, только тихо. Я должен вам кое-что сказать. Но это нельзя говорить громко.

Рыдания Нэн смолкли. Иоланда все еще сидела, прижав ее к себе. Аббат, до сих пор стоявший рядом с Харкортом, отошел — наверное, ближе к коробейнику. Харкорт тронул Иоланду за руку.

— Пойдем. Коробейнику не терпится что-то нам сказать.

Все собрались и стояли в темноте вокруг коробейника.

— Только тише, — предупредил коробейник. — Слушайте внимательно и не перебивайте. А если захотите что-то сказать, говорите шепотом.

Справа от Харкорта Шишковатый что-то недовольно проворчал.

— Нечисть все еще здесь, — сказал коробейник. — И, может быть, совсем рядом. Мы в непосредственной близости от поместья, которое вы ищете, хотя я и не могу точно сказать, в какой оно стороне.

— Нечисть охраняет это поместье, — сказал аббат. — Это мы точно знаем. Возможно, большими силами. Там должны быть ловушки и засады, их надо остерегаться.

— Нам нечего остерегаться, пока мы топчемся тут на одном месте, — сказал Шишковатый. — Я предлагаю не торчать тут до утра, а то как бы нам опять не оказаться лицом к лицу с Нечистью.

— Откуда ты знаешь, что мы рядом с поместьем? — спросил римлянин.

— Наши друзья там, в убежище, знали, куда мы хотим попасть, — ответил коробейник. — От них ничего нельзя скрыть. Прежде чем начать действовать, они глубоко заглянули в ваши души.

— Но зачем им…

— Ведь вы ищете призму, верно? — сказал коробейник. — В той священной земле лежит тот, кто больше всех заинтересован, чтобы вы ее нашли. Да и другие заинтересованы немногим меньше. Если не считать дяди Харкорта, то за многие столетия вы первые и единственные, кто отправился на ее поиски, а это их самое горячее сокровенное желание. Так почему бы им не помочь вам, чем можно?

— Согласен, — сказал аббат. — На мой взгляд, в этом есть смысл.

Харкорту пришло в голову, что если коробейник говорит о том самом святом, он говорит что-то не то: ведь если у святого отняли душу, то в земле лежит всего лишь его бренная плоть.

Нахмурившись, он пытался разобраться во всей этой путанице, но не мог. Может быть, коробейник говорит и о тех чародеях, кто тоже там похоронен? Но почему это так интересует чародеев? Разве что они действовали общими усилиями — святости отшельника оказалось недостаточно, чтобы изгнать из этого мира Нечисть, и ему понадобилась помощь чародеев. А что если этого святого вообще никогда не было на свете, если вся легенда — плод фантазии, если нет никакой души и никакой призмы, а все их грандиозное предприятие — всего лишь пустая затея?

Он понурил голову, от души благодарный за то, что тьма скрывает от остальных и его, и его сомнения. Он мог бы спросить коробейника, но не хотел: тогда его упрямое неверие станет всем очевидно. А кроме того, задав коробейнику вопрос, он мог получить ответ, которого не хотел услышать. Вопрос задал аббат.

— На мой взгляд, в этом есть смысл, — повторил он. — Меня смущает только одна мелочь. Если наш святой остался без души, которую у него отняли…

— За него говорят другие, — не раздумывая ответил коробейник. — И действуют за него другие.

— Они помогали ему?

— Этого я не знаю. Но в глубокой древности здесь были люди, которые знали о нем и о том, чего он хочет добиться. Они преклонялись перед ним. Говорят, они любили его.

— Не такой уж это обстоятельный ответ, — проворчал аббат, — но придется, должно быть, им удовлетвориться. Но ведь чародей Лазандра…

— Лазандра — совсем другое дело, — сказал коробейник. — Он предал своих братьев. Бывает, что богатства и власть ослепляют.

Шишковатый потянул Харкорта за рукав. Харкорт обернулся и увидел, что тот отошел немного в сторону и манит его пальцем. Не раздумывая, Харкорт подошел к нему.

— Я отправляюсь наверх, — сказал Шишковатый. — Я не намерен сидеть здесь, как боров в хлеву, и ждать, пока не придут меня резать.

— Я иду с тобой, — сказал Харкорт.

— Одна из горгулий уже наверху.

— Да, я ее только что видел.

— Не нравится мне этот коробейник — уж очень он скользкий и слишком гладко говорит, — сказал Шишковатый. — Я сильно сомневаюсь, так ли точно он все это знает, как пытается представить.

— Я тоже, — согласился Харкорт.

Шишковатый начал подниматься на холм, двигаясь медленно, плавно и бесшумно, как тень. Стараясь идти так же тихо, Харкорт последовал за ним.

Они дошли до того места, где стояла на страже горгулья.

— Пойдем с нами, — сказал Шишковатый, обращаясь к ней. — Только не ломись через кусты напрямик, чтобы не наделать шума.

Горгулья ничего не ответила, как будто не слышала. Но, когда они снова начали подниматься по склону — на этот раз Харкорт немного впереди, а Шишковатый позади, — она пошла за ними, двигаясь так же бесшумно, как и они. На полпути к вершине Шишковатый остановился, Харкорт подошел к нему.

— Мы очутились между двух холмов, — сказал Шишковатый. — В узкой впадине между ними. Может быть, Нечисть притаилась на этом холме, может, на том, что стоит позади, а может быть, и на обоих. Нельзя, чтобы утро застало нас здесь. А этот безмозглый коробейник как будто всем доволен и даже ухом не ведет.

— У него нет боевого опыта, — сказал Харкорт. — Он просто не понимает.

— Он очень упрям, — сказал Шишковатый.

— Ну, если понадобится, я это упрямство из него вышибу, — пообещал Харкорт.

— Хуже всего то, что это не только упрямство, — сказал Шишковатый. — Еще и самонадеянность.

— Дойдем до вершины, — сказал Харкорт. — Тогда нам будет ясно, что делать.

Они продолжали подниматься на холм, двигаясь в ряд, то и дело останавливаясь, чтобы осторожно осмотреться, и прислушиваясь, чтобы не упустить ни малейшего шороха, готовые к любой неожиданности.

Достигнув гребня холма, оба присели на корточки, а горгулья остановилась как вкопанная между ними. У подножья холма простиралась широкая долина, а по другую ее сторону возвышался еще один холм.

— Там, в долине, что-то есть, — сказал Шишковатый. — Ты не можешь разглядеть, что это?

— Плохо видно, — ответил Харкорт. — Что-то темное. Еще слишком далеко до рассвета. Похоже на какое-то возвышение, а вокруг что-то вроде ломаной белой линии.

— По-моему, это стена.

— Дядя говорил, что поместье окружает стена. Только он не сказал, что за стена, а спросить мы

не догадались. Мы много о чем не догадались тогда спросить.

— Судя по всему, здесь, на гребне, Нечисти нет, — сказал Шишковатый.

— Если там находится поместье, — сказал Харкорт, — то белая линия это стена. Но что за стена?

— Должно быть, каменная.

— Дяде говорил, что она охраняется и что он пытался проникнуть внутрь, но не смог проскользнуть. Значит, можно предположить, что охраняемая полоса не слишком широка.

— Может быть, но охраны наверняка много. Не надо себя обманывать. Проникнуть туда будет нелегко. Надо как следует присмотреться, прежде чем начинать действовать.

— Оставайся здесь, — сказал Харкорт. — Я пойду на разведку вдоль гребня.

— Возьми с собой горгулью.

— Одному будет удобнее.

— А что ты рассчитываешь обнаружить?

— Не знаю. Что-нибудь.

Харкорт осторожно двинулся вдоль гребня вправо. Время от времени он останавливался и, затаившись в кустах, пытался разглядеть темное возвышение посреди долины, которое могло

быть заветным поместьем. Но ничего нового ему увидеть не удалось. Оно по-прежнему оставалось всего лишь темным возвышением, опоясанным белой линией, которую он то видел, то вообще терял из виду. Он догадался, что местами ее заслоняют деревья.

Гребень холма был почти весь покрыт лесом, хотя кое-где попадались поляны, которые Харкорт старался перебегать как можно скорее. Через некоторое время он пришел к твердому убеждению, что Нечисть где-то совсем рядом: он все время испытывал давящее ощущение ее близости. Но никаких подозрительных шорохов или других признаков ее присутствия заметно не было.

Гребень холма впереди внезапно прервался, словно выщербленный ударом исполинского кулака, образовавшим выбоину в его гладкой поверхности. Харкорт спустился по крутому склону выбоины и оказался в заваленной камнями ложбине. Повсюду лежали огромные валуны, а над ними, по ту сторону ложбины, поднималась отвесная скала, ярко белевшая в темноте. В ней виднелось отверстие — пещера, не слишком широкая, не слишком глубокая, но уходившая в глубь скалы. Перед входом в пещеру, среди валу-

нов, стояло несколько громадных дубов — таких Харкорту еще не приходилось видеть. У них были приземистые стволы чудовищной толщины и раскидистые ветви, тянувшиеся над самой землей. В промежутках между деревьями была хорошо видна раскинувшаяся внизу долина. Харкорт обошел деревья и всмотрелся вниз. Он мог различить там один только сгусток темноты — может быть, это и было поместье. Отсюда были видны лишь несколько разрозненных отрезков белой линии. На мгновение Харкорту показалось, что рядом со сгустком темноты мелькнул огонек, но если он и был, то сразу же исчез, и Харкорт никак не мог понять, видел он его на самом деле или ему показалось. Через некоторое время огонек появился снова — он ярко вспыхнул, потом почти угас, разгорелся еще ярче и погас окончательно. Харкорт долго ждал, затаив дыхание, не появится ли огонек еще раз, но видел только тьму. «Может быть, это сигнал? — подумал он. — Кто-то подает сигнал мне? Невероятно, ведь никто не может знать, что я здесь. Хотя Элоиза может знать, она может как-то догадаться, что я наконец пришел за ней». Он мысленно представил себе, как она в развевающемся белом платье, держа в руке тоненькую свечу и заслоняя ее другой рукой от

ветра, стоит и вглядывается в темноту, словно надеется его увидеть, а ветер треплет ей волосы, прядь которых по-прежнему скрывает ее лицо, как всегда в его сновидениях.

— Элоиза! — позвал он вслух и, спохватившись, умолк. Ему хотелось снова и снова повторять ее имя, но он чувствовал, что это нелепо, хотя и был убежден, что она здесь.

Чувствуя это, не задумываясь о том, откуда возникло это чувство, но радуясь ему, он начал размышлять, как до нее добраться. Дядя Рауль говорил, что поместье хорошо охраняется. Вряд ли его можно взять в лоб, приступом, даже если иметь настоящую армию. Дядя пытался проскользнуть сквозь сторожевую линию, но не смог, потому что охраны было слишком много. Харкорту подумалось, что дядя, наверное, хорошо умел тайком подкрадываться к цели, невзирая ни на какие препятствия. Он не так уж много знал о своем дяде, потому что, хотя тот и рассказывал множество увлекательных историй, он всегда становился на удивление скрытным, когда речь заходила о его собственных действиях. Стоя здесь, у входа в пещеру, и вглядываясь в темноту, где только что был виден огонек, Харкорт пожалел, что так плохо знал дядю Рауля.

Позади него скатился камешек. Он быстро обернулся и увидел маленькую тень, стоящую рядом с огромным валуном у самого входа в пещеру. Некоторое время он смотрел на нее, чувствуя, как в нем закипает раздражение.

— Так это ты? — сказал он. — Неужели я никогда от тебя не избавлюсь?

— Я рассудил, что рано или поздно ты достигнешь этого места, — прошепелявил тролль. — И я поспешил сюда, потому что я должен быть с тобой, пока ты не построишь мне мост. Без моста я ничто, даже меньше, чем ничто.

— Перестань болтать про свой мост, — прервал его Харкорт. — Ты знал, что я буду здесь?

— Я бежал очень долго и очень быстро, — ответил тролль. — Я совсем обессилел. Сначала нужно было сделать крюк, чтобы обойти скопище моих братьев — Нечисти, которые наверняка сердиты на меня за то, что я пошел с вами. Потом пришлось сделать крюк еще больше, чтобы обойти то зачарованное место…

— Ты знал, куда мы направляемся?

— До меня дошли кое-какие слухи. Я всегда держу ухо востро. Я бы сказал тебе, где лежит это место, но ты очень на меня сердился. Не знаю, правда, за что. Ты просто не дал мне случая

это сказать. Я пробовал много-много раз, но ты только отмахивался от меня, как будто я вообще ничего не значу.

Харкорт подошел к троллю, выхватил у него из руки конец веревки и дернул, туго затянув петлю у него на шее.

— Раз уж ты здесь, — сказал он, — можешь ты теперь сказать мне, как прокрасться мимо тех, кто сторожит поместье?

— Ты не сможешь, — ответил тролль. — Ты слишком большой и неуклюжий. Я бы мог туда проскользнуть. Я уверен, что в одиночку мог бы туда прокрасться.

— И какой мне был бы от этого толк?

— Не знаю, добрый господин. Если бы уж я попал туда, я бы мог что-нибудь придумать. Я должен сделать все, что смогу, лишь бы отплатить тебе за тот мост, который ты собираешься для меня построить.

Харкорт в раздражении отшвырнул конец веревки, который тролль тут же поймал.

— Пойдем со мной, — сказал Харкорт, — и веди себя тихо. Не говори ни слова.

В сопровождении тролля он вернулся на гребень холма, где ждал его Шишковатый.

— Я вижу, ты отыскал своего приятеля, — за-

метил тот.

— Это не я его отыскал. Это он меня отыскал. Он готов из кожи лезть, чтобы быть нам полезным.

— Ну что ж, посмотрим, — сказал Шишковатый.

— Я нашел пещеру, — сообщил Харкорт. — В скале под гребнем холма. Она хорошо укрыта валунами и деревьями. Это лучше, чем торчать в том ущелье у подножья холма. От пещеры видна вся долина вместе с поместьем, это прекрасный наблюдательный пункт. А если нападет Нечисть, у нас там будет прикрыт тыл.

— Оставайся здесь и стереги своего тролля, — сказал Шишковатый. — Если только шевельнется, перережь ему горло. Не очень-то я ему доверяю.

— Я тоже, — сказал Харкорт.

— До рассвета еще несколько часов. Мы должны добраться до пещеры и занять ее до того, как взойдет солнце. Я спущусь и приведу остальных. А ты оставайся с Чарлзом, — приказал он горгулье, недвижно стоявшей рядом.

Глава 26

Как только забрезжил рассвет, стало видно, что поместье в самом деле находится внизу, в долине, — как и предположили ночью Харкорт с Шишковатым. Белая линия, которую они видели, действительно оказалась стеной.

— По-моему, это каменная кладка, — сказал аббат. — Крепкая и массивная. И высокая. Как ты думаешь, какой она высоты?

— Отсюда трудно сказать, — ответил Шишковатый. — Я думаю, футов шесть, а то и выше. Скорее всего, выше. Я все ищу, где ворота. Кто-нибудь видит ворота? В ней должны быть ворота, и не одни.

— Не вижу никаких ворот, — сказал Харкорт.

Все трое сидели на корточках под огромными дубами, стоявшими у входа в пещеру.

— Мне кажется, время от времени там что-то движется, — сказал аббат. — Только никак не разгляжу, что́.

— Скорее всего, там кишмя кишит Нечисть, — сказал Шишковатый. — Я на одно надеюсь — что та орава, которая напала на нас перед тем, как мы добрались до зачарованного убежища, не явится

сюда к ним на подкрепление.

— Это маловероятно, — возразил Харкорт. — Они все еще там, ждут, когда мы попытаемся прорваться. Они же не могут знать, что нас там давно нет. Они думают, что мы в ловушке.

— Должно быть, ты прав, — согласился аббат.

— Наш тролль сказал мне ночью, что он мог бы проникнуть внутрь.

— А что это нам даст? — спросил Шишковатый.

— Скорее всего, ничего. Я его тоже об этом спросил, но он не знал, что ответить. Он сказал, что, может быть, найдет способ как-нибудь нам помочь, если туда попадет.

— Не верю я ему, — сказал Шишковатый. — По мне, лучше всего стукнуть его как следует по башке, и делу конец.

— Не уверен, — сказал аббат. — Чарлз, ты в самом деле обещал построить ему мост?

— Да. В минуту слабости я дал ему такое обещание.

— Мне кажется, это должно гарантировать нам его преданность, — сказал аббат. — Будь у него душа, он бы с радостью заложил ее дьяволу в обмен на мост.

Шишковатый с недовольным видом что-то

невнятно проворчал.

Горгульи стояли на посту среди деревьев. Поодаль на камне сидел Дециим и натачивал свой меч маленьким бруском. Аббат кивнул в его сторону.

— Странный человек. Держится так, будто считает, что навязывается. Словно он непрошеный гость. Ему бы сидеть здесь, с нами.

— Он хороший боец, — сказал Шишковатый. — Что, впрочем, неудивительно: война — его профессия.

— Может быть, он чувствует себя чужаком, — сказал Харкорт. — Он присоединился к нам, но не стал одним из нас.

— Я готов его принять, — заявил аббат.

— И мы все тоже, — подтвердил Харкорт, — Но он никак не может избавиться от своего невероятного римского гонора.

Нэн и Иоланда сидели в пещере, у самого входа, рядом с грудой мешков. Рядом с ними неподвижно стоял коробейник, опираясь на посох.

— Тоже странный человек, — сказал Шишковатый. — Что бы ни происходило, он всегда недоволен. Когда я спустился вниз, чтобы рассказать остальным про пещеру, он как будто ничуть не обрадовался. По-моему, он решил, что я соби-

раюсь его оттеснить.

— А сам он что-нибудь предложил? — спросил Харкорт.

Шишковатый покачал головой.

— Просто заупрямился, и все.

— Мне кажется, эта история ему не нравится, — сказал аббат.

— Может быть, дело в том, что он знает, как велика опасность, — предположил Харкорт.

— Если так, — вмешался Шишковатый, — то почему бы ему не поколдовать малость, чтобы хоть чем-то нам помочь? Ведь это он призвал тех чародеев или кто там был, чтобы перенести нас сюда из того зачарованного убежища.

— Сдается мне, что он немного оробел, — заметил аббат.

— И это мне тоже не нравится, — сказал Шишковатый. — Но раз уж мы здесь, надо что-то делать. Долго раздумывать нечего. Нас может заметить кто-нибудь из тех, кто прячется там, внизу, и тогда они опять кинутся за нами.

Харкорт подумал, что, если дойдет до бегства, у них очень мало шансов выбраться с Брошенных Земель. Вся Нечисть уже поднята на ноги и разыскивает их. Как только у нее появится подозрение, что они покинули зачарованное убежище, мно-

жество отрядов тут же примутся прочесывать всю округу.

— Нам надо бы присмотреться поближе, — говорил тем временем Шишковатый. — Нужно пойти на разведку. Пойду я и, наверное, Чарлз. Ты, аббат, оставайся здесь. Разведчик из тебя никудышный.

— Нам лучше идти порознь, — сказал Харкорт. — Меньше шансов, что нас заметят, а увидеть можно больше, чем если пойдем вместе.

— Меч оставь здесь, — посоветовал Шишковатый. — Он слишком громко звякает и может запутаться в ногах. Возьми кинжал. У Децима есть кинжал, пусть отдаст его тебе.

— А что будет делать Децим? — спросил аббат.

— Останется с тобой и коробейником. Римлянам привычнее открытый бой, они не приучены красться по кустам. И, ради бога, держите ухо востро, пока мы не вернемся.

Харкорт встал и пошел к пещере, отстегивая на ходу меч. Он подошел к Нэн, сидевшей на полу пещеры. Сзади нее стояла Иоланда, а рядом коробейник.

— Вот, — сказал Харкорт, протягивая ей меч с перевязью. — Побереги его для меня. Я иду на разведку.

— Это мое дело, — возразила Иоланда. — Я все время была разведчиком.

— Только не на этот раз, — сказал Харкорт.

— Но ты остался без оружия.

— Я возьму у римлянина кинжал.

— У меня есть кинжал получше. Он у меня постоянно заточен. У Децима кинжал очень неудобный.

Она протянула ему кинжал — тонкий, заостренный на конце, как шило, с трехгранным клинком, острым, словно бритва. Харкорт удивленно осмотрел его.

— Он хранится в нашей семье много лет, — сказала она. — Один из предков Жана принес его с собой с какой-то давнишней войны. Отобрал в виде трофея у какого-нибудь язычника, а тот, может быть, в свою очередь, отобрал его у кого-нибудь еще.

— Спасибо, — сказал Харкорт.

— Ты действительно не хочешь, чтобы я пошла с вами?

— Ты нужна здесь, — сказал Харкорт. — Если на вас нападут, без твоего лука не обойтись.

Он снял с плеча свой лук, положил на землю и взглянул на нее. Она стояла, сердито выпятив нижнюю губу.

— Прошу тебя, поверь мне. Ты в самом деле нужна здесь. Пойдем мы с Шишковатым. Мы постараемся вернуться как можно скорее. Нужно узнать, что там нас ждет.

Он огляделся.

— А где тролль?

— Только что был здесь, — ответила Нэн.

— Черт его возьми, вечно он куда-то исчезает, — сказал Харкорт. — Не верю я ему. Если придет обратно, никуда его не отпускайте.

Несколько секунд он стоял в нерешительности, борясь с желанием обнять Иоланду и расцеловать ее перед уходом, Вместо этого он только кивнул ей.

— Я пошел, — сказал он.

— Желаю тебе удачи, Харкорт, — сказал коробейник.

Харкорт ничего не ответил. Коробейник ему по-прежнему не нравился.

На опушке его ждал Шишковатый.

— Готов, Чарлз?

Харкорт кивнул.

— Ты направо или налево?

— Направо, — ответил Харкорт.

— Не спеши, — сказал Шишковатый. — Вспомни, чему я тебя учил, когда ты был мальчишкой.

Иди медленно. Держись за кустами. Хорошенько осмотрись, прежде чем двигаться. И не зевай.

Кустарник покрывал почти весь склон холма. То на четвереньках, то ползком Харкорт понемногу спускался вниз. Солнце еще не встало. Когда оно взойдет, оно окажется позади него, и тогда нужно будет прятаться особенно старательно. Но зато оно будет светить в глаза всякому, кто смотрит на холм из поместья, и заметить его станет труднее.

Харкорт полз вперед, то и дело застывая на месте и вглядываясь сквозь кустарник. В поместье не было заметно никакого движения. Стена, окружавшая его, густо заросла кустарником, а кое-где и деревьями. В них могло прятаться сколько угодно часовых. Однако если они там и были, их не было видно. Харкорт самым тщательным образом осмотрел ту часть стены, которая приходилась напротив него, пытаясь обнаружить чью-нибудь притаившуюся фигуру или какое-нибудь малейшее движение, но так ничего и не заметил. Впечатление было такое, будто там никого нет. Однако он знал, что там кто-то есть, не может не быть. Дядя Рауль видел стражу и попробовал, миновав ее, проникнуть внутрь, но повернул назад, поняв, что стражи слишком

много, что в одиночку ее не миновать.

Вот уже много лет, подумал Харкорт, Нечисть стоит на страже вдоль стены, притаившись в ожидании нападения, не покидая своего поста, хотя до сих пор никто сюда проникнуть не пытался. Впрочем, как знать, может, кто-то и пытался, но был отбит, и никто об этом так и не узнал? Но если такие случаи и были, то немного. Можно ли отнести к ним попытку дяди Рауля? Пожалуй, нет, ведь о его присутствии они так и не догадались. Будь на их месте люди, им давно надоело бы сидеть в засаде без всякой видимой пользы, они бы ослабили бдительность и только делали бы вид, что стерегут. А Нечисть — могло это ей надоесть или нет? Способна она отвлечься, расслабиться? Он пожал плечами. Кто знает? Кто может знать что-нибудь про Нечисть? Но полагаться на то, что она потеряла бдительность, не стоит.

Харкорт переполз от куста к кусту, от камня к камню, время от времени останавливаясь и внимательно осматривая долину. И вот он наконец в первый раз заметил стражу — какие-то неопределенные тени, сгрудившиеся в густом кустарнике у самой стены так тесно, что он никак не мог разглядеть их по отдельности. Сначала он подумал, что это ему только почудилось, и

только вглядевшись как следует, убедился, что они действительно там. Они не двигались — судя по всему, он все еще оставался незамеченным.

С удвоенной осторожностью он двинулся дальше, к подножью холма. Через некоторое время он снова остановился, но уже никого не мог разглядеть угол зрения изменился, и теперь они были скрыты зарослями кустарника.

Почему они прячутся? — подумал он. — Почему не стоят открыто? Ведь так легче отпугнуть незваных гостей, если они появятся. Может быть, Нечисть хочет, чтобы поместье казалось неохраняемым, чтобы никто не догадался, что здесь есть что охранять? Заброшенное и, скорее всего, неоднократно разграбленное поместье вряд ли может кого-нибудь заинтересовать. Может быть, это Нечисти и нужно больше всего — чтобы поместьем никто не интересовался?

Кустарник стал гуще, дальше пришлось двигаться ползком и гораздо медленнее. Казалось, зарослям не будет конца. Однако вскоре он подполз к опушке и долго лежал на животе, разглядывая поместье, которое было теперь гораздо ближе. Дом был большой, просторный, но не такой огромный, как показалось ему сначала. Красновато-желтая черепица кровли, выцветшая

от времени, мягко светилась в лучах восходящего солнца. Толстые балки выступали на поверхности оштукатуренных стен. Перед домом и, вероятно, со всех сторон его поднималась стена из белого камня, такая высокая, что заслоняла собой нижнюю часть дома. За стеной лежал парк, в центре которого стоял дом. Там виднелось несколько деревьев, а по зеленому газону были разбросаны клумбы с яркими цветами. Красивый парк, подумал Харкорт. Как будто совсем из другого времени.

Когда-то по этим лужайкам расхаживали родовитые римляне, а за столиками под деревьями сидели римские дамы, угощаясь пирожными, потягивая вино и весело болтая между собой. Теперь здесь не было ни души.

Кто-то тронул Харкорта за плечо. Задохнувшись от испуга, он мгновенно перевернулся на спину и занес правую руку с зажатым в ней кинжалом Иоланды, готовый нанести удар.

Перед ним стоял тролль с веревкой на шее.

Левой рукой Харкорт схватил его за горло и опрокинул на землю рядом с собой.

— Это ты! — прошипел он сквозь зубы. — Опять ты!

Тролль бился на земле, задыхаясь и пытаясь

что-то выговорить.

— Господин! — прохрипел он. — Господин!

— Зачем ты подкрался ко мне? Говори!

Харкорт немного разжал пальцы на его горле.

— Опасность! — задыхаясь, произнес тролль. — Господин, я хочу показать тебе, где опасность!

Харкорт снова перевернулся на живот, крепко держа тролля и прижимая его к земле. Тролль показал прямо вперед.

— Там западня, господин. Волчья яма.

— Волчья яма? Не вижу никакой волчьей ямы, — ответил Харкорт шепотом.

— Прямо перед нами. Вон в том месте, где нет травы.

— Таких мест здесь много. Я только что полз по голой земле.

— Но здесь западня, господин. Волчья яма, чуть-чуть прикрытая землей. Ты провалишься в нее, а там, на дне, торчат острые колья.

Харкорт пристально вгляделся в пятачок голой земли. На вид в нем не было ничего особенного.

— Откуда ты знаешь? — спросил он.

— Знаю. Чутьем. Я знаю своих соплеменников. Я знаю их привычки.

Харкорт не сводил глаз с места, на которое показывал тролль. Оно по-прежнему казалось ему

совершенно безобидным.

— Вон там, на полпути к подножью холма, большой валун, — сказал тролль. — За ним прячется великан. Он настороже. Он почуял опасность. Время от времени он выглядывает из-за валуна.

Харкорт посмотрел на огромный камень, торчавший из земли впереди, но не заметил никаких признаков великана. Однако вдоль всей стены, окружавшей поместье, Нечисть была. Она пряталась, но теперь, с близкого расстояния, он мог без труда ее разглядеть.

— Почему ты не хочешь отступить, господин? — спросил шепотом тролль. — Ты не сможешь туда попасть.

Харкорт ничего не ответил и продолжал вглядываться в кустарник у стены. Там пряталось множество Нечисти. Чем дольше он смотрел, тем больше ее видел.

И не только у самой стены. Немного ниже того валуна, за которым, по словам тролля, прятался великан, что-то припало к земле под кустом орешника. «Боже мой, — подумал он, — да они здесь повсюду! Странно, что они до них пор меня не заметили».

Харкорт подтолкнул тролля, и они поползли назад, в кусты. Тролль полз рядом, всхлипывая

с облегчением. Миновав самые густые заросли, они поползли дальше, вверх по склону, стараясь не показываться на открытых местах.

Прошло много времени, прежде чем они остановились, притаившись в густом подлеске.

— И так везде вокруг поместья? — спросил Харкорт. — Со всех сторон?

— Столько же стражи, господин, со всех сторон. Везде вокруг.

— Откуда ты знаешь?

— Ночью я ходил на разведку. Задолго до рассвета. Я обошел поместье со всех сторон.

— И все это ты разглядел в темноте?

— Господин, иногда я могу видеть лучше, чем ты. Я знаю, чего искать. Я сам из Нечисти. Я знаю, где искать и как. Я знаю, как думает Нечисть. Не поворачивайся, не высовывай голову — в небе драконы. А вон на тех холмах, по другую сторону долины, — гарпии.

— Тролль, — сказал Харкорт, — я человек. А ты из Нечисти. Я даже пальцем не шевельнул, чтобы помочь тебе, когда ты собирался повеситься. Я велел тебе прыгнуть и покончить с этим. Почему ты нам помогаешь?

— Я думал, ты понимаешь. Ради моста.

— Ах да, конечно, ради моста! Ну, тебе остается

надеяться, что мы вернемся домой целыми и невредимыми, чтобы я мог построить тебе мост.

— И к тому же они меня изгнали, — продолжал тролль. — Я пошел с вами. Я остался с вами. Я предал Нечисть. Я больше не с ними. Они меня затравят. С вами я или без вас, они все равно будут охотиться за мной.

Харкорт кивнул в знак того, что понял, и сказал:

— Я вижу стражу по эту сторону стены. А внутри она есть?

— Внутрь они не заходят, — сказал тролль. — Они боятся того, что там, за стеной.

— Они стерегут что-то такое, чего сами боятся?

— Только для того, чтобы туда никто не проник. Они боятся того, что там, внутри, но еще больше они боятся, что оно попадет в руки человека.

— А ты знаешь, что там такое?

Тролль замотал головой:

— Ходят разные слухи. Слишком много слухов. Я не могу отличить те, в которых правда.

Лежа в кустах, Харкорт размышлял. «Почему ты не хочешь отступить?» — спросил его тролль, и он промолчал. Может быть, это как раз такой случай, такая проблема — из тех, о которых так любят рассуждать церковники, когда никакого

ответа не существует. А вообще это, конечно, дикая, невероятная глупость, вынужден был он признать. Горсточка людей на Брошенных Землях против всех сил Нечисти! У них нет ни малейшего шанса на спасение. Вперед путь закрыт, назад тоже. Стоит им повернуть назад, как вся Нечисть, сколько ее есть на Брошенных Землях, кинется за ними по пятам. Уже сейчас их, наверное, ищут по всему пространству Брошенных Земель, прочесывая их во всех направлениях. Если бы не римляне, подумал он. Если бы сюда не сунулись римляне… Но римляне вторглись сюда, навлекли гибель на себя и подняли на ноги всю Нечисть.

Идти вперед, прорываться в это римское поместье, стоящее там, в долине, казалось столь же невозможным, как и отступать. Стража стоит вдоль всей стены, в небе летают драконы — он, правда, еще ни одного не видел, приходится верить на слово троллю, — а на холмах по ту сторону долины поджидают гарпии. «Это невозможно, — подумал он. — И то невозможно. Но всё же самое невозможное — повернуть назад, когда мы уже в двух шагах от цели. Там, внизу, — призма, в которую заключена душа святого; там, внизу, быть может, и Элоиза, и я не могу отступить, не

увидев ни призмы, ни Элоизы. Особенно Элоизы. Даже если больше никто со мной не пойдет, если все меня бросят, я спущусь с холма с поднятым мечом и выполню свой долг. Для меня никакого другого ответа быть не может».

— Не пора ли нам идти дальше, наверх? — робко спросил тролль.

— Наверное, пора, — ответил Харкорт.

Они вернулись к пещере, где ждали остальные. Аббат выбежал навстречу и схватил Харкорта за руку.

— Слава Богу, ты вернулся, Чарлз. И, я вижу, не один. Где ты его нашел?

— Это он меня нашел, — сказал Харкорт. — Прежде чем сообразить, кто это, я чуть не задушил его. Шишковатый вернулся?

— Пока нет. Вас долго не было. Мы ждали и очень волновались. Что вы узнали?

— Они в самом деле там, внизу. И их дьявольски много.

— Ты думаешь, мы сможем прорваться?

— Не знаю, — ответил Харкорт. — Это будет нелегко.

— Может быть, Шишковатый что-нибудь подскажет, когда вернется.

— Надеюсь, — сказал Харкорт.

К нему подбежала Иоланда:

— Мой господин, я боялась за тебя. Тебе надо было взять меня с собой.

— Как у вас тут дела? — спросил Харкорт.

— Ничего нового. Римлянин и коробейник стоят на страже. Они клянутся, что ничего не видели.

— И не увидят. Стражу не увидишь, пока не подойдешь вплотную.

Он протянул ей кинжал, она взяла его и сунула за пояс.

— Мне не пришлось им воспользоваться. Так что я его не затупил и не запачкал.

— Сегодня нам придется есть всухомятку, — сказала она. — Разводить здесь огонь нельзя.

— Не могу понять, как это они нас до сих пор не заметили, — сказал он.

— Быть может, заметили. И ждут, что мы будем делать.

— Мы сами еще не знаем, что будем делать, — сказал он. — Все время, пока мы добирались сюда, я только и думал о том, что мы будем делать, когда разыщем поместье. И решил, что там будет видно.

— Мы здесь всего несколько часов.

— Да, я знаю, — сказал он.

Он подошел к Нэн, все еще сидевшей у входа в пещеру, на том же месте, как и тогда, когда он уходил. Его меч с перевязью все еще лежал у нее на коленях.

— Тебе нравится эта девушка, — сказала она.

— Она дочь моего друга.

— Мельника, который служит твоему роду.

— И он и его семья, вот уже много лет. Но, Нэн… или тебя нужно называть леди Маргарет?

— Когда-то я была леди Маргарет. Но это было давно. Я уж останусь Нэн. Убить бы этого вашего коробейника. И что он лезет не в свое дело?

— Чародеи всегда суют нос куда не надо.

— Знаю. Этого можно было ожидать.

Из пещеры показался аббат.

— Шишковатый возвращается, — объявил он. — Я только что его заметил. Он уже близко.

Нэн протянула Харкорту меч с перевязью.

— Вот мы и опять все вместе, — сказала Иоланда.

— С ним все в порядке? — спросил Харкорт.

— Как будто да, — ответил аббат. — Ты сказал, что видел там, внизу, Нечисть?

Харкорт кивнул.

— Не заметили они нас?

— Я ничего такого не видел.

— Пока все как будто тихо, — сказал аббат. — Пожалуй, даже слишком тихо. Мы по очереди стояли на страже. И Децим, и горгульи. Никто ничего не видел.

Из-за огромного дуба появился Шишковатый и начал подниматься к пещере. Попугай, сидевший на плече у аббата, при виде его разразился пронзительными криками.

— Ты не можешь как-нибудь сделать, чтобы эта птица угомонилась? — спросил Харкорт аббата.

— С ней ничего не сделаешь, уж очень горласта. Есть она хочет, что ли?

— Сейчас принесу ей кусок хлеба, — вызвалась Иоланда. — Может быть, тогда замолчит.

— По крайней мере, на то время, пока его не склюет, — сказал Харкорт.

Шишковатый вошел в пещеру и тяжело уселся рядом с Нэн. Он взглянул на Харкорта:

— Рад, что ты вернулся.

— Я только что пришел.

— Там их видимо-невидимо, — сказал Шишковатый. — У тебя тоже?

— То же самое, — подтвердил Харкорт.

— Не вижу, как мы сможем прорваться, — сказал Шишковатый. — Или прокрасться. Я не смог обойти вокруг всей стены, времени не хватило.

Но подозреваю, что стража стоит везде.

— Тролль тоже так говорит.

— Откуда он может знать?

— Он ходил на разведку. Ночью. И сейчас спускался вниз со мной. Пожалуй, можно сказать, что он спас мне жизнь. Там была волчья яма…

— Не нравится мне это, — вмешался аббат. — С какой стати он нам помогает?

— Ему нужен мост, — сказала Нэн.

— А, опять то же самое, — недовольно отозвался аббат.

— А где римлянин? — спросил Шишковатый.

— Стоит на страже, — ответил аббат. — Вместе с горгульями.

— Надо бы ему быть здесь, — сказал Шишковатый. — Нам пора решать, что делать. Он должен при этом присутствовать.

— Он не считает себя одним из нас, — сказал Харкорт. — Как будто ему просто с нами по пути.

— Это нелепо, — сказал Шишковатый. — Он нас выручил. Конечно, он один из нас. Он это вполне заслужил.

— На таком военном совете, какой будет у нас, от него мало толку, — сказал аббат. — Он привык воевать иначе. Плечом к плечу со своими, лицом к лицу с врагом. Так уж он приучен. А нас слиш-

ком мало, чтобы так действовать.

— У него есть боевой опыт, — возразил Харкорт. — Он предостерегал своего трибуна. Будь он командиром, когорта ушла бы с Брошенных Земель до того, как ее перебили, и мы не оказались бы в таком положении. Я не уверен, что нам следует идти в наступление, но и отступать мы не можем. Все Брошенные Земли, должно быть, полны отрядов Нечисти, которые ищут нас. Они нас непременно выследят.

— Не нравятся мне эти разговоры об отступлении, — сказал Шишковатый. — Мы слишком далеко зашли.

— Наверное, мы все-таки можем что-нибудь сделать, — сказал аббат. — Знать бы только — что.

— Рано или поздно Нечисть нас почует, — сказал Шишковатый. — Думаю, что скорее рано. Не надо их недооценивать. Нет ничего хуже, чем недооценивать противника. Нечисть хитра. Не будь она хитра, ее давно стерли бы с лица земли.

— Если мы пойдем прямо на юг, — сказал аббат, — нам, возможно, удастся добраться до реки. А переправившись через нее, мы окажемся за пределами Брошенных Земель.

— Нечисть может погнаться за нами и через

реку, — заметил Харкорт. — Кроме того, река течет сначала на запад, а потом поворачивает на юг. Очень может быть, что отсюда до нее далеко.

— Я пока что не намерен удирать к реке, — сказал Шишковатый. — Слишком многое поставлено на карту. И слишком много сил мы потратили, чтобы добраться сюда.

Никто не ответил, все стояли молча. Иоланда подошла к аббату с кусочком хлеба в руке и протянула его попугаю. Тот схватил хлеб лапой и принялся жадно клевать.

— Ну вот, видите, — сказал аббат. — Я же говорил, что он голоден.

Нэн поднялась на ноги.

— По-моему, и мы все тоже проголодались. Но закусывать придется всухомятку. У нас есть хлеб, сыр и кость от окорока, на которой осталось немного мяса. Оно немного попахивает, но есть еще можно.

Из-за большого дуба выскочил Децим и начал бегом подниматься к пещере.

— Нечисть пошла в атаку! — крикнул он. — Они взбираются на холм!

— Похоже, все уже решено без нас, — сказал Харкорт. — Иоланда, не знаешь, где мой лук и стрелы?

Глава 27

Нечисть поднималась по склону холма. Ее было здесь пока еще не очень много — всего несколько маленьких кучек, числом не больше дюжины. Но новые и новые толпы ее выходили из зарослей у стены. Двигались они медленно, словно без определенной цели, неспешной походкой, волоча ноги, временами останавливаясь и вглядываясь вперед, как будто не совсем уверенные, что на холме кто-то есть.

Аббат толкнул Харкорта в бок и показал пальцем вверх. Харкорт поднял глаза и увидел лениво колышущиеся там грязные тряпки — с десяток, а может быть, и больше. Они были довольно высоко и летели тоже медленно и лениво, словно высматривая добычу. Так оно и есть, подумал Харкорт. Высматривают добычу.

Горгульи недвижно стояли, как часовые, там, где кончались дубы. Харкорт подумал, что снизу они должны выглядеть как старые сухие пни, хотя Нечисть, охраняющая поместье, конечно же, наверняка знает, что здесь никаких пней нет. Она слишком долго разглядывала этот косогор, чтобы знать, есть здесь пни или нет.

— Не будем спешить, — сказал аббат. — Придется подождать, пока они подойдут поближе. Мы не можем рисковать промахнуться. На счету каждая стрела.

— Одними стрелами их не остановить, — сказал Харкорт. — Когда они войдут в раж, никакие стрелы не помогут. Они не посмотрят на потери и будут рваться вперед. Они долго ждали и вот наконец дождались. Там, внизу, хранится что-то очень для них важное, иначе не понадобилась бы такая охрана.

— Мы знаем, что там хранится, — сказал аббат.

— Нам кажется, что мы знаем, — поправил его Харкорт. — Мы не можем быть абсолютно уверены.

Хотя совсем недавно он мог бы поклясться, что уверен. Дядя Рауль не дурак, он должен был знать, о чем идет речь. Однако сейчас у Харкорта начали появляться сомнения. Ни в чем нельзя быть уверенным до конца, подумал он.

— Уж не утратил ли ты веру? — спросил аббат.

Харкорт молча покачал головой. Он, конечно, не прав, только все равно ни в чем нельзя быть уверенным до конца.

— До сих пор мы хранили веру, — сказал аббат. — Мы хранили ее на протяжении всех этих

бесконечных лиг, невзирая на опасности. Мы не можем утратить ее сейчас.

— Я-то ее не утратил, — сказал Харкорт. — Я чувствую, что это она меня покидает.

Попугай доел последние крошки хлеба и поудобнее устроился на плече аббата, вцепившись когтями в его сутану.

Харкорт окинул взглядом их не слишком внушительный боевой порядок. Аббат и он стояли на правом фланге — впрочем, их было слишком мало, чтобы говорить о каких-то флангах. Левее его стояла Иоланда, хладнокровно и невозмутимо держа наготове лук. Интересно, подумал он, может что-нибудь нарушить ее спокойствие? Еще левее был римлянин — без лука, но с обнаженным мечом. Он стоял прямо, выпятив грудь, как будто по обе стороны от него простирался тесный строй боевых товарищей с мечами в руках.

А дальше припала к земле Нэн с огромным луком, который где-то подобрала, — он казался слишком тяжелым для ее слабых рук. Рядом с ней стоял, широко расставив кривые ноги, Шишковатый с луком наготове, а за плечами у него висела на ремне секира. Левее всех опирался на свой посох Андре-коробейник.

Харкорт поискал глазами тролля, но его не

было видно.

Внизу, на склоне холма, Нечисти заметно прибавилось. Понемногу она выстраивалась в цепь — опоздавшие подравнивались, а ушедшие вперед поджидали, пока их не догонят остальные. Местами цепь прерывалась, но все же это была цепь, и надвигалась она все быстрее. В тех местах, где Нечисти было больше всего, она теснила друг друга, чтобы занять место в первом ряду. Теперь в ее движениях была видна железная целеустремленность: Нечисть шла в решительный бой. И ни у кого из ее числа не было оружия, только когти и клыки. Харкорт припомнил, что точно так же они наступали на замок семь лет назад. Нечисть не признает оружия. Ей хватает когтей и клыков. «Может быть, она выше этого? — подумал Харкорт. — Может быть, это бешеная гордыня заставляет ее полагаться на один свой яростный напор? Абсолютная уверенность в своих силах? Или первобытная слепота? Может быть, для них было бы позором взять в руки оружие?»

Позади цепи кишмя кишела всякая мелочь — эльфы, гоблины, лесные духи, русалки и все остальные, а в воздухе тучами толклись феи, отливая на солнце стрекозиными крыльями. Мародеры, подумал Харкорт, Застрельщики. Задиры,

подстрекатели, подпевалы. Их бесчисленные толпы немногого стоили в бою, но выглядели устрашающе и могли бы напугать более робкого противника. Над головой кружили драконы. Они спускались все ниже, вытянув длинные шеи и поводя ими из стороны в сторону, выискивая жертву и готовые кинуться на нее с высоты. А с севера беспорядочной стаей приближались еще какие-то летучие чудища, помельче драконом, но такие же неуклюжие в полете.

— Гарпии, — сказал аббат.

«Несколько стрел, — подумал Харкорт, — а когда дойдет до рукопашной, два меча, булава, боевая секира, лук в руках у Нэн и посох коробейника. Это все, чем мы можем встретить полчища врагов, которые поднимаются по склону холма. Безумие! Но выбора нет, бежать уже поздно. Бежать с самого начала было поздно. С того момента, как мы появились здесь, мы были окружены и оказались в западне».

— Пора, — сказал аббат. С этими словами он натянул тетиву и спустил стрелу. Великан в самой середине наступавшей цепи зашатался и повалился ничком, хватаясь за стрелу, которая торчала у него в груди. Чудища падали и в других местах цепи, но таких было слишком мало. «Что

такое четыре лука? — подумал Харкорт. — Какой бы верной ни была рука, какими бы меткими ни были стрелы, им не остановить Нечисть».

Внизу, впереди линии лучников, выступили вперед горгульи. Их массивные лапы, похожие на толстые бревна, разили направо и налево, раскидывая Нечисть, как бирюльки. Цепь качнулась назад, но тут же обтекла горгулий с обеих сторон, как обтекает поток торчащие посреди него камни, и сомкнулась снова, оставив их позади.

Харкорт отшвырнул лук и выхватил из ножен меч: Нечисть была уже слишком близко. Он услышал, как слева от него Шишковатый с яростным ревом кинулся в битву, размахивая секирой и кося ею врагов, словно воплощение Смерти. Рядом с Харкортом Нечисть во множестве валилась на землю под булавой аббата. Над ним с пронзительными криками кружил попугай. Харкорт мимоходом заметил, что коробейник по-прежнему стоит где стоял, лениво — лениво! — опираясь на посох и с тупым равнодушием глядя на сражение, которое шло всего в нескольких футах от него. Хоть не убежал, сукин сын, пронеслось в голове у Харкорта. Остался на месте, пусть даже толку от него немного.

После этого все слилось в какое-то бесформен-

ное месиво. Харкорт колол и резал, делал ложные выпады и уклонялся от ударов, отпрыгивал назад и снова бросался вперед. Перед глазами у него мелькали, сменяя друг друга, отвратительные, искаженные яростью морды, и все они сливались в одну воплощение злобы и ненависти. Некоторое время бок о бок с Харкортом сражался Децим. Он бился спокойно и уверенно, как боевая машина, не говоря ни слова, не делая лишнего движения. Обученный вести бой, постигший все его секреты, он не испытывал ни радости, ни удовлетворения, ни злобы, ни увлечения. Он дрался, не сжигаемый ненавистью, и потому особенно эффективно. А потом римлянин куда-то исчез. Харкорт не заметил, когда это случилось, и не видел, что с ним произошло. Теперь рядом с Харкортом оказался аббат. То и дело разражаясь боевым кличем, он размахивал булавой, которую держал в обеих руках, повергая на землю всякого, кто оказывался в пределах досягаемости двадцатифунтового железного шара. А еще мгновение спустя аббат вместе с булавой исчез из вида, и рядом с Харкортом уже стояла тонкая фигурка в развевающемся плаще, когда-то белом, но за время путешествия сплошь покрывшемся грязью. Лицо ее было хмуро и сосредоточенно, а в руках

был меч — это мог быть только меч Децима. «Где же Децим? — мелькнуло в голове у Харкорта. — И как мог попасть к ней его меч?» Но он не успел додумать свою мысль, потому что Нечисть продолжала напирать со всех сторон. Где-то справа слышался боевой клич аббата, над головами с пронзительными криками кружил попугай, а слева доносился яростный рев Шишковатого.

И тут неожиданно, без всякого предвестия, по полю боя пронесся вихрь, а небо закрыла низкая темная туча, которая, яростно клубясь, будто и в небе тоже шла битва, опустилась вниз и окутала сражающихся. Ослепительная молния рассекла тучу. Харкорт вскинул руку, чтобы прикрыть глаза от слепящего света, и в то же мгновение над самой его головой прокатился оглушительный громовой удар. Харкорт упал на колени, попытался встать, но тут снова сверкнула молния, а сразу же за ней раздался новый раскат грома, который опять сшиб его с ног. Он ощутил какой-то странный удушливый запах, словно воздух наполнился серными парами, и в ноздрях у него закипало. А потом шум схватки вдруг сменился пугающей тишиной, призрачной и неестественной, будто молнии и гром стерли бесследно все остальные звуки.

Харкорт, шатаясь, поднялся на ноги. Повинуясь какому-то смутному побуждению, он оглянулся через плечо и увидел коробейника. Тот стоял на том же самом месте, что и раньше, но руки его были подняты вверх, а пальцы широко растопырены. Из каждого его пальца вылетали яркие искры — маленькие копии палящих молний. Пока Харкорт в изумлении глядел на него, искры вдруг погасли, и коробейник, словно переломившись пополам, бессильно осел на землю.

Нечисть в панике бежала вниз, отступая под защиту стены. Драконы, по-прежнему похожие на трепыхающиеся в воздухе тряпки, поспешно поднимались ввысь. Гарпий не было видно, исчезла и мелкая Нечисть, которая кишела позади наступавшей цепи. Склон холма был усеян обгорелыми, дымящимися телами пораженных молнией, многие из которых еще корчились в предсмертных судорогах. Ближе лежали груды убитых во время битвы.

Иоланда, все еще с мечом Децима в руке, подошла к Харкорту, обходя кучи трупов.

— Децим погиб, — сказала она.

Харкорт кивнул. Странно, что мы остались живы, подумал он.

Она подошла к нему ближе, он обнял ее и при-

жал к себе. Они стояли, тесно прижавшись друг к другу и глядя вниз, на изуродованные, дымящиеся трупы.

— Это коробейник, — сказал он. — А я все время думал о нем плохо.

— Он хороший человек, только немного странный, — сказала она. — Его трудно понять и еще труднее полюбить. Хотя я его почему-то полюбила. Он мне как отец. Это он вывел меня с Брошенных Земель и велел перейти реку. Он привел меня к мосту, слегка шлепнул по заду и сказал: «Иди через мост, малышка. Там безопаснее». Я пошла и пришла к дому мельника. Там был котенок, я села играть с ним…

— Коробейник! — вскричал Харкорт. — Я видел, как он упал!

Он круто повернулся и побежал вверх по склону, туда, где видел коробейника. Иоланда бежала за ним. Но там уже была Нэн. Она стояла на коленях рядом с коробейником.

— Еще жив, — сказала она. — Мне кажется, с ним ничего не случилось. У него просто иссякли силы. Всю свою энергию он потратил на то, чтобы вызвать молнии.

— Я принесу одеяла, — сказала Иоланда. — Надо его согреть.

Она побежала к пещере, а Харкорт снова взглянул вниз. Там устало поднимался по склону аббат с попугаем на плече. Одной рукой он поддерживал Шишковатого, который, хромая, шел рядом. На груди у него расплывалось ярко-красное кровавое пятно. Харкорт поспешил навстречу, но Шишковатый отмахнулся.

— Этот надоедливый и навязчивый церковник, — сказал он, — делает вид, что мне нужна его помощь. Я не возражаю только потому, что ему это доставляет удовольствие.

Они подошли к коробейнику и Нэн, и аббат помог Шишковатому усесться на землю.

— Он порядком изодран, — сказал аббат. — Но мы его перевяжем, и кровь остановится. Мне кажется, с ним все будет в порядке.

— Я очень на это надеюсь, — отозвался Шишковатый. — Впереди еще хватит работы, — и он показал рукой вниз по склону холма. — Нечисть опять собирается напасть. — Он посмотрел на коробейника. — Что это с ним? Упал в обморок от волнения?

— Это он призвал молнии, — ответила Нэн.

— Так вот оно что, — протянул Шишковатый. — А я-то думал, в чем дело. Никогда еще не видал такой неожиданной грозы. Только что было ясно,

и вдруг молнии.

Харкорт снял рубашку и принялся раздирать ее на узкие полоски для перевязки.

— У тебя еще осталась та мазь? — спросил он Шишковатого. — От нее раны лучше заживают.

— По-моему, немного должно быть. Только не забудь, ее нужно втирать посильнее, иначе не подействует.

— Не беспокойся, вотру как следует. Особенно в открытые раны.

— И лучше поспеши, — сказал Шишковатый. — Они вот-вот опять на нас пойдут, я должен к тому времени быть уже перевязан, чтобы взяться за секиру.

Харкорт отошел на несколько шагов, чтобы лучше видеть, что происходит у подножья холма. Действительно, Нечисть как будто снова строилась в цепь, но он решил, что ей понадобится еще некоторое время, чтобы двинуться вперед.

Иоланда принесла из пещеры несколько одеял, и тут же подошел аббат с мазью. Харкорт опустился на колени рядом с Шишковатым. Куском своей рубашки он отер кровь с его груди. Зрелище было страшное — раны оказались более многочисленными и глубокими, чем он подумал сначала. Шишковатого не просто кусали или ца-

рапали, его грызли. Харкорт продолжал обтирать раны, Шишковатый терпел не поморщившись, но потом нетерпеливо сказал:

— Давай скорее. Незачем вытирать начисто, просто замотай бинтами и затяни потуже. А с мазью возиться некогда.

Харкорт взглянул на стоящего над ним аббата и кивнул:

— По-моему, так и надо сделать. Втирать мазь нельзя, пока не перестанет течь кровь. Перевязка ее остановит. А мазь можно будет втереть потом.

— Никакого «потом» уже не будет, — задумчиво произнес аббат.

— А если так, то вообще незачем со мной возиться, — сказал Шишковатый. — Только перевяжите потуже. Ничего, отобьемся. Отбились же мы только что.

— Мы отбились благодаря коробейнику, — сказал аббат. — А он выбыл из строя. В следующий раз он нам уже не сможет помочь.

— Перестань каркать, Гай, — оборвал его Харкорт. — Лучше помоги мне перевязать Шишковатого. Он прав, отобьемся.

— Мы отступим к пещере, — сказал Шишковатый. — Вход в нее не шире шести футов, его легко будет защищать. И с нами будут горгульи.

— Последний оплот, — заметил аббат.

— На этот раз мы их остановим, — продолжал Шишковатый. — Им это дорого обойдется. Они отступят.

— А если они бросятся снова?

— Тогда мы снова их встретим. Перебьем всех до последнего. И в конце концов победим.

— Безусловно, — согласился Харкорт и подумал: «Безусловно, победим. В конечном счете победим, если только хоть кто-то из нас останется в живых».

Склонившись с двух сторон над Шишковатым, они туго обмотали бинтами его грудь. Когда перевязка окончилась, Шишковатый с трудом поднялся на ноги.

— Так куда лучше, — заявил он. — Считайте, что вы меня починили.

«Всего трое, — подумал Харкорт. — Меч, секира и булава, и еще Иоланда с мечом Децима, если понадобится. Наверное, понадобится. Еще горгульи помогут. Коробейник и Нэн не в счет, от них помощи ждать нечего. Не может же коробейник два раза подряд преподнести такой чудесный сюрприз».

Шишковатый потопал ногами, поднял с земли свою секиру и помахал ею в воздухе, потом по-

хлопал левой рукой по перевязкам.

— Как новенький, — заявил он. Однако по его виду сказать это было трудно. Сквозь бинты местами уже просочилась кровь, а при каждом взмахе секиры он кривился от боли.

Харкорт спустился по склону до того места, где кончались деревья, и посмотрел вниз. Там, у подножья, Нечисть снова выстроилась в цепь, которая казалась ничуть не реже, чем вначале. В воздухе вновь кружили драконы и гарпии. Ближе, у самой опушки, валялись груды тел, сожженных молнией, — от них поднимались струйки едкого дыма. Горгульи, до сих пор стоявшие на посту немного ниже по склону, повернулись и начали неуклюже подниматься к пещере. Цепь Нечисти пришла в движение и стала медленно приближаться.

— Как, по-твоему, Шишковатый? — спросил аббат, подошедший сзади.

— Плохо его дело, — ответил Харкорт, — Из двух ран шли пузырьки, а на краях была пена. Они очень глубокие. Наверное, легкие задеты.

— Ты ничего об этом но сказал.

— Незачем. Шишковатый знает это не хуже меня. Мы ничего не можем сделать. Будь мы даже в таком месте, где можно найти хирурга, он мало

чем мог бы помочь.

— И что дальше?

— Пусть сражается вместе с нами. Он этого хочет. Иначе будет чувствовать себя опозоренным. Он не потерпит, если мы начнем с ним нянчиться.

— Я за ним присмотрю, — сказал аббат.

Горгульи миновали их и продолжали подниматься по склону.

— Надо бы поискать тело Децима, — сказал аббат.

— Не время сейчас разыскивать тела. Нечисть вот-вот подступит.

— Нужно произнести над ним хоть несколько слов. Проявить сострадание.

— Он был солдат, Гай. Он знал, что его могут убить в любую минуту и никто никаких слов произносить над ним не будет. Я думаю, прощальные слова для него не так важны, как для тебя.

— Ты хочешь сказать, что он был язычник?

— Ну, этого я не хотел сказать. Хотя и такое возможно. Христианство не так прочно укоренилось в Империи, как ты думаешь.

Аббат что-то проворчал про себя.

— Пойдем к пещере, — сказал Харкорт, повернулся и остолбенел. — Гай, смотри!

Горгульи подошли к деревьям и начали с большим трудом карабкаться на них, каждая на свое.

— Они дезертируют! — вскричал аббат. — Хотят спрятаться!

Он с криком бросился вперед, но Харкорт схватил его за руку.

— Не трогай их, — сказал он. — Если они собираются выйти из игры, не будем их принуждать.

— Но без них нам крышка, — возразил аббат.

— Да и с ними нам, скорее всего, тоже крышка, — сказал Харкорт.

Они стояли и смотрели, как горгульи, с трудом добравшись до нижних ветвей, которые, правда, росли не так уж высоко над землей, полезли вверх быстрее и вскоре скрылись среди листвы.

Харкорт снова двинулся к пещере. Оглянувшись через плечо, он увидел, что Нечисть набрала скорость и скоро будет здесь.

Аббат потянул его за рукав:

— Ничего, встретим их вместе, Чарлз.

— И Шишковатый.

— Да, и Шишковатый с нами.

Не успел он договорить, как откуда-то сбоку послышался треск. Повернувшись, он увидел, что один из огромных дубов вдруг начал раскачиваться из стороны в сторону, а его раскидистые

корни, вырвавшись из земли, оперлись на нее, напряглись и приподняли дерево, а потом собрались в клубок под самым стволом.

Снова послышался треск — еще несколько дубов начали раскачиваться, и из земли показались их корни. Аббат поспешно перекрестился и пробормотал что-то по-латыни. Харкорт стоял, не в состоянии вымолвить ни слова, и глядел, как все четыре дерева, на которые только что залезли горгульи, вырвались из земли. Несколько мгновений они стояли неподвижно, опираясь на корни и чуть покачиваясь, а потом тяжело и величественно двинулись вперед, вниз по склону.

От пещеры к Харкорту и аббату, хромая, быстро спускался Шишковатый, с боевым кличем размахивая над головой секирой. Дальше шли остальные. Коробейник опирался на руку Нэн и на свой посох. Иоланда обогнала Шишковатого и подбежала к Харкорту.

— Что происходит? — спросила она.

— Точно не знаю, — ответил Харкорт. — Только стой тут, посередине, подальше от деревьев.

Он заметил, что дубы становятся в круг, окружая их: один впереди, по одному с боков и один сзади.

— Это сделали горгульи, — задыхаясь, выгово-

рил аббат. — Они залезли на эти деревья.

Все шестеро сгрудились в тесную кучку. Деревья, шагая на извивавшихся корнях, как многоногие пауки, сомкнулись вокруг, оставив для них посередине немного свободного места, и двинулись вниз по склону. Со всех сторон от них спускались до самой земли ветви и торчали корни.

Аббат лениво помахал булавой.

— Пожалуй, Нечисти сюда не пробиться, — сказал он.

— А если кто и пробьется, — сказал Шишковатый, — мы с ними управимся.

— Будьте осторожны, когда дойдем до подножья холма, — предупредил Харкорт. — Там западни и волчьи ямы.

— Что это за чародейство? — воскликнул коробейник слабым, надтреснутым голосом. — Что за чародейство заставило деревья сдвинуться с места?

Иоланда схватила коробейника за руку и отобрала у него посох.

— Мой посох! — вскричал он.

— Он тебе только мешает, — сказала она. — Того и гляди споткнешься.

Все это время, пока они переговаривались,

деревья двигались вниз по склону. Их кроны сомкнулись над головами людей, словно зонтик, закрыв от них небо. Со всех сторон стояла сплошная стена переплетенных ветвей, посреди которых осталось лишь немного места, где люди могли шагать. Толстые, могучие корни, извиваясь, ползли по земле, время от времени больно задевая их за ноги своими концами.

— Смотрите под ноги, — сказал Харкорт. — Старайтесь не споткнуться и не упасть, иначе корни пройдут по вашим телам. Видимо, деревья уже достигли цепи Нечисти: со всех сторон до людей доносились вопли звериной ярости, бешеной ненависти, безумной злобы. Чудовища были вне себя; они видели, что добыча ускользает.

Харкорт попробовал было выглянуть наружу сквозь листву, но не мог отыскать в ней ни малейшего просвета. Занятый этим, он забыл о том, что нужно смотреть под ноги, как сам же предупреждал остальных, споткнулся обо что-то и чуть не потерял равновесие. Чтобы не упасть, он сделал большой шаг вперед и наступил на что-то скользкое и извивающееся. Он взглянул вниз и увидел, что это искалеченное тело тролля — он угодил под ползущие корни переднего дерева, которые раздавили и расплющили его.

Слева от Харкорта сквозь ветви свалился внутрь еще один тролль сильно помятый, растерянный и окровавленный. Харкорт занес было меч, но не успел нанести удар: секира Шишковатого опустилась троллю на голову, и тот свалился на корни с раскроенным черепом и вывалившимися мозгами. Он так и остался лежать распростертым на корнях, покачиваясь вместе с ними. Хотя Харкорт не мог видеть, что происходит, но по движению ветвей, обращенных внутрь, он догадался, что наружные ветви яростно молотят кидающуюся на деревья Нечисть, неумолимо кося все на своем пути. Мало кому из чудовищ удавалось прорваться сквозь эту завесу, чтобы добраться до людей посередине.

Под ногами у них время от времени появлялись мертвые или умирающие чудища, втоптанные в землю шагавшими корнями. Еще несколько великанов, троллей и гарпий ценой отчаянных усилий миновали хлеставшие со всех сторон ветви, но люди были наготове и тут же их приканчивали. Некоторое время они висели на ветках, колыхаясь вместе с ними, но потом срывались и падали под корни, которые всей тяжестью неумолимо заползали на них и оставляли раздавленными позади. Один раз люди внезапно

увидели у себя под ногами зияющую волчью яму, но вовремя успели броситься в сторону и повиснуть на ветвях и благополучно ее миновали.

Земля под ногами уже не так круто спускалась вниз, а постепенно стала и совсем ровной. Яростные вопли Нечисти, доносившиеся снаружи, начали стихать — их сменили жалобные завывания, которые эхом отдавались от холмов, окружавших долину.

— Они разбиты, — сказал аббат. — Они знают, что разбиты, что мы их одолели. Они не смогли уберечь свое сокровище. Мы, наверное, уже у самой стены.

Как только он это сказал, все ощутили толчок и услышали треск: деревья уперлись в стену. На мгновение они остановились, но потом снова двинулись вперед, и Харкорт услышал, как стена с грохотом рушится.

Деревья переползли через ее остатки, и людям внутри пришлось карабкаться по грудам камней.

Теперь под ногами у них была трава — гладкий, аккуратно подстриженный газон. Деревья расступились, открыв людям выход из тесного пространства между ними, и отодвинулись в стороны. Все было кончено.

Харкорт оглянулся на холм, с которого они спустились. От самой рощицы перед пещерой тянулся по земле двойной ряд убитых и искалеченных чудовищ, поверженных ударами ветвей шагающих деревьев. По обе стороны его поодиночке и кучками стояли те из чудовищ, кто остался в живых. Они оглашали воздух печальными завываниями побежденных, предсмертными воплями потерпевшего поражение врага.

Здесь мы в безопасности, подумал Харкорт, вспомнив, что говорил ему тролль с веревкой на шее: «Нечисть не смеет проникнуть за стену, она смертельно боится того, что там хранится». Позади них, среди лежавшей двойным рядом поверженной Нечисти, он заметил какое-то движение — это выползали из-под трупов изувеченные чудовища, в которых еще теплилась жизнь.

«Мы дошли до цели, — подумал Харкорт. — Мы наконец достигли того места, на поиски которого отправились так давно. Всего несколько футов этого ухоженного зеленого газона отделяют нас от Элоизы и от призмы Лазандры. Теперь никаких сомнений уже не осталось». Он вспомнил, как, стоя на холме, видел огонек свечи, который мигнул на ветру и погас. И как он думал, не Эло-

иза ли держала в руках эту свечу, заслоняя огонь левой рукой, как-то догадавшись, что он здесь, что он видит огонек свечи, посылая ему сигнал, извещая, что ждет его.

— Элоиза, — произнес он почти неслышно. Ему захотелось вспомнить ее лицо, но его по-прежнему закрывала прядь волос, развеваемых ветром, и он не мог его вспомнить.

К нему подошел аббат с попугаем на плече.

— Чарлз, — сказал он тихо, — Шишковатый зовет. Он хочет поговорить с тобой.

— Шишковатый? Ну, конечно. Как он?

— Он умирает, — сказал аббат.

«Не может быть, — подумал Харкорт. — Только не Шишковатый. Только не мой старый друг. Шишковатый неистребим, Шишковатый вечен!» Но он припомнил кровь, которая пенилась у него в ранах, когда они перевязывали его туго-натуго, как просил он сам.

С тяжелым сердцем Харкорт вслед за аббатом пересек поляну и подошел к тому месту, где лежал на земле Шишковатый. Глаза его были закрыты, но когда Харкорт опустился на колени рядом с ним, они открылись. Он неуверенным движением протянул руку, Харкорт схватил ее и сжал в своей руке.

— Шишковатый, — сказал Харкорт и умолк. Больше он ничего не мог выговорить.

— Хочу сказать только одно, — сказал Шишковатый. — Обещай мне, что не дашь этому святоше ничего надо мной бормотать. Удержи его насильно, если надо будет.

— Обещаю, — ответил Харкорт.

— Еще одно. Не горюй. Я знал, что это случится…

— Откуда ты мог знать? — спросил Харкорт. — Уж не думаешь ли ты…

— Помнишь Колодец Желаний? Я хотел заглянуть в него, но тут тебе понадобилось снять веревку с шеи дракона.

— Я не стал ее снимать, — сказал Харкорт. — Он носил ее все эти годы, она принадлежит ему. Я только протянул руку, чтобы ее снять, и понял, что она по праву принадлежит ему.

— Пока ты этим занимался, я ходил к колодцу.

— Да, и когда я тебя спросил, что ты видел, ты сказал, что себя. Ничего удивительного — обычно себя и видишь, когда глядишь в колодец.

— Я сказал тебе правду, — продолжал Шишковатый. — Я видел себя, только мертвого.

Харкорт хотел что-то сказать, но не смог.

— Я не особенно удивился, — сказал Шишкова-

тый. — Я знал, что смерть близка, что она идет за мной по пятам. Помнишь, я тебе говорил, что люди моего племени живут намного дольше человека и что мы не стареем и не дряхлеем, а умираем раньше, еще в расцвете сил. Раньше, чем начинаем стареть.

— Помню.

— Когда я увидел себя в колодце, я понял, что уже не вернусь домой. Но это не самый плохой способ умереть. Ты расскажешь обо всем своему деду? Он поймет и не удивится. Он знал, что такое может случиться. Мы с ним были как братья. У нас не было секретов друг от друга.

— Ему будет не хватать тебя, — сказал Харкорт. — И мне тоже. И всем нам.

— Расставаться с жизнью мне не жаль, но мне очень не хочется оставлять вас. У вас впереди еще долгий обратный путь. Я надеялся, что успею еще немного вам помочь.

Харкорт опустил голову и вспомнил прежние дни — истории, которые рассказывал ему Шишковатый, птичьи гнезда, лисьи норы и цветы, которые он ему показывал и называл, и как он учил его разбираться в звездах и находить север по небесной Повозке.

Шишковатый снова закрыл глаза. Повязка у

него на груди была вся пропитана кровью. Рука его дрогнула, потом опять крепко стиснула руку Харкорта. Он открыл глаза.

— Секира теперь твоя, — сказал он.

— Я буду беречь ее, — ответил Харкорт, стараясь сдержать слезы. — Я повешу ее на стене замка, рядом с большим камином.

— Не горюй обо мне сверх меры. И запомни, никаких заупокойных слов. Никакого аббатского бормотанья.

— Слов не будет, — пообещал Харкорт.

— Оставьте меня как есть. Не копайте никаких ям. Завалите меня камнями, чтобы не добрались волки. Терпеть не могу волков. Не хочу, чтобы эти грязные пожиратели падали растащили мои кости по всей округе.

— Тут много камней, из которых была сложена стена, — сказал Харкорт. — Я завалю тебя ими. Я сам их принесу.

— Еще одно…

Но глаза его снова закрылись, и он начал задыхаться, хотя рука его все еще крепко сжимала руку Харкорта. Харкорт увидел, что рядом стоит аббат, и поднял голову.

— Еще не все, — сказал он. — Он еще держится. Хочет еще что-то сказать.

— Я слышал, как он говорил, что не хочет никаких прощальных слов, — сказал аббат. — Я выполню его желание. Я люблю Шишковатого. Я всегда его любил, а в нашем путешествии он проявил себя как настоящий друг. Когда я сам был близок к смерти, он дотащил меня в бурю до хижины Нэн.

Шишковатый пошевелился, и глаза его снова открылись.

— Я слышал, — сказал он. — Я слышал, только как будто издалека. Аббат хороший человек, преданный своей вере, и хороший товарищ в пути. Я полюбил его. Передай ему, что я сказал.

— Он стоит здесь. Он слышит, что ты говоришь.

— Да, еще Элоиза, — сказал Шишковатый.

— Что Элоиза?

— Не Элоиза, — сказал Шишковатый. — Ты слишком долго был ослеплен. Не Элоиза. Не она твоя любовь.

Его рука ослабла и выскользнула бы из руки Харкорта, если бы тот не сжал ее крепче.

«Так далеко от дома, — подумал Харкорт. — Умереть так далеко от дома!» Он представил себе деда, сидящего в замке у огня, и подумал, какое у него станет лицо, когда Харкорт сообщит ему

эту весть. «И хуже всего, подумал он, — что я ничего не смогу ему сказать, ничем не смогу его утешить».

Аббат подошел ближе, протянул руки, помог Харкорту подняться на ноги и постоял, поддерживая его. Слезы стекали по щепам аббата в растрепанную бороду. Потом он нагнулся, поднял с земли боевую секиру и вложил в руку Харкорту.

— Он отдал ее тебе, — сказал он. — Держи ее крепче. Она твоя.

Глава 28

Аббат поднял булаву, постучал в дверь еще раз и подождал. Ответа не было.

— Не открывают, — сказал он. — Они должны знать, что мы здесь. Должны знать, что тут случилось. Почему они не открывают?

Попугай у него на плече что-то проскрипел.

— Мы сделали все, что полагается, — сказал Харкорт. — Они слышали, как ты стучал своей страшной булавой. Не могли не слышать.

— Я постучу еще.

— Не надо, — сказал Харкорт. — Ломай к дьяволу эту дверь.

— Мы сделали все, чего требуют приличия, — согласился аббат. — Отойди в сторонку.

Харкорт сделал шаг назад и наткнулся на Иоланду, которая стояла позади. Протянув руку, он поддержал ее, чтобы не упала.

— Жаль ломать такую дверь, — сказала она. — На ней очень красивая резьба.

Аббат не обратил на ее слова внимания. Он размахнулся булавой, и дверь подалась, треснув сверху донизу. Он нанес еще удар, и дверь рухнула, только одна сломанная, зазубренная

доска осталась висеть на петлях. Харкорт ногой отшвырнул в сторону обломки и шагнул внутрь, в маленький вестибюль, за которым лежат атриум.

Атриум освещали пылающие факелы, воткнутые в шандалы на стенах. Пол был вымощен разноцветными плитками, изображавшими лесной пейзаж с деревьями, цветами и пастухом, окруженным овцами. Вдоль стен, между дверей, что вели из атриума в боковые комнаты, стояли стеклянные витрины, полные сверкающих драгоценных металлов и дорогих камней.

В одной из дверей, выходивших в атриум, показался какой-то человек преклонных лет в выцветшем от времени черном одеянии. Лицо его казалось бесформенным белым пятном. Он сделал несколько шагов вперед и остановился, покачиваясь. Вместе с ним появилось еще несколько теней — одни были хорошо видны, о присутствии других можно было лишь догадываться по слабому мельканию на стенах, по мерцанию белых пятен, по едва слышным стонам, доносившимся неизвестно откуда.

— Привидения, — сказал аббат. — Это обитель привидений. Они ее хранители.

«И если бы я не пришел, чтобы спасти Элои-

зу, — подумал Харкорт, — со временем она тоже превратилась бы в привидение, в тень на стене. Надолго, а может быть и навсегда, она стала бы тенью, издающей жалобные стоны в ожидании, когда по какому-нибудь неведомому стечению обстоятельств не придет освобождение. Может быть, она и старик в выцветшем черном одеянии единственные живые существа под этой крышей».

Но где же Элоиза? Почему она не ответила, когда дверь грохотала под ударами булавы?

Харкорт шагнул вперед, аббат за ним. Шаги их гулко прозвучали в тишине, раскатившись эхом по залу.

Усыпанная драгоценными камнями диадема в одной из витрин разбрасывала в свете факелов огненные блики. На пурпурной бархатной подушке лежала сверкающая сабля. Браслет чистого золота, блестящий серебряный кубок, украшенный самоцветами, отделанные золотом шпоры, уздечка, усыпанная бриллиантами, чаша, еще один кубок из половины кокосового ореха, рог для вина из слоновой кости с тончайшей резьбой…

— Сокровищница, — сказал аббат. — Добыча, которую много лет свозили сюда из многих стран. Но я не вижу призмы, за которой мы сюда

пришли.

— Она здесь, — сказал Харкорт. — Должна быть здесь. Мы еще не все видели. Нечисть боялась этого места, она не могла сюда ступить. Она не стала бы бояться сокровищ, которые мы здесь видим. Призма — единственное, чего она могла бояться.

Он стоял, разглядывая содержимое витрин, и вдруг поднял голову. Из двери, за которой исчез человек в черном, показалась женщина. Что-то в ее манере держаться показалось ему знакомым, он вгляделся в ее лицо, но не мог его разглядеть. Сейчас ему не мешала выбившаяся от ветра прядь волос, здесь не было никакого ветра, и все же он не мог разглядеть ее лицо.

— Элоиза? — спросил он осторожно. — Элоиза, это ты?

— Да, я Элоиза, — прозвучал в ответ ясный, высокий голос. — Но откуда ты, варвар, знаешь мое имя? И что ты здесь делаешь? Ты не имеешь права здесь находиться. Тебя должны были остановить задолго до того, как ты достиг стены.

— Элоиза, это я, Чарлз. Чарлз Харкорт. Ведь ты меня помнишь?

В ее голосе зазвучали хрустальные льдинки.

— Да, кажется, помню. Но ты всего лишь слабое, далекое воспоминание. То, что мы когда-то были

знакомы, еще не дает тебе права являться ко мне. Прочь! Собери своих грязных сообщников и иди прочь!

Он все еще не мог разглядеть ее лицо.

— И не смей ничего трогать, — сказала она, — Даже пальцем. Не трогай ничего своими грязными ручищами.

Стоны привидений стали громче, они заполнили весь зал.

— Позволь, дитя мое, — сказал аббат. — Ты както странно себя ведешь. Я помню тебя девочкой, милой, очаровательной и по уши влюбленной в Чарлза. Мы искали тебя в замке Фонтен, но не нашли…

— Ну, вот вы меня нашли, — ответила Элоиза. — Вы удовлетворены? Теперь, прошу вас, уходите прочь.

— Но мы пришли, чтобы спасти тебя. Нам удалось…

— Меня не надо спасать. Я хранительница этих сокровищ. Мне поручено святое дело хранить их, и я…

— Дитя мое! — вскричал аббат. — Опомнись!..

— Мой господин! — шепнула Иоланда, стоявшая рядом с Харкортом. — Инструменты! Инструменты для резьбы!

Она схватила его за руку и показала на одну из витрин.

— Это замечательные инструменты!

Элоиза с угрожающим видом шагнула вперед.

— Руки прочь! — крикнула она. — Это не ваше! Это принадлежит мне! Все здесь принадлежит мне!

— Ты имеешь полное право их трогать, — сказал Иоланде коробейник. — Ты имеешь право их взять. Они принадлежат тебе. Это инструменты твоей матери.

— Нет! — взвизгнула Элоиза. — Никто ничего отсюда не возьмет!

Она бросилась к Иоланде, растопырив пальцы, похожие на когти. Харкорт прыгнул ей навстречу, протянув вперед руку, чтобы остановить ее. Элоиза со всего размаха натолкнулась на его руку и отлетела назад. Она пошатнулась, рухнула на пол и покатилась по мозаичным плиткам. Харкорт шагнул вперед и встал над ней.

— Прочь с дороги, — загремел он в гневе. — Твоя стража разгромлена. Там, за стеной, валяются груды Нечисти, мертвой и умирающей. Ты здесь больше не хранительница. Мы возьмем все, что захотим.

Элоиза поползла от него на четвереньках, тря-

сясь от злобы и шипя, словно разъяренная кошка. Достигнув двери, через которую она вошла, Элоиза поднялась на ноги, опираясь на косяк.

— Ты никогда не вернешься домой, — крикнула она Харкорту. — Ты уже покойник. Все вы покойники. Каждого из вас постигнет моя месть. Ваши тела будут разорваны в мелкие клочья и развеяны по ветру, так что даже волкам нечем будет поживиться.

Харкорт повернулся к ней спиной и протянул Иоланде обе руки. Иоланда быстро подошла к нему, и он прижал ее к себе.

— Она целилась мне в глаза, — воскликнула Иоланда. — Она хотела их выцарапать. Если бы ты не остановил ее.

Разразившись рыданиями, она уронила голову ему на грудь.

— Инструменты! — выговорила она сквозь слезы. — Инструменты для резьбы. Я всю жизнь хотела такие иметь. Жан кое-что мне сделал, он старался, как мог, но они такие неудобные…

— Ты говоришь, это инструменты Марджори? — сказала Нэн коробейнику. — Значит, это она вырезала горгулий? Мне это приходило в голову, но я ничего не сказала. Это показалось мне невероятным.

— Да, леди Маргарет, это она их вырезала. Я видел, как она работала над ними. Она и Джон — трубадур, с которым она убежала.

— А заколдовал горгулий ты?

— Я сделал, что мог. Мои чары слабы. Мы с Джоном подняли горгулий и установили их на место. А потом я заколдовал их, хотя и не был уверен, что мне это удалось.

— Вполне удалось, — сказал Харкорт. — Сегодня они спасли нам жизнь. Коробейник, сегодня ты спас нас дважды.

Иоланда подняла голову с груди Харкорта.

— Значит, ты моя бабушка, — сказала она Нэн. — По-моему, я с самого начала это чувствовала. Ты казалась мне совсем родной. Значит, моя мать тоже работала по дереву?

— Похоже, что и ты этим занимаешься? — ответила Нэн. — Почему же ты мне об этом ничего не сказала, проказница? Ты очень много чего мне не сказала. Я тоже чувствовала, что мы с тобой совсем родные, и я задавала тебе много вопросов, но ты не отвечала.

Нэн подошла к Харкорту и Иоланде.

— Молодой человек, — сказала она, — уступика мне ненадолго мою внучку. Совсем ненадолго.

С другого конца зала донесся сдавленный голос

аббата:

— Чарлз! Чарлз, смотри! Я нашел ее!

Нэн протянула руки к Иоланде. Харкорт обернулся и увидел, что аббат держит высоко над головой что-то похожее на сияющую радугу, горящую всеми цветами в отсветах факелов на стенах.

— Призма, — прошептал Харкорт. — Призма Лазандры.

— Она была в одной из витрин, — сказал аббат. — Я увидел ее, взял в руки, и она всего меня обдала пламенем. Ее пламя светит на весь мир. В ней пламенеет душа святого.

Попугай слетел с плеча аббата и принялся, пронзительно крича, описывать круги в воздухе.

— Значит, все кончилось, — тихо сказал коробейник. — Ваша миссия завершена, и те, кто покоится в зачарованном святилище, теперь могут спать спокойно.

Аббат направился через весь зал к ним, высоко держа призму. Попугай, не переставая возбужденно кричать, круто опустился на призму, задев когтем руку аббата. Призма выскользнула у того из пальцев. Он попытался поймать ее на лету, но не успел. Элоиза, все еще стоявшая в дверях, издала отчаянный вопль.

Призма ударилась об пол и разлетелась на миллион осколков величиной не больше песчинки. Радужное пламя погасло, и атриум заполнился сиянием непостижимого благочестия и святости.

Харкорт упал на голени, охваченный до глубины души глубочайшим благоговением.

— Благослови Господи мою душу! — крикнул попугай, все еще кружа в воздухе.

— Да будет так, — произнес призрачный голос. В воздухе возникла призрачная рука, которая осенила их благословением, и святой, освобожденный после многих веков заточения, исчез.

Над Брошенными Землями пронесся душераздирающий скорбный вопль.

Глава 29

Тело Шишковатого лежало под грудой огромных камней из разрушенной стены. Половинка разбитой двери, все еще висевшая на петлях, болталась на ветру, который подул с запада. По склону холма, усеянному мертвыми телами, крадучись бродили волки.

— Это к лучшему, — сказал аббат. — Если подумать, это к лучшему. То, что случилось, должно было быть нашей целью с самого начала. Не сделать из призмы святыню, чтобы прославить аббатство или какой-нибудь другой храм, а найти и разбить ее, чтобы выпустить на свободу заключенную там душу. Все остальное было бы, пожалуй, кощунством. По совести, как только я взял ее в руки, я должен был швырнуть ее об пол, чтобы разрушить чары Лазандры и освободить плененную душу. Попугай понял это лучше меня, лучше любого из нас. Почему меня так ослепило желание прославить свое аббатство? Чарлз, как может человек быть так слеп?

Харкорт обнял аббата за плечи.

— Все философствуешь, — сказал он. — Все ищешь истину в теологических рассуждениях.

— Я философствующий слепец, — ответил аббат. — Я опозорен и унижен. Мне долго придется это замаливать.

— Оуррк! — сказал попугай.

— Не могу понять, что сделалось с Элоизой, — сказал Харкорт. — Когда-то она была очаровательной девушкой.

— Люди меняются, — сказал аббат. — Или их заставляют меняться. Когда-то, давным-давно, Лазандра тоже, наверное, был праведным и уважаемым чародеем, но потом он не устоял перед искушением. Его привели на вершину горы и показали ему весь мир. Может быть, так случилось и с Элоизой. Нечисть схватила ее в замке Фонтен и, вместо того чтобы унизить и оскорбить ее, предложила ей то, что ее ослепило. Власть и славу, какие ей никогда не снились, показавшиеся ей даже заманчивее, чем царствие небесное, о котором она до того мечтала. Не надо ее винить, Чарлз. Не надо ее ненавидеть.

— Когда-то я любил ее, — сказал Чарлз. — Много лет я любил ее.

— Все последние годы это была слепая любовь, порожденная чувством вины. Ты наказывал себя этой любовью за преступление, которого никогда не совершал. Я видел, что ты с собой делаешь.

Шишковатый тоже видел. Он так и сказал тебе, умирая, — сказал то, что не мог сказать, пока не пришел его смертный час, и что он должен был сказать, когда смертный час наступил.

— Я сейчас ходил ее искать. Ее нигде нет. И привидения исчезли, и человек в черном, и Элоиза.

— Не надо больше о ней горевать. Забудь о чувстве вины, которое было для тебя как отрава. Очисти от него свою душу. У тебя теперь есть Иоланда. Я видел, как ты обнимал ее. Ваша любовь сильна и со временем станет еще сильнее. Она поможет тебе избавиться от чувства вины. Как твой духовный наставник я…

— Слишком хорошо я тебя знаю, чтобы считать своим духовным наставником. Ты всегда толкуешь сомнения в мою пользу. Ты недостаточно суров.

— Я могу быть и суров, если понадобится, — сказал аббат. — И придется, если ты не исправишься.

— По-моему, уже исправился.

— А если нет, — сказал аббат, — мне придется отлупить тебя как следует. Так, чтобы запомнил. Имей в виду, я непременно это сделаю.

— Нам пора отправляться в путь, — сказал Харкорт. — До дома далеко.

— Мы будем двигаться быстро, — сказал аббат. — Надо только выйти на римскую дорогу. Это всего несколько лиг отсюда. И деревья пойдут с нами. Коробейник сказал, что пойдут. С ними нам нечего бояться Нечисти. Да она и без этого должна была пасть духом. Может быть, она и жаждет мести, но сейчас она обескуражена. Она всегда считала эту призму залогом, за который можно будет торговаться, если Империя слишком ее прижмет. Нечисть могла обменять ее на какие-нибудь уступки, когда оказалась бы припёрта к стене. Но теперь призмы у нее нет, и она обескуражена. Это был для нее тяжелый удар. Конечно, рано или поздно она оправится, но это случится наскоро, мы успеем добраться до дома.

Все остальные сидели на лужайке. Харкорт и аббат подошли к ним.

— Я так еще и не видел твоих инструментов, — сказал он Иоланде. — Покажи-ка.

— Она сделает это с большим удовольствием, — сказала Нэн. — Ни разу еще не видела, чтобы кто-нибудь так радовался. Я помню, как покупала эти инструменты для ее матери. Ты, конечно, знаешь, что моя дочь работала по дереву. Вот откуда у Иоланды это увлечение. У нее действительно хорошо получается?

— Хорошо, — ответил Харкорт. — Я видел ее работы.

— Коробейник рассказал мне, как все вышло, — сказала Нэн. — Марджори и Джон решили заменить выпавших горгулий. Из благочестия. Без них фасад казался каким-то пустым, и храму чего-то не хватало. Джон сумел своими песнями привлечь на свою сторону кое-кого из Нечисти, и они помогли ему с этими горгульями. Коробейник тоже при этом был. Иоланда тогда была еще маленькой, он нянчил ее и заботился о ней, пока остальные работали. Он помогал установить горгулий на место, но это все, что он сделал: он слишком привязался к Иоланде и все время проводил с ней. Потом дело было кончено, и он вернулся в свою пещеру. Несколько месяцев спустя двое из Нечисти, кто работал с Марджори и Джоном, привели Иоланду к нему. Они спасли ее, когда мою дочь и Джона убили.

— Ты, конечно, ничего этого не знала. И узнала только сейчас.

— Да. Хотя я пришла сюда ради того, чтобы найти свою дочь или хотя бы ее следы. Я была убеждена, что они с Джоном бежали на Брошенные Земли. Я раньше сказала тебе, что перебралась сюда, чтобы иметь время для своих изысканий,

но на самом деле это было не так. Заниматься изысканиями я могла и дома — с таким же, а то и большим успехом. Я осталась здесь, общалась с Нечистью, перевязывала ей раны и давала целебные снадобья, а тем временем постоянно задавала вопросы, но никогда не получала ответа. В конце концов я решила, что никогда его не получу. Теперь я знаю ответ тот самый, какого и ожидала. Но Иоланда — это для меня сюрприз. Я никогда не думала, что найду свою внучку, раз уж не смогла найти дочь.

— Ты пойдешь с нами? Со мной и Иоландой? Замок ждет тебя.

— Только ненадолго, — ответила она. — На юге Галлии есть замок, который, должно быть, все еще принадлежит мне. Я оставила его на попечение верного слуги.

— А твои свитки? Твои записи?

— Мы не можем за ними вернуться. Там слишком лесистая местность, наши деревья не пройдут. Мне потом все доставит коробейник.

Харкорт взглянул на коробейника:

— А ты с нами не идешь?

Коробейник отрицательно покачал головой:

— У меня здесь еще остались дела.

— Вот, я разложила инструменты, — сказала

Иоланда Харкорту. — Посмотри. Это резец, а это стамеска, а вон там рашпиль…

Она обвила рукой шею Харкорта, притянула его к себе и нежно поцеловала.

Глава 30

Они преодолели подъем, и перед ними открылся мост. Дорога спускалась к нему, а на той стороне над домиком мельника вился дымок.

— Вот мы и дома, Чарлз, — сказала Иоланда. — Наконец-то дома!

Аббат достал кусок сыра, припрятанный им где-то в складках сутаны, и принялся его жевать.

— Надо было нам немного раньше устроить привал, — сказал он, — и как следует подкрепиться. Ветчиной и салом. Путешествовать на пустой желудок вредно для здоровья.

— Обжоррра! — проскрежетал попугай. — Грррех, грррех, грррех! Оурррк!

— Не знаю, что делать с этой птицей, — проворчал аббат. — Она становится обузой. Постоянно сидит у меня на плече и меня же поучает. Ни на минуту не оставляет в покое. Как ты думаешь, а вдруг у него есть душа и он почему-то сделался святой птицей?

— Забудь об этом, — ответил Харкорт. — Ты ни о чем больше не думаешь вот уже несколько дней. Это тоже вредно для здоровья.

— И все-таки, — не унимался аббат. — Когда эта

глупая птица там, в поместье, крикнула «Благослови Господь мою душу!», кто-то ответил «Да будет так», и некая рука поднялась в благословении. А ведь никто из нас не просил благословить наши души.

— Скорее всего, это ничего не значит, — сказала Нэн. — Но если уж разубедить тебя никак не удается, это, по крайней мере, даст тебе пищу для теологических размышлений, когда ты темными ночами будешь сидеть один у себя в аббатстве.

— Не надо мне никакой лишней пищи для размышлений, — возразил аббат. — В аббатстве хватает о чем подумать и без этого.

Он покончил с сыром и вытер руки о сутану.

— Обжоррра! — крикнул попугай.

Когда они подошли к мосту, деревья развернулись, встали парами по обе стороны дороги и принялись поспешно вкапываться корнями в землю. Аббат в изумлении остановился.

— Что это они делают? — спросил он.

— Наверное, будут стоять здесь, пока не понадобятся снова, — ответил Харкорт. — Если вообще когда-нибудь понадобятся. Их дело сделано. Они проводили нас до дома.

— А горгульи? — спросила Нэн. — Я уже несколько дней их не видела. Они все еще с нами?

— Они стали частью деревьев, — сказал аббат. — Деревья приняли их в себя. Или, может быть, они просто вернулись на место, не знаю. Они уже покрылись корой. Я думал, что сказал вам, когда это заметил.

— Что-то не помню, — заметила Нэн. — На протяжении многих лиг я только и слушала, как ты препираешься с попугаем.

Деревья остались на месте, а они начали спускаться по дороге к мосту. Вдруг из кустов выскочило какое-то жалкое существо с веревкой на шее. Подпрыгивая от нетерпения посреди дороги, тролль возбужденно пропищал:

— Я очень быстро шел и пришел сюда уже давно. Я ждал вас. Под этим концом моста живут очень противные тролли, и пришлось всячески от них прятаться. Если бы они меня увидели, мне пришлось бы плохо.

— Ну хорошо, — сказал Харкорт, — вот ты здесь. Нечего устраивать из этого спектакль. Пошли с нами.

— Наверное, сейчас слишком поздний час, чтобы строить мне мост, — сказал тролль. — А как насчет завтра?

— На днях построю, — пообещал Харкорт. — Только не вздумай мне надоедать.

Нэн и аббат вступили на мост. Харкорт и Иоланда, взявшись за руки, шли за ними.

А впереди всех вприпрыжку бежал тролль.

НАСЛЕДИЕ

ЗВЕЗД

НАСЛЕДИЕ ЗВЕЗД

Перевод с англ.: Дмитрий Арсеньев

Глава 1

Одним из любопытных обычаев, возникших после Катастрофы, является создание пирамид из головных кожухов роботов, точно так же, как древние азиатские варвары воздвигали пирамиды из человеческих голов, позже превращавшихся в черепа, чтобы ознаменовать сражение. Хотя этот обычай не распространен повсеместно, по свидетельству торговцев, его практикуют многие оседлые племена. Кочевники тоже складывают пирамиды из кожухов роботов, но лишь в особо торжественных случаях. Обычно эти кожухи хранят в священных ящиках, и, когда племя движется, их перевозят на телегах во главе колонны, оказывая им подобающие почести.

В целом можно полагать, что это увлечение мозгами роботов является напоминанием о торжестве человека над машиной. Но очевидных свидетельств нет. Возможно, что симметричные формы кожухов оказывают определенное

эстетическое воздействие. А может быть, их сохраняют как символическое свидетельство о вещах, созданных человеком технологической эры. Они очень прочны и сделаны из волшебного металла, противостоящего и времени, и погоде.

Из Уилсоновской «Истории Конца Цивилизации».

Глава 2

Томас Кашинг всю вторую половину дня окучивал картофель на узкой полоске земли между рекой и стеной. Земля была хорошо возделана. Если не поразит какая-нибудь непредвиденная болезнь, если не ограбит ночью какое-нибудь бродячее племя, если не выпадет другого зла, урожай составит много бушелей. Кашинг немало поработал, чтобы вырастить этот урожай. Он ползал на четвереньках меж скалами, сбивая картофельных жуков маленькой палочкой, которую держал в одной руке, а другой подставляя корзину. Жуков нужно было поймать, чтобы они не расползлись вновь. Он ползал на четвереньках по рядам, мышцы его болели, а безжалостное солнце палило его так, что начинало казаться, будто вместо воздуха теперь повсюду раскаленная пыль. В перерывах, когда корзина чуть не до верху наполнялась копошащимися жуками, он отправлялся на берег реки, сначала обозначив место, где остановился, воткнув палку в землю; затем, сидя на корточках, высыпал содержимое корзины в реку, яростно тряся ее, чтобы выбросить цепляющихся жуков, отправляя их в путешествие, которое мало кто из

них переживет; а тех, кто выживет, река унесет далеко от его картофельного поля.

Иногда он мысленно разговаривал с ними. Я не хочу вам вреда, говорил он им, я так поступаю не по злобе, а чтобы защитить себя и своих близких, чтобы вы не ели пищу, на которую рассчитываем мы. Извинялся перед ними, объяснял им, чтобы отвратить их гнев, как древние доисторические охотники извинялись и объяснялись с животными, которых убивали для еды.

В постели перед сном он снова думал о них, снова видел их — золотистую накипь, брошенную в водоворот и быстро уносимую к судьбе, которой они не понимали, не знали, почему их постигала такая судьба, бессильные предотвратить ее, не способные спастись.

Утопив их в реке, он снова возвращался к рядам, снова собирал жуков, чтобы предать их такой же судьбе.

Позже, когда прекратились дожди и солнце безжалостно жгло с безоблачного голубого неба, он таскал ведра с водой на коромысле, чтобы утолить жажду растений; день за днем брел он от реки к полю, выливая воду и снова возвращаясь к реке — бесконечный напряженный труд, чтобы растения процветали и чтобы был запас

картофеля на зиму. Существование, думал он, и выживание, купленные такой дорогой ценой. Бесконечная борьба за выживание. Совсем не так, как в те древние дни, о которых писал Уилсон, дрожащими пальцами пытаясь воссоздать прошлое, исчезнувшее за несколько столетий до того, как он поднес перо к бумаге. Вынужденный жестоко экономить, Уилсон писал на обеих сторонах каждого листочка, не оставляя полей, не оставляя белых мест вверху и внизу. И всегда мелким, болезненно мелким и скупым почерком — в попытке вместить как можно больше слов, теснящихся в мозгу. Мучаясь над тем, что история, описываемая им, основывается больше на мифах и легендах, чем на фактах. Этого невозможно было избежать, потому что факты почти не сохранились. Но Уилсона вело убеждение, что факты все же существовали до того, как были забыты. И он писал, мучаясь над обширностью мифов и легенд и все время задавая вопрос: «Что я должен записать? Что должен опустить?» Потому что он не мог записать все, кое-что приходилось опускать. Миф о Месте, откуда уходили к Звездам, он опустил.

Но хватит об Уилсоне, говорил себе Кашинг: ему пора возвращаться к окучиванию, прополке.

Сорняки и жуки — враги. Отсутствие дождя — враг. Слишком жаркое солнце — враг. Не только он считал так. Были и другие, возделывавшие крохотные поля зерна и картофеля вверх и вниз по реке вблизи стен, чтобы иметь хоть какую-то защиту от грабителей.

Он окучивал всю вторую половину дня, и теперь, когда солнце скрылось за утесами на западе, он сидел на корточках у реки и смотрел на воду. Выше по течению, примерно в миле, виднелись каменные быки разрушенного моста; кое-какие детали моста сохранились, но перейти по нему через реку нельзя. Еще выше по течению виднелись две большие башни — жилые сооружения, которые в старых книгах называются небоскребами. Похоже, что было два типа таких строений: обычные небоскребы и небоскребы для престарелых. Кашинг мельком удивился такому различию. Сейчас этого нет. Нет разницы между старыми и молодыми. Те и другие живут вместе и нуждаются друг в друге. Юные дают силу, старики — мудрость, они действуют вместе с пользой для всех.

Он сам испытал это, когда впервые пришел в университет и был принят под покровительство Мости и Нэнси Монтрозами; со временем это

покровительство перестало быть формальным; он жил с ними и став в сущности их сыном. За последние пять лет он стал частью университета, как будто в нем был рожден. И он наконец познал счастье, которого лишен был в детстве. Теперь, сидя на берегу реки, он признавался себе, что это счастье стало источником тревоги. Преданность пожилой чете, которая приняла его и сделала частью себя, окрасилась ощущением вины. Он многое получил за эти пять лет — он научился читать и писать, познакомился с книгами, рядами стоявшими на полках библиотеки; он научился лучше понимать окружающий мир, каким он был раньше и каким стал теперь. В безопасности за стенами он получил возможность думать, работать над собой. Но он все еще не знал, чего он в сущности хочет.

Он снова, в который раз, вспомнил тот дождливый день ранней весны, когда он сидел за столом среди библиотечных стеллажей. Он уже забыл, что делал тогда, — вероятно, просто сидел и читал книгу, чтобы вскоре вновь поставить ее на полку. Но он с поразительной ясностью вспомнил тот момент, когда открыл ящик стола и обнаружил там стопку листочков — чистых листов, вырванных из книг, исписанных мелким экономным

почерком. Он помнил, как сидел, замеров от удивления, потому что понял, кто написал это. Он много раз перечитывал историю Уилсона, и теперь у него не было ни малейшего сомнения, что это записки Уилсона, лежащие здесь в столе много лет после того, как они были написаны.

Дрожащими руками он извлек из ящика листки и положил их на стол. Медленно читал их в убывающем свете дождливого дня и находил материалы, знакомые ему и вошедшие в историю. Но была страница, — точнее полторы страницы, которые не были использованы — это был миф, настолько несообразный, что Уилсон, должно быть, решил не включать его, миф, о котором Кашинг никогда не слышал и, как он узнал позже путем осторожных расспросов, не слышал никто.

В записях говорилось о Месте, откуда уходили к Звездам. Место это находилось где-то на западе, хотя точного указания не было, просто «на западе». Все это звучало очень туманно и походило на нелепую выдумку. Но с того самого дня сама невероятность этого мифа захватила Кашинга и не оставляла его.

За широким разливом реки возвышались крутые утесы, увенчанные группами деревьев.

Река с громким плеском проносилась мимо, и в ней чувствовалась огромная сила, способная на своем пути снести все. Мощная штука, эта река, ревнивая и злая, хватающая все, до чего может дотянуться: древесный ствол, лист, стаю картофельных жуков или человека. Глядя на реку, Кашинг вздохнул, ощутив угрозу. Хотя почему он должен ее чувствовать? Здесь он дома. Это ощущение угрозы — лишь временная слабость.

Уилсон, подумал он. Если бы не эти полторы страницы записок Уилсона, он бы ничего подобного не ощущал. А может, нет? Только ли дело в записках Уилсона? Может, дело в стремлении бежать из этих стен, и вернуться к ничем не сдерживаемой свободе в лесах?

Он гневно сказал себе, что просто одержим Уилсоном. С того момента, как он прочел его историю, этот человек овладел его мыслями и никогда их не оставлял.

Как это было, подумал он, почти тысячу лет назад, когда Уилсон впервые принялся за работу? Шептали ли листья за окном на ветру? Оплывала ли свеча? (В его представлении, писали всегда при свечах). Кричала ли снаружи сова, высмеивая задачу, которую поставил перед собой человек?

Как это было с Уилсоном в тот вечер в отдален-

ном прошлом?

Глава 3

Я должен писать ясно, сказал себе Хирам Уилсон, так, чтобы читать можно было спустя много лет. Я должен аккуратно писать и точно рассчитывать, и что самое важное, я должен писать мелко, потому что у меня нет бумаги.

Я хотел бы, подумал он, чтобы у меня было больше фактов, чтобы меньше я зависел от мифов, но я должен утешаться тем, что историки прошлого опирались на предания. Хотя мифы — это романтические сказки, родились они из фактов.

Порыв ветра из раскрытого окна поколебал пламя свечи. На дереве за окном пронзительно закричала сова-сипуха.

Уилсон обмакнул перо в чернила и записал близко к краю страницы, так как должен был экономить бумагу.

«Рассказ о тех потрясениях, которые привели к концу Первую Человеческую Цивилизацию (надеюсь, что будет и вторая, потому что то, что у нас есть сегодня, это не цивилизация, а анархия). Написан Хирамом Уилсоном из университета в Миннесоте на берегу реки Миссисипи. Рассказ начинается в первый день октября 2952 года».

Он отложил перо и перечел написанное. И добавил, неудовлетворенный:

«Сведения собраны из все еще существующих древних книг, а также древних мифов, фольклора и устных преданий, из которых автор пытался извлечь зерна истины».

По крайней мере, подумал он, я честен. Читатель предупрежден. Я могу ошибаться, но все же старался писать правду.

Он снова взял перо и продолжал писать:

«Несомненно, некогда, примерно пятьсот лет назад, на Земле существовала развитая технологическая цивилизация. Ничего действующего от нее не сохранилось. Машины и технология были уничтожены, вероятно, в течение нескольких месяцев. Уничтожались и книги по технологии, а из других книг вырывались страницы, где были ссылки на технологию. По крайней мере так было в нашем университете, но мы предполагаем, что так было везде. То, что сохранилось, дает лишь самые общие сведения о технологии и науке, которые ко времени уничтожения казались настолько устаревшими, что не представляли угрозы, и им позволили сохраниться. Из этих отрывочных упоминаний мы можем представить себе ситуацию, но у нас не хватает

информации, чтобы узнать технологию в полном объеме и определить ее влияние на цивилизацию и культуру. Старые планы университетского городка свидетельствуют, что здесь некогда было несколько зданий, предназначенных для обучения технологии и инженерному делу. Этих зданий больше нет.

Существует легенда, что камни, из которых были построены эти здания, пошли на сооружение защитной стены, окружающей ныне городок.

Полнота уничтожения и очевидная методичность его свидетельствуют о крайней ярости и фанатизме. Когда задумываешься о причине этого, то первым делом приходит в голову, что принесла эта технология — истощение невосполнимых ресурсов, загрязнение окружающей среды, массовая безработица. Но когда подумаешь, такое объяснение кажется слишком упрощенным. При дальнейших размышлениях приходишь к выводу, что главная причина, вызвавшая катастрофу, кроется в социальной, экономической и политической системах, порожденных технологией.

Технологическое общество, чтобы быть наиболее эффективным и экономичным, стремится к гигантизму — к гигантизму в организации производства, в правительственных учреждениях,

в финансах и в сфере обслуживания. Большие системы, пока они поддаются управлению, имеют множество преимуществ, но по мере роста становятся неуправляемыми. Достигая некоторой критической точки, системы превращаются в сверхгигантские, ускоряют свое развитие и все более выходят из-под контроля. В процессе такого роста накапливаются ошибки, исправить которые почти невозможно. Неисправленные, ошибки становятся постоянными и вызывают еще большие ошибки. Это происходит не только с машинами, но и на высших правительственных и финансовых уровнях. Люди, руководящие машинами, возможно, понимали, что происходит, но были бессильны что-либо сделать. К тому времени машины полностью вышли из-под контроля, внося абсолютный хаос в сложное социальное и экономическое устройство общества, которое стало возможно лишь благодаря им. Задолго до окончательной катастрофы, когда системы начали ошибаться, стала подниматься волна гнева. Когда пришла катастрофа, гнев вызвал оргию разрушений, и она смела всю технологию, чтобы ее никогда уже нельзя было вновь использовать. Когда ярость поутихла, были уничтожены не только машины, но и сама

концепция технологии.

То, что вместе с машинами были уничтожены тексты, касающиеся технологии, а вот другие книги сохранились, свидетельствует, что единственной целью была технология, и что разрушители не имели возражений против книг и обучения. Возможно, они даже испытывали уважение к книгам, потому что даже в разрушительном угаре не тронули книг, не имевших отношения к технологии.

С дрожью думаешь об ужасной ярости, вызвавшей такие странные последствия. Невозможно себе представить хаос, воцарившийся после того, как был уничтожен образ жизни, которого человечество придерживалось в течение столетий. Тысячи погибли насильственной смертью во время разрушений, другие тысячи погибли от его последствий. Все, на что опиралось человечество, лишилось корней. Анархия сменила закон и порядок. Коммуникации были нарушены так основательно, что в одном городе вряд ли знали, что происходит в другом. Сложная система распределения остановилась, и начался голод. Все энергосистемы были уничтожены, и мир погрузился во тьму. Прекратилась и медицинская помощь. Обрушились эпидемии… Мы можем

лишь догадываться о том, что тогда происходило, потому что никаких записей не сохранилось. Сегодня даже самое богатое воображение не может представить себе всю глубину ужаса. Сегодня нам может показаться, что случившееся было скорее результатом безумия, а не гнева, но даже и в этом случае нужно ясно сознавать, что и у этого безумия была какая-то причина.

Когда ситуация стабилизировалась — если можно представить себе хоть какую-то стабилизацию после такой катастрофы, мы можем лишь гадать, что увидел бы тогда сторонний наблюдатель. У нас слишком мало фактов. Мы видим лишь самую общую картину. В некоторых районах группы фермеров создавали коммуны, силой отстаивая свои посевы и скот от голодных мародерствующих толп. Города превратились в джунгли, где шайки грабителей сражались друг с другом за право грабить. Возможно, тогда, как и сейчас, местные вожди пытались основать правящие династии, сражаясь с другими вождями и, как и сейчас, сходя со сцены один за другим. В таком мире — и это сейчас справедливо, как и тогда, одному человеку или группе людей невозможно завоевать власть, которая послужила бы основой для создания постоянного правительства.

Насколько нам известно, ближе всего к порядку и стабильности подошел наш университет. Неизвестно в точности, как появился этот уголок порядка и относительной безопасности на нескольких акрах. Мы сохраняем такой порядок только потому, что не пытаемся расширить свои владения или навязывать свою волю, и оставляем в покое тех, кто оставляет в покое нас.

Многие живущие вне наших стен, возможно, ненавидят нас, другие презирают нас как трусов, укрывающихся за стенами, но я уверен, что есть и такие, для которых этот университет превратился в чудо, в колдовство и, возможно, именно по этой причине нас уже больше ста лет никто не трогает.

Характер общества и настроения интеллектуалов диктовали реакцию — разрушение технологии. Большинство, не задумываясь о последствиях, дало волю гневу, отчаянию и страху. Лишь немногие, очень немногие, вероятно, оказались способны заглянуть дальше, думая о том, что будет через десять или сто лет. Университет при тех условиях, что существовали перед катастрофой, превратился в тесно сплоченную группу, хотя, возможно, многие его члены и не желали признавать это. Все они считали себя индиви-

дуалистами, но когда разразилась катастрофа, они поняли, что под внешним индивидуализмом скрывается общий образ мыслей. Вместо того, чтобы бежать и скрываться, как поступало большинство, университетское сообщество скоро осознало, что лучше всего оставаться на месте и пытаться среди всеобщего хаоса сохранить порядок, основанный на традициях, которые создавались в течение многих лет в высшей школе.

Маленькие островки безопасности и здравомыслия, они оставались сами собой в гибнущем мире. Можно вспомнить о монастырях, которые были островами спокойствия во времена европейского средневековья. Разумеется, были такие, которые напыщенно говорили о необходимости высоко держать факел знаний, когда ночь поглотила человечество, и были даже такие, кто в это искренне верил. Но все же главное было в необходимости выжить, выбрать способ действий, наиболее благоприятствующий выживанию.

Даже здесь должен был наступить период смятения, во время которого в первые годы Катастрофы разрушительные силы уничтожали научные и технологические центры городка, убирали из библиотек все, что касалось техно-

логии. Видимо, во время смут была уничтожена и часть ученых, представителей технических направлений. Возникает даже мысль, что некоторые ученые могли сыграть определенную роль в разрушениях. Не хочется думать об этом, но в старых университетах существовала глубокая вражда между учеными, основанная на противоречиях в научных взглядах, и эта вражда и могла перерасти в личную.

Однако, когда разрушение завершилось, университетское сообщество, вернее то, что от него осталось, снова сплотилось, старая вражда была забыта, и началась работа, направленная на создание замкнутой территории, отгороженной от остального мира. Здесь должны были сохраниться хотя бы остатки человеческой цивилизации. Опасность уничтожения сохранялась много лет, о чем свидетельствуют защитные стены, возведенные вокруг отдельных зданий. Строительство же главной стены было долгим и трудным, но под компетентным руководством оно было завершено. Во время этого периода университет, вероятно, не раз подвергался набегам грабителей.

Но, к счастью для городка, грабителей больше привлекало содержимое складов, магазинов и

домов города за рекой и другого города, расположенного дальше к востоку.

Поскольку никаких связей с внешним миром у нас нет и единственные сведения, которыми мы располагаем, это рассказы случайных путешественников, мы не можем утверждать, что знаем о происходящем. Возможно, происходит много событий, о которых у нас есть информация, по-видимому, высший уровень социальной организации представлен фермерскими общинами, с которыми у нас установлены непрочные торговые связи. Непосредственно к востоку и к западу от нас, где когда-то были богатые и красивые города, теперь почти совершенно разрушенные, несколько племен добывают средства к жизни, возделывая землю и изредка воюя друг с другом из-за вымышленных обид, или чтобы получить желанный участок земли (хотя бог знает почему желанный); или же просто ради иллюзорной славы, полученной в сражениях. На севере обитает небольшая фермерская община из дюжины семей, с которой мы торгуем. Полученные от них продукты несколько разнообразят наше меню, состоящее в основном из картофеля и овощей. За еду мы расплачиваемся безделушками — бусами, плохо сделанными украшениями, кожаными

вещами, которые им в их простодушии кажутся прекрасными. Как низко мы пали — гордый некогда университет вынужден изготовлять безделушки и платить ими за продукты.

Раньше семейные группы могли держаться поместий, укрываясь от всего мира. Большинство этих поместий уже не существует, а их жители либо погибли, либо вынуждены были присоединиться к племенам ради защиты, которую они там получали. Есть еще кочевники, воинственные банды с их скотом и лошадьми, все время высылающие отряды для грабежа, хотя уже мало что осталось грабить. Таково состояние известного нам мира, и в определенном смысле нам гораздо лучше, чем остальным.

Мы пытаемся до некоторой степени поддерживать обучение. Наши дети учатся читать, писать и считать. Тот, кто хочет, получает добавочное образование, и, конечно, есть книги для чтения, тонны книг, и многие члены нашей общины хорошо информированы именно благодаря чтению. Умение читать и писать — сегодня редкое искусство, потому что некому учить людей. Изредка к нам обращаются люди со стороны, желающие обучаться, но таких мало, потому что образование в наши дни не ценится высоко. Некоторые

из пришедших остаются с нами, расширяя тем самым наш генофонд, в чем мы очень нуждаемся. Вероятно, некоторые из пришедших за обучением на самом деле ищут безопасности за нашими стенами. Неважно, мы все равно их принимаем. Пока они приходят с миром и живут в мире, мы встречаем их радушно.

Нетрудно заметить, что мы почти перестали быть научным заведением. Мы можем обучить лишь немногому; начиная со второго поколения, уже никто не мог давать высшее образование. У нас нет преподавателей физики или химии, философии или психологии, медицины и многих других наук. Да в них и нет необходимости. Какая польза в медицине, если нет никаких лекарств, если нет оборудования для терапии и хирургии?

Мы часто бесплодно рассуждаем, существуют ли другие колледжи и университеты. Кажется вероятным, что существуют, но мы о них ничего не знаем. В то же время мы не делаем попыток искать их, так же как и обнаруживать свое присутствие.

В книгах, которые я читал, содержится много пророчеств о том, что нас ожидает именно такое будущее. Но во всех случаях причиной считали войну. Вооруженные бесчисленными машинами

разрушения, главные государства древних дней обладали возможностью уничтожить друг друга (а также и весь мир) за несколько часов. Этого, однако, не произошло. Нет никаких следов опустошений, вызванных войной, и нет никаких легенд о ней.

По всем указаниям, которыми мы сегодня располагаем, гибель цивилизации вызвана гневом большей части населения против созданного технологией мира, хотя этот гнев во многих отношениях был неверно направлен...»

Глава 4

Дуайт Кливленд Монтроз был худым человеком небольшого роста, коричневая кожа лица оттенялась белоснежными волосами и сединой усов, густые брови казались восклицательными знаками над яркими голубыми глазами.

Он тщательно подчистил тарелку, вытер усы и выпрямился.

— Как дела с картофелем? — спросил он.

— Сегодня кончил окучивать, — сказал Кашинг. — Думаю, что это в последний раз. Теперь можно оставить. Даже град теперь не повредит.

— Ты слишком много работаешь, — сказала Нэнси. — Больше, чем можешь.

Эта маленькая женщина с кротким выражением лица напоминала птицу, съежившуюся к старости. Она с любовью взглянула на Кашинга.

— Мне нравится моя работа, — ответил он. — Я горжусь ею. Другие умеют делать другое. А я выращиваю хорошую картошку.

— И теперь, — резко сказал Монти, расправляя усы, — полагаю, ты уходишь?

— Ухожу?!

— Том, сколько ты с нами? Шесть лет, верно?

— Пять, — ответил Кашинг. — В прошлом месяце исполнилось пять лет.

— Пять лет, — сказал Монти. — Пять лет… Достаточно, чтобы узнать тебя. Последние месяцы ты беспокоен. Я не спрашивал тебя, почему. Мы, я и Нэнси, вообще не расспрашивали тебя.

— Да, не расспрашивали, — согласился Кашинг. — Вероятно, временами со мной было трудно…

— Никогда, — сказал Монти, — никогда. Ты знаешь, у нас был сын…

— Сейчас он был бы как ты, — сказала тихо Нэнси. — Умер шести лет…

— Корь, — сказал Монти. — Раньше люди знали, как справляться с корью. Раньше о ней почти и не слыхали.

— И еще шестнадцать, — вспоминала Нэнси. — С Джоном семнадцать. Все от кори. Это была ужасная зима. Самая плохая из всех.

— Мне жаль, — сказал Кашинг.

— Сейчас легче, — сказал Монти. — Конечно же, печаль осталась и будет с нами всю жизнь. Мы редко говорим об этом, потому что не хотим, чтобы ты думал, что ты занял его место. Мы любим тебя и так.

— Мы любим тебя, — мягко повторила Нэн-

си, — потому что ты Томас Кашинг. Из-за тебя мы меньше горюем. Том, мы обязаны тебе больше, чем можем дать.

— Мы имеем право говорить с тобой так, — сказал Манто, — конечно, это необычный разговор. Знаешь, это становится невыносимым. Ты ничего не говоришь нам, считая, что мы ничего не замечаем. Тебя сдерживает преданность. Мы видим, что ты задумал, но ты скрываешь это от нас, боишься нас встревожить. Мы боялись с тобой говорить: думали — ты решишь, будто мы хотим, чтобы ты ушел. Но теперь мы считаем, что должны тебе сказать: иди, если ты действительно хочешь этого. Мы видим, как ты все последние месяцы хотел поговорить с нами и боялся. И тебе хочется быть свободным.

— Это не совсем так, — сказал Кашинг. — Не просто желание быть свободным, а …

— Место, откуда уходят к Звездам, — сказал Монти. — Я так и думал. Когда я был моложе, мне тоже хотелось уйти. Хотя теперь я не уверен, что смог бы это сделать. Мне кажется, что за все эти столетия мы, люди университета, заболели агорафобией… Мы так долго жили здесь, так приросли к своему городку, что никто из нас не способен уйти.

— Значит, вы думаете, что в записках Уилсона правда? — спросил Кашинг. — Что на самом деле существует Место, откуда уходили к Звездам?

— Не знаю, — сказал Монти. — И не буду гадать. С того времени, как ты показал мне эти записки, я все время думаю об этом. Не романтические мечты о том, как хорошо, если бы такое место действительно существовало, а оценка фактов и сведений. И, взвешивая все известное нам, я должен тебе сказать, что это вполне возможно. Мы знаем, что человек вышел в Солнечную систему. Мы знаем, что люди летали на Луну и на Марс. И в свете этого мы должны спросить себя: удовлетворились ли люди Луной и Марсом? Я думаю, нет. Если у них была возможность, они покинули Солнечную систему. Мы не знаем, была ли у них такая возможность, потому что последние столетия перед Катастрофой скрыты от нас. Сведения об этих столетиях убраны из книг. Люди, вызвавшие Катастрофу, хотели, чтобы воспоминания об этих столетиях изгладились, и мы не знаем, что тогда происходило. Но судя по прогрессу человечества за то время, о котором нам хоть что-то известно, мне кажется несомненным, что они приобрели возможность выхода в глубокий космос.

— Мы так надеялись, что ты останешься с нами, — сказала Нэнси. — Мы думали, может, это мимолетное желание, оно пройдет. Но теперь нам ясно, что это не так. Монти и я не один раз говорили об этом. Теперь мы убеждены, что ты почему-то хочешь уйти.

— Меня беспокоит одно обстоятельство, — сказал Кашинг. — Вы, конечно, правы. Я старался набраться храбрости, чтобы поговорить с вами. И не решался. Но каждый раз, как я принимал решение не уходить, во мне что-то протестовало. Меня беспокоит, что я не знаю причины этого. Я говорю себе, что хочу увидеть Место, откуда уходили к Звездам, но есть в глубине еще что-то. Может быть, это дикая кровь говорит во мне? В течение трех лет до того, как постучаться в ворота университета, я был диким лесным жителем. Мне кажется, я говорил вам об этом.

— Да, ты говорил нам.

— Но вы никогда не расспрашивали. А я не рассказывал.

— Тебе и не нужно рассказывать, — мягко сказала Нэнси.

— Теперь нужно. Рассказ будет недолгим. Нас было трое: моя мать; дед, отец матери; и я. Был и отец, но я его почти не помню. Большой человек

с черными усами, которые кололись, когда он целовал меня.

Он не думал об этом многие годы, вернее заставлял себя не думать, но теперь вдруг увидел все ясно, как днем. Маленький овраг, отходивший от Миссисипи в холмистой местности, что в неделе ходьбы к югу. Маленький ручеек с песчаным дном бежит по лугам, стиснутым крутыми утесами; ручей питает источник, пробивающийся из земли у начала оврага, где смыкаются холмы. Рядом с источником стоял дом — маленький дом, посеревший от старости, и этот мягкий серый цвет превращал его в тень меж холмами и деревьями, так что его невозможно было разглядеть, если не знаешь, что дом здесь, не увидишь его, пока не наткнешься. На небольшом расстоянии находились еще два маленьких серых строения, которые так же трудно было рассмотреть, — полуразрушенный сарай, где помещались две лошади, три коровы и бык, и курятник, почти обвалившийся. Ниже дома находился огород и участок картофеля, а выше, в маленькой долине, отходящей от оврага, — небольшое поле пшеницы.

Здесь он прожил свои первые шестнадцать лет, и за все время он мог вспоминать едва ли больше десятка случайных посетителей. Близких соседей

у них не было, и место это находилось в стороне от дорог, по которым ходили бродячие племена. Это было спокойное, много лет дремавшее место, но красочное, окруженное морем диких яблонь, слив и вишен, которые буйно цвели каждую весну. А осенью дубы и клены пламенели ярко-красным и желтым огнем. Весной и летом холмы покрывались красными и фиолетовыми цветами лилий, турецкой гвоздики и венериного башмачка. В ручье водилась рыба, да и в реке ее было много. Но большей частью они рыбачили в ручье; тут можно было без особых усилий поймать прекрасную форель. Водившиеся во множестве кролики представляли легкую добычу, а если двигаться незаметно и целиться метко, можно было сбить стрелой куропатку и даже перепела, хотя перепелы были слишком маленькой и быстрой целью для стрелы. Но Томас Кашинг иногда приносил домой и перепела. Он научился стрелять из лука, едва начав ходить, учил его дед, сам прекрасно стрелявший. Осенью еноты спускались с холмов, чтобы поживиться на их поле, и хотя они уносили часть урожая, они дорого платили за это своим мясом и шкурами, которые были гораздо ценнее зерна. Потому что в конуре всегда ждали собаки, иногда одна или

две, иногда много; и когда появлялись еноты, Том с дедом спускали собак, которые выслеживали енотов и загоняли их на деревья. Том взбирался на дерево с луком в одной руке и двумя стрелами в зубах, он поднимался медленно, отыскивая енота, который цеплялся за ветку где-то над ним, вырисовываясь на фоне вечернего неба. Подъем требовал сноровки, да и стрелять, прижимаясь к стволу, было нелегко. Иногда еноту удавалось уйти, но большей частью нет.

Именно деда он сейчас помнил лучше всего — всегда стариком, с седыми волосами и бородой, острым носом, злыми косыми глазами, потому что он был злой человек, хотя никогда не был злым с Томом. Старый и крепкий богохульник, отлично знавший лес, холмы и реку. Богохульник, отчаянно бранивший болящие суставы, проклинавший судьбу за свою старость, который не выносил ничьей глупости и высокомерия, кроме собственных. Фанатик, когда дело касалось инструментов, оружия и домашних животных. Он нещадно бранил лошадей, но никогда не бил их и всегда тщательно за ними ухаживал — потому что получить новую лошадь было трудно. Конечно, ее можно купить, если знаешь, куда пойти; или украсть, и кража, как правило, была

легче покупки, но и то и другое требовало больших усилий и времени и таило в себе опасность. Нельзя попусту использовать оружие. Нельзя без пользы тратить стрелы. Стреляешь в цель, чтобы доказать свое искусство, или стреляешь, чтобы убить. Учишься пользоваться ножом и бережешь его, потому что добыть нож очень трудно. То же самое с инструментом. Закончив пахать, очищаешь и смазываешь плуг и прячешь его под крышу, потому что плуг нужно беречь от ржавчины — он должен служить много поколений. Упряжь для лошадей всегда должна быть смазана, почищена и содержаться в порядке. Закончив окучивать, вымой и высуши мотыгу, прежде чем убрать ее. Закончив жать, вычисти и наточи серп, смажь его и повесь на место. В этом не должно быть ни небрежности, ни забывчивости. Это образ жизни. Уметь обращаться с тем, что имеешь, заботиться о нем, беречь его от порчи, использовать правильно, чтобы не причинить ему никакого вреда.

Своего отца Том помнил лишь смутно. Он всегда считал его погибшим, потому что ему так сказали, как только он достаточно подрос, чтобы понимать. Но, кажется, никто не знал, что случилось на самом деле. Однажды весенним утром, согласно рассказу, отец отправился рыбачить на

реку, с острогой в руке и мешком за спиной. Было как раз время нереста карпов, которые стаями поднимались по реке к озерам, чтобы выметать и оплодотворить икру. В это время они ничего не боялись и были легкой добычей. Каждый год в это время отец Тома отправлялся на реку и возвращался домой, сгибаясь под тяжестью мешка, полного рыбы, и опираясь на древко остроги как на посох. Дома карпов разрезали, чистили и коптили, и они давали хороший запас еды.

Но на этот раз он не вернулся. Позже дед Тома с матерью отправились на поиски. Они вернулись поздно вечером, ничего не найдя. На следующий день дед отправился снова и на этот раз нашел острогу, лежавшую у мелкого озера, по-прежнему кишевшего карпами, а неподалеку мешок, но больше ничего. Не было никаких следов отца Тома, нельзя было понять, что же с ним случилось. Он исчез бесследно, и с тех пор о нем ничего не было известно.

Жизнь продолжалась по-прежнему, хотя стало труднее добывать пропитание. Однако жили они неплохо. Еды всегда хватало, были и дрова для очага, и шкуры, чтобы одеваться в холодную погоду. Одна лошадь околела, вероятно, от старости, и старик ушел, отсутствовал десять дней и вер-

нулся с двумя лошадьми. Он никогда не говорил, где добыл их, и никто не спрашивал. Они знали, что он, должно быть, украл их, потому что не брал с собой ничего для покупки. Лошади были молодые и сильные, и было очень хорошо, что их двое, потому что спустя короткое время околела вторая старая лошадь, а чтобы пахать, возить дрова и сено, нужны две лошади. К тому времени Том был уже достаточно большим, чтобы работать, поэтому он ясно помнил, как помогал деду снимать шкуры с мертвых лошадей. Он плакал, делая это, и старался скрыть свои слезы, а позже, оставшись один, горько рыдал, потому что любил этих лошадей. Но нельзя было терять шкуры, при их образе жизни все приходилось беречь.

Когда Тому было четырнадцать, в жестокую зиму, когда землю толстым слоем покрыл снег, а с холмов срывались метель за метелью, его мать заболела. Она лежала в постели, тяжело, с хрипом дыша. Они вдвоем с дедом заботились о ней: он и злобный, раздражительный старик, превратившийся вдруг в воплощение нежности. Они натерли ей горло теплым гусиным жиром, который хранился в шкафу в бутылочке как раз для таких случаев, и закутали ей горло в кусок фланели, чтобы жир подействовал. Они прикла-

дывали к ее ногам горячие кирпичи, а дед варил на печи луковый настой и поил ее этим настоем, чтобы смягчить сухость в горле. Однажды ночью, уставший от забот. Том уснул. Старик разбудил его. «Мальчик, — сказал он, — твоя мать умерла». И отвернулся, чтобы Том не видел его слез.

При первом свете утра они вышли и разгребли снег под древним дубом, где любила сидеть мать Тома, глядя на овраг, потом разложили костер, чтобы оттаяла земля и можно было выкопать могилу. Весной с большим трудом они притащили три валуна и уложили их на могиле, чтобы обозначить ее и сохранить от волков, которые теперь, когда земля оттаяла, могли попытаться раскопать ее.

Жизнь продолжалась, но Тому казалось, что в старом сквернослове что-то надломилось. Он по-прежнему любил браниться, но красноречие его надломилось. Теперь он много времени проводил в кресле-качалке на пороге, а большую часть работы выполнял Том. Старик стал разговорчив, как будто пытался разговорами заполнить образовавшуюся вокруг пустоту. Они с Томом разговаривали часами, сидя на пороге, а зимой и в холодные времена — перед очагом. Большей частью говорил дед, извлекая из своей памяти

события почти восьмидесяти лет; возможно, не все его рассказы были правдивы, но все очень интересны и основывались на истинных происшествиях. Рассказ о том, как он уходил на запад и убил ножом раненного стрелой гризли (даже в свои юные годы Том воспринял этот рассказ с недоверием); рассказ о торговле лошадьми, причем на этот раз старика классически надули; рассказ о чудовищной зубатке, которую ему три часа пришлось тащить к берегу; рассказ о том, как во время одного путешествия он оказался вовлеченным в войну двух племен, причины этой войны трудно было объяснить; и рассказ об университете (чем бы ни был этот университет) далеко на севере, окруженном стеной и населенным странным племенем, людей которого с некоторой долей презрения называли «яйцеголовыми» (старик понятия не имел, что это значит); он предположил, что употреблявшие это словцо тоже не понимают его значения, просто используют презрительную кличку, пришедшую из далекого туманного прошлого. Слушая долгими вечерами рассказы старика, мальчик начинал видеть в нем другого человека, более молодого, начал понимать, что его злобность и раздражительность — лишь маска, надетая им для защиты

от старости. А старость дед Тома считал самым большим и невыносимым унижением, которое приходится терпеть.

Но недолго. Летом, когда Тому исполнилось шестнадцать лет, он вернулся с поля и застал старика лежащим на пороге у кресла-качалки. Больше ему не придется выносить унижения старости. Том выкопал могилу и похоронил деда под тем же самым дубом, где лежала и его мать; он притащил валун, на этот раз поменьше, потому что теперь приходилось работать одному…

— Ты быстро повзрослел, — сказал Монти.

— Да, — согласился Кашинг.

— Но потом ты ушел в леса.

— Не сразу. Оставалась ферма и животные. Я не мог уйти и оставить их. Они слишком зависели от меня. Я слышал о семье, живущей на хребте в десяти милях от нас. Там жить было трудно. За водой им приходилось идти целую милю к маленькому ручью. Почва каменистая и скудная. Глину трудно обрабатывать. Они оставались там, потому что там были строения, которые давали убежище и тепло. Но дом их стоял на открытом месте, не защищенном от ветра. Да и любая из бродячих шаек могла легко их обнаружить. Итак, я пошел к ним, и мы заключили договор. Они

брали мою ферму и животных, а я имел право получить половину приплода, если этот приплод будет и если я когда-либо вернусь. Они переселились в овраг, а я ушел. Не мог оставаться. Слишком много воспоминаний окружало меня. Мне нужно было чем-то заняться. Конечно, я мог остаться на ферме, здесь хватало работы, но я не мог смотреть на две могилы. Не думаю, чтобы я рассуждал о причинах.

Я просто знал, что должен уйти, но перед уходом мне нужно было убедиться, что кто-то позаботится о животных. Я мог бы просто их выпустить, но этого нельзя делать. Они привыкли к людям и зависели от них. И без людей они бы погибли.

Я не думал о том, что буду делать, когда освобожусь от фермы. Просто ушел в лес. Я хорошо знал его. И не только лес, но и реку. Я вырос здесь. Это была дикая свободная жизнь, но вначале я загонял себя. Все время двигался, оставляя за собой мили. Но в конце концов мне стало легче, и я пошел не торопясь. У меня ни перед кем не было обязательств. Я мог делать, что хотел, и идти, куда хотел. В первый же год я встретил двух других молодых бродяг, похожих на меня. У нас получилась хорошая компания. Мы отправились далеко на юг и побродили там, потом вернулись

назад. Весной и летом бродили вдоль Огайо. Прекрасная местность. Но потом мы расстались. Я хотел идти на север, а они на юг. Я все чаще думал о том, что рассказывал мне дед об университете. Я был любопытен. Мне хотелось научиться читать и писать. В одном племени на юге — в Алабаме, может быть, хотя я и не уверен, — мне встретился человек, умевший читать. Он читал большей частью библию и молился. Я подумал: как хорошо уметь читать, не библию, конечно, но все остальное.

— Должно быть, действительно хорошая жизнь, — сказал Монти. — Ты наслаждался ею. Она помогла смягчить воспоминания.

— Да, хорошая, — кивнул Кашинг. — Теперь, думая о ней, я вспоминаю только приятное. Но не все в ней было приятным.

— И теперь ты снова хочешь вернуться к ней. Проверить, так ли она хороша, как воспоминания о ней. И, конечно, найти Место, откуда уходят к Звездам.

— Звездное Место, — сказал Кашинг. — Оно преследует меня с тех пор, как я нашел те записи Уилсона. Я все время спрашиваю себя, что это такое.

— Значит, ты уходишь?

— Да. Но я вернусь. Только отыщу Место или пойму, что его нельзя найти.

— Тебе нужно будет идти на запад. Ты бывал там? — Кашинг покачал отрицательно. — Это совсем не то, что леса, — сказал Монти.

— Через сто миль начинаются открытые прерии. Будь осторожен. Мы знаем, что там что-то происходит. Какой-то вождь объединил несколько племен, и они снялись с места. Я думаю, они пойдут на восток, хотя невозможно представить себе, что придет в голову кочевника.

— Я буду осторожен, — сказал Кашинг.

Глава 5

Исследовательская группа катила вдоль бульвара, как делала это каждое утро. Это время размышления, проверки и классификации всего узнанного за предыдущий день.

Небо ясное, ни облачка; когда взойдет звезда, будет еще один жаркий день. Кроме птиц, недовольно кричащих в тощих деревьях, и маленьких грызунов, пробегающих в траве, ничего не двигалось. В щелях мостовой росла трава. Густой кустарник скрывал поблекшие от времени статуи и бездействующие фонтаны. За статуями и фонтанами башнями высились огромные здания.

— Я тщательно обдумал ситуацию, — сказал *N1*, - но не могу проникнуть в логику Древнего и Почтенного, когда он говорит, что сохраняет надежду. По всем критериям, которые установлены нами за тысячелетия галактических исследований, господствующая раса этой планеты регрессирует без надежды на улучшение. Подобный процесс мы наблюдаем повсеместно. Они создали цивилизацию, не понимая ее скрытых течений, которые и привели к гибели. И все же Д. и П. настаивает, что это всего лишь времен-

ный регресс. Он говорит, что в истории этой расы было много таких отступлений, и каждый раз она выходила из них с новыми силами. Я иногда думаю, что его мышление искажено верностью, которую он испытывает к этой самобытной расе. Конечно, можно понять его безграничную веру в эти существа, но очевидность свидетельствует, что его вера ошибочна. Либо его мышление серьезно страдает, либо он наивен превыше нашего понимания.

N2, глядевший в небо, частью глаз осмотрел свое гладкое тело и с некоторым недоверием уставился на товарища.

— Удивляюсь тебе, — сказал он. — Ты или шутишь, или чем-то сильно взволнован. Д.и П. честен и далеко не наивен. Учитывая все нам известное, мы должны признать его искренним. Более вероятно, что он обладает каким-то знанием, которое он предпочел не сообщить нам, возможно, подсознательным знанием, которое мы, несмотря на все наши исследования, не сумели обнаружить. Мы, должно быть, ошиблись в своей оценке этой расы…

— Я думаю, — сказал *N1*, - что это не очень вероятно. Ситуация вполне укладывается в классическую схему, которую мы уже много раз

наблюдали. Конечно, есть некоторые отклонения, но общий рисунок безошибочен. Мы, вне всякого сомнения, наблюдаем на этой планете классический конец классической ситуации. Раса вступила в период окончательного упадка и никогда не сможет снова подняться.

— Я согласился бы с тобой, — сказал *N2 задумчиво,* — но у меня есть сомнения. Теперь я склонен считать, что существуют и какие-то скрытые факторы, не обнаруженные нами, или, что еще хуже, факторы, которые мы обнаружили, но не придали им значения, считая их лишь вторичными.

— Мы уже знаем ответ, — упрямо заявил *N1*, - и давно уже должны были бы уйти отсюда. Мы зря тратим время. Этот случай лишь немногим отличается от множества других, собранных нами. Что тебя так беспокоит?

— Во-первых, роботы, — сказал *N2*. — Достаточное ли внимание мы им уделили или же слишком быстро списали их? Списав их слишком быстро, мы могли недооценить их значения и влияния на ситуацию. Потому что они, в некотором смысле, продолжение создавшей их расы. И, возможно, немаловажное продолжение. Может быть, они не играли, как мы предположили, заранее запрограммированную и теперь бессмысленную

роль. Мы не смогли извлечь никакого смысла из разговоров с ними, но…

— Мы в сущности и не разговаривали с ними, — заметил *N1*. — Они обрушились на нас, пытаясь рассказывать свои бессмысленные истории. В их сообщениях нет смысла. Мы не знаем, можно ли им верить. Все это болтовня. И мы должны отдавать себе отчет в том, что это всего лишь роботы. Машины, и весьма неуклюжие машины. И как таковые, они лишь воплощенный симптом упадка, который характерен для всех технологических обществ. Они глупы и, что еще хуже, высокомерны. Из всех возможных комбинаций глупость и высокомерие хуже всего.

— Ты слишком обобщаешь, — возразил *N2*. — Многое из того, что ты говоришь, верно, но существуют же исключения. Древний и Почтенный не высокомерен и не глуп, и хотя он сложнее остальных, он все же робот.

— Согласен, что Д. и П. не высокомерен и не глуп, — сказал *N1*. — Он, вне всякого сомнения, отполированный джентльмен с прекрасными манерами, и все же в нем много неразумного. Он любит туманные рассуждения, основанные на беспочвенных надеждах, не подкрепленных очевидностью. Они даже противоречат очевид-

ности. Мы хорошо подготовленные наблюдатели с большим опытом. Мы существуем гораздо дольше, чем Д. и П., и все это время мы придерживались принципа строгой объективности, совершенно чуждого Д. и П. с его разговорами о вере и надежде.

— Я полагаю, что пора прекратить наш спор, — сказал *N2*. — Мы скатились к перебранке, которая ни к чему не приведет. Печально, что после долгой совместной работы мы все еще можем впадать в такое состояние. Я считаю это предупреждением: в данном случае что-то неладно. Мы еще не достигли стадии совершенства и должны продолжить исследование.

— Я не согласен с тобой, — возразил *N1*, - но в том, что ты сказал о бесполезности дальнейшего спора, несомненная истина. Давай же насладимся нашей утренней прогулкой.

Глава 6

Кашинг переплыл реку, используя примитивный плот для перевозки лука и колчана. Плывя, он держался за плот. Он вошел в воду прямо у университета и позволил быстрому течению нести себя вниз, рассчитав, что коснется противоположного берега как раз в том месте, где стена утесов разрезается ручьем-притоком. Долина ручья давала ему возможность легко добраться до южных границ города. Он не бывал в этой части города раньше и гадал, что он там увидит, хотя в глубине души был уверен, что ничего особо интересного не найдет — лабиринт старых зданий, разрушенных или полуразрушенных, остатки древних улиц, где до сих пор еще сохранившееся твердое покрытие препятствовало растительности.

Позже взойдет луна, но пока землю покрывала тьма. Река шумела, звезды отражались в ее течении множеством блестящих полосок, но здесь, под деревьями, которые росли у устья ручья, в том месте, где Том вышел на берег, отраженного звездного света не было видно.

Он взял с плота колчан и лук, надел на спину

небольшой мешок и осторожно толкнул плот в воду. Присев на корточки, он смотрел, как плот поглотила тьма. Течение унесет плот на середину главного потока и никто не узнает, что кто-то под покровом ночи пересек реку.

Когда плот исчез, Кашинг продолжал сидеть, внимательно прислушиваясь. Где-то к северу через равные промежутки лаяла собака — без всякого возбуждения, как бы выполняя свой долг. На том берегу ручья в кустах что-то осторожно, но целенаправленно двигалось. Кашинг знал, что это не человек, а животное. Вероятнее всего, енот спустился с утесов, чтобы половить рыбу. Над головой жужжали комары, но Том на них не обращал внимания. За много дней на картофельном поле он привык к комарам. Они, со своим высоким злым гудением, всего только помеха.

Довольный, что ему удалось перебраться незаметно, он встал и, пройдя по полосе гальки, вошел в ручей. Вода была не выше колен. Он пошел вверх по течению, шагая осторожно, чтобы не попасть в омут.

Глаза его теперь привыкли к темноте, и он различал более темные стволы деревьев и слабый блеск быстро бегущей воды. Том не торопился. Он старался двигаться бесшумно. Время от времени

ему приходилось нагибаться или отводить в сторону низко нависавшие ветви.

Примерно в миле от устья ручья он увидел развалины старого каменного моста. И, поднявшись на него, он вышел на улицу. Под подошвами мокасин он ощутил твердую поверхность мостовой, теперь покрытую травой и ползучим шиповником. На севере продолжала лаять собака, с юга и запада ей отвечали другие. Справа в кустах тревожно пискнула чем-то испуганная птица. Сквозь вершины деревьев на востоке Кашинг увидел бледный свет восходящей луны.

Он пошел на север и по первой же пересекающей улице повернул налево, на запад. Он сомневался, что сумеет до утра миновать город, но хотел пройти как можно больше.

Задолго до рассвета нужно будет найти убежище, где можно будет переждать день.

Кашинг удивился, обнаружив, что его наполняет странное радостное чувство. Свобода, подумал он. Неужели свобода — после многих лет — привела его в такое настроение? Неужели такое же чувство испытывали древние американские охотники, когда отрясали от своих ног прах последних восточных поселков? Неужели это чувство испытывал древний горец, такой

же мифический, как и эти охотники, когда направлялся к бобровому ручью? И астронавты, направлявшие заостренные носы своих кораблей к отдаленным звездам? Если, конечно, они существовали, эти астронавты.

Двигаясь вперед, он временами различал меж деревьев по сторонам темные корпуса. Когда луна поднялась выше, он увидел, что это остатки зданий. Некоторые сохранили и форму домов, другие превратились в груды обломков. Том знал, что движется по жилому району, и пытался вообразить себе, каким был этот район раньше — улицы, обрамленные деревьями, с новыми домами посреди зеленых лужаек. И люди на улицах — вот здесь врач, наискосок адвокат, немного ниже владелец галантерейного магазина… Дети и собаки играют на лужайках, почтальон движется по ежедневному маршруту, у обочины стоит автомобиль. Том пожал плечами, гадая, насколько близко его представление к реальности. В старых журналах, которые он читал, были картинки с такими улицами, но, может быть, они совсем не отвечали действительности.

Луна светила ярче, и теперь он смог разглядеть, что улица сплошь заросла кустарником, сквозь который извивается узкая тропа. Оленья тропа,

подумал он. А может, ее используют и люди? Если так, то ему следует сойти с тропы. Он подумал и решил остаться. Тут легче идти; по обе стороны от тропы густая растительность, развалины и ямы сильно замедлили бы его продвижение.

Зацепившись за что-то ногой, он потерял равновесие. Падая, ощутил, как что-то слегка царапнуло его щеку. Сзади послышался глухой удар. Упав среди шиповника, Том быстро повернулся и увидел оперенное древко стрелы, торчащее из ствола дерева рядом с тропой. Ловушка, и я попал в нее, клянусь Христом. Несколько дюймов в сторону, и стрела торчала бы в его горле. Шнурок поперек тропы спускал натянутую тетиву лука, стрела удерживалась на тетиве колышком. Испуг сменился холодной яростью. Ловушка на кого? На оленя или человека? Нужно подождать здесь до утра, пока устроитель не придет за жертвой, и тогда всадить в него стрелу, чтобы он никогда не мог проделать это снова. Но на это нет времени: к утру он должен быть далеко отсюда.

Кашинг поднялся из шиповника и пошел по улице, продираясь сквозь густые заросли. Здесь идти было гораздо труднее. Под деревьями темно, лунный свет закрыт густой листвой, и, как он и ожидал, встречалось много препятствий.

Потом он услышал звук, который заставил его замереть. Напряженно прислушиваясь, он ждал повторения звука. Услышав его снова, он понял, что не ошибся — это барабан. Том еще подождал — звук донесся снова, на этот раз громче и отчетливее. Наступила тишина, и снова барабанная дробь, на этот раз не одинокая. Звучало много барабанов, отчетливо слышался направляющий ритм большого барабана.

Кашинг задумался. Выбрав южный район города, он считал, что сумеет избежать лагеря племен. Хотя глупо было так думать. Никогда не знаешь, где можно встретить лагерь. Племена, оставаясь в пригородах, все время перемещались. Когда окрестности лагеря становились слишком загрязненными, племя перемещалось на несколько улиц.

Барабанная дробь набирала силу. Том рассчитал, что барабаны звучат впереди и немного к северу от него. Что-то грандиозное происходит там во тьме. Праздник, может, годовщина какого-нибудь важного для племени события. Он снова двинулся. Нужно убираться отсюда, не обращая внимания на барабаны, и продолжать путь.

По мере того, как он двигался, звук барабанов становился громче. Теперь в нем звучала леде-

нящая кровь жестокость. Вслушиваясь, Кашинг вздрогнул. И все же было в этом звуке какое-то очарование. Время от времени сквозь барабанный бой пробивались крики, лай собак.

Примерно через милю он увидел на северо-западном участке неба отражение пламени костров.

Он остановился, чтобы лучше обдумать ситуацию. Событие происходит совсем недалеко, за холмом справа, гораздо ближе, чем он сначала решил. Может, стоит свернуть на юг, чтобы уйти подальше. Там могли быть часовые, и ему совсем не хотелось с ними столкнуться.

Но он не двигался. Стоял, прижавшись к дереву спиной, смотрел на холм, слушал барабаны и крики. Может, следует узнать, что происходит за холмом. На это не потребуется много времени. Он скользнул по холму вверх: он бросит взгляд на происходящее и продолжит свой путь. Никто его не увидит. Он будет остерегаться часовых. Луна, конечно, светит, но здесь, под тяжелым покровом листвы, ее свет почти незаметен.

Том двинулся вверх по холму, пригнувшись, иногда ползком, выбирая тени погуще, следя за малейшим движением. Нависающие ветви легко скользили по его кожаной куртке.

Монти говорил, что на западе что-то назревает. Какое то кочевое племя внезапно охвачено жаждой завоеваний и, вероятно, движется на восток. Может быть, городские племена заметили это движение и теперь доводят себя до состояния воинственной ярости?

Когда он приблизился к вершине холма, он стал еще осторожнее. Переползая от одной тени к другой, он внимательно рассматривал место впереди, прежде чем сделать следующий шаг. Шум за холмом усилился. Гремели барабаны, крики не прекращались. Возбужденно лаяли псы.

Он наконец достиг вершины и увидел внизу, в чашеобразной долине, кольцо огней и пляшущие кричащие фигуры. В центре огненного круга возвышалась сверкающая пирамида, отражавшая дрожащий отблеск костров.

Пирамида из черепов, подумал он, из полированных человеческих черепов. Но тут же понял, что ошибается. Он смотрел на черепа давно умерших роботов, на блестящие головные кожухи роботов, чьи тела много столетий назад превратились в ржавчину.

Уилсон писал о таких пирамидах. Он размышлял о том, что они символизируют.

Том прижался к земле, чувствуя, как начинает

дрожать. Он почти не обращал внимания на прыгающие кричащие фигуры, глядя только на пирамиду. Ее варварский блеск заставлял его дрожать; он начал осторожно отползать, подгоняемый растущим страхом.

У подножья холма он встал и двинулся на юго-запад, соблюдая осторожность, но торопясь. Постепенно крики и барабанная дробь смолкли, пока не превратились в отдаленное гудение. Том продолжал подгонять себя.

При первых признаках рассвета он отыскал убежище на день. Это была старая усадьба, стоявшая особняком на участке, окруженном чудом уцелевшей металлической изгородью. Посмотрев на восток, Кашинг попытался определить, где находится племя, и увидел лишь тонкую струйку дыма. Кирпичный дом был так плотно закрыт деревьями, что Том разглядел его, лишь пробравшись через пролом в изгороди. На крыше виднелись дымовые трубы, вдоль фасада шел полуобвалившийся портик. Виднелось еще несколько небольших кирпичных сооружений, полускрытых деревьями. Все заросло травой. Но кое-где виднелись заросли многолетних цветов, намного переживших хозяев дома.

Том в первых лучах рассвета осмотрел окрест-

ности. Никаких следов недавних посетителей. Ни тропинок, ни примятой травы. Должно быть, много столетий назад дом разграбили, и больше не было причин заходить сюда.

Он не стал подходить к дому, удовлетворившись осмотром из-под прикрытия деревьев. Потом увидел густые заросли сирени. На четвереньках прополз в глубину и в центре обнаружил место, где можно было лежать.

Том сел, прижавшись спиной к переплетению стволов. Листва поглотила его. Увидеть здесь его было невозможно. Сняв колчан, он вместе с луком положил его в сторону, потом снял и развязал мешок. Достал сушеное мясо и отрезал кусок. Оно было жесткое и почти безвкусное, но это прекрасная еда в пути. Весит мало и хорошо поддерживает силы — первосортная говядина, высушенная до такого состояния, что в ней совсем не осталось влаги. Он жевал мясо и чувствовал, как отступает напряжение, словно в землю уходит. Том расслабился. Здесь его дневное убежище. Худшее позади. Он пересек город.

Том видел опасности города и миновал их незамеченным. Но, поразмыслив, он понял, что обманывает себя. Настоящей опасности не было. Ловушка — это случайность. Она предназнача-

лась для медведя или оленя, и он лишь слепо шагнул в нее; сам виноват. Во враждебной неизвестной земле нельзя ходить по тропам. Нужно идти по бездорожью, в худшем случае параллельно тропам, и держать глаза и уши открытыми. Три года лесной жизни научили его этому, и он должен был помнить. Том предупредил себя, что больше не должен забывать. Годы в университете приучили его к обманчивой безопасности, изменили его образ мышления. Если он хочет выжить, то должен вернуться к старым привычкам.

Его желание взглянуть на праздник племени — чистейшая глупость. И, говоря себе, что нужно посмотреть, что там происходит, он обманывал себя. Он действовал импульсивно, а человек, путешествующий в одиночку, никогда не должен поддаваться импульсам. И что же он узнал? Что племя или группа племен справляет какой-то праздник. Это и еще подтверждение сведений Уилсона о пирамидах из кожухов роботов.

Думая об этих головных кожухах, он вновь ощутил невольную дрожь. С чего бы это, подумал он. Почему глядя на них, испытываешь такое чувство?

Птицы начали свои утренние песни. Легкий ветерок с рассветом замер, ни один лист не

шевелился. Том кончил есть и завязал мешок. Вытянулся на земле и уснул.

Глава 7

Когда Том в полдень выбрался из зарослей сирени, она ждала его. Стояла прямо перед туннелем, который он проделал накануне, и первое, что он увидел, были две голые ноги на траве. Грязные ноги, покрытые засохшей землей, ногти обломаны. Том замер, медленно поднимая взгляд. Изношенное грязное платье, лицо, полускрытое спутанной массой серых волос. Глаза, в которых блестит смех, густая сеть морщин в углах глаз. Рот изогнут, губы плотно сжаты, как будто в попытке сдержать приступ веселья. Он глупо смотрел на нее, болезненно изогнувшись.

Заметив, что он ее увидел, она хихикнула.

— Ага, парень, я тебя поймала! — закричала она. — Вот ты и выполз к моим ногам. Я давно поймала тебя, но ждала, чтобы не помешать тебе спать.

Он продолжал молча смотреть на нее, чувствуя жгучий стыд оттого, что его выследила старая карга, которая теперь несет чушь. Но он видел, что она одна; кроме нее, никого не было.

— Ну, выходи, — продолжала она. — Встань, дай взглянуть на твое великолепие. Не часто старая

Мэг может посмотреть на такого мальчика.

Он вытолкнул из туннеля лук, колчан и мешок и выбрался сам.

— Только посмотрите на него, — хихикала она. — Ну, разве не красавец? Его кожаные штаны блестят. Ему стыдно, что я поймала его в мою маленькую ловушку. Ты, конечно, думал, что тебя никто не видит, когда пробирался утром. Хотя не могу сказать, что видела тебя, я просто тебя почуяла. Как я чую других, когда они бродят вокруг. Впрочем, ты проделал это лучше других. Ты хорошо прятался. Но уж тогда я поняла, что на тебе знак.

— Заткнись! — грубо сказал он. — Что это за знак? И как ты меня почувствовала?

— Ах, какой он умный! И как хорошо говорит! Как хорошо подбирает слова! «Почувствовала». Да, это слово получше. До этого дня я тебя не видела, но знала, что ты здесь, что спишь весь длинный день. Ага, нельзя одурачить старуху.

— Знак? — спросил он. — Что за знак? Нет у меня никаких знаков.

— Знак величия, дорогой. Что еще может быть на таком красивом любителе приключений?

Он гневно поднял мешок и надел на плечо.

— Если тебе хочется посмеяться надо мной, я

лучше пойду.

Она взяла его за руку.

— Не так быстро, сынок. Ты говоришь с Мэг, ведьмой с вершины холма. Я могу тебе помочь, если захочу, а я думаю, что хочу этого, потому что ты красивый мальчик с добрым сердцем. Я чувствую, что тебе понадобится помощь, и надеюсь, ты не будешь слишком горд и попросишь о ней. Моя власть, может быть, мала; иногда я начинаю сомневаться, на самом ли деле я ведьма, хотя так считают многие. Ну, а раз так, я требую хорошую плату за свою работу, иначе меня будут считать слабосильной ведьмой. Но для тебя, парень, платы вообще не будет: ты беднее церковной крысы и ничем не сможешь заплатить.

— Ты очень добра, — сказал Кашинг. — Особенно если учесть, что я не просил о помощи.

— Только послушайте, какой он гордый и высокомерный! Он спрашивает себя, что может для него сделать такая старая карга… Совсем не старая, сынок, я средних лет. И хоть не такая красивая, как раньше, но все же. Конечно, на сеновале со мной уже не поваляешься, но пригодиться еще могу. Должна же молодежь кое-чему учиться у старших и опытных. Но вижу, не это тебя интересует.

— Да, не совсем, — согласился Кашинг.

— Тогда, может, лучше подкрепиться? Окажи Мэг честь и посиди за ее столом. Если уже тебе нужно идти, хорошо начинать путешествие с полным животом. И я по-прежнему чувствую в тебе величие. Мне хотелось бы больше узнать о нем.

— Во мне нет величия, — возразил он. — Я просто лесной бродяга.

— Нет, есть. Или знак величия. Я знаю его. Почувствовала с раннего утра. Что-то в твоем черепе.

— Послушай, — отчаянно сказал он, — я лесной бродяга, вот и все. Позволь мне уйти…

Она крепче вцепилась в его руку.

— Нет, ты не можешь уйти. С тех пор, как я почувствовала тебя…

— Не понимаю, как это почувствовала. Ты учуяла мой запах? Прочла мысли? Люди не могут читать мысли. Но, погоди, а вдруг могут? Я кое-что читал…

— Сынок, ты умеешь читать?

— Конечно.

— Тогда ты, должно быть, из университета. Здесь, вне стен, мало кто сумеет прочесть хотя бы слово. Что случилось, мой дорогой? Тебя вы-

гнали?

— Нет, — кратко ответил Кашинг.

— Тогда, сынок, это больше, чем я надеялась. Хотя я всегда знала. В тебе большое возбуждение. Люди университета не уходят в мир, если не ожидаются большие события. Они теснятся в безопасности своих стен и пугаются тени…

— Я был жителем лесов до того, как пришел в университет. В университете я провел пять лет и теперь возвращаюсь в леса. Я выращивал картошку.

— Какой храбрец! Отбросил мотыгу, схватил лук и марш на запад, против надвигающихся орд. Или ты ищешь что-то настолько важное, что можно не обращать внимания на завоевателей?

— То, что я ищу, возможно, всего лишь легенда, пустые разговоры. Но что это ты говоришь об ордах?

— Ты, конечно, не знаешь. За рекой в университете вы сидите за своей стеной, бормочете о прошлом и не замечаете того, что происходит вокруг.

— Мы в университете знаем, что идут толки о завоевателях.

— Это не просто толки. Их волна приближается и все растет. Нацелена на этот город. Иначе к

чему бы этот барабанный бой прошлой ночью?

— Эта мысль приходила мне в голову, — сказал Кашинг. — Но я, конечно, не был уверен.

— Я слежу за ними. И знаю, что при первом же их появлении должна убираться. Если они найдут старую Мэг, то вздернут ее на дереве. Или сожгут. Они не любят ведьм, и хотя сила моя слаба, мое имя им известно.

— Но ведь есть люди города, — сказал Кашинг. — Они твои посетители. Много лет ты им хорошо служила. Они защитят тебя.

Она сплюнула на землю.

— Ужасно смотреть на такое невежество… Они с удовольствием всадят мне нож под ребра. Меня ненавидят. Когда страх их или жадность становятся слишком велики, они приходят ко мне и скулят о помощи. Но лишь тогда, когда больше ничего не остается. Они считают недостойным иметь дело с ведьмой. Боятся и из-за этого страха ненавидят меня. Ненавидят даже тогда, когда просят о помощи.

— В таком случае тебе давно нужно было уйти.

— Что-то говорило мне, что я должна оставаться. Даже когда знала, что нужно уходить. Даже когда ясно было, что глупо не уходить. Я чего-то ждала. Теперь я знаю, чего. Возможно, сила моя

больше, чем мне казалось. Я ждала защитника и дождалась его.

— Иди к дьяволу!

Она выставила вперед подбородок.

— Я иду с тобой. Что бы ты ни говорил, я иду с тобой.

— Я отправляюсь на запад, — сказал Том Кашинг, — и ты не пойдешь со мной.

— Сначала мы двинемся на юг, — сказала она. — Я знаю дорогу. Покажу тебе, куда идти. На юг и потом вверх по реке. Так безопаснее. Орда будет держаться возвышенной местности. По речной долине труднее передвигаться, и они к ней не приблизятся.

— Я иду быстро и по ночам.

— Мэг знает заклинания. У нее есть сила, которую можно использовать. Она чувствует мысли других.

Он покачал головой.

— У меня есть лошадь, — сказала она. — И, конечно, не благородная кобыла, но хорошее животное и разумное и может нести все остальное необходимое.

— Все необходимое я несу на спине.

— У меня приготовлено в путь мясо, мука, соль, одеяла, «шпионское стекло».

— А что это такое?

— Шпионское стекло с двумя стволами.

— Бинокль?

— Оно очень старое. Один человек отдал мне его в качестве платы. Он очень боялся и пришел просить о помощи.

— Бинокль может пригодиться, — сказал Кашинг.

— Вот видишь. Я тебя не задержу. Я легка на ногу, а Энди — прекрасная лошадь. Он скользит так тихо, что никто и не заметит. К тому же благородный искатель легенд не покинет беззащитную женщину, да…

Он фыркнул:

— Беззащитную!

— Видишь, сынок, нам нельзя друг без друга. Ты со своей доблестью и старая Мэг со своей силой…

— Нет.

— Пойдем в дом. Там немного гречки, кувшин сорго и мясо. За едой ты расскажешь мне, что ищешь, и мы обдумаем наши планы.

— Я поем, — сказал он, — но ты ничего не выиграешь. Ты не пойдешь со мной.

Глава 8

Они выступили при свете восходящей луны. Кашинг шел впереди, раздумывая, как же это все-таки получилось, что он согласился взять Мэг с собой. Он говорил «нет», она говорила «да», и вот они идут вместе. Может, это колдовство? В таком случае неплохо иметь ее с собой. Если она и с другими сможет справиться, как с ним, все будет в порядке.

Но все же это неразумно. Один человек может проскользнуть незаметно. Но двум людям, да еще с лошадью это невозможно. Особенно с лошадью. Он знал, что должен был сказать: «Если хочешь идти со мной, лошадь нужно оставить». Но глядя на Энди, он не мог так сказать. Он не мог покинуть Энди, как не мог покинуть животных тогда, когда уходил со своей фермы.

Взглянув на Энди, он понял, что это хорошая лошадь, без всяких иллюзий на свой счет. Терпеливое животное, зависящее от доброты человека. Костлявое, но явно сильное.

Кашинг шел на юго-запад, в сторону долины Миннесоты, как советовала Мэг. Миннесота — небольшая река, извивающаяся змеей меж низ-

ких утесов, чтобы влиться в Миссисипи немного южнее того места, где он накануне пересек большую реку. Долина Миннесоты густо заросла лесом, в ней легко укрыться, хотя следование за всеми извилинами реки намного удлинит путешествие.

Думая об этом, он гадал, куда же они направятся. Куда-то на запад — это все, что он знал. Но как далеко на запад и куда именно? К ближайшему плоскогорью, к подножию Скалистых гор или даже в великую южную пустыню? Они идут наугад, вслепую, и если поразмыслить как следует, то понимаешь, что решиться на такое — чистейшее безумие. Мэг, когда он рассказал ей о Месте, сказала, что слышала такую легенду, но не помнит когда и от кого. Но она не смеялась, она была слишком рада возможности уйти из города. Где-нибудь дальше в пути они, возможно, еще что-нибудь услышат. Если вообще существовало Место, откуда уходили к Звездам.

Но даже если оно существовало, что будет, когда они его найдут? Найдут свидетельства того, что некогда человек устремился к звездам. Что изменит это знание? И прекратят ли кочевники свои набеги и грабежи? Установят ли городские племена постоянное правительство? Придут ли

люди в университет в надежде на возрождение, на подъем из пропасти, в которую рухнул мир?

Он знал, что ничего подобного не произойдет. Он получит лишь удовлетворение от знания, что когда-то свыше тысячи лет назад люди покинули Солнечную систему и ушли в космос. Конечно, этим можно гордиться, но гордость — слишком мелкая монета в этом мире.

И все же, говорил он себе, повернуть назад нельзя. Он отправился в поиск почти импульсивно, руководствуясь скорее чувством, чем разумом, и хотя это может показаться бессмысленным, он должен идти. Он пытался понять, почему это так, и не находил ответа.

Взошла луна. Город остался сзади, они углубились в пригороды.

Справа виднелась наклонившаяся водонапорная башня; еще несколько лет — и она рухнет.

Кашинг остановился и подождал остальных. Энди ласково ткнулся мордой ему в грудь, тихонько дунул. Кашинг погладил его по голове, потянул за уши.

— Ты ему нравишься, — сказала Мэг, — а ему нравится далеко не всякий. Но он, как и я, разглядел на тебе знак.

— Забудь об этом знаке. У меня нет никакого

знака. Что ты знаешь об этой местности? Продолжать ли идти дальше или свернуть на юг?

— На юг, — ответила она. — Чем быстрее мы доберемся до речной долины, тем это безопаснее для нас.

— Орда, о которой ты говорила, далеко ли она?

— В одном или двух днях пути. Городские разведчики обнаружили их неделю назад в ста милях к западу, они стягивали силы и готовились к выступлению. Вероятно, они движутся не торопясь.

— И они идут прямо с запада?

— Не знаю, сынок, но мне так кажется.

— Значит, у нас мало времени?

— Очень мало. Мы сможем легче вздохнуть, когда доберемся до речной долины.

Кашинг снова двинулся вперед, и двое пошли за ним.

Местность была пустынна. Изредка выскакивал из укрытия кролик и пробегал в лунном свете. Временами сонно вскрикивала в чаще потревоженная птица. Однажды с реки долетел крик енота.

Вдруг Энди фыркнул. Кашинг остановился. Лошадь услышала или увидела нечто достойное внимания.

Тихо подошла Мэг.

— Что это, сынок? Энди что-то почуял. Ты что-нибудь видишь?

— Не шевелись, — ответил он. — Прижмись к земле. И не двигайся.

Казалось, все спокойно. Холмики, некогда бывшие домами. Заросли шиповника. Длинная линия деревьев, некогда обрамлявших бульвар.

Энди больше не издавал звуков.

Прямо перед ними посередине бывшей улицы торчал камень. Не очень большой, не выше пояса человека. Интересно, как он оказался на улице?

Мэг лежала на земле. Она коснулась ноги Тома и прошептала:

— Я что-то чувствую. Слабо и далеко.

— Как далеко?

— Не знаю. Далеко и слабо.

— Где?

— Прямо перед нами.

Они ждали. Энди переступил с ноги на ногу.

— Я боюсь, — сказала Мэг. — Оно не похоже на нас.

— Что?

— Не похоже на людей.

В речной долине снова закричал енот. Глаза Кашинга болели от напряжения. Он старался

уловить хоть малейшее движение.

Мэг прошептала:

— Это валун.

— Кто-то прячется за ним, — сказал Кашинг.

— Никто не прячется. Это камень. Он совсем другой.

Они ждали.

— Интересное место для камня, — сказал Кашинг. — Посреди улицы. Кто передвинул его сюда? И зачем?

— Камень живой, — сказала Мэг. — Он может сам двигаться.

— Камни не двигаются, — возразил он. — И кто-то должен передвигать их.

Она не ответила.

— Оставайся здесь, — сказал он.

Он положил лук, снял с пояса топорик и быстро пошел вперед. Остановился прямо перед камнем. Ничего не случилось. Он обошел камень. За ним никого не было. Том коснулся камня. Он был теплее, чем должен быть. Солнце село уже несколько часов назад, и теперь камень уже должен был отдать все тепло. Но он был все еще слегка теплый. Теплый и гладкий, скользкий на ощупь. Как будто кто-то отполировал его.

Энди двинулся вперед. Мэг — за ним.

— Он теплый, — сказал Кашинг.

— Он живой, — заметила Мэг. — Это живой камень. Или вообще не камень, а что-то похожее на камень.

— Мне это не нравится, — сказал Кашинг. — Похоже на колдовство.

— Нет. Что-то совсем другое. Ужасное. Такое, чего не должно быть. Не человеческое, вообще чужое. Замороженная память. Так я это чувствую. Замороженная память, такая старая, что вся застыла. Не могу сказать, что это такое.

Кашинг осмотрелся. Все было спокойно. И лишь деревья рисовались на фоне неба в свете луны. Сверкало множество звезд. Он попытался подавить поднимавшийся в нем ужас.

— Ты когда-нибудь слышала о чем-нибудь подобном? — спросил он.

— Никогда, сынок. Никогда в жизни.

— Идем отсюда.

Глава 9

Смерч, пронесшийся над долиной, должно быть, весной, проделал полосу среди деревьев, росших между речным берегом и утесами. Лесные великаны лежали грудой, вырванные с корнем. На многих ветвях виднелись засохшие листья.

— Здесь мы будем в безопасности, — сказал Кашинг. — Каждый, кто идет с запада, должен обойти этот завал.

Раздвигая ветви, они сделали проход для Энди и отыскали небольшое место, где можно было лечь и где было достаточно травы.

Кашинг указал на берлогу, образованную вырванными корнями гигантского черного дуба.

— Отсюда мы увидим, если кто-нибудь будет бродить вокруг.

Мэг сказала:

— Я приготовлю для тебя завтрак, сынок. Чего ты хочешь? Может, поджарить хлеба с мясом?

— Еще нет, — сказал он. — Пока не нужно… Мы должны быть осторожными с огнем. Только сухие ветви, чтобы не было дыма, и небольшой огонь. Я позабочусь об этом, вернувшись. Не разжигай костра сама. Я хочу быть уверен. Кто-нибудь мо-

жет увидеть дым и явится посмотреть.

— А куда ты идешь, сынок?

— На утес. Хочу осмотреться. Может, кто-нибудь бродит поблизости.

— Возьми с собой «шпионское стекло».

На вершине холма он осмотрел расстилающуюся перед ним прерию, испещренную кое-где группами деревьев. Далеко к северу некогда была ферма — несколько строений в роще. От зданий мало что осталось. В бинокль он смог рассмотреть то, что когда-то было амбаром. Часть его крыши обвалилась, но стены уцелели. Дальше лишь небольшие возвышения обозначали места, где стояли другие, менее прочные сооружения. Сидя за кустом, который должен был укрыть его от случайного наблюдателя, он методично и терпеливо рассматривал прерию, двигая биноклем с запада на восток.

Маленькое стадо оленей паслось на восточном склоне небольшого возвышения. Барсук сидел у входа в свою нору. Лиса осматривала местность в поисках добычи.

Кашинг продолжал наблюдать. Он говорил себе, что торопиться не следует: нужно быть уверенным, что здесь никого, кроме животных, нет. Он снова взглянул на запад и медленно двинул

бинокль на восток. Олени на месте, но барсук исчез. Вероятно, ушел в нору. Не видно и лисы.

Краем глаза он уловил какое-то движение. Осторожно поворачивая бинокль, увидел, что это отряд всадников. Он попытался сосчитать их, но они были слишком далеко. Они двигались, отклоняясь на юго-восток. Он продолжал смотреть. Наконец он смог пересчитать их. Девятнадцать или двадцать, он не был уверен. В шкурах и коже, со щитами и копьями. Их маленькие коротконшерстые лошади шли устойчивым галопом.

Итак, Мэг была права. Движется орда. И это, вероятно, всего лишь фланговый разведывательный отряд главной массы, которая находится дальше к северу.

Кашинг внимательно следил за всадниками, пока они не исчезли из вида, потом снова осмотрел прерию. Никого не видно. Удовлетворенный, он сунул бинокль в чехол и начал спускаться. Он знал, что возможны другие небольшие отряды, но следить за ними нет смысла.

Мэг, видимо, права: они идут по прерии, направляясь к городу, и не заходят в речную долину.

На полпути вниз он услышал голос, доносящийся из гущи поваленных деревьев.

— Друг. — Негромко, но отчетливо.

При этом звуке Том замер и быстро огляделся.

— Друг, — повторил голос, — найдешь ли ты в своем сердце сочувствие к несчастному?

Ловушка? Кашинг быстро достал из колчана стрелу.

— Не бойся, — снова послышался голос. — Даже если бы захотел, я не смог бы принести вреда. Меня прижало деревом, и я был бы благодарен за помощь.

Кашинг колебался.

— Где ты?

— Справа от тебя. На краю упавших деревьев. Я вижу тебя отсюда. Если нагнешься, ты тоже увидишь меня.

Кашинг отложил стрелу и присел на корточки, вглядываясь в путаницу стволов. На него смотрело лицо, и при виде его Том затаил дыхание от удивления. Он никогда и ничего подобного не видел. Лицо, похожее на череп, сделанное из твердых пластин и сияющее в лучах солнца, пробивающихся через ветви.

— Кто ты? — спросил он.

— Я Ролло, робот.

— Ролло? Робот? Не может быть. Роботов больше нет.

— Я есть, — ответил Ролло. — Я не удивился бы,

узнав, что я последний.

— Но если ты робот, что ты здесь делаешь?

— Я уже сказал. Меня прижало деревом. И дерево, к счастью, небольшое, но я не могу из-под него выбраться. У меня зажата нога. Я пытался подкопать землю, чтобы освободить ногу, но это тоже невозможно. Подо мной скала, я не могу повернуться, чтобы приподнять дерево. Я все перепробовал, но ничего не смог сделать.

Кашинг наклонился и нырнул под нависающие ветви. Добравшись до упавшего робота, он присел на корточки, чтобы осмотреться.

Он вспомнил, что в журналах, которые попадались ему в библиотеке, были и рисунки роботов — рисунки, сделанные раньше, чем появились сами роботы. На них изображались большие неуклюжие металлические люди, которые, несомненно, страшно гремели при ходьбе. Ролло не походил на них. Он был строен. Плечи широкие, голова казалась несоразмерно большой, узкая талия слегка расширялась к ногам. Ноги стройные и аккуратные. Глядя на них, Кашинг подумал о стройных ногах оленя. Одна нога была зажата под огромной ветвью клена, отколовшейся от упавшего дерева. Ветвь была толще фута в диаметре.

Ролло видел, что Кашинг смотрит на ветку.

— Я мог бы приподнять ее и освободить ногу, — сказал он, — но не могу повернуться, чтобы ухватить ее.

— Посмотрим, что можно сделать, — сказал Кашинг.

Он прополз вперед на четвереньках, просунул руку под ветвь.

— Может, я смогу приподнять ее, — предположил он. — Я дам тебе знать, когда буду готов. Тогда попытайся выдернуть ногу.

Кашинг подполз ближе, уперся, наклонился и сунул обе руки под ветвь.

— Давай! — сказал он. Напрягшись, он почувствовал, как дрогнула ветвь.

— Все, — сказал Ролло.

Кашинг осторожно разжал руки и выпустил ветвь.

Ролло сидел рядом с ним. Он достал из-под груды листьев кожаный мешок, порылся вокруг и извлек копье с железным наконечником.

— Не мог дотянуться раньше, — пояснил он Тому. — Когда упала ветвь, они вылетели у меня из рук.

— Все в порядке? — спросил Кашинг.

— Конечно, — ответил робот. Он сидел, осматривая попавшую в ловушку ногу.

— Даже не поцарапана, — сказал он. — Прочный металл.

— Не расскажешь ли, как попал в эту историю?

— Я шел тут и попал в бурю. Я не слишком беспокоился. Дождь мне не повредит. И тут торнадо. Я услышал его приближение и попытался убежать. Думаю, что вбежал прямо в центр торнадо. А вокруг падали деревья. Меня подняло в воздух, потом бросило вниз… Когда я упал, на меня обрушилась эта ветвь. Буря прошла, но я не мог двигаться. Вначале я решил, что это лишь небольшое неудобство. Я был уверен, что смогу высвободиться. Но, как видишь, не смог.

— Давно ли это случилось?

— Могу ответить точно. Я вел счет. Восемьдесят семь дней. Меня беспокоила ржавчина. У меня в мешке медвежий жир…

— Медвежий жир?

— Конечно. Убиваешь медведя, разводишь костер и вытапливаешь жир. Пойдет любой жир, но лучше всего медвежий. Где еще теперь можно достать жир? Только у животных. Когда-то мы использовали нефтепродукты, но их нет уже много столетий. Животный жир не очень хорош, но свою задачу выполняет. Приходится заботиться о таком теле, как мое. Нельзя давать

волю ржавчине. Металл превосходный, но даже он подвержен коррозии. Восемьдесят семь дней — это не очень много, но если бы не ты, у меня были бы большие неприятности. Я думал, что со временем дерево истлеет и я освобожусь, но на это потребовалось бы несколько лет.

Было, конечно, скучно. Все время смотреть на одно и то же. Не с кем поговорить. Много лет около меня вилась Дрожащая Змея. Ничего не делала, конечно, но все время вертелась вокруг, как будто играла. Но когда меня зажало, Дрожащая исчезла, и я ее больше не видел. Если бы она оставалась со мной, у меня было бы хоть какое-то подобие компании, нечто, на что можно посмотреть.

Я мог бы разговаривать с нею. Она, конечно, не отвечала, но я много с ней говорил. С нею можно было говорить. Но как только меня зажало, она ускользнула, и с тех пор я ее не видел.

— Что это за Дрожащая Змея? — спросил Кашинг.

— Не знаю, — ответил Ролло. — Похоже, что только я ее и видел. Никогда не слышал от других. Это всего лишь сияние. Не ходит и не бежит, просто дрожит в воздухе, мерцает искрами. В солнечном свете ее с трудом можно различить, но в темноте она хорошо видна. Никакой посто-

янной формы. Всего лишь сверкающий пузырь, танцующий в воздухе.

— И ты не знаешь, откуда она? И почему висела над тобой?

— Иногда я думал, что это мой друг, — сказал Ролло. — Говорю тебе: я, вероятно, последний робот и мне очень не хватало друзей. Большинство людей, увидев меня, думают лишь о возможности добыть еще один головной кожух. А тебе ведь не хочется добраться до моего кожуха?

— Вовсе нет, — сказал Кашинг.

— Это хорошо. Я должен предупредить тебя, что в противном случае вынужден был бы убить тебя. Может, ты не знаешь, но роботы были наделены запретом на убийство и на любой вид насилия. Этот запрет был вложен в нас. Поэтому-то и не осталось уже роботов. Они позволяли убивать себя и не могли даже руки поднять, чтобы защититься. Либо их съела ржавчина. Даже если у них был запас смазки, его не хватило надолго, и когда он кончался, они не могли добыть нового. Так они ржавели и исчезали. Оставались лишь кожухи, прикрывающие наши мозги. Они не подвержены коррозии. Спустя много лет кто-нибудь находил очередной кожух и подбирал его.

Ну, когда мой небольшой запас смазки кон-

чился, я посоветовался с самим собой, сказав себе, что эта глупая инструкция, запрещающая роботам насилие, была, может быть, и хороша при старом порядке, но при новом она не имеет смысла. Я понял, что могу добыть жир животного, если только смогу заставить себя убить его. Под угрозой собственной гибели я решил нарушить запрет и убить медведя, потому что знал, что медведи полны жира, но сделать это было нелегко. Я изготовил копье и учился владеть им, потом отправился на поиски медведя. Как ты можешь догадаться, я потерпел неудачу. Не смог. И, наверное, никогда не смог бы. К этому времени я совсем пал духом. На моем теле появилось несколько пятен ржавчины, и я знал, что это начало конца. Я уже собрался сдаться, когда однажды в горах встретился с большим гризли. Не знаю, что с ним было. Что-то его сильно рассердило. Я часто думаю, что бы это могло быть. Может, у него болели зубы. Или заноза в пятке. Не знаю. Может, при виде меня он вспомнил какого-нибудь врага. Но он сразу бросился на меня, разинув пасть, с ревом протягивая ко мне огромные лапы. Думаю, что если бы у меня было время, я убежал бы. Но на это у меня не оказалось ни времени, ни места. И вот в тот момент, когда он навалился на меня, мой

испуг сменился гневом. Вероятно, на самом деле это было отчаяние, а не гнев. Я подумал: «Ты, сын шлюхи, собираешься расчленить меня! Так нет же! Я и сам расчленю тебя!»

Я плохо помню дальнейшее. Я лишь помню, как протянул копье ему навстречу. После этого все скрылось в тумане. Когда мозг мой прояснился, я стоял, покрытый кровью, медведь лежал на земле, а из его горла торчало мое копье.

Запрет кончился. Убив один раз, я смог убивать еще. Я вытопил жир из старого гризли и разыскал песчаный ручей. Несколько дней я провел там, протирая песком ржавые места и смазывая себя жиром. С тех пор я всегда смазываю себя. Запас жира у меня не выходит. Тут много медведей.

Но я до сих пор не спросил, кто ты. Конечно, если ты хочешь сказать. Многие не хотят говорить, кто они. Но ты пришел один и спас меня, а я не знаю, кого благодарить.

— Я Том Кашинг. И не нужно благодарить. Пойдем отсюда. Тут поблизости лагерь. Ты захватил все свое?

— У меня только мешок и копье. Есть еще нож, но он по-прежнему в ножнах.

— Теперь, когда ты свободен, что ты собираешься делать?

— У меня нет никаких планов. И не было никогда. Я просто брожу без всякой цели. Иногда это меня беспокоит — отсутствие цели. Если бы мне указали цель, я бы с благодарностью принял ее. Может, ты разделишь со мной свою цель, друг? Я перед тобой в долгу.

— Ты ничего мне не должен, — сказал Кашинг, — но цель у меня есть. Можем поговорить об этом.

Глава 10

Деревья окружали плоскую вершину большого холма, вглядываясь в ночь, как смотрели много столетий, в холод и жару, в дождь и сушь, днем и ночью, летом и холодной зимой. Над восточным горизонтом взошло солнце, и его теплые лучи коснулись деревьев. Деревья в священном экстазе и благодарности приняли тепло и свет, которые они чувствовали с тех пор, как много лет назад появились их первые ростки, чтобы выполнять задачу.

Они воспринимали тепло и свет, впитывали и усваивали их. Они знали легкий утренний ветерок и радовались ему, знали ответный шелест своих листьев. Они приспособились к использованию жары, к тому небольшому количеству воды, которое могли дать скалы: местность была сухой, и воду нужно было использовать разумно. И они смотрели, они продолжали смотреть. И они видели все происходящее. Видели лису, возвращавшуюся в нору на рассвете; сову, возвращавшуюся домой, полуослепленную утренним светом (она слишком задержалась на охоте); мышь, с писком спасавшуюся от нападения лисы

или совы; видели гризли на высохшей равнине, великого повелителя сей земли, который не терпел никакого вмешательства в свои дела, в том числе и вмешательства странных двуногих прямоходящих существ, которых изредка видели Деревья; видели большую и хищную птицу, плывущую высоко в воздухе, голодную, но уверенную, что до конца дня получит добычу.

Деревья знали структуру снежинки, химизм дождевой капли, молекулярный рисунок ветра. Они осознавали свое товарищество с травами, другими деревьями и кустами, с яркими цветами прерий, которые пышно расцветали каждую весну; товарищество с птицами, вьющими гнезда на их ветвях; они знали о каждом муравье, жуке и бабочке.

Они грелись на солнце и говорили друг с другом не для того, чтобы обмениваться информацией (хотя могли и это), а просто, чтобы пообщаться.

Над ними, на плоской вершине холма, возвышались древние здания, рисуясь на фоне яркого, без единого облачка, неба.

Глава 11

Небольшой костер не давал дыма. Мэг, склонившись над ним, пекла хлеб. Ролло сидел, погрузившись в ритуал смазывания; дурно пахнущий жир он держал в бутылке, сделанной из тыквы. Энди переступил с ноги на ногу, отгоняя хвостом мух и уделяя серьезное внимание пучкам травы, росшей тут и там. Невдалеке журчала невидимая река. Всходило солнце, день обещал быть жарким, но здесь, под покровом деревьев, было еще прохладно.

— Ты говоришь, сынок, — сказала Мэг, — что в отряде было только двадцать человек?

— Примерно, — ответил Кашинг. — Думаю, не больше.

— Вероятно, разведывательный отряд. Выслан к городу, чтобы определить размещение племен. Может, нам стоит немного задержаться здесь. Тут уютно, и нас здесь не найдут.

Кашинг покачал головой.

— Нет, мы двинемся вечером. Если орда движется на восток, а мы на запад, то мы скоро от них избавимся.

Она кивком указала на робота:

— А он?

— Если захочет, пойдет с нами. Я еще не говорил с ним об этом.

— Я ощущаю в вашем путешествии цель и необходимость, — сказал Ролло. — Даже и не зная этой цели, я с радостью присоединяюсь к вам. Горжусь тем, что могу сослужить хоть небольшую службу. Мне не нужен сон, и я могу сторожить, пока остальные спят. У меня острое зрение, я быстр и могу разведывать местность. Я много лет провел в дикой местности и хорошо знаю ее. И продукты мне не нужны: я питаюсь солнечной энергией. Два солнечных дня дают мне запас энергии на месяц. И я хороший товарищ — никогда не устаю от разговоров.

— Верно, — согласился Кашинг, — он болтает не переставая с той минуты, как я его нашел.

— Раньше мне приходилось говорить с собой, — сказал Ролло. — Плохо, когда не с кем поговорить.

Лучший год я провел, когда много лет назад наткнулся в скалистых горах на старика, который нуждался в помощи. Он болел странной болезнью, от которой скрипели суставы, и если бы я случайно не наткнулся на него, он не пережил бы зимы; когда наступили холода, он не мог

охотиться и добывать дрова, чтобы отапливать свою хижину. Я оставался с ним и приносил ему добычу и дрова, и поскольку он изголодался по разговорам не меньше меня, мы говорили с ним всю зиму; он рассказывал о великих событиях, в которых принимал участие или был свидетелем; вероятно, далеко не все в его рассказах было правдой, но меня это и не беспокоило: мне нужна была не правда, а разговор. А я рассказывал ему, немного приукрашивая, о своей жизни со времен Катастрофы. В начале лета, когда ему стало легче, он отправился в какое-то место, на «рандеву», как он говорил, с такими же, как он сам. Он просил меня пойти с ним, но я отказался, потому что, по правде говоря, не испытывал больше любви к людям. Если не считать присутствующих, то у меня были лишь неприятности, когда я случайно сталкивался с людьми.

— Ты помнишь времена Катастрофы? — спросил Кашинг.

— Конечно. Я помню происходившее, но бесполезно спрашивать меня о значении событий, потому что я не понимал их тогда и, несмотря на все размышления, не понимаю и сейчас. Видите ли, я был обычным дворовым роботом, исполнителем различных домашних работ. Меня научили

выполнять лишь простейшие задания, хотя я знаю, что многие роботы получали специальную подготовку и были искусными техниками и кем угодно. И воспоминания мои по большей части неприятны, хотя за последние столетия я научился приспосабливаться к условиям. Я не предназначен быть одиноким механизмом, но мне пришлось им стать. Оказавшись в таких условиях, я научился жить для себя, но счастья это мне не принесло. Поэтому я с радостью присоединился бы к вам.

— Даже не зная, чего мы добиваемся? — спросила Мэг.

— Даже так. Если мне что-нибудь не понравится, я просто смогу уйти.

— Мы ищем Место, — сказал Кашинг, помолчав. — Место, откуда уходили к Звездам.

Ролло серьезно кивнул.

— Я слышал о нем. Мало кто о нем знает, но много лет назад я о нем слышал. Насколько я понял, оно расположено на столовой горе или на холме где-то на западе. Холм окружен деревьями, и легенды утверждают, что эти деревья охраняют место и никого туда не пропускают. Говорят, его охраняют и другие приспособления, хотя я ничего о них не знаю.

— Где же это место?

Ролло развел руками.

— Кто знает? Рассказывают о многих странных местах, предметах и людях. Старик, с которым я провел зиму, упоминал о нем… мне кажется, лишь один раз. Но он рассказывал много историй, и не все в них было правдой. Он говорил, что это место называют холмом Грома.

— Холм Грома, — сказал Кашинг. — Вы знаете, где может быть холм Грома?

Ролло покачал головой:

— Где-то в стране Великих равнин. Это все, что я знаю. Где-то за великой Миссури.

Глава 12

Отрывок из «Истории» Уилсона:

Одним из странных изменений, последовавших за Катастрофой и развившихся в последующие столетия, был рост необычных способностей людей. Рассказывают о многих, обладавших такими способностями, некоторые рассказы говорят о совершенно невероятных вещах, но правда ли все это, невозможно судить.

На полках университета хранится большая литература о паранормальных возможностях, и в некоторых случаях существование таких возможностей подтверждается. Впрочем, большая часть этой литературы чисто теоретическая и очень противоречива. При ближайшем рассмотрении докатастрофической литературы (а другой у нас, разумеется, нет) становится очевидным, что эти теории содержат зерно истины.

Хотя после Катастрофы не существует документов, на которых можно основы-

ваться, кажется, что паранормальные и психические феномены проявляются гораздо чаще. Разумеется, ни один из рассказов о таких случаях нельзя проверить, как это делалось раньше. Может их потому так много, что некому их опровергнуть. В пересказах может теряться истинное содержание этих историй. Но даже с учетом всех этих соображений возникает впечатление, что количество таких феноменов увеличивается.

Некоторые мои коллеги в университете, с которыми я разговаривал, говорят, что это увеличение, по крайней мере частично, можно объяснить уничтожением физической науки и технологии. Мышление человека находилось под властью догм физики и технологии. И если человеку всю жизнь вбивали в голову, что какие-то вещи невозможны и верить в них глупо, то человек переставал интересоваться своими скрытыми возможностями. Это означает, что те люди до Катастрофы, у которых проявлялись паранормальные психические способности, подавляли их (кто же добровольно

признается в собственной глупости?), и развитие в этой области стало невозможно.

В результате все такие феномены почти исчезли перед лицом технологического диктата, утверждавшего, что они невозможны.

Сегодня такого диктата нет. Технологическое мышление дискредитировано, если не уничтожено совершенно вместе с гибелью машин и социальной системы, на которой оно было основано. И человеческие способности, которые раньше подавлялись, смогли снова развиться. Возможно также, что нынешняя ситуация создала окружение, в котором нетехнологическое мышление имеет возможность победить. Можно гадать, каким был бы мир, если бы наука, созданная человеком, не была почти исключительно физической и если бы не возникла технология. Лучше всего было бы, конечно, если бы наука и все отклоняющееся от нее развивалось параллельно, взаимодействуя и перекрещиваясь. Однако высокомерие науки привело к тому, что все другие спо-

собы мышления заглохли…

Глава 13

Они шли вверх по реке, двигаясь уже днем, поскольку теперь двое следили за прерией — либо Кашинг, либо Ролло взбирались на утесы и проверяли, нет ли отрядов или другой опасности. В первые дни они видели несколько отрядов; все двигались на восток,{1} не интересуясь речной долиной. Глядя на них, Кашинг почувствовал беспокойство за университет, но сказал себе, что нападение на него маловероятно. И в случае нападения прочные стены сумеют защитить университет от любого врага.

Река Миннесота, вверх по которой они шли, была спокойнее Миссисипи. Она текла по лесистой долине, как ходит ленивый человек, не дергаясь и не торопясь. Большей частью она была узкой, хотя временами разливалась в низких болотистых берегах, и путникам приходилось делать большие обходы.

{1} Комментарии: 1

В тексте было: «…все двигались на запад». Но они идут на запад, орда им навстречу — это во-первых, а во-вторых у автора это звучит так: «none of these were interested in the river valley, but were moving eastward.» — не интересуясь речной долиной, а двигаясь в восточном направлении. Eastward — восточное направление.

Вначале Кашинг сожалел о медлительности их продвижения. В одиночку он прошел бы вдвое больше, но постепенно успокоился. В конце концов, думал он, никто не ограничивает времени их путешествия.

Успокоившись, он начал наслаждаться путешествием. За годы жизни в университете он забыл радости свободной жизни, и теперь вновь познавал ее: прохладу раннего утра, восход солнца, звуки ветра в листве. V-образная форма следа, который остается за плывущей выдрой, неожиданная красота цветочной полянки, крик совы в сумерках над рекой, вой волков в утесах. Они рыбачили, ловили жирных кроликов, изредка им попадались куропатки или утки.

— Сынок, эта еда получше, чем сушеное мясо в твоем мешке, — говорила Мэг.

— Может наступит время, — заметил Том, — когда мы будем рады этому мясу.

Он знал, что это самая легкая и сытая часть их пути. Когда они оставят речную долину и двинутся по равнинам на запад, идти будет гораздо труднее.

Через несколько дней вернулась Дрожащая Змея Ролло и заплясала над ним. Она была почти невидима, тонкая полоска звездной пыли,

мерцающая в лучах солнца, а по ночам горящая мягким светом.

— Когда-то я считал ее своим другом, — сказал Ролло. — Вы можете считать, что весьма странно думать о блестящем пятне света как о друге, но если много столетий ты одинок и лишен друзей, даже такая нематериальная вещь, как искорка в лучах солнца, может стать другом. Но когда меня зажало деревом, она исчезла. Если бы она только осталась со мной, я не был бы один. Не спрашивайте меня, что это такое. Не знаю. Я провел много часов, пытаясь догадаться. Но ничего не установил. И не спрашивайте, когда оно появилось впервые, прошло столько времени, что меня подмывает сказать: она всегда была со мной. Конечно, это не так: я помню время, когда ее еще не было.

Робот говорил безостановочно. Как будто прорвало поток слов, накопившихся за долгие годы одиночества.

— Я помню то, что вы называете Катастрофой, — говорил он, когда они сидели вокруг небольшого костра (небольшого и хорошо скрытого, чтобы никто не смог его увидеть со стороны), — но я мало что понял в этих событиях. Я был дворовым роботом в большом доме, который стоял на

холме высоко над могучей рекой; но это не была Миссисипи, а какая-то другая река на востоке… Я не знаю ни названия реки, ни имени владельцев дома: дворовый робот и не должен этого знать. Спустя какое-то время до меня и других роботов дошли слухи, что люди уничтожают машины. Мы не могли понять этого. Мы знали, что люди зависят от машин. Я помню, что мы часто говорили об этом. К этому времени люди, жившие в доме, бежали; я не знаю, куда они могли бежать. Ведь нам ничего не говорили. Все, что нам нужно было знать, это делать то или это. Мы продолжали выполнять свои обычные задания, хотя они потеряли всякий смысл.

И вот однажды — я хорошо это помню, потому что для меня это было шоком, — один робот сказал, что он после некоторых размышлений пришел к выводу, что мы тоже машины и что если уничтожение машин будет продолжаться, и мы тоже будем уничтожены. Люди, сказал он, пока не обратили на нас внимания, потому что мы менее важны, чем другие машины. Но придет время, сказал он, когда они покончат с другими. Как можете догадаться, эти слова вызвали среди нас смятение и споры. Среди нас были такие, кто начал немедленно доказывать, что мы машины,

другие говорили — нет. Я помню, что слушал эти споры, не принимая в них участия, но, обсудив этот вопрос про себя, пришел к выводу, что мы все же машины или по крайней мере можем быть классифицированы как машины. Придя к этому заключению, я не стал тратить времени на жалобы, а начал думать. Как мне защитить себя? В конце концов мне стало ясно, что лучше всего отыскать такое место, где люди не смогли бы добраться до меня. Я не говорил об этом с другими роботами — кто я такой, чтобы говорить им, что делать? — и считал, что робот, действуя в одиночку, имеет больше шансов спастись: группа роботов привлечет внимание, а одинокий робот проскользнет незаметно.

Я ушел как можно незаметнее и прятался во многих местах. От других беглых роботов я узнал, что люди, покончив с более важными машинами, начали охотиться за роботами. И не потому, что мы представляли для них угрозу, а потому что мы были машинами, и похоже было, что они решили уничтожить все машины, независимо от их важности. И что всего хуже, у них изменилось настроение: они охотились за нами не в гневе и ярости, как уничтожали другие машины; охота за нами превратилась у них в спорт, как будто речь

шла о лисе или еноте. Если бы не это, мы легче перенесли бы охоту: представлять угрозу — в этом есть хоть какое-то достоинство. Но какое достоинство в кролике, за которым гонится собака? И еще большее унижение — я узнал, что наши тела расчленяют и берут кожух мозга в качестве трофея. Это вселило в нас крайнее отчаяние и страх. Ведь мы могли только убегать и прятаться, потому что в нас был встроен запрет на всякое насилие. Мы не можем защищаться, только убегать. Я преодолел этот запрет, но много позже и почти случайно. Если бы этот полусумасшедший гризли не напал на меня, я все еще подчинялся бы запрету. И значит, не добыл бы жира. И сегодня мое тело истлело бы, а кожух мозга валялся бы и ждал, пока кто-нибудь не подберет его, как сувенир.

— Не совсем как сувенир, — сказал Кашинг. — В этом стремлении к головным кожухам какой-то мистицизм, до конца не понятый. Тысячу лет назад один человек в университете написал историю Катастрофы, в ней он рассуждает о ритуале собирания кожухов и его символизме, но не приходит к определенному заключению. Я не слышал об этом обычае. За все три года, что я провел в лесах юга, я ни разу не слышал об

этом… Возможно потому, что держался в стороне от людей. Это хорошее правило для одинокого человека в лесу. Я обходил племена. И у меня было лишь несколько случайных встреч.

Ролло порылся в своем мешке.

— У меня здесь кожух неизвестного товарища. Я ношу его много дней и лет. И не знаю зачем. Нашел его в старом разрушенном поселке. Увидел, как что-то сверкает на солнце. Кожух лежал в груде ржавчины, которая была когда-то телом робота. Присмотревшись, я увидел очертания тела, совершенно проржавевшего — не более чем изменение цвета почвы. Так случилось с большинством из нас, может, со всеми, кроме меня, кто сумел ускользнуть от людей. Когда кончились остатки смазки, ржавчина начала распространяться как болезнь, и мы ничего не могли поделать, пока не проникла так далеко, что мы были не в состоянии двигаться. Мы лежали на том месте, где упали, пожираемые ржавчиной, пока совершенно не проржавели; оставались лишь очертания тела. Опавшие листья закрывали эти очертания; постепенно образовывалась насыпь в лесу или прерии. Ветер заносил нас пылью, трава росла сквозь нас, более пышная, чем в других местах, потому что питалась желе-

зом, бывшим когда-то нашими телами. Но кожух мозга, сделанный из неуничтожимого металла, для которого сегодня нет названия, оставался. Я подобрал и положил его в мешок, чтобы люди не могли найти его. Лучше пусть будет у меня…

— Ты ненавидишь людей? — спросила Мэг.

— Нет, и никогда не ненавидел. Боялся и держался в стороне от них. Но были и такие, кого я не боялся. Старик-охотник, с которым я провел почти год. И вы двое. Вы спасли меня.

Он протянул кожух.

— Вот взгляните. Видели когда-нибудь?

— Нет, я никогда не видела, — сказала Мэг.

Она сидела, поворачивая кожух в руках; пламя костра отражалось в нем. Наконец она вернула его Ролло, который сунул его снова в мешок.

На следующее утро, когда Ролло отправился на разведку, она заговорила с Кашингом.

— Этот головной кожух, сынок. Тот, что показывал робот. Он живой. Я чувствовала это; ощущала в пальцах. Он холодный, но живой, в нем есть какой-то темный разум — такой темный, такой одинокий. Без ожиданий и без надежды. Как будто холод и тьма — образ жизни. И живой. Я знаю, что он живой.

Кашинг перевел дыхание:

— Это значит…

— Ты прав. Если он жив, живы и все остальные. Все, что были собраны. И все, что лежат ненайденные.

— Без возможности ощущать, — сказал Кашинг. — Отрезанные от мира, без зрения, без слуха, без контактов с жизнью. Человек сошел бы с ума…

— Человек — да. Но они не люди, сынок. Роботы — мы произносим это слово, но не знаем, что оно означает. Кожухи мозгов роботов, говорим мы, но никто, за исключением нас двоих, не знает, что они живы. Мы думаем, что роботы уничтожены. В них отзвук легенды, как в драконах. И вот однажды ты приходишь в лагерь, и с тобой робот. Ты просил его остаться с нами? Или он просил об этом?

— Ни то, ни другое. Он просто остался. Как с тем стариком-охотником. Но я рад, что он с нами. Он полезен. Но не следует говорить ему то, что ты сказала мне.

— Никогда, — согласилась Мэг. — Нет, для него это будет тяжело. Пусть лучше думает, что они мертвы.

— Может, он знает.

— Думаю, что нет, — сказала Мэг.

Она свела ладони, как будто все еще держала кожух мозга.

— Сынок, — сказала она, — я плачу о них. Об этих беднягах, запертых во тьме. Но они не нуждаются в моих слезах. У них есть… кое-что другое.

— Устойчивость, — сказал Кашинг. — Они могут вынести условия, которые свели бы человека с ума. Возможно, они развили странную философию, которая объявляет ненужным внешние контакты. Ты не пыталась вступить с ними в контакт?

— Я не могла быть такой жестокой, — сказала Мэг. — Я хотела. Хотела дать ему понять, что он не один. Но потом поняла, что это жестоко. Дать надежду, когда ее нет. Обеспокоить, когда он давно уже привык к тьме и одиночеству.

— Ты права, — сказал Кашинг. — Мы ничего не можем сделать.

— Дважды за короткое время я соприкасалась с двумя разумами: с кожухом и живым камнем, — сказала Мэг. — Я говорила тебе, что силы мои невелики, а прикосновение к этим двум разумам заставило меня пожалеть, что я вообще обладаю ими. Лучше бы мне не знать. Разум в кожухе наполнил меня печалью, а в камне — страхом.

Она вздрогнула.

— Камень, сынок. Он старый, такой старый, жестокий, циничный. Хотя циничный не то слово. Не заботящийся. Наверное, так лучше сказать. Наполнен омерзительными воспоминаниями, такими древними, что они окаменели. Как будто пришли из какого-то другого места. Такие воспоминания не могут появиться на Земле. Откуда-то извне. Из вечной ночи, где никогда не светит солнце и где не знают, что такое радость.

За все время пути они встретили лишь одного человека — грязного старика, жившего в пещере, которую он выкопал в крутом берегу реки: вход в пещеру был закрыт бревнами, там старик спал и находил убежище от непогоды.

Две ленивые собаки залаяли на путников, проявляя полное отсутствие энтузиазма. Старик цыкнул на них. Собаки легли и тут же уснули, шкуры их дергались, когда на них садились мухи. Старик улыбнулся, показав гнилые зубы.

— Бесполезны, — сказал он, кивая на собак. — Хуже псов у меня не бывало. Когда-то были хорошие охотники на енотов, а теперь загоняют на деревья лишь демонов. И, конечно, это демоны извели собак. Охотишься всю ночь на енота, а на дереве оказывается демон. А что с ним можно сделать? И варить их нельзя, а если даже сваришь,

то вкус такой, что все внутренности вывернет.

Он продолжал:

— Вы, конечно, знаете, что вокруг бродят военные отряды. Они большей частью остаются в прериях, потому что там есть вода и незачем спускаться к реке. Какому-то большому вождю вожжа попала под хвост, и он начал заваруху. Целится на города, наверно. Неделю назад сплошь шли военные отряды. Теперь их поменьше. Через одну-две недели двину-ка я назад с добычей.

Он сплюнул на землю и сказал:

— Кто это с вами? Похож на робота, которые были, говорят, когда-то давно. Помню, моя бабушка рассказывала о роботах. Она много что рассказывала. Но даже когда я был мал, знал, что это ложь, выдумки. В ее рассказах никогда не было смысла. И роботов никогда не было. Я спрашивал ее, откуда она узнала о них. Она говорила, что слышала от своей бабки, а та, должно быть, от своей. Старики любят рассказывать. Можно подумать, что со временем они вымрут. Но всегда много новых бабок.

Он продолжал:

— Не хотите ли поесть со мной? Уже пора есть, и я с радостью накормлю вас. У меня есть рыба и мясо…

— Нет, спасибо, — сказал Кашинг. — Мы торопимся.

Два дня спустя, как раз перед заходом солнца, Кашинг, шедший по берегу рядом с Мэг и Энди, оглянулся и увидел торопливо спускавшегося с утеса Ролло. Металлическое тело робота сверкало в лучах заходящего солнца.

— Что-то случилось, — сказал Кашинг.

Он осмотрелся. За последние несколько дней река сузилась, утесы по обеим ее берегам стали менее крутыми.

Тонкая полоска деревьев росла вдоль берегов, но деревья стали гораздо ниже. Посреди реки лежал остров, густо заросший ивами.

— Мэг, возьми Энди. Перебирайтесь на остров. Заберись как можно глубже в заросли и сиди тихо. Заставь Энди молчать. Зажимай ему ноздри, чтобы он не ржал.

— Но, сынок…

— Иди, черт возьми! Не стой на месте!.. Отправляйся на остров. Здесь меньше ста ярдов воды.

— Я не умею плавать, — заплакала она.

— Тут мелко! — выпалил он. — Ты можешь пройти. Не выше пояса. Держись за Энди, он поможет тебе перебраться.

— Но…

— Иди! — сказал он, подталкивая ее.

Ролло вихрем летел к реке, вздымая опавшие листья.

— Отряд, — крикнул он. — Идет за мной, и близко.

— Они тебя видели?

— Кажется, нет.

— Идем, — сказал Кашинг. — Держись за меня. Здесь на дне может быть ил. Старайся удержаться на ногах.

Мэг и Энди уже почти добрались до острова. Кашинг вошел в воду и почувствовал, как его увлекает течение.

— Я держусь прочно, — сказал Ролло. — Даже если я скроюсь под водой, то смогу переправиться по дну. Я не утону. Мне не нужно дышать.

Мэг и Энди исчезли в зарослях. Кашинг на полпути к острову оглянулся. На утесах никого не было видно. Еще несколько минут, подумал он. Больше и не нужно.

Они выбрались из воды, цепляясь за ветви.

— Не стой, — сказал Кашинг роботу, — ползи к Мэг. Помоги ей удерживать Энди. Тут будут лошади. Он захочет поговорить с ними.

Повернувшись, Кашинг пополз назад к воде. Закрытый ветвями ивы, он смотрел через реку.

Никого не видно. Черный медведь спускался к воде в том месте, которое и они использовали при входе в реку, постоял с глуповатым выражением, опустил одну лапу в воду, потом другую, потряс ими. Вершина утеса оставалась пустой. Несколько ворон пролетели над ней с хриплым карканьем.

Должно быть, Ролло ошибся, сказал про себя Кашинг, конечно, ошибся, отряд шел не сюда. А может, свернул в сторону, не доходя до берега. Но даже в этом случае следовало спрятаться. Хорошо, что оказался близко остров. Здесь, в отличие от мест ниже по течению, было не слишком много укрытий. Позже их совсем не будет. По мере того как они углубляются в страну прерий, долина реки становится все уже, а деревья растут все реже. Скоро им придется оставить даже то скудное укрытие, которое дает им долина, и свернуть в прерии.

Он посмотрел через реку и увидел, что медведь исчез. Какая-то небольшая зверушка: норка или мускусная крыса, скорее всего крыса — плыла от острова к берегу.

Когда он снова взглянул на вершину утеса, на фоне неба отчетливо вырисовывалась группа всадников, за плечами которых торчали копья.

Они стояли неподвижно, осматривая долину. Кашинг затаил дыхание. Может они уже увидели со своего возвышения тех, кто скрывался в зарослях? Судя по всему, нет.

Наконец, спустя несколько долгих минут, всадники начали спускаться по склону. Том разглядел, что большинство носило потемневшие от времени кожаные куртки. У некоторых были меховые шапки, с хвостами волков, лис или енотов, свисавшие сзади. У других такие же хвосты крепились к плечам. На многих были лишь кожаные брюки, а верхняя часть тела оставалась обнаженной или закутанной в рваные шкуры. Почти все ехали в седлах, хотя были и такие, что сидели прямо на крупах лошадей. У всех были копья и луки; за их спинами торчали, щетинясь стрелами, колчаны.

Они двигались молча, без разговоров. В плохом настроении, сказал себе Кашинг, вспоминая слова старика о возвращающихся отрядах. Таким лучше не попадаться — они только и ищут, на ком бы сорвать злость.

За отрядом шло несколько лошадей с кожаными мешками и тушами оленей.

Отряд спустился в долину и проехал по течению вверх, к небольшой роще. Здесь они спешились,

стреножили лошадей и занялись устройством лагеря. Послышались голоса — река хорошо передавала звуки, — но только разговоры, никаких криков и восклицаний. Заработали топоры, их удары эхом отражались от окружающих утесов.

Кашинг отполз от берега и направился туда, где его ждали. Энди, лежа, дремал, голова его покоилась на коленях Мэг.

— Он как овечка, — сказала Мэг. — Я заставила его лечь. Так безопасней.

Кашинг кивнул.

— Они разбивают лагерь выше по реке. Их сорок или пятьдесят. Уйдут утром. Придется ждать.

— Ты думаешь, они опасны, сынок?

— Не могу сказать. Они спокойней, чем должны быть. Никакого смеха, шуток, выкриков. Похоже, у них скверное настроение… Вероятно, обожглись в городе. У кого-то поубавилось жажды завоеваний. В такой ситуации я не хотел бы с ними встретиться.

— Ночью я смогу пересечь реку, подползти к их кострам и послушать, что они говорят, — сказал Ролло. — Мне это просто. Я так не раз делал, истосковавшись по голосам и разговорам. Подползал к лагерю, лежал, слушал. Показаться, конечно, боялся, а сдержаться не мог. Впрочем, особой

опасности не было: я мог лежать совершенно неподвижно, а вижу я ночью не хуже, чем днем.

— Ты останешься здесь, — резко сказал Кашинг. — Никаких вылазок. Утром они уйдут, и мы сможем проследить за ними, а потом двинемся своим путем.

Он снял с плеча мешок и развязал его. Достал сушеное мясо, отрезал кусок и протянул Мэг.

— Вот тебе сегодня на ужин. И чтобы я больше не слышал, как ты с пренебрежением говоришь о нем.

Ночь опустилась на долину. Во тьме река, казалось, журчала громче. Где-то далеко закричала сова. Начал свою тоскливую песню койот на утесе. Рыба всплеснула поблизости; сквозь путаницу ивовых ветвей виднелся костер на том берегу реки. Кашинг снова подполз к берегу, глядел на лагерь. У огней двигались темные фигуры, долетал запах жареного мяса. В темноте фыркали лошади.

Кашинг сидел на берегу больше часа, высматривая признаки опасности. Убедившись, что их нет, он вернулся туда, где сидели Мэг и Ролло.

Кашинг сделал жест в сторону лошади:

— Как Энди?

— Я разговаривала с ним, — сказала Мэг. — Объ-

яснила ему. Он не причинит неприятностей.

— Заговор? — спросил Том. — Заклинания?

— Ну, может, чуть-чуть. Я не хочу вредить ему.

— Мы должны поспать, — сказал Кашинг. — Как, Ролло? Последишь за лошадью?

Ролло погладил Энди по шее.

— Он меня любит. Не бойся.

— Почему он должен тебя бояться? — спросила Мэг. — Он знает, что ты его друг.

— Животные иногда меня пугаются, — сказал робот. — У меня форма человека, но я не человек. Спите. Я не нуждаюсь во сне. Могу покараулить. Если понадобится, я вас разбужу.

— Конечно, — сказал Кашинг. — Но я думаю, все будет в порядке. Все спокойно. Они… там тоже ложатся.

Закутавшись в одеяло, он посмотрел вверх. Ветра не было, и листья ивы безжизненно свисали. Сквозь гущу ветвей и листьев видно было несколько звезд. Кашинг попытался сосчитать дни, но они сливались, превращались в широкий поток, как река, текущая вниз. Как хорошо, — подумал он, — солнце, ночи, река и земля. Ни защитных стен, ни картофельного поля. Именно так должен жить человек, на свободе и в единстве с землей, рекой и погодой. Неужели в прошлом

человек свернул не туда, и этот неправильный поворот привел его к стенам, войнам и картофельным полям? Где-то продолжала кричать сова, койот одиноко выл, звезды над ивами покинули космос и спустились вниз.

Он проснулся оттого, что кто-то тряс его тихонько за плечо.

— Кашинг, проснись. Лагерь через реку… Там что-то происходит.

Это был Ролло, звезды отражались в его металлическом теле.

Кашинг выбрался из одеяла.

— Что?

— Суматоха. Похоже, они собираются. А до рассвета еще далеко.

— Посмотрим.

Лежа на берегу, он смотрел через реку. Костры казались красными глазами в темноте. Около них торопливо двигались фигуры людей. Топот лошадей, скрип седел, но почти не слышно голосов.

— Ты прав, — сказал Кашинг. — Их что-то спугнуло.

— Отряд из города? Преследователи?

— Может быть. Но я сомневаюсь. Городские племена довольны, что их оставили в покое. Но если этим нашим друзьям за рекой досталось,

они будут торопиться домой.

Кроме смутных звуков лагеря и журчания воды, ничего не было слышно. Сова и койот затихли.

— Нам повезло, — сказал Ролло.

— Да, — согласился Кашинг. — Если бы они нас заметили, нам пришлось бы бежать изо всех сил.

Лошадей подводили к кострам, люди садились на них. Кто-то ругал лошадь. Потом они двинулись. Копыта ударяли о землю, скрипела кожа седел, доносились отдельные слова.

Кашинг и Ролло слушали, как топот затихает вдали.

— Они постараются выбраться из долины как можно быстрее, — сказал Кашинг. — В прериях им легче двигаться.

— Что мы будем делать?

— Останемся на месте. Немного позже, перед самым рассветом, я переправлюсь на тот берег и посмотрю. Как только мы убедимся, что они в прериях, двинемся дальше.

Звезды на востоке бледнели, когда Кашинг вброд перешел течение. Костры все еще дымили, среди пепла краснели угли. Пройдя меж деревьями, Кашинг нашел следы копыт, там где кочевники огибали утес. Он вскарабкался наверх и, используя бинокль, осмотрел местность. Непо-

далеку паслось стадо одичавшего скота. Медведь переворачивал камни в поисках муравьев и гусениц. Лиса возвращалась с ночной охоты. Утки ныряли в маленьком степном озерке. Были и другие животные, но ни следа людей. Кочевники растаяли на просторах прерий.

Звезды исчезли и восток посветлел, когда Кашинг вернулся в лагерь кочевников. Он фыркнул от отвращения при виде царящего в нем беспорядка. Не было сделано никаких попыток очистить землю. Среди пепла валялись обгрызенные кости. Прислонился к дереву забытый кем-то топор. Кто-то выбросил изношенные мокасины. Под кустом лежал кожаный мешок.

Кашинг вытащил мешок, развязал и вытряхнул его содержимое.

Добыча. Три ножа, маленькое зеркальце с помутневшим стеклом, графин из граненого стекла, небольшая сковорода, старинные карманные часы, которые не идут уже много лет, ожерелье из красных и пурпурных бусинок, тонкая книга, несколько сложенных листов бумаги. Жалкая добыча, подумал Кашинг, разглядывая вещи. Не слишком много, чтобы рисковать жизнью. Впрочем, это всего лишь сувениры. Слава — вот чего искал владелец мешка.

Он перелистал страницы книги. Старая детская книга со множеством цветных иллюстраций — воображаемые места и воображаемые люди. Хорошая книга. Есть что показать зимой у костра.

Он уронил ее на кучу вещей и подобрал один из сложенных листов. Осторожно развернул хрупкий лист и увидел, что он гораздо больше, чем казалось. Наконец был расправлен последний сгиб, и Кашинг, соблюдая осторожность, расправил лист. Вначале ему в разгорающемся свете утра показалось, что поверхность у листа чистая, потом он разглядел слабые извивающиеся линии. Вот оно что — топографическая карта. Он узнал очертания древнего штата Миннесота. Поискал надписи, вот они — Миссисипи, Миссури, хребты Месаби и Вермилион, озеро Миллс, Северный берег…

Он отбросил лист и схватил другой, развернул его быстрее и с меньшими предосторожностями. Висконсин. В разочаровании он выпустил его и взял третий. Оставались еще два.

Пусть она будет здесь, взмолился он. Ну, пусть будет!

Еще не кончив разворачивать карту, он понял, что нашел. Ролло говорил: за великой Миссури.

Значит, это Дакота. Или Монтана. Или Небраска. Хотя, если он хорошо помнит прочитанное, в Небраске мало холмов с плоскими вершинами.

Он расстелил на земле карту Южной Дакоты и разгладил ее, потом наклонился, разглядывая. Дрожащими пальцами провел по извилистому следу великой реки. Вот он, к западу от реки, почти на границе с Северной Дакотой, — Громовой холм, подпись чуть виднелась в утреннем свете. Наконец-то! Громовой холм!

Он ощутил прилив радости и постарался подавить ее. Ролло мог ошибиться. Мог перепутать и старик-охотник, рассказавший об этом роботу, он мог просто выдумать все это. А может, это не тот Громовой холм: их, должно быть, существует несколько.

Но он не мог подавить своего возбуждения. Это Громовой холм, тот самый Громовой холм. Так должно быть.

Он встал, сжимая в руке карту и глядя на запад. Впервые с начала дороги он знал, куда идти.

Глава 14

Неделю спустя они достигли самого северного пункта пути. Кашинг, развернув карту, показывал.

— Смотрите, мы миновали озеро. Оно называется Большое Каменное озеро. В нескольких милях к северу от него есть еще одно озеро, но река течет севернее. А Громовой холм прямо к западу от нее, может, слегка северо-западнее или юго-западнее. Примерно двести миль. Если повезет, будем через десять дней. В крайнем случае, через две недели. — Он спросил у Ролло. — Ты знаешь эту местность?

Ролло покачал головой.

— Нет. Другие похожие знаю. Идти будет трудно.

— Верно, — сказал Кашинг. — Трудно будет находить воду. Нельзя идти вдоль ручья. Здесь их мало, и все текут на юг. Придется нести воду с собой. У меня брюки и куртка из хорошей кожи. Конечно, вода будет просачиваться, но не сильно. Они нам послужат мехами для воды.

— Нельзя, — сказала Мэг. — Ты умрешь от солнечных ожогов.

— Я все лето работал на картофельном поле без рубахи. Привык.

— Тогда только куртку. Мы, может, и варвары, но нельзя же тебе идти двести миль нагишом.

— Я могу завернуться в одеяло.

— Одеяло — плохая одежда, — сказал Ролло уверенно, — особенно, когда идешь через кактусы. А здесь их будет много. Лучше уж я убью медведя. У меня уже мало жира. А вот медвежью шкуру используем как мешок.

— Ниже по реке было много медведей, — сказал Кашинг. — Ты мог убить их сколько угодно.

— Черные медведи, — с отвращением сказал Ролло. — Когда нет других, я убиваю и черных медведей. Мы идем в страну гризли. Жир гризли лучше.

— Ты сошел с ума, — заявил Кашинг. — Жир гризли ничем не отличается от жира других медведей. Однажды гризли разобьет тебе голову.

— Может, я и сошел с ума, — сказал Ролло уверенно, — но жир гризли лучше. А убить гризли ничуть не труднее, чем простого медведя.

— Ты хороший робот, — сказал Кашинг, — но чересчур драчливый.

— У меня своя гордость, — ответил Ролло.

Они двинулись на запад, и с каждой милей

местность становилась мрачнее. Поверхность была ровной и уходила, казалось, в бесконечность; далекий горизонт представлялся тонкой голубой лентой в небе.

Не видно было никаких признаков кочевников; с того самого утра, как они поспешно покинули лагерь, они не показывались. Повсюду встречались огромные стада оленей и антилоп. Изредка попадались стаи волков. Путники встречали множество куропаток и часто лакомились ими. Однажды они наткнулись на город сурков: земля была густо усеяна норами этих грызунов. Приходилось внимательно следить за гремучими змеями; они были меньше лесных змей, попадавшихся им раньше. Энди, ненавидевший змей, убивал их копытами. Он также находил воду, чуя ее на расстоянии и отыскивая маленькие ручейки и стоячие омуты.

— Он чувствует запах воды, — триумфально говорила Мэг. — Я знала, что он пригодится в путешествии.

Дрожащая Змея теперь не покидала их, кружа вокруг Ролло, но часто отлетая и к Мэг.

— Она такая сообразительная, — говорила Мэг.

А в громадных пустых просторах прерий к ним присоединились новые попутчики — скользящие

по бокам серо-пурпурные тени. У них не было ни формы, ни очертаний, и они исчезали при взгляде в упор. Можно было подумать, что эти тени отбрасывает легчайшая облачная дымка, но облаков не было, и солнце безжалостно палило с высоты раскаленного медного купола неба. Путники поначалу помалкивали о тенях, решив, что это — галлюцинации, порожденные пустыней.

Заговорили лишь через пару дней, когда вечером сидели у костра на крошечной полянке у медленно текущей речушки, окруженные зарослями дикой сливы.

— Они все еще с нами, — сказала Мэг. — Видите, сразу за освещенным местом?

— О чем это ты? — спросил Кашинг.

— О тенях, сынок. Не делай вида, что не знаешь о них. Уже два дня они крадутся за нами. — Мэг повернулась к Ролло. — Ты тоже их видишь. А может, и знаешь, что это такое. Ты ведь бывал в этой земле.

Ролло пожал плечами:

— Это что-то такое, во что нельзя ткнуть пальцем. Они следуют за людьми, вот и все.

— Но кто же они?

— Попутчики, — сказал Ролло.

— Мне кажется, что в нашем путешествии уже

достаточно странного, — заметил Кашинг. — Живой камень. Дрожащая Змея. И вот теперь Спутники.

— Ты мог бы десять раз пройти мимо этого камня, — сказала Мэг, — и не знать, что это такое. Просто камень. Сначала его почуял Энди, потом я…

— Да, я знаю, — сказал Кашинг. — Я мог бы не заметить камень, но не Змею и не Спутников.

— Это странная земля, — сказал Ролло. — В ней много необычного.

— И так везде на западе или только вот здесь? — спросил Том.

— Главным образом здесь. Об этих местах много рассказывают.

— А имеет ли это отношение к Месту, откуда уходили к Звездам?

— Не знаю, — ответил робот. — Ничего не знаю о Месте, откуда уходили к Звездам. И говорю лишь то, что слышал.

— Мне кажется, сэр робот, — заметила Мэг уверенно, — что ты полон уклончивости: что ты еще знаешь о Спутниках?

— Они поедают вас.

— Поедают?

— Да, не плоть, они не нуждаются в плоти.

Душу и мозг.

— Прекрасно, — сказала Мэг. — Значит, наши мозг и души будут съедены, а ты нам ничего не говоришь. До этой минуты.

— Вам не причинят вреда, — сказал Ролло. — Душа и мозг останутся у вас нетронутыми. Они не заберут их у вас. Только посмакуют.

— Ты что-нибудь понимаешь, Мэг? — спросил Кашинг.

— Нет. Трудно уловить. Как будто их больше, чем на самом деле, хотя кто может знать, сколько их. Их невозможно сосчитать. Их толпа. Их очень много.

— Верно, — согласился Ролло. — Очень много. Все, кого они смаковали и сделали частью себя. Они пусты. Собственного у них нет ничего. Они никто и ничто. Чтобы сделаться кем-то…

— Ролло, — прервал его Кашинг, — ты знаешь точно или слышал от кого-то?

— Только то, что слышал от других. Я же говорил вам, что по вечерам от одиночества подбирался к огням лагерей и слушал разговоры людей.

— Да, я знаю, — сказал Кашинг. — Сказки, слухи…

Позже, когда Ролло отправился на разведку, Мэг сказала Кашингу:

— Сынок, я боюсь.

— Пусть Ролло тебя не беспокоит. Он как губка. Поглощает все, что слышал. И не делает попыток рассортировать; ничего не оценивает. Правда, выдумка — для него все одно.

— Но здесь так много странного.

— В том числе и ты, ведьма. Испуганная ведьма.

— Я говорила тебе, вспомни, что моя сила невелика. Способность чувствовать, немного читать мысли. Но для собственной безопасности я преувеличивала свои возможности. Чтобы люди из городских племен меня побаивались. Чтобы можно было жить, получая еду и подарки. Просто, чтобы выжить.

По мере продвижения местность становилась все более унылой. Горизонт далеко. Небо оставалось бледно-голубым. Сильный ветер дул с севера и запада, сухой ветер, вытягивающий последние капли влаги, так что временами им грозила жажда, но потом либо Ролло отыскивал воду, либо Энди чуял ее издалека. Тогда они снова пополняли запасы.

Постепенно всем стало казаться, что посреди этих пересохших пустых просторов они как в ловушке, из которой нет выхода. Все одно и то же:

кактусы, выжженная солнцем трава, небольшие зверьки и птицы — ничего не менялось.

— Здесь нет медведей, — жаловался Ролло однажды вечером.

— Так вот что ты делаешь, — сказала Мэг, — ты ищешь медведей?

— Мне нужен жир. У меня почти не осталось запасов. А это страна гризли.

— Ты сможешь убить медведя на Миссури, — сказал Кашинг.

— Если мы найдем Миссури, — добавила Мэг.

Да, подумал Кашинг. Здесь тебя посещает чувство, будто все, что ты знал когда-то, отдаляется, уходит; ничего не остается на месте и, может, никогда там не было: единственной реальностью остается эта вечная пустота. И кажется, что ты уже не на старой, доброй Земле, а на какой-то другой планете.

Дрожащая Змея образовала устойчивый круг, спокойно вращавшийся над головой Ролло, а на краю освещенного костром пространства сгущались тени — попутчики. Где-то там, думал Кашинг, находится место, которое он ищет, — не место, а легенда. Они ищут: он и ведьма, и робот — возможно, последний на Земле робот; не последний живой — их много оставалось

живых, — а последний подвижный, последний, способный работать, видеть, слышать и говорить. А он и Мэг — единственные, кто знает, что роботы живы, что они заключены в безмолвие и тьму. Странная компания лесной бродяга, фальшивая ведьма, испуганная женщина, которая ни разу за все труднейшее путешествие не пожаловалась; и анахронизм, символ тех дней, когда жизнь была легче, но когда она несла в сердцевине своей злокачественную опухоль, уничтожившую ее, так что сама эта прежняя жизнь стала лишь легендой.

С тех пор почти пятнадцать столетий человек блуждает в потемках примитивного варварства. Хуже всего, что не видно никаких попыток преодолеть это варварство. Как будто человек, однажды сбившись с пути, больше не имеет ни сил, ни желания попытаться предпринять еще одну попытку. Неужели человечество не заслужило еще одной попытки?

— Сынок, ты обеспокоен?

— Нет. Просто думаю. Что будет, если мы найдем Место, откуда уходили к Звездам?

— Мы будем знать, что оно существует… Что некогда человек устремлялся к звездам.

— Но этого недостаточно. Просто знать — недо-

статочно.

На следующее утро его депрессия прошла. Пустота вызвала у него странное чувство радости, чувство ясности, простора, как будто он был повелителем всей этой беспредельности. Одиночество больше не пугало его; как будто они шли по специально для них подготовленной стране, откуда удалили всех остальных. Попутчики оставались с ними, но они больше не казались угрозой, а скорее товарищами в пути, частью компании.

Позже в тот же день они встретили в пустыне двоих. Взобравшись на небольшое возвышение, они увидели их в полумиле от себя. Мужчина был стар, борода и волосы у него поседели. Одетый в изношенную кожу, он стоял, похожий на крепкое, стройное дерево, и смотрел на запад, а не знающий отдыха ветер шевелил его волосы и бороду. Женщина, значительно моложе, сидела за ним, поджав под себя ноги, наклонив вперед голову и плечи. На ней было рваное платье. Рядом качалась на ветру рощица диких подсолнечников.

Подойдя ближе, Кашинг и остальные увидели, что старик стоит в двух мелких ямах, выкопанных в почве прерии, стоит в них обнаженными ногами, рядом с ямами лежала пара изношенных мокасин. Ни он, ни женщина, казалось, не заме-

тили вновь прибывших. Мужчина стоял прямо и неподвижно, руки его были сложены на груди, подбородок задран, глаза закрыты. Была в нем какая-то напряженность, как будто он вслушивался в нечто, доступное лишь его слуху. Но слышно было лишь гудение ветра на равнинах и шелест подсолнечников.

Женщина, сидевшая на траве, скрестив ноги, не шевелилась. Ни она, ни старик как будто не заметили, что они больше не одни. Голова женщины склонялась к коленям, к сложенным на них рукам. Кашинг видел теперь, что она молода.

Они втроем: Ролло, Мэг и Кашинг — стояли в ряд, удивленные, слегка раздраженные, ожидая, пока их заметят. Энди хвостом отгонял мух и жевал траву. Попутчики осторожно кружили поодаль.

«Какого черта?!» — сказал себе Кашинг. Они втроем должны стоять здесь, как нашалившие дети, которые ворвались туда, куда им нельзя, и теперь их сознательно игнорируют. Вокруг этих двоих был какой-то ореол, не позволявший нарушать их молчание. Пока Кашинг размышлял, нужно ли ему окончательно рассердиться, старик шевельнулся, возвращаясь к жизни. Вначале его руки медленно и грациозно двинулись в

стороны. Голова заняла нормальное положение. Одну за другой он извлек ноги из ямок, в которых стоял. Со странной осторожностью обернулся к Кашингу. Лицо у него оказалось не строгое, патриархальное, как можно было ожидать, наблюдая его в трансе, но лицо доброго человека, слегка печальное лицо человека, после долгих лет напряженного труда обретшего мир. Над седой бородой, закрывавшей большую часть лица, из гущи морщин смотрели на мир светло-голубые глаза.

— Добро пожаловать, незнакомцы, на наши несколько футов земли, — сказал он. — Не найдется ли у вас чашки воды для моей внучки и меня?

Женщина продолжала сидеть, поджав ноги, но подняла голову и отбросила назад закрывавший лицо капюшон. У нее оказалось ужасающе мягкое и невинное лицо и абсолютно пустые глаза. Красивая кукла, наполненная пустотой.

— Моя внучка, если вы успели заметить, — сказал старик, — вдвойне благословенна. Она живет в другом месте. Наш мир не может затронуть ее. Разговаривайте с ней мягко, пожалуйста, и не беспокойтесь о ней. Ее не нужно бояться. Она счастливее меня и счастливее всех нас. И прежде

всего, прошу вас, не жалейте ее. Она с полным правом может пожалеть нас.

Мэг протянула ему чашку воды, но старик отвел ее руку.

— Сначала Элин. Она всегда первая. Вы, наверное, удивляетесь, что я здесь делал, стоя в ямах, замкнутый в самом себе. Но я не был замкнут. Я разговаривал с цветами. Такие чудесные цветы, чувствительные, с хорошими манерами… Я мог бы сказать и «разумные», но это не совсем так: их разум, если его можно так назвать, совсем не похож на наш, хотя, может быть, он и лучше нашего. Другой тип разума. Впрочем, если подумаешь, разум — не совсем подходящее слово.

— Ты на самом деле говорил с цветами? — спросил с недоверием Кашинг.

— И дольше, чем следовало, — ответил ему старик. — У меня такой дар. Говорить не только с цветами, но и со всеми растениями: травой, мхом, деревьями. Я не так уж часто разговариваю с ними. Обычно просто слушаю. Иногда я уверен, что они знают обо мне. В таких случаях я пытаюсь разговаривать с ними. Я уверен, что они понимают меня, хотя и не могут определить, кто именно говорит с ними. Возможно, их восприятие не позволяет им различать другие формы жизни.

Они живут в мире, который так же закрыт для нас, как и мы для них. К сожалению, не настолько закрыт, чтобы мы не знали о них. Просто мы не подозреваем, что они тоже чувствуют, как мы.

— Прости, но я не вполне понимаю тебя, — сказал Кашинг. — Это нечто такое, о чем я никогда не думал, даже в самых диких фантазиях. Скажи мне — сейчас ты только слушал или и разговаривал с ними?

— Они говорили со мной, — сказал старик. Он помолчал и продолжил. — Рассказывали об удивительных вещах. К западу отсюда, сказали они мне, есть растения — я думаю, что это деревья, — совершенно чуждые Земле. Их принесли много лет назад. Как принесли, они не знают или я не понял, но во всяком случае это большие растения, которые все понимают… Спасибо, моя дорогая.

Он взял у Мэг чашку и начал пить, не жадно, а медленно, как будто наслаждаясь каждой каплей.

— К западу? — спросил Кашинг.

— Да, они сказали — к западу.

— Но… откуда они знают?

— Может, летящие по воздуху семена рассказали им. Или передача шла от корня к корню…

— Невозможно, — сказал Кашинг. — Все это

невозможно.

— Это металлическое создание в форме человека, что это такое? — спросил старик.

— Я робот, — сказал Ролло.

— Робот? Роботы? А, да, знаю. Я видел кожухи мозгов, но не живого робота. Значит, ты робот?

— Меня зовут Ролло. Я последний из роботов. Хотя если я не найду медведя…

— А меня зовут Эзра, — сказал старик. — Я старый бродяга. Брожу взад и вперед, разговариваю с соседями, когда нахожу их. Это прекрасная полоска подсолнечников, группа кустов роз, даже трава, хотя трава мало что может сообщить…

— Дедушка, надень мокасины, — сказала Элин.

— Сейчас. Я совсем забыл о них. И мы должны идти. — Он сунул ноги в бесформенные, изношенные мокасины. — Не в первый уж раз я слышу об этих странных растениях на западе. Когда услышал впервые, много лет тому назад, то просто удивился. А вот сейчас, на старости лет, хочу проверить эти слухи. Если я этого не сделаю, может, никто не сумеет. Я всюду расспрашивал и знаю, что никто не умеет разговаривать с растениями.

— И теперь ты ищешь эти легендарные растения, — сказала Мэг.

— Не знаю, найду ли, — кивнул он, — но мы

идем на запад, и я расспрашиваю по дороге. Мое племя было против того, чтобы мы ушли. Кричали, что это глупость. Все, что мы найдем, только смерть. Но когда они увидели, что мы твердо решили уйти, они посоветовали нам взять с собой охрану, отряд всадников, которые не станут вмешиваться, а будут лишь сопровождать нас на расстоянии, чтобы защитить в случае необходимости. Мы отказались. Люди с добрым сердцем могут идти куда угодно, их не ждет опасность.

— Ваши люди? — спросила Мэг.

— Племя, живущее в прериях к востоку, в более доброй земле, чем эта. Нам предлагали лошадей и припасы, но мы ничего не взяли. Легче найти то, что мы ищем, налегке.

— Чем же вы питаетесь? — спросил Кашинг.

— С извинениями перед нашими друзьями и соседями мы выкапываем корни и срываем плоды. Я уверен, друзья растения понимают нашу нужду и не таят на нас зла. Я пытался объяснить им это, и хотя они и не совсем поняли, не было ни осуждения, ни ужаса.

— Ты говоришь, вы идете на запад?

— Да, мы ищем эти странные растения на западе.

— Мы тоже идем на запад, — сказал Кашинг, до-

бавив: — Может, мы ищем разные вещи, но твои слова наводят меня на мысль, что они находятся в одном месте. Может, вы пойдете с нами? Или хотите идти одни?

— Мне кажется, нам лучше идти вместе. Вы ясные и простые люди, в вас нет зла… Но при одном условии…

— Каком же?

— В пути я иногда буду останавливаться, чтобы поговорить с нашими друзьями и соседями.

Глава 15

К западу от реки местность начала повышаться.

С того места, где он стоял, Кашинг видел внизу узкую полоску реки, гладкую шелковую ленту, похожую и на змею, и на горного льва. Река была отсюда совершенно другой, не такой, к которой они привыкли за те дни, что отдыхали на ее берегу, готовясь к последней части пути. Будет ли это действительно последней частью? Вблизи река выглядела драчливым, хриплым, задиристым буяном, пробивающим себе путь по земле. Странно, подумал Кашинг, как различаются реки — мощное торжественное течение нижней Миссисипи; бормочущий поток Миннесоты; и вот ярость Миссури.

Ролло разжег вечерний костер в овраге, уходящем вниз, выбрав место, где у них будет защита от ветра, рвущегося с просторов прерий. Глядя на запад, в сторону от реки, можно было увидеть продолжающийся подъем, земля поднималась складками, переходя в темную разорванную линию на фоне неба. Еще один день, подумал Кашинг, и они достигнут высокогорья. Путеше-

ствие заняло гораздо больше времени, чем он рассчитывал. Если бы он шел один, он уже давно был бы там. Впрочем, один он мог бы и не узнать, куда идти. Он некоторое время размышлял над странным стечением обстоятельств, которые привели его к встрече с Ролло, в чьей памяти застряло упоминание о Громовом холме; потом находка карты, показавшей, где находится этот Громовой холм. Путешествуя в одиночку, он мог бы не найти ни Ролло, ни карты.

Продвижение вперед замедлилось после того, как к ним присоединились старик с внучкой. Эзра часто останавливался, выкапывал ямы и начинал разговор с зарослью кактусов или фиалок. Кашинг, стоя рядом, много раз подавлял желание пнуть старого глупца или просто уйти от него. Но, несмотря на все это, старик ему нравился. Он был умен, и мудрость его распространялась на все, за исключением его странной навязчивой идеи. По вечерам у костра он рассказывал о старых временах, когда он был великим охотником и воином, заседал в совете с другими, старшими членами племени и лишь постепенно осознал, что он обладает необычной способностью общения с растительной жизнью. Когда это стало известно в племени, его положение постепенно

изменилось, и в конце концов в глазах соплеменников он стал мудрецом, одаренным больше обычных людей. Очевидно, хотя он и не говорил об этом, мысль уйти для разговоров с цветами и растениями тоже созревала в нем медленно, пока ему не стало ясно, что он обязан выполнить свою миссию, и идти он должен не с пышностью и великолепием, которыми с радостью окружило бы его племя, а в одиночестве, если не считать его странной внучки.

— Она часть меня, — говорил старик. — Не могу объяснить вам, но между нами существует бессловное взаимопонимание, его невозможно описать.

И когда он говорил о ней или о другом, она сидела у лагерного костра вместе с остальными, расслабившись, в покое, сложив руки на колени, низко склонив голову, как бы в молитве; иногда она поднимала голову, и тогда создавалось впечатление, что она смотрит не во тьму, а в другой мир, в другое время и место. В пути она двигалась легко; временами казалось, она не идет, а плывет, серьезная и грациозная — странное воплощение человечности, не похожее ни на что. Она редко говорила. А когда говорила, то обращалась обычно к деду. Не то чтобы она игнорировала остальных,

просто она не испытывала необходимости говорить с ними. Слова ее были ясными и четкими, она произносила их правильно, не прибегала к жаргону, не бормотала, как умственно отсталые, и они часто думали, кто же она на самом деле.

Мэг часто бывала с ней или она с Мэг. Глядя, как они идут или сидят рядом, Кашинг часто пытался понять кто же из них первым потянулся к другому. И не мог этого решить; как будто естественный магнетизм притягивал их друг к другу, как будто они обладали чем-то общим, что заставляло их держаться вместе. Впрочем, их всегда разделяло расстояние. Мэг изредка обращалась к Элин. Элин, со своей стороны, говорила с Мэг не чаще, чем с другими.

— Она живет в себе, — сказал однажды Кашинг.

— Нет, — возразила Мэг, — она живет вне себя. Далеко вне себя…

Добравшись до реки, они разбили лагерь в роще на берегу, который вздымался на сто футов над водой, — прекрасное место после долгого пути по выжженной прерии. Здесь они отдыхали неделю. В зарослях, что шли вдоль реки, попадались олени, низины кишели куропатками и утками, резвившимися в маленьких прудах.

В реке было много рыбы. Путники отъедались после голодного пути.

Эзра установил контакт с большим дубом, пережившим много сезонов, и стоял по целым часам, глядя на дерево, а шелест листьев как бы отвечал ему. Элин обычно сидела поблизости от него, скрестив ноги, натянув на голову капюшон и сложив руки на коленях. Иногда Дрожащая Змея покидала Ролло и танцевала вокруг Элин. Она не обращала на Змею никакого внимания. Иногда Попутчики, эти радужные тени, собирались кружком вокруг нее, как волки, подстерегающие добычу, но и на них она обращала не больше внимания, чем на Дрожащую Змею. Наблюдая за ней, Кашинг неожиданно подумал, что она не обращает на них внимания, потому что поняла их суть и выбросила из своих мыслей. Ролло охотился на гризли, и несколько раз Кашинг отправлялся с ним. Но гризли не было, вообще не было никаких медведей.

— Жир почти кончился, — плакался Ролло. — Я начинаю скрипеть. Пытаясь сберечь жир, я употребляю его меньше, чем нужно.

— Я убил жирного оленя, — сказал Кашинг.

— Сало! — воскликнул робот. — Сало мне не нужно.

— Когда кончится жир, тебе придется использовать то, что есть под рукой. Надо было убить медведя в Миннесоте. Там их было множество.

— Я ждал гризли. А их нет.

— Все это глупости, — сказал Кашинг. — И жир гризли не отличается от жира других медведей. Ты смазан?

— Да. Но в запасе нет ничего.

— Мы найдем гризли к западу от реки.

Во время пути Энди неохотно щипал скудную траву для того лишь, чтобы сохранить жизнь в теле. Теперь он пасся в высокой по колено роскошной траве долины. Со звуками удовлетворения, с раздувшимся брюхом, он катался по песчаному берегу, а птицы, рассерженные вторжением в их владения, с криком летали над песком.

Позже с помощью Энди Кашинг и Ролло притащили много плавника, который весенние паводки выбросили на берег реки. Из этих бревен Кашинг и Ролло соорудили плот, связав бревна полосками из шкуры оленя. Во время переправы Ролло и Мэг сидели на плоту — Мэг, потому что не умела плавать, а Ролло опасался поржаветь — у него кончился запас жира. Остальные держались за плот. Он помогал им плыть, а они подталкивали и направляли его, удерживая от того, чтобы

он устремился по течению вниз. Энди, вначале не решавшийся войти в воду, наконец прыгнул в нее и поплыл так резво, что перегнал их и ждал на том берегу. Он дружелюбно заржал, когда они выбрались из воды.

С того времени местность постоянно поднималась. Теперь Эзра не настаивал на том, чтобы остановиться для разговора с растениями. Река медленно уходила назад; подъем впереди, казалось, никогда не кончится.

Кашинг спустился к вечернему костру. Завтра, подумал он, мы можем достичь вершины.

Пять дней спустя они увидели Громовой холм. Всего лишь пятнышко на горизонте. Но они знали, что это холм: что еще могло разорвать гладкую линию горизонта пустыни.

Кашинг сказал Мэг:

— Мы сделали это. Через несколько дней будем там. Интересно, что мы найдем.

— Неважно, сынок, — ответила она. — Наше путешествие было прекрасно.

Глава 16

Три дня спустя, когда Громовой Холм возвышался на фоне северной стороны неба, они увидели, что их ждут стражники. Пять всадников стояли на вершине небольшого возвышения. Когда путники приблизились, один из всадников выехал вперед, подняв левую руку в знак мира.

— Мы стражники, — сказал он. — Мы храним веру Наш долг останавливать бродяг и сеятелей беспокойства.

Он совсем не походил на всадника-стражника. Впрочем, Кашинг сам толком не знал, как должен выглядеть стражник. Всадники очень походили на кочевников, переживающих тяжелое время. У разговаривающего с ним стражника не было копья, но из-за его спины торчал колчан; среди стрел виднелся небольшой лук. На нем были кожаные брюки, рваные и потрепанные. Его кожаный жилет знавал лучшие дни. Лошадь его, мустанг с бельмом на глазу, когда-то, видимо, была резвой, но теперь вряд ли была способна на что-либо.

Остальные четверо, державшиеся в стороне, выглядели не лучше.

— Мы не бродяги и не сеятели беспокойства, — сказал Кашинг, — поэтому вы не должны беспокоиться. Мы знаем, куда идем, и не хотим никому мешать.

— Тогда лучше сверните, — сказал стражник. — Если вы приблизитесь к холму, то вызовете неприятности.

— Это Громовой холм? — спросил Кашинг.

— Да. Если вы смотрели на него утром, то должны это знать. Над ним прошла большая черная туча, с молниями и громами.

— Мы видели ее. И решили, что из-за этого холм и получил свое название.

— День за днем над ним стоит черная туча, — сказал всадник.

— Но ведь утром мы видели, как туча прошла.

— Вы ошибаетесь, друзья, — сказал стражник. — Давайте поговорим. — Он сделал знак остальным четверым и соскользнул с лошади. Присел на корточки.

— Садитесь.

Подошли остальные четверо и сели за ним. Лошадь первого всадника отошла к другим лошадям.

— Хорошо, — сказал Кашинг, — мы посидим с вами, если хотите. Но недолго. Перед нами еще

много миль.

— Этот? — стражник указал на Ролло. — Никогда таких не видел.

— Все в порядке, — сказал Кашинг. — Не беспокойтесь.

Внимательней вглядевшись в всадников, он заметил, что за исключением одного полного низкорослого, все они были тощими, как будто перенесли долгий голод. Лица их походили на черепа, обтянутые коричневой, похожей на пергамент, кожей, туго натянутой на скулах. Руки и ноги у них были худые.

С небольшого возвышения отчетливо был виден Громовой холм, господствовавший над плоской, унылой равниной.

Подножие холма опоясывало тонкое темное кольцо — должно быть, деревья, о которых Ролло говорил, как о защитной стене; вероятно, это те самые деревья, о которых рассказывали Заре подсолнечники и другие растения.

— Сегодня утром, — сказал Кашинг, обращаясь к пятерке сидящих всадников, — через бинокль я уловил блеск чего-то белого на самой вершине Громового холма. Похоже на здания, но я не уверен. Вы знаете, что там за здания?

— Это волшебное место, — сказал предводитель

группы, — там спят создания, которые последуют за людьми.

— Что это значит?

— Когда люди исчезнут, эти существа займут их место. Или, если они проснутся раньше, чем исчезнут люди, они уничтожат людей. Сметут их с лица Земли и займут их место.

— Вы говорите, что вы стражники, — сказала ему Мэг. — Значит ли это, что вы охраняете эти создания, или охраняете Землю от них?

— Если кто-нибудь подойдет слишком близко, — сказал стражник, — они могут проснуться. А мы не хотим, чтобы они просыпались. Пусть спят. Когда они проснутся, дни людей на Земле будут сочтены.

— Значит, вы не даете к ним подходить?

— Много столетий мы стоим на страже. И это лишь один отряд, но их много. Очень многие из нас заняты на страже. Поэтому мы и остановили вас. Вы направлялись к холму?

— Верно, — сказал Кашинг. — Мы идем к холму.

— Бесполезно. Вы не дойдете. Деревья не пропустят вас. И даже если не деревья, там есть и другие существа. Скалы, которые переломают вам кости…

— Скалы! — воскликнула Мэг.

— Да, камни. Живые камни, которые несут охрану вместе с деревьями.

— Видишь, — сказала Мэг Кашингу. — Теперь мы знаем, откуда тот камень.

— Но это было в пятистах милях отсюда, — сказала Кашинг. — Что там делать камню?

— Пятьсот миль — большое расстояние, — сказал стражник, — но камни могут передвигаться. Вы говорите, что видели живой камень? Откуда вы знаете, что он живой? Эти камни ничем не отличаются от обычных.

— Я знаю, — сказала Мэг.

— Деревья пропустят нас, — сказал Эзра. — Я поговорю с ними.

— Дедушка, у стражников есть причина не пропускать нас, — сказала Элин. — Послушаем же, что они скажут.

— Я уже говорил вам, — сказал стражник, — мы боимся, что Спящие проснутся. Столетия мы несем стражу — мы и те поколения, что были до нас. Истина передается от отца к сыну. Столетия назад уже рассказывали о Спящих и о том, что случится, когда кончится их сон. Мы храним древнюю веру…

Катились слова, торжественные слова глубоко

верящего человека. Почти не обращая на них внимания, Кашинг думал: какая-то секта превратила древнюю сказку в религию, и теперь жизнь множества людей определяется этой ошибкой.

Солнце склонялось к западу, и его косые лучи превратили землю в путаницу теней. За возвышением, на котором они стояли, глубокий овраг разрезал землю, по его краям тянулись густые заросли диких слив. В отдалении виднелась маленькая роща, должно быть, вокруг небольшого озерка. За исключением этой рощи и зарослей вдоль оврага, местность представляла собой океан сухой выцветшей травы, расстилающейся до самого подножия Громового холма.

Кашинг встал и отошел на несколько шагов от сидевших лицом к лицу групп. Ролло, который в отличие от остальных не садился, присоединился к нему.

— Что теперь? — спросил робот.

— Не знаю, — сказал Кашинг. — Мне не хотелось бы ссориться с ними. Похоже, они тоже не хотят этого. Мы могли бы просто остановиться и ждать, пока им не надоест нас караулить, но не думаю, чтобы это подействовало. И они не спорят с нами. Они спокойны. Это фанатики, которые слепо верят в то, что делают.

— Мы можем прорваться силой, — сказал Ролло.

— Нет, — возразил Кашинг. — Кто-нибудь да будет ранен.

Встала Элин. Ее ровный спокойный голос долетел до них.

— Вы ошибаетесь, — сказала она стражникам. — В том, что вы нам говорите, нет правды. Нет ни Спящих, ни опасности. Мы пройдем.

С этими словами она двинулась на них, медленно, уверенная, как будто никто не мог остановить ее. Мэг вскочила, схватив ее за руку, но Элин отбросила ее руку. А Эзра заторопился вслед за внучкой. Энди, задрав хвост, двинулся следом.

Стражники вскочили и начали пятиться, не в силах оторвать взгляд от ужасающей мягкости лица Элин.

Сбоку донесся хриплый рев. Кашинг повернулся. Огромный серо-коричневый зверь с высоким горбом, широко разинувший пасть, пробирался через заросли слив, преследуя лошадей стражников. Лошади на мгновение застыли, парализованные страхом, а потом понеслись огромными прыжками от преследующего их медведя.

Ролло мгновенно перешел к действиям. С криком «Гризли!» он понесся вперед, выставив

копье.

— Вернись, дурак! — кричал Кашинг, хватаясь за лук и накладывая на тетиву стрелу.

Лошади дико неслись. За ними бежал медведь, рыча и быстро нагоняя испуганных животных. За медведем летел Ролло, вытянув перед собой копье.

Кашинг поднял лук и оттянул тетиву к щеке. Он выпустил стрелу, и она золотом блеснула в лучах солнца. Стрела попала в шею животному, медведь взревел и повернулся. Кашинг потянулся за второй стрелой. Достав ее, он увидел, что медведь присел на задние лапы, вытянув передние, и почти подмял под себя Ролло.

Краем глаза Кашинг увидел Энди, который, вытянув голову, прижав уши и распустив хвост, галопом несся на медведя.

Выпустив стрелу, Кашинг услышал, как она с глухим стуком вонзилась в грудь зверя под самой шеей. Медведь осел, пытаясь схватить передними лапами Ролло, но копье робота уже торчало в груди зверя. Энди ударил копытами в живот медведя.

Медведь упал, Ролло выбрался из-под него; его металлическое тело было залито кровью. Энди еще раз лягнул зверя и потом поскакал прочь с

гордым ржанием. Ролло исполнил дикий воинственный танец вокруг умиравшего зверя.

— Жир! — кричал он. — Жир, жир, жир!

Медведь в последний раз дернулся. Лошади стражников были уже быстро уменьшавшимися на юге точками. За ними отчаянно бежали стражники.

— Сынок, — сказала Мэг, глядя им вслед, — наши переговоры прерваны.

— Теперь мы пойдем на холм, — сказала им Элин.

— Нет, — возразил Кашинг, — вначале вытопим жир для Ролло.

Глава 17

Как и предупредили стражники, живые камни ждали их у самых деревьев. Их были десятки, и со всех сторон собирались новые; они двигались быстро, ровно, временами останавливались; движение их было явно целенаправленным. Темные, некоторые совершенно черные, они достигали трех футов в диаметре. Они не образовали линию перед путниками, но собрались сзади, отрезая им отступление, как будто гнали их к Деревьям.

Мэг придвинулась ближе к Кашингу. Он взял ее за руку и увидел, что она дрожит.

— Сынок, — сказала она, — я снова чувствую холод. Как в тот раз, когда мы нашли живой камень.

— Все будет в порядке, — ответил он, — если мы сумеем пройти сквозь Деревья. Эти камни, кажется, направляют нас туда.

— Но стражники говорили, что Деревья не пропустят нас.

— Стражники придерживаются старой традиции, лишенной всякого смысла; они верят в это, цепляясь за свою веру. Вера позволяет им считать, что они продолжают дело, начатое древними.

Они считают свою задачу очень важной.

— И все же, — сказала Мэг, — когда медведь напал на лошадей, стражники бросили нас и побежали за ними. Они не вернулись.

— Я думаю, это из-за Элин, — сказал Кашинг. — Видела их лица, когда они смотрели на нее? Они были в ужасе. Медведь, погнавшийся за лошадьми, вывел их из психологического шока и дал возможность убежать.

— Может, и так, — согласилась Мэг. — Но для людей прерий лошади — важная вещь. Без лошадей они погибнут. Лошадь — это их часть. Она так важна, что они побежали за лошадьми, несмотря ни на что.

Деревья возвышались перед ними — сплошная стена зелени, спускавшейся до самой земли. Они походили на гигантскую изгородь. Выглядели они как обычные деревья, но Кашинг обнаружил, что не может определить их вид.

Лиственные деревья с твердой древесиной, но не дуб, не клен, не вяз, не ясень. Листья их, шевелившиеся на ветру, танцевали, как листья всех деревьев, но вслушиваясь в их шелест, Кашинг подумал, что ему слышится шепот; если бы у него был достаточно острый слух, он мог бы понять, о чем они говорят.

Дрожащая Змея вокруг головы Ролло вращалась так быстро, что казалось, можно было услышать тонкий свист. Попутчики же приблизились, как будто искали защиты.

Эзра остановился не более чем в десяти футах от зеленой изгороди и застыл в своей обычной позе, сложив руки на груди, склонив голову, закрыв глаза. Чуть за ним опустилась на землю Элин, скрестив ноги, положив руки на колени и прикрыв голову рваным капюшоном.

Послышался новый звук, слабый звон; обернувшись, Кашинг понял, что это камни. Они образовали полукруг, соединившийся с Деревьями; камни располагались на равном расстоянии, не более чем в дюйме друг от друга, сплошной линией отрезав путникам отступление. Звон происходил от того, что камни, оставаясь на одном месте, слегка раскачивались, задевая соседа.

— Ужасно, — сказала Мэг. — Этот холод, он меня заморозил.

Получилась живая картина. Эзра стоял неподвижно; Элин не двигалась; Энди нервно подергивал хвостом. Попутчики совсем уже приблизились к ним, смешались с ними, радужные тени, казалось, сливающиеся друг с другом. Дрожащая Змея превзошла себя в яростном вращении.

Ролло негромко сказал:

— Мы не одни. Оглянитесь.

Кашинг и Мэг обернулись.

В полумиле от них стояли пять всадников, вырисовываясь на фоне неба.

— Стражники, — сказала Мэг. — Что они тут делают?

В это время стражники издали вопль, пронзительную жалобу, в которой звучало беспредельное отчаяние.

— Боже, сынок, — сказала Мэг, — будет ли этому конец?

И она подошла к Эзре, вытянув вперед умоляюще руку.

— Во имя милосердия, пропустите нас! — воскликнула она. — Пожалуйста, пропустите!

Деревья, казалось, ожили. Они зашумели, ветви их задвигались, образуя проход.

Путники прошли в место, где царила храмовая тишина, в место, отрезанное от всего мира. Вокруг возвышались гигантские стволы, уходящие вверх, во тьму, как церковные колонны. Под ногами путников лежал мягкий лесной ковер — листва, падавшая уж много лет и лежавшая нетронутой. Проход за ними закрылся, раздвинувшаяся зелень вернулась на место.

Путники остановились в молчании, которое оказалось совсем не молчанием. Сверху доносился шум листвы на ветру, но этот шелест лишь подчеркивал царящую внизу тишину.

Итак, мы сделали это, хотел сказать Кашинг, но тишина и полутьма остановили его. Здесь не место для пустых разговоров. Тут нельзя торговаться. Он пустился на поиски места, откуда уходили к Звездам, но даже надеясь отыскать, он всегда думал о нем, как о техническом комплексе, откуда запускали в Космос большие корабли. Но Деревья, живые камни и даже стражники придавали этому месту какую-то фантастичность, не вязавшуюся с техникой. И если этот холм действительно Место, откуда уходили к Звездам, то что же здесь происходит?

Губы Эзры двигались, но слышались не слова, а лишь бормотание.

— Эзра, — резко спросил Кашинг, — что же происходит?

Элин не сидела рядом с дедом, как обычно, а стояла. Повернувшись к Кашингу, она холодно сказала:

— Оставь его в покое, дурак!

Мэг потянула Кашинга за рукав.

— Святая святых.

— О чем это ты?

— Это место. Это святая святых. Разве же ты не чувствуешь?

Он покачал головой. Для него тут не было ничего святого. Пугающее, да. Заброшенное, да. Место, откуда нужно убраться как можно скорее. Место, спокойствие которого таило в себе странное беспокойство. Но ничего святого.

«Ты прав, — сказали ему Деревья. — *Здесь ничего святого. Это место правды. Мы здесь находим правду. Это место вопросов, место исследования. Тут мы заглядываем в душу»*.

На мгновение он, казалось, увидел угрюмую ужасную фигуру, одетую в черное, в черном плаще, с костлявым безжалостным лицом. Это лицо вселило в него ужас. Ноги его стали ватными и подогнулись, тело рухнуло, мозг превратился в дрожащее желе. Его жизнь… вся его жизнь, все, что он когда-либо видел, слышал или делал, выплеснулось из него, и он чувствовал, как какие-то цепкие пальцы с грязными ногтями роются в этом, сортируют, изучают, судят и затем отбрасывают ударом костлявого кулака, возвращают обратно.

Он поднялся, лишь величайшим усилием заставив себя не упасть. Мэг поддерживала его и

помогала ему, и в этот момент его сердце устремилось к ней навстречу — к этой удивительной старухе, которая без единой жалобы выдержала труднейшее путешествие, приведшее их к этому месту.

— Держись, сынок, — говорила она. — Путь открыт. Еще немного.

Затуманенными глазами он увидел впереди отверстие, туннель, в конце которого виднелся свет. Шатаясь, он пошел и, хотя он не оглядывался, он знал, что остальные идут за ним.

Время, казалось, остановилось и измерялось теперь остатками иссякающих сил.

Но кончилось и это испытание, и он шагнул из туннеля, и вот перед ним подъем, земля, покрытая выгоревшей травой, усеянная кустарником и редкими деревьями.

Сзади Ролло сказал:

— Мы сделали это, хозяин. Наконец-то мы здесь. На Громовом холме.

Глава 18

Пройдя немного вверх по склону, они нашли небольшой пруд в каменном бассейне, питаемый ручьем, протекавшим по глубокому оврагу. Пруд окружали изогнутые и изуродованные ветром кедры. Они образовывали полукруг, открытый на запад. Здесь путники разожгли костер из сухих кедровых веток и поджарили мяса.

Они поднялись по склону достаточно высоко, чтобы видеть поверх кольца Деревьев равнину внизу. Там виднелись игрушечные фигуры всадников. Лошади их были отведены в сторону, и пятеро стражников стояли в ряд, обратившись к холму. Временами они поднимали руки, а временами ветер доносил до сидящих у костра вопли.

Мэг рассматривала стражников в бинокль.

— Это что-то вроде ритуала плача, — сказала она. — Неподвижное положение, потом шаг или два, потом они поднимают руки и воют.

Эзра серьезно кивнул:

— Они преданные, но обманутые люди.

Кашинг заворчал на него.

— А ты откуда знаешь? Ты, конечно, прав, но скажи, откуда ты знаешь? Мне надоели твои

позы, которые ничуть не лучше того, что делают стражники.

— Ты меня не ценишь, — сказал Эзра. — Это я провел вас через кольцо Деревьев. Я говорил с ними, и они открыли для нас путь.

— Это ты так считаешь, — возразил Кашинг уверенно. — А я думаю, что нас провела Мэг. А ты просто бормотал.

— Сынок, не нужно ссориться, — вмешалась Мэг. — Неважно, кто провел нас через Деревья. Важно, что они нас пропустили.

Элин посмотрела на Кашинга, и на этот раз в глазах ее не было пустоты. Они были холодны от ненависти.

— Ты никогда нас не любил, — сказала она тихо. — Ты издеваешься над нами. Я жалею, что мы присоединились к вам.

— Ну, ну, моя дорогая, — сказал Эзра, — мы все слишком нервничаем. Но сейчас это пройдет. Готов согласиться, что иногда я утомителен, хотя вера в мои способности во мне не ослабла: я действительно умею говорить с растениями. Я разговаривал с Деревьями. Клянусь, я разговаривал с ними, и они отвечали мне. Не так, как другие растения. Глубокий разговор, я не все понял, большую часть я не уловил. Они разговаривали

о таких вещах, о которых я раньше никогда не слышал, хотя я знаю, что все это очень важно. Они глубоко заглянули в меня и позволили мне немного заглянуть в себя. Как будто они испытывали меня, осматривали — не тело, а душу, и предоставили мне возможность сделать то же с ними. Но я не сумел это сделать, даже когда они пытались помочь мне.

— Пространство есть иллюзия, — Элин говорила четким учительским голосом, как будто цитировала что-то недавно узнанное. — Пространство есть иллюзия и время — тоже иллюзия. Не существует таких факторов, как время и пространство. Мы оцеплены ложным пониманием того, что мы называем вечностью и бесконечностью. Существует универсальный фактор, объясняющий все; и когда он известен, все просто. Нет больше ни чудес, ни загадок, ни сомнений; во всем, что окружает нас, простота… простота… простота…

Элин замолчала. Она смотрела в темноту, сложив руки на коленях, и лицо ее снова приобрело выражение ужасающей пустоты и ужасной невинности.

Остальные сидели молча, потрясенные; и откуда-то подул холодный ветер, как будто невысказанная угроза повисла в воздухе.

Кашинг встряхнулся и спросил напряженным голосом:

— Что это было?

Эзра сделал знак покорности.

— Не знаю. Она никогда не поступала так раньше.

— Бедное дитя, — сказала Мэг.

Эзра гневно заговорил:

— Я уже говорил вам и говорю снова: никогда не жалейте ее, скорее она должна жалеть нас.

— Никого не надо жалеть, — сказала Мэг.

В разговор вступил Ролло.

— Стражников стало больше. Только что показался новый отряд. На этот раз шесть или семь. Похоже, что с востока приближаются новые. Там стоит облако пыли.

— Жаль стражников, — сказала Мэг. — Сколько лет они тут дежурили, а мы их обманули. И все предыдущие поколения.

— Может, раньше никто и не хотел пройти сюда, — сказал Ролло.

— Может и так. Никто так сильно не хотел пройти. Никто не шел с целью.

— Если бы не медведь, мы, наверно, тоже не смогли бы, — заметил Ролло. — Медведь отвлек их внимание. И они потеряли лошадей. Без лоша-

дей они беззащитны.

— Медведь их потряс, — сказал Эзра. — Ни один человек в здравом уме не выйдет против медведя с одним копьем.

— Я не человек, — резонно возразил Ролло, — и я был не один. Кашинг пускал стрелы в зверя и даже Энди напал на него.

— Мои стрелы ничего не сделали ему, — сказал Кашинг. — Они лишь раздражали его.

Он встал с места и прошел вверх по склону. Вскоре костер превратился лишь в красный глаз внизу. Кашинг отыскал небольшой скальный выступ и сел на него. Сгущалась тьма.

Смутно темнели деревья, за ними едва виднелись костры стражников.

Сидя на выступе, Кашинг ощутил тревожное спокойствие.

После многих миль пути по речной долине и высокогорью они наконец-то достигли цели. Но достижение цели принесло с собой опустошение. Он не чувствовал удовлетворения.

Ниже послышался какой-то звук. Взглянув туда, Кашинг увидел чью-то фигуру. Присмотревшись, он понял, что это Ролло.

Робот подошел и молча сел рядом. Некоторое время они сидели в молчании. Потом Кашинг

сказал:

— Ты назвал меня хозяином. Не нужно делать этого. Я не хозяин.

— Просто вылетело, — ответил Ролло. — Ты проделал хорошее сафари — это верное слово? Когда-то его использовали. И ты привел нас сюда.

— Я как раз об этом и думал, — сказал Кашинг. — И беспокоился.

— Не нужно беспокоиться. Это — Место, откуда уходили к Звездам.

— Я не уверен в этом. Больше того, я уже уверен, что это не Место, откуда уходили к Звездам. Чтобы отправить корабль в космос, нужны посадочные устройства. Но на таком месте не строят посадочную площадку. Зачем строить ее на вершине холма, если повсюду множество ровных мест? Высота не является преимуществом. Сюда трудно доставлять материалы.

— Не знаю, — сказал Ролло. — Ничего не знаю о таких вещах.

— Я знаю. Читал в университете о полетах на Луну и Марс. Об этом рассказывается во множестве статей и книг, и никогда запуск не производился с вершины холма.

— Деревья, — сказал Ролло. — Кто-то посадил деревья вокруг холма, вокруг всего холма, чтобы

оградить его. Может, до Катастрофы у людей появились средства для полетов к звездам.

— Может, и так. Защита, наверное, нужна была в последние столетия перед взрывом, но ведь Деревья можно было посадить и на ровном месте.

— Может, это и не Место, откуда уходили к Звездам, но Деревья ведь защищают что-то.

— Да, ты прав. Но мне нужно Место, откуда уходили к Звездам.

— Меня беспокоит, почему они нас пропустили. Деревья. Могли и не пустить. Камни ждали. Деревьям было достаточно сказать слово, и камни раздавили бы нас.

— Я тоже удивлен. Но я рад, что они нас пропустили.

— Они хотели, чтобы мы прошли. Решили, что лучше будет, если мы пройдем. Как будто они все годы ждали нашего прихода. Кашинг, что они увидели в нас?

— Будь проклят, если знаю, — ответил Кашинг. — Пошли. Я возвращаюсь в лагерь.

Эзра спал у костра, храпя и посвистывая. Мэг сидела, закутавшись в одеяло от ночного холода. Немного в стороне, свесив голову, стоял Энди. Напротив Мэг у костра сидела, выпрямившись, Элин, поджав под себя ноги, сложив руки на

коленях; ее лицо было пусто, глаза устремились в ничто.

— Видел что-нибудь, сынок? — спросила у Тома Старая Мэг.

— Ничего. — Кашинг сел рядом с ней.

— Есть хочешь? Я могу поджарить мяса… Пока еще есть.

— Завтра я чего-нибудь добуду, — сказал Кашинг. — Здесь должны быть олени.

— Я видел маленькое стадо на западе, — откликнулся Ролло.

— Так поджарить мяса?

Кашинг покачал головой:

— Я не голоден.

— Завтра мы поднимемся на холм. Ты знаешь, что мы там можем найти?

— Стражники говорили, что там есть здания, — сказал Ролло. — Где спят Спящие.

— Мы можем забыть о Спящих, — заметил Кашинг. — Это все бабушкины сказки.

— Стражники основывали на ней жизнь, — возразил Ролло. — Там должно быть что-то. Какая-то основа сказки.

— Многие религии основывались на меньшем. — Кашинг подобрал прут и поворочал им в костре. Взметнувшееся пламя осветило что-то

висящее в воздухе над их головами. Капают в изумлении отшатнулся, все еще сжимая в руках прут.

В воздухе висела толстая короткая торпеда трех футов длины и фут толщины, висела она без усилий, без звуков, без гудений или тиканья, которые обычно сопровождали работу механизма. По всей ее поверхности, не через равные интервалы, а как бы случайно были разбросаны маленькие кристаллики, похожие на глаза и сверкавшие в свете костра. Цилиндр был металлическим или казался таковым; во всяком случае он блестел тусклым металлическим блеском.

— Ролло, — сказал Кашинг, — это твой родственник.

— Согласен, что он похож на робота, но хоть надежда оживляет мое сердце, я все же никогда таких не видел, — отозвался Ролло. Кашинг смутно удивился, почему они так спокойно рассуждают. Ведь они должны были бы оцепенеть от страха. Хотя в цилиндре и не чувствовалось угрозы: просто в воздухе висел жирный, толстый и короткий клоун. Кашингу на мгновение показалось, что он даже видит бессмысленное, тупо улыбающееся лицо. Впрочем, он знал, что никакого лица там нет.

Эзра забормотал во сне, перевернулся и снова засопел. Элин сидела неподвижно; она не видела цилиндра или, если и видела, то никак не реагировала.

— Ты чувствуешь его Мэг? — спросил Кашинг.

— Ничто, сынок, — ответила она, — бормочущее нечто, беспорядочное, пустое, не уверенное в себе, дружественное, скучающее, как бездомная собака, ищущая хозяина…

— Человеческое?

— Как это человеческое? Оно не человеческое.

— Похоже на нас. Не чужое.

И тут оно заговорило четким металлическим голосом. Не было никаких движущихся частей, никаких указаний, откуда доносился голос; но, несомненно, этот висящий в воздухе бочкообразный предмет говорил с ними.

— Пурпурная жидкость, — произнес он. — Не вода. Жидкость. Тяжелее воды. Гуще воды. Лежит в низинах и ямах, потом поднимается и заливает землю. Алая песчаная земля, и стройные бочкообразные тела растут на ней и существа, похожие на мхи, но больше. Много больше меня. С шипами и иглами, при помощи которых они видят, слышат и обоняют. И говорят, но я не помню, о чем они говорят. Я многое знал, когда-то, но теперь не

могу вспомнить. Эти существа приветствовали пурпурную жидкость, катившуюся вверх и вниз по склонам — она могла течь куда угодно. Она катилась волнами по алому песку, а бочкообразные существа и другие приветствовали ее песней. Они радовались, что она пришла. Хотя я не помню, почему они радовались. Трудно вспомнить, почему они радовались: когда жидкость проходила, все эти существа погибали. Их иглы и шипы обвисали, они не могли больше говорить, обвисали и лежали на солнце, разлагаясь. Большое красное солнце заполняло половину неба, и на него можно было смотреть: оно не яркое, не горячее. Пурпурная жидкость растекалась по земле, потом снова собиралась в ямах, и бочкообразные и другие существа, до которых она еще не добралась, мягко пели, приглашая ее прийти…

Послышался другой голос, более громкий, пытавшийся заглушить первый:

— Звезды вращались, зеленые и синие, и так быстро они двигались, что были не шарами, а огненными полосками; висело облако, оно было живое и брало энергию у вращающихся звезд; и я удивлялся, как это облако могло заставить их вращаться…

Еще один голос:

— Тьма, и во тьме кишение, живущее во тьме и не выносящее света; оно хватало слабый свет, которых отбрасывал я, и поедало его, оно так истощило батареи, что больше не осталось света, и я был бессилен, я упал во тьму, и кишение сомкнулось вокруг меня…

Еще один голос:

— Пурпурность захватила меня и сделала меня своей частью и рассказывала мне о том, что было до появления вселенной…

— Боже, — воскликнула Мэг, — они вокруг нас.

И верно. В свете костра и за ним висело множество коротких толстых цилиндров, все они болтали, стараясь перекричать друг друга.

— Я не мог говорить с ними, с ними невозможно было разговаривать; они думают и действуют совсем не так, как я; у нас не было ничего общего… Это были машины, но не такие, как мы, как я; это был живой металл и одушевленный пластик и… Я был муравьем, и они не заметили меня, они не знали, что я лежу в своем муравейнике и слушаю их, ощущаю часть того же, что и они, хотя и не все: у меня не было ни их знаний, ни их чувств, они были как боги, а я как песок под их ногами, и я любил их и ужасался в одно и то же время… Рак, перебрасывающийся от планеты к планете,

поедавший все, чего он касался, и я услышал голос: «Смотри на нас, мы и есть жизнь»… Там были люди, не знаю, можно ли их назвать людьми; это были существа, время для которых ничего не значило, они победили время или просто поняли его и больше не боялись его тирании; и они были жалки, потому что, уничтожив время, поняли, что они в нем нуждаются, но вернуть его не смогли…

«Я истребитель, — сказало оно мне. — Я уничтожаю жизнь, у которой нет права существовать; я стираю миры, которые пошли по неверному пути. Что ты скажешь, если я уничтожу тебя?…» Это была раса смеющихся; они только и могли смеяться, это была их единственная реакция на все, хотя это не тот смех, что я знал. Может, это вообще был не смех…

Слова, слова, слова. Болтовня, болтовня, болтовня. Фрагменты разговоров, обрывки фраз. Может, если бы слушать только одного, в этом был бы смысл. Но слушать одного невозможно, все говорят одновременно и настаивают, чтобы слушали именно их.

Их было так много, что слова их совершенно смешивались, и лишь изредка с трудом можно было разобрать отрывок фразы. Кашинг обнару-

жил, что бессознательно прижимается к земле, как будто все усиливающаяся болтовня представляет собой физическую угрозу.

Эзра зашевелился и сел, протирая глаза кулаками. Рот его задвигался, но слов не было слышно совершенно.

Кашинг взглянул на Элин. Она сидела, как и раньше, совершенно неподвижно, глядя в ночь. Эзра сказал о ней в ту ночь, когда они впервые встретились: «Она из другого мира», — и Кашинг подумал, что такое объяснение не совсем точно. Она живет в двух мирах, и тот, другой, более важен для нее, чем этот.

Ролло стоял по другую сторону костра. Что-то в нем было не то. Неожиданно Кашинг понял, в чем дело: Ролло был один, с ним больше не было Дрожащей Змеи. Кашинг попытался вспомнить, когда он в последний раз видел Змею, и не смог.

Мы здесь, сказал себе Кашинг, наконец-то мы здесь. Нас пытались задержать стражники, нас теснили камни и нас пропустили деревья. Но прежде чем пропустить, они испытывали нас, расспрашивали, искали в нас ересь и грех. Впрочем, может, испытывали не их, а только его. Конечно, не Мэг — она помогала ему, когда ноги у него были ватными. Не Эзру: он утверждал,

что разговаривал с деревьями. Элин? Что можно знать об Элин? Она исключение, в ее тайну невозможно проникнуть. Энди? Да, да, Энди, искатель воды, убийца гремучих змей и боец с медведями. Кашинг рассмеялся про себя, думая об Энди.

Неужели расспрашивали только его? И что же они нашли? Должно быть, что-то такое, что убедило Деревья пропустить их. Он мельком подумал, что бы это могло быть, но ничего не мог предположить.

Болтовня мгновенно смолкла, и цилиндры исчезли. Где то в ночи слышался треск сверчка.

Кашинг встряхнулся, чувствуя себя одуревшим. Он испытывал физическую боль, болело все тело.

— Кто-то отозвал их, — сказала Мэг. — Тот кто-то рассердился на них.

Элин четким голосом ментора произнесла:

— Мы пришли в пограничное место, куда нас не звали, куда не зовут ничто живущее и где мысль и логика несовместимы, мы испуганы, но мы пришли сюда, потому что Вселенная лежит перед нами, и если мы хотим узнать себя, мы должны узнать Вселенную.

Глава 19

В полдень они остановились на краю небольшой рощи Кашинг подстрелил оленя, которого Энди утащил вверх по склону. Кашинг и Ролло освежевали оленя, и у них теперь было много мяса.

Подъем был трудным, путь преграждали скалы, которые приходилось обходить; приходилось менять курс и из-за глубоких оврагов. Ноги скользили по высохшей траве, и путники часто падали.

Деревья внизу темно-зеленым кольцом окружали подножье холма. Коричневатая равнина, затянутая кое-где тенями, у горизонта закрывалась серебристой дымкой. В бинокль Кашинг видел на равнине множество стражников. Видны были, по крайней мере, три больших лагеря. Должно быть, племена или делегации племен, извещенные стражниками о происходящем. Это означало, что стражники — не маленькое сообщество фанатиков, как казалось раньше, но что его поддерживают западные племена. Эта мысль обеспокоила его, и он решил, убирая бинокль в футляр, ничего не говорить остальным.

По-прежнему не видно было зданий, которые он разглядел несколько дней назад в бинокль и о которых говорили стражники. Впереди был лишь подъем.

— Может, к концу дня мы увидим здания, — сказал Ролло.

— Надеюсь, — ответила Мэг. — Я уже все ноги сбила.

Единственными живыми существами, которых они встретили, было небольшое стадо оленей, одного из которых убил Кашинг, несколько длинноухих кроликов, одинокий сурок, свистнувший им с края скалы, и орел, круживший высоко в синем небе. Цилиндры не возвращались.

Позже, преодолевая необычно крутой и опасный подъем, они увидели над собой сферы. Их было две, они походили на радужные мыльные пузыри, осторожно катящиеся им навстречу.

Шары находились довольно далеко и, когда маленький отрад остановился, тоже остановились на небольшой ровной площадке.

Кашинг пытался их рассмотреть. Размер их он оценил приблизительно в шесть футов. Они казались гладкими и полированными, совершенно круглыми и без всякого ощущения тяжести; безмозглые на вид существа — существа, потому

что, несомненно, они были живые. Мэг смотрела на них в бинокль, потом отняла его от глаз.

— У них есть глаза, — сказала она, — плывущие глаза. По крайней мере, это походит на глаза, двигающиеся по поверхности тела.

Она протянула ему бинокль, но он покачал головой:

— Пойдем посмотрим, что это такое.

Сферы ждали, пока они поднимутся. Добравшись до ровной площадки, путники увидели неожиданных посетителей не более чем в двадцати футах от себя.

Как и сказала Мэг, по всей поверхности сфер были разбросаны глаза, время от времени перемещающиеся.

Кашинг пошел вперед, Мэг рядом с ним, остальные держались сзади. Он понял, что верно оценил размер сфер. Помимо глаз, никаких других органов не было видно.

В шести футах от них Кашинг и Мэг остановились. Сначала ничего не произошло. Потом одна из сфер издала звук — нечто среднее между мычанием и хрипом. Как будто она прочищала горло.

Звук повторился и сменился гулкими словами. Так говорил бы барабан, если бы он получил возможность говорить.

— Вы люди? — спросила сфера. — Под людьми мы имеем в виду…

— Я знаю, что вы имеете ввиду, — ответил Кашинг. — Да, мы человеческие существа.

— Вы разумная раса этой планеты?

— Верно.

— Вы господствующая форма жизни?

— Тоже верно.

— Тогда позвольте мне представиться. Мы Группа или, если хотите. Отряд исследователей и прибыли с расстояния во много световых лет. Я номер Один, а стоящий рядом со мной называется *N2*. И это не означает, что один из нас первый — просто так мы различаем друг друга.

— Прекрасно, — ответил Кашинг, — мы рады встрече с вами. Не расскажете ли, что вы исследуете.

— Мы счастливы сделать это, — сказал *N1*, — потому что надеемся, что вы прольете свет на крайне затрудняющие нас вопросы. Область наших исследований — технологические цивилизации. Ни одна из таких цивилизаций не выдерживает определенного промежутка существования. Они несут в себе семя собственного уничтожения. На других планетах, которые мы посещали, конец технологии означал конец

всего. Технология гибнет, а с нею гибнет и раса, развившая эту технологию. Она впадает в варварство и, никогда уже не поднимается из него. Внешне здесь происходит то же самое. Свыше тысячи лет человечество этой планеты живет в варварстве, и все признаки свидетельствуют, что так и будет продолжаться, но Д. и П. уверяет нас, что это не так, что эта раса много раз терпела неудачи, но после периода восстановления сил и перегруппировки она поднималась к новым высотам. Это очередная неудача, говорит Д. и П.

— Вы говорите загадками, — прервал его Кашинг. — Кто такой Д. и П.?

— Древний и Почтенный, Д. и П. — это сокращение. Он робот и джентльмен и…

— С нами есть робот, — сказал Кашинг. — Ролло, покажись нашим друзьям. Среди нас есть и робот, и лошадь.

— Мы знаем о лошадях, — сказал *N2 извиняющимся тоном*. — Они животные. Но мы не знаем…

— Энди не животное, — едко вмешалась Мэг. — Может, он и лошадь, но это замечательная лошадь. Он отыскивает воду, бьется с медведями и еще многое умеет.

— Я хочу сказать, — продолжал *N2*, — что мы

не знали о существовании других роботов, кроме живущего здесь. Мы считали, что все роботы уничтожены во время так называемой Катастрофы.

— Насколько мне известно, я единственный уцелевший робот, — сказал Ролло. — Однако вы говорите, что Древний и Почтенный…

— Древний и Почтенный — хозяин остальных, — сказал *N1*. — Вы их, конечно, встречали. Маленькие надоедливые существа, спускающиеся сверху и потчующие вас бесконечной болтовней, все говорят одновременно, требуют, чтобы их слушали. — Он вздохнул. — Они вызывают раздражение. Мы пытались их слушать, надеясь получить ключ. Но они не дали нам ничего. Я считаю, что они древние рассказчики. Запрограммированные для рассказа о своих вымышленных приключениях. А впрочем, другой член нашего Отряда не разделяет этого мнения…

— Минутку, — сказал Ролло. — Вы уверены, что это роботы? Мы тоже так думаем, но я надеялся…

— Значит, вы их встречали?

— Да, — сказала Мэг. — Так вы думаете, что они рассказывали нам истории, придуманные для развлечения?

— Так я считаю, — ответил *N1*. — Другой член нашего Отряда ошибочно считает, что в их

рассказах есть смысл, которого мы из-за своей чуждости не уловили. Позвольте спросить, как это звучало для вас. Будучи людьми, вы могли уловить пропущенное нами.

— Мы слушали их очень недолго, — сказал Кашинг, — и поэтому мы не можем высказать своего суждения.

— Кто-то отозвал их, — сказала Мэг.

— Вероятно, Д. и П., — отозвался *N1*. — Он внимательно следит за ними.

— Как бы нам с ним встретиться? — спросил Кашинг.

— С ним трудно встретиться, — сказал *N2*. — Он держится одиноко. Но изредка дает нам аудиенцию.

— Значит, он мало рассказывает вам?

— Много, но главным образом о своей вере в человечество. Он считает, что умеет заглянуть далеко в будущее, и, по правде говоря, не кажется встревоженным.

— Вы говорите, он робот?

— Несомненно, но в то же время и больше, чем робот, — сказал *N2*. — Как будто робот лишь внешне.

— Это ты так считаешь, — сказал *N1*. — Он умен, и все. Очень умный робот.

— Мы очень рады встрече с вами, — сказал *N2*. — Никто из людей сюда не приходил. Мы понимаем, что их не пускают Деревья. Как вам удалось пройти?

— Это было не легко, — ответил Кашинг. — Мы попросили их, и они пропустили.

— Значит, вы особые люди?

— Вовсе нет, — сказала Мэг. — Мы просто ищем Место, откуда уходили к Звездам.

— Уходили куда? Мы правильно расслышали?

— К Звездам. Место, откуда уходили к Звездам.

— Но это вовсе не то место, — сказал *N1*. — За все время мы ни разу не слышали воспоминаний об этом. Мы, конечно, знаем, что некогда люди вышли в космос, но звезды…

— Вы уверены, что это не Место, откуда уходили к Звездам? — спросил Кашинг.

— Мы ни разу не слышали упоминаний об этом, — сказал *N2*. — У нас создалось впечатление, что это последнее убежище интеллектуальной элиты, которая предвидела будущую Катастрофу и пыталась уберечься. Но если и так, то никаких записей не сохранилось. Мы не знаем, а лишь предполагаем. Последняя крепость разума на этой планете. Хотя, если это правда, то крепость не выдержала, потому что уже слишком много

столетий здесь не было ни одного человека.

Кашинг сказал:

— Не Место, откуда уходили к Звездам?

— Боюсь, что нет, — сказал *N1*.

Ролло сказал Кашингу:

— Я никогда не гарантировал этого. Просто передал то, что слышал.

— Вы сказали, что мы первые люди, пришедшие сюда, что вы рады нас видеть. — Это говорила Мэг. — Но если бы вы хотели встретиться и поговорить с людьми, это так просто. Вам просто следовало отыскать людей. Может, вас не пропустили бы Деревья?

— Мы много лет назад искали людей, — сказал *N2*. — Деревья для нас не препятствие. Мы легко можем перелететь через них. Но люди боялись нас. Они убегали с криками или же в отчаянии нападали на нас.

— И что же теперь, когда люди сами пришли к вам, что же мы можем для вас сделать? — спросил Кашинг.

— Вы можете сказать, есть ли основания для надежды, которую высказывает Д. и П., и можно ли верить, что ваша раса снова поднимется к величию?

— Величие, — сказал Кашинг. — Не знаю. Как

измерить величие? Что это такое? Может, вы скажете мне? Вы говорите, что изучили много планет, где погибли технологические цивилизации.

— На них все было, как здесь, — сказал *N2*. — Эта планета — классический пример классической ситуации. Технологическая цивилизация погибла, и раса, создавшая ее, впала в ничтожество — никогда не поднимется вновь.

— Тогда почему это правило не применимо здесь? О чем вы беспокоитесь?

— Это все Д. и П. Он настаивает на своей вере…

— А вам не приходило в голову, что Д. и П. водит вас за нос?

— Водит нас за нос?

— Обманывает вас. Скрывает. Может быть, смеется над вами?

— Нет, — возразил *N2*. — Д. и П. настоящий джентльмен. Он на это не способен. Поймите, мы занимаемся наблюдениями в течение тысячелетий. И впервые усомнились в своих наблюдениях. Раньше все совпадало до мельчайших деталей. Отсюда и наша озабоченность.

— Мне кажется, я вас понимаю, — сказал Кашинг. — Позвольте спросить, не пытались ли вы заглянуть в свои данные? Вы убеждены, что тех-

нология терпит неудачу, раса гибнет и возврата нет? Но что происходит потом? Что случается после этого? Если человечество на планете погружается в варварство и исчезает, кто занимает его место? Что происходит после человека? Кто сменяет человека?

— Об этом мы никогда не думали, — напряженным тоном сказал *N1*. — У нас и не возникал такой вопрос.

Сферы некоторое время молчали, чуть-чуть покачиваясь. Наконец *N2 сказал*:

— Мы подумаем об этом. Нам нужно изучить ваше предположение.

И они покатились вверх по склону, набирая скорость, и вскоре исчезли из виду.

Глава 20

До наступления ночи путники подошли к большой эспланаде, выложенной огромными камнями и ведущей к Городу — массивной группе зданий из серого камня. Они остановились на ночь, все чувствовали невысказанное нежелание приближаться к Городу в темноте, предпочитая пока остаться здесь, и, может быть, изучить его с расстояния.

Несколько каменных ступеней вели к эспланаде, которая протянулась более чем на милю. За ней поднимались здания. В мостовую были встроены окруженные каменными кольцами клумбы, теперь заросшие сорняками; рядом виднелись бездействующие фонтаны, в их бассейнах находилась не вода, а пыль; на каменных скамьях можно было отдохнуть. В одной из ближайших клумб выжил каким-то чудом розовый куст, ветер уносил от него лепестки роз.

Город, по всей видимости, был пустынен. С предыдущего вечера не было ни следа толстых болтунов. Не появлялся и Отряд. Ничего, кроме полудюжины щебечущих недовольных птиц, перелетавших с одного куста на другой.

Над городом опрокинулось пустынное небо; с того места, где они стояли, хорошо видна была затянутая голубоватым туманом равнина.

Кашинг собрал сухие ветви и развел костер. Мэг достала сковородку и принялась жарить мясо. Энди, свободный от груза, бродил вверх и вниз по эспланаде, как солдат на часах; его копыта издавали гулкий звук. Эзра сидел рядом с клумбой, где росли розы, и слушал. Элин на этот раз не устроилась рядом с ним, а прошла несколько сот ярдов вверх по эспланаде и застыла, глядя на Город.

— Где Ролло? — спросила Мэг. — Я не видела его с полудня.

— Должно быть, разведывает, — ответил ей Кашинг.

— А что он разведывает? Ведь ничего нет.

— Он привык бродить. Не беспокойся. Он придет.

Мэг положила мясо на сковородку.

— Сынок, это не то Место, которое мы искали? Это что-то другое? Ты не знаешь, что?

— Нет, — коротко ответил Кашинг.

— А ведь ты все время стремился к Месту, откуда уходили к Звездам. Где же мы ошиблись?

— Может, такого места вообще не существует, — ответил Кашинг. — Может, это просто

выдумка.

— Не хочется думать. Мне кажется, сынок, что такое место есть.

— Должно быть, — сказал Кашинг. — Пятнадцать столетий назад человек побывал на Луне и на Марсе. Они не остановились бы на этом. Пошли дальше. Но это место не подходит. Должна быть взлетная и посадочная площадка. Нелепо строить посадочную площадку на вершине холма. Ведь такая база требует доставки огромного количества оборудования.

— Может быть, они нашли другой способ уходить к Звездам. Может, в конце концов это и есть то место.

Кашинг покачал головой:

— Не думаю.

— Но это очень важное место. Иначе зачем охранять его Деревьями? Зачем и эти стражники?

— Мы это узнаем. Постараемся узнать, — проговорил Кашинг.

Мэг вздрогнула.

— У меня странное чувство, — сказала она Тому. — Как будто мы не должны быть здесь. Как будто это не наше место. Я чувствую, как большие здания смотрят сверху на нас, спрашивая, кто мы и почему здесь. Когда я смотрю на них, я вся

покрываюсь гусиной кожей.

— Давай я это сделаю, — произнес голос.

Мэг подняла голову. Над ней склонилась Элин, протягивая руки к сковородке.

— Я сама могу поджарить, — возразила Мэг.

— Ты и так все время готовила еду. А я ничего не делала. Я тоже хочу внести свою долю.

— Ну, хорошо, — сказала Мэг. — Спасибо, милая. Я так устала.

Она выпрямилась, подошла к каменной скамье и села. Кашинг сел рядом.

— Что происходит? — спросил он. — Неужели она становится человеком?

— Не знаю, — ответила Мэг. — Но я рада. Устала до костей. Какое долгое и трудное путешествие! Но ни за что на свете я не отказалась бы от него. И я рада, что мы здесь, хотя мне и беспокойно.

— Беспокойство пройдет. Утром все будет по-другому.

Когда Элин позвала их ужинать, Эзра прервал свой разговор с розами и присоединился к ним. Он в раздумье покачал головой.

— Я не понял, что говорили мне розы. В них чувствуется глубокая древность. Они как будто хотели поставить меня на край вселенной, откуда я мог бы взглянуть на вечность и бесконечность;

они спросили меня, что я вижу, а я не мог им ответить. Здесь действуют какие-то мощные и недоступные разуму человека силы…

Он продолжал в том же духе весь вечер. Никто не прерывал его, не задавал вопросов. Кашинг обнаружил, что даже слушает.

Несколько часов спустя Кашинг проснулся. Остальные спали. В костре осталось несколько горячих углей. Энди, повесив голову, стоял немного в стороне.

Кашинг откинул одеяло и встал. Ночь была холодной, ветер над головой свистел при ярком блеске звезд. Луна зашла, но в свете звезд здания были видны.

Кашинг пошел к Городу, остановился и обвел взглядом его подобную утесу громаду. Обойдусь без тебя, сказал он Городу. Ты мне не нравишься. Я не тебя искал. Слишком большой, думал он. Может быть, именно так думали люди, нанося удар, уничтоживший технологию.

Ударив, они уничтожили образ жизни, бывший для них невыносимым, но не заменили его другим образом жизни, а оставили пустоту, вакуум, в котором невозможно существовать, вернувшись к прежнему существованию, к тому месту, откуда начинали, как человек, возвращающий-

ся к прошлому, чтобы отыскать возможности нового начала. Но они ничего не начали снова: они просто стояли на месте, возможно, первое время довольные тем, что можно лизать раны и перевести дыхание. Они перевели дыхание и залечили раны, но по-прежнему остались на месте, в течение столетий они не двигались. Может быть, боялись двигаться, боялись, что если они двинутся, то создадут другое чудовище, которое со временем снова придется уничтожить.

Впрочем, он знал, что строит догадки на шатких основаниях. Люди после Катастрофы ни о чем не думали. Избитые и израненные за годы прогресса, они просто жались к земле и боролись за выживание.

И это большое здание — а может, множество зданий, скрывающих друг друга, — что это такое, зачем оно здесь, в пустыне? Загадочное сооружение, возведенное по какой-то загадочной причине, охраняемое Деревьями и живыми камнями. И никакого ключа к этой загадке. Так же, как к тайне Деревьев и Камней, Попутчиков и Дрожащей Змеи.

Он медленно пошел по эспланаде к Городу. Прямо перед ним возвышались две большие башни, тяжелые и прямолинейные, без всяких

украшений. У подножия башен лежала густая тень. Там мог находиться вход. Подойдя поближе, он действительно увидел вход, к нему вела каменная лестница, и он был открыт.

Поднимаясь по лестнице, Кашинг увидел в глубине вспышку света. Он замер, затаив дыхание, но вспышка не повторилась.

Входной проем оказался больше, чем он думал, шириной больше двадцати футов и высотой в сорок. Он вел во тьму. Дойдя до порога, Кашинг постоял в нерешительности, затем пошел вперед, ощупывая дорогу.

Через несколько футов он остановился, чтобы дать глазам привыкнуть, но это оказалось бессмысленным, настолько глубокой была тьма. Единственное, что он смог различить, это какое-то сгущение тьмы — нечто крупное, стоявшее вдоль стен коридора, по которому он шел.

Но вот впереди блеснул свет, еще раз, и еще много раз — много странных вспышек, скорее искр; подавив мгновенную панику, он понял, что это такое — сотни дрожащих змей, танцующих во тьме помещения, куда вел коридор.

Чувствуя, что сердце его готово выскочить из груди, он направился вперед. Стоя в конце коридора, он мог видеть помещение, огромный зал

с массивным столом в центре; помещение озарялось вспышками змей; у стола стояла фигура, похожая на человеческую.

Кашинг попытался заговорить, но звуки замерли у него в горле; он не мог вспомнить ни одного слова.

Кто-то мягко коснулся его руки, зазвучал голос Элин.

— Мы стоим на краю вечности, — говорила она. — Один шаг — и вечность откроется нам. Ты чувствуешь это?

Кашинг покачал головой. Он не чувствовал ничего, кроме ужасной оцепенелости; он сомневался, сумеет ли сделать хоть один шаг.

С усилием он слегка повернул голову и увидел Элин, стройную, в изодранном, некогда белом платье. В блеске змей пустота ее лица была особенно страшной; впрочем, онемелость мешала ему испытывать страх, и он смотрел в ее лицо, не испытывая эмоций и просто отмечая, насколько оно ужасно.

Голос ее, однако, звучал ясно и четко. Он не дрожал, в нем не было чувств, когда она говорила:

— По словам деда, растения сообщили ему, что здесь находится вечность. Она рядом. Странное время, без времени и пространства. Всепоглоща-

ющая бесконечность, у которой никогда не было начала и не будет конца. В ней все, что было, есть и будет. — Она всхлипнула, и Кашинг почувствовал, как ее пальцы впиваются ему в руку. — Все не так. Это лишь поверхность. Это место… нет, не место… — Она обмякла и, если бы Кашинг не подхватил ее, упала бы.

Фигура за столом не двигалась. Кашинг смотрел на нее, а она смотрела на него сверкающими глазами, в которых отражался блеск змей. Держа Элин на руках, Кашинг повернулся и пошел к выходу. Он чувствовал спиной взгляд фигуры, но не оборачивался.

Спотыкаясь, миновал коридор, добрался до внешней двери и оказался на ступенях эспланады. Здесь он остановился и опустил Элин. Она стояла, цепляясь за него. В бледном зареве рассвета он увидел ее потрясенное лицо.

Послышался топот копыт. Повернув голову, Кашинг увидел Энди. Тот, задрав хвост, большими прыжками несся вверх, пританцовывал на каменных ступенях. На мгновение казалось, что он один; затем Кашинг увидел остальных — за ним, как стая волков, неслась стая теней, кружа вокруг него, прыгая, проскакивая под его животом, перепрыгивая и увертываясь от него.

Так могла бы играть, визжа от восторга и ужаса, стая щенят.

Элин отцепилась от Кашинга и побежала к лагерю. Кашинг побрел за ней. Мэг поднялась с места, подхватила бегущую Элин.

— Что с ней, сынок? — спросила старуха, когда он подошел. — Что ты с ней сделал?

— Ничего. Она просто увидела реальность. Мы были в Городе, и она несла свою обычную чепуху о вечности, а потом…

— Вы были в Городе?

— Да, конечно. Дверь была открыта.

Элин приняла свою обычную позу, поджав ноги, сложив руки на коленях, склонив голову. Эзра, выбравшись из-под одеяла, подошел к ней.

— Что вы там нашли? — спросила Мэг. — И что стряслось с Энди?

— Он пляшет с Попутчиками, — ответил Кашинг. — Не беспокойся о нем.

— А Ролло? Где Ролло?

— Будь я проклят, если знаю. Его никогда нет, когда он нужен. Бродит где-нибудь.

В воздухе над их головами неподвижно повис цилиндр.

— Уходи, — сказал Кашинг, — нам не нужны рассказы.

— Я ничего не рассказываю, — сказал цилиндр. — У меня есть для вас информация… Послание от Д. и П.

— Д.и П.?.

— Древнего и Почтенного. Он велел передать, что город для вас закрыт. Он говорит, что у нас нет времени для зевак.

— Прекрасно, — сказал Кашинг. — Мы не зеваки, но с радостью уйдем отсюда.

— Это вам не позволено. Если вы уйдете, то разнесете с собой глупые рассказы, а мы этого не хотим.

— Итак, нам не позволено уходить, и Город закрыт для нас. Что же нам делать? — спросил Кашинг.

— Что хотите, — ответил цилиндр. — Нас это не касается.

Глава 21

Три дня спустя они поняли, что цилиндр говорил правду. Мэг и Кашинг обошли весь Город, пытаясь проникнуть в него. Не смогли. Двери были. Множество дверей, но все закрытые.

Окна — их было немного — не ниже второго или третьего этажа. К некоторым окнам они смогли пробраться, но те оказались закрыты чем-то непрозрачным. И разбить эту преграду было невозможно. Вентиляционные отверстия были размещены в них так, что к ним невозможно было приблизиться.

Город оказался много больше, чем они думали. Он представлял собой единое здание со множеством флигелей, выстроенное по очень сложной схеме. Высота этих флигелей разнилась от пяти-шести до двадцати и более этажей. Все сооружение было окружено каменной эспланадой.

За одним исключением, они никого не видели. На второй день, вскоре после полудня, им встретился Отряд, очевидно, ожидающий, когда они обогнут один из многочисленных флигелей.

Мэг и Кашинг удивленно остановились, в то же время они были рады встрече с кем-то, с кем мож-

но общаться. Две большие сферы покатились им настрочу. Достигнув каменной скамьи, они остановились и стали ждать, пока подойдут люди.

N1 загремел барабанным голосом:

— Пожалуйста, садитесь и отдыхайте. Мы заметили, что таков ваш обычай. Так нам легче будет общаться.

— Мы думали, что с вами что-то случилось, — заметила Мэг. — Вы так поспешно покинули нас в тот раз.

— Нас обеспокоил вопрос, который вы задали, — пояснил *N2*.

— Кто приходит после человека?

— Да, — согласился *N1*, — и даже не сама концепция, сколько то, что существует раса, способная поставить перед собой такой вопрос. И это находится в странном противоречии с верой Д. и П. в то, что ваша раса оправится от катастрофы и достигнет еще больших высот. Кстати, вы не встречались с Д. и П.?

— Нет, — ответил Кашинг.

— Вернемся к вашему вопросу. Как вы к нему пришли? Сказать, что со временем одна форма жизни сменится другой, логично, но для какого-то определенного вида прийти к мысли, что он будет заменен другим, очень сложно и вряд ли

возможно.

— Ответ очень прост, — сказал Кашинг. — Такое рассуждение подсказано здравым смыслом и вполне согласуется с эволюционной механикой. Формы жизни поднимаются к господству благодаря определенным факторам, способствующим выживанию. На нашей планете было много господствующих рас. Человек поднялся к господству благодаря разуму, но геологическая история свидетельствует, что он не будет доминировать вечно. И как только это становится ясным, возникает вопрос, кто придет после него. Что обладает большей жизненной силой, чем разум? И хотя мы не можем ответить, мы знаем, что нечто такое существует. В сущности может оказаться, что разум не так уж и способствует выживанию.

— И вы не протестуете? — спросил *N2*. — И не бьете себя в грудь от гнева? Не рвете на себе волосы? Не впадаете в панику при мысли о том, что настанет день, когда никого из вас не будет, что во всей вселенной некому будет помнить о вас и вас оплакивать?

— Конечно, нет.

— Вы так владеете собой, что можете даже рассуждать о том, кто вас сменит?...

— Было бы забавно знать это, — сказала Мэг.

— Не понимаем, — сказал *N1*. — О какой же забаве вы говорите? Что значит «забавно»?

— Бедняги, — воскликнула Мэг, — вы даже не знаете, что такое забава?

— В общем мы уловили концепцию веселья, хотя, возможно, и поверхностно, — ответил *N2*. — Ранее мы ни с чем подобным не встречались. Нам трудно представить себе, как человек может испытывать удовлетворение, думая о собственном уничтожении.

— Ну, пока мы еще не уничтожены, — сказал Кашинг. — У нас еще есть время.

— Но вы ничего не предпринимаете.

— Пока нет. Но не скажете ли вы, каков ответ, ваш ответ, на наш вопрос? Что приходит после нас?

— На этот вопрос мы не можем ответить, — сказал *N1*, — хотя со вчерашнего дня все время о нем думаем. Д.и П. утверждает, что жизнь расы будет продолжаться. Но мы считаем, что Д. и П. ошибается. Мы видели на других планетах гибель доминирующих рас. Но после них ничего не было. Это конец.

— Может быть, вы не оставались там достаточно долго, — сказал Кашинг. — Может понадобиться немало времени, чтобы новая форма жизни

заполнила вакуум.

— Этого мы не знаем, — сказал *N2*. — Нас это не интересовало, мы не задумывались об этом. Этот вопрос выпадал из наших исследований. Понимаете, мы изучали технологические цивилизации в их кризисном состоянии. На многих планетах мы находили классические образцы. Технология развивается до определенного уровня, затем уничтожает и себя, и расу, ее создавшую. Мы уже собирались возвращаться к себе и писать отчет, как встретились с вашей планетой, и в нас зародилось сомнение…

— В нас зародилось сомнение, — подхватил *N1*, — из за уклончивости и упрямства Д. и П. Он отказывается признавать очевидное. Он упорно верит, что ваша раса снова поднимается, что она непобедима, что ее дух не признает поражений. Его постоянные ссылки на феникса, возрождающегося из пепла, не вполне нам понятны.

— Нам кажется, — продолжал *N2*, — что вы скорее получите ответ, и мы надеемся, что получив его, вы проявите дружелюбие и не скроете его от нас. Нам кажется, что ответ находится внутри Города. Как уроженцы этой планеты, вы скорее отыщите его.

— Отличная возможность, — сказал Кашинг. —

Мы не можем попасть в Город и не можем уйти отсюда. Это нам запретил Д. и П.

— Вы ведь сказали, что не встречались с Д. и П.

— Так и есть. Он послал нам сообщение с одним из цилиндров.

— Очень похоже на Д. и П., — сказал *N1*. — Он мудрый старый джентльмен, но временами бывает раздражителен.

— Джентльмен? Но разве он человек?

— Конечно, нет, — сказал *N2*. — Мы вам об этом говорили. Он робот. Вы должны знать о роботах. В вашем отряде есть один.

— Погодите, — сказал Кашинг. — Там что-то стояло у стола. Похоже на человека и в то же время не человек. Должно быть, робот. Это, наверное, и был Д. и П.?

— Вы говорили с ним?

— Нет. Там было слишком много другого.

— Нужно было заговорить с ним.

— Ну, сейчас слишком поздно. Д.и П. в Городе; и мы не можем попасть к нему.

— Не только Д. и П., — сказал *N1*. — За этими стенами скрывается кое-что еще. Мы не знаем точно об этом. Лишь догадываемся… Воспринимаем его.

— Значит, вы его чувствуете?

— Верно, — сказал *N1*. — Наши чувства несопоставимы с вашими, но это можно назвать и так.

К концу дня Кашинг и Мэг вернулись в лагерь. Навстречу им вприпрыжку выбежал Энди. Остальных не было видно. Эзра и Элин отправились к подножию холма поговорить с Деревьями, а Ролло просто бродил где-то.

— Теперь мы знаем, сынок, — сказала старая Мэг. — Д. и П. выразился точно. Город закрыт для нас.

— Все из-за Элин. Она болтала о вечности.

— Ты слишком резок с ней. Может быть, она слегка и тронутая, но она обладает силой. Я уверена в этом. Она живет в другом мире, на другом уровне. Она видит и слышит то, чего не воспринимаем мы. Впрочем, что сейчас говорить об этом? Что мы будем делать, если не сумеем уйти отсюда?

— Я не собираюсь сдаваться, — ответил Кашинг. — Если мы захотим уйти, то найдем путь.

— А что случилось с Местом, которое мы ищем? Как мы могли так ошибиться?

— Мы ошиблись, потому что шли вслепую, — сказал Кашинг. — Хватались за всякий слух, верили во все лагерные рассказы, которые слышал Ролло. Это моя ошибка. Я слишком торопился.

Слишком легко верил в услышанное.

Вскоре после наступления тьмы явился Ролло. Сев рядом с остальными, он уставился в костер.

— Я мало что отыскал, — сказал он. — К западу отсюда находится карьер, откуда и брали камень для Города. Старая дорога ведет на юго-запад. Она проложена до того, как выросли деревья. Теперь она перекрыта деревьями. Я пытался пройти, но прохода нет. Я пробовал в нескольких местах. Деревья стоят стеной. Может быть, сотня людей с топорами смогла бы пробиться, но у нас нет ни людей, ни топоров.

— Даже с топорами, — сказала Мэг. — Вряд ли…

— Собираются племена, — продолжал Ролло. — Равнина к востоку и югу просто черна от них, и все время подходят новые. Должно быть, новость распространяется быстро.

— Я не понимаю, почему они собираются, — сказал Кашинг. — Конечно, были стражники, но я считал их небольшими группами заблуждающихся фанатиков.

— Не так уж и заблуждающихся, — сказала Мэг. — Нельзя столетиями нести стражу, основываясь лишь на заблуждении.

— Ты считаешь это место важным? Настолько

важным?

— Так должно быть, — сказала Мэг. — Оно слишком велико. Слишком много времени и труда затрачено на его сооружение. И оно по-прежнему хорошо защищено. Люди, даже в старые машинные времена, не стали бы тратить столько времени и сил…

— Да, я знаю, — сказал Кашинг. — Сам удивляюсь. Зачем оно здесь? Если бы только мы смогли понять это…

— Появление племен показывает, что это место более важно, чем мы думали, — сказал Ролло. — Здесь не только одни стражники. Их поддерживали племена. Должно быть, существует легенда…

— Если так, то это хорошо скрытая легенда, — сказала Мэг. — Я никогда не слышала о ней. Я уверена, что городские племена ничего о ней не знают.

— Самые важные легенды должны тщательно скрываться, — сказал Кашинг.

— Они настолько священны, что о них, может быть, и не говорят вслух.

На следующий день Ролло пошел с ними в очередной обход Города. Они не нашли ничего нового. Стены стояли прямо и недостижимо.

Никаких признаков жизни.

Позже вернулись в лагерь Эзра и Элин. Они очень устали, ноги у них были сбиты.

— Садитесь и отдохните, — сказала Мэг. — Ложитесь, если хотите. Вот вода. Я сейчас поджарю мяса. Поспите немного перед едой.

Эзра хрипло сказал:

— Деревья не пустили нас. Не слушали никаких заговоров. И не объясняли, почему. Но о других вещах они говорили. Они говорили о наследственных воспоминаниях. О другой планете в другой солнечной системе, где-то очень далеко отсюда. Они назвали и эту планету, но это очень трудное название, со множеством согласных, я не запомнил его и не хотел переспрашивать. Мне это казалось неважным… Какая нам польза, если мы будем даже знать название? Они либо забыли, как попали сюда, либо не хотели говорить. Впрочем, может, они и сами не знают. Я не уверен, что они видели эту планету. Я думаю, они говорили о наследственной памяти. Расовые воспоминания, передаваемые от одного поколения к другому.

— Ты уверен в этом? — спросил Кашинг. — И они сказали, что пришли с другой планеты?

— Уверен, — ответил Эзра. — Это несомненно. Они говорили о планете, как человек, заброшен-

ный куда-нибудь, говорил бы о стране своего детства. Они показывали мне эту планету. Картина очень смутная, но основное разобрать можно. Я думаю, что это идеализированная картина. Розовый мир — знаете, такой тонкий розовый цвет яблоневых лепестков ранней весной на фоне голубого неба. Не цвет этого мира был розовым, а чувство. Я знаю, что не очень понятно выражаюсь, но так и было. Радостный мир, не счастливый, а радостный.

— Неужели люди, улетавшие к звездам, попали в этот розовый мир и привезли оттуда семена деревьев? — спросил Кашинг.

— А Попутчики и Дрожащие Змеи? Живые камни? Все это не может принадлежать нашему миру, — сказала Мэг.

— Если это верно, — подхватил Ролло, — то, может, это все-таки и есть Место, откуда уходили к Звездам?

Кашинг покачал головой.

— Здесь нет посадочных площадок. Мы их нашли бы, если бы они были. И очень далеко от источников снабжения. С экономической точки зрения нелогично.

— Возможно, в определенных условиях отсутствие логики имеет смысл, — сказал Ролло.

— Но не в технологическом мире, — сказал Кашинг, — не в таком мире, который посылает людей к звездам.

Вечером, когда Эзра и Элин уснули, Ролло ушел бродить, Энди отправился плясать с Попутчиками, Кашинг сказал Мэг:

— Меня беспокоит то, что сказал Отряд… Там есть что-то еще. Что-то скрытое. Мы должны его найти.

Мэг кивнула:

— Наверное, тут многое можно найти, сынок. Но как? Ты что-нибудь придумал?

— Ты почувствовала живой камень, — сказал Кашинг. — Ты чувствуешь Попутчиков. Ты сказала, что они — конгломерат множества людей, всех, кого они встречали. Ты почувствовала, что мозг робота жив. И многое другое. Ты почувствовала меня, когда я спал в зарослях сирени.

— Я тебе много раз говорила, что я не настоящая ведьма. Я всего лишь старуха, которая использовала свои слабые возможности, чтобы спастись и прокормиться. Вот Элин…

— Не Элин. У нее совсем другие способности. Она видит сразу всю картину. Ты же различаешь и подробности.

— Ты спятил, — сказала Мэг.

— Ты попробуешь, Мэг?

— Напрасная трата времени.

— Мы должны решить эту задачу. Должны знать, что происходит. Если не хотим остаться тут навсегда.

— Ладно. Завтра. Только чтобы показать, что ты ошибаешься. Если у тебя есть лишнее время.

— У меня оно есть, — сказал Кашинг. — Мне больше нечего делать.

Глава 22

Она не хотела делать это, но говорила себе, что должна попытаться. И в то же время она пыталась и боялась убедиться в собственном бессилии.

— Надеюсь, ты будешь доволен, — сказала она Кашингу.

Раннее утреннее солнце освещало большую металлическую дверь, украшенную символическими изображениями, которые ничего не говорили ей. Угрожающе возвышались по обе стороны каменные башни. Стоя на ступеньках перед дверью. Мэг почувствовала, как хмуро смотрит на нее все сооружение.

Отряд сказал, что за дверью, где-то в Городе, скрывается нечто, но он и сам не знал, что это. И вот ей предстояло это узнать. Она знала, что это невозможно, не стоит и пытаться, но сынок верит в нее, и она не может ему отказать. Она знала, что остальные не верят. Взглянув на Элин, она подумала, что уловила в глазах женщины странный блеск — словно та забавлялась… Хотя, бог знает, что скрывается в пустых глазах Элин.

Мэг опустилась на колени и устроилась с удобствами. Она попыталась мысленно проникнуть

в Город, вначале слегка, потом настойчивее. Щупальца ее мозга двинулись вперед, ощупывая, пробуя, ища, как будто отыскивая щели в стене.

Она ощутила жесткость камня, полированную твердость металла, и вот она проникла в пустоту за ними. И там что-то было.

Щупальца отпрянули, коснувшись неизвестного предмета — или предметов — она никогда не встречала такого и никто не встречал. Не предмет, сказала она себе, а множество различных… она не могла подобрать слово. Они были не живые, хотя, несомненно, они были сущностью чего-то. Она ощутила цепенящий страх, дрожь, отвращение, как будто там были пауки, миллиарды копошащихся пауков с радужными изуродованными телами, с лапами, покрытыми дрожащими черными волосами. Крик застрял в ее горле, но она подавила его. Они не могут мне повредить, сказала она себе, они не доберутся до меня; они внутри, а я снаружи.

Мозг ее снова двинулся вперед, она оказалась среди них; и тут она поняла, что это не пауки, в них нет вреда, потому что они не живые. Но, хотя в них и не было жизни, в них было заключено значение. Бессмыслица. Как может что-то безжизненное содержать значение? Она была

окружена их значениями, маленькими безжизненными значениями, которые смутно шептали ей что-то, пробирались вперед, прижимались к ней и ждали ее внимания. Она ощущала биение бесчисленных крошечных сгустков энергии, и в мозгу ее мгновенно вспыхивали картины и в тот же момент гасли — множество изображений, как рой мошек, летящих в столбе солнечного света; их самих не было видно, но о них знаешь по отражению света от их дрожащих крылышек.

Она попыталась сконцентрироваться, сфокусировать свои умственные щупальца на одном из маленьких танцующих изображений, удержать его настолько, чтобы понять, что это такое. Как будто издалека, как будто происходило с другим человеком, она чувствовала, как пот струится по ее лицу. И крепче закрыла глаза, чтобы картина в ее мозгу стала четче.

Изображение прояснилось, но они по-прежнему дрожали и прыгали, по-прежнему шел блеск от дрожащих крыльев, смазывая туманные смутные картины. Бесполезно, подумала она; она попыталась продвинуться еще дальше, насколько хватало сил, но была отброшена. Что-то было внутри, что-то необычное, но она не смогла разглядеть его.

Она упала вперед, повернулась на бок, все еще оставаясь в позе эмбриона. Открыла глаза и сквозь пелену увидела склонившегося над ней Кашинга.

Мэг прошептала:

— Я в порядке, сынок. Там что-то есть, но я не смогла ухватить его.

Он приподнял ее:

— Хорошо, Мэг. Ты сделала, что могла.

— Если бы у меня был мой хрустальный шар, — шептала она.

— Хрустальный шар?

— Да. Я оставила его дома. Никогда не верила в него.

— Ты думаешь, он помог бы тебе?

— Может быть. Он помогал мне сосредоточиться.

Остальные стояли вокруг, следя за ними. Энди подошел поближе, вытянул шею и фыркнул. Мэг похлопала его по носу.

— Он всегда беспокоится обо мне, — сказала она. — Думает, что его работа — заботиться обо мне. — Оттолкнувшись от Кашинга, она села. — Дай мне немного времени. Я попробую еще раз.

— Не нужно.

— Попробую. Отряд был прав. Там что-то есть.

Большие каменные стены возвышались на фоне безоблачного неба — прочные, насмешливые, враждебные. Высоко в небе неподвижно висела большая птица, казавшаяся точкой.

— Жуки, — сказала она. — Миллионы маленьких жуков. Копошатся. Жужжат. Как муравьи или как пауки, как мошки. Все время движутся. Приводят в замешательство.

Элин произнесла своим резким холодным голосом:

— Я могу помочь.

— Дорогая, держись подальше от этого, — заметила Мэг. — Мне хватает своих неприятностей.

Она снова встала на колени, приняв прежнюю позу.

— Последний раз, — сказала она. — Самый последний. Если не получится на этот раз, значит, конец.

На этот раз было легче. Не нужно было проходить сквозь камень и металл. Она немедленно оказалась среди пауков и мошек. На этот раз мошки образовывали символы, она их видела, но неясно и не понимая, хотя ей казалось, что понимание уже совсем рядом. Если бы только подойти ближе, если бы как-то замедлить танец этих мошек, остановить спешку пауков, она

смогла бы понять. В них должна быть цель и должна быть причина суеты. Должен быть смысл в том рисунке, что они плетут. Она постаралась приблизиться, и на мгновение безумный танец замедлился, и она ощутила счастье, такое глубокое и чистое, что оно было как физический шок. Сладость этого счастья поглотила ее. Но даже в этот момент она знала, что здесь что-то неладно, во всем этом есть что-то аморальное, незаконное — нельзя испытывать такое счастье. И в тот же момент она поняла, что неверно. Она инстинктивно поняла, что это искусственное счастье, синтетическое счастье; ее движущийся ощупью мозг уловил сложную систему символов, объясняющих это счастье. Все это промелькнуло в такое короткое время, что его невозможно было измерить; затем счастье исчезло, и хотя оно было синтетическим, все вокруг стало мрачным, холодным, пустым, хотя пространство по-прежнему было населено миллиардом миллиардов насекомых, которые не были настоящими насекомыми; просто ее человеческий мозг воспринимал их как насекомых. Со стоном она искала утраченное счастье, фальшивое, но необходимое. Но она ничего не могла найти в окружающей ее тусклости. С жалобным стоном она потянулась за счастьем,

но оно ускользнуло.

Издалека, из другого мира послышался голос, который она когда-то знала, но теперь не могла узнать.

— Вот, Мэг, твой хрустальный шар.

Она ощутила жесткость и округлость шара в своих руках; слегка открыв глаза, она увидела его полированную яркость, отражающую лучи утреннего солнца.

Другой разум ворвался в ее мозг — холодный, резкий, острый, темный разум, кричащий в торжестве и ликовании, как будто произошло то, чего он давно ждал; в то же время разум этот как бы откатывался в ужасе от реальности, которую не знал в течение столетий, которую совсем забыл, утратил всякую надежду найти ее.

Этот неожиданный разум устремился к ее мозгу, отчаянно цеплялся за нее в поисках безопасности, боясь остаться в одиночестве, снова окунуться во тьму и холод. И, цепляясь за ее мозг, этот новый разум тоже устремился в рой сверкающих крыльев и волосатых лап, и тут же крылья и лапы исчезли, пауки и мошки исчезли, и из общей неуверенности и смятения возник порядок, который ошеломлял не менее, чем пауки и мошки. Порядок этот потрясал, потому что был

недоступен пониманию.

Но вот значение его прояснилось, значение — догадка, значение — предположение, туманное и отрывочное, но прочное и реальное в этих отрывках и тумане. Мозг Мэг улавливал эти отрывки, как человек, слушающий разговор в столь быстром темпе, что воспринимает лишь одно слово из двадцати. Но за всеми этими отрывками она уловила общее — сумму знаний, которая охватывала всю вселенную, все вопросы, которые можно задать и на которые можно ответить.

Мозг ее отшатнулся от этой массы ответов, и она открыла глаза. Хрустальный шар выпал из ее рук, скатился по коленям и ударился о каменную мостовую. Она увидела что это не хрустальный шар, а кожух мозга робота, который Ролло носил в своей сумке. Она протянула руку коснулась кожуха, погладила его, ужасаясь тому, что сделала.

Разбудить его, дать понять, что он не один, пробудить надежду — какая жестокость! Разбудить на мгновение, потом снова погрузить во тьму и одиночество, коснуться на мгновение и затем уйти. Она подняла кожух и прижала к груди, как мать ребенка.

— Ты не один, — сказала она ему. — Я с тобой. — Она не знала, говорила ли она это вслух. И на

мгновение снова ощутила мозг, больше не холодный и одинокий, почувствовала вспыхнувшую дружбу и благодарность.

Открылась большая металлическая дверь. В ней стоял робот, больше и массивнее Ролло, но похожий на него.

— Меня зовут Древний и Почтенный. Не хотите ли войти? Мне нужно поговорить с вами.

Глава 23

Они сидели за столом в комнате, где Кашинг и Элин впервые встретили Д. и П., но в этот раз комната освещалась свечой, стоявшей на столе. Были и Дрожащие Змеи, но не так много, как в первый раз; они держались ближе к потолку.

Д.и П. громоздко сидел на стуле во главе стола, остальные вокруг стола. Мэг положила перед собой на стол кожух и держала его обеими руками. Снова и снова касалась она его своим мозгом, просто чтобы убедить, что она его не покинула. Энди стоял в двери, опустив голову. За ним в коридоре виднелись серые тени Попутчиков.

Д.и П. уселся поудобнее и долго смотрел на них, как бы оценивая, обсуждая про себя, не допустил ли он ошибку, пригласив их сюда.

Наконец он заговорил:

— Мне приятно приветствовать вас в Месте, откуда уходили к Звездам.

Кашинг хлопнул по столу ладонью.

— Кончай свои волшебные сказки! — воскликнул он. — Это не может быть Местом, откуда уходили к Звездам. Здесь нет посадочных площадок. В таком месте это невозможно.

— Мистер Кашинг, — вежливо сказал Д. и П. — Позвольте мне объяснить. Вы говорите, нет посадочных площадок. Конечно, нет. Вы когда-нибудь думали о полетах к Звездам? Как они далеки, какое время потребуется, чтобы достичь их?

— Я читал — ответил Кашинг. — Библиотека университета…

— Вы читали то, что было написано о полетах к Звездам за сотни лет до того, как эти полеты осуществились. Читали написанное тогда, когда человек добрался лишь до Луны и Марса.

— Верно, но…

— Вы читали о замораживании экипажа и о последующем оживлении его. Читали догадки о путешествии со скоростью быстрее скорости света. Читали о колониях людей на землеподобных планетах в других системах.

— Что-нибудь из этого должно было сбыться, — упрямо сказал Кашинг. — Человек со временем мог найти способ.

— Он нашел, — согласился Д. и П. — И люди отправились к ближайшим звездам. И нашли много интересного. Они привезли семена, из которых вырос пояс Деревьев. Привезли Попутчиков, живые камни и Дрожащих Змей. И все это

вы видели. Но этот способ путешествия оказался непрактичным. Слишком дорого и требуют слишком много времени. Нелогична сама посылка людей к звездам. Меняются перспективы, и с ними меняются цели. Начиная полеты к звездам, мы спросили себя, чего мы хотим добиться, и пришли к заключению, что сама высадка на планетах в других солнечных системах не слишком ценна. Конечно, слава и удовлетворение, и мы узнаем кое-что интересное, но уж слишком много времени это занимает. Если бы могли послать тысячи кораблей к разным звездам, то получали бы постоянный поток результатов. Пришлось бы подождать несколько сотен лет, и корабли начали бы возвращаться. Но мы не могли послать тысячи кораблей. Экономика не выдержала бы такого напряжения. Нужно было бы постоянно строить и отправлять эти корабли. Мы знали, что для этого у нас нет ни достаточных ресурсов, ни времени, потому что социологи предупредили нас о Катастрофе. И мы спросили себя, чего мы в сущности ищем. И получили ответ — информацию.

Не живя в те годы, о которых я рассказываю, трудно представить себе, под каким давлением мы находились. Со временем вопрос о полете к

звездам превратился в вопрос о сборе знаний, которые могли бы предотвратить Катастрофу, предсказанную нашими социологами. Население не знало об этих предсказаниях. Много лет его бомбардировали предупреждениями сотен разных экспертов, и большинство этих предупреждений оказались неверными. В результате люди перестали обращать внимание на любые предупреждения.

Но небольшая группа ученых и инженеров — их было несколько тысяч — ясно видела эту опасность. Существовало несколько возможностей предотвратить катастрофу, но наиболее многообещающей казалась возможность использовать знания, полученные у других цивилизаций.

Мы думали, что так можно отыскать ответ, простой ответ, на который человечество просто не обратило внимания.

Он остановился и осмотрел сидящих за столом.

— Вы следите за моим рассказом?

— Да, — сказал Эзра. — Ты говоришь о древних временах, которые нам неизвестны.

— Они известны мистеру Кашингу. Мистер Кашинг читал об этих днях.

— Я не умею читать, — сказал Эзра. — И мало кто умеет. В моем племени никто.

— Меня удивляет поэтому, как научился читать мистер Кашинг, — сказал Д. и П. — Вы говорили об университете. Разве еще существуют университеты?

— Я знаю только об одном, — сказал Кашинг. — Но, может, есть и другие. В нашем университете человек по имени Уилсон несколько столетий назад написал историю Катастрофы. Но эта его история основана главным образом на легендах.

— Значит, вы представляете себе, что такое Катастрофа?

— Только в общих чертах, — ответил Кашинг.

— Но вы знали о Месте, откуда уходили к Звездам?

— Не из истории. Уилсон знал о нем, но не включил в «Историю». Вероятно, ему это показалось сказкой. Я нашел его записки, где он упоминает об этом Месте.

— И решили поискать его? Но, найдя его, вы не поверили. Нет посадочных площадок, говорите вы. Были здесь некогда и посадочные площадки, немного в стороне отсюда… Но потом мы спросили себя, нельзя ли отправлять роботов…

— Болтуны, — сказал Кашинг. — Вот оно что — межзвездные роботы-исследователи. Отряд счел их рассказчиками.

— Отряд — это пара зевак с какой-то отдаленной планеты, — заметил Д. и П. — Они собираются писать нечто вроде «Упадка и гибели технологических цивилизаций». Они тут очень многому удивлялись, а я не собирался ничего объяснять им. В сущности, я делал все, чтобы заинтриговать их. Если бы я им помог, они проторчали бы здесь не одну сотню лет. А мне это не нужно.

Роботы — вы их называете болтунами — обходятся гораздо дешевле звездных кораблей. Дорого стоили исследования, но как только был изготовлен образец, дальше все было просто и дешево. Роботы снабжены рецепторами и способны накапливать информацию. Мы сотнями строили и программировали их и отправляли к звездам. Через сто лет они начали возвращаться, набитые информацией. Некоторые из них не вернулись. Думаю, с ними мог произойти какой-нибудь несчастный случай. Однако к тому времени, как начали возвращаться первые роботы-исследователи, уже произошла катастрофа, и людей на этой станции не осталось. Я и несколько других роботов — это все. Теперь даже и этих роботов нет: одни попали в лавину, другие погибли от странной болезни — это очень удивляет меня, ведь мы не подвержены болезням. Некоторые

из-за своей неосторожности попали под сильное напряжение: хоть здесь горит свеча, у нас есть электричество. Мы его получаем от солнечных батарей на крыше. Свеча из-за отсутствия ламп. У нас кончился их запас, а пополнить его мы не можем. Во всяком случае из всех роботов остался я один.

Когда роботы-исследователи начали возвращаться, мы передавали их кодированную информацию в центральный банк, перепрограммировали их и отправляли снова. В последние несколько столетий я перестал посылать их снова. Казалось, в этом нет смысла. Наш банк информации заполнен почти до предела. Мне следовало бы дезактивировать исследователей и отправить их на склад, но я не сделал этого. Они так радовались жизни. Основная информация передавалась в банк, а в них оставалась остаточная информация, они принимали ее за псевдовоспоминания и рассказывали друг другу о своих великих приключениях. Некоторые из них вырвались в ночь вашего прибытия, и прежде чем я отозвал их, вы познакомились с образчиком их болтовни. То же они проделали и с Отрядом, но я не не останавливал их, потому что это давало Отряду занятие.

— Итак, сынок, — сказала Мэг Кашингу, — ты нашел свое Звездное Место. Не такое, как ты искал, но еще более великое.

— Я не понимаю, почему ты говоришь с нами, — обратился Кашинг к Д. и П. — Ты же сообщил нам — помнишь? — что это место для нас закрыто. Что заставило тебя изменить свои намерения?

— Вы должны понять, как тщательно нужно заботиться о безопасности этого места, — сказал Д. и П. — Начиная этот проект, мы искали изолированное место. Мы посадили пояс Деревьев, которые генетически запрограммированы противостоять вторжению, а снаружи разместили кольцо из живых камней. Деревья — пассивная защита, камни — активная, в случае необходимости. С течением времени камни рассеялись. Многие из них ушли. Деревья должны были держать их под контролем, но в некоторых случаях этого не получилось. Ко времени основания станции было ясно, что цивилизация движется к катастрофе, что означало не только необходимость сохранения станции в тайне, но и создание защиты. Мы надеялись, что катастрофа не произойдет еще по крайней мере в течение двухсот лет. К тому времени мы, возможно, нашли бы решение. Но у нас не оказалось времени. После

Катастрофы мы надолго затаили дыхание. К тому времени Деревья хорошо разрослись, но они, конечно, не выдержали бы атаки с применением огнеметов или артиллерии. Но отдаленное расположение плюс тайна спасли нас. Толпы во время Катастрофы были, вероятно, слишком заняты, даже если и знали о нас. Было много более легкой добычи.

— Но это не объясняет, что случилось с нашим отрядом, — сказал Кашинг. — Почему ты изменил свое намерение?

— Я должен еще кое-что объяснить вам, — продолжал Д. и П. — После смерти людей тут оставались только роботы, да и тех становилось все меньше и меньше. У нас было не очень много работы. Системы станции устроены настолько надежно, что не могут выйти из строя. Но одна из систем по непонятной причине все же испортилась. Это система возврата информации…

— Система возврата информации?

— Часть установки, которая выдает информацию. Накоплены горы данных, но их невозможно получить. Я пытался что-то предпринять. Но вы должны понять, что я не техник. Меня готовили к административной работе. Ситуация такова: есть информация, но получить ее невозможно.

Когда появились вы, и Деревья сообщили мне, что среди вас есть чувствительные, у меня возникла надежда. Я велел Деревьям пропустить вас. Я надеялся, что чувствительные смогут проникнуть к информации. И меня поразило, что самый чувствующий среди вас вовсе не интересуется этой информацией и считает ее не заслуживающей внимания.

— Ты говоришь, что Деревья сообщили тебе, — спросил Кашинг. — Может, ты сам чувствующий?

— Технологическая чувствительность, — ответил Д. и П. — Я настроен на Деревья, но ни на что больше. Чувствительность, конечно, но очень ограниченная и избирательная.

— И ты решил, что чувствующий человек сможет пробиться к информации? Когда Элин не сделала этого…

— Я подумал, что все это напрасная трата времени, но теперь я так не думаю. Ее чувствительность проникает слишком далеко, она слишком настроена на вселенские факторы и поэтому бесполезна нам. Проникнув в банк информации, она была потрясена хаосом. Да, я должен признать, что там царит хаос — миллиарды наблюдений безо всякого порядка. Но утром пришла другая из вас.

Вы ее зовете Мэг. Она углубилась в информацию. Не получила ничего, но она узнала о ней…

— Только после того, как мне дали головной кожух робота, — сказала Мэг. — Именно он сделал это возможным.

— Я дал ей кожух вместо хрустального шара, — сказал Ролло. — Просто сверкающий предмет, который помогает сосредоточиться.

— Ролло, — сказала Мэг. — Пожалуйста, прости меня, Ролло. Я надеялась, что ты никогда не узнаешь. Сынок и я знали, но не говорили тебе.

— Вы хотите сказать, — вмешался Д. и П., — что мозг робота все еще живет в кожухе и что когда тело робота дезактивируется или уничтожается, мозг его продолжает жить…

— Не может быть! — напряженным голосом воскликнул Ролло. — Он не может ни слышать, ни видеть. Он закрыт внутри…

— Верно, — сказала Мэг.

— Тысячу лет. Больше тысячи лет.

Кашинг сказал:

— Ролло, нам всем жаль. В тот вечер, когда ты впервые показал кожух робота Мэг, — помнишь? — она почувствовала, что мозг жив. Рассказала мне, и мы согласились, что тебе не следует знать об этом. Видишь ли, мы ничего не

можем сделать.

— Их миллионы, — сказал Ролло. — Лежащие в таких местах, где их никогда не найдут. Собранные в пирамидах племен. Детские игрушки, которые катают по земле…

— Будучи роботом, я сожалею вместе с вами, — сказал Д. и П. — Я тоже потрясен. Но я согласен с этим джентльменом, что мы ничего не можем сделать.

— Мы можем дать им новые тела, — сказал Ролло. — Можем хоть вернуть им зрение и слух. И голос.

— Кто сделает это? — горько спросил Кашинг. — Кузнец в кузне земледельческого племени? Жестянщик, который готовит наконечники?

— И все же, — сказал Д. и П., - этот мозг, изолированный все эти годы, сумел ответить, когда его коснулся человеческий разум. Ответить и помочь.

— Я видела пауков и мошек, — сказала Мэг, — но они ничего для меня не значили. Когда мы стали работать в паре с сознанием робота, то они стали чем-то иным — рисунком, в котором кроется значение, хотя я его не поняла.

— Я думаю, — сказал Д. и П., — что здесь кроется надежда. Вы достигли банка информации; вы по-

чувствовали наблюдения; вы смогли превратить их в видимые формы.

— Не вижу, чем это поможет нам, — сказал Кашинг. — Видимые формы бессмысленны, если их нельзя интерпретировать.

— Это лишь начало, — возразил Д. и П. — Во второй раз, в третий, в сотый раз значение может стать ясным. Если бы у нас была сотня чувствующих, чтобы каждый был связан с мозгом робота…

— Прекрасно, — сказал Кашинг, — но откуда мы знаем, что это подействует? Если бы мы смогли восстановить систему возврата информации…

— Я использую ваши же слова, — сказал Д. и П. — Кто это сделает? Кузнец или жестянщик? И даже если мы восстановим эту систему, откуда мы знаем, что сумеем прочесть данные и интерпретировать их? Мне кажется, что вариант с чувствующими дает лучшую возможность…

— Со временем, — сказал Кашинг, — мы могли бы найти людей, которые нашли бы способ починки. Если бы были схемы и диаграммы…

— Здесь есть схемы и диаграммы. Я размышлял над этим, над схемами, но для меня они не имеют значения. Вы говорите, что умеете читать?

Кашинг кивнул:

— В университете есть библиотека. Но от нее мало проку. Она подверглась чистке и сохранила лишь написанное за несколько столетий до Катастрофы.

— Здесь есть библиотека, которая избежала этой участи, — сказал Д. и П. — Здесь достаточно материала для обучения людей, которые восстановили бы систему.

Заговорил Эзра:

— Я пытаюсь следить за обсуждением, но получается с трудом. Как будто есть две возможности: восстановить систему или использовать чувствующих. Я сам чувствующий, как и моя внучка, но боюсь, мы не сможем помочь. У нас специализированная чувствительность. Внучка стремится к обобщениям, а я настроен только на растения. Боюсь, что то же самое будет и с другими чувствующими. Вероятно, их много разновидностей.

— Верно, — сказал Кашинг. — Уилсон посвятил главу своей «Истории» росту чувствительности после катастрофы. Он считал, что технология сдерживала развитие чувствительности. После падения технологии число чувствующих увеличилось.

— Возможно, это и так, — сказал Эзра, — но среди них найдется мало таких, которые смогут

сделать то же что и Мэг.

— Мы забыли о мозге робота, — сказала Мэг. — Я думаю, дело не в моей чувствительности, а в нем. Я просто направляла его мозг, давая ему возможность проникнуть в банк информации и увидеть то, что там находится.

— Эта тема печальна для меня, — сказал Ролло, — но думаю, что Мэг права. Не люди — чувствующие, а мозг робота даст нам ответ. Мозги много столетий были замкнуты в себе. В одиночестве они продолжали функционировать. Поскольку внешних стимулов не было, они обратились внутрь. Они продолжали мыслить. Совершенствовали эту свою способность. Ставили перед собой проблемы и пытались их разрешить. Они развили свою особую логику. У них обострился интеллект.

— Согласен, — сказал Эзра. — Для меня это имеет смысл. Нам нужны чувствующие, которые могли бы работать с мозгами роботов, служить их интерпретаторами.

— Ладно, — сказал Кашинг. — Нам нужны мозги и чувствующие. Но я думаю, нужно подыскивать и людей, которые смогли бы восстановить систему. Ты говоришь, здесь есть библиотека?

— Только специальная и научная техническая

литература. Но нужны люди, которые умеют читать.

— В университете их сотни, — сказал Кашинг.

— Вы думаете, мы должны подойти к проблеме с двух сторон?

— Да, — сказал Кашинг.

— И я считаю так же, — сказал Эзра.

— И что же мы получим, если нам повезет с этим? — спросил Кашинг. — Базис, для новой человеческой цивилизации? Способ поднятия из варварства и вступления на прежний путь технологии? Ведь если мы восстановим систему выдачи информации, а план с чувствующими не удастся, мы вынуждены будем вернуться к технологии, а мне это не нравится.

— Неизвестно, что мы обнаружим, — сказал Д. и П. — Но мы должны пытаться. Нельзя стоять на месте.

— У тебя должна быть хоть какая-то идея, — настаивал Кашинг. — Ты говорил с вернувшимися исследователями перед тем, как передать их информацию в банк.

— Я говорил с большинством из них, но мои знания поверхностны. Только слабое указание на то, что мы можем найти. Многое не имеет значения. Роботы-исследователи были запрограммиро-

ваны на посещение только таких планет, где может возникнуть жизнь. Если их рецепторы не обнаруживают признаков жизни, они не тратят времени. Но даже на тех планетах, где возникла жизнь, не всегда есть разум или аналог разума. Впрочем, это не значит, что на таких планетах нельзя найти что-либо достойное.

— Но на некоторых планетах есть разум?

— Да. И на очень многих. Обычно это странный разум. В некоторых случаях — пугающий. Например, в пятистах световых годах от нас находится то, что можно бы назвать галактическим штабом. Впрочем, это чисто человеческое и потому неверное восприятие. В другом месте, несколько ближе к нам, живет настолько развитая раса, что человечество восприняло бы ее как бога. Я думаю, она особенно опасна человечеству — вы склонны верить в богов.

— Но ты считаешь, что мы могли бы найти факторы, которые помогут человечеству восстать из праха.

— Я уверен в этом, — сказал Д. и П. — Как я вам сказал, у меня лишь поверхностное впечатление о том, что принесли исследователи. Да и то не обо всем. Но вот что я помню: машина счастья, метод, позволяющий производить счастье и удачу; ме-

сто смерти Великой Конфедерации инопланетян, которые отправлялись туда, чтобы закончить свои дни и, перед смертью, помещали весь свой умственный и эмоциональный багаж там, откуда он мог быть извлечен, если бы в этом когда-либо возникла необходимость; уравнение, которое мне непонятно, но в котором заключен способ путешествия быстрее света; разум, научившийся жить где угодно, а не только в материи мозга; математика, в которой много общего с мистикой и которая использует мистику. Может, мы ничего из этого не сумеем использовать. Но это лишь примеры. Там еще много другого, и я уверен, что многое будет нам полезно.

Впервые заговорила Элин:

— Мы стоим лишь на краю. И видим все несовершенно. Хватаемся за частички и не можем представить себе все. Есть такие великие понятия, которые нам еще недоступны. Мы не замечаем того, чего не можем понять.

Она говорила не с ними, а с собой. Ее ладони на столе, она смотрела сквозь стены в какой-то другой мир.

Она смотрела во Вселенную.

Глава 24

— Ты сошел с ума, — говорила Мэг Кашингу. — Если ты пойдешь к ним, они убьют тебя. Они разгневаны из-за того, что мы здесь…

— Они люди, — возразил Кашинг. — Варвары. Кочевники. Но люди. С ними можно говорить. Они разумны. Нам нужны кожухи мозгов, нам нужны чувствующие, нужны люди с технологическим чутьем. С врожденным технологическим чутьем. В старину были люди, которые могли взглянуть на машину и определить, как она работает; инстинктивно, с одного взгляда понять связь ее частей.

— В старину, но не теперь, — сказал Ролло. — Люди, о которых ты говоришь, жили в те времена, когда машины были обычным явлением. Они жили с машинами и среди машин. К тому же то, о чем мы говорим, не обычная примитивная машина с соединениями и движущимися частями. Это электронная система, а электроника давно забыта. Нужны специальные знания, годы обучения…

— Может, и так, — согласился Кашинг, — но у Д. и П. есть техническая библиотека; а в универ-

ситете немало людей, умеющих читать и писать и не утративших способности к обучению. Потребуется немало времени. Может, несколько поколений. Но со времен Катастрофы мы и так потеряли много времени. Можем позволить себе роскошь потерять еще чуток. Нам нужна избранная группа чувствующих, снабженных головными кожухами, и техники…

— Кожухи — ключ ко всему, — сказала Мэг. — В них наша надежда. Они единственные кто сохранил древнюю традицию логики. И с помощью чувствительных они смогут добраться до информации. Вероятно, только они смогут интерпретировать и понять эту информацию.

— Но должны быть и такие, кто сумеет записать результаты, — сказал Кашинг. — Мы должны все записывать. Без такой тщательной работы ничего не получится.

— Согласен, что мозг роботов — наша единственная надежда, — сказал Ролло. — Со времени Катастрофы человечество ни на йоту не продвинулось в технологическом смысле. Можно было ожидать, что среди всех этих стычек, грабежей и сумятицы кто-либо заново изобретет порох. Ничего подобного. Насколько мне известно, никто еще не додумался до этого. Говорю вам,

технология умерла. Оживить ее невозможно. Раса отвергла ее. Чувствующие и кожухи старых роботов — вот что нам нужно.

— Д.и П. сказал, что здесь есть кожухи, — вмешался Эзра. — Кожух мозгов погибших роботов.

— С полдюжины, — сказала Мэг. — А нам нужны сотни. Я думаю, они очень индивидуальны. Из сотни лишь один или два способны достичь информации.

— Хорошо, — сказал Кашинг. — Согласен. Нам нужна группа чувствующих; нужно много кожухов. Чтобы получить все это, нужно связаться с племенами. В каждом племени могут быть свои чувствующие; у всех есть пирамиды из кожухов. Некоторые из племен на равнине, сразу за Деревьями. Не нужно далеко идти. Я выйду утром.

— Не ты, — сказал Ролло. — Мы.

— Вы останетесь здесь, — возразил Кашинг роботу. — Увидев тебя, они набросятся и… унесут с собой твой кожух.

— Я не могу оставить тебя, — сказал Ролло. — Мы столько миль прошли вместе. И ты сражался вместе со мной с медведем. Мы друзья. Я не могу отпустить тебя одного.

— Нет, черт возьми! — воскликнул Кашинг. — Я пойду один. Вы все останетесь здесь… Для Рол-

ло идти слишком опасно. Для меня тоже есть некоторая опасность, но я сумею справиться. А остальными мы не можем рисковать. Вы чувствующие, а нам необходимы чувствующие.

— Ты забываешь, что ни я, ни Элин не из тех чувствующих, что нужны тебе, — сказал Эзра. — Я могу лишь говорить с растениями, а Элин…

— Откуда ты знаешь, что можешь говорить лишь с растениями? Ты ведь не пытался? Но даже если и так, ты можешь говорить с Деревьями, а нам важно иметь такую возможность. Что касается Элин, то ее способности могут понадобиться позже, когда мы овладеем информацией. Она может увидеть связи, которые не видим мы.

— Но здесь может быть и наше племя, — настаивал Эзра. — Это поможет нам.

— Ты сможешь поговорить со своим племенем позже.

— Сынок, ты сошел с ума, — сказала Мэг.

— Такое дело может свести с ума, — согласился Кашинг.

— А ты уверен, что Деревья пропустят тебя?

— Я поговорю с Д. и П. Он прикажет им.

Глава 25

Вблизи стало заметно, что кочевников в степи гораздо больше, чем он думал. Вигвамы, конические палатки, заимствованные у древних североамериканских племен, покрывали большое пространство, сверкая на утреннем солнце. Тут и там под бдительным присмотром паслись табуны лошадей. Виднелось множество дымных столбов.

Солнце безжалостно жгло прерию. Дышать было тяжело.

Кашинг стоял у Деревьев, стараясь успокоиться. Теперь, оказавшись в непосредственной близости от племен, он впервые осознал, что его действительно может ожидать опасность.

Накануне он говорил об этом, но одно дело рассуждать об опасности отвлеченно, другое — смотреть ей прямо в глаза.

Но ведь это же люди, сказал он себе. Им можно объяснить ситуацию, они будут слушать. Может, они и впали в варварство после Катастрофы, но за ними все же столетия цивилизации, а это не так легко уничтожить.

Он пошел, сначала торопливо, потом спокой-

нее. Лагерь не очень близко, придется пройти некоторое расстояние. Кашинг не оборачивался. Лишь на полпути к лагерю он остановился и бросил взгляд на холм. И тут он увидел, как что-то сверкнуло меж деревьев.

Проклятый дурак Ролло тащился за ним!

Кашинг махнул рукой и крикнул:

— Вернись назад!

Ролло остановился, потом снова двинулся вперед.

— Вернись! — орал Кашинг. — Убирайся!

Ролло остановился, подняв руку.

Кашинг сделал угрожающее движение.

Ролло медленно повернулся и пошел назад к Деревьям. Пройдя несколько шагов, он вновь остановился. Кашинг смотрел на него.

Тогда Ролло снова пошел, не оборачиваясь. Кашинг смотрел, как он исчезает среди Деревьев. На горизонте собралась темная туча. Буря, подумал Кашинг. Возможно. Воздух был тяжел, как перед грозой.

Убедившись, что Ролло не следует за ним, Кашинг снова двинулся к лагерю. Появились признаки жизни. Лаяли собаки. К нему направлялась небольшая группа всадников. На краю лагеря стая мальчишек подняла крик.

Кашинг не замедлил хода. Всадники приближались.

Вот они остановились, глядя на него. Он серьезно сказал:

— Доброе утро, джентльмены.

Они не ответили, глядя на него с каменными лицами. Группа разделилась, пропуская его, а когда он пошел, сомкнулась вокруг.

Он знал, что это плохо, но ничего не мог сделать. Он не должен выказывать испуга. Нужно сделать вид, что это почетным эскорт, сопровождающий его к лагерю.

Не торопясь, он шел вперед, глядя перед собой, не обращая внимания на всадников… Он чувствовал, как по спине его побежал пот. Хотел вытереть лицо, но усилием воли удержал себя.

Лагерь находился прямо перед ним, и Кашинг увидел, что широкая полоса, даже полосы, разделяют прямые ряды вигвамов. У вигвамов стояли женщины и дети с каменными лицами, такими же, как у всадников.

Женщины в большинстве старухи. В бесформенных платьях. Грязные волосы беспорядочно свисают, лица темные от грязи и загара. Большинство босые, руки их изуродованы работой. Некоторые открывали беззубые рты и выкри-

кивали проклятья. Остальные стояли молча и угрожающе.

В дальнем конце улицы стояла группа мужчин, глядя на него. Один из них направился к нему. Он был стар и согнут. На нем были кожаные брюки, на плечи наброшена шкура кугуара. Снежно-белые волосы падали на плечи.

В нескольких футах от него Кашинг остановился. Старик смотрел на него холодными выцветшими глазами.

— Сюда, — сказал он. — Иди за мной.

Он повернулся и пошел по улице. Кашинг двинулся за ним.

До него донесся запах пищи и зловоние отбросов, слишком долго пролежавших на солнце. У входа в большие вигвамы стояли оседланные лошади. Собаки, шнырявшие вокруг, визжали, когда в них швыряли чем-нибудь. Солнце нещадно палило, уличная пыль стала горячей. Чувствовалось приближение грозы.

Когда старик подошел к группе мужчин. Они расступились, пропуская его, и Кашинг прошел следом. Конный эскорт остался позади. Кашинг не смотрел на лица окружающих, но знал, что на них та же жесткость, что и на лицах всадников.

Пройдя через рады мужчин, они оказались на

свободном пространстве, со всех сторон окруженном людьми. В тяжелом кресле, на которое была наброшена бычья шкура, сидел человек. Старик, служивший Кашингу проводником, отошел в сторону, а Кашинг прошел вперед и остановился перед человеком, сидящим в кресле.

— Я Бешеный Волк, — сказал этот человек и замолчал. Очевидно, он считал, что все знают носителя этого имени.

Это был человек огромного роста, но не дикарь. В лице его светился ум. У него была большая черная борода, а голова обрита наголо. Куртка из волчьей шкуры, увешанная волчьими хвостами, распахнулась на груди, обнажая бронзовый мускулистый торс. Мощные руки лежали на ручках кресла.

— Меня зовут Томас Кашинг.

И тут Кашинг увидел, что рядом с креслом стоит человек, который был предводителем группы стражников.

— Ты пришел с Громового холма, — сказал Бешеный Волк. — Ты из отряда, который с помощью волшебства прошел сквозь Деревья. Вы разбудили Спящих.

— Там нет Спящих, — ответил Кашинг. — А Громовой холм — это место, откуда уходили к

Звездам. Здесь надежда человеческой расы. Я пришел просить о помощи.

— О какой помощи?

— Нам нужны ваши чувствующие!

— Чувствующие? Говори ясно, человек. Что это значит?

— Ваши ведьмы и колдуны. Ваши знахари, если они у вас есть. Люди, которые умеют говорить с растениями, понимают животных, умеют предсказывать погоду. Те, кто предсказывает будущее.

Бешеный Волк хмыкнул.

— И что вы будете с ними делать? У нас их мало. Почему мы должны отдавать их тем, кто разбудил Спящих?

— Говорю вам, там нет никаких Спящих. И никогда не было.

Заговорил стражник:

— Среди них была женщина с пустыми глазами и ужасным лицом. Она говорила то же самое: «Вы ошибаетесь. Там нет никаких Спящих».

— Где сейчас эта женщина? — спросил Бешеный Волк.

— На холме, — ответил Кашинг.

— Будит Спящих…

— Черт возьми, неужели ты не понимаешь?

Там нет Спящих.

— С тобой был металлический человек! Их когда-то называли роботами.

— Металлический человек убил медведя, — сказал стражник. — Этот пускал стрелы, но убил медведя металлический человек.

— Верно, — сказал Кашинг. — Мои стрелы не сделали ничего.

— Значит, ты признаешь, что с вами был металлический человек?

— Да. Это мой друг.

— Друг?

Кашинг кивнул.

— А разве ты не знаешь, что робот — это злое существо, что он уцелел с тех дней, когда миром правили ужасные машины? Незаконно иметь другом такую машину.

— Но было не так, — возразил Кашинг. — До Катастрофы. Машины не правили миром. Люди использовали машины. Виноваты не машины а люди.

— Ты не согласен с легендами о прошлом?

— Да, потому что я читал «Историю».

Он подумал, что не очень мудро спорить. Но обманывать еще хуже. Нельзя показывать слабость. Может, в конце концов Бешеный Волк

прислушается к его словам.

— «Историю»? — переспросил Бешеный Волк. — О какой «Истории» ты говоришь?

— «История», написанная человеком по имени Уилсон, тысячу лет назад. В университете…

— В университете на берегу Миссисипи? Вот откуда ты явился. От дрожащих трусливых возделывателей картошки, прячущихся в стенах? Пришел, как будто у тебя есть право требовать наших чувствующих.

— Это еще не все. — Кашинг заставлял себя говорить спокойно. — Мне нужны ваши кузнецы и изготовители оружия. И кожухи мозгов роботов.

— Ах, так, — Бешеный Волк по-прежнему говорил очень мягко. — Это все? Больше тебе ничего не нужно?

На лицах окружающих появилось такое выражение, будто они забавлялись про себя. Они знали своего вождя.

— Все, — ответил Кашинг. — С их помощью мы сумеем отыскать лучший образ жизни.

— А чем тебе не нравится наша жизнь? — спросил Бешеный Волк. — Что в ней плохого? Пищи не хватает? Ее хватает. Земли просторны. Работать не нужно. Говорят, в старые времена люди должны были работать. Проснувшись и позавтракав,

они должны были отправляться на работу. Работали весь день, а вернувшись, ложились рано спать, чтобы утром снова идти на работу. У них не было времени для себя. И жили они не лучше нас. За свою работу они получали только еду и место для сна. У нас есть это и многое другое, и мы не должны работать. Ты пришел из крепости яйцеголовых, чтобы изменить все это, чтобы вернуть нас к старому, чтобы мы работали с рассвета и до заката. Ты разбудил Спящих, хотя мы много столетий несли стражу вокруг холма.

— Я тебе сказал, что там нет Спящих. Ну неужели непонятно? Там, на холме, знания, которые люди собрали со звезд… Знания, которые помогут нам не восстановить прошлое, и найти новые пути.

Бесполезно. Они не поверят ему. Он ошибся.

— Этот человек сошел с ума, — сказал начальник группы стражников.

— Да. Мы напрасно тратим время, — согласился Бешеный Волк.

Кто-то сзади схватил Кашинга. Он попытался вырваться, но не смог.

— Ты согрешил, — сказал Бешеный Волк. — Привяжите его к столбу.

Люди расступились, и Кашинг увидел столб. Не

более пяти футов высотой, из свежесрубленного дерева, со срезанной корой.

Молча его заставили подойти к столбу, и привязали к нему, поместив ремни в вырезы на столбе, так что они не могли соскользнуть.

Затем все так же молча отошли.

Однако он не остался один. Вокруг собралась толпа мальчишек.

Кашинг видел, что находится в центре лагеря. От большой площади, на которой стоял столб, расходились улицы вигвамов.

Ком грязи пролетел мимо его головы, другой ударил его в грудь. Стая мальчишек с криками побежала по улицам.

Кашинг впервые заметил, что солнце исчезло и все вокруг потемнело. Воцарилась напряженная тишина. С запада ползло большое черное облако. Вдали гремел гром, а над холмом засверкали молнии.

Где-то в вигваме вожди племени во главе с Бешеным Волком решают, что с ним делать. У него не было иллюзий относительно ожидавшего его конца. Кашинг попытался освободиться: привязали его прочно.

Конечно, безумием было надеяться, что эти люди прислушаются к его словам. Ему даже не дали

возможности объясниться. Разговор с Бешеным Волком велся лишь для соблюдения приличий. Кашинг знал, что причина его неудачи — в мифе о Спящих. Но вчера, говоря с остальными, он был убежден в своей правоте. Это годы в университете предали его. Человек, живший в безопасности и мире, отвыкает видеть реальность фанатизма, вызвавшего Катастрофу.

С легким ощущением нереальности происходящего Кашинг думал, что же произойдет теперь. Никто из оставшихся на холме не в состоянии продолжить работу. Они даже не смогут сделать попытки организовать группу, которая через годы смогла бы добраться до банка информации. У Ролло — ни единого шанса, ведь он робот. Мэг, несмотря на свои способности, слишком робка. Эзра и Элин просто не в состоянии.

Энди, с улыбкой подумал он, если бы Энди мог говорить, он оказался бы полезней всех.

Тяжелые удары грома раскатились на западе, над вершиной Громового холма, как змея, сверкнула молния. Жара усилилась. А темная туча продолжала затягивать небо.

Из вигвамов показались женщины. Мальчишки продолжали швырять камни и комки грязи, но не попадали. Один ком, однако, попал Кашингу

в челюсть. Вдали виднелся табун, который гнали к лагерю.

И тут он увидел — блеск, искры Дрожащих Змей на фоне черного неба, летящие к лагерю. Он затаил дыхание и напрягся.

Змеи? Что здесь делают Змеи?

Не только Змеи. Перед ними бежал Энди, его грива и хвост развевались по ветру, за ним виднелся Ролло, а по обе стороны от них — огромная стая черных пузырей — Попутчики, видимые только благодаря искрам Змей. А еще дальше катились сферы — это был Отряд.

В лагерь ворвался испуганный табун, с диким ржанием лошади пронеслись по улицам, обрушивая вигвамы. Беспорядочно метались люди, и только по широко раскрытым ртам можно было понять, что они что-то кричат; носились собаки, как будто по пятам за ними гнались волки.

Когда лошади приблизились, Кашинг пригнулся. Копыто пронеслось мимо его плеча. Другая лошадь обрушила вигвам и упала, запутавшись в нем. Лягаясь, она пыталась освободиться. Из-под вигвама выполз человек. Вспышка молнии осветила его лицо, и Кашинг узнал Бешеного Волка.

Ролло оказался рядом с ним. Ножом полоснул по ремням. Теперь лагерь был пуст, только где-

то под вигвамами кричали люди. Огненными кольцами вились Дрожащие Змеи, плясали Попутчики, и среди них скакал Энди.

Ролло, перекрикивая гром, сказал Кашингу:

— Их теперь можно не бояться. Они не остановятся до самой Миссури.

За Ролло возбужденно подпрыгивала одна из сфер.

— Теперь мы понимаем, что такое забава. Ролло пригласил нас посмотреть на забаву.

Кашинг попытался ответить Ролло, но его слова заглушил обрушившийся ливень, вой ветра и барабанный стук града.

Глава 26

Сухие, заросшие кактусами равнины Миссури остались позади, впереди лежали прерии бывшего штата Миннесота. На этот раз им не нужно прятаться, придерживаясь извивающегося русла Миннесоты, сказал себе Кашинг: они могут напрямик двинуться к двойному городу Миннеаполис — Сент-Пол и к своей конечной цели — университету.

Ни одно кочевое или городское племя и не подумает помешать им.

Первые осенние заморозки окрасили листву в золото и красный цвет. Весной они вернутся на Громовой холм с несколькими лошадьми, везущими припасы, и в сопровождении других обитателей университета. Может, с ними будет и несколько чувствующих кожухи мозгов: зимой нужно будет установить связь с городскими племенами. Возможно, те легче пойдут на сотрудничество.

Впереди шел Ролло, за ним — Энди, вокруг которого, как стая щенят, плясали Попутчики. Сбоку спокойно катился Отряд, и повсюду в осеннем воздухе искрились Дрожащие Змеи. Они

сопровождали Ролло в его разведывательных походах, плясали вместе с Попутчиками вокруг Энди, плели огненные кольца везде, где можно.

— Вы меня обчистили, — с насмешливой печалью сказал Д. и П., когда они уходили. — Не оставили ни одного Попутчика, ни одной Змеи. Это все ваша глупая лошадь и не менее глупый робот. Всех свели с ума. Хотя я рад, что они уходят: к вам теперь никто не будет привязываться.

— Мы вернемся, — пообещал Кашинг, — как только кончится зима. Не будем тратить времени. И, надеюсь, вернемся не одни.

— Я так долго был один, — ответил Д. и П., — что такой маленький промежуток ничего для меня не значит. Я буду спокойно ждать, потому что теперь у меня есть надежда.

Кашинг предупредил его:

— Может, ничего и не выйдет. Как бы мы ни старались, мы можем и не добраться до информации. А если и доберемся, можем не найти ничего полезного.

— Вся человеческая история основана на вероятности, — ответил Д. и П.

— Вряд ли мы сейчас можем ожидать чего-нибудь другого. — Если бы только Бешеный Волк был с нами. Если бы только он прислушался.

— Некоторые общественные группы никогда не воспринимают новых идей. Цепляются за известное и не желают отойти от него. За старую религию, старую этику. Но я не таков. Мой оптимизм неизлечим. И как только вы уйдете, я снова начну посылать роботов-исследователей. А когда они вернутся — через сто или тысячу лет, — мы будем ждать их здесь и надеяться, что они принесли информацию, которую мы сможем использовать.

Временами на горизонте они видели маленькие отряды, которые тут же исчезали, разнося весть о их приближении. Возможно, они хотели убедиться, что группу по-прежнему защищают чудовища с Громового холма.

Погода стояла хорошая, и путешествие проходило легко. Кашинг решил, что через десять дней он окажется у стен университета. Там они найдут тех, кто прислушается к их словам и поймет. Может, именно для этого момента университет и жил все эти годы, сохраняя крупицы знаний.

Кашинг был уверен, что в обратный путь к Громовому холму они выступят в сопровождении людей из университета.

Мэг шла перед ними, неся кожух мозга. На протяжении всего пути кожух был с нею. И даже во

сне она прижимала его к себе.

— Мы должны быть уверены в одном, — говорила она Кашингу. — Чувствующий, который использует мозг робота, должен осознать свою ответственность перед ним. Как только контакт установлен, он не должен прерываться. Нельзя разбудить мозг и уйти от него. Он становится частью тебя. Лучшим другом, вторым «я».

— А когда чувствующий умрет? — спросил Кашинг. — Мозг робота переживет множество людей. Когда умрет ближайший друг робота, что тогда?

— Что-нибудь придумаем, — ответила она. — Может быть, другой чувствующий займет его место. Или к тому времени мы создадим электронную систему, которая позволит мозгу вернуться в мир. Дадим ему зрение, и слух, и голос. Я понимаю, это будет возврат к технологии. Мы не хотим этого. Но, сынок, может, как-нибудь можно усовершенствовать технологию?

Возможно, это правда, подумал Кашинг. Если только они сумеют. Он совсем не был уверен в этом. Для того, чтобы создать простейший электронный прибор, потребуются долгие годы труда. Даже при помощи технической библиотеки Д. и П. Дело не только в знаниях. Нужны еще и мате-

риалы. Электроника основывалась не только на знаниях, но и на мощной технологической базе. Даже в моменты наивысшего оптимизма Кашинг понимал, что, возможно, свыше человеческих сил восстановить эту базу.

Разрушив свою технологическую цивилизацию, человек сделал необратимый шаг. В человеке живет глубокий страх, который и служит предупреждением: будучи восстановленной, технология снова превратится в чудовище. Это вряд ли возможно, но страх остается. Он помешает даже частично восстановить то, что существовало до Катастрофы.

Итак, если человечество не хочет вечно оставаться в варварстве, нужно найти новый путь, основать цивилизацию на иной базе, не на технологии. В бессонные ночи Кашинг старался вообразить себе эту цивилизацию, но не мог. Это было выше его умственных способностей. Первобытный предок человека, который впервые изготовил грубое каменное орудие, не мог и вообразить себе, какими будут наследники этого камня с заостренными краями. Так и сейчас. Человечество уже сделало первый незаметный шаг к будущему. Каким оно будет? Может, ответ уже есть в банке информации Громового холма.

Кашинг догнал Мэг и пошел рядом с ней.

— Меня беспокоит одно, сынок, — сказала она. — Ты говоришь, что нас примут в университете. И я верю в это, потому что ты знаешь этих людей. Но как же Отряд? Примут ли они Отряд? Как они будут относиться к нему?

Кашинг рассмеялся и вдруг понял, что смеется впервые за много дней.

— Все будет прекрасно, — сказал он. — Подожди, и увидишь. Отряд заинтересуется университетом, а университет — Отрядом.

Он снова коротко рассмеялся.

— Боже, как будет интересно! — сказал он. — Не могу дождаться.

И он позволил сформироваться мысли, которую подавлял все эти дни, потому что она давала надежду, а он боялся надеяться.

Отряд состоит из двух чуждых существ, представителей другой формы жизни, обладающей разумом и создавшей сложную цивилизацию, наделенную интеллектуальным любопытством. Интеллектуальное любопытство должно быть характеристикой любой цивилизации, но интенсивность этой характеристики может чрезвычайно варьироваться. Цивилизация Отряда обладает этим любопытством в огромной мере,

чему свидетельство — пребывание здесь Отряда.

Возможно, Отряд поможет человечеству в решении его проблем. Неизвестно, сумеет ли он предложить что-нибудь ценное; но чуждое направление мыслей может дать человечеству отправную точку, поможет ему понять иную, нечеловеческую логику.

В свободном обмене информацией и мнениями между Отрядом и университетом обе стороны могут почерпнуть многое. Хотя университет больше нельзя назвать элитарным интеллектуальным сообществом, там все же еще существует традиция обучения и даже исследования. В его стенах обитают люди, одержимые той интеллектуальной жаждой, которая формировала человеческую культуру. Культуру, погибшую за несколько месяцев.

Хотя она не совсем уничтожена, напомнил он себе. На Громовом холме сохранились остатки ее, остатки проклятой технологии. Какая ирония, что они теперь — единственная надежда человечества.

Что было бы, спросил себя Кашинг, если бы технологическая цивилизация просуществовала еще несколько столетий? Если бы человек получил всю информацию, содержащуюся на

Громовом холме? Впрочем, может, технология продолжала бы свой слепой бег к Катастрофе.

Может, не так уж и плохо, что произошла Катастрофа? В сущности, нам сейчас не так уж и плохо. У нас есть надежда — Громовой холм, Отряд, университет, живые мозги роботов, взлет способностей чувствующих и Деревья, Змеи, Попутчики.

Но при чем тут Змеи и Попутчики?... Том Кашинг решительно прервал линию своих размышлений. Когда надеешься, не нужно отказываться от малейшей надежды.

— Сынок, — сказала Мэг, — я уже говорила тебе и повторю еще раз. Путешествие было прекрасным.

— Да, — согласился Кашинг. — Да, ты права. Все было прекрасно.

ЗАПОВЕДНИК

ГОБЛИНОВ

ЗАПОВЕДНИК ГОБЛИНОВ

Перевод с Английского: Ирина Гурова

Глава 1

Инспектор Дрейтон сидел за письменным столом, как несокрушимая скала, и терпеливо ждал. Он был костляв, а его лицо словно вырубили тупым топором из узловатого чурбака. Глаза его, больше всего напоминавшие кремневые наконечники стрел, время от времени, казалось, тускло поблескивали — он был сердит и расстроен. Но Питер Максвелл знал, что такой человек никогда не допустит, чтобы его раздражение вырвалось наружу. Он будет делать свое дело с бульдожьим упорством и хваткой, игнорируя все окружающее.

Именно такой ситуации Максвелл и надеялся избежать. Но теперь ему стало ясно, что он тешил себя пустыми иллюзиями. Конечно, он с самого начала понимал, что на Земле не могли не встревожиться, когда полтора месяца назад он не появился на станции своего назначения, и, естественно, у него не было никаких шансов вернуться домой тихо и незаметно. И вот сейчас он сидит напротив инспектора, и ему во что бы то ни стало нужно сохранять спокойствие и держать себя в руках. Он сказал:

— Я, право, же, не понимаю, почему мое возвращение на Землю могло заинтересовать службу безопасности. Меня зовут Питер Максвелл, я профессор факультета сверхъестественных явлений Висконсинского университета. Вы ознакомились с моими документами…

— У меня нет никаких сомнений касательно того, кто вы такой, — сказал Дрейтон. — Может быть, я удивлен, но сомнений у меня нет ни малейших. Странно другое. Профессор Максвелл, не могли бы высказать мне поточнее, где вы находились все это время?

— Но я и сам почти ничего не знаю, — ответил Питер Максвелл. — Я был на какой-то планете, однако мне неизвестны ни ее название, ни координаты. Может быть, до нее не больше светового года, а может быть, она находится далеко за пределами нашей Галактики.

— Но как бы то ни было, — заметил инспектор, — вы не прибыли на станцию назначения, указанную в вашем билете?

— Да, — сказал Максвелл.

— Не могли бы вы объяснить, что произошло?

— Только предположительно. Я полагаю, что моя волновая схема отклонилась от заданного направления, а может быть, ее перехватили. Сна-

чала я приписал это неполадкам в передатчике, но потом усомнился. Передатчиками мы пользуемся уже сотни лет, и малейшая возможность ошибки была исключена давным-давно.

— То есть вы полагаете, что вас похитили?

— Если угодно.

— И все-таки не хотите мне ничего сказать?

— Но я же объяснил, что говорить, в сущности, нечего.

— А эта планета никак не связана с колесниками?

Максвелл покачал головой:

— Точно сказать не могу, но вряд ли. Во всяком случае, там их не было. И я не заметил никаких признаков того, что они могли бы иметь ко всему этому хотя бы малейшее отношение.

— Профессор Максвелл, а вы когда-нибудь видели колесников?

— Всего один раз. Это было несколько лет назад. Кто-то из них стажировался в Институте времени, и я однажды столкнулся с ним в коридоре.

— Так что вы узнали бы колесника, если бы увидели его?

— Да, конечно!

— Судя по вашему билету, вы намеревались посетить одну из планет системы Енотовой

Шкуры?

— Ходили слухи о драконе, — объяснил Максвелл. — Правда, ничем не подтвержденные. И довольно смутные. Но я подумал, что имело бы смысл установить…

Дрейтон поднял бровь.

— О драконе? — переспросил он.

— Вероятно, человеку, далекому от моей науки, трудно оценить все значение дракона, — сказал Максвелл. — Пока еще не обнаружено ни одного реального подтверждения того, что подобное существо действительно где-нибудь когда-нибудь обитало. А ведь легенды о драконах — одна из характернейших черт фольклора Земли и некоторых других планет. Феи, гоблины, тролли, баньши — их всех мы обнаружили во плоти, но драконы по-прежнему остаются легендой. И любопытно, что у нас на Земле эта легенда бытовала не только среди людей. Легенды о драконах есть и у маленького народца холмов. Мне иногда кажется, что наши сказания о драконах мы заимствовали именно у них. Но все это лишь предания, и нет никаких фактов, подтверждающих…

Он умолк. Какое дело лишенному воображения полицейскому до легенд о драконах?

— Извините, инспектор, — сказал он. — Боюсь,

я несколько увлекся.

— Мне приходилось слышать, что в основе этих легенд лежат воспоминания о динозаврах, унаследованные от предков.

— Да, я знаю о таких предположениях, — ответил Максвелл. — Но ведь этого не могло быть. Динозавры вымерли задолго до того, как появились самые отдаленные предки человека.

— Но маленький народец…

— Возможно, — перебил Максвелл, — но маловероятно. Я хорошо знаком с обитателями холмов и разговаривал об этом с ними. Их род, несомненно, гораздо древнее нашего, но нет никаких данных, что их предки уже существовали в дни динозавров. Во всяком случае, никаких воспоминаний об этом у них не сохранилось, хотя их легенды и сказания восходят к событиям давностью в несколько миллионов лет. Они очень долговечны, почти бессмертны по нашим меркам, но, конечно, в свой срок они тоже умирают. При подобном положении вещей изустные предания, переходящие от поколения к поколению, как правило, сохраняются…

Дрейтон нетерпеливо отмахнулся от драконов и от маленького народца холмов.

— Вы отправились в систему Енотовой Шку-

ры, — сказал он, — но не попали туда.

— Совершенно верно. Я оказался на той планете, о которой говорил. На хрустальной планете, заключенной в оболочку.

— Хрустальной?

— Из какого-то камня. Может быть, из кварца. А может, и из металла. Я видел там металлы.

Дрейтон спросил мягко:

— А когда вы отправлялись, вы не знали, что окажетесь на этой планете?

— Если вы подозреваете сговор, — ответил Максвелл, — то вы ошибаетесь. Для меня это было полной неожиданностью. В отличие от вас, как будто. Ведь вы ждали меня здесь!

— Да, особой неожиданностью ваше прибытие не было, — согласился Дрейтон. — Нам уже известны два таких случая.

— Значит, у вас есть сведения об этой планете?

— О ней — никаких, — сказал Дрейтон. — Нам известно только, что где-то имеется планета с незарегистрированным передатчиком, а также приемником, позывные которой в списках не значатся. Когда здесь, на Висконсинской станции, оператор принял их уведомление о передаче, он послал им сигнал подождать, пока не освободится какой-нибудь из приемников, а сам связался

со мной.

— А остальные двое?

— Также поступили сюда. Оба они были адресованы на Висконсинскую станцию.

— Но если они вернулись…

— В том-то и дело! — воскликнул Дрейтон. — Они не вернулись. То есть в том смысле, что мы не могли их ни о чем расспросить. В волновой схеме произошли какие-то нарушения, и они восстановились неверно. Перепутались друг с другом. Оба — внеземляне, но клубок получился такой, что нам пришлось повозиться, прежде чем мы установили, кем они могли быть. Да и сейчас еще мы полностью не уверены.

— Они были мертвы?

— Мертвы? Еще бы! Довольно жуткая история. Вам повезло.

Максвелл с трудом подавил дрожь.

— Да, пожалуй, — сказал он.

— Казалось бы, — продолжал Дрейтон, — те, кто берется за передачу материи на расстояние, должны бы прежде научиться делать это как положено. И неизвестно, сколько пассажиров они уже успели неправильно принять!

— Но ведь вы должны были бы это знать! — возразил Максвелл. — Я хочу сказать, что вам

должны быть известны все случаи исчезновения в пути. Любая станция немедленно сообщила бы о том, что ожидаемый пассажир не прибыл.

— Тут-то и зарыта собака! — воскликнул Дрейтон. — Не было ни одного случая, чтобы кто-нибудь исчез. Мы не сомневаемся, что двое внеземлян, которых мы приняли мертвыми, благополучно прибыли на станцию назначения, так как ни единого нарушения в расписании прибытий зарегистрировано не было.

— Но ведь я же отправился в систему Енотовой Шкуры, и оттуда должны были сообщить…

Он умолк, оглушенный внезапной мыслью.

Дрейтон медленно кивнул:

— Я так и думал, что вы разберетесь в ситуации. Питер Максвелл благополучно прибыл на станцию системы Енотовой Шкуры и почти месяц назад вернулся на Землю.

— Это какая-то ошибка, — машинально сказал Максвелл.

Он был не в силах поверить, что их теперь двое, что на Земле существует еще один Питер Максвелл, во всем ему подобный.

— Нет, это не ошибка, — сказал Дрейтон. — Мы пришли к выводу, что эта планета не перехватывает волновые схемы. Она их дублирует.

— Так, значит, я существую в двойственном числе? И, может быть…

— Уже нет, — сказал Дрейтон. — Вы существуете в единственном числе. Примерно через неделю после своего возвращения Питер Максвелл погиб. Несчастный случай.

Глава 2

В нескольких шагах от крохотного кабинета, где они беседовали с Дрейтоном, за поворотом коридора Максвелл увидел ряд свободных стульев и, поставив чемодан на пол, осторожно опустился на один из них.

Это невозможно, твердил он себе. Сразу два Питера Максвелла — а теперь один из этих Максвеллов мертв! Как поверить, что хрустальная планета располагает аппаратами, которые способны дублировать систему волн, движущихся со световой скоростью, вернее, со скоростью, неизмеримо превосходящей скорость света, поскольку ни в одном уголке Галактики, уже охваченном сетью передатчиков материи, не замечалось ни малейшего разрыва между моментом передачи и моментом приема. Перехват — да, пожалуй! Перехватить волновую схему в пути теоретически еще можно. Но снять с нее копию? Нет!

Две невероятности, думал он. Два события, которые просто не могли произойти. Впрочем, если одно все-таки произошло, то другое было лишь его естественным следствием. Раз с волновой

схемы была снята копия, то обязательно должны были возникнуть два Максвелла, один из которых отправился в систему Енотовой Шкуры, а другой — на хрустальную планету. Но если тот, другой, Питер Максвелл действительно отправился в систему Енотовой Шкуры, он должен еще быть там или только-только собираться вернуться. Ведь он уехал туда на шесть недель и мог задержаться дольше, если того потребуют розыски источника легенд о драконе.

Внезапно Максвелл заметил, что у него дрожат руки, и, стиснув их, он зажал ладони в коленях.

«Держись!» — приказал он себе. Что бы его ни ждало, он должен довести дело до конца! И ведь он ничего, в сущности, не знает. У него нет никаких фактов. Только утверждения инспектора службы безопасности, а к ним следует относиться критически. Ведь это могло быть всего лишь неуклюжей полицейской уловкой, попыткой заставить его сказать лишнее. Но это могло быть и правдой… все-таки могло!

Но если так, он тем более должен держаться. Потому что у него есть дело, которое надо довести до конца, ничего не напортив.

Однако все станет гораздо сложнее, если за ним будут следить. С другой стороны, не известно,

будут ли за ним следить. А впрочем, так ли уж это важно? Труднее всего будет пробиться к Эндрю Арнольду. Попасть на прием к ректору Планетарного университета не очень-то просто. Он слишком занятой человек, чтобы тратить время на разговоры с заурядным преподавателем, тем более что указанный преподаватель не сможет даже сообщить заранее, о чем, собственно, он намерен беседовать с ректором.

Дрожь в руках унялась, но он все еще не разжимал их. Немного погодя он выберется отсюда, спустится к шоссе и сядет где-нибудь на одной из внутренних скоростных полос. Через час с небольшим он уже будет у себя в университетском городке и скоро узнает, правду ли говорил Дрейтон. И увидит своих друзей — Алле-Опа, Духа, Харлоу Шарпа, Аллена Престона и всю прочую братию. И вновь будут буйные ночные пирушки в «Свинье и Свистке», долгие мирные прогулки по тенистым аллеям и катанье на байдарках по озеру. Будут беседы, и споры, и обмен старинными сказаниями, и неторопливый академический распорядок дня, оставляющий человеку досуг, чтобы жить.

Он поймал себя на том, что с удовольствием думает о предстоящей поездке, потому что шоссе

огибало холмы по границе Заповедника гоблинов. Там, конечно, жили не только гоблины, но и прочие существа, с древних времен называемые маленьким народцем, и все они были его друзьями — ну если не все, то очень многие. Тролли порой могли вывести из себя кого угодно, а заключить настоящую прочную дружбу с такими созданиями, как банши, было трудновато.

В это время года, подумал он, холмы должны быть великолепны. Он отправился в систему Енотовой Шкуры на исходе лета, и холмы все еще были облачены в темно-зеленые одежды, но теперь, в середине октября, они, конечно, уже блистают всеми пышными красками осени: винный багрянец дубов, багрец и золото кленов и пламенеющий пурпур дикого винограда, как нить, сшивающая все остальные цвета. И воздух будет пахнуть сидром, будет пронизан тем неповторимым пьянящим благоуханием, которое приходит в леса только с умиранием листьев.

Он сидел и вспоминал, как два года назад в такую же осень они с мистером О`Тулом отправились на байдарках вверх по реке в северные леса, надеясь где-нибудь по пути вступить в контакт с лесными духами, о которых повествуют древние легенды оджибуэев. Они плыли по кристаль-

но-прозрачным потокам, а вечером разжигали костер на опушке темного соснового бора; они ловили рыбу на ужин, и отыскивали лесные цветы на укромных полянках, и рассматривали бесчисленных птиц и зверей, и отлично отдохнули. Но никаких духов они так и не увидели, что, впрочем, было вполне естественно. С маленьким народцем Северной Америки редко кому удавалось вступить в соприкосновение, потому что это были подлинные дети первозданной природы, непохожие на полуцивилизованных, свыкшихся с людьми обитателей холмов Европы.

Стул, на котором сидел Максвелл, был повернут к западу, и сквозь гигантские стеклянные стены он видел реку и обрывы за ней, по которым в старину проходила граница штата Айова, — темно-лиловые громады в венце молочно-голубого осеннего неба. На краю одного из обрывов он различил чуть более светлое пятно — это был Институт тавматургии, где преподавали главным образом восьминожки с планет Альфы Центавра. Вглядываясь в дальний силуэт здания, Максвелл вспомнил, что много раз обещал себе принять участие в одном из их летних семинаров, но так и не собрался.

Он протянул руку и переставил чемодан, наме-

реваясь встать, но остался сидеть. Он никак не мог отдышаться, а в коленях ощущалась неприятная слабость. То, что он услышал от Дрейтона, потрясло его гораздо больше, чем ему показалось в первый момент, и шок никак не проходил. Спокойнее, спокойнее, сказал он себе. Нельзя так распускаться. Может быть, это неправда, даже наверное неправда. И пока он сам во всем не убедился, нервничать нечего.

Максвелл медленно встал, нагнулся, чтобы взять чемодан, но задержался, все еще не решаясь окунуться в шумную суматоху зала ожидания. Люди — земляне и внеземляне — деловито спешили куда-то или стояли небольшими группами. Белобородый старец в чопорном черном костюме — маститый ученый, судя по его виду, решил Максвелл, — что-то говорил компании студентов, явившихся его проводить. Семейство рептилий расположилось на длинных диванчиках, предназначавшихся для существ такого типа, то есть не способных сидеть. Двое взрослых, лежавших лицом друг к другу, переговаривались с шипением, характерным для речи рептилий, а дети тем временем ползали по диванчикам и под диванчиками и, играя, свивались в клубки на полу. В небольшой нише бочкообразное существо, лежа

на боку, неторопливо перекатывалось от одной стены к другой, что, вероятно, соответствовало манере землян в задумчивости расхаживать взад и вперед по комнате. Два паукообразных создания, удивительно похожие на фантастические конструкции из тоненьких палочек, расположились друг против друга на полу. Они начертили мелом на плитах что-то вроде игральной доски, расставили на ней странные фигурки и, азартно вереща, принялись двигать их с молниеносной быстротой.

Дрейтон спрашивал о колесниках. Нет ли какой-нибудь связи между хрустальной планетой и колесниками?

Вечно колесники! Настоящая мания — колесники, колесники, колесники, думал Максвелл. И может быть, для этого все-таки есть основания. Ведь о них неизвестно почти ничего. Они были смутным и неясным фактором, возникшим где-то в глубинах космоса, еще одной движущейся по вселенной мощной культурой, которая кое-где на дальних границах вступала в отдельные контакты с ширящейся человеческой культурой.

И Максвелл воскресил в своей памяти первый и единственный случай, когда ему довелось увидеть колесника — студента, который приехал из

Института сравнительной анатомии в Рио-де-Жанейро на двухнедельный семинар в Институте времени. Он помнил возбуждение, охватившее Висконсинский университетский городок: разговоров было много, однако выяснилось, что увидеть загадочное существо практически невозможно — колесник почти не покидал здания, где проходил семинар. Но однажды, когда Максвелл шел к Харлоу Шарпу, который пригласил его пообедать вместе, ему в коридоре встретился колесник, и это было настоящее потрясение.

Все дело только в колесах, сказал он себе. Ни у какого другого существа в известных пределах вселенной колес не было. Он вдруг увидел перед собой пухлый пудинг, подвешенный между двумя колесами, ось которых проходила примерно через середину туловища. Колеса были одеты мехом, а обод, как он заметил, заменяли роговые затвердения. Низ пудингообразного тела свисал под осью, точно набитый мешок. Но худшее он обнаружил, подойдя поближе: вздутая нижняя часть была прозрачной, и внутри что-то непрерывно извивалось и копошилось — казалось, ты видишь огромную банку, наполненную червяками самых ярких расцветок.

И эти извивающиеся червяки в этом обвислом

безобразном брюхе действительно были если и не червями, то, во всяком случае, какими-то насекомыми, какой-то формой жизни, тождественной земным насекомым. Колесники представляли собой организмы-ульи, и их культура слагалась из множества таких ульев, каждый из которых был отдельной колонией насекомых или чего-то, что соответствовало насекомым в представлении землян.

Такие ульевые создания вполне могли дать пищу для тех страшных историй о колесниках, которые возникали где-то на отдаленных границах вселенной. И если эти жуткие истории не были вымыслом, значит, человек, наконец, действительно столкнулся с тем гипотетическим врагом, встречи с которым он опасался с того момента, как вышел в космос.

Исследуя вселенную, человек обнаружил немало странных, а иногда и жутких созданий, но ни одно из них, размышлял Максвелл, не наводило такого ужаса, как это снабженное колесами гнездо насекомых. В самой его идее было что-то тошнотворное.

Земля уже давно стала гигантским галактическим учебным центром, куда десятками тысяч прибывали внеземные существа, чтобы учиться

и преподавать в его бесчисленных университетах и институтах. И со временем, подумал Максвелл, в это галактическое содружество, символом которого стала Земля, могли бы войти и колесники, если бы только удалось установить с ними хоть какое-то взаимопонимание. Но до сих пор достичь этого не удавалось.

Почему, с недоумением спросил себя Максвелл, даже мысль о колесниках вызывает необоримое отвращение, хотя человек и все другие обитатели вселенной научились отлично ладить друг с другом?

Зал ожидания вдруг представился ему вселенной в миниатюре. Тут были существа, прибывшие с множества планет самых разных звезд — и прыгуны, и ползуны, и дергунчики, и катуны. Земля стала плавильной печью галактик, думал он, тем местом, где встречаются существа с тысяч звезд, чтобы знакомиться с чужими культурами, чтобы обмениваться мыслями и идеями.

— Номер пять-шесть-девять-два! — завопил громкоговоритель. — Пассажир номер пять-шесть-девять-два, до вашего отбытия остается пять минут. Кабина тридцать седьмая. Пассажир пять-шесть-девять-два, просим вас немедленно пройти в кабину тридцать семь!

Куда может отправляться пассажир № 5692 — прикинул Максвелл. В джунгли второй планеты Головной Боли, в мрачные, открытые всем ветрам ледяные города Горести IV, на безводные планеты Убийственных Солнц или на любую другую из тысяч и тысяч планет, до которых с того места, где он стоял, можно было добраться в мгновение ока, потому что их объединяла система передатчиков материи? Но сама эта система служит вечным памятником кораблям-разведчикам, которые первыми проложили путь сквозь тьму космического пространства — как пролагают они его и теперь, медленно, с трудом расширяя пределы вселенной, известной человеку.

Зал ожидания гудел от отчаянных призывов диктора к опоздавшим или неявившимся пассажирам, от жужжания тысяч голосов, разговаривающих на сотнях языков, от шарканья, топота и перестука множества ног.

Максвелл нагнулся, поднял чемодан и направился было к выходу, но тотчас снова остановился, пропуская автокар с аквариумом, заполненным мутной жижей. В туманной глубине аквариума он разглядел неясные очертания фантастической фигуры; вероятно, это был обитатель какой-нибудь жидкой планеты (жидкой, но отнюдь не

водяной!), профессор, прибывший на Землю прочесть курс лекций по философии, а может быть, на стажировку в тот или иной физический институт.

Когда автокар с аквариумом проехал, Максвелл без дальнейших помех добрался до дверей и вышел на красивую эспланаду, которая террасами спускалась к бегущим полосам шоссе. Он с удовольствием заметил, что около шоссе нет очереди — это случалось не так уж часто.

Максвелл всей грудью вдыхал чистый вкусный воздух, пронизанный холодной осенней свежестью. Он казался особенно приятным после недель, проведенных в мертвой, затхлой атмосфере хрустальной планеты.

Подходя к шоссе, Максвелл увидел огромную афишу. Набранная старинным крупным шрифтом, она торжественно и с достоинством зазывала почтенную публику:

ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР, ЭСКВАЙР

из Стрэтфорда-на-Эйвоне (Англия)

прочтет лекцию

«ПИСАЛ ЛИ Я ШЕКСПИРОВСКИЕ ПЬЕСЫ»

под эгидой Института времени

22 октября в аудитории Музея времени

Начало в 8 часов вечера

Билеты продаются во всех агентствах

— Максвелл! — крикнул кто-то, и он обернулся. К нему по эспланаде бежал какой-то человек.

Максвелл поставил чемодан, поднял было руку в приветственном жесте, но тут же опустил ее, увидев, что окликнул его кто-то совсем незнакомый. Тот перешел на рысцу, а потом на быстрый шаг.

— Профессор Максвелл, не так ли? — спросил он. — Я не мог ошибиться.

Максвелл сдержанно кивнул, испытывая некоторую неловкость.

— А я — Монти Черчилл, — объяснил незнакомец, протягивая руку. — Мы познакомились с вами около года назад. У Нэнси Клейтон на ее очередном гала-вечере.

— Как поживаете, Черчилл? — сказал Максвелл холодно.

Потому что теперь он вспомнил этого человека — если не лицо, то фамилию. Как будто юрист. И кажется, специализируется на посредничестве. Один из тех, кто берется за любое дело, лишь бы

клиент хорошо заплатил.

— Лучше не бывает! — весело воскликнул Черчилл. — Только что вернулся из поездки. Не слишком долгой. Но все-таки до чего же приятно вернуться домой! Ничего нет на свете лучше дома. Потому-то я вас и окликнул. Несколько недель ни одного знакомого лица, представляете?

— Спасибо, — сказал Максвелл.

— Направляетесь в университетский городок?

— Да. Я как раз шел к шоссе.

— Ну, зачем же! — запротестовал Черчилл. — У меня тут автолет. На станционной площадке. Места для двоих хватит. Доберетесь домой гораздо быстрее.

Максвелл молчал, не зная, на что решиться. Черчилл ему не нравился, но он был прав: по воздуху они доберутся туда гораздо быстрее. А это его устраивало — он хотел поскорее выяснить положение вещей.

— Очень любезно с вашей стороны, — наконец ответил он. — Конечно, если я вас не стесню.

Глава 3

Мотор зафыркал и смолк. Через секунду оборвалось тихое гудение сопел, и в наступившей тишине стал слышен пронзительный свист воздуха, ударяющегося о металл.

Максвелл взглянул на своего соседа. Черчилл сидел, словно окаменев — то ли от страха, то ли от изумления. Ведь случилось нечто немыслимое, то, чего никак не могло быть. Автолеты этого типа никогда не ломались.

Внизу под ними вздымались острые зубцы крутых утесов и макушки могучих деревьев, под которыми прятались скалы. Слева вилась серебристая лента реки, омывавшая подножия лесистых холмов.

Время словно застыло и начало растягиваться — казалось, непонятное колдовство превращает каждую секунду в целую минуту. И с удлинением времени пришло спокойное осознание того, что должно было произойти — так, как будто речь шла не о нем, а о ком-то другом, как будто ситуацию трезво и реалистически оценивал сторонний наблюдатель, подумал Максвелл. Но где-то в дальнем, скрытом уголке его мозга жила

мысль о паническом страхе, который вспыхнет чуть позже, когда автолет ринется вниз, на верхушки деревьев и скал, а время обретет обычную быстроту.

Подавшись вперед, он осмотрел простиравшуюся внизу местность и вдруг увидел поляну — крохотный светло-зеленый разрыв в темном море деревьев.

Он толкнул Черчилла локтем и указал на поляну. Тот посмотрел, кивнул и начал поворачивать штурвал медленно и нерешительно, словно проверяя, будет ли машина слушаться.

Автолет слегка накренился и сделал вираж, по-прежнему продолжая медленно падать, но уже в нужном направлении. На мгновение он, казалось, вышел из-под контроля, затем скользнул вбок, теряя высоту быстрее, чем раньше, но планируя туда, где среди деревьев был виден просвет.

Теперь верхушки стремительно мчались к ним навстречу, и Максвелл уже различал их осенние краски — сплошная темная масса стала красной, золотой и оранжевой. Длинные багряные копья взметнулись, чтобы пронзить их, золотые клешни злобно тянулись к ним, чтобы сомкнуться в цепкой хватке.

Автолет задел верхние ветки дуба, на миг словно в нерешительности повис между небом и землей, а затем нырнул к зеленой лужайке в самой гуще леса.

Лужайка фей, сказал себе Максвелл. Их бальный зал, а теперь — посадочная площадка.

Он покосился на Черчилла, вцепившегося в рычаги управления, и вновь устремил взгляд на несущийся к ним зеленый круг. Он должен, должен быть ровным! Ни кочек, ни рытвин, ни ям! Ведь когда создавалась эта лужайка, почва специально выравнивалась в соответствии с принятыми стандартами.

Автолет ударился о землю, подскочил и угрожающе накренился. Затем он вновь коснулся травы и покатил по ней без единого толчка. Деревья в дальнем конце лужайки неслись на них с ужасающей быстротой.

— Держитесь! — крикнул Черчилл, и в тот же момент машина повернула и пошла юзом. Когда она остановилась, до стены деревьев было не больше пяти шагов. Их обступила мертвящая тишина, которая словно надвигалась на них от пестрого леса и скалистых обрывов.

Из безмолвия донесся голос Черчилла:

— Еще немного — и…

Он откинул верх и выбрался наружу. Максвелл последовал за ним.

— Не понимаю, что произошло, — говорил Черчилл. — В эту штуку встроено столько всяких предохранителей, что уму непостижимо! Да, конечно, можно угодить под молнию, или врезаться в гору, или попасть в смерч — но мотор не выходит из строя никогда. Остановить его можно, только выключив.

Он вытер лоб рукавом, а потом спросил:

— Вы знали про эту лужайку?

Максвелл покачал головой:

— Нет. Но я знал, что такие лужайки существуют. Когда создавался заповедник, в планах его ландшафта эти лужайки были специально оговорены. Видите ли, феям нужно место для танцев. И, заметив в лесу просвет, я догадался, что это может быть такое.

— Когда вы указали вниз, — сказал Черчилл, — я просто положился на вас. Деваться нам все равно было некуда — и я рискнул…

Максвелл жестом остановил его.

— Что это? — спросил он, прислушиваясь.

— Как будто топот лошадиных копыт, — отозвался Черчилл. — Но кому могло взбрести в голову прогуливать тут лошадь? Доносится вон

оттуда.

Цоканье копыт явно приближалось.

Обойдя автолет, Максвелл и Черчилл увидели тропу, которая круто поднималась к узкому отрогу, увенчанному массивными стенами полуразрушенного средневекового замка.

Лошадь спускалась по тропе тряским галопом. На ее спине примостился толстячок, который при каждом движении своего скакуна подпрыгивал самым удивительным образом. Выставленные вперед локти нескладного всадника взлетали и падали, точно машущие крылья.

Лошадь тяжелыми скачками спустилась со склона на лужайку. Она была столь же неизящна, как и ее всадник, — лохматый битюг, чьи могучие копыта ударяли по земле с силой парового молота, вырывая куски дерна и отбрасывая их далеко назад. Он держал курс прямо на автолет, словно намереваясь опрокинуть его, но в последнюю секунду неуклюже свернул и встал как вкопанный. Бока его вздымались и опадали, точно кузнечные меха, из дряблых ноздрей вырывалось шумное дыхание.

Всадник грузно соскользнул с его спины и, едва коснувшись ногами земли, разразился гневными восклицаниями.

— Это все они, негодники и паршивцы! — вопил он. — Это все они, мерзкие тролли! Сколько раз я им втолковывал: летит себе помело и летит, а вы не вмешивайтесь! Так нет! Не слушают! Только и думают, как бы это шутку сшутить. Наложат заклятие, и все тут…

— Мистер О`Тул! — закричал Максвелл. — Вы меня еще помните?

Гоблин обернулся и прищурил красные близорукие глаза.

— Да никак профессор! — взвизгнул он. — Добрый друг всех нас! Ах, какой стыд, какой позор! Профессор, я с этих троллей спущу шкуры и растяну на двери, я приколочу их уши к деревьям!

— Заклятие? — спросил Черчилл. — Вы сказали заклятие?

— А что же еще? — негодовал мистер О`Тул. Что еще может свести помело с неба на землю?

Он подковылял к Максвеллу и озабоченно уставился на него.

— А это и вправду вы? — спросил он с некоторым беспокойством. — В истинной плоти? Нас известили, что вы скончались. Мы послали венок из омелы и остролиста в знак нашей глубочайшей скорби.

— Нет, это воистину я и в истинной плоти, —

сказал Максвелл, привычно переходя на диалект обитателей холмов. — Это были только слухи.

— Тогда на радостях мы все трое, — вскричал О`Тул, — испьем по большой кружке доброго октябрьского эля! Варка как раз окончена, и я от всего сердца приглашаю вас, господа, разделить со мной первую пробу!

Со склона по тропе к ним бежало полдесятка других гоблинов, и мистер О`Тул властно замахал, поторапливая их.

— Всегда опаздывают! — пожаловался он. — Никогда их нет на месте в нужную минуту. Прийти-то они приходят, но обязательно позже, чем надо бы. Хорошие ребята, как на подбор, и сердца у них правильные, но нет в них подлинной живости, коей отмечены истинные гоблины вроде меня.

Гоблины косолапой рысью высыпали на лужайку и выстроились перед О`Тулом, ожидая распоряжений.

— У меня для вас много работы! — объявил он. — Для начала идите к мосту и скажите этим троллям, чтобы они не смели заклятия накладывать. Раз и навсегда пусть прекратят и больше не пробуют. Скажите им, что это последнее предупреждение. Если они снова примутся за свое, тот

мост мы разнесем на камни и каждый мшистый камень укатим далеко от других, так что вновь тот мост не встанет никогда. И пусть снимут заклятие вот с этого упавшего помела, чтобы оно летело как новое! А другие идите искать фей, расскажите им о повреждении их лужайки, не забыв присовокупить, что во всем повинны эти подлые тролли, и обещайте, что лужайка будет выровнена к той поре, когда они придут сюда танцевать под полной луной. Третьи же позаботьтесь о Доббине: приглядите, чтобы его неуклюжие копыта не причиняли лужайке нового ущерба, но если найдется трава повыше, пусть он ее пощиплет. Бедняге нечасто выпадает случай насладиться таким пастбищем.

Мистер О`Тул повернулся к Максвеллу и Черчиллу, потирая ладонь о ладонь в знак удачно исполненного дела.

— А теперь, господа, — сказал он, — соблаговолите подняться со мной на холм, и мы испробуем, на что годится сладкий октябрьский эль. Однако прошу вас из сострадания ко мне идти помедленнее — мое брюхо что-то очень выросло, и я весьма страдаю от одышки.

— Ведите нас, старый друг, — сказал Максвелл. — Мы с охотой подладим свой шаг к вашему.

Давненько не пили мы вместе октябрьского эля.

— Да-да, разумеется, — сказал Черчилл растерянно.

Они начали подниматься по тропе. Впереди на фоне светлого неба четко вырисовывался силуэт развалин.

— Я должен заранее извиниться за состояние замка, — сказал мистер О`Тул. — Он полон сквозняков, способствующих насморкам, гайморитам и всяким другим мучительным недугам. Ветер рыскает по нему, как хочет, и всюду стоит запах сырости и плесени. Я так и не постиг, почему вы, люди, раз уж вы начали строить для нас замки, не могли сделать их уютными и непроницаемыми для ветра и дождя. Если мы некогда и обитали в руинах, это еще не значит, что нас не влекут удобства и комфорт. Поистине, мы жили в них лишь потому, что бедная Европа не могла предложить нам ничего более подходящего.

Он умолк, отдышался и продолжал:

— Я прекрасно помню, как две тысячи лет назад и более, мы жили в новехоньких замках, хотя, конечно, и убогих, ибо невежественные люди той поры не умели строить лучше — и мастерства они не знали, и инструментов у них нужных не было, а уж о машинах и говорить не приходит-

ся. Да и вообще худосочный был народ. А нам приходилось скрываться по углам и закоулкам замков, ибо непросвещенные люди той поры страшились и чурались нас и пытались в своем невежестве обороняться от нас могучими чарами и заклинаниями.

— А впрочем, — добавил он не без самодовольства, — они же были всего только люди, и колдовство у них хромало. Нам были не страшны даже самые замысловатые их чары.

— Две тысячи лет? Не хотите ли вы сказать… — начал было Черчилл и замолчал, заметив, что Максвелл замотал головой.

Мистер О`Тул остановился и бросил на Черчилла уничтожающий взгляд.

— Я помню, — объявил он, — как из того болотистого бора, который вы теперь называете Центральной Европой, весьма бесцеремонно явились варвары и рукоятками своих грубых железных мечей начали стучаться в ворота самого Рима. Мы слышали об этом в лесных чащах, где обитали тогда, и среди нас еще жили те — теперь давно умершие, — кто узнал про Фермопилы всего через несколько недель после того, как пали Леонид и его воины.

— Простите, — сказал Максвелл. — Но не все

настолько хорошо знакомы с маленьким народцем…

— Будьте добры, — перебил О`Тул, — познакомьте его в таком случае!

— Это правда, — сказал Максвелл, обращаясь к Черчиллу. — Или, во всяком случае, вполне может быть правдой. Они не бессмертны и в конце концов умирают. Но долговечны они так, что нам и представить это. трудно. Рождения у них — редкость, иначе на Земле не хватило бы для них места. Но они доживают до невероятного возраста.

— А все потому, — сказал мистер О`Тул, — что мы роем глубоко, в самом сердце природы, и не транжирим драгоценную силу духа на мелочные заботы, о которые вдребезги разбиваются жизнь и надежды людей. Однако это слишком печальные темы, чтобы тратить на них столь великолепный осенний день. Так обратим же наши мысли со всем рвением к пенному элю, который ждет нас на вершине!

Он умолк и вновь начал взбираться по тропе заметно быстрее, чем раньше.

Сверху к ним навстречу опрометью бежал крохотный гоблин — пестрая рубаха, которая была ему велика, билась на ветру.

— Эль! — верещал он. — Эль!

Он остановился перед ними, еле удерживаясь на ногах.

— Ну, и что — эль? — пропыхтел мистер О`Тул. — Или ты хочешь покаяться, что осмелился его попробовать?

— Он скис! — стенал маленький гоблин. — Весь этот заклятый чан скис!

— Но ведь эль не может скиснуть! — возразил Максвелл, понимая, какая произошла трагедия.

Мистер О`Тул запрыгал на тропе, пылая яростью. Его лицо из коричневого стало багровым и тут же полиловело. Он хрипел и задыхался.

— Нет, может! Если его сглазить! Проклятие, о проклятие!

Он повернулся и заспешил вниз по тропе в сопровождении маленького гоблина.

— Только дайте мне добраться до этих гнусных троллей! — вопил мистер О`Тул. — Только дайте мне наложить лапы на их жадные глотки! Я их выкопаю из-под земли вот этими самыми руками и повешу на солнце сушиться! Я спущу с них со всех шкуры! Я их так проучу, что они вовек не забудут!..

Его угрозы все больше сливались в нечленораздельный рев, пока он быстро удалялся вниз

по тропе, спеша к мосту, под которым обитали тролли.

Два человека с восхищением смотрели ему вслед, дивясь такому всесокрушающему гневу.

— Ну, — сказал Черчилл, — вот мы и лишились возможности испить сладкого октябрьского эля.

Глава 4

Когда Максвелл на одной из внешних более медленных полос шоссе доехал до окраины университетского городка, часы на консерватории начали отбивать шесть. Из аэропорта Черчилл поехал другим путем, и Максвелл был этим очень доволен — не только потому, что юрист был ему чем-то неприятен, но и потому, что он испытывал потребность побыть одному. Ему хотелось ехать медленно, откинув щиток, в тишине, ни с кем не разговаривая и только впитывая атмосферу всех этих зданий и аллей, и чувствовать, что он вернулся домой, в единственное место в мире, которое по-настоящему любил.

Сумерки спускались на городок благостной дымкой, смягчая очертания зданий, превращая их в романтические гравюры из старинных книг. В аллеях группами стояли студенты с портфелями и негромко переговаривались. Некоторые держали книги прямо под мышкой. На скамье сидел седой старик и смотрел, как в траве резвятся белки. По дорожке неторопливо ползли двое внеземлян-рептилий, поглощенные беседой. Студент-человек бодро шагал по боковой аллее,

насвистывая на ходу, и его свист будил эхо в тихих двориках. Поравнявшись с рептилиями, он поднял руку в почтительном приветствии. И повсюду высились древние величественные вязы, с незапамятных времен осеняющие все новые и новые поколения студентов.

И вот тут-то огромные куранты начали отбивать шесть часов. Густой звон разнесся далеко вокруг, и Максвеллу вдруг почудилось, что это дружески здоровается с ним университетский городок. Часы были его другом, подумал он, и не только его, но всех, до кого доносился их бой. Это был голос городка. По ночам, когда он лежал в постели и засыпал, ему было слышно, как они бьют, отсчитывая время. И не просто отсчитывая время, но, подобно стражу, возвещая, что все спокойно.

Впереди в сумраке возникла громада Института времени — гигантские параллелепипеды из пластмассы и стекла, сияющие огнями. К их подножию прижался музей. Поперек его фасада протянулось бьющееся на ветру белое полотнище. В сгущающихся сумерках Максвелл с такого расстояния сумел разобрать только одно слово:

«ШЕКСПИР».

Он улыбнулся при мысли о том, как должен

бурлить сейчас факультет английской литературы. Старик Ченери и вся компания не простили Институту времени, когда два-три года назад Институт докопался, что автором пьес был все-таки не граф Оксфорд. И это появление стрэтфордца во плоти будет горстью соли, высыпанной на еще не зажившую рану.

Вдали, на западной окраине городка, высились на вершине холма административные корпуса, словно вписанные тушью в гаснущий багрянец над горизонтом.

Полоса шоссе двигалась все дальше, мимо Института времени и его кубического музея с трепещущим полотнищем плаката. Часы кончили отбивать время, и последние отголоски замерли во мгле.

Шесть часов! Через две-три минуты он сойдет с полосы направится к «Гербу Уинстонов», который был его домом уже четыре года… нет, впрочем, не четыре, а пять! Максвелл сунул руку в правый карман куртки и в маленьком внутреннем кармашке нащупал кольцо с ключами.

Теперь, впервые после того, как он покинул Висконсинскую передаточную станцию, им вдруг овладела мысль о другом Питере Максвелле. Конечно, история, которую рассказал ему инспек-

тор Дрейтон, могла быть правдой, хотя он сильно в этом сомневался. Служба безопасности была вполне способна пустить в ход именно такой прием, чтобы выведать у человека всю подноготную. Однако если это ложь, то почему из системы Енотовой Шкуры не поступило сообщения о том, что он не прибыл? Впрочем, и это ему известно только со слов инспектора Дрейтона, и про другие два таких же случая — тоже. Если можно усомниться в одном утверждении Дрейтона, с какой стати принимать на веру остальные? Если хрустальная планета перехватывала и других путешественников, он, пока был там, ничего об этом не слышал. Однако, сказал себе Максвелл, это тоже ничего не означает: хозяева хрустальной планеты, несомненно сообщали ему только то, что считали нужным сообщить.

Тут он сообразил, что тревожит его не столько разговор с Дрейтоном, сколько слова О`Тула: «Мы послали венок из омелы и остролиста в знак нашей глубочайшей скорби». Если бы не скисший эль, он, конечно, обсудил бы со старым гоблином события этих недель, но им так и не представился случай поговорить по душам.

Впрочем, пока можно об этом не думать. Как только он доберется домой, то сразу же позвонит

кому-нибудь из своих друзей и узнает правду. Но кому позвонить? Харлоу Шарпу в Институт времени? Или Даллесу Греггу, декану его факультета? Или, может быть, Ксигму Маону Тайру, старому эриданцу с белоснежным мехом и задумчивыми лиловыми глазами, который целую жизнь провел в крохотном кабинете, разрабатывая методы анализа структуры мифов? Или Аллену Престону, близкому приятелю, юристу? Пожалуй, начать следует с Престона — ведь если Дрейтон не солгал, ситуация может осложниться именно в юридическом плане.

Максвелл сердито одернул себя. Он, кажется, поверил! Во всяком случае, — вот-вот поверит! Если так пойдет дальше, он начнет убеждать себя, что все это — чистая правда!

«Герб Уинстонов» был уже совсем близко. Максвелл поднялся с сиденья, взял чемодан и перешел на внешнюю, еле ползущую полосу. Напротив «Герба Уинстонов» он спрыгнул на тротуар.

Ни на широкой каменной лестнице, ни в вестибюле никого не было. Пошарив в кармане, он вытащил ключи и зажал в пальцах тот, который открывал дверь его квартиры. Лифт уже ждал, и он нажал кнопку седьмого этажа.

Ключ сразу вошел в замок и легко в нем по-

вернулся. Дверь открылась, и Максвелл вошел в темную комнату. Дверь за его спиной автоматически закрылась, щелкнув замком, и он протянул руку к выключателю.

Но так и застыл с поднятой рукой. Что-то было не так. Какое-то чувство… ощущение… может быть, запах? Да, именно — запах! Слабый нежный аромат незнакомых духов.

Максвелл ударил по кнопке. Вспыхнул свет.

Комната стала другой. Не та мебель и пронзительно-яркие картины на стенах. У него не было и никогда не будет таких картин!

Позади него снова щелкнул замок, и он стремительно обернулся. Дверь распахнулась, и в комнату вошел саблезубый тигр.

При виде Максвелла огромный кот припал к полу и заворчал, обнажив шестидюймовые кинжалы клыков.

Максвелл осторожно попятился. Тигр медленно пополз вперед, по-прежнему ворча. Максвелл шагнул назад, почувствовал удар по лодыжке, попытался удержаться на ногах и понял, что падает. Он же видел этот пуфик! Мог бы, кажется, вспомнить… но не вспомнил, споткнулся о него и сейчас здорово шлепнется. Он попытался расслабиться, ожидая удара о жесткий пол, но вместо

этого его спина погрузилась во что-то мягкое, и он сообразил, что приземлился на кушетку, которая стояла за пуфиком.

Тигр в изящном прыжке повис в воздухе, прижав уши, полуоткрыв пасть и вытянув массивные лапы вперед, словно таран. Максвелл вскинул руки, загораживая грудь, но лапы отбросили их в сторону, как пушинки, и придавили его к кушетке. Огромная кошачья морда со сверкающими клыками придвинулась к самому его лицу. Медленно, почти ласково тигр опустил голову, и длинный розовый язык, шершавый, как терка, облизал щеки Максвелла.

Гигантский кот замурлыкал.

— Сильвестр! — донеслось из-за двери, — Сильвестр, немедленно прекрати!

Тигр еще раз ободрал языком лицо Максвелла и присел на задние лапы. Ухмыляясь и поставив уши торчком, он рассматривал Максвелла с дружеским и даже восторженным интересом.

Максвелл приподнялся и сел, откинувшись на спинку кушетки.

— Кто вы, собственно, такой? — спросила стоявшая в дверях девушка.

— Видите ли, я…

— Однако вы не из робких, — заметила она.

Сильвестр замурлыкал громче.

— Извините, мисс, — сказал Максвелл, — но я здесь живу. Во всяком случае, жил раньше. Это ведь квартира двадцать один?

— Да, конечно, — кивнула она. — Я сняла ее ровно неделю назад.

— Я мог бы догадаться, — сказал Максвелл, пожимая плечами. — Ведь мебель другая!

— Я потребовала, чтобы хозяин вышвырнул прежнюю, — объяснила она. — Это было что-то чудовищное.

— Погодите, — перебил Максвелл. — Старый зеленый диван, довольно потертый…

— И бар орехового дерева, — подхватила девушка. — И гнуснейший морской пейзаж, и…

— Достаточно, — устало сказал Максвелл. — Вы вышвырнули отсюда мои вещи.

— Не понимаю… Хозяин сказал, что прежний жилец умер. Несчастный случай, если не ошибаюсь.

Максвелл медленно поднялся на ноги. Тигр последовал его примеру, подошел поближе и начал нежно тереться головой о его колени. — Сильвестр, перестань! — скомандовала девушка.

Сильвестр продолжал свое занятие.

— Не сердитесь на него, — сказала она. — Он

ведь просто большой котенок.

— Биомех?

Девушка кивнула:

— Поразительная умница. Он ходит со мной повсюду. И всегда ведет себя прилично. Не понимаю, что на него нашло. Наверное, вы ему понравились.

Говоря все это, она смотрела на тигренка, но тут внезапно бросила на Максвелла внимательный взгляд:

— Вам нехорошо?

Максвелл покачал головой.

— Вы что-то очень побелели.

— Небольшое потрясение, — объяснил он. — Вероятно, в этом все дело. Я сказал вам правду. До недавнего времени я действительно жил здесь. Произошла какая-то путаница…

— Сядьте, — приказала она. — Хотите выпить чего-нибудь?

— Если можно. Меня зовут Питер Максвелл, я профессор…

— Погодите! Максвелл, вы сказали? Питер Максвелл… Ведь так звали…

— Да, я знаю, — сказал Максвелл. — Так звали того человека, который умер.

Он осторожно опустился на кушетку.

— Я принесу вам чего-нибудь, — сказала девушка.

Сильвестр подобрался поближе и ласково положил массивную голову Максвеллу на колени. Максвелл почесал его за ухом, и Сильвестр, громко замурлыкав, чуть-чуть повернулся, чтобы показать Максвеллу, где надо чесать.

Девушка вернулась с рюмкой и села рядом.

— Но я все-таки не понимаю… Если вы тот, кто…

— Все это, — заметил Максвелл, — очень запутано.

— Должна сказать, что держитесь вы неплохо. Немного ошеломлены, пожалуй, но не сокрушены.

— По правде говоря, — признался Максвелл, на самом-то деле я не был застигнут врасплох. Меня поставили об этом в известность, но я не поверил. То есть не позволил себе поверить. — Он поднес рюмку к губам. — А вы не будете пить?

— Если вам лучше, — сказала она, — если вы в норме, я пойду налью и себе.

— Я прекрасно себя чувствую, — объявил Максвелл. — И как-нибудь все это переживу.

Он посмотрел на свою собеседницу и только теперь увидел ее по-настоящему — стройная,

подтянутая, коротко подстриженные темные волосы, длинные ресницы и глаза, которые ему улыбались.

— Как вас зовут? — спросил он.

— Кэрол Хэмптон. Я историк, работаю в Институте времени.

— Мисс Хэмптон, — сказал он, — приношу вам свои извинения. Я уезжал — вообще с Земли. И только что вернулся. У меня был ключ, он подошел к замку, а когда я уезжал, эта квартира была моей…

— Не нужно ничего объяснять, — перебила она.

— Мы выпьем, — сказал он. — А потом я встану и уйду. Если только…

— Что?

— Если только вы не согласитесь пообедать со мной. Чтобы я мог хоть чем-то отплатить вам за чуткость. Ведь вы могли бы выбежать с воплями…

— А не подстроено ли все это? — спросила она подозрительно. — Вдруг вы…

— Ни в коем случае, — сказал он. — У меня не хватило бы сообразительности. И к тому же откуда я взял ключ?

Она поглядела на него, а потом сказала:

— Это было глупо с моей стороны. Но нам придется взять с собой Сильвестра. Он ни за что не останется один.

— Да я никогда и не согласился бы бросить его одного! — заявил Максвелл. — Мы с ним друзья до гроба.

— Это обойдется вам в бифштекс, — предупредила она. — Он всегда голоден, а ест только хорошие бифштексы. Большие. И с кровью.

Глава 5

В «Свинье и Свистке» было темно, шумно и чадно. Между тесно поставленными столиками оставались лишь узенькие проходы. Мерцали дрожащие огоньки свечей. Низкий зал был заполнен разноголосым гулом, точно все посетители говорили разом, перебивая друг друга.

Максвелл прищурился, стараясь высмотреть свободный столик. Пожалуй, подумал он, им следовало бы пойти куда-нибудь еще. Но ему хотелось поужинать именно тут, потому что этот кабачок облюбовали студенты и преподаватели его факультета и здесь он чувствовал себя как дома.

— Пожалуй, нам лучше пойти куда-нибудь еще, — сказал он, обернувшись к Кэрол Хэмптон.

— Сейчас к нам кто-нибудь подойдет и укажет столик, — ответила она. — Наверное, большой наплыв — официанты совсем сбились с ног… Сильвестр! Немедленно прекрати! Извините его, пожалуйста, — добавила она умоляюще, обращаясь к людям, сидевшим за столиком, возле которого они стояли. — Он такой невоспитанный! И особенно не умеет вести себя за столом.

Хватает все, что увидит…

Сильвестр облизывался с довольным видом.

— Пустяки, мисс, — сказал обездоленный бородач. — Я, собственно говоря, и не собирался его есть. Просто у меня привычка заказывать бифштексы.

— Пит! Пит Максвелл! — закричал кто-то в дальнем конце зала.

Прищурившись, Максвелл разглядел в полумраке, что ему машет руками какой-то человек, вскочивший из-за столика в углу. Потом он узнал его. Это был Алле-Оп, а рядом с ним маячила белая фигура Духа.

— Встретили друзей? — спросила Кэрол.

— Да. По-видимому, они приглашают нас за свой столик. Вы не возражаете?

— Это неандерталец? — спросила она.

— Вы его знаете?

— Видела несколько раз. Но мне хотелось бы с ним познакомиться. А рядом сидит Дух?

— Они неразлучны, — объяснил Максвелл.

— Ну, так идемте же!

— Мы можем просто поздороваться, а потом отправиться куда-нибудь еще.

— Ни в коем случае! — воскликнула Кэрол. — По-моему, это очень интересное место.

— Вы не бывали тут раньше?

— Не осмеливалась, — ответила она.

— Ну, так следуйте за мной, — сказал он и начал медленно пробираться между столиками. Девушка и тигренок шли за ним по пятам.

Алле-Оп выскочил навстречу Максвеллу, бурно заключил его в объятия, потом взял за плечи, отодвинул и начал всматриваться ему в лицо.

— Ты и в самом деле старина Пит? — спросил он. — Ты нас не морочишь?

— Да, я Пит, — ответил Максвелл. — А кем еще я могу быть, как по-твоему?

— В таком случае, — сказал Оп, — кого мы хоронили три недели назад, в четверг? И я, и Дух оба были там. И ты должен нам двадцать монет — ровно столько стоил венок, который мы прислали.

— Давайте сядем, — предложил Максвелл.

— Опасаешься скандала? — осведомился Оп. — Но ведь это место для скандалов и создано: каждый час по расписанию завязываются кулачные бои, а в промежутках кто-нибудь влезает на стол и разражается речью.

— Оп, — сказал Максвелл, — со мной дама, так что укротись и оцивилизуйся. Мисс Кэрол Хэмптон, а эта стоеросовая дубина зовется Алле-Оп.

— Счастлив познакомиться с вами, мисс Хэмптон, — сказал Алле-Оп. — Но кого я вижу! Саблезубый тигр, с места мне не сойти! Помнится, был случай, когда я в буран укрылся в пещере, где уже сидела такая вот киска, а при мне никакого оружия, кроме тупого кремневого ножа. Понимаете, палица у меня сломалась, когда я повстречал медведя, и…

— Доскажешь как-нибудь в другой раз, — перебил Максвелл. — Может быть, мы все-таки сядем? Нам очень хочется есть и вовсе не хочется, чтобы нас вышвырнули отсюда.

— Пит, — сказал Алле-Оп, — быть вышвырнутым из этой забегаловки — весьма большая честь. Ты можешь считать свое общественное положение упроченным только после того, как тебя вышвырнут отсюда.

Однако, продолжая ворчать себе под нос, он все-таки направился к своему столику и галантно подвинул стул Кэрол. Сильвестр устроился между ней и Максвеллом, положил морду на стол и недоброжелательно уставился на Алле-Опа.

— Этой киске я не нравлюсь, — объявил Оп. — Возможно, она знает, сколько ее предков я поистреблял в добром старом каменном веке.

— Сильвестр всего лишь биомех, — объяснила

Кэрол, — и ничего знать не может.

— Ни за что не поверю, — сказал Оп. — Эта животина — никакой не биомех. У него в глазах видна самая что ни на есть типичная саблезубая подлость.

— Пожалуйста, Оп, уймись на минутку, — прервал его Максвелл. — Мисс Хэмптон, позвольте представить вам Духа, моего очень старого друга.

— Мне очень приятно познакомиться с вами, мистер Дух, — сказала Кэрол.

— Только не «мистер», а просто Дух, — поправил тот. — Я ведь дух, и больше ничего. И самое ужасное заключается в том, что я не знаю, чей я, собственно, дух. Очень рад познакомиться с вами. Так уютно сидеть за столиком вчетвером. В цифре «четыре» есть что-то милое и уравновешенное.

— Ну, — объявил Оп, — теперь, когда мы перезнакомились, давайте перейдем к делу. Выпьем! Ужасно противно пить в одиночку. Конечно, я люблю Духа за многие его превосходные качества, но не переваривaю непьющих.

— Ты же знаешь, что я не могу пить, — вздохнул Дух. — И есть не могу. И курить. Возможности духов весьма и весьма ограничены, но мне хотелось бы, чтобы ты перестал указывать на это всем, с

кем мы знакомимся.

Оп повернулся к Кэрол:

— Вы, кажется, удивлены, что варвар-неандерталец способен изъясняться так красноречиво и свободно, как я?

— Не удивлена, а потрясена, — поправила Кэрол.

— Оп, — сообщил ей Максвелл, — за последние двадцать лет вобрал в себя такое количество знаний, какое обыкновенному человеку и не снилось. Начал с программы детского сада в буквальном смысле слова, а сейчас работает над докторской диссертацией. А главное, он и дальше собирается продолжать в том же духе. Его можно назвать одним из самых выдающихся наших студентов.

Оп поднял руку и замахал официанту, призывая его могучим голосом.

— Сюда! — крикнул он. — Здесь есть люди, которые хотели бы облагодетельствовать вас заказом. Все они умирают от ползучей жажды.

— Больше всего меня в нем восхищает, — заметил Дух, — его застенчивость и скромность.

— Я продолжаю учиться, — сказал Оп, — не столько из стремления к знанию, сколько ради удовольствия наблюдать ошарашенное выра-

жение на лицах педантов-преподавателей и дураков-студентов. Впрочем, — повернулся он к Максвеллу, — я отнюдь не утверждаю, что все преподаватели обязательно педанты.

— Спасибо! — сказал Максвелл.

— Есть люди, — продолжал Оп, — которые, по-видимому, убеждены, что Homo sapiens neanderthalensis — глупая скотина, и ничего больше. Ведь что ни говори, а он вымер, он не смог выдержать борьбы за существование, в чем усматривается прямое доказательство его безнадежной второсортности. Боюсь, я и дальше буду посвящать мою жизнь опровержению…

Рядом с Опом возник официант.

— А, это опять вы! — сказал он. — Можно было сразу догадаться, как только вы принялись на меня орать. Вы невоспитанны, Оп.

— С нами тут сидит человек, — сообщил ему Оп, пропуская мимо ушей оскорбительное утверждение, — который вернулся из страны теней. По-моему, достойнее всего будет отпраздновать его воскрешение вакханалией дружбы.

— Насколько я понял, вы хотели бы чего-нибудь выпить?

— Так почему же вы сразу не принесли бутылку хорошего пойла, ведерко льда и четыре… нет,

три рюмки? — осведомился Оп. — Дух, знаете ли, не пьет.

— Я знаю, — сказал официант.

— То есть если мисс Хэмптон не предпочитает какую-нибудь модную болтушку, — уточнил Оп.

— Кто я такая, чтобы вставлять палки в колеса? — спросила Кэрол. — Что пьете вы?

— Кукурузное виски, — ответил Оп. — Наш с Питом вкус в этом отношении ниже всякой критики.

— Ну, так кукурузное виски, — решила Кэрол.

— Насколько я понял, — сказал официант, — когда я приволоку сюда бутылку, у вас будет чем за нее заплатить. Я помню, как однажды…

— Если я обману ваши ожидания, — объявил Оп, — мы обратимся к старине Питу.

— К Питу? — переспросил официант и, посмотрев на Максвелла, воскликнул: — Профессор! А я слышал, что вы…

— Я вам уже битый час об этом толкую, — перебил Оп. — Потому-то мы и празднуем. Он восстал из гроба.

— Но я не понимаю…

— И незачем, — сказал Оп. — Несите-ка выпивку, а больше от вас ничего не требуется.

Официант убежал.

— А теперь, — сказал Дух, обращаясь к Максвеллу, — пожалуйста, объясните нам, что вы такое. По-видимому, вы не дух, или же процесс их изготовления значительно улучшился с той поры, когда человек, которого представляю я, сбросил бренную оболочку.

— Насколько можно судить, — начал Максвелл, — перед вами результат раздвоения личности. Один из меня, насколько я понял, стал жертвой несчастного случая и умер.

— Но это же невозможно! — возразила Кэрол. — Психическое раздвоение личности — это понятно, но чтобы физически…

— Ни на земле, ни в небесах нет ничего невозможного, — объявил Дух.

— Цитатка-то заезженная! — заметил Оп. — И к тому же ты ее переврал.

Он принялся энергично скрести волосатую грудь короткими пальцами.

— Не глядите на меня с таким ужасом, — сказал он Кэрол. — Зуд, и больше ничего. Я дитя природы и потому чешусь. Но я отнюдь не наг. На мне надеты шорты.

— Его выучили ходить на двух ногах, — заметил Максвелл, — но только-только.

— Вернемся к раздвоению вашей личности, —

сказала Кэрол. — Не могли бы вы объяснить нам, что, собственно, произошло?

— Я отправился на одну из планет системы Енотовой Шкуры, и в пути моя волновая схема каким-то образом сдублировалась, так что я прибыл одновременно в два разных места.

— Вы хотите сказать, что возникло два Питера Максвелла?

— Вот именно.

— На твоем месте, — сказал Оп, — я бы подал на них в суд. Этим транспортникам даже убийство с рук сойдет! Ты можешь вытрясти из них хорошее возмещение. Вызовешь свидетелями меня и Духа. Мы ведь были на твоих похоронах! И вообще, — добавил он, — нам с Духом тоже следует предъявить им иск. За причинение моральных мук. Наш лучший друг лежит в гробу бледный и неподвижный, а мы совсем убиты горем.

— Нет, правда, мы очень горевали, — сказал Дух.

— Я знаю, — ответил Максвелл.

— Послушайте, — сказала Кэрол. — По-моему, вы все трое относитесь к случившемуся как-то слишком уж легко. Один из трех друзей…

— Чего вы от нас хотите? — осведомился Оп. — Чтобы мы запели «Аллилуйя»? Или таращили

глаза, дивясь неслыханному чуду? Мы потеряли приятеля, а теперь он вернулся…

— Но ведь их было двое, и один…

— Для нас он всегда был один, — сказал Оп. — И пожалуй, так лучше. Нетрудно представить, какие недоразумения возникли бы, если бы его было двое.

Кэрол повернулась к Максвеллу:

— А что скажете вы?

Он покачал головой:

— Я буду всерьез думать об этом только дня через два. А пока, наверное, просто не могу. По правде говоря, при одной мысли об этом меня охватывает какое-то оцепенение. Но сейчас я сижу здесь с хорошенькой девушкой, с двумя старыми друзьями и с большим симпатичнейшим котиком и знаю, что нам предстоит разделаться с бутылкой виски, а потом хорошенько поужинать.

Он весело ей улыбнулся. Кэрол пожала плечами.

— Таких сумасшедших я еще не видела, — сказала она. — И знаете, мне это нравится.

— Мне тоже, — объявил Оп. — Что ни говорите, а эта ваша цивилизация куда приятнее давних эпох. В моей жизни не было дня счастливей того,

когда экспедиция из Института времени утащила меня сюда как раз в тот момент, когда несколько моих любящих соплеменников вздумали подзакусить мною. Впрочем, у меня к ним нет никаких претензий. Зима выдалась долгая и суровая, снег был очень глубоким, и дичь совсем исчезла. К тому же кое-кто из племени имел на меня зуб — и не без основания, не буду вас обманывать. Меня уже собирались тюкнуть по затылку и, так сказать, бросить в общий котел…

— Каннибализм! — с ужасом произнесла Кэрол.

— Естественно, — утешил ее Оп. — В те безыскусственные первобытные деньки в подобной ситуации не было ничего особенного. Но, разумеется, вам этого не понять. Ведь вы ни разу не испытывали настоящего голода, верно? Такого, чтобы кишки сводило, чтобы совсем иссохнуть…

Он умолк и обвел глазами зал.

— Наиболее утешительный аспект этой культуры, — продолжал он, — заключается в изобилии пищи. В старину у нас была чересполосица: ухлопаем мастодонта и едим, пока нас не начнет рвать, после чего опять едим и…

— На мой взгляд, — предостерегающе сказал Дух, — эта тема не слишком подходит для разго-

вора за столом.

Оп поглядел на Кэрол.

— Во всяком случае, вы должны признать, — объявил он, — что я прямодушен. Когда я имею в виду рвоту, я так и говорю — «нас рвало», а не «мы срыгивали».

Подошел официант и почти швырнул на стол бутылку и ведерко со льдом.

— Горячее сейчас закажете? — спросил он.

— Мы еще не решили, будем ли мы питаться в этой подозрительной харчевне. Одно дело тут нализаться, и совсем другое…

— В таком случае, сэр… — Официант положил перед ними счет.

Оп порылся в карманах и вытащил деньги. Максвелл придвинул бутылку и ведерко поближе и начал накладывать лед в рюмки.

— Но мы же поужинаем тут? — спросила Кэрол. — Если Сильвестр не получит бифштекса, который вы ему обещали, я ничего не гарантирую. И ведь как терпеливо и благонравно он ведет себя, несмотря на все эти аппетитные запахи!

— Но он уже скушал один бифштекс! — напомнил Максвелл. — Сколько еще он способен их сожрать?

— Неограниченное количество, — ответил

Оп. — В старину такое чудище в один присест запросто уминало лося. Я вам когда-нибудь рассказывал…

— Думаю, что да, — поспешно сказал Дух.

— Но бифштекс был пережаренный! — запротестовала Кэрол. — А он любит их с кровью. И к тому же совсем крохотный!

— Оп, — попросил Максвелл. — Верни официанта. У тебя это отлично получается. Твой голос словно создан для этой цели.

Оп взмахнул могучей рукой и взревел. Потом подождал немного и снова взревел, но опять безрезультатно.

— Он меня игнорирует, — проворчал Оп. — А может быть, это вовсе и не наш официант. Я их, макак, не различаю. Они для меня все на одно лицо.

— Не нравится мне сегодняшняя публика, — сказал Дух. — Я все посматриваю по сторонам. Что-то назревает.

— А чем они плохи? — спросил Максвелл.

— Слишком много слизняков из английской литературы. Обычно они сюда не заходят. Завсегдатаи здесь временщики и сверхъестественники.

— Ты думаешь, из-за Шекспира?

— Возможно, — согласился Дух.

Максвелл передал рюмку Кэрол, а другую подвинул через стол Опу.

— Как-то неудобно, что вы остаетесь ни при чем, — сказала Кэрол, обращаясь к Духу. — Ну, понюхайте хотя бы!

— Пусть это вас не тревожит, — вмешался Оп. — Этот субъект напивается до розовых слонов одним лунным светом. Он может танцевать на радуге. У него перед вами масса преимуществ. Например, он бессмертен. Духа ведь ничем не убьешь.

— Ну, не знаю, — сказал Дух.

— Я не понимаю одного… — сказала Кэрол. — Вы не рассердитесь?

— Пожалуйста, не стесняйтесь!

— Вы сказали, что не знаете, чей вы дух. Вы пошутили или это правда?

— Это правда, — ответил Дух. — И поверьте, весьма неприятная правда. Я чувствую себя крайне неловко. Но что поделаешь — забыл! Из Англии — это я, во всяком случае, знаю твердо. Но фамилию вспомнить никак не могу. У меня есть подозрение, что и остальные духи…

— У нас тут нет других духов, — сказал Максвелл. — Контакты с духами, беседы, интервью — это сколько угодно, но ни один дух, кроме тебя,

не захотел жить среди нас. Почему ты это сделал, Дух? Пришел к нам, я имею в виду?

— Он прирожденный аферист, — заметил Оп. — Всегда высматривает, где чем можно поживиться.

— Ну, положим! — возразил Максвелл. — Что, собственно, мы можем дать духу?

— Вы даете мне, — сказал Дух, — ощущение реальности.

— Какова бы ни была причина, я очень рад, что ты пришел к нам, — сказал Максвелл.

— Вы трое — уже давние друзья, — задумчиво произнесла Кэрол.

— И это вас удивляет? — спросил Оп.

— Да, пожалуй… Я не очень отдаю себе отчет, что, собственно, я имела в виду.

В противоположном конце зала послышалась какая-то возня. Кэрол и Максвелл обернулись на шум, но не смогли разобрать, что там происходит.

Внезапно на один из столиков вспрыгнул человек и запел:

Билл Шекспир, хороший малый,
Зря бумаги не марал,
Не давал проходу юбкам,
Громко песенки орал…

Раздались возмущенные вопли и свист. Кто-то бросил чем-то в певца, но промахнулся. Часть посетителей подхватила песню:

Билл Шекспир, хороший малый,
Зря бумаги не марал…

Какой-то могучий бас оглушительно взревел:

— К черту Билла Шекспира!

И зал словно взорвался. Летели на пол стулья, люди вскакивали на столы, пронзительно вопили, сталкивали и стаскивали друг друга вниз. Замелькали кулаки. В воздух взвились различные предметы.

Максвелл вскочил, протянул руку и перебросил Кэрол себе за спину. Оп с оглушительным боевым кличем перепрыгнул через стол и опрокинул ногой ведерко. Ледяные кубики разлетелись во все стороны.

— Я посбиваю их, как кегли, — кричал он Максвеллу, — а ты знай оттаскивай!

Максвелл заметил кулак, взметнувшийся у него над ухом, увернулся и нанес удар в пустоту, примерно в том направлении, откуда появился кулак. Над его плечом промелькнула ручища Опа, завершавшаяся могучим кулаком, который врезался в чью-то физиономию, и кто-то покатил-

ся по полу за их столиком.

В затылок Максвелла угодил какой-то тяжелый предмет, летевший со значительной скоростью, и он свалился. Вокруг двигалась стена ног. Кто-то наступил ему на руку. Кто-то упал на него. Где-то в неизмеримой вышине раздавались дикие завывания Опа.

Максвелл извернулся, сбросил упавшее на него тело и, пошатываясь, поднялся с пола. В его локоть впились сильные пальцы.

— Давай-ка выбираться отсюда, — сказал Оп. — Это может скверно кончиться.

Кэрол откинулась назад, обеими руками сжимая загривок Сильвестра. Тигренок стоял на задних лапах, молотя передними по воздуху. Он утробно рычал, и его длинные клыки поблескивали даже в полутьме.

— Если мы сейчас же не вытащим его отсюда, — сказал Оп, — котик сам раздобудет себе бифштекс.

Он стремительно нагнулся, ухватил тигренка поперек живота, поднял его и прижал к груди.

— Позаботься о девушке, — скомандовал Оп. — Тут где-то есть другой выход. И не забудь бутылку! Она нам еще понадобится.

Максвелл взял бутылку за горлышко.

Духа нигде не было видно.

Глава 6

— Я трус, — признавался Дух. — Я не скрываю, что стоит завязаться драке, и я превращаюсь в зайца.

— А ведь ты единственный парень в мире, которого никто и пальцем тронуть не может, — заметил Оп.

Они сидели вокруг квадратного шаткого стола, который Оп однажды в припадке хозяйственной энергии собственноручно сколотил из нестроганых досок.

Кэрол отодвинула тарелку.

— Я умирала от голода, — сказала она, — но не в силах больше проглотить ни кусочка.

— И не только вы, — отозвался Оп. — Взгляните-ка на нашу кисоньку.

Сильвестр лежал, свернувшись возле очага. Обрубок хвоста был плотно прижат к заду, пушистые лапы прикрывали нос, усы ритмично подрагивали от спокойного дыхания.

— В первый раз вижу, чтобы саблезубый наелся до отвала, — сказал Оп.

Он взял бутылку и встряхнул ее. Она была пуста. Неандерталец встал, направился в угол, на-

гнулся, приподнял дверцу в полу и пошарил под ней. Он вытащил стеклянную банку и отставил ее в сторону. Потом достал еще одну и поставил ее рядом с первой. Наконец, он с торжествующим видом извлек из темной дыры бутылку.

Убрав банки на прежнее место, Оп опустил дверцу, вернулся к столу, откупорил бутылку и начал разливать ее содержимое по стаканам.

— Вы, ребята, конечно, пьете без льда, — сказал он. — Что зря разбавлять хороший напиток! А к тому же льда у меня все равно нет.

Он указал на дверцу в полу.

— Мой тайник. Я всегда держу там бутылку-другую. На случай, если я, например, сломаю ногу, а медик запретит мне пить…

— Из-за сломанной-то ноги? — усомнился Дух.

— Ну, не из-за ноги, так из-за чего-нибудь другого, — сказал Оп.

Они с удовольствием прихлебывали виски, Дух смотрел в огонь, а снаружи ветер шуршал по стенам хижины.

— В жизни я так вкусно не ужинала, — вздохнула Кэрол. — Я никогда еще не жарила себе сама бифштекс на палочке прямо над огнем.

Оп удовлетворенно рыгнул:

— Так мы жарили мясо в каменном веке. Или

ели его сырым, как вон тот саблезубый. У нас ведь не было ни плит, ни духовок, ни прочих ваших выдумок.

— У меня такое ощущение, — сказал Максвелл, — что лучше не спрашивать, откуда взялась эта вырезка. Ведь все мясные лавки наверняка были закрыты.

— Были-то были, — согласился Оп. — Но есть тут один магазинчик, и на задней двери там висел вот этот простенький замок…

— Когда-нибудь, — сказал Дух, — ты наживешь крупную неприятность.

Оп покачал головой:

— Не думаю. Во всяком случае, не в этот раз. Жизненно важная потребность… Нет, пожалуй, не то. Когда человек голоден, он имеет право на любую пищу, которую отыщет. Такой закон был в первобытные времена. Уж, конечно, суд и сейчас примет его во внимание. Кроме того, я завтра зайду туда и объясню, что произошло. Кстати, — повернулся он к Максвеллу, — есть у тебя деньги?

— Сколько хочешь, — ответил тот. — Мне были выписаны командировочные для поездки в Енотовую Шкуру, и я не истратил из них ни гроша.

— Значит, на планете, куда вы попали, с вами

обращались как с гостем? — заметила Кэрол.

— Примерно. Я так до конца и не разобрался, в каких отношениях я находился с местными обитателями.

— Они были приятными людьми?

— Приятными-то приятными, но вот людьми ли — не знаю. — Он повернулся к Опу. — Сколько тебе нужно?

— Сотни должно хватить. Мясо, взломанная дверь и, конечно, оскорбленные чувства нашего друга — мясника.

Максвелл достал бумажник, вытащил несколько банкнот и протянул их Опу.

— Спасибо, — сказал неандерталец. — Считай за мной.

— Нет, — возразил Максвелл. — Сегодня угощаю я. Ведь я пригласил Кэрол поужинать, хотя из этого так ничего и не вышло.

Сильвестр у очага зевнул, потянулся и снова уснул — уже на спине, задрав все четыре лапы кверху.

— Вы здесь в гостях, мисс Хэмптон? — спросил Дух.

— Нет, — с удивлением ответила Кэрол. — Я здесь работаю. А почему вы подумали…

— Из-за вашего тигра. Вы сказали, что это био-

мех, и я, естественно, подумал, что вы сотрудник Биомеханического института.

— А! — сказала Кэрол. — Нью-йоркского или Венского?

— Есть еще азиатский центр в Улан-Баторе, если мне не изменяет память.

— А вы там бывали?

— Нет. Только слышал.

— А ведь мог бы побывать, если бы захотел, — сказал Оп. — Он ведь способен переноситься куда угодно в мгновение ока. Вот почему сверхъестественники терпят его штучки. Они рассчитывают в конце концов докопаться до этих его свойств. Только старина Дух стреляный воробей и ничего им не говорит.

— На самом деле его молчание объясняется тем, что ему платят транспортники, — вмешался Максвелл. — Им нужно, чтобы он держал язык за зубами. Если он расскажет о способе своего передвижения, им придется закрыть лавочку. Люди смогут переноситься по желанию куда захотят, не обращая внимания на расстояние, будь то хоть миля, хоть миллион световых лет.

— А до чего он тактичен! — подхватил Оп. — Ведь клонил-то он к тому, что такой саблезубый стоит больших денег, если вы не специалист по

биомеханике и сами состряпать его не можете.

— Понимаю! — сказала Кэрол. — Это верно. Они стоит безумных денег, которых у меня нет. Мой отец преподавал в нью-йоркском Биомеханическом институте, и Сильвестра изготовили студенты его семинара, а потом подарили ему, когда он уходил на пенсию.

— А я все равно не верю, что эта киса биомеханического происхождения. Слишком уж у нее блестят глаза, когда она смотрит на меня, — заметил Оп.

— Дело в том, — объяснила Кэрол, — что в настоящее время они все уже не столько «мех», сколько «био». Термин «биомеханический» родился в те дни, когда чрезвычайно сложный электронный мозг и нервная система помещались в особого типа протоплазму. Но теперь механическими в них остались только органы, которые в природе изнашиваются особенно быстро, — сердце, почки, легкие и прочее в том же роде. Собственно говоря, в настоящее время биомеханические институты просто создают те или иные живые организмы… Но вы это, конечно, знаете.

— Ходят разговоры, — сказал Максвелл, — что где-то под замком содержится группа сверхлюдей. Вы что-нибудь об этом слышали?

— Да. Но ведь всегда ходят какие-нибудь странные слухи.

— А самый лучший поймал недавно я, — вмешался Оп. — Конфетка! Мне шепнули, что сверхъестественники установили контакт с Сатаной. Так как же, Пит?

— Ну, возможно, кто-то и предпринял подобную попытку, — сказал Максвелл. — Ведь это просто напрашивалось.

— Неужели вы считаете, что Сатана и в самом деле существует? — удивилась Кэрол.

— Двести лет назад, — ответил Максвелл, — люди точно таким же тоном спрашивали, неужели существуют гоблины, тролли и феи.

— И духи, — вставил Дух.

— Кажется, вы говорите серьезно! — воскликнула Кэрол.

— Нет, конечно, — ответил Максвелл. — Но я не склонен априори отрицать существование даже Сатаны.

— Это удивительный век! — заявил Оп. — Что, несомненно, вы слышали от меня и раньше. Вы покончили с суевериями и бабушкиными сказками. Вы отыскиваете в них зерно истины. Однако мои соплеменники знали про троллей, гоблинов и прочих. Легенды о них, как вам известно, всегда

основывались на фактах. Только позже, когда человек вышел из пеленок дикарской простоты, если вам угодно называть это так, он отмел факты, не позволяя себе поверить в то, что, как он знал, было правдой. Поэтому он принялся приукрашивать факты и упрятал их в сказки, легенды и мифы. А когда люди размножились, все эти существа начали старательно от них прятаться. И хорошо сделали: в свое время они вовсе не были такими милыми, какими вы считаете их теперь.

— А Сатана? — спросил Дух.

— Не знаю, — ответил Оп. — Возможно, но точно сказать не могу. Тогда уже были все те, кого вы теперь разыскали, выманили на свет и поселили в заповедниках. Но их разновидностей было куда больше. Некоторые были жуткими, и все — вредными.

— По-видимому, вы не питали к ним большой симпатии, — заметила Кэрол.

— Да, мисс. Не питал.

— На мой взгляд, — сказал Дух, — этим вопросом стоило бы заняться Институту времени. Вероятно, существовало много разных типов этих… можно назвать их приматами?

— Да, пожалуй, можно, — согласился Макс-

велл.

— ...приматов совсем иного склада, чем обезьяны и человек.

— Еще бы не другого! — с чувством произнес Оп. — Гнусные вонючки, и больше ничего.

— Я уверена, что когда-нибудь Институт времени возьмется и за разрешение этого вопроса, — сказала Кэрол.

— Еще бы! — ответил Оп. — Я им только об этом и твержу и прилагаю надлежащие описания.

— У Института времени слишком много задач, — напомнил им Максвелл. — В самых различных и одинаково интересных областях. Им же надо охватить все прошлое!

— При полном отсутствии денег, — добавила Кэрол.

— Мы слышим голос лояльного сотрудника Института времени, — объявил Максвелл.

— Но это же правда! — воскликнула девушка. — Исследования, которые проводит наш институт, могли бы принести столько пользы другим наукам! На писаную историю полагаться нельзя. Во многих случаях оказывается, что все было совсем не так. Пристрастия, предубеждения или просто тупые суждения, навеки мумифицированные на страницах книг и документов! Но разве другие

институты выделяют на такие исследования необходимые средства? Я вам могу ответить: нет и нет! Ну, есть, конечно, исключения. Юридический факультет всегда идет нам навстречу, но таких мало. Остальные боятся. Они не хотят рисковать благополучием своих уютных мирков. Возьмите, например, историю с Шекспиром. Казалось бы, факультет английской литературы должен был обрадоваться, узнав, кто был настоящим автором этих пьес. В конце концов вопрос о том, кто их автор, дебатировался несколько столетий. Но когда Институт времени дал на него точный ответ, они только вышли из себя.

— А теперь, — сказал Максвелл, — Институт тащит сюда Шекспира читать лекцию о том, писал он их или нет. Не кажется ли вам, что это не слишком тактично?

— Ах, дело совсем в другом! — вспыхнула Кэрол. — В том, что Институт времени вынужден превращать историю в аттракцион, чтобы пополнить свою кассу. И так всегда. Всевозможные планы, цель которых одна — раздобыть деньги. И так уж у нас репутация балаганных клоунов. Неужели вы думаете, что декану Шарпу нравится…

— Я хорошо знаю Харлоу Шарпа, — сказал Максвелл. — Поверьте, он извлекает из этого массу

удовольствия.

— Какое кощунство! — воскликнул Оп с притворным ужасом. — Или ты не знаешь, что за разглашение священных тайн тебя могут распять?

— Вы смеетесь надо мной! — сказала Кэрол. — Вы смеетесь над всеми и над всем. И вы тоже, Питер Максвелл.

— Я приношу извинения от их имени, — вмешался Дух, — поскольку у них не хватает ума извиниться самим. Только прожив с ними бок о бок десять-пятнадцать лет, начинаешь понимать, что они, в сущности, совсем безвредны.

— И все равно наступит день, когда Институт времени получит в свое распоряжение все необходимые средства, — сказала Кэрол. — Тогда он сможет привести в исполнение задуманные проекты, а остальные факультеты могут убираться ко всем чертям. Когда состоится продажа…

Она внезапно умолкла и словно окаменела. Казалось, только колоссальным усилием воли она удержалась от того, чтобы зажать себе ладонью рот.

— Какая продажа? — спросил Максвелл.

— По-моему, я знаю, — сказал Оп. — До меня дошел слух, собственно говоря, слушок, и я не об-

ратил на него внимания. Хотя, если на то пошло, как раз такие мерзкие тихие слушки и оказываются на поверку правдой. Когда слух грозен, повсеместен и…

— Оп, нельзя ли без речей — перебил Дух. — Просто скажи нам, что ты слышал.

— О, это невероятно! — объявил Оп. — Вы не поверите. Как бы ни старались.

— Да перестаньте же! — вскричала Кэрол.

Все трое выжидающе посмотрели на нее.

— Я сказала лишнее. Слишком увлеклась и… Пожалуйста, забудьте об этом. Я даже не знаю, действительно ли предполагается что-то подобное.

— Разумеется! — сказал Максвелл. — Ведь вы провели вечер в дурном обществе, вынуждены были терпеть грубости и…

— Нет, — сказала Кэрол, покачав головой. — Моя просьба бессмысленна. Да я и не имею права просить вас об этом. Мне остается только рассказать вам все и положиться на вашу порядочность. И я совершенно уверена, что это не пустые слухи. Институту времени предлагают продать Артефакт.

В хижине воцарилась напряженная тишина — Максвелл и его друзья замерли, почти не дыша.

Кэрол удивленно переводила взгляд с одного не другого, не понимая, что с ними.

Наконец Дух сделал легкое движение, и в безмолвии им всем показалось, что его белый саван зашуршал так, словно был материален.

— Ведь вам неизвестно, — сказал он, — как нам всем троим дорог Артефакт.

— Вы нас как громом поразили, — объявил Оп.

— Артефакт! — вполголоса произнес Максвелл. — Артефакт. Величайшая загадка. Единственный предмет в мире, ставящий всех в тупик…

— Таинственный камень! — сказал Оп.

— Не камень, — поправил его Дух.

— Значит, вы могли бы объяснить мне, что это такое? — спросила Кэрол.

Но вся соль как раз и заключается в том, что Дух не может ответить на ее вопрос, и никто другой тоже, подумал Максвелл. Около десяти лет назад экспедиция Института времени, отправившаяся в юрский период, обнаружила Артефакт на вершине холма, и он был доставлен в настоящее ценой неимоверных усилий и затрат. Его вес потребовал для переброски во времени такой энергии, какой еще ни разу не приходилось применять, — для осуществления этой операции

пришлось отправить в прошлое портативный ядерный генератор, который пересылался по частям и был смонтирован на месте. Затем перед экспедицией встала задача возвращения генератора в настоящее, поскольку простая порядочность не позволяла оставлять в прошлом подобные предметы даже в столь отдаленном прошлом, как юрский период.

— Я не могу вам этого объяснить, — сказал Дух. — И никто не может.

Дух говорил чистую правду. Пока еще никому не удалось установить хотя бы приблизительно, что такое Артефакт. Этот массивный брус из какого-то материала, который не был ни металлом, ни камнем, хотя вначале его определили как камень, а затем как металл, ставил в тупик всех исследователей. Он был длиной в шесть футов и высотой в четыре и представлял собой сгусток сплошной черноты, не поглощавшей энергии и не испускавшей ее. Свет и другие излучения отражались от его поверхности, на которой никакие режущие инструменты не могли оставить ни малейшего следа — даже лазерный луч оказывался бессильным. Неуязвимый и непроницаемый Артефакт упрямо хранил свою тайну. Он лежал на пьедестале в первом зале Музея времени — един-

ственный предмет в мире, для которого не было найдено хотя бы гипотетически правдоподобного объяснения.

— Но если так, — сказала Кэрол, — то почему вы расстроились?

— А потому, — ответил Оп, — что Питу кажется, будто эта штука в далекую старину была предметом поклонения обитателей холмов. То есть если эти паршивцы вообще способны чему-то поклоняться.

— Мне очень жаль, — сказала Кэрол. — Нет, правда. Я ведь не знала. Наверное, если сообщить в Институт…

— Это же только предположение, — возразил Максвелл, — У меня нет фактов, на которые можно было бы сослаться. Просто кое-какие ощущения, оставшиеся после разговоров с обитателями холмов. Но даже и маленький народец ничего не знает. Это ведь было так давно.

Так давно! Почти двести миллионов лет назад.

Глава 7

— Ваш Оп меня просто ошеломил, — заметила Кэрол. — И этот домик, который он соорудил на краю света!

— Он оскорбился бы, если бы услышал, что вы назвали его жилище домиком, — сказал Максвелл. — Это хижина, и он ею гордится! Переход из пещеры прямо в дом был бы для него слишком тяжел. Он чувствовал бы себя очень неуютно.

— Из пещеры? Он и в самом деле жил в пещере?

— Я должен вам сообщить кое-что про моего старого друга Опа, — сказал Максвелл. — Он записной врун. И его рассказам далеко не всегда можно верить. Эта история про каннибализм, например…

— У меня сразу стало легче на душе. Чтобы люди ели друг друга… Брр!

— О, каннибализм в свое время существовал, это известно точно. Но вот должен ли был Оп попасть в котел — дело совсем другого рода. Вообще-то, если речь идет об общих сведениях, на его слова можно полагаться. Сомнительны только описания его собственных приключений.

— Странно! — сказала Кэрол. — Я не раз видела его в Институте, и он показался мне интересным, но я никак не думала, что познакомлюсь с ним. Да если говорить честно, у меня и не было такого желания. Есть люди, от которых я предпочитаю держаться подальше, и он казался мне именно таким. Я воображала, что он груб и неотесан…

— Он такой и есть! — вставил Максвелл.

— Но и удивительно обаятельный, — возразила Кэрол.

В темной глубине неба холодно мерцали ясные осенние звезды. Шоссе, почти совсем пустое, вилось вдоль самого гребня холма. Далеко внизу широким веером сияли фонари университетского городка. Ветер, срывавшийся с гребня, приносил слабый запах горящих листьев.

— И огонь в очаге — такая прелесть! — Вздохнула Кэрол. — Питер, почему мы обходимся без огня? Ведь построить очаг, наверное, совсем несложно.

— Несколько сотен лет назад, — сказал Максвелл, — в каждом доме или почти в каждом доме был по меньшей мере один очаг. А иногда и несколько. Разумеется, эта тяга к открытому огню была атавизмом. Воспоминанием о той эпохе, когда огонь был подателем тепла и защитником.

Но в конце концов мы переросли это чувство.

— Не думаю. Мы просто ушли в сторону. Повернулись спиной к какой-то части нашего прошлого. А потребность в огне все еще живет в нас. Возможно, чисто психологическая. Я убедилась в этом сегодня. Огонь был таким завораживающим и уютным! Возможно, это первобытная черта, но должно же в нас сохраниться что-то первобытное.

— Оп не может жить без огня, — сказал Максвелл. — Именно отсутствие огня ошеломило его больше всего, когда экспедиция доставила его сюда. Первое время с ним, конечно, обходились как с пленником — держали не то чтобы взаперти, но под строгим присмотром. Но когда он стал, так сказать, сам себе хозяином, он подыскал подходящее место за пределами городка и выстроил там хижину. Примитивную, как ему и хотелось. И конечно, с очагом. И с огородом. Вам непременно следует посмотреть его огород. Идея, что пищу можно выращивать, была для него абсолютно новой. В его времена никто и представить себе не мог ничего подобного. Гвозди, пилы, молотки и доски тоже были ему в новинку, как и все остальное. Но он проявил поразительную психологическую гибкость и с легкостью освоил

как новые инструменты, так и новые идеи. Его ничто не могло ошеломить. Свою хижину он строил, пользуясь пилой, молотком, гвоздями, досками и всем прочим. И все-таки, мне кажется, больше всего его потряс огород — возможность выращивать пищу вместо того, чтобы охотиться за ней. Вероятно, вы заметили, что он и сейчас еще внутренне не может до конца привыкнуть к изобилию и доступности еды.

— И напитков! — добавила Кэрол.

Максвелл засмеялся:

— Еще одно новшество, с которым он мгновенно освоился. Это почти его конек. Он даже поставил у себя в сарае аппарат и гонит гнуснейший самогон. Удивительно ядовитое пойло.

— Но гостям он его не дает, — сказала Кэрол. — Мы же пили виски.

— Самогон он бережет для самых близких друзей. Банки, которые он достал из подполья…

— Я еще подумала, зачем он их там прячет. Они показались мне совсем пустыми.

— Обе до краев полны прозрачным самогоном.

— Вы сказали, что прежде он находился на положении пленника. А теперь? Какое отношение он имеет к Институту времени?

— Он считается подопечным вашего Институ-

та. Впрочем, это его ни к чему не обязывает. Но он ни за что не расстанется с Институтом. Он ему предан даже больше, чем вы.

— А Дух? Он живет в общежитии факультета сверхъестественных явлений? На положении подопечного?

— Ну нет! Дух — бродячая кошка. Он странствует повсюду, где захочет. У него есть друзья во всех уголках планеты. Насколько мне известно, он ведет большую работу в Гималайском институте сравнительной истории религий. Однако он довольно часто выбирается сюда. Они с Опом сразу же стали закадычными друзьями, едва только факультет сверхъестественных явлений установил контакт с Духом.

— Пит, вы называете его Духом. Но что он такое на самом деле?

— Дух, а что же еще?

— Но что такое дух?

— Не знаю. И никто не знает, насколько мне известно.

— Но вы же сверхъестественник!

— Да, конечно. Но я всегда работал с маленьким народцем, специализируясь по гоблинам, хотя меня интересуют и все остальные. Даже баньши, хотя трудно вообразить более коварные и скрыт-

ные существа.

— Но значит, имеются и специалисты по духам? Что они говорят?

— Вероятно, довольно многое. Написаны тонны книг о привидениях, призраках и прочем, но у меня никогда не хватало на них времени. Я знаю, что в давние века считалось, будто всякий человек после смерти становится духом, но теперь, насколько мне известно, эта теория отвергнута. Духи возникают благодаря каким-то особым обстоятельствам, однако каким именно, я не имею ни малейшего представления.

— Знаете, — сказала Кэрол, — его лицо, хотя, может быть, и потустороннее, в то же время на редкость притягательно. Мне было ужасно трудно удержаться и не разглядывать его все время. Просто клочок сумрака в складках савана, хотя, конечно, это вовсе не саван. И порой — намек на глаза. Крохотные огоньки, которые кажутся глазами. Или это одно мое воображение?

— Нет, мне тоже иногда мерещится что-то такое.

— Пожалуйста, — попросила Кэрол, — возьмите этого дурака за шиворот и оттащите немного назад. Он того и гляди соскользнет на скоростную полосу. Ну, просто ничего не соображает! И засы-

пает где угодно и когда угодно. Ни о чем другом, кроме еды и сна, он вообще думать не способен.

Максвелл нагнулся и сдвинул Сильвестра на прежнее место. Сильвестр сонно заворчал.

Откинувшись на спинку сиденья, Максвелл посмотрел вверх.

— Поглядите на звезды, — сказал он. — Нигде нет такого неба, как на Земле. Я рад, что вернулся.

— Но что вы намерены делать дальше?

— Провожу вас домой, заберу чемодан и вернусь к Опу. Он откроет одну из своих банок, и мы будем попивать его зелье и разговаривать до зари. Тогда я улягусь в постель, которую он завел для гостей, а он свернется на куче листьев…

— Я видела эти листья в углу, и мне было ужасно любопытно узнать, зачем они там. Но я не спросила.

— Он спит на них. На кровати ему неудобно. Ведь, в конце-то концов, в течение многих лет куча листьев была для него верхом роскоши…

— Ну вот, вы снова надо мной смеетесь.

— Вовсе нет, — сказал Максвелл, — я говорю чистую правду.

— Но я же спрашивала вас вовсе не о том, что вы будете делать сегодня вечером, а вообще. Вы

ведь мертвы. Или вы забыли?

— Я буду объяснять, — сказал Максвелл. — Без конца объяснять. Где бы я ни оказался, найдутся люди, которые захотят узнать, что произошло. А может быть, даже будет проведено официальное расследование. Я искренне надеюсь, что обойдется без этого, но правила есть правила.

— Мне очень жаль, — сказала Кэрол, — и все-таки я рада. Как удачно, что вас было двое.

— Если транспортники сумеют разобраться в этой механике, — заметил Максвелл, — они откроют для себя золотую жилу. Все мы будем хранить где-нибудь свою копию на черный день.

— Это ничего не даст, — возразила Кэрол. — То есть для каждого данного индивида. Тот, другой, Питер Максвелл был самостоятельной личностью и… нет, я запуталась. Час слишком поздний, чтобы разбираться в подобных сложностях, но я убеждена, что ваша идея неосуществима.

— Да, — согласился Максвелл, — пожалуй, так. Это была глупая мысль.

— А вечер был очень приятный, — сказала Кэрол. — Спасибо. Я получила большое удовольствие.

— А Сильвестр получил большой бифштекс.

— Да, конечно. Он вас не забудет. Он любит тех,

кто угощает его бифштексами. Удивительный обжора!

— Я хотел вас спросить вот о чем, — сказал Максвелл. — Вы нам не сказали, кто предложил купить Артефакт.

— Не знаю. Мне известно только, что такое предложение было сделано. И, насколько я поняла, условия достаточно выгодные, чтобы серьезно заинтересовать Институт времени. Я случайно услышала отрывок разговора, не предназначавшегося для моих ушей. А от этого что-нибудь зависит?

— Возможно, — сказал Максвелл.

— Я теперь вспоминаю, что одно имя упоминалось, но не покупателя, как мне кажется. Просто кого-то, кто имеет к этому отношение. Я только сейчас вспомнила — кто-то по фамилии Черчилл. Это вам что-нибудь говорит?

Глава 8

Когда Максвелл вернулся, таща свой чемодан, Оп сидел перед очагом и подрезал ногти на ногах большим складным ножом.

Неандерталец указал лезвием на кровать:

— Брось-ка его туда, а сам садись где-нибудь рядом со мной. Я только что подложил в огонь парочку поленьев, и того, что в банке, хватит на двоих. К тому же у меня припрятаны еще две.

— А где Дух? — осведомился Максвелл.

— Исчез. Я не знаю, куда он отправился. Он мне этого не говорит. Но он скоро вернется. Он никогда надолго не пропадает.

Максвелл положил чемодан на кровать, вернулся к очагу и сел, прислонившись к его шершавым камням.

— Сегодня ты валял дурака даже лучше, чем это у тебя обычно получается, — сказал он. — Ради чего?

— Ради ее больших глаз, — ответил Оп, ухмыляясь. — Девушку с такими глазами нельзя не шокировать. Извини, Пит, я никак не мог удержаться.

— Все эти разговоры о каннибализме и рво-

те, — продолжал Максвелл. — Не слишком ли ты перегнул палку?

— Ну, я, пожалуй, и вправду немного увлекся, — признал Оп. — Но ведь публика как раз этого и ждет от дикого неандертальца!

— А она далеко не глупа, — заметил Максвелл. — Она проболталась об этой истории с Артефактом на редкость ловко.

— Ловко?

— Само собой разумеется. Неужто ты думаешь, что она и в самом деле проговорилась нечаянно?

— Я об этом вообще не думал, — сказал Оп. — Может быть, и нарочно. Но в таком случае зачем ей это, как ты думаешь?

— Скажем, она не хочет, чтобы его продавали. И она решила, что, если упомянуть об этом при болтуне вроде тебя, наутро новость станет известна всему городку. Она рассчитывает, что такие разговоры могут сорвать продажу.

— Ты же знаешь, Пит, что я вовсе не болтун.

— Я-то знаю. Но вспомни, как ты себя сегодня вел.

Оп сложил нож, сунул его в карман и, взяв банку, протянул её Максвеллу. Максвелл сделал большой глоток. Огненная жидкость полоснула его по горлу, как бритва, и он закашлялся. «Ну

хоть бы раз выпить эту дрянь, не поперхнувшись!» — подумал он. Кое-как проглотив самогон, он еще несколько секунд не мог отдышаться.

— Забористая штука, — сказал Оп. — Давненько у меня не получалось такой удачной партии. Ты видел — чистый, как слеза!

Максвелл, не в силах произнести ни слова, только кивнул.

Оп в свою очередь взял банку, поднес ее к губам, запрокинул голову, и уровень самогона в банке сразу понизился на дюйм с лишним. Потом он нежно прижал ее к волосатой груди и выдохнул воздух с такой силой, что огонь в очаге заплясал. Свободной рукой он погладил банку.

— Первоклассное пойло, — сказал он, утер рот рукой и некоторое время молча смотрел на пламя.

— Вот тебя она, несомненно, не могла принять за болтуна, — сказал он наконец. — Я заметил, что сегодня вечером ты сам выделывал лихие пируэты вокруг да около правды.

— Возможно, потому что я сам не знаю, какова эта правда, — задумчиво произнес Максвелл, — и как мне с ней поступить. У тебя есть настроение слушать?

— Сколько угодно, — сказал Оп. — То есть, если

тебе этого хочется. А так можешь мне ничего не говорить. Я имею в виду — по долгу дружбы. Если ты мне ничего не скажешь, мы все равно останемся друзьями. Ты же знаешь. Мы вообще можем ничего об этом не говорить. У нас найдется немало других тем.

Максвелл покачал головой.

— Нет, Оп. Мне необходимо с кем-то обсудить все это. Но довериться я могу только тебе. В одиночку мне не справиться.

— Ну-ка, отхлебни еще, — сказал Оп, протягивая ему банку, — а потом начинай, если хочешь. Я одного не могу понять: как транспортники допустили такую промашку. И я не верю, будто они ее допустили. Я бы сказал, что тут кроется что-то совсем другое.

— И ты не ошибся бы, — ответил Максвелл. — Где-то есть планета и, по-моему, не так уж далеко. Свободно странствующая планета, не связанная ни с каким солнцем. Хотя, насколько я понял, она в любой момент может присоединиться к той системе, какая ей приглянется.

— Это ведь довольно-таки сложно! Орбиты законных местных планет спутаются в клубок.

— Не обязательно, — возразил Максвелл. — Она может выбрать орбиту в другой плоскости.

И тогда ее присутствие практически на них не отразится.

Он взял банку, зажмурил глава и сделал могучий глоток. Отняв банку ото рта, он снова прислонился к грубым камням. В трубе мяукал ветер, но эти тоскливые звуки раздавались снаружи, за дощатыми стенами. Головешка в очаге рассыпалась каскадом раскаленных угольков. Пламя заплясало, и по всей комнате замелькали неверные тени.

Оп забрал банку из рук Максвелла, но пить не стал, а зажал ее между коленями.

— Иными словами, эта планета перехватила и сдублировала твою волновую схему, так что вас стало двое, — сказал он.

— Откуда ты знаешь?

— Дедуктивный метод. Наиболее логичное объяснение того, что произошло. Мне известно, что вас было двое. С тем другим, который вернулся раньше тебя, я разговаривал. И он был — ты. Он был точно таким же Питером Максвеллом, как ты. Он сказал, что на планетах системы Енотовой Шкуры никаких следов дракона не оказалось, что все это были пустые слухи, а потому он вернулся раньше, чем предполагал.

— Так вот в чем дело! — заметил Максвелл. — Я

никак не мог понять, почему он вернулся до срока.

— Передо мной стоит дилемма, — сказал Оп, — должен ли я предаваться радости или горю? Наверное, и радости, и горю понемножку, оставив место для смиренного удивления перед неисповедимыми путями человеческих судеб. Тот, другой, был ты. И вот он умер — и я потерял друга, ибо он был человеком и личностью, а человеческая личность кончается со смертью. Но тут сидишь ты. И если прежде я потерял друга, то теперь я вновь его обрел, потому что ты такой же настоящий Питер Максвелл, как и тот.

— Мне сказали, что это был несчастный случай.

— Ну, не знаю, — заметил Оп. — Я над этим довольно много размышлял. И я вовсе не уверен, что это действительно был несчастный случай — особенно после того, как ты вернулся. Он сходил с шоссе, споткнулся, упал и ударился затылком…

— Но ведь никто не спотыкается, сходя с шоссе. Разве что калеки или люди мертвецки пьяные. Наружная полоса еле ползет.

— Конечно, — сказал Оп. — И так же рассуждала полиция. Но других объяснений не нашлось, а полиции, как тебе известно, требуется какое-ни-

будь объяснение, чтобы закрыть дело. Случилось это в пустынном месте. Примерно на полпути отсюда до заповедника гоблинов. Свидетелей не было. Очевидно, все произошло, когда шоссе было пустынно. Возможно, ночью. Его нашли около десяти часов утра. С шести часов на шоссе было уже много людей, но, вероятно, все они сидели на внутренних скоростных полосах и не видели обочины. Труп мог пролежать очень долго, прежде чем его заметили.

— По-твоему, это не был несчастный случай? Так что же — убийство?

— Не знаю. Мне приходила в голову эта мысль. Одна странность так и осталась необъясненной. В том месте, где обнаружили тело, стоял какой-то необычный запах. Никому не знакомый. Может быть, кто-то знал, что вас двое. И по какой-то причине это его не устраивало.

— Но кто же мог знать, что нас двое?

— Обитатели той планеты. Если на ней были обитатели…

— Были, — сказал Максвелл. — Это поразительное место…

И пока он говорил, оно вновь возникло перед ним, как наяву. Хрустальная планета — во всяком случае, такой она показалась ему при

первом знакомстве. Огромная, простирающаяся во все стороны хрустальная равнина, а над ней хрустальное небо, к которому с равнины поднимались хрустальные колонны, чьи вершины терялись в молочной голубизне неба, — колонны, возносящиеся ввысь, чтобы удержать небеса на месте. И полное безлюдье, рождавшее сравнение с пустым бальным залом гигантских размеров, убранным и натертым для бала, ожидающим музыки и танцоров, которые не пришли и уже никогда не придут, и этот пустой зал во веки веков сияет сказочным блеском, никого не радуя своим изяществом.

Бальный зал, но бальный зал без стен, простирающийся вдаль — не к горизонту (горизонта там, казалось, не было вовсе), а туда, где небо, это странное матово-стеклянное небо, смыкалось с хрустальным полом.

Он стоял, ошеломленный этой невероятной колоссальностью — не безграничного неба (ибо небо отнюдь не было безграничным) и не огромных просторов (ибо просторы не были огромными), но колоссальностью именно замкнутого помещения, словно он вошел в дом великана, и заблудился, и ищет дверь, не представляя себе, где она может находиться.

Место, не имевшее никаких отличительных черт, потому что каждая колонна была точной копией соседней, а в небе (если это было небо) не виднелось ни облачка, и каждый фут, каждая миля были подобны любому другому футу, любой другой миле этих абсолютно ровных хрустальных плит, которые тянулись во всех направлениях.

Ему хотелось закричать, спросить, есть ли здесь кто-нибудь, но он боялся закричать — возможно, из страха (хотя тогда он этого не сознавал, а понял только потом), что от звука его голоса холодное сверкающее великолепие вокруг может рассыпаться облаком мерцающего инея, ибо там царила тишина, не нарушаемая ни единым шорохом. Это было безмолвное, холодное и пустынное место, все его великолепие и вся его белизна терялись в его пустынности.

Медленно, осторожно, опасаясь, что движение его ног может обратить весь этот мир в пыль, он повернулся и уголком глаза уловил… нет, не движение, а лишь намек на движение, словно там что-то было, но унеслось с быстротой, не воспринимаемой глазом. Он остановился, чувствуя, что по коже у него забегали мурашки, завороженный ощущением чужеродности, более страшной, чем реальная опасность, пугаясь этой чужерод-

ности, столь непохожей, столь далекой от всего нормального, что при взгляде на нее, казалось, можно было сойти с ума прежде, чем успеешь закрыть глаза.

Ничего не случилось, и он снова пошевелился, осторожно поворачиваясь дюйм за дюймом, и вдруг увидел, что за спиной у него все это время было какое-то сооружение… Машина? Прибор? Аппарат?

И внезапно он понял. Перед ним находилось неведомое приспособление, которое притянуло его сюда, эквивалент передатчика и приемника материи в этом невозможном хрустальном мире.

Одно он знал твердо — эта планета не принадлежала к системе Енотовой Шкуры. Об этом месте он никогда даже не слышал. Нигде во всей известной вселенной не было ничего, даже отдаленно похожего на то, что он видел сейчас. Что-то произошло, и его швырнуло не на ту планету, на которую он отправился, а в какой-то забытый уголок вселенной, куда человек, быть может, проникнет не ранее чем через миллион лет, — так далеко от Земли, что мозг отказывался воспринять подобное расстояние.

Он снова уловил какое-то неясное мерцание,

как будто на хрустальном фоне мелькали живые тени.

И внезапно это мерцание превратилось в непрерывно меняющиеся фигуры, и он увидел, что их здесь много, этих движущихся фигур, непонятных, отдельно существующих и, казалось, таивших в своем мерцании какую-то индивидуальность. Словно это были призраки неведомых существ, подумал он с ужасом.

— И я отнесся к ним как к реальности, — сказал он Опу. — Я принял их на веру. Другого выхода у меня не было. Иначе я остался бы один на этой хрустальной равнине. Человек прошлого века, возможно, не смог бы воспринять их как реальность. Он постарался бы вычеркнуть их из своего сознания как плод расстроенного воображения. Но я слишком много часов провел в обществе Духа, чтобы пугаться идеи привидений. Я слишком долго работал со сверхъестественными явлениями, чтобы меня могла смущать мысль о существах и силах, не известных человеку. И странно, но утешительно, одно — они почувствовали, что я их воспринимаю.

— Так, значит, это была планета с привидениями? — спросил Оп.

Максвелл кивнул:

— Можно посмотреть на это и так, но скажи мне, что такое привидение?

— Призрак, — сказал Оп, — дух.

— Но что ты подразумеваешь под этими словами? Дай мне определение.

— Я пошутил, — виновато сказал Оп, — и пошутил глупо. Мы не знаем, что такое привидение. Даже Дух не знает точно, что он такое. Он просто знает, что он существует. А уж кому это знать, как не ему? Он много над этим размышлял. По-всякому анализировал. Общался с другими духами. Но объяснения так и не отыскал. Поэтому приходится вернуться к сверхъестественному…

— То есть к необъясненному, — сказал Максвелл.

— Какие-то мутанты? — предположил Оп.

— Так считал Коллинз, — сказал Максвелл. — Но у него не нашлось ни сторонников, ни последователей. Я тоже не соглашался с ним — до того, как побывал на хрустальной планете. Теперь я уже ни в чем не уверен. Что происходит, когда раса разумных существ достигает конца своего развития, когда она как раса минует пору детства и зрелости и вступает в пору глубокой старости? Раса, подобно человеку, умирающая от дряхлости. Что она тогда предпринимает? Разумеется,

она может просто умереть. Это было бы наиболее логично. Но, предположим, есть причина, которая мешает ей умереть. Предположим, ей надо во что бы то ни стало остаться в живых и она не может позволить себе умереть.

— Если призрачное состояние — это действительно мутация, — сказал Оп, — и если они знали, что это мутация, и если они достигли таких высот знания, что могли контролировать мутации... — Он умолк и посмотрел на Максвелла. — По-твоему, произошло что-то в этом роде?

— Пожалуй, — сказал Максвелл. — Я все больше и больше склоняюсь к этой мысли.

— Выпей, — сказал Оп, протягивая ему банку. — Тебе это будет полезно. А потом дай и мне отхлебнуть.

Максвелл взял банку, но пить не стал. Оп протянул руку к дровам, могучими пальцами ухватил полено и бросил его в огонь. Столб искр унесся в трубу. Снаружи за стенами стонал ветер.

Максвелл поднес банку к губам. Самогон хлынул в его глотку, как поток лавы. Он закашлялся. «Ну, хоть бы раз выпить эту дрянь, не поперхнувшись!» Он протянул банку Опу. Тот поднял ее, но пить не стал и посмотрел на Максвелла.

— Ты сказал — какая-то причина, ради которой

необходимо жить. Какая-то причина, не позволяющая им умереть, заставляющая их существовать в любой форме, в какой это для них возможно.

— Вот именно, — сказал Максвелл. — Сведения. Знания. Планета, нафаршированная знаниями, настоящий склад знаний. И, думаю, не более десятой доли дублирует то, что известно нам. А все остальное — новое для нас, неведомое. Такое, что нам и не снилось. Знания, каких нам еще миллион лет не приобрести, если мы вообще до них доберемся. Вся эта информация, насколько я понимаю, зафиксирована на атомарном уровне таким образом, что каждый атом становится носителем частички информации. Хранится она в железных листах вроде книжных страниц, сложенных гигантскими стопками и кипами, причем каждый слой атомов — да, они расположены слоями — содержит какой-то определенный раздел. Прочитываешь первый слой и принимаешься за второй. И опять это похоже на страницы книги: каждый слой атомов — страница, положенная на другие такие же страницы. Каждый металлический лист… Нет, не спрашивай, я даже примерно не могу сказать, сколько слоев атомов содержит каждый лист. Вероятно, сотни тысяч.

Оп поспешно поднял банку, сделал гигантский глоток, расплескав самогон по волосатой груди, и шумно вздохнул.

— Они не могут бросить эти знания на произвол судьбы, — сказал Максвелл. — Они должны передать их кому-то, кто сможет ими воспользоваться. Они должны жить, пока не передадут их. Вот тут-то им и понадобился я! Они поручили мне продать их запас знаний.

— Продать? Кучка призраков, дышащих на ладан? Что им может понадобиться? Какую цену они просят?

Максвелл поднял руку и вытер внезапно вспотевший лоб.

— Не знаю, — сказал он.

— Не знаешь? Но как же ты можешь продавать товар, не зная, чего он стоит, не зная, какую цену просить?

— Они сказали, что еще свяжутся со мной. Они сказали, чтобы я узнал, кого это может заинтересовать. И тогда они сообщат мне цену.

— Хорошенький способ заключать деловые сделки! — возмутился Оп.

— Да, конечно, — согласился Максвелл.

— И у тебя нет даже примерного представления о цене?

— Ни малейшего. Я попытался объяснить им положение, а они не могли понять. Или, может быть, не хотели. И сколько я с тех пор ни ломал над этим голову, я так и не пришел ни к какому выводу. Все, конечно, сводится к вопросу, в чем, собственно, может нуждаться подобная братия. И, хоть убей, я не могу себе этого представить.

— Во всяком случае, — заметил Оп, — они знали, где искать покупателей. И что же ты собираешься предпринять?

— Я попробую поговорить с Арнольдом.

— Ты умеешь выбирать крепкие орешки! — сказал Оп.

— Видишь ли, я могу говорить только с самим Арнольдом. Такой вопрос нельзя пускать по инстанциям. Все необходимо сохранить в строжайшей тайне. Ведь на первый взгляд подобное предложение кажется смехотворным. Если про него проведают репортеры или просто любители сплетен, университет немедленно откажется от каких бы то ни было переговоров. Ибо если он, несмотря на огласку, все-таки что-то предпримет, а сделка сорвется — что не исключено, так как я действую вслепую, — хохотать над ним будут по всей вселенной до самых дальних ее пределов. Расплачиваться же придется Арнольду, и

мне, и…

— Арнольд — чиновник, Пит, и больше ничего. Ты это знаешь не хуже меня. Он — администратор. Его интересует лишь деловая сторона. От того, что он носит звание ректора, суть не меняется — он коммерческий директор, и только. На науку ему в высшей степени наплевать. И он не рискнет своей карьерой даже ради трех планет, какими бы знаниями они ни были нашпигованы.

— Ректор университета и должен быть администратором…

— Случись это в другое время, — печально добавил Оп, — у тебя еще могли бы быть какие-то шансы. Но в настоящий момент Арнольд и без того танцует на канате. Когда он перевел ректорат из Нью-Йорка в этот заштатный городишко…

— Знаменитый своими замечательными научными традициями, — перебил Максвелл.

— Университетскую политику меньше всего заботят традиции — научные или какие бы то ни было другие! — объявил Оп.

— Пусть так, но я все равно должен поговорить с Арнольдом. Конечно, я предпочел бы иметь дело с кем-нибудь другим. Однако нравится он мне или не нравится, выбора у меня нет.

— Но ты мог бы вообще отказаться!

— От роли посредника? Ну, нет, Оп! И никто на моем месте не отказался бы. Тогда бы они нашли еще кого-нибудь и могли бы довериться человеку, который не справился бы с такой задачей. Я вовсе не хочу сказать, что сам обязательно с ней справлюсь, но, во всяком случае, я приложу все усилия. А кроме того, ведь речь идет не только о нас, но и о них.

— Ты проникся к ним симпатией?

— Не знаю, можно ли тут говорить о симпатии. Скорее о восхищении. Или о жалости. Они ведь делают все, что в их силах! Они так долго искали, кому бы передать накопленные знания.

— Передать? По-моему, ты говорил о продаже!

— Только потому, что они в чем-то нуждаются. Если бы я знал, в чем именно! Это облегчило бы дело для всех заинтересованных сторон.

— Один побочный вопрос — ты с ними разговаривал? Каким образом?

— С помощью таблиц. Я тебе о них уже рассказывал — о металлических листах, содержащих информацию. Они говорили со мной посредством таблиц, а я отвечал им тем же способом.

— Но как же ты читал…

— Они дали мне приспособление для этого. Что-

то вроде защитных очков, только очень больших. Довольно-таки объемистая штука. Наверное, в ней скрыто множество всяких механизмов. В этих очках я свободно читал таблицы. Не письмена, а крохотные закорючки в металле. Это трудно объяснить, но когда глядишь на них сквозь очки, становится ясно, что они означают. Потом я обнаружил, что фокусировку можно менять по желанию и читать разные слои. Но вначале они просто писали… если тут подходит слово «писать». Ну, как дети пишут вопросы и ответы на грифельных досках. А когда я отвечал, еще одно приспособление, прикрепленное к моим очкам, непосредственно воспроизводило мои мысли.

— Машина-переводчик! — воскликнул Оп.

— Да, пожалуй. Двустороннего действия.

— Мы пытались сконструировать такой прибор, — сказал Оп. — Говоря «мы», я имею в виду объединенные усилия лучших инженерных умов не только Земли, но и всего того, что в шутку именуется «известной частью вселенной».

— Да, я знаю.

— А у этих ребят он есть. У твоих призраков.

— У них есть еще очень много всякой всячины, — ответил Максвелл. — Я и миллионной части не видел. Я познакомился лишь с некото-

рыми образчиками, которые выбирал наугад. Только чтобы убедиться в истинности их утверждений.

— Но одного я так и не могу понять, — сказал Оп. — Ты все время говоришь о планете. А как насчет звезды?

— Планета заключена в искусственную оболочку. Какая-то звезда там есть, насколько я понял, но с поверхности она не видна. Соль ведь в том, что звезда для них необязательна. Если не ошибаюсь, ты знаком с гипотезой пульсирующей вселенной?

— Типа «уйди-уйди»? — спросил Оп. — Та, которая взрывается, а потом снова взрывается и так далее?

— Правильно, — сказал Максвелл. — И теперь мы можем больше не не ломать над ней головы. Она соответствует действительности. Хрустальная планета — это частица вселенной, существовавшей до того, как возникла наша Вселенная. Видишь ли, они успели своевременно во всем разобраться. Они знали, что наступит момент, когда вся энергия исчезнет и мертвая материя начнет медленно собираться в новое космическое яйцо которое затем взорвется, породив новую вселенную. Они знали, что приближается

смертный час их вселенной, который станет смертным часом и для них, если они не найдут какого-то выхода. И они создали планетарный проект. Они засасывали энергию и накопили гигантские ее запасы… Не спрашивай меня, как и откуда они ее извлекли и каким способом хранили. Но во всяком случае, она находилась в самом веществе их планеты, и потому, когда вся остальная вселенная сгинула в черноте и смерти, они по-прежнему располагали энергией. Они одели планету в оболочку, преобразили ее в свое жилище. Они сконструировали двигатели, которые превратили их планету в независимое тело, несущееся в пространстве, послушно подчиняясь их воле. И до того, как мертвая материя их вселенной начала стягиваться в одну точку, они покинули свою звезду, превратившуюся в черный мертвый уголь, и отправились в самостоятельное путешествие, которое длится до сих пор — обитатели прежнего мира на планете-космолете.

Они видели, как погибала их вселенная, предшествовавшая нашей. Они остались одни в пространстве, в котором не было ни единого намека на жизнь, ни единого проблеска света, ни единого биения энергии. Вероятно — точно я

не знаю — они наблюдали образование нового космического яйца. Они могли находиться в неизмеримой дали от него, но все-таки его видеть. А в этом случае они видели и взрыв, положивший начало Вселенной, в которой теперь обитаем мы, — ослепительную вспышку, когда энергия вновь ринулась в пространство. Они видели, как зарделись первые звезды, они видели, как складывались галактики. А когда галактики окончательно сформировались, они отправились в эту новую вселенную. Они могли посещать любые галактики, обращаться по орбите вокруг любой приглянувшейся им звезды, а потом лететь дальше. Они были межгалактическими бродягами. Но теперь их конец недалек. Планета, я думаю, еще на полном ходу, так как машины, снабжающие ее энергией, работают по-прежнему. Наверное, для планеты тоже существует свой предел, но до него еще далеко. Однако сами они, как раса, утратили жизнеспособность, хотя хранят в своем архиве мудрость двух вселенных.

— Пятьдесят миллиардов лет! — пробормотал Оп. — Пятьдесят миллиардов лет познания мира!

— По меньшей мере, — сказал Максвелл. — Вполне возможно, что срок этот гораздо больше.

Они умолкли, пытаясь охватить мыслью эти пятьдесят миллиардов лет. Огонь в очаге потрескивал и что-то шептал. Издалека донесся бой курантов консерватории, отсчитывающих время.

Глава 9

Максвелл проснулся оттого, что Оп тряс его за плечо.

— Тут тебя желают видеть!

Сбросив одеяло, Максвелл спустил ноги с кровати и начал нащупывать брюки. Оп сунул их ему в руку.

— А кто?

— Назвался Лонгфелло. Отвратный надутый тип. Он ждет снаружи. Явно боится войти в хижину из опасения инфекции.

— Ну так пусть убирается к черту! — объявил Максвелл и потянулся за одеялом.

— Нет-нет, — запротестовал Оп. — Я выше оскорблений. Чихать я на него хотел.

Максвелл влез в брюки, сунул ноги в ботинки и притопнул.

— А кто он такой?

— Не имею ни малейшего понятия, — ответил Оп.

Максвелл побрел в угол к скамье у стены, налил из ведра воды в таз и ополоснул лицо.

— Который час? — спросил он.

— Начало восьмого.

— Что-то мистер Лонгфелло торопится меня увидеть!

— Он там меряет газон шагами. Изнывает от нетерпения.

Лонгфелло и правда изнывал.

Едва завидев Максвелла в дверях, он бросился к нему с протянутой рукой.

— Профессор Максвелл! — воскликнул он. — Как я рад, что отыскал вас. Это было нелегко. Но мне сказали, что я, возможно, найду вас здесь, — он посмотрел на хижину, и его длинный нос чуть-чуть сморщился. — И я рискнул.

— Оп, — спокойно сказал Максвелл, — мой старый и близкий друг.

— Может быть, прогуляемся немного? — предложил Лонгфелло. — Удивительно приятное утро! Вы уже позавтракали? Ах да! Конечно же нет!

— Если бы вы сказали мне, кто вы такой, это значительно упростило бы дело, — заметил Максвелл.

— Я работаю в ректорате. Стивен Лонгфелло, к вашим услугам. Личный секретарь ректора.

— Вы-то мне и нужны! — сказал Максвелл. — Мне необходимо встретиться с ректором, и как можно скорее.

Лонгфелло покачал головой:

— Могу сразу же сказать, что это невозможно.

Они неторопливо пошли по тропинке, ведущей к шоссе. С могучего каштана, осенявшего тропинку, медленно слетали листья, отливавшие червонным золотом. Дальше на фоне голубого утреннего неба багряным факелом пылал клен. И высоко над ним к югу уносился треугольник утиной стаи.

— Невозможно. — повторил Максвелл. — Это звучит как окончательный приговор. Словно вы обдумали мою просьбу заранее.

— Если вы хотите что-нибудь сообщить доктору Арнольду, — холодно проинформировал его Лонгфелло, — вам следует обратиться в соответствующие инстанции. Неужели вы не понимаете, что ректор чрезвычайно занят и…

— О, я это понимаю! И понимаю, что такое инстанции. Отсрочки, оттяжки, проволочки, пока твое дело не станет известно всем и каждому!

— Профессор Максвелл, — сказал Лонгфелло, — я буду говорить с вами откровенно. Вы человек настойчивый и, мне кажется, довольно упрямый, а с людьми такого типа обиняки ни к чему. Ректор вас не примет. Он не может вас принять.

— По-видимому, из-за того, что нас было двое?

И один из нас умер?

— Все утренние газеты будут этим полны. Гигантские заголовки: человек воскрес из мертвых! Может быть, вы слушали вчера радио или смотрели какую-нибудь телевизионную программу?

— Нет, — сказал Максвелл.

— Ну, так вы — сенсация дня. И должен признаться, положение создалось весьма неприятное.

— Попросту говоря, назревает скандал?

— Если угодно. А у ректората довольно хлопот и без того, чтобы еще вмешиваться в историю вроде вашей. У нас уже на руках Шекспир и все, что отсюда вытекает. Тут мы не могли остаться в стороне, но обременять себя еще и вами мы не станем.

— Неужели у ректората нет ничего важнее Шекспира и меня? — спросил Максвелл. — А возрождение дуэлей в Гейдельберге? И спор о том, этично ли допускать некоторых внеземных студентов в футбольные команды, и…

— Но поймите же! Важно то, что происходит именно в этом городке! — простонал Лонгфелло.

— Потому что сюда перевели ректорат? Хотя Оксфорд, Гарвард и десяток других…

— Если хотите знать мое мнение, — сухо сказал

Лонгфелло, — то я считаю, что попечительский совет поступил несколько необдуманно. Это создало для ректората множество трудностей.

— А что произойдет, если я поднимусь на вершину холма, войду в здание ректората и начну стучать кулаком по письменным столам? — спросил Максвелл.

— Вы это сами прекрасно знаете. Вас вышвырнут вон.

— А если я приведу с собой полки журналистов и телевизионных операторов, которые будут ждать моего возвращения у дверей?

— В этом случае вас, вероятно, не вышвырнут. И возможно, вы даже прорветесь к ректору. Но могу вас заверить, что при подобных обстоятельствах вы заведомо ничего не добьетесь.

— Следовательно, — сказал Максвелл, — я заранее обречен на неудачу, что бы я ни пытался предпринять.

— Собственно говоря, — сообщил ему Лонгфелло, — я пришел к вам сегодня совсем для другого. Мне было поручено передать вам приятное известие.

— Не сомневаюсь! Так какую же косточку вы собирались мне бросить, чтобы я тихо исчез со сцены?

— Вовсе не косточку! — обиженно заявил Лонгфелло. — Я уполномочен предложить вам пост декана в экспериментальном институте, который наш университет организует на Готике IV.

— А, на планете с колдуньями и магами?

— Перед специалистом в вашей области этот пост открывает огромные возможности, — убедительно сказал Лонгфелло. — Планета, где магические свойства развивались без помех со стороны разумных существ иного типа, как это произошло на Земле…

— И расстояние в сто пятьдесят миллионов световых лет, — заметил Максвелл. — Далековато и, наверное, нудно. Однако оплачивается эта миссия, вероятно, неплохо?

— Весьма и весьма, — ответил Лонгфелло.

— Нет, спасибо, — сказал Максвелл. — Моя работа здесь меня вполне удовлетворяет.

— Работа?

— Ну конечно. Разрешите напомнить вам, что я профессор факультета сверхъестественных явлений.

Лонгфелло покачал головой.

— Уже нет, — объявил он. — Простите, но я должен вам напомнить, что вы скончались более трех недель назад. А открывающиеся вакансии

заполняются немедленно.

— То есть мое место уже занято?

— Ну, разумеется, — заметил Лонгфелло. — В настоящее время вы безработный.

Глава 10

Официант принес омлет с грудинкой, налил кофе и удалился, оставив Максвелла одного. За огромным окном голубым зеркалом простиралось озеро Мендота, и холмы на дальнем берегу терялись в лиловой дымке. По стволу кряжистого дуба у самого окна пробежала белка и вдруг замерла, уставившись глазами-бусинами на человека за столиком. Красно-бурый дубовый лист оторвался от ветки и, неторопливо покачиваясь, спланировал на землю. По каменистому откосу у воды шли рука об руку юноша и девушка, окутанные утренней озерной тишиной.

Куда воспитаннее и цивилизованнее было бы принять приглашение Лонгфелло и позавтракать с ним, подумал Максвелл. Но в ту минуту он чувствовал, что сыт секретарем ректора по горло, и ему хотелось только одного: наедине с самим собой оценить положение и кое о чем поразмыслить — хотя, возможно, времени на размышления у него уже не осталось.

Он оказался прав — шансов увидеться с ректором у него почти не было, и не только потому, что тот был чрезвычайно занят, а его подчиненные

настаивали на строжайшем соблюдении всех тонкостей священной бюрократической процедуры, но еще и потому, что по не вполне понятной причине ситуация с удвоившимся Питером Максвеллом запахла скандалом, от которого Арнольд жаждал держаться как можно дальше. Глядя в выпученные беличьи глазки, Максвелл прикидывал, не могла ли позиция ректора объясняться беседой с инспектором Дрейтоном. Может быть, служба безопасности взялась за Арнольда? Это казалось маловероятным, но все же возможным. Как бы то ни было, о нервном состоянии Арнольда можно было судить по той поспешности, с какой ему был предложен пост на Готике IV. Ректорат не только не хотел иметь ничего общего с этим вторым Питером Максвеллом, но и предпочел бы убрать его с Земли на захолустную планету, где он вскоре был бы всеми забыт.

После смерти того, другого Максвелла его место на факультете, естественно, не могло оставаться незаполненным — студенты должны учиться и кто-то должен вести его курс. Тем не менее для него можно было бы подыскать что-нибудь и здесь. А если этого не сделали и сразу же предложили ему пост на Готике IV, следовательно, на Земле он мешает.

И все-таки странно! Ведь о том, что существовали два Питера Максвелла, ректорату стало известно лишь накануне, а до тех пор никакой проблемы вообще не было. А это значит, решил Максвелл, что кто-то уже успел побывать в ректорате — кто-то стремящийся избавиться от него, кто-то опасающийся, что он помешает… Но чему? Ответ напрашивался сам собой, и самая эта легкость вызвала у Максвелла инстинктивное ощущение, что он ошибается. Однако, сколько он ни раздумывал, ответ был только один: кто-то еще знает о сокровищах библиотеки хрустальной планеты и пытается ими завладеть.

Во всяком случае, ему известно одно имя — Черчилл. Кэрол сказала, что к переговорам о продаже Артефакта, которые ведет Институт времени, имеет отношение какой-то Черчилл… А вдруг Артефакт и есть цена, за которую можно получить библиотеку хрустальной планеты? Конечно, слишком полагаться на это нельзя, и тем не менее… ведь никому не известно, что такое Артефакт.

И если подумать, Черчилл — самый подходящий человек для устройства подобных сделок. Конечно, только как подставное лицо, по поручению кого-то, кто не может выступить открыто.

Ведь Черчилл профессиональный посредник и знает все ходы и выходы. У него есть связи, и за долгие годы, он, наверное, обзавелся источниками информации в самых разных влиятельных учреждениях.

Но в этом случае, подумал Максвелл, его собственная задача очень усложняется. Ему теперь надо остерегаться не только огласки, неизбежной, если бы он обратился в обычные инстанции, — возникала опасность, что его сведения попадут во враждебные руки и будут обращены против него.

Белка уже соскочила со ствола и теперь деловито сновала по спускающейся к озеру лужайке, шурша опавшими листьями в надежде отыскать желудь, которого не углядела раньше. Юноша и девушка скрылись из виду, и поднявшийся легкий ветерок морщил зеркальную поверхность озера.

Зал был почти пуст — те, кто начал завтракать раньше, уже кончили и ушли. С верхнего этажа доносились звуки голосов и шарканье подошв — это студенты собирались в клубе, где они обычно проводили свободное от занятий время.

Это здание было одним из самых старых в городке и, по мнению Максвелла, самым прекрас-

ным. Уже более пятисот лет оно служило уютным местом встреч и занятий для многих поколений, и множество чудесных традиций превратило его в родной дом для бесчисленных тысяч студентов. Тут они находили тишину и покой для размышлений и занятий, и уютные уголки для дружеской беседы, и комнаты для бильярда и шахмат, и столовые, и залы для собраний, и укромные маленькие читальни, где стенами служили полки с книгами.

Максвелл отодвинул стул от столика, но остался сидеть — ему не хотелось вставать и уходить, так как он понимал, что, покинув этот тихий приют, будет вынужден сразу же погрузиться в водоворот трудных проблем. За окном золотое осеннее утро нежилось в лучах солнца, которое поднималось все выше и пригревало все сильнее, обещая день, полный золотых метелей опадающих листьев, голубой дымки на дальних холмах, торжественного великолепия хризантем на садовых клумбах, пригашенного сияния златоцвета и астр в лугах и на пустырях.

За его спиной послышался торопливый топоток множества ног в тяжелой обуви, и, повернувшись, он увидел, что собственник этих ног быстро приближается к нему по красным плиткам пола.

Больше всего это существо напоминало гигантского сухопутного краба — членистые ноги, нелепо наклоненное туловище, длинные гротескные выросты (по-видимому, органы чувств) над непропорционально маленькой головой. Он был землисто-белого цвета. Три черных глаза-шарика подрагивали на концах длинных стебельков.

Существо остановилось перед столиком, и три стебелька сошлись, направив глаза на Максвелла.

Оно заговорило высоким писклявым голосом, и кожа на горле под крохотной головкой быстро запульсировала.

— Сообщено мне, что вы есть профессор Максвелл.

— Вас не обманули, — сказал Максвелл. — Я действительно Питер Максвелл.

— Я есть обитатель мира, вами названного Наконечник Копья Двадцать Семь. Имя, мною имеемое, вам интересно не есть. Я являюсь к вам с поручением лица, меня нанимающего. Возможно, вам оно известно под наименованием мисс Нэнси Клейтон.

— Еще бы! — сказал Максвелл и подумал, насколько это в духе Нэнси — нанять в качестве посыльного столь явно внеземное существо.

— Я тружусь на свое образование, — объяснил Краб. — Я выполняю работу, какую нахожу.

— Весьма похвально, — заметил Максвелл.

— Я прохожу курс математики времени, — сообщил Краб. — Я специализируюсь на конфигурации линий вселенной. Я лихорадочно этим увлечен.

По виду Краба было трудно поверить, что он способен на увлечение, и тем более лихорадочное.

— Но чем объясняется подобный интерес? — спросил Максвелл. — Какими-то особенностями вашей родной планеты? Вашими культурными традициями?

— О, весьма и весьма! Абсолютно новая идея есть. На моей планете нет представления о времени, никакого восприятия такого явления, как время. Очень есть потрясен узнать о нем. И заинтересован. Но я чрезмерно уклоняюсь. Я есть здесь с поручением. Мисс Клейтон желает знать, способны вы посетить ее прием вечером данного дня. У нее в восемь по часам.

— Пожалуй, я приду, — сказал Максвелл. — Передайте ей, что я всегда стараюсь не пропускать ее приемов.

— Чрезмерно рад! — объявил Краб. — Она столь

хочет получить вас там. Вы есть говоримы о.

— Ах так! — сказал Максвелл.

— Вас тяжко находить. Я бегаю быстро и тяжко. Я спрашиваю во многих местах. И вот — победоносен.

— Мне очень жаль, что я причинил вам столько беспокойства, — сказал Максвелл, опуская руку в карман и извлекая кредитку.

Существо протянуло одну из передних ног, ухватило кредитку клешней, сложило ее несколько раз и засунуло в маленькую сумку, открывшуюся на его груди.

— Вы добры более ожидания, — пропищало оно. — Еще одно сведение. Причина приема — представление гостям картины, недавно приобретенной. Картины очень долго утраченной и исчезнувшей. Кисти Альберта Ламберта, эсквайра. Большой триумф для мисс Клейтон.

— Не сомневаюсь, — сказал Максвелл. — Мисс Клейтон — специалистка по триумфам.

— Она, как наниматель, любезна, — с упреком возразил Краб.

— Конечно, конечно, — успокоил его Максвелл.

Существо быстро переставило ноги и галопом выбежало из зала. Максвелл услышал, как оно

протопало вверх по лестнице, ведущей к выходу на улицу.

Потом он встал и тоже направился к дверям. Если прием посвящен картине, подумал он, полезно будет поднабраться сведений о художнике. И усмехнулся — уж наверное, почти все, кого Нэнси пригласила, займутся сегодня тем же.

Ламберт? Фамилия показалась ему знакомой. Что-то он о нем читал… возможно, очень давно. Статью в каком-нибудь журнале, коротая свободный час?

Глава 11

Максвелл открыл книгу.

«Альберт Ламберт, — гласила первая страница, — *родился в Чикаго (штат Иллинойс) 11 января 1973 года. Славу ему принесли картины, исполненные причудливого символизма и гротеска, однако его первые работы никак не позволяли предугадать последующий взлет его таланта. Хотя они были достаточно профессиональны и свидетельствовали о глубоком проникновении в тему, их нельзя назвать выдающимися. Период гротеска в его творчестве начался после того, как ему исполнилось пятьдесят лет, причем его талант развивался не постепенно, а достиг расцвета буквально за один день, словно художник работал в этом направлении тайно и не показывал картин в своей новой манере до тех пор, пока не был полностью удовлетворен тем, что создал. Однако никаких фактических подтверждений подобной гипотезы не найдено; наоборот, существуют данные, свидетельствующие, что она не...»*

Максвелл бросил читать, открыл книгу на цветных репродукциях и быстро перелистал об-

разчики раннего творчества художника. И вдруг на какой-то странице картины стали совсем иными — тематика, колорит и даже, подумал Максвелл, сама манера.

Перед ним словно были произведения двух художников: один давал выход интеллектуальной потребности в упорядоченном самовыражении, а другой был весь захвачен, поглощен, одержим каким-то потрясшим его переживанием, от которого он пытался освободиться, перенеся его на холст.

Скупая, темная, грозная красота рвалась со страницы, и Максвеллу почудилось, что в сумрачной тишине читальни он различает шорох черных крыльев. Немыслимые существа взмывали над немыслимым ландшафтом, и все же Максвеллу почудилось, что и этот ландшафт, и эти существа не были простой фантазией, прихотливой причудой намеренно затуманенного сознания, но четко укладывались в рамки какой-то неслыханной гармонии, опирающейся на логику и мироощущение, чуждые всему тому, с чем ему приходилось сталкиваться до сих пор. Форма, цвет, подход к теме и ее интерпретация не были просто искажением человеческих представлений; наоборот, зритель немедленно проникался

убеждением, что они были вполне реалистическим воспроизведением чего-то, что лежит за пределами человеческих представлений. «Причудливый символизм и гротеск» — говорилось в предисловии… Может быть, сказал себе Максвелл, но в таком случае символизм этот возник в результате и на основе самого тщательного изучения натуры.

Он открыл следующую репродукцию и вновь увидел такой же полнейший уход от всего человеческого — иные существа в иной ситуации на фоне иного ландшафта, но несущие в себе столь же ошеломляющее ощущение реальности; нет, все это не было плодом воображения художника, все это он когда-то видел, а теперь изгонял из сознания и памяти. Вот так, подумал Максвелл, человек яростно намыливает руки куском едкого и грубого мыла и снова и снова трет их, пытаясь с помощью физических средств избавиться от следов психической травмы. Возможно, художник созерцал эту сцену не непосредственно, а через зрительный аппарат давно исчезнувшей и никому теперь не известной расы.

Максвелл сидел, завороженно глядя на страницу книги, не в силах оторваться от нее, захваченный в плен жуткой и зловещей красотой,

скрытым и ужасным смыслом, которого он не мог постичь. Краб сказал, что Время было неизвестно его расе, что этот универсальный фактор никак не воздействовал на культуру его планеты, а вот здесь, в этих цветных репродукциях, крылось что-то не известное людям, не грезившееся им даже во сне.

Максвелл протянул руку, чтобы закрыть книгу, но вдруг заколебался, словно по какой-то причине книгу закрывать не следовало, словно ему почему-то было необходимо еще пристальнее вглядеться в репродукцию.

И в этот момент он осознал, что в ней прячется нечто загадочное, ускользающее и притягательное.

Он положил руки на колени и продолжал смотреть на репродукцию, потом медленно перевернул страницу и, взглянув на третью репродукцию, внезапно поймал то, что раньше от него ускользало, — особые мазки создавали эффект неуловимого движения, туманной нечеткости, словно мгновение назад здесь что-то мерцало и сразу же исчезло, оставаясь за гранью зрения, но где-то совсем рядом.

Полуоткрыв рот, Максвелл вглядывался в загадочное мерцание — разумеется, это был

оптический обман, рожденный виртуозным мастерством художника.

Но пусть даже оптический обман — все равно он был томительно знаком тому, кто побывал на хрустальной планете и видел ее призрачных обитателей.

И глубокая тишина сумрачной читальни зазвенела вопросом, на который не было ответа: откуда Альберт Ламберт мог узнать про обитателей хрустальной планеты?

Глава 12

— Мне сообщили о твоем возвращении, — заявил Аллен Престон. — И я просто не мог поверить. Однако источник, из которого я получил эти сведения, настолько надежен, что я попытался связаться с тобой. Ситуация мне не слишком нравится, Пит. Как юрист, должен сказать, что ты очутился в очень незавидном положении.

Максвелл опустился в кресло перед столом Престона.

— Да, пожалуй, — согласился он. — Начать хотя бы с того, что я лишился работы. Можно ли в подобном случае добиться восстановления?

— В подобном случае? — переспросил Престон. — А как, собственно, обстоит дело? Никто этого ясно не представляет. Разговоров много, но никому ничего толком не известно. Я сам…

Максвелл криво усмехнулся:

— Да, конечно. Ты был бы рад составить определенное мнение. Ведь ты ошеломлен, растерян и опасаешься за свой рассудок. И сейчас ты задаешь себе вопрос, действительно ли я Питер Максвелл.

— А ты действительно Питер Максвелл? —

спросил Престон.

— Я в этом уверен. Но если ты сомневаешься, я на тебя не обижусь… и ни на кого другого. Нас, несомненно, было двое. Что-то произошло с моей волновой схемой. Один из нас отправился в систему Енотовой Шкуры, другой — куда-то еще. Тот, кто отправился в систему Енотовой Шкуры, вернулся на Землю и умер. А я вернулся вчера.

— И обнаружил, что умер?

Максвелл кивнул:

— Моя квартира сдана, все мое имущество исчезло! Университет заявил, что на мое место взят другой преподаватель, и я остался без работы. Вот почему я и спрашиваю, можно ли добиться восстановления.

Престон откинулся на спинку кресла и задумчиво скосил глаза на Максвелла.

— С точки зрения закона, — сказал он, — позиция университета, бесспорно, неуязвима. Ты же мертв, понимаешь? И у них по отношению к тебе нет никаких обязательств. Во всяком случае, до той поры, пока твои права не будут подтверждены.

— После нескончаемых судебных разбирательств?

— Боюсь, что да. Дать тебе точный ответ на твой

вопрос я пока не могу. Ведь это беспрецедентно. О, разумеется, известны случаи неверного установления личности, когда умершего ошибочно опознавали как кого-то другого, кто на самом деле был жив. Но ведь тут никакой ошибки не произошло. Человек, который бесспорно был Питером Максвеллом, столь же бесспорно мертв, а прецедента установления личности при подобных обстоятельствах не существует. Этот прецедент должны будем создать мы путем кропотливейших юридических исследований, на которые, возможно, потребуются годы. По правде говоря, я еще толком не представляю себе, с чего следует начать. Безусловно, какая-нибудь зацепка отыщется и все можно будет уладить, но это потребует сложнейшей работы и предварительной подготовки. В первую очередь необходимо будет установить юридически, кто ты такой.

— Кто я такой? Но ради всего святого, Аллен! Мы же это знаем.

— Мы, но не закон. Для закона ты в настоящем своем положении не существуешь. Юридически ты никто. Абсолютно никто. Все твои документы были отправлены в архив, и, несомненно, уже подшиты…

— Но все мои документы при мне, — спокойно

сказал Максвелл. — Вот в этом кармане.

Престон с недоумением уставился на него:

— Ах да! Конечно, они должны быть при тебе. Ну и клубок!

Он встал и прошелся по кабинету, покачивая головой. Потом вернулся к столу и снова сел.

— Дай подумать, — сказал он. — Мне нужно немножко времени, чтобы разобраться… Я что-нибудь откопаю. Мы должны отыскать какую-нибудь зацепку. И сделать нам нужно очень много. Вот хотя бы твое завещание…

— Мое завещание? Я о нем начисто забыл. Ни разу даже не вспомнил.

— Оно рассматривается в нотариате. Но я добьюсь отсрочки.

— Я завещал все брату, который служит в Корпусе исследователей космоса. Я мог бы связаться с ним, хотя, вероятно, это будет очень нелегко. Он ведь из одной экспедиции почти немедленно отправляется в следующую. Но важно другое: затруднений в этом отношении у нас не будет. Как только он узнает, что произошло…

— К сожалению, — сказал Престон, — решает не он, а суд. Конечно, все должно уладиться, но времени на это, возможно, потребуется много. А до тех пор ты не имеешь никаких прав на свое

имущество. У тебя нет ничего кроме одежды, которая сейчас на тебе, и содержимого твоих карманов.

— Университет предложил мне пост декана экспериментального института на Готике IV. Но я не намерен соглашаться.

— А как у тебя с деньгами?

— Пока все в порядке, Оп пригласил меня пожить у него. И на ближайшее время денег мне хватит. Ну, а в случае необходимости я могу подыскать временную работу. Если понадобится, Харлоу Шарп мне, конечно, поможет. На крайний случай возьмет в экспедицию. Это должно быть интересно.

— Разве в такие экспедиции берут людей без диплома Института времени?

— В качестве подсобных рабочих берут. Но для чего-либо более ответственного диплом, я полагаю, необходим.

— Прежде, чем я начну действовать, — сказал Престон, — мне нужно точно знать, что именно произошло. Во всех подробностях.

— Я напишу для тебя полное изложение событий. И заверю у нотариуса. Все, что тебе угодно.

— Мне кажется, — заметил Престон, — мы можем предъявить иск транспортному управлению.

Это по их вине ты оказался в таком положении.

— Не сейчас, — уклончиво ответил Максвелл. — Этим можно заняться и позже.

— Ну, пиши изложение событий, — сказал Престон. — А я пока подумаю и пороюсь в кодексах. Тогда уж начнем. Ты видел газеты? Смотрел телепередачи?

Максвелл покачал головой:

— У меня не было времени.

— Репортеры неистовствуют, — сказал Престон. — Просто чудо, что они тебя еще не разыскали. Уж конечно, они охотятся за тобой. Пока ведь у них нет ничего, кроме предположений. Вчера вечером тебя видели в «Свинье и Свистке». Там тебя опознало множество людей — во всяком случае, так они утверждают. В настоящий момент считается, что ты воскрес из мертвых. На твоем месте я постарался бы не попадаться репортерам. Но если они тебя найдут, не говори им ничего. Абсолютно ничего.

— Можешь быть спокоен, — сказал Максвелл.

Они умолкли и в наступившей тишине некоторое время смотрели друг на друга.

— Какой клубок! — задумчиво произнес Престон. — Какой потрясающий клубок! Нет, Пит, я чувствую, что возиться с ним будет одно удо-

вольствие.

— Кстати, — сказал Максвелл, — Нэнси Клейтон пригласила меня на свой сегодняшний вечер. Я все думаю, нет ли тут какой-нибудь связи… хотя почему же? Она и раньше меня иногда приглашала.

— Но ты же знаменитость! — улыбнулся Престон. — И значит, чудесный трофей для Нэнси.

— Ну, не знаю, — сказал Максвелл. — Она от кого-то услышала, что я вернулся. И конечно, в ней заговорило любопытство.

— Да, — сухо согласился Престон. — В ней, конечно, заговорило любопытство.

Глава 13

Максвелл почти не сомневался, что возле хижины Опа его подстерегают репортеры, но там никого не было. По-видимому, они еще не пронюхали, где он остановился.

Хижину окутывала сонная предвечерняя тишина, и осеннее солнце щедро золотило старые доски, из которых она была сколочена.

Две-три пчелы лениво жужжали над клумбой с астрами у двери, а над склоном, в туманной дымке уходившим к шоссе, порхали желтые бабочки.

Максвелл приоткрыл дверь и заглянул внутрь. Хижина была пуста. Оп где-то бродил, и Духа тоже не было видно. В очаге алела куча раскаленных углей.

Максвелл закрыл дверь и сел на скамью у стены. Вдали на западе голубым стеклом поблескивало одно из четырех озер, между которыми стоял городок. Пожухлая осока и вянущая трава придавали ландшафту желто-бурый колорит. Там и сям маленькими островками пламенели купы деревьев.

Теплота и спокойствие, думал Максвелл. Край,

где можно тихо грезить. Ничем не похожий на мрачные, яростные пейзажи, которые столько лет назад писал Ламберт.

Он не понимал, почему эти ландшафты репейником вцепились в его сознание. И еще он не понимал, откуда художник мог узнать, как мерцают призрачные обитатели хрустальной планеты. Это не было случайным совпадением; человек неспособен вообразить подобное из ничего. Рассудок говорил ему, что Ламберт должен был что-то знать об этих людях-призраках. И тот же рассудок говорил, что это невозможно.

Ну, а все остальные существа, все эти гротескные чудища, которых Ламберт разбросал по холсту яростной, безумной кистью? Как объяснить их? Откуда они взялись? Или они были просто лоскутами безумной фантазии, кровоточащими, вырванными из странно и мучительно бредящего сознания? Были ли обитатели хрустальной планеты единственными реальными созданиями из всех тех, кого рисовал Ламберт? Это казалось маловероятным. Где-то, когда-то, каким-то образом Ламберт видел и этих, остальных. А ландшафты? Были ли они только плодом воображения, фоном, подкреплявшим впечатление, которое создавали фантастические существа?

Или же такой была хрустальная планета в неизмеримо давнюю эпоху, когда ее еще не заключили в оболочку, навеки укрывшую ее от остальной вселенной? Но нет, решил он, это невозможно! Ведь планету покрыли оболочкой еще до того, как возникла нынешняя Вселенная. Десять миллиардов лет назад, если не все пятьдесят.

Максвелл беспокойно нахмурился. Во всем этом не было смысла. Ни малейшего. А у него и без картин Ламберта хватает хлопот. Он потерял место, на его имущество наложен арест, юридически он просто не существует.

Но все это не так уж важно, во всяком случае сейчас. Главное — сокровищница знаний на хрустальной планете. Она должна принадлежать университету — свод знаний, несомненно превосходящий все, что удалось накопить всем разумным существам известной части вселенной. Конечно, что-то будет лишь повторением старых открытий, но он был убежден, что металлические листы хранят много такого, о чем нынешняя Вселенная еще и не помышляла. Та ничтожная крупица, с которой он успел ознакомиться, подкрепляла это убеждение.

И ему вдруг показалось, что он вновь сгибается над столиком, вроде журнального, на который он

положил стопку металлических листов, сняв их с полки, а на глаза у него надето приспособление для чтения… или для перевода… А, не в названии дело!

Один металлический лист говорил о сознании не как о метафизическом или философском понятии, но как о механизме; однако он не сумел разобраться в терминологии, не смог постичь совершено новых понятий. Он прилагал отчаянные усилия, вспоминал Максвелл, так как уловил, что перед ним труд о еще никем не открытой области восприятия, но потом, отчаявшись, отложил этот лист. И другой лист, по-видимому, руководство по применению определенных математических принципов к социальным наукам; правда, о сути некоторых из упомянутых наук он мог только догадываться, шаря среди идей и понятий на ощупь и наугад, точно слепец, ловящий порхающих бабочек.

А свод истории? Не одной вселенной, но двух! И историческая биология, повествующая о формах жизни, настолько фантастических в самой своей основе и в своих функциях, что в их реальность невозможно было поверить. А тот удивительно тонкий лист, такой тонкий, что он гнулся и сворачивался в руке, как бумажный, — его содержание

было ему абсолютно недоступно, и он даже не сумел уловить, о чем идет речь. Тогда он взял лист потолще, намного толще, и познакомился с мыслями и философией существ и культур, давно уже рассыпавшихся прахом, и испытал невыразимый ужас, отвращение, гнев и растерянность, к которым примешивалось робкое изумление перед полнейшей нечеловечностью этих философий.

Все это — и больше, несравненно больше, в триллионы раз больше — ожидало ученых там, на хрустальной планете.

Нет, он должен, он обязан выполнить возложенное на него поручение. Он должен добиться, чтобы библиотеку хрустальной планеты получила Земля, и сделать это следует как можно быстрее, хотя никаких сроков ему поставлено не было. Ведь если он потерпит неудачу, обитатели планеты, несомненно, предложат свой товар кому-нибудь еще в другом секторе галактики, а может быть, и вообще в другой галактике.

Пожалуй, решил Максвелл, их интересует Артефакт, хотя — полной уверенности в этом нет. Однако кто-то хочет его приобрести, причем в сделке замешан Черчилл, а потому такое предложение похоже на истину. И все-таки вдруг это не так? Артефакт мог понадобиться кому-нибудь

еще совсем по иной причине — например, кто-то сумел разгадать его назначение… Максвелл попробовал представить себе, в чем может заключаться это назначение, но вскоре зашел в тупик.

Стайка дроздов стремительно упала с неба, пронеслась над самой крышей хижины и, повернула в сторону шоссе. Максвелл следил за тем, как черные птички опустились на пожелтевший бурьян у болотца за шоссе, изящно покачиваясь на сгибающихся стеблях. До заката они будут кормиться тут, а потом улетят в какую-нибудь укромную лесную чащу, где переночуют, чтобы завтра отправиться дальше на юг.

Максвелл встал и потянулся. Мирное спокойствие золотистого дня совсем его разнежило. Хорошо бы вздремнуть немножко, подумал он. А потом придет Оп и разбудит его, и у них будет время перекусить и поговорить, прежде чем он отправится к Нэнси.

Он открыл дверь, вошел в хижину и сел на кровать. Тут ему пришло в голову, что не худо было бы проверить, найдется ли у него на вечер чистая рубашка и пара носков. Вытащив чемодан, он положил его на кровать, отпер, откинул крышку и вынул брюки, чтобы добраться до рубашек под ними. Рубашки он нашел, а кроме них — малень-

кий аппарат, прикрепленный к большим очкам.

Максвелл сразу узнал этот аппарат и даже рот раскрыл от изумления. Автоматический переводчик, с помощью которого он читал на хрустальной планете металлические листы! Он поднял аппарат и взвесил его на ладони. Вот лента, охватывающая голову, с генератором энергии сзади, и очки, которые нужно опустить на глаза, когда аппарат надет.

Наверное, он случайно сунул его в чемодан, решил Максвелл, хотя как это могло произойти? Но что же теперь делать? А впрочем, это, пожалуй, и неплохо. Аппарат еще может пригодиться в будущем, в качестве доказательства, что он действительно побывал на той планете. Правда, насколько это доказательство весомо? По виду — ничего особенного.

Однако если заглянуть в механизм, напомнил он себе, эта штука, вероятно, не покажется такой уж обыкновенной…

Раздался легкий стук, и Максвелл, вздрогнув, начал напряженно прислушиваться. Поднялся ветер и ветка ударяет по крыше? Но ветки обычно стучат совсем не так.

Стук оборвался, а затем раздался снова, но теперь он стал прерывистым, словно сигнал: три

быстрых удара, пауза, еще два быстрых удара и снова пауза, а потом все сначала.

Кто-то стучал в дверь.

Максвелл вскочил, но остановился в нерешительности. Возможно, репортерам, наконец, удалось его выследить. А вдруг они только предполагают, что он может быть здесь? В таком случае лучше не откликаться. Но даже один репортер стучал бы куда громче и увереннее. А этот стук был тихим, почти робким, словно тот, кто был за дверью, чего-то опасался или стеснялся. Ну, а если это все-таки репортеры, молча выжидать нет никакого смысла: дверь отперта и, не получив ответа, они наверняка толкнут ее и войдут без приглашения.

Стук на мгновение замер, затем раздался снова. Максвелл на цыпочках подошел к двери и распахнул ее. Снаружи стоял Краб, белея в лучах заходящего солнца, точно привидение. Под одной из своих конечностей, которая в настоящий момент, по-видимому, играла роль руки, а не ноги, он держал большой пакет.

— Да входите же! Пока вас тут никто не увидел, — нетерпеливо сказал Максвелл.

Краб вошел, а Максвелл, закрывая дверь, удивился, с какой стати он потребовал, чтобы это

существо вошло в хижину.

— Вам не нужны опасения, — заявил Краб, — касательно жнецов новостей. Я был осторожен, и я глядел. За мной никто не следил. У меня такой нелепый вид, что за мной никогда не следят. Никто никогда не полагает, что я могу действовать сообразно с целью.

— Очень выгодная особенность, — заметил Максвелл. — По-моему, это называется защитной окраской.

— Я появляюсь вновь по указанию мисс Нэнси Клейтон, — продолжал Краб. — Она знает, что вы ездили в путешествие без багажа и не имели случая сделать покупку или стирку. Без желания причинить обиду — это мне указано сказать с отменным чувством — она желает прислать вам костюм для ношения.

Он вынул из-под конечности сверток и протянул его Максвеллу.

— Очень любезно со стороны Нэнси.

— Она — заботливое лицо. Она поручила мне сказать далее.

— Валяйте!

— Колесный экипаж прибудет отвезти вас к ее дому.

— Зачем? — удивился Максвелл. — Шоссе про-

ходит совсем рядом с ним.

— Еще одно извинение, — твердо объявил Краб, — но она считает, что нужно так. Очень много типов разных существ снуют там и сям, чтобы узнать место, где вы есть.

— Кстати, — сказал Максвелл, — а откуда его узнала мисс Клейтон?

— Поистине сие мне неведомо, — ответил Краб.

— Ну, хорошо. Поблагодарите от меня мисс Клейтон, пожалуйста.

— С восторгом и удовольствием, — сказал Краб.

Глава 14

— Я подвезу вас к черному ходу, — объяснял шофер. — Перед парадным кишмя кишат репортеры. Потом они разойдутся, но сейчас рыщут там стаями. Мисс Клейтон думает, что вы, возможно, предпочтете с ними не встречаться.

— Спасибо, — сказал Максвелл. — Вы очень предупредительны.

Нэнси, подумал он, как обычно, все предусмотрела, присваивая себе привилегию организовывать жизнь других людей.

Ее дом стоял на невысоком обрыве над самым озером. Слева от дороги в лучах недавно взошедшей луны поблескивала вода. Фасад дома был озарен множеством огней, но задняя его сторона была погружена во мрак.

Машина свернула с подъездной аллеи и начала медленно забираться по узкой крутой дороге, окаймленной могучими дубами. Вспугнутая птица с криком стремительно пронеслась у самых фар, отчаянно взмахивая крыльями. Откуда-то навстречу машине выбежали два разъяренных пса и помчались до бокам, точно конвой.

Шофер усмехнулся.

— Если бы вы шли пешком, они сожрали бы вас заживо.

— Но с каких это пор Нэнси охраняет собачья свора? — спросил Максвелл.

— Мисс Клейтон тут ни при чем, — ответил шофер. — Они охраняют совсем не ее.

У Максвелла на языке вертелся новый вопрос, но он не стал его задавать.

Машина свернула под изящную арку и остановилась.

— Вот в эту дверь, — сказал шофер. — Стучать не надо. Пройдете прямо через холл мимо винтовой лестницы. Гости в большом зале.

Максвелл хотел было открыть дверцу машины, но в нерешительности отнял руку.

— О собаках не думайте, — сказал шофер. — Они знают эту машину. И тех, кто из нее выходит, в жизни не тронут.

Впрочем, собак вообще нигде не было видно, и Максвелл, быстро поднявшись по трем ступенькам на крыльцо, распахнул дверь.

Холл был погружен в темноту. Только на винтовую лестницу падал отблеск света — по-видимому, на втором этаже горела лампочка. Кругом же царила полная тьма. Откуда-то доносились голоса и приглушенные звуки музыки.

Максвелл постоял несколько секунд не двигаясь и, когда его глаза привыкли к темноте, различил, что холл простирается и за винтовую лестницу. Вероятно, там дверь или коридор…

Странно! Если уж Нэнси распорядилась, чтобы шофер высадил его у задней двери, то почему она не поручила кому-нибудь встретить его здесь? И во всяком случае, она могла бы сказать, чтобы свет не гасили — тогда он сам отыскал бы дорогу.

Да, странно и довольно глупо — приехать на званый вечер и ощупью отыскивать путь к остальным гостям. Не лучше ли будет просто повернуться и уйти? Вернуться к Опу… Но тут Максвелл вспомнил о собаках. Они, конечно, рыщут вокруг дома, а судя по виду, ничего хорошего от них ждать не приходится. Что-то тут не так! Это совсем не похоже на Нэнси. Она никогда не поставила бы его в подобное положение. Да, тут что-то совсем не так.

Максвелл осторожно прошел по холлу, протянутой вперед рукой нащупывая столики или стулья, которые могли оказаться на его пути. Хотя видел он теперь гораздо лучше, холл по-прежнему оставался темной пещерой, где глаз не различал подробностей. Он обогнул винтовую

лестницу, и холл показался ему еще темнее теперь, когда проблески света остались у него за спиной. Внезапно кто-то спросил:

— Профессор Максвелл? Это вы, профессор?

Максвелл замер на левой ноге, потом медленно и бесшумно опустил на пол правую, уже поднятую для шага, и застыл, чувствуя, что весь покрывается гусиной кожей.

— Профессор Максвелл! — повторил голос. — Я знаю, что вы в холле.

Собственно говоря, это не был голос в прямом смысле слова. Максвелл готов был поклясться, что тишину холла не нарушал ни единый звук, и все же он ясно слышал эти слова… может быть, они раздавались у него не в ушах, а в каком-то уголке мозга.

Его охватил безотчетный ужас, и он попытался отогнать его, но ужас не исчезал — ужас затаился рядом во мраке, готовый вновь захлестнуть его черной волной.

Максвелл попробовал заговорить, но не смог.

Голос произнес:

— Я поджидал вас здесь, профессор. Мне необходимо вступить с вами в контакт. Это столько же в ваших интересах, сколько в моих.

— Где вы? — спросил Максвелл.

— Я за дверью слева от вас.

— Я не вижу никакой двери.

Здравый смысл настойчиво твердил Максвеллу: беги, немедленно беги. Поскорее выберись отсюда! Но он не мог бежать. У него не было сил. Да и куда? Назад под арку нельзя — там ждут собаки. Вперед по темному холлу? Опрокидывая все на своем пути, поднимая оглушительный грохот, чтобы все гости сбежались сюда и обнаружили его — растрепанного, в синяках, дрожащего от страха? Он знал, что стоит ему побежать, и им сразу же овладеет паника.

Чтобы его увидели в подобном состоянии? Нет! Хватит и того, что он проник в дом украдкой, с черного хода.

Если бы это был просто голос — какой угодно, но голос, — он не нагонял бы подобного ужаса. Но он производил такое жуткое впечатление — ни намека на интонацию, монотонный, механический, словно скрежещущий! Ни один человек так говорить не может, решил Максвелл. Где-то рядом с ним в темноте прятался внеземлянин.

— Тут есть дверь, — произнес этот пустой жесткий голос. — Сделайте шаг влево и толкните ее.

Положение становится просто смешным, подумал Максвелл. Либо он войдет в эту дверь, либо

опрометью бросится прочь. Конечно, можно было бы спокойно уйти, но он знал, что стоит ему повернуться спиной к невидимой двери, и он побежит — против воли, гонимый ужасом, маячащим позади.

Максвелл сделал шаг влево, нащупал дверь и толкнул ее. В комнате было темно, но в окна просачивался свет фонаря снаружи и падал на пудингообразное существо в центре комнаты — оплывший живот слабо фосфоресцировал, словно клубок светящихся обитателей морского дна копошился в круглом аквариуме.

— Да, — сказало существо, — вы совершенно правы. Я принадлежу к тем жителям вселенной, которых вы именуете «колесниками». На время моего визита здесь я обзавелся наименованием, которое легко воспринимается вашим сознанием. Вы можете называть меня «мистер Мармадьюк». Несомненно, вы понимаете, что это лишь удобства ради, так как я не ношу подобного имени. Собственно говоря, у нас нет имен. Они излишни. Наше индивидуальное различие достигается иными способами.

— Рад познакомиться с вами, мистер Мармадьюк, — сказал Максвелл, произнося слова медленно и раздельно, потому что губы у него

тоже вдруг стали холодными и непослушными, как и все его тело.

— А я с вами, профессор.

— Как вы узнали, кто я такой? — спросил Максвелл. — Вы, по-видимому, были абсолютно в этом уверены. Значит, вам было известно, что я пройду через холл?

— Разумеется, — сказал колесник.

Теперь Максвелл мог лучше разглядеть своего странного собеседника — пухлое тело, висящее между двумя колесами, копошащаяся масса в нижней прозрачной его части.

— Вы один из гостей Нэнси? — спросил он.

— Да, — ответил мистер Мармадьюк. — Да, разумеется. Если не ошибаюсь, почетный гость, ради которого она и устроила это собрание.

— Но в таком случае вам следовало бы быть в зале с остальными приглашенными.

— Я сослался на усталость, — объяснил мистер Мармадьюк. — Легкое уклонение от истины, признаюсь, ибо я никогда не устаю. И вот я удалился отдохнуть…

— И дождаться меня?

— Вот именно, — сказал мистер Мармадьюк.

Нэнси, подумал Максвелл. Нет! Нэнси, конечно, тут ни при чем. Она слишком легкомысленна,

слишком поглощена своими бесконечными зваными вечерами и совершенно неспособна на интриги.

— Мы могли бы обсудить некую тему, — сказал мистер Мармадьюк. — Ко взаимной выгоде, как я полагаю. Вы, если не ошибаюсь, ищете покупателя для некоего движимого имущества. Не исключено, что это движимое имущество может представлять некоторый интерес для меня.

Максвелл отступил на шаг, стараясь найти какой-нибудь ответ. Но ему ничего не приходило в голову. А ведь он мог бы знать! Мог бы догадаться или хотя бы заподозрить!

— Вы ничего не отвечаете, — сказал мистер Мармадьюк. — Но я не мог ошибиться. Вы действительно посредник по этой продаже, и здесь нет никакого недоразумения?

— Да, — сказал Максвелл. — Да, я посредник.

Он знал, что запираться нет смысла. Каким-то образом это существо на колесах проведало про хрустальную планету и про сокровищницу накопленных там знаний. И возможно, ему известна назначенная цена. Уж не этот ли колесник пытается купить Артефакт?

— В таком случае, — сказал мистер Мармадьюк, — нам следует немедленно приступить

к переговорам и обсудить условия. Не забыв при этом упомянуть и причитающиеся вам комиссионные.

— Боюсь, в настоящее время это невозможно, — сказал Максвелл. — Я не знаю условий продажи. Видите ли, сначала я должен был найти потенциального покупателя, а уж потом…

— Это не составит ни малейшего затруднения, — объявил колесник. — Ибо у меня есть сведения, которыми не располагаете вы. Мне известны условия продажи.

— И вы готовы заплатить требуемую цену?

— О, безусловно, — сказал колесник. — На это просто потребуется некоторое время — весьма незначительное. Необходимо завершить некую коммерческую операцию. По ее заключении мы с вами сможем довести наше дело до конца без хлопот и шума. Единственное, что еще следовало бы установить, как мне представляется, — это размеры комиссионных, которые вы заслужили столь безмерно.

— Я полагаю, — растерянно произнес Максвелл, — они должны быть неплохими.

— Мы намерены, — заявил мистер Мармадьюк, — назначить вас… не сказать ли «библиотекарем»?.. При том движимом имуществе,

которое мы приобретаем, предстоит большая работа по разбору и каталогизации указанного имущества. Для этого нам необходимо существо, подобное вам, и мне представляется, что ваши обязанности будут для вас весьма интересными. А что до жалованья… Профессор Максвелл, мы покорно просим вас самого назвать его цифру, а также и остальные условия, на которых вы согласитесь занять эту должность.

— Мне нужно все это обдумать.

— О, разумеется, разумеется! — произнес мистер Мармадьюк. — В делах такого рода небольшое размышление бывает полезным. Вы найдете нас склонными к самой неограниченной щедрости.

— Вы меня не поняли, — сказал Максвелл. — Мне нужно будет подумать о самой продаже. Сочту ли я возможным ее устроить.

— Быть может, вы сомневаетесь в том, достойны ли мы приобрести указанное движимое имущество?

— И это тоже, — сказал Максвелл.

— Профессор Максвелл, — заявил колесник, — для вас будет несравненно лучше, если вы отбросите свои сомнения. Поверьте, вам не следует испытывать по отношению к нам какие-либо сомнения, ибо мы полны решимости получить то,

что вы можете предложить. А потому вы должны охотно и добровольно вести переговоры с нами.

— Хочу я того или нет? — осведомился Максвелл.

— Я, — сказал мистер Мармадьюк, — не стал бы выражаться столь прямолинейно. Но вы описали ситуацию весьма исчерпывающим образом.

— Ваше положение не дает вам оснований разговаривать подобным тоном! — заметил Максвелл.

— Вы не имеете представления о том, какое положение мы занимаем, — сказал колесник. — Ваши сведения ограничиваются известными вам пределами космоса. И вы не можете знать, что лежит за этими пределами.

В этих словах, в том, как они были произнесены, было что-то такое, от чего по спине Максвелла пробежала холодная дрожь, словно в комнату ворвался ледяной вихрь, примчавшийся из неведомых глубин вселенной.

Ваши сведения ограничиваются известными вам пределами космоса, сказал мистер Мармадьюк… Но что лежит за этими пределами? Никто ничего не знал — известно было только, что в некоторых областях по ту сторону зыбкой границы, за которую еще не проникли разведчи-

ки человечества, колесники создали империю. И из-за этой границы до освоенной части вселенной доходили жуткие истории, какие всегда рождаются на дальних границах, питаемые воображением человека, стремящегося разгадать то неизвестное, что таится чуть дальше впереди.

Контакты с колесниками были редкими и мимолетными, и о них не было известно почти ничего, а это само по себе уже не обещало ничего хорошего. Никто не протягивал дружеских рук, никто не делал жестов благожелательности и доброй воли — ни колесники, ни люди, ни друзья и союзники людей. В огромном секторе космического пространства пролегла безмолвная угрюмая граница, которую не пересекала ни та, ни другая сторона.

— Мне было бы легче принять решение, — сказал Максвелл, — если бы мои сведения были более подробными, если бы мы могли узнать о вас больше…

— Вы знаете, что мы — таракашки, — заявил мистер Мармадьюк, и слова эти буквально брызгали желчью. — Ваша нетерпимость…

— Вовсе нет, — негодующе перебил Максвелл. — И мы не считаем вас таракашками. Мы знаем, что вы — ульевые конгломераты. Мы

знаем, что каждый из вас является колонией существ, сходных с теми, которых мы здесь на Земле называем насекомыми, и это, разумеется, составляет значительное различие между нами, и все же вы отличаетесь от нас не больше, чем многие другие существа с иных звезд. Слово «нетерпимость» мне не нравится, мистер Мармадьюк, так как оно подразумевает «терпимость», а это оскорбительно и для вас, и для меня, и для любого другого существа во вселенной.

Он заметил, что трясется от гнева, и удивился, почему одно какое-то слово могло его так взбесить. Его не вывела из себя даже мысль о том, что знания хрустальной планеты вот-вот достанутся колесникам, и вдруг он пришел в ярость от одного слова. Возможно, подумал он, потому, что там, где множество самых разных рас должно жить в мире и согласии друг с другом, и «нетерпимость» и «терпимость» одинаково стали грязными ругательствами.

— Вы ведете спор убедительно и любезно, — сказал мистер Мармадьюк. — И возможно, вы не нетерпимы…

— Если бы нетерпимость и существовала, — не дал ему докончить Максвелл, — не понимаю, почему вы приходите в такое негодование. Ведь

проявление подобного чувства бросает тень не на того, против кого оно направлено, а на того, кто его испытывает, поскольку он демонстрирует не только невоспитанность, но и глубокое невежество. Нет ничего глупее нетерпимости.

— В таком случае, что же вызывает у вас колебания? — спросил колесник.

— Мне необходимо узнать, как вы думаете распорядиться своим приобретением. Я хотел бы выяснить, какова ваша цель. Я еще очень многое должен был бы о вас узнать.

— Чтобы получить право судить?

— Но как можно судить в подобных ситуациях? — с горечью сказал Максвелл.

— Мы слишком много говорим, — объявил мистер Мармадьюк. — И без всякого смысла. Я вижу, что у вас нет намерения устроить нам это приобретение.

— Вот именно, — ответил Максвелл. — По крайней мере в настоящий момент.

— В таком случае, — сказал мистер Мармадьюк, — нам придется искать иной путь. Своим отказом вы причините нам значительные хлопоты и потерю времени, и мы будем вам весьма неблагодарны.

— Мне почему-то кажется, — сообщил ему

Максвелл, — что я как-нибудь стерплю вашу неблагодарность.

— Быть на стороне победителя, милостивый государь, — угрожающе произнес мистер Мармадьюк, — это немалое преимущество.

Мимо Максвелла промелькнуло что-то большое и быстрое. Уголком глаза он уловил блеск оскаленных зубов и стремительный взлет песочно-коричневого тела.

— Сильвестр, не надо! — вскрикнул Максвелл. — Не трогай его, Сильвестр!

Мистер Мармадьюк не растерялся. Его колеса бешено закрутились, и, ловко обогнув прыгнувшего Сильвестра, он ринулся к двери. Когти Сильвестра царапнули о половицы, и он извернулся спиралью. Максвелл кинулся в сторону от мчавшегося прямо на него колесника, но колесо все-таки задело его плечо, и он отлетел к стене. Мистер Мармадьюк молнией выскочил за дверь. За ним метнулось длинное гибкое тело — казалось, Сильвестр летит по воздуху, не касаясь земли.

— Сильвестр, не надо! — вопил Максвелл, бросаясь вслед за тигренком. В холле он резко повернул и отчаянно засеменил ногами, стараясь сохранить равновесие. Впереди по холлу быстро

катил колесник, но Сильвестр настигал его. Максвелл не стал больше расходовать силы и время на бесполезные крики и поспешил за ними.

В дальнем конце холла мистер Мармадьюк круто свернул влево, а Сильвестр, совсем уже было схвативший его, не сумел проделать поворот столь же быстро и ловко и потерял несколько драгоценных секунд. Максвелл, успев оценить обстановку, обогнул угол на полном ходу и увидел перед собой освещенный коридор и мраморные ступени, ведущие вниз, в зал, где множество людей стояло, разбившись на небольшие группы, с бокалами в руках.

Мистер Мармадьюк стремительно приближался к лестнице. Сильвестр опережал Максвелла на один прыжок, отставая от колесника прыжка на три.

Максвелл хотел было крикнуть, но у него перехватило дыхание, да и в любом случае его вопль вряд ли что-нибудь изменил бы, так как события развивались с неимоверной быстротой.

Колесник соскочил на первую ступеньку, и Максвелл прыгнул, протягивая вперед руки. Он упал на спину тигренка и крепко обнял его за шею. Они вместе растянулись на полу, и краем глаза Максвелл увидел, что колесник на второй

ступеньке подскочил высоко в воздух и начал угрожающе крениться набок.

Тут раздался испуганный женский визг, растерянные крики мужчин и звон бьющихся бокалов.

На этот раз, угрюмо подумал Максвелл, Нэнси получила сенсацию, на которую, наверное, не рассчитывала. Он лежал у стены под лестницей. Сильвестр, уютно устроившись у него на груди, примеривался нежно облизать ему лицо.

— Сильвестр, — сказал Максвелл. — Вот ты и добился своего. Ты подложил нам колоссальную свинью.

Сильвестр лизнул его и хрипло замурлыкал.

Максвелл спихнул тигренка на пол и сел, прислонившись к стене. Мистер Мармадьюк валялся на боку у нижней ступеньки лестницы. Оба его колеса вертелись как бешеные, и он неуклюже вращался вокруг своей оси.

По лестнице взбежала Кэрол и, уперев руки в бока, уставилась на Максвелла и тигренка.

— Хорошая парочка, нечего сказать! — вскричала она и задохнулась от гнева.

— Мы не нарочно, — сказал Максвелл.

— Почетный гость! — она чуть не плакала от злости. — Почетный гость, а вы двое гоняетесь

за ним по коридорам, словно он мышь какая-нибудь!

— По-видимому, мы не причинили ему большого вреда, — заметил Максвелл. — Я вижу, он цел и невредим. Хотя меня не удивило бы, если бы его брюхо лопнуло и эти милые жучки разлетелись по всему полу.

— Что подумает Нэнси? — негодующе спросила Кэрол.

— Думаю, она будет в восторге, — ответил Максвелл. — На ее званых вечерах не случалось ничего интересного с тех пор, как огнедышащая амфибия из системы Крапивы подожгла новогоднюю елку.

— Вы это придумали! — заявила Кэрол. — Этого не было.

— Чтоб мне провалиться! Я сам был тогда здесь. Видел все своими глазами и помогал гасить пожар.

Тем временем мистера Мармадьюка окружили гости и принялись поднимать его. По залу засновали маленькие роботы, собирая осколки и вытирая лужицы коктейлей.

Максвелл встал на ноги, а Сильвестр, подобравшись к нему, начал тереться головой о его колени.

Откуда-то появилась Нэнси и заговорила с мистером Мармадьюком. Гости, окружив их кольцом, внимательно слушали.

— На вашем месте, — посоветовала Кэрол, — я бы испарилась отсюда как можно незаметнее. Не думаю, чтобы вас тут теперь встретили с распростертыми объятиями.

Он начал спускаться по лестнице, а Сильвестр с царственным видом шагал рядом с ним, Нэнси обернулась, увидела Максвелла и поспешила к нему навстречу.

— Пит! — воскликнула она. — Так значит, это все-таки правда! Ты действительно вернулся.

— Да, конечно, — растерянно согласился Максвелл.

— Я читала в газетах, но не могла поверить. Я думала, что это какой-нибудь трюк или розыгрыш.

— Но ты же меня пригласила… — сказал Максвелл.

— Пригласила? Тебя?

Она не шутила. Это было ясно.

— Значит, ты не посылала Краба…

— Какого краба?

— Ну, существо, которое больше всего похоже на краба-переростка.

Нэнси покачала головой, и, вглядываясь в ее

лицо, Максвелл вдруг почти со страхом обнаружил, что она начинает стареть. В уголках глаз и рта лучились морщинки, которых не могла спрятать никакая косметика.

— Существо, похожее на краба, — повторил он. — Оно сказало, что работает у тебя посыльным и что ты приглашаешь меня на этот вечер. Оно сказало, что за мной будет прислан автомобиль. Оно даже принесло мне костюм, сказав, что…

— Пит, — перебила Нэнси. — Пожалуйста, поверь мне. Я ничего этого не делала. Я тебя не приглашала. Но я очень рада, что ты пришел.

Придвинувшись, к нему почти вплотную, она взяла его под руку и сказала, еле сдерживая смех:

— И мне было бы очень интересно узнать, что у тебя произошло с мистером Мармадьюком.

— Мне очень жаль… — начал Максвелл.

— И напрасно. Разумеется, он мой гость, а с гостями следует обходиться любезно, но, в сущности, он ужасен, Пит. Скучный педант, сноб и…

— Тсс! — предостерег ее Максвелл.

Мистер Мармадьюк, высвободившись из кольца гостей, катил к ним через зал. Нэнси повернулась навстречу колеснику.

— Вы, правда, не пострадали? — спросила

она. — Нет, правда?

— Я отнюдь не пострадал, — сказал мистер Мармадьюк.

Он подкатил к Максвеллу, и из верхушки его округлого туловища возникла рука — гибкая, пружинообразная, больше напоминавшая щупальце, чем руку, — с клешней из трех пальцев. Мистер Мармадьюк обвил этой рукой плечи Максвелла, и тот почувствовал инстинктивное желание сбросить ее, отодвинуться, но подавил этот импульс и заставил себя остаться на месте.

— Благодарю вас, сэр, — сказал мистер Мармадьюк. — Я весьма вам благодарен. Возможно, вы спасли мою жизнь. В момент моего падения я увидел, как вы прыгнули на этого зверя. Весьма героичный поступок.

Сильвестр крепче прижался к боку Максвелла, поднял голову и обнажил клыки в беззвучном рычании.

— Он не причинил бы вам вреда, сэр, — вмешалась Кэрол. — Он ласков, как котенок. Если бы вы не побежали, он не стал бы за вами гнаться. Он по глупости вообразил, что вы с ним играете. Сильвестр очень любит играть.

Сильвестр зевнул, продемонстрировав все свои зубы.

— Эта игра, — сказал мистер Мармадьюк, — не доставляет мне удовольствия.

— Когда я увидел, что вы упали, — переменил тему Максвелл, — я испугался за вас. Мне показалось, что вы вот-вот разорветесь.

— О, это был напрасный испуг, — заявил мистер Мармадьюк. — Я чрезвычайно упруг. Это тело сотворено из превосходного материала, весьма крепкого и обладающего исключительной эластичностью.

Он снял руку с плеча Максвелла, и она взвилась в воздух, точно промасленный канат, изогнулась и втянулась в тело, на поверхности которого Максвелл не сумел различить ничего, что указывало бы, где именно она скрылась.

— Очень прошу вас извинить меня, — сказал мистер Мармадьюк. — Мне нужно кое-кого увидеть, — и, повернув, он быстро покатил прочь.

Нэнси вздрогнула.

— У меня от него мурашки бегают! — пожаловалась она. — Хотя нельзя отрицать, что он — настоящее украшение вечера. Далеко не всякой хозяйке салона удается заполучить колесника. Тебе я могу признаться, Пит, что пустила в ход все свои связи, чтобы он остановился у меня. А теперь я жалею — в нем есть что-то слизистое.

— А ты не знаешь, зачем он здесь? То есть здесь, на Земле?

— Нет. У меня сложилось впечатление, что он обыкновенный турист. Хотя я как-то не могу вообразить, чтобы подобные существа путешествовали для удовольствия.

— Согласен.

— Пит, ну расскажи же мне о себе! Газеты утверждают…

Максвелл ухмыльнулся.

— Как же, знаю! Что я воскрес из мертвых!

— Но на самом деле ты ведь не воскресал? Я понимаю, что это невозможно. Так кого же мы похоронили? Все, слышишь ли, все были на похоронах, и никто из нас не усомнился, что это ты. Но ведь это не мог быть ты. Так что же…

— Нэнси, — перебил Максвелл. — Я вернулся только вчера. Я узнал, что я скончался, что мою комнату сдали, что мое место на факультете занято и…

— Но это же невозможно! — повторила Нэнси. — Подобные вещи в действительности не случаются. И я не понимаю, что, собственно, произошло.

— Мне самому это не вполне понятно, — признался Максвелл. — Позже мне, возможно,

удастся выяснить подробности.

— Но как бы то ни было, ты теперь тут, и все в порядке, — сказала Нэнси. — А если ты не хочешь говорить об этом, я скажу всем, чтобы они тебя не расспрашивали.

— Я очень благодарен тебе за такую предусмотрительность, — сказал Максвелл, — но из этого ничего не выйдет.

— Репортеров можешь не опасаться, — продолжала Нэнси. — Репортеров тут нет. Прежде я их приглашала — специально отобранных, тех, кому, мне казалось, я могу доверять. Но репортерам доверять невозможно, как я убедилась на горьком опыте. Так что тебе они не грозят.

— Насколько я понял, у тебя есть картина…

— А, так ты знаешь про картину! Пойдем посмотрим на нее. — Это жемчужина моей коллекции. Только подумай — подлинный Ламберт! И к тому же никому прежде не известный. Потом я расскажу тебе, как была найдена эта картина, но во что она мне обошлась, я тебе не скажу. Ни тебе и никому другому. Мне стыдно об этом даже думать.

— Так много или так мало?

— Так много, — ответила Нэнси. — И ведь необходима величайшая осторожность. Очень легко

попасть впросак! Я начала вести переговоры о покупке только после того, как ее увидел эксперт. Вернее, два эксперта. Один проверил заключение другого, хотя, возможно, тут я несколько перегнула палку.

— Но в том, что это Ламберт, сомнений нет?

— Ни малейших. Даже мне было ясно с самого начала. Ни один другой художник не писал так, как Ламберт. Но ведь его все-таки можно скопировать, и я хотела удостовериться.

— Что тебе известно о Ламберте? — спросил Максвелл. — Больше, чем нам всем? Что-то, чего нет в справочниках?

— Ничего. То есть не очень много. И не о нем самом. А почему ты так подумал?

— Потому что ты в таком ажиотаже.

— Ну вот! Как будто мало найти неизвестного Ламберта! У меня есть две другие его картины, но эта — особенная, потому что она была потеряна. Собственно говоря, я не знаю, насколько тут подходит слово «потеряна». Вернее сказать, она никогда не значилась ни в одном каталоге. Не существует никаких упоминаний, что он ее писал — во всяком случае, сохранившихся упоминаний. А ведь она принадлежит к его так называемым гротескам! Как-то трудно вообра-

зить, чтобы хоть один из них пропал бесследно, или был совершенно забыт, или… ну, что еще могло с ним произойти? Другое дело, если бы речь шла о картине раннего периода.

Они прошли через зал, лавируя между кучками гостей.

— Вот она, — сказала Нэнси, когда они проложили путь через толпу, собравшуюся у стены, на которой висела картина.

Максвелл откинул голову и взглянул на стену. Картина несколько отличалась от цветных репродукций, которые он видел утром в библиотеке. Это, сказал он себе, объясняется тем, что она больше, а краски ярче и чище… и тут же обнаружил, что этим все не исчерпывается. Иным был ландшафт и населявшие его существа. Ландшафт казался более земным — гряда серых холмов, бурый кустарник, разлапистые, похожие на папоротники деревья. По склону дальнего холма спускалась группа созданий, которые могли быть гномами; под деревом, прислонившись к стволу, сидело существо, похожее на гоблина, — оно, по-видимому, спало, нахлобучив на глаза подобие шляпы. А на переднем плане — жуткие ухмыляющиеся твари с безобразными телами и мордами, при взгляде на которые кровь стыла в жилах.

На плоской вершине дальнего холма, у подножия которого толпилось множество разнообразных существ, лежало что-то маленькое и черное, четко выделяясь на фоне серого неба.

Максвелл ахнул, быстро шагнул вперед и замер, боясь выдать свое волнение. Неужели никто еще этого не заметил? Впрочем, возможно, кто-то и заметил, но не придал своему открытию никакой важности или решил, что ошибся.

Но Максвелл знал, что он не ошибается. Никаких сомнений у него не возникло. Маленькое черное пятно на дальней вершине было Артефактом!

Глава 15

Максвелл нашел укромный уголок позади внушительной мраморной вазы с каким-то пышно цветущим растением и сел на один из стоявших там стульев.

Из-за вазы он наблюдал, как толпа гостей в зале постепенно начинает редеть. И даже те, кто пока не собирался уходить, несколько приуныли. Но если кто-нибудь еще вздумает спросить, что с ним произошло, решил Максвелл, он даст ему в челюсть, и дело с концом.

Накануне он сказал Кэрол, что в ближайшее время ему придется объяснять, объяснять и снова объяснять. Именно это он и делал весь вечер — с некоторыми отклонениями от истины, — и никто ему не верил. Его собеседники глядели на него пустыми глазами и прикидывали, пьян он или просто их разыгрывает.

Хотя настоящей жертвой розыгрыша, подумал Максвелл, был он сам. Его пригласили на этот вечер, но приглашение исходило не от Нэнси Клейтон. Нэнси не посылала ему костюма и не поручала шоферу заехать за ним, а потом высадить его у задней двери, чтобы он прошел через холл

мимо двери, за которой его поджидал колесник. И десять против одного, что собаки не принадлежат Нэнси, хотя он и забыл спросить ее о них.

Кто-то, не щадя усилий и хлопот, чрезвычайно сложным способом обеспечил колеснику возможность переговорить с ним. Все это отдавало дешевой мелодрамой и было настолько пропитано атмосферой плащей и кинжалов, что становилось смешным. Но только… только ему почему-то не было смешно.

Сжимая бокал в ладонях, Максвелл слушал гул идущего к концу вечера. Через просветы в густой листве над мрамором вазы он видел почти весь зал, но колесника нигде не было, хотя раньше мистер Мармадьюк все время кружил среди гостей.

Максвелл рассеянно переложил бокал из одной руки в другую и понял, что не будет пить, что и так уже выпил больше, чем следовало бы, не потому, что опьянел, а потому, что пить здесь было не место. Это удовольствие следует приберегать для небольшой дружеской компании в чьей-нибудь привычной уютной комнате, а не пить среди шумной толпы незнакомых и малознакомых людей в большом и безликом зале… Внезапно он почувствовал, что очень устал. Сейчас он встанет, попрощается с Нэнси, если сумеет ее найти, и

тихонько побредет к хижине Опа.

А завтра? Завтра ему предстоит многое сделать. Но сейчас он об этом думать не будет. Он все отложит на завтра.

Поднеся бокал к краю мраморной вазы, Максвелл вылил коктейль на корни растения.

— Ваше здоровье! — сказал он ему, потом осторожно, стараясь не потерять равновесия, нагнулся и поставил бокал на пол.

— Сильвестр! — раздался голос за его спиной. — Ты видишь, что тут происходит?

Максвелл обернулся и встретился взглядом с Кэрол, которая стояла по ту сторону вазы, положив руку на голову Сильвестра.

— Входите, входите, — приветливо сказал он. — Это мой тайник. Если вы оба будете вести себя смирно…

— Я весь вечер пыталась поговорить с вами с глазу на глаз, — заявила Кэрол. — Но где там! Я хочу знать, зачем вам с Сильвестром понадобилось охотиться на колесника.

Она забралась за вазу и остановилась, ожидая его ответа.

— Я был удивлен даже больше вас, — сообщил ей Максвелл. — У меня буквально дух захватило. Я никак не ждал увидеть Сильвестра. Мне и в

голову не приходило…

— Меня часто приглашают на званые вечера, — холодно сказала Кэрол. — Не ради меня самой, поскольку вас это, по-видимому, удивило, но ради Сильвестра. Он служит прекрасной темой для светской болтовни.

— Очко в вашу пользу, — заметил Максвелл. — Меня так вовсе не пригласили.

— И тем не менее вы тут!

— Но не спрашивайте меня, как я сюда попал. Мне будет трудно отыскать правдоподобное объяснение.

— Сильвестр всегда был очень благовоспитанным котенком, — обвиняющим тоном сказала Кэрол. — Возможно, он любит поесть, но он джентльмен.

— Понимаю! В моем дурном обществе…

Кэрол окончательно обогнула вазу и села рядом с ним:

— Вы собираетесь ответить на мой вопрос?

Он покачал головой.

— Трудно. Все было как-то запутано.

— По-моему, я никогда не встречала человека, который так умеет вывести собеседника из себя, как вы. И вообще это непорядочно.

— Кстати, — сказал он, — вы ведь видели эту

картину?

— Конечно! Она же — гвоздь вечера. Вместе с этим забавным колесником.

— А ничего странного вы не заметили?

— Странного?

— Да. На картине.

— По-моему, нет.

— На одном из холмов нарисован крохотный кубик. Черный, на самой его вершине. Он похож на Артефакт.

— Я не обратила внимания… Я особенно ее не разглядывала.

— Но гномов-то вы разглядели?

— Да. Во всяком случае, кого-то на них похожего.

— А существа на переднем плане? Они ведь совсем другие.

— Другие? По сравнению с кем?

— С теми, каких обычно писал Ламберт.

— Вот не знала, — заметила Кэрол, — что вы специалист по Ламберту.

— А я и не специалист. Просто сегодня утром, когда я узнал про этот званый вечер и про картину, которой обзавелась Нэнси, я пошел в библиотеку и взял альбом с репродукциями.

— Но даже если они и другие, так что? — спро-

сила Кэрол. — Художник же имеет право писать все, что ему вздумается.

— Совершенно верно. Но речь не об этом. Ведь на картине изображена Земля. То есть если это действительно Артефакт, в чем я не сомневаюсь, значит, на ней должна быть изображена Земля. Но не наша Земля, не та, которую мы знаем, а Земля, какой она была в юрский период.

— По-вашему, на других его картинах изображена не Земля? Но этого не может быть! Ламберт жил в эпоху, когда ничего другого художник писать не мог. Ведь в космос еще никто не летал — то есть в глубокий космос, а не только на Луну и на Марс.

— Нет, в космос летали, — возразил Макс-велл. — На крыльях фантазии. Тогда существовали и путешествия в космосе, и путешествия во времени — силой воображения. Ни один художник никогда не был ограничен железными рамками «сейчас» и «здесь». Все так и считали, что Ламберт пишет страну Фантазию. Но теперь я начинаю задумываться, а не писал ли он реальные ландшафты и реальных существ — просто то, где он бывал и что видел.

— Но если вы правы, — возразила Кэрол, — то как он туда попадал? Конечно, Артефакт на его

картине объяснить трудно, однако…

— Нет, я имел в виду то, о чем постоянно твердит Оп, — сказал Максвелл. — Он принес из своих неандертальских дней воспоминания о гоблинах, троллях и прочих обитателях холмов. Но он говорил, что были и какие-то «другие». И они были несравненно хуже: злокозненные, безжалостные, и неандертальцы смертельно боялись их.

— И вы думаете, что на картине есть и они? Те, кого вспоминал Оп?

— Да, мне пришло в голову как раз это, — признался Максвелл. — Может быть, Нэнси не будет возражать, если я завтра приведу Опа взглянуть на картину.

— Наверное, не будет, — сказала Кэрол. — Но это и необязательно. Я сфотографировала картину.

— Как же…

— Конечно, я знаю, что так делать не полагается. Но я попросила разрешения у Нэнси, и она сказала, что ничего не имеет против. А что другое она могла бы ответить? И я снимала картину не для того, чтобы продавать снимки, а только для собственного удовольствия. Ну, как плату за то, что я привела Сильвестра, чтобы ее гости могли на него посмотреть. Нэнси хорошо разбирается в подобных тонкостях, и у нее не хватило духа ска-

зать мне «нет». Если вы хотите, чтобы я показала снимки Опу…

— Вы говорите серьезно?

— Конечно. И пожалуйста, не осуждайте меня за то, что я сфотографировала картину. Надо же сводить счеты!

— Счеты? С Нэнси?

— Ну, не специально с ней, но со всеми теми, кто приглашает меня на званые вечера. Со всеми ими без исключения. Ведь их интересую вовсе не я. На самом-то деле они приглашают Сильвестра. Словно он ученый медведь или фокусник! Ну, и чтобы заполучить его, они вынуждены приглашать меня. Я знаю, почему они меня приглашают, и они знают, что я знаю, но все равно приглашают!

— По-моему, я понимаю, — сочувственно сказал Максвелл.

— А по-моему, они просто расписываются в снобизме и чванстве.

— Вполне согласен.

— Если мы намерены показать снимки Опу, — сказала Кэрол, — нам, пожалуй, пора идти. Все равно веселье засыхает на корню. Так вы решительно не хотите рассказать мне, что у вас произошло с колесником?

— Потом, — уклончиво сказал он. — Не сейчас. Возможно, позже.

Они вышли из-за вазы и пошли через зал к дверям, лавируя между поредевшими группами гостей.

— Надо бы разыскать Нэнси, — заметила Кэрол, — и попрощаться с ней.

— Как-нибудь в другой раз, — ответил Максвелл. — Мы напишем или позвоним ей. Объясним, что не сумели ее найти, поблагодарим за удивительно приятный вечер, скажем, что было необыкновенно интересно, что ее приемов мы никогда не пропускаем, что картина нам необыкновенно понравилась и что она поистине гениальна, раз сумела ее приобрести…

— Вам не следует паясничать, — посоветовала Кэрол. — Вы утрируете, и у вас ничего не получается.

— Я тоже так думаю, — признался Максвелл, — но продолжаю пробовать — а вдруг?

Они закрыли за собой парадную дверь и начали спускаться по широким полукруглым ступеням, которые заканчивались у самого шоссе.

— Профессор Максвелл! — крикнул кто-то. Максвелл оглянулся. К ним по лестнице сбегал Черчилл.

— Можно вас на минутку, Максвелл? — сказал он.

— Да. Так что же вам нужно, Черчилл?

— Поговорить с вами. И наедине, с разрешения вашей дамы.

— Я подожду вас у шоссе, — сказала Кэрол Максвеллу.

— Не нужно, — возразил Максвелл. — Я разделаюсь с ним в два счета.

— Нет, — твердо сказала Кэрол. — Я подожду. Не надо бурных эмоций.

Максвелл остановился, и Черчилл, слегка запыхавшись, ухватил его за локоть.

— Я весь вечер искал случая подойти к вам. Но вы ни на минуту не оставались в одиночестве.

— Что вам нужно? — резко спросил Максвелл.

— Колесник! — сказал Черчилл. — Пожалуйста, забудьте о вашей с ним беседе. Он не знает наших обычаев. Я не знал о его намерениях. Более того, я его прямо предупреждал…

— То есть вы знали, что колесник устроил на меня засаду?

— Я отговаривал его! — возмущенно заявил Черчилл. — Я прямо сказал, чтобы он оставил вас в покое! Мне очень жаль, профессор Максвелл! Поверьте, я сделал все, что было в моих силах!

Максвелл вцепился правой рукой в рубашку Черчилла, собрал ее в комок и подтянул юриста к себе.

— А, так, значит, это вы прислужник колесника! — крикнул он. — Его ширма! Это вы ведете переговоры о покупке Артефакта, чтобы его заполучил колесник!

— Я поступаю так, как нахожу нужным! — злобно ответил Черчилл. — Моя профессия — служить посредником в делах, которые люди не хотят или не могут вести сами.

— Колесник к людям не относится, — возразил Максвелл. — Только богу известно, что такое колесник. Во-первых, он — гнездо насекомых, а во-вторых, в-третьих, в-четвертых… мы этого не знаем!

— Он не нарушает никаких законов, — сказал Черчилл. — Он имеет право покупать все, что ему угодно.

— А вы имеете право пособничать ему, — прошипел Максвелл. — Имеете право состоять у него на жалованье. Но осторожней выбирайте способы, как это жалованье отрабатывать! И не попадайтесь на моей дороге!

Резким движением он оттолкнул Черчилла. Тот зашатался, потерял равновесие и покатился

по широким ступеням. Кое-как задержав свое падение, он не встал и продолжал лежать, раскинув руки.

— Надо было сбросить вас с лестницы так, чтобы вы сломали свою поганую шею! — крикнул Максвелл.

Оглянувшись на дом, он обнаружил, что у дверей собралось довольно много людей, которые смотрят на него. Смотрят и переговариваются между собой.

Он повернулся на каблуках и зашагал вниз по ступеням.

Внизу Кэрол мертвой хваткой вцепилась в разъяренного тигренка.

— Я думала, он вот-вот вырвется и растерзает этого субъекта в клочья, — задыхаясь, пробормотала она и посмотрела на Максвелла с плохо скрываемым отвращением. — Неужели вы ни с кем не можете разойтись мирно?

Глава 16

Максвелл спрыгнул с шоссе в том месте, где начиналась лощина Гончих Псов, и несколько минут простоял, вглядываясь в скалистые утесы и резкие очертания осенних обрывов. Дальше по лощине, за желто-красной завесой листвы, он увидел крутой каменистый склон холма Кошачья Берлога, на вершине которого, как ему было известно, стоял, уходя высоко в небо, замок гоблинов, где проживал некий О`Тул. А внизу, в чаще, прятался замшелый каменный мост, обиталище троллей.

Час был еще ранний, потому что Максвелл отправился в путь задолго до рассвета. На траве и кустах, до которых еще не добралось солнце, поблескивала ледяная роса. Воздух оставлял во рту винный привкус, а голубизна неба была такой нежной и светлой, что оно словно вообще не имело цвета. И все это — и небо, и воздух, и скалы, и лес — было пронизано ощущением непонятного ожидания.

Максвелл прошел по горбатому пешеходному мостику, перекинутому через шоссе, и зашагал по тропинке, убегавшей в лощину.

Вокруг него сомкнулись деревья — он шел теперь по затаившей дыхание волшебной стране. Максвелл вдруг заметил, что старается ступать медленно и осторожно, опасаясь нарушить лесное безмолвие резким движением или шумом. С балдахина ветвей над ним, неторопливо кружа, слетали листья — трепещущие разноцветные крылышки — и устилали землю мягким ковром. Тропку перед ним торопливым клубочком перебежала мышь, и опавшие листья даже не зашуршали под ее лапками. Вдали стрекотала голубая сойка, но деревья приглушали и смягчали ее пронзительный голос.

Тропка разделилась на две — левая продолжала виться по лощине, правая свернула к обрыву. Максвелл пошел по правой тропинке. Ему предстоял долгий и утомительный подъем, но он не торопился и был намерен устраивать частые передышки. В такой день, подумал он, просто грех спешить, экономя время, которое можно провести здесь, среди красок и тишины.

Крутая тропинка петляла, огибая огромные, припавшие к земле валуны в бахроме седых лишайников. Ее со всех сторон обступали древесные стволы — грубая темная кора вековых дубов оттенялась атласной белизной берез в

мелких коричневых пятнышках там, где тонкая кора скрутилась в трубочку, но все еще льнула к родному дереву, трепеща на ветру. Над грудой валежника поднималась пирамида ариземы, осыпанная багряными ягодами, и лиловые листья обвисали, как рваная мантия.

Максвелл не спеша взбирался по склону, часто останавливаясь, чтобы оглядеться и вдохнуть аромат осени, окутывавший все вокруг. В конце концов он дошел до лужайки, на которую опустился автолет Черчилла, когда тролли наложили на него заклятие. Отсюда тропа вела прямо к замку гоблинов.

Он постоял на лужайке, переводя дух, а потом пошел дальше. На огороженном жердями пастбище Доббин — или другой, очень похожий на него конь общипывал редкие пучки скудной травы. Над башенками замка кружили голуби, а в остальном он казался вымершим.

Внезапно благостная тишина утра была нарушена оглушительными воплями, и из распахнутых ворот замка вывалилась орава троллей, которые двигались довольно странным строем. Они шли тремя вереницами, и каждая вереница тянула канат совсем как волжские бурлаки в старину, решил Максвелл, вспомнив картину,

которую ему как-то довелось увидеть. Тролли выбрались на подъемный мост, и Максвелл увидел, что все три каната привязаны к большому обтесанному камню — тролли волочили его за собой, и он, подпрыгивая на мосту, глухо гремел.

Старый Доббин дико ржал и бегал по кругу с внутренней стороны забора, вскидывая задом.

Тролли тяжелой рысцой спускались по тропе — темно-коричневые, морщинистые, злобные лица, длинные сверкающие клыки, спутанные гривы волос, дыбящиеся больше обычного, — а позади них, поднимая клубы пыли, грузно полз камень.

Из ворот замка выплеснулась кипящая волна гоблинов, которые размахивали дубинками, мотыгами, вилами — короче говоря, всем, что подвернулось им под руку.

Максвелл поспешно посторонился, пропуская троллей. Они бежали молча, решительно, всем весом налегая на канаты, а за ними, испуская пронзительные воинственные клики, мчалась орда гоблинов.

Впереди, тяжело переваливаясь, несся мистер О`Тул; лицо и шея у него посинели от гнева, а в руке была зажата скалка.

В том месте, где Максвелл сошел с тропы, она

круто уходила вниз по каменистому склону к лужайке фей. Камень, который волокли тролли, над самым спуском ударился о выступ скалы и подпрыгнул высоко в воздух. Канаты провисли, и камень, еще раз подпрыгнув, стремительно покатился по склону.

Какой-то тролль оглянулся и отчаянно завопил, предупреждая остальных. Бросив канаты, тролли кинулись врассыпную. Камень, набирая скорость с каждым оборотом, промчался мимо, обрушился на лужайку, опять подскочил, оставив огромную вмятину, и скользнул по траве к деревьям. Поперек бального зала фей протянулась безобразная полоса вывороченного дерна, а камень ударился о ствол могучего дуба в дальнем конце лужайки и, наконец, остановился.

Гоблины, оглушительно крича, кинулись в лес за разбежавшимися похитителями камня. Преследуемые вопили от страха, преследователи — от ярости, по холму раскатывались эхо и треск кустов, ломающихся под тяжестью множества тел.

Максвелл перешел через тропу и направился к огороженному пастбищу. Старый Доббин уже успокоился и стоял, положив морду на верхнюю жердь, словно ему нужна была подпорка. Конь с

любопытством наблюдал за тем, что происходило у подножия холма.

Максвелл положил ладонь на шею Доббина, погладил коня и ласково потянул его за ухо. Доббин скосил на него кроткий глаз и задвигал верхней губой.

— Надеюсь, — сказал ему Максвелл, — они не заставят тебя волочить этот камень назад в замок. Подъем тут крутой и длинный.

Доббин лениво дернул ухом.

— Ну, насколько я знаю О`Тула, тебе этого делать не придется. Если ему удастся переловить троллей, камень потащат они.

Шум у подножия холма тем временем стих, и вскоре, пыхтя и отдуваясь, на тропу вышел мистер О`Тул и начал взбираться по склону. Скалку он нес на плече. Лицо у него все еще отливало синевой, но уже не от бешенства, а от усталости. Он свернул с тропы к пастбищу, и Максвелл поспешил ему навстречу.

— Приношу глубочайшие извинения, — произнес мистер О`Тул настолько величественно, насколько позволяла одышка. — Я заметил вас и обрадован вашим присутствием, но меня отвлекло весьма важное и весьма настоятельное дело. Вы, я подозреваю, присутствовали при этой

гнуснейшей подлости.

Максвелл кивнул.

— Они забрали мой сажальный камень, — гневно объявил мистер О`Тул, — со злобным и коварным намерением обречь меня на пешее хождение.

— Пешее? — переспросил Максвелл.

— Вы, как я вижу, лишь слабо постигаете смысл случившегося. Мой сажальный камень, на который я должен взобраться, чтобы сесть на спину Доббина. Без сажального камня верховой езде приходит конец, и я обречен ходить пешком с большими страданиями и одышкой.

— Ах, вот что! — сказал Максвелл. — Как вы совершенно справедливо заметили, сперва я не постиг смысла случившегося.

— Эти подлые тролли! — мистер О`Тул в ярости заскрежетал зубами. Ни перед чем не останавливаются, негодяи! Сначала сажальный камень, а потом и замок — кусочек за кусочком, камушек за камушком, пока не останется ничего, кроме голой скалы, на которой он некогда высился. При подобных обстоятельствах необходимо со стремительной решимостью подавить зародыш их намерений.

Максвелл посмотрел вниз.

— И как же это кончилось? — спросил он.

— Мы обратили их в паническое бегство, — удовлетворенно сказал гоблин. — Они разбежались, как цыплята. Мы вытащим их из-под скал и из тайников в чаще, а потом взнуздаем, точно мулов, на которых они разительно похожи, и они, потрудившись хорошенько, втащут сажальный камень туда, откуда его забрали.

— Они сводят с вами счеты за то, что вы срыли их мост.

Мистер О`Тул в раздражении отколол лихое коленце.

— Вы ошибаетесь! — вскричал он. — Из великого и незаслуженного сострадания мы не стали его срывать. Обошлись двумя камушками, двумя крохотными камушками и большим шумом. И тогда они сняли чары с помела, а также со сладкого октябрьского эля, и мы, будучи простыми душами, приверженными к доброте и незлобивости, спустили им все остальное.

— Они сняли чары с эля? Но ведь некоторые химические изменения необратимы и…

Мистер О`Тул смерил Максвелла презрительным взглядом.

— Вы, — сказал он, — лепечете на ученом жаргоне, пригодном только для чепухи и заблуж-

дений. Мне непостижимо ваше пристрастие к этой вашей науке, когда, будь у вас охота учиться и попроси вы нас, вам открылась бы магия. Хотя должен признать, что расколдованный эль не безупречен. В его вкусе ощущается намек на затхлость. Впрочем, и такой эль все же лучше, чем ничего. Если вы согласны составить мне компанию, мы могли бы его испробовать.

— За весь день, — ответил Максвелл, — не было сказано ничего приятнее!

— Так удалимся же, — воскликнул мистер О`Тул, — под сень сводов, где гуляют сквозняки — и все по вашей милости, по милости смешных людишек, которые воображают, будто мы обожаем развалины. Так удалимся же туда и угостимся большими кружками пенного напитка.

В большом зале замка, где отчаянно дуло, мистер О`Тул вытащил втулку из огромной бочки, покоившейся на больших козлах, наполнил до краев большие кружки и отнес их на дощатый стол возле большого каменного очага, в котором еле теплилось дымное пламя.

— А главное кощунство в том, — произнес мистер О`Тул, поднося кружку к губам, — что это возмутительное похищение сажального камня было совершено как раз тогда, когда мы присту-

пили к поминовению.

— К поминовению? — переспросил Максвелл. — Мне очень грустно это слышать. Я не знал…

— Нет-нет, никто из наших! — поспешно сказал О`Тул. — За возможным исключением меня, самого, все племя гоблинов пребывает в свински прекрасном здравии. Мы поминали баньши.

— Но ведь баньши не умер!

— Да, но он умирает. И как это печально! Он последний представитель великого и благородного племени в этом заповеднике, а тех, кто еще сохранился в других уголках мира, можно пересчитать по пальцам на одной руке, и пальцев более чем хватит.

Гоблин поднял кружку и, почти засунув в нее физиономию, принялся пить долго и с наслаждением. Когда он поставил кружку на стол, оказалось, что на его бакенбарды налипла пена, но он не стал ее вытирать.

— Мы вымираем весьма ощутимо, — сказал он, погрустнев. — Планета изменилась. Все мы, весь маленький народец и те, кто не так уж мал, спускаемся в долину, где тени густы и непроницаемы, мы уходим от всего живого, и нам настает конец. И содрогаешься, так это горько,

ибо мы были доблестным племенем, несмотря на многие наши недостатки. Даже тролли, пока они не выродились, все еще сохраняли в целости некоторые слабые добродетели, хотя и я заявляю громогласно, что ныне никакая добродетель им не свойственна вовсе. Ибо кража сажального камня — это самая низкая подлость, ясно показывающая, что они лишены какого бы то ни было благородства духа.

Он вновь поднес кружку к губам и осушил ее до дна двумя-тремя большими глотками. Затем со стуком поставил ее на стол и поглядел на еще полную кружку Максвелла.

— Пейте же, — сказал мистер О`Тул. — Пейте до дна, и я их снова наполню, чтобы получше промочить глотку.

— Наливайте себе, не дожидаясь меня, — сказал Максвелл. — Но разве можно пить эль так, как пьете его вы? Его следует хорошенько распробовать и посмаковать.

Мистер О`Тул пожал плечами.

— Наверное, я жадная свинья. Но это же расколдованный эль, и смаковать его не стоит.

Тем не менее гоблин встал и вперевалку направился к бочке. Максвелл поднес кружку к губам и отхлебнул. О`Тул сказал правду — в эле

чувствовалась затхлость, отдававшая привкусом паленых листьев.

— Ну? — спросил гоблин.

— Его вкус необычен, но пить можно.

— Придет день, и мост этих троллей я срою до основания, — внезапно взъярился мистер О`Тул. — Разберу камень за камнем, соскребая мох самым тщательным образом, чтобы разрушить чары, а потом молотом раздроблю камни на мельчайшие кусочки, а кусочки подниму на самый высокий утес и разбросаю их вдаль и вширь, дабы за всю вечность не удалось бы их собрать. Вот только, — добавил он, понурившись, — какой это будет тяжкий труд! Но соблазн велик. Этот эль был самым бархатным, самым сладким, какой только удавалось нам сварить. А теперь взгляните — свиное пойло! Да и свиньи им побрезгуют! Но был бы великий грех вылить даже такие мерзкие помои, если им наименование «эль».

Он схватил кружку и рывком поднес ее к губам. Его кадык запрыгал, и он поставил кружку, только когда выпил ее до дна.

— А если я причиню слишком большие повреждения этому гнуснейшему из мостов, — сказал он, — и эти трусливые тролли начнут хныкать перед властями, вы, люди, призовете меня к от-

вету, потребуете, чтобы я объяснил свои мысли. А как стерпеть подобное? В том, чтобы жить по правилам, нет благородства, и радости тоже нет — скверным был день, когда возник человеческий род.

— Друг мой! — сказал Максвелл ошеломленно. — Прежде вы мне ничего подобного не говорили.

— Ни вам и ни одному другому человеку, — ответил гоблин. — И ни перед одним человеком в мире, кроме как перед вами, не мог бы я выразить свои чувства. Но может быть, я предался излишней словоохотливости.

— Вы прекрасно знаете, — сказал Максвелл, — что наш разговор останется между нами.

— Конечно, — согласился мистер О`Тул. — Об этом я не тревожусь. Вы ведь почти один из нас. Вы настолько близки к гоблину, насколько это дано человеку.

— Для меня ваши слова — большая честь, — заверил его Максвелл.

— Мы — древнее племя, — сказал мистер О`Тул. — Много древнее, думается мне, чем может помыслить человеческий разум. Но может быть, вы все-таки изопьете этот мерзейший и ужаснейший напиток и наполните заново свою кружку?

Максвелл покачал головой:

— Но себе вы налейте. Я же буду попивать свой эль не торопясь, а не глотать его единым духом.

Мистер О`Тул совершил еще одно паломничество к бочке, вернулся с полной до краев кружкой, брякнул ее на стол и расположился за ним со всем возможным удобством.

— Столько долгих лет миновало, — сказал он, скорбно покачивая головой. — Столько долгих, невероятно долгих лет, а потом явился щуплый грязный примат и все нам испортил.

— Давным-давно… — задумчиво произнес Максвелл. — А как давно? Еще в юрском периоде?

— Вы говорите загадками. Мне это обозначение неизвестно. Но нас было много, и самых разных, а теперь нас мало, и далеко не все из прежних дотянули до этих пор. Мы вымираем медленно, но неумолимо. И скоро займется день, который не увидит никого из нас. Тогда все это будет принадлежать только вам, людям.

— Вы расстроены, — осторожно сказал Максвелл. — Вы же знаете, что мы вовсе этого не хотим. Мы приложили столько усилий…

— С любовью приложили? — перебил гоблин.

— Да. Я даже скажу — с большой любовью.

По щеке гоблина поползли слезы, и он принялся утирать их волосатой мозолистой лапой.

— Не надо принимать меня во внимание, — сказал он. — Я погружен в глубокое расстройство. Это из-за баньши.

— Разве баньши ваш друг? — с некоторым удивлением спросил Максвелл.

— Нет, он мне не друг! — решительно объявил мистер О`Тул. — Он стоит по одну сторону ограды, а я — до другую. Старинный враг, и все-таки один из наших. Один из истинно древних. Он выдержал дольше других. И упорнее сопротивлялся смерти. Другие все мертвы. И в подобные дни старые раздоры отправляются на свалку. Мы не можем сидеть с ним, как того требует совесть, но в возмещение мы воздаем ему посильную честь поминовения. И тут эти ползучие тролли без капли чести на всю компанию…

— Как? Никто… никто здесь в заповеднике не захотел сидеть с баньши в час его смерти?

Мистер О`Тул устало покачал головой:

— Ни единый из нас. Это против закона, в нарушение древнего обычая. Я не могу сделать это вам понятным… он за оградой.

— Но он же совсем один!

— В терновнике, — сказал гоблин. — В терно-

вом кусте возле хижины, которая служила ему обиталищем.

— В терновом кусте?

— Колючки терновника, — сказал гоблин, — таят волшебство, в его древесине… — он всхлипнул, поспешно схватил кружку и поднес ее к губам. Его кадык задергался.

Максвелл сунул руку в карман и извлек фотографию картины Ламберта, которая висела на стене зала у Нэнси Клейтон.

— Мистер О`Тул, — сказал он, — я хочу показать вам вот это.

Гоблин поставил кружку.

— Ну, так показывайте! — проворчал он. — Столько обиняков, когда у вас есть дело.

Он взял фотографию и начал внимательно ее разглядывать.

— Тролли! — сказал он. — Ну конечно! Но тех, других, я не узнаю. Словно бы я должен их узнать, но не могу. Есть сказания, древние-древние сказания…

— Оп видел эту картину. Вы ведь знаете Опа?

— Дюжий варвар, который утверждает, будто он ваш друг.

— Он правда мой друг. И он вспомнил этих. Они — древние, из незапамятных времен.

— Но какие чары помогли получить их изображение?

— Этого я не знаю. Снимок сделан с картины, которую написал человек много лет назад.

— Но как он…

— Не знаю, — сказал Максвелл. — По-моему, он побывал там.

Мистер О`Тул заглянул в свою кружку и увидел, что она пуста. Пошатываясь, он пошел к бочке и наполнил кружку. Потом вернулся к столу, взял фотографию и снова внимательно посмотрел на нее, хотя и довольно смутным взглядом.

— Не знаю, — сказал он наконец. — Среди нас были и другие. Много разных, которых больше нет. Мы здесь — жалкое охвостье некогда великого населения планеты. — Он перебросил фотографию через стол Максвеллу. Может быть, баньши скажет. Его годы уходят в тьму времен.

— Но ведь баньши умирает.

— Да, умирает, — вздохнул мистер О`Тул. — И черен этот день, и горек этот день для него, потому что никто не сидит с ним.

Он поднял кружку.

— Пейте, — сказал он. — Пейте до дна. Если выпить сколько нужно, может быть, станет не так плохо.

Глава 17

Максвелл обогнул полуразвалившуюся хижину и увидел терновник у ее входа. В нем было что-то странное — словно облако мрака расположилось по его вертикальной оси, и казалось, будто видишь массивный ствол, от которого отходят короткие веточки с колючками. Если О`Тул сказал правду, подумал Максвелл, — это темное облако и есть умирающий баньши.

Он медленно приблизился к терновнику и остановился в трех шагах от него, Черное облако беспокойно заколыхалось, словно клубы дыма на легком ветру.

— Ты баньши? — спросил Максвелл у терновника.

— Если ты хочешь говорить со мной, — сказал баньши, — ты опоздал.

— Я пришел не говорить, — ответил Максвелл. — Я пришел сидеть о тобой.

— Тогда садись, — сказал баньши. — Это будет недолго.

Максвелл сел на землю и подтянул колени к груди, а ладонями уперся в сухую жухлую траву. Внизу осенняя долина уходила к дальнему

горизонту, к холмам на северном берегу реки, совсем не похожим на холмы этого, южного берега — отлогие и симметричные, они ровной чередой поднимались к небу, как ступени огромной лестницы.

Над гребнем позади него захлопали крылья, и стайка дроздов стремительно пронеслась сквозь легкий голубой туман, который висел над узким оврагом, круто уходившим вниз. Но когда стих этот недолгий шум крыльев, вновь наступила мягкая ласковая тишина, не таившая в себе угроз и опасностей, мечтательная тишина, одевавшая холмы спокойствием.

— Другие не пришли, — сказал баньши. — Сначала я думал, что они все-таки придут. На мгновение я поверил, что они могут забыть и придти. Теперь среди нас не должно быть различий. Мы едины в том, что потерпели поражение и низведены на один уровень. Но старые условности еще живы. Древние обычаи еще сохраняют силу.

— Я был у гоблинов, — сказал Максвелл. — Они устроили поминовение по тебе. О`Тул горюет и пьет, чтобы притупить горе.

— Ты не принадлежишь к моему народу, — сказал баньши. — Ты вторгся сюда незваный. Но ты

говоришь, что пришел сидеть со мной. Почему ты так поступил?

Максвелл солгал. Ничего другого ему не оставалось. Он не мог сказать умирающему, что пришел, чтобы получить сведения.

— Я работал с твоим народом, — произнес он наконец. — И принимаю близко к сердцу все, что его касается.

— Ты Максвелл, — сказал баньши. — Я слышал про тебя.

— Как ты себя, чувствуешь? — спросил Максвелл. — Могу ли я чем-нибудь тебе помочь? Может быть, ты чего-нибудь хочешь?

— Нет, — сказал баньши. — У меня больше нет ни желаний, ни потребностей. Я почти ничего не чувствую. В том-то и дело, что я ничего не чувствую. Мы умираем не так, как вы. Это не физиологический процесс. Энергия истекает из меня, и в конце концов ее не останется вовсе. Как мигающий язычок пламени, который дрожит и гаснет.

— Мне очень жаль, — сказал Максвелл. — Но может быть, разговаривая, ты ускоряешь…

— Да, немного, но мне все равно. И я ни о чем не жалею. И ничего не оплакиваю. Я почти последний из нас. Если считать со мной, то нас всего

трое, а меня считать уже не стоит. Из тысяч и тысяч нас, осталось только двое.

— Но ведь есть же гоблины, и тролли, и феи…

— Ты не понимаешь, — сказал баньши. — Тебе не говорили. А ты не догадался спросить. Те, кого ты назвал, — более поздние; они пришли после нас, когда юность планеты уже миновала. А мы были колонистами. Ты же, наверное, знаешь это.

— У меня возникли такие подозрения, — ответил Максвелл. — За последние несколько часов.

— А ты должен был бы знать, — сказал баньши. — Ты ведь побывал на старшей планете.

— Откуда ты знаешь? — ахнул Максвелл.

— А как ты дышишь? — спросил баньши. — Как ты видишь? Для меня держать связь с древней планетой так же естественно, как для тебя дышать и видеть. Мне не сообщают. Я знаю и так.

Так вот, значит, что! Источником сведений, которыми располагал колесник, был баньши. А о том, что баньши может знать то, что не известно больше никому, вероятнее всего, догадался Черчилл, и он же сообщил об этом колеснику.

— А остальные? Тролли и…

— Нет, — сказал баньши. — Путь был открыт только для нас, для баньши. Это была наша работа, единственное наше назначение. Мы были

звеньями между старшей планетой и Землей. Мы были связными. Когда старшая планета начала колонизировать необитаемые миры, необходимо было создать средства связи. Мы все были специалистами, хотя эти специальности теперь утратили смысл, а самих специалистов почти не осталось. Первые были специалистами. А те, кто появился позже, были просто поселенцами, задача которых сводилась лишь к тому, чтобы освоить новые земли.

— Ты говоришь про троллей и гоблинов?

— Про троллей, и гоблинов, и всех прочих. Они, бесспорно, обладали способностями, но не специализированными. Мы были инженерами, они — рабочими. Нас разделяла пропасть. Вот почему они не захотели прийти сидеть со мной. Древняя пропасть существует по-прежнему.

— Ты утомляешься, — сказал Максвелл. — Тебе следует поберечь силы.

— Это не имеет значения. Энергия истекает из меня, и когда она иссякнет совсем, с ней иссякнет жизнь. Мое умирание не материально, не телесно, поскольку у меня никогда не было настоящего тела. Я представлял собой сгусток энергии. Впрочем, это не имеет значения. Ведь старшая планета умирает. Ты ее видел и знаешь.

— Да, я знаю, — сказал Максвелл.

— Все было бы совсем иначе, если бы не люди. Когда мы явились сюда, здесь и млекопитающих почти не было, не говоря уж о приматах. Мы могли бы воспрепятствовать развитию приматов. Мы могли бы уничтожить их еще в зародыше. Вопрос о таких мерах ставился, так как эта планета казалась очень многообещающей, и нам было трудно смириться с мыслью, что мы должны отказаться от нее. Но существует древний закон; разум слишком редок во вселенной, чтобы кто-нибудь имел право становиться на пути его развития. Нет ничего драгоценней — и когда мы с большой неохотой отступили с его дороги, мы признали этим всю его драгоценность.

— Но вы остались здесь! — заметил Максвелл. — Может быть, вы не преградили ему путь, но вы остались.

— Было уже поздно, — ответил баньши. — Нам некуда было уйти. Старшая планета умирала уже тогда. Возвращаться не имело смысла. А эта планета, как ни странно, стала для нас родной.

— Вы должны ненавидеть нас, людей.

— Одно время мы вас и ненавидели. Вероятно, следы этого сохраняются и теперь. Со временем ненависть перегорает. И только тлеет, хотя и не

исчезает. А может быть, ненавидя, мы немного гордились вами. Иначе почему старшая планета предложила вам свои знания?

— Но вы предложили их и колеснику!

— Колеснику?... А, да! Но мы ничего ему не предлагали. Где-то в глубоком космосе этот колесник, по-видимому, прослышал о существовании старшей планеты и о том, что она располагает чем-то, что хотела бы продать. Он пришел ко мне и задал только один вопрос: какова цена этого движимого имущества? Я не знаю, имеет ли он представление, что именно продается. Он сказал просто — «движимое имущество».

— И ты открыл ему, что обусловленная цена — это Артефакт?

— Конечно. Потому что тогда мне еще не сообщили о тебе. Позже меня действительно поставили в известность, что по истечении определенного времени я должен буду сообщить цену тебе.

— И конечно, ты как раз собирался это сделать, — заметил Максвелл.

— Да, — сказал баньши, — я как раз собирался это сделать. И вот теперь сделал. Вопрос исчерпан.

— Ты можешь сказать мне еще одно. Что такое

Артефакт?

— Этого я не могу сказать.

— Не можешь или не хочешь?

— Не хочу, — сказал баньши.

«Преданы!» — подумал Максвелл. Человечество предано этим умирающим существом — ведь баньши, что бы он ни говорил, вовсе не собирался сообщать ему цену. Бесчисленные тысячелетия баньши ненавидел человечество неутолимой холодной ненавистью. И теперь, уходя в небытие, он, издеваясь, рассказал пришедшему к нему человеку обо всем, чтобы тот узнал, как было предано человечество, чтобы люди знали, чего они лишились.

— И ты сообщил колеснику про меня! — воскликнул Максвелл. — Вот почему Черчилл оказался на станции, когда я вернулся на Землю. Он говорил, что и сам только что вернулся из деловой поездки, но, конечно, он никуда не ездил.

Максвелл гневно вскочил на ноги.

— А тот я, который умер?

Он угрожающе шагнул к терновнику, но терновник был пуст. Темное облако, колыхавшееся среди его веток, исчезло. Они четким узором рисовались на фоне закатного неба.

Исчез, подумал Максвелл, Не умер, но исчез.

Субстанция стихийного существа распалась на составные элементы, невообразимые узы, соединявшие их в странное подобие живого существа, наконец, настолько ослабели, что оно иссякло, рассеялось в воздухе и в солнечном свете, как щепотка пыли на ветру.

С живым баньши ладить было трудно. Но и мертвый он не стал ближе и доступнее. Еще несколько минут назад Максвелл испытывал к нему сострадание, какое вызывают в человеке все умирающие, Но теперь он понял, что сострадание было неуместно: баньши умер, безмолвно смеясь над человечеством.

Оставалась одна надежда — уговорить Институт времени отложить продажу Артефакта, пока он не переговорит с Арнольдом, не расскажет ему всего, не убедит в правдивости своего рассказа, который, как прекрасно понимал Максвелл, выглядел теперь даже еще более фантастичным, чем прежде.

Он повернулся и начал спускаться в овраг. На опушке он остановился и посмотрел на вершину холма. Терновник на фоне неба казался крепким и материальным, его корни цепко держались за почву.

Проходя мимо лужайки фей, Максвелл обна-

ружил, что там угрюмо трудятся тролли — они заравнивали взрыхленную землю и укладывали новый дерн взамен вырванного катившимся камнем. Самого камня нигде не было видно.

Глава 18

Максвелл проехал уже половину пути до Висконсинского университетского городка, когда возле него внезапно возник Дух и опустился на соседнее сиденье.

— Я с поручением от Опа, — начал он сразу же. — Тебе нельзя возвращаться в хижину. Газетчики напали на твой след. Когда они явились с расспросами, Оп принялся действовать, на мой взгляд, довольно необузданно. Он накинулся на них с кулаками, но они все равно болтаются в окрестностях хижины, подстерегая тебя.

— Спасибо за предупреждение, — сказал Максвелл. — Хотя теперь, пожалуй, это большой разницы не составит.

— События развиваются не слишком удачно? — спросил Дух.

— Они вообще не развиваются, — ответил Максвелл и после некоторого колебания добавил: — Вероятно, Оп ввел тебя в курс дела?

— Мы с Опом — одно, — сказал Дух. — Да, конечно, он мне, все рассказал. Он, очевидно, полагал, что ты не станешь возражать. Но во всяком случае, можешь быть совершенно спокоен…

— Я просто хотел знать, нужно ли мне декламировать все сначала, — объяснил Максвелл. — Значит, тебе известно, что я отправился в заповедник показать там фотографию картины Ламберта.

— Да, — сказал Дух. — Той, которая находится у Нэнси Клейтон.

— У меня такое ощущение, — продолжал Максвелл, — что я узнал больше, чем рассчитывал. Во всяком случае, я узнал одно обстоятельство, которое отнюдь не облегчает дела. Цену, назначенную хрустальной планетой, колеснику сообщил баньши. Ему было поручено назвать ее мне, но он предпочел колесника. Он утверждал, что колесник явился к нему до того, как он узнал про меня, но мне что-то не верится. Баньши умирал, когда рассказывал мне все это, но отсюда вовсе не следует, будто он говорил правду. Баньши никогда нельзя было доверять.

— Баньши умирает?

— Уже умер. Я сидел с ним до конца. Фотографию картины я ему показывать не стал. У меня не хватило духа допрашивать его в такую минуту.

— И все-таки он рассказал тебе о колеснике?

— Только для того, чтобы я понял, как он ненавидел человеческий род с самого начала его восхождения по эволюционной лестнице. И еще

— чтобы я понял, что ему в конце концов удалось расквитаться с нами. Ему явно хотелось сказать, что и гоблины, и все остальные обитатели холмов тоже нас ненавидят, но на это он все-таки не решился. Зная, наверное, что я все равно не поверю. Правда, еще перед этим, в разговоре с О`Тулом я понял, что отголоски какой-то давней неприязни, возможно, и существуют. Да, пожалуй, неприязни, но никак не ненависти. Однако из слов баньши следовало, что Артефакт действительно собираются продать и что Артефакт это и есть цена, назначенная хрустальной планетой. Я так и подозревал с самого начала. А вчера колесник это подтвердил. Впрочем, абсолютной уверенности у меня все-таки нет хотя бы потому, что и сам колесник, по-видимому, не слишком уверен, как обстоит дело. Иначе зачем ему понадобилось подстерегать меня и предлагать работу? Получилось, что он хочет от меня откупиться, словно знает, что я каким-то образом могу сорвать сделку, которой он добивается.

— Итак, перспектива выглядит довольно безнадежной, — заметил Дух. — Друг мой, мне очень жаль. Не могли бы мы как-нибудь помочь? Оп, и я, и, может быть, даже та девушка, которая столь доблестно пила с тобой и Опом. Та, с тигренком.

— Несмотря на всю эту безнадежность, — ответил Максвелл, — я могу еще кое-что предпринять — пойти к Харлоу Шарпу в Институт времени и убедить его отложить продажу, а потом силой вломиться в административный корпус и загнать Арнольда в угол. Если мне удастся убедить Арнольда предложить Харлоу для финансирования его программ столько же, сколько предлагает колесник, тот, конечно, предпочтет с колесником дела не иметь.

— Я знаю, что ты не пожалеешь усилий, — заметил Дух. — Но боюсь, кроме неприятностей, это ничего не принесет. Не со стороны Харлоу Шарпа, так как он твой друг… но ректор Арнольд не друг никому. И ему вряд ли понравится, если его загонят в угол.

— Знаешь, что я думаю? — спросил Максвелл. — Я думаю, что ты прав. Но убедиться в этом можно, только попробовав. А вдруг в Арнольде проснется что-то человеческое, и он на минуту забудет, что он — официальное лицо и бюрократ!

— Я должен тебя предупредить, — сказал Дух, — что Харлоу Шарп, возможно, не найдет для тебя свободной минуты — ни для тебя и ни для кого другого. У него сейчас слишком много своих забот. Утром прибыл Шекспир…

— Шекспир! — возопил Максвелл. — А я совсем забыл про него. Да-да, он же читает лекцию завтра вечером. Вот уж невезенье, так невезенье! Обязательно надо было притащить его сюда именно сегодня!

— По-видимому, — продолжал Дух, — сладить с Вильямом Шекспиром оказалось не так-то просто. Он пожелал немедленно начать знакомство с новым веком, о котором ему столько порассказали. Временщики еле-еле смогли убедить его хотя бы сменить елизаветинский костюм на нашу нынешнюю одежду. Он согласился только после того, как они категорически заявили, что иначе не выпустят его из Института. А теперь они трясутся от страха, как бы с ним чего-нибудь не приключилось. Им нужно как-то держать его в руках и в то же время гладить по шерстке. Все билеты распроданы — и на приставные стулья, и на право стоять в проходах, и они больше всего опасаются, что лекция сорвется.

— Откуда тебе все это известно? — поинтересовался Максвелл. — По-моему, ты узнаешь самые свежие сплетни раньше всех.

— Ну, я не сижу на одном месте, — скромно ответил Дух.

— Что ж, хорошего тут мало, — сказал Макс-

велл. — Но придется рискнуть. У меня почти не остается времени. Если Харлоу вообще способен кого-то видеть, то меня он примет.

— Просто не верится, — грустно сказал Дух, — что путь тебе могло преградить столь ужасное стечение обстоятельств. Неужели из-за бюрократической тупости университет и Земля навеки лишатся свода знаний двух вселенных?

— Все дело в колеснике, — проворчал Максвелл. — Если бы не его предложение, все можно было бы сделать спокойно, не торопясь. Будь у меня больше времени, я без труда добился бы своего. Поговорил бы с Харлоу, по инстанциям добрался бы до Арнольда. И вообще я мог бы просто убедить Харлоу — библиотеку хрустальной планеты купил бы непосредственно Институт времени, обойдясь без санкции университета. Но у нас нет времени. Дух, ты что-нибудь знаешь о колесниках? Такое, чего не знаем мы?

— Не думаю. Только одно: возможно, они и есть те гипотетические враги, которых мы всегда опасались встретить в космосе. Их поведение свидетельствует о том, что они действительно враги, во всяком случае потенциальные. Их побуждения, нравы, этика, самое их мироощущение должны кардинально отличаться от наших.

Возможно, у нас с ними меньше общего, чем с осами или пауками. Хотя они и умны… что хуже всего. Они настолько разобрались в наших взглядах, настолько усвоили наши обычаи, что могут общаться с нами и вести с нами дела… как это следует из операции, которую они предприняли, чтобы заполучить Артефакт. Друг мой, меня больше всего пугает именно их ум, их гибкость. Думаю, что в подобной ситуации люди не смогли бы в такой степени приспособиться к обстоятельствам и использовать их.

— Да, ты прав, — ответил Максвелл. — Потому-то мы и не должны допустить, чтобы библиотека хрустальной планеты досталась им. Одному богу известно, что она таит в себе. Я провел там некоторое время, но ознакомился лишь с ничтожной долей ничтожнейшей доли ее сокровищ. И многое на сотню световых лет превосходило мое понимание. Хотя отсюда вовсе не следует, что, располагая временем, которого у меня не было, а также знаниями, которых у меня нет и самое существование которых мне неизвестно, другие люди не сумеют в этом разобраться. Мне кажется, эта задача человечеству по силам. И колесникам тоже. Гигантские области науки, пока совершенно от нас скрытые. И возможно, именно они

должны сыграть решающую роль в нашем споре с колесниками. Если человечества и колесники когда-нибудь столкнутся, возможно, библиотека хрустальной планеты решит вопрос о нашей победе или поражении. И ведь если колесники будут знать, что она находится у нас, они, скорее всего, не пойдут на такое столкновение. Другими словами, судьба этой библиотеки определит, быть ли миру или войне.

Максвелл съежился на своем сиденье, ощутив сквозь тепло мягкого осеннего дня порыв ледяного ветра, который пронесся не с этих багряно-золотых холмов и не с обнимающего их лазурного неба, а откуда-то из неведомого.

— Ты разговаривал с баньши перед его смертью, — сказал Дух. — Он упоминал про Артефакт. А он не намекнул, что это может быть такое? Знай мы, что такое Артефакт, мы могли бы…

— Нет, Дух. Он ничего не сказал. Но у меня сложилось впечатление… вернее, у меня мелькнула смутная мысль, слишком неопределенная, чтобы ее можно было назвать впечатлением… И не в тот момент, а позже. Странная догадка, не подкрепленная никакими фактами. Я думаю, что Артефакт — это нечто из другой вселенной, той, которая предшествовала нашей, той, в которой

возникла хрустальная планета. Нечто драгоценное, сохранявшееся миллиарды и миллиарды лет со времен той вселенной. И еще одно: баньши и другие древние, которых помнит Оп, были обитателями той вселенной, и между ними и жителями хрустальной планеты существует какая-то связь. Формы жизни, которые зародились, развились и эволюционировали в прошлой вселенной, а потом явились на Землю и другие планеты, как колонисты, пытаясь создать новую цивилизацию, которая пошла бы по пути, начатому хрустальной планетой.

Но что-то случилось. Все эти попытки колонизировать новые планеты потерпели неудачу — у нас на Земле из-за появления человека, а в других местах, возможно, по другим причинам. И, мне кажется, о некоторых из этих причин я догадываюсь. Возможно, расы тоже стареют и сами собой вымирают, уступая место чему-то новому. Может быть, у каждой расы есть свой срок и древние существа несут в себе свой смертный приговор. Наверное, существует какой-то принцип, о котором мы не задумывались, потому что еще очень молоды, — какой-то естественный процесс, расчищающий путь для непрерывной эволюции, чтобы ей ничто не мешало.

— Звучит логично, — заметил Дух. — То есть, что все эти колонии вымерли. Если бы где-нибудь в нашей Вселенной была уцелевшая колония, хрустальная планета передала бы свои знания ей, а не предлагала бы их нам и колесникам, то есть существам, ей чуждым.

— Меня смущает одно, — сказал Максвелл. — Зачем нужен Артефакт обитателям хрустальной планеты, которые так близки к полному вымиранию, что уже стали почти тенями? Какая им от него будет польза? Для чего он им?

— Ответить на это можно, только зная, что он такое, — задумчиво произнес Дух. — Ты уверен, что не мог бы догадаться? Что не видел и не слышал ничего такого, что…

— Нет, — сказал Максвелл. — Ничего.

Глава 19

Вид у Харлоу Шарпа был измученный.

— Прости, что я заставил тебя так долго ждать, — сказал он Максвеллу. — Это был безумный день.

— Я рад, что меня вообще сюда впустили, — сказал Максвелл. — Эта твоя церберша в приемной сначала была склонна указать мне на дверь.

— Я тебя ждал, — объяснил Шарп. — По моим расчетам, ты должен был рано или поздно объявиться. Я наслышался очень странных историй.

— И большинство из них соответствует истине, — сказал Максвелл. — Но я пришел сюда не потому. Считай, что это бредовое посещение, а не дружеский визит. Я не отниму у тебя много времени.

— Отлично, — сказал Шарп. — Ну, так чем же я могу тебе быть полезен?

— Ты продаешь Артефакт?

Шарп кивнул.

— Мне очень жаль, Пит. Я знаю, он интересует тебя и еще кое-кого. Однако он пролежал в музее уже много лет и остается бесполезной диковинкой, на которую глазеют гости университета и

туристы. А нашему институту нужны деньги. Уж тебе-то это известно. Фондов не хватает, а другие факультеты и институты уделяют нам жалкие крохи на составленные ими же программы, и…

— Харлоу, я все это знаю. И полагаю, что ты имеешь право его продать. Когда вы доставили Артефакт сюда, университет, помнится, не заинтересовался им. И все расходы по доставке легли на вас…

— Нам приходится экономить, клянчить, занимать, — сказал Шарп. — Мы разрабатывали программу за программой — полезные, нужные программы, которые сторицей окупились бы, позволив собрать новые сведения, получить новые знания, — и они никого не привлекли! Только подумай! Можно раскопать все прошлое — и никому это не интересно. Пожалуй, кое-кто опасается, что мы камня на камне не оставим от некоторых излюбленных теориек, которые кого-то кормят и поят. Вот нам и приходится всякими путями добывать средства для своих исследований. Думаешь, мне нравятся номера, к которым мы прибегаем, вроде этого представления с Шекспиром и всего прочего? Никакой пользы это нам не принесло. Только поставило нас в унизительное положение, не говоря уж о неприятностях и

хлопотах. Ты себе представить не можешь, Пит, что это такое. Возьми, к примеру, хоть Шекспира. Он где-то разгуливает как турист, а я сижу здесь и обгрызаю ногти чуть ли не до локтей, воображая все, что с ним может приключиться. А ты понимаешь, какая поднимется буча, если такого человека, как Шекспир, не вернуть в его эпоху? Человека, который…

Максвелл перебил его, пытаясь возвратиться к своему делу:

— Я не спорю с тобой, Харлоу. И я пришел не для того…

— И вдруг, — продолжал Шарп, не слушая, — вдруг подвертывается возможность продать Артефакт. И за сумму, которой от университетских сквалыг не дождешься и в сто лет. Пойми же, что значит для нас эта продажа! Мы получим возможность заняться настоящими исследованиями, которых не вели из-за недостатка средств. Конечно, я знаю, что такое колесники. Когда Черчилл явился нас прощупывать, мне сразу стало ясно, что он представляет какое-то неизвестное лицо. Но это меня не устраивало. Никаких неизвестных лиц! Я взял Черчилла за горло и наотрез отказался разговаривать с ним до тех пор, пока не узнаю, для кого он служит ширмой. А когда он

мне сказал, мне стало тошно, но я все-таки начал переговоры, так как знал, что другого такого шанса пополнить наши фонды нам не представится. Я бы хоть с самим дьяволом вступил в сделку, чтобы получить такие деньги.

— Харлоу, — сказал Максвелл, — я прошу тебя только об одном: пока ничего не решай окончательно. Дай мне немного времени…

— А зачем тебе время?

— Мне нужен Артефакт.

— Артефакт? Но зачем?

— Я могу выменять его на планету, — сказал Максвелл. — На планету, хранящую знания не одной, а двух вселенных. Знания, накопленные за пятьдесят миллиардов лет.

Шарп наклонился вперед, но тут же вновь откинулся на спинку кресла.

— Ты говоришь серьезно, Пит? Ты меня не разыгрываешь? Я слышал странные вещи — что ты раздвоился и один из вас был убит. А ты прятался от репортеров, а возможно, и от полиции. Кроме того, у тебя вышел какой-то скандал с администрацией.

— Харлоу, я могу тебе все объяснить, но вряд ли это нужно. Ты, вероятно, мне не поверишь. Но я говорю правду. Я могу купить планету…

— Ты? Для себя?

— Нет, не для себя. Для университета. Вот почему мне нужно время — добиться приема у Арнольда…

— И получить его согласие? Пит, можешь и не надеяться. Ты ведь не поладил с Лонгфелло, а парадом тут командует он. Даже если бы ты был официально уполномочен…

— Ну да! Да! Можешь мне поверить. Я разговаривал с обитателями планеты, я видел их библиотеку…

Шарп покачал головой.

— Мы с тобой друзья давно, очень давно, — сказал он. — Я готов для тебя сделать что угодно. Но только не это. Я не могу так подвести свой Институт. К тому же, боюсь, ты все равно опоздал.

— Как — опоздал?

— Условленная сумма была заплачена сегодня. Завтра утром колесник заберет Артефакт. Он хотел забрать его немедленно, но возникли затруднения с перевозкой.

Максвелл молчал, оглушенный этой новостью.

— Вот так, — сказал Шарп. — От меня теперь уже ничего не зависит.

Максвелл встал, но тут же снова сел.

— Харлоу, а если мне удастся увидеться с Ар-

нольдом сегодня вечером? Если мне удастся убедить его и он заплатит вам столько же…

— Не говори глупостей! — перебил Шарп. — Он грохнется в обморок, когда ты назовешь ему цифру.

— Так много?

— Так много, — ответил Шарп.

Максвелл медленно встал.

— Я должен сказать тебе кое-что, — продолжал Шарп. — Каким-то образом ты нагнал страху на колесника. Сегодня утром ко мне явился Черчилл и с пеной у рта потребовал, чтобы я завершил продажу сейчас же. Жаль, что ты не пришел ко мне раньше. Может быть, мы что-нибудь и придумали бы, хотя я не представляю себе — что.

Максвелл пошел к двери, в нерешительности остановился, а потом вернулся к столу, за которым сидел Шарп.

— Еще один вопрос… О путешествиях во времени. У Нэнси Клейтон есть картина Ламберта…

— Да, я слышал.

— На заднем плане там написан холм с камнем на вершине. Я готов поклясться, что этот камень — Артефакт. А Оп говорит, что он помнит существа, изображенные на картине, — видел их в своем каменном веке. И ведь ты действитель-

но нашел Артефакт на холме в юрский период. Откуда Ламберт мог знать, что он лежал на этой вершине? Артефакт же был найден через несколько веков после его смерти. Мне кажется, Ламберт видел Артефакт и те существа, которые изобразил на своей картине. Я полагаю, он побывал в мезозое. Ведь шли какие-то толки про Симонсона, верно?

— Я вижу, куда ты клонишь, — сказал Шарп. — Что ж, это, пожалуй, могло быть. Симонсон работал над проблемами путешествия во времени в двадцать первом веке и утверждал, что чего-то добился, хотя у него не ладилось с контролем. Существует легенда, что он потерял во времени одного путешественника, а то и двух — послал их в прошлое и не сумел вернуть. Но вопрос о том, действительно ли у него что-нибудь получилось, так и остался нерешенным. Его заметки, те, которые находятся у нас, очень скупы. Никаких работ он не публиковал. Свои исследования вел втайне, так как верил, что на путешествиях во времени можно нажить сказочное богатство — заключать контракты с научными экспедициями, любителями охоты и так далее и тому подобное. Рассчитывал даже побывать в доисторической Южной Африке и об-

чистить кимберлийские алмазные поля. Поэтому свою работу он хранил в глубочайшем секрете, и никто ничего о ней точно не знает.

— Но ведь это все-таки могло произойти? — требовательно спросил Максвелл. — Эпоха совпадает. Симонсон и Ламберт были современниками, а стиль Ламберта претерпел внезапное изменение… словно с ним что-то произошло. И это могло быть путешествием во времени!

— Да, конечно, — сказал Шарп. — Но не думаю.

Глава 20

Когда Максвелл вышел из Института времени, в небе уже загорались звезды и дул холодный ночной ветер. Гигантские вязы сгустками мрака вставали на фоне ярко освещенных окон зданий напротив.

Максвелл зябко поежился, поднял воротник куртки, застегнул его у горла и быстро сбежал по ступенькам на тротуар. Вокруг не было ни души.

Максвелл вдруг почувствовал сильный голод и вспомнил, что не ел с самого утра. Он усмехнулся, подумав, что аппетит у него разыгрался именно тогда, когда рухнула последняя надежда. И ведь он не только голоден, но и остался без крова — возвращаться к Опу нельзя, там его ждут репортеры. А впрочем, теперь у него нет причины их избегать! Если он расскажет свою историю, это уже не принесет ни вреда, ни пользы. И все-таки мысль о встрече с репортерами была ему неприятна: он представил себе недоверие на их лицах, вопросы, которые они будут задавать, и снисходительный, насмешливый тон, который почти наверное прозвучит в их статьях.

Он все еще стоял на тротуаре, не зная, в какую

сторону пойти. Ему никак не удавалось припомнить кафе или ресторан, где он заведомо не встретит никого из знакомых. Он чувствовал, что сегодня не вынесет их расспросов.

Позади него послышался шорох, и, оглянувшись, он увидел Духа.

— А, это ты! — сказал Максвелл.

— Я уже давно тебя жду, — ответил Дух. — Ты что-то долго там пробыл.

— Сначала Шарп был занят, а потом мы никак не могли кончить наш разговор.

— Ты чего-нибудь добился?

— Ничего. Артефакт уже продан и оплачен. Колесник заберет его завтра утром. Боюсь, это конец. Я мог бы попробовать добраться сегодня до Арнольда, но что толку? То есть мой разговор с ним уже ничего не дает.

— Оп занял для нас столик. Ты, наверное, голоден.

— Как волк, — ответил Максвелл.

— Ну, так идем.

Они свернули в боковой проезд и принялись петлять по узким проулкам и проходным дворам.

— Уютный подвальчик, где мы никого не встретим, — объяснил Дух. — Но готовят там сносно и

подают дешевое виски. Оп особенно подчеркнул последнее обстоятельство.

Еще через несколько минут они спустились по железной лестнице, и Максвелл толкнул подвальную дверь. Они очутились в тускло освещенном зале, из глубины которого веяло запахом стряпни.

— Тут у них заведен семейный стиль, — сказал Дух. — Брякают на стол все разом, и каждый сам за собой ухаживает. Опу это очень нравится.

Из-за столика у стены поднялась массивная фигура неандертальца. Он помахал им. Поглядев по сторонам, Максвелл убедился, что занято не больше трех-четырех столиков.

— Сюда! — оглушительно позвал Оп. — Хочу вас кое с кем познакомить.

Максвелл в сопровождении Духа направился к нему. В полутьме он различил лицо Кэрол, а рядом — еще чье-то. Бородатое и как будто хорошо знакомое.

— Наш сегодняшний гость, — объявил Оп. — Достославный Вильям Шекспир.

Шекспир встал и протянул Максвеллу руку. Над бородой блеснула белозубая улыбка.

— Почитаю себя счастливым, что судьба свела меня со столь веселыми молодцами, — сказал

он.

— Бард подумывает остаться здесь, — сообщил Оп. — Ему у нас понравилось.

— А почему вы зовете меня бардом? — спросил Шекспир.

— Извините, — сказал Оп. — Мы уж так привыкли…

— Остаться здесь… — задумчиво произнес Максвелл и покосился на Опа. — А Харлоу знает, что он тут?

— По-моему, нет, — ответил Оп. — Мы уж постарались.

— Я сорвался с поводка, — сказал Шекспир, ухмыляясь и очень довольный собой. — Но в этом мне была оказана помощь, за которую сердечно благодарю.

— Помощь! — воскликнул Максвелл. — Еще бы! Неужели, шуты гороховые, вы так и не научитесь…

— Не надо, Пит! — вмешалась Кэрол, — Я считаю, что Оп поступил очень благородно. Человек явился сюда из другой эпохи, и ему только хотелось посмотреть, как живут люди теперь, а…

— Может быть, сядем? — предложил Дух Максвеллу. — Судя по твоему виду, тебе не мешает выпить.

Максвелл сел рядом с Шекспиром, а Дух опустился на стул напротив. Оп протянул Максвеллу бутылку.

— Валяй! — сказал он. — Не церемонься, пожалуйста. И не жди рюмки. Мы тут в дружеском кругу.

Максвелл поднес бутылку к губам и запрокинул голову. Шекспир смотрел на него с восхищением и, когда он кончил пить, произнес:

— Дивлюсь вашей доблести. Я сделал только один глоток, и меня прожгло насквозь.

— Со временем привыкнете, — утешил его Максвелл.

— Но вот этот эль, — продолжал Шекспир, погладив бутылку с пивом, — этот эль — добрый напиток, веселящий язык и приятный животу.

Из-за стула Шекспира выскользнул Сильвестр, протиснулся между ножками и положил голову на колени к Максвеллу. Максвелл почесал тигренка за ухом.

— Он опять к вам пристает? — спросила Кэрол.

— Мы с Сильвестром друзья навек, — объявил Максвелл. — Мы с ним сражались бок о бок. Вчера и он, и я, если вы помните, восстали на колесника и повергли его в прах.

— У вас веселое лицо, — сказал Шекспир, обра-

щаясь к Максвеллу. — Так, значит, дело, которое вас задержало, было завершено к вашему удовольствию?

— Наоборот, — ответил Максвелл. — И если мое лицо кажется веселым, то лишь потому, что я нахожусь в таком приятном обществе.

— Другими словами, Харлоу тебе отказал! — взорвался Оп. — Не согласился дать тебе день-другой!

— Он ничего не мог поделать, — объяснил Максвелл. — Он уже получил условленные деньги, и завтра колесник увезет Артефакт.

— У нас есть возможность заставить его пойти на попятный! — грозно и загадочно проговорил Оп.

— Ничего не выйдет, — возразил Максвелл — От него это уже не зависит. Продажа состоялась. Он не захочет вернуть деньги, а главное — нарушить свое слово. А если я правильно тебя понял, ему достаточно будет отменить лекцию и выкупить билеты.

— Пожалуй, ты прав, — согласился Оп. — Мы ведь не знали, что у них там уже все решено, и рассчитывали укрепить свои позиции.

— Вы сделали все, что могли, — ответил Максвелл. — Спасибо.

— Мы прикинули, что нам нужно выиграть день-другой, чтобы всей компанией пробиться к Арнольду и втолковать ему, что к чему. Но раз теперь надеяться больше не на что, то… отхлебни еще глоток и передай мне бутылку.

Максвелл так и сделал. Шекспир допил пиво и с громким стуком поставил бутылку на стол. Кэрол отобрала виски у Опа и наполнила свою рюмку.

— Вы поступайте как хотите, — объявила она, — но я отказываюсь совсем одикариваться и буду пить из рюмки.

— Пива! — завопил Оп. — Еще пива для нашего благородного гостя!

— Весьма вам благодарен, сударь, — сказал Шекспир.

— Как ты отыскал этот притон? — спросил Максвелл.

— Мне известны все задворки сего ученого града, — сообщил ему Оп.

— Нам требовалось как раз что-то в этом роде, — заметил Дух. — Временщики скоро устроят облаву на нашего друга. А Харлоу сказал тебе, что он исчез?

— Нет, — ответил Максвелл. — Но он как будто нервничал. И даже упомянул, что тревожится, но ведь по его лицу ни о чем догадаться нельзя. Он

из тех, кто усядется на краю кратера действующего вулкана и даже глазом не моргнет… Да, а как репортеры? Все еще рыщут вокруг хижины?

Оп мотнул головой:

— Нет. Но они вернутся. Нам придется подыскать тебе другой ночлег.

— Я, пожалуй, уже могу с ними встретиться, — сказал Максвелл. — Ведь рано или поздно все равно нужно будет рассказать всю историю.

— Они раздерут вас в клочья, — заметила Кэрол. — А Оп говорит, что вы остались без работы и Лонгфелло зол на вас. Плохая пресса в такой момент вас вообще погубит.

— Все это пустяки, — ответил Максвелл. — Вопрос в том, что мне им сказать, а о чем умолчать.

— Выложи им все, — посоветовал Оп. — Со всеми подробностями. Пусть галактика узнает, чего она лишилась.

— Нет, — сказал Максвелл. — Харлоу — мой друг. И я не хочу причинять ему неприятности.

Подошел официант и поставил на их столик бутылку пива.

— Одна бутылка?! — вознегодовал Оп. — Это что еще вы придумали? Тащите-ка сюда ящик! Нашего друга замучила жажда.

— Но вы же не предупредили! — обижен-

но огрызнулся официант. — Откуда мне было знать! — и он пошел за пивом.

— Ваше гостеприимство превыше всех похвал, — сказал Шекспир. — Но не лишний ли я? Вас, кажется, гнетут заботы.

— Это правда, — ответил Дух. — Но вы никак не лишний. Мы очень рады вашему обществу.

— Оп сказал что-то о том, будто вы намерены совсем остаться здесь. Это верно? — спросил Максвелл.

— Мои зубы пришли в негодность, — сказал Шекспир. — Они шатаются и порой очень болят. Мне рассказывали, что тут много искуснейших мастеров, которые могут вырвать их без малейшей боли и изготовить на их место новые.

— Да, конечно, — подтвердил Дух.

— Дома меня ждет сварливая жена, — сказал Шекспир, — и нет у меня желания возвращаться к ней. К тому же ваш эль, который вы зовете пивом, поистине дивен на вкус, и я слышал, что вы заключили мир с гоблинами и феями, а это — великое чудо. И я сижу за одним столом с духом, что превосходит всякое человеческое понимание, хотя и мнится, что тут где-то кроется самый корень истины.

Подошел официант с охапкой бутылок и серди-

то брякнул их на стол.

— Вот! — сказал он неприязненно. — Пока наверное обойдетесь. Повар говорит, что горячее будет сейчас готово.

— Так, значит, — спросил Максвелл у Шекспира, — вы не собираетесь читать эту лекцию?

— Коли я ее прочту, — ответил Шекспир, — они мигом отошлют меня домой.

— Всенепременно, — вставил Оп. — Уж если они его заграбастают, то больше не выпустят.

— Но как же вы будете жить? — спросил Максвелл. — Ведь для того, что вы знаете и умеете, в этом мире вряд ли найдется применение.

— Что-нибудь да придумаю, — сказал Шекспир. — В тяжкие минуты ум человеческий удивительно проясняется.

Официант подкатил к столику тележку с дымящимися блюдами и начал расставлять их на столе.

— Сильвестр! — крикнула Кэрол.

Потому что Сильвестр вскочил, положил передние лапы на стол и схватил два сочных куска ростбифа. Услышав голос Кэрол, Сильвестр стремительно скрылся под столом вместе со своей добычей.

— Котик проголодался, — сказал Шекспир. —

Он находит себе пропитание, где может.

— Когда дело касается еды, — пожаловалась Кэрол, — он забывает о хороших манерах.

Из-под стола донеслось довольное урчание.

— Досточтимый Шекспир, — сказал Дух. — Вы прибыли сюда из Англии, из городка на реке Эйвон.

— Край, радующий глаз, — вздохнул Шекспир. — Но полный всякого отребья. Разбойники, воры, убийцы — кого там только нет!

— А я вспоминаю лебедей на реке, — пробормотал Дух. — Ивы по ее берегам, и…

— Что-что? — вскрикнул Оп. — Как это ты вспоминаешь?

Дух медленно поднялся из-за стола, и в этом движении было что-то, что заставило их всех поглядеть на него. Он поднял руку — но это была не рука, а рукав одеяния… если это было одеянием.

— Нет-нет, я вспоминаю, — сказал он глухим голосом, доносившимся словно откуда-то издалека. — После всех этих лет я, наконец, вспоминаю. Либо я забыл, либо не знал. Но теперь…

— Почтенный Дух, — сказал Шекспир, — что с вами? Какой странный недуг вас внезапно поразил?

— Теперь я знаю, кто я такой! — с торжеством

сказал Дух. — Я знаю, чей я дух.

— Ну, и слава богу, — заметил Оп. — Перестанешь хныкать об утраченном наследии предков.

— Но чей же вы дух, если позволено будет спросить? — сказал Шекспир.

— Твой! — взвизгнул Дух. — Теперь я знаю! Теперь я знаю! Я дух Вильяма Шекспира!

На мгновенье наступила ошеломленная тишина, а потом из горла Шекспира вырвался глухой вопль ужаса. Одним рывком он вскочил со стула, перемахнул через стол и кинулся к двери. Стол с грохотом опрокинулся на Максвелла, и тот упал навзничь вместе со своим стулом. Край столешницы прижал его к полу, а лицо ему накрыла миска с соусом. Он обеими руками принялся стирать соус. Откуда-то со стороны доносились яростные крики Опа.

Кое-как протерев глаза, Максвелл выбрался из-под стола и поднялся на ноги. С его лица и волос продолжал капать соус.

На полу среди перевернутых тарелок восседала Кэрол. Вокруг перекатывались бутылки с пивом. В дверях кухни, упирая пухлые руки в бока, стояла могучая повариха. Сильвестр, скорчившись над ростбифом, торопливо рвал его на части и проглатывал кусок за куском.

Оп, прихрамывая, возвратился от входной двери.

— Исчезли без следа, — сказал он. — И тот, и другой.

Он протянул руку Кэрол, помогая ей подняться.

— Не дух, а идиот! — сказал он злобно. — Не мог промолчать. Даже если он и знал…

— Но он же не знал! — воскликнула Кэрол. — Он только сейчас понял. Из-за этой встречи. Может быть, какие-нибудь слова Шекспира пробудили в нем воспоминания… Он же только об этом и думал все эти годы, и, конечно, от неожиданности…

— Последняя соломинка! — объявил Оп. — Шекспира теперь не разыщешь. Так и будет бегать без остановки.

— Наверное, Дух отправился за ним, — предположил Максвелл. Чтобы догнать его, успокоить и привести назад к нам.

— Успокоить? — переспросил Оп. — Это как же? Да если Шекспир увидит, что Дух за ним гонится, он побьет все мировые рекорды и в спринте, и в марафоне.

Глава 21

Они уныло сидели вокруг дощатого стола в хижине Опа. Сильвестр лежал на спине у очага, уютно сложив передние лапы на груди, а задние задрав к потолку. На его морде застыло выражение глуповатого блаженства.

Оп подтолкнул стеклянную банку к Кэрол. Она понюхала ее содержимое и сморщила нос.

— Пахнет керосином, — сказала она. — И вкус, насколько помню, абсолютно керосиновый.

Зажав банку в ладонях, она сделала большой глоток и протянула ее Максвеллу со словами:

— А знаете, и к керосину можно привыкнуть!

— Это хороший самогон! — обиженно сказал Оп. — Впрочем, — признал он после некоторого раздумья, — ему, пожалуй, следовало бы дать немножечко дозреть. Только он расходуется быстрее, чем я успеваю его гнать.

Максвелл угрюмо отхлебнул из банки. Едкая жидкость обожгла горло, фейерверком вспыхнула в желудке, но и это не помогло. Он остался трезвым и мрачным. Бывают моменты, подумал он, когда напиться невозможно, сколько и чего ни пей. А как хорошо было бы сейчас напиться

до беспамятства и не приходить в себя дня два! Может быть, когда он протрезвеет, у него будет не так скверно на душе.

— Одного не могу понять, — говорил Оп. — Почему старина Билл так перепугался своего духа? А тут сомневаться не приходится. Он прямо-таки полиловел. Но ведь до этого они с Духом так хорошо ладили. Ну, конечно, сперва он немного нервничал — но чего и ждать от человека из шестнадцатого столетия? Однако, едва мы ему все объяснили, он даже обрадовался. И воспринял Духа с гораздо большей легкостью, чем мог бы его воспринять, например, человек двадцатого столетия. Ведь в шестнадцатом веке верили в духов, и поэтому встреча с духом не могла произвести впечатления чего-то сверхъестественного. И он был совершенно спокоен, пока Дух не заявил, что он — его дух. Но уж тогда…

— Его очень заинтересовали наши взаимоотношения с маленьким народцем, — сказала Кэрол. — Он взял с нас слово, что мы его свозим в заповедник и познакомим с ними. Он всегда в них верил, как и в духов.

Максвелл приложился к банке и пододвинул ее Опу, утирая рот тыльной стороной руки.

— Одно дело — чувствовать себя легко и сво-

бодно в обществе первого попавшегося духа, — сказал он, — и совсем другое — нарваться на духа, который оказывается твоим собственным. Человек внутренне неспособен понять и принять свою смерть. Даже зная, что духи — это…

— Ради бога, не начинайте сначала! — взмолилась Кэрол.

Оп ухмыльнулся.

— Ну, во всяком случае, он вылетел оттуда стрелой. Точно ему к хвосту привязали шутиху. Он даже щеколду не откинул, а пробил дверь насквозь.

— Я ничего не видел, — отозвался Максвелл. — У меня на физиономии лежала миска с соусом.

— Ну, радости эта заварушка никому не принесла, — философски объявил Оп, — кроме вон того саблезубого. Он сожрал целый ростбиф. С кровью, как ему нравится.

— Он никогда не теряется, — сказала Кэрол. — И из всего умеет извлечь выгоду.

Максвелл пристально посмотрел на нее.

— Я давно уже хочу спросить вас, каким образом вы-то очутились в нашей компании. Мне казалось, что после истории с колесником вы навсегда отрясли наш прах со своих ног.

— Она беспокоилась о тебе, — хихикнул Оп. — А

кроме того, она любопытна, как не знаю кто.

— И еще одно, — продолжал Максвелл. — Как вообще вы оказались замешанной в это? Вспомним, с чего все началось. Вы предупредили нас про Артефакт… что его продают.

— Я вас не предупреждала! Я просто проговорилась. А потом…

— Вы нас предупредили, — категорическим тоном повторил Максвелл. — И совершенно сознательно. Что вы знаете про Артефакт? Вы должны о нем что-то знать, иначе его продажа вас не встревожила бы.

— Что верно, то верно! — сказал Оп. — Ну-ка, сестренка, выкладывайте все начистоту.

— Два нахальных грубияна…

— Не надо превращать это в комедию, — попросил Максвелл. — Ведь речь идет о важном деле.

— Ну, хорошо. Как я вам говорила, я случайно услышала о том, что его собираются продать. И меня это встревожило. И очень не понравилось. То есть с точки зрения закона в этой продаже нет ничего такого. Насколько мне известно, Артефакт принадлежит Институту времени и может быть продан по усмотрению его администрации. Но мне казалось, что Артефакт нельзя продавать даже за миллиарды. Потому что я действительно

кое-что о нем знаю, чего не знает никто другой и о чем я боялась кому-нибудь сказать. А когда я заговорила с нашими сотрудниками о значении Артефакта, я увидела, что их это совершенно не трогает. И вот, когда позавчера вечером я поняла, как вы им интересуетесь…

— Вы подумали, что мы можем помочь.

— Я не знаю, что я подумала. Но Оп и вы были первыми, кого Артефакт интересовал. Однако я не могла говорить с вами откровенно. Взять и просто сказать. Во-первых, мне вообще не полагалось этого знать, а во-вторых, лояльность по отношению к Институту требовала, чтобы я промолчала. И я совсем запуталась.

— Вы работали с Артефактом? И в результате…

— Нет, — сказала Кэрол. — Я с ним не работала. Но как-то раз я остановилась посмотреть на него… Ну, как любой турист. Потому что я проходила через внутренний дворик, а Артефакт — интересный и таинственный предмет. И тут я увидела… или мне показалось… Я не знаю. У меня нет полной уверенности. Но тогда я не усомнилась. Я была абсолютно уверена, что видела то, чего никто прежде не замечал… Или, быть может, кто-то и заметил, но…

Кэрол умолкла и посмотрела сначала на Макс-

велла, потом на Опа, однако оба молчали, ожидая, что она скажет дальше.

— Но я не уверена, — сказала она. — Теперь я не уверена. Возможно, мне показалось.

— Говорите, — сказал Оп. — Расскажите все как было.

Кэрол кивнула:

— Это длилось одно мгновение. И сразу исчезло, но тогда я не сомневалась, что действительно видела его. Был ясный солнечный день, и на Артефакт падал солнечный луч. Вероятно, никому прежде не случалось видеть Артефакт в тот момент, когда солнечный свет падал на него именно под таким углом. Не знаю. Разгадка, возможно, кроется именно в этом. Но как бы то ни было, у меня создалось впечатление, что я вижу что-то внутри Артефакта. А точнее сказать — не внутри. Казалось, словно Артефакт был чем-то, что сложили и спрессовали в брусок, но заметить это удалось только при определенном освещении. Я как будто различила глаз… и в тот момент я почувствовала, что он живой и смотрит на меня, и…

— Но как же так! — воскликнул Оп. — Артефакт похож на камень. На слиток металла.

— Странный металл! — возразил Максвелл. —

Металл, который ничто не берет, который…

— Но не забывайте, что мне могло просто почудиться, — напомнила Кэрол.

— Правды мы уже никогда не узнаем, — сказал Максвелл. — Колесник завтра утром заберет Артефакт…

— И купит за него хрустальную планету, — докончил Оп. — По-моему, мы зря сидим здесь сложа руки. Эх, если бы мы не упустили Шекспира…

— Ничего хорошего из этого не вышло бы! — отрезал Максвелл. — И вообще похищение Шекспира…

— Мы его не похищали! — оскорбился Оп. — Он пошел с нами по доброй воле. Можно даже сказать, с радостью. Он только о том и думал, как бы избавиться от сопровождающего, которого к нему приставили временщики. И вообще инициатором был он. А мы только немножко поспособствовали.

— Хорошенько стукнув сопровождающего по голове?

— Да никогда в жизни! Все было чинно и благородно. Мы просто отвлекли его внимание с помощью небольшого дивертисмента, так сказать.

— Ну, ладно, — перебил Максвелл. — В любом случае план был дурацкий. Тут речь идет о слишком больших деньгах. Вы могли бы похитить хоть дюжину Шекспиров, но Харлоу все равно продал бы Артефакт.

— Неужели мы ничего не можем сделать? — вздохнула Кэрол. — Например, стащить Арнольда с постели…

— Арнольд мог бы спасти Артефакт, только возместив Харлоу сумму, которую тот получил от колесника. Вы способны представить себе это?

— Нет, не способны, — отозвался Оп и, взяв банку, опрокинул остатки ее содержимого в рот. Потом он направился к своему тайнику, вытащил очередную полную банку, неуклюже отвинтил крышку и протянул Кэрол. — Устроимся же поудобнее и налижемся как следует. Завтра утром явятся репортеры, и мне нужно набраться сил, чтобы повышвыривать их отсюда.

— Погоди! — остановил его Максвелл, — У меня наклевывается идея.

Кэрол и Оп в молчании ждали, чтобы идея проклюнулась.

— Аппарат-переводчик! — воскликнул Максвелл. — Тот, с помощью которого я читал на хрустальной планете металлические листы. Я

нашел его у себя в чемодане.

— Ну и что? — спросил Оп.

— Что если Артефакт просто содержит какие-то записи?

— Но Кэрол говорит…

— Я знаю, что говорит Кэрол! Но она же не уверена. Ей только кажется, что она видела смотрящий на нее глаз. А это маловероятно.

— Правильно, — сказала Кэрол. — Ручаться я не могу. А в словах Пита есть своя логика. Если он прав, эти записи должны быть очень важными и подробными. Может быть, они дают ключ к целому миру неведомых прежде знаний. Вдруг хрустальная планета оставила Артефакт на Земле, рассчитывая, что никто не станет искать его здесь! Что-то вроде тайного архива!

— Пусть даже так, — перебил Оп. — Но что это дает нам? Музей заперт, и Харлоу не станет открывать его для нас.

— Это я могу устроить! — заявила Кэрол. — Я позвоню сторожу и скажу, что мне необходимо поработать там. Или что мне надо забрать оттуда материал. У меня есть разрешение работать в музее в любое время.

— И вы вылетите с работы, — заметил Оп.

Кэрол пожала плечами.

— Найду что-нибудь другое. Зато если нам удастся…

— Но какой смысл? — спросил Максвелл. — Один шанс на миллион. Или даже меньше. По правде говоря, мне очень хотелось бы проверить, но…

— А если окажется, что это и в самом деле что-то очень важное? — сказала Кэрол. — Тогда мы могли бы пойти к Шарпу, объяснить ему и, возможно…

— Не думаю, — ответил Максвелл. — Вряд ли нам удастся обнаружить что-то настолько важное, чтобы Харлоу вернул такие деньги.

— Ну, во всяком случае, не будем терять зря время на обсуждения и предположения, — объявил Оп. — Надо действовать!

Максвелл посмотрел на Кэрол.

— По-моему, он прав, Пит, — сказала она. — По-моему, рискнуть стоит.

Оп взял со стола банку с самогоном и тщательно завинтил крышку.

Глава 22

Их окружало прошлое — в витринах, в шкафах, на подставках, утраченное, забытое, безвестное прошлое, отнятое у времени полевыми экспедициями, которые обследовали скрытые уголки истории человечества. Творения художников и искусных ремесленников, какие никому и не снились, пока люди не вернулись в прошлое и не обнаружили их там: новенькие гончарные изделия, прежде известные в лучшем случае только в черепках, флаконы из Древнего Египта, полные притираний и душистых мазей, совсем еще свежих, доисторические железные орудия, выхваченные чуть ли не прямо из кузнечного горна, свитки из Александрийской библиотеки, которые должны были бы сгореть, но не сгорели, потому что были посланы люди спасти их за мгновение до того, как их поглотило бы пламя пожара, уничтожившего библиотеку, прославленные ткани Элама, секрет изготовления которых был утрачен в незапамятные времена, — все это, и неисчислимое множество других экспонатов, бесценная сокровищница предметов (многие из которых сами по себе не были бесценными

сокровищами), добытых из недр времени.

Какой же это «Музей времени», подумал Максвелл. Нет, это, скорее, был «Музей безвременья», место, где сходились все эпохи, где исчезали все хронологические различия, где постепенно собирались все мечты человечества, претворенные в явь, — и при этом совершенно новые, сверкающие, созданные только накануне. Тут не приходилось по древним разрозненным обломкам угадывать гипотетическое целое, тут можно было брать в руки и применять орудия, инструменты и приспособления, которые человек создавал и использовал на всем протяжении своего развития.

Стоя возле пьедестала с Артефактом, Максвелл прислушивался к замирающим шагам сторожа, отправившегося в очередной обход здания.

Кэрол удалось-таки провести их в музей, хотя вначале он опасался, что ее план неосуществим.

Она позвонила сторожу и сказала, что ей и двум ее сотрудникам необходимо взглянуть на Артефакт в последний раз перед тем, как его увезут, и сторож встретил их у маленькой калитки, вделанной в величественные массивные двери, которые широко распахивались в часы, когда музей бывал открыт для посетителей.

— Только вы недолго, — ворчливо предупредил сторож. — Не знаю, может, вас и вообще-то пускать не следовало.

Но Кэрол заверила его, что все будет в порядке — он может ни о чем не беспокоиться, и сторож удалился, шаркая подметками и что-то бормоча себе под нос.

Над черным брусом Артефакта горели яркие лампы.

Максвелл нырнул под бархатный канат, огораживавший пьедестал, вскарабкался к самому Артефакту и скорчился рядом с ним, нащупывая в кармане аппарат-переводчик.

Дурацкая догадка, сказал он себе. Да и никакая это не догадка, а просто нелепая идея, порожденная отчаянием. Он только зря потратит время и поставит себя в глупое положение. Ну, а если это маловероятное предположение даже в какой-то мере и подтвердится, все равно изменить он уже ничего не сможет. Завтра колесник заберет Артефакт и вступит во владение библиотекой хрустальной планеты, а человечество навсегда лишится доступа к знаниям, тщательно и трудолюбиво копившимся пятьдесят миллиардов лет в двух вселенных, — к знаниям, которые должны были бы принадлежать Объединенным

университетам Земли и могли бы достаться им, а теперь навеки станут собственностью загадочной культуры, которая, возможно, окажется тем потенциальным галактическим врагом, которого Земля всегда опасалась встретить в космосе.

Ему не хватило времени! Еще какой-нибудь день или два — и он воспрепятствовал бы этой сделке, он нашел бы людей, которые его выслушали бы, которые приняли бы меры. Но обстоятельства все время складывались против него, а теперь было уже поздно.

Максвелл надел на голову аппарат-переводчик, но очки никак не желали опускаться на место.

— Дайте я помогу, — сказала Кэрол, и он почувствовал, как ее ловкие пальцы растягивают ремни, прилаживают застежки. Покосившись вниз, он увидел Сильвестра. Тигренок сидел у самого пьедестала и скалил зубы на Опа. Перехватив взгляд Максвелла, неандерталец сказал:

— Эта тигра чует, что я ее естественный враг. В один прекрасный день она соберется с духом и прыгнет на меня.

— Не говорите глупостей! — сердито огрызнулась Кэрол. — Он же просто шаловливый котенок.

— Это как посмотреть, — отозвался Оп.

Максвелл еще раз подергал очки и надвинул их на глаза.

И поглядел на Артефакт.

В этом слитке черноты было что-то. Линии, очертания… непонятные формы. Артефакт перестал быть просто сгустком непроницаемой тьмы, отражающим любые попытки проникнуть в него извне, ничего не приемлющим и ничего не открывающим, словно он был вещью в себе, инородным телом во вселенной.

Максвелл завертел головой, стараясь найти наиболее удобный угол зрения, чтобы разобраться в том, что увидел. Во всяком случае, это не записи… Нет, это что-то совсем другое! Он нащупал винт фокусировки и попробовал изменить настройку.

— В чем дело? — спросила Кэрол.

— Не понимаю…

И в то же мгновение он понял. И увидел. В уголке бруса виднелась лапа, покрытая радужной пленкой… или кожей… или чешуей, с когтями, сверкающими, как алмазы. И эта лапа… шевелилась и дергалась, словно стараясь высвободиться и дотянуться до него.

Максвелл вздрогнул, инстинктивно отпрянул и вдруг почувствовал, что падает. Он попытался

извернуться так, чтобы не удариться затылком. Его плечо задело бархатный канат, и стойки с грохотом опрокинулись на пол. Однако канат успел спружинить, и Максвелл упал на бок, чуть не сломав ключицу, но зато его голова не коснулась каменного пола. Он рывком сдвинул очки в сторону, чтобы освободить глаза.

Артефакт над ним стремительно изменялся. Из сгустка тьмы возникало что-то, свивалось и билось в судорожном стремлении вырваться на свободу. Что-то живое, полное буйной энергии, ослепительно прекрасное.

Изящная, вытянутая вперед голова, зубчатый гребень, сбегающий от лба по шее и спине. Могучая грудь, продолговатое туловище с полусложенными крыльями, красиво изогнутые передние лапы с алмазными когтями. Сказочное создание сверкало и переливалось всеми цветами радуги в ярком свете ламп, нацеленных на Артефакт — вернее, на то место, где раньше был Артефакт. И каждая сияющая чешуйка была зеркальцем, отражающим пучки бронзовых, золотых, оранжевых и голубых лучей.

Дракон, подумал Максвелл. Дракон, возникший из черноты Артефакта! Дракон, наконец обретший свободу после миллионов лет заключения в

сгустке мрака.

Дракон! После стольких лет поисков, размышлений, неудач он все-таки увидел живого дракона!

И совсем не такого, каким он рисовался его воображению, не прозаическое создание из плоти и чешуи, но великолепнейший символ. Символ дней расцвета хрустальной планеты, а может быть, и всей той вселенной, которая канула в небытие, уступая место новой, нашей Вселенной, — древний, легендарный современник тех странных, необыкновенных рас, захиревшими жалкими потомками которых были гоблины, тролли, феи и баньши. Существо, название которого передавалось от отца к сыну тысячами и тысячами поколений, но которого до этой минуты не видел ни один человек.

Возле одной из упавших стоек замер Оп, с ужасом и удивлением глядя вверх — его кривые ноги были полусогнуты, точно он окаменел, готовясь к прыжку, окорокообразные руки свисали по бокам, пальцы были искривлены, как когти. Сильвестр припал к полу, разинув пасть, оцерив клыки. На его лапах под густой шерстью вздулись узлы мышц. Он был готов нападать и защищаться.

На плечо Максвелла легла ладонь, и он резко повернулся.

— Это дракон? — спросила Кэрол.

Ее голос был странен: точно она боялась этого слова, точно лишь с большим трудом заставила себя произнести его. Она глядела не на Максвелла, а вверх — на дракона, который, по-видимому, уже закончил свою трансформацию.

Дракон дернул длинным гибким хвостом, и Оп неуклюже припал к полу, увертываясь от удара.

Сильвестр яростно зашипел и пополз вперед.

— Сильвестр! Не смей! — крикнул Максвелл.

Оп поспешно кинулся вперед на четвереньках и ухватил Сильвестра за заднюю лапу.

— Да скажите ему что-нибудь! — потребовал Максвелл, поворачиваясь к Кэрол. — Если этот идиот сцепится с ним, произойдет черт знает что!

— Сильвестр Опа не тронет, можете не опасаться!

— Причем тут Оп? Я говорю о драконе. Если он прыгнет на дракона…

Из темноты донесся разъяренный вопль и топот ног.

— Что вы тут затеяли? — загремел сторож, выбегая на свет.

Дракон повернулся на пьедестале и соскользнул с него навстречу сторожу.

— Берегись! — рявкнул Оп, держа лапу Сильвестра железной хваткой.

Дракон двигался осторожной, почти семенящей походкой, вопросительно наклонив голову. Он взмахнул хвостом и смел на пол полдюжины чаш и кувшинов. Раздался оглушительный треск, блестящие черепки брызнули во все стороны.

— Эй, прекратите! — крикнул сторож и, по-видимому, только тут заметил дракона. Он взвизгнул и кинулся наутек. Дракон неторопливо затрусил за ним, с любопытством вытягивая шею. Его продвижение по залам музея сопровождалось грохотом и звоном.

— Если мы не уберем его отсюда, — заявил Максвелл, — тут скоро не останется ни одного целого экспоната. При таких темпах ему на это потребуется не больше пятнадцати минут. Он сотрет весь музей в порошок. И ради всего святого, Оп, не выпусти Сильвестра. Нам только не хватает боя тигра с драконом!

Он поднялся с пола, снял с головы аппарат и сунул его в карман.

— Можно открыть двери, — предложила Кэрол, — и выгнать его наружу. Я знаю, как отпи-

раются большие двери.

— Оп, а ты умеешь пасти драконов? — осведомился Максвелл.

Дракон тем временем добрался до последнего зала и повернул назад.

— Оп! — попросила Кэрол. — Помогите мне. Тут нужна сила.

— А тигр как же?

— Предоставь его мне, — распорядился Максвелл. — Может быть, он возьмет себя в руки. И вообще послушается меня.

Приближение дракона было отмечено новыми взрывами треска и грохота. Максвелл застонал. Шарп убьет его за это. И с полным правом: хотя они и друзья, но музей разгромлен, а Артефакт преобразился в буйствующее многотонное чудовище!

Максвелл осторожно направился туда, откуда донесся очередной грохот. Сильвестр, припадая к полу, последовал за ним. В темноте Максвелл с трудом различил очертания дракона, плутающего среди стендов.

— Хороший, хороший дракончик, умница! — сказал Максвелл. — Легче на поворотах, старина!

Это прозвучало довольно глупо и неубедительно. Но как вообще полагается разговаривать с

драконами?

Сильвестр испустил хриплое рычание.

— Хоть ты-то не суйся! — сердито сказал Максвелл. — И без тебя все так скверно, что дальше некуда.

А где сейчас сторож, подумал он. Наверное, звонит в полицию, так что гроза может разразиться с минуты на минуту.

Позади раздалось поскрипывание открывающихся створок огромной двери. Хоть бы дракон подождал, пока они совсем откроются! Тогда его, возможно, удастся выгнать из музея. Да, но дальше-то что?

Максвелл содрогнулся при мысли о том, как гигантское чудовище начнет резвиться на улицах городка и в академических двориках. Может быть, все-таки лучше оставить его взаперти?

Он замер в нерешительности, взвешивая минусы запертого дракона по сравнению с минусами дракона на свободе. Музей и так разнесен вдребезги, а потому довершение этого разгрома, пожалуй, все-таки предпочтительнее того, что может натворить дракон в городке.

Створки продолжали поскрипывать, расходясь. Дракон, до тех пор передвигавшийся легкой рысцой, вдруг припустился галопом в их сторону.

Максвелл стремительно повернулся, вопя:

— Двери! Закройте двери! — и еле успел отскочить с пути мчащегося дракона.

Створки остались полуоткрытыми, а Кэрол и Оп метнулись в разные стороны, стараясь предоставить как можно больше пустого пространства для надвигающегося на них чудовища, которому явно захотелось погулять.

По залам музея прокатился громовый рык, и Сильвестр помчался вдогонку за убегающим драконом.

Прижавшись к стене, Кэрол кричала:

— Сильвестр, прекрати! Не смей, Сильвестр! Не смей!

На бегу дракон нервно хлестал гибким хвостом. Разлетались витрины и столы, волчками крутились статуи. Дракон стремился к свободе, оставляя позади себя хаос и разрушение.

Максвелл со стоном бросился за Сильвестром и драконом, хотя сам не понимал, что он, собственно, собирается сделать. Меньше всего ему хотелось хватать дракона за хвост.

Дракон достиг дверей и прыгнул — прыгнул высоко в воздух, разворачивая крылья, которые загремели, как паруса под ветром.

Максвелл резко остановился в дверях, чуть

не потеряв равновесие. На нижней ступеньке крыльца Сильвестр, также с усилием затормозив, теперь тянулся всем телом вверх, негодующе рыча на летящего дракона.

Это было ошеломляющее зрелище. Лунный свет играл на поднимающихся и опускающихся крыльях, алыми, золотыми и голубоватыми огнями вспыхивал на тысячах полированных чешуек, и казалось, что в небе дрожит многоцветная радуга.

Из дверей выскочили Кэрол с Опом и тоже задрали головы.

— Как красиво! — сказала Кэрол.

— Да, не правда ли? — отозвался Максвелл.

И только тут он полностью осознал смысл случившегося: Артефакта больше не существовало и колесник лишился своей покупки. Но и он уже не мог представить хрустальной планете требуемую цену. Цепь событий, начавшаяся с дублирования его волновой схемы, когда он направлялся в систему Енотовой Шкуры, оборвалась. И если бы не эта летящая в небе радуга, можно было бы считать, что вообще ничего не произошло.

Дракон взмывал все выше, описывая расширяющиеся круги, и казался теперь просто многоцветным пятном.

— Вот так! — уныло сказал Оп. — Что мы предпримем теперь?

— Это я во всем виновата, — пробормотала Кэрол.

— Виноватых тут нет, — возразил Оп. — Неумолимый ход событий — и все.

— Ну, во всяком случае, мы сорвали Харлоу его продажу! — заметил Максвелл.

— Что да, то да, — раздался голос позади них. — Не будет ли кто-нибудь так любезен объяснить мне, что здесь происходит?

Они обернулись.

В дверях музея стоял Харлоу Шарп. В зале теперь горели все лампы, его фигура выделялась в светлом прямоугольнике дверей четким черным силуэтом.

— Музей разгромлен, — сказал Шарп, — Артефакт исчез, а тут я вижу вас двоих, как я мог бы предугадать заранее. Мисс Хэмптон, я удивлен. Я никак не ожидал найти вас в таком дурном обществе. Впрочем, этот ваш бешеный кот…

— Пожалуйста, не примешивайте сюда Сильвестра! — воскликнула она. — Он тут ни при чем!

— Так как же, Пит? — спросил Шарп.

Максвелл помотал головой.

— Мне трудно объяснить…

— Я так и предполагал, — сказал Шарп. — Когда ты разговаривал со мной сегодня вечером, ты уже имел в виду все это?

— Нет. Непредвиденная случайность.

— Дорогостоящая случайность! — заметил Шарп. — Может быть, тебе будет интересно узнать, что ты затормозил работу Института времени лет на сто, если не больше. Правда, если вы просто унесли Артефакт и где-то его припрятали, это еще можно исправить. В таком случае даю вам, мой друг, ровно пять секунд на то, чтобы вы его мне вернули.

Максвелл судорожно глотнул.

— Я его не уносил, Харлоу. И к нему даже не прикасался. Я сам не понимаю, что произошло. Он превратился в дракона.

— Во что? Во что?

— В дракона. Пойми же, Харлоу…

— Ага! — воскликнул Шарп. — Ты ведь всегда бредил драконами. И в систему Енотовой Шкуры отправился подыскать себе дракона. И вот теперь ты им обзавелся! Надеюсь, не завалящим каким-нибудь?

— Он очень красивый, — сказала Кэрол. — Золотой и сияющий.

— Чудесно. Нет, просто замечательно. Мы все

можем разбогатеть, таская его по ярмаркам. Организуем цирк и сделаем дракона гвоздем представления. Я уже вижу анонс — большими такими буквами:

«ЕДИНСТВЕННЫЙ В МИРЕ ДРАКОН»

— Но его же здесь нет, — объяснила Кэрол. — Он взял и улетел.

— Оп! А вы почему молчите? — поинтересовался Шарп. — Что с вами приключилось? Обычно вы гораздо разговорчивее. Что произошло?

— Я глубоко огорчен, — пробормотал Оп.

Шарп отвернулся от неандертальца и посмотрел на Максвелла.

— Пит, — сказал он, — возможно, ты все-таки понимаешь, что ты натворил. Сторож позвонил мне и хотел вызвать полицию. Но я велел ему подождать, пока я сам не посмотрю, что произошло. Правда, ничего подобного я все-таки же ожидал. Артефакт исчез, и, значит, я не могу вручить его покупателю и должен буду вернуть деньги — и какие деньги! — а чуть ли не половина экспонатов разбита вдребезги…

— Их разбил дракон, — объяснил Максвелл. — Прежде чем мы успели его выпустить.

— Ах, так вы его выпустили? Он не сам удрал, а вы его просто выпустили!

— Но он же громил музей. Мы совсем растерялись, ну и…

— Пит, скажи мне, только честно. А был ли дракон?

— Да, был. Его заключили в Артефакт. Но возможно, что Артефакт — это и был он. Не спрашивай меня, как это было сделано. Скорее всего, с помощью чар…

— Ах, чар!

— Но чары существуют, Харлоу. Я не знаю принципа их действия. Хотя я много лет занимался их изучением, мне так и не удалось узнать ничего конкретного.

— Мне кажется, — сказал Харлоу, — здесь кое-кого не хватает. Еще одной личности, без которой не обходится ни один такой скандал. Оп, скажите, будьте так добры, где Дух, ваш ближайший и дражайший друг?

Оп покачал головой.

— Разве за ним уследишь? Постоянно куда-нибудь исчезает.

— И это еще не все, — продолжал Шарп. — Есть еще одно обстоятельство, которое нам следует прояснить. Пропал Шекспир. Не мог ли бы кто-нибудь из вас пролить свет на это исчезновение?

— Он некоторое время был с нами, — сказал

Оп. — Мы как раз собрались поужинать, но он вдруг перепугался и удрал. Это случилось в тот момент, когда Дух припомнил, что он — дух Шекспира. Вы же знаете, как он все эти годы мучился оттого, что не знал, чей он дух.

Медленно, постепенно Шарп опустился на верхнюю ступеньку и медленно, постепенно обвел их взглядом.

— Ничего, — сказал он, — ну ничего вы не упустили, начав губить Харлоу Шарпа. Вы прекрасно справились со своей задачей.

— Мы не собирались вас губить, — возразил Оп. — Мы питаем к вам самые лучшие чувства. Но просто все пошло вкривь и вкось, да так и не остановилось.

— Я имею полное право, — сказал Шарп, — подать на вас в суд для взыскания всех убытков музея. Я должен был бы потребовать судебного постановления — и, будьте спокойны, я его добился бы! — и оно обязало бы вас всех работать на Институт времени до скончания ваших дней. Но вы все трое вместе взятые неспособны отработать и миллионной доли того, во что обошлись Институту ваши сегодняшние развлечения. Поэтому мне нет никакого смысла обращаться в суд. Хотя, полагаю, без полиции обойтись будет нельзя. Я

обязан поставить ее в известность. Так что, боюсь, вам всем придется ответить на порядочное число вопросов.

— Если бы кто-нибудь из вас только согласился меня выслушать! — пожаловался Максвелл. — Я мог бы все объяснить. Только этого я и добивался с момента моего возвращения на Землю — найти кого-то, кто бы меня выслушал. Я ведь пытался объяснить тебе ситуацию, когда мы говорили вечером…

— В таком случае, — заявил Шарп, — можешь начать объяснения немедленно. Признаюсь, мне будет любопытно их послушать. Пойдемте в мой служебный кабинет, где нам будет уютнее разговаривать. Это ведь близко — через дорогу. Или это вам неудобно? Возможно, вам еще осталось сделать два-три завершающих штриха, чтобы окончательно разорить Институт времени?

— Да нет, пожалуй, — сказал Оп. — Насколько могу судить, мы уже сделали все, что было в наших силах.

Глава 23

В приемной Шарпа им навстречу поднялся инспектор Дрейтон.

— Хорошо, что вы, наконец, пришли, доктор Шарп, — сказал он. — Произошло нечто…

Тут инспектор увидел Максвелла и на мгновение умолк.

— А, это вы! — продолжал он после короткой паузы. — Рад вас видеть. Вы-таки заставили меня погоняться за вами!

Максвелл скорчил гримасу.

— К сожалению, не могу сказать, инспектор, что ваша радость взаимна.

Уж если он мог без кого-нибудь спокойно обойтись в настоящую минуту, сказал себе Максвелл, то, конечно, без инспектора Дрейтона.

— А кто вы, собственно, такой? — резко спросил Шарп. — По какому праву вы сюда врываетесь?

— Я инспектор службы безопасности. Моя фамилия Дрейтон. Позавчера у меня была короткая беседа с профессором Максвеллом касательно его возвращения на Землю, но, боюсь, осталось еще несколько вопросов, которые…

— В таком случае, — заявил Шарп, — будьте

добры встать в очередь. У меня есть к доктору Максвеллу кое-какое дело, и, боюсь, оно важнее вашего.

— Вы меня не поняли, — терпеливо оказал Дрейтон. — Я пришел сюда не для разговора с вашим другом. Его появление с вами — всего лишь приятный сюрприз. А ваша помощь нужна мне в связи с совсем другим делом, возникшим довольно неожиданно. Видите ли, я узнал, что профессор Максвелл был в числе гостей на последнем приеме мисс Клейтон, а потому я отправился к ней…

— Ничего не понимаю! — перебил Шарп. — Ну, при чем тут Нэнси Клейтон?

— Право, не знаю, Харлоу, — сказала Нэнси Клейтон, выходя из его кабинета. — Я всегда стараюсь избегать историй. Я просто люблю, когда у меня бывают мои друзья, и, по-моему, в этом нет ничего плохого!

— Нэнси, пожалуйста, погоди! — взмолился Шарп. — Объясни сначала, что, собственно, происходит. Зачем ты пришла сюда? И зачем пришел инспектор Дрейтон? И…

— Из-за Ламберта, — сказала Нэнси.

— Из-за художника, который написал эту твою картину?

— У меня их три! — с гордостью сообщила

Нэнси.

— Но Ламберт умер пятьсот с лишним лет назад!

— Я и сама так думала, — ответила Нэнси. — Но сегодня вечером он пришел ко мне. Говорит, что заблудился.

Из кабинета, вежливо отодвинув Нэнси в сторону, вышел мужчина — высокий, крепкий, белобрысый, с лицом, изборожденным глубокими морщинами.

— Господа! — сказал он. — Кажется, речь идет обо мне? В таком случае не разрешите ли вы и мне принять участие в вашей беседе?

Его произношение производило странное впечатление, но он улыбнулся им всем такой веселой и добродушной улыбкой, что они почувствовали к нему невольную симпатию.

— Вы — Альберт Ламберт? — спросил Максвелл.

— Не кто иной, — ответил Ламберт. — Надеюсь, я вам не помешал? Но со мной приключилась большая неприятность.

— Только с вами одним? — осведомился Шарп.

— Право, не могу сказать, — сказал Ламберт. — Вероятно, неприятности приключаются со множеством людей. Однако для каждого в подоб-

ном случае вопрос ставится просто — как найти выход из положения?

— Почтеннейший! — воскликнул Шарп. — Вот над этим-то я и ломаю голову, совсем как вы.

— Разве ты не понимаешь, что Ламберт его уже нашел? — спросил Максвелл у Шарпа. — Он явился именно туда, где ему могут помочь.

— На вашем месте, молодой человек, — вмешался Дрейтон, — я держался бы потише. В тот раз вы меня провели, но теперь вам от меня так просто не отделаться. Сначала вы ответите на некоторые вопросы.

— Инспектор, — попросил Шарп, — ну, пожалуйста, не вмешивайтесь. И без вас голова идет кругом. Артефакт исчез, музей разгромлен, Шекспир пропал.

— Но мне-то, — вразумительно сказал Ламберт, — мне-то нужно всего лишь одно: вернуться домой. В мой две тысячи двадцать третий год.

— Погодите минутку, — потребовал Шарп. — Вы лезете без очереди. Я не…

— Харлоу, — перебил Максвелл, — я же тебе уже объяснял. Не далее, как сегодня вечером. Я еще спросил тебя про Симонсона. Не мог же ты забыть!

— Симонсон? А, да! — Шарп посмотрел на Лам-

берта. — Вы — тот художник, который нарисовал картину с Артефактом?

— С каким Артефактом?

— Большим черным камнем на вершине холма.

Ламберт покачал головой.

— Нет, я ее не писал. Но наверное, еще напишу. Вернее, не могу не написать. Мисс Клейтон показала ее мне, и кисть, несомненно, моя. И хотя не мне бы это говорить, но вещь получилась недурная.

— Значит, вы действительно видели Артефакт в юрском периоде?

— Когда-когда?

— Двести миллионов лет назад.

— Так давно? — удивился Ламберт. — Впрочем, я так и полагал. Там ведь были динозавры.

— Но как же вы не знали? Ведь вы путешествовали во времени.

— Беда в том, — объяснил Ламберт, — что настройка времени закапризничала. Я больше не способен попадать в то время, в которое хочу.

Шарп вскинул руки и сжал ладонями виски. Потом отнял руки от головы и проговорил:

— Давайте по порядку. Не торопясь. Сначала одно, потом другое, пока во всем не разберемся.

— Я ведь объяснил вам, — сказал Ламберт, — что хочу одного, самого простого. Я хочу вернуться домой.

— А где ваша машина времени? — спросил Шарп. — Где вы ее оставили? Мы могли бы ее наладить.

— Я ее нигде не оставлял. Я вообще не могу ее оставить. Она всегда со мной. Она у меня в голове.

— В голове?! — взвыл Шарп. — Машина времени в голове? Но это же невозможно!

Максвелл посмотрел на Шарпа и ухмыльнулся.

— Когда мы разговаривали про это сегодня вечером, — сказал он, — ты упомянул, что Симонсон не публиковал никаких сведений о своей машине времени. И вот теперь выясняется…

— Да, я тебе это сказал, — согласился Шарп. — Но кто в здравом уме и твердой памяти мог бы заподозрить, что машина времени вживляется в мозг объекта опыта? Это какой-то новый принцип. Мы прошли мимо него. — Он повернулся к Ламберту. — Вы не знаете, как она действует?

— Не имею ни малейшего представления, — ответил тот. — Мне известно только, что с тех пор, как эту штучку засунули мне в череп — весьма сложная была операция, могу вас заверить! — я

получил способность путешествовать во времени. Мне нужно было просто подумать о том, куда я хочу попасть, используя определенные несложные координаты, и я оказывался там. Но что-то разладилось. Что бы я ни думал, меня бросает вперед и назад, точно бильбоке, из эпохи в эпоху, причем совсем не в те, в которые я хотел бы попасть.

— А ведь в этом есть свои преимущества, — задумчиво произнес Шарп, ни к кому не обращаясь. — Возможность независимых действий и малый объем аппарата… несравненно меньший, чем тот, которым пользуемся мы. Иначе ведь нельзя было бы вживить его в мозг и… Ламберт, а что вам все-таки про него известно?

— Я же вам уже сказал: ничего. Меня совершенно не интересовало, как он работает. Просто Симонсон — мой друг, и…

— Но почему вы очутились здесь? Именно здесь? В данном месте и в данное время?

— Чистейшая случайность. Но, попав сюда, я решил, что этот городок выглядит куда цивилизованнее, чем многие из тех мест, куда меня заносило, и начал наводить справки, чтобы сориентироваться. По-видимому, я еще никогда не забирался так далеко в будущее, поскольку почти

сразу узнал, что вы тут уже начали путешествовать во времени и у вас есть Институт времени. Потом я прослышал про свою картину у мисс Клейтон и рассудил, что в этом случае она может отнестись ко мне благожелательно, а потому отправился к ней в надежде, что она поможет мне связаться с теми, кто мог бы оказать мне большую любезность, отправив меня домой. А пока я беседовал с ней, пришел инспектор Дрейтон…

— Мистер Ламберт! — сказала Нэнси. — Прежде чем вы будете продолжать, я хотела бы задать вам вопрос. Почему вы, когда вы были в юрской… в юрском… ну, там, где, как сказал Харлоу, вы были и написали эту свою картину…

— Вы забыли, — прервал ее Ламберт, — что я еще ничего не написал. Правда, у меня есть эскизы, и я надеюсь…

— Ну, хорошо. Так почему, когда вы начнете ее писать, вы не введете в нее динозавров? На ней динозавров нет, а вы только что сказали, что поняли, в какую древнюю эпоху попали, когда увидели там динозавров.

— Я не написал динозавров по самой простой причине, — ответил Ламберт. — Там не было динозавров.

— Но вы же сами сказали…

— Поймите, — начал терпеливо объяснять художник, — я пишу только то, что вижу. Я никогда ничего не опускаю. И никогда ничего не ввожу. А динозавров там не было, потому что другие создания, которые есть на картине, их разогнали. И я не написал ни динозавров, ни прочих.

— Прочих? — переспросил Максвелл. — О чем вы говорите? Что это были за прочие?

— Ну, те, на колесах, — ответил Ламберт.

Он умолк и обвел взглядом их ошеломленные лица.

— Я сказал какую-то неловкость?

— Нет-нет, что вы! — успокоила его Кэрол. — Продолжайте, мистер Ламберт. Расскажите нам про этих… на колесах.

— Вы, наверное, мне не поверите, — сказал Ламберт. — И я не могу вам объяснить, что они были такое. Может быть, рабы. Рабочий скот. Носильщики. Сервы. По-видимому, они были не машинами, а живыми существами, но они передвигались не с помощью ног, а с помощью колес и представляли собой что-то вроде гнезда насекомых. Ну, как пчелиный рой или муравейник. Общественные насекомые, по-видимому. Разумеется, я не жду, чтобы вы мне поверили, но даю вам честное слово…

Откуда-то издали донесся глухой нарастающий рокот, словно от быстро катящихся колес. Они замерли, прислушиваясь, и поняли, что колеса катятся по коридору. Рокот все приближался, становясь громче и громче. Внезапно он раздался у самой двери, затих на повороте, и на дороге кабинета возник колесник.

— Вот один из них! — взвизгнул Ламберт. — Что он тут делает?

— Мистер Мармадьюк, — сказал Максвелл, — я рад снова увидеться с вами.

— Нет, — сказал колесник. — Не мистер Мармадьюк. Так называемого мистера Мармадьюка вы больше не увидите. Он в большой немилости. Он совершил непростительную ошибку.

Сильвестр двинулся было вперед, но Оп быстро протянул руку, ухватил его за загривок и не выпустил, как ни старался тигренок вывернуться.

— Гуманоид, известный под именем Харлоу Шарп, заключил условие о продаже. Кто из вас Харлоу Шарп?

— Это я, — сказал Шарп.

— В таком случае, сэр, я должен спросить вас, как вы думаете выполнить указанное условие?

— Я ничего не могу сделать, — ответил Шарп. — Артефакт исчез и не может быть вам вручен.

Ваши деньги, разумеется, будут вам немедленно возвращены.

— Этого, мистер Шарп, окажется недостаточно, — сказал колесник. — Далеко, далеко недостаточно. Мы возбудим против вас преследование по закону. Мы пустим против вас в ход все, чем мы располагаем. Мы сделаем все, чтобы ввергнуть вас в разорение и…

— Ах ты, самоходная тачка! — вдруг взорвался Шарп. — На какой это закон вы думаете ссылаться? Галактический закон неприложим к таким тварям! И если вы воображаете, что можете являться сюда и угрожать мне…

В проеме двери из ничего возник Дух.

— Явился, наконец! — взревел Оп сердито. — Где тебя носило всю ночь? Куда ты девал Шекспира?

— Бард в безопасном месте, — ответил Дух, — но у меня другие известия. — Рукав его одеяния взметнулся, указывая на колесника. — Его сородичи ворвались в заповедник гоблинов и ловят дракона!

Так, значит, они с самого начала охотились именно за драконом, несколько нелогично подумал Максвелл. Значит, колесники всегда знали, что в Артефакте скрыт дракон? И сам себе ответил — да, конечно, знали! Ведь это они сами или

их предки жили на Земле в юрский период. В юрский период — на Земле? А в какие времена на разных других планетах? Ламберт назвал их сервами, носильщиками, рабочим скотом. Были ли они биологическими роботами, которых создали эти древние существа? А может быть, одомашненными животными, приспособленными с помощью генетической обработки к выполнению определенных функций?

И вот теперь эти бывшие рабы, создав собственную империю, пробуют завладеть тем, что с некоторым правом могут считать своим. Потому что больше нигде во всем мире, исключая разрозненные, вымирающие остатки былых поселений, не осталось иных следов гигантского замысла освоить новую юную вселенную, о котором мечтала хрустальная планета.

И может быть, может быть, подумал Максвелл, это наследие и должно принадлежать им. Ибо осуществление этого замысла опиралось на их труд.

И не пытался ли умирающий баньши, томимый сознанием давней вины, не пытался ли он искупить прошлое, когда обманул хрустальную планету, чтобы помочь этим бывшим рабам? Или он полагал, что лучше отдать это наследие

не чужакам, а существам, которые сыграли свою роль — пусть небольшую, пусть чисто служебную — в подготовке к осуществлению великого замысла, который так и не удалось привести в исполнение?

— То есть пока вы стоите здесь и угрожаете мне, — говорил Шарп колеснику, — ваши бандиты…

— Уж они ничего не упустят, — вставил Оп.

— Дракон, — сказал Дух, — отправился в единственное родное и близкое место, какое ему удалось отыскать на этой планете. Он полетел туда, где живет маленький народец, в надежде увидеть вновь своих сородичей, парящих в лунном свете над речной долиной. И тут на него с воздуха напали колесники, пытаясь прижать его к земле, чтобы там схватить. Дракон доблестно отбивает их атаки, но…

— Колесники не умеют летать, — перебил его Шарп. — И вы сказали, что их там много. Этого не может быть. Мистер Мармадьюк был единственным…

— Возможно, и считается, что они не могут летать, — возразил Дух. — Но вот летают же! А почему их много, я не знаю. Может быть, они все время были здесь и прятались, а может быть,

пополнение к ним прибывает с передаточных станций.

— Ну, этому мы можем положить конец! — воскликнул Максвелл. — Надо поставить в известность транспортников, и…

Шарп покачал головой.

— Нет. Транспортная система не принадлежит Земле. Это межгалактическая организация. Мы не имеем права вмешиваться…

— Мистер Мармадьюк, — сказал инспектор Дрейтон самым официальным своим тоном, — или как бы вы там себя ни называли, судя по всему, я должен вас арестовать.

— Прекратите словоизлияния! — воскликнул Дух. — Маленькому народцу нужна помощь.

Максвелл схватил стул.

— Довольно дурачиться! — сказал он и, занеся стул над головой, обратился к колеснику. — Нука, выкладывайте все начистоту, иначе я вас в лепешку расшибу!

Внезапно из груди колесника высунулись наконечники сопел и раздалось пронзительное шипение. В лицо людям ударила невыносимая вонь, смрад, который бил по желудку, как тяжелый кулак, вызывая мучительную тошноту.

Максвелл почувствовал, что падает на пол

— тело перестало ему повиноваться и словно связалось в узлы, парализованное зловонием, которое выбрасывал колесник. Он схватил себя за горло, задыхаясь, жадно глотая воздух, но воздуха не было, был только густой удушливый смрад.

Над его головой раздался ужасающий визг, и, перекатившись на бок, он увидел Сильвестра — вцепившись передними лапами в верхнюю часть тела колесника, тигренок рвал когтями мощных задних лап пухлое прозрачное брюхо, в котором извивалась отвратительная масса белесых насекомых. Колеса колесника отчаянно вращались, но с ними что-то произошло: одно колесо вертелось в одну сторону, а другое — в противоположную, в результате чего колесник волчком вертелся на месте, а Сильвестр висел на нем, терзая его брюхо. Максвеллу вдруг показалось, что они танцуют нелепый стремительный вальс.

Чья-то рука ухватила Максвелла за локоть и бесцеремонно поволокла по полу. Его тело стукнулось о порог, и он, наконец, глотнул более или менее чистого воздуха.

Максвелл перекатился на живот, встал на четвереньки и с трудом поднялся на ноги. Потом кулаками протер слезящиеся глаза. Вонь до-

стигла и коридора, но тут все-таки можно было кое-как дышать.

Шарп сидел, привалившись к стене, судорожно кашлял и тер глаза. Кэрол скорчилась в углу. Оп, согнувшись в три погибели, тащил из отравленной комнаты бесчувственную Нэнси, а оттуда по-прежнему доносился свирепый визг саблезубого тигра, расправляющегося с врагом.

Максвелл, пошатываясь, побрел к Кэрол, поднял ее, вскинул на плечо, как мешок, повернулся и заковылял по коридору к выходу.

Шагов через двадцать он остановился и оглянулся. В этот момент из двери приемной выскочил колесник. Он наконец стряхнул с себя Сильвестра, и оба колеса вращались теперь в одну сторону. Он двигался по коридору, выписывая фантастические вензеля, прихрамывая — если только существо на колесах способно прихрамывать, — натыкаясь на стены. Из огромной прорехи в его животе на пол сыпались какие-то маленькие белые крупинки.

Шагах в десяти от Максвелла колесник упал, потому что одно из колес, ударившись о стену, прогнулось. Медленно, с каким-то странным достоинством колесник перевернулся, и из его живота хлынул поток насекомых, образовавших

на полу порядочную кучу.

По коридору крадущейся походкой скользил Сильвестр. Он припадал на брюхо, вытягивал морду и осторожными шажками подбирался к своей жертве.

За тигренком шел Оп, а за неандертальцем — все остальные.

— Вы могли бы спустить меня на пол, — сказала Кэрол.

Максвелл бережно опустил ее и помог встать на ноги. Она прислонилась к стене и негодующе заявила:

— По-моему, трудно придумать более нелепый способ переноски. Тащить женщину, как узел с тряпьем! Где ваша галантность?

— Прошу прощения, — сказал Максвелл. — Мне, конечно, следовало оставить вас на полу.

Сильвестр остановился и, вытянув шею, обнюхал колесника. Он наморщил нос, и на его морде было написано брезгливое недоумение. Колесник не подавал никаких признаков жизни. Сильвестр удовлетворенно попятился, присел на задние лапы и принялся умываться. На полу возле неподвижного колесника копошилась куча насекомых. Около десятка их ползло к выходу.

Шарп быстро прошел мимо колесника.

— Идемте, — сказал он, — Надо выбраться отсюда.

В коридоре все еще висела отвратительная вонь.

— Но что произошло? — жалобно спросила Нэнси. — Почему мистер Мармадьюк…

— Горстка жуков-вонючек, и ничего больше! — объяснил ей Оп. — Нет, вы подумайте! Галактическая раса жучков-вонючек! И они нагнали на нас страху!

Инспектор Дрейтон встал поперек коридора.

— Боюсь, — сказал он внушительно, — что вам всем придется пойти со мной. Мне понадобятся ваши показания.

— Показания? — злобно повторил Шарп. — Да вы с ума сошли! Какие там показания, когда дракон на воле и…

— Но ведь был убит внеземлянин! — возразил Дрейтон. — И не простой внеземлянин, а представитель наших возможных врагов. Это может привести к самым непредвиденным последствиям.

— Да запишите просто: «Убит диким зверем», — посоветовал Оп.

— Оп, как вы смеете! — вспылила Кэрол. — Сильвестр совсем не дикий. Он ласков, как

котенок. И он вовсе не зверь!

— А где Дух? — спросил Максвелл, оглядываясь.

— Смылся, — ответил Оп. — Его обычная манера, когда дело начинает пахнуть керосином. Трус он, и больше ничего.

— Но он же сказал…

— Правильно, — отозвался Оп. — И мы напрасно тратим время. О`Тулу нужна помощь.

Глава 24

Мистер О`Тул ждал их у шоссе.

— Я знал, что вы не преминете прибыть, — приветствовал он их, едва они сошли с полосы. — Дух сказал, что разыщет вас и оповестит. А вам безотлагательно потребен кто-то, кто сумеет вразумить троллей, которые попрятались в мосту, бессмысленно бормочут и не слушают никаких доводов.

— Но при чем тут тролли? — спросил Максвелл. — Хоть раз в жизни не могли бы вы забыть про троллей?

— Тролли, — возразил мистер О'Тул, — как они ни подлы, одни лишь способны оказать нам помощь. Они ведь единственные, кто, не вкусив плодов цивилизации с ее множеством удобств, сохранили сноровку в колдовстве былых времен, и специализируются на самых черных, самых вредных чарах. Феи, естественно, также хранят заветы старины, но их волшебство направлено лишь на все доброе, а доброта это не то, в чем мы нуждаемся сейчас.

— Не могли бы вы объяснить нам, что, собственно, происходит? — попросил Шарп. — Дух

испарился, ничего толком не сказав.

— С удовольствием, — ответил гоблин. — Но прежде отправимся в путь, не мешкая, и я поведаю вам все обстоятельства на ходу. Нам не осталось времени, чтобы терять его зря, а тролли упрямы, и много потребуется убеждений, дабы они согласились помочь нам. Они засели в замшелых камнях своего дурацкого моста и хихикают, как умалишенные. Хотя, как ни горька такая правда, но этим грязным троллям и лишаться-то нечего!

Они начали гуськом подниматься вверх по узкому оврагу, разделявшему две гряды холмов. Небо на востоке посветлело, но на тропинке, вьющейся среди кустов под густыми деревьями, было совсем темно. Там и сям уже звучал щебет просыпающихся птиц, а где-то на холме верещал енот.

— Дракон прилетел к нам, — рассказывал О`Тул. — В единственное место на Земле, где он еще мог найти близких себе, а колесники — которые в древние времена назывались совсем по-другому напали на него, как метлы, летящие боевым строем. Нельзя позволить, чтобы они принудили его спуститься на землю, ибо тогда они без труда изловят его и утащат к себе. И поистине, он сражается доблестно и отражает

их натиск, но он начинает уставать, и нам надо торопиться, если мы хотим поспособствовать ему в тяжелую минуту.

— И вы рассчитываете, — сказал Максвелл, — что тролли сумеют остановить колесников в воздухе, как они остановили автолет?

— Вы догадливы, друг мой. Именно это я и замыслил. Но поганцы тролли задумали погреть здесь руки.

— Я никогда не слышал, что колесники умеют летать, — сказал Шарп. — Все, которых я видел, только катались по твердой земле.

— Умений их не перечесть, — ответил О`Тул. — Они способны сотворять из своих тел разные приспособления, которые ни назвать, ни вообразить невозможно. Трубки, чтобы выбрасывать гнусный газ, пистолеты, чтобы поражать врагов смертоносными громами, реактивные двигатели для метел, что движутся с дивной быстротой. И всегда они замышляют только подлости и зло. Сколько ни прошло веков, а они, все еще полные злобы и мести, затаились в глубинах вселенной, лелея и вынашивая в своих смрадных умах планы, как стать тем, чем им никогда не стать, ибо они всегда были только слугами и слугами они останутся.

— Но к чему нам возиться с троллями? — растерянно спросил Дрейтон. — Я мог бы вызвать орудия и самолеты…

— Не валяйте дурака, — сердито ответил Шарп. — Мы их пальцем тронуть не можем. Нам необходимо обойтись без инцидента. Люди не могут вмешиваться в дело, которое обитатели холмов и их прежние служители должны разрешить между собой.

— Но ведь тигр уже убил…

— Тигр. А не человек. Мы можем…

— Сильвестр только защищал нас! — вмешалась Кэрол.

— Нельзя ли идти не так быстро? — взмолилась Нэнси. — Я не привыкла…

— Обопритесь на мою руку, — предложил Ламберт. — Тропа тут действительно очень крута.

— Знаешь, Пит, — радостно сказала Нэнси, — мистер Ламберт согласился погостить у меня год-другой и написать для меня несколько картин. Как мило с его стороны, не правда ли?

— Да, — сказал Максвелл. — Да, конечно.

Тропа, которая до сих пор вилась вверх по склону, круто пошла вниз, к оврагу, усыпанному огромными камнями, в полусвете раннего утра напоминавшими приготовившихся к прыжку

горбатых зверей. Через овраг был переброшен мост, казалось доставленный сюда прямо с одной из дорог средневековья. Поглядев на него, Максвелл усомнился, действительно ли его построили всего несколько десятилетий назад, когда создавался заповедник.

И неужели, подумал он, прошло всего двое суток с того момента, когда он вернулся на Землю и попал прямо в кабинет инспектора Дрейтона? За этот срок произошло столько событий, что они, казалось, никак не могли вместиться в сорок восемь часов. И столько произошло — и продолжает происходить — самого невероятного! Но от исхода этих событий, возможно, зависели судьбы человечества и союза дружбы, который человек создал среди звезд.

Он попытался вызвать в своей душе ненависть к колесникам, но ненависти не было. Они были слишком чужды людям, слишком от них далеки, чтобы внушать ненависть. Они представлялись некоей абстракцией зла, а не злыми ожесточенными существами, хотя, как он прекрасно понимал, это не делало их менее опасными. Например, тот, другой Питер Максвелл: его, конечно, убили колесники — ведь там, где его нашли, в воздухе чувствовался странный, отвратительный запах

— и теперь, после тех нескольких минут в кабинете Шарпа, Максвелл легко представил себе, что это был за запах. А убили его колесники потому, что, по их сведениям, первым на Землю должен был вернуться Максвелл, попавший на хрустальную планету, и, убив его, они рассчитывали помешать ему сорвать переговоры, которые они вели о покупке Артефакта. Когда же появился второй Максвелл, они уже не рискнули прибегнуть к такому опасному средству вторично, а потому мистер Мармадьюк попытался подкупить его.

И тут Максвелл вспомнил, какую роль сыграл во всем этом Монти Черчилл, и обещал себе по завершении нынешнего утра, каким бы ни оказался исход, отыскать его и скрупулезно свести с ним счеты по всем статьям.

Тем временем они приблизились к мосту, прошли под ним и остановились.

— Эй вы! Ничтожные тролли! — завопил мистер О`Тул, обращаясь к безмолвным камням. — Нас много пришло сюда побеседовать с вами!

— Ну-ка, замолчите! — сказал Максвелл, обращаясь к О`Тулу. — И вообще не вмешивайтесь. Вы же не ладите с троллями.

— А кто, — возмущенно спросил О`Тул, — поладить с ними может? Упрямцы без чести они, и

разум со здравым смыслом равно им чужд!

— Замолчите, и ни слова больше, — повторил Максвелл.

Все они умолкли, и вокруг воцарилась глубокая тишина нарождающегося утра, а потом из-под дальнего конца моста донесся писклявый голос.

— Кто тут? — спросил голос. — Если вы пришли помыкать нами, мы не поддадимся! Крикун О`Тул все эти годы помыкал нами и поносил нас, и больше мы терпеть не будем.

— Меня зовут Максвелл, — ответил Максвелл невидимому парламентеру. — И я пришел не помыкать вами, я пришел просить о помощи.

— Максвелл? Добрый друг О`Тула?

— Добрый друг всех вас. И каждого из вас. Я сидел с умирающим баньши, заменяя тех, кто не захотел прийти к нему в последние минуты.

— И все равно ты пьешь с О`Тулом, да-да! И разговариваешь с ним, да! И веришь его напраслине.

О`Тул выскочил вперед, подпрыгивая от ярости.

— Вот это я вам в глотки вобью, — взвизгнул он. — Дайте мне только наложить лапы на их мерзкие шеи…

Он внезапно умолк, потому что Шарп ухватил

его сзади за штаны и поднял, не обращая внимания на его бессвязные гневные вопли.

— Валяй! — сказал Шарп Максвеллу. — А если этот бахвальщик еще посмеет рот раскрыть, я окуну его в первую попавшуюся лужу.

Сильвестр подобрался к Шарпу, вытянул морду и начал изящно обнюхивать болтающегося в воздухе О`Тула. Гоблин замахал руками, как ветряная мельница.

— Отгоните его! — взвизгнул он.

— Он думает, что ты мышь, — объяснил Оп. — И взвешивает, стоишь ли ты хлопот.

Шарп попятился и пнул Сильвестра в ребра.

Сильвестр с рычанием отскочил.

— Харлоу Шарп! — закричала Кэрол, кидаясь к нему. — Если вы позволите себе еще раз ударить Сильвестра, я… я…

— Да заткнитесь же! — вне себя от бешенства крикнул Максвелл. — Все заткнитесь. Дракон там бьется из последних сил, а вы тут затеваете свары!

Все замолчали и отошли в сторону. Максвелл выдержал паузу, а потом обратился к троллям.

— Мне неизвестно, что произошло раньше, — сказал он. — Я не знаю причины вашей ссоры. Но нам нужна ваша помощь, и вы должны нам

помочь. Я обещаю вам, что все будет честно и справедливо, но если вы не поведете себя разумно, мы проверим, что останется от вашего моста после того, как в него заложат два заряда взрывчатки.

Из-под моста донесся тихий писклявый голосок.

— Но ведь мы только всего и хотели, мы только всего и просили, чтобы крикун О`Тул сварил нам бочонок сладкого октябрьского эля.

— Это правда? — спросил Максвелл, оглядываясь на гоблина.

Шарп поставил О`Тула на землю, чтобы тот мог ответить.

— Эта же будет неслыханное нарушение всех прецедентов! — возопил О`Тул. — Вот что это такое! С незапамятных времен только мы, гоблины, варим радующий сердце эль. И сами его выпиваем. Мы не можем сварить больше, чем мы можем выпить. А если сварить его для троллей, тогда и феи потребуют…

— Но ты же знаешь, — перебил его Оп, — что феи не пьют эля. Они ничего не пьют, кроме молока. И эльфы тоже.

— Из-за вас нас всех мучит жажда, — вопил О`Тул. — Неизмеримый тяжкий труд мы тратим,

чтобы сварить его столько, сколько нужно нам! И времени, и размышлений, и усилий!

— Если вопрос только в производительности, — вмешался Шарп, — то ведь мы могли бы вам помочь.

Мистер О`Тул в бешенстве запрыгал на месте.

— А жучки?! — неистовствовал он. — А что будет с жучками? Вы не допустите их в эль, я знаю, пока он будет бродить. Уж эти мне гнусные правила санитарии и гигиены! А чтобы октябрьский эль удался на славу, в него должны падать жучки и всякая другая пакость, не то душистости в нем той не будет!

— Мы набросаем в него жучков, — пообещал Оп. — Наберем целое ведро и высыпем в чан.

О`Тул захлебывался от ярости. Его лицо побагровело,

— Невежество! — визжал он. — Жуков ведрами в него не сыплют. Жуки сами падают в него с дивной избирательностью и…

Его речь завершилась булькающим визгом и воплем Кэрол:

— Сильвестр! Не смей!

О`Тул, болтая руками и ногами, свешивался из пасти Сильвестра, который задрал голову так, что ноги гоблина не могли дотянуться до земли.

Оп с хохотом повалился на пожухлую траву, колотя по ней кулаками.

— Он думает, что О`Тул — это мышка! — вопил неандерталец. — Вы посмотрите на эту кисаньку! Она поймала мышку!

Сильвестр держал О`Тула очень осторожно, раня только его достоинство. Он почти не сжимал зубов, но огромные клыки не позволяли гоблину вырваться.

Шарп занес ногу для пинка.

— Нет! — крикнула Кэрол. — Только посмейте!

Шарп в нерешительности застыл на одной ноге.

— Оставь, Харлоу, — сказал Максвелл. — Пусть себе играет с О`Тулом. Он ведь так отличился сегодня у тебя в кабинете, что заслужил награду.

— Хорошо! — в отчаянии завопил О`Тул. — Мы сварим им бочонок эля! Два бочонка!

— Три! — пискнул голос из-под моста.

— Ладно, три, — согласился гоблин.

— И без увиливаний? — спросил Максвелл.

— Мы, гоблины, никогда не увиливаем, — заявил О`Тул.

— Ладно, Харлоу, — сказал Максвелл. — Дай ему хорошего пинка.

Шарп снова занес ногу. Сильвестр отпустил

О`Тула и попятился.

Из моста хлынул поток троллей — возбужденно вопя, они кинулись на холм.

Люди начали взбираться по склону вслед за троллями.

Кэрол, которая шла впереди Максвелла, споткнулась и упала. Он помог ей подняться, но она вырвала у него руку и повернулась к нему, пылая гневом:

— Не смейте ко мне прикасаться! И разговаривать со мной не смейте! Вы велели Харлоу дать Сильвестру хорошего пинка! И накричали на меня! Сказали, чтобы я заткнулась!

Она повернулась и бросилась вверх по склону почти бегом. Максвелл несколько секунд ошеломленно смотрел ей вслед, а потом начал карабкаться прямо на обрыв, цепляясь за кусты и камни.

С вершины холма донеслись радостные вопли, и Максвелл увидел, как с неба, бешено вращая колесами, скатился большой черный шар и под треск ломающихся веток исчез в лесу справа от него. Он остановился, задрал голову и увидел, что над вершинами деревьев два черных шара мчатся прямо навстречу друг другу. Они не свернули в сторону, не снизили скорости. Столкнувшись,

они взорвались. Максвелл проводил взглядом кувыркающиеся в воздухе обломки. Через секунду они дождем обрушились на лес.

Вверху на обрыве все еще слышались радостные крики, и вдали, у вершины холма, вздымающегося по ту сторону оврага, что-то, скрытое от его взгляда, тяжело ударилось о землю.

Максвелл полез дальше. Вокруг никого не было.

Вот и кончилось, сказал он себе. Тролли сделали свое дело, и дракон может теперь опуститься на землю. Максвелл усмехнулся. Столько лет он разыскивал дракона, и вот, наконец, дракон, но так ли все просто? Что такое дракон и почему он был заключен в Артефакте, или превращен в Артефакт, или что там с ним сделали?

Странно, что Артефакт сопротивлялся любым воздействиям, не давая проникнуть в себя, пока он не надел переводящий аппарат и не посмотрел на черный брус сквозь очки. Так что же высвободило дракона из Артефакта? Несомненно, переводящий аппарат дал к этому какой-то толчок, но самый процесс оставался тайной. Впрочем, тайной, известной обитателям хрустальной планеты в числе многих и многих других, еще скрытых от жителей новой вселенной. Да, но случайно ли

переводящий аппарат попал в его чемодан? Не положили ли его туда для того, чтобы он вызвал то превращение, которое вызвал? И вообще, действительно ли это был переводящий аппарат или совсем иной прибор, которому придали тот же внешний вид?

Максвелл вспомнил, что одно время он раздумывал, не был ли Артефакт богом маленького народца или тех неведомых существ, которые на заре земной истории вступали в общение с маленьким народцем. Так, может быть, он и не ошибся? Не был ли дракон богом из каких-то невообразимо древних времен?

Он снова начал карабкаться на обрыв, но уже не торопясь, потому что спешить больше было некуда. Впервые после того, как он возвратился с хрустальной планеты, его оставило ощущение, что нельзя терять ни минуты.

Максвелл уже достиг подножия холма, когда вдруг услышал музыку — сперва такую тихую и приглушенную, что он даже усомнился, не чудится ли она ему.

Он остановился и прислушался. Да, это, несомненно, была музыка.

Из-за горизонта высунулся краешек солнца, ослепительный сноп лучей озарил вершины де-

ревьев на склоне над ним, и они заиграли всеми яркими красками осени. Но склон под ним все еще был погружен в сумрак.

Максвелл стоял и слушал — музыка была, как звон серебряной воды, бегущей по счастливым камням. Неземная музыка. Музыка фей. Да-да. Слева от него на лужайке фей играл их оркестр. Оркестр фей! Феи, танцующие на лужайке! Он никогда еще этого не видел, и вот теперь ему представился случай! Максвелл свернул влево и начал бесшумно пробираться к лужайке.

— Пожалуйста! — шептал он про себя. — Ну, пожалуйста, не исчезайте! Не надо меня бояться. Пожалуйста, останьтесь и дайте посмотреть на вас!

Он подкрался уже совсем близко. Вон за этим валуном! А музыка все не смолкала.

Максвелл на четвереньках пополз вокруг валуна, стараясь не дышать.

И вот — он увидел!

Оркестранты сидели рядком на бревне у опушки и играли, а утренние лучи солнца блестели на их радужных крылышках и на сверкающих инструментах. Но на лужайке фей не было. Там танцевала только одна пара, которую Максвелл никак не ожидал увидеть в этом месте. Две

чистые и простые души, каким только и дано танцевать под музыку фей.

Лицом друг к другу, двигаясь в такт волшебной музыке, на лужайке плясали Дух и Вильям Шекспир.

Глава 25

Дракон расположился на зубчатой стене замка, и солнце озаряло его многоцветное тело. Далеко внизу, в долине, река Висконсин, синяя, как уже забытое летнее небо, струила свои воды между пламенеющими лесными чащами. Со двора замка доносились звуки веселой пирушки — гоблины и тролли, на время забыв вражду, пили октябрьский эль, гремя огромными кружками по столам, которые ради торжественного случая были вынесены из зала, и распевали древние песни, сложенные в те далекие времена, когда такого существа, как Человек, не было еще и в помине.

Максвелл сидел на ушедшем в землю валуне и смотрел на долину. В десяти шагах от него, там, где обрыв круто уходил на сто с лишним футов вниз, рос старый искривленный кедр — искривленный ветрами, проносившимися по этой долине несчетное количество лет. Его кора была серебристо-серой, хвоя светло-зеленой и душистой. Ее бодрящий аромат доносился даже до того места, где сидел Максвелл.

Вот все и кончилось благополучно, сказал он себе. Правда, у них нет Артефакта, который мож-

но было бы предложить обитателям хрустальной планеты в обмен на их библиотеку, но зато вон там, на стене замка, лежит дракон, а возможно, именно он и был настоящей ценой. Но если и нет, колесники проиграли, а это, пожалуй, еще важнее.

Все получилось отлично. Даже лучше, чем он мог надеяться. Если не считать того, что теперь все на него злы. Кэрол — потому что он сказал, чтобы Харлоу пнул Сильвестра, а ее попросил заткнуться.

О`Тул — потому что он оставил его в пасти Сильвестра и тем принудил уступить троллям. Харлоу наверняка еще не простил ему сорванную продажу Артефакта и разгром музея. Но может быть, заполучив назад Шекспира, он немного отойдет. И конечно, Дрейтон, который, наверное, еще прицеливается снять с него допрос, и Лонгфелло в ректорате, который ни при каких обстоятельствах не проникнется к нему симпатией.

Иногда, сказал себе Максвелл, любить что-то, бороться за что-то — это дорогое удовольствие. Возможно, истинную мудрость жизни постигли только люди типа Нэнси Клейтон — пустоголовой Нэнси, у которой гостят знаменитости и которая устраивает сказочные приемы.

Он почувствовал мягкий толчок в спину и обернулся. Сильвестр немедленно облизал его щеки жестким шершавым языком.

— Не смей! — сказал Максвелл. — У тебя не язык, а терка.

Сильвестр довольно замурлыкал и устроился рядом с Максвеллом, тесно к нему прижавшись. И они начали вместе смотреть на долину.

— Тебе легко живется, — сообщил Максвелл тигренку. — Нет у тебя никаких забот, живешь себе и в ус не дуешь.

Под чьей-то подошвой хрустнули камешки. Чей-то голос сказал:

— Вы прикарманили моего тигра. Можно, я сяду рядом и тоже им попользуюсь?

— Ну конечно, садитесь! — отозвался Максвелл. — Я сейчас подвинусь. Мне казалось, что вы больше не хотите со мной разговаривать.

— Там, внизу, вы вели себя гнусно, — сказала Кэрол, — и очень мне не понравились. Но вероятно, у вас не было выбора.

На кедр опустилось темное облако.

Кэрол ахнула и прижалась к Максвеллу. Он крепко обнял ее одной рукой.

— Все в порядке, — сказал он. — Это только баньши.

— Но у него же нет тела! Нет лица! Только бесформенное облако…

— В этом нет ничего странного, — сказал ей баньши. — Так мы созданы, те двое из нас, которые еще остались. Большие грязные полотенца, колышущиеся в небе. И не бойтесь — человек, который сидит рядом с вами, — наш друг.

— Но третий не был ни моим другом, ни другом всего человечества, сказал Максвелл. — Он продал нас колесникам.

— И все-таки ты сидел с ним, когда остальные не захотели прийти.

— Да. Это долг, который следует отдавать даже злейшему врагу.

— Значит, — сказал баньши, — ты способен что-то понять. Колесники ведь были одними из нас и, может быть, еще останутся одними из нас. Древние узы рвутся нелегко.

— Мне кажется, я понимаю, — сказал Максвелл. — Что я могу сделать для тебя?

— Я явился только для того, чтобы сообщить тебе, что место, которое вы называете хрустальной планетой, извещено обо всем, — сказал баньши.

— Им нужен дракон? — спросил Максвелл. — Тебе придется дать нам их координаты.

— Координаты будут даны Транспортному цен-

тру. Вам надо будет отправиться туда — и тебе и многим другим, — чтобы доставить на Землю библиотеку. Но дракон останется на Земле, здесь, в заповеднике гоблинов.

— Я не понимаю, — сказал Максвелл. — Им же нужен был…

— Артефакт, — докончил баньши. — Чтобы освободить дракона. Он слишком долго оставался в заключении.

— С юрского периода, — добавил Максвелл. — Я согласен: это слишком долгий срок.

— Но так произошло против нашей воли, — сказал баньши. — Вы завладели им прежде, чем мы успели вернуть ему свободу, и мы думали, что он пропал бесследно. Артефакт должен был обеспечить ему безопасность, пока колония на Земле не утвердилась бы настолько, чтобы могла его оберегать.

— Оберегать? Почему его нужно было оберегать?

— Потому что, — ответил баньши, — он последний в своем роду и очень дорог всем нам. Он последний из… из… я не знаю, как это выразить… У вас есть существа, которых вы зовете собаками и кошками.

— Да, — сказала Кэрол. — Вот одно из них сидит

здесь с нами.

— Предметы забавы, — продолжал баньши. — И все же гораздо, гораздо больше, чем просто предметы забавы. Существа, которые были вашими спутниками с первых дней вашей истории. А дракон — то же самое для обитателей хрустальной планеты. Их последний четвероногий друг. Они состарились, они скоро исчезнут. И они не могут бросить своего четвероногого друга на произвол судьбы. Они хотят отдать его в заботливые и любящие руки.

— Гоблины будут о нем хорошо заботиться, — сказала Кэрол. — И тролли, и феи, и все остальные обитатели холмов. Они будут им гордиться. Они его совсем избалуют.

— И люди тоже?

— И люди тоже, — повторила она.

Они не уловили, как он исчез. Только его уже не было. И даже грязное полотенце не колыхалось в небе. Кедр был пуст.

Четвероногий друг, подумал Максвелл. Не бог, а домашний зверь, И все-таки вряд ли это так просто и плоско. Когда люди научились конструировать биомеханические организмы, кого они создали в первую очередь? Не других людей — во всяком случае, вначале — не рабочий скот, не

роботов, предназначенных для одной какой-нибудь функции. Они создали четвероногих друзей. Кэрол потерлась о его плечо.

— О чем вы думаете, Пит?

— О приглашении. О том, чтобы пригласить вас пообедать со мной. Один раз вы уже согласились, но все получилось как-то нескладно. Может, попробуете еще раз?

— В «Свинье и Свистке»?

— Если хотите.

— Без Опа и без Духа. Без любителей скандалов.

— Но конечно, с Сильвестром.

— Нет, — сказала Кэрол. — Только вы и я. А Сильвестр останется дома. Ему пора привыкать к тому, что он уже не маленький.

Они поднялись с валуна и направились к замку.

Сильвестр поглядел на дракона, разлегшегося на зубчатой стене, и зарычал.

Дракон опустил голову на гибкой шее и посмотрел тигренку прямо в глаза. И показал ему длинный раздвоенный язык.